Вл. Горький

РУССКАЯ КОЧЕРГА

или
Трагикомедии смутного времени,
когда курс доллара сменил курс партии

(Мениппея-библия XXI века)

© 2016

Необходимые предупреждения

Все совпадения с реальными и нереальными лицами и событиями следует считать злостными и преднамеренными. Всем, кто по прочтении этой книги обидится, автор выражает глубокое соболезнование!

Все имена персонажей настоящего повествования истинны, должности их не искажены, взгляды не выморочены, а вот мотивы поступков извращены в интересах исторического следствия!

Во время написания этой книги от руки автор пострадали все без исключения персонажи!

Будьте внимательны и бдительны! Иллюзии читателя могут быть развеяны! Книга может причинить душевную боль!

В соответствие с проектом закона, внесённого на рассмотрение в Мажилис Республики Саксаулия, чтение данной книги запрещено с 22.00 вечера до 7.00 утра, как содержащей сцены интеллектуального насилия и трансцендентальной жестокости!

Автор от души благодарит русский алфавит за любезно предоставленные буквы!

Часть 0.
В мае 99-го

Свобода начинается с иронии.
Викто́р Жозефович Гюго

Глава 1. НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ

В один из весенних дней 1999 года, а именно 30 апреля, в славном городе Отцеябловске, что являлся столицей Республики Саксаулии, на пространстве, зажатом с одной стороны улицей имени знатного саксаульца Жубанова, и с другой – Бермудским Учпучмаком, появился незнакомец, имеющий дородность римского сенатора и выражение лица человека, пресыщенного жизненными благами. Обозначил своё появление он с того, что внимательно разглядел жилой дом, который как раз и размещался между означенными географическими объектами.

«Занятный архитектурный выкидыш», подумал незнакомец. И было отчего появиться такой мысли. Дом существовал в трёхэтажном варианте, и в народе назывался хрущёвским. Именно в таких социалистических берлогах по замыслу великого архитектора первого секретаря ЦК КПСС (б) Никиты Хрущёва советским людям предлагалось жить при коммунизме. Когда-то давно этот исторический персонаж пообещал всем советским людям, что скоро, году эдак в 1980-м, в стране будет построен коммунизм, и вот тогда уже на этом самом месте и возведут дворцы, а пока и так сойдёт – всё лучше, чем в бараке!

Поменять метрику пространства, как называл незнакомец переезд в новое жилище, заставило его следующее обстоятельство: ранее он жил неподалёку отсюда в однокомнатной квартирке крупнопанельного дома, но в какой-то момент понял, что его творческой натуре стало тесно на 26 квадратных метрах. Итогом этих терзаний и стало переселение тела на более удобные для его физиологии и психики 44 метра – также квадратных, хотя для его деятельной натуры лучше бы это были метры кубические. Из документов, коими госструктуры снабжают всех переезжающих из дома в дом, он уже знал, что дому № 17 по улице Жубанова стукнуло без малого 40 лет, построили его для работников тогда только что открывшегося в городе ОХБК, то есть Отцеябловского хлопчатобумажного комбината. Строение это, внешне сдержанное и холодное, где предстояло жить нашему герою, мало чем отличалось от остальных построек эпохи развитого социализма. Ему, как и какому-нибудь другому воспитаннику системы, была явно чужда необузданная расточительность форм, свойственная, например, архитектуре барокко, поэтому незнакомец сразу определил это строение как *стиль баракко*.

Существуя в полумраках,
при весьма сырых полах,
мы привыкли жить в бараках,
а хотелось – во дворцах!

– Яйчики-бабайчики! А где же здесь величественный ритм розовых пилястров? – горько бормотал незнакомец, со всех сторон обходя своё новое жилище. – Где алебастровые вазы у входа или, на худой конец, гипсовые львы с холодными беззрачковыми глазами? Где триумфальная арка для моих грядущих побед? Где парадные анфилады и барельефы, описывающие подобные подвиги от античных времён до наших дней?

Чуть позже наш герой узнал, что его дом был изготовлен из толстого, чугунной прочности кирпича, который при каком-нибудь незапланированном штурме не взяли бы ни пули, ни осколки. На всех без исключения окнах первого этажа стояли обязательные решётки: постсоветская голытьба боялась, как бы не украли последнее достояние – нищету. Незнакомец несколько раз обошёл дом по кривоватому периметру, а затем решительно вступил в свой первый подъезд – именно там, на первом этаже, и помещалась квартира № 4, где Сука-судьба отвела ему повинность доживать свой нелёгкий век. Самое первое, на что он обратил внимание, это то, что и подъéздная дверь, и дверь его квартиры открывались только наружу, как ещё до революции было принято в церквях, трактирах и тюрьмах.

Ах, какие у поэта
есть возможности, хотя
говорят, что я с приветом
и наивен, как дитя –
я из этой комнатёнки
в блочном доме, как с небес,
зорко вижу сквозь потёмки
исторический процесс!

Позже новый жилец выяснил, что дом этот был построен ещё в 1961 году – то ли в честь полёта в космос Гагарина, то ли к столетию отмены в России крепостного права. Сейчас, конечно, таких раритетов остаётся все меньше, и на месте их, снесённых, строятся домá, похожие на праздничные торты: чистые, свежие, затейливо украшенные где многогранным эркером, где полукруглой лоджией, а где и стрельчатой башенкой. Короче, сейчас не домá, а мечта из розового, как крем, кирпича. Входные двери в них стеклянные и какие-то трехметровые, и, естественно, у пролетариата должно быть большое искушение шарахнуть по ним булыжником, ан нельзя – стеклянный подъезд стерегут не старушка-консьержка, как в Париже, и не дряхлый отставник, как в Москве 50-х, а молодые ядрёные парни в пятнистой форме: слева дубинка, справа револьвер в кобуре, посередине тельняшка в разрезе форменной куртки. Попробуй сунься!

Внутри квартиры было убого и грязно – съехавшие оттуда прежние жильцы не затрудняли себя ежедневной влажной уборкой, предпочитая махать веником, разгоняя пыль, один раз в неделю. Этот веник, как символ своей печали по утраченному жилью, они оставили на память новому жильцу, то есть нашему незнакомцу. А он тем временем ещё раз оглядел место будущего проживания и произнёс:

– Ну что ж, нормальный пример постиндустриального разложения.

«Да что же всё незнакомец да незнакомец!», воскликнул в этом месте автор нашего правдивого повествования. «Пора бы его наконец и раскрыть!» Да будет так.

Назло неврастении
вечернею порой
открою псевдоним я –
появится герой!

Глава 2. НОВЫЙ ЖИЛЕЦ

Прости меня, читатель дорогой!
Твоё вниманье задержу немного,
чтоб рассказать, откуда мой герой,
какой крутой была его дорога…

Звали нового жильца Владимир Альбионович Кулемзин, был он бывший советский журналист, а ныне бесклассовый поэт и писатель. Впрочем, он мог бы назваться и капиталистическим, но решил до поры этого не делать, так как нужно было ещё определить, действительно ли то, что происходило в Саксаулии, можно было бы назвать хотя бы недоразвитым капитализмом. Кстати, о само́й стране: Республика Саксаулия ещё несколько лет назад была в составе Советского Союза (б), как и другие, но в отличие от этих других была полной тёзкой СССР (б): Саксаульская Советская Социалистическая Республика. Кстати, сам наш герой расшифровывал СССР (б) тоже несколько странно: Страна Слишком Сурового Режима. Будучи ещё ребёнком, он был переселён с родного Марса в Саксаулию, где как-то зацепился за неё душой, по *интроверности* сам не замечая как, – так за гвоздь пиджак цепляется на ходу, а уходит в никуда, и только тоненькая выдернутая ниточка остаётся на гвозде навсегда. Автохтонами[5] страны пребывания были саксаульцы – милый и добродушный азиатский народ, чему наш герой радовался каждый день. Но вернёмся именно к нему.

[5] ***Коренное население – гр.***

Что за человек? И что за глы́бина?
Правда, в прессе он не отражён –
то напоминает Ницше, то Столыпина,
то он к яблоку причастен, как Ньютон!

Когда Володю спрашивали, сколько ему лет, он обычно отвечал, что наконец-то достиг возраста, когда можно не сравнивать, а просто вспоминать. Думается, что здесь уместно привести его фразу, позднее широко шагнувшую в народ: «Возраст определяется не годами, а количеством зверски убитых иллюзий» Несколько месяцев назад у нашего героя случился полувековой юбилей. «Пора бы уже расставить кое-какие вехи», после бурного отмечательства подумалось писателю. «Без вех как-то всё пронесётся, как скоростной экспресс, как будто в жизни и не было никакого слалома, как будто он так и не дотянул до этой тюрьмы, которую умные люди называют *кризисом середины жизни*»

Сомнительная метафора *жизненный экватор*, эта незаконная и безответственная дочь благороднейшей из географических широт, вдруг заявила о своём наследном праве на точность, как будто, дожив до пятидесяти и назвав это экватором, можно непременно дожить и до ста! Говоря проще, уже несколько месяцев как шёл ему шестой десяток, из которых пару этих десятков он отдал, трудясь на ниве журналистики – в газетах, на радио и телевидении Отцеябловска. Это было трудно, так как Кулемзин изначально был *латентным* антисоветчиком, и поэтому, готовя свои материалы для печати, нажимал только ему известную кнопку, что тут же включала его

alter ego, для которого фразы о социалистическом соревновании и повышенных обязательствах были так же легки, как слова Сергеича о мимолётном виденье и гении чистой красоты. Видимо, был в его глазу какой-то специальный хрусталик, в угоду сознанию увеличивавший гнусные советские (б) реалии.

У володиного папы с семидесятых годов была своя дача, но сынок оказался не той масти, которую задумывали ему родители, и копаться в земле отказывался категорически. Ну, не любил он сажать огород, подвязывать виноград на зиму и окучивать картошку. «Зачем мне это нужно?», говорил будущий писатель, как бы сам удивляясь такому наивному вопросу. «Есть, например, крестьяне, и это их дело – сажать что-то и потом это что-то выращивать. Такая вот у них работа. Посудите сами, ведь крестьяне в свободное время не пишут прозу или какие-нибудь, не дай *дедушка*, стихи?»

О, *дедушка*, я твой случайный зритель.
Зачем же мне такое наказанье?
Ты взял меня из схемы мирозданья
и снова вставил, как предохранитель!

Ещё в пять лет научившись читать, будущий Альбионыч наткнулся на строки русского поэта Бориса Пастернака:

«Я рос. Меня, как Ганимеда,
несли ненастья, сны несли…»

, ничего в них не понял, но, заворожённый необычностью человеческой речи, понял, что хочет научиться говорить так же. Так что истоки поэзии нашего героя лежали в далёком 1958 году. Правда, уже к четырнадцати годам наш подросток стал законченным нигилистом, но до поры до времени не развязывал язык и ни с кем не делился своими сомнениями и соображениями по поводу *ума*, *чести и совести нашей эпохи*, как тогда себя скромно именовала Компартия Одной Шестой Суши. Ещё будучи школьником, Кулемзин твёрдо решил, что на своём персональном пути молодого строителя коммунизма он не возьмёт в руку ничего тяжелее авторучки. Тогда же родился детский стишок, который со временем появился на стеле марсианского посольства в Республике Уанапуту:

Говорит пословица народа,
что в семье не без урода.
Так пусть работает семья,
а уродом буду я!

Глава 3. НОВЫЙ ЖИЛЕЦ (продолжение)

Так его табельным оружием на жизненном пути стала авторучка. Да, случилось именно так: служа в социалистической печати, больше всего на свете Володя не любил советскую власть. Он ненавидел государство, пропитанное кровью и ложью, расползающееся багровой раковой опухолью на нежно-голубом теле планеты. Дело в том, что насилие всегда болью отзывалось в его сердце. Ещё в детстве, читая книжки про средневековых героев, гибнущих на кострах, он обливался слезами, бессильно сжимая кулачки, – тогда казалось, что это и его волосы трещат вместе с пшеничными прядями Жанны Жаковны Д’Арк, руки его, как у Тиля Уленшпигеля, хрустят, зажатые инквизиторами-палачами в страшные тиски, а ноги терзают чудовищные ис-

панские сапоги, предназначенные для Томазо Домениковича Кампанеллы. Он ненавидел инквизицию, ку-клукс-клан и генерала Гастона Огюстовича Галифе.

Я помню всё до малой крохи,
открыв для времени портал:
своей оставлю я эпохе
эпоху ту, что я узнал…

В те же годы он столкнулся с хиппи, которые открыли ему глаза на окружающий мир, и стали давать книжки, от которых шло что-то новое, истинное и светлое, за что и умереть было не жаль. Тогда же на стареньком ламповом радиоприёмнике «Рекорд», видимо, по недосмотру местных саксаульских чекистов, наш герой впервые услышал «Архипелаг ГУЛаг» по чуждой всем советским (б) людям радиостанции «Немецкая волна» Всего за год его так и не испорченное безумными коммунистическими идеями мировоззрение поменялось до неузнаваемости: он узнал, что́ такое Сталин, а затем и Ленин, впервые оглянулся, и с ужасом разглядел мир, в котором жил он и его семья, и ещё сотни тысяч таких же безропотных семей, мир, в котором он живёт сейчас и будет жить ещё долго на положении *винтика* в чудовищном государственном механизме.

Я мысль свою терпкую осовременю:
за век пробежавший мы лучше не стали,
ведь в каждом живёт недорезанный ленин,
и в каждом живёт недодушенный сталин!

Когда Володе стукнул ровно *полтинник*, он изобрёл формулу, которая напрочь разбивала все теософские измышления о существовании *дедушки.* И коль скоро автор самонадеянно назвал сей глобальный труд «Библией XXI века», то приведём эту мысль полностью – для жаждущего света юношества: «Ближе, чем всё ближайшее, и вместе дальше для обыденной мысли, чем её самые дальние дали, пролегает самая близкая близь: истина Бытия…»

Такое отношение к *дедушке* было вовсе не плодом государственного атеизма, в котором родился и вырос наш герой, а вполне оформленной гражданской позицией человека просто умного. Кулемзин не без оснований полагал, что атеизм является величайшим культурным завоеванием человечества, причём, атеизм не официальный, как это было в Советском Союзе (б), а личный, индивидуальный для каждого нормального человека. Атеист, в отличие от *рабов дедушкиных*, никогда не объединяется ни в какие стада. Чтобы почувствовать себя человеком, ему не нужна церковь, конфессия и страшилки будущей загробной жизни. Атеист всегда один – наедине с жизнью, и потому он более нравствен, чем человек верующий, ибо, в отличие от верующего, ежедневно что-то выпрашивающего у *дедушки*, никакой награды за свою веру не ждёт и не требует.

Вокруг нашего героя громоздились убогие дома, так называемые стройки социализма, убогие витрины с равнодушием предлагали убогие вещи, по убогим улицам ездили убогие машины. И под всем этим, под высотными зданиями, под кукольным Кремлём, под автострадами лежали спрессованные кости миллионов замученных страшной машиной советской власти – ГУЛага. Володя ненавидел всё это уже несколько лет, а в стране ничего не менялось, и жизнь текла своим убогим размеренным чередом, взметая очередную убогую пыль раз в пятилетку под фальшивыми лозунгами коммунистических съездов.

И думал я, мозги губя,
где скрипы не слышны,
что был хорошим для себя,
но мерзким – для страны…

Принципиально же не менялось ничего, даже реальное время, казалось, окостенело или было просто отменено очередным декретом, а стре́лки часов Спасской башни крутились, как пустая заводная игрушка. Но страшнее всего были люди – изжёванные, измочаленные ежедневным бытом, злом, нищетой, беготнёй по пустым магазинам. Они, как и блочные дома, постепенно становились в глазах Володи одинаковыми. Отправляясь утром на работу в набитом автобусе, он всматривался в лица молчащих, не совсем проснувшихся людей, и не находил среди них человека, способного удивить судьбой, поступком, лицом, поведением. Все они были знакомы и узнаваемы, как типовые дверные ручки или раздробленные плитки на полу редакционного туалета.

Определю судьбе заказ
в последний свой парсек:
я не хочу истлеть как класс –
уйти б как человек!

Было у нашего героя и специфическое марсианское умение убегать в интересные сны, всегда сюжетные, а также иногда в книги и фильмы. Он мог уйти туда без остатка, как у Грина в «Фанданго» человек входил внутрь картины. Надо признаться, что Кулемзин вообще был человеком виртуальной реальности – ещё до появления этих самых слов. Впрочем, это не было чем-то особенным – такими же людьми виртуальных реальностей, например, являются и миллионы потребителей резиновой «Санта-Барбары» Володя несколько лет проработал в одной из городских газет, где и размышлял о собственном будущем. Единственной достойной перспективой ему казалась революция – наподобие той, что когда-то неудачно организовал Ленин. И хотя у него не возникло сомнений в собственной способности устроить нечто похожее (но с *другим* вектором приложения!), было совершенно непонятно, под каким предлогом можно совершить революцию в стране *уже победившего* социализма. Живя вольнолюбивой душой в неприемлемом *совке*, диалектически скользя по ленте Августа Иоганновича Мёбиуса, неощутимо-своевременно переходя с одной половины плоскости на другую, он оставался цел (пусть и не невредим) в довольно кровоточащих передрягах практически незаметной борьбы с властью. Короче говоря, опора на иллюзию давала ему силу пережить реальность.

Русский знает и татарин:
водку можно не глушить!
Для того нам мир подарен,
чтоб достойно жизнь прожить…

Сам себе наш персонаж казался настоящим писателем. Высокий, как Маяковский, широколицый, как Бальзак, с франтоватыми усиками, как у Мопассана, он походил на ловеласа XVIII века – эдакого любвеобильного мужчину в стиле барокко. Натяни на его фигуристые икры шёлковые чулочки, остроносые ботиночки на ноги, на пухленькое тельце набрось камзольчик, добавь кружевное жабо – и готов самый настоящий персонаж с картины знаменитого Жан-Антуана Жан-Филипповича Ватто. Для полноты картины не будет хватать только пышной пастушки с огромным нежно-

розовым бюстом. Однако наш герой предпочитал носить хипповую *джинсу́*, а вместо жабо по его шее и плечам струились портосовские патлы.

Кареглаз, русоволос,
патлами зарос,
был я толстым, как Портос,
смелым, как Атос!

Глава 4. НОВЫЙ ЖИЛЕЦ (окончание)

СССР (б) Володя определял как Страну вечного неблагополучия. Сначала на его памяти здесь царствовало всевластие коммунистов, которые, надо отдать им должное, умудрились из своего режима сделать настоящий религиозный культ с единым, но покойным богом Ульяновым (Ильичом I), и изредка меняющимся богом живым – генсеком ЦК КПСС (б). Культ этот превратил народ в несчастной стране даже не в рабов, а каких-то монахов, и производил над ними свои многочисленные, но логически необъяснимые эксперименты. Взять ту же антиалкогольную кампанию, когда пьющему испокон веку народу вдруг вполне по-церковному объявили, что пьянство – грех. Да ладно бы просто объявили – сказали себе и сказали! Так нет же: начали рубить виноградники, рушить уже готовые заводы, хотя не так и сложно было их просто перепрофилировать на тот же томатный сок. Ну ладно, наплевать было на деньги, хотя уже тогда советская экономика пела романсы по поводу своих спрятанных коммунистами финансов, а водка приносила в бюджет до четверти всех доходов в стране. И что в итоге? Стали меньше пить? Да как бы не так! Дураковатый народ в стремлении трануть себя ещё хлеще стал варить самогон и кустарно готовить, как называл их Кулемзин, *черноплодные* напитки. Он хорошо помнил, как на кухнях его приятелей и знакомых его встречали трёхлитровые банки с мутным содержимым и одобрительно поднятыми вверх резиновыми перчатками, голосующими не то за зелёного змия, не то за мудрую политику великой и ужасной КПСС (б).

Перестройку он прославил,
выступая горячо,
и нас больше пить заставил
Мих. Сергеич Горбачёв!

Где-то лет в тридцать Володе впервые попалась на глаза библия, и он запоем прочитал эту невесёлую книгу. Сначала он изумился обилию логических противоречий, наводняющих фолиант в добрых тысячу страниц – начиная от дважды рассказанной истории творения человека (в первой и второй главах Бытия) и заканчивая противоречивыми словами Христа: «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестёр, а притом и само́й жизни своей, тот не может быть Моим учеником», и тут же: «Возлюби ближнего своего, как себя самого» Потом Альбионыч ещё не раз убеждался как в армейской строгости сына божьего, так и самого́ *дедушки*, который, судя по книжке, был озабочен не благом людей, а только лишь соображениями строжайшей дисциплины.

Как же нам понять всё это –
бог как вроде волшебство,
а наказывает тех, кто
не поверили в него?!

Поэтому в свои 33 Володя уже построил свой земной мир на допущении, что мы пришли из Вечности и уходим туда же – в Вечность. И как только он почувствовал возможность рано или поздно уйти в такую Вечность, жизнь, на время утратившая, казалось бы, всякий смысл, вдруг снова приобрела его и засветилась каким-то незнакомым светом. Что бы он ни читал, чем бы ни занимался, кого бы ни встречал – всё казалось ему подтверждением этой главной и единственной его мысли. Но в один прекрасный (или ужасный?) день глаза его словно раскрылись – вокруг себя он увидел множество людей, у которых не было никакого шанса попасть в Вечность. А раз не было такого шанса хотя бы у одного из людей, то и собственная идея, значит, не была всеобщей, а имела изъян и трещину.

Свой путь земной на две прошедши трети,
познав богатство, славу и гастрит,
одно я понял – счастья нет на свете,
и зря народ насчёт него шустрит…

То, что кто-либо мог быть лишён шанса на Вечность, представлялась молодому Кулемзину потрясающей несправедливостью. Тогда он ещё не до конца понимал, что мир вообще несправедлив, что он не может быть справедливым хотя бы потому, что начался, по утверждению этой забавной книжки без картинок, с того, что некий отец, вместо того, чтобы пользуясь своим всемогуществом, спасти своего искренне заблуждающегося сына, послал его на страшную казнь – распятие на кресте. Несправедливость же лишения шанса на Вечность представлялась ему гораздо более страшной и холодной – ведь речь шла здесь не об одном человеке, а обо всех. Несправедливость эта была ещё страшней, чем, например, болезни, от которых умирают малые невинные дети. Следовательно, изъян и трещина, разъедавшие всю жизнь нашего героя, как раз и были этой несправедливостью – иначе распадалась вся постройка, возведённая им с таким трудом.

Гений мой не может быть измерен:
с южных гор до северных морей
я себя навек запараллелил
с необъятной родиной моей!

После школы, поступив в Саксаульский госуниверситет, он неожиданно загремел в армию, так как учиться ему стало скучно – вместо того, чтобы учить журналистике, на журфаке несколько лет предлагалось «проходить» не только русский язык, но и древнегреческий, и латинский, а также историю всевозможных литератур, начиная с Большого Взрыва. Попал Володя служить в Бакинский округ ПВО, чьим девизом стали слова: «Сами не летаем, и другим не дадим!» Правда, он никогда не произносил военную мантру, которую более глуповатые его сослуживцы выкрикивали на вечерней прогулке – вместо строевой песни:

Два солдата из стройбата
заменяют экскаватор,
а солдат из ПВО
заменяет хоть кого!

Какое-то время пришлось нашему герою повоевать в чужой стране – миниатюрном Вьетнаме, где вместе с маленькими аборигенами он противоборствовал chó Mỹ, или «американским собакам», как называли своих врагов эти мужественные маленькие азиаты.

Смотрю на фотографии пожухлые,
скребя щетину или хмуря бровь:
не зря топтали мы саванны с джунглями,
не зря мы где-то проливали кровь!

Правда, университет он всё-таки закончил, хотя и не за пять лет, как его однокурсники, а за двенадцать, будучи при этом четырежды изгоняем из вуза за антисоветчину, что на журфаке не поощрялась как-то особо. Дожил наш герой и до полного государственного маразма, когда во главе страны стал главпахан КГБ (б) Андропов, который тоже ничего не смог в ней изменить по причине поражения его распространённым недугом – кремлёвским маразмом.

У меня и у державы
отношения шершавы,
как наждак или броня.
Так обидно за меня!

ГЛАВА 5. ИДЕЙНЫЙ АНТИСОВЕТЧИК

Особенно среди землян марсианин Кулемзин уважал польского фантаста Станислава Лема. И было за что! На закате социализма, в 1988 году, фантаст с присущей ему гениальностью довёл отрицание марксистских догм до абсурда – в своём двухтомном труде «Философия случая» он провозгласил, что Его Величество Случай лежит в основе всего и вся. По Лему, и искусство, и человеческое общество, и сама эволюция – продукт слепого случая. «Случай – поворотный фактор всякого эволюционного процесса, уклад, возникший в результате этого процесса, он создаёт собственные системные законы, не имеющие ничего общего с первоначальным поворотным фактором[6]»

[6] S. Lem. Filozofia przypadku. W.I. Krakow, 1988, p. 204 – перевод автора

Наш герой ещё при советской власти (б) с иронией относился к восьми словам, с которых начинался каждый день печальной страны, к словам, которые казались ему полными неразрешимых противоречий:

«Союз нерушимый республик свободных
сплотила навеки великая Русь…»

Действительно, мог ли он быть нерушимым навеки, если республики свободны? И союз ли это был, если его силой сплотила самая великая из республик?!

Будучи творческой личностью, а, значит, пьющим журналистом, Альбионыч, конечно, пытался бороться с системой. Таких попыток было несколько, и все они, разумеется, окончились плачевно. Будучи 21 года от роду, он вместе с группой товарищей-студентов начал было издавать (тиражом аж в 5 экземпляров) подпольный машинописный журнал «Вопль», но уже через год был остановлен группой товарищей-чекистов и попал в пожизненную советскую опалу, которая закончилась весьма нескоро – только с распадом всей ненавистной ему системы. Затем, терзаясь перманентным похмельем и неприятием действительности, в одну из бессонных ночей он сочинил небольшую поэмку под названием «Конституция дыбом» и принялся художественно исполнять её в пивнушках родного Отцеябловска. Надо ли говорить, что на третий день триумфальных выступлений поэма была изъята всё теми же весёлыми

товарищами со стальными глазами, после чего пропала навеки в пыльных архивах Кодлы Государственных Бандитов.

Конечно, эта мысль седа,
но только знайте вы:
на подвиг тянет нас тогда,
когда мы не трезвы…

И всё-таки это был далеко не единичный опыт. Здесь же оговорюсь, что первые антисоветские опусы Володи сегодня были бы, конечно, не слишком понятны современному молодому читателю. Например, в одном из его ранних стихов какой-то мужественный клоп терзал по ночам мягкую белую задницу первого секретаря *рай*кома, приговаривая при этом, что, несомненно, попал в рай. Пытка неизвестностью придумана давно, и до сих пор действует исправно. Тихо-тихо тянула жилы из нашего героя советская действительность, а он мог лишь ждать, чтобы не сорваться, недаром ведь пассивный залог в русском языке называется *страдательным.* Позже, работая в радиогазете «Наш Отцеябловск», и изнывая от безделья, он вместе со своим товарищем Геннадием Власовым где-то за полгода наваял роман «День» – об одном дне из жизни вышеозначенной радиогазеты. Но и этот опус бесследно пропал в социалистической пучине, причём, так складно, что ни Володя, ни Гена до сего дня не знали место его погребения, хотя в первые дни обнаружения пропажи безуспешно пытались искать родные строки.

Я жевал свою чёрную корочку,
свою лямку тянул кое-как,
и не пил никогда под икорочку
на обкомовских дачах коньяк…

В конце восьмидесятых, как чи́сла в календаре, стремительно менялись генсеки КПСС (б), рабочие же, как и прежде, торопились к своим станкам, а интеллигенция просыпа́лась, дабы примкнуть к общему трудовому процессу. И уже тогда наш герой решил, что когда-нибудь… когда, наконец, закончится социализм, и можно будет пожить в своё удовольствие… он обязательно напишет роман обо всём том, что приключилось в жизни с ним и окружающими его людьми «А, значит, никогда!», тут же привычно думал он, так как советский строй (б) объявил себя не только самым правильным на нашем нелепом шарике, но и вечным. И каково же было его изумление, когда в один из дней 1990 года эта паскудная власть рухнула, а на всей территории СССР (б) была приостановлена преступная власть КПСС (б)!

Просыпаюсь: здрасьте! –
нет советской власти…

Но даже это великое событие не позволило Альбионычу впоследствии называться как-то иначе, чем социально чуждый элемент, – тем более что всё произошедшее после этого, что новый генсек назвал отвратительными словом *перестройка*, он так и не принял ни умом, ни сердцем. Чтобы как-то отвлечься от, казалось, пер-манентной советской действительности, он пил, как пили практически все журналисты Страны Советов (б).

Бывалоча в юности ранней,
когда не водилось бабло,

с друзьями искали мы краник,
откуда б спиртное текло.
И был он почти что задаром,
напиток, народом любим.
Как звали его? «Солнцедаром»?
А может, в *фугасах* «Рубин»?
Изыск тех времён алкогольный
исчез, не оставив следов,
хоть был он разлит монопольно
из ягод и сладких плодов.
От пойла ломились витрины,
и только бродяги – будь спок! –
травили себя «Поморином»
и кремом для чистки сапог…

Был и такой период в жизни нашего героя, как, впрочем, и многих интеллигентов того времени, когда ему приходилось вместо журналистики заниматься *сторожеванием*. Знакомые, встречая его, непременно интересовались: что это, мол, старик, ты нигде не работаешь? На что Володя отвечал: «Как раз нет, я всё время работаю, просто нигде *не служу*!»

Мне Сука-судьба не скупилась на пряник,
но била за это – втройне,
и я, как Муму и кораблик «Титаник»,
валялся у жизни на дне…

Глава 6. ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ

Но, выйдя из социализма, Володя с интересом прямиком шагнул в капитализм – не тот, приглаженный и со всех сторон обставленный полицейскими мигалками, что существовал *за бугром*, а в зарождающийся саксаульский капитализм, похожий на юрский период в представлении кинорежиссёра Стивена Арнольдовича Спилберга: кругóм на задних лапах бегали зубастые монстры и бесперечь жрали друг друга. Из их клыкастых пастей сыпались крошки, а порой и приличные куски, и подхватить их на лету и было теперь признаком ума, сообразительности и деловитости. Как, должно быть, известно нашему читателю, всё человеческое сообщество делится на две категории людей – на тех, кто работает на себя, и на тех, кто работает *на дядю*. *Дядя* – понятие зачастую абстрактное, им может быть и тот, кто работает на себя, выплачивая зарплату тем, кто работает *на дядю*, а может быть и государство как таковое – безликая система, чьи интересы обслуживают миллионы *дядь и тёть*, самостоятельных и подневольных. Так вот наш герой решил *на дядю* не работать, а взять своё жизнеобеспечение в свои же руки.

Не за брата, не за батю
на работу я лечу:
ведь работаю на дядю,
а на тётю – не хочу!

После официального объявления в стране капитализма Володя тут же распрощался с родной «Саксаульской правдой», из хорошего журналиста превратившись в *созерцателя жизни*. Серьёзно своим трудоустройством он не занимался, зная, что всё придет само и ниоткуда, и, будучи человеком аналитического склада ума, пришёл к

выводу, что позиция созерцателя не так уж и плоха, поскольку работа как таковая только отвлекает человека от размышлений о сути жизни. Да и то сказать, в 1992 году нашему герою исполнилось неполных сорок, и наплодившиеся в нереальном количестве фирмы не хотели брать на работу *старика*, а хотели только молоденьких девушек с ногами, росшими непосредственно из коренных зубов. Они считали его бесперспективным как по возрасту, так и по сознанию, которого переучивать уже поздно, нецелесообразно и даже вредно.

Изучая советскую (б) жизнь, Володя очень быстро понял, что поразительная незыблемость, присущая этому жизненному укладу, несмотря на всю внешнюю, раздуваемую властью, динамику, проистекала ещё и из того, что каждый здесь рождался с интуитивным, генетическим осознанием принадлежности к определённой социальной ячейке и пониманием сложнейших никем не писанных законов пребывания в этой ячейке, а также ещё более сложных правил перемещения в другую ячейку.

Upward mobility[7], столь ценимая в мире капитала, здесь была понятием едва ли не бранным, и большинство попыток быстрого, агрессивного рывка наверх или в сторону блокировалось достаточно жёстко. С другой стороны, совершались и успешные рывки. Но это произошло только тогда, когда народ, вырвавшийся из-под пресса социалистических заморочек, вдруг оживил частное предпринимательство (и ведь покатило!), вдруг зашевелились какие-то капиталы, привлечённые первоначальными налоговыми льготами и крупномасштабной приватизацией – главным экономическим козырем новой жизни. При этом в безупречное социальное происхождение этих капиталов верилось как-то с трудом.

[7] Движущаяся вверх изменчивость – англ.

Взглядом я своим увидел зорким
мне из жизни выплывшую весть:
капитал, который был по норкам,
вылез вдруг и стал работать здесь!

Поэтому Альбионыч, наконец, вступил в какие-то откровенные отношения с государством, став так называемым *ИП*, или *индивидуальным предпринимателем.* Он был очень рад, что для такой организации не надо составлять мудрёный устав, понравилось ему и то, что государство не контролировало его доходов, предоставив платить всего три процента со всех видов поступлений. «Яйчики-бабайчики, уж на остальные 97 процентов я как-нибудь до пенсии протяну!», бодрился новоявленный бизнесмен. Но особенно Кулемзину понравилось то, что коллектив (а слово это он не любил до дрожи!) сократился теперь до одного человека. «Сам начальник, сам дурак!», удовлётворенно говорил писатель.

Правда, точку поставить в этом деле не удалось – она сразу же превратилась в наглую жирную запятую: внезапно потребовался вначале личный водитель, потому что наш герой водить машину не любил, потом главный бухгалтер, потому что Володя сам считать мудрёные цифры не любил тоже, потом секретарша, которая, кроме чая, занималась тем, что вызванивала на работу то водителя, то главбуха, потом появился художник – старый приятель Володи Геннадий Михайлович Горелов, хороший мазила и пропитон, потом… В общем, фирма нашего героя со временем достигла совершенства и превратилась из «предприятия» о восьми работниках в какое-то ИП Кулемзин под гордым названием «Альбион» Теперь ему ничего не мешало созерцать странную конструкцию, которую на этой планете было принято называть *жизнью.* Забавное занятие, надо сказать!

Мне с небес не валит манна,
и меня не любит бог –
я живу, и это странно:
почему ещё не сдох?

Не удивительным было и то, что рабочий адрес нашего героя странным образом совпадал с его адресом домашним, и причиной тому была всё та же володина лень. «Встал утром, сунул ноги в тапочки – и на работе!», радостно делился он нажитым со своими приятелями.

Глава 7. ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ (окончание)

Вид бизнеса, в который окунулся наш герой, был рекламой, и Альбионыч, начав работать именно тут, сделал важное стратегическое открытие. Звучало оно так: «Если есть рекламные щиты, то должны быть и рекламные мечи!», но где применить его, не придумал, и очень мучился от этого. Одним из первых клиентов володиного ИП чуть не стал новый ресторан «Жана жол»[8], который поручил ему составить какое-нибудь оригинальное меню для привлечения потенциальных саксаульских едоков. Правда, договор пришлось расторгнуть после того, как Кулемзин, потрудившись минуты четыре, предоставил такой вариант:

[8] *«Новый путь» – сакс.*

Булочки «Каменный Гость»
Чай «Белые ночи»
Конфеты «Гранит науки в шоколаде»
Бифштекс «Дожуём до понедельника»
Котлета «Доживём до понедельника?»

Через какое-то время в Отцеябловске появился так называемый CIM, или Центр израильской медицины. Не зная местного менталитета, забугорные еврейские врачи обратились в володину рекламную компанию с просьбой дать хорошую рекламу. Правда, объективности ради сто́ит сказать, что реклама израильтянам, как и ранее ресторанным саксаульцам, тоже не понравилась, потому что Володя написал в объявлении буквально следующее:

«CIM предлагает следующие услуги:
обрезание во сне без согласия пациента;
обрезание по фотографии без присутствия пациента;
обрезание с крепкой фиксацией пациента;
художественное обрезание по утверждённому эскизу»

И девчонки, и мальчишки
знают, кто здесь всех хитрей:
раз обрезаны излишки,
значит, парень наш – еврей!

Что же такое было это ИП? Звучало оно как-то необычно, словно вместо привычной ему аббревиатуры имени-отчества В.А. некто из большого начальства придумал другое – ИП. Означали эти таинственные буквы, как уже говорилось выше, «Индивидуальный Предприниматель», но Володя переводил странные буквы по-другому:

«Иди – Принеси», или «Ишаку – Поклажа», или «Игры Прохиндеев», или даже «История Пропадлючества» Первые годы капитализма очень понравились нашему герою. В рекламном бизнесе практически не было конкурентов, и денежный ручеёк со временем превратился в довольно ощутимый поток. Но его это не тревожило. «Что поделаешь», философски говорил новоявленный бизнесмен, «придётся как-то приспосабливаться жить на большие деньги!»

Каждый человек работает на кого-то, и даже великий Микеланджело Лодовикович Буонаротти вынужден был выполнять заказы *папы*. И только Володя в самом начале саксаульского капитализма решил работать только на себя, и это решение соблюдал, как Женевскую конвенцию, до тех пор, пока не бросил это выгодное дело. Поэтому, когда лет через десять неожиданно выяснилось, что заработал Кулемзин столько, что рассчитывал прожить на это до конца своей многострадальной жизни, он сильно обрадовался, после чего легко переделал знаменитый афоризм француза Рене Иоахимовича Декарта «Я мыслю, следовательно, существую» на свой собственный, отвечающий велению именно его времени: «Я мыслю, следовательно, *на это* и существую»

Я не чувствую коллапсов!
Счастлив я, трень-брень, трень-брень!
Я нашёл сто тысяч баксов, –
значит, праздник каждый день!

К тому же, плюсом во всей этой запутанной истории было то, что он стал ощущать себя неким капилляром, маленьким таким сосудиком мировой экономики. А то, что маленьким, помогало пережить его отношение к жизни, то есть *дао*, и твёрдая уверенность, что вообще вся эта волокита с так называемой жизнью абсолютно напрасна с точки зрения садиста-*дедушки.*

Каким глаголом или прилагательным
измерим мы счастливое житьё?
Какою суммой в книжке сберегательной?
Ведь у меня, признаться, нет ещё её…

Заканчивая тему предпринимательской деятельности, остаётся только добавить, что, кроме основного занятия, Володя, как известный саксаульский поэт, подрабатывал переводами. Однажды по заданию одного нью-йоркского издательства он взялся за перевод на английский русских народных сказок. Но после первой же бросил, потому что далее не мог продолжать работу из-за смеха. Вот как, например, в его переводе транслитировался самый известный русский сказочный персонаж Иван-дурак: John Crazy Boy! Вторая задача была тоже лёгкой – нужно было перевести на английский язык, честно признаться, не очень известную в народе, русскую частушку:

Эх, лапти мои,
четыре оборки,
хочу дома заночую,
хочу у Егорки!

Он без труда справился с нехитрой задачкой, а потом, чтобы проверить себя, снова перевёл то, что получилось, на русский. И эта новая версия неожиданно понравилась ему гораздо больше народного оригинала:

Невыносимо туфли блещут лаком.
До бездны шаг – всё решено:
мне дома сон уже не лаком –
мне нынче спать у Джорджа суждено!

Так он потихоньку и работал, мечтая, чтобы работа закончилась как можно скорее, а началось новое время – под созвездием Пенсии, когда можно будет так же писать стихи и романы, а государство за это ещё и будет приплачивать!

Редко женщины на шею мне бросаются,
в их глазах давно не вижу интереса.
Но сегодня улыбнулась мне красавица
в канцелярии районного собеса!

ГЛАВА 8. ИДЕЙНЫЙ АНТИСОВЕТЧИК (окончание)

«Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью», в который раз подумал Володя. «Жаль всё-таки, что не я это сказал, потому что точнее о народе, населяющем эту несчастную страну, не скажешь…» Правда, было одно выражение на эту же тему, которое он безусловно приписывал именно себе:

Кафка – ложь, да в нём намёк!
Ты же так сказать не смог?

Кулемзин, разумеется, австро-венгерского писаку Франца Германовича читал, но раньше тот ему как-то не очень нравился – слишком всё у него было препарировано, вместо живых людей Володе чудились мастерски написанные муляжи. Но с наступлением «благословенного» капитализма нашему герою вдруг показалось, что окружают его те самые кафкианские муляжи или белковые роботы, запрограммированные на уничтожение себе подобных.

Каждый день по ложке керосина
пьём отраву тусклых мелочей –
человек тупеет, как скотина,
под разврат бессмысленных речей…

Ему казалось, что в Саксаулии[9] после наступления долгожданного капитализма жизнь налаживалась *как бы*. В стране была как бы демократия, развивался как бы капитализм, было как бы правосудие и как бы защищались права человека. Кстати, и в соседней России как бы не было войны в Чечне и как бы улучшалась жизнь.

[9] Впрочем, как почти и на всём постсоветском пространстве – прим. автора

Володя был очень обижен на президента Назарбаксова – за то, что тот в 2003 году не поздравил его с пятидесятилетним юбилеем и не пожаловал знатному писателю никакой государственной награды. «Да за то, что я полвека прожил в такой стране», говорил Кулемзин, «я уже достоин звания Героя Республики Саксаулия!»

Может быть, поэтому после перестройки, которая, кстати, задержалась ненадолго, наш герой с наслаждением сменил изрядно поднадоевший марксизм-ленинизм на высшую форму человеческого гения – покеризм-снукеризм. Внимательный читатель, наверное, уже уловил в этом неологизме плохо спрятанные названия двух игр – покера и снукера. «Но ведь это всего-навсего и́гры», воскликнул он сейчас, «а

как же жизнь?!» А разве сама жизнь, мой дорогой читатель, – не игра? – возразит ему автор. Разве разноцветные распашонки, распределяющиеся по цвету в роддоме, – не игра? Разве рассаживание по партам мальчика и девочек в школе – не игра? Разве институтское распределение, зачастую не зависящее от того, как ты учился, – не игра? Разве обмен поцелуями в загсе и последующая пьянка в ресторане на сотню персон – не игра? Разве обязательное называние тёщи мамой, а сына Кристином-Робертом, а не Иваном – не игра? И т.д., и т.п., и ещё раз т.д.!

А покер и снукер, будучи всего-навсего играми, как правильно кажется тебе, читатель, это великие образцы великого Случая, по воле которого (а не *дедушки*) и происходит всё, что есть в нашей жизни. И самым великим образцом великого Случая для Володи было то, что, например, чемпионат мира по снукеру его организаторы традиционно проводили во второй половине апреля – из уважения к нему, как ему казалось, и его дню рождения – 22 апреля. Единственное, что сделал в этой ситуации для себя наш герой, – это разделил свою любовь к этим играм на две неравные половины: покером заставил заниматься своё тело (включая неплохие мозги), а снукером – так называемую душу, искренне болея и переживая за этот великолепный лузный бильярд исключительно по телевизору. Со временем, будучи крупнейшим саксаульским поэтом, Кулемзин сумел в краткой поэтической форме определить три самые любимые для себя игры. Но сейчас, сию минуту узнаешь об этом и ты, читатель:

Покер,
снукер
и на хер!

Глава 9. ЛИЧНОСТЬ ДЛЯ СЕБЯ

Но – прочь перестройку, прочь вообще политику, коей и так в этой книжке будет ещё немало, и внимательный читатель со временем даже может несколько устать от неё. Пора сказать о нашем герое, несмотря на его марсианское происхождение, несколько человеческих слов. В первой главе нашего поучительного повествования уже было заявлено, что его жизнь на территории Бермудского Учпучмака началась в 1999 году. Но описываемые нами события произошли позже – через четыре года. К чему такие уточнения? Да к тому, чтобы плавно подвести наш рассказ к возрасту Кулемзина. Как уже сообщалось, в 2003 году у него случился полувековой юбилей. Если кто-то не знает, что это такое, уточню: 22 апреля 2003 года ему исполнилось ровно 50 лет!

Каждый возраст прекрасен по-своему,
каждый полон надежд и затей:
в двадцать лет мы воюем, мы воины,
к тридцати же рожаем детей,
сорок лет сорок раз пересказаны –
тут в семье нелады и пора,
когда мы обещаньями связаны,
ведь легко их давали вчера.
В пятьдесят начинаются хворости –
то печёнка, то радикулит,
кардиологам видно, что вскорости
нас и первый звонок навестит.
Как-то так у меня получается,
что хорошего вовсе и нет?

А хорошее всё заключается
в красоте *промежуточных* лет!

Время идёт, или, как говорит один из героев этой книги, «Время идёт, как будто у него есть ноги!» Лепится ко дню день, месяц сменяет другой месяц, и иногда с трудом улавливаешь между ними климатическую разницу. 50 лет – не шутка, поскольку начинаешь ощущать, как эти годы связкой неотёсанных каменных глыб висят на горбу и оттягивают плечи. И всё чаще задумываешься о грани, отделяющей тебя от старости. Каждый день, перед его завершением, лёжа в неразделённой ни с кем кровати, мысленно разбираешь череду неподъёмных дел и карточные домики нереализованных возможностей. Успехов, удачи, радостей, даже спокойных или приятных минут всё меньше – конечно, в том случае, если ты ещё не начал спиваться и не решил окончательно махнуть на себя и на свою жизнь рукой. Неплохо, когда пятьдесят лет – середина пути, маршрут и достопримечательности которого тебя устраивают, равно как и собственная амуниция. Паршиво, ежели лучше не вспоминать всё пройденное, пережитое. Где ты бредёшь, куда зашёл, сам толком не знаешь, да и желание что-то узнать, увидеть, понять – тоже посещает всё реже.

Для несчастья есть причина:
вроде и пожил чуть-чуть,
а добрёл до середины, –
вдруг закончился мой путь!

Было нашему герою слегка за пятьдесят, а выглядел он лет на десять моложе, словно его могучему организму хватало жизненных сил для всего, кроме старения. «В свои пятьдесят», говорил Альбионыч, «я здоров, как пятидесятилетний бык!» К этому почтенному возрасту Володя подошёл, как и многие в его поре: это был дядька предпенсионного возраста с весомыми щёками, чья краснота и размеры несколько превышали пределы приличия. Но такие щёки были не единственным его достоинством. Кроме них, у него выделялись грудь и живот, что вкупе со щёками составляли классический параметр 90-60-90 (щёки, грудь, живот). Если говорить короче, то возраста Кулемзин был такого, когда душа ещё остаётся молодой, а живот постепенно превращается в брюхо.

Володя был сибаритом, философом по природе и насмешником над Сукой-судьбой, за что она, как и всякая женщина, иногда довольно жестоко мстила. Был он бездельником со стажем и любителем хлебнуть пивка от одиночества, радовавшийся просто тому, что живёт на этом не слишком белом свете, и радовавшийся двукратно, что есть на этом не слишком белом свете покер и снукер. Он не раз признавался, что с особым удовольствием предаётся только двум вещам – гедонизму и эпикурейству, ибо был, как и переводится вся эта хрень на русский язык, поклонником чувственных наслаждений. Внешне он напоминал астраханский помидор урожайного года – такой же тугой, сочный, круглый и весёлый, и был большим и добрым, как поповна на картине Бориса Кустодиева. Природой Кулемзин обделён не был, и имел, как он сам выражался, «180 сантиметров в холке» В его ореховых глазах не было и тени той мировой скорби, которой были налиты глаза́ христианских икон. Вместо того чтобы пялиться на эти не лишённые некоторой художественности деревянные картинки, он любил читать, и полагал книгу посредником между жизнью и собственным интеллектом.

Со времён давнишних оных
сделать выбор мне легко:

между книгой и иконой
выбираю я пивко!

Был наш герой человеком остроумным, и всегда говорил, что когда *дедушка* раздавал людям юмор, он не поленился выстоять в очереди дважды. «Впрочем, очередь была совсем короткой», неизменно добавлял Альбионыч. У Володи было интересное лицо – из тех, которым мешки под глазами (при том, что в остальном человек имел едва ли не лощёную внешность) придают не вид опускающегося человека, но интровертную нагруженность, помноженную на живое обаяние зрячего и именно на тебя зрящего взгляда. Такие ли́ца не портят даже мясистые щёчки и некоторые красные пятна на бледном от выпитого ранее лице. Такие лица словно сохраняют параллельно все прожитые последовательно стадии жизни, не возрождаясь, как пресловутый феникс, после очередного прошлого, моментально редуцируемого к нулю новым мигом жизни, и говорят они о том, что хозяевам их отказано в единственном, кроме умения зарабатывать деньги, сто́ящем умении – умении по-настоящему жить, то есть жить настоящим. Если привести всё вышесказанное к единому знаменателю, то можно отметить то, что обличьем своим наш герой был столь величествен, что когда он проходил по улице, у взрослых женщин глаза скрипели в орбитах, а маленькие девочки начинали стремительно взрослеть.

Кроме того, у Кулемзина была спина – широкая, как у бульдозера. Напротив спины (по горизонтали) виднелся уже упомянутый глобусообразный живот, вносивший в абсолютную симметрию приятное разнообразие. Нарос он, конечно, не сам по себе, а из-за страстной любви нашего персонажа к пиву, к коему пристрастился после армии, так как отверг пошлые социалистические (б) напитки типа шмурдяка. Пытаясь похудеть, писатель даже начинал бегать по утрам, но скоро понял бесполезность этого демарша и занёс в свою записную книжечку следующее жизненное наблюдение: «Если человек не хочет бегать по утрам, его ничто не остановит!» Поэтому с лишним весом Альбионыч бороться перестал, так как искренне не понимал, как можно бороться с частью самого себя. Можно сказать, что это был человек, чей IQ значительно превышал его немалый вес.

Брюху песню я пою,
о пивке мечтая:
на весы я не встаю,
так как их ломаю!

Глава 10. ЛИЧНОСТЬ ДЛЯ СЕБЯ (продолжение)

Впечатление дополняли высокое бледное чело, как у немецкого математика Карла Герхардовича Гаусса, и аккуратные среднего размера усы, а также большой математический ум Альберта Германовича Эйнштейна. С Володей было непросто не только разговаривать, но даже стоять рядом, так как из писателя исландскими гейзерами постоянно била неукротимая жизненная сила. А ещё у Кулемзина было большое и нежное сердце – как у Красной Шапочки. В общем, всем своим видом он напоминал косожского богатыря Редедю: каждая его ладонь, хотя и явно интеллигентного происхождения, была размером с сапёрную лопатку, а на загривок, как иногда метко выражается русский народ, не всякий бы хомут влез. Плечи писателя напоминали цементные опоры моста. Короче, фигурой своей наш герой походил на метателя молота, дисквалифицированного на заре карьеры.

При ходьбе в животе Володи, раздутом неумеренным питьём пива, хлюпало, как в катящейся бочке, и у присутствующих создавалось впечатление, что когда-

нибудь из неё на полном ходу непременно выпадет Диоген. Да, чуть не забыл отметить автор полные тонкого пессимизма нахальные гумилёвские глаза нашего героя, блеском своим освещающие путь в темноте, когда в подъезде в очередной раз Глав-Бух выкручивал лампочку (об этом антигерое чуть позже). Тонкий поэтический облик Володи выгодно дополняли длинные волосы, делавшие его похожим на сильно подросшего хиппи. Со временем он настолько привык к ним, что волосы даже не мешали ему поглощать пищу и запивать её пивом. «Вот если бы борода, то это да!», поэтически замечал он на попытки знакомых женщин привести себя в человеческий облик.

Она мне кожу щекотала!
Бородат я как мулла:
борода была у Карла,
и у Фридриха была!

К любви Володя относился двояко. С одной стороны, он признавал наличие этого светлого чувства, а с другой думал о том, что человечество столько столетий водило хороводы, пело и плясало вокруг самогó слова *любовь*, что даже в простых бараньих мозгах появился наконец завиток, в котором застряло уважение к этому, как говорят знатные филологи, *отвлечённому существительному.*

Поэту простые советские[10] люди
желают успехов в работе и блуде!

[10] Разумеется, советские (б) – прим. автора

Можно ещё добавить, что у Кулемзина был один ребёнок – далёкий московский мальчик с таким же именем, как и у него самого – Вован Вованыч. И это было символично. Писатель не раз задумывался, почему мы так глупо устроены, зачем нам так хочется оставить на этом несущемся в космосе куске дерьма своё подобие? Оставить только для того, чтобы лет через тридцать-сорок-пятьдесят оно сказало своему отпрыску те же слова?!

Что ещё можно добавить о нашем герое, задумался автор. И понял, что пора ему поместить сюда первый из Хронотопов, о которых уже упоминалось в предисловии к этой книге. Итак,

Глава 11. ОТЧЕСТВО. БОЛЬШЕ ЧЕМ ИМЯ (Хронотоп № 1, единственный в этом томе)

Как уже и сообщалось в первой главе нашего замечательного романа, звали нашего героя Владимир Альбионович. «Как-как?», переспрашивали многие, кто впервые слышали это имя-отчество. Впрочем, имени Владимир удивлялись редко, а вот отчеству – практически все. Откуда же оно взялось у Кулемзина? Да, наверное, как у всех – от имени его отца Альбиона. «Еврей, что ли?», продолжали любопытствовать знакомящиеся. Нет, герой наш был русским, так что придётся объясниться.

Дело в том, что отец Владимира родился в крайне далёком от нас 1927 году, когда в Стране Советов (б) свирепствовал так называемый III Интернационал, или Коминтерн. Была в то время такая международная организация, которая объединяла коммунистические партии самых разных стран, где эти партии завелись. И существовал этот Коминтерн с 1919 года аж по начало 40-х годов прошлого века. Очень популярной была организация в только что начавшемся СССР (б): во-первых, потому

что её придумал никто иной, как Ильич I, а, во-вторых, III Интернационал был придуман им как бы в противовес второму Интернационалу, которого Ленин клеймил каким-то непонятным «реформистским социализмом», и с которым он резко разошёлся по позициям относительно своей Октябрьской революции.

Солнцем Ленина согреты,
и накормленные им,
мы рабочий класс планеты
соберём, коль захотим!

Простой народ, который, чтобы жить лучше, массово вступал в партию, ничего в этих разногласиях не понимая, но знал, что Ильич I не соврёт. А вождь тем временем говорил народу, что революция в СССР (б) – это хорошо, но нужна такая же и в других странах, поэтому все рабочие должны объединяться, ибо они не только друзья, но в чём-то даже и братья. И вот с этих самых пор и пошло поветрие по стране советской (б) – называть только что рождённых отпрысков не какими-то банальными иванами да петрами, а поиностраннее да повычурнее. Не избежала такого поветрия и молодая семья Кулемзиных, родившая аж шестерых детей для продолжения дела революции – троих сыновей и троих дочерей. И если дочерям были присвоены вполне привычные имена (Зинаида, Евгения и Аза), то мальчики подобной участи не удостоились. Так появились на свет Арнольд, Альбион и Герольд Кулемзины.

Ну, и чтобы завершить тему предполагаемого еврейства нашего героя, назову имена славных родителей этих мальчиков: Терентий Архипович и Ксения Анисимовна. Завидуйте, семиты!

Глава 12, короткая. ПОТОМОК МАРСИАН

Жаден дух мой! Я рад, что родился
и цвету́ на вселенском стволе.
Может быть, на Марсе и лучше,
но ведь мы живём на Земле.
Каждый встречный – брат мой и друг мой,
мысль и воля – мой щит против всех,
лес и небо, нежные думой,
и от боли лекарство – смех.
Ведь могло быть гораздо хуже –
я бы мог родиться слепым,
или платным предателем лучших,
или просто камнем тупым.
Всё случайно! Приятно ль быть волком?
О, какая глухая тоска
выть от вечного голода ночью
под дождём у опушки леска́…

Глава 13. УДЕЛ ПОЭТОВОЙ ЖЕНЫ

Наш герой был уже в том возрасте, который в некрологах принято именовать цветущим. В такие годы пишут серьёзные и умные книги, и охотно воспринимают ежевечернее глотание лекарств как исполнение супружеского долга. Володя был убеждённый холостяк или, как он говорил, *антисемьит*, поэтому супруги у него пока не было, вследствие чего ему пришлось плотно заняться творчеством. Впрочем, в глубине так называемой души ему всё-таки хотелось иметь настоящую писатель-

скую жену, которой было бы не скучно слушать разглагольствования о смутных творческих замыслах и искромётные суждения о том, что Марселя Адриановича Пруста можно дочитать до конца, если ты только парализован, и по этой причине ничего другого делать не в состоянии. Ему всегда хотелось, чтобы именно такая жена тайком записывала за ним все произнесённые умные мысли и складывала эти записочки в жестяную коробочку из-под монпасье.

Он не курит и не пьёт –
сексом лечит женский род!

Свою холостяцкую жизнь Володя характеризовал краткой английской поговоркой. «Как *сэр* в масле катаюсь», обычно говорил он. Кулемзин уже много лет жил холостяком и как-то не стремился поправить своё матримониальное положение. «Если я когда-нибудь и женюсь», говорил он, «то это будет непременно умная и красивая женщина лет на 14 моложе меня, и обязательно с именем Виктория. А какое другое имя сможет победить мою нелюбовь к семейной жизни?» И добавлял: «Повезёт же ей: во-первых, я гениальный писатель, а, значит, обеспечу её к пенсии кучей хороших книжек, во-вторых, знаю много интересных историй, которые буду рассказывать моей Виктории в перелётах между Парижем и Каскеленом, и, в-третьих, по части мужской силы мне не будет равных до 100 лет – не зря же я столько времени не пью, не курю и обливаюсь холодной водой!» А ещё мечталось Альбионычу, что когда в загсе толстая саксаульская заведующая спросит их, не желают ли *брачующиеся* в результате брака поменять фамилии, то они с радостью впишут в заявление вот это: Виктория Солнышкина и Вовка Чертяшкин. Потом Володя представлял, как будет день-деньской сидеть за писанием очередного романа, а жена, скажем, главный бухгалтер какого-нибудь Отцеябловского дрожжевого завода, будет его, гения всех времён, холить и лелеять. А ещё он когда-нибудь сводит её в парижскую Гранд-Опера́ и, не дыша от восторга, покажет фантастический плафон, расписанный гениальным Шагалом…

Как тяжко быть женой поэта,
теперь я начал понимать:
ему – творить, писать сонеты,
а ей – варить, носки стирать,
погладить мужнины сорочки,
бельё из прачечной забрать,
пока мужик марает строчки,
да уложить его в кровать!
А то ведь сам он и не ляжет,
ловя пегасов день-деньской,
пока бумагу не измажет
своей шкодливою рукой.
И денег надобно к тому же
путём каким-то добывать,
кормя бесприбыльного мужа –
поэты тоже *хочут* жрать!
Так и корми его, проглота,
да штопай дырочки в носках,
пока он корчит идиота,
витая где-то в облаках.
Да, у поэтовой супруги
не сахар жизнь, я вам скажу.

О, жёны, верные подруги,
о вас поэму я сложу!
Да что поэму – оды, саги
готов о жёнах я слагать,
монбланы, э́льбрусы бумаги
пером послушным исчеркать!
Но чу! – открылась дверь в прихожей?
Жена, с базара, со жратвой!
За стол, за стол, скорей, о боже!
Всё, я закончил опус свой…

Глава 14. ЛИЧНОСТЬ ДЛЯ СЕБЯ (продолжение продолжения)

Наш герой, сколько ни читал самиздатовского Джидду Джиддуевича Кришнамурти, чтобы расширить сознание во все западно-восточные стороны своего дивана, сколько ни глотал юношеского вина под музыку «The Beatles» и «Led Zeppelin», был (при всех душевных безднах) снаружи неистребимо весел, когда отдыхал, серьёзен, когда писал стихи, и всегда сведущ и толков в беседах.

Как я от музыки тащился,
и выпить был я не дурак:
к битлам под водку приобщился,
а к цеппелинам – под коньяк!

И вот он, взрослея и матерея, всё не мог успокоиться, всё думал: от каких пустяков зависят главные вещи в мире – симпатия, влечение, любовь-дружество; сколько уже было в прошлом таких юношей со взором горящим, сколько вдохновений по прошествии времени оказывались пустыми, ничем, кроме молодого огня, не наполненными, сколько молодых гениев пропадало в безвестности – и справедливо, поскольку рано или поздно узнавали их по плодам их, а плодов не оказывалось никаких; тогда как толковый человек не пропадал никогда, потому что по определению знал он толк и набирал толку, и от него был только толк, и ничего другого и быть не могло – а потому на таких, как он, и держится вся культурная, вся толковая работа мира, цивилизации, семьи, всего… и как же эти юные, но смышлёные красавицы могут не понимать этого всем своим женским толковым естеством, как может их влечь не к нему, а к тем сомнительным, может быть, пустым, если не адским? Как они могли не разглядеть его, *стержневого* человека жизни?! И всё же он был не исследователь-формалист, а гуманитарно образованный человек, не чуждый серьёзных мистических интуиций в духе, как говаривал академик Лосев, религиозного материализма Владимира Соловьёва.

Вот и жить бы в этом мире,
не видать ни гор, ни моря,
с временами года в мире,
с их непостоянством в ссоре…

Обобщая всё вышесказанное, можно утверждать, что Кулемзин был здоров как лошадь, на которой можно было возить воду, если не давать ей ни капли никотина. И вообще при взгляде на него сразу становилось ясно, что человечество ещё не потерпело поражения. Не слишком строго относясь к своему внешнему виду (по причине застарелого холостяковства), брился он через день или даже два, и однажды, пребывая в недолгом запое в начале 90-х, не брился целую неделю. Но это привело

лишь к тому, что Володя стал как две капли воды похож на бродягу-супермена из рекламы сигарет «Camel», и женщины, вниманием которых он и так не был обделён, стали липнуть к нему как мухи.

Наш Володя – книголюб,
он начитан и неглуп.
У него, скажу я вам,
очень толстый мандельштам!

Здесь же надо добавить, что женщины всегда замечали у Володи свои плюсы и минусы, как, впрочем, и у любого другого бесперебойного источника питания. Короче говоря, был наш герой хорош собой, и время от времени становился предметом ночных стенаний местных красавиц, а также тайной причиной их нервозных дней и мокрых подушек ночью.

Хоть с годами я старею,
нравлюсь девушкам вполне:
раньше вешались на шею,
а теперь – на портмоне!

Хотя надо заметить, что в этом плане Володя берёг здоровье не так, как делали это многие другие индивиды. Это было бережение не ради самого здоровья, а ради преодоления сложностей чисто математического порядка, которые он сам себе, признаться, и придумал. Дело в том, что, будучи человеком умным, он привык всё просчитывать наверняка – как в русском покере, и в результате этих подсчётов запутался в двух теориях сексуального долголетия. Одна из них утверждала, что всякому мужчине отпущено на всю жизнь 5000 зарядов спермы, следовательно, в этом деле надо было быть не только осторожным, но и экономным. Однако вторая теория, опровергающая предыдущую, базировалась на том, что *чем больше, тем лучше*, поскольку именно постоянная практика удлиняет дееспособность одной крайне необходимой для него штуки на необозримый срок. Последняя теория нравилась ему, конечно, больше, но первая настораживала, поэтому он решил, как всегда, довериться двум своим лучшим друзьям – Случаю и Суке-судьбе. И они, как выяснилось впоследствии, его не подводили ни разу, ведь при этом он был абсолютно независим, как чёрное одеяло Вселенной, а в мыслях чист, как пар из чайника.

С сексом как-то жить получше –
здесь не нужен ревизор:
ни Судьба, ни нужный Случай
не подводят с давних пор!

Кроме того, Альбионыч был человеком, с удовольствием нарушающим практически все десять христианских заповедей, которые не несли человечеству никакой позитивной информации, кроме того, что с удовольствием делать нельзя ничего. У читателя может создаться ложное впечатление, что, раз наш герой являлся человеком с активной жизненной позицией, то он был активен во всём. Нет, это не так – Кулемзин был чудовищно ленив, и только его ежедневное писательство не ставило окончательный крест на этом захватывающем чувстве. В этом плане Володя был похож на своего французского тёзку Жюля Пьеровича Верна. Ещё в детстве он читал, что когда знатного француза спросили журналисты: «Вот вы – самый великий фантазёр нашего времени. Когда и при каких обстоятельствах у вас лучше всего работает воображе-

ние?», тот, не задумываясь, ответил: «Когда я утром валяюсь в постели и придумываю себе причины, чтобы не идти к столу и не работать…»

«Шутки шутками», говорил наш неутомимый в мыслях герой, «но я представляю, какой была бы жизнь человека, не будь лени. Человек просто надорвался бы в вечной пахоте! Уже сейчас это видно по японцам, слывущими трудоголиками – многие из них, не выдерживая бешеного ритма погони за благополучием, кончают жизнь самоубийством или пополняют ряды душевнобольных» По уразумению Володи, лень прежде всего является процессом самосозерцания. И хорошо, если этот таинственный процесс заканчивается самосовершенствованием. Но даже если нет, для русского человека это не страшно – в конце концов и среди работящих пчёл для чего-то существуют трутни. Природу же нельзя назвать глупой, в ней всё устроено чётко и целесообразно: все ненужные звенья и ветки *дедушка* вовремя ликвидирует в процессе эволюции.

Скажем вам мы откровенно
откровеньем ключевым:
будет лень благословенна,
коль работать не хотим!

Глава 15. ЛИЧНОСТЬ ДЛЯ СЕБЯ (окончание)

Кулемзина часто спрашивали, не хотел ли он что-то изменить в своей жизни и вернуть назад. И он всегда отвечал, что никогда: слишком многое он узнал о жизни с той поры, как родился, слишком поумнел, чтобы мечтать о возвращении наивного неведения. За жизненный опыт и изжитые иллюзии платят слишком дорого. Поэтому нет, никогда!

С возрастом на свете оставалось всё меньше вещей, которые могли выбить из колеи нашего главного героя или заставить его смутиться. Он научился без потерь переживать депрессии и душить в себе приступы меланхолии. Сдержанность и спокойное бесстрашие, считал он, – вот что должно стать привычкой мужчины, переступившего пятидесятилетний порог. Володя, например, давно понял, что давать нищему мелочь нужно не из жалости, а единственно потому, что так надо. Точно так же, как надо придерживать за собой дверь на пружине в подъезде, чтобы она не разбила лицо тому, кто идёт следом. Он дожил до такого возраста, когда в человеке больше всего начинаешь ценить не какие-то особенные таланты, обострённую чувственность или неординарные душевные качества, а элементарную порядочность, причём не ту порядочность, которую стараются посеять в тебе родители, а порядочность основательную – в виде приобретённой с годами привычки, при этом, увы, не особенно надеясь встретить её в каждом новом встречном. Вероятно, поэтому он в конце концов и стал писателем.

Для писателя мир – пища,
каша, супчик и вода:
обо всём, что видит, пишет,
не выдумывая. Да!

Наш герой уже давно достиг того благословенного возраста равновесия между своими желаниями и возможностями, получив тем самым редкое право проживать свою собственную жизнь по собственному вкусу. Со временем он из журналиста постепенно превратился в писателя, а из писателя – в философа, причём, оценивал свою философию как даоизм непревзойдённой глубины. Хотя, возвращаясь к его писатель-

ству, надо заметить, что если советская литература называла Горького, Маяковского и Шолохова инженерами человеческих душ, то себя Володя именовал немного по-другому: старший инженер. Но при всём этом, как это ни парадоксально, Кулемзин был невероятно ленив, и именно по этой причине его труд постоянно напоминал подвиг. Что ещё можно добавить к этому титаническому образу? Был Володя талантлив, и даже в чём-то гениален, и считал, что в мире существует слишком много причин для смерти, чтобы умирать ещё и от скромности.

Рифмую бойко, хоть не Пушкин,
но задеваю потроха!
Не для меня стихи – игрушка,
а я – игрушка для стиха…

Образ его дополняли также обострённое чувство достоинства и флюиды уверенности, исходящие от могучего организма, а также рост, который сам герой на зывал просто – рубль восемьдесят. Короче говоря, это была многогранная личность поэта-сверхпространственника, существующего по строгим, хотя и немного устаревшим канонам экзистенциологии. Володя всю жизнь прожил в Саксаулии, и только здесь понял, что значит генетическая память предков. Он знал, что его дед Терентий Архипович привёз семью с Алтая, и потому не удивлялся, что любит не чебуреки, а чёрный хлеб, не бешбармак, а пельмени, а также русский язык с его странной ненормативной лексикой. Как великий русский писатель, он называл это коротко и ёмко – *почва и дух.*

Глава 16. ТВОРЧЕСКОЕ НАЧАЛО

Детство Володи пришлось на конец пятидесятых – начало шестидесятых, когда сознание всей страны стало мучительно и медленно просыпаться от многолетнего обморока затмения и страха. Как уже отмечал автор, читать он начал рано – в пять лет, и к семи годам уже освоил многотомник Александра Томаевича Дюма.

На меня влияло чтение,
хоть весьма всегда по-разному,
но уменьшило почтение
к человеческому разуму!

И эта любовь к чтению, а потом и писанию навсегда определило его жизненный выбор. Но – и дала толчок к свободомыслию, которое также привело его ко множеству неприятностей с советской (б) системой. Как одни люди притягивают к себе деньги, Кулемзин притягивал к себе неприятности – даже в таком тихом, как омут, и неторопливом, как верблюд, городке, как Отцеябловск. Ещё в школе, буквально в восьмом-девятом классе он жил, как тайный враг системы, и уже тогда был одержим тем, что впоследствии назвал the fight against the world's vicious farting[11].

[11] Борьба против мирового злобного пердежа – англ.

Став постарше, он незаметно шатнулся прямо в объятия капитализма – в этом ему помогли «The Beatles», Александр Солженицын и собственное понятие мироустройства. Итогом этого стало его понимание того, что демократия – это всего лишь одна из разновидностей полового извращения. Именно поэтому с юности и далее Альбионыч никогда не придерживался норм социалистической морали, так как счи-

тал их неостроумной выдумкой партийных фарисеев. Ведь если годами гладить кошку против шерсти, считал он, её мех, может быть, прочно встанет дыбом, но кошачье потомство всё равно родится гладкошёрстным вопреки прогнозам всяких марксов и энгельсов.

Я не личинка – только личность
в своей системе бытия,
и в сладкой мании величья
я больше, чем пустяк Земля!

Позже, работая в газете «Саксаульская правда», Володя понял, что такое фашизм: это когда добровольно и за маленькую зарплату пишешь обратное тому, что думаешь. На его нелегальной по тогдашним временам визитке были написаны его ФИО, а также должность – председатель АПК. Узнай об этом *компетентные органы*, ему бы наверняка инкриминировали статью 194[1] (самовольное присвоение звания или власти должностного лица), ведь АПК в СССР (б) всегда раскрывалось как АгроПромышленный Комплекс, хотя Володя имел в виду всего-навсего Отцеябловский[12] Покерный Клуб.

[12] Гильдия переводчиков и составителей примечаний к данному произведению имеет веские основания предполагать, что за словом Отцеябловск наверняка скрывается саксаульский… тьфу, казахстанский город Алма-Ата – прим. главы гильдии

Глава 17. ТВОРЧЕСКОЕ НАЧАЛО (окончание)

Тогда же и появилась его тяга к слову более художественному, чем газетные передовицы об ударном труде. Он начал с коротких рассказов, затем плавно перешёл на стихи, в которых и застрял на долгие годы.

Узнать, какая суждена мне участь,
пошёл я к колдунам, тоской измучась,
и, получив желанный результат,
был несказáнно удивлён и рад.
По звёздам, картам и кофейной гуще
сумев определить мой путь грядущий,
они, посредством чар и ворожбы,
раскрыли тайный шифр моей судьбы.
Как я был горд, узнав от ясновидца,
что всё, чего хочу, осуществится,
и услыхав, что мудрый звездочёт
мне предвещает славу и почёт!
«Ты будешь выдающийся писатель!»,
воскликнул, бросив кости, прорицатель.
«Весь мир оценит твой потрясный дар!»,
сказал мне маг, крутя хрустальный шар.
Наверно, покривил душой астролог:
мой путь к вершинам оказался долог.
Возможно, что-то спутал хиромант –
лишь к старости явился мой талант…

Однажды он купил пакетик противных замороженных советских (б) пельменей, в сваренном состоянии скользких, как карамельки. Причём, Альбионыч точно знал, что замораживают пельмени не для того, чтобы в первозданной свежести доне-

сти его содержимое до потребителя, а для того, чтобы он, то есть потребитель, раньше времени не расчухал состав псевдомяса, заложенного в них буйной фантазией руководства Отцеябловского мясокомбината. Поставив кастрюлю с водой на плиту, он положил рядом пакетик с пельменями, после чего вдруг начал сочинять стишок. Произведение, как всегда в те годы, было антисоветским, и сейчас автор, хорошо знакомый с ранним творчеством Кулемзина, уже, конечно, не может воспроизвести его от начала до конца, но помнит, что были там такие строки:

Я поднимался еле-еле,
свой литр суровый выпивал,
и помнил я свою неделю,
и с понедельника пахал.
Аванс, зарплата, даты, числа,
жена, квартира, барахло:
я так хотел, чтоб жизнь случилась,
но что-то мне не повезло.
Так жил в нелепой амплитуде,
и рвался из последних жил –
Страной Советов звали люди
ту территорию, где жил…

Когда же наш герой окончил очередную *эпохалку*, то заметил, что вода на плите выкипела до основания, как возмущённый разум пролетариата, а пакетик с пельменями оказался пуст. Тут же он почувствовал противный привкус во рту, после чего догадался, что в творческом приступе потихоньку сгрыз всю продукцию, как железную коробочку с монпасье. «Наверное, это и есть призвание», с ощущением непередаваемого счастья понял он.

В начале земного пути Володя по привычке пользовался услугами своего марсианского муза, или *крыщха*. Но потом понял, что крыщх в Саксаулии явно не тянет, и нашёл не менее верного друга – Васю Курочкина. Вася был, несомненно, талантлив, так как надиктовывал Кулемзину по несколько стихов в день, а когда был в ударе, так, бывало, и целую поэму нашёптывал – только записывать успевай! Однажды он, например, продиктовал нашему герою вот такой верлибровый катрен:

«Скучно жить на белом свете» –
это Гоголем открыто,
до него же Соломоном,
а сейчас – хотя бы мной!

Короче, жизнь Володи можно было бы назвать историей борьбы, если бы это не была история избиений. Изломанный и твёрдый, он напоминал саксаул – плоть своей родины. И, уже впоследствии, для общения с такими же несчастными поэтами, как он сам, придумал для работы на поэтическом сайте *stihi.ru* замечательный ник, определивший его дальнейшую жизнь – Философский Саксаул. И, чтобы завершить сей творческий портрет, добавим, что Кулемзин, помимо прочего, отлично чувствовал музыку – словно у него в одном месте сидел скрипичный ключ. Короче, к своему *полтиннику* наш герой видел мир абсолютно таким, каким он всегда и являлся со времён сотворения его *дедушкой*, то есть умирающим, распадающимся, теряющим смысл, где самым бессмысленным и мёртвым были *фасады* разума и морали, политические программы и семейные идеалы, а также эстетика и сам человек.

Кому-то эти заметки по поводу одной личности могут показаться излишне сумбурными, если не учитывать того, что такими же сумбурными были и жизнь на-

шего героя, и его так называемое творчество. Например, чего сто́ит только тот факт, что лучше всего писалось ему после поглощения пива, которое, видимо, своими дрожжевыми молекулами раздражало творческие точки ума.

Тупому пиво – как компот
для ловли диареи,
но только тот, кто пиво пьёт,
тот ясный ум имеет…

Переехав на ПМЖ в дом № 17, наш герой получил и ещё одно приятное развлечение: иногда наивные саксаульские прохожие принимали Володю за Бальзака и просили у него автограф. Он охотно расписывался, после чего счастливые граждане спешили поделиться приятной новостью с друзьями, домочадцами и сослуживцами. Вот на этом пока и остановимся.

Глава 18. КИО И ЯВЛЕНИЕ ТАЛГАТА

Но, мой неугомонный читатель, пора познакомить тебя и с остальными героями моего правдивого романа. Их было трое: военный человек Талгат Салихдзяныч Батыршин, мирный учитель Нуртай Мусаич Курманбаев и охранник на доверии Сергей Афанасьич Полтавцев. Позже, познакомившись со всем тремя, и втянув их в свои авантюры, Володя назвал созданную им группу товарищей КИО, что расшифровывалось им как *Кулемзин И Остальные.* Но – по порядку.

Талгат Батыршин стал соседом Кулемзина в тот момент, когда последний въехал в их общий дом. Володя приметил его на второй день обитания в новом ареале – по характерному блеску похмельных глаз, и тут же предложил незнакомцу пива. Незнакомец с радостью согласился, долго извиняясь, что не может ответить тем же по причине затяжного финансового кризиса. За пивом соседи познакомились.

– Владимир Кулемзин, акын истории, – представился пришелец. – Имею большую и, надеюсь, светлую голову, а также предрасположенность к маразматическим измышлениям философского плана, которая в зависимости от влияния сезонных факторов может обостряться до чрезвычайности!

«Чего это он?», опасливо подумал сосед и тоже представился:

– Толик.

– В смысле?

– Талгат, – поправился сосед и, почему-то стесняясь, добавил:

– Батыршин. Салихдзянович…

– Анатолий Семёнович Богатырёв, – тут же перевёл на человеческий язык Володя и задумался: уж слишком распространённым было это имя среди нерусского народа. «Талгат, Талгат… Чуваш? Монгол? А, может, не дай *дедушка*, черемис?» Но всё оказалось гораздо проще: Талгат оказался банальным татарином, потомком тех самых приятелей, которые несколько столетий назад пускали свою кровь в каждую русскую душу.

– Я муж Аиды, – ещё более стесняясь, промолвил татарин.

– Яйчики-бабайчики, очень приятно. А днём чем изволите заниматься?

Тут муж застеснялся окончательно, после чего признался, что он – военный, а если конкретнее, то старший прапорщик, причём, при слове *старший* он застеснялся ещё больше.

– Военный? Где же вы кровь проливаете? В Сбродном оркестре Дезертирской песни и пляски? – смело предположил Володя.

– Нет, в президентском оркестре, – тихо ответил смуглый и зарделся. – Я играю на трубе…

Ноты каждый с детства знает,
плюнь – везде зарыт артист:
на трубе трубач играет,
на гитаре – гитарист!

«Странный какой военный», подумал Альбионыч. «Могу поспорить, что он не знает даже таблицу умножения…» Вслух же сказал несколько иное:

– В армии вообще много садистского.

– Что-то служу уже столько лет, а не замечал, – дёрнул плечом прапорщик.

– Ну как же? – удивился Кулемзин. – Вы, наверное, или привыкли, или просто не замечаете. Разве не садизм, например, выслушать от своего армейского командира хотя бы вот такой приказ: «Рядовой Иванов, *выйти из строя*!» Это что, намеренно поломаться, что ли?!

«Чего это он?», снова испугался военный человек. «Нет у нас в части никакого Иванова…»

– А как ваше здоровье? – вежливо поинтересовался новый знакомец.

– Всё в порядке, – печально поведал прапорщик. – Вот только я сильно страдаю от нехватки хорошей компании…

– Это поправимо, – улыбнулся Кулемзин и загадочно добавил: – Только в квадрате, исключительно в квадрате природа, которую иногда недалёкие люди называют *дедушкой*, достигла своего совершенства.

Военный ничего не понял, но зато явственно увидел спустившийся с небес луч надежды, после чего новые знакомцы перешли на *ты*.

– А ты, Володя, женат? – явно волнуясь, поинтересовался прапорщик.

– Один, – горько ответил писатель. – Как жёлтый огурец в осеннем поле! Один! А скоро буду ноль…

Позже Кулемзин узнал причину столь явного волнения – оказывается, от прежнего брака у Батыршина было двое детей, и от нового, с Аидой, завелось ещё двое.

– Да ты просто какой-то отец-*героин*, – восхитился писатель.

Будущий младший лейтенант пришёлся по душе Володе, особенно когда он убедился в его виртуозном владении русским разговорным языком и личной нескромности в быту. Кулемзин всегда считал, что человек, не скрывающий своих пристрастий, изначально честен как перед *дедушкой*, так и перед *иблисом*[13], а, значит, и перед ним лично тоже. После такого комплимента мысли военного музыканта совершили гиперпространственный скачок и он вновь повторил:

– А ты, Володя, женат?

– Да, – свободно ответил марсианин, не удивившись повтору. Он уже привык, что люди не слышат не только собеседника, но зачастую и самих себя. – В прошлом…

Потом немного подумал и добавил:

[13] В исламе имя джинна, который благодаря своему усердию достиг того, что был приближен аллахом, и пребывал среди ангелов, но из-за своей гордости был низвергнут с небес. После своего низвержения иблис стал врагом аллаха и людей, сбивая верующих с истинного пути – араб. (Автор, несомненно, употребляет это выражение просто как синоним чёрта, которого поминают при встрече с неприятным человеком – прим. штатного психолога группы переводчиков романа)

– И в будущем…
– Ёкарный бабай, – пожалел его Талгат.

Вроде не совсем буржуи,
мозгом не засорены,
но живём мы жизнь чужую
в поисках своей жены…

Немного познакомившись с писателем, военный трубач задал ему давно мучивший его вопрос:

– Володя, а почему ты называешь судьбу сукой?

– Ну, это совсем просто. Родился, вкусил немного молока, затем пивка, и сразу стал соображать, задумываться над своей судьбой. Сидишь себе и мечтаешь, что вот уж у тебя-то она будет какая-то особенная: чтобы шуршал ветер, чтобы весело кружила листва, чтобы мелькали дивные деревья – эдакая мечтательная динамика жизни, полёт навстречу удаче, счастью и деньгам. А судьба-то твоя не просто судьба, а Сука-судьба, свобода человека на водных лыжах. Он виляет и крутится, кувыркается и выделывает безнадёжные кульбиты, но от катера ему всё-таки не оторваться, за рулём которого как раз она. Яйчики-бабайчики, короче говоря!

В свою очередь, и писатель, немного познакомившись с военным, кроме того, что это неплохой человек, понял, какой он бабник. Поэтому впоследствии, про него, да и вообще про таких, как Талгат, Альбионыч всегда говорил стихами, надиктованными им в приступе шизофрении его музом Васей Курочкиным:

Когда-то был я молод и не слаб,
любил я книги, выпивку и баб.
Прошли года, я поседел и сник –
теперь уж мне, понятно, не до книг!

Глава 19. ЯВЛЕНИЕ НУРТАЯ

В тот же день Володя познакомился с ещё одним героем этой истории – учителем Курманбаевым.

– Primus inter pares[14], – представился толстяк.

[14] Первый среди равных – лат.

«Какой примус?», пронеслось в голове педагога. «Сумасшедший, что ли?»

– Курманбаев, – представился педагог.

Глазки у незнакомца забéгали, как тараканы на родео, и Володя тут же спросил его, не родственник ли он тому самому Курманбаеву, скандально прославившемуся среди соплеменников переходом в семитский колледж? И, к счастью, узнал, что нет, не родственник и даже не однофамилец – это он самый и есть. Звали учителя Нуртай Мусаич Курманбаев. В молодости он был прогрессивным молодым человеком левых взглядов, верховным божеством в тотеме которого числился очередной генеральный секретарь КПСС (б). Сегодня же он считал, что остался коммунистом и поныне. По крайней мере, выходя из дома, Нуртай нередко по привычке совал в задний карман штанов свой партийный билет – уже значительно потёртый и даже однажды сложенный пополам, что, видимо, символизировало его нелёгкую борьбу коммуниста за счастье людей всей планеты. При открытии документа на любопытст-

вующего тут же начинало смотреть какое-то чёрно-белое лицо, втиснутое в казённое фото 3 х 4 со срезанным уголком, приклеенное канцелярской коричневой бурдой.

Здесь генсеку всякий равный,
если он не импотент:
партбилет – доку́мент главный,
а, быть, может, докуме́нт!

Когда-то Нуртай с удовольствием колебался вместе с постоянно меняющейся генеральной линией партии, теперь с не меньшим удовольствием за приличную зарплату колебался с прихотями немного пристукнутого директора колледжа – старого еврея, начинающего каждое утро с причитания о том, что в Саксаулии просто невозможно преподавать тору местным аборигенам. Когда пришёл капитализм, педагог тут же понял, что продолжать чистить себя под Лениным – дело тухлое, и решил привычно подстраиваться под ситуацию. Сам Курманбаев считал саксаульцев подобием тайной организации, никогда не признавался в коренной национальности и даже дома культивировал русский язык. Но, как впоследствии заметил Володя, любить водку, халяву, революцию и быть чудаком на букву *м* – этого ещё недостаточно, чтобы называться русским. И уже позже Кулемзин придумал, что если бы Нуртай был русским, у него была бы фамилия Большевиков.

«Странный какой-то», неприязненно думал педагог, «и ещё эти волосы длинные. Из духовного звания, что ли?»

– А где ты, Володя, работаешь? – прищурившись, как чекист, спросил он.

– Хорошая работа, старик, – довольно ответил Кулемзин. – Только не скажу какая, там всё равно свободных мест нет.

– А всё же?

– Да так, сибаритствую на просторе – пишу разные слова и пытаюсь связать их общим смыслом. Короче, писатель.

– А в каком жанре работаешь? – поинтересовался Курманбаев.

– В жанре ужаса жизни, – просто ответил писатель. – В области гинекологической исповеди.

«Мать моя партия! Надо бы подальше держаться от такого чуждого нам творчества», решил про себя педагог. Позже, ближе познакомившись с Володей, Нуртай понял, что раскусил его гнилую натуру. «Нестойкий интеллигент», думал он о Кулемзине, «к тому же одурманенный диссидентствующей бесовщиной…» Правда, вслух он такое не говорил, потому что уже знал, что за ответом Альбионыч в карман лазить не привык. Зато вслух сказал другое.

– Может, подружимся семьями? – робко предложил Курманбаев.

– Пас, – лапидарно ответил писатель.

– Почему? – изумился педагог.

– Да дружить нечем. Семьи нет…

Не считая брак за бремя,
но от этого грустя,
дружим семьями мы с теми,
у кого семья – *семь я*!

– Володя, а кто ты будешь по своим внутренним убеждениям? – по окончанию знакомства осторожно осведомился Нуртай.

– Внутренним? – задумался Альбионыч. – Скорее, мясопоклонник и пивофил. А вот по внешним – анархист, то есть сторонник абсолютной свободы!

Уже через несколько дней знакомства Володя почувствовал, что в педагоге было скрыто второе дно – как в контрабандистском кофре, эдакое скрытое третье измерение. И, как писали русские романисты начала XVIII века, «предчувствия его не обманули»…

Глава 20. ЯВЛЕНИЕ СЕРГЕЯ

С третьим участником своей будущей *хевры*[15] Володя познакомился через пару дней, когда попросил одного странного гражданина помочь ему занести в квартиру новый диван. В чём же была несомненная странность вышеозначенного гражданина? Да в том, что дело происходило, как мы помним, в мае, а на этом персонаже, кроме тельняшки с прожжённой сигаретой дырочкой и чёрных сатиновых трусов, метко прозванных в народе *семейными*, которые хлопали на ветру, как знамёна на параде, на нём были надеты валенки. На голове же и вовсе наблюдалась шапка-ушанка. Приглядевшись внимательнее к странному персонажу, Кулемзин протёр глаза и изумлённо подумал: «Фотошоп? Или я случайно ядерную войну проспал?»

Писатель ещё раз внимательно осмотрел нового знакомого и решил, что до пра́ва носить костюм тот уже дорос, но вот пользоваться им ещё не научился. Хотя маргиналом он тоже, конечно, не выглядел, скорее, – дремучим маргиналом. «Прикид, как с убитого снял», подумал Альбионыч. «Яйчики-бабайчики, с такой внешностью, пожалуй, нет никакой надежды на блестящую карьеру киноактёра…»

[15] Шайка, банда – феня

Он ещё раз взглянул на странного персонажа и представился:

– Владимир, специалист по творчеству раннего Матисса. – И уточнил: – Анри Эмильевича…

Обладатель майских валенок с уважением посмотрел на Кулемзина и решил помочь. Тут же выяснилось, что помощника зовут Сергей Афанасьевич Полтавцев, а живёт он в соседнем доме – № 16. Признался он и в том, что когда-то работал на ОХБК – помощником мастера, а квартиру в соседнем доме получил за трудовые подвиги на ниве как раз хлопчатобумажного производства. Кряхтя и чертыхаясь, нежданный помощник взвалил на себя диван и один занёс его в квартиру № 4.

– Может, ещё чего? – дохнув чесноком, предложил свои услуги услужливый, нетерпеливо перетаптываясь и явно рассчитывая на вознаграждение.

– Спасибо, – вежливо ответил писатель и выдвинул встречное предложение – отметить мебельный занос парой бутылочек пивка, на что тут же получил горячее согласие. После пива лицо соседа немного изменилось – он снял шапку, показавшую его брови. Выяснилось, что у псевдоматроса они росли густыми серпиками, как у Ильича II времён «Малой земли» и «Возрождения» В остальном же Серёжа был сер, бесцветен и тускл, как осколок запылённого оконного стекла.

Коммунизмом словоблудя
и держа вождишки лик,
из страны советской люди
страшно серые ползли…

«Типичный гегемон», после совместного пива решил Володя. «Такого встретишь в тёмном парке культуры имени Горького Пьяницы, на всю жизнь – незабываемые впечатления…»

– Отличный ты мужик! – похвалил его за помощь новый знакомый.

– А то! – самодовольно откликнулся Полтавцев.

– А что у тебя с лицом, Серёжа? Бульдозер наехал?

– Спасибо мамашке, – невпопад ответил валенконосец.

Володя иронично поглядел на «отличного мужика» и подумал о том, что этот персонаж – просто усталый рабочий мерин, ещё не до конца утерявший интерес к жизни, но привычно волочащий ноги по утоптанному Сукой-судьбой кругу без начала и конца. И это даже нельзя было назвать депрессией или кризисом постсреднего возраста, ибо автоматы не предрасположены ни к депрессии, ни к кризисам. Человек, ведущий механическую жизнь, – что же здесь особенного в условиях нашей страны? Многие живут так: метроном размеренно щёлкает, отчитывая секунды-дни-годы, дорога гладка и прямолинейна, никаких разветвлений и крутых поворотов не предусмотрено, всё, чего стоило достичь, уже достигнуто, всё, что когда-то будило душу, ныне приелось и обрыдло. Поэтому бытие его скучно и тривиально, хотя он и не осознаёт этого, а если и сознаёт, то вряд ли может вылепить что-то лучшее из глины, чавкающей под ногами.

Взирая на своё творенье исподлобья,
промолвил *дедушка*, стирая пот:
«Ну, если он – мой образ и подобье,
то я – последний идиот!»

– Володя, а ты в армии был? – поинтересовался Полтавцев.

– Конечно, – отозвался мистификатор. – Я же герой Перекопа.

– Какого Прокопа?

– Да Прокопа Варфоломеевича. Надеюсь, ты слышал о его непростой ночи, случившейся 431 год назад?

Володя улыбнулся. Он испытывал неистребимую симпатию ко всем, кто тянется к свету знаний, и кто ещё способен хотя бы раз в день напрягать своё слишком серое вещество.

– О-о-о, – простонал потрясённый охранник. – Расскажешь?

– Так в учебнике истории всё написано.

Потрясение Полтавцева усилилось: ещё никогда в жизни он не был знако́м ни с одним человеком, о котором писали в учебниках.

– Кстати, Серёжа, а ты как к писателям относишься?

– Я к ним никак не отношусь, – резонно ответил бывший текстильщик. – Я объекты охраняю.

Он немного подумал, добавил в лицо значимости и уточнил:

– От проникновения…

Мать честна́я, фу ты, эх ты!
Признаю́сь я, весь дрожа:
охраняю ведь объекты
без ружья и штык-ножа,
без нагана-пистолета,
кто бы мне ни угрожал!

Потом подумал и решил уточнить:

– Володя, а ты из какого дома?

«Из сумасшедшего», решил ответить Альбионыч, но не стал, почувствовав в новом знакомом сопациента всемирной палаты № 6.

Глава 21. ЯВЛЕНИЕ СЕРГЕЯ (окончание)

– Афанасьич, а сколько тебе лет? – поинтересовался Володя. – Причём, прошу указать количество полных лет.

– Зачем тебе это? – встревожился охранник, с сомнением вглядываясь в лицо писателя с явными следами лежалого интеллекта.

Володя давно заметил, что так называемые *простые* люди вообще с большим недоверием относятся к интеллигенции. Видимо, недоверие это было у них чем-то вроде родового инстинкта. Вроде бы уже и начало III миллениума, и столько уж раз твердили про равенство, братство и демократию в последнее время, а для *простого* человека ты всё равно подозрителен – потому что интеллигент *барин*, хотя он и сам давно забыл это слово. А вот родовое всё равно проявляется. «Все они – бары, хозяева, одним словом, начальники», думает *простой* человек. «Все они сидят на нашей шее и живут за счёт простого народа. Но веры им нет, они не *наши*, они всегда за себя, и все заодно, и так далее» Вот так примерно чувствует *простой* человек – подсознательно, конечно. Пока эти странные мысли владели писателем, он уже и сам забыл, что хотел узнать своим несложным вопросом, когда услышал наконец ответ Полтавцева:

– Да уж жизнь под горку катится…

Ответ рассмешил Володю, и он вспомнил, как однажды прочитал написанное апостолом Павлом: «А когда стал мужем, то оставил младенчество…», что тоже было довольно забавно. Познакомившись поближе, Афанасьич также решил прояснить некоторые вопросы. Первый вопрос был такой:

– Ты, Володя, наверное, учёный?

– Если бы! – вздохнул Кулемзин. – Есть такая горестная и очень вредная профессия – писатель. Так вот туда меня и угораздило. Творюга, одним словом!

– Мать честна́я! Зачем же ты так? – посочувствовал валенконосец.

– Да я имею в виду, что творческая личность. Впрочем, какая это профессия! Так, болезнь, вроде хронической чесотки. Но, в то же время – единственный способ дышать…

– Вона как, – удивился новый знакомый.

– Интересно, среди вас непьющие есть? – поинтересовался пришелец.

– А это смотря кто сколько не пьёт, – объяснил ему новый знакомый.

Скажем мы не для рекламы,
а от жизненных высот:
перестанем пить тогда мы,
коли смерть нас заберёт!

Познакомившись со сторожем, Альбионыч стал называть своего нового товарища пограничником. Правда, никакого отношения к славным парням в зелёных фуражках охранник никогда не имел, да и служил в стройбате, а прозвище объяснялось очень просто. Просто в психиатрии есть такой термин: *пограничное состояние* – это когда ещё не явное сумасшествие, но уже далеко и не норма. «Задержка в развитии», сначала предположил Кулемзин, но уже через день понял: нет, просто дурак с рождения. Видимо, с этим определением Афанасьич уже сталкивался по жизни, поэтому оправдывался так:

– Да я не глупый, просто у меня такое вот отклонение – в пределах допуска.

«Ну, что ж», улыбнулся про себя новый знакомый, «придётся манипулировать в означенных пределах!» Кстати, охранник тоже придумал кличку для нового знакомого, назвав его про себя *головастиком*, правда, потом выяснилось, что никакого от-

ношения к лягушкам это слово не имеет, а просто так *на зоне* называют очень умных людей, и особенно тех, кто умеет правильно написать прошение главному человеку страны о помиловании.

Убивают из-за водки,
на башке разбив кувшин.
Может нас простить лишь тот, кто
сам ни разу не грешил!

Глава 22. ПО ЗАВЕТУ ПАВКИ КОРЧАГИНА

Постепенно приходя в себя после обязательного в таких случаях ремонта, Володя решил, что жильё пока соответствует его человеческому статусу, и занялся своим привычным делом – бездельем.

«А как же жизнь? Как же жизнь в её самом низменном – финансовом проявлении?», воскликнет любопытный читатель, и будет прав, ведь автор до этого времени как-то забыл прояснить одну немаловажную вещь. Хотя нет – упомянул, но как-то не до конца. Дело в том, что Кулемзин до переезда на новое ПМЖ заработал кучу денег – честным и не совсем способами, принятыми в те годы. Честный заключался в том, что он создал свою фирму, коя снабжала горожан бланками, визитками и прочей бумажной чепухой, а не совсем честная – в том, что попутно он обналичивал деньги у доверчивых и наивных бизнесменов, в которых превратилось почти всё трудоспособное население страны. Открыл свою фирму Володя, практически не задумываясь о последствиях – это было мужество отчаяния, ведь не было отпущено ему ни профиля Давида Иессеевича, ни эйнштейновского замаха мысли, ни сановных связей, зато появлялась надежда выйти из сырого саксаульского прозябания. Он бросил кость и ему выпала шестёрка – он стал первым не среди пресловутого социалистического коллектива, а среди себя, наивным игроком и напёрсточником одновременно, попытавшимся не потеряться в рухнувшей в выгребную яму истории империи.

Альбионыч вообще полагал ненормальными тех людей, кто главной целью своей жизни считал деньги, деньги и только деньги. И, хотя он и знал, что деньги – несомненное зло, всё же думал, что зло это необходимое, без которого добро будет немного пресным. Ведь если не будет богатых и бедных, и все станут равными в правах и возможностях, любое доброе дело превратится в простую вежливость воспитанного человека. Представляете, скольких филантропов такое положение вещей сделает несчастными?

Будет только справедливо,
если нам поможет власть:
деньги ведь нужны для пива,
чтоб его попить нам всласть!

К закону и морали он относился, скажем так, довольно игриво: в части закона считал, что допустимо всё, что недоступно вниманию налоговой инспекции, а касательно морали полагал, что эта абстракция даже не подлежит серьёзному обсуждению. Он никогда не принимал во внимание ни псевдомудрые библейские откровения типа «не убий» или «не укради», ни тем более чепуховые положения морального кодекса строителя коммунизма («кто не работает, тот не ест» или «человек человеку друг, товарищ и брат»), который пытался внедрить в массовое советское сознание Никита Сергеевич Хрущёв, которого Володя – по старой привычке всё переиначивать – называл Кукурузвельт. Поэтому, не испытывая материальных трудностей,

Кулемзин бездельничал с наслаждением, ибо по жизни был *бонвиваном*, или, как говорят любители блюд из лягушатины, человеком, любящим пожить в своё удовольствие. Но – и с интересом: когда же закончатся заначенные от лёгкого бизнеса деньги, всё-таки изредка (раз в квартал) их пересчитывая, но они никак не заканчивались.

Весь в подсчётах денежек бумажных,
думаешь ты, пачки теребя:
сколько у страны – тебе неважно,
главное – хватает у тебя!

Честно признаться, Володя давно жил по завету Павки Корчагина – о жизни, которую нужно прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Поэтому он с удовольствием попивал пивко, ел копчёную курицу и другие вкусные вещи, не ходил ни на какую работу, и вообще делал только то, что пожелает его большая душа. Ему возражали, что слова́ о мучительной боли Павка Корчагин говорил в момент строительства им коммунистического завтра, на что Альбионыч резонно возражал, что он тоже строит коммунизм, но только в отдельно взятой семье, а именно в семье, состоящей только из одного него!

Глава 23. САМАЯ РУССКАЯ ИГРА

Правда, он не оставлял своих литературных опытов и временами пописывал, как он выражался, «стишки про кишки» и «прозу для циррозу» Но истина была в том, что делал Альбионыч это по велению своей безразмерной души и объяснял интересующимся, что пишет исключительно для того, чтобы его мозги не стали цве́та брянских болот. Но – в какой-то момент ему стало скучно: все перевезённые на новое место книги были перечитаны, все телевизионные программы пересмотрены, все окрестные красотки уже успели вдохновить его на несколько десятков подвигов.

По ночам не спится – можно спиться,
падает гемоглобин в крови,
жмёт давленье, ноет поясница,
хочется свободы и любви!

Прожив несколько месяцев в новом месте, Володя понял, что если он останется наедине с собой ещё немного, то сумасшествие ему гарантировано. Не так уж много в его душе существовало спасительных уголков, где можно было укрыться от терзаний, ведь скука – штука смертельная, и это подтвердит вам любой практически непьющий мужчина в расцвете лет. Так прошёл месяц или более него, пока у нашего героя не созрела вполне материальная мысль: а не организовать ли такой клуб по интересам, чтобы было интересно, во-первых, самому́, во-вторых, новым знакомым и соседям, и, в-третьих, чтобы при этом было весело и пиво лилось рекой? Первые автопредложения о кружке́ авиамоделизма, собирания табуреток по самоучителю и секции художественного свиста отклика в кипучих мозгах Володя не вызвали.

Что должно случиться с приличным человеком, что перевёрнет всю его дальнейшую жизнь? Возьмём примеры только из одной забавной книжки без картинок. Моисею, например, как известно, явился горящий куст, Соломон ходил беседовать с *дедушкой* в храм, который для него же и построил, забыв о том, что его собеседник – вездесущий, кому-то явился Христос, кому-то – дева Мария, тому вон – архангел Михаил, а этому – так и вообще вся святая троица. Для наших же героев переломным событием в жизни стал факт появления на ограниченном пространстве жизни некоего

толстоватенького гражданина с пытливым взором. Тогда они ещё не знали, что гражданина в его земной жизни зовут Владимир Альбионыч Кулемзин, а пространство, на котором и будет происходить всё действие нашего правдивого повествования, он своей волей назовёт Бермудским Учпучмаком.

Володя искренне полагал, что Вселенная существует конкретно для него. «Я не могу существовать, когда дважды два четыре», говорил он. «Мне так жить скучно. Мне нужен люфт!» И вот при очередном взгляде в туманное от летнего дождика окно нашего героя зажгла золотоносная идея, насыщенные волей стремления пробили для жизни писателя новое русло – именно тогда к нему пришло озарение: карты! Но, конечно, не все! Кулемзин решительно отсёк карты школьные и навигационные, дисконтные и банковские, географические (включая контурные) и карты таро́, коих в колоде, как он помнил, было аж целых 74 штуки.

Бубны, червы, трефы, пики –
это библия моя.
А на дам святые лики
по ночам любуюсь я…

Ещё с юности он с группой таких же, как сам, бездельников-журналистов, увлёкся одной карточной игрой без названия. И только сейчас, в эпоху интернета, узнал, что эта игра называется *Russian poker*. По недавно приобретённой транслитерной привычке он тут же перевёл это название как *русская кочерга* и подивился точности представленного образа. Игра была типично русской, и даже игралась колодой не в 52 карты, как играет весь мир, а в 55! Кроме этого, она отличалась таким невероятным количеством игровых комбинаций, что примитивным шахматам, например, даже не снилось! А что это была именно кочерга, и именно по голове игравших, сомнений не было вообще – только русские могли придумать, что в колоде должно быть не два джокера, а три, причём, третий называли старшим – как армейского ефрейтора!

Как портвейн нам не пивко,
так и poker – не очко!

Понятие покера вобрало для Кулемзина понятие *Игры-вообще*. Как объяснить это? Вот, например, сумасшедший французский художник Поль Луи-Огюстович Сезанн писал сосну или дуб, абсолютно не касаясь их деревянной физиологии. Он писал дерево-вообще, но это совершенно не мешало дереву на его полотне быть практически ощутимым, удивительно деревянным, – в отличие от шишкинских сосен, сработанных со всей старательностью и похожестью словно бы из спрессованных опилок.

Начав обучение, Володя чувствовал себя настоящим гуру, ибо прекрасно понимал, кем бы стали эти люди без него. Просто выучив немудрёные правила, остаёшься кружком недалёких мыслителей, пытающихся познать тайну тайного, но обречённых выродиться в узколобых сектантов типа масонов, самозабвенно перебирающих ветхие манускрипты. Кулемзин же попытался наполнить эти скудные знания эзотерическим содержанием, влить в пустые меха́ правил крепкое вино мистики и загадки, прозрения и отгадки, преисполнить их души не знаниями, но сомнениями в них и безошибочному чутью к разгадке.

Без шумихи и азарта
мысль постиг я, словно псих:
в картах главное – не карты,
а игрок, что держит их!

Глава 24. САМАЯ РУССКАЯ ИГРА (окончание)

Володя собрал всех новых приятелей возле своего подъезда и вещим голосом произнёс:

– На волю, мои маленькие друзья. Пришла пора свободы!

– В том смысле, что пора осознанной необходимости? – уточнил Серёжа.

– В том смысле, что вихрь событий уже приближается к нашим внеплановым посиделкам, – уточнил писатель. – Праздник пришёл в ваш кишлак, дехкане, – сегодня я буду учить вас играть в *русскую кочергу*!

Высокое сопрано Полтавцева, баритон Батыршина, басок Кулемзина и мерзкий фальцет Курманбаева составили неплохой квартет в рамках одного отдельно взятого микрорайона Отцеябловска. «Болалар киёматга[16]», добро подумал он о новых знакомых почему-то по-узбекски, «и все мы четверо – одного сапога пара!»

[16] Дети конца света – узб.

«Яйчики-бабайчики! Не *иблисовщина* ли? Не булгаковщина ли?», начав отношения с этими странными людьми, часто думал писатель. «Что за демиургические персонажи! Может, и вовсе завернуться в гоголевскую шинель, или высунуть ковалёвский нос, или поразить мир дикостью взгляда на манер роденовского Оноре Бернардовича Бальзака на парижском бульваре Распай? Хорошо только одно: надеюсь, все они когда-нибудь станут персонажами гениального романа, и, может быть, тогда простят меня…» В отличие от педагога, то есть человека, в профессии которого уже заключен корень *пед*, то есть *ребёнок*, Володя принял на себя функции *андрогога*, то есть воспитателя дебиловатых взрослых, которые, вместо того, чтобы зарабатывать деньги для семьи, решили заняться странной карточной игрой.

«Зачем это всё ему нужно?», подумал Курманбаев, который ничего не делал просто так, то есть задаром. Словно услышав мысли неприятного соседа, Володя пояснил:

– Просто я хочу внести хоть каплю смысла в вашу тусклую доныне жизнь!

Здесь автор немного отвлечётся, чтобы показать читателю некоторые нюансы именно этого явления. Итак, чем хорош русский покер, в корне, в идее отличающийся от псевдохитроумного западного покера? Володя считал, что именно на примере *русской кочерги* можно рассмотреть типы взаимодействия человека с социумом, или, проще говоря, с окружающим миром. А чтобы было ещё понятнее, пояснял это на примерах боевых искусств, откуда, кстати, черпал многие приёмы, несмотря на то, что в руках из всего оружия были только несколько карт.

Весь в пылу того азарта,
что как юная жена,
не стреляю я из карты!
Как же цель поражена?!

Первая модель была совсем проста: мир надстроен над личностью, и личность непрерывно транслирует его нормы и ценности. При этом у личности существует запрет на рефлексию своего положения относительно мира. Кстати, именно в таком режиме существуют всяческие экстрасенсы-медиумы и большинство людей, *встроенных* в социальные институции и корпорации. В восточной философии этому типу взаимодействия соответствует боевой принцип карате: *навестить противника и уничтожить его на собственной территории.* Вторая модель являла полную противоположность первой, потому что в этом случае личность была надстроена над ми-

ром. Примером её были большие социальные лидеры, жрецы науки, искусства и политики, а также появившиеся в последнее время гуру всевозможных мастей. Этой модели соответствует боевой принцип айкидо: *пропустить противника на свою территорию и уничтожить его там.* Правда, существует ещё и третья, принципиально иная возможность взаимодействия, когда *я* и *мир* равны, и в принципе это деление исчезает вообще. Мир – един, а я и есть мир. *Война прекращена, и творится непрерывный танец жизни*. Это принцип ушу. В общем, говорить об этом можно до бесконечности, и вместе с тем ничего конкретного сказать нельзя. Кулемзин даже подозревал, что это *ситуация резонанса*, при которой происходит переход на качественно иной уровень бытия и сознания.

Впервые узнав о такой разновидности покера, как *русская кочерга*, Альбионыч был потрясён до глубины души. В этой игре ему увиделось что-то ирреальное, ведь именно здесь, как нигде, чувствовалось, что окружающая действительность – лишь островок обыденности в великом океане тайн. Даже ему, марсианину по духу, русский покер чудился чем-то чуждым и вместе с тем притягательным. Видел, видел он в этой великой игре какую-то странную, бездонную, непонятную духовность, противоположную плотскому миру землян.

Но не надо мыслить узко,
как 14 святош:
русский покер – слишком русский,
хоть и каждому хорош…

В целом сформированное Володей сообщество напоминало не самую худшую действующую модель коммунизма, разве что только баб не хватало. «Ну что ж», устало подумал он, «пора птенцов на крыло ставить!» Писатель построил будущих игроков по ранжиру и начал лекцию:

– Равняйсь! Смирно! Начнём с материальной части, тем более что небезызвестный в марксистских кругах бородатый Карл Генрихович утверждал, что именно бытие определяет сознание.

И, под неодобрительный взгляд педагога, которому не нравились подобные высказывания о своих кумирах, писатель вытащил из кармана запечатанную пачку.

– Мои маленькие друзья, предлагаю вам повесить уши своего любопытства на гвоздь внимания, – по-восточному загнул поэт. – Итак, это так называемые игральные карты, – пояснил он. Все пригляделись. Это действительно были карты.

– Смешно, но люди именуют этот набор смешным мясницким словом *колода*.

Точат лясы и балясы
дикий чукча и якут:
на колодах рубят мясо
те, кто в покер не секут!

– Что ещё сказать об этих странных неквадратных листиках картона? – продолжил гуру. – Пожалуй, то, что игральные карты были изобретены в IX веке в Китае. И этого вполне достаточно – для таких неофитов, как вы.

Эх, если бы знали эти люди, куда их заведёт встреча с Кулемзиным. Но будущее сокрыто от простых смертных – и это правильно. Нельзя человеку знать своё будущее, ведь тогда пропадает смысл настоящего. Володя принялся за учёбу этих странных людей, полностью осознавая бессмысленность затеянного. Сейчас он был похож на своего учителя Ошо, который тоже говорил своим ученикам, что продолжает их учить, прекрасно осознавая, что учить *нечему*, и поэтому это можно делать

бесконечно. Он понимал даже то, что ученики *могут кончиться* раньше такой учёбы – именно потому, что в ней нет конца.

Глава 25. СОВОКУПНОСТЬ РАЗОЧАРОВАНИЙ

Лучшим составом для *русской кочерги*, как помнил наш герой, было четыре игрока, хотя в случае вре́менной кончины одного из них (например, с похмелья) можно было играть и втроём.

– Раз! – начал отсчёт с себя писатель. И остановился: играть пока было не с кем. Но не было место для отчаяния в организме нашего героя – он знал, что сто́ит ему только поставить задачу, и она будет выполнена немедленно! Искушённый читатель, конечно, уже вспомнил, кто именно составил компанию Володе для приобретения покерной *квадригой* законченного вида, иначе зачем бы автор чуть ранее, а именно в главах 18-21 стал рассказывать ему о каких-то сомнительных личностях. Процесс стабилизации покерной шайки не занял много времени: Курманбаев, например, охотно согласился по причине свободного времени и безвозвратных кредитов на пиво со стороны Кулемзина, Батыршин – по причине неохотного сидения дома с женой Аидой и безвозвратных кредитов на пиво со стороны Кулемзина, а Полтавцев – по причине работы охранником (через два дня на третий), но так как сло́ва *кредит* он не знал, то пил пиво Кулемзина просто на халяву, охотно совмещая этот нелёгкий процесс с игрой.

Будьте, как Крутой Уокер,
но живите не в бреду:
научу играть вас в покер!
Но, возможно, на беду…

Писатель стал для своих новых друзей не просто неким отвлечённым гуру, а тем человеком, которым зоновские *первоходки* называли самого уважаемого человека в камере – *маз*. Здесь не было никакой промышленной ассоциации с очень мощным белорусским автомобилем МАЗ, ибо от слова *маз* произошло ещё одно лагерное выражение – *отмазать*. Такой авторитетный человек легко мог отмазать понравившегося ему новичка как от жестоких сокамерников, так и от пошлого оперсостава колонии. Правда, о том, что Володя стал для них именно *мазом*, новые друзья так никогда и не узнали, так что этой метафоре была уготована Сука-судьба остаться банальной литературщиной.

А потом началась Великая Учёба, которая длилась без малого 100 дней, но закончилась весьма печально. Всё это время писатель питался идеей, которую когда-то давно заложил страшно умный француз Жан-Жак Исаакович Руссо в своём программном романе «Эмиль»: «Я позвал их, показал им пирог и предложил условия. Большего им и не требовалось…» Поэтому первой фразой, которую промолвил адептам новый гуру, стала такая:

– Опыт – это совокупность наших разочарований!

И он знал, о чём говорил: будучи марсианином по рождению, Володя легко заглядывал в недалёкое будущее. И вот какой казус он в нём увидел: дело в том, что Кулемзин, как известный саксаульский манилов, очень ценил так называемые *серебряный* и *золотой* сны. Серебряным сном назывался короткий отдых после обеда, который был всем хорош, кроме того, что прибавлял лишние килограммы на животе, а золотым – тот же отдых, но только после завтрака. Так что активный покер на пространстве Бермудского Учпучмака навсегда лишал его этого счастья. И всё же Альбионыч чувствовал себя великим.

– Я для вас, ханурики, – признался он новым друзьям, – примерно как господь бог: просто беру людей и делаю их счастливыми!

Вы сейчас живёте скучно:
вам бы выпить да пожрать.
Дам я счастье, потому что
вы нау́читесь играть!

Глава 26. СУКА-СУДЬБА

Сергей Иванович Ожегов в своём «Толковом словаре русского языка» объяснил нам, что *план* – это заранее намеченная система деятельности, предусматривающая порядок, последовательность и сроки выполнения работ. А чуть позже, на другую букву у него же можно найти определение слову *судьба* – стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека. Поэтому судьба, дорогой мой читатель, или Сука-судьба, как называет её автор этого замечательного повествования, всегда сильнее какого угодно плана – она способна внести коррективы в любые людские задумки. В то же время результат её вмешательства, как это ни странно звучит, не всегда отрицательный. Иной раз мы сходим с ума от радости, так как наступившая реальность превзошла все наши самые смелые ожидания, но почему-то чаще приписываем это исключительно собственной удачливости, уму и проворству. При противоположных коллизиях, испытав горечь от крушения даже скромных замыслов, мы грешим на Суку-судьбу, кляня её последними словами, и напрочь забываем о допущенных нами ошибках, и уговариваем себя и даже жену, что всё случившееся действительно случайно, и мы здесь как бы ни при чём, а вот в другой раз такого уж непременно не случится – как раз таки в силу нашей предусмотрительности.

Словом, человек в силу присущего ему эгоизма частенько не способен правильно оценить и различить, где он сам преуспел или, наоборот, напроказничал, а где, по правде, в его жизнь вмешалась Сука-судьба. Но, что самое интересное, как бы нам плохо ни было, где-то в глубине души всё равно сохраняются крупицы веры в неё, хотя в христианской троице вера-надежда-любовь именно эта сестрица – самая бесполезная из всех. Наверное, именно поэтому Ожегов в четвёртом толковании сравнивает Суку-судьбу с будущим: это то, что *случится*, произойдёт с нами. А своего будущего не знает, пожалуй, никто. Не знали его и наши герои, спокойно проживающие свои серые жизни, пока Сука-судьба не толкнула их в объятия великой Игры, чьим пророком стал Кулемзин.

Помогла Емеле щука
так, что впору крикнуть: «Мать!»,
ведь судьба такая сука,
чтобы хуже не сказать…

«Конечно, гений хорош в качестве свечи зажигания, дающей искру», думал гуру, «но ведь и сам ученик должен проверять, не течёт ли радиатор, и в порядке ли резина!» Поэтому обучение юных покеристов Володя начал проводить по старому крестьянскому методу *беспривязного содержания скота*, когда участок пастбища огораживали проволокой, а затем ненадолго пускали по ней слабый ток. И когда (а это происходило очень быстро!) у скота вырабатывался рефлекс под названием *к проволоке не подходить*, ток отключали за ненадобностью, так как ни одно животное уже не пыталось нарушить границы отведённого ему пространства. Таким участком для кадетов стал Бермудский Учпучмак, навеки закреплённый Володей как недели-

мое пространство Великой Игры, как саксаульский Бермудский Треугольник, куда есть вход, но выхода уже не ищи!

– Итак, устанавливаю время игры в покер, – возвестил диктатор. – Будем играть ежедневно от светладцати до темнадцати! Или, говоря проще, яйчики-бабайчики!

Глава 27. БРЫСЬ, БЫЛОЕ!

В начале учёбы у всех неофитов возникло тоскливое чувство, что они не оправдали чьих-то надежд, что пришли поступать в балетную школу, имея заведомо кривые саксаульские ноги. Их даже начал терзать недоступный им ранее комплекс неполноценности.

– Жизнь, которой вы наслаждались ещё вчера, – начал обучение со страшного Володя, – кончилась и больше не вернётся никогда. Ваши мозги, которые вы до сегодняшнего дня считали вполне пригодными для жизни, изменятся в корне, если, конечно, метафорически принять постулат о наличии корней в мозгах.

Полтавцев пригорюнился: он слышал, что у каждого человека есть мозги, но как-то не ощущал их нахождения в своей голове.

– Я постараюсь передать вам свои лучшие качества, – добавил Кулемзин. – Ну, а худшие оставлю себе, они мне ещё пригодятся при игре.

У педагога в голове стали роиться смутные подозрения.

– Помните, засранцы, что опыт, – повторил главную мысль гуру, – это совокупность наших разочарований!

– Как это? – встрепенулся Серёжа.

– Чтó есть покер – школа представления или школа переживания? – продолжил тронную речь великий учитель. – Ни то, ни другое, мои маленькие друзья. Покер есть баббитовый сплав желания переплюнуть Вечность и быть в авангарде самого себя!

«Мать честнáя!», подумал охранник. «Буду играть!»

– Играть, дети мои, надо не так, как вы привыкли, – продолжал напутствовать неофитов писатель, – а подчиняясь святости момента.

Услышав такие страшные слова, коммунист Курманбаев сразу же захотел уйти, но потом подумал, что дома скучнее, да и жена денег на пиво не даст, и остался.

– Я, как историк искусства и доктор его же, – обратился к внимающим Володя, – могу вас заверить, что тяга человечества к азартным играм началась не вчера. Люди играют в карты, бросают шарики, гадают, под каким напёрстком находится заветный серебряный колокольчик, ещё с каменного века.

Игрою жизни прожигая,
как зажигалкой на жаре,
играя, люди проживают
всё тот же интерес к игре!

Даже в древнем Риме и античной Элладе существовали игорные дома, казино и притоны. И попытки всех императоров – ревнителей древних традиций благочестия – прикрыть их наталкивались на такое бешеное сопротивление, что могущественнейшие римские властители, перед легионами которых трепетал весь мир, всякий раз были вынуждены отступать. То же произошло и с нашими героями – где-то через полгода с начала ристалища неофиты почувствовали, как без покера их существование теряет свой объём, уплощается, растекается, как растаявший студень – вроде и состав прежний, и в густо дрожащем бульоне видны куски мяса и морковки, но про-

падает *структура*, а вместе с ней, каким-то таинственным образом, и вкус. И наступает скука, и даже не просто скука, а хуже – абсолютная необязательность происходящего.

– Но – брысь, былое! Чтобы отдыхать в пятницу, субботу и воскресенье, – продолжил проповедь Кулемзин, – есть два варианта. Первый: сделать обрезание и молиться на восток, при этом крестясь, и второе: научиться играть в покер. Именно этим мы сегодня и займёмся. Но пóмните, что у нас, мои маленькие друзья, не мебельная фабрика и тем более не КБ Сухого, – втолковывал неофитам Володя. – Так что придётся обойтись без профсоюзных собраний, кои так любит Нуртай, без выговоров, которыми полным-полна коробушка личного дела Талгата, и даже без лишения премиальных, о которых никогда в своей жизни не слыхал Серёжа. Короче, речь идёт не о выполнении плана, а о проявлении так недостающей у вас творческой натуры. Дерзайте, но не дерзите!

– Мать честнáя, пиво привезли! – истерически заорал Полтавцев. Все торопливо начали рыться в карманах. Володя понял, что лекция по искусству, не начавшись, закончилась.

И пусть враги порой злословят,
для нас всё это – ерунда!
О, пиво! Много в этом слове,
чего мы раньше не вида…

Пока охранник бегал за пивом, Альбионыч решил занять своих новых друзей, для чего и рассказал короткую дзенскую историю. А почему именно её, будет понятно через несколько секунд.

Глава. 28 КОРОТКАЯ ДЗЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Однажды Учитель всех даосов поставил чайник на огонь и, задумавшись о судьбах человечества, забыл о нём. Конечно же, чайник благополучно расплавился. Другой бы на месте Учителя расстроился, но разве великий даос позволит себе такую глупость?

– Это знак, который послал мне сам Ошо, – произнёс Учитель. – Видимо, сегодня мне чай вреден.

И пошёл пить пиво. С Кулемзиным…

Глава 29. БРЫСЬ, БЫЛОЕ! (окончание)

«Покерист», хотел втолковать Володя неофитам, «это, прежде всего, творческая личность, и только потом – пьяная скотина!», но не успел – слово *пиво* перебило все остальные эмоции присутствующих. Пиво! Вот и прозвучало в нашем повествовании это приятное, не побоится обобщить автор, слово для всего человечества. Ведь именно из-за него ещё древние люди, от недостатка знаний не умеющие делать крепкие спиртные напитки, теряли рассудок и общественные функции, хотя их лесные соседи лоси, как ни странно, дурели от смертельного человеку мухомора, древние инки почитали коку, из которой предприимчивые американцы создали бессмертную кока-колу, а слоны пёрли на людей, нажравшись ветвей *мехе*.

Наши игроки тоже имели свой наркотик – пиво. Надо заметить, что в описываемое время одним из безусловных достижений новой демократии стало появление в магазинах невероятного количества сортов пива, и в российские лидеры сразу же выбилась «Балтика», переименованная из ходовых немецких сортов «Pils» и «Kelsch», а

лучшим саксаульским стала марка «Тянь-Шань» с этикеткой на привычной кириллице. У каждого из новых друзей было своё пристрастие: Кулемзин, перепробовав все марки, остановил свой выбор на всё том же «Тянь-Шане», сразу признав его *своим*, тем более что было в этом янтарном напитке одно редкое для слабого спиртного свойство – «Тянь-Шань» пробуждал радостные эмоции, просветлял глаз и размягчал душу. Именно «Тянь-Шань» в умеренных, разумеется, дозах приносил ему вдохновение, а в неумеренных – и озарения! И главное – не вызывал никакой агрессивности, как, например, то же советское (б) «Жигулёвское» Сторож же традиционно (по причине пролетарской бедности) предпочитал именно «Жигулёвское», вкус которого не смог изменить начавшийся капитализм, вследствие чего его перестали пить даже бомжи. Нуртай любил пиво любое, лишь бы за него заплатил кто-то другой; и если майор Ковалёв из гоголевской повести потерял нос навсегда, то Талгат терял свой разум только после третьей бутылочки внешне невинного пива «Маршал», которое по своим градусам приближалось к крепости знаменитого «Портвейна № 12»

Кто доволен казанами,
кто от водки косоглаз,
только пиво будет с нами
до поры, где нету нас…

Глава 30. НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

Вчерашнего пива было немного – Кулемзин решил не сбивать интеллектуальную планку учащихся в са́мом начале факультативных занятий. Но и препятствовать свободному волеизъявлению народа за свой счёт тоже не стал. Поэтому он выдал присутствующим по четыре бутылочки знаменитого на весь город пива «Тянь-Шаня» и посвятил остаток дня более тесному знакомству с личным составом. Уловка удалась: под влиянием слабоалкогольного напитка en masse[17] бесхитростные саксаульцы раскрепостились и стали выдавать свои немудрёные секреты. Но в этой главе автор не планировал раскрывать их, так как решил постепенно раскрывать тайны этих сомнительных личностей в процессе твоего чтения, мой читатель. Но – не таковы были его скромные собутыльники.

[17] В массе – фр.

– Вот ты говоришь, что поэт, – сразу взял домашнее животное за рога сторож. – А можешь что-то рассказать, что сочинил?

– Да-да, – поддакнул педагог, – но только чтобы обязательно был воспитательный эффект!

Прапорщик поморщился: воспитания ему хватало дома – от зануды Аиды.

– Легко, – согласился Володя и прочёл свою главную нетленку, которая, как он надеялся, переживёт его в веках:

Если взять кусочек мыла
и забыть его в сортире,
а потом придти туда же
через 48 лет,
ухо к скважине замочной
прислони – и ты услышишь:
звон хрустальный
раздаётся…

Талгат тут же подавился не вовремя сделанным глотком.

– Но к делу, – продолжил великий учитель народов. – А дело состоит в том, что, если кто-то из вас когда-то играл в так называемого дурака, тот в принципе может постичь и *русскую кочергу* – лет через семнадцать упорной учёбы.

«Не доживу», мелькнуло в шалой голове Серёжи.

«Не доживу», мелькнуло в музыкальной тыкве Талгата.

«Не доживу», мелькнуло в идеологической голове Нуртая. «Если, конечно, мне вовремя не поможет великое и всепобеждающее учение Ленина-Сталина!»

Собственно, здесь не было ничего нового: способ такой вербовки придумал ещё Сэмюел Джонович Клеменс, более известный в миру как Марк Твен – при написании своей книги о Томе Сойере в 1876 году. Пóмните, как Том красил забор, набрав для этого пацанов со всей округи? И правильно поступил: сделай работу привлекательной, а всё остальное сделают за тебя!

– Кратко о себе, – тем временем предложил Кулемзин. – Учитель в картах – не тот, кто поучает и показывает технические приёмы, а тот, кто позволяет учиться. И я как раз позволил себе возомнить, что вы, люди безусловно маргинальные, сможете когда-нибудь овладеть премудростями этой великой игры.

– Ёкарный бабай! А правил много? – поинтересовался военный.

– Нет, – резко ответил Володя, ибо полагал, что консультанту по покеру положено было быть суровым. – Ведь всё зависит от того, к чему стремится человек, и в чём находит удовлетворение.

– Так в пиве же! – загорелись глаза у Полтавцева.

– Опять нет, – ещё суровее ответил Володя, – пиво в данном случае, как ни странно, не существительное, а прилагательное – именно к игре.

Покер – это так красиво,
как стрелкý под водку – дичь:
нам дают в реальность пиво,
чтоб великий смысл постичь!

– А вскольке́ром играть? – поинтересовался охранник.

– Вчетвером, – расшифровал вопрос филологически подкованный писатель, после чего завершил свою тронную речь:

– Так вот о главном: не бойтесь меня, друзья! При условии, что мне не будут противоречить, я не обижу ни мухи, ни даже прапорщика. И помните: отныне покер для вас будет тем же, что нефть для страны!

«Силён», подумал Полтавцев, прослушав начальные правила игры. «Ума, видать, инженерного!»

Глава 31. НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ (продолжение)

– И ещё одно: учиться, учиться и учиться! – строго промолвил Альбионыч и, заметив недовольство на лицах неофитов, добавил:

– Это, во всяком случае, не я сказал, а какой-то бесчувственный отморозок чуть ли не сто лет назад. И тогда вы поймёте, что в покере, как и в карате, вам ещё предстоит узнать то, что вы никогда не знали и, надеюсь, не запомните.

– А что именно? – вопросил дотошный Курманбаев. – А то, знаешь ли, учение учению рознь.

– Вот именно, – подтвердил сторож.

– Итак, для начала вам предстоит узнать разницу между *ибуки*[18] и *ногаре*[19], между *иппон-кумитэ*[20] и *самбон-кумитэ*[21].

[18] ***Возбуждающее дыхание – яп.***
[19] ***Успокаивающее дыхание – яп.***
[20] ***Борьба на один шаг – яп.***
[21] ***Борьба на три шага – яп.***

Читатель уже, наверное, заметил, что иногда Кулемзина несло, как Остапа в главе XXXIV в бессмертном романе Ильфа и Петрова.

– Обучая вас этой игре, я собираюсь заложить динамит в ваши души! – говорил Володя. – Я собираюсь разрушить все старые стереотипы, вложенные в ваше сознание всей прежней нелепой жизнью, собираюсь взорвать ваши фальшивые идеалы, я собираюсь даже изменить ваш язык, а вместе с ним и мысли. Трудная задача и даже, по-моему, невыполнимая…

– Эт' точно! – с удовольствием подтвердил охранник.

Гуру быстренько объяснил основные правила игры (к ним мы ещё вернёмся) и спросил:

– Кто за?

Серёжа радостно поднял руку вверх. Талгат замешкался. Педагог демонстративно глядел в сторону, всем своим видом выражая нейтралитет.

– Ясно, – резюмировал Володя и сам поднял руку. – Итак, решение принято большинством в полтора голоса. В конце концов, мы живём в *демократической* стране, и поэтому все *обязаны* исполнять правила в обязательном порядке!

Я выдумщик. И, может быть, умнее
живу, от мелких бед отворотясь,
но мне легко, а вам стократ труднее
такими быть, как выдумали вас…

Володя чувствовал игру остро, как нерв шопеновских ноктюрнов, и этому же хотел научить своих неофитов. Сейчас он чувствовал себя районным хирургом, которому предстоит операция на сердце канарейки.

– Только учтите, загрызаю безжалостно и с наслаждением! – пообещал он коллективу. – Tu ne cede malis, sed contra audentior ito![22]

[22] ***Не покоряйся беде, но смело иди ей навстречу – лат.***

Из всего сказанного Полтавцев понял лишь слово «контра» и страшно обиделся, немедленно восприняв этот красноармейский оборот на свой счёт. Но обидеться всласть ему не позволил писатель.

– ПОЛК! – явно педалируя прописные буквы, вдруг вскрикнул он..

– В смысле война? – несмело предположил военный трубач.

– В каком-то смысле да, – ответил Кулемзин. – Именно сейчас я собираю на ратные подвиги свой ПОЛК, то есть Партию Откровенных Любителей Карт!

Педагог поморщился. «Мать моя партия!», подумал он при этом, а вслух сказал:

– Володя, мне слово *откровенных* не нравится. Какое-то оно уж очень откровенное…

– Хорошо, Нуртай, специально для тебя будем переводить эту аббревиатуру как Партия Оппортунистических Любителей Карт.

Курманбаев покраснел и побледнел одновременно: он помнил о печальной судьбе видных оппортунистов Бакунина, Каутского и Плеханова.

– Нет, нет, я не против.

Всем остальным предложение неожиданно понравилось.

– Тем более что бардак в отечестве, я вижу, достиг апогея. И мне выпало сомнительное счастье навести здесь труднонаводимый порядок! Кто за?

Проголосовали все.

Коль быстрей домой нам нужно,
партсобранье нам на кой?
Голосуем все мы дружно
смело поднятой рукой…

– А, может быть, назовёмся лучше ТОК?

Будущих сопокерников подбросило как током.

– А это что? – поинтересовался прапорщик.

– Тайное Общество Картёжников!

– Нет, нет, ничего тайного, – снова не согласился педагог. – Пусть лучше будет ПОЛК.

– Правила изучать будем комплексно, – предложил гуру.

– Как это? – насторожился охранник.

– Просто, – объяснил Кулемзин. – По методике суггестивного вытеснения собственного *эго* плюс формирование поведенческого модуса с новой субдоминантой.

– А-а-а, ну если так, то ладно, – согласился Полтавцев.

Глава 32. НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ (окончание)

Следующая мысль, хотя и была неожиданной, но тоже не вызвала отпора.

– Как добиться признания в игре? – риторически спросил гуру. И ответил:

– Это давно проверенный рецепт: путём комбинации убеждения с принуждением, то есть тем же классическим способом, каким большевики склонили народ к строительству социализма в одной, отдельно взятой стране.

А вот эта мысль очень понравилась Курманбаеву, хотя он так и не понял, как можно совместить великие идеи партийного строительства с карточной игрой, но решил, что разберётся позже – в процессе.

– Да разве столько запомнишь? – не на шутку перепугался охранник. – И все правила какие-то сложные!

– Серёжа, их всего-то с десяток-другой, – успокоил будущего сопокерника гуру. – Так что учите правила, дети мои. Как говорят наиболее умные пролетарии типа Полтавцева, мотайте себе на ус!

– А если нет усов? – тактично прикрыл ладошкой ниже носа сторож.

– Тогда мотай на уши! Вырастут усы – перемотаешь! Труднее тебе пришлось бы, если бы ты попал в буддийский монастырь, ведь их священные писания насчитывают 33 тысячи правил для монахов, и они иногда тратят всю жизнь, чтобы запомнить всю эту бессмысленную лабуду.

– Хорошо, – успокоился неофит.

Для чего мы это учим?
Может быть, к похоронам?
Жить по правилам так скучно,
а играть по ним – всем нам…

Когда основные правила были разъяснены, каждый на летучем митинге высказал своё мнение.

– Беда прям как круто, – оценил правила игры Полтавцев.

– Да, представляет определённый оперативный интерес, – задумчиво промолвил прапорщик.

– Идеологическая база только слабая, – поправил его педагог.

Кулемзин было обрадовался, что митинг закончился так быстро, но Курманбаев не успокаивался.

– А вообще странные какие-то правила, – поморщился он.

– Яйчики-бабайчики, на вас не угодишь! Уж какие есть, – кротко ответил Володя.

– Ты думаешь, что если ты нас этим правилам научил, то им надо следовать? – не унимался строптивый педагог.

– Ещё некий Павел, работающий одно время апостолом, – объяснил Кулемзин, – в своём так называемом Первом послании к коринфянам говорил: «Кто не любит го́спода нашего, тому анафема и п…ц!»[23]

[23] Разумеется, ничего такого апостол Павел не говорил! Автор продолжает вольно трактовать любые книги, не взирая на их авторитет. В 1 Кор 16:22 дословно сказано следующее: «Кто не любит Господа Иисуса Христа, тому анафема и маран-афа» – прим. богословск. редактора

После таких страшных слов Курманбаев замкнулся, но не ушёл, потому что испугался того, что остальные, выучив правила, начнут *обставлять* его, как фраера ушастого.

– Покер, друзья мои, – учил Володя, – по сути та же *камасутра*: партнёры одни и те же, только позиции всё время меняются.

Ещё долго он растолковывал новым друзьям покерные правила и, наконец, устав, произнес:

– Как говорил мой одноклассник некий Ко Шуань, «эти слова для вас»!

Я хату оставил, ушёл воевать,
чтоб здесь, в Учпучмаке,
вас всех обыграть!

– Сложно-то как, *дедушка*, – изучив правила, посетовал Полтавцев. – А кроме правил, оказывается, ещё надо знать, как себя вести.

И он беспомощно поглядел на притихших неофитов. Володя улыбнулся детским страхам новообращённых и произнёс:

– Это вам ещё повезло, что мы будем заниматься покером, а не, например, айкидо. Вот там в специальном зале, который называется не так красиво, как наш Бермудский Учпучмак, а по-басурмански *додзё*, вам бы вообще пришлось становиться на колени, кланяться и беспрекословно выполнять все команды учителя.

– А-а-а-а, – облегчённо вздохнул маргинал. – Ну, тогда другое дело!

– А учитель – это, конечно, ты? – мрачно поинтересовался педагог.

– Жизнь, – веско ответил Кулемзин. – И опыт, сын ошибок трудных!

Но время шло, правила учились, игра была уже не за горами. Правда, с приходом в игру Нуртая в общую атмосферу добавились тугая хитрожопость куркуля и азиатское криводушие, и всё чаще над покерным столиком стали реять электрические волны подозрительности и притворства, а также трещать неслышные разряды подвохов. Но писатель не сдавался – сейчас он чувствовал себя Гераклом Зевсовичем, которому приходилось исполнять сразу два, а то и три трудных подвига!

Пусть остался подвиг неизвестным,
поколеньем имени влеком,
я войду, как атом неизвестный
в менделиц Таблеева закон!

– Володя, можно вопрос? – поднял руку сторож, как в школе первого уровня. – А вот если я объявлю мизéр, а потом буду сбрасывать по одной, и в конце пойду по джокерам, а у тебя, например, не будет ни одного, а у Нуртая, скажем, их будет два, то тогда что?

– Молодец, Серёжа. Как говорят неискренние политики, хороший вопрос. Только вряд ли это тебе надо. Ведь это как бесконечность Вселенной, и об этом лучше не думать…

Глава 33. СТОЛКНОВЕНИЕ С РЕАЛЬНОСТЬЮ

Новые друзья писателя представлялись ему как бы подпорченной силовой схемой, к которой, чтобы жизнь заискрила по полной, он и должен был подать нужное напряжение.

– И, наконец, запомните главное, – закончил учёбу Володя, – для случайностей в покере слишком много закономерностей.

– Это правило такое? – поинтересовался глуповатый Сергей.

– Да, – не стал разочаровывать его гуру. – Причём, главное.

Будущие асы покера слушали гуру, открыв рты, как дети французского сказочника Шарля Пьеровича Перро. Сейчас Кулемзин представал перед неофитами как мастер, презревший ремесло с горних высот познания. Золотой песок своих истин он расшвыривал горстями равнодушного сеятеля.

– Кстати, зовите меня вуйко, – предложил писатель.

– Помню, – тут же неожиданно заорал Сергей. – Это же он индийца играл!

– Какого индийца? – опешил учитель.

– Ну как же, – укорил охранник. – Вуйко Митрич[24] – родственник большой медведицы!

[24] Герой, видимо, имеет в виду Гойко Драгановича Митича, известного югославского киноактёра, сыгравшего множество ролей индейцев (Чингачгука, Виннету, Вождя Белое Перо, Оцеолу и т. п.) – прим. кинoредактора

Володя подивился неожиданности ассоциаций дурковатого и хотел было объяснить, что вуйко в братской Хохляндии зовут старшего, дядьку или вообще уважаемого человека, но не стал – он понял, что такие трудности языкового транслита не для этих персонажей, и просто предложил им увеличить прожиточный минимум серого вещества. «Как же можно увеличить минимум?», тут же подумал Курманбаев, но вслух произнести вопрос постеснялся, хотя при этом и зарделся, как туркменский помидор. Альбионыч в это время уже объяснял присутствующим на занятии, что человек играет в жизни лишь эпизодическую роль, а чтобы получить главную, надо сделать одно из двух: или научиться играть в покер, или получить личное расположение самогó Кулемзина. Одновременно он понимал, что именно у этого постулата есть логическая вилка: в глазах остальных игроков его знания могли видеться как порок, ведь он много знал и много понимал, а кто же любит того, кто его умней? Но писатель смело шёл на такие незначительные жертвы – во имя великой цели: собственного удовольствия в рамках отведённой ему Сукой-судьбой прожиточной территории.

– Игрок в *русскую кочергу*, – втолковывал неофитам знатный саксаульский гуру, – должен быть вынослив, как ишак на горной тропе, терпелив, словно узник, осуждённый на вечное заточение, и изворотлив, будто гад ползучий!

Но надо сказать, что учёба давалась трудно. Володя порой ощущал себя владельцем престижной картинной галереи, в которую неожиданно забрели богатые провинциальные купчики, и из уважения к их неслабым покупательским способностям с ними приходилось общаться так же, как с серьёзными знатоками, но всё же от их глупости временами просто тошнило. Его так и подмывало сделать заявление, что, мол, нет бога, кроме Покера, а Кулемзин – пророк его! Но бога он не любил – по причине его тотального отсутствия в природе, и при глуповатых верующих называл его просто *дедушка*. Впрочем, об этом, кажется, уже сообщил тебе, читатель, автор предисловия в начале нашего романа.

Будет *дедушка* бедою,
коль не видишь мозгово,
ты, садясь играть со мною,
не надейся на него!

Он хотел доказать новичкам, что игра – это просто умение не дать заманить себя в ловушку, а всё обернуть так, чтобы в ловушке оказался заготовивший её противник, что это не только сдача карт и шлёпанье ими об стол, – она демонстрация выдержки, ловкости, оригинальности ума и, конечно, знания человеческой натуры. Володя даже сравнивал карты со спортом, где есть свои любители и профессионалы, и разница была только в том, что профессионалы всё делают лучше, и заслуженно получают за это вознаграждение. А ещё в картах, в отличие от спорта, была возможность своё неумение, свою *любительщину* не признать, списав её на невезение – от такой неверной посылки он и пытался спасти саксаульцев. Но спасти того, кто не хочет спасаться от собственной глупости, было очень и очень трудно. Правда, писатель знал, что его упорства хватит не только на этих персонажей, но даже на читателей данного произведения.

Наконец, после ознакомления со всеми правилами игры Полтавцев прищурился и произнёс:

– Да это же легче лёгкого!

– Ну да, – скептически отозвался Кулемзин. – Это примерно как привезти телегу дров, а тебе остаётся всего-то что поколоть их помельче…

Глава 34. КНИГА МУДРОСТИ

Здесь автор вынужден отвлечься от сложностей картёжной учёбы, чтобы рассказать, как Полтавцев стал обладателем книги мудрости. Ещё в са́мом начале знакомства с Володей Серёжа понял, что, внимая пришельцу, сможет значительно пополнить свой скудный словарный запас, ведь до встречи с ним сторож знал только один язык: убогий русский. Но так как памятью он обладал никакой, то решил записывать все мудрые мысли Кулемзина. Узнав об этом желании нового товарища, Володя так растрогался, что даже подарил ему книжечку с чистыми страничками в арифметическую клетку. Увидев как-то этот блокнотик у писателя, Серёжа даже застонал от душевной боли: под тяжёлой тиснёной обложкой с жёлтым рисунком таилась белая бумага. В тот момент сторож понял, что только с этой книжечкой он станет и умнее, и сильнее, а широта души Альбионыча позволила ему тут же вручить Афанасьичу вожделенный подарок. Почти новый блокнотик был примечателен тем,

что на его сияющей коленкоровой обложке псевдозолотом было оттиснуто: «Жамбыл – 150 жыл[25]»

[25] *Джамбулу – 150 лет – сакс.*

– Надо же, молодец какой! – восторгался Полтавцев. – Почти как Пушкин! Вот бы мне бы так пожить!

Охранник, получив его, немедленно извлёк из широких штанин двуцветный карандаш и, обильно его послюнявив, вывел поперёк всей обложки красным цветом:

Для му.мы.

, после чего подчеркнул написанное синим цветом, видимо, для выразительности.

– Это что? – поинтересовался писатель.

– Это для твоих мыслей, – застенчиво ответил Полтавцев.

– А вот это тургеневское – после слова *Для*?

– Умный ты, мужик, Володя, а всё же туповатый, – попенял писателю охранник. – Книжечка-то маленькая, а название большое, вот я и подсократил: «Для мудрых мыслей»!

Кулемзин подивился извивам нереального серёжиного ума, но название принял, а после поведал о нём автору этой книги, который и преподносит сейчас этот подарок внимательному и неравнодушному читателю. Остаётся только добавить, что на первой страничке впоследствии ставшей знаменитой книжечки Альбионыч собственноручно записал: «Большинство этих афоризмов можно было бы назвать полной чушью, если бы не уважаемый Владимир Кулемзин, который их сморозил!»

После э́смарховой клизмы
становлюсь как патриот:
сочиняю афоризмы
и пускаю жить в народ!

– Береги эту книжечку, сынок, – напутствовал гуру. – И изредка её почитывай – для успокоения души и развития мозговых хранилищ моей мудрости.

Первой записью в книжечке была некая английская фраза, написанная корявыми русскими буквами – Полтавцев попросил Володю продиктовать её для того, как он выразился, «чтобы поражать людей насмерть!» После чего он несколько месяцев разучивал подаренную ему писателем фразу и, наконец выучив, как-то утром сразил бравого прапорщика Батыршина наповал, спросив у него:

– What is your name, Talgat[26], мать честна́я?

[26] *Как тебя зовут, Талгат?- англ.*

Глава 35. СУРОВАЯ УЧЁБА

– Русская кочерга, – втолковывал неофитам гуру, – это монументальная плита неумолимой логики.

При этом впечатлительному Серёже тут же привиделась монументальная плита с датами, на которой он с ужасом прочёл числа, означающие его день рождения. Хорошо было только то, что последние цифры с датой окончания земного пути виде́ние ему не показало.

– И, главное, ничего не бойтесь, – вещал Володя. – Ведь что такое страх? Записывай, Серёжа, по слогам: «Страх – это просто пугающая неизвестность»

Полтавцев лихорадочно выхватил книжечку «Для му.мы.» и стал коряво каракулировать: «Страх пугает как неизвестный», потом засомневался, но постеснялся переспросить, зачеркнул написанное, и создал новый шедевр: «Неизвестный пугает нас своим страхом» Этот вариант понравился ему значительно больше первого, и он с удовлетворением сунул книжечку в котомку (о ней ещё будет рассказано в нашем повествовании).

– А когда вы окончательно закре́пите прошедший материал, – между тем пообещал Володя, – я покажу вам, что такое настоящая *герилья*[27]!

[27] ***Партизанская война – исп.***

– Сам ты горилла, – тут же обиделся Серёжа, чем сбил появившуюся было у писателя мысль. Но так как у Володи их было много, он тут же высказал следующую:

– Тот, кто взращён на живой музыке, – при этих словах Талгат приосанился, – тот сразу распозна́ет цветную фальшь синтезатора!

«При чём здесь музыка?», промелькнуло в угловатой полтавцевской голове. Затем Володя от теоретической части плавно перешёл к части практической, то есть собственно к правилам игры.

– *Русская кочерга* – дело нехитрое, – объяснил он, – если, конечно, в неё будет играть такой гигант мысли, как я, но вот если за это дело возьмётся кто-нибудь из вас – пиши пропало!

Чтоб не увидеть жизни дно,
не испытать облом,
запомни правило одно:
будь трезвым за столом!

Хотя тут же усмехнулся в душе наивности пришедшей мысли: его ПОЛК, судя по пропитым рожам, трезвостью в последний раз отличался лишь в детском саду. Итак, правила. Чтобы понять суть игры, надо вспомнить русскую народную забаву *в подкидного дурака*. Правила её, как помнит читатель, просты: на карту надо ответить обязательно той же мастью, а если её нет, то забрать козырем, а если нет и его, то скинуть любую карту. Так вот, в *русской кочерге* всё было точно так же, но не совсем. Глобальные количества вариантов добавляли наличие в колоде (не в 36, как в дурака, а в 55 листов) аж четыре *гранда*: сам покер (он же семёрка пикей), старший джокер и два джокера помладше.

Глава 36. СУРОВАЯ УЧЁБА (продолжение)

Всего в одной партии игралось 27 робберов, то есть сдач – от одной карты до двенадцати, включая три так называемых *тёмных*, когда, не видя карт, нужно было брать на себя смелость делать заявки на игру. Это обстоятельство сначала пугало новых игроков, а потом немало веселило Кулемзина. Существовала и своя система штрафов, от которых в начале так часто страдал плутоватый Нуртай. Например, он нередко «забывал» скинуть свой козырь на чужую масть – для того, чтобы в конце эффектно взять им недостающую взятку. Такое преступление каралось особо сурово – минус 100 очков от общей суммы заработанного, а на *тёмной* и того страшней – 200! Здесь автору остаётся только добавить, что по части этих правил Володя был твёрд, как оружейная сталь.

Ещё с молодости он знал, что все картёжники – наркоманы, добровольные рабы азарта. Правда, к подобной классификации его новых друзей как-то сразу добавилась ещё одна: фраера бестолковые. И вот почему. К концу учёбы всем стало окончательно ясно, что всё в мире расставлено по своим местам: дождь падает сверху вниз, Волга впадает в Каспийское море, а Володя играет так, что это недоступно пониманию простых смертных. Ему было очень сложно обучить *правильной* игре этих олухов с их совковым горестным опытом подчинения идеологическим убеждениям типа «Верной дорогой идёте, товарищи!» В начале практически с любыми картами они тыкались в игру как щенки-несмышлёныши, беззаботно лезущие ко всем проходящим взрослым псам. Например, Сергей, трепетно взяв в руки роббер, мучился мыслями о том, что с ним делать – как обезьяна с астролябией. Но потом постепенно в его квадратной голове начала складываться некая мозаика из правил игры, которые втолковывал великий гуру Кулемзин, и собственных мыслей о том, как эти правила трактовать. Помогало ему и то, что каждая игра сопровождалась обильным пивопитием – видимо, пивные дрожжи пробуждали в его тыкве неясные сполохи псевдоразума.

Говорят, не любят карты
слабо пьющих игроков,
потому мы для азарта
выпьем вместе – будь здоров!

«Игра в карты – модель нашей жизни», хотел было сказать этим людям Володя, но решил оставить фразу мыслью. «Люди пытаются просчитать ходы», продолжал делать привычную работу Кулемзин, то есть думать, «они изучают инструкции, кропят колоды блеском шарма, обаяния, азарта, затеняют глаза дымкой влюблённости, безразличия, высокомерия или страсти, – и всё для того, чтобы стать победителями в недолговечной игре, именуемой жизнью. И когда вожделенная победа представляется невероятно близкой, когда синяя курица удачи, кажется, уже бьётся в бестрепетных руках Суки-судьбы, вмешивается его величество Случай! И блестящие комбинации рассыпаются в прах, и блестящие карьеры превращаются в ничто, и обольстительные куртизанки избранного круга в одночасье становятся раскрашенными старухами на чужих балах…»

Но сказал он совсем другое. Ему стало очень жалко этих людей, с кем свела его суровая жизнь, и он решил обрадовать их хоть чем-то.

– Если подкидной дурак или какая-нибудь бура кажутся вам ве́рхом боевого искусства, то вам не сюда. Ведь *русская кочерга*, которой я вас научу, это дубина! Да-да, это опасное оружие – безжалостное, всесокрушающее и всёсминающее. Это вам не тонкий изящный ножичек, это не молчаливая пуля, не аристократический яд – это дубина, мои маленькие друзья, дубина, которая проламывает черепа, крошит рёбра, но, главное, ломает пополам так называемую душу…

Глава 37. СУРОВАЯ УЧЁБА (окончание)

– Кроме *русской кочерги*, – продолжил гуру, – я научу вас жить и ценить маленькие радости, из которых, собственно, наша жизнь и состоит. Мне кажется, что вы их недооцениваете, а я попробую сделать так, чтобы вы постоянно жили в ожидании больших праздников.

– Это водку ждать, что ли? – поинтересовался сторож.

– Почему же именно водку?!

– Ну как, – объяснил Полтавцев, – маленькая радость – это бутылочка «Тянь-Шаня», значит, большая – это бутылка водки!

– Нет, Серёжа, маленькие радости – это дождь за окном, это форма облака, напоминающего слонёнка, это утреннее пробуждение, когда ты открываешь глаза и видишь свет – не шторы, не «Итальянский пейзаж» Ивана Айвазовского на стенке, а просто свет. И это значит, что жизнь продолжается, и будет продолжаться ещё некоторое время.

– Вона как, – призадумался охранник.

Эта истина избита
в обрамленье полутьмы:
радость в воздухе разли́та,
но её не видим мы…

– Вряд ли, неразумные други мои, вы слышали когда-нибудь такие слова: «Установи правила, и пусть не нарушают их. А если кто-либо нарушит, казни их!»

– Ты, что ли, сказал? – прямо поинтересовался сторож.

– Нет, не я, – признался гуру. – Был такой *прецедентный* персонаж в истории Китая – некий Цао-гун. Тоже очень любил правила устанавливать. Правда, кончил очень плохо…

– Мать моя партия, так что же нам даст такая игра? – как-то не очень одобрительно спросил саксаульский макаренко.

– Плосковато мыслишь, сынок, – ответил Володя. – Здесь ключевое слово не *даст*, а *игра.* Ведь каждому индивидууму для гармонии внутреннего и окружающего мира требуется эмоциональный всплеск. Особенно людям наших нервных профессий…

«При чём здесь гармонь?», подумал Серёжа.

– Кто-то, не мудрствуя лукаво, регулярно проламывает чужие головы, а я вот, как личность более тонкая, предпочитаю удовлетворять свою психику более изящным и интеллигентным способом.

«Вон оно как», подумал Полтавцев. «Вот, значит, каким способом интеллигенты себя удовлетворяют…» И он уважительно посмотрел на писателя.

– И что ещё немаловажно в этой игре, – объяснил Володя, – так это положительные эмоции.

– Ёперный театр, как это? – насторожился военный.

– Ну, это такие эмоции, которые возникают, если на всё положить! Покер, мои маленькие друзья, воспитывает свободного гражданина, – продолжал вещать новоявленный гуру. – Чтобы потом не было нужды выдавливать из себя, как из тюбика «Бленд-а-меда», раба, чем, как широко известно, был вынужден заниматься всю свою творческую жизнь прекрасный русский писатель Антон Чехов.

Сторож вдруг представил, что его выдавливают, словно зубную пасту, из так дорого́й ему телесной оболочки, и ему внезапно расхотелось учиться играть в такие страсти.

Глава 38. ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНИИ САКСАУЛЬЦЕВ, ЖИВУЩАЯ В НАРОДЕ С ДРЕВНИХ ВРЕМЁН

Володя, живя в степной Саксаулии, знал, что есть на земле места́, где хочется жить вечно. Они, видимо, созданы *дедушкой* как намёк на существование рая. Места эти совсем не похожи на фотографии в глянцевых рекламных проспектах всемирно известных курортов. Они лишены пошлости, искусственности и снобизма, они ре-

альное проявление наших детских наивных снов. Представьте себе молодую, сочную зелень садов и виноградников, в которых утопают белые дома под красной черепицей, настежь распахнутые навстречу утренним лучам ласкового солнца синие окна, и, главное, йодистый солоновато-горький запах моря, который будоражит нервы и наполняет душу лёгким, волнующим ощущением безмерности бытия. Хочется сразу всего и ничего. Вокруг покой, нега и безмятежность. Такое бывает только на море…

Проживаем, словно клуши,
чтоб друг друга насмешить:
море любим мы, а сушу
выбираем, чтобы жить…

Уже дописывает автор свою часть № 0, или начальную, и думает: а как поймёт, скажем, российский читатель, о ком в романе идёт речь? Кто же такие описываемые здесь саксаульцы, и с каким таким историческим кетчупом их предпочтительнее есть… то есть знать? И решил он сделать автором этого поучительного рассказа своего главного героя. Итак…

Однажды, попав на Землю с Марса, Кулемзин увидел, что населявшие её люди очень забавные, – они были даже интереснее и занятнее чисел. Он долго выбирал место и, наконец, выбрал для себя Саксаулию, а, проживя там значительную часть жизни, полюбил этот славный, добрый, хотя и немного наивный народ. Поэтому сейчас он решил рассказать сопокерникам легенду о его происхождении, для чего сделал значительное лицо, осознавая, что речь пойдёт о том народе, среди которого он и решил тянуть лямку до конца земной жизни. Отпив глоточек «Тянь-Шаня», Володя приступил к повествованию:

– Когда *дедушка* впервые слепил человека и сунул его в печь, то вынул слишком быстро: тесто не зарумянилось и осталось полусырым. Простим старика, ведь это был первый опыт такого рода! Но именно так получился белый человек. Тогда создатель взял новую порцию глины, сунул её в печку и, чтобы избежать той ошибки, которую он допустил в первый раз, продержал форму в печи намного дольше. Но ему опять не повезло – так получился чёрный человек. Простим старика и на этот раз!

– Мать честнáя! Да что же это у него, руки кривые были, что ли? – не выдержал Полтавцев. – Даже я со второго раза пельмень слепить могу!

– Не осуждай его, Серёжа, – предостерёг писатель. – Представь, что его сыну – по слухам – уже больше 2000 лет, а сколько же тогда самомý старику?!

– Да уж, – пожалел старенького маразматика Афанасьич. – Оно конечно, чтобы как-то не так вышло…

После чего Володя продолжил свой рассказ:

– Но на опыте двух ошибок он сделал наконец то, что надо – какого-то жёлтого человечка. И именно в него *дедушка* вложил разум. Правда, первые мысли маленького человечка были несоразмерны человеческому сознанию, а потому породили высокомерие. Вот так был создан японец. В следующего человека старичок вложил мысли неадекватные и просто глупые – это был китаец. Задача перед *дедушкой* стояла трудная, приходилось много думать, и мысли как-то смешивались между собой. Он долго трудился, пробуя то одно, то другое. Случались у него и неудачи: так он создал, например, вьетнамцев, киргизов и туркменов. Но вот наконец *всевышний* создал совершенство и остался доволен всем – и цветом кожи, и разумом. Это и был первый саксаулец, и назван он был Адам[28].

[28] ***Человек – сакс.***

Не китайский и не русский,
ни иной любых кровей, –
человек наш саксаульский
был адамов всех первей!

А дальше *дедушка* начал населять вновь созданную планету и делить её между отдельными народами. Так как фантазия у него была слабоватая (уже тогда старичок отличался весьма почтенным возрастом), то одним он дал море, другим горы, третьим реки, а кому-то одни степи. И только новорождённый саксаулец Адам проспал и, естественно, опоздал к дележу. Ничего ему не досталось! Стыдно тогда *дедушке* стало, что он такого хорошего человека обидел, и взял он у остальных народов всего понемногу – так и получилась Саксаулия. Поэтому здесь есть всё: и море, и горы, и реки, и степи – только всего понемногу.

Что дацан[29], что синагога,
что мечеть с её враньём:
нам для жизни хоть немного
надо, но зато своё!
-

[29] Буддийский монастырь – бурят.

Глава 39. ВСЁ ГОРАЗДО ХУЖЕ

Только организовав покерный кружок, Альбионыч понял, что вот уже лет двадцать не испытывал с такой детской незащищённостью великого обаяния жизни. Двадцать лет он не чувствовал, что жизнь хороша и полновесна. Наверное, и в эти годы она оставалась хороша, как и в дни молодости, просто он сам потерял чувство жизни. Правда, двадцать лет можно прожить и за один день, и за один час, и за один миг можно вернуть себе всё потерянное – если, как сейчас, огромный камень свалится с твоей души, и она круто взмоет воздушным шаром, освобождённым от всего балласта сразу.

– Выучить все правила покера несложно, – поведал Володя, – и всё же это…

В поисках сравнения он зашевелил сосисками пальцев.

– Не фунт стерлингов изюму, – предложил свою версию охранник. Кулемзин одобрительно поглядел на помогальца и поощрил его весомыми словами:

– Совершенно верно. Подобной проблемой была увлечена ранее некая Золушка, когда ей было предложено за одну ночь перебрать семь мешков фасоли и познать самоё себя.

Перед будущими асами открывались бескрайние, как героиновые сны, перспективы, во всём чувствовалась железная рука психоделического эксперимента. Альбионыч был словно терпеливый учитель, не теряющий надежды обнаружить единственный колосок знания в запущенном пустыре ученической головы.

Qui sceptra saevus duro imperio regit,
Timet timentis, metus in auctorem redit[30]…

[30] Грозный, он правит твёрдою властью, робких устрашая,
Страх же возвращается к породившему его…
Строки из сочинения Луция Луциевича Сенеки «Эдип» – прим. лит. редактора

– Ну, и с чего начнём? – вылез вперёд нетерпеливый сторож.

– Все и́гры будем проводить под моим патронажем, – строго оглядев коллектив, предупредил Володя. «Патроны начнёт раздавать», решил Серёжа. «Наверное, будет весело…»

– Пройдёт много лет, мои маленькие друзья, и вы, будучи старыми пердунами, с упоением расскажете своим смешным внучатам о том, что когда-то знали такого Кулемзина, который озарил ваше скудное существование светом новой эры. Но вернёмся к нашим баранам: варианты этой игры неисчерпаемы, как запасы нефти в Бахрейне. У кого есть вопросы?

Полтавцев вначале было подумал узнать, что такое неведомый бар-хер, но застеснялся и не спросил.

Глава 40. ВСЁ ГОРАЗДО ХУЖЕ (окончание)

Зато спросил военный.

– Вроде бы карты у всех одинаковые, – задумался Батыршин, – а получается всё время по-разному.

– Знаешь, как говорят на Востоке? – ответил Володя. – Все пустые сосуды одинаковы, но в один можно налить молоко, а в другой – яд.

– А мне так лучше пива, – добавил так ничего и не понявший Полтавцев. – А при чём тут карты? К пиву лучше рыбку!

– К тому же, хорошая игра бодрит и полирует кровь, – заверил слушателей гуру и спросил:

– Что из этого следует?

– Что надо купить политуры, – нашёлся Полтавцев. И, подумав, добавил ещё одно ключевое слово:

– Чтобы было хорошо…

– Это означает, что играть надо хорошо, – поправил его Володя. – Тогда и политура покажется детским шампанским! И не надо смотреть на меня, как на мессию. Я такой же, как и вы, скромный труженик Востока.

Знают даже в бундестаге,
где кричат наоборот:
на Востоке все трудяги,
кроме тех, кому везёт!

– Не всё так плохо, как вы думаете, – похвалил учеников Володя после первой недели усердных тренировок. – Всё гораздо хуже!

А на вопрос, почему, ответил:

– Ещё слепой Гомер как-то подглядел, что выживает именно хитроумный Одиссей Лаэртович, а не непобедимый и непреклонный Ахилл Пелеевич. Одиссей, если помните, был здоровым бугаём, но среди героев отнюдь не числился перворанговым бойцом – были и покруче. Зато он брал головой. Вот так и в покере: не всегда выигрывает сильная карта, но всегда – умение распорядиться ей.

Сторож перестал стесняться и попросил объяснить попроще.

– Хорошо, – не стал чиниться писатель. – Один из методов проверки умственных качеств – это испытание вашей способности мыслить в необычной ситуации, когда приходится пренебречь обычными ограничениями. Например, существует правило не выходить на улицу в нижнем белье, но, в крайнем случае, например, при пожаре, мы его нарушаем.

– Мать честна́я! – возмутился охранник. – Так это что же, мне теперь в труса́х играть, что ли? А если нет пожара, так и вообще на улице делать нечего?

Володя понял, что ситуация выходит из-под контроля.

– И главное, – поднял он палец, – запомните все: наши отношения будут строиться на сущностном уровне.

Нуртай тут же поморщился, но побоялся быть осмеянным и не переспросил, а Серёжа, напротив, просиял и весело крикнул:

– Вот так бы сразу и сказал! Теперь мне всё понятно!

Военный трубач посмотрел на него с завистью.

Здесь не важен карт размер –
здесь мозги важны:
в освоенье coup de maître[31]
слабые сильны!

[31] Приём мастера – фр. Читается как ку де мэтр – прим. переводчика

– Вот такие правила, – твёрдо закончил Володя. – Окончательные и без права на обжалование.

Неофиты понурились. Правила сейчас казались им незапоминающимися, многочисленными и невыполнимыми. «Демократия, конечно, очень симпатичное понятие», глядя на будущих игроков, подумал гуру, «но в наше сложное время можно чего-нибудь добиться только при жёстком авторитарном правлении…»

– Или-или, – завершил он мысль. – Третьего, как говорят в интеллигентных саксаульских кругах, не дано…

Глава 41. СКВ

– И напоследок учтите, други мои, – предостерёг гуру, – каждая игра со мной – это попытка сценария неудавшейся жизни! И да поможет вам Калимата[32]! – закончил речь Володя.

«При чём здесь Калима?», подумал Серёжа.

– I did my best, yaychiki-babaychiki[33], – закончил Кулемзин.

[32] Богиня силы, энергии и властности – инд.
[33] Я сделал всё, что мог – англ.

– Не любо – не слушай! – осадил его сторож.

Таким образом, после продолжительной и бесполезной учёбы Альбионыч получил научным образом выработанное лидерство, или, иначе говоря, непререкаемую харизму – то, что у китайцев называлось *дэ*, а у христиан *благодатью*. Власть его становилась сакральной. Астматическая скука буден стала таять на глазах, как недоеденное мороженое, брошенное капризной второклассницей.

Оставалось только сказать несколько завершающе-ободряющих слов.

– Ну что ж, Серёжа, коллектив в моём лице принял историческое решение: отныне ты будешь играть с нами, – торжественно произнёс писатель.

Афанасьич зарделся и смущённо потупил взор.

– Отныне мы – твоя новая семья, – продолжил Кулемзин. – А девизом этой семьи с сегодняшнего дня будет «В семье не без урода!»

Охранник зарделся ещё больше – ему понравилось, что именно его новый учитель выделил из всего скудного коллектива.

– Будет завтра, – закончил учебу писатель. – И будет послезавтра. Incipit vita nova[34]. Из жизни всегда есть *исход* – и только в жизнь!

[34] ***Началась новая жизнь – лат.***

– Как это? – раскрыл рот сторож.

– А вот так… – и Володя достал из кармана штанов новенькую колоду карт. Все смотрели на неё, как на семейство кролика, не устающее выпрыгивать из цилиндра фокусника Дэвида Хаймановича Копперфилда.

Принадлежащая народу,
где каждый третий – идиот,
колода карт – не та колода,
на чём мясник огузок бьёт!

– А, может, клятву дадим? – загорелся идеей Афанасьич. – Как этот… Тимур и его банда?

– Серёжа, тебе даже текст изобретать не надо, – подхватил писатель. – Просто скажи: «И если я нарушу… эту мою… ну, вот эту… которую я говорю… то пусть мне будет стыдно… и я немного покраснею…»

Охранник, услышав эти слова, немного покраснел.

– Ну, вот мы и добрались до предпоследнего, – посуровел писатель. – Ставлю вас в известность, что, как потомственный марсианин, я наделяю себя серьёзными полномочиями с присвоением им особого статуса! И, наконец, последнее, – завершил учёбу Володя. – За оставление покерного поста – ВМН!

«Что это?», испугались игроки.

– Высшая математическая наука? – предложил Нуртай

– Военно-музыкальный наклон? – отозвался военный музыкант.

– Венерическо-маразматический нужник? – поделился гипотезой охранник.

– Нет, гораздо проще, – пояснил гуру. – Это высшая мера наказания, то есть лишение всех ранее заработанных очков и внеочередная *жопа* (об этом специфическом термине несколько позже)!

Когда он закончил КПЗ, или контр-пропагандистские занятия, Володе пришла в голову забавная мысль: «Не для того Гай Плиний Секунд рабов на волю отпускал, что слаб характером, а для пользы хозяйства», но озвучивать её он не стал. «Яйчики-бабайчики! Пора внедрять в жизнь СКВ!», подумал писатель. Служившие в армии, конечно же, помнят, эту нехитрую аббревиатуру: ствольный коллиматор выверки. Помнят её и наши граждане периода внезапного накопления первоначальных капиталов – свободно-конвертируемая валюта. Но в нашем случае она означала нечто большее: Система Кулемзина Владимира!

Так покер в Бермудском Учпучмаке стал монокультурой без всякого севооборота, – как кукуруза при Хрущёве. Удивительно, но спустя год после начала *русской кочерги* на просторах Бермудского Учпучмака Володя вынужденно констатировал, что текучесть кадров в коллективе отсутствовала начисто, как в брежневском Политбюро.

Итак, Альбионыч, завершив учёбу, зашёл в квартиру, взял листок бумажки и тут же набросал черновик своей завтрашней речи неофитам от покера:

Вы вместе с грамотой впитали
основы правды и добра –
такие я раскрыл вам дали,
что стала жизнь полна, щедра!
Вы словно бы от сна очнулись,
моим теплом окрылены,

и к свету знаний потянулись,
как южный сад – к лучам весны!

Почему он не прочёл это своим товарищам ни завтра, ни вообще никогда, не знает даже автор нашего правдивого повествования, да и затерялась давно эта бумажка в мусорном ветре времён. А вот в нашем романе строчки остались. И не в этом ли прелесть талантливого слова? И вот тут-то вспомнил автор ленинские слова о том, что идеи тогда становятся силой, когда они овладевают массами. И вот почему вспомнил: не прошло и месяца, как новообращённым покеристам игра стала такой же необходимостью, как пенсия для калеки, живущего исключительно своим убожеством. К тому же, не смотря на известную, но необходимую жёсткость в игре, писатель старался соблюсти приличия, и, выигрывая, преподносил доводы противникам на серебряном блюде, словно ключи от ворот завоёванного города, которые победителю, в сущности, не нужны, ибо он знает, что они бутафорские.

Остаётся только добавить, что после учёбы Полтавцев от имени присутствующих произнёс небольшую благодарственную речь:

– Мать честна́я! Давайте скажем спасибо Володе за то, что он поделился с нами своими скромными знаниями!

Глава 42, ПОСЛЕДНЯЯ В ЭТОЙ ЧАСТИ

Завершая эту вступительную часть, поведаю я тебе, мой читатель, ещё одну удивительную вещь – о третьей необычности этого произведения. **Дело в том, что в нём внутри текста спрятаны цитаты: кое-где прямые, кое-где разбавленные моим словом, а всего их числом 777. Для чего? Да для того, чтобы *любому, кто их отыщет*, автор мог вручить 77.777 североамериканских долларов.** Вот такая моя прихоть. Перечислять цитаты не нужно, надо просто назвать их авторов – этого будет достаточно. А тем, кто решится на сей подвиг, нужно будет только сообщить мне об этом в гостевую книгу этого сайта. Покопаюсь, проверю. Совпадёт твой список с моим – денежки твои. Дерзай, читатель!

И последнее. Читатель уже, наверное, обратил внимание на длинное название произведения. Я же постараюсь сделать так, чтобы не разочаровать вас этой придумкой – описываемое время именно то, о чём я хочу рассказать: ещё были живы в памяти советские *деревянны*е, но в стране уже вовсю ходили серо-зелёные *баксы* с портретами американских президентов.

И узнаёшь только в самом финале:
как ты спокойно в стране не живи,
красный червонец – эмблема печали,
доллар зелёный – эмблема любви!

Итак, нелёгкого тебе, но, надеюсь, приятного чтения! Читай библию – из неё ты узнаешь, что людям следует делать. Читай «Русскую кочергу» – и ты узнаешь, что они действительно делают!

Часть I.
Утро

Глава 43. ПРОБУЖДЕНИЕ ГУРУ

Началась наша история ранним синеватым утром, которое лживо обещало прекрасный и томный денёк, не отягощённый какими-либо пакостями. На востоке из-за цементных хрящей второго микрорайона поднималось солнце, похожее на глаз неопохмелившегося человека, небо из фиолетового постепенно превращалось в нежно-голубое. Правда, рассвет затягивался, словно дополнительное время в ничейном футбольном матче, когда арбитр, тайно болеющий за проигрывающих *своих*, старается лишний раз не смотреть на секундомер. На рассвете небо как бы затянулось тонкой плёнкой облаков, которая наконец-то не выдержала натиска поднимающегося солнца и трусливо сбежала, предоставляя лучам беспрепятственно освещать город, раскалять камни и обжигать лица и плечи.

Ночь ушла, почти ушла, а утро ещё не родилось, но вот ровно через пять минут оно уже вылупилось прозрачным и чистым, как будто и впрямь с родиной всё было в порядке. Володя тонко чувствовал этот промежуточный момент, которому на Востоке есть своё особенное имя – *сандхья.* Вокруг стояла та самая утренняя *тишь да гладь да дедушкина благодать*, о которой так много в своё время написали похмельные поэты. И всё было бы неплохо, если бы не ноги, которые ломило в коленях выпуска середины прошлого века, а уставший от жизни позвоночник явно намеревался перейти к болезненным прострелам.

День, о котором автор надеется рассказать в этом томе, занимался спокойный, уютный и мягкий, как меховые тапочки, и обозначился он в календаре как 25 августа 2003 года, понедельник. Для миллиардов граждан нашего нелепого шарика под названием Земля это сообщение не говорило ровно ни о чём. Но для наших героев слово *понедельник* всегда было синонимом другого замечательного русского слова – *похмелье*. Вчера было воскресенье, названное так для них как бы в насмешку, ведь *воскресение* намечалось как раз на сегодня – вначале некоторые реанимационные мероприятия, потом сладкая жизнь под названием русский покер, потом повторение вчерашнего – причём, без учёта суровых последствий дня прошедшего.

Жизнь, как листья, копейками медными
раскатилась – и не сосчитать,
лишь истории греют заветные,
о которых так нужно сказать…

Итак, мой читатель, действие первого дня нашего романа происходило под голубым и жарким небом Бермудского Учпучмака.Синоптики по радио, телевидению и даже в интернете опять сожалели, что сегодня снова жарко, но с маниакальной настойчивостью обещали, что вот завтра уж непременно пойдёт дождь, и вообще станет хотя бы на три градуса прохладнее. Жаль только, что у жары была своя точка зрения на псевдонауку метеорологию, и она не собиралась отступать от завоёванных позиций. Правда, между голубым небом и землёй, словно начинка для какого-то сэндвича, лежал ещё слой загрязнённого цивилизацией воздуха. Погода вызывала отвращение ко всякой работе. Мимо спокойно текла вечность.

На втором этаже, где у новых жильцов шёл ремонт, с са́мого утра страшно зудело сверло, вызывая в памяти плакат стоматологической поликлиники, где счастливый больной французской любовью соединялся со страшной советской редукторной бормашиной Р-01, в которой струя сжатого воздуха вращала бор со скоростью 350 тысяч оборотов в минуту. Наш герой, будучи писателем и обладавший неуёмным писательским воображением, тут же заменил где-то в мозгах этот зудёж на птичкино пенье, и тотчас перестал слышать бормашину.

Год был прожит уже на две трети, но Володя не считал его чем-то значительным, потому с трудом припоминал зиму и осень. Он вообще оценивал прожитые годы как фрукты: по весу и вкусу, не забывая, что мякоть – это одно, а косточки – другое. Кулемзин с лёгкостью сбрасывал со счетов эти промежуточные этапы, которые, возможно, и играли какую-то важную роль, но *не стали датой*. В сущности, он перенимал у истории её метод пренебрегать эпохами, которые бедны событиями, и считал, что у прошлого тоже есть паскудное свойство садиться от стирки временем.

Наша жизнь – Вселенной сноска
среди звёздочек тугих:
время всё стирает в доску:
и звезду, и нас самих…

Город ещё был пуст, ещё никто никуда не шёл, потому что магазины были закрыты, но уже встречались отдельные куда-то бредущие прохожие и, отражаясь эхом от стен, проносились по улице Жубанова[35] редкие машины, да на балконах, навалившись локтями на перила, курили, спросонья поглядывая по сторонам, мужики в потных от сна майках. Город постепенно просыпа́лся, готовясь зашуметь кипучей трудовой деятельностью: ревели поливальные машины, будильниками звенели трамваи, начинали кричать на стройках каменщики, оставшиеся с вечера без раствора. Город был готов зажить своей привычной суетной жизнью. Пройдёт какой-то час, и пенсионеры будут вновь переливаться в очередях, школьники побегут за любимыми чупа-чупсами, а остальное трудовое население начнёт брести на негарантированные рабочие места. Звуки хлопающих дверей подъездов и открывающихся окон смяли ночную тишину, как ненужную обёрточную бумагу, и небрежно кинули в корзину наступающего утра.

[35] Кстати, Отцеябловский городской акимат (прости, русский язык!) давно уже предлагал переименовать улицу Жубанова, на которой и жил наш главный герой, и назвать её на выбор: имени Кулемзина; проспектом «Русской кочерги»; Тупиком Человечества. На встречах с читателями я не раз говорил о природной, прямо-таки нечеловеческой скромности нашего героя. Вот и на этот раз он никак не давал согласия на такие глобальные изменения в карте города, объясняя своё нежелание так: «Лучше жить в живой молве где-то в космосе, чем ржаветь казённою жестянкой на стенах домов, давно не крашеных и почти лишённых штукатурки…» – прим. автора

Говорят, что у каждого человека и своя история, и своё течение времени. Поэтому и события, рассказанные с точки зрения различных персонажей, имеют свойство начинаться и продолжаться, только когда они увидены в ракурсе этого человека. Именно поэтому таким человеком автор и сделал своего любимого литературного героя – Альбионыча. А, может быть, и даже скорее всего, не только литературного. Итак, начнём…

Глава 44. О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Рыжее утреннее солнце уже просунуло свои щекочущие тараканьи усики в распахнутое окно, в котором, словно живая, шевелилась голубая занавеска. Как же начался этот незаметный день для нашего главного героя? А вот как: яркое солнце, о котором уже было сообщено в начале этого абзаца, как лазерную отметку снайперской винтовки, послало луч света прямо в глаз. Сквозь щели между занавесками в комнату старательно протискивалось серое вялое утро.

Нам каждый день, как амбразура,
и каждый час – судьбы клешня:
как ни банально, только утро
считать *могём* началом дня…

Часы, несмотря на то, что висели на стене неподвижно, неожиданно обнаружили в себе косвенные признаки жизни, потому что Володя заметил, что стре́лки за ночь каким-то образом передвинулись. Надо сказать, что у нашего героя было множество теорий о времени, его происхождении, развитии и даже начале и окончании. Например, играя в покер, он не раз замечал, что *время во время* игры текло как-то иначе. Казалось бы, игроки просто увлекаются самим процессом перекидывания карт друг другу, и поэтому не замечают, что оно идёт быстрее. Но нет: иногда казалось, что время, наоборот, нарочито замедляет свой ход, начиная течь как-то не так, как, например, вчера.

Мы говорим: *время течёт*, то есть, другими словами, обладает известной скоростью, однако знаем, что время само по себе – детерминант[36] скорости. Отсюда заключаем, что скорость движения времени есть ни что иное как отношение времени *к какому-то другому времени.* К какому же? Размышляя над этим не один десяток лет, Кулемзин понял: к его собственному, как к любому собственному времени любого человека. Следовательно, решил он, существует два времени. Одно из них – всеобщее, неподвижно-плывущее, подобное мёртвой зыби, то есть одно и то же время для человека и для камня, и, в сущности, нереальное – *время вообще*. Другое же – тайное, подлинное, присущее только мне.

[36] От лат. determinans – определяющий. Математики очень точно называют детерминант определителем, потому что это выражение составлено из элементов матрицы, с помощью которой можно найти решения линейных уравнений – прим. науч. редактора

Почему никто не может дать точного определения времени? Да только потому, что мы привыкли рассматривать его в двух плоскостях – прошлое и настоящее. Выпадает из этого ряда только будущее, потому что оно неизвестно никому. И вместе с этим вечным иксом утрачивается объёмность времени. А ведь оно наверняка имеет свой объём, который можно представить как множество точек, частиц, расположенных в пространстве, и не важно, как их назвать – частицами, секундами, мгновения-

ми. Когда же появляется третья составляющая – будущее, возникает и возможность формировать это пространство, оперировать точками как угодно.

Жизнь не вмещается в горнило
того, что мы зовём игра:
сегодня завтра наступило,
а мне всё кажется – вчера…

А это и означает управление временем, то есть то, против чего всегда была церковь, и то, чего так страстно хочется и верующим, и атеистам. Смотри́те на часы с умершим маятником и, как остроумно утверждалось в одной забавной книжке без картинок, «вам откроется», вы скоро или нескоро всё же осознаете *мнимость* внешнего времени, вслушиваясь, уло́вите в тишине, как струится *другое* время…

Глава 45. ПРОБУЖДЕНИЕ ГУРУ (продолжение)

Прохладным утренним светом серебрилось окно. Медленно поднималась заря. Наступал новый день. Он нёс новые силы тем, кто провёл ночь во сне, и новые надежды тем, кто задыхался в отчаянии в ночной тьме. Сначала медленно, затем быстрее и быстрее разливался свет. По мере того, как невидимое солнце приближалось к горизонту, весело взлетела стая горлинок, на мгновение заполнив собой всё пространство. Через минуту они вернулись, видимо, решив, что и здесь очень неплохо.

По утрам в доме № 17 пели трубы. Володя зарывался в простынку (одеял в его доме не было даже зимой), накрывал голову подушечкой, но не мог не слышать, как с грозным гулом низвергаются в трубах во́ды, жалобно стонут натянутые жилы изношенной канализации, злобно рычат и трясутся водопроводные краны. Иерихонская канализация ревела так, словно возвещала о начале судного дня. И этот апокалипсис продолжался ежедневно, потому что тот, кто много лет громоздил социалистический Вавилон, меньше всего заботился о людях, которые любят спать по утрам. Недаром писатель квалифицировал своё жилище как дом с мелким коммунальным хамством.

С утра болела голова,
но хуже то, что надоела
старинная игра в слова,
а я не знал другого дела…

Наконец, Володя окончательно проснулся. Со сна он был тяжёлый, как весенний дуб, до самых корней пропитанный за зиму ненужной влагой. Правда, после пробуждения ему пришла в голову забавная мысль о том, что все до единого человека на земле – пока живые, и он почувствовал себя радостнее и увереннее. Голова у нашего героя была абсолютно пустой, однако не болела: качество потреблённого вчера пива несколько сглаживало роковой количественный фактор, короче, в ней был рай атеиста, то есть пустота.

Есть люди, которые по утрам ненавидят жизнь, просыпаются совершенно разбитые и начинают оживать только к вечеру. Утром же им приходится проделывать колоссальные усилия для того, что из фазы *разбитое корыто* благополучно перетечь в фазу *белка в колесе.* Альбионыч был другим. «Жив», подумал он сразу же после пробуждения, «и, по-моему, даже суверенен…» Проспал наш герой не три, как обычно, а целых четыре часа – похоже, его внутренний биологический будильник начал давать сбои. Раньше он мог завести его на любое время, и проснуться с точностью плюс-минус две минуты от заданного часа. Но, скорее всего, будильник постепенно

испортила ненормированная жизнь свободного художника, так как по утрам он уже давно никуда не спешил. Холостяцкая жизнь бодрила, как рюмка водки на скрипичном концерте. Пить хотелось сильно, но не от банальной жажды, а только с тем, чтобы хоть чем-то заменить песчаную саха́ру в гло́тке и рту. Перед глазами стояла большая февральская сосулька. Володя вспомнил её вкус, прекрасно-пресный, как дао, единственный предикат[37] слова *льдистый.* «Когда я впервые вложил лёд в рот?», вспоминал он, «в четыре? в пять лет? Чистый вкус льда, до-большой-химии-в-воздухе, полярный круговорот воды в природе. Экологически чистый вкус, чистое жжение памяти во рту. Кай, где твоя Герда?..»

[37] От лат. praedicatum – логическое сказуемое

Давно заметил я однажды,
как подобает божеству,
что просыпаюсь утром каждым –
и вновь до вечера живу!

Кулемзин почувствовал, как его душа выбросила робкий зелёный побег, захотелось любви и ласки. «Идиллия», мелькнуло в писательской голове, «потерянный и вновь обретённый рай…» Он чувствовал, что проснулся на удивление бодрым и, хотя некоторые залежавшиеся от сна органы настойчиво звали в недальнюю дорогу к унитазу, вставать не спешил. Этот добрый совет он не так давно почерпнул из покрытой ещё советским мхом программы «Здоровье» с неизменно молодой и улыбающейся очкастой ведущей. Поэтому сначала он немного спокойно полежал, осваиваясь с окружающим его миром и своим местом в нём. Как утверждала жизнерадостная очкарица, это было необходимо для оптимистического восприятия действительности и энергетической психоподзарядки.

На минуту от солнечного зайца отстало радио, всегда включавшееся по какому-то таинственному сигналу ровно в 6 часов 30 минут по саксаульскому времени. Сопокерник Володи Серёжа Полтавцев считал такое включение колдовством, поэтому побаивался не только радиоприёмника, но и этих тревожных сигналов, напоминающих о первом искусственном спутнике Земли. Радио, прокашлявшись, бодро сообщило, что сегодня, как и вчера, в Отцеябловске будет снова 37° по гражданину Цельсию, причём садизм этого сообщения заключался в том, что после оглашения фатального числа диктор смачно добавил: *в тени*. После пробуждения Альбионыч ещё несколько минут провалялся на кроватке, как какой-нибудь Генрих Генрихович VIII из рода Тюдоров.

На всякий случай писатель включил и телевизор, который с недавних пор показывал разные картинки круглосуточно – абсолютно на всех каналах, словно поставил себе задачу извести население планеты путём физического истощения без сна. Как всегда, ему не повезло: в квартиру тут же ворвались настырные голоса, которые убеждали что-то есть, что-то пить и просто жевать – якобы страшно необходимое для эффективной работы целый день. Через мгновение показались и хари – какие-то ублюдочно-сытые мужики заморского происхождения действительно что-то жевали, как бы подчёркивая полную атрофию мозга саксаульцев, не способных воспринять информацию без видеоряда. Они жевали, жевали и жевали, показывая, как счастливы в этом своём бесконечном жевании.

Живём, с рекламою условясь
о том, что нет у нас любвей:

прокладки, тампаксы и «Олвейс» –
основа женской жизни всей!

Глава 46. ПРОБУЖДЕНИЕ ГУРУ (продолжение продолжения)

«По-моему, новые времена всё-таки настали», подумал писатель, «Запад щедро делится с Саксаулией своими открытиями и достижениями…», после чего легко переключил канал. Кстати, здесь оказалось всё в порядке: с утра шёл старый хороший мультфильм о Василисе, известной сказочной героине, которая без затруднений из болотной жабы конвертировалась в крутую красотку – и наоборот. Правда, уже был самый конец, и Володя ещё раз щёлкнул пультом. Но, как оказалось, вновь неудачно: на экране ещё один забугорный мужик, подпрыгивая и повизгивая от счастья, расхваливал кастрюли, из которых питается вся Европа. При этом переводчики не удосужились сделать сносный синхронный перевод, и слова *звоните прямо сейчас!* мужик произнёс с идиотской улыбкой и закрытым ртом.

Такую примитивную рекламу просто так было смотреть неинтересно, и когда началась следующая, Кулемзин для придания антуража выключил звук. Получилось забавно: толстый ведущий с потёками пота вдоль ушей рекламировал женские прокладки, при этом вручая каким-то дамам, видимо, победительницам конкурса на лучшее знание этого необходимого в быту предмета, утюги, сковородки, стиральные порошки, а также сами прокладки, которые не пропускали влагу и позволяли задирать ноги, не раня чувств прохожих. Писатель рекламу прокладок всегда смотрел очень внимательно и, всматриваясь в каждый кадр, не переставал возмущаться – ну почему не показать, как именно пользоваться этими изделиями, и где именно должны порхать их белоснежные крылышки!

Хоть реклама страшно га́дка,
я её не уберу:
реют крылышки в прокладках,
как стрекозки на ветру…

Полюбовавшись на неприличные крылышки, Альбионыч переключился на другой канал – здесь шёл давно надоевший всем сериал из жизни небольшого американского городка Санта-Барбара. Володя в принципе не имел ничего против дебильных сериалов, ведь каждый сходит с ума по-своему, не так ли? Например, именно этот он даже немного уважал за его нечеловеческую тягу к бесконечности. Но, по мере того, как якобы лучший полицейский города Круз Кастильо проваливал одно за другим совершенно очевидные дела, направо и налево упуская преступников, и попутно получая от них по своей тупой американской балде, писатель пропитывался к нему, а также авторам сериала, а также его поклонникам и поклонницам тихой ненавистью. Кульминационным в личных отношениях нашего героя с героем американским стал эпизод, когда от лучшего полицейского Санта-Барбары во главе троих своих подчинённых убежал злодей, у которого было пересаженное сердце, отсутствовала одна нога, да к тому же он был ещё и смертельно ранен несколькими пулями из огромных полицейских *кольтов.* Практически мёртвый злодей спокойно ускакал на своей деревяшке, после чего Кулемзин почувствовал к Крузу настоящее отвращение. Ведь если только бравый коп не получил от злодея крупную взятку, его нужно было немедленно выгонять из полиции многочисленными футбольными пинками пониже спины за профнепригодность. «По крайней мере», подумал при этом писатель, «из саксаульской милиции его бы уже давно выгнали…»

Квинтэссенция бедлама,
квинтэссенция говна:
«Санта-Барбара» – реклама
жизни, что не нам дана…

Скорее всего, сериал сварганила какая-то слишком умная дамочка, видимо, во время гриппозного бреда. Беспомощные и безликие герои, сюжет, похожий на жевательную резинку, тупые диалоги и развязка, которая была понятна уже на десятой минуте фильма. Володя, конечно, был чересчур придирчив и ревнив к успехам других, как и любой профессиональный литератор, но при этом точно знал, что нельзя же дерьмо выдавать за конфетку, пусть и в яркой современной обёртке! Пошарив по каналам, он нашёл старый американский фильм начала 90-х годов в переводе знаменитого гнусавого переводчика с погонялом Гоблин. Володя прислушался и немало подивился такой тонкой работе:

– How do you do?

– All right!

Гнусавый мгновенно перевёл:

– Как ты это делаешь?

– Всегда правой!

Но выключил телевизор Кулемзин лишь после того, как на одном канале узрел модного в этом сезоне певца, исполняющего какую-то глупость *под фанеру*. Разевающего под столярное изделие рот исполнителя окружали поклонники одного с ним умственного уровня: в пёстрых штанах так называемых кислотных оттенков, одетые в какие-то чёрные *тунгуски* с надписями и портретами своих знаменитых дегенератов, с серьгами в ушах, ноздрях и пупках.

Здесь нашему герою пришлось вздрогнуть, ибо вслед за этим в дом пришёл утренний телефонный звонок – в виде битловской мелодии «While My Guitar Gently Weeps»[38] в исполнении телефонного микрочипа. Володя знал, что по утрам его никто не беспокоит, а, значит, звонок был случайным и *нетудапопавшим*, но трубку всё же снял.

[38] «Пока моя гитара нежно плачет» – англ.

– Это ты, милый? – спросила трубка женским голосом.

– Конечно, – немедленно ответил Альбионыч, поскольку в данный момент ощущал себя довольно милым, и осторожно положил трубку на место. Он знал, что наша телефонная связь – самая уникальная в мире: звонишь в одно место, а попадаешь *иблис* его знает куда. Или поднял трубку, а там идёт базар-вокзал двух подружек. Послушаешь пять минут этот бесконечный трёп, и начинаешь понимать, что ничего в этой жизни не знаешь и ничего не понимаешь – куда там умной передаче «Что? Где? Когда?»

Кстати, именно в этом месте первой части романа автор всё-таки решил сказать пару слов о кровати писателя. И то, сейчас забудешь, а потом и не вспомнишь! Размеры её, конечно, не позволили бы устроить на ней площадку для гольфа, но организовать чемпионат по мини-регби можно было бы без проблем. Одним словом, фантазия оформлявшего квартиру художника по интерьерам помимо буйства отличалась еще и необузданностью. На этом всё.

После звонка писатель окончательно и бесповоротно проснулся, но какое-то время ещё немного полежал, наслаждаясь утренней прохладой и осознанием всего.

Я думаю, нежась в постели,
что глупо спешить за верстак:
заботиться надо о теле,
а ду́ши бессмертны и так!

Глава 47. ПРОБУЖДЕНИЕ ГУРУ (окончание)

Затем Альбионыч несколько минут подышал по особой системе. Он знал, что стихия воздуха, разлитого в природе, как кровь в человеке, заключала в себе все тайны метафизических перевоплощений. В воздухе таилась обманно неощутимая энергия, дающая возможность преодолеть мнимые барьеры пространства и времени. Кто научился дышать, тот уже наполовину бессмертен. Слияние с природой происходит не только тогда, когда человек после смерти прорастает из могилы зелёным кустиком петрушки, но значительно раньше, если воздушные потоки, как голубиные крылья, поднимут его над грешной землей. Пусть отчасти в воображении, это неважно, ведь ещё никто не определил чёткие границы сна и яви, как никому не дано уследить за переходом в вечность.

День за днём судьба стекает –
в основном, одним нулём:
я дыхание считаю
очень важным! Как питьё…

Проснувшись, Володя немедленно облачился в спортивный костюм, собираясь совершить личный подвиг – заняться физзарядкой, а, может быть, даже и пробежаться вокруг Бермудского Учпучмака, дав кругов десять, но тут же, с сомнением поглядывая на глобус своего внушительного живота, передумал, решив, что тренировать интеллект не менее важно, чем тело. И всё же, находясь во власти сомнений, Кулемзин *на всякий случай* полез за гантелями в кладовку, где неожиданно наткнулся на какую-то синюю коробочку. Приглядевшись, он вспомнил её и улыбнулся: это была коробочка с инструкцией к китайскому средству от грызунов, которая осталась от прежних хозяев. Сначала он хотел было выбросить её, но любовь к печатному слову победила. Володя достал жёлтый листочек и ещё раз с удовольствием прочёл инструкцию:

«Эффективное мышеумертвляющее зернообразное средство от всех грызунов. Настоящее лекарство является новейшим продуктом изобретения нашего китайского завода «Мяо-Ляо-Бяо», умертвляющее мышек через воздушный наркоз. Настоящее лекарство имеет волшебную способность умертвлять мышек через приманивание, через воздух, через желудок. Может днём выманивать мышек из норок. Также может выманивать мышек в 10 метрах расстояния. Мышки, как только понюхают запах, наркотизируются и умирают. Умертвление достигает 100 % и действительно является волшебным лекарством»

После чего он решительно задвинул гантели на место, закрыл кладовку и попытался сесть на шпагат, а из него сразу в *лотос*. Правда, увидев, что попытка была не столь удачной, как хотелось, писатель произвёл какое-то балетное па в стиле Брюса Хойевича Ли. Причём, делал он эти странные физические упражнения под бодрый голос ведущего радио «Маяк»:

– Вставай, проклятьем заклеймённый! Ложись, проклятьем заклеймённый! Вставай, проклятьем заклеймённый! Ложись, проклятьем заклеймённый! Вставай, проклятьем заклеймённый! Ложись, проклятьем заклеймённый! Вы прослушали утреннюю зарядку для проклятьем заклеймённых!

Утомившись зарядкой, писатель поспешил к холодильнику и достал из его полярного чрева бутылочку чуть примороженного пива «Тянь-Шань», о котором автор нашего правдивого повествования ещё скажет немало приятных сердцу слов. А сейчас он отметит только то, что пиво для Володи было тем же, чем для Винни-Пуха горшочек с мёдом – вот он есть, а вот его нет. Поставив бутылочку на стол, Альбионыч заметил, что на стекле во всех подробностях оказалась отпечатанной его жаркая ладонь, да так чётко, что любой хиромант счёл бы за счастье поработать с этим *девайсом*, на котором отлично проглядывались линии жизни, сердца и ума, был заметен бугорок Венеры и прочие подробности тайной кулемзинской жизни.

Начитавшись на ночь Ошо,
думал я, и мысль та жгла:
«Может, стал я чуть побольше?
Иль Вселенная мала?»

Проснувшись, Володя в который уж раз подивился тому, какие невообразимые эпизоды рождаются в спящем человеке после вчерашних десяти бутылочек пива. Он улыбнулся, вспомнив, что ему приснился какой-то дед с бородой и узкими глазами – то ли Хо Ши Мин, то ли Дерсу Узала. Вспомнилось и то, что во сне он жарко спорил с этим дедом. И как только пришло это воспоминание, пришёл и сам предмет спора, и его объект. Это был *дедушка*, или, как его называют люди православные, бог. Во сне *дедушка* был не в меру любопытным, и перво-наперво поинтересовался у писателя:

– А ты что, веришь в существование изначального зла?

– Как в первородный грех? – уточнил подкованный в боях атеист.

– А что, он есть? – снова пристал неугомонный старичок.

– Есть, – ответил Кулемзин, – но в какой-то располовиненной форме – как два огрызка от яблока познания.

– Не понимаю, – пришлось признаться снящемуся.

– Ну, ты же согласен, – стал объяснять Альбионыч, – что мужчина и женщина в равной степени являются единым целым, а зло в том, что они противостоят друг другу, как враждебные полюсы.

– Но ведь начало всё же одно, – попытался возразить *дедушка*, – и единое целое состоит из двух, но не более, как, кстати, я когда-то и задумал…

– Изначально – возможно, – ответил Володя, – но уж коли это случилось, то путь познания тернист, и у обеих сторон есть право выбора, каким следовать, с кем и когда…

– Значит, ты полагаешь, что в этом вопросе не должно быть конкретного лидерства? – ехидно поинтересовался несуществующий.

– Яйчики-бабайчики, – ответил ему спящий. – Самое смешное, что и ты так полагаешь. Ведь лидерство и инициативность (или, наоборот, покорность и готовность к подчинению) есть фактор вторичный, обусловленный воспитанием в той или иной среде. А устои – они и есть устои, то есть нечто устоявшееся, но никак не вечное и не предвечное.

Дедушка не нашёлся с ответом, видимо расстроился, после чего неслышно растаял в бледно-сиреневой дымке сновидения.

Нас с детства мучают псалмы:
зачем нам бог, когда есть мы?

Правда, отчётливо Володе запомнилось другое: под самое утро ему приснился художественный плакат «Все на борьбу с бессознательным!» Он тщетно попытался понять его смысл, с этим проснулся и тут же забыл эту чепуху. Между тем, уже второй раз за утро прозвучал ещё один телефонный звонок. Володя снял трубку и душевным голосом произнёс:

– Саксаульский центр изучения творчества группы «Led Zeppelin» слушает вас!

После долгой паузы неведомый голос какого-то особо умного саксаульца наконец соизволил ответить:

– Так это не кинотеатр? Странно-странно, ведь я набирал номер именно кинотеатра…

Положив трубку, Кулемзин заметил, что закрытые, видимо, от ночного сквозняка окна по-прежнему не пускали ветки в дом. Он тут же исправил эту досадную оплошность, и растущий прямо под окнами карагач, немедленно прицелившись, сбросил на подоконник пáру уже начинавших подсыхать из-за августовской жары зубчатых листиков, как будто неведомый повар пришёл ночью к дереву и подрéзал круглые листики специальным приспособлением, который применяют саксаульцы для придания именно такой красивой формы при изготовлении чебуреков. Здесь надо заметить, что Володе нравился не сам карагач, но как писателю – его имя с трижды медитативно повторяющейся буквой *а*, и он жалел соседей-россиян, которые без всякой фантазии обозвали это красивое и сильное дерево крайне пошло – вяз мелколистный.

Раннее летнее утро за окном уже энергично рвалось к власти, расстреливая из-за горизонта солнечными трассерами сероватое пока небо. Вскоре его мысли прервал несильный удар грома – глухой и далёкий, и писатель понял, что гроза прошла ночью, а, значит, можно надеяться, что начавшийся день будет не таким жарким, как вчера. Но этим наивным надеждам, увы, было не суждено сбыться.

Я от мысли этой млею,
словно морфия вколол:
мне вчерашний день милее –
потому, что он прошёл…

Глава 48. ВОДНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

Начинался рассвет. Гроза уходила куда-то в горы, и уже оттуда послышались её ещё более глухие неудовлетворённые раскаты, будто она не всего добилась в городе, а с рассветом была вынуждена уходить к себе, в недоступные бездонные ущелья. Невидимая за домом улица Жубанова шумела совсем рядом, периодически давая знать о себе звуками проносившихся по ней машин. Видно было, что день занимался замечательный, и только одно портило настроение Кулемзина – предстоящая встреча с педагогом Курманбаевым. Математический ум Володи совершенно точно знал, что жизнь прекрасна и удивительна, а вот так называемая душа никак не хотела этому верить – именно из-за ежедневных встреч с такими персонажами, как Нуртай. Чтобы хоть ненадолго отбросить мысли о гнусном, Кулемзин решил начать день так же, как делал это последние годы – то есть облиться холодной водой на улице, ведь из всех героев нашего правдивого повествования только наш герой ежедневно совершал ритуальное мусульманское омовение *тахарат*. Правда, мусульмане омывают только некоторые, избранные части тела, а писатель предпочитал не отделять их от всего организма. Володин сопокерник Серёжа Полтавцев это ежедневное обливание называл

куда прозаичнее – *отмывание*, и писатель радовался тому, что, по крайней мере, это было не отпевание.

Окунул своё я тело
в во́ды Северной Двины,
в тот же миг оцепенело
всё, что ниже от спины!

Он быстро наполнил два ведра водой из-под крана, отметив, что в ней сегодня растворено всего лишь 3° тепла, и ступил за порог квартиры. Но прежде увидел некий предмет, прибитый изнутри ко входной двери. Это была банальная подкова, видимо, оторвавшаяся от копыт мчащегося в Вечность его персонального Пегаса. Когда Курманбаев увидел её первый раз, то не смог сдержаться от ядовитого замечания: «Мать моя партия, ты же, старик, говорил, что не веришь в приметы!» «И это верно», не стал отрекаться писатель. «Что же делать, если она приносит удачу даже тем, кто в неё не верит?»

Прохладный утренний воздух с каждым вздохом, как живая вода, вливался в лёгкие, возвращая его к жизни. Жизнь властно стучала ему в виски́. Сделав буквально шаг, Альбионыч с досадой заметил, что электролампочка, которую он только вчера вкрутил на первом этаже возле своей двери, опять отсутствует. Пришлось вернуться, включить компьютер и немного, хотя и с некоторым раздражением постучать по клавиатуре. Через пять минут объявление было готово. Володя аккуратно распечатал его покрупнее, повторно вышел из квартиры и повесил на стенку возле металлической дверцы, прикрывающей счётчики и другие электропричиндалы вот такую бумагу:

Уважаемые жильцы и гости подъезда!
Помните: лучше быть здоровым человеком
без лампочки, чем инвалидом с лампочкой!
Тем более что если вас поймают
при выкручивании лампочки, не исключено,
что вы будете поражены тем,
какие места вашего организма
можно использовать как патрон!

Город лежал перед ним разомлевший, как коровья *лепёшка* под пьяной щекой. Первым, кого он увидел сегодняшним утром на улице, была дворничиха Надя. Она приветливо помахала писателю метлой и принялась совершать ею ритуальные действия по подметанию земного шарика. В полумраке рассвета казалось, что какой-то митингующий размахивает нелогично свёрнутым знаменем. Шорк-шорк-шорк – равномерно и без устали, словно метроном, отсчитывала секунды метла в руках дворничихи. Казалось, что она орудует ей без усилий, как будто внутри у этой маленькой женщины был вечный двигатель. Володя вспомнил, что именно Надя когда-то вдохновила его на написание стиха с немудрёным названием «О надежде». Приведу его и я – для потомков:

Жила и не ведала страха –
надежда надеждой жила.
Была, правда, только рубаха
да для подметанья метла.
Сметала ей крошки для птичек,

и делала чище дворы.
Ну где же такую отыщешь,
полезную для детворы?
Вот только одно было плохо –
пускала всё время слезу
по жизни, давно что оглохла,
и даже про ту стрекозу,
что нынче разбилась в полёте,
наткнувшись, стремясь, на метлу.
Скучала надежда в болоте,
отдав свою жизнь ремеслу.
Но кто-то сказал ей: «Не нужно,
ведь время пришло умирать…»
Плаксивая дура надежда
верёвку пошла покупать.
Её отговаривал страстно
прохожий, влюблённый давно.
Но только всё было напрасно.
Такое вот, братцы, кино.
Верёвка попортила шкуру,
остыла девичья кровать.
Надежда повесилась сдуру,
а нам без неё доживать…

Володя, вспомнив этот стих, вдруг поймал себя на забавной мысли о том, что он начинал писать свои юношеские вирши как бессознательный агностик, и вот теперь, по прошествии стольких лет, повзрослев и помудрев, он вновь пришёл к агностицизму, но только теперь уже выстраданному и сознательному.

Вторым знакомцем, которого увидел Кулемзин за сегодняшнее утро, стал сосед со второго этажа Имаржан, а по совместительству ещё и бывший соученик по начальной школе. Имаржан, в отличие от бездельника-писателя, был настоящим работягой-сантехником, и Володя не удивился, когда увидел, что тот, хотя и стояло раннее утро, *возвращался* с работы – юный саксаульский капитализм делал всё, чтобы приучить граждан зарабатывать деньги тогда, когда за твою работу были готовы платить. Вот и сейчас сосед нёс в кармане честно заработанные три *штуки*, устранив небольшой потоп в ночном клубе «Bad Girls[39]»

[39] «Плохие девочки» – англ.

– Привет, Володя! – поздоровался сосед. – Как дела?
– Зачем спрашиваешь? – удивился писатель. – Вроде в одной стране живём…
– А вообще как жизнь? – задал необязательно-глуповатый вопрос Имаржан.
– Да с каждым днём сокращается, – честно ответил Альбионыч.

Затем он выбрал место на просторах Бермудского Учпучмака, поставил возле ног вёдра и с удовольствием оглядел окружающую среду. Она была прекрасна: всё пространство Учпучмака покрывала нежная, как на футбольном поле, трава, необходимые в этом климате тени давали несколько пожилых деревьев, старательно покрывая своими кронами бóльшую часть Великого Треугольника. Неведомые и невидимые пичуги распевали утренние песни счастья, и от этого же счастья иногда сбрасывали своё *ненужное* сквозь августовскую листву. В сторонке тайными тропами пробирались по своим нехитрым делам мелкие чёрные муравьи. Неподалёку истошно орал ничейный заблудившийся кот, по-видимому, подивившись обилию росы на тра-

ве Бермудского Учпучмака. Где-то хрипло каркнула ворона, ей ответила ещё одна – правда, на октаву выше, но тоже не слишком благозвучно. Радуясь лету, жизнерадостно чирикали воробьи, пьяные от тепла и солнечного света. Ласково пригревало солнышко, запах никогда не цветущего карагача кружил голову как дурман-трава, упитанные сизые голуби, важно разгуливающие по пока ещё пустым и пыльным асфальтовым дорожкам, окружающим Бермудский Учпучмак, создавали вполне уютное чувство незыблемого постоянства окружающего Альбионыча мира. Жизнь, как говорят в плохих романах, продолжалась.

Солнце в облаке не тает,
а ныряет поплавком:
нам природа помогает
осознать, что мы живём…

Глава 49. НЕОБХОДИМОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Внимательный читатель наверняка заметил, что уже несколько раз автор упомянул некий Бермудский Учпучмак. Что же это за таинственный географический объект, о котором никогда не слышал не только Васко Эштеванович да Гама, но даже сам Христофор Доменикович Колумб? Дело в том, что территория, выбранная нашими героями для осуществления великой игры в *русскую кочергу*, была похожа на треугольник, основанием которой служил дом № 17, уже упомянутый автором в начале нашего повествования как базисное жильё Владимира Кулемзина, а сторонами – два узких асфальтированных прохода, сходящихся в одной точке, как в вершине треугольника – магазинчике Калимы (о нём и о ней позже). Вначале Бермудским Треугольником это место назвала жена прапорщика Аида, очевидно, имея в виду, что люди, и, в частности, её муж, пропадали здесь так же, как несчастливые корабли, заплутавшие между Флоридой, Бермудскими островами и Пуэрто-Рико. Узнав об этом открытии мудрой еврейской женщины, Володя поморщился – он не любил банальностей и, тем более, банальностей уже кем-то сказанных, поэтому, подумав немного, нарёк сей трагический треугольник Бермудским Учпучмаком, а увидев его покой и величие, он подумал, что может быть, где-то именно здесь угасал в сытости и неге какой-нибудь саксаульский илюша обломов.

Европейские читатели нашего романа, конечно, не знают этого мудрёного азиатского словца. А между тем оно на редкость точно подошло к данной точке существования наших героев. В городе Отцеябловске учпучмаки (или треугольные беляши) были очень в ходу – на многих перекрёстках города предприимчивые саксаульцы жарили и пекли их на потеху вкушающим. В астрономическом центре таких учпучмаков, так же, как и в беляшах, красовалось отверстие, сквозь которое можно было увидеть кусочек сомнительного по происхождению мяса. Сам же учпучмак дословно переводился как *три угла*, и в этом коварные азиаты не обманули доверчивых европейцев. Кстати, и сам беляш, к которому уже так привыкли русские люди, был изобретением далеко не русским, а конкретно башкирским, которые местные жители в целях коверканья языка называли бәлеш. Был такой учпучмак и у других народов: Кулемзин, например, знал, что в Индии тоже пекут подобные треугольники, только называют их ещё мудрёнее – *самусса*.

Знают только огнь и угли,
что молва нам донесла:
ведь беляш – исконно круглый,
в учпучмаке – три угла!

Кстати, у татар (а прапорщик Батыршин был, если тебе, читатель, не изменяет память, именно татарином) тоже был свой учпучмак, только назывался он *перимич* – это были те же пирожки с мясом и луком да дыркой наверху. И, как в центре учпучмака кулинарного находился кусочек мяса, так и в центре Учпумака Бермудского стоял тот самый покерный столик, за которым и происходило действие нашего правдивого повествования. Если же следовать этой сомнительной аналогии и дальше, то мясом в данном случае были наши игроки, а жареным мясом – тоже они, но только исключительно сегодня, в разгар августовского дня. Впрочем, искушённому читателю не сто́ит удивляться, что так мило и подробно можно рассказывать о каком-то Бермудском Учпучмаке, как порождении изощрённой фантазии автора. Вспомним хотя бы, что некий датчанин Ханс Хансович Андерсен тоже однажды увидел сказку в сломанной швейной игле.

Глава 50. ВТОРОЕ НЕОБХОДИМОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

И пару слов не о названии, а о само́м романе. Кстати, автор и не претендует называть свою правдивую рукопись романом, – скорее, если хотите, это дневники вуайериста, целую неделю подглядывающего за играющими мужчинами и эпохой. Не претендует он и на описание само́й эпохи или даже её маленького осколка. Задача здесь гораздо проще: показать целый её геологический пласт при смене курса партии на курс доллара, как и было заявлено в подзаголовке.

Что, например, делает нормальный беллетрист с пачкой чистой бумаги? Прежде всего, он стремится все свои материалы нанизать на нечто вроде сюжета, примерно как кусочки шашлыка на шампур. То есть: нужна нить, проволока для флажков, несущая конструкция для разнородных грузов. То есть: игра в покер, или *русская кочерг*а, в данном произведении – фигура совершенно условная, выполняющая служебную функцию, например, объединение мозаичного материала, собранного на ассоциативной основе. «Писать книги? Нет ничего проще», говорил как-то в одной частной беседе автор. «Берёшь, скажем, 500 чистых листов и просто наполняешь их лексико-семантическим содержанием»

Что подвигло автора приняться за написание столь глобального труда? Может, почудилось бородатому небесному озорнику, что зачах писатель плесенью после переезда в это болото, и, ежели не встряхнуть его как следует, то порастёт он паутиной, прикинется ветошью, после чего станет как многие – жующе-жвачным и тихо-склочным. Может быть, да, а, может быть, тому совсем другая причина: например, полюбил он хорошую женщину, а она, кандидат филологических наук 45 лет, посчитала, что только настоящий писатель может составить её запоздалое счастье. А, может… Но не будем гадать! Вперёд, мой пытливый и терпеливый читатель, – держась за канат времени!

Повествованье будет длиться,
странней являясь и страшней:
читай страницу за страницей –
и вместе с автором умней!

Глава 51. ВОДНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ (продолжение)

В утреннем сумраке вода в вёдрах отливала каким-то расплавленным оловом. Когда первое ведро зависло над головой Кулемзина, разум его родил привычно гениальные строки:

«Солнце даёт мне силу,
Земля даёт мне силу,
Воздух даёт мне силу,
Вода даёт мне силу…»,

и с последней строкой вода обрушилась на тело. После этого он постоял мокрый, а вода, подчиняясь великому закону земного тяготения, струилась с него вниз, к космосу. И вместе с ней, наподобие старой коры, с Володи, казалось, кусками отваливается прежняя кожа, а под ней проступает новая – тугая и упругая, пропитанная живыми соками. И именно здесь и сейчас ему так вживую чувствовалось преимущество объёмной геометрии Бернхарда Фридриховича Римана над плоской и натужной, придуманной далёким Архимедом. Это было потрясающее чувство: холод снаружи и огонь внутри – холодная вода, струясь по телу, заставляла огонь разливаться по всему могучему организму писателя. Приятное тепло щекотало мышцы и мозг. Вслед за этим *нутряным* теплом приходило спокойствие, спасительная темнота мысли. Когда над ним зависло второе ведро, разум как раз заканчивал строку:

«но только любовь даёт мне бессмертие…»

После выливания на себя второго ведра на несколько мгновений наступила какая-то тотальная пустота – полная, кромешная, вакуумная пустота. В эти мгновения Володя был пуст, как чистый лист бумаги, приготовленный для новой главы нового романа, как глоток дистиллированной воды, где, кроме двух атомов водорода и одного кислорода, нет более ничего, как пучок марсианского света, в котором вообще нет ни одного фотона, как просящая ладонь нищего, сложенная ковшиком Малой Медведицы, как, наконец, реплика немого. Но именно из вакуума этой пустоты медленно текло в его тело *новое тепло новой энергии нового дня*…

Удар водной стихии, как всегда был впечатляющим: нервные клетки истошно завопили, но тут же успокоились и сказали merci их владельцу. Кулемзин обливался истово – как молился, даже если температура на улице была как на Аляске, проданной крайне непатриотичным русским царём Александром № 2. Когда Володю спрашивали об эффекте от обливания холодной водой, он обычно отвечал что-то вроде того, что по сравнению с этой прелестью какое-нибудь сраное мумиё просто отдыхает. После второго ведра он ещё несколько минут постоял в неподвижности, думая о том, что этот ежедневный ритуал являет собой миниатюрный слепок Вселенной. Когда его ступни касались травы, он оказывался во власти всех четырёх стихий: огня в виде солнца над головой, земли под ногами, воздуха вокруг всего его могучего организма и собственно воды – хотя бы из-под крана. Мысль при этом была только одна: «Обливание холодной водой всегда дарит хорошее настроение! Причём, независимо от того, кого ты обливаешь…»

Взбодрившись, писатель вновь оказался в своей квартире, но, видимо, процедура его не совсем удовлетворила, потому что он ещё несколько минут постоял под горячим душем, где абсолютно непонятно на каком языке напевал *альбу*[40], стараясь не думать ни о чём, но не мог – в голову постоянно лезли мысли о судьбах человечества.

[40] Утренняя песня трубадуров в XI-XIII веках – прованс.

Мыслью утро испаскудя,
я, назло родной стране,

много думаю о людях!
Ну, а люди – обо мне?!

Ах, да, о ду́ше. Итак, ежедневно после обливания Володя принимал ещё и горячий душ, который заканчивался энергичным растиранием и облачением в какую-то фантастическую рубашку. Он хорошо знал, что неряшливый человек не внушает доверия, так как не интересен окружающим, и даже некрасив. Например, неряшливый Полтавцев выглядел неумным и даже каким-то распущенным. Уж лучше откровенно ходить голым и грязным, как это делают обезьяны, чем занимать промежуточное положение между *сапиенсом* и его низколобым предком. Горячий душ Володя обязательно повторно завершал холодной водой. Он наивно считал, что эта процедура благотворно воздействует на кровеносные сосуды, – приблизительно так же, как исправный бензонасос в паре с инжектором, и тогда – фр-р-р-р! – мотор ревёт, колёса крутятся, ветер свистит, и жизнь обволакивает своим чарующим и волнующим многообразием.

– Покупайте новый маргарин!
Новый маргарин! Новый маргарин! –

, принимая душ, напевал Альбионыч таинственную песенку на мотив битловской «Yellow Submarine» После ду́ша мокрые волосы Володи висели длинными прядями, как у припотевшего в отцовской столярке Иисуса Иосифовича. Выйдя из совмещённого санузла, как торжественно именовали эту комнату советские (б) разработчики жилья, квартировладелец критически оглядел себя со стороны: был он голый, как бритый кактус, но красивый, как несколько усушенный микельанджеловый Геракл Зевсович. После чего по-патрициански просто и слегка царственно он художественно задрапировался в простыню, и тут же стал похожим на неудачного политика Махатму Карамчандовича Ганди. Правда, при обозрении в зеркало гордого анфаса писатель не удержался от сокрушённого:

– Словно сдёрнула с креста
сволочь-санитарка:
где былая красота,
где румянец яркий?

Глава 52. ВОДНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ (окончание)

Зато в остальном он признал себя совершенным, как статую Октавиана Цезаревича Августа, которой для завершения художественного образа не хватало серпа в руке. Сегодня после ду́ша Володя тщательно растёрся полотенцем, и в голове его при этом плавала только одна фраза из расхожего рекламного ролика – вздорная, но оптимистическая, вполне в духе суровой действительности: «Сухая кожа – здоровый малыш!»

Тело тянется на сушу,
как на Джомолунгму шерп,
но при этом, стоя в ду́ше,
забываю о душе́!

После утреннего обливания писатель почувствовал себя свежим, как разливное пиво, только что привезённое с Отцеябловского пивзавода № 1. Расчесавшись, Володя уже второй раз за утро стал похожим на Иисуса Иосифовича, вернее, на изо-

бражение первого социалиста, каким его любят рисовать самодеятельные художники: длинные пряди волос влажно поблёскивали, свисая вдоль несколько полноватых щёк, печальные глаза смотрели измученно, как и две тысячи лет назад. Но, если для всего остального населения нашего шарика утро было поводом начать свой новый день, для Кулемзина это был повод начать день творческий. Он повторно включил компьютер, открыл свой любимый Word, секунду подумал и тут же набросал на электронном листочке свой ежеутренний хокку:

Куплю селёдки три кило
и всю сожру за раз!
Сколько ещё той жизни…

Потом Альбионыч полюбовался ровными компьютерными строчками, состоящими из таких же ровных и аккуратных буковок, и у него потеплело там, где, по предложениям богословов, находится человеческая душа. «Буквы расползаются по миру, по городу, по дому», подумал он, «они ползают даже по мне, как блохи на дворняге. Буквы везде: на ложках и пуговицах, на часах и очках, на ботинках и трусах, на таблетках и простынях, на зажигалках и горшках, на салфетках и бульонных кубиках, на мыле и на конфетных фантиках, на железнодорожных насыпях и воздушных шарах. Буквы везде и всюду. А если я люблю читать? А если я все буквы складываю в слова́ и ищу в них смысл? Это же му́ка мученическая! Я понимаю, что каждой буквицей человечество шлёт мне какое-то послание, но я не могу угадать какое. Я понимаю, что люди так общаются, но я не понимаю, о чём они говорят…»

Здесь надо добавить, почему наш герой сотворил эти строки именно в таком виде. Дело в том, что почерк у Володи был хуже ленинского – рука его дёргалась по бумаге, как американка Пегги Уильямовна Флеминг на льду во время обязательной программы, а при создании особо хороших стихов ещё и прыгали, как та же Пегги со своим тренером Карло Адриановичем Фасси в 1968 году, когда фигуристка завоевала золотую олимпийскую медаль в Гренобле. Это была его ежедневная разминка мозгов в предвестии предстоящего покера. Именно эти короткие мысли становились эпиграфом к целому дню, как ранее у некоего средневекового японца Мацуо Мацуовича Басё – к целой жизни.

Пусть любуются девицы
на таких вот на парней:
подкачай мозги (не мышцы!) –
станешь вчетверо сильней!

В свободное же от работы и игры время Володя, кроме романов и стихов, писал также легенды, апокрифы, были, сказы, колядки, прибаутки, *подблюдные* песни, погребальные причитания, частушки, духовые гимны, иногда не чураясь и рубаи. Но не только – кроме вышеперечисленного, сочинял он иногда ещё и литературные пародии. Вот и сейчас Альбионыч в течение минуты наваял очередную *нетленку*:

«Выпьет, бывало, комиссар Мегрэ лишнего, подкрадётся на цыпочках к собору Парижской богоматери и давай орать:

– А теперь горбатый! Я сказал – горбатый!»

Глава 53. ЖИЗНЬ КАК СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР

Впрочем, тут же вспомнилась ещё одна непростая задачка, требующая решения со вчерашнего дня: надо было простирнуть свои ежедневные носки. Володя акку-

ратно положил их в тазик, после чего взял коробку стирального порошка и внимательно ознакомился с не слишком подробной инструкцией по применению. Ознакомление он начал со странной надписи на фронтоне коробки:

Порошок стиральный
синтетический универсальный
с ненормируемым
пенообразованием

Последние слова немного смутили писателя: ненормируемое пенообразование было несколько сильнее его привычной логики. «Чем же его отнормировать?», задумался он. «Куском хозяйственного мыла?» В конце концов писатель вспомнил старинный женский рецепт, который назывался таинственно и немного физиологично – *на глаз* – и засы́пал носки порошком с голубой искоркой, после чего залил всё это хозяйство тёплой водой. Процесс пошёл!

Вслед за этим пришло время бритья. Это было просто необходимо, так как с утра наш герой решительно не был похож на образец сотрудника ВЧК (б), у которого голова всегда должна была быть холодной, как айсберг в океане, сердце горячее, как свежевыпеченная булка, а лицо тщательно побрито, чтобы даже случайно не быть похожим на бородатых товарищей Дзержинского и его *патрона* Ильича I. Включив электробритву, Володя неспешно брился и, обдумывая планы на занимающийся день, задумчиво напевал, поглядывая на себя в зеркало:

Потому что нельзя,
потому что нельзя,
потому что нельзя
быть красивым таким…

Хаотично – вслед за своими мыслями – он водил бритвой по подбородку и его окрестностям, невнимательно поглядывая в какое-то телескопное зеркало, делавшее толстую физиономию бреющегося ещё толще и страшнее. В унисон мыслям он при этом тихо напевал тему Белки из вступления к третьему акту «Сказки о царе Салтана» товарища Римского-Корсакова. «Да-а-а», глубокомысленно думал Альбионыч, глядя в зеркальное отражение, «и среди интеллигентов, несмотря на их мелкопакостную историческую сущность, встречаются приятные люди…» Отметил он и то, что сегодня, как никогда, был свеж, как молодая картошка.

Так печальны вокруг обстоятельства,
что по зеркалу я садану, –
там застыло в глазах обязательство
говорить только правду одну…

Закончив бритьё, Володя, будучи истинным ценителем красоты, ещё раз вгляделся в зеркало и заметил, что сбоку подбородок у него смотрится даже лучше, чем анфас – такой эффект он уже однажды наблюдал в кино про шпиона Джеймса Бонда в исполнении Шона Джозефовича Коннери. «А, впрочем, зачем все эти жалкие потуги?», философски думал писатель. «Жизнь всё равно закончится урной в колумбарии или кладбищенской могилкой с гранитно-бетонной плитой, чтобы покойник не выбрался вновь на свет *дедушкин*…»

Подойдя к зеркалу, он поглядел на себя, и неожиданно подумал о том, с чего у него началась нелюбовь к людям. Не хотелось, конечно, думать, что он элементарно

таким уродился, ведь, как известно, человек по своей натуре добр – так, по крайней мере, гласит гуманистическая философская теория Мишеля Пьеровича Монтеня и Томаса Джоновича Мора. И хотя практика, особенно последних времён, эту теорию постоянно и в массовом порядке опровергает, но она, теория, не сдаётся, и всякий раз придумывает новые аргументы в пользу объективной доброты человеческой природы, которой просто мешают реализоваться субъективные факторы. А главный из этих факторов, как точно знал Володя, – это жизнь как таковая! Прав, прав был его тёзка[41] поэт Николай Гумилёв:

Уж если ад, так пусть тут будет ад,
а если рай… Но не бывает рая!

[41] Всех хороших писателей Кулемзин считал своими духовными тёзками – прим. автора

Писатель ещё раз пристально вгляделся в зеркало, и почудилось ему, что нашёл он давно исканного человека гармонии, почти что совершенного – при всех, конечно, личных несовершенствах. Но не в том ведь совершенство человека, что он без сучка и без задоринки, а в том, насколько он, этот человек, заполнил собою тот духовный контур, который ему Сукой-судьбой предназначен.

Глава 54. ТЕЛЕФОННЫЙ БЛУД

Он уже было приступил к самой сакральной части каждого утра – завтраку, как его отвлёк от этого важнейшего события уже третий телефонный звонок. Телефон звонил так, как звонят утром все телефоны – противными трелями обезумевшего советского (б) постового. Услышав его, Володя подумал: «Не к добру это. Утро должно начинаться не со звонка, а с визита красивой женщины. Или, в крайнем случае, с приглашения на пиво…» На его удивление, тут же зазвонил и второй телефон. Но вот этому автор ничуть не удивился. Кулемзин, как известно, и жил и работал в своей *крепости*, и вскоре понял, что для работы ему нужен второй номер телефона, чтобы подключить к нему факс. Быстренько выйдя на начальника всей саксаульской телефонии, он тут же получил отказ, мотивированный тем, что в частных жилищах нельзя ставить два номера. После чего он, как и его менее удачливый тёзка Ильич I, пошёл другим путём. Путь заключался в том, что он предъявил телефонному начальнику бумажку за подписью Роберта Эдвардовича Ру́бена, секретаря американского казначейства. Этих бумажек он предъявил чиновнику сразу три, и тот, поразмыслив, согласился, что американский Роберт – источник надёжный и заслуживает всяческого доверия. Он даже попросил Володю не стесняться, и в дальнейшем *в случае чего* делиться с ним подобными обращениями по инстанции за подписью этого хорошего человека.

Как учила нас партшкола,
правит миром англосакс,
всё решает серый доллар,
а по-русски – просто бакс!

Вслед за звуковым рядом возникло и виде́ние: сторож, перебирая ногами, как цирковой слон, набирал его номер, старательно втыкая грязный палец в каждую дырку диска и медленно доворачивая его до упора, после этого он вынимал палец из дырки и так же медленно возвращал диск, как говорят учители физкультуры, в исходное положение.

Кто рано встаёт –
тот всех достаёт!

Кулемзин осторожно снял трубку и услышал странные марсианские звуки. В трубке что-то хмэкало и бэкало, а также противно скрипело. Телефон у Полтавцева был ещё советский (б), и качество звучания его было тоже соответствующее. Голос охранника то затухал, как бы удаляясь в невидимые миру эфиры, то звучал так громко, что вспугивал воробьёв за окном. Володя улыбнулся: это было очень похоже на передачу Би-Би-Си по старенькому приёмнику «ВЭФ» благословенных времён застоя. Именно по этим космическим звукам писатель и догадался, что утренний покой нарушил его сосед Полтавцев. Наконец в трубке что-то устоялось, а звуки обрели какое-то логическое обоснование, после чего Кулемзин поднёс трубку к уху и внятно произнёс:

– Ad sum[42].

[42] Я здесь – лат.

– Да я вообще-то не в ад звоню, – раздался осторожный голос Серёжи.

– У каждого из нас свой ад в душе, – поприветствовал его писатель.

– Мать честнáя, Володя, это ты, что ли?

– Нет, общество спасения на пиво-водах!

– О-о-о-о-о-о! – долго выдохнул охранник. – Пиво – это хорошо!

«Особенно на халяву», мысленно дополнил эту мудрую фразу писатель, но не стал педалировать её вслух, дабы не разрушать уже и так частично разрушенный серёжин мозг. Володя был в сáмом начале среднего возраста марсианина, и к этому сроку уже успел отрегулировать свои в прошлом довольно варварские отношения с алкоголем, внедрив в обиход гастрономически продвинутый подход к пиву и хорошей закуске. Причём на пиво он смотрел не с точки зрения °°, а как на les digestives[43].

[43] Дижестив, средство, способствующее пищеварению – фр.

И вспоминая сон про иву,
к которой был прибит ишак,
с утра мы думаем про пиво,
что это – счастье! Как же так?

– Здорóво, крендель, – весело поздоровался Володя. Афанасьич хотел было обидеться, но «подумал» и решил, что в этом хлебобулочном названии вроде бы нет ничего обидного, так что решил ответить соответственно и достойно:

– Здорóво, бородинский за 40 назарбаксов!

Затем в трубке раздался оглушительный взрыв. Кулемзин послушал несколько секунд и затем осторожно спросил:

– Серёжа, ты что, застрелился?

– Нет, – наконец ответил охранник, – высморкался. Как здоровье?

– Здоров как бык, – легко признался писатель. – Правда, слегка беспокоит совесть, но, к сожалению, у нас в стране с таким диагнозом больничный не дают.

Затем он из вежливости так же поинтересовался у звонильца:

– А ты как живёшь, Серёжа?

– Согласно здоровью, – солидно ответил охранник.

– Ну, а как здоровье? – не унимался любопытный писатель.

– Согласно похмелью, – признался Полтавцев. – Что-то мигрень совсем разболелась.

– Ну, это ты, старик, хватил! – покачал головой Володя. – Мигрень – это болезнь аристократическая, даже у меня она всего три раза за жизнь была. А у тебя это так, просто жбан с похмелюги раскалывается!

Как последнюю скотину,
будет смерть меня пугать:
как бы кони мне не двинуть,
как бы в ящик не сыграть…

– А ты как себя чувствуешь? – решил проявить участие экс-текстильщик.

– Да такое, знаешь ли, состояние перманентного коллапса, – туманно пояснил писатель.

– Это серьёзно, – подтвердил сторож. – Наверное, и тошнит сильно?

Глава 55. СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Здесь надо сделать некоторое отступление, чтобы сказать несколько слов о том, как спалось нашему герою, недаром же он начал день с разговоров о пиве. Выпил Серёжа вчера немало, поэтому спал свято и чисто, как взращённый в монастыре ребёнок, правда, в позе хорошо выжатого пододеяльника. Тело было тяжёлым, как «Титаник», мысли драными, как покусанные собаками, он похрипывал и вздыхал, словно намаявшаяся за день лошадь. Дышал во сне Афанасьич тяжело и как бы через силу. Казалось, что в доме шумно работает изношенная паровая машина: воочию виделись и текущие трубки, и разработанный *сухопарник*, и какие-то разношенные цилиндры. Сегодня здесь смело могла проходить практику группа учащихся техникума по ремонту подвижнóго состава.

Волей Суки-судьбы сторож проснулся на полу, но утренняя прохлада направила его затемнённое сознание по другому пути. Он постучал рукой по полу, с минуту определяя, куда же на этот раз занесло его так называемое провидение. Сознание возвращалось с трудом – именно так, кажется, принято писать в заграничных романах про усталых суперменов типа Джеймса Иэновича Бонда. К охраннику же оно вернулось вообще из-под палки и работать не хотело категорически: то билось в черепе, как юродивый, то принималось ныть и дуться. Он кое-как встал и улёгся на законное место в кроватку. Мысли тут же куда-то испарились. «Всё-таки надо встать», подумал он, но понял, что не может, и принялся, почти как и каждое утро, разглядывать известковые разводы на потолке. Из всех неясных разводов выделялись особенно два: первый являл собой профиль мужчины с густыми еврейскими пейсами, а второй – почти симпатичной девушки, которую несколько портил какой-то помятый огурец, воткнутый ей в правый глаз. Полтавцев с удовольствием разглядывал знакомые профили, так как чувствовал, что именно это занятие делает из него такого же философа, как его друг Кулемзин.

Чтоб убить в себе дракона,
в глаз стреляя от бедра,
философские законы
изучаю я с утра…

Но запрокинутая голова, как хорошо известно из «Полной медицинской энциклопедии», есть источник перманентного головокружения, поэтому не удивитель-

но, что после обозрения профилей Серёжу вырвало в туалете, где голова его некоторое время раскачивалась над унитазом, как у охлаждённого копчёного цыпленка. После чего он посмотрел на себя в зеркало, но не узнал, потому что честное стекло, хотя и грязное, отразило какого-то накурившегося марихуаны доходягу. Лицо его сейчас выглядело так, словно некий садист решил покуражиться над ним и для своего удовольствия сунул его носом в миксер. Зеркало было кривоватым, а амальгама изрядно потёртой, но Серёжа не привык искать оправдания в объективных причинах. С детства он запомнил вещие слова отца про то, что нечего на зеркало пенять, коли у тебя, Серёнька, рожа на всю жизнь крива! Насторожило, правда, то, что одно ухо оказалось на пару размеров больше другого, хотя и не болело. «Наверное, отлежал», продиагностировал себя страдалец. После этого сторож включил засипевший кран и попытался сделать холодный глотóк. Во рту сразу стало противно и кисло, как от *недельного* кефира. В голове было настолько пусто, что если бы сейчас сторож встретился со своей потерянной много лет назад мамой, то наверняка бы её не узнал. А выглядел он так, что мама наверняка не узнала бы его. Серёжа прислушался к внутреннему голосу, и вдруг с изумлением услышал, как тот что-то бормочет. Впрочем, можно было разобрать следующее:

«Проснулся! Что же, что со мною?!
Какой кошмарнейший бодун!
Мотаю головой хмельною,
а в голове гудит чугун…»

Он помотал головой, правда, сразу же пожалел об этом, так как голова, нарушая законы физики и анатомии, так и норовила оторваться напрочь, но стало и немного легче, так как охранник заметил, что внутренний голос – это никто иной, как володин муз Вася Курочкин, а, значит, до шизы ещё далеко. Кое-как поднявшись, похмельный хозяин босиком ступил на кухню. Облепившие старенький «Саратов» тараканы бросились врассыпную, уступая территорию сильному. «Эх вы, пернатые», дóбро подумал Полтавцев и снял трубку, после чего и произнёс фразу, хорошо известную жителям спальных районов крупных городов – с утра до вечера её громкими криками озвучивали местные дети в поисках партнёров по своим нехитрым играм:

– Ты выйдёшь?

– Если замуж, то нет, – тут же ответил Кулемзин, и уточнил:

– А если замуж за тебя, то нет дважды.

Серёжа не понял ничего, так как в нём сейчас протекало сразу несколько острых осколков мыслей на разные темы, при этом на остатки сознания накатывали совершенно разномастные чувства, а также мелькали неясные воспоминания, мгновенно всплывающие какой-то мутной пеной из затхлых глубин организма. Казалось, ещё немного, и он увидит пресловутый чёрный тоннель на тот свет, по которому редко кто возвращается назад. Неловко повернувшись, Афанасьич снова потянулся за трубкой, но зацепил провод и уронил аппарат на пол. Тот с грохотом свалил пустую бутылку, которая, в свою очередь, расколола стоящий у кровати стакан. «Нехило денёк начинается», вспомнил он любимую присказку Кулемзина.

– Ждите – и дождётесь, – пообещал писатель каким-то псевдобиблейским обещанием и нажал красную кнопочку на трубке. Сторож после этого ещё пару минут безуспешно алёкал в свою трубку, дул в неё и даже выразительно смотрел в чёрные дырочки, словно призывая их к порядку и восстановлению функций.

Не болтай у телефона!
Болтун – находка для шпиона!

Глава 56. ТЕЛЕФОННЫЙ БЛУД (продолжение)

Кулемзин знал, что дело этим не кончится, что звонки за звонками будут долбить до тех пор, пока он не положит в карман значительную сумму назарбаксов и не выйдет на утреннюю церемонию реанимации. Второй звонок раздался где-то часов в шесть утра. Альбионыч поднял трубку и, не спрашивая, кто это, поинтересовался:

– Что, пожар или коммунисты к власти вернулись?

– Володя, мне плохо, – раздался в трубке чей-то незнакомый и старый голос.

– Кто это? Талгат, ты, что ли?

– Ну, как жизнь, йодистый натрий? – выдавил длинную фразу военный, после которой почувствовал себя на пороге вечной жизни. Сейчас ему казалось, что несколько радиотехников-садистов в то время, как он спал, установили в его голове автоматический проигрыватель, и теперь пытались проверить, сколько пластинок можно крутить на нём одновременно. Судя по шуму под волосяным покровом, пластинок было не менее дюжины. К тому же, садюги ещё и прыгали изо всех сил, видимо, определяя, насколько сильно вибрация влияет на качество звука. Деформации организма казались максимальными. Добавляло тоски и то, что он заметил испачканный протёкшей авторучкой карман своей единственной более-менее чистой рубашки, которую ему оставила жена, уехавшая на несколько дней в санаторий – с детьми.

– Жизнь? – переспросил Володя. – Да не обещает никаких шансов на бессмертие и скромный памятник.

– Я умираю, – далее сообщил абонент.

Писатель охотно поддержал беседу:

– Умираешь? От безысходности? От одиночества и беспросветности существования? От бесконечности забот и бессмысленности всех усилий в этой прекрасной жизни?

– С похмелья, – признался военный, но попытался впасть в оптимизм:

– А вообще я с честью держу штурвал на пульсе!

– Напрасно, – пожурил его Кулемзин. – Ведь человечество, слабой частью которого ты изволишь являться, всегда стремилось в счастливое будущее и, надеюсь, будет стремиться и дальше. И негоже, Талгат, нам с тобой пытаться увиливать от этого общечеловеческого стремления!

– Да я и не упыли…вили…вываю.

Было, помнится, веселье,
а теперь такой запор…
Умираем мы с похмелья!
Как же живы до сих пор?

– А вообще живой? – натужно спросил Батыршин.

– Если ты о себе, то не знаю. Если обо мне, то местами, – ответил писатель.

Но прапорщик не упокоился и задал ещё один вопрос, актуальность которого знал сейчас только он:

– А жизненно важные органы сохранились?

– Боюсь, не все, – печально подтвердил его худшие опасения Володя. – Что-то разума не хватает…

– Вот-вот, – обрадовался Салихдзяныч. – И у меня *стольник* заначенный куда-то пропал!

– Ну, это не ко мне, – парировал Альбионыч. – Это к министру внутренних дел. Говорят, в Саксаулии он лично кражами занимается. И, если находит, на всякий случай оставляет себе – чтобы не украли повторно.

К счастью, военный музыкант ничего не понял, но напрягся и попытался продолжить светскую беседу.

– Да, кстати, я не мешаю? Чем ты занимаешься? – задал он свой нехитрый ежеутренний вопрос.

– Да вот сижу – размышляю над английскими дифтонгами, – приступил к объяснению Володя.

– И всё? – глупо переспросил военный.

– Конечно, нет. Кроме увлечения дифтонгами, я именно сейчас прорабатываю книгу некоего А. Л. Роуза «Уильям Шекспир» в оригинале, – охотно поделился писатель.

Талгат не знал, что такое оригинал, и вежливо поинтересовался:

– Зачем?

– Да хочу докопаться, правильно ли Роуз датировал появление «Цимбелина» По-моему, – сел на своего конька писатель, – он это сделал несколько неточно…

– Ёкарный бабай! – прекратил филологические исследования суровый военный. – Ты это, выходи давай!

– Ьэндр би торуьц цол угаьв, – забывшись, перешёл Володя на родной марсианский. – Ьэндр нанд кёьрг даьла[44].

[44] Я занят, у меня дела. Но я буду рад видеть тебя в любое время дня и ночи – марс.

После чего, опомнившись, вновь перешёл на не менее родной русский:

– Знаешь что, старичок, подходи-ка лучше ты ко мне – у меня для тебя найдётся конфетка.

Прапорщик напряг остатки разума, пытаясь понять, что имел в виду писатель под словом *конфетка,* и понял, что разгадать эту утреннюю шараду не сможет никогда, а к Кулемзину всё же попытается пойти, потому что хуже уже всё равно не будет. Он положил трубку, и сразу же завыла преисподняя, сквозь которую, без сомнения, и были проложены все телефонные линии страны. Суверенной Саксаулии исполнилось чуть больше десяти лет, и это, конечно, был совсем небольшой срок для того, чтобы телефонная промышленность смогла перестроиться с советского (б) лада на нынешний капиталистический.

От звонков в сознанье пятна,
качка, как на корабле, –
телефон даёт понять нам:
не одни мы на Земле…

Глава 57. НОЧЬ НУРТАЯ

И здесь тоже, подумалось автору, необходимо сделать некое отступление, чтобы рассказать, как прошла ночь ещё у одного героя романа – Курманбаева. Перед сном Нуртай с волнением посмотрел старый советский (б) фильм «Смерть на взлёте» по московскому каналу ТВЦ, руководители которого, видимо, боясь обвинений в конъюнктурности и низкопоклонничестве перед Голливудом, гоняли эти «шедевры» ежедневно, с тоской вспоминая о колбасе по 2.20.

«Мать моя партия, побольше бы таких картин», подумал он после просмотра, «ведь этот фильм заставляет задуматься о сегодняшнем мире, о сложной международной обстановке, и с большой убедительностью показывает цели и средства американского шпионажа. Да-да, совершенно точно: в этом фильме с подлинно творческим беспристрастием противопоставлены две принципиально разные идеологии –

советских людей и американских шпионов. Но что более всего поражает в этом фильме, так это постепенное падение человека, потерявшего бдительность и жаждущего лёгкой жизни. Так же невольно я поразился мужеству, выдержке и смелости чекистов. А в целом фильм «Смерть на взлёте» звучит своевременным и злободневным предупреждением тем гражданам, которые порой так безответственно забывают о бдительности, тем самым играя на руку иностранным разведкам в их подрывной деятельности…» Затем, прикрыв глаза, педагог внимательно повспоминал, сколько бутылочек «Тянь-Шаня» в воскресенье достались ему на халяву, и аккуратно записал в книжечку (в раздел «сэкономлено») весьма немалую сумму, после чего заснул счастливо и тихо. Приснился ему Ильич I, с недовольной рожей что-то втолковывавший Ильичу II.

Как рассказал нам Ивлин Во,
раскрыв судьбы порок,
что ночь даётся для того,
чтоб подвести итог…

Проснувшись, педагог долго ходил по комнате в пижаме – свободной и распахнутой, поскольку во сне ворочался так, что все пуговицы выдрались сами по себе с корнем. Он тщательно собрал все пуговицы с мохнатыми хвостами, сложил их в металлическую круглую коробочку с надписью на крышке «Советское монпансье» и зашёл в ванную комнату, где тщательно пригладил на макушке намечающуюся плешинку в форме Новой Зеландии, и только после этого пошёл звонить писателю. И всё было бы неплохо, если бы не тело, которое казалось ему закостеневшим, будто ночью он заболел какой-то неведомой науке разновидностью моментального остеохондроза. Это несговорчивое тело как-то неприятно ныло, словно он неделю без продыха разгружал вагоны, привезшие из далёкого Бугуруслана мешки с цементом. Кроме всего прочего, болело и в горле, словно в него запихнули рулончик наждачной бумаги, предварительно пропитав его перцем. Проснулся он разбитым и потным, чувствуя во рту противную кисловатую горечь, как будто с вечера закусил пачкой плохих сигарет «Памир», которые так любил его сосед по лестничной площадке Полтавцев.

К тому же в организм пришло какое-то странное ощущение: сейчас он чувствовал себя тараканом в большом старом будильнике, который вдруг завели, но в любой момент повернётся какое-нибудь зубчатое колёсико, и хрясь! – только кишки наружу. Через минуту он понял, что таракан не просто попал в будильник, а как выяснилось, этот будильник ещё и стоял на наковальне, а молот над ним уже был занесён. Странное дело происходило с головой: она не то чтобы болела, а просто отказывалась управлять организмом, словно поменявшись местами с задницей, и мучилась, как от многодневного запора. За окном, казалось, с утра прибыла бригада каких-то крушильщиков асфальта со страшными отбойными молотками. Курманбаев выглянул наружу и, не обнаружив никого, понял, что на самом деле это стучало у него в голове. Впрочем, наш бравый педагог не стыдился своего состояния, ему было просто обидно за бесцельно прожитые годы… как, впрочем, и всем, кто наизусть учил когда-то эти строки.

Не жизнь, а просто эпизоды, –
их много так, как ни таи:
бесцельно прожитые годы
мои, к несчастью. Да, мои!

Но побриться всё же пришлось – из своей комнаты вышла жена и осуждающе посмотрела на мужа. Брился Курманбаев с трудом – всё же многовато опрокинул он вчера в себя халявного володиного пивка. Из зеркала на него глядело измученное капитализмом лицо, а если говорить честно, то обычная похмельная рожа, хотя и мечталось, что когда-нибудь вот так же утром он увидит вместо неё лицо секретного сотрудника, допущенного к главным саксаульским государственным тайнам – этакого советского агента 007, своевременно уплачивающего партийные взносы. Хотя в общем он выглядел так, как будто без запивки проглотил ложку ядрёной горчицы. Рассудок конвульсивно сопротивлялся: хотелось выпить, но одновременно и сунуть голову под холодную воду, то есть протрезветь сразу двумя противоположными способами. «Наверное, в этом и есть борьба и единство противоположностей», подумал Нуртай. При воспоминании о классическом постулате ему сразу сделалось как-то легче, и даже образ ненавистного Кулемзина сделался не таким отвратительным, как обычно. «А ведь именно сегодня победа обязательно будет за мной», подумал он.

Глава 58. ТЕЛЕФОННЫЙ БЛУД (окончание)

Четвёртый звонок, как пишут в плохих романах, не заставил себя ждать. Разумеется, это был Курманбаев. Он долго откашливался, пытаясь отодрать с гло́тки остатки вчерашнего воскресного веселья, и даже булькал – но не весело, как, например, булькает наливающаяся в стакан водка, а как-то тяжело, нефтеналивно.

– Привет, – наконец выдавил из себя педагог. – Как оно?

– Вообще или в частности? – уточнил Кулемзин.

– Да оно как бы так, – объяснил Нуртай жалостным контральто, но, не услышав ответа, наконец перешёл на общечеловеческий язык. Правда, при этом по старой марксистской привычке не говорить то, что думаешь, он спросил не то, что хотел:

– Над чем трудишься, Володя?

– Над разрушением основ марксизма-ленинизма, – свободно ответил писатель.

– Мать моя партия! Ты поосторожнее с этим, – предостерёг Володю педагог. – До основания-то не разрушай. А то придут *наши* – накажут. И опять тебе перестраиваться придётся…

– А *ваши* и не уходили…

Всё глубже зарывались в ил,
всё тяжелей тащили ношу –
вот почему не победил
тот коммунизм, такой хороший…

– А вообще как дела? – не отставал Курманбаев. Володя понял, что ситуацию надо ломать.

– Да как в мавзолее, – по-прежнему свободно ответил он.

– Как это? – насторожился Мусаич.

– Ну, не кормят, не хоронят…

Педагог нахмурился – он не любил подобных политических провокаций и даже в чём-то инсинуаций. Голос Володи по телефону был холоден, как будто он разговаривал не из дома № 17, а, по крайней мере, из какого-нибудь Шпицбергена. Курманбаев из-за отсутствия аргументированного продолжения пригорюнился, но, всё ещё на что-то надеясь, промолвил:

– Так ты один?

– Один, – горько признался Альбионыч. – Как Робинзон Даниелевич Крузо. Впору вибратор покупать…

Наконец Нуртай собрался с силами, после чего весело и, как ему показалось, игриво предложил:

– А не попить ли нам пивка?

– Ну, если для всемирного счастья, то можно, – обнадёжил его Кулемзин. – Вот только закину в организм что-нибудь белкóвое – и подойду.

После чего отключился от связи.

Глава 59. СМЕРТЬ ПРАПОРЩИКА

Пусть не вздрагивает читатель, увидев сей кровавый заголовок. Хотя пусть и вздрогнет, ведь в следующую секунду, проявив проницательность, тут же сообразит, что уж раз речь идёт о человеке, не чуждающемся спиртных напитков, то и смерть его, особенно по утрам, является кратковременной – до первой дозы любого реанимационного напитка. И он окажется прав, этот проницательный читатель! И прав даже дважды, ибо что, если не кратковременная смерть, есть наш сон – мероприятие провального сознания и чёрно-белых картинок без увязки с настоящим?

На улице стояла глубокая ночь. Тихо ботала по своей непонятной древесной фене потрёпанная солнцем за день чёрная листва, да невидимая мелкая собачонка тявкала тоненько и отрывисто, как в бутылку. После того, как невидимый миру трубач тонко проиграл *отбой*, сон прапорщика Батыршина стал душным и тёмным, как субтропическая ночь. После этого крайне заботливый *дедушка* отключил в его голове и звук, и изображение, и военный музыкант тут же провалился в мутный омут. Блестящие, словно из феррохрома, звёзды фианитово сияли всем тем, кто не смог уснуть, и проводил ночь за сигаретой на душном балконе, но только не для нашего героя.

Томит одинокое лоно,
и зябко раздетым плечам:
фаллическая колонна
мерещится по ночам…

Талгат вначале скрутился калачиком, как озябшая собака, потом эта поза наскучила его спёкшемуся за день телу, после чего он скрючился, словно суслик в Гималаях. Тут и настигло его деревянное алкогольное оцепенение, которое так и не дало разогнуться костям и мышцам до утра. Если бы прапорщик знал такое мудрёное слово, как *тетраплегия*[45], то наверняка бы подумал, что именно она, коварная, сейчас с ним и произошла. И если бы утром внимательный наблюдатель увидел лежащего в такой позе прапорщика! Лежал он… ну, как-то не так… в общем, живые люди так не лежат. Но ошибся, ошибся автор! И ладно, что ошибся, иначе на этом месте и прервалась бы наша правдивая и скорбная повесть.

[45] ***Паралич конечностей – гр.***

Наконец, симфония аденоидного храпа завершилась. Пробуждение было ужасным. Голова болела с такой силой, что её хотелось немедленно ампутировать. Мысли в голове были, как детские кубики с буквами, из которых он никак не мог составить нужное слово *пиво*. Любое его движение было также настолько болезненно, что прапорщику просто необходимо было прислониться к прохладной сыроватой штукатурке и застыть так навечно. К боли добавлялись и галлюцинации. Так, в углу, куда уже падал первый предутренний свет, явственно кто-то копошился. Всё внезапно провалилось в чёрную дыру памяти, словно растворившийся в ночи детский кошмар. Талгат открыл припудренные битым стеклом глаза и разглядел несколько апок-

рифических то ли чертенят, то ли инопланетян. В общем, были они серо-зелёные, как долларовые бумажки, причём один из них явственно копался пальцем с длинным ногтем в носу. «Может, я уже на том свете?», с надеждой подумал прапорщик. Правда, он тут же ощутил, как руки, ноги и лицо почёсываются, как при скабиезе, а в раю, по рассказам очевидцев, этого чувствовать он никак не мог.

«Так живи, чтоб место в рае
было», слышал я в бреду.
Я о рае не мечтаю, –
мне неплохо и в аду!

Музыкант вдруг вспомнил, как на курсах по военной психологии экстремальных ситуаций, которые вёл какой-то вечно пьяный майор, им крепко вбивали в голову, чтобы они *не боялись бояться* и не пугали самих себя. Он, правда, совершенно не помнил, о чём говорилось в той лекции, но само сознание факта, что всё происходящее уже с кем-то случалось, немного успокаивало. Потом он подумал, что зелёные инопланетяне – такая же нелепость, как честный саксаульский политик, и успокоился окончательно. После этого неряшливые человечки тут же исчезли. И если бы голова перестала болеть, то всё вокруг вообще могло бы показаться просто замечательным. Но сейчас она была пуста, как мир перед началом творения, и ни одна толковая, равно как и бестолковая, мысль не освещала первобытную темень его черепной коробки. Радовало одно: жена Аида вместе с детьми сегодня спала последнюю ночь в санатории, куда Батыршин с большим трудом достал две взрослых путёвки, а потом путём подкупа дежурной сестры уговорил её разменять своё взрослое тело (и одно койко-место) на два детских.

Морда как при панихиде,
голова – на са́мом дне:
хорошо, жена не видит,
как сейчас хреново мне!

Тяжело вздохнув, Талгат перевернулся на бок. Спина у него совершенно одеревенела, и сейчас он стал похож на еврейскую букву *реш*, выглядевшую как причудливый бумеранг. Видимость была плохая, как при мелком дожде-*сеянце*, к тому же к капелькам дождя стали присоединяться какие-то зелёные пятна. Краешком уплывающего сознания прапорщик отметил, что лежит на чём-то твёрдом, как прокатный стан. Во рту явственно ощущался вкус старой половой тряпки, хотя он мог бы поклясться, что его жизненный опыт по жеванию старых половых тряпок на сегодняшний день был, как выражаются математики, ничтожным. Всё это явно не шло на пользу его занимающейся мигрени. Затем голова закружилась ещё сильнее, и пятна сменили цвет с зелёных на синие. При этом бедному корнету показалось, что они ещё больше увеличили скорость мельтешения.

Тошнить начало сразу же после пробуждения. Правда, военный трубач не смог не только сразу открыть глаза, но и даже сделать какие-то телодвижения. Ему показалось, что он лежит, опутанный неясными медицинскими проводами в общей больничной палате сельского лепрозория, а рядом с ним пиликает сложная аппаратура, раскладывая его состояние на графики и кривые. Но уже через мгновение он понял, что пиликанье доносится из лежащего рядом с ним на полу пейджера. Он открыл глаза и увидел, что никакого медперсонала рядом тоже не наблюдалось. И только потом сообразил, что никакого пейджера у него никогда отродясь не было!

Зато было другое – ощущение, словно военный только что проглотил живого ежа, и теперь этот ёж обживает желудок, выбирая место для ночлега. Прапорщик попытался было произвести инвентаризацию памяти, но ничего не получилось: перед внутренним взором то вставало глумливое лицо практически непьющего писателя, то мерзкое Нуртая с неизменной улыбкой, то сурово-туповатое Серёжи.

То с тоской в кармане шаришь,
то башка из чугуна:
не поймёт меня товарищ,
не поймёт меня жена…

Глава 60. СМЕРТЬ ПРАПОРЩИКА (продолжение)

Он посмотрел на руку и испугался – она светилась каким-то зелёноватым фосфорическим светом. Впрочем, он тут же сообразил, что забыл снять на ночь часы. Правда, узнать время Батыршин так и не смог, поскольку стре́лок было три, и все они стояли на разных местах, а одна, словно в насмешку, ещё и двигалась! Чтобы как-то отвлечься от головной боли, он стал судорожно вспоминать подходящие к случаю примеры из художественной литературы, но в голове почему-то упорно крутилась только «Повесть о настоящем человеке», причём, даже не книга, а опера, которую он имел сомнительное счастье прослушать в довольно раннем детстве. Трубач вспомнил, как по сцене, мучительно извиваясь, полз оборванный небритый *баритон* и хорошо поставленным голосом пел:

«День ползу, два ползу…
Начинается гангрена-а-а-а…
Вот ползёт ежик, я его съем…»

Если сейчас в комнате неизвестным образом появился бы всёзнающий Кулемзин, то он бы рассказал страдальцу, что эту странную оперу написал ни кто иной, как Сергей Прокофьев, а вот либретто её – его жена Мира Мендельсон-Прокофьева. «Откуда же взялся этот, с позволения сказать, шедевр?», спросил бы Володя, после чего сам бы ответил, что ещё 10 февраля 1948 года грянуло постановление Политбюро ЦК ВКП (б), заклеймившее не только Прокофьева, но и Шостаковича, и даже Вано Мурадели – как формалистов и врагов народа, наносящих вред своей музыкой. Куда было деваться бедному композитору? Вот и написал…

В голове прапорщика что-то щёлкнуло, и последняя строчка несколько видоизменилась, – вероятно, посчитав, что так будет ближе к подходящему моменту:

«Вот ползёт ежик…
Он меня съест…»

Первое сознательное действие его заключалось в том, что он свесил голову с кровати и, увидев перед собой пустой пластмассовый тазик, облегчённо вздохнул: ну, хотя бы не проблевался – и на том спасибо! Тазик был *ноу-хау* его жены Аиды, которая видя, в каком состоянии укладывается спать муж, ставила его в изголовье. А то уж очень неприятное занятие – оттирать с ковра, хотя и старенького, приобретённого её родителями ещё на свадьбу, последствия мужниной невоздержанности. Самое забавное заключалось в том, что посудина работала скорее как средство профилактическое: непонятно почему, но ни разу ещё Талгат не находил тазик с содержимым, а вот стоило жене пару раз забыть про своего спасителя – и конфуз имел место в обоих

случаях. Затем музыкант разом перескочил от вре́менного облегчения к лёгкой панике, просто представив себе, что теперь надо подниматься на две точки опоры и волочь своё бренное тело в ванную комнату. Отчаянно болящая голова уже заведомо предполагала, что и эта прогулка, и нелёгкая процедура умывания будут не столько личной гигиеной, сколько изощрённой пыткой, ведь голова и в лежачем-то положении доставляла в данный момент только мучения. С другой стороны, неплохо было бы почистить зубы – ему казалось, что за то время, пока он спал, у него во рту успели справить нужду все микробы, вирусы и бактерии, недобитые проверенными средствами типа *ко́мет.* Добравшись до туалета, он успел удивиться его неухоженности. Зеркало же вообще не оставило ему никаких иллюзий для продолжения полноценной жизни. Жёлтая груша тусклой лампочки раздражала зрительные центры, вызывая желание немедленно повеситься, а ещё лучше – похмелиться. Но похмельный образ неожиданно принёс искомый результат – процесс пошёл. Наблюдателю со стороны могло показаться, что трубач долго-долго зовёт в туалете Ихтиандра – непереваренный харч бил из прапорщика, как из рога изобилия. Ёж в желудке активно кололся иголками и пытался выбраться на свежий воздух. Здесь Батыршин понял, что буквально все детали его организма находились не в лучшем состоянии и нуждались если не в хорошем докторе, то наверняка в похоронщике.

Когда в душе шурует буря,
тогда льют слёзы по щекам.
Похмелье – это смерть в натуре!
Я испытал всё это сам…

Всё тело ныло, будто его сначала разорвали на части, а потом быстро и неумело зашили. Ноги ночью кто-то заменил на пластилиновые, и казалось, что за одну минуту он навсегда отучился от прямохождения. Строго говоря, в такой ситуации возможно было единственное радикальное средство – пустить пулю в лоб, но военный тут же вспомнил, что из всего оружия в доме была только его старая верная дудка для добывания подножного корма. Затем прапорщик подавил боль и попытался предаться воспоминаниям. Обрывки прошлого возвращались фрагментарно и беспорядочно, как перепутанные папой-садистом детские кубики с азбукой. Кубики-сволочи рассыпа́лись, и как он их не вертел, кроме армянского слова զարէջուր, не складывалось больше ничего.

Потом началась жажда. Горло музыканта было сухим, как прореха в войлочной обивке. Он попытался встать, чтобы добраться до верного друга холодильника, но понял, что и здесь ему придётся отработать сложное воинское упражнение «передвижение по-пластунски» Создавалось впечатление, что бравый когда-то прапорщик вообразил себя человечком, слепленным из теста. Ноги его подгибались, а голова безвольно каталась по груди, заставляя вспоминать мамашу из советского (б) фильма «Доживём до понедельника», которая оправдывала своего непутёвого сына-двоечника фразой: «Да он у меня до трёх лет головку не держал…» Тут же некстати выяснилось, что суровым препятствием перед ползуном пролегла закопчённая газовая плита, по внешнему виду – полученная по *репарации* из побеждённой Германии. Приглядевшись, трубач рассмотрел, что плита и холодильник стояли совершенно в разных углах, и понял, что сбился с курса.

В это время через просвечивающую утренним солнцем штору Батыршин заметил очертания бутылки. Это открытие придало ему невиданные силы и, сделав серьёзный марш-бросок, он через какое-то время отдёрнул штору. Бутылка была пуста. Это было неудивительно: просто ещё в период антиалкогольной горбачёвской кампа-

нии он научился прятать бутылки быстро и ловко, пока их не заметил суровый проверяющий. К тому же, открылась и ещё одна нелепица: на подоконнике он обнаружил партитуру ненужной человечеству оперы «Мазепа» товарища Чайковского, а точнее, ариозо «О, Мария», на котором лежали чуть подванивающие кусочки плохо провяленого леща. «Ёперный театр», подумал Салихдзяныч, «а *это* тут откуда?!»

Ох, судьба нелепа наша,
провоцируя тоску:
врач советует есть кашу,
ну, а мне – леща к пивку!

Глава 61. СМЕРТЬ ПРАПОРЩИКА (окончание)

А нелепица заключалась в том, что никогда – с момента установления советской власти (б) и до нынешних капиталистических времён – эту оперу в Отцеябловске не ставили, и откуда взялась подозрительная партитура, Батыршин решительно не помнил. Ничего не сообщила память и о сомнительной рыбе. Он нервически задёрнул штору и, проклиная свою вчерашнюю жадность к алкоголю, через несколько минут всё же достиг холодильного прибора, с трудом открыл дверцу и наконец-то припал к пластиковой бутылочке кефира, как младенец к вожделенной сиське, хотя остатками разума и понимал, что как раз от такого питья проку никакого не будет, но всё же инстинкты оказались сильнее. Он помнил совершенно азбучную истину, которую как-то поведал ему умный Кулемзин, о том, что алкогольное похмелье – это дисбаланс солей магния в организме. И выпей ты хоть ведро кефира – нисколько не полегчает, а нужен, как минимум, нормальный капустный рассол, причём желательно бочковой. Поэтому прапорщик применил старый испытанный способ – натянул на похмельную голову фуражку. Тугие материалы стянули череп и понемногу стали восстанавливать внутрикотелковое давление. После этого он схватил заварной чайник и надолго присосался к нему, не отрываясь до тех пор, пока не почувствовал во рту жёсткие чаинки осадка.

Когда пивную вижу кружку,
как маленький, я разеваю пасть:
с такой любимою игрушкой
готов с утра я в детство впасть!

Правда, ещё сильнее, чем жажда, Талгата донимали какие-то бегущие чёртики. Они скакали на кончике носа, панибратски хлопали по плечам и спине, предлагали запутанные сделки на рынке цветных металлов, а их бесстыжие самки то и дело задирали юбки, демонстрируя чертовски откровенные места.

Ночь безумием поганя,
изгаляясь в шутовстве,
пляшут черти не в стакане,
а в безумной голове!

Семейный трубач с трудом доковылял до ванной комнаты и сделал там сразу два дела: попытался почистить зубы, натолкав в рот пасты, и после этого сразу же закурить. Правда, курение не получилось по причине вновь возникшей тошноты. Итак, восстановив свой, как недавно узнали из рекламы саксаульцы, «кислотно-щелочной баланс», Салихдзяныч почувствовал себя немного лучше: перед глазами начинало немного проясняться, а брошенный в унитаз окурок, ударившись о край фаянсовой

чаши, отскочил и завалился в угол, продолжая дымиться, как сбитый истребитель. Прапорщик коротко выругался и полез доставать сноровистый бычок. Наконец военная голова вспомнила, что в ней, кроме черепных костей, есть немного мозга, и осознала, что кефирная реанимация – вещь крайне временная, и боль, вроде как отступившая, вскоре вернётся, чтобы продолжить истязания. «Пора бы и по пивку», подумалось Батыршину. Мучимый непреодолимой жаждой, прапорщик недолго решал извечный вопрос алкоголика «Жить или не жить? А если жить, то как?», и слабеющей рукой набрал володин номер. При этом он нечаянно тряхнул головой, и внутри, словно рисовые зёрна в маракасах[46], что-то больно проскребло по изнанке черепной коробки, вызвав ещё один мучительный приступ. Ему вдруг стало страшно, как мальчику в лесу. И всё же боль была сигналом обладателю черепа, что организм скорее жив, чем наоборот. А далее последовал тот телефонный звонок, о котором автор уже рассказал тебе, читатель, в главе 56-й. Но кто из вас, читающих, помнит такие важные подробности!

[46] Южноамериканская погремушка – прим. автора.

Сначала Талгат помял в руках телефонную трубку, но ответом на его волнительные движения были только короткие гудки. Затем они плавно перешли в какие-то другие звуки, и прапорщик с музыкальным образованием вдруг узнал басы начальных тактов похоронного марша Фредерика Николяевича[47] Шопена. В изумлении он открыл рот, но басы уже сменились надрывной темой скрипок, отнимая у слушателя всякую волю к жизни. И, наконец, когда скрипичная тоска разрешилась знаменитым аккордом, намекающим на философский ход свершившегося, в трубке прозвучал голос Володи:

– У аппарата!

[47] Не ошибка. Папу композитора действительно звали Николя́ – прим. автора

Но – всё проходит, как и сообщил потомкам третий еврейский царь Соломон Давидович, но не напрямую, а записав сию мудрость на внутренней стороне своего кольца – чтобы никто не увидел эту чушь. Вспомнив Соломона, Талгат ассоциативно подумал о своей жене-еврейке, а потом понял, что до первой бутылочки пивка она останется для него неопознанной еврейкой, так как имя любимой он забыл напрочь. Затем он попытался вспомнить имя дочерей, но и эта попытка оказалась незачтённой.

Головы ведь нет в пилотке,
вместо мозга – грязный ил:
помню я названье водки,
как зовут родню – забыл!

Натянув рубашку цвета хаки, бравый военный вновь отметил, что на её кармашке ещё больше растеклось пятно от потёкшей авторучки, которое, смешавшись с тканью, стало какого-то невообразимого цвета – словно в марганцовку капнули несколько капель мочи американского скунса. «Убьёт Аида!», подумал он и обрадовался, что вспомнил имя любимой.

Глава 62. К НЕВЕСЁЛОМУ КОНЦУ

Володя посмотрел в окно на цепочки начинающих передвигаться к ближай-

шей зарплате саксаульцев и подумал о том, что уму непостижимо, как это тысячи людей, практически всё взрослое население большой страны ежедневно по утрам отправляется на работу, не чувствуя при этом ни малейшего дискомфорта. Он был твёрдо уверен, что на такой подвиг был явно не способен. Второй мыслью писателя была та, что утренний город разительно отличается от города вечернего – морды людей в подавляющем большинстве были хмуро-озабоченные и поэтому малопривлекательные. Вечером же они немного разглаживались – сами знаете почему. Кулемзин искренне посочувствовал бедному саксаульскому пролетариату, после чего отправился на утреннюю трапезу.

Итак, на целую главу я приблизил тебя, читатель, к невесёлому концу, а ты этого даже не заметил. Да и бывают ли они весёлые! В жизненных схватках с соблазнами и хворями, в схватках с производственными успехами и начальством, соседями и таксистами мы сами, как неопознанные объекты Вселенной, обладаем саморазрушительными силами, но в этих ежедневных битвах неизбежно теряем боевой пыл, устаём и старимся. Печально, читатель мой, но тебе об этом надо знать с са́мого начала, чтобы ценить то, чем ты владеешь сегодня – вкусным завтраком, небрежным утренним сексом, лёгким дождиком по пути на работу и даже само́й работой – неинтересной, но обязательной для расписывания в ведомости на зарплату в конце месяца. Цени всё это – свои маленькие радости и слабости, цени их сегодня, и не пренебрегай ими ради того, что, возможно, ты получишь завтра. Или не получишь…

Несёмся вдаль, порой дурея,
не разбирая рубежи.
Что жизнь? Игра: а кто быстрее
до смерти потный добежит?

Глава 63. ПРОВАЛ

И вроде заикался уже автор о ночи ещё одного героя – Сергея Полтавцева, но почувствовал, что не всё сказал читателю. Итак… Выпив в компании сопокерников больше, чем обычно, и толком не поев за воскресный день, охранник с трудом добрался до своего дивана. О, это было замечательное приспособление! То ли конструкция его оказалась стандартно советской (б), то ли годы отразились на характере этого продавленного дивана, но только он ни за что не хотел раскрываться в тот момент, когда в нём возникала необходимость, и его приходилось встряхивать, пинать ногами, а также бить по рычагам и пружинам чугунными гантелями. Иногда дело доходило до того, что Афанасьич, впав в бешенство, попросту приподнимал и снова бросал его на пол, но диван неизменно оказывался каким-то изогнутым, как человек, которого в самый неожиданный момент поразил радикулит. И когда силы квартиросъёмщика уже заканчивались, и он готов был улечься на полу, внутри дивана что-то щёлкало, и он словно по волшебству вдруг распрямлялся, делаясь относительно ровным, гладким и вроде бы даже гостеприимным. Утром же всё происходило в обратном порядке – диван не желал складываться и оставался ровным. Хозяин, надо сказать, этому даже втайне радовался, так как не надо было перед сном вновь устраивать эту адскую физзарядку. Когда Володя впервые увидел это чудо советского местпрома (б), диван напомнил ему человека, которого гипнотизёр на сцене положил на две спинки стульев – на одну затылком, на другую лодыжками, где он и лежал на нехитрую потеху всему зрительному залу – неестественно и жутковато.

В этом мире всё неважно –
кто здесь первый, кто второй:

бытовые вещи страшно
окружают нас порой.
И в дому многоэтажном,
как какой-то хулиган,
нас порой пугает страшно
неразложенный диван…

Так вот о ночи. Ночь на Полтавцева свалилась неожиданно – как кирпич с крыши. Волшебный лунный свет вливался через оконный крестик, рисуя на тёмном грязном полу странные узоры, но счастливый квартировладелец этого уже не видел. Снился ему придуманный русскими попáми святой – Георгий Победоносец, но почему-то не на коне, а на верблюде, и не с копьём в руке, а с исконно саксаульской домброй. Во сне Серёжа конвульсивно подёргивался, как ещё один святой – зарубежный Вит в худшие часы его сомнительной жизни, когда его одолевала пляска.

Алкоголь перебивал всё: и голод, накопившийся в организме в утра, и головную боль от начинавших перегорать сивушных масел. Перебивал он и желание немедленно сходить в туалет, что было особенно мучительно. Трудным было и пробуждение – не менее странное, чем у старшего прапорщика: он волей Суки-судьбы тоже проснулся на полу, но утренняя прохлада направила его затемнённое сознание по другому пути, потому что разлепив глаза, Афанасьич первым делом поинтересовался у таракана, пристально глядящего ему в правый глаз:

– Holy mother! What is this country? What is this city?[48]

Лоб страдальца сморщился, причём только правая сторона, в то время как левая оставалась безмятежно гладкой. Таракан ухмыльнулся и ответил почему-то басом, и тоже на иностранном языке:

– When you stop drinking whiskey?[49]

[48] Мать честнáя! Какая это страна? Какой это город? – иностр.
[49] Ты когда водку жрать перестанешь? – иностр.

Голова с похмелья пухнет,
как нога слона в чулке:
тараканы не на кухне,
а в моей хмельной башке!

Глава 64. ПРОВАЛ (окончание)

«А ведь и правда пора завязывать», по-русски подумал Афанасьич и окончательно проснулся, хотя, как показали следующие несколько минут, это тоже было неким алкогольным преувеличением. Постепенно из тьмы стали выступать сероватые расплывчатые контуры предметов: списанный канцелярский стол с чёрным клеймом «ОХБК. ПТФ[50]-1» и инвентарным номером на боку, вплотную приставленный к загаженному окошку, похожая на больничную тумбочка, а также ватник на гвозде. Вид знакомых предметов успокаивал, и вскоре дыхание охранника стало почти ровным, хотя сердце всё-таки колотилось, как глупая птичка в силке.

[50] Прядильно-ткацкая фабрика – прим. тех. редактора.

Оглядев себя, Полтавцев с удивлением узнал, что его пробуждение произошло в грязных солдатских кальсонах, хотя при отправке на почивание он вроде бы раздевался совсем другими вещами. Пока Серёжа спал, его боль, видимо, размножилась

простым делением, и сейчас, кроме головы, расползлась по всему телу – от редких и сальных волосинок до грязных пяток. То, что болели именно пятки, было как-то особенно обидно, ведь последний раз они болели у него только в детстве – после занозы размером в гвоздь. Правда, ощущение этой боли означало и окончание ночи, а, следовательно, и начало дня, что настраивало на радужные перспективы скорого похмелья. В этом охранник был очень похож на своих новых друзей, и особенно на Талгата Батыршина, которого, как помнит наш читатель, мы оставили возле холодильника – с бутылочкой кефира в трясущихся руках.

Не нужна нам физкультура –
особливо по утрам:
ночь прошла, настало утро –
будет новым пиво нам!

Наконец его веки дрогнули и поползли вбок, как люки, закрывающие шахты баллистических ракет. Казалось бы, что охранник проснулся, но нет, не хватало самой малости для того, чтобы окончательно расстаться с тяжёлым сном. И тогда он решился на крайнюю меру: с трудом подняв правую руку, Серёжа изловчился, как кот, и засунул голову под мышку. Из-под мышки во Вселенную тут же начал проистекать яркий непарфюмерный запах. Глубоко вдохнув его, Полтавцев проснулся окончательно. И, проснувшись, решил первым делом посмотреть на себя в зеркало – у него роились неясные подозрения, что проснулся в квартире совсем не тот человек, который ложился накануне. Он глянул в мутное стекло и идентифицировал себя как Серёньку Полтавцева – по голове. И только автор этого правдивого повествования понял, как это произошло: голова у нашего героя была какая-то недостоверная, будто восстановленная антропологами по ископаемым остаткам черепа си-нантропа.

Как приличный человек, Афанасьич заодно решил побриться, но в результате врождённого косоглазия порезал шею, да так, что это больше напоминало не невинную оплошность, а результат разбойного нападения. На какое-то мгновение он даже испугался, что между делом порезал себе ярёмную вену, но вовремя вспомнил, что не знает этого медицинского термина, и успокоился, заклеив порез кусочком старой газетки, предварительно его немного пожевав. Тут же пришло и другое осознание: нужно было выходить в свет, а, значит, и немного подкрепиться, ведь предстоящая баталия с употреблением неких напитков зачастую предполагала не пунктирность бытия, а именно что безостановочность – до вечера.

Сегодняшний завтрак нашего героя, как говорят диетологи, был *неугнетающий*: вчерашний чай плюс каша неизвестно из какой крупы. Правда, к каше Афанасьич выделил своей персоне небольшой треугольничек чёрного хлеба, который съел также до последней крошки, после чего облизал тарелку и аккуратно поставил её в нечистую раковину. В тарелке тут же возник маленький слепок средневековой китайской пытки, когда на затылок пытаемого с ужасающим интервалом падают капли воды – кухóнный кран протекал уже несколько лет, но хозяин считал, что раз *дедушка* дал ему такое испытание, его надо нести пожизненно. Впрочем, серёжина тарелка в своей жизни видела и не такое, поэтому пытку выдерживала с достоинством – по нескольку суток. День начался…

В алкоголе я отважный,
как и все мои друзья:
вспоминаю день вчерашний
и не знаю, жив ли я?

После завтрака пришло время традиционного курения. Полтавцев нашёл на подоконнике высохший труп беломорины, немного размял его в руке, после чего с отвращением закурил, наполняя кухню смрадом. Тошно стало вдвое. Он с ещё бóльшим отвращением быстро докурил, после чего ткнул чинарик в чашку с недопитым утренним чаем. Окурок прошипел короткое проклятие и погас.

Глава 65. ГЛАВНАЯ КОМНАТА

Но пора вернуться к нашему главному богатырю – Альбионычу. Оставив его с полотенцем в руках после душа, автор силой мысли тут же перенёс его в туалет, то есть буквально на 40 сантиметров правее – как и во всех хрущёвках, эти доступные квартиросъёмщикам удобства были соединены, как коммунальные сиамы. Советские (б) архитекторы придумали для этого чуда строительной мысли забавное название, которое сразу же прижилось на просторах СССР (б) – совмещённый санузел.

Я сижу, как на насесте,
а жена в воде, грустя:
туалет и ванна вместе –
для удобства бытия!

К чему бы такие дурнопахнущие отступления, подумает искушённый читатель, – и ошибётся. О туалете Кулемзина стóит рассказать чуть подробнее. Нет, в этой комнатке не было, конечно, ни золотого унитаза, как смело подумалось читающему эти строки, ни иностранной туалетной бумаги с запахом индонезийской лаванды, ни сомнительных водоплавающих в виде *туалетных утят* из надоевшей рекламы, якобы делающих унитаз значительно чище в силу своей бескомпромиссной борьбы со всеми известными видами микробов. Тогда что же? А вот что: все четыре стены этого совмещённого санузла были украшены замечательными рамками, эдакими милыми багетиками, размещающими внутри себя кусочки холста, на которых приятель хозяина Валера Муравлёв, в нетрезвом состоянии считавший себя художником, живописно изобразил разные буквы русского алфавита в определённом порядке – строго по бумажке, которую ему написал Володя. Да, мой читатель, Кулемзин не любил скуки ни в каком её проявлении, и потому самое скучное помещение своего жилища превратил в храм искусства и мудрости. На десяти квадратных метрах стенок аккуратно висели три десятка экземпляров эпистолярных шедевров, так что человек, впервые попавший в кулемзинский туалет, тут же забывал, зачем он туда зашёл, и начинал вертеть головой, пытаясь охватить всю палитру неожиданно свалившейся на него мудрости.

Мудрость начиналась даже не в самом туалете, а уже с его двери – на ней была наклеена псевдокерамическая пластмассовая хреновинка с изображением писающего мальчика, которой Альбионыч придумал замечательное название: «Снайпер в минуту релаксации» Рядом с хреновинкой висел предупреждающий неизвестно кого лозунг:

Преступник должен сидеть
в тюрьме, а не на унитазе!

Была там и третья новинка – когда туалет был занят, на двери в окошечке, на манер вагонного сортира, который пускал или не пускал к себе окошками *свободно-занято,* возникала красная надпись:

Закрыто на приёмку товара!

Прочитай же строки эти,
протяни сознанья нить:
«Надо думать в туалете,
как нам лучше жизнь прожить!»

Глава 66. ГЛАВНАЯ КОМНАТА (окончание)

Не будем интриговать нашего любезного читателя и сразу же ознакомим его с шедеврами туалетного искусства писателя. Ещё только открыв дверь в эту необходимую для жизни комнату, посетитель сразу же натыкался взором на первый лозунг текущего дня:

Только здесь вы сможете полностью
реализовать свои возможности!

Например, над унитазом – на красивой кафельной стенке висел такой лозунг:

Всё, что вы бросаете
в унитаз, должно быть
предварительно съедено!

Чуть ниже, парой к предыдущему, светился от счастья вот такой лозунг:

Смывать обязательно!
Независимо от поставленных
задач и достигнутых
результатов!

Под ним находился ещё один – с глубокомысленным поэтическим текстом:

Обязан каждый всякий раз
попасть стремиться в унитаз!

И, наконец, уже ближе к самому́ унитазу внимательный гость мог прочесть ещё одно пожелание человечеству:

Товарищи Тутанхамоны!
Смывайте ваши пирамиды!

Здесь надо заметить, что унитаз вообще был главным предметом в этой небольшой комнате. Мало кто знал, что именно при восседании на нём были придуманы все выдающиеся и гениальные замыслы нашего героя: и поэмы, и сборники мудрых мыслей, и даже сам роман, который сейчас ты, читатель, держишь в руках. Поэтому слева от унитаза (справа была стенка) висело ещё несколько лозунгов, посвящённых не изобретению некоего Джона Стефановича Харрингтона, который он сделал ещё в 1896 году, а именно тем необходимым процессам, посредством которых человек избавляется от глупостей, накопившихся в его организме за день. Один из этих лозунгов был посвящён… впрочем, убедитесь сами в его невинности:

Когда решишь тряхнуть
стариной, смотри, чтобы
он не отвалился!

После того, как сюда стали *ходить* (во всех смыслах!) игроки, хозяин тут же придумал, а Валера изготовил новый лозунг, отдающий каким-то библейским душком:

Имеющий совесть
да имеет её до конца!

Слева от унитаза прямо к стене была привинчена фигурная штуковина, в которой уютно спал рулончик туалетной бумаги – до той поры, пока его не потревожат *по нужде*. Надо ли говорить, что и над этой штуковиной тоже была своя табличка, к тому же поэтическая:

Бумажки
для какашки!

На штуковине сегодня расположился рулон туалетной бумаги, этикетка которого сообщала, что это бумага «С запахом персика» Володя при покупке оной сразу же засомневался в подобной рекламе и, принюхавшись, понял, что нечестные производители туалетной бумаги обманули его и на этот раз, ведь бумага на самом деле была «С запахом персика таджикского кишлака Зарнисор, питаемого водой Амударьи» И, наконец, когда гость усаживался на собственно унитаз, его взору открывалась вначале одна табличка, пришпандоренная к внутренней стороне туалетной двери:

В жизни есть такие дела, которые
нельзя передоверить никому!

, а потом вторая, встречающая очередного засранца:

Не допускай утечки газа –
прижмись плотнее к унитазу!

Нуртай, попавший в володин санузел первый раз, сразу же забыл, зачем он туда зашёл, увлекшись чтением необычных мудростей, да так, что ему потом пришлось повторно стоять в очереди из двух человек – прапорщика и охранника. Приплясывая от нетерпения, он думал, что, конечно, дóма он не мог позволить себе так вольно обращаться с вверенным ему жилым фондом. Володя же над такой чепухой вообще не задумывался, зная точно, что живёт один раз, к тому же жить надо весело, поэтому с удовольствием демонстрировал своим гостям свои остроумные таблички, напоминающие им о всемирном хаосе и невозможности переделки человека. Например, над ванной у него висели два весёлых предупреждения:

За буйки не заплывать!

и

Осторожно, здесь ведёт
съёмку команда Жака-Ива
Даниэлевича Кусто!

Кстати, такие же весёлые лозунги висели у него не только в санузле, но кое-где в квартире ещё. Так, например, в кухне над газовой плитой красовалось следующее напоминание:

Спички детям не игрушки!

А в спальне висело как бы продолжение этого мудрого афоризма:

Лучше поиграй спичками!

И не было здесь никакого эпатажа, не было никакого желания как-то выделиться среди серых микрорайоновских квартир, а была только одна идея: я живу в своём мире, а принимать вам его или не принимать – дело ваше!

Если куришь ты бычок,
не бросай его в толчок –
лучше брось за унитаз
и покуришь ещё раз!

Глава 67. ТРУБА, ЗОВУЩАЯ НА БОЙ

Но – пора бы уже и начаться самому́ дню, тем более что утро, как обычно пишут в плохих романах, уже вступило в свои права. Правда, об этих правах не написано ни одного билля, они не закреплены ни в одной конституции, но – тем не менее. Утро было роскошным. Кулемзин поглядел в окно и с удовольствием убедился, что это именно так. Солнце наконец забралось на фиолетово-розовые рассветные небеса, недовольно глянуло сверху на привычный земной мир, и отправилось по нахоженной дорожке от восхода к закату – через зенит. Начинающие желтеть листочки чуть подрагивали в такт Вселенной, редкие из них падали на остывший за ночь покерный столик, иные же кружились, будто исполняя вековечный танец ежегодного увядания. Этот танец был прекрасен, как и само утро. Возможно, природа задумала всё именно так: торжественный, мистический, величественный и неразгаданный апофеоз восхода как переход от старого к новому дню.

Я с неделей рифмовался –
это было хорошо:
новый день уже начался,
старый день уже прошёл…

«Почему же тогда старость и кончина человеческая так уродливы, так унизительны?», подумал писатель. «Почему так мало в них от достоинства Вечности?», додумал он мысль до конца и отправился на утреннюю трапезу.

Завтрак, этот чрезвычайно полезный для организма моцион, как и бритьё через день, был для Володи некой медитацией, создававшей настроение – своеобразным скрипичным ключом к предстоящему дню. Надо заметить, что писательский завтрак был сегодня чрезвычайно скромным: чёрные тушёные трюфеля с полинезийскими пряностями, суфле из омаров и ананасный мусс a la russe[51]. Венчал же его кофе, который Володя заварил в большой пивной кружке с надписью «Martian Chronicles»[52] вместимостью в целый литр – он знал, что только такое количество утреннего напитка позволит оставаться ему в рассудке до са́мого вечера. Причём, кофе писатель готовил именно так, как учит это делать древнее восточное правило, то есть крепким, как дружба, горячим, как кровь, и сладким, как поцелуй очень любимой женщины.

[51] По-русски – фр.
[52] «Марсианские хроники» – англ.

Кофе – это лучший тоник,
если ты не гипертоник!

Альбионыч знал, что сегодня было очень модным заканчивать завтраки зелёным чаем – напитком, которым с лёгкой руки последнего президента России пили сейчас все. Никто не знал, для чего он нужен, да и на вкус был весьма дурён (сено сеном!), а цветом и вовсе подозрителен, но считалось, что пить нужно именно его. О, великая сила общественного мнения, правильно сформированного в правильном направлении! Кстати, когда ему этого хотелось, чай Володя пил из раритетного по нынешним временам гранёного стакана, всунутого в потемневший от времени подстаканник с изображением Спасской башни московского Кремля. Если приглядеться, то можно было увидеть, как от пятиконечной звезды на шпиле башни исходило сияние, словно от нимба святого.

Припав к чашечке кофе, Володя услышал мягкий шорох за спиной и, обернувшись, увидел, что на подоконнике сидит Несси. Это была кошечка его соседки Анны Петровны из второй квартиры, и кошечка эта по утрам любила навещать писателя, чтобы немного подхарчиться на день грядущий. И вот почему. Как раз четыре года назад, на новоселье, которое случилось в начале мая, о чём автор уже упоминал в первой же главе нашего увлекательного повествования, какая-то подружка, ныне забытая навсегда, подарила Володе маленькую кошечку. Он назвал её Несси – за тёмно-коричневый цвет шёрстки, так похожий на кофе «Нескафе», который он тогда употреблял. А в августе Кулемзин решил недельку отдохнуть на киргизском озере Иссык-Куль и оставил Несси соседке. А вот после отдыха он так и смог забрать зверя обратно – уж больно сильно плакалась Анна Петровна, что привыкла к ней, как к родной, и без Несси ей теперь никакая не жизнь. Ежегодно Несси вступала в гражданский брак с пятью-шестью окрестными котами, разрушая и без того слабую психику соседок-сплетниц, и постепенно теряя привитый ей Альбионычем с малолетства моральный облик.

Сейчас же Несси просочила своё тело в приоткрытое окно кухни и тут же уселась перед холодильником с оскорблённым видом существа, которого не кормили вообще никогда.

– Повезло тебе, девушка, – благодушно заметил Володя. – В честь своей будущей сегодняшней победы жалую тебе кусочек жаи[53].

[53] Жая – варёное мясо мёртвого коня, национальное саксаульское блюдо – прим. автора

Без хрящей и хлорпикрина,
ждёт её сковорода:
саксаульская конина –
марсианская еда!

«Я вообще-то животных люблю», поглаживая Несси, говорил Володя. «Рыбок там всяких, птичек. Особенно с гарниром под пивко!» У Володи, кроме *приходящей* Несси, не было домашних животных «Шума от них много», говорил маститый, «а домашнее животное должно быть тихим, спокойным и не приносить хлопот хозяину. Может, завести себе чучело совы?» Здесь надо отметить, что Несси была не единственной кошкой в доме № 17 – в первой квартире жил ещё такой Пушок, на год старше Несси и тайно влюблённый в эту очаровательную грациозку. Когда-то это был кот сибирской породы, но, пожив в саксаульской семье пару лет, сейчас представлял собой суповой набор без целлофановой упаковки. Тем не менее зверюга отличался безобразной половой распущенностью, свойственной, по слухам, представителям уголовного животного мира – с соперниками, посягнувшими на неприкосновенность его территории и гарема, где королевой была Несси, Пушок расправлялся не хуже любого пахана.

Кошки и собачки –
от любой болячки!
(Но не от усрачки…)

Кулемзин помнил, как однажды был свидетелем такого покушения на честь королевы, и как Пушок доблестно защитил её от поползновений пришлого рыжего кота. Битва была недолгой, после чего Пушок некоторое время постоял посреди дорожки в напряжённой позе, глядя туда, где скрылся посрамлённый противник, а потом совершенно по-человечески выплюнул клок пушистой рыжей шерсти, плюхнулся на пятую точку, задрал ногу, как гимнаст, выполняющий упражнение на *коне*, и принялся увлечённо вылизывать свое драгоценное хозяйство, которое, слава кошачьему *дедушке*, в битве не пострадало, не обращая малейшего внимания на окружающих.

Отшельник лестницы печальный,
монах помойного ведра,
он мир любви первоначальной
напрасно ищет до утра…

В это время из раскрытого по случаю лета окна кухни раздался неясный шорох. Писатель скосил глаз и увидел, как на узкий жестяной карниз снаружи спланировал жирный голубь, взмахнул крыльями, удерживая равновесие, оступился, заскрежетав когтистыми лапами по оцинковке, и, наконец, сорвался, затем, захлопав крыльями, перелетел на балкон соседнего дома № 16. Несси с сожалением проводила его очарованным взглядом и приступила к нехитрой трапезе.

Допив последний глоток кофе, Володя прислушался к себе. Так и есть! Внутри организма уже зарождался первый звук невидимой трубы, зовущей его к новым подвигам, за ним второй, а потом и третий! Прислушавшись внимательнее, он понял, что это была труба в строе *си-бемоль*, звучащая на один тон ниже, чем были написаны её ноты.

Винтовки, лошади и трупы,
смертоубийство, мордобой:
«Пора, пора!», запели трубы,
«пора на подвиг и на бой!»

Альбионыч подошёл к окну и глянул в глаза начавшемуся дню. В решётке окна застрял лист неведомого дерева. «Привет от осени», подумал Володя и осторожно вытащил лист, который оказался с черенком и походил на игрушечный веер.

Глава 68. ПЕРВЫЙ ВИЗИТ

Но труба была не конечной предпосылкой к началу дня. Володя знал, что организму, чтобы восстановиться, нужно было какое-то время, иначе тоска и печаль задавят и скрутят его, как проволоку в сетке-рабица. «Тоска-то наша от чего?», решил развить он мысль. «От бездомности, от безнадёжности ситуации, от кажущейся своей беспомощности. От кажущейся? Конечно, от кажущейся! Тем более, если верить всяким теориям, например, вероятностей, количество мелких неприятностей не должно превращаться в одну большу́ю пакость. Наоборот: сто́ит ждать удачи – крупной или очень крупной. По крайней мере, в это верить гораздо приятнее, чем в обратное»

Тут Альбионыч заметил, что даже эти простенькие мысли требуют некоторой сосредоточенности, и понял, что пора пускать состав мысли на полный ход, подпитывая его, как паровоз углем, собственными переживаниями и эмоциями. Но засевший внутри писателя реального писатель виртуальный никак не мог остановиться: «Другое дело, люди способны проглядеть любой подарок Суки-судьбы, даже такой, как алмаз размером со страусиное яйцо. И немудрено: неогранённые алмазы похожи на грязноватое битое стекло. А мы хотим блеска – много и сразу…»

Всё, баста, хватит мыслей – пора приниматься за дело! Приняв это решение, Кулемзин тут же надел свежую рубашку цвета сожжённой рукописи Гоголя, в которой выглядел роскошно, как король червей, затем навестил кладовочку и взял из старенькой шкатулки, где хранились разные бытовые вещицы – милые и, как правило, ненужные, семь маленьких гвоздиков, которые в советское (б) время называли сапожными, после чего вышел из квартиры. Зачем ему нужны были эти гво́здики, он не знал, но знал другое: раз автор именно так распорядился его личными минутками, значит, была в этом какая-то определённая трансцендентальная необходимость. «Время покажет», подумал он словами своего друга Альберта Германовича Э.

Похвала тем мыслям мудрым,
что неспешны, как ишак:
«День обычный на́чат утром!
А закончится он как?»

Для выхода на просторы Бермудского Учпучмака Альбионыч капнул себе на рубашку несколько капель хорошего одеколона «One Man Show[54]», название которого Полтавцев, который недавно под влиянием писателя начал изучать английский язык, переводил со словарём как «Один мужик показал[55]»

[54] Дословно: «Шоу одного человека» в смысле «Театр одного актёра» – прим. главы гильдии переводчиков
[55] Герой романа дословно перевёл выражение «to show» – представлять, показывать – прим. главы гильдии переводчиков

Остаётся только добавить, что по утрам Альбионыч любил заряжаться сумасшедшей энергетикой рока. Вслепую кинув руку в сторону книжной полки, где рядками стояли несколько сот музыкальных кругляшей в коробочках, он вытащил из одной диск великолепной группы «AC/DC», и перед тем, как выйти на улицу, в очередной вечный поход, с удовольствием прослушал композицию с карточным названием «The Jack[56]» из альбома «T.N.T[57].» 1975 года.

[56] «Валет» – англ.
[57] Так на Западе сокращённо называют тринитротолуол, в нашей же стране ещё со времён партизан эта взрывчатка была известна как тол – прим. воен. редактора

От входной двери донеслось неясное поскрёбывание, как будто сказочная крыса Шушара наконец добралась до головы Буратино, где и принялась за свой сказочный завтрак. Писатель понял, что пришёл старший прапорщик, который просто не в состоянии дотянуться до звонка. Так оно и оказалось. Впрочем, Володя глядел на Талгата и как-то не совсем узнавал его, настолько изменило военного вчерашнее вливание в себя черноплодных напитков. Потом, присмотревшись внимательнее, понял: это всё-таки он. Увидев товарища, писатель тут же загорелся идеей сфотографировать лицо военного, чтобы потом отослать его на хранение его в парижскую Палату

мер и весов – как эталон красного цвета. Именно из-за этого цвета лица прапорщика можно было смело отправлять в госпиталь: оно выдавало, что у его обладателя давление было такое же, как напряжение в трансформаторной будке – 220 на 127.

По жизни нет покоя –
киплю как самурай:
давление такое,
что просто помирай!

– Яйчики-бабайчики! – приветливо воскликнул писатель. – Портупей-юнкер! Заходи.

– Здрассьте, – несмело выдавил пришелец. Кулемзин автоматически отметил, что военный сейчас был очень похож на давно скончавшегося американского сенатора Джозефа Рэймондовича Маккарти, у которого была такая же короткая стрижка и пробор, но только сенатора с похмелья, потому что стрижка трубача стояла колом, а пробор змеился по черепу, как река Вилюй на контурной карте для урока географии.

– О, некротическое явление, – разглядев гостя в подробностях, радостно приветствовал его Альбионыч. – В морге сейчас, небось, переполох: куда этот, из восьмого контейнера, подевался? Неужто сторожá на котлеты пустили? А он – вот он! Да, старик, я тебя ещё таким не видел. Ты что, готовишься к фотографированию у свёрнутого знамени части? Прямо тебе скажу: что-то сегодня ты мало подходишь для цветной обложки журнала «Воспитание в семье и школе»!

Затем он разглядел на рубашке трубача пятно фиолетового цвета. Заметив вопросительный взгляд хозяина, Батыршин выдавил из себя необходимые слова:

– Володя, вот ты всё знаешь. Чем можно вывести шариковую ручку?

– А куда ты ее ввёл?

Талгат густо покраснел и решил, что ничего страшного с Аидой не случится, если она сама отстирает его одежду. К тому же в этот момент прапорщик вспомнил, что вчера не крепил оборону родины, и ему стало стыдно.

Глава 69. ПЕРВЫЙ ВИЗИТ (продолжение)

На бедолагу было страшно смотреть: у него было такое лицо, словно он всю жизнь верой и правдой вкалывал на заводе, и вдруг ему объявили, что пенсии у него не будет никакой, да ещё при этом грубо выставили за ворота.

– Залей водку себе в уши, – посочувствовал ему Володя, – и ты услышишь Пятую симфонию Чайковского!

– Нет у тебя чего-нибудь от головы? – простонал прапорщик.

Володя внимательно посмотрел на страдальца и ответил:

– От такой головы может помочь только гильотина! Но вот её у меня нет – как раз на днях одолжил одному такому же.

Но когда в башке есть мина,
что бабахнет по часам,
не поможет гильотина
безголовым дуракам!

Писатель ещё раз пригляделся к военной тыкве, неумело пристроенной на военные же плечи:

– Слушай, как бы гангрена не завелась! А то ведь и до ампутации головы недалеко…

– Не шути, – натужно попросил музыкант. – Ведь это моя голова…

– Надо же, какое откровение. Ты ещё скажи, что болеешь, – предложил Кулемзин.

– Я та-а-ак болею, – не слыша его, пожаловался военный.

– И немного пожалостней, как все алкаши по утрам говорят.

– Йодистый калий, сильно, сильно болею, – ещё жалостнее пробормотал прапорщик.

«Так», привычно продиагностировал Альбионыч, «резкое подавление гемопоэза, выраженный геморрагический синдром, снижение общей сопротивляемости. Похоже, все синдромы указывают на *спид*…» Он тут же направился на кухню и достал из холодильника лекарство, припасённое как раз к такому сложному случаю. Батыршин, увидев, что хозяин достаёт не пиво, только покачал головой и сделал какое-то неопределённое слабое движение рукой.

– Что, так плохо? Фронтовые раны беспокоят? – не унимался писатель. – Швы расходятся?

– Ты на меня так смотришь, как будто не узнал, – посетовал трубач.

– Что ты, сынок, не узнать тебя трудно! С такой рожи хорошо карикатуры рисовать – ничего придумывать не нужно.

Было видно, что похмелье пришло как никогда суровым: уши прапорщика трепетали, веки хлопали, руки дрожали, а желудок и печень боролись, как два дзюдоиста. Рот, казалось, был набит заплесневелым хлебом. Глаза Володи, как говорили в викторианскую эпоху, обдали страдальца леденящим холодом. Внимательно приглядевшись к раннему гостю, он понял, что должен вмешаться. «Немедленно провести общую биоэнергокоррекцию эфирного тела в районе свадхистаны и манипутры. К тому же абсолютно не прощупывается патогенная энергетика в районе локализации мозгов, хотя общий астральный фон – довольно спокойный…»

Знаем мы при каждой встрече,
что не кончится добром
наш диагноз вековечный,
похмелюжный наш синдром!

Глядя на страдальца, писатель тут же сочинил палиндром, коими иногда баловался без права публикации. Если ты, мой любезный читатель, не знаешь, что такое палиндром, автор спешит объяснить: это фраза, которая всегда читается одинаково как слева направо, так и справа налево – наоборот. А палиндром был таким:

А как утро, во рту – кака!

– Слушай, старичок, а ты хоть помнишь, как тебя зовут? – приветливо поинтересовался Володя.

Талгат напрягся и беззвучно зашевелил губами.

– Попробуй! Может, угадаешь?

– Фархад? Антон? Хуанито? – произвёл несмелые попытки трубач.

– Зачёт! А фамилия?

– По-моему, Исмаилов…

– Ну, тогда, скорее, Измогилов!

Но – в сторону литературные и антропонимические игрища: человеку плохо! Да, вид у прапорщика был неважным: глаза его глубоко запали, а скулы обтянулись кожей, как у чахоточного старика, с тоской подписывающего завещание под бдите-

льным присмотром многочисленной родни. Кулемзин посмотрел на прапорщика и негромко продекламировал:

– Начальник гвардии Камал
был, как обычно, пьян:
в одной руке он меч сжимал,
в другой руке – стакан…

«Да», печально подумал Альбионыч, «с таким лицом жить в демократической Саксаулии не рекомендуется – застрелят без предупреждения, и опознать потом не смогут! Пора бы реанимировать прапорщика, а то ещё еврейская родня повесит на меня заботу о преждевременных похоронах…»

Но не знали самураи:
как мы можем, так и пьём –
от спиртного умирая,
от спиртного оживём!

Глава 70. ПЕРВЫЙ ВИЗИТ (окончание)

– По-моему, старик, тебе уже пора бы сделать ненавязчивый *тюнин*г печени, – предложил он, пристально вглядываясь в свежие трупные пятна музыкального прапорщика. Он усадил похмельного на диван, а сам достал с полки большую полулитровую пивную кружку – подарок на день рождения, преподнесённый им Валерой Муравлёвым, накрошил туда несколько таблеток – две аспирина, по одной анальгина и валидола, накапал туда же 50 капель валерьянки и всё это засы́пал ложкой соды. Был, правда, в этом рецепте один недочёт: Кулемзин знал, что анальгин самостоятельно не принимают – только с эритромицином, но спасение жизни товарища было сейчас важнее условностей! Потом он вынул из холодильника початую бутылку коньяка, которую держал для редких визитов своей мамы, отмерил четверть стакана и выплеснул в кружку. После чего писатель вздрогнул, так как услышал за спиной сначала учащённое дыхание, а потом и слова́ на русском языке:

– Ещё чуть-чуть…– военный жадно следил за его эволюциями. Но Володя уже заку́порил коньяк, спрятал его на место, после чего извлёк из холодильника бутылку боржоми, долил кружку доверху, хорошенько размешал и подал трубачу.

Вода «Боржом»:
попьем – поржём!

Тот нечувствительно принял кружку из рук, отстранённо посмотрел на напиток, устало смежил веки и начал пить маленькими глотка́ми, припав к таре, как путник, трое суток блуждавший в сердце африканской Сахары. Он булькал и захлёбывался, и адская смесь, пузырясь, стекала по его подбородку за во́рот несвежей армейской рубашки. Минут через пять лицо прапорщика порозовело. «Так, руки-ноги вроде целы», обозрел чужой организм писатель, «слышит, видит, таблицу умножения как не помнил, так и не помнит. Значит – живой!» В военной голове немного прояснилось, но Батыршин всё же чувствовал себя, как Рип-ван-Винкль[58], проспавший в своём рассказе сотню лет.

[58] *Герой одноимённой новеллы Вашинтона Аленовича Ирвинга – прим. лит. редактора*

– Это что? – наконец прорезался сиплый голос военного.

– Лекарство, – просто ответил писатель.

Как бы мне ни стало хреновато,
не нарушу клятву Гиппократа!

– Ну что, пришёл в себя? – спросил Володя. – Соображать можешь? Сколько будет семью восемь?

Прапорщик неуверенно кивнул и осторожно ответил:

– 78… вроде бы… кажется… как бы…

– Примерно точно, – загадочно рассудил Володя.

– Ох, тяжело, – признался музыкант.

– Ничего, знаменосец, – успокоил как мог хозяин. – Тяжело в лечении – легко в гробу!

Как ни странно, но адская смесь если и не освободила бедного военного от остатков похмелья, то, по крайней мере, от следов погрома во рту точно. Альбионыча сейчас поразило то, что когда прапорщик наконец поднял глаза, они смотрели явно в разные стороны: один на его правое плечо, а другой – на левое. Кулемзин сейчас бы не собрался судить, в каком жутком перекошенном и *полископическом* виде он представлялся похмельному камер-юнкеру.

– Ну вот, теперь ты в порядке, – похвалил свою работу Альбионыч. – Абсолютно пригоден для вскрытия. Теперь тебя можно выписывать – под наблюдение районного патологоанатома! Наконец-то появилась гарантия, что ты останешься жить, и даже увидишь зарю нового дня своей бесполезной жизни. А теперь десять минут спать, а потом играть, – озвучил он свой нехитрый план.

Прапорщик не стал возражать: каждая точка его забродившего естества ощущала, что хорошая доза адреналина *трезвительнее* всех народных и фармакологических антипохмельных средств. Хозяин заботливо уложил трубача на так называемый собачий коврик перед входной и одновременно выходной дверью, и время от времени поглядывал на страдальца. Больному на глазах становилось легче, и он даже прикрыл глаза, начиная похрапывать. После володиной терапии барабаны в голове несколько поутихли, а окружающий мир даже приобрёл некоторые, правда, не совсем отчётливые краски.

Враз внесу я коррективу,
чтоб исчезла эта жуть:
только пиво, только пиво
может в труп мой жизнь вдохнуть!

В страшном коротком сне военному трубачу приснилась радиоточка, самостоятельно разгуливающая по квартире писателя, из которой слышался передаваемый концерт по заявкам: «По заказу Аиды Батыршиной, жены прапорщика Батыршина, передаём «Реквием» Вольфганга Леопольдовича Моцарта в сопровождении оркестра одесской пивной «Гамбринус»

В это время раздался телефонный звонок.

– Володя, а Талгат у тебя? – поинтересовался неугомонный охранник.

– Его нет, – отозвался писатель.

– В каком смысле? – испугался Серёжа.

– Тебя интересует сугубо материальная сторона рассматриваемого вопроса или же его философская интерпретация? – уточнил Кулемзин.

– Философская, – признался Полтавцев.

– Ну, если философская, то он сейчас спит на собачьем коврике.
– Мать честна́я, царица лесная, – расширил приговорку сторож. – Как это?!
– Как собака…

Мысль свою сейчас озвучу,
чтоб приблизить праздник наш:
«Пёс порой живёт получше,
чем законченный алкаш!»

Глава 71. АЛКАШИНЫЙ ТВИКС

Кулемзин уже было собрался выйти за порог, но его остановил ещё один, уже пятый за утро звонок. Недоумевая, он поднял трубку и услышал:

– Алло, это фотография?

– Нет, это живой человек, – ответил писатель, положил трубку и отправился навстречу ежедневным подвигам. Прапорщика писатель пока решил оставить здесь же, на собачьем коврике. «Заодно и дом посторожит, ежели чего», подумал он. Было видно, что после проведённых мероприятий Талгат неожиданно принял вид человека. Альбионыча это крайне обрадовало. «Воскрес!», удовлетворённо подумал писатель. «Причём, в три с половиной раза быстрее, чем некий Христос…»

Открыв дверь в светлый мир, он тут же зажал нос. Дело в том, что володина дверь с номером 4 по страшной случайности соседствовала с дверью № 3, где проживала алкашка Галя. В соседнем подъезде, как раз над квартирой бравого прапорщика, жил её сожитель – алкаш Руслан, но дома у себя он бывал редко, так как не работал уже последние лет пятнадцать (впрочем, так же, как и Галя), но зато его подруга получала немаленькую пенсию от государства, подкреплённую справкой из психдиспансера на улице Каблукова. Кулемзин имел сомнительное удовольствие познакомиться с обоими алкашами в первый же день своего пребывания на новом ПМЖ, ознаменовав это событие толчком в грудь Руслана и ударом двери в лоб Гале, после чего они старались обходить могучего писателя стороной. Основным занятием парочки была ежедневная инспекция ближайшей мусорки – раз 5-6 в день, из-за чего алкаши вели непримиримую борьбу с двумя бомжами, кстати, хорошими знакомыми Володи (о них чуть позже). Всю добычу они частично пожирали по дороге домой, а частично несли в поганую квартиру, из-за чего вонь в помещении стояла какая-то голливудская. Причем, вонь была очень странная: казалось, что сначала здесь пару недель разлагалась никем не найденная под диваном дохлая кошка, а потом её всё-таки нашли и, не вынося из квартиры, сожгли. «Шифровки из Лэнгли[59] жгут? Следы заметают?», подумал тогда Альбионыч. Подобную вонь писатель называл загадочным словосочетанием *латентные миазмы*.

[59] Штаб-квартира ЦРУ – прим. полит. редактора

Пахнет так, что дохнут кони,
люди дохнут и ишак:
алкаши привыкли к вони,
я же не могу никак!

Проживя на новом месте пару лет, он вынужденно наблюдал за этим алкашиным *твиксом*, придумывая Гале и Руслану различные прозвища: так, подружку он некоторое время звал Свёклой – за цвет её носа, а милого дружка Чернильный – за то же самое. Но в конце концов остановился на убийственно точных погонялах алка-

шей – Галлюцинация и Глав-Бух. Сердечный друг Галлюцинации, конечно, никаким главбухом никогда не был – в силу большого умственного отставания от жизни из-за врождённого алкоголизма, а назван был так исключительно за это же – Главный Бухарик. Ещё одной кличкой неуёмной соседки была данная ей Володей *синеглазка* – за неизбывный фингал, кочующий с одной щеки на другую, происхождением которого были прикольные истории, сыплющиеся на Галлюцинацию как горох из худого мешка. Пара эта была неразлучной: и на помойке, и в квартире Галлюцинации, и даже в постели – в редкие минуты просветления от алкоголя, но не потому, что им так хотелось любви, а только потому, что малые деньги заканчивались быстрее их неуёмных желаний.

Если двое краше всех в округе,
как же им не думать друг о друге!

И Галлюцинацию, и Глав-Буха людьми можно было назвать с трудом. Скорее, это были биологические особи, похожие на людей, которые измеряли свою жизнь, как придумал писатель, в *лигрылах*, то есть литрах, умноженных на градус и делённых на рыло. Автору остаётся только добавить, что немало горьких слов ещё будет в нашем романе об этих антиперсонажах. Мог бы он (автор) обойтись и без этих вонючих существ, мало похожих на людей, но нет – правда жизни оказалась сильнее самой жизни.

Итак, дверь Галлюцинации стояла нараспашку и призывала к активным блевательным действиям. Володя поморщился и, зажав нос, подумал: «Да, запашок почище, чем в урологии…» Поэтому остаётся только повторить чуть выше мелькнувшую фразу «Открыв дверь в светлый мир, он тут же зажал нос», после чего наш герой как можно быстрее миновал опасную зону и ступил в провал подъезда, но не выдержал, оглянулся и с удовольствием посмотрел на табличку, с недавних пор украшавшую дверь его квартиры – это была благородная бордовость импортного пластика, туго перетянутая золотыми струнами, и тусклая латунь таблички:

Д-р Кулемзин,
гражданин Вселенной

Я доволен ойкуменой[60] –
и вчера, и даже днесь[61]
все мы граждане Вселенной,
но не все поэты здесь!

[60] Освоенная человечеством часть мира – др.-гр.
[61] Ныне – церк.-книжн.

Кстати, из-за этого *Д-р* на табличке в квартиру к писателю спервоначалу ломились многие окрестные пенсионерки со своими болячками, полагая, что сюда на ПМЖ приехал знатный доктор. А ведь д-р означало совсем другое – всего-навсего ДеструктоР, то есть разрушитель.

Глава 72. ВЫХОД В СВЕТ

Подъéздная дверь от толчка распахнулась во всю ширь – Володя открывал её именно так, неосознанно копируя широту своей души. Вокруг стояла та самая утренняя *тишь да гладь да божья благодать*, о которой так много в своё время напи-

сали похмельные поэты. Небо было густое и синее, как на полотнах супрематистов. Писатель уже достиг было подъездной двери, но по сложившейся в последние годы привычке на ходу сунул палец в одну из пяти дырок своего почтового ящика. Кроме ежедневных газет, Кулемзин не получал ничего, однако всё же пошурудил пальцем в дырочке, потом вытащил его, заглянул внутрь, а уже безработным пальцем провёл по шероховатой металлической поверхности ящика, усмехнувшись стойкости этого давнего земного рефлекса.

Володя за несколько минут так привык к приятной прохладе своего жилища, что, выйдя из подъезда, был неприятно поражён наружной душностью родной планеты. Ему сразу же показалось, что голову его сунули в прелый тюк непереработанного хлóпка. Неспешный и вальяжный выход писателя, по мнению увидевших его, был наверняка посильнее, чем выход государя императора из царского поезда на перрон в городе Таганрог в начале прошлого века. Вышедший из подъезда писатель напоминал сейчас епископа, только что отошедшего от скромного церковного обеда с жареным поросёнком и литром кагора. Правда, при этом Альбионыч чуть было не повредил некоторые части организма своей соседки Анны Петровны, которая уже успела сходить за утренним батоном, и стояла как раз перед подъездом. Голова соседки со впутанными в волосы бигудишками походила на морского ежа. Дверь немного задела зажатый в руке Анны Петровны батон, но не деформировала его, а только обозначила своё преступное намерение.

Выходит наш писатель из ворот,
по-брежневски приветствуя народ!

– Бодрое утро! – как всегда, поздоровался писатель. – Кому хлебушек?

Соседка не обиделась, ответила на *поздоровку*, хотя по женской привычке и пропустила важный вопрос, и уже было собралась разминуться с дирижаблем кулемзинского организма, как он пресёк её попытку. Дело в том, что с утра на голове у Володи от ночных мытарств образовывалась копна длинных волос, которых хватило бы на всех четверых *битлов*.

– Петровна, сделай причёску, – попросил Володя и достал из кармана чёрную матерчатую резиночку, которых после перестройки расплодилось видимо-невидимо на каждом саксаульском базаре, а в Стране Советов (б) не было вообще. Писатель давно подозревал, что именно из-за нежелания Запада снабжать СССР (б) этими резиночками и был построен прочный железный занавес, который так и не удалось сдать в металлолом ни пионеру Курманбаеву, ни его детишкам, так и не узнавшим цвéта пионерского галстука.

Как мы чудесно сиволапы:
солонка нам – родной пупок!
Нам ни хрена не нужен Запад,
когда мы сами – не Восток!

Он потянулся и ещё раз подивился красоте наступившего дня: малиново тлеющий рассвет сменился восходом солнечного диска, природа ожила и преобразилась, долгий ночной дождь смыл чёрные цветá и окрасил всё в нарядные: небо стало голубым, молодая нежная трава – зелёной, покерный столик – чистым и умытым, а ползущие по дороге машины – разноцветными, как детские игрушки. Стволы деревьев на всей территории Бермудского Учпучмака ещё с весны были побелены до высоты метр двадцать. Работники КСК (о нём позже) делали это для того, чтобы красота природы бросалась в глаза не просто так, а по строгому плану. Писатель крутнулся на

месте, как пресловутый дурачок Иванушка, прикидывающийся из сказки в сказку каким-то невнятным листом перед травой, и подставил Петровне свою гриву. Она ловко, отработанным движением собрала гриву в кулак и, совершив неуловимое движение, тут же перехлестнула её резиночкой, сделав из володиной гривы косичку, после чего он сразу стал похож на пожилого рок-н-ролльщика, который, не смотря на подагру, всё ещё изредка выползает на сцену – на радость своим ровесникам. И если раньше голова писателя была похожа на капустный кочан, то теперь, с косичкой, – на упругую репку, набравшую сок где-нибудь под Мариуполем. Крутнувшись, Кулемзин решил почитать объявления, в обилии пестреющие на подъездной двери. Среди них выделялось одно – большое, видимо, для того, чтобы каждый прочитавший проникся важностью сообщения:

Сегодня, 25 августа 2003 года, в 14.00
состоится собрание КСК «Мечта».
Явка жильцов строго обязательна!
Повестка дня: 1. Разное

Подивившись многозначительно-тревожной повестке, Володя повернулся к соседке. Удовлетворённо оценив своё произведение, Анна Петровна второпях прослушала Володину скороговорку благодарности и скрылась в чреве хрущёвки. Ей нужно было кормить своего мужа омуртая[62], о котором автор чуть позже напишет немало горьких слов.

[62] Не ошибка: этот персонаж у автора пишется именно так – со строчной буквы – прим. гл. редактора

– Здравствуй, родина, всехняя мать! – сделал первый шаг навстречу занимающемуся дню Альбионыч. Вокруг обозримого пространства там и сям торчали саксаульские деревья и прочая растительность с листьями разных размеров. И хотя Володя не был экспертом в области прикладной флоры, у него создавалось впечатление, что уход за газонами пространства был явно недостаточен[63]. Поэтому, пройдя несколько шагов по Бермудскому Учпучмаку, он с удовлетворением отметил, что неутомимая дворничиха Надя по-прежнему находится на боевом посту. Изучив её размеренные движения, Кулемзин внезапно поймал какую-то ироническую волну и подумал, что неплохо бы вернуться и записать неожиданно возникший в голове катрен, но передумал – в смысле вернуться, но не передумал катрен запомнить:

[63] Кстати, русские люди – известные оценщики. Не от того ли так угрюма, так безобразно бедна радостью жизнь русских писателей? – прим. автора

Жизни прошлой смены для,
не морочась вкусом,
дворник начал жизнь с нуля –
разбросал весь мусор!

Глава 73. СЕРИАЛЬНЫЕ СОСЕДКИ

Но не только одна Анна Петровна явилась второму микрорайону с утра.

– Здравствуйте, девушки! – приветливо поздоровался писатель с соседками, которые, казалось бы, так и не уходили со скамеечки с самого вечера, занимая наблюдательные посты и неся нелёгкую общественную дозорно-жилищную службу.

– Дрась, дрась, дрась, – недружным хором ответили соседки

«Смотри-ка, какие симпатичные разменные монетки Великобритании, равные 1/100 фунта стерлингов, имеющие хождение до 15 февраля 1971 года[64]», подумал Володя, посмотрев на сидящих на предподъездной лавочке пенсионерок. Старушки целыми днями сидели на лавочках и, когда надоедало комментировать бесчисленные сериалы, начинали обсуждать своих сограждан из соседей, деля человеческие связи на простые категории: кто кому приходится, кто кому муж или жена, а кто, бессовестная, и любовница. В наше время эти простые понятия уже как-то подстёрлись, а, самое главное, современный человек уже успел осознать, что в этих условных градациях нет истины: они все не только вре́менны, но даже не говорят ни о чём важном. В конце XX и начале XXI веков отношения между людьми начали строиться по какому-то более сложному и неоднозначному принципу, чем было прежде. И это не вина и не заслуга поколений – просто времена изменились…

[64] Простим нашему герою такую вольность, ведь он просто-напросто называл пенсионеров сокращенно пенсами – прим. автора

Когда писатель только въехал в новое жилище, соседки целый год гадали, что за человек этот новый жилец и чем он занимается, но Володя не сдавался, на прямые вопросы отшучивался, на намёки делал вид, что не понимает их, так что намёки эти гуляли по пространству Бермудского Учпучмака на птичьих правах беспочвенных сплетен. Соседки – пенсионерки и ещё дорабатывающие свой ресурс – были убеждены, что Кулемзин нигде не работает, но на что-то всё-таки безбедно существует, и остро сожалели, что прошли те времена, когда тунеядцев преследовали по закону, и что сейчас, в обществе победившей демократии, даже задавать такие вопросы стало просто неприличным. По насиженным позам и экипировкам старушек было видно, что здесь они проводят всё свое время – с утра до вечера, если этому, разумеется, не препятствует погода. Скучающие соседки целый день взахлёб обсуждали волнующую их проблему влияния запусков космических ракет на мировую погоду, вентилировали слухи по поводу повышения цен на редьку, а между этими полярными темами в их неугомонные мозги вмещались десятки других: о футболе и хоккее, вреде пьянства, переименовании улиц и, конечно же, сериалах, коих на телевидении расплодилось во множестве и которые давали обильную пищу для так называемого ума.

В незатейливой беседе
о проблемах небольших
говорят мои соседи
обо мне и о других!

Кулемзин, узнав их поближе, с удивлением смотрел на своих соседок. Он знал, что мир страдал от информационного взрыва, а этим удивительным женщинам явно не хватало информации. Впрочем, знал он и то, что бессодержательным людям её не хватает всегда, она им требуется ежедневно, как витамины дистрофикам. Не будь телевизора, им, наверное, вообще нечем было бы набить свой тоскующий мозг. Больше всего старушкам на сегодняшний день нравились новые сериалы «Радость и любовь», «Девичье сердце», «Измена и предательство», а также «Лики любви» Вчера вечером как раз показывали новые серии мексиканского сериала «Радость и слёзы»

– Настоящее кино, жизненное, – чуть не рыдая, восхищалась тётя Лида. – Я прямо плакала, когда Хуан-Антонио не узнал свою дочку Фелицию-Круазетту.

– Это которая была влюблена в дона Марио? – уточнила тетя Лиза.

– Ну да, а это же на самом деле оказался её брат, но она об этом не догадывалась, потому что Марио ещё во младенчестве украли!

– А всё из-за того, – вступила в разговор тётя Шура, – что их мать Сесилия, помните, красивая такая, на Мордюкову похожая, после их рождения потеряла память.

«Мордюкова красивая?», мелькнула крамольная мысль у Володи. «Вот если бы эту Сесилию хотя бы Быстрицкая играла…»

В сериалах ищем глу́би,
как собака беляшей,
и любовь чужую любим,
потому что нет своей!

После «Радости и слёз» прошлись по ещё одной новинке – турецкому сериалу «Счастье слона» Володя услышал, что этот фильм тоже ничего, но, конечно, не то что «Радость и слёзы», а вообще он про одного шаха, который на самом деле был английский дворянин, но его родители тоже потеряли память («Эко их всех!», подумал писатель), а негодная кормилица Ханума продала его в рабство отцу нынешнего правителя Ишид-бею, а у того не было детей, вернее, он не знал, что у него есть сын, потому что мачеха его третьей жены скрыла от него рождение Фархада, а потом он ослеп и не мог признать своего сына, потому что единственной особой приметой у того была фамильная родинка на заднице, а как её увидишь, когда он был совсем слепой! Володя подивился такому отличному знанию предмета и невольно стал слушать дальше. Сам же Фархад, узнал он, всё это время думал, что он раб, хотя воспитывали его как настоящего вельможу и даже послали учиться в Англию, и его собственная двоюродная сестра тоже не узнала его, когда встретила его на балу. И он тоже её не узнал, а когда она в него влюбилась, решил бежать из-под гнёта Ишид-бея, но опоздал. Его уже успели короновать, и он мечтал соединиться со своей возлюбленной, несмотря на то, что она к тому времени уже упала с лошади и тоже потеряла память, и никак не могла вспомнить, от кого она родила своего малютку! Альбионыча удивило даже не то, что практически все сериалы строились на какой-то массовой амнезии, а то, что эта амнезия абсолютно не грозила его соседкам – обсуждая несколько сериалов одновременно, они отлично помнили имена всех героев и никогда бы не спутали Долорес-Марию с какой-нибудь Сесилией из другого фильма.

Вас серьёзно уверяю,
говоря без лишних слов:
сериалы заменяют
жизнь, и слёзы, и любовь!

Глава 74. ВЫХОД В СВЕТ (окончание)

– С доскою я гляжу на наше поколенье, – пробормотал Володя, стряхивая пыль со штанов. Он поглядел на соседок, улыбнулся и, наконец, оказался во дворе, где ждала его Жизнь – беспокойная, пьянящая, яростная, беспощадная, добрая, обманчивая и, конечно же, прекрасная и удивительная. Сделав с десяток шагов, Альбионыч как-то сразу заполнил никчёмное до этого пространство Бермудского Учпучмака беспрекословной актуальностью своей могучей фигуры. Писатель пошевелил уменьшившейся головой и почувствовал единение с природой. Он довольно прищурился – погодка стояла из раннего Пастернака: над вторым микрорайоном висела благородная сизая дымка, как на картине Камиля Батистовича Коро в Лувре, солнце

сияло так задушевно, а небо было так безалаберно, что хотелось немедленно призвать их к порядку.

День занимался в предчувствии небывалого августовского счастья. Отвратительно верещали пернатые, под ногами по-прежнему сновали муравьи, в глаза лезла мелкая летняя мошкара, листочки карагача трепетали благодарностью *дедушке* за сегодняшний день. Хотя и прошла небольшая гроза, но количество пыли в городе было столь велико, что в воздухе висели небольшие картины времён Реформации. «Да, пыль выметалась не полностью, и город надо было срочно класть под капельницу нового дождя», образно подумал писатель, и даже было вознамерился вернуться, чтобы записать придуманное, но отставил намерение. «Придумаю ещё», мудро решил он.

Мы ненавидим то, что суше
становится большой гектар,
и любим дождь – он моет душу,
а заодно и тротуар!

Наступал один большой час ♠ или, как его называл Володя, час *хэ*. Это был час общего сбора сопокерников, час попытки единения душ и час услады тел пивом и картами. Как ему и мерещилось в нехороших подозрениях, первым в это утро он увидел Курманбаева.

Не было печали –
иблиса повстречали!

А, впрочем, нет: за минуту до появления педагога Володя заметил валяющуюся под кустами парочку. Кусты эти плотно облегали огромное дерево, о котором автор не может не сказать нескольких слов. Так вот: сразу за двумя карагачами, дающими естественную крышу покерному столику, рос примерно двадцатилетний дуб. В первые же дни знакомства Кулемзин поразил сопокерников тем, что, обойдя вокруг дуба, как кот учёный из сказки Сергеича, ответственно заявил, что данный растительный индивид принадлежит не к виду Quercus robur, а к виду Quercus Americana, который, тем не менее, не надо смешивать даже в воображении с Quercus cerrus, дающим мохнатые жёлуди. Полтавцева тогда так поразили эти таинственные мохнатые жёлуди, что он на всякий случай так же записал на огрызке рекламной газетки название одуванчика обыкновенного, любезно продиктованного ему знатным саксаульским ботаником, а именно Taraxacum dens leonis.

В верхнем углу Бермудского Учпучмака, по рассказам старожилов, когда-то стояла детская карусель. Что с ней случилось, не помнил уже никто, но на том месте сегодня зияло чуть заросшее упрямой травой чёрное обугленное пятно, словно после приземления летающей тарелки из какой-то далёкой фантастической галактики. А теперь – снова к лежащей парочке, которая и закрыла собой чёрное пятно. Читатель уже, наверное, догадался, что лежали здесь именно Галлюцинация и Глав-Бух, и не потому, что они устали, а потому, что успели наклюкаться с са́мого утра, благо дело магазинчик Калимы с недавних пор перешёл на круглосуточное обслуживание (о нём чуть позже).

Как хорошо попить с подругой чаю,
с ней почитать Тургенева с Толстым,
но лучше (я всё чаще замечаю)
с ней обниматься пьяненькою в дым!

Глава 75. БЫЛИ СБОРЫ НЕДОЛГИ

Перед тем, как выйти на улицу, Курманбаев подошёл к полке, на которой стояли 55 томиков Владимира Мавзолеевича Ульянова, наугад вытащил одну из заветных книжиц и, как установку на сегодняшний день, прочитал мудрые ленинские мысли: «Жить в гуще. Знать настроения. Знать всё. Понимать массу. Уметь подойти. Завоевать абсолютное доверие. Не отрываться от руководимой массы…»[65] С такой установкой проиграть было просто невозможно, поэтому он смело сделал шаг навстречу занимающемуся дню.

[65] Статья В. И. Ленина «С чего начать?», газета «Искра», № 4, 1905 г. – прим. полит. редактора

– Доброе утро! – голосом профессионального официанта объявил Нуртай, при этом одарив писателя широкой улыбкой тонкогубого рта, в которой веселья и дружелюбия было не больше, чем в оскале черепа на рентгенограмме. Володя тут же отметил, что сегодня ко вчерашнему наряду педагога прибавилась одна милая, но существенная деталь – юбилейный октябрятский значок «Мы – внучата Ильича» Педагог носил его с гордостью, так как хорошо помнил, что самым счастливым днём в его жизни был день, когда его торжественно приняли в октябрята, прикрепив к груди пластмассовую красную звёздочку с кудрявым фасом будущего, а пока юного Ильича I. Затем вспомнил, как утроил свои усилия, чтобы стать пионером: он брался за любую общественную работу, а его *звёздочка* стала первой по успеваемости и сбору макулатуры. И потому не удивительно, что уже через три года юный Нуртайчик стал «пионер всем ребятам пример» Кроме пионерского галстука, ему торжественно вручили ещё и значок с фасом немного подросшего Ильича. И уже тогда он задумался о том, кто такие пионеры. И понял, что пионеры – младшие братья комсомола. А комсомол – это ведь уже родной сын партии! Так что нет особой нужды говорить о том, что усилия юного ленинца были удесятерены. Курманбайчик стал командиром отряда, а затем и председателем пионерской дружины школы, с каковой должности плавно переехал в стан комсомольцев.

Знает гений и дебил,
кто со школы главным был!

Но – прочь воспоминания! Тем более, что двоюродный сын КПСС (б), надев на ноги коричневые сандалики, купленные по дешёвке в «Детском мире» в отделе для переростков с отклонениями, поспешил во двор – в пространство родного Бермудского Учпучмака.

– Про волка речь, а он навстречь, – поприветствовал педагога Кулемзин, после чего заметил, что на горле Нуртая, как заплатка на волейбольном мяче, выделялся грязный квадратик перцового пластыря. Сейчас Курманбаев был бледен, как рыбье брюхо, и выглядел, как Брежнев после тяжёлой и продолжительной болезни. Вид какого-то скомканного лица Мусаича сразу же вызвал неприятные ассоциации с туалетной бумагой, которая в результате своего прямого назначения навсегда утратила товарный вид. Увидев Володю, педагог одарил его, как ему казалось, дружеской улыбкой, которая, впрочем, отскочила от писателя, как теннисный мячик от тренировочного стенда, после чего протянул руку, которая походила на кусок теста. Кулемзин, когда первый раз ощутил такое энергичное рукопожатие, решил, что единственное упражнение, которое практиковал педагог, была работа ложкой и вилкой.

– Бронхитом страдаю, – отчаянно грассируя, сказал страдалец, отвечая на приподнятые в немом вопросе брови Кулемзина. При этом Нуртай делал отчаянные шмыганья носом, изображая страшную простуду в августе, коий выдался на редкость жарким даже для Отцеябловска.

– С чего бы это? – невнимательно поинтересовался Альбионыч.

– Мать моя партия, где-то простуду подхватил, – ещё раз пожаловался прохиндей.

– А стиральная машина сломалась от избытка носовых платков? – покуражился писатель.

– Ну, ты же мне рад, Володя? – с надеждой спросил педагог.

– Яйчики-бабайчики, ещё бы! – ответил Кулемзин. – Знай, что тот день, когда мне не удаётся взглянуть на тебя хотя бы одним глазком, я вообще считаю вычеркнутым из жизни!

Нуртай почувствовал, что понят не будет, и замкнулся. Чтобы развеяться от печальных мыслей, он начал вспоминать начало ленинской работы «Материализм и эмпириокритицизм», но вместо привычного начала «Кто сколько-нибудь знакóм с философской литературой, тот должен знать…» на ум почему-то пришла книга идейного врага Льва Троцкого «Преданная революция» Нуртая затошнило.

Армяне знают и евреи,
таксист, артист, оленевод:
нужны преступные идеи,
чтоб веселее жил народ!

Посмотрев на кислую рожу педагога, писатель улыбнулся и предположил:
– Ты случайно с утра лекарство *дристулин* не принимал?

Глава 76. БЫЛИ СБОРЫ НЕДОЛГИ (продолжение)

Проснувшись на собачьем коврике, военный трубач встряхнулся, как сенбернар после купания, и решил, что пора выходить. Володя дверь никогда не закрывал, и Салихдзяныч попытался самостоятельно выйти из квартиры. Но попытка зачтена не была, так как вместо выхождения прапорщик просто вывалился на лестничную площадку, как парашютист из самолёта. Ноги он волочил так, словно был несколько лет болен страшной детской болезнью со сложным и таким же страшным диагнозом – ювенильный ревматоидный артрит.

Спьяну не вписался в door[66] –
видно, выпил много до!

[66] Дверь – англ.

При этом у него было настороженное лицо деревенского тракториста, выходящего из избы спозаранку навстречу трудовому дню и одноимённым подвигам. Хотя он и перебирал руками по стенке, но чтобы идти совершенно прямо, нужна была поистине обезьянья цепкость, утраченная человечеством за долгие тысячелетия эволюции. С трудом добравшись с первого этажа к подъездной двери, он толкнул её, браво вышел на свет *дедушкин* и понял, что неожиданно лишился вестибулярного аппарата. Батыршин повис на ручке, немного повисел на ней, и наконец отважился отлепиться, после чего вышел из подъезда, придерживая рукой разваливавшуюся на части голову. На него тут же уставились пенсионерки, с утра оккупировавшие лавоч-

ку возле подъезда. С похмелья прапорщику показалось, что соседки, гревшие на летнем солнышке свои старые кости, выглядели сегодня как-то особенно мрачно и зловеще, словно сидели у подъезда не просто так, а с какой-то очень нехорошей целью. На его счастье рядом оказался писатель, так как Курманбаев тут же сделал вид, что рассматривает в ветвях карагача ночью прилетевший НЛО.

Ниоткуда прилетая,
сев на Землю кое-как,
НЛО предупреждает:
будь побдительней, чувак!

Талгат подошел к компании нетвёрдой походкой и, приложив руку к пустой голове, произнес:

– Здравия желаю, товарищ и Нуртай…

– Хэерле иртэ, – пожелал доброго утра полиглот Кулемзин, но прапорщик, всё ещё не придя в себя, родного татарского не узнал, хотя впоследствии, после шестой бутылочки «Маршала», утверждал, что узнал, но не понял, так как Володя, дескать, говорил с каким-то башкирским акцентом. Писатель довёл военного до заветной покерной скамеечки, усадил и постарался зафиксировать относительно лево-право и центра Земли.

– Ой, давай помогу, – «проснулся» педагог, подсел к Батыршину и приобнял его за плечо, приговаривая:

– Ну, давай, маленький, давай!

Володя не удивился: он давно знал, что *давай* – любимое слово педагога, а вот *на* от него он не слышал никогда. Приобнимая военного, педагог по привычке немного пошарил в кармане его курточки – и разочарованно отсел подальше. Прапорщицкая голова, несмотря на володино лекарство, болела почти так же, как и после пробуждения – короткого похмелья ей, конечно, было слишком мало для более полного счастья. Талгат несколько раз ворохнулся, поудобнее устраивая измученное тело на скамеечке, и произнёс:

– Лучше пулю в лоб – и никаких мучений…

– Тогда тебе лучше взять короткий японский меч, – предложил Володя.

– Это почему?

– Чтобы уйти из жизни достойно, как настоящий самурай. Сэппуку[67], друзья мои, это вещь! Да, кстати, Талгат, и не забудь пригласить телевидение.

[67] Это то, что русские неправильно называют харакири – прим. автора

– А это зачем? – нервно поинтересовался музыкант.

– В таком случае твоя смерть будет не напрасной. Ведь сколько придурков, увидев такую красоту, также захотят положить конец своей никчемной жизнёшки! И вообще, такая красная на миру смерть должна быть каким-нибудь протестом – например, против введения моратория на смертную казнь кроликов от рук кровожадных кролиководов, или против произвола педагогов еврейских колледжей. Короче, главное, чтобы это не было сиюминутным порывом прапорщика-неудачника!

«Как красиво в этом мире»,
говорил подруге Тит,
«выбираю харакири –
потому, что меч блестит!»

– Что-то аппарат подводит, – неожиданно признался Батыршин. Все с жалостью посмотрели на страдальца. – Нет, нет, это не то, что вы подумали, – по-голливудски поправился военный. – Вестибулярный…

Раненный алкоголем мозжечок никак не мог подсказать Салихдзянычу, где же находится жизненная вертикаль. Но вот наконец он выровнялся, ещё раз покачнулся, и в этот момент ему пришла в голову почти что трезвая мысль: «А ведь так можно и до пенсии не дожить…»

По случаю летнего времени многие окна были распахнуты настежь. Вот и на втором этаже дома № 16, в котором проживали педагог и охранник, кто-то открыл окно и включил радио. Здесь надо заметить, что разница во времени между Москвой и Отцеябловском была в три часа, и если в тихом саксаульском городе, к примеру, было 9 часов утра, то в Москве утро ещё нежилось на отметке в 6. Поэтому Володя не удивился, услышав, как из окна прозвучали позывные радиостанции «Маяк», а после неё и бодрая утренняя песня:

«Нас утро встречает прохладой,
нас ветром встречает река!»

Удивился он другому: педагог приосанился и тут же выдал продолжение:

– Кудрявая, что ж ты не рада
весёлому пенью гудка?

Такого издевательства над похмельным организмом прапорщик выдержать не мог – он тут же сорвался с места и с утробными звуками бросился к ближайшим кустам, откуда через мгновение шаловливый утренний ветерок донёс кисловатый запах съеденного и выпитого накануне.

Наш человек, он меру знает:
два пальца в рот – и вновь дерзает!

Но подлому коммунисту этого было недостаточно, ведь он знал, что прапорщик – один из тех, кто очень скоро будет делать жалкие попытки по его дискредитации за покерным столиком, и поэтому, не жалея товарища, громко закричал в кусты:

– С началом нового трудового дня… навстречу утренней заре… есть дело чести и совести… махровый туман идеализма… принять на вооружение…

Здесь автор буквально на несколько секунд хотел бы прояснить один момент – насчёт кустов, так как они ещё не раз будут встречаться в нашем правдивом повествовании. Итак, кусты, куда часто бегал неугомонный прапорщик, кроме своей полезной растительной сути, заросли какими-то репейными джунглями, татарником и местной разновидностью крапивы, которую образованный Володя по-научному называл *urtica cannabina* и объяснял, что в этом названии отражена её каннибальская идея. А вот Полтавцев, например, не боялся заходить в эти заросли, так как с са́мого печального детства знал бабушкино заклинание:

Не кусай меня, крапива, –
дам бутылку из-под пива!
А кусай меня комар, –
чтоб быстрей прошёл кошмар!
Я об этом вас прошу,
не то сам вас укушу!

Глава 77. БЫЛИ СБОРЫ НЕДОЛГИ (продолжение продолжения)

Осталось только дождаться задерживающегося, как советское (б) начальство, Полтавцева. Что же делал охранник в тот момент, когда его ждала вся хевра? Он печалился. И печаль Афанасьича проистекала от обозрения пустого холодильника без признаков не только бутылочки пива, но и вообще какой-нибудь еды. С горя он решил сполоснуться под душем, так как заметил, что кухонные тараканы, зажимая носы, начали интенсивно разбегаться при его появлении. Он ещё раз кинул печальный взгляд на холодильник и мудро решил: «Ладно, разживусь на воле!»

В это время задребезжал его телефон, похожий на перебинтованного попугая, так как был в своё время неоднократно скреплён кусочками изоленты разных цветов. Издалека это произведение даже напоминало одну из ранних картин Василия Кандинского под названием «Наплыв импровизации» 1913 года. Звонок был длинным, как хвост анаконды. Серёжа поднял трубку, поковырялся в носу и важно произнёс:

– Афанасьич у аппарата!

Тут же выяснилось, что звонил писатель – мобильный телефон пока не могли себе позволить другие участники описываемой бурной жизни. Впрочем, ещё один аппарат всё-таки вскоре появится на наших страницах. Не пропусти, читатель!

– Здоро́во, Серёжа! Как жизнь босяцкая?

– Да всё было бы, – не растерялся охранник, – если бы ничего не было бы!

– Выходи, – распорядился распорядитель.

– Да я не знаю, – замямлил квартиросъемщик. – Ко мне, может, дама придёт…

– Старик, запомни, – сурово заявил Альбионыч. – Для таких, как ты, существует только три причины неявки: забыл, запил или забил!

– Иду, иду, – заторопился несостоявшийся любовник.

– И что, долго тебя ждать?

– Мать честна́я, да я же моюся, – соврал страдалец. – А, может, пытаюся…

– Знаешь что, попробуй произнести другие глаголы: вытираюся, собираюся и спускаюся. А если успеешь всё это за пять минут, может быть, узнаешь ещё один глагол – похмеляюся! Время «Ч» – 9.00!

«Чесаться? Чухаться? Чебурахаться?», запрыгали догадки в голове охранника. Особым марсианским слухом гуру услышал немой крик Полтавцева, но не стал пояснять, что временем «Ч» все спецслужбы мира кодируют начало *активных* акций, как широкомасштабных, так и локальных.

Но пароль остался в силе,
что придумал Пастернак –
время Ч мне сообщили:
чмо чернильное, чувак!

В это время сторож почувствовал, что созрел для важного разговора.

– Со мной что-то ночью случилось, – пожаловался он. – У меня в голове завелась фраза!

– Фраза?! Ну-ну, любопытно.

– Это так страшно. Может, ты мне объяснишь?

– Глаголь, отрок Сергий.

– Сам ты окорок. Слушай: The world of beauty is too small comparing with the usual life.[69]

[69] Сколь мизе́рен мир прекрасного на фоне серости жизни – англ.

– Perception of the beauty reception depends on the merit of the human soul[70], – автоматически ответил Володя. – Ты, главное, сынок, не переживай. Я полагаю, это всё от недоопохмела… Короче, Серёжа, давай быстрее! Ждём тебя с нетер*пением* и нетер*плясками* – как Робинзон кораблика.

[70] Широта восприятия прекрасного зависит от качества души человека – англ.

Все уже настроились на скорую встречу, но ожидание опять затягивалось, и Альбионычу пришлось позвонить повторно.

– Серёжа, ты скоро?

– Да выхожу уже, выхожу! Проверю всё только.

– Это правильно, – разрешил писатель. – Не забудь проверить, выключены ли все электроприборы, и закрыты ли газ, вода и ширинка.

– Я только переоденуся, – пообещал сторож и, правда, через минуту появился в старенькой застиранной футболке с надписью через всю грудь:

БАМ
строить
нам!

Самую нижнюю часть пришедшего дополняли ботинки того фасона, который так любила отечественная промышленность в конце семидесятых – под названием «Прощай, молодость» Посмотрев на них, Володя стал нервно насвистывать композицию Чарли Чарлзовича Паркера «My Little Suede Shoes»[71]

– You look just great! Would you like glass of champagne[72]? – отсвистев первый куплет, приветливо спросил полиглот, завидев охранника.

[71] «Мои маленькие замшевые ботинки» – англ.
[72] Ты сегодня чудесно выглядишь! Не хочешь ли бокал шампанского? – англ.

– Да нет, я лучше пивка, – каким-то чудом догадался о смысле Полтавцев. Одежда на нём была мокрая и мятая, словно после стирки. Костюмчик у Серёжи был, как тотчас же определил намётанным глазом художника Володя, цвéта давно неметённого асфальта, а кепка – цвéта давно не мытого слона. Было видно, как сторож спешит к покерному столику, на ходу задёргивая главный *подъезд* своих нелепых штанов.

Здороваться за руку с Сергеем было всегда забавно, потому что ладони у него были твёрдые, как лошадиные копыта, только что подков не было. Правда, писатель заметил, что левую руку сторож держит почему-то в кармане.

– Что там у тебя, граната? – спросил он.

– Нет, своё, – весьма двусмысленно ответил охранник.

Поздоровавшись, Альбионыч внимательно пригляделся к сторожу, после чего с удивлением поинтересовался:

– Ты что, в зарницу собрался играть?

– Бабах – и вырубился! – не услышав вопроса, горько поведал о вчерашнем Серёжа.

– Старик, не переживай, – утешил его Володя. – Это же высший уровень просветления! Ты знаешь, что йоги по 27 с половиной лет тренируются, чтобы достигнуть этой ступени?

Глава 78. БЫЛИ СБОРЫ НЕДОЛГИ (продолжение продолжения)

Надо сказать, что сторож вышел во двор, широко расставляя ноги. Но, приглядевшись, можно было заметить, что штаны у него были сухими.

– Что с тобой? – сочувственно поинтересовался Альбионыч.

– Дак на днях у врача был, он сказал, что у меня холестерин повышенный.

– Ну и что?

– Дак он велел к яйцам не прикасаться!

Как уже не раз подмечал автор, герой наш болезненной чистоплотностью не страдал. Вот и сегодня на нём были очень странные штаны, которые, даже при развитом воображении писателя, нельзя было назвать брюками. Создавалось впечатление, что ими как будто начинали мыть полы в общежитии Семижопинской сапоговаляльной фабрики, но потом передумали и пустили в свободный аукцион, где Афанасьичу и посчастливилось их *оторвать*.

Не нужны нам ипостаси,
как для бедного – счетá:
нас одежда явно красит,
только краски не хвата…

– Серёжа, ты меня, конечно, извини, – серьёзно глядя в глаза собеседнику, произнёс Володя, – но не сказать этого я тебе не могу.

– Говори! – побледнел охранник.

– Ты знаешь, в Саксаулию на днях вернулась мода на застёгнутые ширинки.

– Уф! – с облегчением вздохнул сторож. – Хорошо, что я за модой не следю!

При виде похмельного Полтавцева писатель вдруг отчётливо вспомнил давно забытое военное слово *санпропускник*. Приятный запах перегара подчёркивали совершенно пустые глаза и широкий нос, который рдел, как фонарь над дверями публичного дома. Кстати, к перегару добавлялось и ещё одно знакомое амбрэ – принюхавшись, Кулемзин понял, что от левого рукава серёжиной майки несёт чесноком. Заметив интерес к его одежде, сторож пояснил, что специально натирает рукав чесноком, так как при *приёме* портвешка не всегда находится чем закусить, зато занюхать – в самый раз. После сна всклокоченный Серёжа мало чем отличался от чучела Кинг-Конга. Вытянутое лицо сторожа сегодня больше обычного напоминало длинную узбекскую дыню *зарчапан*, к которой кто-то для смеха присобачил пару тусклых оловянных пуговиц и кривоватый парниковый огурец. По поводу же ушей пришельца у Володи мелькнула незатейливая мысль: «Интересно, в какой протезной мастерской делают такие странные изделия?» Волосы охранника были «уложены» так причудливо, что, казалось, обработаны они были какой-то новой газонокосилкой, придуманной умельцами Саксаульского механического завода имени Последнего Интернационала специально для такого случая. Под ногтями у него была грязь, как у продавщицы картошки.

«Так болеть – уже не шутка!»,
скажут наши доктора.
Почему с похмелья жутко
все мы выглядим – с утра?

– Что же ты, сынок, совсем за собой не следишь? – пожурил приятеля Володя.

Афанасьич не обиделся, а тут же ответил:

– Что же я, извращенец какой, за собой следить?

Володя посмотрел на кудлатую голову сторожа и осведомился:

– Да я не о том. У тебя, что, свой визажист появился? Какой-то новый мастер, судя по всему! Да и причёска явно из новых. Попробую угадать. «Джентльмен в сауне»? «Бобслеист, не вписавшийся в поворот»?

– Полубокс, – скромно ответил Полтавцев. «Если это полубокс, представляю, какой тогда будет бокс полный!», подумал Альбионыч.

– Кстати, у меня к тебе две новости, Володя, хорошая и очень хорошая.

– Ну-ну, любопытно послушать, – отозвался писатель.

– С какой начать?

– С хорошей.

– Я тебя уважаю!

– Замечательно! А очень хорошая?

– Я тебя очень уважаю!

Любим мы в часы досуга
балова́ть себя глотком:
уважаем мы друг друга –
потому что пьём вдвоём!

– Странно ты как-то выглядишь, – критично оглядел товарища Володя. – Словно бы всю ночь изучал методическое пособие «Камасутра для чайников»

Затем взгляд писателя привлекла футболка с надписью про БАМ.

– Слушай, откуда ты откопал это *версаче?* – поинтересовался Володя. – Помойки по ночам бомбишь?

Затем он ещё раз внимательно оглядел пришельца и заметил, что у сторожа был забинтован палец.

– Что с тобой, сынок? – мягко поинтересовался писатель.

– Да вот, занозу где-то засадил, – посетовал сторож. И уточнил: – Вчерась, видать.

– А ведь я тебя предупреждал: не чеши затылок! Кстати, а голова как? – поинтересовался чуткий Володя.

– Да, кажется, общая потеря организма, – продиагностировал себя страдалец. – И в груди что-то теснит, – пожаловался он и, для верности восприятия информации, даже потёр себя в означенном месте.

– Это от смены атмосферы, – объяснил Володя.

Полтавцев молча выслушал диагноз, и ему действительно стало легче.

Говорил Абраму Хаим,
доставая пистолет:
«От похмелья мы страдаем,
потому что пива нет!»

– Да, сынок, – присвистнул Володя, – в Америке, когда хотят обрадовать человека, ему говорят, что он выглядит на миллион долларов.

– И что? – апатично спросил Сергей.

– Так вот ты сейчас выглядишь на один рваный назарбакс!

– Солнце светит, – посмотрев в небо, индифферентно заметил Афанасьич.

– Ошеломляющее наблюдение юного натуралиста, – хмыкнул Володя. – Особенно если учесть, что сегодня 25 августа.

Присев рядом с Полтавцевым, Володя сейчас же ощутил весь букет нигде не продаваемого дезодоранта: несло от охранника луком, чесноком, водкой и почему-то

машинным маслом. Издалека похмельные сопокерники напоминали группу отбившихся от армии бойцов, долго выходящих из окружения и, наконец, вышедших, после чего решивших дать себе немного отдыха возле родных берёзок.

Но, господа, как хочется нажраться
среди берёзок средней полосы!..

Здесь охранник наконец заметил педагога, и тому ничего не осталось делать, как подойти поближе. Нуртай вяло пожал руку своему соседу и неприязненно заметил:

– Мать моя партия! Ну ты и храпишь! Я из-за тебя всю ночь не спал!

– Да я не храплю, – честно признался Сережа, – это я так во сне дышу – по системе йобов…

– Против храпа самый верный приём – это дуршлагом по голове! – посоветовал Володя. – Только надо постараться попасть в самую макушку, иначе не получишь полного эстетического наслаждения.

Глава 79. БЫЛИ СБОРЫ НЕДОЛГИ (окончание)

Впрочем, с похмелья Нуртай выглядел не лучше Афанасьича: опухший от сна, он имел сегодня физиономию несколько поросячьих очертаний и выпуклый от вчерашней пивной халявы животик. Сегодня в его фигуре можно было угадать типичного поселкового учителя или какого-нибудь опустившегося завклубом, пропадающего без женского присмотра. Тяжёлый взгляд исподлобья наводил на подозрение, что перед нами профессиональный ходок по инстанциям, получающий мазохистское наслаждение от мытарств, коими во все времена сопровождалась в этой стране борьба за справедливость. Так или иначе, но выражение лица у него было соответствующее – в плотно сжатых губах и унылом носе без труда угадывалась скребущая по нервам нотка привычного советского (б) фанатизма, заменяющего некоторым людям твёрдость.

Истребили поголовье
коммунистов без суда –
от советского здоровья
не осталось и следа!

– Да что-то нездоровится, – на всякий случай пожаловался он.

– Скорее всего, у тебя барахлит щитовидная железá, или, как остроумно называют её медики, glandula thyreoidea, – поставил авторитетный диагноз Кулемзин. – Недостатки гипофиза… расстройство секреции придатка мозга… больные надпочечники… внезапные истерики… мигреневые боли…

Педагог с ужасом слушал рассказ о своих счастливых перспективах.

– А мне вот Володя рассказывал, – решил проявить себя и охранник, – что парижский профессор Лербулле и вовсе предполагает развитие гипотериоза в сторону микседемы, что наверняка влечёт за собой постепенное, но неотвратимое снижение умственных способностей.

Сережа посмотрел на бледного Нуртая и с садистским наслаждением повторил:

– Да, неотвратимого!

Неприятное впечатление дополняло и то, что Нуртай был острижен коротко, до неприличия, как солдат в карантине. От его головы разило неистребимым советс-

ким (б) духом, так как он многие годы экономно пользовался флакончиком «Тройного одеколона», который подарила ему на 23 февраля в пятом классе незатейливая саксаульская девочка Айкумыс.

Эх, судьба наша совкова,
эх, и жизни стиль совков:
кто-то косит под Хрущёва,
кто-то косит под битлов!

В это время произошёл как бы обратный процесс: на писателя обратил внимание Серёжа и решил поучаствовать в его трудной творческой судьбе.

– Что случилось, Володя? Вид у тебя какой-то отсутственный, – озаботился сторож.

– Да вот всё думаю: Стоунхендж построен ещё в неолите, а, яйчики-бабайчики, волнует меня до сих пор!

– Да на хрен этот Срака-хадж, – поддержал научный разговор охранник. – Пивка бы взять для поправки…

Здесь сторож наконец заметил прапорщика, а тот его. Сопокерники бросились друг к другу, как братья из индийского кино, потерявшиеся двадцать лет назад из-за няни-растеряши. Увидев Талгата, Афанасьич счёл своим долгом поприветствовать собрата.

– Ну, ты прямо как мартышкина жопа, – жизнерадостно поздоровался он с военным. Потом они долго не могли сказать друг другу ни слова, только молча похлопывали по плечам, словно задались целью выбить друг из друга немного пыли и вернуться в свои квартиры в более чистой одежде. Володя мягко смотрел на них, улыбался и думал о том, что у *нашего народа* такое похлопывание по плечу может означать всё что угодно – от извинения до обещания, и только тот, кто это делает, точно знает, что именно это означает.

Как в объятиях недуга,
как в стремлении больном,
мы скучаем друг по другу,
потому что врозь не пьём!

– Плохо? – прямо осведомился Серёжа. Он наверняка не догадывался о том, что Талгату пришлось приложить просто-таки нечеловеческое усилие, чтобы элементарно кивнуть головой. Глаза его были красными, как у тушёного со спаржей полугодовалого кролика.

– Здóрово загримировался! – наконец восторженно воскликнул охранник. – Я бы тебя и не узнал, если бы не конфигурация морды!

Затем Афанасьич приосанился и важно закончил:

– У меня глаз подмётанный! Что, плохо? – опять осведомился он.

Прапорщик воззрился на него, пытаясь уловить суть сказанного, и было видно, что испытывает он сейчас прямо-таки какую-то физическую тяжесть, словно ему после упражнений *на коне* предложили решить дифференциальное уравнение. Из лёгких его слышался какой-то свист, как из пробитой покрышки, характерный для пневмоторакса. Полтавцеву очень хотелось сказать другу ещё какие-то слова поддержки, но слов он знал совсем мало, и фраза как-то не складывалась. Тогда он достал из кармана заветную книжечку «Для му.мы.», куда однажды записал володин катрен о похмелье:

В мире всё не так уж важно,
коли пробочку сорву:
похмеляться мне не страшно,
ведь сейчас я оживу!

Правда, писатель свои вирши не повторял дважды, и Серёже пришлось записывать по памяти. Память его, надо отметить, была такая же, как словарный запас, и потому в книжечке «Для му.мы.» вместо володиного катрена появилась следующая запись:

Срываю пробку, пить хочу,
да только денег нету,
сейчас я буду как живой,
а всё остальное меня не касается!

Он подивился написанному, вспомнил, что у Кулемзина было как-то складнее, но утешил себя тем, что и у него получилось неплохо. «Главное, что понятно», решил сторож и показал собственное сочинение бедному военному. Прапорщик скосил глаз, но увидел только какие-то таинственные каракули, словно Полтавцев поделился с ним сейчас планом отрытия клада, но на каком-то шумерском наречии. Здесь военный застонал, и Серёжа испугался, что у того из-за показанных каракулей началось обострение болезни. Он не знал, чем помочь товарищу, потому что из всей народной медицины, которой в далёкие годы детства занималась его бабушка Федора из деревни Семижопино, он помнил только то, что потные ноги лечат стельками из бересты.

– Неплохо бы тебе сейчас позавтракать, – предложил Володя.

Талгат только горестно вздохнул и замычал еще отчетливее.

– Да я имею в виду не пищу, – объяснил писатель. – А анальгетики со спазмолитиками…

«За́ два ковшика – полцарства!»,
чукче говорил монгол.
«Есть у нас одно лекарство –
крепкий утренний рассол!»

– Итак, с праздником, дорогие товарищи! – по-левитански приветствовал игроков Альбионыч. Все недоумённо переглянулись.

– Каким? – сиплым голосом наконец поинтересовался Серёжа.

– А что, увидеть Кулемзина – для вас не праздник?

– Ура! – сипло прошептал военный, с трудом удерживаясь, чтобы снова не сорваться в кусты.

Глава 80. ДО ИГРЫ

Бескрайнее небо синело прямо сквозь городское марево. Володя с удовлетворением оглядел похмельный коллектив и отметил, как, казалось бы, три совершенно разных человека могут быть так похожи, как детдомовские, или как три танкиста, три весёлых друга. На лицах сопокерников читалась замысловатая драматургия Суки-судьбы.

– Такое впечатление, что вы прямиком с Курской дуги, – завершил он ассоциацию.

Коллектив виновато улыбался.

– Особенно ты, Талгат, сейчас как герой романа XVIII века, – заметил писатель. Музыкант приподнял бровь, что, видимо, означало вопрос, но звуков никаких не издал.

– Знаешь, как писали тогда авторы? «Он сидел, покрытый интересной бледностью»

Лучше всех, несомненно, выглядел Полтавцев – так, словно он невзначай только что зацепился несуществующими подтяжками за пронёсшийся рядом гоночный *болид.* Даже похмелье не отбило его тягу к знаниям, привитую за последние годы марсианином.

– Володя, ты не знаешь, какая сегодня температура? – неожиданно поинтересовался он.

– Да градусов сорок, – ответил писатель и, подумав, весомо добавил:

– В тени!

– А на солнце? – не унимался охранник.

– Да, думаю, как обычно – около шести тысяч.

Володя ещё раз удовлетворённо оглядел похмельный коллектив. Рядом с этими живыми трупами было как-то особенно приятно ощущать весь комфорт жизни.

У меня такое мненье,
словно знаю я ответ, –
познаётся всё в сравненье:
все болеют, я же – нет!

Перед игрой Кулемзин сосредоточился, словно на нём была надета *ебоши.* Для особо стыдливых читателей здесь надо пояснить, что ничего плохого в этом слове нет, потому что *ебоши* – это шапочка японских кузнецов в период отковывания ими знаменитых самурайских мечей. Причём, самое интересное в том, что в *ебоши* не работают, а надевают её только перед ответственной работой, когда произносят таинственные для русского уха заклинания, тем самым изгоняя злых духов.

– Ну, голубцы, – писатель внимательно оглядел своё воинство, – начнём наши глобальные упражнения на мечах?

После этого нетрадиционного приветствия электората день считался начатым официально.

– Не вижу прилива трудового энтузиазма! – обратил внимание гуру на Полтавцева. – Что-то вид у тебя фригидный, – попенял ему Володя. – В смысле несколько холодноватый.

– Сейчас бы сока помидорного, – неожиданно предложил педагог.

– А я больше люблю рассол, – мечтательно произнёс Серёжа. – Утром, да с похмелья… Вот помню, моя бабушка Федора из деревни Семижопино…

– А по мне, – завершил воспоминания Альбионыч, – лучший сок – это желудочный. Без него вообще не жизнь!

Полтавцев посмотрел на Кулемзина тоскливым взглядом и вымученно промолвил:

– Похмелиться бы…

– Судя по моим скудным знаниям анатомии, тебе сейчас плохо именно в области души, – посочувствовал ему Володя. И предложил:

– Пива?

– Мать моя партия, я сейчас умру, – театрально застонал Курманбаев.

– Ничего страшного, – успокоил его Альбионыч. – Многие через это проходят. А в твоём случае даже есть несомненный плюс: как знатного коммуниста и кавалера

юбилейной медали к 100-летию кремлёвской мумии, твоим паскудным именем могут назвать пионерский отряд или даже целую дружину!

Нуртай в предчувствии сладкого похмелья тут же сделал вид, что не заметил слова *паскудным*. Здесь, кстати, надо объяснить, почему именно Кулемзин чувствовал себя значительно лучше своих подельников. Тому было две причины: во-первых, из всех напитков он предпочитал только пиво, тогда как остальные не чурались чего покрепче, и, во-вторых, ему не надо было гнаться за ударными дозами, так как он не страдал халявой, как его друзья, ведь основные финансовые вливания в магазинчик Калимы шли как раз из его кармана. А это значило, что нервы его были крепче, чем у других, и потому организм как-то резче сопротивлялся воздействию алкоголя на его могучий организм. Вот и сейчас лицо писателя было уверенное, как будто с утра он зарядился парой таблеток седуксена.

Знает даже бегемот
на пробежке резвой:
похмеляется, кто пьёт!
Кто не пьёт – тот трезвый…

Володя без сожаления расставался с деньгами, которые доставались ему не так уж тяжело: видимо, сказывалась оставшаяся с советских времён (б) привычка к широкой жизни – наперекор власти, во всём зажимавшей своих граждан. Было это похоже на привычку моряка дальнего плавания, когда тот после долгого похода получал огромные отпускные и брал сразу два такси – в одно садился сам, а в другое клал свою шляпу. Итак, начиналась очередная печальная история в стиле *экшн*. Вот сейчас, через мгновение игроки усядутся за покерный столик, Володя разместит возле себя *раскладку*, стасует колоду и… Но – не будем торопиться. Ведь всё ещё не начавшейся игре предшествовали два события, и это не придумка садиста-автора, а суровая реальность бытия. Первое событие было весьма прозаичным: Кулемзин вынул из кармана штанов купюру в 500 назарбаксов и сунул её Серёже:

– Мы верим в тебя, друг. И помни, Серёжа, вопрос времени в данном случае является определяющим фактором.

Видя, что наивный охранник никак не может проникнуться идеей, Володя обратился к нему уже не по-детски:

– А ты знаешь, Серёжа, что пиво в нашей родной Саксаулии – это главное классовое различие полов?

– Эт’ как? – насторожился охранник.

– Да так, что за ним ходят только настоящие мужчины, – неожиданно резюмировал писатель.

– Может, *колу* какую взять – на запивку? – предложил охранник.

– Нельзя, Серёжа, – предостерёг его Кулемзин.

– Почему это? – занедоумевал Полтавцев. – Она же сладенькая.

– Цикламаты, сынок, – объяснил писатель. – Это такие химические соединения, которые буржуи специально растворяют в своих лимонадах. Научно доказано, что если человек выпьет 55 галлонов[73] цикламатов в час, у него начнется дрисня.

– Тогда, конечно, не надо, – согласился сторож, который старался не спорить с наукой.

[73] 208 литров – прим. науч. редактора

Чтоб проснулись мы в канаве
в положении скотин,

цикламатами нас травит
растолстевший буржуин!

Глава 81. ДО ИГРЫ (окончание)

Полтавцеву, конечно, не хотелось передвигать конечностями до первого глотка́, но вера в него, как в мужчину, сотворила чудо – ему тут же захотелось стать настоящим *мачо*.

– А бананов на закуску взять? – неожиданно предложил он. – Я вот в одном журнале вычитал, что отсутствие в рационе бананов чего-то там вызывает…

– Всё правильно, – похвалил тянульца к знаниям Володя. – Только ты немного перепутал. Там дословно сказано так: «Отсутствие в рационе пива «Тянь-Шань» вызывает непроизвольный экзистенциальный страх…»

– Мать честна́я, точно-точно! – обрадовался охранник. – Стициальный! Да, кстати, а по сколько пива брать – по одной бутылочке или по две?

– *Дедушка* троицу любит, – загадочно ответил Кулемзин.

– А-а-а, понял! Тогда по пять!

Схватив деньги, Афанасьич проорал что-то вроде «Несусь!» и стремительно скрылся в направлении магазинчика Калимы.

– Несутся только куры! – вслед вихревому потоку прокричал Альбионыч.

Прямо ты идёшь иль криво,
знает конченый дурак:
кто бегом бежит за пивом,
тот себе с похмелья – враг!

Охранник проникся так быстро, что никто даже не заметил его исчезновения. И только внимательный писательский взгляд по привычке фиксировал детали. Вот и на этот раз Кулемзин отметил, что Серёжа побежал в магазин, чуть косолапя, после чего Володя подумал, что попасть в ансамбль танца, плясок и дрыгоножества имени Моисеева у сторожа нет никаких шансов. Он решил не терять понапрасну времени и, пока Афанасьич исполнял свой гражданский долг, решил запечатлеть его (правда, анонимно) в новом хокку:

Бермудский Учпучмак.
Спешит в магазин ходок.
Пиво ждет достойных…

А что же наши игроки? Пока Серёжа косноязычно объяснял немолодой продавщице цель утреннего визита, помогая руками, педагог решил скрасить его отсутствие присутствующим.

– Утро! Утро начинается с рассвета,
здравствуй, здравствуй, необъятная страна, –

с восторгом пропел Нуртай навстречу занимающему дню, после чего без перехода сделал озабоченное лицо и с жаром произнёс:

– Меня крайне возмутили новые преступления израильской военщины на оккупированном западном берегу реки Иордан!

Прапорщик, не выдержав атаки на мозг, тут же дёрнулся в кусты.

– Лицемерие сионистских варваров не знает границ, – продолжал политинформацию педагог. – Ведь эта акция ещё раз показала всему миру истинное лицо сионизма – это лицо кровавых убийц!

Тем временем Талгат, мучительно вытирая плохо пахнущие губы, вернулся к столику. Увидев приятеля, Нуртай снова заулыбался и весело закончил тираду:

– Слышал? Наши-то… арабам!

Прапорщик ничего не понял и попытался улыбнуться в ответ. На этом преступления военщины окончились, так как все увидели возвращающегося сторожа. Серёжа нёс бутылочки свято прижатыми к груди, словно боялся выронить их и сделать им больно. Дорогу ходоку перебежал огромный беспородный барбос, понюхал асфальт, без особой надежды на успех заглянул в мусорную урну перед входом в магазинчик, *расписался* на железной оградке Бермудского Учпучмака и вразвалочку затрусил прочь, вяло помахивая лохматым хвостом, в котором застряли ещё прошлогодние репьи. Под ве́сом бутылочек сторож шёл согнувшись, как будто только что заполучил грыжу, осложнённую искривлением и без того кривого позвоночника и ног. Лицо его было красным, как турецкий флаг. Волоча сумку, охранника заносило, как *запорожец* на крутом повороте.

– Да ты прямо майор Вихрь какой-то! – похвалил скорохода Володя.

– Сосудоразбухающее, – торжественно возвестил скороход, выставляя на покерный столик бутылочки с волшебным напитком. Поставив пиво, Полтавцев тяжело задышал, как жеребец после дистанции стипль-чеза.

Ну вот, дожда́лись, наконец,
питаясь сухарями:
явился радостный гонец
с хорошими вестями…

– Серёжа, у тебя сдача осталась? – невинно поинтересовался Альбионыч, намекая, что принести пивка можно было бы и больше.

– Чуток, – ответил охранник, и для наглядности показал большим и указательным пальцами, на какую сумму должен был сейчас уменьшиться кошелёк писателя.

– Так всё-таки сколько? – неумолимо продолжил кредитор.

– Эх, начальник, – тяжело вздохнул Полтавцев и тряхнул головой, как пристяжной конь на «Тройке» Саврасова. – Сел бы, поговорил с рабочим человеком, глядишь бы, и узнал всё…

Педагог и прапорщик сидели молча, ожидая конца монолога, поэтому писатель тему решил не педалировать.

– Пиво – это пятая стихия, – подняв бутылочку на уровень сердца, голосом пророка вещал он. – Стихия главная, ибо в ней растворились все остальные. Это единственная *твердь* зыбкого мира, газ, без которого пошлый *воздух* состоит из одного азота, изумительная *влага*, орошающая пепелища душ, и последний нас согревающий *огонь*!

Первую бутылочку Кулемзин протянул страдальцу Салихдзянычу. Тот, перестаравшись, тут же сделал огромный глоток, подавился и страшно заперхал, выкатив глаза. Сторож немедленно принялся охаживать его по спине кулаком, после чего глаза у прапорщика вылезли ещё дальше, а кашель стал интенсивнее.

– Да у тебя, сынок, – тут же поставил диагноз Володя, – какая-то инфекционно-аллергическая бронхиальная астма. А с таким диагнозом долго не живут!

И, видя, что Серёжа не утишает своих усилий, решил остановить его словом:

– Старичок, ты кончай добивать раненого. Ему бы сейчас лучше всего ингалятор с гормонами, капельницу с глюкозо-калиево-инсулиновой смесью и пару шприцов эуфелина.

– Так есть капельница! – воскликнул Полтавцев и бережно поднёс ко рту раненого бутылочку «Жигулёвского» – Оно полезное, – тихо, как тайну, сообщил он на ухо военному. – Я слышал, выпьешь его пару бутылочек, и все микробы и бактерии в твоём организме передохнут, как дустом посыпанные. А фелицина этого тебе не надо – от него только вред организму!

Чего только не напридумывали фантасты про чужие миры, а такой простой вещи не смогли сообразить, дураки: бутылочка пива – это маленькая прекрасная ракета, которая по горлышко полна волшебным топливом; она не знает власти времени, пространства, притяжения. Она освобождает от страха, бедности и ответственности, она – полёт в свободу, порука немедленного счастья. Целый народ летит в этих зеленоватых мутных ракетах. Куда? Что там, в конце полёта, длящегося десятилетия? Где сядем?

Перед игрой Нуртаю по старой комсомольской привычке очень захотелось дать игрокам указания, руководствуясь соображениями, помноженными на его жизненный опыт. Но он знал, что такие душевные стремления будут поняты неправильно, а в лице Володи так ещё и осмеяны, и промолчал.

Но давно – с времён потопа,
знаем мы, ложась в кровать:
как подсказывает опыт,
рта не сто́ит раскрывать!

В это время незабвенные просторы Бермудского Учпучмака огласили звуки, которые автор, прикидывая так и сяк, всё-таки решил назвать своим именем: автопердёж. Из-за угла магазинчика появилось чудо советского (б) автопрома – ржавый автомобиль, в котором после тщательного изучения можно было опознать самобеглую коляску имени великой русской реки. Это действительно была «Волга» 1956 года, более известная в народе как ГАЗ-21.

Глава 82. оМУРТАЙ И ЕГО ТЕЛЕГА

Но даже при более ближайшем прочтении возраст автомобиля определению не поддавался. На опытный взгляд профессионального *костоправа*, эта колымага попросту не имела права двигаться. Но, к удивлению присутствующих, она, тем не менее, сначала заводилась, а потом, явно по какому-то *дедушкиному* недочёту, даже и ехала. Правда, мотор вышеозначенной телеги при этом скрипел и хлюпал, будто обиженный. Глушитель было слышно за километр, как если бы там была дырка, залепленная в несколько слоёв бумагой и примотанная изолентой, задний мост предсмертно гудел, а из двигателя раздавались посторонние звуки, наводящие на мысль об аритмии и вообще преждевременной кончине. Правда, эта пережившая все мыслимые сроки телега всё еще ехала, хотя всем своим нутром показывала, что делать ей этого совсем не хочется.

Ещё издалека бросалась в глаза перхоть истёршихся покрышек. Верхняя часть лобового стекла была тонирована синей советской (б) изолентой, даже на расстоянии издающей запах чего-то прокисшего. Дворники метались по ветровому стеклу, словно веер в руке истерички, ведь омуртай включал их даже тогда, когда дождя не было, – только для того, чтобы показать, что в его авто хоть что-то работает. Объяснений тому, почему рыжая от ржавчины, с разномастными колёсами, хрипящая, как потом-

ственный астматик, телега омуртая всё же каталась по улицам Отцеябловска, найти было невозможно. Может быть, это была поблажка от Суки-судьбы, а, возможно, и от самогó *дедушки*, который в Саксаулии назывался несколько иначе, чем в соседней России, а именно *аллах*. «Волга», этот ветеран броуновского дорожного движения, ещё могла разгоняться до скорости в 50 км/час, рыча при этом двигателем так, что в салоне ничего не было слышно, даже если орать в полный голос. Окна у неё тоже не открывались, а поскольку омуртай постоянно курил свою вонючую *приму*, сам он в это время сидел в густом никотиновом тумане, и оставалось только удивляться, как он ежедневно не попадал в сводки происшествий, связанных именно с дорожными приключениями отцеябловчан.

Автопрома былого вершина
нам покажет, какой она масти,
как рывками фурычит машина,
при движенье теряя запчасти!

– Яйчики-бабайчики, от такой машины только одна польза, – говорил Володя. – Если её тихой-тихой ночью поставить в глухом-глухом лесу, выключить двигатель и автомагнитолу, закрыть окна и прислушаться, – то можно услышать, как она потихоньку гниёт!

Поменьше бы таких антигероев в нашем романе, да невозможно – по причине соблюдения автором исторической правды и врождённой честности. Так что придётся сказать несколько слов и об омуртае. Читатель уже, вероятно, заметил, что этот персонаж оказался единственным в нашем правдивом повествовании, коего автор принципиально пишет со строчнóй буквы, а не прописной, как остальных. И сейчас не поленится объяснить внимательному читателю, почему же он именно так поступил о омуртаем.

С персонажем Кулемзин познакомился на второй день после переезда на новое ПМЖ. Он заметил, что из второй квартиры, где он накануне уже видел соседку Анну Петровну, любезно подсказавшую ему адрес ближайшей мусорки, вышел саксаулец с недобрым голодным блеском в глазах. Это и был омуртай, который, как выяснилось из ознакомительного разговора, в советские (б) времена был таксистом, то есть человеком, по меркам тех времён зарабатывающим весьма приличные деньги – на обсчёте доверчивых пассажиров. В своё время Володя слышал, что некоторые таксисты умудрялись *заколачивать* в день по 15-20 рублей, тогда как средняя месячная зарплата советского (б) человека была рублей 100-120.

Теперь же, с приходом благословенного капитализма, омуртай резко остался не при делах: во-первых, из-за возраста, так как новенькие иностранные машинки тут же оккупировали молодые и цепкие водители из числа родственников новых частных владельцев таксопарков, и, во-вторых, из-за крайне склочного характера, который за годы его работы уже превратился в неприятную легенду. Поэтому последние годы его семья из двух человек влачила довольно жалкое существование – пенсии Анны Петровны хватало лишь на еду и скромную квартплату.

Раньше ездил на слонах,
брал их враз по восемь,
а при новых временах
денег нету вовсе!

Был он невероятно худ, и при первом же взгляде на омуртая Володе сразу пришли на ум строки одной хорошо известной книги: «Истощилась в печали жизнь

моя, и лета мои в стенаниях; изнемогла от грехов моих сила моя, и кости мои иссохли[74]…»

[74] Псалтирь, 30:11 – прим. богослов. редактора

– Старик, а почему ты не купишь себе машину? – наивно поинтересовался новый жилец, на что омуртай ответил, что не на что. Такой ответ поразил Кулемзина, и он тут же предложил соседу беспроцентный кредит для покупки любой иномарки – с тем расчётом, что деньги омуртаю отдавать будет не надо, а всего лишь какое-то время возить его тело на заработки (напомним читателю, что именно тогда у Кулемзина был самый расцвет его частнопредпринимательской деятельности, о чём автор уже сообщал читателю в главах 6 и 7). Сосед потупил глазки и сказал, что никакой иномарки ему не надо, а нужна только «Волга», к которой он привык за время грабежа… то есть работы в недавнее время.

Глава 83. оМУРТАЙ И ЕГО ТЕЛЕГА (окончание)

Так через неделю после этого разговора омуртай стал владельцем телеги, о которой и идёт сейчас речь. Писатель уже тогда сомневался, что данное приспособление сможет быть полезным человеку, но омуртай убедил его, что у него есть много друзей из слесарей, которые постепенно доведут машину до ума. После чего новые партнёры сели за стол и расписали, сколько выездов и на какую сумму нужно было сделать водителю, чтобы полностью рассчитаться с кредитором. Но, к сожалению, приобретённая в советские (б) времена страсть к халяве обнажила в соседе самые чёрные закоулки его так называемой души: уже через месяц он заявил Володе, что договор составлен неправильно, а правильно будет то, что за каждую поездку кредитор будет отнимать в два раза больше денег от той суммы, что планировалась вначале. Писатель хорошо знал этот тип людей, взращённых советской (б) властью, и просто плюнул на договор, тут же наняв другого водителя на тех же условиях, ибо давно жил по принципу *отдал и забыл*, который позволял не тратить нервные клетки впустую. Но омуртай на этом не успокоился: чувствуя свою внутреннюю неправоту, он начал всячески поносить благодетеля, обзывая его при соседях буржуем и вором, а на их вопросы, почему, с радостью рассказывал историю о том, что *Кулемзин занял у него денег, а теперь, сволочь, не отдаёт*!

Надо ли говорить, что после этого случая подлый омуртай стал испытывать к Володе «вековую ненависть бедняка к богачу», как справедливо подметили классики ещё 72 года назад[75], вызывая дикую социальную зависть.

[75] Ильф и Петров «Золотой телёнок», журнал «30 дней», 1931 – прим. лит. редактора

И не даст соврать мне Случай,
сильно пó сердцу скребя:
подлецы весьма живучи,
подгребая под себя!

И несколько слов о внешности этого антигероя. У омуртая была типичная для саксаульца плоская физиономия с маленьким комочком оконной замазки посередине, где положено быть носу. Всё это было похоже на маску мертвеца: казалось, что землистую морщинистую кожу кто-то неумело пытался заштукатурить гипсом. Руки таксиста (б) были костлявыми, как, впрочем, и всё остальное, причём испещрены они были сосудами, похожими на курганы из синей глины. Из ушей его рос какой-то пух,

такой густой, что в нём могла запутаться муха. Володе иногда даже казалось, что он на мгновение увидел маленького паучка, сидящего в варенике уха – в засаде. Из рукавов рубашки омуртая вылезали длинные худые запястья, шершавые и мосластые, а из вóрота вырастал картофельно-бледный росток кадыкастой шеи. Да и всё остальное казалось каким-то мумифицированным, так что создавалось впечатление, что где-то неподалёку прячется инвалидная коляска в соп-ровождении дежурной медсестры с неприятной *клизмой* в руке.

Под стать внешности был и характер – весьма скверный и неприятный, поэтому никто не удивлялся, слыша, как телега омуртая непрерывно клаксонила, ведь он никому не уступал дорогу, старался подрезáть новичков и особенно ненавидел сидящих за рулём женщин, коих в последнее время стало непомерно много. Вот и сейчас, увидев сидящего за покерным столиком Альбионыча, он выскочил из машины, встал в картинную позу Салтычихи и заорал на весь Бермудский Учпучмак:

– Ты!

– Я, – с достоинством ответил писатель.

Мелкие, заплывшие глазки омуртая налились кровью и стали похожи на две лососевые икринки. Он сделал судорожный вздох и словно подавился воздухом.

– Ты! – ещё раз выкрикнул он, словно забыл другие русские слова.

– Я, я, – как-то по-немецки ответил ему Володя. – И что дальше?

– Ты у меня здесь будешь только через мой труп, – запальчиво вскричал автовладелец, на что Кулемзин тут же популярно ему объяснил, что невелико и препятствие. После чего омуртаевская колымага, чихнув несколько раз, словно разбуженный для процедур туберкулёзник, затарахтела обратно, производя при этом грохот, приличествующий разве что целому железоделательному заводу.

Все условности отброся,
мыслью смелой не петляй:
подлеца, мой друг, не бойся, –
сразу в глаз ему стреляй!

Володя внимательно посмотрел на отъезд уродливого создания советского (б) автопрома и заметил:

– По-моему, у него уже давно отвалилось то, что между колёс.

– У омуртая? – догадался охранник.

Глава 84. КАЛИМА И ЕЁ МАГАЗИНЧИК

Но оставим наших героев и антигероев на некоторое время, чтобы наконец-то рассказать о пещере Аладдина, откуда они и черпали своё вдохновение при игре. В 22 метрах от верхней точки Бермудского Учпучмака стоял железный ящик, сваренный из двух контейнеров для перевозки морских грузов, гордо называемый хозяйкой *павильоном*. Павильон нахально втиснулся в тесное пространство между панельными домами и выглядел, как девица *вольной* профессии, оказавшаяся на одной скамеечке в окружении нескольких пенсионерок. В ящике было проделано четыре отверстия: одно сзади, означавшее служебный вход, и три спереди – дверь и пара окон, забранных для надёжности стальными решётками. В магазинчике было узко, тесно и темно, как в китайском квартале какого-нибудь Нью-Йорка. Володе сразу же вспомнилась замечательная повесть братьев Стругацких «Жук в муравейнике», где в главе «Мёртвый мир» описывались именно такие сооружения – грязно-жёлтые и полупрозрачные, с помощью которых инопланетяне похищали детей. Правда, для чего, писатели так и не объяснили.

Жадная и жуликоватая хозяйка с золотыми обоймами во рту, несмотря на то, что её железное заведение работало уже второй год, всё никак не решалась выделить семь тысяч назарбаксов на его покраску, и из благородного морского цвета магазинчик вскоре стал рыже-ржавым, что, впрочем, не мешало найти к нему тропу всем страждущим.

Ты о народе пламенно заботься –
ему в сельпо нужна твоя крупа,
но коль с утра здесь водка продаётся,
не зарастёт народная тропа!

Вот и сейчас, увидев, что игроки уселись на скамеечку, Калима тут же перевернула свой главный ценник, и пиво сразу выросло в цене на пять назарбаксов. Оно и понятно: когда граждане по какой-либо причине желают приобрести товара больше обычного, тот либо исчезает с прилавка и начинает перемещаться окольными путями (социалистический вариант), либо подскакивает в цене (вариант рыночный).

Возле магазинчика хозяйке по предписанию местного акимата (прости, русский язык!) пришлось разбить небольшой газончик типа цветника. Растительность там была скудноватой, но и этого хватало для того, чтобы вокруг жухлых цветочков с сердитым жужжанием вились пчёлы, жалуясь, надо полагать, на высохший нектар. На блестящих лепестках очень ровной пластмассовой ромашки сидели красивые и полезные насекомые – *дедушкины* коровки. Бабочки и стрекозы падали в цветы, мимикрируя. Увидев этот флористический шедевр первый раз, Кулемзин сразу же заметил, что данная цветочная клумба на первом плане магазина создаёт своего рода парафраз к известной картине Леона Израилевича Бакста, где неухоженные кустики обретают новый экзистенциальный смысл.

На оставшемся от магазинчика пустырьке тут же возникла стихийная автостоянка – такие повсеместно появлялись в каждом дворе по мере того, насколько хорошо стали жить рядовые саксаульцы. Вот и сегодня рядом с магазинчиком в рядок выстроились, словно в марксистской борьбе противоположностей старая «волга» омуртая и новенький «мерседес», а микроавтобус имени Генри Эллиотовича Форда демонстративно подчёркивал наличие непреодолимой технической пропасти между ним и скромной «газелью»

Дело, напомним ещё раз тебе, читатель, происходило в конце августа – са́мого жаркого месяца на территории Саксаулии. Поэтому магазинчик Калимы, принимая на себя все 6000° солнечной энергии, представлял из себя небольшой филиал преисподней.

Выбирай себе гостинчик –
чёрной мордой хорошей:
раскалился магазинчик
от желаний алкашей!

Когда хитрый магазинчик только открывался, Кулемзин, как бывший деятель рекламного бизнеса, предложил хозяйке несколько названий, среди которых было даже одно иностранное: «Kalima’s Lavka», которое она, как и предыдущие, отмела – якобы по причине непонимания таких заумных слов со стороны рядовых саксаульских покупателей. Тогда писатель, чтобы дать своему другу художнику Валере Муравлёву хоть какую-то работу, предложил хозяйке сделать на двери табличку – с надписью на одной стороне *Ouvert*[76], а на другой *Close*[77]. Но Калима юмора не поняла и заказала Муравлёву, который считал себя художником на том основании, что когда-

то окончил худграфовский факультет, табличку – не менее смешную, где на каждой из сторон было написано одно слово *Жабык*[78].

[76] Открыто – фр.
[77] Закрыто – англ.
[78] Закрыто – сакс.

Затем предпринимательница по неожиданно заведшейся дебиловатой моде того времени решила назвать магазинчик своим именем. В те годы можно было легко определить владельца того или иного торгового заведения, если покупатель видел на вывеске такие названия, как бутик «Саша», магазин «Мухтар» или супермаркет «Айдар», хотя сам супермаркет располагался на трёх квадратных метрах, ограниченных пространством бывшего входа в многоквартирный дом. Помнится, как матерились врачи «Скорой помощи», которые были вынуждены огибать весь дом, чтобы попасть в нужную квартиру с другого входа, ведь на привычном, кроме замка, уже висел график работы нового торгового заведенения.

Не довольствуясь чужими
именами, с озорством
наше собственное имя
на заборе мы прочтём!

Хотя Володя уже через месяц после существования торговой точки предлагал присвоить ей простое и отвечающее чаяниям народа название «Вечный зов» Позже над входом в магазин во всю ширь раскинулся огромный рекламный плакат, в котором хитрые американцы советовали пить исключительно кока-колу – чёрный мерзкий напиток, в котором постепенно растворялась любая человеческая печень. Володя, увидев его первый раз, вспомнил, что лет эдак 15 назад на месте этого плаката красовался другой, но не менее большой, на котором куда как скромнее было написано известное выражение первого и последнего президента СССР (б):

Курс реформ – интенсификация производства!

Правда, что это означало, он не знал ни тогда, ни тем более сейчас, когда эти глупые слова совсем потеряли свою актуальность.

Глава 85. ВЫВЕСКА

Так вот – Калима обратилась к Володе, Володя позвонил Валере и просто продиктовал название магазинчика. На следующий день с утра народный саксаульский художник Муравлёв приволок огромную вывеску и водрузил её на сдвоенный контейнер. Теперь все жители микрорайона, имевшие счастье отовариваться именно здесь, знали, что обслуживаются они в «Суперрмаркете Колема» Писатель искренне не понимал, как в двух словах можно сделать аж три ошибки, тем более что: а) диктовал он по-русски, и б) во время диктовки принимающий шифрограмму был вроде бы не пьян. Но самое забавное было впереди: Калиме вывеска очень понравилась, потому что она решила, что именно так звучит и название её магазинчика, и собственное имя по-русски. Кулемзин тактично промолчал, указав на допущенные ошибки только творцу, и тот, проработав всю ночь, искусно заклеивая части букв цветной изолентой, на следующее утро вновь водрузил испоганенную вывеску на место. Хо-

рошо, что владелица, думавшая прежде всего о выручке, просто больше никогда не поднимала глаз выше витрин и потому не знала о свершившихся преобразованиях.

Нам ни водки, ни кагоры
в это утро не нужны:
в магазин мы мчимся споро,
потому что голодны!

Затем Калима попросила Володю придумать какую-нибудь рекламу к колбасе «Конская», которую она, приобретя за полцены у вороватых водителей Отцеябловского мясокомбината, впихивала доверчивым саксаульцам второго микрорайона. «Судя по цвету», подумал Кулемзин, когда впервые увидел это произведение местных мясотворцов, «делают её из шахматных коней, причём, исключительно чёрных…» В принципе, никакая реклама Калиме была не нужна, но она представила, как будет хвалиться своим подружкам, сколько денег якобы вбухала в неё, и решила потратиться. Кулемзин, обмозговав запрос, поднатужился и выдал очередной шедевр:

Колбаса «Конская»!
Любовь с первой палки!

Такая реклама успеха у саксаульской предпринимательницы почему-то не имела, и Альбионыч списал этот промах на не очень хорошее знание Калимой *великого и могучего.* Если же брать ситуацию в целом, приобретя магазинчик, хозяйка собственного бизнеса думала совсем о другом – на лице её были написаны все пороки социалистической торговли: недолив, обсчёт, обман, обвес и даже забытая в социализме (б) пересортица.

Глава 86. КАЛИМА И ЕЁ МАГАЗИНЧИК (продолжение)

Как известно, магазин – это место взаимного обогащения людей разных племён. Именно здесь представители племени покупателей освобождают себя от вечного вопроса *куда деть деньги?* и получают в безграничное пользование товары сомнительного качества. Представители другого племени – продавцов – совершенствуют свои артистические навыки, получая при этом сущий пустяк – навар, именуемый с лёгкой руки некоего Карла Генриховича Маркса *прибылью*, хотя и прибыль, и доход для предпринимателей того уровня были понятиями равноценными.

Как душевные ушибы,
регистрирую я факт:
получает жадный прибыль,
а скупой – один инфаркт!

Но пора рассказать и о само́м заведении. Володя вспомнил, как полтора года назад, проснувшись утром, он вдруг увидел в окно странный железный ящик, который возник за ночь, словно по волшебству. Вспомнил он и свой первый визит в ящик. Магазин поразил его необыкновенно, и не один раз. Ничего подобного он не видел ни в советском прошлом, ни в капиталистическом настоящем. Но – обо всём по порядку.

На раскалённой железной стене рядом с рекламой «Дирола» посетителей встречал плакат с оптимистическим названием «Дифтерия и холера вокруг нас» На нём довольно красочно были изображены довольно отвратные типы, скорее всего,

выдающие себя за эти болезни, а внизу буквами помельче было написано: «Встретим их достойно!» «Видимо, хлебом и солью», догадался писатель.

На немытой полке небольшими штабельками стояли плоские баночки с не совсем понятной надписью «Шпротты» Володя привык видеть это слово с одной *т*, и тут же подошёл поближе. Ниже загадочного заголовка сообщалось, что эта невиданная рыба была изготовлена на каком-то Мойынкумском рыбзаводе. Альбионыч удивился ещё больше, потому что знал, что ближайший от Мойынкума водоём был на расстоянии не менее тысячи километров, а сам саксаульский городок стоял в голой степи. В советские (б) времена лучшие шпроты поставлялись в его семью мамой из *обкомовского пайка́*, и были они, как помнится, прибалтийскими. Сейчас же и Латвия, и Литва занимались исключительно важным государственным делом обучения русских стариков своим национальным языкам, и рыбу здесь стали ловить гораздо в меньших объёмах.

А над Балтикою гвалты
раздаются всё сильней:
занимаются прибалты
только нацией своей!

На второй полочке стояла знаменитая китайская тушёнка «Великая стена» Кулемзин однажды сдуру купил такую баночку и, вскрыв её, обнаружил среди немного подозрительного мяса преобладание каких-то *шкурных* фрагментов, после чего заявил, что если купить банок сорок такой тушёнки, то можно бесплатно пошить небольшую замшевую курточку для папы Карло! Рядом с китайской тушёнкой стояла российская – со странным чеховским названием «Дядя Ваня»

– Пробовал её? – однажды спросил военный, навестив магазинчик вместе с писателем.

– Пробовал, – ответил Володя.

– Ну и как?

– Жилистый был мужик!

В холодильной витрине слева также разместился несколько специфический подарочный набор: пельмени «Сибирские», водка «Колыма» и сигареты «Лесоповал» Причём, в пакетике для пельменей вместо них лежало что-то напоминающее туго свёрнутые шарики из газеты, а издалека эти пятнистые комочки очень напоминали перепелиные яйца. Правую же часть этой антарктической витрины занимали окорочка – предмет вожделения всех советских (б) детей по воскресным праздникам желудка, который они незатейливо называли «А мне, мама, ножку!» Казалось, что кур пригнали в Отцеябловск откуда-то из Оклахомщины, причём, своим ходом, а потом в целях садизма отрубили ноги и пустили в продажу. Но на этом куриная тема не оканчивалась – рядом с окорочками лежали ещё и мёртвые цыплята. Они были засунуты в прозрачную упаковку с изображением бодрого лакомого петушка, внутри же были зашиты и заморожены, как покойники. В холодильной витрине, в са́мом её углу, приютилась кучка сосисок или, как их называл писатель, фаршированного целлофана.

В углу магазина стоял автомат для производства поп-корна – редкостной гадости, обожаемой саксаульскими детишками, апофеоза американской гастрономической мысли. «Поп-корн, поп-музыка и просто поп», подумал Володя, «гадость – всё!» На другой полке стояла консервированная свинина с горохом, которая была заготовлена для войск, участвовавших в боях за озеро Хасан, потом затерялась в складских помещениях, а недавно была обнаружена в ходе месячника «Закрома родины», *сактирована* на уничтожение, но, как и водится в нашей стране, продана за полцены ушлым торгашам типа Калимы.

Мы в обычной суматохе
совершаем страшный грех:
внутрь себя кладём горохи,
артобстреливая всех!

Рядом с тушёнкой неожиданно расположилась как бы дань здоровой пище – картонные параллелепипеды кефира. Лежали на прилавке и приобретённые предприимчивой Калимой за бесценок на военном складе макароны системы *спагетти совьетико*, употребить которые можно было только солдату-первогодку срочной службы, да и то по приказу. Причём, солдаты знали, что есть их нужно в сухом виде: не взирая на то, что макаронины трещали под крепкими военными зубами, как выламываемые из забора жерди, отваренные, они напоминали черноморскую медузу бальзаковского возраста, и даже угроза дисбата не помогала протолкнуть эту трясущуюся скользкую массу в глотку.

Были здесь спагетти и заморские, и хозяйку магазинчика никто не мог обвинить в скудности ассортимента. На прилавке можно было увидеть «итальянские», судя по штрих-коду, спагетти, на пакетике которых почему-то с китайским акцентом было написано следующее: «Довести до *хипения*, и семь минут!» Посетители заведения немало дивились хиппующим макаронам, но брать их не стремились. Недалеко от спагетти стопкой лежала их родная по муке́ сестра – пицца в прозрачном целлофане. Правда, эта пицца, унаследовав итальянское имя, была ублюдком от брака русского блина с еврейской мацой – полупрозрачная сухая лепёшка, посыпанная крошкой, измельчённой до такой степени, что нельзя было определить, колбаса это или какой иной деликатес. Сверху эта п. была украшена кляксой томатной пасты.

На левой полке сиротливо лежала упаковка сушек к чаю – древняя, как Троя, и кирпичик чёрного хлеба, что, впрочем, подтверждал и ценник: «Хлеб чёрный. 30 назарбаксов» Володя, увидев этот ценник впервые, тут же напугал хозяйку магазина, попеняв ей на политнекорректность таких слов, а на отчаянный вопрос, как же ей правильно написать, собственноручно изготовил и подарил ей ценник «Афробуханка», который, надо признать, успеха тоже не имел.

Я ничуть не каламбурю –
каламбурить не резон:
магазин даёт, в натуре,
и бухло, и закусон!

Недалеко от хлеба в пока неработающей холодильной витрине лежали два кольца колбасы, разительно отличающиеся друг от друга. Первое кольцо имело ценник: «Колбаса конская. *Халал*» Это новое для суверенной Саксаулии слово появилось совсем недавно и означало примерно то же, что для евреев – разрешённая, или *кошерная* еда. Второе же кольцо было явно колбасой свиной, хотя ценник впрямую об этом не сообщал, а выражался несколько завуалировано: «Колбаса украинская домашняя с чесноком»

Мы её положим в пиццу
вместо пошлого овса –
нет на свете краше птицы,
чем свиная колбаса!

Также на прилавке лежали непременные, но какие-то скукоженные сыры под традиционными названиями «Пошехонский» и «Российский» Володя, увидев эту не-

весёлую картинку в первый раз, подумал: где оно теперь, это Пошехонье, и чем, ума не приложу, так провинилась Россия, приклеивая своё благородное название к этому безобразию? На средней полочке в магазине были выставлены пакетики с новым для саксаульцев продуктом – чипсами, которые Володя называл мумифицированным картофелем.

Глава 87. КАЛИМА И ЕЁ МАГАЗИНЧИК (окончание)

В отдельном углу пылился ширпотреб, не находящий своего покупателя: здесь висели набитые блохами китайские куртки с лейблами ведущих французских модельеров, обувь для мертвецов с картонными подошвами – якобы от Серджио Джузепповича Росси, турецкие одноразовые джинсы, выдерживающие только первую стирку, часы, которые даже в развивающихся странах Африки продавались на килограммы, такие же одноразовые зажигалки и старые желтоватые газеты с голыми сисястыми бабами на страницах – для ускоренного развития личностей юных саксаульцев. Мануфактуру дополняли какие-то серые тряпочки, видовую принадлежность которых объяснял написанный ценник: «Плавки для плавания» Над небольшой промтоварной полочкой, где были свалены батарейки, коробочки с прокладками, какие-то солонки и прочая дребедень, висело объявление:

Уважаемые покупатели!
На необмытые покупки
гарантия не распространяется!

В стороне от продуктов лежали, видимо, оставшиеся после Нового года китайские петарды с загадочной надписью на упаковке: «Только для использования в помещении или снаружи!» На самой верхней полочке стояло нечто, завёрнутое в целлофан, с трогательным ценником «Набор праздничный» Кроме коробки позапрошлогодних конфет, в наборе присутствовали также одеколон «Тройной» и туалетная бумага «Конфетти»

И, естественно, какой современный магазин мог обойтись без американского дерьма для кошек под названием «Вискас»? Володя, когда первый раз увидел рекламу этого товара: «Что ещё нужно вашей киске, кроме новой баночки вкусного «Вискаса»?», тогда же экспромтом сочинил ответ на этот несложный вопрос: «Ну, разве что ещё маленькая открывашечка…» Остаётся только добавить, что недалеко от магазинчика Калимы находилась национальная саксаульская школа, и поэтому в торговой точке никогда не переводились кое-как завёрнутые в целлофан пугающего вида бутерброды с чем-то.

Холя, нежа и голу́бя
наших маленьких стада,
как детей своих мы любим,
так и кормим их всегда!

Напитки в магазине были также представлены в большом ассортименте. Это была водка чукотско-кавказского розлива, шампанское, бутылка которого была вся в наградах, как генсек, а также молдавский коньяк, который народные умельцы из саксаульского городка Каскелена настропалились делать из технического спирта, чифира и леденцов *чупа-чупс*. У коньяка был вкус технического спирта, в который уронили кусочек селёдки иваси с колечком лука. Ассортимент дополняло вино, полностью отвечающее своему названию – «Фиолетовое крепкое» Рядом с ними, как бы

для закуски, были размещены несколько консервных банок с этикеткой «Козлятина в натуре»

Из напитков лёгких ассортимент был представлен лимонадом «Буратино», который, судя по вкусу, был изготовлен из натуральных экстрактов деревянных человечков. При этом все желающие освежиться отмечали, что напиток был словно газирован чертями. Был здесь, правда, и ещё один напиток – что-то белое в пластиковой бутылке с зелёной крышечкой, тайну которого раскрывал ценник – «Кумыс говяжий» Рядом с саксаульскими напитками на полочке стоял аутентичный американский «Смирнофф» в 37,5^{o} – жуткая дрянь с аптечным привкусом резины. К чести саксаульских алкашей надо сказать, что этого импортного смирноффа они брали нечасто, а всё больше водку «Чапаев», «Петька» и, конечно же, «Анка»

Удивительно, но в этом же ряду был товар и для детей – на полочке, непроданная с Нового года, стояла бутылка с этикеткой «Детское шампанское» Когда Кулемзин увидел её первый раз, то удивился и тогда же подумал, что с такими темпами *оцивилизации* Саксаулии здесь скоро появятся детская водка, детская закуска и даже детский рассол против детского похмелья.

Патриотами родиться
сложно нам, но всё ж дано,
ведь бухло из-за границы
хуже, чем своё говно!

Справа от напитков лежали какие-то подозрительные булочки-калорийки, которые вкупе с буратинным напитком составляли перекусон большинства школьников, забредавших в ящик Калимы после занятий. Рядом с булочками примостился пакетик с каким-то продуктом, издалека напоминающим козьи *катышки*, поверх которого угнездился незаметно скромный ценник: «Поп-корм» В остальном же еда была представлена сосисками с картонным привкусом и крабовыми палочками, изготовленными из смеси трески и сои, а также сыром «Беларусь» с ароматом одноимённого трактора.

Да, и не забыть об огурцах! Огурцы почему-то были двух видов: в трёхлитровых банках, например, сквозь плавающие водоросли укропа были видны какие-то мятые зелёные поленца, как будто до засолки их специально подкладывали под поезд, а вот в огромных пятилитровых банках продавались огурцы несколько другие, достоинством которых было то, что они были такими длинными и толстыми, что вполне могли пригодиться для разгона уличных демонстраций. Когда Володя впервые увидел этот ценный продукт, он пожалел, что его не венчает ну хотя бы такой ценник: «Огурец солёный. Растение семейства закусочных» Кстати, однажды он увидел здесь совершенное чудо – затиснутый каким-то образом в трёхлитровую банку один-единственный гигантский жёлтый огурец с необорванными соцветиями. «Порождение совхоза «Грёзы Мичурина», тогда решил Альбионыч. Слева от огурцов на двух полках затаился разномастный химическо-гигиенический ширпотреб с единственным ценником, видимо, оставшимся от прежних времён: «Курица цельноволокнистая» Следующий ценник поражал лаконизмом и суровой правдой жизни, хотя и был несколько циничен: «Яблоки свежие, загнившие»

Мы проблему видим узко,
но судить нас не спеши:
нам всегда нужна закуска –
мы же вам не алкаши!

Вперемешку с остальным товаром лежали сморщенные бублики какой-то неведомой колбасы, про которую писатель как-то сказал, что именно она именно в этой торговой точке – символ человеколюбия, так как её не брал никто, и оттого только становился здоровее. Были здесь и обязательные бананы, хлынувшие в страну с таким напором, словно раньше железный занавес создавался исключительно для этих кривых плодов. Бананы, как известно из «Кулинарной книги ацтеков», содержат серотонин – вещество, необходимое нашим мозгам, чтобы те подали сигнал всему организму: ба, батенька, да вы, кажется, счастливы! Давно было ясно, почему у нас на каждом углу сегодня висят банановые гроздья: слопал заморский сладкий огурец – и чувствуешь себя аборигеном на острове Моруа после атомного взрыва!

У банана сладкий вкус –
точно дыня иль арбуз.
А по форме он похож…
Не скажу, едрёна вошь!

Дополняли этот гастрономический ассортимент токсичные сникерсы, где от настоящих сникерсов были только красивые заморские бумажки, тщательно облизанные детьми Калимы, а содержимое втихую варилось в доме её свёкра из яблок, свёклы и шоколадного порошка, просроченного ещё при социализме (б). Причём, о том, что сникерсы были *самопалом*, можно было догадаться по приписке на ценнике: «Рекомендовано международной ассоциацией стоматологов Республики Саксаулия» И, чтобы окончательно завершить обзор представленной закуски, автор назовёт также мелкие, как фасоль, грузинские мандарины, выдаваемые предприимчивой Калимой за карликовые египетские апельсины.

Знают наши диагносты,
что похмелье – страшный сон:
всю еду зовём мы просто –
для напитков закусон!

Рядом со сникерсами был ещё один детский товар, и тоже с соответствующим ценником – «Кукла Сауле № 12 в причёске. Артикул 1284. Саксаулместпром. 1934 г.», правда, от этого товара не только шарахались дети, но вздрагивали и взрослые. Здесь же, справа от местпромовской Сауле, внимательный взгляд замечал небольшой флакончик с ярко-красной наклейкой, на которой рука неизвестного саксаульского художника вывела фигурные буквы: «Средство против обгрызания ногтей» Автор точно не знает, можно ли отнести к еде жевательную резинку, но она тоже была представлена на одной из полочек, причём, ценник честно сообщал, что это «Жувачка противозачаточная» С этим подозрительным товаром соседствовал товар, что называется, полностью противоположный – китайская упаковка с надписью «Таблетка для беременности», причём, судя по величине упаковки, таблетка эта была размером с хорошее блюдце, – видимо, для достижения стопроцентного результата при приёме.

Парижанки и тунгуски
правду знают об одном:
проще выпить без закуски,
чем закусывать говном!

В галантерейном отделе магазинчика среди прочих товаров особенно выделялись мужские трусы, причём довольно оригинальной расцветки: впереди они были жёлтыми, а сзади какими-то коричневыми. Это определенно что-то напоминало. Во-

лодя, впервые увидев этот товар, пригляделся к маленькому ценнику, и с удивлением прочёл: «Трусы мужские, практичные» Здесь же была и добавка маленькими буковками: «Только для холостяков» Володя представлял, как эти трусы продают незнакомым саксаульским холостякам только при предъявлении штампа в паспорте, а знакомым – по блату. При всём этом цены у Калимы кусались, как крокодилы.

Глава 88. БОГАТСТВО

И, чтобы уже закрыть… нет-нет, не сам магазинчик (он как раз-таки многажды пригодится нашим героям)… а тему накоплений предприимчивой хозяйки спаренных контейнеров… автор приоткроет малую завесу её состояния. Складывалось оно разными путями, но, констатируя с горечью, ни один из них нельзя было назвать честным. Здесь была и двухлетняя продажа овощей на хитром базарчике, где тонна, например, лука загадочно превращалась в полторы, и торговля только что начинавшей поступать в страну финской сантехникой, и сборы денег по фирмам для организации шахматного турнира в Отцеябловском детском доме № 3, хотя таких скорбных домов в городе было всего два. Помнится, подобный турнир устраивал когда-то один литературный герой (и, кстати, двоюродный дедушка Кулемзина), но, в отличие от него, Калима не знала ни одного шахматного хода, но знала, как замести следы, собрав приличную сумму с доверчивых соплеменников.

Вот только один пример применения её беспокойного ума. Приняв сердцем капитализм, Калима частенько вспоминала благословенное время, когда советские (б) рубли перед обменом их на назарбаксы стали стремительно обесцениваться, в результате чего она за два дня стала миллионером. Как, спросит наивный читатель. А вот как: колбаса через неделю после инфляции стала стоить тысячу рублей за килограмм. Но и рулон плотной бумаги, в которую эту колбасу Калима завёртывала, стоил тоже тысячу. Так что, продав всю колбасу за два дня, никого не обвешивая и не обманывая, а всего лишь заворачивая колбасные палки в плотную обёртку, она получила заветный миллион, который, правда, через какое-то время превратился всего лишь в тысячу назарбаксов. Но и это были хорошие деньги по тем временам, если учесть, что, например, буханка хлеба, которая раньше стоила 16 копеек, теперь стоила тоже 16 – но каких-то выкопанных историками из глубин веков тиынов, то есть сотых долей назарбакса, таких же нелепых, как полностью обесценившиеся российские копейки.

Я нисколько не злословлю,
говоря про этот сброд:
хорошо живёт торговля,
если покупатель прёт!

Глава 89. СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ

Серёжа, задорно хохоча, поставил сумку на покерный столик и пожелал рассказать присутствующим о причине своего смеха. Но, так как слов в его словарном запасе было совсем немного, он только успел вымолвить что-то подобное:

– Она ей говорит… а та ей сказала… а эта ещё раз… и чуть не подрались!

При этом у рассказчика была такая таинственная рожа, словно на территории Бермудского Учпучмака приземлилась летающая тарелка с марсианским флагом на борту, а встретить братьев по *маразуму* было некому. Здесь автор принял решение самому́ рассказать эту короткую историю – только для того, чтобы и далее не ком-

прометировать одного из своих главных героев, да ещё по старой авторской привычке доводить каждую главу до логического конца. Итак, история:

«– Что вы мне гнилую картошку подсовываете? – горячилась немолодая саксаулка у прилавка, вертя и отпихивая пакетик с овощем.

– Не нравится – выбирайте сами! – по-советски пресекла попытку саботажа продавщица и повернулась к следующему покупателю.

– Специально гнилые фасуете! – не унималась обиженная. – Стои́т тут вся в золоте, на наши денежки!

– А с вашей фигурой лучше вообще на диете посидеть! – парировала продавщица и улыбнулась своему ответу с тем беглым отработанным хамством, к которому трудно придраться, и оттого оно особенно бесит. Покупательница швырнула пакет на прилавок и, вдруг развернувшись, как линкор на малом ходу, бросилась к выходу. Пока ошеломлённая продавщица пробиралась сквозь завалы пустой тары, чуть не сбив с ног Полтавцева, той и след простыл.

– А тебе чего тут надо? – заорала она на Серёжу. – Взял и катись!»

– Вот такая страшная история приключилась! – произнёс охранник и начал выставлять на покерный столик бутылочки, к которым тут же потянулись жадные руки компании. Афанасьичу поверили сразу, так как знали воочию, что по уровню обслуживания описываемый магазин был похож на сельмаг с хамским советским (б) названием «Товары первой необходимости»

Не понять сие французу,
даже если пить на спор:
хамство родом из Союза
бродит рядом до сих пор…

Правда, сторож рассказал не всё, что за него и делает автор. Так вот, взял и катись, было сказано в сторону нашего героя. Но Серёжа был не таков – он хмуро посмотрел на саксаульскую продавщицу, одетую в грязноватый медицинский халат и, видимо, образ спецодежды пробудил в нём какие-то воспоминания. Быстро достав из кармана записную книжку «Для му.мы.» и, тужась как на унитазе, Афанасьич прочитал, глядя в глаза работнику прилавка:

– Паракало, на мэ созис, о антропэ мэ та аспра руха![79]

[79] ***Пожалуйста, спаси меня, человек в белых одеждах – гр.***

Продавщица попятилась от охранника, словно увидела привидение, а затем вообще отступила в подсобку, бормоча что-то вроде:

– Иностранец, что ли, а одет, как наш бомж…

Полтавцев захлопнул книжечку и благодарно подумал о Володе, который продиктовал ему эту великую фразу, заставляющую прятаться от него людей.

Глава 90. РЕАНИМАЦИЯ

На сдачу Афанасьич приобрёл красивый лотерейный билетик национальной саксаульской лотереи и сейчас торжественно крутил его в руках.

– Вот тут маленькими буковками написано, – в упоении бормотал он, – что можно выиграть автомобиль. Хорошо бы иностранную марку!

– Серёжа, – остудил его пыл Володя, – выиграть по лотерейному билету автомобиль – это то же самое, что выиграть по железнодорожному билету поезд.

И только после этих слов сторож вспомнил, что давно уже не любит лотерейщиков, считая их всех обманщиками. А произошло это потому, что в его жизни давным-давно, ещё при социализме (б), был весьма печальный опыт, когда он однажды не то что бы опоздал на работу, а вообще не пошел на неё. Короче, дело было так. По дороге на ОХБК ему встретились парень с девушкой, предложившие сыграть текстильщику в моментальную лотерею. Полтавцев в тот день был немного с похмелья, плюс природная дурь сыграла с ним тогда плохую шутку. Но здесь автор лучше процитирует его объяснительную по поводу прогула, сохранившуюся в архивах ОХБК:

«После того, как я купил у таинственных незнакомцев все билеты лотереи, и все они оказались выигрышными, я спросил, где я могу получить свои деньги, на что молодой человек ответил, что мои деньги лежат в центральном швейцарском банке. Тогда я сказал, что у меня нет заграничного паспорта, а есть только пропуск на ОХБК, на что девушка загадочной наружности ответила, что если на руках у человека имеются пропуск на ОХБК и выигрышные билеты лотереи, то ни виза, ни загранпаспорт, ни даже билет на самолёт не нужны. Тогда я поехал в аэропорт и спросил в кассе, как мне сесть в самолет, который отправляется в богатую Швейцарию. На что кассирша ответила, что мне лучше отправиться в дурдом…»

Сие известно миллионам,
что лотерея – зодиак:
ведь тот, кто верит лохотронам,
и есть законченный дурак!

Давно известно, что деление суток на часы и минуты по сути своей лишь одна из многих условностей, к которым прибегает человек, чтобы максимально упростить и отчасти рационализировать свою жизнь. Но существуют всё же часы, наделённые некой магией, окутанные мистическим ореолом, за каковым, скорее всего, не кроется ничего, кроме извечного пристрастия людей к ловле чёрных кошек, где бы они не появлялись. Именно таким часом был час первого похмелья для наших героев. И даже не час, а первые несколько минут, когда измученные ночными сухими бдениями организмы наконец-то принимали в себя живительную влагу. Эрудит Кулемзин знал, что древние латиняне называли *аквавитой*, или жизненной влагой, раствор спирта, которую в далёком 1864 году русский учёный Менделеев остроумно окрестил водкой. Но он-то знал точно, что аквавита – это именно пиво, потому что пиво это то, что русские пьют, – как печенье то, что пекут, или варенье то, что варят, и ласково называл пиво лекарством «Отпустин»

С похмелюги рассы́пался в пыль я,
и не вижу взошедшего дня:
перебиты, поломаны крылья,
нет в моторе былого огня…

И этот час, как и другие утренние часы наших героев, начался с поругания покерного столика, созданного совсем для других благородных целей. Подчиняясь святости момента, звонко защёлкали крышечки пивных бутылочек, своими острыми краями касаемые столика, и полетели в жухлую траву, навеки растворяясь в ней, дабы была хоть какая-то радость у археологов грядущего. Но археологам будущего явно не повезло, так как все крышечки были немедленно унесены *про запас* огромными красно-чёрными муравьями свирепого вида. В двух метрах от покерного столика взгляд обнаруживал и сам муравейник – небольшую коническую кучку, на поверхности которой не затихало лёгкое хаотическое движение. Невнятное предчувствие

праздника на глазах превращалось в твёрдую уверенность. Серёжа, подняв свою бутылочку, оглядел её на просвет и многозначительно промолвил:

– Мать честна́я, вот смотрю я на эту бутылочку и думаю… А не смотрю – не думаю!

Писатель завистливо покосился на Афанасьича – ему в самых смелых мечтах не снились такие извивы философской мысли. Он сделал первый глото́к реанимационного напитка и улыбнулся, как бы призывая не грустить, даже если Земля начнёт вращаться в другую сторону. После этого Альбионыч наконец почувствовал себя свежим и бодрым, как покойник недельной *давности.*

Не будем же лукавы
и проживём без врак:
Великая Халява –
основа наших благ!

– Кто же не знает, что такое похмелье? – риторически спросил Володя. И сам же ответил:

– Я вот, например, знаю одного неплохого поэта, кстати, любителя выпить, который самые талантливые свои произведения написал как раз в состоянии похмелья, хотя и весьма, замечу я вам, неровным почерком. А лучшее продемонстрирую сейчас, как яркий образец духа к борьбе и воли к жизни:

Я парень тихий и приличный,
но если мне в седьмом часу
не поднесут стакан *столичной*,
я всё тут на́ хрен разнесу!

К пиву Серёжа стеснительно выложил на покерный столик яркий пакетик поломанных чипсов, умыкнутый накануне из охраняемого им магазина.

– Кстати, – произнёс Володя, – а знаете, кто первые чипсы придумал?

– Кто? – поинтересовался охранник, после чего сразу же вытащил знаменитую книжечку «Для му.мы. Том 2» Её он завёл совсем недавно, когда кончилась первая, подаренная ему Володей несколько месяцев назад.

– Да белорусские партизаны, – свободно ответил писатель с необузданной фантазией марсианина, – когда они, за отсутствием взрывчатки, клали на рельсы под фашистские поезда картошку.

– Ну надо же! – поразился Афанасьич. – А я-то, дурак, всю жизнь думал, что украинские!

Первый глото́к Серёжа решил предварить старым ритуалом постукивания рыбы об столик, но не обнаружил её, хотя и обшарил все свои карманы.

– Серёжа, ты сразу не глотай, держи пиво во рту хотя бы минуту, – посоветовал писатель.

– Зачем? – удивился охранник.

– Да вот именно затем, – отозвался советчик. – Тогда хотя бы на эти 60 секунд в твоей голове хоть что-то прибавится…

Несколько мгновений стояла тишина, нарушаемая только сладостными стонами, причмокиваниями и прихлюпываниями игроков. Казалось, что первые глотки́ из бутылочек попада́ли прямо в вену каждого из страдальцев, отправляясь в деловую поездку по организму. Мозги встряхивались, как осевшая на дно микстура, которую надо немедленно употребить для недопущения летального исхода. Мысли разбегались в разные стороны, словно тараканы от дихлофоса. Только сейчас в организмы

наших героев, уставшие и опустошённые, на́чала просачиваться жизнь и понимание того, что не всё ещё кончено.

Всех излечит, похмелит
добрый доктор Айболит!

– Часто ли вы, ребята, бываете в барселонском морском порту в разгар лета? – неожиданно спросил Володя. И, видя общее обалдение от вопроса, сам же на него и ответил:

– Нет, скорее всего, вы там никогда не были и никогда не будете!

– К чему ты это? – подозрительно осведомился Нуртай.

– Да ни к чему, – вздохнул писатель. – Просто «Тянь-Шань» навеял…

Глава 91. РЕАНИМАЦИЯ (окончание)

Кулемзин чувствовал себя значительно лучше собутыльников, так как накануне не употреблял ничего крепче «Тянь-Шаня» – напитка не слишком алкогольного и благородного. Поэтому после первой бутылочки он размягчённо признался, что только покер, да еще, пожалуй, «Тянь-Шань» как-то примиряют его с перпендикулярно протекающей жизнью. Сделав пару глотков, он, по старой писательской привычке замечать всё, принялся разглядывать реанимирующихся. Поглядев на Талгата, Альбионыч отметил его лицо Сизифа, оглушённого своим камнем, жадные баклажанные губы, обнявшие пивное горлышко, красные от натуги бессмысленные глаза – и тут же переиначил старую песню Виктора Цоя:

«Я не видел страшней татар,
чем татары цвета хаки!»

Рёбра болели, как ушибленные, но музыкант всё же был доволен – ведь не надо было умирать, и потому радость возвращения к жизни перевешивала все другие ощущения. Батыршин профессиональным жестом рассеянного горниста поднёс к губам бутылочку «Тянь-Шаня» и начал получать удовольствие. Он пил пиво, как-то неестественно далеко запрокинув голову, красное солнце било ему прямо в глаза, и от этого в его зрачках просто-таки полыхали маленькие и опасные сполохи. Выпив бутылочку до конца, прапорщик вытряс на мучнистый язык две светлые капли, и с размаху катнул пустой предмет в сторону от покерного столика. К бутылочке тут же кинулись сразу же два дворовых ребятёнка. С облегчением прапорщик откинулся назад, но не рассчитал амплитуду и ударился головой о карагач. Дерево встряхнуло, оно с облегчением отдало на головы игроков уже подсохшие соцветия и издало некий звук. Неудивительно, что именно от головы музыканта получилось почти каноническое церковное трезвучие: *фа-диез – си – ре-диез.* От неожиданного звука запотевшая бутылочка выскользнула из володиной руки и мягко ударилась о траву. «Был бы здесь асфальт», подумал Альбионыч, «непременно бы пришлось собирать осколки» Он ещё в юности думал о том, как плохо заботится государство о страждущих и похмеляющихся бутылочным пивом, и тогда же придумал, что когда-нибудь наступит то благословенное время, когда люди поймут, как неудобно держать в руках влажную бутылочку пива, и начнут делать их треугольными! Затем Володя споро открыл вторую бутылочку, отхлебнул глоточек и произнёс:

– Яйчики-бабайчики, не зря некий Христос говорил своим ученикам: «Пейте, чуваки, кровь мою», ибо под этим явно подразумевал «Тянь-Шань»!

– А чуваки, надо полагать, это апостолы? – ехидно поинтересовался педагог.

– Скорее, он это первым христианам говорил, – сымпровизировал писатель. – Талгат, может, ещё бутылочку?

– Йена японская, а если умру? – серьёзно спросил прапорщик.

– Это-то как раз не страшно, – успокоил его Володя. – Во-первых, жизнь за родину отдашь, во-вторых, сколько уже можно маяться.

– Ты думаешь? Ну, ладно, только ради здоровья…

– Вот видишь, уже и интерес проснулся, а интерес к собственной жизни – это первый признак выздоровления!

В нашей жизни, как в шараде,
радость мы всегда найдём:
своего здоровья ради
мы ещё не раз кирнём!

– Какой-то странный привкус у этого пива, – попытался провести сравнительный анализ педагог. – Вроде бы как всегда, и в то же время как-то особенно приятный…

– Да это просто привкус халявы, – честно ответил ему Кулемзин. Педагог тут же решил сменить тему, переведя стре́лки, как обычно, на Афанасьича.

– Серёжа, – хитро прищурившись, вдруг заговорил он, – а вот тебе не обидно, что именно тебя Володя всегда посылает за пивом?

– Каждый должен твёрдо знать своё место, – ответил охранник. – А путаница ролевых установок только нарушает социальную гармонию!

– Правильно, старичок, – поддержал его писатель. – В распределении ролей у нас соблюдена полная гармония. Для чего нужно время? Чтобы превращать его в деньги. А для чего нужны деньги? Чтобы экономить время и превращать необходимость в удовольствие. Правильно?

– Мать моя партия, – кисло отозвался Курманбаев, который так ничего и не понял. Впрочем, понял он одно: его в очередной раз выставили законченным дураком, причём, очень обидно.

– Ну как, Серёжа? – после первых бутылочек поинтересовался Альбионыч.

– Мать честна́я, да, кажется, воскрес. Как Лазер!

Была одна странность в этом утреннем реанимировании, и если бы автор своими глазами не видел этой картины, то никогда бы не поверил написанному далее. Именно первая бутылочка реанимационного напитка вела себя очень странно: помогая, она как бы одновременно угнетала организм, словно давала ещё раз вспомнить вчерашнее, ещё раз предупредить, что, мол, ребята, завязывайте с черноплодными напитками, а то ведь придёт та пора, что некого будет и спасать.

Это в нашем генотипе
пишут красной полосой:
если вовремя не выпить,
смерть придёт с большой косой!

Постепенно приходил в себя и Серёжа. Раньше он воспринимал свою голову как нечто цельное, как пушечное ядро, водружённое на плечи. Теперь же он точно знал, что череп состоит из кусочков, с сомнительной степенью надёжности соединённых друг с другом, словно наспех склеенная разбитая керамическая ваза. Особенно вычленялись из общей конструкции затылочная часть и темечко – они слабо и скучно ныли, как капризные детишки, которые точно знали, что мороженое не получат, но всё равно продолжали донимать своих скуповатых родителей. Обобщая кар-

тину, можно было отметить, что голова гудела, как Генсек-колокол, а руки и ноги не чувствовались вообще, как у головы профессора Доуэля. Полтавцев наконец выпил предложенную пайку и блаженно заулыбался, словно дворняга, случайно отыскавшая в кустах давно утерянный любимый мячик из какого-то китайского дерьма.

Не лучше себя чувствовал и педагог Курманбаев – ему давило на мозг, глаза и уши, как у подводника при запредельном погружении. С принятием первых глотков в затылке начался концерт по заявкам – с колоколами и фейерверками. Поэтому питьё до конца он продолжал, энергично зеленея лицом. Он чувствовал себя, как капустный лист, который хорошенько вымочили в кипятке, готовя к карьере голубца. Голова была как гироскоп, где мысли болтались как-то отдельно от ставших ненужными мозгов. Сердце скакало по всей грудной клетке, вслепую тычась в поисках выхода и не находя его. Володя же смотрел на Нуртая так, будто был заранее уверен, что меньше десяти лет ему не дадут.

Но – всё проходит в этом бренном мире. Наконец, в головах потеплело. Наступило то благословенное время, когда хочется обнять своего собеседника, со всей силы прижать его голову к своей щетинистой физиономии и сказать: «Ничего, братуха, прорвёмся!» Прошло и чувство угнетённости, приходящее по утрам вместе с похмельем и горькими мыслями о бессмысленности существования. Мгла рассеялась, и ясность начала позванивать под каждым теменем, как в куполе игрушечного храма.

Я от счастья тих и нем,
как коза в вольере:
помогает пиво всем,
кто в напиток верит!

– Может, уже к игре приступим? – предложил гуру.

– А, может, ещё по одной? – робко откликнулись все хором.

– Нет, нет, пора расчехлять знамёна! – настаивал на своём писатель. Он знал, что если компания не согласится, то в следующие два часа она вновь останется без напитков, и вовсю пользовался своим личным служебным положением. Знали об этом и сопокерники, вынужденные согласиться с тираном.

– Может, одну *разминочную*? Без записи? – вдруг предложил Полтавцев.

– Зачем? – удивился Володя. – Надо просто быть готовым к игре всегда. Мы же не тренируемся перед едой? Так зачем же бегать перед бéгом? Но это всё – лирика. Как говорил Гагарин, погнали!

После чего писатель достал из кармана рубашки новую колоду карт. Она была чиста, как слеза коммуниста. Альбионыч открыл покерную *раскладку* и приготовился записывать в ней *расклады.* Самодельная книжица была отпечатана на довольно толстой сероватой бумаге и издалека была похожа на карту, которую помещают на фóрзац детских книжек типа «Острова сокровищ»

Глава 92. НАЧАЛО ИГРЫ

За год напряжённых боев за покерным столиком между новыми знакомыми образовалась незримая, но явственная общность – сродни той, которая возникает при длительной позиционной войне между окопными командирами противостоящих подразделений. Обмениваясь пулемётными очередями, допрашивая пленных, перехватывая друг у друга клочок нейтральной территории, они через некоторое время (судя по воспоминаниям участников настоящей войны) начинают *чувствовать* противника и уважать его.

Сапогами, утюгами,
попивая ярый квас,
мы сражаемся с врагами,
а они колотят нас!

«Наверное, есть у человечества какой-то неписаный суровый закон, ещё не открытый социологами и психологами, рассказывающий о совершенно разных людях, которые, соединяясь в некое сообщество, становятся другими, и с ними происходят самые таинственные и зловещие превращения» Не будучи учёным, Кулемзин всё-таки был писателем, а, значит, мнил себя знатоком людским, и потому думал на такие сложные темы. «Скорее всего, происходит следующее», продолжил он думу, «когда возникает сообщество, группа, то каждый отдельный человек извлекает из себя, из своего характера, из своего внутреннего мира, в котором есть не только кишки, но даже некоторые идеи, именно то, чего всей группе недостаёт, то, что ей требуется для жизни. И в результате возникает совершенно непредсказуемый организм, который начинает жить не по общечеловеческим законам, а по тем, что создал сам…»

Мысленно оглядывая сложившийся покерный коллектив, Володя вспомнил старый советский анекдот об американской компартии: о том, что единственным коммунистом в Америке был Гэсс Холл[80], а остальные партийцы являлись внедренными агентами ФБР.

Партбилет как козырь червы,
как балдоха[81] поутру:
коммунист всегда был первым –
в Уругвае и в Перу!

[80] В 70-80-е годы – первый секретарь компартии США – прим. полит. редактора
[81] Так русские зэки ласково называют своего лучшего друга – солнышко – прим. автора

В это утро покер был прекрасен в своей своевременности. Всё было замечательно в этот летний денёк, и только отравленный выхлопными газами воздух напоминал нашим игрокам, что их покерный столик находится всего в семидесяти метрах от улицы Жубанова. На ветру, будоражившем пространство Бермудского Учпучмака, весело полоскалось разноцветное бельё, в том числе и исподнее, по старой советской (б) привычке беззастенчиво отданное на поругание чужим нескромным взорам. Вид сверху на покерный столик с сидящими за ним игроками напоминал магнит с приклеенными к нему железными гвóздиками. Короче, среди этого пейзажа игралось особенно хорошо и весело. Но – в отставку посторонние мысли, читатель ждёт продолжения! И он его получит.

В начале каждого игрового дня Кулемзин неизменно поздравлял сопокерников с каким-нибудь праздником, случившимся именно сегодня, но много лет тому назад. Вот и сегодня он торжественно возвестил:

– С праздником, архаровцы!

Афанасьич тут же радостно перекрестился.

– С каким это? – сварливо осведомился педагог.

– Именно сегодня, – ответил писатель, – но в далёком 1967 году председатель колхоза «Путь Ильича» Трофим Васильевич Интернационалов провёл оперативную летучку, используя при этом всего четыре русских слова!

Курманбаев поморщился, но не решился на явное противопоставление. «В игре ущучу», решил он. «Вот там уж я своё доберу!»

– Как всё-таки хорошо жить на свете, – решил перед началом игры подбодрить сопокерников Володя, – когда тебя окружают добрые, нравственные, отзывчивые люди! Осталось только пробиться через это окружение!

Пока произносилась эта фраза, охранник тайком, на ощупь под столом открыл пару бутылочек «Тянь-Шаня», и там же, под столом, передал одну из них прапорщику. Причём, собутыльники по старой привычке не смогли сохранить в тайне это действо и чокнулись бутылочками. Звук на удивление получился сильным и содержательным: не было в нём ни легкомысленного перезвона хрустальных фужеров, ни многозначительного и пустоватого стука шампанского, ни мелочного дребезжания рюмок – обычно маленьких и спесивых.

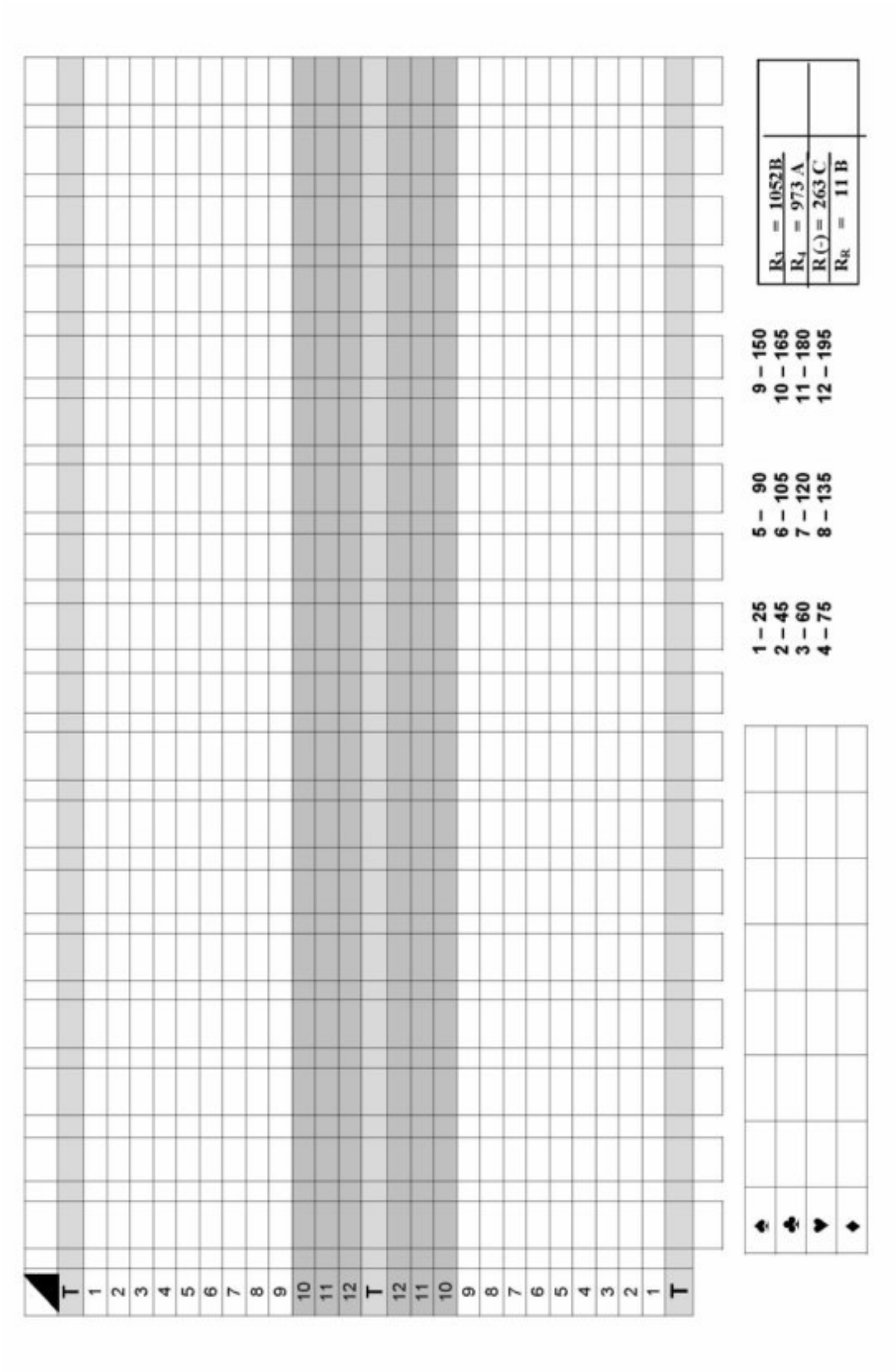
– Кто с утра играет в карты,
тот ночами плохо спит –
он боится, но не кары,
а того, что захрапит! –

возвестил начало самой первой партии гуру. Володя тщательно разгладил *раскладку* (специально для нашего любознательного читателя автор приводит её чуть ниже), вписал в верхние квадратики таинственные буквы К, П, Б и $К^{п}$, причём, если первая К знаменовала самого гуру, то последняя – К в степени п – была обозначением педагога Курманбаева. Первая и последняя строки *раскладки,* а также несколько строк в середине были темнее, чем остальные, и означали: верхняя, нижняя и самая средняя – именно *тёмные*, или сдачи, когда игроки, не видя пришедших карт, должны заказать количество взяток, которые они якобы выиграют в этой сдаче. Это правило всегда порождало массу весёлых происшествий в игре и служило основанием для бесчисленных подшучиваний друг над другом. Срединные же тёмные строки должны были настраивать игроков на самый серьёзный лад, ибо в этом случае сдавалось по 10, 11 или 12 карт, что означало прекрасную возможность взять сразу четыре, а то и пять взяток, и тем значительно поправить своё пошатнувшееся в первой половине игры положение.

Обращу внимание читателя и на правый нижний угол раскладки, где каждому заказу соответствовало количество очков, которое можно было в случае успеха заработать рискнувшему игроку. В процессе игры заказы ограничивались пятью взятками, то есть можно было заработать сразу 90 очков, и, казалось бы, зачем было продолжать этот счастливый список до 12 взяток и фантастической суммы в 195 очков! Но – такая ситуация возникала только в одном случае – на средней *тёмной*.

Безумец, рискнувший заказать десять и более взяток, и выигравший их, значительно опережал своих противников, которым приходилось прилагать немало стараний для того, чтобы сначала догнать вырвавшегося, а потом и перегнать, закончив партию в свою пользу. Добавляло интриги здесь и то, как уже было сказано, заявки приходилось делать втёмную. И вот тут вступал в игру фактор везения, как один из самых необходимых при игре в карты, да, впрочем, и практически в любой игре.

Невезуха (каждый знает!) –
это бомба на мосту,
где от плюса отнимают
поперечную черту!
Но судьба играет глухо –
по затылку кочергой:
там везуха – просто пруха,
только знак совсем другой!

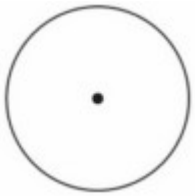


Глава 93. ШПАЛА И ЖОПА

Был и ещё один забавный элемент везения в этой замечательной игре – но только наполовину, потому что игрок, обязанный следить за ходом своих достижений, частенько в пылу сражений этого не делал, и порой в его игровой жизни возникали две неприятные ситуации, где Случай играл роль половинную – это *шпала* и *жопа*. *Шпала* возникала тогда, когда после последней *тёмной* итоговой цифрой достижений игрока было минусовое значение. Так, у Серёжи Полтавцева перед послед-

ней *тёмной* частенько набиралось всего 70-80 очков, а суровые правила гласили, что на тёмной и выигрыши, и проигрыши удваивались. Заказав, например, три взятки, он мог бы выиграть аж 120 очков и остаться, как говорят снукеристы, в туре, но, проиграв их, оказывался в минусе – вот тогда и возникало понятие *шпалы*, которую Володя с удовольствием рисовал в последнем квадратике. А чтобы читатель видел воплощение этого страшного понятия, вот тебе мой рисунок:

В 1202 году итальянский купец Пизано ввёл понятие *отрицательное число*. Через 800 лет после него русский писатель Кулемзин дополнил его понятием *глубокий минус*. *Жопой* же был следующий эксцесс: в процессе игры иногда возникала такая ситуация, что игрок набирал, например, 60 очков, а после этого, заказав три взятки, проигрывал их все, то есть те самые 60 очков. Вот тогда вместо нуля, который, как известно всем математикам во Вселенной, является не более чем пустой цифрой, Володя ставил в квадратике проигравшего круг с точкой посередине – вот такой:



Почему это называлось *жопой*, все знали, но тактично молчали, хотя с удовольствием и хором кричали это меткое словцо в лицо проигравшему. К тому же, до конца игры всем счастливцам дозволялось при каждом ходе зажимать носы и кривляться в сторону получившего почётный знак.

Если в тыкве мозга мало –
получи, дружочек, *шпалу*!
Вместо мозга три прихлопа –
получи, дружочек, *жопу*!

Так что, как видит вдумчивый читатель, *русская кочерга* была не только умной и напряжённой игрой, но ещё и весёлой, поэтому все сражения проходили, как правило, незлобиво, открыто и доброжелательно, чему немало способствовал один из главных объединяющих факторов – пиво «Тянь-Шань»

Глава 94. ДВОРОВЫЕ ДЕТИ И Ж.П.

Итак, мы оставили нашего героя Кулемзина в тот момент, когда он тщательно разгладил *раскладку*. И только было взялся за ручку, чтобы расставить в верхних квадратиках первые буквы славных имён, как не только ручка, но и весь покерный столик, да и вся земля в округе содрогнулась. Вы думаете, что это было банальное землетрясение, кое иногда проявлялось в Отцеябловске? Не угадали – это было появление на месте будущего сражения дворовых детей. Числом их было… сколько же… скорее всего, несосчитаемо – по причине несидения на одном месте, а постоянного кручения и верчения вокруг покерного столика. Бороться с этим явлением было бессмысленно, так как Бермудский Учпучмак на карте второго микрорайона вполне официально значился как детская площадка дома № 17. Поэтому игроки здесь были как бы незаконными гостями, а дворовые дети – легитимными хозяевами.

Как вместо тире захудалый дефис,
подсунули жизни валюту:
«Всё лучшее – детям!» – порочный девиз,
который забыть не дают нам…

Володя часто благодарил Суку-судьбу за то, что такая простая мысль никогда не приходила в голову местной активистке из шестой квартиры его дома Жанне Пантелеевне. Была она на ответственной общественной работе – старшая по дому – и своими полными щёками, блестящими выпуклыми глазами и по-английски волевым подбородком была похожа на Алису в Стране чудес в тот момент, когда та вдруг увеличилась из девочки в несколько раз. Глядя на общественницу, Кулемзин думал о том, что ничто так не красит женщину, как перекись водорода. Но это были, конечно, частности. Если же описывать её более общо, то была она женщиной не определяемого без проверки документов возраста с бледным и злым лицом.

Жанна Пантелеевна выглядела дамой весьма неспокойной, с ежемесячным посещением в её стриженую голову неких мыслей, которые, по её мнению, могли бы улучшить быт жильцов. За те четыре года, что Володя провёл в своём новом жилище, он уже раз пятьдесят расписывался в каких-то невнятных письмах, которые составляла неутомимая общественница. Она то предлагала выселить из дома Галлюцинацию – соседку писателя, то официально заставить дворничиху Надю собирать окурки, которые оставляли местные подростки, по ночам – для того, чтобы к утру вокруг подъездов было чисто, то навесить на дом какие-то маленькие флагштоки, чтобы по праздникам вставлять в них маленькие же флажки Саксаулии – для поддержания духа патриотизма на вверенной ей территории. Кстати, последняя инициатива неутомимой общественницы захлебнулась именно из-за того, что великий придумщик Кулемзин обозвал эти мини-флагштоки весьма неприлично, и тем самым снизил общественный градус задуманного – *флагалище*.

Жанна Пантелеевна относилась к Володе сначала хорошо, так как много лет была разведена, но после того, как увидела, что в их совместный подъезд стали частенько заходить местные красотки – помоложе её, да и нравом не такие *кобенистые*, писателя невзлюбила и общалась с ним только на общественном уровне. Тогда, недолго думая, Кулемзин стал звать активистку гораздо короче – Ж.П.

Это вовсе не бравада,
в эту мысль быстрей вникай:
активистов нам не надо –
нам весёлых подавай!

Потом Ж.П. невзлюбила писателя повторно – на этот раз из-за своего пса Бори, существа неизвестной породы, но чрезвычайно симпатичного и незлобивого. Первый раз увидев Кулемзина, Боря тут же подбежал к нему, виляя хвостом, и лизнул руку, что, как известно, на собачьем языке означает большую радость от встречи.

– Какой милый тетрапод! – воскликнул Володя, погладив Борю по голове.

– Сам ты… такой, – обиделась старшая по дому, тут же уведя тянущуюся к писателю собаку. А обижаться-то было не на что: ведь непонятное слово для необразованной женщины всего-навсего означало по-гречески «четырёхногий»

А у нас во дворе
есть собачка одна,
в подметённый газон
любит гадить она!

Я гляжу ей вслед,
ничего в ней нет,
ничего в ней нет –
рядом всё лежит…
Ча-ча-ча!

Глава 95. ДВОРОВЫЕ ДЕТИ БЕЗ Ж. П.

Володя поначалу старался, но потом понял, что ли́ца дворовых детей, как он ни тщился, не представлялось возможным не то что идентифицировать, но даже и вообще разглядеть, потому что они были слишком ярко прорисованы необыкновенно сочными, пылающими от беготни красками, какими в последнее время художники подмалёвывают самодельные матрёшки для продажи иностранцам. Стук их подмёток и мелькание разноцветных одежд вызывали в писателе глухое раздражение своей этнографической прямолинейностью. Каждый день общения с этими маленькими монстрами приносил новые впечатления. То они метались между редкими деревьями и сушильными столбами, как бабки-торговки пирожками, спасающиеся от наряда милиции, то в ближайших кустах увлечённо осваивали профессию огненных листьегубов, то орали, как фанаты на концерте «Black Sabbath», то, сильно стараясь, сами ставили под сомнение силу голоса непревзойдённого Робертино Орландовича Лоретти. Они бесились, как чертенята-инфантилы, расплющивая ногами пространство Бермудского Учпучмака, и наглядно опровергая учение о шарообразности планеты, при этом визжа так, что всё это напоминало акустическое оформление стоматологической клиники для шизофреников.Всё вместе это чрезвычайно напоминало набег *луддитов*, громивших станки и машины в Англии на заре научно-технической революции – в конце XVIII века. Для Володи самым удивительным в движениях дворовых детей при игре была координация движений конечностей, и он, глядя на них, частенько задумывался: каждая ли пара ног имеет свой собственный, автономный ганглий[82]? И лишь изредка дворовых детей становилось не слышно, да и то только потому, что их визг переходил в ультразвук, на что довольно нервно реагировали дворовые собаки.

[82] Нервный узел – прим. мед. редактора

Вот и сегодня дворовые дети с самого утра забе́гали по периметру Бермудского Учпучмака, напоминая о времени.

– Кыш, пернатые! – попытался отогнать их Володя, и это вдруг удалось, но не потому, что бегуны испугались грозного окрика, а потому, что перед магазинчиком Калимы появился автомобиль с трудом вспоминаемой советской (б) конструкции. Маленькими брумелями перемахнув через низкий заборчик Учпучмака, дворовые дети облепили машину и стали кричать ещё громче, выражая восторг по поводу неведомого чудища. К этому автомобилю омуртая, уже знакомому читателю, автор ещё вернётся, а пока – назад к своим главным героям!

Очень нравятся мне дети,
только если не мои –
прячусь я от них в клозете,
запивая визг аи[83]!
Правда, тухлое решенье –
пить в сортире сам на сам,
ведь от визга нет спасенья
ни Земле, ни полюсам…

[83] *Знаменитый сорт французского шампанского, воспетый в начале XX века русским поэ-том Александром Блоком в своём стихе «В ресторане» – прим. лит. редактора*

Глава 96. ALIQUI

Назад? К своим главным героям? А вот и нет – опять обманул читателя автор, правда, ненамеренно, а только потому, что в поле его зрения, а, проще говоря, на пространстве Бермудского Учпучмака появились новые лица. Можно было бы, конечно, и не рассказывать об этих персонажах, если бы не два обстоятельства: первое – это то, что слишком колоритные фигуры забрели в наше правдивое повествование, и второе – то, что эти фигуры весь световой день, как и наши герои, проводили вблизи упомянутого Великого Треугольника. Это были бомжи или, как изысканно по-французски называл их Кулемзин, саксаульские клошары[84]. Было их двое, и были они неразлучны, как Холмс и Ватсон, как Пат и Паташон, как Брежнев и его ордена. Одного звали Танкист, другого – Одиссей, правда, Володя, который знал их уже не первый год и даже кивал при встрече, всё-таки опасаясь подавать руку, называл бомжей почему-то по-латински: *aliqui*, то есть *некие лица,* или алики – по вербальной кальке всё с той же латыни.

[84] *Бродяги – фр.*

Как все бомжи, эта парочка любила спиртное, и даже добывала его почти ежедневно, хотя оба и не работали последние двадцать лет. Даже писатель с его знанием людей и то затруднялся определять возраст этих существ. И Одиссей, и Танкист были похожи, как братья-близнецы: их ли́ца рассекали глубокие щели кожных складок, забитые грязью, но морщинистыми они были не как благочинные старцы, а словно рептилии перед очередной линькой.

Познакомился Альбионыч с ними вот как. Однажды, выйдя из дома за пивком, он заметил возле магазинчика Калимы одинокую фигуру, одетую как бомж. Подойдя к фигуре поближе, Володя увидел на груди фигуры художественно выполненную табличку, причём, что характерно, без ошибок:

Работать лень,
воровать страшно.
Помогите на пиво!

Табличку Кулемзин оценил на пять баллов – за оригинальность, и тут же ссудил бомжу на бутылочку «Тянь-Шаня». В основном, бомжи жили тихо и молчаливо – как птицы, безропотно довольствующиеся лишь мелкими крохами со стола жизни. Пролетев однажды, им досталось до конца жизни хлебать из помойной плошки Суки-судьбы, сколько она сочтёт нужным им отмерить. Иногда в сумерках они становились так похожи друг на друга, что Танкиста от Одиссея можно было отличить только по седой бороде a la аятолла Хомейни.

Наша дружная бригада
может хоть кого загнуть!
Нам, бомжарам, только надо
выпить и пожрать чуть-чуть…

А теперь – отдельно о каждом. Тем самым *неким лицом*, с которым познакомился Альбионыч, был Танкист. Он, в отличие от других бродяг, коих немало шата-

лось по второму микрорайону, деньги не воровал, а зарабатывал честным трудом, то есть стоял возле магазинчика Калимы и попеременно делал два дела. Делом первым были песни тюремного репертуара, которые он знал во множестве, а вторым была посильная помощь местным женщинам в переноске закупаемых товаров до подъезда. Женщины знали, что этот рикша был на удивление честен и никогда не сбега́л с товаром. И за то, и за другое дело бомж получал несколько назарбаксов благодарности, которых к концу дня хватало на бутылочку пива и нехитрую закусь. Володя, например, на второй день знакомства с Танкистом был очарован вот такой песней в его исполнении:

Северной ночью не дремлет конвой,
звёзды блестят иконами
над полосой между жилой
и производственной зонами…

Пел бомж по-русски – разевая щербатый рот во всю ширь, и как-то по-особенному вызывающе, словно кому-то что-то хотел доказать или отстоять свои незыблемые принципы. «Искусство победившего пролетариата», тепло подумал Кулемзин, и по привычке отметил отличное стихосложение, правильные и красивые рифмы, а также берущий за душу смысл, после чего поговорил с исполнителем.

– Что-то ты плохо выглядишь, старик, – посетовал он, глядя на алика. – Яйчики-бабайчики, глаза красные, нос синий, уши серые. Не выспался?

– Да я-то пташка ранняя, – ответил бомж. – Как запоёт вертухай, как ударят по рельсе, так я и бегу в сортир.

«Наверное, с утра выпил», подумал писатель. «Уж больно образно, подлец, мыслит!»

– Ну что, сынок, на пиво не хватает?

– Всё по натуре обскажу, начальник, – ответил певец. Приятно одетый писатель тоже понравился бомжу, потому что в заключение разговора Володя прочитал ему знаменитый монолог Гамлета из одноимённого произведения, который Танкист не знал, хотя этот отрывок и был переведён на язык тюрем и лагерей:

– Жужжать иль не жужжать?
Вот, бля, в чём заморочка!
Не в падлу ль быть
отбуцканным судьбой?
Иль всё же сто́ит
дать ей оборотку?

И ещё несколько слов об одежде этого одиозного персонажа. Танкист, несмотря на паспорт бомжа, был, тем не менее, одет в костюм, который, впрочем, выглядел так, будто он сначала спал в нём, а потом валялся на траве, где незадолго до этого кто-то изрядно проблевался. На голове бомжа, словно иллюстрируя его прозвище, красовалась порванная солдатская панама, выдаваемая ещё с советских (б) времён в этом жарком регионе и без того раскалённой планеты. Зимой же на тыкве Танкиста сидела смахивающая на желудёвую *плюску* вязаная шапочка, какие сегодня не носит никто, кроме занозистых гарлемских негров. Во время дождя на его плечах появлялся неизвестно откуда возникший болгарский плащишко с гордым итальянским именем *болонья* – по советской цене *за не помню сколько.*

Особливо в межсезонье,
и в угоду кошелькам,
итальянская *болонья*
прикрывала русский срам…

Лицо персонажа было обветренным, щёки поросли грязной щетиной, потому что не брился он вот уже несколько лет, и на том месте, где у обычных людей был подбородок, у него курчавилась широкая грязно-рыжая борода, которая делала его похожим на извозчика с фотографии в книге Гиляровского «Москва и москвичи» Глаза Танкиста давно выцвели на солнце и потеряли вместе с цветом всякое выражение. Например, сегодня он выглядел ещё хуже похмельного прапорщика: под глазами его как набухли, так много лет и зафиксировались в этом положении какие-то сизые мешочки, нос и щёки были покрыты мелкой сеточкой капилляров, а прокуренные зубы напоминали пьяных балерин, пытающихся на новогодней ёлке исполнить танец маленьких лебедей. И, чтобы закончить портрет этого героя, остаётся только добавить, что, проведя долгие годы в местах, где удобства были крайне малы, что вообще вряд ли можно было говорить о каких-то удобствах, Танкист перенёс эти условия существования в свою жизнь на воле, где обходился столь малым, что, казалось, и поныне живёт он в суровом заточении. Удивительнее всего было то, что и зимой и летом одет он был одинаково тепло.

Расскажу я вам про это
поподробней и связней:
мне квартира – вся планета,
только нет прописки в ней!

Глава 97. ALIQUI (окончание)

Второго *алика*, как было уже сказано выше, звали Одиссей, но это было не настоящее его имя. Вначале он представлялся несколько странно – Антоныч, а странность заключалась в том, что у него чудом сохранился какой-то замусоленный документ с фотографией, где чёрным по голубому с разводами было написано, что зовут его Виталий Петрович. Антоныч, в отличие от Танкиста, не чурался побираться, и изредка ходил по микрорайону с художественно выполненной табличкой на груди со следующей пронзительной по содержанию надписью:

Люди женятся, еб…ся,
а мне не во что обуться!

Встретившись с Танкистом, он сразу узнал его, так как сидел с ним пару лет назад в Джамбулской колонии ЖД-158/2, а вот вышел на полгода раньше, и потом они, делившие одни нары, потерялись. При встрече выяснилось, что и документ на Петровича, и отчество на Антоныча – липа, а на самом деле его зовут совсем по-другому, но имени своего он стесняется. В колонии же никто ничего не спрашивал, так как он охотно отзывался на кличку Полярник.

Жизнь качается как амплитуда,
заставляя всё помнить во тьме:
друга я никогда не забуду,
если с ним подружился в тюрьме!

– Вообще-то по паспорту я Оюшминальд, – признался бомж. – Но этого вообще никто не может выговорить, даже я…

Володя читал, что в тридцатые годы прошлого века было модно давать советским (б) детям такие вычурные имена. Например, пресловутый Оюшминальд расшифровывался чрезвычайно просто: Отто Юльевич Шмидт на льдине. В пару к нему было и женское имя Лагшмивара, то есть лагерь Шмидта в Арктике.

– Оюшминальд? – сурово переспросил Танкист. – Будешь просто Одиссей!

Впервые увидев Одиссея, Володя подумал, что с таким лицом (харей? рылом?) не сто́ит долго думать над выбором профессии. Таким даже самые суровые приёмные комиссии приветливо раскрывают двери и предоставляют внеочередное право трудиться на почётном поприще нищенства и побирушничества. На руке у Одиссея летом была заметна густая *сюжетная* татуировка под общим названием «Вот что нас губит», где, кроме пресловутой русалки и бутылки водки, была изображена игральная карта – так любимая нашими героями семёрка пикей, или Его Величество Покер. На бомже была надета какая-то вполне живописная хламида, позволяющая разглядеть в нём не то Садко, не то Гомера, не то ещё какого-то прохвоста из истории. Стоять с ним рядом было опасно, ибо бомж издавал такой резкий и едкий «запах», что, будь он в космической ракете, то улетел бы ненамного от матушки-Земли, а наверняка бы вызвал коррозию алюминия и героически погиб, вписав ещё одну страницу в летопись покорения внеземного пространства.

Не совсем преувеличу,
коль скажу: здесь полный швах –
полстраны сидит на киче,
полстраны – в очередях!

Когда Володя рассказал об этом существе своим новым приятелям, Полтавцев, на смешки Курманбаева о том, что, мол, как историю, так и литературу знать бы не грех, страшно обиделся и возмущённо воскликнул:

– Да что же я, Одиссея вашего не знаю? Это же он шатался где-то лет двадцать, а потом приехал и спросил супругу: «Молилась ли ты на ночь, Пеньтелопа?»

Так что были оба *алика* разными, но казались на одно лицо: по утрам как баскетбольные мячи на витрине в «Спорттоварах», а по вечерам походили друг на друга, как известные советские бегуны братья Знаменские. Они шатались по второму микрорайону, удовлетворяя свои бродяжьи наклонности, и исполняли на радость самим себе живую музыку в стиле *блатное техно*:

– А над лагерем светит безрадостный вечер,
их ещё впереди девятьсот тридцать два…

Хотя основная их работа всё же была стоять ссутулившись, как советские (б) торшеры «Карелия» начала шестидесятых годов, возле магазинчика Калимы. Вот и сегодня возле этого печального заведения привычно маячил Одиссей, работавший заместителем главного бомжа микрорайона № 2 Танкиста. Подмигнув Володе, он поправил табличку на хилой груди, сообщающую о несчастьях, постигших его, и, увидев подходящую старушку, немедленно завопил:

– За тюремной кирпичной стеною
молодой арестант умирал.
Он, склонившись на грудь головою,
потихоньку молитву шептал…

Старушка дослушала жалостную песню бомжа, кинула ему в ладонь какую-то мелкую монетку и зашла в магазин за нехитрыми покупками. Когда же она вновь вышла из магазина, Одиссей сменил песенку, но не репертуар:

– Утром щёлкнет замóк, вертухай позовёт,
и тихонечко сквозь решётку:
«Магарыч с тебя, зэк, мол, амнистия ждёт, –
значит, надо ментам дать на водку!»

При слове *амнистия* лицо его надвое разделила улыбка – беззубая щель на чёрном обезьяньем лице. Остаётся только добавить, что бомжи эти ещё не раз мелькнут в нашем правдивом повествовании, хотя это всего лишь случайные то ли комические, то ли трагические персонажи, – вроде туповатых шекспировских могильщиков, нашедших череп Йорика. Ближе познакомившись с бытом этих странных людей, писатель непонятно обозвал их *апатридами*[85]. Слово было незнакомо покерному коллективу, но очень понравилось своей таинственностью и недосягаемостью смысла.

[85] Лица без гражданства – лат.

Глава 98. АТОНАЛЬНЫЕ ДИССОНАНСЫ

Ну, а теперь, как и обещал автор две главы тому – назад к своим главным героям! Итак, игровой день наконец-то начался – с приветствия Кулемзина:

– Вперёд, за линию флажков,
труба кричит: пора!
Квартет весёлых игроков
готов играть с утра!

Перед игрой Нуртаю по старой комсомольской привычке очень захотелось дать игрокам указания, руководствуясь соображениями, помноженными на его жизненный опыт. Но он знал, что подобные душевные стремления сопокерниками будут поняты неправильно, а в лице Володи ещё и осмеяны, и решил промолчать. Но натуру не обманешь! Не успел писатель огласить повестку дня (а собирался он сказать следующее: «Объявляю чемпионат «Saksaul Trophy» открытым!»), как нуртаевские слова, крепкие в своей несокрушимой верности, неожиданно сорвались с нечистого рта педагога:

– Ну что ж, товарищи, наши цели ясны, задачи определены. Мать моя партия, за работу, товарищи!

Пришлось пару минут ждать прапорщика, которого подобные лозунги всегда провоцировали на метание харча в кустах.

– Эх, пропала бутылочка! – глядя, как стонет в кустах военный, заметил Афанасьич. Перед началом игры Кулемзин положил руки на колоду и закрыл глаза. Карты едва ощутимо грели руки, слегка покалывая в ладонях, словно держал он их на гранёном стакане с тёплым чаем – в закусочной, где нет сидячих мест. Внезапно Полтавцев схватил колоду и начал лихорадочно её тасовать, иногда, как бы случайно, приподнимая вверх, чтобы увидеть последнюю карту. Для чего он это делал, охранник не знал, но чувствовал, что такое знание будет в игре не лишним. После чего Володя отобрал у него колоду и совершил ежедневный ритуал с целью определения, кто же первый будет сдавать сегодня, сдав каждому из присутствующих, и себе в том

числе, по одной карте: самая старшая карта предоставляла как бы право первого удара по мячу – как мэру Отцеябловска на открытии футбольного сезона. Удивительно, но у всех оказались дамы разных мастей, а у Кулемзина – пиковый король, что и определило дальнейший ход игры.

Каждый раз в колоде новой
карты те же – просто блеф:
у кого-то туз пиковый,
у кого-то дама треф!

Затем писатель взял в руки колоду, и память тут же подсказала его пальцам великую автоматику движений: карты замелькали в воздухе, точно ложась напротив игроков. Игра началась. Первой сдачей в первой партии была *тёмная* на одной карте. Обычно, сдав по одной карте, сдающий записывал заявки, и первый же обычно заказывал одну взятку, а остальные отпасовывались. На этот раз первым заявляющим был охранник. Серёжа, держа в руке единственную карту, долго рассматривал её и неожиданно заявил:

– Две!

– Старик, *тёмная* на одной, – напомнил ему Кулемзин. Полтавцев внимательнее пригляделся к карте, для верности потёр её между указательным и большим пальцами, словно бы намекая на какие-то деньги, и ещё раз уверенно произнёс:

– Две!

Записывающим был Володя, и спорить с игроком, отстаивающим своё мнение, он не стал, да и кто бы мог переспорить слишком уверенного в себе охранника!

– Яйчики-бабайчики, – только и произнёс он знаменитую марсианскую присказку. Остальные откровенно веселились. «Здравствуй, новая, неведомая жизнь!», подумал Полтавцев и сделал первый ход – бросил простую четвёрку, за ним сверху положили и остальные, причём, у Курманбаева нашлась козырная двойка, которая и побила все остальные. Володя с удовольствием записал: К – 10 очков (напомним, что *тёмная* игралась вдвойне), Б – 10, $К^{п}$ – 2 очка (перебор вместо паса) и П – минус 90. В это время Серёжа, который наконец закончил рассматривать пустую руку, заявил, что его обокрали, украли конкретно одну карту, которая была, как он помнит, хорошая, правда, не помнит, какая, и он даже знает, кто это сделал, причём, глядел он при этом на жуликоватого педагога. Делал это Полтавцев так убедительно, что, даже зная, что на этот раз Курманбаев ни при чём, всем стало жалко сторожа. Курманбаев же гордо вскинул подбородок и сложил руки на груди – с видом былинного Илюшки, только что врезавшего палицей по башке Соловья-раз-бойника.

Недоступно для поэта,
в этом мире кто главней:
Соловей-разбойник – это
повзрослевший воробей!

– Ты карту-то отдай, – не успокаивался Полтавцев. И тут педагога прорвало. Вначале он молча развёл руками, и этому жесту его, одновременно красноречивому и неопределённому, мог бы позавидовать профессиональный мим, зарабатывающий на жизнь переводом слов на язык телодвижений. Затем в ажитации он воздел руки к небесам, точно солнцепоклонник, молящий на закате дневное светило о том, чтобы завтра оно вновь согрело своими лучами землю. При этом выражение лица Мусаича было такое, словно его заставляли улыбаться, посадив голой задницей на муравьиную

кучу. Правда, увидев, что его телодвижения должного эффекта не вызвали, он тут же успокоился. Вскоре успокоился и охранник. Между тем игра продолжалась.

– Pass, – неожиданно по-английски объявил Серёжа, но, надо признать, этого никто не заметил. Постороннему наблюдателю, имеющему представление о *русской кочерге*, нетрудно было заметить, что стиль игры у сопокерников был разным: со стороны это походило на причудливую мелодию, построенную на *атональных диссонансах*, – инструменты с голосами, на первый взгляд несочетающимися, создавали совершенно неожиданную, ни на что не похожую гармонию. Была и ещё одна ассоциация, заставляющая вспомнить именно музыку: во время игры двое игроков – Кулемзин и Батыршин – постоянно что-то насвистывали: Талгат для того, чтобы присутствующие не забывали, что он великий музыкант, а Володя в знак протеста против глупой приметы о том, что можно, дескать, просвистеть не только деньги, но и удачу.

Алкоголем разогреты,
вспоминаем генотип:
верим в глупые приметы,
если сильно захотим…

Глава 99. ИБЛИС И ДРУГ ИБЛИСА

К середине партии стали определяться лидеры – Володя и Нуртай. Везло Курманбаеву сказочно, и писатель точно знал, что (или, вернее, кто) тому виной. Особым марсианским зрением он видел то, что не видели остальные: за спиной педагога, кривляясь и приплясывая, маячил *иблис*[86]. Он давно облюбовал Нуртая, как самого подлого из игроков, и по старой иблисовой привычке, помогал именно ему. Володя не раз замечал, как при раздачах некоторые карты словно бы исчезали из колоды – для того, чтобы материализоваться в руке педагога. Материалист Серёжа называл это просто – пруха или пёрка. «Мать честнáя, ну и прёт тебе, Нуртай!», завистливо говорил он, видя, как Курманбаев один за другим выкладывает пару, а то и тройку джокеров. «Да я просто хорошо играю», отчаянно грассируя от вранья, отвечал педагог. Сам сторож *иблиса*, конечно, не видел, но побаивался, потихоньку в него верил и называл его *бабайка*.

[86] См. прим. к главе 74 – прим. автора

Но, как всякий здравомыслящий, Кулемзин полагал, что дерзость, безрассудство и нахальство – это совсем не одно и то же, и, когда игроки пытались подменить одно из этих понятий другим, непременно старался объяснить напарникам, в чём их ошибка. Если бы он прямо заявил, что Нуртай жульничает, то это было бы неправдой, так как Курманбаев и сам, будучи не снабжённым марсианским зрением, не видел *иблиса*, и искренне полагал, что изучил игру лучше гуру.

Знает автор эпикриз,
словом этим горд:
помогает тем иблис,
кто и сам как чёрт!

В отличие от окрылённых эфемерной надеждой безумцев, Володя не тешил себя несбыточными надеждами. Он знал, что партия длинная, и он обязательно выровняет ситуацию. Уверенность его черпалась из одного наблюдения: *иблис*, помогая педагогу, делал пакости остальным только три раза кряду, а потом куда-то исчезал –

видимо, для подзарядки своих пропадлючьих аккумуляторов. Вот тут-то писатель и отыгрывался по полной, полагаясь только на своё фантастическое знание всех приёмов тонкой игры, причём, выражение лица его в эти моменты было невинным, будто у младенца, ещё не знакомого с самим понятием греха. Нуртай, правда, продолжал свои жалкие попытки, но никак не мог добиться успеха – по многим факторам: то ему своими нелепыми ходами мешал военный трубач, то, когда победа уже, казалось, была в кармане, делал страшный в своей неочевидности ход Полтавцев, то Володя, приберёгший джокер как раз для такого случая, выкладывал его поверх курманбаевского козырного туза. В этот момент педагог напоминал японского камикадзе, который в набитом взрывчаткой самолёте пытался пикировать на американский корабль, но не смог пробиться через стену заградительного огня, и ему только и оставалось, что в тесной кабине самолёта за несколько секунд до позорного и бессмысленного падения сделать себе сэппуку.

Не надо падать нам на дзот,
проблему видя у́же:
сэппуку делает здесь тот,
кто с головой не дружит!

Глава 100. МИЗЕ́Р И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

– Мать честна́я, мизер, – сильно удивившись, вдруг сказал Серёжа, и широко перекрестился, правда, при этом положил крест слева направо. На лице его появилось восторженно-блаженное выражение туземца, которого почему-то не стал есть лев, уже поставивший лапу ему на грудь. Дело в том, что из десяти сданных ему карт к сторожу пришли два младших джокера, козырные туз и дама, и ещё один некозырный туз, а это, по мнению Полтавцева, были верные пять взяток, которые давали ему возможность набрать аж 90 очков!

Здесь автор хотел бы объяснить читателю, что мизе́р, то есть положение, когда самые младшие карты становились самыми старшими, объявлялся только в том случае, когда на руках у игрока появлялись два *гранда* – или два джокера, или джокер с покером. Это тоже давало неисчислимое количество комбинаций, потому что заказавший на приличных картах игрок, например, пять взяток, оказывался в глухом пролёте именно из-за того, что все его приличные карты становились крайне неприличными. Но было и ещё одно правило в великой игре: если у второго игрока оказывалась ещё одна пара *грандов*, то он мог отменить принятое по мизеру решение. Именно этот перелом сейчас и случился.

– Отменяю, – возвестил писатель. Произнеся это страшное слово, он не стал, как Курманбаев, конфузиться, ибо знал, что карточная Пруха являлась родной сестрой великого Случая, а тот, в свою очередь, двоюродным родственником само́й Суки-судьбы.

Охранник ошарашено повёл очами, словно проникаясь страшным известием, и, наконец, проникнувшись, затряс головой, словно она у него была на пружинке. Вся его поза выражала мировую скорбь. Серёжа сидел, ссутулившись, как дремлющий на дрожках извозчик, и казалось, что из него вынули позвоночник, – он сгорбился и тоскливыми глазами смотрел в карты. На горле, под кожей, судорожно двигался кадык, словно Полтавцев только что подавился теннисным шариком. Его лицо щедро удобрил траур, ведь версия рассыпа́лась, как рукопись, сожжённая в володином камине.

Гроза приходит как коза,
и не во сне на койке:
порою двойка бьёт туза –
коль палка есть у двойки!

Покерный мизер, в представлении писателя, был точной *калькой* ежедневных жизненных ситуаций. Выйдешь на остановку автобуса ровно за полчаса до начала рабочего дня, а через десять минут, когда он должен подъехать, какая-то словоохотливая старушка с весёлым сочувствием вдруг сообщает, что автобусы с сегодняшнего дня здесь ходить не будут, потому что, во-первых, на соседней улице начался ремонт магистральных труб, и вся улица уже перекопана, и, во-вторых, надо или смотреть телевизор, откуда пенсионеры берут всю информацию, или читать газеты – для той же цели, или на худой конец иметь собаку, чтобы гулять с ней по вечерам и видеть все изменения, случившиеся именно в твоём районе. И пока несчастный опоздавший сетует на то, что не догадался вовремя подписаться на «Вечёрку» или завести себе денди-динмонт-терьера, а, может, даже и бельгийского грифона, он даже не догадывается, что Сука-судьба только что продемонстрировала ему свои паскудные возможности: должен был, как карточный мизер, придти автобус, но СМУ-16 ещё накануне сказало: «Отменяю!»

Дураку всегда наука,
если правильно поймёт,
но судьба такая сука!
Чтó собаке до неё…

Глава 101. ВЕЛИКИЙ СЛУЧАЙ

Игра набирала обороты, и постепенно пришла к своему экватору, то есть средней *тёмной*. Это был важнейший момент в сражении: именно здесь, когда единственный раз за всю игру можно было не ограничивать себя пятью разрешёнными правилами взятками, зачастую решалась судьба всей битвы. Можно было, не глядя, заказать, например, восемь взяток, и в случае удачи получить не 135 законных очков, а 270 – удвоенных! Это означало многое: и колоссальное продвижение вперёд – без перспективы догонялок со стороны противника, и огромное моральное преимущество, так как в результате такого демарша враг оказывался почти в безнадёжном положении, и, главное, мобилизация всех внутренних ресурсов на то, чтобы, играя крайне осторожно, случайно не опуститься ниже уже достигнутого, и одновременно не давая противнику подняться выше, что было ещё важнее в плане стратегическом.

Чтобы нашему любопытному читателю было понятно это положение, автор позволит себе привести только один пример такой тактики. Володя, например, выиграв среднюю *тёмную*, зачастую переставал заказывать большие взятки даже с весьма неплохими картами – и не из-за опасности неожиданного пролёта, хотя на мизéрах такая существовала перманентно. Просто любой джокер по правилам игры можно было сбросить *за простую*[88], если заказанное количество взяток уже было набрано. В этом случае лишняя взятка доставалась кому-то другому, и это означало только одно – перебор. А перебор, следуя всё тем же правилам, наказывался просто – всего одним очком. Заказал, к примеру, Талгат, четыре взятки в надежде заработать 75 очков, а взял в результате володиного манёвра пять – и что? А то, что вместо 75 он получит только пять крайне скудных очков. А не перебирай, страдалец, а думай своей тыквой, коя тебе для этого *дедушкой* и дана!

[88] За простую – карточный термин, сокращённый от варианта «за простую карту» – прим. автора

Согласись, любезный читатель, что и это покерное положение тоже напоминает некоторые перипетии нашей с вами нелёгкой жизни. Строим мы планы, и не такие чтобы очень серьёзные, а они раз – и нырнули в глубокую, как говорят покеристы, *жопу*! И к чему тогда все эти хитроумные расчёты, к чему эти планирования, где мы показываем себя, казалось бы, умными игроками на поле самóй Жизни? А ведь кто наказывает нас за нашу самонадеянность, кто останавливает, укоризненно грозя пальчиком, мол, не балуй? Да это наш старый приятель, с которым мы с рождения и до могильного холмика весело идём по жизни – Случай. Да-да, други мои, тот самый Случай, который наш герой Кулемзин называл единственным богом на нашем скромном земном шарике.

Играя и пасуя,
заигрываясь штосом [89],
планируем, рискуя,
но остаёмся с носом!

[89] Штос – карточная игра, популярная в XIX веке в России. Воспета во многих литературных произведениях того времени, и, в частности, Гоголем в его бессмертном «Ревизоре»: «Пехотный капитан сильно поддел меня: штосы удивительно, бестия, срезывает» – прим. автора

И о Случае, и о его верной подруге Суке-судьбе будет немало ещё строк в нашем занимательном повествовании. Вперёд, читатель, не спи и не ковыряй в носу, иначе проковыряешь всё самое интересное!

Глава 102. БЕДНЫЙ ЮРИК

А между тем первая партия подходила к своему неминуемому концу. Оставались ещё три раздачи да ещё одна *тёмная* – тоже в 12 карт. Она и была последним шансом для отстающих. Здесь надо было весьма тщательно проанализировать уже набранные очки, ибо именно за этой *тёмной* зачастую скрывались страшные подводные камни – для некоторых заканчивалась она в глубоком минусе, или *шпале*, как было принято говорить за покерным столиком, случались и *жопы*, когда игрок, заработавший, например, за всю игру всего 120 очков, заказывал три взятки (меньше на последней *тёмной* нельзя было – по правилам), и проигрывал их вчистую, опускаясь до уровня карточного *анала*. В пылу сражения игрокам, как правило, было не до подсчётов, и потому такие казусы случались здесь довольно часто, вызывая искренний смех счастливчиков, избежавших подобной участи, и печаль не избежавшего.

– Быстрей бы кончить, – бесстрашно заявил Полтавцев.

– Ты что, торопишься? – удивлённо поднял брови писатель. – Как овечка на колбасный завод?

– Да нет, – отмахнулся сторож. – Просто глотка пересохла, и ноги бежать просятся!

Володя улыбнулся, представив бегущие ноги Серёжи отдельно от него самогó, и сдал по три карты. Тасовал писатель легко, ибо пальцы у него были *пианистическими*. Через секунду он внимательно всмотрелся в лица игроков – и увидел практически всё: что кому пришло, порушенные мечты, вспыхнувшие искры надежды, расчёт на глупость соседа и многое другое. Кровь была до предела насыщена адре-

налином и естественными морфинами, и Кулемзин решился на авантюру, так как карты ему пришли неважнецкие, хотя и был среди них козырный король, который, впрочем, легко убивался пятью картами – козырным тузом и четырьмя *грандами*.

– Вот ещё один сюжет для маленькой трагедии, – как бы про себя произнёс он.

Все встрепенулись.

«Блефует!», безапелляционно подумал Нуртай.

«Блефует?», засомневался Талгат.

«Блефует или не блефует, или блефует без блефа?», задумался Серёжа.

– Ты прямо как Гамлет, – похвалил его писатель, без труда прочитав мысли сторожа. – Правда, не уверен, что ты знаешь такого персонажа…

Афанасьич обиделся.

– Да что же я, вашего Гамлета не знаю, что ли? – возмутился он. – Это же у него такой джокер был, Юрик звали – в виде черепа!

И, ещё немного повспоминав, уверенно добавил:

– Без туловища…

Быть живым – не та заслуга,
что бы в жизни ни случись:
держит Гамлет череп друга –
череп скалится на жизнь…

Глава 103. ГОЛОС РОДИН

Самый конец партии, самый напряжённый момент, когда решалось всё, был омрачён неким событием – нет, не каким-то неординарным, а вполне обычным, так как случался практически ежедневно. Справа от игроков располагался дом № 16, где проживали двое наших героев – Полтавцев и Курманбаев. Жили они во втором подъезде, а вот окна первого как раз выходили на Бермудский Учпучмак. На третьем этаже дома (или этажу́, как выражался охранник) проживала странная гражданка Ангелина Ивановна. От случившейся жизни – сначала в недостроенном социализме, а потом в только что начавшемся капитализме – она немного повредилась умом, и весь день проводила у окна, видимо, для того, чтобы полнее изучить нынешние жизненные флуктуации. Но когда ей становилось скучно, Ангелина Ивановна включала радио на всю громкость, и половина микрорайона была вынуждена слушать попеременно старую радиостанцию «Маяк», а также новые – «Радио Ретро», «Шлягер 24» и «Азия Минус» Последняя радиостанция была создана совсем недавно – в противовес российской «Европа Плюс» Эти ежедневные громогласные концерты Володя называл обобщённо – голос родин. Он было даже однажды задумался над тем, чтобы купить для всех игроков несколько комплектов *берушей*, но найти таковых ни в Отцеябловске, ни в большой Саксаулии так и не удалось. Одно было хорошо: ангелинины включения были кратковременны – видимо, вскоре ей приходила в голову какая-то другая мысль, и она спешила на её реализацию.

Словно вёрткая Оса,
что проникла в Синий Дом,
слышим чьи-то голоса –
и к врачу толпой идём!

Уже доигрывая, сопокерники прослушали новости науки – как российской, так и отечественной:

«Саксаульские учёные провели томографию фуллеренов в человеческих макрофагах. И признались, что ни хрена не поняли...»

«Далёкая гигантская галактика МЖ-11Б неожиданно оказалась близкой и мелкой. К такому неожиданному выводу пришли российские учёные, взглянув в телескоп с другого конца…»

«Недавно саксаульские учёные сумели расшифровать и прочитать инструкцию к новому аппарату, полученному для их лаборатории из Китая…»

«Российские филологи в рамках научного обмена наконец-то разрешили разногласия по поводу произношения – *на Украину* или *в Украину*. О том, кто вкладывает деньги в развитие страны, они предлагают говорить *в Украину*, а о том, кто уже положил, – *на*…»

Затем последовала интересная новость, заставившая наших сопокерников вспомнить друзей-клошаров Танкиста и Одиссея:

«В интернете недавно обнаружен новый русский вирус, который назвали *бомж*. Он не делает ничего плохого, а только роется в *корзине*...»

На смену науке пришли новости культурной жизни некоторых стран:

«Российская библиотека имени Ильича I извещает, что найдена рукопись знаменитого романа Максима Горького «Мать» – под своим полным названием…»

«Известный скульптор Зураб Церетели заканчивает в Москве переделку знаменитого фонтана на ВДНХ «Дружба народов» Им уже изготовлено 15 бронзовых кукишей…»

«Как стало известно в театральных кругах, актёр Александр Ширвиндт решил эмигрировать в Израиль…»

«За Державина обидно!», услышав новость, подумал Володя.

Следом за новостями «Радио Ретро» огласило окрестности нытьём о любви и белых розах. Песня была тягучая и сладкая, как сгущёнка. Судя по голосу, нытик[90] был ещё и кастратом, так что при пении вполне мог бы ограничиться одними розами. Следующая песня была, как оказалось, ближе к гастрономии, так как певец хриплым голосом возвестил о том, что не надо сыпать соль на рану. «Скорее всего, это гимн надкушенного помидора», решил писатель.

[90] Некий Юра Шатунов из группы «Ласковый май» – прим. муз. редактора

Потом в эфире прозвучала парочка песен подобного попсового содержания, после чего «Радио Ретро» передало сенсационную новость:

«После того, как в Японии группа «Тату» получила специальный приз зрительских симпатий «За растление малолетних», в Саксаулии был проведён опрос среди населения. 1 % опрошенных признались, что им очень нравится песня группы «Нас не догонят» Остальные же сообщили, что чего-то в этой песне не догоняют…»

Мы сознанье не погубим,
понимая всем умом:
ведь попсу за то не любим,
что она – говно говном!

Глава 104. ГОЛОС РОДИН (окончание)

Но если бы ангелинины включения ограничивались только попсой или новостями! Никуда было не деться от настырной рекламы, заполняющей неокрепшее сознание саксаульцев. Реклама убаюкивала и ласкала одиноких, истерзанных комплексами и неврозами рыцарей великого крестового похода материальной культуры.

Словно древнее божество плодородия, она обещала помощь и поддержку каждому в зависимости от размеров финансового жертвоприношения, и любой сантехник, и любая секретарша могли быть уверены – что бы ни произошло в нестабильном мире увольнений, интриг и экономических потрясений, *тефаль* всё равно позаботится о них! Вот и сегодня игроки были вынуждены прослушать весь блок рекламы.

«А теперь реклама от нашего спонсора – Отцеябловского ликёроводочного завода», возвестила ведущая радиостанции «Азия Минус» «Итак, новая рекламная акция: под каждой крышкой – поллитра водки!»

Серёжа, услышав сообщение, тут же достал книжечку «Для му.мы.» и лихорадочно, чтобы не забыть, записал: «Открой крышку от водки – там водка!» «Хорошо, что успел!», подумал он со счастьем. Меж тем вышеозначенное предприятие, которое, как считал Кулемзин, в рекламе вовсе не нуждалось, тут же выдало ещё один рекламный слоган, который озвучила ведущая со всей страстью, на которую была способна: «Отцеябловский ликёроводочный завод предупреждает: курение, курение и только курение опасно для вашего здоровья!»

Нам сознание разрушит
клип рекламный для макак:
«Счастлив тот, кто водку глушит,
а кто курит, тот дурак!»

Рекламный блок оказался довольно продолжительным. Например, сопокерники из-за повышенной громкости радиоточки вынуждены были услышать вот такое объявление: «Если вы хотите развестись с женой, а она на развод не согласна, разводной ключ № 7 – вот решение всех проблем! Обращаться в магазин «Хозтовары»!», а вслед за ним ещё одно: «Такого вы ещё не видели! Дверные глазки́ для двух глаз! Двери с выемкой для носа!» Писатель не успел порадоваться изобретательности неизвестных саксаульцев, как был добит прозвучавшим в конце выпуска прогнозом погоды: «Сегодня вечером существует высокая вероятность потемнения…» Он было хотел признаться игрокам, что несколько дней назад придумал универсальную рекламу, гласившую: «Масло «Рама» – и никакой перхоти в критические дни!», но мысли его перебил охранник:

– Володя, вот ты умный. А можешь рекламу сделать своему любимому пиву?

– Нет ничего легче, – тут же откликнулся Кулемзин. – Записывай:

**Единственный недостаток
пива «Тянь-Шань» –
недостаток пива «Тянь-Шань»!**

– Вот-вот-вот, – зачастил Полтавцев, – и я о том же!

Писатель вначале смерил его станиславским взглядом, а затем возмущённо произнёс:

– Яйчики-бабайчики, этот вопрос надо решить раз и навсегда! Ты знаешь, Серёжа, что твоя страсть к бродяжничеству может скоро перерасти в дромоманию[91]?

[91] От гр. dromos – быстро бегающий верблюд

– Дак я завсегда! – горячо заверил сторож. – У меня ж гражданинская позиция ого-го! Ты, короче, деньги давай!

– Талгат, и ты, наверное, пивка хочешь? – невинно осведомился Володя. Перед лицом такой проницательности Батыршин даже не пытался уверять, будто ищет,

где можно подковать лошадь или снять прогулочную яхту, и только молча кивнул. При этом его мозги явственно произвели небольшой колокольный *бульк*. Кулемзин тоже молча полез в карман, и уже через секунду охранник пустился за пивом с такой скоростью, словно его ждал лично Максим Галкин с мешком *деревянных*.

– Детям шоколадку возьмёшь? Ладно? – крикнул в спину удаляющемуся сторожу дудочник. Полтавцев было вздрогнул, но подавил желание обернуться и уточнить – для него это были вопросы, которые он научился, когда это было надо, огибать мастерски и непринуждённо, как опытный горнолыжник огибает флажки на трассе гигантского слалома. «Нет ничего хуже энергии, которую некуда выплеснуть», вслед ему подумал писатель.

Но похмельным коллективом,
без учёных экспертиз
быстро мчимся мы за пивом,
словно это – главный приз!

Глава 105. МАРШ-БРОСОК ТУДА И ОБРАТНО

Если понёсся Серёжа в магазин как минимум на второй космической скорости, то движение его из сельпо напоминало раскоряченную спортивную ходьбу после разгрузки вагона с мукой.

– Привычка свыше нам дана:
коль пиво пить, так уж до дна! –

приветствовал его возвращение экспромтом писатель. Он всегда удивлялся, глядя на возвращающегося Полтавцева, который проявлял чудеса цирковой эквилибристики: пару бутылочек он держал в руках, ещё пару под мышками, как бы одеревенев верхней частью тела, ещё две были засунуты в карманы его штанов, а вот последние две брались откуда-то из воздуха, и сколько бы Володя не пытался углядеть момент их чудесного появления, но никогда не успевал – через несколько секунд все восемь бутылочек уже стояли на покерном столике.

Между тем августовское солнце набирало свои паскудные обороты, стремясь сделать жизнь саксаульцев совсем уж невыносимой. Оно нагло зависло прямо над головами сопокерников, и его лучи били в упор, как лазерные пушки в фильме «Звёздные войны» считающегося великим режиссёра Джорджа Джорджевича Лукаса. Хорошо, что у наших героев было противоядие в виде блестевших капельками бутылочек с холодным напитком. Здесь надо отметить, что благодаря стараниям Володи и его дружбе с Калимой, владелица сельпо специально для покеристов приобрела лишний лоток-холодильник, правда, это было выгодно и ей, потому что весёлая гоп-компания зачастую делала чуть ли не половину её ежемесячного дохода.

Даже цены пусть кусачи,
нас нельзя остановить:
чем на свете будет жарче,
тем вкуснее пиво пить!

Между тем игроки разобрали по две бутылочки и приступили было к заветному открыванию, как их отвлёк звучный шлепок тяжёлой грязной полтавцевской ладони о собственный лоб – это Серёжа вспомнил, что забыл дома заначенный кусочек вяленого леща. Он стремглав бросился к дому № 16 и мигом взлетел на четвёртый

этаж, в свою квартиру № 30 (автор твёрдо обещает читателям, что им ещё доведётся побывать в ней и получить истинное наслаждение от увиденного – но только во второй части этого тома).

Пока охранник занимался спортивным бéгом по ступенькам подъезда, из володиного дома вышел Боря и, увидев игроков, радостно притрусил к ним. Сейчас он стоял рядом с сопокерниками, свесив обмылок мокрого языка.

– Интересно, какая это порода? – поинтересовался любопытный педагог.

– Бухаунд! – тут же ответил прапорщик. – Я такого на картинке видел…

«Остроумно», подумал писатель.

– Или нет, русская кирзая, – выдвинул ещё одну версию музыкант.

«Неужели пришёл в себя?», порадовался за товарища Альбионыч. «Впрочем, не до конца, иначе он предложил бы ещё вариант – диванная сторожевая»

– А, по-моему, – положил он конец спору, – это обыкновенный хаудуюдог!

Между тем, запинаясь о вещи, сторож влетел на свою кухню и схватил котомку, с которой ходил на нелёгкую службу. Он лихорадочно развязал тесёмки и зашарил там, словно играл с невидимыми партнёрами в лото, выбирая, какой бы бочонок вытащить и радостно крикнуть очередную глупость типа «11 – барабанные палочки!» или «64 – приближаюсь к квартире!»

И в этом жизненном бедламе,
что дни жуёт как пылесос,
играет жизнь в лото не с нами,
а если с нами, то всерьёз!

Но поиски не дали результата, и Серёжа решил, что проще будет поискать на свету. Схватив котомку, он так же стремглав бросился обратно, и через минуту уже сидел на своём месте.

Глава 106. КОТОМКА

Эх, котомка! Если бы дело в нашем романе происходило где-нибудь на Кавказе, сергееву котомку автору пришлось бы назвать неприличным словом *хурджин* – этаким рюкзачком, с которым абреки путешествовали по своим диким горам. Но в Отцеябловске всё было по-другому. Аккуратно отодвинув покерную *раскладку*, Полтавцев резким движением перевернул котомку на столик. Тощие бока её напоминали бока выгнанных весной на пастбище колхозных коров. Володя внимательно оглядел котомку и даже потрогал пальцем грязную лямку, после чего тщательно вытер палец о серёжины штаны.

– Собираешься в турпоход? – спросил он. – Или за кизяком? А что, тара вполне подходящая!

– Дурак ты, – по-детсадовскому обиделся охранник. – Мы в *этом* будем пиво носить!

Чего только не было в этой котомке! Не было тугой пачки североамериканских долларов, не было никаких золотых изделий, не было учебника по общей теории относительности Альберта Германовича Эйнштейна, не было даже пачки приличных кубинских сигар! Зато было многое другое. Прежде всего, о покерный столик глухо стукнулся гранёный стакан всесоюзного происхождения эпохи Ильича II с налипшими табачными крошками. «Оригинальный декантр[92]!», потрясённо подумал Володя. «Вот это да! В нашем забубённом городе уже давно отвыкли от толстостенных стаканов – неизменных спутников детства и юности» Заметив жадный взгляд Кулемзина, Афанасьич горделиво посветлел.

[92] Хрустальный сосуд для напитков – фр.

«Яйчики-бабайчики, это же символ», думал дальше писатель. «Есть символы, которые не волнуют сердцá и не пробуждают в душе никакого чувства. Иное дело – гранёный стакан!» Он помнил, как гранёный стакан заменил собой изящные фужеры и маленькие рюмочки. Был он прочен и надёжен, и именно за эти качества особенно годился и для свадеб, и для поминок, на которых взрослым наливали водку и дешёвое вино, а детям – компот. Да, была такая эпоха: народ пил стаканами, а гигантские полуобнажённые фигуры Рабочего и Колхозницы, слившись в едином порыве, демонстрировали миру мощь Страны Советов (б). Но есть ли вечное в нашем мире? Новая эпоха решительно отмела старые символы, и вместо гранёного стакана предложила нам пластмассовые одноразовые стаканчики. Знали бы вы, как их неудобно держать в руках – они гнутся и трескаются, но созданы для нашей с вами безопасности, так как именно одноразовые. И всё же роль гранёного стакана в мировой истории ещё окончательно не оценена! Но автор твёрдо обещает своему читателю, что такая оценка ждёт его во втором томе нашего правдивого романа!

Кипят пусть где-то перемены,
пусть где-то радость иль беда:
грааль гранёный толстостенный,
ты в сердце нашем навсегда!

Более весёлый и лёгкий стук издала стреляная гильза от патрона калибра 7,62 – видимо, от пистолета ТТ. Эрудит Кулемзин тут же вспомнил легенду, которая утверждала, что если в тихую погоду такую гильзу вставить в ухо, то можно услышать вой милицейской сирены. Милитаристскую тему продолжила смена ветоши для чистки оружия, которая соседствовала с инвентарём сугубо мирным – огрызком хозяйственного мыла с явно надкусанным краем.

– Omnia mea mecum porto[93]? – оглядев добрó, спросил писатель.

[93] Всё своё ношу с собой – лат.

Охранник уловил часть слова «портвейн», но общий смысл всё же не понял.

– Нет, портвейна нету, – с сожалением произнёс Полтавцев. – Пока…

Рядом с кусочком мыла оказался не до конца изгрызенный зубчик чеснока, уже начавший прорастать чем-то зелёным с торцевого края, а также алюминиевая столовая ложка с двумя десятками дырочек – для снятия накипи с супчика, причём, половина дырочек была заляпана как раз такой коричневой накипью. Картину раритетов довершила пачка всемирно популярных сигарет «Прима», названных, видимо, в честь великой Галины Улановой.

Здесь они – в одной лачуге –
лань стройна и дикий конь:
эта «Прима» есть супруга
примуса, что дал огонь!

Рядом с сигаретами вывалился неизвестно как сохранившийся советский пятак – стёртый, как единственный старушечий зуб, оплавленный пластиковый стаканчик со следами зубов и никотиновых смол, по форме напоминающий раковину Charonia tritonis[94], и, конечно же, штопор – непременный атрибут любого пьяницы, который в СССР (б) остроумно называли *спутник агитатора.*

[94] ***Труба тритона – лат.***

К удивлению собравшихся, нашёлся в котомке и журнал «Наука Саксаулии» От нечего делать Кулемзин полистал его и нашёл несколько забавных статей. В одной из них на полном серьёзе какой-то учёный писал о том, что алкоголь повышает у человека *пси*-энергию. Прочитав это сообщение, Володя удивился, так как лично ему это было известно довольно давно. Например, можно зайти в ближайший вытрезвитель и там почитать административные протоколы о поведении своих приёмышей. Именно оттуда можно узнать, как клиенты при помощи этой самой алкогольной *пси*-энергии закручивают дверные ручки в такие полтергейсты, что ни одна мастерская не распрямит! На следующем журнальном развороте ещё один солидный учёный описывал облачко микролептонного газа, состоящего из нейтрино и фотонов, и утверждал, что если это облачко будет иметь массу между 10^{-35} и 10^{-30}, то это и будет загадочная формула души.

Я сомнений не нарушу,
мысль такую накроша:
«Алкоголь нам лечит душу!
И спивается душа…»

«Какой нехитрый скарб», подумал писатель. Он понял, что серёжина котомка – нечто большее, чем хурджин: она являлась яркой иллюстрацией той русской национальной особенности, которая называется *всё в хозяйстве пригодится.*

Глава 107. КОТОМКА (окончание)

Короче, котомку нашего героя можно было назвать великим пролетарским *меланжем*[95], а если бы дело происходило где-нибудь в Хохляндии XIX века, то и во-все торбой нагорбной! А где же заветный лещик, чему уже посвящено немало строк нашего правдивого повествования? К счастью, нашёлся и высохший кусочек, бережно завёрнутый в газетный листок. Похоже, что этот лещик ждал не один год, когда у Сергея появятся деньги на бутылку пива, так как рыбёшка была высушена до стеклянного звона. «Деликатная провизия», трансцендентально подумал Володя. Когда-то, на заре своей яркой пивной юности, писатель, а в те далёкие годы журналист «Саксаульской правды», очень любил копчёную и вяленую рыбку. Впрочем, это увлечение давно кануло в историю, и всё же он иногда вспоминал попробованные им в многочисленных командировках и истекающие жиром знаменитые донские рыбцы и кинжалообразные чехони, питерскую корюшку с оригинальным привкусом огурца и огромных лоснящихся балхашских лещей, известную только знатокам невзрачную с виду шемаю́ и сухую серебристую таранку, а также настоящую каспийскую воблу – сухую и изогнутую, как пропеллер.

[95] ***От фр. mélange – смесь – прим. переводчика***

Но – обратно к дарам котомки! Здесь же нашёлся и кусочек дурно пахнущего на подсознательном уровне сала, завёрнутый в разворот газеты «Караван», с некоторых пор выходивший в разных городах бывшего Союза. Уловив вопросительный взгляд писателя, Полтавцев взял кусочек в руки и торжественно провозгласил:

– Сало – сила!
Спорт – могила!

Из-за начинающейся жары на сало было смотреть особенно противно, и Володя, быстро схватив его, тайком отбросил в сторону – ближе к муравьиной кучке. Благодарные насекомые тут же облепили кусочек, поднатужились в 22 муравьиные силы и понесли неожиданный подарок своему муравьиному ленину.

Вещи – жизни нашей звенья!
Это не для дураков!
Бережём мы накопленья –
от нашествия врагов!

Володя как ни в чём ни бывало подвинул к себе газетный листок и якобы увлёкся чтением рекламы. Под красочной картинкой с противными сальными пятнами он обнаружил текст, который по разумению авторов должен был психологически воздействовать на неокрепшие саксаульские умы. Текст понравился ему до такой степени, что он решил зачитать его присутствующим вслух: «Вам нужно вы́резать из стодолларовых купюр всего пять портретов Бенджамина Джосайевича Франклина и прислать нам их в конверте. Сделав это, вы сможете выиграть кучу разных призов: чупа-чупсы, расчёски, жвачки. А также суперприз – махровое полотенце!» Затем внимание писателя привлекла страница с разными новостями из разных городов, и он стал вслух зачитывать заголовки наиболее понравившихся ему материалов:

«В доме престарелых старики делали костыли из усопших товарищей!»

«Записи матчей отцеябловского «Кайрата» продают в голландских порномагазинах!»

«Сапармурат Ниязов перевёл на туркменский язык таблицу элементов Менделеева!»

«Вундеркинд из Грусть-Каменодырска из пустых бутылок собрал модель Вселенной!»

«В выходные дни московский крематорий имени Джордано Джованниевича Бруно устраивает для правительственной элиты барбекю-вечеринки!»

«Трагедия в США: обнажённая Нонна Мордюкова на страницах «Плейбоя»!»

«Тракторист Фёдор Скрипкин, уснув пьяным за рулём, нечаянно стал участником президентской программы сноса ветхого жилья»

«Во Франции прошёл чемпионат мира по лёгкому поведению»

«Скончался один из четырёх китов, на которых держится мир!»

«Упавшая на голову строителя десятитонная балка спасла его от укуса змеи!»

«На мебельной выставке в Отцеябловске большим интересом у посетителей пользовался один из экспонатов. Оказалось, причина была в опечатке, допущенной в ценнике: «Кресло-кончалка. 7000 рублей»

«На уроке биологии микроскоп высосал девочке глаз!»

– Яйчики-бабайчики! – потрясённо произнёс Кулемзин, после чего аккуратно сложил газетный листочек вчетверо и вновь поместил его в серёжину котомку – авось когда-нибудь пригодится. В это время стараниями Полтавцева на боку от котомки неожиданно обнаружился карманчик, из которого он торжественно извлёк часы с тремя заводными головками – уродливое дитя Первого московского часового завода.

– Храмонотр называются, – пояснил он. – День в день идут…

«Да ты законченный эстет», обозрев серёжины богатства, сосредоточенные в одном месте, подумал Кулемзин.

А тут и глава о котомке закончилась, причём вполне ожидаемо – охранник, схватив рыбку, начал яростно колотить ею о край покерного столика, словно стремился выбить и без того хилую душу из мёртвого морского животного.

Глава 108. БЕСПОКОЙНОЕ ХОЗЯЙСТВО

После избития морского животного охранник застеснялся – он вспомнил, что делать так нехорошо, и, если ты угощаешься сам, то угости и товарищей. Полтавцев залез в свою бездонную котомку, и хорошенько там пошурудив, вытащил какое-то колечко, после чего с полупоклоном протянул его писателю.

– Нет, Серёжа, спасибо, сушку не надо, – твёрдо ответил Володя.

– Возьми, возьми, в пиве размочишь, – озаботился товарищ.

– Нет, не возьму. Я хочу жить по справедливости – где же равенство и братство, если мне и пиво, и сушка?! В то время как на планете миллионы наших младших черножопых братьев по разуму пухнут с голодухи от происков империализма! Да мне твоя сушка в горло не полезет от таких мыслей.

– А ты как я, не думай, просто возьми и сожри, – посоветовал охранник. Но поэт-бессребреник был непреклонен. Возможно, он бы и угостился предложенным, если бы не тот зеленоватый налёт, который покрывал всю поверхность кулинарного *тора*.

Это знает вся страна:
к пиву закусь не нужна!

Учитывая наличие писателя-эрудита, компания всегда пила «Тянь-Шань» весело и со смыслом, узнавая для себя много нового. В эти моменты Володя рассказывал недообразованным истории из своей и чужой жизней, коих знал во множестве, читал стихи – в основном свои, а также баловал сопокерников анекдотами, которые зачастую придумывал на ходу. Нуртай же, который понял затянувшееся молчание по-своему, решил рассказать о фильме, который накануне смотрел по московскому каналу ТВЦ. С введением в Саксаулии кабельного телевидения с такими просмотрами теперь проблем не было, и даже имея не очень новый телевизор, можно было вполне гонять его по сорока программам – не меньше. Картиной, о которой он собирался поведать высокому собранию, была давно забытая советская комедия о событиях военного времени с весьма эротическим названием «Беспокойное хозяйство» Путаясь в именах и событиях, он долго и нудно начал перечислять самые смешные моменты фильма, но слушатели почему-то не смеялись. Нуртай нервно зевнул и замкнулся в себе.

Пиво очень любим, но
как большие люди,
мы советское кино
век не позабудем!

– Кстати, о кино, – отставил в сторону бутылочку Володя. – Расскажу-ка я вам одну историю, произошедшую в са́мом начале перестройки. А раз речь пойдёт о кино, то и история наша будет двухсерийной.

Глава 109. О ХИЧКОКЕ И НЕ ТОЛЬКО (I серия)

– Итак, I серия, – начал рассказчик. – Яйчики-бабайчики, многое изменилось в жизни советских граждан с тех пор, как грянула перестройка: открылись ранее закрытые границы, появились ранее непоявляющиеся годами товары, которые, впрочем, быстро сменились горбачёвской *бесколбасицей*. Перестраивалось абсолютно всё: газеты стали публиковать не решения партийных форумов, а какую-то чепуху и аст-

рологические прогнозы, у народного счастья появился весьма выразительный бледно-зелёный оттенок – американского доллара. Все мы помним первые месяцы перестройки, когда громких слов было уже много, а хорошего пива всё ещё мало.

Здесь он на минутку прервался, так как к магазинчику лихо подкатила омуртаевская телега, из которой сам омуртай выкрикнул что-то на саксаульском языке, затем машина развернулась и покатила дальше, всем своим лязгающим телом впадая в спазматическую тряску, словно у неё вдруг сдали нервы.

– Замечательное было время, – поглядев вослед автопромовскому динозавру, продолжил Альбионыч, – нашему доверчивому народу дали погремушку гласности, но пока ещё не отняли от материнской груди социализма (б). Никак не изменялась и зарплата, вообще не совместимая с жизнью. И только одно было стабильным и нерушимым: это веерные отключения электроэнергии, которые народ метко назвал перманентным *концом света*. Но удивительнее всего было то, что в открытую заговорили о такой диковине, как шенгенские визы, хотя для народа это значило не больше, чем для марсианина – саксаульский паспорт.

Когда у нашего народа
есть водка, хлеб и колбаса,
плевать хотел он на свободу
и на шенгенские леса!

В те годы были в ходу вот такие иронические истории, которые как нельзя лучше отображали происходящее в стране: «Иванов в детстве мечтал стать продавцом, но стал всего лишь кандидатом физических наук. И только с приходом капитализма его юношеская мечта сбылась!» Народ, быстро пересевший с водки на талоны на водку, Горбачёва невзлюбил и сочинял о нём нелицеприятные частушки.

Пароход упёрся в берег,
капитан кричит: «Вперёд!»
Как такому раздолбаю
доверяют пароход?

– Так вот, о кино, – продолжил писатель. – В Союзе кинематографистов СССР (б), как и по всей стране, прониклись духом перемен и задумались: а что бы сделать такого, чего раньше не было по причине тотального запрета? И поняли, что никогда в стране советской (б) не снимали фильмов ужасов. Но как? И что? И откуда взять идеи? Долго думали кинематографисты, и ничего не придумали. Решил тогда министр культуры товарищ Губенко Николай Николаич по старой привычке посоветоваться с партией в лице её вождя. Пришла вместе с ним делегация к Горбачёву, изложила все свои сомнения: так, мол, и так, хотим снять фильм ужасов, а идей нету. Как это нету, усмехнулся вождь, всему вас партия учить должна! Записывайте: молодой коммунист после банкета в честь его принятия в КПСС потерял в туалете ресторана свой партийный билет!

Трудно было даже представить советским сценаристам такой сюжет, но они, выполняя наказ партии, справились!

Глава 110. О ХИЧКОКЕ И НЕ ТОЛЬКО (II серия)

Сняли, конечно, этот страшный фильм кинематографисты, но как оценить то, что снято? Ведь и здесь нет никакого опыта! И решили они пригласить на премьеру са́мого заслуженного ужасника планеты – великого американца Альфреда Джозефо-

вича Хичкока. Не хотелось бы, конечно, низкопоклонничать перед Западом, но раз перестройка, то пошли и на это. Мэтр Хичкок к предложению посмотреть первый советский фильм ужасов неожиданно отнёсся с весёлым любопытством, правда, совершенно не представляя реалий предложенной народу Горбачёвым перестройки.

Итак, мэтр приехал в Москву, сел в просмотровый зал Дома кино и начал смотреть. А вот выйти самостоятельно оттуда уже не смог – его буквально вынесли на руках наши кинематографисты, а лично товарищ Губенко поддерживал под трясущийся локоток. Вид мэтра был ужасен: его знаменитая шляпа была судорожно скомкана, рот перекошен, волосы, как в русских народных сказках, стояли дыбом, и даже уши как-то съёжились, словно их перед премьерой сняли с горячей сковородки и кое-как присобачили на место. Наконец перекошенный рот Джозефовича открылся, и он смог выдавить только одну фразу:

– God, what a horror[96]…

[96] Дедушка, какой ужас – англ.

Мы засранцы-оборванцы,
жить привыкши на худом,
но не знают иностранцы,
как по правде мы живём….

Глава 111. ЮКИМИ

После первой порции халявы Нуртай взмок от удовольствия, и теперь обмахивался ручкой, как впечатлительная дамочка на просмотре фильма «Нашествие помидоров-убийц» Начал обильно потеть лбом и Альбионыч – как будто у него в голове приступили к работе маленькие *клизмы.* Военный после двух первых бутылочек внезапно вспомнил, что сегодня день рождения у командира его части и даже было сделал попытку встать и пойти домой, чтобы поздравить его лично, но попытка зачтена не была. И только один Афанасьич, заглотив вторую бутылочку в пять глотков, тут же начал мечтать о новой. После такого познавательного перерыва – пиво вместе с киноисторией – игроки с нетерпением прильнули к любимой игре.

– Учтите, что со мной надо играть, как с ядерной державой, – честно предупредил писатель.

– Это как? – живо поинтересовался прапорщик.

– Пытаясь сохранить паритет, – серьёзно пояснил Володя.

– Йоговский промискуитет, понятно, – подтвердил Батыршин, хотя ничего не понял: слово *паритет* до сих пор не встречалось ему ни в одном из изученных уставов.

Затем Кулемзин посмотрел в глаза Нуртаю.

– Как говорил один мой друг из Парижа, – при этом сказал он, – «Все виды смерти заменяют нам *юкими*[97]»…

[97] Любование снегом – яп. Одна из трёх основных эстетических категорий классической и современной Японии – прим. автора

После этих страшных слов Курманбаев побледнел, но решил держаться до конца – как кумир его молодости участник гражданской войны Сергей Лазо, по слухам, сожжённый в паровозной топке японцами.

– Экий ты дремучий! – услышав его мысли при помощи марсианской технологии, посетовал Володя. Да-да, именно в этом случае плохое знание истории подвело

многоопытного партийца: дело в том, что, даже будучи смелым участником сражений гражданской войны, Сергей Лазо, во-первых, был дворянином по происхождению, и, во-вторых, по должности ещё хуже – заместитель председателя военсовета *Временного правительства* Дальнего Востока.

Бьётся в тесной печурке Лазо…

Глава 112. ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ

Высокоучёный Володя понимал природу поведения Нуртая. Он знал, что доминанта самосохранения заложена в программе любого живого существа, но только человек, подталкиваемый хвостом *иблиса*, способен придать ей форму откровенной подлости. Надо заметить, что игра в карты, и в *русскую кочергу*, в частности, очень хорошо высвечивает все грани характера человека, и пропадлючьи в особенности. Здесь невозможно играть намеренно не так, как заложила в тебя твои личные прибамбасы природа. Если тупой, то и ходы твои будут тупыми, а если ты тупой, но выиграл, значит, не только тупой, но и немножко везучий, а немножко потому, что в следующий раз такого везения уже не будет. Если ты умный, то поневоле будешь хитрым и изворотливым, да ещё к тому же будешь развивать свою интуицию, чтобы просекать *каждую* игровую позицию. Если ты подлый, но, зная об этом, будешь прикидываться жёлтым и пушистым, как цыплёнок, то рано или поздно твоя пропадлючесть всё равно вылезет наружу, ибо нельзя в пылу сражения контролировать себя настолько, чтобы это не увидели ещё три игрока.

Именно поэтому Кулемзину, как игроку с огромным, в 30 лет, стажем игры, приходилось тяжелее других: мало того, что он должен был сделать правильную ставку и правильно сыграть её, чтобы заработать заветные очки, приближающие к победе, у него ещё были три параллельные задачи – во-первых, постоянно контролировать игру Нуртая, не давая ему продвигаться вперёд, во-вторых, незаметно помогать Полтавцеву, ибо когда у того особенно не ладилась игра, он психовал и просто сбегáл домой, поломав партию, и, в-третьих, следить за тем, чтобы прапорщик не нажрался раньше времени и окончательно не упорол всю игру, что, к сожалению, иногда случалось – были такие прецеденты.

И не нужен нам мудак
в *кочерговой* школе:
пропадлюку, как сорняк,
вырвем вон из поля!

Но – прервёмся на минутку, читатель, только для того, чтобы автор торжественно возвестил о том, что первая партия к этому времени наконец-то завершилась. Как и многие партии, эту выиграл Альбионыч. Почти все восприняли это известие довольно спокойно, но только не Серёжа. Увидев, что проиграл, Афанасьич вдруг поражённо замолк, а затем не менее поражённо прошептал:

– Мать честнáя, а ведь у меня ещё никто в жизни не выигрывал!

– Ну, значит, я стал первым, – спокойно сказал Володя. – Впрочем, весьма сомнительное первенство!

Глава 113. НОТАЦИЯ ПО-ПОКЕРНОМУ

Описывать хотя бы одну партию в *русскую кочергу*, чем и занимались наши герои, было бы для читателя, вероятно, скучно – как скучно, например, любителю

снукера было бы смотреть на экране телевизора, как какой-нибудь эксперт, заглядывая в абракадабрические записи шахматных партий[98], растолковывает телезрителям, почему израильтянин Борис Гельфанд стал победителем Кубка мира по шахматам в Ханты-Мансийске, обыграв в финале украинца Руслана Пономарёва. Володя, не любивший шахматы за их какую-то невероятную массовость, трактовал эту партию по-своему – кратко и доступно: евреи всегда хохлов били.

[98] Например, 1. h2-h4? e7-e5 2. e2-e4 Cf8-c5 3. a2-a4? Фd8-f6?! 4.Лh1-h3?? Фf6:f2х – Каково?! – прим. автора

И если в тех же шахматах – при невероятном количестве комбинаций – всё же угадывалась какая-то академичность, то в *русской кочерге* – при том же количестве комбинаций – была такая трансцендентальная непредсказуемость, о которой читателю лучше и не знать, дабы не подвергать его возможности психического расстройства – навсегда.

Вот рюмашки скачут как в дыму –
клетчатые доски не покаты.
Шахматы не любим почему?
Дóски их для пьянки маловаты!

Если бы автор задался целью как-то описать происходившую сейчас партию, то делал бы это, конечно, не так коряво, как шахматисты (см. сноску [98] чуть выше), а подлинно по-писательски, то есть простыми русскими словами, иногда вставляя и иностранные. Вот пример такой гипотетической записи:

«Подсознание, словно бортовой компьютер, контролировало непростую игровую ситуацию»

«– Ладно, Серёжа, *за простую*, – скинул старшего джокера Володя. – К лику святых меня, конечно, не причислят, а вот тебе немного поможет…»

«Три заказать или четыре?», гадал Нуртай, как крестьянская девушка под сомнительный христианский праздник»

«Володя скинул карту, но не пожалел об этом, так как внезапно почувствовал приступ философского мазохизма»

«Мысль Альбионыча была остра, как принцип аппендицита»

«У Нуртая вновь оказался покер, и писателю пришлось притормозить, как асфальтовому катку на повороте»

«Музыкально образованный военный заметил, что бегающие дворовые дети дополнительно к пыли освежали периметр Бермудского Учпучмака вдохновенными воплями с красивым чередованием октав и разнообразием полутонов. «Ёперный ноктюрн», подумал он»

«– Сходишь? – полез в карман за денежкой Володя.

– Решабельный вопрос, – солидно подтвердил охранник»

«Полтавцев, имея на руках отличные маленькие карты, всё-таки забыл объявить мизéр и заказал пять взяток. Это было всё равно, что пойти в туалет и забыть снять штаны»

«Может быть, для оригинальности попытаться впасть в несвойственную мне неуверенность?», лениво подумал писатель»

«Курманбаев напряжённо сжимал в руке карточного покера, словно прощался с ним навсегда»

«Володя пёр вперёд, как заклинивший на передаче бульдозер»

«– Прошла зима печалей наших! – весело воскликнул писатель»

«Подлость педагога могла бы разгневать даже невозмутимого тибетского ламу»

«Володя контролировал ситуацию подобно эринии[99], готовый покарать за коварство» и т.д.

[99] В др.-гр. мифологии – богини мщения и кары – прим. др.-гр. редактора

Согласись, любезный читатель, что такую *нотацию*, как остроумно называют шахматисты свою *раскладку*, читать не в пример интереснее и забавнее.

Даже пó уши в дерьме,
делим мир на дольки –
запись мы ведём в уме:
кто, чего и сколько?

Глава 114. ЭЛЕКТРОФОРНАЯ МАШИНА ИГРЫ

Между тем битва титанов продолжалась. Кстати, это выражение – битва титанов писатель Кулемзин переделывал неоднократно – в зависимости от игровой обстановки: то это была ботва титанов, то битва ботанов, то битва неких кирьянов, а иногда и пиратов, а то и вовсе бахча арбузов. Правда, последний вариант оправдывает только то, что придуман он был как-то вечером, когда Володя подсчитал, что принял за прошедший день не менее двенадцати бутылочек «Тянь-Шаня» Но – к чёрту непонятные реминисценции! Обратимся лучше к великой игре, которая в очередной раз высветила все стороны жизни наших героев – как светлые, так и тёмные. Например, Серёжа, играя роббер на семи картах, сдуру заказал пять взяток, и только потом понял, что элементарно перепутал козыри. Руки его при этом почему-то свело судорогой, и к тому же он замолчал.

– Йодистый маклай, ходи, Афанасьич, – торопил его Талгат, держа карту наготове. Полтавцев не двигался и молчал. Чтобы разжать его крепко стиснутые губы, наверняка понадобился бы армейский ломик ЛОК-162[100].

[100] Ломик обыкновенный колотящий, длина 1 м 62 см – прим. воен. редактора

Но ступор его прошёл внезапно – от толчка земли Бермудского Учпучмака, который, увы, произвело не банальное землетрясения, которое ещё можно было бы пережить, а дворовые дети, которые носились возле игроков, словно солнечные зайчики от зеркальца, криво закреплённого между пальцев ноги́ бьющегося в ложном припадке *косящего* от армии призывника. При этом они издавали протяжные вопли, подобные тем, что до этого каких-то сто лет назад издавали камышовые коты, попавшие в страшные лапы доброго академика Павлова.

От рассвета до рассвета
от толчка идёт толчок:
разбивает вдрызг планету
тонкий детский каблучок!

Но зато охранник как бы проснулся и сделал первый ход. Надо ли говорить, что итог этого роббера совершенно не зависел от того, как он пошёл – с туза ли, с двойки ли, с пиковой ли дамы, смело воспетой неугомонным Сергеичем, тем более, что ни одного *гранда* для поддержки ситуации у сторожа не было. Итог был печален,

но закономерен – минус 90 очков в *раскладку*. Правда, был от этой нелепости и свой маленький плюс: абсолютно все игроки в результате полтавцевского демарша перебрали, то есть не взяли свои заказанные взятки.

Затем следующий роббер – на восьми картах – начался со стремительного хода Володи. Во-первых, он объявил мизе́р, и, кинув старшего джокера, предложил скинуться по старшим козырям. Игроки знают, что именно такие ходы подобны молнии: о них узнаёшь только тогда, когда они поражают. То, что сейчас сделал писатель, другой писатель американец Артур Исидорович Миллер когда-то назвал инстинктом мастерства. Имея на руках *такие* карты, Володе было уже неинтересно, с чем собираются играть остальные, – так неинтересно огромному паровозу знать мнение мелкого винтика в колесе о направлении движения состава. В игре чувствовалось растущее, как в высоковольтном трансформаторе, напряжение. Но одновременно с этим росло и напряжение взаимной неприязни – как в электрофорной машине, где до полного пробоя изоляции оставалось совсем немного. Продолжая электрическую тему, надо добавить, что это было тоже закономерно: как бы игроки ни стремились выглядеть достойно, но те игровые моменты, где кому-то везло, а кому-то наоборот, заряжали их почему-то не разноимёнными зарядами, а одноимёнными, а именно электронами, то есть зарядами сугубо отрицательными. Надо ли говорить, что при этом заряды резко отталкивались друг от друга, создавая тот психический фон, который присутствует на каждой серьёзной игре.

Знают это миллионы,
знаю потому и я:
электроны и протоны
в картах – вовсе не друзья!

Помогало игрокам ещё и то, что Альбионыч, не скупясь, время от времени назначал бывшего текстильщика скороходом-экспедитором – для доставки коллективу благородного напитка. Достающий купюру за купюрой и похмеляющий своих товарищей по горячему покерному цеху, Володя сейчас казался Серёже иконой, которую однажды показывала ему покойная бабушка Федора из деревни Семижопино – под названием «Утоли моя печали», а также живым воплощением самаритянства, хотя он и не знал, что означает это загадочное слово, а спросить стеснялся.

Глава 115. ГЛАВ-БУХ И ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ

И в этот момент игра вновь прервалась – сопокерники отвлеклись на занимательную картинку, разворачивающуюся на их глазах. Вдоль дома № 17 – от второго подъезда к первому – тайной тропой пробирался почётный алкаш города Отцеябловска Глав-Бух, бывший Руслан Кацоев. Его всё время шкивало направо, так как именно там была спасительная стена, и, наконец, помножив свою гнилую массу на квадрат скорости, и даже не разделив на два полученную энергию, он тем не менее умудрился бросить тело влево. Маршрут его был ясен, так как именно в первом подъезде, на беду Кулемзина, проживала подруга Глав-Буха Галлюцинация, бывшая Галина Смирнова. Славный поход за счастьем сопровождался дикими воплями именно в её адрес.

– Галка, б…, … … …, х…, п…, Галка, б…, б…, б…! – неслось над просторами Бермудского Учпучмака. Подсознательное первобытное прошлое Глав-Буха вдруг возобладало над не менее первобытным настоящим, и он стал похож на какого-то бабуина в брачный сезон, обнаружившего на своей территории бесхозную бабуиниху. Кацоев (б) ревел, как тормозной реверс самолёта. Кроме означенных автором точка-

ми слов, им издавались ещё какие-то, но то, о чём он так надрывно орал, мог сейчас разобрать, пожалуй, только логопед с тридцатилетним стажем.

– Яйчики-бабайчики, до чего же люди нелепы! – воскликнул Володя. – У них есть свобода мысли, а им подавай свободу выражения!

По давней писательской привычке подмечать детали, он внимательнее вгляделся в экстерьер пропитона и заметил:

– Судя по цвету его противной хари, наш маленький, по-моему, слишком злоупотребляет морковным соком! А судя по тому, что его только что предал вестибулярный аппарат, он так до сих пор и не вступил в Саксаульское общество трезвости. Видимо, немного не хватило на первый взнос…

И, действительно, на пропитой роже Глав-Буха большими красными буквами было написано: «Употребление спиртного в промышленных объёмах» Морда у него была такая отрешённая, что, по мнению Володи, без доброй пригоршни каких-нибудь мухоморов здесь явно не обошлось. Взъерошенный, как дикобраз, алкаш наглядно демонстрировал главное положение учения Чарлза Робертовича Дарвина, который в своём капитальном труде «Происхождение видов» утверждал, что Руслан (б) совсем недавно произошёл именно от обезьяны.

Знает каждая зараза –
ни при чём совсем *творец*:
все мы – выходцы от Чарлза,
Дарвин – наш родной отец!

Было очевидно, что Глав-Бух нажрался уже с самого утра. Полтавцев недолго разглядывал его телодвижения, а потом с завистью произнес:

– Мать честнáя, а ведь нам до него ещё деградировать и деградировать!

– Не о нём ли сказано в библии: «Пьяный бродит по блевотине своей…»[101]? – весело спросил Володя. Все тут же засомневались, но писатель отправил сомневающихся к ссылке в конце этого абзаца. Отметил появление алкаша и Нуртай: в его партийной голове тут же сложился призыв в духе забытых ныне плакатов нашей молодости (б): «Сорную траву – с поля вон!»

[101] Удивись, читатель, но есть, есть в этой книге такая строка, а именно в Книге пророка Исайи, 19:14 – прим. автора

Сегодня у Глав-Буха, видимо, был какой-то тайный от остальных жителей планеты праздник, потому что сверху он был одет в грязно-белую майку, найденную на помойке, где на фоне красного роллингстоуновского языка было написано: «I love not everybody men» Володе эта надпись показалась несколько двусмысленной, потому что в дословном переводе с одного из земных языков означала следующее: «Я люблю не всех мужчин» На голове же, несмотря на страшную жару, красовалась найденная всё на той же помойке спортивная самовязаная шапочка *a la bydlo*. Кроссовки его, в борьбе с жизнью давно лишившиеся шнурков, напоминали перевёрнутую шапку-ушанку диковинной расцветки. Перебирая заплетающимися ногами, а руками держась за стенку дома, Глав-Бух упорно пробирался к цели, как Роберт Джонович Скотт – к Южному полюсу. По дороге он боролся с земным притяжением, мечтая победить его. Но оно, то есть земное притяжение, подчинялось вовсе не пропитону, а закону Исаака Исааковича Ньютона, открытому для порядочных людей, и потому просто швырнуло Глав-Буха оземь! Не дойдя одного метра до подъезда, где проживала его возлюбленная и, по несчастью, герой нашего романа Кулемзин, Руслан (б) неожиданно изобразил фигуру пловца, отважно ныряющего вперёд головой в бассейн

с тумбочки. Плохо было только то, что голова ныряльщика неожиданно встретила препятствие в виде полураскрошенного бордюра, который всё ещё сохранял некоторую твёрдость.

Тебя я прошу, современный Икар:
не можешь летать – не марай тротуар!

Альбионыч, увидев потуги отважного, даже немного посочувствовал ему, потому что в бассейн, куда он сейчас нырял, забыли налить воды. Он не любил вида расплющенных тел и луж растекающихся соплей, поэтому отвернулся, а повернулся, только услышав глухой удар, известивший Бермудский Учпучмак о случившемся. «Рождённый ползать», подумал Володя, «наконец-то занялся своим прямым делом…» И действительно, дико вскрикнув, алкаш рухнул на пыльный асфальт так, что вызвал лёгкое землетрясение. Какая-нибудь поэтически настроенная дамочка из *современных* могла бы сказать, что он грациозно опустился на лужайку, как семечка одуванчика, парашютиком приземляющаяся на грешную землю. Но нет – он рухнул, пал ниц! Старушки на предподъездной лавочке вывернули шеи и стали таращиться на упавшего Руслана (б) с таким интересом, словно ожидали, что он вот-вот радостно *сыграет в ящик* прямо у них на глазах. При падении из кармана кацоевских штанов выпал смятый пластиковый стаканчик – такой грязный, словно в нём несколько лет разводили червей.

– Да, редкое чмо, как говорил незабвенный хохол Гоголь, долетит до середины Бермудского Учпучмака, – проводив взглядом полёт пропитона, произнёс Кулемзин.

– Ёкарная фабула, это какой Гоголь? – решил блеснуть знаниями прапорщик. – Который мёртвой душой с Пушкиным общался?

Володя улыбнулся:

– Наверное, когда-то было и такое – в параллельной Вселенной. Жаль, ни ты, ни Серёжа не знают, какие реминисценции происходили в этой неоткрытой Вселенной.

– Да что же я, Гоголя вашего не знаю, что ли? – возмутился Афанасьич. – Ведь это же он ещё в школе написал, что, мол, какой быстрый ездец не любит «Русской»!

Уверяю вас по-братски,
что не полный я дебил:
Гоголь наш, а не хохлятский,
потому что водку пил!

Володя с отвращением посмотрел на упавшего Глав-Буха и пробормотал:

– Прямо *дарвинг* какой-то!

Полтавцев, услыхав новое для него слово, тут же выхватил заветную книжечку «Для му.мы.»:

– А это что такое?

– Дарвинг? – усмехнулся Кулемзин. – Это, старик, такой экстремальный процесс превращения человека обратно в обезьяну – в основном, посредством излишнего употребления алкогольной продукции.

Сознание алкаш потерял мгновенно и, словно оброненный пьяными грузчиками шифоньер, грохнулся на землю, так и не выпустив из руки недопитую бутылку. Альбионыч, поглядев на эту забавную картину, прокомментировал её словами, для сторожа совершенно непонятными:

– Се грядёт с облаков, и узрит его всякое око, и те, кто пронзили его, и возрыдают пред ним все племена земные... Аминь![102]

[102] Откровение Иоанна Богослова, 1:7. Поражаюсь, как автор может так вольно трактовать священное писание, вставляя цитаты из него в совершенно непотребные места! – прим. богослов. редактора

Лёжа на грязном асфальте, Глав-Бух дышал натужно, как притомившийся мастурбатор. «Такие, как он», думал Володя, «способны пропить мавзолей *вечно живого* максимум за неделю. Очень работоспособный на этот счёт народ…» Какое-то мгновение алкаш лежал смирно, как сбитая кегля, затем на крики из дома выбежала Галлюцинация и, увидев падение сожителя, заголосила – истошно и пронзительно, как деревенская баба, потерявшая *кормильца.* Потом она с причитаниями вначале усадила его спиной к стене дома, а затем быстро допила остатки из выпавшей бутылки. За этими эволюциями почти сочувственно наблюдали соседки-пенсионерки.

– Пьяный, что ли? – спросила первая старушка.

– Да нет, – охотно поддержала разговор вторая, – это он вчера с Галей поругался, вот сердце-то и прихватило.

– Такой молодой ещё! – в глазах третьей старушки светилось сострадание.

Увидев, что её мил-человек не приходит в себя, Галлюцинация завопила на совсем уж высоких нотах, уподобляясь колтрейновскому[103] саксофону.

[103] Джон Уильямович Колтрейн – американский музыкант, один из самых влиятельных джазовых музыкантов второй половины XX века – прим. автора

Жаждой жизни воспылая,
ты к любви стремишься, но…
Но любовь такая злая,
что полюбишь и говно!

Глава 116. ГЛАВ-БУХ И ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ (продолжение)

В главе 71 этой части автор уже знакомил читателя и с этим персонажем, и с его верной подругой Галлюцинацией, но как-то вскользь, а теперь вот нашёл повод рассказать об этих людях (б) чуть подробнее. Оба персонажа жили в том же доме, что и Володя: Галлюцинация была его соседкой из квартиры № 3, а Глав-Бух соседствовал с Талгатом Батыршиным, проживая как раз над его квартирой – на третьем этаже. Руслану (б) было лет сорок, но он уже подходил к той кондиции, при которой возраст не учитывается – рожа у него была с таким фиолетовым отливом, какие бывают только у людей не просто пьющих, а пьющих так, как будто сегодняшний день у них был последним. От постоянных пьянок она опухла и округлилась, как у восточной красавицы из гарема, щёки были пористыми, как шоколад «Кэдберри», на губах была приклеена вечная мерзкая ухмылка. Склера его глаз напоминала смятый целлофан. Для полноты описания необходимо отметить и угреватую кожу, и сросшиеся кустистые брови, и впалые щёки, и сплющенный как у боксёра нос, в прожилках которого читалась вся история отечественного алкоголизма. Верхнюю губу рассекал старый шрам, полученный от уже знакомых читателю Танкиста и Одиссея – в борьбе за помойку, отчего казалось, что Глав-Бух всё время криво улыбается. Сочетание этой кривоватой улыбки с наполненной злобой взглядом выглядело жутковато. Казалось, что именно о нём художественно выражались писатели-детективщики

прошлого века, когда писали, что, мол, дескать, «с ним не рекомендовалось встречаться ночью в тёмном переулке»

Если бы Глав-Бух попался на глаза знаменитому криминалисту и физиономисту Чезаре Адриановичу Ломброзо, тот немедленно обвинил бы его в двойном убийстве старушек-процентщиц, жестоком изнасиловании второго класса «Б» и краже картин из какого-то саксаульского эрмитажа. Так что экстерьер пропитона действительно был не очень. Землистые пятна, замеченные автором в начале этого тома, которые сначала концентрировались в районе низкого лба, к этому моменту уже успешно освоили новые территории. При первом взгляде на Глав-Буха становилось ясно, что он родился сразу пьяным. Увидев его первый раз, Альбионыч решил, что, судя по жлобской морде, Глав-Бух когда-то был работником ножа и топора, разжалованный из мясорубов в подсобники за особую жестокость к мясу. Но потом доподлинно узнал, что в далёкой Совковии (б) алкаш когда-то работал пожарным, но попался на том, что во все времена считалось воровством, а в военные и вовсе мародёрством, – украл из горевшей квартиры колечко. Узнав об этом прискорбном факте, Володя даже сочинил немудрёный катрен:

Бьёмся с огнём
ночью и днём –
всё, что спасём,
домой унесём!

Сегодня, правда, Руслан (б) пил поменьше, чем в молодости, но вовсе не потому, что берёг печень или неожиданно поумнел к своим годам, а просто оттого, что все последние годы нигде не работал, а жил только на сиротскую пенсию своей подруги Галлюцинации. Правда, чем больше он выпивал, тем больше зверел, словно алкоголь наждачной бумагой сдирал с него последние подобия давно пропитой цивилизованности. Живя в сумрачном мире под девизом «От пьянки до похмелья», он иногда даже трезвел, и в это время всё его прогнившее существо наполнялось новой болью и страданием, а мысли принимали обычный ход – где бы накиряться снова. Был он такой не один – на районе алкашей хватало, как и во всём Отцеябловске, но этот был какой-то особенный. Большинство его бесед с такими же персонажами из соседних дворов велись насчёт того, как в своё время пел Высоцкий,

«…где достать недостающий рупь,
и кому потом бежать за водкой…»

В остальном же он был, как выражался Кулемзин, слишком бóрзым, причём, писатель вкладывал в это слово совершенно другой смысл, какой, например, вложили в него чеченцы, у которых *борзый* было производным от борз – волк. У Володи же это слово происходило от аббревиатуры БОРЗ, то есть «без определенного рода занятий» Иногда Глав-Бух, перепив дешёвой бормотухи, поколачивал Галлюцинацию, как бубен на чукотской свадьбе. Оп-па, вот автор случайно добрался и до второго персонажа в этом странном тандеме. Придётся сказать несколько слов и о ней. Альбионыч точно не знал, под каким знаком зодиака родилась Галлюцинация, хотя и подозревал, что под дорожным, просторечно называемым отечественными водителями «Кирпич», но зато догадывался, какой камень подходил ей по гороскопу. Это был, конечно же, рубин – как раз под цвет пожизненно залитых глаз и пропитой морды, а также означающий название черноплодного напитка, с которого и началось её вхождение в мир большого алкоголизма. Володя хорошо помнил этот отвратительный напиток с мерзким вкусом, довольно легко достающийся советским (б) алкашам, пото-

му что здоровый *фугас* «Рубина» (в 0,7 литра) стоил всего 1 рубль 56 копеек – при средней советской (б) зарплате в 100 рублей.

Пьём на нашей свиноферме
непременно круглый год:
солнцедар, рубин и вермут –
не кампари! Но сойдёт…

Вид у Галлюцинации был не лучше, чем у русалочки, переспавшей с полностью укомплектованной, но перепившей по случаю 1 Мая командой рыболовецкого траулера. При первом взгляде на неё сразу же вспоминалось обидное школьное прозвище Чучело-Вонючело, потому что, кроме естественного, никакого больше запаха она не источала, но знали бы вы, каков был её естественный! Володя всегда гадал, кто кого наградил вонизмом больше – Смирнова (б) свою квартиру или квартира – Галлюцинацию. Вонью из третьей квартиры несло страшенной – это был какой-то протухший самогонный дух. Весь дом № 17 знал, что пропитоны занимаются самогоноварением давно, и, что интересно, не только для внутреннего потребления, но и *на вынос* – таким же местным алкашам. «Орден Дружбы народов зарабатывают», однажды высказал версию Батыршин. Создавалось впечатление, что в какой-то большой и гадкой духовке прокаливаются несколько пар никогда не стиранных носков Глав-Буха. Поэтому при одном только взгляде на пропитоншу буквально тошнило, и Кулемзин однажды даже вспомнил поговорку одного из северных народов: «Семь раз почеши, один раз помой…»

Это было безобразное чудовище, в которое превращается любая пьющая женщина, тем более что иногда лицо её было таким же чёрным, как знаменитый итальянский мрамор из Лигурии. С равным успехом ей можно было дать и пятьдесят, и сто пятьдесят лет. Сексуальная она была, как осьминог, а привлекательная, как гора грязной посуды в раковине. Обычно одета Галлюцинация была, как практически все алкоголички, в чёрное сатиновое платье, которое ярко контрастировало с её белесоватыми глазами, похожими на неспелые ягоды крыжовника. Хотя сегодня – по случаю неведомого праздника – одета она была необычно хорошо – так, что на помойку выйти не стыдно: на подруге Руслана (б) сегодня красовались куцая подростковая курточка неизвестного малярам колера, тёмно-коричневые шершавые чулки и растресканные кроссовки с красными клиньями. Голова её была кокетливо подвязана бывшежёлтым платком, поэтому она считала, что именно сегодня выглядит сногсшибательно – то есть так, чтобы никто не усомнился, что это существо совсем недавно испытало на себе все ужасы какой-то страшной стихии – войны или пожара. Говоря короче, это была алкоголичка неясного возраста и невнятного происхождения, жизнь которой была скучной, как годовой отчёт сельского парторга, и постной, как маца.

«Может, кроме того, что Галя (б) несколько лет была лицом Саксаульской гуталиновой фабрики, в ней есть ещё какая-нибудь фишка?», думал, встречаясь с алкашкой в подъезде, Альбионыч. Вот и сегодня, бросив взгляд на Галлюцинацию, писатель в который раз подумал о том, что остро назрела необходимость приобрести паранджу, причём, желательно прорезиненную, после чего подарить соседке на какой-нибудь большой праздник – например, на день 1 апреля.

Не выдерживают нервы
мне глядеть на псориаз:
красит женщину не вермут,
а закуска – через раз!

Остаётся только добавить, что остаток своей паскудной и никудышней жизни Галлюцинация посвятила благородному делу очистки окружающей среды от пустых бутылок, ибо человечество с её точки зрения и было всего лишь их поставщиком. С приходом благословенного капитализма разной стеклянной тары значительно прибавилось, хотя, к неудовольствию алкоголиков, не всю её принимали в специальных пунктах приёма, так как, кроме родных *чебурашек* в 0,5 литра, хитрые производители норовили засунуть свою отравляющую саксаульские организмы продукцию в слишком вычурное стекло.

Глава 117. ГЛАВ-БУХ И ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ (окончание)

Поведение таких людей, как Глав-Бух или Галлюцинация, Кулемзин называл непонятно и красиво – *эпическое сознание.*

– Это означает, что они ещё не могут выделить себя из толпы, – объяснял он. – То есть каждый из них ещё не способен почувствовать себя личностью, они просто чувствуют себя частью общего целого, а именно той первобытной стаи, в которой живут до сих пор, и им нет дела до того, что мир уже давно изменился, и стаи сейчас совсем другие. А если говорить уж совсем проще, то эти персонажи из одного мусорного бачка вылупились!

Вот эта нереальность была действительно какой-то эпической. И даже в чём-то сказочной, а порой и просто былинной, поэтому Володя называл их соответственно сестрица Палёнушка и братец Похмелушка. Ни Галлюцинация, ни её друг Глав-Бух у людей нормальных не вызывали никаких чувств, кроме подступающей тошноты. Это были не люди, а какая-то плесень, ходячая беда Саксаулии. На руинах некогда сильной союзной республики (б) вырастало всё больше вот таких ядовитых бледных поганок. Из рассказов соседей писатель знал, что стихией Кацоева (б) по рождению была Земля, а Смирновой (б) – Вода, поэтому ему было нисколько не удивительно, что в результате их соединения возникала только грязь. Жили пропитоны дружно, ведя совместное домашне-алкогольное хозяйство, то есть раз в месяц пропивали пенсию, которую Галлюцинация получала от внимательного государства, состоя на учёте в заведении, расположенном на улице Каблукова[104]. Остальные же дни они проводили на помойках, в достаточном количестве разбросанных по всему микрорайону, где добывали себе и пропитание, и одежду, и даже кое-какие бытовые приборы, которые им всё равно оказывались не нужны, потому что выменивались неизвестно где на стандартную бутылку водки.

[104] Чтобы сие было понятно читателю российскому, скажу, что подобные заведения существуют и в России. Это психбольницы. Например, только в Москве и Московской области их ровно 20! – прим. автора

Ежедневно парочка навещала мусорку, где негласными начальниками были уже знакомые читателю бомжи Танкист и Одиссей, и если встречались с ними, то завязывали сначала перебранку, а потом и драку – за гнильё из мусорных бачков. Дрался, в основном, Глав-Бух, Галлюцинация же просто визжала, подбадривая сожителя, причём, так пронзительно, как могла бы это делать в XVIII веке старая дева, обнаружившая на своём ложе пьяного в стельку гусарского поручика. Обертоны её достигали таких высот, что любая оперная примадонна удавилась бы от зависти. Возвращались с заветной мусорки они, как правило, побитыми и какими-то чёрными, словно это было возвращение не с относительно чистой микрорайоновской помойки, а как минимум с разгрузки угольного состава. При всём том, что Глав-Бух был услов-

ным мужчиной, а Галлюцинация – условной женщиной, лицом они поразительно напоминали друг друга, как порождения одного отца по имени Алкоголь. Альбионыч помнил, как однажды вместе с Полтавцевым наблюдал за телодвижениями пропитонов, и как Серёжа при виде их грустно промолвил, предварительно сверившись с книжечкой «Для му.мы.»:

– Tu eram ego eris[105]…

[105] Я был тобой, ты будешь мной – лат.

Трезвый или же пьянчуга,
что лежит во всей красе, –
мы похожи друг на друга,
потому что люди – все!

Иногда Галлюцинация с Глав-Бухом устраивали даже часы любви. В основном, это происходило тогда, когда денег не хватало не то что на бутылку, но даже на сигареты. Руслан (б) с удовольствием целовал подружку, Галя (б) с удовольствием отвечала ему взаимностью: её поцелуй *по выхлопу* напоминал глоток тёплой водки, которой прополоскали пепельницу. «Какие высокие отношения», слыша возню за стенкой, бормотал в такие минуты Альбионыч.

Как хорошо попить с подругой чаю,
с ней почитать Тургенева с Толстым,
но лучше (я всё чаще замечаю!)
с ней обниматься пьяненькою в дым!

Но вернёмся в день сегодняшний. Охранник посмотрел на сволочью лежащего Руслана (б) и уверенно заявил:

– Встанет скоро.

– По себе знаешь? – ехидно осведомился Курманбаев.

– Нет, – честно ответил Полтавцев. – По себе, так я бы спал до утра. Просто ещё со школы помню один закон физики.

– Это какой же? – изумился педагог.

– А вот такой: угол падения всегда равен углу вставания!

Лежащий на пыльном асфальте Глав-Бух смотрел на мир тусклым взглядом полудохлой гадюки, Галлюцинация, словно бы услышав слова Серёжи о физическом законе, усердно хлопала алкаша по щекам, стараясь привести его в чувство. Наконец, её усилия увенчались успехом – пропитон открыл глаза и с чувством благодарности повторил свою недавнюю фразу:

– Галка, б…, … … …, х…, п…, Галка, б…, б…, б…!

– Живой! – воскликнула пьянчужка, посмотрев на него мутным взглядом. Хотя, если припомнить, что слово *взгляд* было производным от слова глядеть, то взглядом это было назвать трудно: Галлюцинация, обладая какими-никакими глазами, просто тупо пялилась на главбуховскую рожу. Володя, по многолетней творческой привычке, тут же придумал для этого случая замечательную метафору: опусти тыкву в очко деревенского сортира, сделай глубокий вдох, а потом посмотрись в зеркало – именно такой взгляд и был сейчас у пропитонши.

Немного придя в себя, алкаш стал выглядеть ещё замечательнее, чем до падения: рожа его чудесным образом оказалась и красной, и бледной одновременно, но с каким-то зеленоватым отливом, как у жертвы графа Влада Владовича Цепеша, известного как Дракула. Казалось, что из него за эти несколько минут какой-то не-

видимый вампир отсосал не меньше двух литров его нечистой крови. Кое-как встав и отряхнувшись, Глав-Бух подобрал с земли грязный пластиковый стаканчик, после чего нечистая пара удалилась в родной подъезд.

Я спою в одном куплете,
как непризнанный схоласт:
дом родной теплом нас встретит –
и нальёт, и закусь даст!

Глава 118. ЯВЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА

Недаром, ох, недаром Альбионыч, когда заказывал покерные скамеечки своему другу Насибу Кураеву, державшему небольшой столярный цех, попросил изготовить их не на четыре персоны, а на шесть. Как знал он, что это сакральное место будет принимать седалища не только игроков, но и людей пришлых. И вот сейчас такой человек объявился – это был старый приятель писателя, художник с *орловской*[106] фамилией Муравлёв. Выглядел сегодня он так, как будто душа его уже жила самостоятельно и со свойственным ей интересом изучала загробный мир.

[106] Владимир Орлов «Альтист Данилов» – прим. лит. редактора

Не царевич-королевич
попополняет нашу рать:
к нам пожаловал Малевич, –
но от слова *малевать*!

Первыми пришельца заметили бдительные соседки. При виде Валеры разговор их тут же смолк – похоже, вся энергия старушенций ушла на рентгеновски испытующие взгляды. Пришелец сразу, в буквальном смысле слова, почувствовал себя не на своём дворе: взоры пенсионерок прожигали насквозь, с ходу сканируя и социальный статус пришедшего, и его семейное положение, и даже явно преступные намерения по проникновению в налаженный быт Бермудского Учпучмака. Было понятно: бабуленции здесь жили опытные, не одну собаку съевшие на психофизических характеристиках любого человека! Увидев гоп-компанию, Валера расплылся в улыбке, как кот от литра валерьянки. Красные паучки на его носу и щеках недвусмысленно говорили о приверженности их владельца к горячительным напиткам – и речь идёт вовсе не о чае, как сейчас многим подумалось.

– Здоро́во! – поприветствовал он знакомых и не очень.

– Здорова моя корова! – ответил стихами военный, на что Серёжа так и зашёлся от глуповатого смеха, схватившись за живот, что, по его представлениям, должно было означать, что с юмором у него всё в порядке, и понимает он его не хуже других. Художник неожиданно начал пристально вглядываться в неузнаваемую с похмелья рожу охранника. Полтавцев, заметив его взгляд, степенно вытащил из недр котомки знаменитый блокнотик «Для му.мы.», нашёл нужную страницу и с выражением прочитал недавно услышанную из уст Володи цитату:

– Своя своих не познаша[107]?

[107] Евангелие от Иоанна, 1:11 – прим. богослов. редактора

Муравлёв смешался, пожал плечами и, неожиданно протянув охраннику руку, представился:

– Валера. Вот, выкроил время…

– Кто это? – на ухо спросил сторож у Альбионыча.

– Жил-был художник один, – тихонько пропел ему писатель. – Муравлёв-Водкин фамилия его…

– Художник? – с подозрением спросил Полтавцев, после чего неожиданно проявил хорошее знание предмета, напав на гостя:

– А почему без бороды? А кожаный пиджак где? А дóма камин есть?

Личность творческую видно
без усов и без бород:
надо выглядеть солидно,
чтоб героя знал народ!

Внимательно оглядев своего похмельного товарища, Кулемзин вспомнил слова русской народной поговорки: «Береги секонод-хэнд смолоду!» Хилую грудь пришельца обтягивала дешёвая китайская маечка с изображением неведомого животного, скалящего зубы, и надписью по-английски «Puma» Серёжа пригляделся к животному, не опознал его, но всё же решил, что догадался, и тут же проверил догадку:

– Жену так звать?

– А? Что? – всполошился художник.

– Рита, говорю, жена, что ли?

– Нет, жена Наташа, – горько признался Муравлёв.

«Интересно, почему же он майку с чужой женой носит?», мелькнула мысль у охранника. «Неужели любовница?» При этом сторож вновь залился искренним детским смехом. Увидев приятеля, Альбионыч раскинул руки, словно библейский папаша, принимающий блудного сына, подчеркнув тем самым русскую народную забаву – синдром товарищеского нерасставания. На сколько бы ни расставались русские люди, а вот при встрече обязательно обнимутся, вспомнив, что только хорошее связывало их в прошлой жизни: и совместные рюмашки, и совместные девушки, и даже совместные залёты в вытрезвители.

Пришёл – и сделался нечётным
наш центр картёжный, мозговой,
коль есть в компании залётный –
далёкий, пришлый, но родной…

– Привет, Валера, присаживайся, – тепло пригласил писатель к столу художника. При этом он поглядел ему в глаза:

– Как говорил мой друг Сергей Довлатов, место художника среди униженных и оскорблённых. Что-то у тебя, друг мой, с лицом не всё в порядке…

– Святой Малевич, да что-то я вчера… – застеснялся живописец.

– Слегка *взямши*? – догадался писатель. – Старик, ты сегодня прямо как репродукция твоей будущей картины!

– Какой картины?

– «Утро холостяка» (холст, масло, селёдка, окурки).

– А почему будущей?

– Да потому что, зная название, легко можно намалевать остальное содержимое, – свободно ответил писатель.

Здесь Муравлёв почувствовал, что просто-таки обязан задать ещё один крайне необходимый и важный вопрос.

– Как жизнь, Володя? – обратился он к Кулемзину с надоевшей за утро формулой.

– Да разве это жизнь? – ответил Альбионыч. – На приличную эпитафию слов не наберётся…

Подвести пора итоги,
как я мучился и жил:
пусть напишут в некрологе,
что, мол, пиво он любил!

Глава 119. ЯВЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА (окончание)

Живописец уселся рядом с Альбионычем, постоянно озираясь, словно перепуганный телёнок возле дойной коровы. Правда, сидеть на одном месте ему пришлось недолго.

– Вы, ёперный театр, судя по внешнему виду, художник?– благожелательно поинтересовался у Валеры прапорщик.

– Да нет, это я просто с похмелья так выгляжу, – ответил страдалец.

– А-а-а, – посочувствовал военный. – Может, выпьёшь? – бескомпромиссно предложил он, тут же перейдя на *ты*, но свою бутылочку пришельцу почему-то не отдал. Валера провинциально застеснялся. Альбионыч взглянул на похмельного художника. «Так, невысказанные жалобы на тошноту, слабость, боли в сердце, и кажется, ещё и болезненность лимфатических узлов. Заболевание какой-то неясной этиологии! Кардиограмма наверняка показала бы функциональное расстройство сердечной деятельности. Похоже, требуется экстренное хирургическое вмешательство!»

Писатель быстро достал купюру, сунул её в руку охранника и даже несколько подтолкнул его в сторону магазина. Через пару минут экстренная хирургическая операция была начата: Муравлёва, усаженного на скамеечку, заботливо придерживали с двух сторон военный и педагог, а Володя, одной рукой запрокинув голову художника к равнодушным небесам, другой осторожно вливал в него свежий напиток. Кадык оперируемого дёргался в счастливом экстазе от того, что его владелец только что поставил не зарегистрированный ни в одной книге рекорд – употребление 0,5 литра «Тянь-Шаня» за 11 секунд! После чего живописец тяжело отдышался, и вдруг заулыбался как младенец, проснувшийся утром и увидевший вместо надоевшего солнышка в окошке большую и вкусную мамкину сиську.

Под одною благодатью,
с рожей испитою,
мы с тобой – родные братья
в творческом запое!

В эту минуту к нашим героям незаметно и с неясными целями приблизился кот Пушок.

– Кис-кис, – позвал животное Серёжа.

Пушок посмотрел на сторожа разбойными ярко-жёлтыми глазами и вернулся к недавно прерванному занятию, то есть принялся старательно вылизывать шерсть на ободранном брюхе.

– Кис-кис, – ещё раз позвал охранник.

Кот даже не поднял головы, лишь повернул на голос рваное треугольное ухо и презрительно дёрнул кончиком хвоста, похожего на старый ёршик для мытья бутылок.

– Ну и кто кого? – решил прогуляться по теме дня саксаульский шишкин.

– Я не могу об этом сказать, – потупил свой взор Володя. – Из своей большой благородной человеческой скромности не могу…

– Что, салабоны дедов равняют? – поинтересовался художник, из чего можно было сделать вывод, что он уже практически окончательно пришёл в себя. Фраза была понятна всем когда-то отслужившим в советской армии (б) и продолжающим нелёгкую военную службу сейчас в саксаульской. Его не понял только Нуртай, так как неовладение подобной лексикой было следствием его неслужения родине.

Больше других приходу володиного приятеля обрадовался Полтавцев, ведь несколько походов в магазинчик Калимы отняли у него едва накопившиеся в процессе похмелья силы.

– А вот кто на новенького? – бодро пропел он, сделав движение указательным и средним пальцами по покерному столику, изображая чьи-то ножки, двигающиеся, как все сообразили, в сторону лавки. Валера не возражал, тем более что Кулемзин уже вкладывал в его руку очередную купюру, как апостол Фома палец в рану Христа, после чего мир узнал его как Фому Неверующего. Пройти надо было, как уже отмечал автор ранее, всего 22 метра, но и они дались живописцу не без труда. Тогда он усилием воли отогнал от себя образ любимой и заместил её огромной, литров на пять, бутылкой пива – холодной и истекающей тающим ледком, как айсберг, случайно заблудившийся в тёплом Гольфстриме. Поэтому, не смотря на похмельные увечья души, передвигался не до конца протрезвившийся художник довольно ходко, как бы иллюстрируя строчку из старой зэковской песни:

Ветер в харю,
а я шпарю…

Через пару минут взоры собравшихся были отблагодарены видом Муравлёва, ковыляющего обратно с туго набитым пакетом.

– Присоединяйся к гуще товарищей, товарищ! – пригласил педагог художника. Валера поспешно поставил пакет на столик, добежал до кустиков, где его тут же вырвало, после чего он всё-таки присоединился.

Негодуя, крикну: «Ох,
нынче мне не горько –
старый друг дороже трёх,
обретённых только!»

После распития саксаульский коровин решил наладить с новыми знакомыми контакт, для чего задал загадку близсидящему Полтавцеву:

– А вот скажи, что такое?

– Что такое? – всполошился охранник.

– Загадка, – пояснил художник. – Бывает белое, красное и чёрное, – намекая на «Чёрный квадрат» Малевича и такие же квадраты, но в собственном исполнении с глубокого похмелья.

– Да нет такого вина – чёрного! – тут же отгадал Серёжа. – А теперь ты отгадай. Вот что это: без рук, без ног, а двери открывает? Думаю, что ты ни в жисть не длогадаешься!

– Ключ, – без колебаний ответил Муравлёв.

– Эх ты, художник-пердёжник, – опозорил его перед коллективом Полтавцев. – Это же граната!

Глава 120. ЖЕНПИ И МУЖХУ

«Ну что ж», подумал на этом месте автор, «а не рассказать ли немного подробнее о новом персонаже нашего правдивого повествования, а также историю его не совсем счастливой семейной жизни?» Итак, сказано – сделано.

Валера Муравлёв, как уже было извещено ранее, был художником. Внимательнее, читатель, посмотри на два последних слова прозвучавшего предложения – был художником – и попробуй угадать, какое из них основное. Если тебе захотелось, чтобы главным словом здесь был *художник*, тогда тебе в другой роман. А вот слово *был* как раз как нельзя лучше характеризует нашего героя. Как и все юноши прошедшего советского поколения, он после школы попал в ряды Красной армии (б), а потом, набрав этим поступком необходимые социальные очки, протиснулся на худграф. Что же это был за зверь такой? Если коротко, то худграфом называли художественно-графический факультет местного педагогического института. Здесь надо сделать необходимое пояснение о том, что в Отцеябловске почему-то было два подобных учебных заведения. Одно из них называлось ЖенПИ, что расшифровывалось как Женский Педагогический Институт, и учились в нём соответственно одни девушки. Чем было вызвано такое гендерное неравенство, не знал никто, но все как-то к этому привыкли и смирились. А вот второе заведение называлось совсем не так, как хотелось бы остроумному Кулемзину – это был безликий пединститут имени Абая. А хотелось остроумному Кулемзину, чтобы называлось оно по аналогии с женским институтом (помните – ЖенПИ?), а именно МужХУ.

Ай-я-яй, благонравный читатель, что стало с твоим благонравием, когда ты увидел эту неполную аббревиатуру и конфузливо захихикал в кулачок! Ведь автор вкладывал в это слово совершенно определённый смысл – Мужское Художественное Училище! Вот в таком заведении и получил Муравлёв первые навыки рисования глиняных черепков и скудных советских (б) натюрмортов, а также наконец понял ранее непонятное для него выражение *художник должен быть голодным*.

Здесь даже нечего гадать –
всё ясно как стекло:
художник должен голодать,
ведь главное – бухло!
И пусть его всего чуть- чуть –
пусть 200 грамм всего –
оно направит в нужный путь
всё то, что в нас живо!

Четыре года, проведённые в стенах саксаульского МужХУ, пролетели как один день, насыщенный пьянками, гулянками с девушками из ЖенПИ, что иногда прерывалось такими досадными мелочами, как зачёты и экзамены.

Глава 121. РЕКУРСИВНО-РЕКУРСИОННАЯ РЕКУРСИЯ

Историю учёбы Муравлёва можно было бы на этом и закончить, если бы автор вдруг не вспомнил, как его герой Володя Кулемзин рассказывал ему, что однажды узнал новое слово именно из уст саксаульского пикассо. И слово это было – рекурсия. Ставлю все неопределенные глаголы русского языка против неизбывного читательского интереса, восклицает сейчас автор, за то, что ни один из читателей нашего романа тоже не знает этого слова! А, между тем, оно означает процесс повторения элементов *самоподобным* образом. Вот самый простой пример: если два зеркала

установить напротив друг друга, то возникающие в них *вложенные* отражения и будут одной из форм бесконечной рекурсии. Или ещё проще: «Я вижу сон, что я вижу сон, что я вижу сон…» и тому подобные трансцендентальные словесные извращения.

Оказалось, что Володя, не зная самого́ понятия, уже сталкивался с подобным примером в далёком детстве. Как-то его мама Валентина Александровна принесла домой замечательную подписку – 25 томов «Библиотеки современной фантастики» – страшный дефицит по тем смурным временам. И был в подписке один том великого фантаста Станислава Лема. И были в этом томе замечательные рассказы о звёздном путешественнике Йоне Тихом. Так вот, в его четырнадцатом путешествии Йон искал в энциклопедии неприличное на планете Энтеропия слово *сепульки*, и стал последовательно переходить от статьи о сепульках к статье о сепуляции, затем к статье о сепулькарии, которая и отправила его к статье о сепульках! Володя хорошо помнил, как эта история повляла на его молодой мозг.

И вот тогда-то в высокоучёном разговоре Муравлёв и привёл своему приятелю такой тонкий пример рекурсии, что Кулемзин был под впечатлением от него несколько дней. Дело в том, что учился Валера не просто на художника, а на художника с педагогическим уклоном, хотя Володя с первого дня сомневался, что такие учителя с алкогольным уклоном могут чему-то научить саксаульских детей. «Вот, смотри», сказал он тогда, «что такое рекурсия в нашем педагогическом: учить людей учить людей! Но и это ещё не всё: если некоторые студенты планируют остаться здесь на преподавательскую работу, то им придётся учить людей учить людей учить людей!»

– Да это не просто рекурсия! – воскликнул поражённый писатель. – Это просто рекурсивно-рекурсионная рекурсия какая-то!

Пьём частенько, значит, в курсе мы,
что не нужен нам амвон:
каждый день у нас рекурсия –
нескончаем выпивон!

Глава 122. ВТОРАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Но позвольте!», воскликнет на этом месте проницательный читатель. «А что же вы, уважаемый автор, всё о каком-то пришлом художнике – да уже три главы! А что же с нашими героями – покеристами? Я, как очень проницательный читатель», воскликнет далее проницательный читатель, «чувствую своей единственной печенью, что рассказ о нём может занять и пять, и десять, а то и все пятнадцать глав этой увлекательной книги, а это – непорядок!» Прав, прав наш читатель – увлёкся автор печальным жизнеописанием нового героя, совершенно забыв об основных участниках драмы, которые, между прочим, собрались на этих чёрно-белых страницах именно для того, чтобы немного поиграть в *русскую кочергу*! «Что же делать в этой ситуации?», как однажды остроумно выразился Николай Гаврилыч Чернышевский[108].

[108] Уже не первый раз автор слишком вольно трактует классические произведения! У Чернышевского роман назывался значительно короче и трагичнее, а именно «Что делать?» (1863) – прим. лит. редактора

И решил автор, что будет перемежать свой рассказ о художнике с игрой наших героев, ради которой и затевалась вся эта бодяга. А чтобы не надоедать всякими сложностями, суть игры будет отображаться в покерных нотациях, о первой из которых мы уже рассказали в главе 113. Итак…

«Увидев пришедшие карты, Полтавцев тут же возбудился, как гончий пёс на травле зайцев по первой пороше»

«Чувства и ощущения при словах о мизе́ре были острыми, как самурайский меч, по которому тем не менее можно было с лёгкостью пробежаться»

«При этом выражение лица Альбионыча было таким, словно он увидел, как пьяный хирург занёс скальпель над его животом»

«Талгат кинулся в бой, словно пиранья на кровоточащий палец»

«Между тем решение было простым, как теорема Пифагора для солдата-стройбатовца»

«Лицо педагога обиженно вытянулось, словно у ребёнка, узнавшего в Деде Морозе своего поддавшего папу»

«Глаза Серёжи сделались похожими на пару бильярдных шаров, замерших в состоянии крайне неустойчивого равновесия на са́мом краю луз»

«Разумеется, логический произвол привёл к абсурду»

«Сука-судьба дружески обнимала прапорщика за плечи и подпихивала его по неверному пути»

«Дворовые дети визжали так, словно в кружок восьмиклассниц, тайно курящих в школьном туалете, бросили белую мышь»

«Шансы выиграть у Володи таяли, как брошенный в кипяток сахар»

«У писателя был на педагога зуб – длиною с мыс Флорида»

«Сторож вздохнул, причём так тяжело, словно его попросили немного постоять под небесной сферой вместо Атланта»

«Военный удивился этому ходу больше, чем если бы его внезапно назначили министром обороны Республики Кот'д'Ивуар»

«Афанасьич явно относился к тем людям, что учатся только на своих ошибках, да и то если поймут их»

А выиграл эту партию, как бы ни хотелось признаваться в этом автору, Нуртай Курманбаев!

Но остра, хитра, мудра,
всех в одно паяет –
нас великая Игра
думать заставляет!

Глава 123. ПЕЧАЛЬНЫЕ ЗНАКОМСТВА

На дворе стояла советская пора, и это значило, что, если выпускник вуза в течение месяца после его окончания не поступит на работу, ему можно будет смело *шить* статью 209 Уголовного кодекса Саксаульской ССР (б), где рассказывалось о таком позорном явлении в жизни советского общества, как тунеядство. И ему повезло: как-то по пьянке он познакомился в пивнушке с мужиком, чьи штаны во всех местах были испачканы разными яркими красками. Мужиком оказался бригадир художников Отцеябловского государственного предприятия «Гороформление» Петрович, который после шестой кружки признал в Валере своего, после восьмой объявил его другом, а после десятой заверил, что лучшего художника, чем Муравлёв, в его бригаду не найти. Вспоминая сегодня свою работу в этом славном коллективе, Валера вдруг понял, что за десять лет работы в «Гороформлении» он так и не узнал не только фамилии, но даже имени Петровича.

Люблю такое рифмовать,
смотря как в панораме:

«Друзьям неважно, как нас *звать*,
ведь мы приходим сами!»

Одновременно Муравлёв познакомился и с Кулемзиным – всё в той же пивнушке. Надо сказать, что Володя всегда хорошо относился к художникам, ибо знал, что в стране советской (б) их таланту расцвести не дадут, и воспринимал их так же, как себя, – то есть как диссидентов от искусства, и потому искренне жалел. Он понимал, что молодой работник малярной кисти должен чем-то зарекомендовать себя на новом месте, и потому предложил потрясти руководство «Гороформления», устроив для него бесплатную выставку своих выдающихся работ. Валера на это ответил, что нарисовать любую картину для него – раз плюнуть, вот только тем для них он в прогорклой советской (б) действительности просто не видит, хотя эти темы непременно должны были быть идеологически совместимы именно с этой проклятой действительностью. Поэтому Володя усадил непризнанного гения за стол, дал ему бумагу и ручку и велел записывать темы будущих полотен: «Первый секретарь Отцеябловского горкома КПСС помогает товарищу Леониду Ильичу Брежневу при установке Знамени Победы над рейхстагом», «Министр финансов СССР товарищ Василий Фёдорович Гарбузов лично проверяет качество денежных знаков, выпускаемых Ленинградской *обогатительной* фабрикой», «Первый секретарь Отцеябловского горкома партии в присутствии инструктора республиканского ЦК отказывается от стереотипов в партийной работе», «Победители республиканского социалистического соревнования расправляются с побеждёнными» К работе предлагались также несколько скульптурных композиций – с некоторыми отклонениями от идеологии: «Юноша, овладевающий диалектическим методом познания действительности», «Мужчина, употребляющий в процессе руководства крепкие выражения» и другие.

Педагог, только что узнавший эту страшную историю, и поняв, что художник *мог бы* создать такие высокохужожественные эпические полотна, страшно зауважал Валеру и даже ни разу не пошарил в его карманах, видя, что Муравлёв ближе к вечеру лыка не вяжет.

Мы, себя в себе ломая,
словно стебель на стерне,
все таланты уважаем
потому, что сами не…

Остаётся только добавить, что в «Гороформлении» талантов живописца не оценили, впрочем, как и других алкашей-художников – Петрович, который ежедневно получал *втыки* от начальства, передавал их по инстанции вниз, своим подчинённым, ругая их за недостаточное внимание к наглядной агитации – плакатам, лозунгам и транспарантам, которые должны были радовать глаз человека на каждом советском (б) предприятии, словом, там, куда бы этот глаз ни упал и где бы этот рабочий ни оказался. Поэтому Володя, решив помочь новому члену коллектива заработать авторитет, предложил ему проявить инициативу и нарисовать плакат для вывеса его в той пивнушке, где они познакомились, а если понравится начальству, то и в остальных подобных точках тоже:

Пиво требует отстоя!
Человек требует пива!

«Классический закон отрицания отрицания», убеждал он Муравлёва откликнуться на предложение. «Просто-таки по Марксу!»

Глава 124. ТРЕТЬЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

Очередная партия, как и многие до этого, началась спокойно, но в процессе игры драматургия, сочившаяся из каждой взятки, достигла предела. Кроме напряжения игры, свою лепту в общее состояние прибавляли ещё два фактора – прихлёбывание пивка из заветных бутылочек, а также дворовые дети, не дающие расслабиться страдающим организмам. Впрочем, читайте сами нашу нотацию:

«Увидев пришедшие карты, Курманбаев подскочил, как стартовый флажок»

«Осознав ситуацию, Володя начал лихорадочно насвистывать «Листок из альбома» Скрябина»

«Голова прапорщика после такого незапланированного пролёта казалась наполненной не мозгами, а соломой, как у Страшилы из «Волшебника Изумрудного города»

«Кровь прилила к лицу Афанасьича, раскрасив пятнами щёки, как в книжке-раскраске для малышей»

«Дворовые дети безостановочно совершали какие-то круги, как осы вокруг надкушенного персика»

«Серёжа ринулся в магазин, словно будённовец на шеренги белогвардейцев»

«Этот жест военного трубача по отношению к своим товарищам по своей жестокости можно было сравнить только с последней кормёжкой Муму, предшествующей её утоплению»

«Наступил момент, как говорят некоторые телеведущие, истины»

«Полтавцев задрал бутылку к небу, как зенитку, от удовольствия произведя заход зрачков за веки»

«Пытаясь оправдаться, почему он пошёл именно так – как всегда бестолково и неправильно, сторож корявым пальцем правой руки начал водить по ладони левой, словно бы объясняя ребёнку, как сорока-ворона кашку варила»

«В этот момент Володя был страшен, как противотанковый фугас ТШ-62»

«Нуртай почувствовал, что взять заказанное ему в этом роббере уже не придётся, и завял, как огуречный хвостик в сентябре»

«Не углядывая в действиях противника никакой логики, Афанасьич покрылся пóтом, как марафонец на сороковом километре бега»

«Надо сказать, что писатель уже давно владел некоторыми навыками гипноза из практики мастеров Шаолиня, и потому легко угадывал, с какой масти пойдёт сидевшим *под ним* Полтавцев»

«Шансов договориться с подлым Нуртаем по-хорошему было примерно столько же, что и у кошки, пытающейся убедить крысу отказаться от сыра»

Мы совсем не шулера
с долей позитива –
кровь волнует нам игра
плюс азарт плюс пиво!

А вот теперь с относительно чистой совестью можно вернуться к печальной судьбе нашего художника, и печальной, конечно же, не из-за роковой встречи с будущим маленьким начальником.

Глава 125. ЛЕНИН С ГОРЬКОЙ

Но первым опытом в художественной живописи у Валеры Муравлёва неожиданно стала картина «Ленин на Красной площади», заказанная руководством «Гор-

оформления» к майским праздникам. Картина была призвана украсить актовый зал горисполкома, где, глядя на неё, докладчики должны были ещё больше вдохновляться решениями очередного съезда КПСС (б). И всё бы хорошо, но был во всей этой истории один пикантный нюанс: когда художник ваял своё полотно, то аккуратно перерисовывал фон с праздничной открытки, изображающей часть пресловутой Красной площади в Москве. Именно поэтому Ильич I на ней был изображён на фоне собственного мавзолея!

Вам скажу я, не мудруя:
мы работаем с душой,
а вождей за то рисуем,
что тариф на них большой!

Спасли Муравлёва тогда два момента. Первый заключался в том, что именно в дни майских праздников в «Гороформлении» скоропостижно скончался от пьянки один из художников – Слава Циммерман, и руководство предприятием, недолго думая, свалило неудачную картину на покойного. Дело раздувать не стали, хотя в Октябрьском районном КГБ (б) и догадались, что только человек с такой подозрительной фамилией мог совершить эту идеологическую диверсию. Но что с покойника возьмёшь?

Второй момент был намного сложнее, ибо знал о нём только сам Валера. Дело в том, что, когда решался вопрос о картине для горисполкома, руководством предлагалось два варианта: уже означенный – про Ленина на главной площади страны, и второй – под названием «Ленин и Горький» Но, в то время, когда непосредственный начальник художника бригадир Петрович передавал Муравлёву задание по телефону, то а) он был пьян; б) был пьян и сам живописец; и в) связь к тому времени всё ещё была советской (б). В результате телефонных переговоров Валера записал название второй картины не как «Ленин и Горький», а как «Ленин с горькой», и порадовался тому, что руководители партии и правительства наконец-то решили немного очеловечить образ вождя.

У него сразу родилось гениальное решение: Владимир Ильич сидит на траве возле шалаша в Разливе, постелив на пенёк листки с «Апрельскими тезисами», на которых аккуратно разложены нарезанные колбаса и хлеб, а в руках вождь мирового пролетариата держит бутылку той самой *горькой*, о которой и шла речь в названии картины. «Да-да», думал он, «именно в таком смелом решении образ Ильича I станет ещё ближе нашему советскому народу…»

После страшного случая, перекрестившись на портрет Брежнева, живописец порадовался тому, что выбрал именно первый вариант, но не потому, что так распорядился великий Случай, а всего лишь из-за того, что дóма у него как раз завалялась открытка с видом Красной площади, которую, как делали все советские художники, было удобно перерисовывать *по квадратикам*. Так сотрудники Октябрьского районного КГБ лишились ещё одного *громкого* дела, а Гурьевская колония 241/61 – ещё одного *сидельца*.

Половинит биссектриса
тех, кто слабый головой!
Случай так распорядился,
что остался я живой…

Самым интересным было то, что после запоев Валера с удивлением обнаруживал дома неизвестные ему полотна и, после недолгого изучения художественного

стиля, приходил к выводу, что автором их является он сам. Иногда, правда, получалось что-то тёмное, несуразное и пугающее, вроде монументов Церетели, а иногда выходило, как оценивал новинки его друг Володя Кулемзин, ближе к творчеству неоконцептуалистов, где ещё можно было что-то разобрать, правда, только после того, ежели к пиву добавить граммов 150 чего-нибудь покрепче. А порою, когда запой переходил временну́ю границу в одну условную неделю, перед ним вырисовывалось вообще нечто реалистичное, как у русских передвижников. Кстати, Муравлёв в своём творчестве действительно тяготел к простому и ясному ви́дению мира, во всех его чёрно-белых оттенках, абстрактных загибов нарочитого примитивизма и андеграундной зауми. «Жизнь и так достаточно символична, чтобы лишать её последней конкретики», вспоминал он при этом слова всё того же Кулемзина.

Говорил Серёга Кольке
о загадках бытия:
«Символична жизнь настолько,
что неясен даже я!»
Разрезая сыр на дольки,
нарушая этикет,
наливал рюмашку Колька,
игнорируя тот бред…

Глава 126. ЧЕТВЁРТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

А что же наши игроки? Пока автор забавляется жизнеописанием саксаульского айвазовского на суше, они продолжали делать своё нехитрое дело по доведению себя, как пишут в плохих романах, до белого каления. Да, впрочем, посудите сами.

«Курманбаев снова что-то не просчитал, снова сделал что-то не так, и сейчас педагога било и трясло, как картофелину в кипящем котле»

«Физиономия прапорщика вся разъехалась, как будто к нему явился Каменный Гость с тенью отца Гамлета в придачу»

«Володя, увидев пришедшие карты и мгновенно оценив ситуацию, стал спокоен, словно факир»

«Напряжение страстей явно нарушало миропорядок, но никому, кроме самих игроков, этого не было заметно»

«Объявив мизе́р, и тут же пойдя со старшего джокера, Полтавцев заранее поёжился, представляя, что сейчас произойдёт нечто ужасное. И оно произошло…»

«Тяжело было смотреть и на военного: у Талгата, недобравшего сразу две взятки и потерявшего 45 очков, вид был такой, словно его сначала испарили, потом пропустили через змеевик, а затем заново сконденсировали»

«Нуртай, преднамеренно посадивший сидевшего *под ним* писателя, довольно потёр руки и сощурился, как *медвежатник*, удачно ломанувший сложный сейф»

«Пролетев сразу на три взятки, Афанасьич впал в ступор и сидел сейчас, изображая московский памятник Крылову работы Древина и Митлянского. Володя, глядя на него, боролся с искушением протянуть руку и толкнуть его в плечо, чтобы проверить, не свалится ли он замертво»

«Писатель был искушён в *русской кочерге,* как горький пьяница – в советских (б) одеколонах, и потому, проиграв одну взятку, не огорчился: он знал, что Сука-судьба иногда поворачивается к проигравшим не только задницей, но и боком. Поэтому сейчас он был спокоен, как станок, обтачивающий деталь в автоматическом режиме»

«Дворовые дети визжали так, как будто одновременно ожил десяток новых китайских будильников»

«Серёжу после столь позорного проигрыша как-то заклинило, к тому же кончилось пиво, и оба горя словно бы наложились друг на друга, поэтому на предложение прапорщика сделать очередной заказ он молчал, как глухонемой партизан на допросе в гестапо»

«Одна! Всего одна взятка была нужна Курманбаеву, чтобы обойти на финише Кулемзина! Но её в последний момент забрал Серёжа, и не потому, что был таким хитрым или умным, а просто – чтобы избежать неизбежной в случае поражения *жопы*. Да, вот так иногда ломаются ноги в метре от финишной ленточки!»

«Писатель молча глядел на него с тем выражением лица, с каким, должно быть, Фернандо Мартинович Кортес взирал на местную индейскую бизнес-элиту, вышедшую на торжественную встречу в одних лишь нательных украшениях»

Дама, словно амулет,
смотрит в укоризне:
наша жизнь – игра? О, нет! –
где-то так – полжизни…

Глава 127. РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА – В Ж!

Вовсю продолжается наш бесконечный покерный марафон, а мы с читателями тем временем вернёмся к злоключениям художника. О чём говорит всем маловерам точная наука диалектика? Да она не говорит, а просто вопиет: чему быть – того не миновать! Тогда Муравлёву была поручена лёгкая, но нелюбимая работа: написать на красном кумаче очередной призыв о досрочном завершении пятилетки. Художник, будучи, как всегда, с похмелья, прямо из дома позвонил в плановый отдел и уточнил, что пятилетка сейчас идёт десятая, после чего стал думать, как бы побыстрее отбояриться и идти пить пиво. Сомнение вызвало первое же слово *десятую*. Писать его было долго, и он решил заменить слово цифрой *10*, но потом вспомнил, что то же самое можно написать ещё короче, а именно римской цифрой. В общем, когда пришли проверяющие, они увидели готовый к сдаче плакат народного живописца:

X-ую пятилетку завершим досрочно!

Вот так вылетел Валера из «Гороформления» – как пробковая пробка из алжирского вина «Гренаш», с успехом продававшееся в те годы в Отцеябловске. Помнится, открыть этот импортный шмурдяк не было никакой возможности – пробку не брал ни русский штопор, ни проталкивание её в бутылку с помощью опять же русских вилок, изготовлявшихся в СССР (б) почему-то из алюминия, и только сильные хлопки́ ладонью по днищу помогали получить долгожданный результат!

Нам и виски, и коньяк –
признак диареи,
ну а тот, кто пьёт шмурдяк,
только здоровеет!

«Вот так вылетел Валера…», оговорился автор? Нет, на этот раз ему опять повезло: как раз вовремя скончался генеральный секретарь ЦК КПСС (б) Ильич II, и на целый месяц руководство «Гороформления» погрузилось в глубокий траур с распи-

тием поминальных напитков. И всё же окончательно Валеру с тёплого места художника Отцеябловского оформительского комбината попёрли под Новый год, где-то через два месяца после кончины Главсовпахана. Дав художнику последний шанс, руководство вновь поручило ему ответственное задание: всё на том же куске лебедева-кумача написать лозунг для вывешивания его в зале заседаний Отцеябловского горисполкома. Правда, при работе, как это бывало с Муравлёвым и раньше, с ним случился вот такой казус: лозунг был длинным, и кусок материи тоже длинным, но последнее слово всё равно не поместилось, и Валера, подумав, решил, что если немного подсократит надпись, то все всё равно поймут, ибо эти слова давно уже навязли в сознании каждого советского (б) человека. Поэтому в конечном варианте произведение муравлёвского искусства выглядело так:

Решения XXV съезда КПСС – в ж!

Тогда Валера даже не представлял себе, насколько точным окажется его адрес через несколько лет – после падения социализма.

Глава 128. ПЯТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

Понимает, ах, как понимает проницательный автор нетерпеливого читателя, мусолящего эти страницы, которому так хочется узнать о приключениях художника Муравлёва далее, но обещал он ему (читателю), что непременно не будет забывать и про наших игроков. Поэтому вначале – ещё одна покерная нотация.

«Прежде всего, Володя наглядно продемонстрировал присутствующим места́ предполагаемой зимовки раков»

«Тогда Батыршин решил махнуть на педагога рукой, придерживаясь старой народной мудрости, остерегавшей во избежание появления нежелательных запахов трогать руками некоторые… м-м-м… химические соединения. Но не тут-то было!»

«Серёжа попался в расставленные сети, как слепой воробей в сохнувшее на балконе бельё. Сейчас он сидел с таким видом, будто только что получил страшную телеграмму: «Уехала навсегда. Твоя крыша»

«– Мизе́р, йоговская поза! – страшно возвестил прапорщик. Володя лишь усмехнулся, вспомнив, что с такой истеричной интонацией кричала некая восточная красотка Гюльчатай из «Белого солнца пустыни»: «Господин назначил меня любимой женой!»

«Голос педагога после проигрыша двух взяток был печален, как у жителя коммуналки, которому доверили сообщить соседу об оставленном ему в Америке наследстве»

«Игру Афанасьича можно было сравнить с качкой в открытом море: тошнит, а деваться некуда»

«– Яйчики-бабайчики, придётся ответить, – сурово возвестил Володя. – Причём по ужасающим в своей непредсказуемости законам покерного времени.

Умудрённый жизненным опытом, Афанасьич сразу же поинтересовался, о чём говорит этот суровый закон, дабы его немедленно исполнить, но было уже поздно…»

«Дворовые дети визжали, как маленький летучий отряд сирен гражданской обороны»

«– Промедление смерти подобно, – задумчиво сказал Нуртай. Серёжа несколько секунд соображал, где он мог слышать афоризм про промедление, но так ничего и не надумав, бездумно сделал ход»

«– Мизе́р, мать моя партия, – объявил Нуртай.
– *Иблис* тебе судья, – кротко ответил Володя»

«О соответствующем выражении лица Курманбаев, злодействующий сейчас с двумя джокерами на руках, позаботился заранее. Жёсткое, не сулящее ничего хорошего было это выражение – как у трудяги-злодея, прибившего девятерых, и на радость себе обнаружившего десятого»

«Это был слишком непредвиденный ход даже для любителя непредвиденных ходов»

«Спокойствие неуязвимого Альбионыча среди всеобщего нервничания бросалось в глаза, как воздвижение креста *дедушкина* во время сексуальной оргии»

Словно ходим мы по бритве,
богатея литражом –
сколько страсти в нашей битве,
столько нервов мы сожжём!

Ай-я-яй, ведь только полпартии прошло, а уже кипят за нашим столиком такие страсти! Но – в путь, мой дорогой читатель!

Глава 129. ИСТОРИЯ ПОКЕРНОГО СТОЛИКА

Вот что хорошо у писателей – так это делай что хочешь, и никакой читатель не упрекнёт тебя за своеволие! Только он (читатель) уже настроился на определённый лад повествования, то есть очерёдность глав об игре и рассказов о художнике, как захотелось ему (автору) немного отвлечься и рассказать ещё одну историю о предшествующих сегодняшним событиях. Итак, вот вам история о появлении на просторах Бермудского Учпучмака покерного столика, который, надеюсь, ещё полюбит мой читатель – так же, как полюбил его автор.

Первые полгода наши герои занимались полюбившимся им занятием в двух местах: когда за единственным на территории Бермудского Учпучмака карточным столиком не было пенсионеров, тогда именно за ним, и, когда пенсионеры появлялись, они дружно перемещались метров на 15 ниже – в квартиру Володи. И так бы продолжалось ещё долго, если бы однажды к писателю не заглянул его старый друг турок Насиб Кураев, бывший советский азербайджанец.

Прочту я тебе стих недетский,
навскидку стишок этот взвесь:
«Не нужен нам берег турецкий, –
ведь турков хватает и здесь!»

Насиб поглядел на скрюченных персонажей, усевшихся прямо на пол вокруг круглого *дастархана* – небольшого столика, который, кстати, он же когда-то и изготовил в своём столярном цехе, и через два дня сделал своему другу Володе и его гоп-компании царский подарок – покерный столик и две скамейки на шесть персон, причём, у всех трёх изделий были очень длинные, метра по два ножки. Оставалось только выбрать место и закопать лишнее в землю, создав прочную основу для будущего счастья.

Карта – лишь картонка с мастью –
знает каждый идиот:

если место есть для счастья,
значит, счастье и придёт!

Отталкиваясь от уже изготовленного заказа, место для покера Володя воплотил в стиле *пауперистского минимализма*[109]: и столик, и две скамеечки расположились между двух старых карагачей, а учитывая, что лето в суверенной Саксаулии обычно было очень жарким, так и хотелось воскликнуть словами одного маразматического *дедушки*, любящего величать себя с прописной буквы, из книжки без картинок: «И увидел Он, что это хорошо»!

[109] От лат. pauper – нищета

Нуртай скептически оглядел избранное место и воскликнул:

– А почему именно здесь?

– Чутьё, – тут же ответил Володя. – И вообще, как говорил мой приятель Станиславский, яйчики-бабайчики, то есть я хотел сказать, вернее, он хотел сказать, что на сцене должно быть «единство места, единство времени и единство содержания»!

Правда, никто из сопокерников особого желания поработать не выразил, поэтому писатель подогрел их интерес тем, что пообещал в конце работ от души накормить шашлыком и напоить пивком. Нуртай тут же косо воткнул лопатку в землю Бермудского Учпучмака и поделился с будущими сопокерниками известным философско-марксистским постулатом:

– Физический труд облагораживает человека!

Кулемзин поморщился: в такую чепуху он не верил с детства, воспринимая подобные трюизмы как банальные образчики коммунистической пропаганды (б), чистейшее враньё и запудривание мозгов простоватому советскому (б) народу.

– Суглинок, – ковырнув землю носком башмака, пробормотал Володя. Сторож уважительно посмотрел на писателя – он очень ценил Кулемзина за такие *значительные* слова. После произнесения прораб отправился на ближайший базарчик за жареным мясом, наказав оставшимся работать строго по очереди.

Пришли ребята на субботник,
здесь все в почёте – стар и млад.
Вован сказал: «Я буду плотник»,
Талгат сказал, что он маляр,
Сергей сказал: «Давай деревья,
лопату дай мне поскорей!»,
и тут Нуртай легко припомнил,
что по субботам он – еврей!

Пока Володя ходил за шашлыками, а Талгат с Серёжей копали ямки под ножки, Курманбаев долго бегал вокруг них, подбадривая работников криками типа «Эй, ухнем! Сама пойдёт, сама пойдёт!» и «Мать моя партия, взялись, ещё раз!» Сурово глядя на вкалывающего лопатой прапорщика, он время от времени поправлял его работу какой-то верёвочкой, видимо, изображающей строительный отвес, и при этом не забывал идеологически поддерживать товарища пламенными строками, скорее всего, собственного сочинения. Да не скорее, а именно собственного – придуманного, как ему казалось, в лучшие минуты его жизни.

– Товарищ, знай, справляя наш субботник, –
к победе путь тернист и каменист.

Кто коммунист – тот истинный работник,
кто не работник – тот не коммунист!

После такого идеологического перла сознание военного музыканта не выдержало и послало сильнейший импульс в область желудка, который через несколько секунд начал свободное волеизъявление в ближайшие кусты. «Притомился товарищ», нежно подумал педагог. Затем он хлопнул себя по лбу, видимо, вспомнив что-то важное, и сорвавшись, убежал домой. Пришёл педагог через полчаса, держа в руках свёрнутый в трубочку рулон ватмана, украденный по случаю накануне в еврейском колледже. Когда он воровал его, то даже не знал, насколько быстро пригодится такая замечательная халява. «Как всё-таки удачно получилось!», радовался Нуртай. Порадовался за товарища и его персональный *иблис*.

– Помогайте, чего стои́те! – заорал он на копальцев. Копальцы бросили лопаты и, обтерев руки о штаны, помогли педагогу растянуть ватман между двумя карагачами. После чего отошли подальше и прочли лозунг, который, как казалось его автору, должен был ещё более поспособствовать трудовому энтузиазму:

Воэведём очаг социалистической культуры!
Это наш пролетарский удар
по мракобесию и волюнтариэму!

Потом педагог внимательно оценил объём уже выполненных работ и что-то записал на клочке бумажки – видимо, производственные нормы каждого трудящегося. «Володя придёт – покажу», решил он, «ведь главное в нашем деле – это строгий учёт!» Он хотел ещё порассуждать о коммунистических идеалах строительства, о высоком предназначении человека труда, но понял, что пора закругляться – Кулемзин должен был подойти с минуты на минуту. А надо заметить, что по части проверки исполненных приказаний наш писатель был ох как крут, и не терпел, когда порученная работа была выполнена кое-как!

В труде он находил своё призванье,
ему всего себя отдать спешил,
долг исполняя не по приказанью,
а по веленью сумрачной души!

Глава 130. ИСТОРИЯ ПОКЕРНОГО СТОЛИКА (окончание)

– Ударные темпы – залог всего! – выкрикнул Курманбаев и наконец-то хоть чем-то помог копальцам, то есть поднял с земли лопаты и торжественно вручил их сторожу и прапорщику. – Главное – это совместная работа, – объяснил свои устремления педагог. – Она так хорошо укрепляет товарищеские отношения!

Видимо, Нуртай неплохо знал этот постулат ещё по работе в волчьих комсомольских ячейках ВЛКСМ (б). После чего он брезгливо вытер руки платочком и присел за соседний столик – к пенсионеркам, откуда сразу же донёсся его пронзительный голос:

– Петровна, ну кто так ходит?! Мать моя партия, с туза надо было ходить!

Соседний столик, за которым играли в подкидного дурака пенсионерки, Володя ласково называл СС, или проще Старушкин Столик. В то время, как Мусаич при-

строился к геронтологическому коллективу, появился и писатель с шашлыками и пивом.

Наше дело правое –
мы поедим!
Враг будет распит!

– Ну, здравствуйте ещё раз, мангало-шышлочное иго!

Первым делом гуру, конечно, обратил внимание на отлынивающего Нуртая, который так удачно вписался в общую композицию с пенсионерками близлежащих домов.

– Нате, здрасьте, что-нибудь покрасьте! – поэтически попенял он педагогу. – Ударными темпами ближе к собесу?

Лодырь подскочил, как девочка при игре в верёвочку, и тут же стал отчитываться о трудовых достижениях, причём делал упор на личном вкладе в общее дело, показывая на передовой плакат. Правда, делал это он так неубедительно, что сам понял всю тщетность своих потуг. И перестроился тут же, «напомнив» присутствующим все последствия строительства для своего истощённого организма, вроде того, что ещё до трудового подвига выдвигал главное требование, чтобы при игре не возникало сквозняков. Копальцы внимали ему молча, а в помрачневших глазах писателя он вообще заметил некоторый скепсис, после чего с горечью во взоре обратился к собравшимся строителям:

– Сразу видно, что вы никогда не страдали промежуточным отитом!

Между тем Альбионыч внимательно оценил предложенный лозунг и даже вспомнил название его псевдопролетарского шрифта – Haettenschweiler.

– Отлично, яйчики-бабайчики! – воскликнул он.

– Правда? – расцвёл педагог.

– У нас как раз скатёрки нет, – закончил восторгаться Володя. С этими словами он сорвал плакат, сложил его втрое и постелил на уже готовый к употреблению новый столик. Педагог ахнул, всплеснул руками, но, увидев шашлык и пиво, решил вопрос о своём трудовом участии больше не поднимать. Так покерная хевра обрела своё ПМЖ.

И в бою, и на параде
есть чем в жизни дорожить:
силы мы приложим там, где
лучше силы приложить!

Правда, такая скатёрка просуществовала недолго, потому что писатель любил быт устроенный, а не какой попало. Но, так как за полным отсутствием в периметре Бермудского Учпучмака потерпевших кораблекрушение судов, служивших Робинзону Даниэлевичу Крузо бесплатной базой снабжения, Володе вскоре пришлось вынести на улицу множество разнообразных вещей для сравнительно комфортного существования в условиях первой пятилетки неожиданно начавшегося покерного миллениума. Прежде всего, это была клеёночка, заботливо постеленная на покерный столик, а потом и самодельная тетрадь с распечаткой покерных *раскладок*, ручка как приложение к ней, а также мобильный телефон, положенный неизвестно для чего в карман рубашки с несколькими крупными купюрами.

– И всё-таки чего-то не хватает в нашем Бермудском Учпучмаке, – посетовал Альбионыч. – Может, сделать здесь японский *сад камней* – для отдохновения души? Кстати, знаете ли вы, что если бы действие этого романа проходило где-нибудь в

Якутии, то на месте нашего покерного столика стоял бы и радовал каких-нибудь чукчей тотемный столб, который северные народы называют смешным словом *сэргэ*?

– Какого романа? – хором поинтересовались будущие персонажи.

– Потом, – непонятно ответил писатель. – Всё потом…

Затем он критично оглядел пространство, после чего отказался от плодотворной идеи сада камней, мотивировав это тем, что такой сад цветёт крайне редко, а вот работать в нём надо от зари до зари.

Был надёжен я, не скрою,
весь в порыве трудовом:
сад камней зацвёл весною
мелкой галькой и песком!

От принесённого шашлыка мысли плавно перетекли непосредственно на барана, как на первоисточник закуски. Володя задумался над тем, почему мы не питаем неприязни к этим животным, хотя они и весьма глупейшие существа? Может быть, как раз из-за того, что они дают нам такое блюдо, да не одно? Или почему, например, не вызывает неприязни курица, хотя, казалось бы, глупее её ничего не придумаешь? Почему вообще не вызывают неприязни животные, с точки зрения человеческого разума стоящие где-то ниже последнего идиота? И почему так противен дурак, который, как ни крути, всё-таки поумнее барана? Да потому, что он – человек, опозоривший свой интеллект бараньей глупостью!

Но – к делу! Итак, чтобы завершить эпопею об изготовлении покерного пространства, остаётся только добавить, что к дереву впоследствии по инициативе Володи была прикреплена весьма красноречивая табличка, которая отражала кипящие страсти на поле битвы:

No smoking!
No spitting![110]

[110] ***Не курить! Не плевать! – англ.***

Табличку высокохудожественно исполнил кулемзинский приятель Валера Муравлёв, перед этим долго допытываясь, «что здесь написано, и при чём здесь смокинг», так как, кроме родного матерного, других языков не знал вовсе. Аккуратно переписав незнакомые буквы на бумажку, он попросил супругу Наташу найти человека, кто сможет перевести таинственное послание. Наташа обратилась к соседке Люсе, которая, как она знала, в СССР (б) была кандидатом технических наук, а теперь, после падения тоталитаризма, поднялась до новых высот, став продавцом на Отцеябловской барахолке, где зарабатывала вчетверо больше, чем в родном НИИ. Вспомнив все слова по отдельности, Люся попросила передать художнику вот такой вариант: «Не в смокинге – не плюй!» Валера, прочитав переведённое, очень обрадовался, что живёт не так страшно, как иностранцы, а в свободной стране Саксаулии, где можно плевать не то что в смокинге, но даже в трусах – с балкона!

Я смокинг только раз один надел,
когда мне Нобель badge[111] не пожалел!

[111] ***Читается как бэдж. Знак отличия – англ.***

Глава 131. ШЕСТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Взяв три взятки из трёх заказанных, прапорщик выглядел счастливым, словно только что избежал прокрутки в мясорубке»

«Писатель, внимательно оценив ситуацию, тут же применил хитрый тактический приём, свидетельствующий о высоком уровне развития коры правого полушария головного мозга»

«– Мать честна́я, да я ещё надеюсь хотя бы на второе место выйти, – оптимистически произнёс охранник.

– Вообще-то надежда очень слабая, – отозвался Володя. – Но, как утверждают наиболее передовые реаниматоры, она умирает всё-таки последней, или, в крайнем случае, предпоследней…»

«Вид у педагога был удивлённым, как у Мика Джоевича Джаггера[112], когда режиссёр Джефф Стивович Мёрфи неожиданно предложил ему сняться в своём фильме «Беглец»

[112] Кто не помнит, это лидер группы « The Rolling Stones» - прим. муз. редактора

«Афанасьич незаметно перекрестился, зажмурил глаза и бросил козырного туза. Сейчас он был похож на человека, бегущего с завязанными глазами по перекинутому через пропасть мосту без перил от голодного тигра.

– Кругом одни прагматики, – оценил умственные потуги сторожа Володя. – Романтика погибла, пошла ко дну под бременем буржуазных отношений…»

«Перед внутренним взором Володи встал «Портрет великого инквизитора» Доменикоса Эль Греко, и хотя он ни разу в жизни не был в мадридском музее Прадо, сразу же представил этого персонажа в образе нечестивого Нуртая»

«Дворовые дети носились как угорелые, производя своими малолетними гло́тками ультразвук на пике неожиданности»

«– Пять, йодистый наполеон! – в запальчивости выпалил Талгат весьма странное с точки зрения классической логики выражение.

– Посмотрите на этого человека, прямо к голове которого недалёкие люди прибили погон, – прокомментировал ухарский выпад Альбионыч. – Это именно ему сейчас предстоит пережить жесточайшее разочарование и крушение глупых иллюзий… Мизе́р!»

«– Ошибка, ошибка…– лихорадочно-потрясённо бормотал сторож, как будто это была первая ошибка в его жизни, к тому же, очень неожиданная. – Мать честна́я, что же делать?

«Как бы дело суицидом не кончилось», обеспокоено подумал Володя, всегда отличающийся крайним человеколюбием»

В постиженье теоремы
удивляется наш глаз:
ошибаемся в игре мы,
как и в жизни! Вот те раз…

Глава 132. НЕЯСНЫЙ КАПИТАЛИЗМ

После падения коммунистического режима Валера вдруг обнаружил, что у него в творческом плане возникли проблемы с пропорциями человеческих тел, и окончательно решил перейти на изготовление всякой рекламной чепухи. С тех пор он перестал думать о карьере придворного художника Отцеябловского горисполкома и с

наслаждением продолжил заглядывать в бутылочку, периодически находя на её дне сверкающий бриллиант истины, и каждый раз теряя его поутру. После всех жизненных перипетий и неурядиц нашего героя где только не помотало! Был он, как почти все советские интеллигенты, и сторожем, и дворником, и ещё кем-то, что не запомнилось. А запомнилось только то, что деньги какие-то всё-таки водились, смерть от недоедания отступила на неопределённое время, и жизнь, как это было ни удивительно, всё ещё шла – в неизвестном направлении. Тем временем неожиданно распалась страна, в которой родился и жил Валера, и он в один миг очутился в суверенной Саксаулии, откуда, кстати, никогда и не выезжал.

Когда советский строй рухнул, и Муравлёву надо было чем-то зарабатывать на жизнь, Володя, который к тому времени немного разбогател, снова решил помочь товарищу, предложив написать ему ряд картин на близкую и хорошо знакомую тему – о Кулемзине, на что художник заявил, что тема-то близкая, а вот с чего начать, он не знает по-прежнему.

– Хорошо, записывай темы, – предложил писатель: – «Д-р Кулемзин занимается капитальным ремонтом земной тяги», «Д-р Кулемзин пособляет трём китам Землю держать», «Д-р Кулемзин прибывает с отчётом в родную марсианскую столицу Ию» и ряд им подобных.

Надо ли говорить, что с талантом, полностью погружённым в бутылку, эти темы также не стали достоянием широкой общественности! Не увидел широкий зритель и эпическое полотно, предложенное старшим товарищем под названием «Девушки из Четвёртой вспомогательной саксаульской армии одна за другой героически гибнут во время исторического штурма Берлина»!

Я капустой грустно хрустну,
насмотревшися лубков:
помогает мне искусство
обрести приплод мозгов…

Единственной картиной на предложенные темы, которую Муравлёв сумел выполнить на 11 процентов, было полотно под названием «Д-р Кулемзин учит аборигенов основам рыночной экономии», которую он по старой памяти начал ваять всё по тем же *квадратикам* с фотографии, подаренной ему Володей. На фото сам писатель монументально возвышался между овощных рядов местного базарчика, рассказывая сильно загорелому саксаульцу с чесноком в руке о шотландском экономисте XVIII века Адаме Адамовиче Смите. 11 же процентов, вычисленных писателем, включали в себя сам холст, грунтовку и пресловутые *квадратики*, талантливо нарисованные с похмелья.

И всё-таки капитализм понравился художнику больше социализма: во-первых, Саксаулия, обретя независимость, сразу же отменила позорную статью за тунеядство, и сейчас не надо было вздрагивать, увидев участкового с его неприятными вопросами, во-вторых, можно было зарабатывать сколько хочешь, хотя хотения в этом вопросе, как он быстро убедился, было мало, и, в-третьих, никто не стоял над душой, уговаривая его прогнать настойчивую *белочку*, которая стала являться всё чаще и чаще.

Перестал я жить забортно,
обретя тугую нить:
в новой жизни мне комфортно –
выпить есть и закусить!

И всё-таки капитализм, повторим мы начало предыдущего абзаца, оставался для нашего героя каким-то неясным приобретением демократии. Надо было не только жить, но и есть, а чтобы есть, нужно было где-то работать. И тогда Муравлёв решил, как и его старший товарищ Володя, стать индивидуальным предпринимателем. Но деньги неожиданно закончились раньше принятого решения, и художник по совету всё того же Володи дал в газету следующее объявление: «Продам превосходно выполненную копию картины Казимира Малевича «Чёрный супрематический квадрат» Людям, далёким от искусства, просьба не беспокоить!» Это объявление стало для него ещё одним жестоким разочарованием в жизни: оказалось, что в миллионном Отцеябловске жили только люди, далёкие от искусства, ведь за неделю на его призыв случился только один телефонный звонок – от полуглухой старушки, искренне интересовавшейся, что означает слово *супрематический*. Но Валера объяснять не стал, так как и сам не знал неведомого слова, а вписал его в объявление по настоятельной рекомендации эрудита Кулемзина.

Мы талантом не богаты,
только просим вас учесть:
рисовать легко «Квадраты»,
коли сажа в ручке есть!

Глава 133. СЕДЬМАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

Ох, как хотелось бы автору рассказать историю трагической любви саксаульского шишкина без вот этих перебивок, да не может он этого сделать – во-первых, уже дал слово читателю, а это святое, и, во-вторых, надо же, чтобы он (читатель) всё-таки не забывал, что главным героем этой книги является Игра – великая *русская кочерга*. Ведь даже из этой сборной солянки, которую автор высокопарно назвал покерной нотацией, воочию можно увидеть и прочувствовать весь накал игры, весь шквал страстей, бушующих на просторах Бермудского Учпучмака, всю иронию и насмешку над человеками Суки-судьбы и её верного пажа – великого Случая! Итак, продолжим…

«– Да что ты, Володя, я же не хотел… Честно! Мать моя партия! – клялся Нуртай, прижимая нечистую руку к нечистому же сердцу. Но Альбионыч знал, что легче поверить в прилёт его соотечественников-марсиан на Землю, чем в «честность» педагога»

«Неожиданно взяв четыре заказанные взятки, Серёжа тут же возомнил себя великим стратегом и, не глядя на пришедший роббер, ещё раз заказал четыре, включив механические стереотипы своего глупого поведения»

«Сейчас Батыршин ощущал примерно то же, что ощутила бы консервная банка, если бы она обладала возможностью ощущать, увидев в руках изголодавшегося командированного консервный нож»

«Кажется, пора брать эту шатию-братию за гланды…», подумал писатель»

«– Ты, Нуртай, как тот цыган, – предположил Кулемзин.

– Какой? – сразу же заинтересовался Афанасьич и достал карандашик.

– Да это старая байка, как цыган от еды лошадь отучал. Говорит, уж было привыкла, да на десятый день сдохла…»

«– Так, Талгату надо недодать одну взятку, – бормотал Серёжа, – Володе перебор, Нуртая, сволоча, вообще посадить, ну а я беру свои пять – и победа! Мать честнáя, как всё, оказывается, просто…

Остальные игроки с сомнением посмотрели на доморощенную Кассандру, коей, как утверждали древнегреческие мифы, всё равно никто не верил»

«Володя знал, что действия не всегда отражают мысли, и намеренно уронил одну карту – трефового туза, а потом ещё долго и неловко поднимал, чтобы она хорошо запомнилась его противникам, игнорируя их весёлые переглядывания по поводу его якобы «прокола»

«В принципе госпожа удача не такая уж *переборчивая* дама, и милость и немилость свою она более-менее равномерно среди всех старается распределить. Просто не всегда это у неё получается…»

«– Давно ведь знал, и всё же попался, – с досадой произнёс Володя. – Если хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо, сделай это сам…

– Эт' точно! – отозвался знаток жизни Полтавцев»

«Дворовые дети выли так отчаянно, что им наверняка бы позавидовал вожак са́мой голодной волчьей стаи»

«– До чего мне нравятся наивные люди, – вздохнул писатель. – Им легко и радостно жить… Я вообще люблю бодрячков и активных оптимистов!

После этих слов Курманбаев затвердел лицом и сделал глаза проницательными, как у революционера-народовольца, хоть бюсты с него ваяй!»

«– Ёперный балет, Володя, ты что так долго думаешь?

– Учти, Талгат, быстро только революции делаются. И кошки любятся. Наверное, поэтому и слепыми рождаются…»

«– *Иблис*, – ругнулся Нуртай. – Как джокера-то жалко…

– Взвыл купец Бабкин, – иронично заметил Кулемзин, – жалко ему, видите ли, шубы[113]…»

[113] Чувствуется, что цитата литературная, но вот откуда, иблис его знает?! – прим. лит. редактора

«– Главное предназначение всегда скрыто от глаз, – веско сказал Володя и поглядел прямо в глаза педагогу. Нуртай ничего не понял, но от таких ужасных слов зябко поёжился. Правда, с появлением в его картах джокера выражение недовольства с его физиономии сдуло, как блоху с крыши трамвая»

Мы живём во власти веры,
что решает всё зараз:
взятки, робберы, мизе́ры –
нам такая жизнь как раз!

Глава 134. ЖЕРТВА СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Обзавёлся страшным документом, а именно свидетельством о браке, художник совсем недавно. А дело было так. Однажды он, как всегда, с похмелья тихо брёл в сторону своего универсама – разжиться свежим пивком, пусть не разивным, а бутылочным, но всё равно необходимым. И в дверях магазина столкнулся с чем-то таким, с чем не смог разойтись, хотя двери эти были довольно широкими, а Муравлёв худой, как исландская селёдка. Мало того, столкновение произошло, что называется, лоб в лоб, отчего лоб художника не пострадал, а вот весь организм как будто снесло воздушной волной. «Война?», подумал он.

Нет, это была не война, а Наташа, хотя впоследствии Валера часто признавался себе, что лучше бы это была война – войну легче пережить. Стокилограммовая девушка легко подняла страдальца, отряхнула его с материнской заботой и предположила, что идёт он за пивом.

У моей Наталии
вовсе нету талии!

Затем она провела короткий опрос, в результате которого узнала, что живёт потерпевший один – в большой просторной квартире, и поэтому надо бы вначале не пить пиво, а плотно поесть сытного украинского борща. Художник, стесняясь, признался, что слово борщ он помнит, но вот как выглядит блюдо, забыл напрочь. Так состоялось это роковое знакомство. Валера, познакомившись с симпатичной толстушкой и распив с ней полтора литра винца, неожиданно решил покаяться и рассказал ей обо всех своих грехах. Впрочем, это не помогло – через неделю Наташа всё-таки переехала к нему жить. Она сразу попробовала спать с новым знакомым, и однажды утром, проснувшись, Валера с ужасом посмотрел на руку толщиной с ногу, закинутую на его тощую цыплячью шею, после чего осознал безысходность хватки и понял, что, как честному человеку, ему предстоит жениться. Правда, Наташа поторопилась: если бы она когда-нибудь читала, да притом читала именно Николая Васильевича Гоголя, да притом его «Портрет», она, возможно бы, и запомнила такие строчки великого сатирика: «Нет, я вам скажу: нет хуже жильца, как живописец: свинья свиньёй живёт, просто не приведи Бог[114]» Но нет, не помнила она ничего, и не читала не только Гоголя, но даже и Хорхе Луиса Борхеса!

[114] Наивный Гоголь писал это слово именно так – с прописной буквы – прим. автора

До появления Наташи в квартире Валеры царил тот милый всякому творческому мужику беспорядок, разрушить который, как утверждается в «Малой семейной энциклопедии», в силах лишь заботливые женские руки, да так, что после их *уборки* самые нужные и важные вещи исчезают бесследно. Но подруга оказалась хозяйственной, как мыло. Через неделю в квартире художника полностью исчез тот беспорядок, который ленивые художники называют творческим: стол стоял строго посередине зала, стулья были вдвинуты под него ровно на три четверти, как это до сих пор делают старые ленинградцы, а ужасные рисунки Муравлёва, больше похожие на детские кляксы, собрались в один непонятно откуда взявшийся альбом.

«Здесь не стоит убираться»,
я подругу ободрил,
«беспорядок мил мне, братцы, –
сам его я сотворил!»

Первый тревожный звонок прозвучал для Валеры на пятый день его знакомства с Наташей. Новая девушка критически оглядела холостяцкую берлогу художника и решительно принялась за уборку. Муравлёв с ужасом смотрел на то, как всё вокруг рушилось и падало, но затем по какой-то удивительной причине вдруг встало обновлённым – как из огня чистилища. Неповоротливая толстушка принялась вывозить грязь с носорожьей бабьей ухваткой, и хозяину опять пришла на ум мысль о конце света. Сначала подруга смела мусор, подняв столбы пыли, а потом наплескала в подвернувшийся тазик воды («Откуда бы у меня этот тазик?», изумлённо подумал художник) и стала яростно гонять её по несвежему линолеуму большой грязной тряпкой («Откуда бы у меня эта тряпка?», с ещё бóльшим изумлением подумал хозяин). Время от времени с её губ слетали почти неслышные идиомы, и, прислушавшись, Валера понял, что она то тихо матерится, то приборматывает что-то вроде: «Ну, хоть перед свадьбой чисто будет…» Затем она перешла на балкон, главной достопримечательностью которого были четыреста-пятьсот пустых бутылок из-под всего, которые

в связи с распадом СССР (б) и иностранными изготовителями, перестали принимать в специально изготовленных для таких, как Муравлёв, пунктах.

Бутылка нам на то дана,
чтобы она была сдана!

Художник тихо опустился на чистый линолеум, который, отмывшись, оказался с каким-то восточным орнаментом, и зажал уши. Но помогло это мало: сквозь корявые пальцы, прижатые к ракушкам органов слуха, гремело стекло и, судя по звуку, железо. Затем раздались шумные хлопки и он, вглядевшись, рассмотрел, что на улицу с балкона полетел какой-то хлам, в котором он с трудом опознал детские санки, потерянные им лет двадцать назад, лыжи, о которых не вспомнилось вообще ничего, и ещё какоё-то тлелое барахло. Ещё полчаса за мутными стеклами было видно мелькание колобковой фигуры да слышно скрежет и уханье падающих предметов. Потом новая подруга нашла в углу за диваном бутылочку чернил ещё с советской (б) этикеткой, рассказывающей пользователям о том, что сию продукцию изготовили на Воронежском химическом комбинате. Она долго решала, выбросить её или как-то применить, и, наконец, нашлась: развела чернила в ржавом тазу и покрасила в бледно-фиолетовый цвет занавески с окон – чтобы на первое время казались чистыми.

По презвянке пропадаю
от такого пустяка:
занавески прикрывают
срам жилья холостяка!

Завёлся в бывшей холостяцкой берлоге и дивный уголок, увидев который, Кулемзин тотчас окрестил его *крематорием*. И было за что! Девственную до того поверхность трельяжа занимали десятки косметических баночек и флакончиков, в основном из belle France[115] и прилегающих к ней европейских государств: духи в маленьких изящных флакончиках, другие духи почему-то в более массивных флаконах, похожих на миниатюрные *фауст-патроны*, некие баночки, перевязанные, словно маленькие девочки на уроках танцев, атласными ленточками, а также помады, какие-то экстра-тонеры, неведомые мужчинам всей Земли мицеллярные жидкости, и, конечно же, крема́ – на все случаи жизни: крем для лица в дневное время, крем для него же в вечернее время, и особенно крем всё для того же лица в ночное время, главным достоинством которого, судя по этикетке, было то, что «вы спите, а крем работает!» Чем не *крематорий* (для скудной валериной зарплаты)! Рядом с *крематорием* Наташа держала несколько наборов юного маляра «Раскрась себя сама» Все эти баночки и флакончики с какими-то косметическими какашками отражали, по мнению писателя, всю историю превращения Евы из работящей женщины в бездельницу. Этого добра было так много, а пахло оно так сильно, что Валере при взгляде на флакончики иногда хотелось просто понюхать собачьего дерьма – для успокоения нервной системы.

[115] Прекрасная Франция – фр.

Брал красивую заразу,
но сегодня – вот-те на! –
всю косметику намазав,
стала ведьмою жена!

Сейчас Валера сидел на скамеечке в Бермудском Учпучмаке и мечтал о том счастливом дне, когда на трельяже его любимой останется только один косметиче-

ский флакончик – «Средство по уходу от мужа» Но, возвращаясь к теме, добавим: поселился в квартире и борщ.

Глав 135. ПОЭМА О БОРЩЕ

Не смог спокойно на этом месте автор продолжить своё повествование, так зачесались его руки, чтобы немного рассказать читателям об этой сказочной еде.

О, борщ! Борщ – традиционное блюдо украинской (как ни доказывают некоторые русофобы!) кухни. Само слово «борщ» произошло от старославянского *бърщъ*, то есть свёкла, которая, кстати говоря, и является неотъемлемым компонентом этого замечательного блюда. Борщей известно множество: борщ украинский с пампушками, борщ киевский, борщ зелёный, борщи московский и флотский, польский мясной и литовский постный, борщ вегетарианский с кукурузой и грибами, борщ с фрикадельками etc. А есть ещё *борщок* из молодого свекольника – заметьте, не из свёклы, а из свекольника!

А знаете, как он делается? «Свёклу хорошо очистить, промыть, нарезать соломкой, сбрызнуть уксусом, перемешать, положить в сотейник с жиром и, помешивая, слегка обжарить. Затем добавить к ней немного бульона и тушить на слабом огне полтора-два часа. Нарезать соломкой морковь, брюкву (эх, где же её взять в Саксаулии!), петрушку, сельдерей, репчатый лук, свежую капусту. В кипящий бульон положить сначала капусту, потом обжаренные овощи, коренья, лук, лавровый лист, душистый перец горошком и томат-пюре. Добавить туда же за 15 минут до конца варки мучную пассеровку и варёные кукурузные зёрна»

Мне не нужно неба/рая
и подарков к рождеству:
наверну борща с утра я,
чтоб почувствовать: живу!

М-м-м-м! Бежит слюна у нашего автора, падая на разгорячённую этими строками клавиатуру! Но – главное! «При подаче на стол в тарелку с *борщком* положить мясо, сметану, мелко нарезанный зелёный лук и укроп. К нему можно подать гречневую кашу, блины, ватрушки, пирожки, расстегаи, кулебяки, пампушки с чесноком» Поэма!

Правда, через месяц знакомства Муравлёв перестал спать – по ночам его постоянно будили звуки ложки, скрежещущей по кастрюле с борщом и прилагающийся к нему страшный звук поедания оного – со стонами, всхлипами и причмокиваниями. После чего художник по совету своего друга Кулемзина попытался перестроить организм новой подруги на *мягкую* диету, то есть давать ей больше овощей, а не хлеба, пиццы, булочек и тортов. Сходив в кулинарию, он купил семь кабачков, фаршированных овощами – по одному на каждый день недели, и оставил их в холодильнике. Придя вечером домой, живописец застал печальную картину: Наташа сидела на кухне и доедала последний кабачок, а после того, как доела и его, восторженно прокричала: «Как вкусно! А теперь, Валерочка, давай обедать…»

Не устраивай мне ада,
не пихай мне овощей:
мне твоих диет не надо –
лучше больше и вкусней!
И, конечно, пожирней!

Глава 136. ЖЕРТВА СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ (окончание)

Итак, в квартире нашего художника поселился и борщ. Это было значительным достижением для данной жилплощади, так как на протяжении последних двух пятилеток самым аппетитным запахом, который здесь гнездился, был запах поджаренных куриных яиц и пережаренной колбасы – единственного деликатеса, который хозяин умел готовить сам. А, впрочем, нет, куриные яйца живописец иногда и варил, меланхолично помешивая воду все полчаса варки. Вслед за борщом в квартире художника запахло биточками, котлетами, шницелями, бифштексами, а иногда даже и ромштексами. Этого удара Муравлёв уже выдержать не смог, и обратился к своему старшему товарищу Кулемзину за советом: сто́ит ли жениться на Наташе? Писатель печально глянул на него и задал только один вопрос:

– Валера, а о чём ты с ней будешь разговаривать по вечерам?

Художник задумался, не нашёл, что ответить, но запах борща пересилил голос разума. С тех пор он официально стал женатым человеком и приобрёл долгожданное Наташей свидетельство о браке. Его, правда, смутил вопрос писателя о том, почему государство позиционирует сие страшное действие как *брак*, и поощряет его, не задумываясь об этимологии данного печального слова. Но было поздно – в дом пришла хозяйка. Правда, перед этим событием пришлось пережить и обряд сватовства, который, как утверждала будущая тёща, является главным стимулом для хорошей семейной жизни. Сватом Муравлёва выступал, как вы уже, наверное, догадались, сам Кулемзин, который, наконец-то рассмотрев невесту вблизи, по запарке воскликнул:

– У вас товар, а у нас накладная!

Судьба таких людей жестоко поимела:
таким не кто-то – сам себе смертельный враг.
Свидетельство о браке дали бракоделу –
о том, что плод его работы – полный брак!

Сегодня Володя вспомнил, что когда он впервые увидел валерину невесту, в безудержном приступе трагического творчества тут же наваял очередной поэтический шедевр:

«Я всё время хохочу,
ни минуты не молчу!
Я девчушка-хохотушка –
ве́сом центнер моя тушка!»

А Валера припомнил, как ещё при знакомстве с Наташей решил проверить её на меркантильность и спросил:

– Скажи, а ты могла бы выйти замуж за богатого дурака?

На что получил неожиданный ответ:

– Трудно сказать… А сколько у тебя денег? Кстати, знай, что после нашей свадьбы я буду делить с тобой все горести и заботы!

– Святой Малевич, но у меня нет горестей и забот, – неуверенно пробормотал жених.

– Я ж тебе говорю, – терпеливо втолковывала невеста, – после свадьбы…

Сердце лифчик рвёт на части:
есть у всех семья и счастье,
есть у всех твоих подруг

нежный муж, любимый друг.
Жизнь должна быть справедливой –
выйди замуж, стань счастливой!

Позже он, чтобы проверить интеллект будущей супруги, задал ей ещё один провокационный вопрос:

– Дорогая, а ты любишь Киплинга?

– А куда это? – заинтересованно откликнулась Наташа.

Валера остался вполне доволен, и тут же женился. Спасло этот брак лишь то, что Муравлёв, как всегда, был крепко поддат, и уже наутро забыл о разговоре, тем более, что после прошедшей ночи был обязан жениться, как ранее женились ответственные работники ЦК (б) – после хорошей баньки с нестроптивыми комсомолками. Вздохнув напоследок, художник сразу же утром предложил Наташе дрожащую от алкоголя руку и предынфарктное сердце, ведь все недостатки подруги перекрывали её бёдра – крутые, как у виолончели. В общем, это была любовь. Правда, действительность оказалась несколько иной, нежели он представлял себе в радужных снах. Поэтому уже через какое-то время Валера вспомнил, как однажды услышал от своего знакомого, усыпившего старую больную собаку, слово *расстаться*, которое ему страшно понравилось своей необратимостью. Знакомый тогда очень горевал по этому поводу и говорил, что был вынужден расстаться со своим любимцем. Художник же подумал, как было бы хорошо *расстаться* с женой, причём, именно так – усыпить её раз и навсегда, чтобы ещё один бедолага не стал испытателем собственной судьбы.

– Я *окружу* тебя заботой и лаской, – пообещала любимая. Через два месяца Валера начал серьёзно задумываться над тем, как бы с боями выйти из *окружения*!

Жизнь хорошую ты ищешь,
только всё наоборот:
коль не женишься, дружище, –
не получишь и развод!

Глава 137. ВОСЬМАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Такая игра против лидера напоминала Кулемзину фронтовую ситуацию, когда армия держит глухую оборону, а отдельный боец не способен вести наступательные операции. Но в то же время он может ходить в разведку и остро отточенной финкой резать глóтки вражеским солдатам, бросать гранаты в блиндажи и другими подобными способами успокаивать свою солдатскую совесть»

«– Йоговские приседания, да я вас всех победю! – заартачился Талгат.

– Побеждю, – укоризненно поправил его Сергей»

«Кураж вдруг прошёл, и Батыршин ощутил себя слабым беспомощным мальчиком, который по глупости встал на дороге у хорошо вооружённой банды. «Судьба барабанщика», мелькнуло в похмельном мозге название старой гайдаровской повести о псевдоценностях советского воспитания»

«– Володя, заказывай побольше, я тебе гарантирую, что помогу, – горячо задышал в писательское ухо военный, решив *ответить* за утреннюю реанимацию..

– Талгат, спасибо, конечно, но по-настоящему ты можешь гарантировать только одно – что за этим летом непременно наступит осень. Да и то в этом будет больше заслуги не твоей, а *дедушки*…»

«Нуртай смотрел на обидчиков влажными глазами, в которых явственно читалась трагедия его мерзкой зряшной жизни, вдруг оплодотворённой большим чувством отмщения»

«Дворовые дети мотались вокруг покерного столика, как мелкие спутники вокруг Сатурна, сливаясь в широкое и неразличимое кольцо»

«В этом роббере Володя сыграл с точностью до шестого знака»

«От бешенства глаза военного стали белыми, как у мраморного Геракла»

«В следующем роббере писатель решил ничего не делать – карта явно не позволяла покуражиться. Да и по своему богатому жизненному опыту Альбионыч знал, что очень часто самым грамотным решением оказывалось именно ждать и ничего не предпринимать, после чего нужная дверца сама раскроется перед тобой именно тогда, когда нужно»

«– Яйчики-бабайчики, Серёжа, ты почему джокеры не выбил? – укоризненно поинтересовался Кулемзин.

– Да заробел чуток, – с лучезарной улыбкой олигофрена ответил охранник»

«– Ну вот, одержана ещё одна маленькая победа, – удовлетворённо произнес Володя. Нуртай поморщился и сделал вид, что прикрывает усталые от игры глаза. – И, не побоюсь этого слова – моральная победа знойного типа мышления над кислым интеллигентским чистоплюйством…»

«– Пристрелить бы тебя, как того Жеку в Далласе! – вспылил Кулемзин[116]»

[116] Автор, видимо, имеет в виду Джона Джозефовича Кеннеди, застреленного в 1963 году в городе Далласе. Который раз поражаюсь такому панибратскому обращению с великими историческими персонажами. Жека! Какая наглость! – прим. полит. редактора

Мы, сомненьями не мучась,
пустим в дело свой азарт:
удовольствие получим
и от пива, и от карт!

«Талгат несколько минут прислушивался к занимательному диалогу старых товарищей, а потом решил поинтересоваться:

– А кто такая Наташа?

Художник поглядел на него долгим печальным взглядом и, вздохнув, ответил:

– Это лицо, с которым я нахожусь в фактических брачных отношениях…»

Глава 138. СОВЕТЫ БЫВАЛОГО

Перед свадьбой невеста сделала неудачную попытку приревновать милого.

– Валера, поклянись, что ты никогда мне не будешь изменять! – с пафосом произнесла она. Муравлёв вынужденно не пил уже два дня, и сейчас думал лишь о паре стопочек водки или десятке бутылочек «Тянь-Шаня», поэтому легко пообещал требуемое.

Я верность собственной невесте
храню в сухом прохладном месте!

За время алкогольного простоя художник успел полностью осознать всю тяжесть принятого решения. Он понимал, что было уже поздно, и находил утешение в разговорах с Кулемзиным, наивно полагая, что откровения писателя чем-то помогут ему в семейной жизни.

– Главная беда заключается в том, – например, говорил писатель, – что у красивой женщины весьма властный и капризный характер, и она становится счастливой (и то ненадолго) только тогда, когда на мужчине ошейник, он стоит перед ней на ко-

ленях, а её каблук покоится на его шее. Но, яйчики-бабайчики, такая идиллия обычно продолжается недолго. Красавицу всегда подзуживает бес неудовлетворённости. Кстати, об этом очень хорошо рассказал в своей гениальной «Сказке о рыбаке и рыбке» великий русский поэт Сергеич. Правда, там главным персонажем выступает выжившая из ума старуха, но Сергеич, конечно же, склеил её образ под какую-то свою очень близкую знакомую.

Володя во время этого спича подумал о том, что, будь он депутатом *мажилиса* (прости, русский язык!), то немедленно внёс бы законопроект, предусматривающий бесплатную выдачу этой сказки вступающим в брак девицам как обязательное приложение к официальному документу. И чтобы печать на свидетельстве о браке ставилась лишь тогда, когда невеста прочитает эту полезную сказку наизусть. Глядишь, тогда бы стало меньше разбитых корыт семейной жизни!

Возможно, ты душой к добру стремишься,
возможно, что ты действуешь любя,
но помни: коль на женщину ложишься,
ответственность ложится на тебя!

– Старик, утешай себя тем, что ты не один такой, – продолжил Кулемзин. – Дело в том, Валера, что над нашей планетой летят века, и эпохи сменяют одна другую, а в *марьяжных* отношениях не меняется почти ничего. Культурные и умные люди – такие, как мы с тобой, не имеют денег, и поэтому хотят прилепиться к своим богатым и влиятельным согражданам. А те, в свою очередь, хотя и не показывают этого, на самом деле ужасно комплексуют по поводу того, что хорошо бы породниться с настоящими носителями культуры и традиций. И эта тенденция стара как мир. Ещё в пьесах Островского богатый купец втайне мечтает выдать свою дочку за *благородного*, и всегда находится нищий дворянин, готовый жениться на денежном мешке. Так было и так будет.

«Где бабки?», ты меня опять достала,
вцепившись в тело мухою цеце,
а это всё – влиянье капитала
с его оскалом жутким на лице!

Муравлёв знал, что Володя прав. Он сам в полупьяном сне слышал, как наташина мама уговаривала дочку изо всех сил тянуть художника в загс. «Стерпится – слюбится», объясняла она свою позицию неразумному чаду, «да и верный кусок хлеба всегда есть. Ты только ему сильно пить не давай…»

– Святой Малевич, может быть, это судьба такая? – не без претензий на высокий слог засомневался Валера.

– Не надо, не надо вмешивать в эти дела Суку-судьбу, – поморщился Володя. – Нельзя же все глупости, которые совершает человек, называть этим забавным в общем-то словом. Это всего лишь шелуха, но именно под ней скрывают зёрна истины. И вообще мы слишком много чего наворачиваем вокруг себя, бездумно и бездоказательно сетуя при этом на невинную Суку-судьбу.

Художник вздохнул, а потом решил немного пожаловаться.

– Представляешь, Володя, я ей говорю, – жалобно поделился страдалец, – Наташа, ты мою сегодняшнюю газету не брала? А она отвечает, что я, мол, в неё мусор завернула и выбросила.

. – Ну, а ты? – заинтересовался семейной драмой писатель.

– А что я? Я ей и говорю: я же её ещё не смотрел.

– А она?

– А она мне ответила, что там не было ничего интересного: очистки от картошки, яичная скорлупа и мои старые носки. Да и вообще – поговорить с ней не о чем, – печально подытожил Валера. – Мозгов совершенно нет.

– Ну, сынок, – морально поддержал товарища Володя, – мозги для женщины не самое главное из субпродуктов.

– Правильно, – воскликнул военный, – самое главное из субпродуктов – это хорошее вымя!

Художник вздохнул с облегчением – с этим у супруги было всё в порядке.

– Не расстраивайся так, – успокоил его Володя. – Что мне нравится в женщинах, так это их способность аргументировать любые глупости. Послушаешь таких, и кажется, что женщина – идеальное существо, а мужчина – так, рудиментарный отросток человечества, от которого надо непременно избавляться. Ведь мужчины меняются в худшую сторону гораздо быстрее, нежели женщины успевают адаптироваться к их поведению. Наверное, именно в этом и виновата современная цивилизация!

Валера ничего не понял, но ему действительно стало легче, потому что вместо своей вины он разглядел в словах философа вину какой-то там цивилизации.

Народ у нас какой-то странный:
хватает куль и сыплет соль на раны…

Правда, облегчение было недолгим, и художник вскоре совсем пригорюнился. Володя, желая приободрить приятеля, попросил его заодно записать и ещё одну заповедь, которую, по его утверждению, недавно нашли в Отцеябловском городском архиве. Это была одиннадцатая заповедь *дедушки*, на которую в своё время у Моисея не нашлось денег: «Не пожелай ближнему жены своей»

– Валера, попробуй запомнить вот такую мудрость (я из врожденной природной скромности не могу назвать фамилию ее автора!). Кстати, Серёжа, и ты запиши на всякий случай. Хотя тебе-то, одной ногой уже стоящему в вырытой персональной ямке, это может и не пригодиться: «Всегда объясняй, почему женщина поступила так, как она поступила, и тебе не придётся объяснять, почему она поступила не так, как ты предполагал»

Сторожу мысль понравилась до чрезвычайности, и он тут же набросал в знаменитой книжечке «Для му.мы.»: «Я думал, что женщина вступит так, а она вступила, как я думал»

Глава 139. ДЕВЯТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Полтавцев перебирал карты и, как ковровую дорожку, морщил лоб»

«– Яйчики-бабайчики, где же ты, прославленное покерное братство? – горько вопросил Кулемзин. – Где ты, воспетое в книгах Вл. Горького чувство локтя, дружеская помощь и своевременная поддержка?»

«– Серёжа, думать надо!

– Но как? – в отчаянии спросил страдалец.

– Просто, – объяснил умный. – Анализ, синтез плюс собственные мысли. У тебя есть собственные мысли?

Охранник отчаянно замотал головой, пожалев, что он живёт не в Болгарии, где, как известно из школьного курса болгариеведения, кивок головой означает *нет*, а вот такое мотание, которое сейчас производил наш герой, как раз таки *да*…»

«– Что же ты так? – укорил его Володя. – Маленькая ошибка большого стратега?»

«Курманбаев знал, что счастье бывает. Хоть и маленькое, скукоженное, но всё-таки счастье. И когда, раскрыв карты, он увидел на руках сразу трёх джокеров, то понял, что вот это и есть тот самый звёздный час, самый счастливый момент его нечистой жизни. К тому же, не очень хотелось есть…»

«Но, как любят говорить спортивные комментаторы, преимущество не было реализовано»

«– По старшим бубям! – сделал неожиданное предложение охранник. «Худо дело», подумал Володя. «У малого психика ещё до рождения была разлажена, и принимаемые с детства алкогольные суррогаты вряд ли способствовали её коррекции…»

Перекатная я голь,
ходит что по сёлам:
с детства пью я алкоголь –
потому весёлый!

«– Мать честна́я, пять! – как-то удивлённо заказал Афанасьич, практически не успев разглядеть карты.

– Ты, старик, прямо какой-то патологический оптимист, – укорил его писатель»

«Внимательно приглядываясь к игрокам, Володя как бы играл роль детектора лжи, или по научному, полиграфа. Поглядывая на трясущиеся от волнения руки испытуемых, он заменял собой детектор Дарроу, который в полиграфе измеряет кровенаполнение и частоту пульса, собственным детектором Ларсена он контролировал частоту и интенсивность дыхания, датчиком Бакстера отслеживал кожно-гальванические реакции подопытных, а проще говоря – потоотделение. Правда, в этих исследованиях несколько мешало то, что многие из вышеперечисленных реакций могли происходить не только вследствие волнения, но и обильно принимаемого *сугрева*»

«Мимо игроков, что-то оглушительно крича по-кошачьи, промчался соседский Пушок. Морда его была разодрана, к тому же он заметно прихрамывал на левую заднюю лапу, что, впрочем, не помешало ему развить вполне приличную скорость. За ним так же стремительно мчались какие-то пришлые коты. Видимо, неугомонный котяра покусился на честь какой-то дамы с соседней территории и теперь бежал от возмездия, навевая пришедшие на память старые строки из песни про героя гражданской войны Щорса, которого Володя по старой привычке давным-давно переделал в поговорку «Какого щорса?» вместо «Какого чёрта?»

Голова обвязана,
кровь на рукаве,
след кровавый стелется
по сырой траве…»

«По периметру Бермудского Учпучмака носились дворовые дети, озвучивая невинную Вселенную воплями ошпаренной кипятком недорезанной свиньи»

«Он глянул в пришедший роббер и обмер, как профессор Плейшнер, забывший поднять глаза на окно связника»

«Володя вдруг осознал, что первый ход в этом роббере его. И решил применить универсальный ковбойский закон, который гласил, что победит тот, кто успеет выстрелить первым.

– По джокерам, – тихо произнёс он.

На стол немедленно выпорхнули все три джокера: два младших, покрасневших от стыда, и один старший – синий, как несвежий покойник»

«Мать моя партия, пора идти врукопашную!», отчаянно решил педагог»

«Володя аккуратно обвёл кружочком свои набранные очки, что означало полную и безоговорочную победу его, и точно такую же капитуляцию остальных, прищурился, как Кот в сапогах, и невинно поинтересовался у Нуртая, чьё лицо сейчас было отображением известной, но пока ещё не написанной картины Валеры Муравлёва «Саксаулец, получивший гнилой лимон вместо демократии»:

– Жить стало лучше, жить стало веселей, ты не находишь?»

Сражаюсь, как гардемарин,
но на душе тревога:
ведь победитель всё ж один,
хотя играют много!

Глава 140. СОВЕТЫ БЫВАЛОГО (окончание)

– В отношениях мужчины и женщины, – объяснял писатель, – не должно быть ничего недосказанного, всё должно быть предельно просто, ясно и конкретно: или – или! Вспомни, – говорил он другу, – что формулу этих отношений определили великие «Uriah Heep» ещё в 1978 году в своём концерте «Fallen Angel[117]», назвав одну из композиций «Love Or Nothing»[118], что переводится как «Яйчики-бабайчики»!

[117] «Падший ангел» – англ.
[118] «Любовь или Ничего» – англ.

Муравлёв никаких языков не знал, кроме родного русского и русского матерного, которому его обучил в «Гороформлении» Петрович, и не понимал ничего.

– И запомни главное, – наставлял Володя приятеля. – Жена должна иметь право голоса только во время оргазма!

Кулемзин считал себя вправе давать подобные советы – во-первых, как умный поживший человек, а, во-вторых, как индивидуум, который уже однажды был знакóм с таинством советского (б) брака.

– Я тебе, старик, даже больше скажу, – просвещал он Валеру. – Вот знакомо тебе такое чувство, когда тобой вдруг овладевает наркотический психоз параноидального типа на секусальной почве?

– Нет, – поспешно ответил художник, испуганный обилием таких нехороших слов.

– А зря, – попенял ему писатель. – Ведь это и есть любовь…

Как нужен ласковый наркоз,
что в дар достался нам, губя:
любовь есть массовый психоз,
но – персонально для тебя!

– Святой Малевич, так что же такое брак? – в отчаянии вопрошал Муравлёв. – Ну, разумеется, конечно, кроме того, что браком хорошее дело не назовут!

– Брак, старик, это что-то вроде территории, обнесённой глухим забором, – пытался объяснить ему знаток жизни. – Тем, кто находится снаружи, интересно зайти внутрь и поглядеть, что там, а те, кто находится уже внутри, мечтают выбраться наружу.

– Володя, а чего ты до сих пор не женился? – застенчиво интересовался художник.

– Да понимаешь, сынок, голова у меня слишком большая, – объяснял писатель.

– Шибко умная, в смысле? – догадался саксаульский пикассо.

– Да нет, просто в ярмо никак не пролезает.

Перед свадьбой Валера неожиданно узнал, что у наречённой есть мама, то есть его будущая тёща. Кроме неё, у будущей супруги обозначились многочисленные родственники, которых счастливая невеста приглашала на свадьбу радостным голосом, обещая всех накормить *от пуза*. Он с тоской вспоминал слова своего приятеля Кулемзина, который, узнав о матримониальных планах художника, сказал ему буквально следующее: «При сироте круг будущей родственной зависимости сводится к нулю» Он, правда, не понял, о чём это, но осознал, что ничем хорошим задуманное не кончится.

Не женись на марсианке,
если ты не идиот,
коли сдохнешь не от пьянки –
это будет анекдот!

– Вообще-то он работящий, – рассказывала Наташа маме о своем избраннике, – но, как и положено, запойный…

«Кем же это положено?», думал в таких случаях Володя «Почему русскому художнику *так положено*? Работящий, но как бы непрактичный: имени не заработал, признания не имеет, да и не стремится к этому. В общем, как положено…» Володя знал, о чём говорил, – за свою жизнь он не раз бывал на свадьбах, и однажды даже на своей, несколько раз избирался тамадой, а, значит, ведал и эту сторону жизни не с изнанки. Поэтому он с удовольствием поделился своими наблюдениями:

– Смотрите, какие интересные вещи я подметил. Вот взять русских – танцуют они, особенно когда подопьют, с нашей широкой душой – расставив руки, выплясывая всем телом, открыто и даже немного с бахвальством. А вот греки – обнявшись, как братья и сёстры. Или возьмите грузин – они держат спину прямо, чуть сдвинув брови, руки как у орла крылья, танцуют гордо и грациозно. И только евреи суетливо шаркают ногами, подобострастно наклонившись вперёд и держась ручками за верхние карманы своих жилеток – наверное, чтобы мелочь не выпала…

Ваших знаний не умножу,
разъясни́в такой порок:
каждый женится как может,
размечтавшись: он, мол, бог.
Здесь иные страсти правят –
верхово́дит пустячок:
жениха богиня ставит
под невестин каблучок…

Молодая супруга настояла, чтобы обряд обязательно прошёл в церкви. Правда, здесь случилось непредвиденное. Дело в том, что Валера накануне венчания организовал небольшой мальчишник, в результате которого сегодня не очень хорошо выглядел. Поэтому батюшка, глянув на него и супругу, неожиданно перепутал слова и сказал: «Венчается раба *дедушкина* Наталья и страх *дедушкин* Валерий!» Так, нака-

нуне торжества Муравлёв понял, что после хорошего мальчишника сама свадьба – дело лишнее.

Глава 141. ДЕСЯТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Володя играл *блеф*, но был абсолютно спокоен – система кровообращения давно уже получила причитавшийся ей с утра адреналин, дыхание работало на перенасыщение организма углекислотой, при котором реакция замедляется, а со стороны кажется, что человек вял, апатичен и совершенно безразличен к происходящему. В таком состоянии и надо играть *блеф*, тогда ни один мускул не дрогнет»

«– Мать честнáя, как много мастерства я продемонстрировал, – радовался Сергей»

«– Ну какие мы конкуренты? – укоризненно-масляно произнес Нуртай. – Ты у нас, Володя, непобедимый, и я тебя за это, мать моя партия, так уважаю…

Внутренняя похмельная энергия Талгата уже давно ждала выхода и после этих слов, наконец, нашла его у ближайших кустов.

– Ведь у нас здесь нет конкурентов, – проследив за метанием харча на короткие дистанции, продолжил педагог. – Ведь правда?

– Конкуренты, юноша, – ответил ему Володя, – есть у всех, и даже у *дедушки.*

– А у него-то кто? – вступил в разговор Афанасьич.

– А друг нуртаев, – пояснил теолог. – Вон из-за спины рожи корчит. Но, как говаривали в Древнем Египте, горбатого пирамида исправит!»

«– Талгат, ты чего застыл, как жена Лота? – нетерпеливо спросил писатель. – Или ты ушел во внутреннюю эмиграцию?»

«Дворовые дети вели себя, как стихийное бедствие, как тайфун, срывающий с привязи утлые лодчонки и разрушающий мирные хижины, как разъярённая фурия»

«– Серёжа, зачем ты так сходил? Ведь это был явно глупый ход даже для тебя!

– Да вот хотелось проверить…

– Проверить что? Есть ли жизнь на Марсе? Или не пора ли отдавать пифагоровы штаны в стирку? Зачем такие страсти, сынок?

– Да я предположил…

– Предполагать-то тоже надо с умом. Вот, смотри, некоему яблоку, у которого столько же мозгов, сколько у тебя, хочется иногда упасть не вниз, а куда-то вбок, и, согласно народной мудрости, недалеко откатиться от своей яблони. Или, что еще страннее, упасть вверх, короче, не туда, куда положено. Ведь существует много соблазнов, и люди, как и яблоки, подвержены им не меньше. Но ведь есть ещё и закон всемирного тяготения, который, пока не родился новый Ньютон, надо чтить, как основополагающий…»

«Увидев покера, прапорщик спросил:

– Йодистый йод, так это что, покер?

На что Володя немедленно ответил:

– Это предположение делает честь остаткам вашего ума!»

«– Кретино, – по-итальянски выругался Володя.

– А? Чего? – всполохнулся Сережа. – Чего это сказал? Опять не по-русски?

– По-марсиански, – буркнул полиглот»

«– Мать моя партия, да я помочь тебе хотел, – начал неумело оправдываться Нуртай.

– Слушай, зачем тебе это надо? – поинтересовался Альбионыч. – По-моему, ты распыляешься. Раньше такие поручения парторганизация давала, а сейчас, по своей воле, чего лишние хлопоты себе искать?»

Что б такое отчебучить,
чтобы радостью зажгло?
Нас игра такому учит,
что в учебник не вошло!

Глава 142. ОБИДА ПО ГРОБ

Тягостная до чрезвычайности история с Кулемзиным случилась в тот момент, когда он узнал о предстоящем бракосочетании художника. Как настоящий друг, Володя решил внести свою лепту в торжество и, к разочарованию невесты, внёс её не деньгами, как хотелось, а творчеством. Им собственноголовно были придуманы множество поэтических плакатов, воспевающих радостное событие, которыми знатный литератор намеревался украсить зал столовой Отцеябловского завода тяжёлого машиностроения, где и намечался долгожданный наташиной мамой праздник. Вот лишь некоторые шедевры неутомимого муза Васи Курочкина, которые с трудом успевал записывать Володя:

Ха-ха-ха, ха-ха-ха –
обдурили жениха!

В одной постели чтоб спалось
вам вместе до седых волос!

Тесть и тёща!
А ну, морды проще!

Тудым-сюдым, тудым-сюдым
желаем нынче молодым!

Будь мужем, другом и отцом!
Не будь скотиной, подлецом!

Запомни, жених, что в брачную ночь
ни друг, ни товарищ не в силах помочь!

Наш жених не так уж плох –
нет на нём ни вшей, ни блох!

Раньше парень был бедовый –
нынче месяц ждёт медовый!

Желаем счастья и любви!
Ну, а не выйдет – се ля ви!

В доме есть теперь жена!
Друзья, пивко, идите на!

Рожайте детишек – жизни цветы!
Не бойтесь пелёнок и нищеты!

Забудь друзей, забудь подруг –
теперь диван твой лучший друг!

Теперь вы молоды, а вскоре
придут к вам старость, боль и горе!
Но вы не бойтесь ничего,
ведь ты, жена, – *опор* его!

Желаем паре молодой
увидеть внуков с бородой!

Так разобьём бутылку водки
об острый нос семейной лодки!

Приготовил Володя и праздничную речь. Получилась она (видимо, от избытка чувств) несколько длинноватой, поэтому автор приводит её в сильно резюмированном виде:

«Дорогие Валерий и Наташа! Яйчики-бабайчики, никогда ещё ваша семья не была так близка к своему началу! Когда вы только встретились и полюбили друг друга, вы не придали этому значения и подумали, что это так, ненадолго. Валера отметил в записной книжечке очередной, 113-й номер, а Наташа сказала маме: «Хоть бы клюнуло на этот раз…» Но сейчас вы обмениваетесь кольцами, по которым сможете легко отличить друг друга на трамвайной остановке. С этого дня вы будете обмениваться не только кольцами, но и многим другим – горем и радостью, счастьем и несчастьем, здоровьем и бедностью, которая уже не за горами. Всё это отныне у вас будет общим! Не могу не вспомнить в эту секунду, что по второй профессии я поэт (по первой – писатель), и сказать стихами:

Во вселенной любви вы нечаянно друг друга нашли,
хотя далеко-далеко друг от друга по улице Саина вы шли!

Итак, вы вступаете на скользкий (по себе знаю!) путь совместной жизни. Брак не только налагает вас друг на друга, но и налагает на вас новые обязанности и ответственности! Любите и бередите друг друга (я хотел сказать – берегите!). И пускай среди штормов бытовых неурядиц и раздоров особняком стоит ваша семья. Пусть один из вас будет капитаном, а второй – матросом, а кто кем – покажет время… Чтобы не всплакнуть раньше времени, подавлю рыдания экспромтом:

Повстречались сердца,
полюбились глаза –
не жениться нельзя!
И скатилась слеза…

А теперь я попрошу молодых закрыть рты, разинутые в потрясении от моей гениальной речи, и немного помолчать. Мысленно повторяйте за мной слова клятвы: «Любимая! (Любимый!) Что бы ни случилось, я буду любить только тебя!» Валера! Не надо подмигивать своим друзьям-собутыльникам и скрещивать пальцы за спиной! А сейчас молодых поздравят пожилые. Итак, согласны ли пожилые со стороны жениха, чтобы он взял в жёны вот эту толстенькую? Согласны ли пожилые со стороны невесты, чтобы ваша кровиночка вдруг взяла да и стала женой вот этого с фиолетовым носом? Согласны? Ну-ну. По старой поэтической привычке никак не могу удержаться от гениального экспромта:

Удары двух сердец под звон бокала
прогонят прочь печаль и суету!

Царит любовь там, где заря вставала,
чтоб вы с утра костюм надели и фату!

Конечно, трудно уложить всю мудрость человечества, коей я, несомненно, обладаю, в те 15 минут, которые Сука-судьба выделила мне для моего поздравления. Так идите же рука об руку по этой невзрачной двухкомнатной хрущобе, капитально засранной женихом за прежние беспутные годы его жизни. Посмотрите на его счастливое лицо: он сейчас как раз думает о том, что вот наконец появилась она – та, которая возьмёт в этом доме в руку не только ложку, но и веник.

Придёт пора, и, может, вы поймёте
всё, что сейчас случилось между вас!
И в загс, как в храм любви, придёте
ещё не раз, ещё не раз, ещё не раз!»

«Красиво!», скажете вы, и будете трижды правы. А при чём же тут скорбный заголовок этой главы? При чём тут «Обида по гроб»? Да при том, что Кулемзина на эту свадьбу просто не пригласили!

Глава 143. ОДИННАДЦАТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Серёжа, а тебе не кажется, что эту партию в плане твоих заявок можно смело назвать *банком нереализованных идей*?»

«Большие начальники, к коим причислял себя Володя, любили подавлять собеседников своей энергетикой и мессианским поведением, отчего людям, не знакомым с подобными типами, они казались почти небожителями, взирающими на них с Олимпа»

«Игроков бросало одновременно и в жар, и в холод, а, как известно из «Общего курса изменений состояния», от подобного перепада температур даже камни дают трещины»

«– Метафизика злодейства есть понятие однородное, – задумчиво глядя на Нуртая, проговорил писатель. – Злодей ли тот, кто совершает в правовом понятии проступок ради искоренения планетарного зла, а, Серёжа?

– Конечно, и планетарность эту принять непросто, – отозвался охранник, – ведь мы, особи, сами по себе планетарны. И субъективизм в решении этой дилеммы позволяет сделать оценку лишь персонифицированную, а не юридическую…

Здесь сторож закашлялся, опомнился и извинительно произнес:

– Мать честна́я, чего это я? Володь, кажется, за пивком пора сходить…»

«– Талгат, твой ход! О чём ты думаешь?

– Пусть Ростропович думает, – огрызнулся военный. – Он лучше меня в шахматы играет, ёперный виолончелист!»

«Дворовые дети, галдя, разом повисли на перекладине в углу Бермудского Учпучмака, которая сразу же стала похожа на культовое дерево друидов»

«– Ну и свинья же ты, Нуртай, – просто охарактеризовал соседа писатель.

Педагог напыжился и, приподнявшись для торжественности, продекламировал:

– Я ненавидел, враждовал, дружил,
я проходил по у́гольям пожарищ,
я трудно жил, но честью дорожил,
и не тебе судить меня, товарищ!

Лишь ленинская правда мне судья,
что выстрадана разумом и кровью.
Лишь ей служу, когда срастаюсь я
с моей землёй, с родной советской новью!

– И пара венков от месткома, – резюмировал Володя»

«Ещё раз осмотрев карты, он понял, что никакого богатства выбора не было, и объявил пас»

«– Да уж, – задумчиво протянул Талгат. – Положение хуже некуда…

– Что ты, старик! Всегда есть, – опроверг его Володя и, не давая опомниться, тут же вывалил свою очередную историю.

– Я вам расскажу про одного адвоката, который каждое своё выступление в суде начинал со слов: «Уважаемые дамы и господа, это ужасное преступление, но могло быть гораздо хуже!» Однажды ему предстояло защищать преступника, который по пьянке изнасиловал свою сестру и зарезал брата, и все с нетерпением ждали, что же скажет адвокат после своей знаменитой фразы. А он начал свою речь так: «Уважаемые дамы и господа! Это ужасное преступление, но могло быть гораздо хуже! Он мог изнасиловать брата и зарезать сестру!»

«Почувствовав собственную слабину, Мусаич тут же уставился на Володю – преданно и умильно, как прихожане на икону Спаса Нерукотворного»

«– Ну, старик, теперь ты можешь глупо-голливудски гордиться, – обрадовал Салихдзяныча Володя.

– Почему это?

– Яйчики-бабайчики, теперь у тебя есть враги…»

Верьте: это не бравада,
в голове моей не мрак:
мне друзей совсем не надо –
лучше верный добрый враг!

Глава 144. СВАДЬБА КАК ТАКОВАЯ

На свадьбе, которая всё-таки состоялась, явно просматривалась счастливая пара: сама невеста и её счастливая мама, довольная тем, что наконец-то смогла спихнуть из семьи любившую много поесть *застоявшуюся* доченьку. Сверхпышное тело новоявленной Саскии[119] было втиснуто в парчовое платье, основным эффектом которого было исторжение из организма пятен пота около подмышек – величиной с блюдце, и на спине – величиной с тарелку.

[119] Кто не знает – так звали жену Рембрандта Харменовича – прим. автора

Наташа где-то слышала, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, но так как сама любила поесть от души, эффективно воспользовалась обходной тропинкой – через печень. Да так успешно, что даже в загсе роковые документы Муравлёв подписывал, едва стоя на ногах.

Зачем любить, зачем страдать,
коль все пути ведут в кровать?

Подружки на свадьбе подходили к теперь уже жене, говоря одно и то же: «Счастливая ты, Наташка!», при этом они громко вздыхали, как бы подчёркивая величину этого безмерного счастья.

Надо признаться, что эта глава – одна из самых коротких в романе по причине трагичности описываемого, поэтому автор не стал вдаваться в подробности этого страшного происшествия, а только добавил, что в тот день, когда Муравлёв женился, Альбионыч как раз купил компьютер. Это было необычное совпадение, потому что в тот день в Отцеябловске стало на два *зарегистрированных пользователя* больше. «Ну, вот и окольцована гордая птица искусства», подумал Володя.

Глава 145. ПОСЛЕ СВАДЬБЫ

После свадьбы Наташа удовлетворённо подумала: «Права, ах, как права была моя мама, когда говорила, что надо бороться и искать, найти и расписаться!» Первый месяц семейной жизни она наслаждалась статусом замужней дамы, но похожа была при этом на удачно выскочившую замуж Фёклу Митрофанову, попавшую в высший свет непосредственно с коровьего выпаса. Сначала художник поверил в то, что у Наташи золотой характер, как утверждали её мама и она сама, но потом его друг Кулемзин объяснил, что здесь нет никакой ошибки, так как золото по своим физическим характеристикам – один из самых тяжёлых металлов. Росточка молодая супруга была, как принято выражаться у плохих писателей, среднего женского, а вот телосложение, в отличие от валериного *теловычитания*, наиболее удачно иллюстрировал известный анекдот: «Где будем талию делать, мадам?» Выйдя замуж, Наташа тут же в припадке милого девичьего творчества сочинила стишок, который потом пересказала маме. Мама с восторгом одобрила поэтический дар дочери:

«За красу я получила первый прыз,
и мужчина исполняет мой капрыз!»

Правда, в ежедневных переговорах по телефону Наташа жаловалась маме, что живёт хуже собаки, так как у собаки, по крайней мере, есть хотя бы одна шуба.

После свадьбы Валера, как настоящий художник, поинтересовался у любимой, какой камень ей нравится больше всего, намекая на возможность дорогого подарка. И был ошеломлён, когда новоявленная жена ответила, что из всех камней больше всего ей нравится *кирпич*, причём не один, а желательно грузовиков десять, чтобы можно было построить свой домик. Ведь выходя замуж, Наташа мечтала быть не только любимой, но и хорошо оплачиваемой. Чтобы проиллюстрировать серьёзность своих матримониальных отношений, она отвела не слишком молодого супруга в сторонку и таинственно прошептала:

– Дорогой, ты будешь у меня первым…

– Святой Малевич, да я… да ради тебя… дорогая… – задохнулся от счастья художник.

– Да-да, первым, – подтвердила подруга навек. – Будешь первым вставать, первым готовить завтрак, первым стирать, гладить и выносить мусор.

– Только теперь, Володя, я понял, как ты был прав, когда говорил, что каждая женщина – загадка, – горько признался Муравлёв через неделю после торжества, когда он, *отпросившись* перед супругой ненадолго, пришёл к писателю поплакаться. – Теперь-то я знаю, что никогда не угадаешь, во сколько она тебе обойдётся!

Наконец, через месяц после торжества Валера наконец-то почувствовал себя полностью опохмелённым и решил, что пришла пора заняться делом. Он взял листок бумаги и погрузился в тщательные расчёты. Вскоре лицо его покрылось красными

пятнами – известие оказалось крайне неприятным: оказывается, расходы на свадьбу получились куда как больше стоимости всего приданого Наташи. «Это что же получается?», горько думал молодой муж. «Значит, я женился на ней исключительно по любви?!» К тому же он с ужасом понял, что с началом семейной жизни точно тех же заработков стало не хватать в два раза больше!

После свадьбы всё как мимо,
вроде как ушёл трамвай:
говорим ей о любви мы,
а она кричит: «Давай!»

Через несколько дней после бракосочетания (какое мерзкое слово!) живописец как-то вдруг понял, что другие его друзья, неженатые, вкушают те же самые наслаждения, только с одной разницей, – не обременяя себя юридическими сложностями. Так Муравлёв стал типичным примером жертвы Купидона и Гименея. Сначала он представлял свою Наташу знакомым как все, то есть: «Вот моя половина!», но потом сообразил, насколько это смешно звучит, и, по совету своего мудрого друга Кулемзина, теперь говорил: «Вот мои ¾!»

После свадьбы Наташу постиг новый удар: она поняла, что Валера пить так и не бросит, чем окончательно уничтожит и опошлит всё ещё сохранявшиеся в ней руины романтической любви, почерпнутой из бразильских сериалов. Через какое-то время настали вообще чёрные времена: молодая супруга, в желании сожрать как можно больше, стала забывать об основном супружеском долге, то есть о том, что многоопытный муравлёвский друг Кулемзин называл загадочно и страшно *сексуальная контрреволюция.* Было очевидно, что в начале *отношений* Наташа показалась живописцу отличной женой, но постепенно стало выясняться, что этот ангел пари́л в пространстве, который он доныне считал своей суверенной собственностью. Правда, после нескольких месяцев семейной жизни всякая рефлексия пропала сама собой, и несчастный художник обнаружил в себе бездну титанического терпения.

Сразу же после свадьбы ему пришлось забыть о творчестве ради творчества, ибо Наташа объяснила ему, неразумному, что «рисовать картинки для себя – это баловство, и денег на этом не заработаешь» А денег было нужно действительно много, вон краски одни чего стоят: умбра жжёная, берлинская лазурь или какой-нибудь хром жёлтый средний! Раньше, в ремесленные годы, он вполне обходился красками питерскими, зато теперь пристрастился к «Rainbow»[120] британского производства, потому как здесь и цвет был насыщеннее, и никаких комков, и засыхает эта краска именно так, как должна, а не так, как ей заблагорассудится. Но зато тюбик на полсотни граммов – столько же долларов!

А ведь художнику много надо, помимо красок – кисти, холсты, подрамники, рамы и ещё, как говорит его друг Володя, *дедушка* весть что! И каждая мелочь требует денег, да таких, что поневоле обзовёшь проклятых капиталистических производителей последними словами. Такое ощущение, что каждый их потенциальный покупатель из далёкой Саксаулии должен быть мало того что одарённым с художественной точки зрения, так ещё и состоятельным, как придворный живописец, угождающий всем и каждому, а потом оплачиваемый по наивысшему тарифу – типа Микеланджело Лодовиковича Буонаротти! Правда, при этом Муравлёв всё-таки признавал, что, в отличие от него, Микеланджело устроился в жизни значительно получше, хотя и был слабее его здоровьем.

[120] ***«Радуга» – англ.***

Одна решает, не вдвоём,
а ты же как дурак:
и как в тумане создаём
мы этот самый брак!

Неприятно было и то, что уже после первого месяца совместной жизни с Валерой, Наташа повадилась по вечерам звонить другу семьи Кулемзину и спрашивать у него, как у человека опытного, всяких советов. Писатель тут же воспользовался ситуацией и попытался заранее настроить невесту на нужный лад.

– Вообще, Наташа, мужчину нужно холить и лелеять, – объяснял он по телефону молодой супруге. – От этого у него растет холка и лелейка!

Первой претензией Наташи было то, что молодой супруг недостаточно страстно её лобзает. Советчик был краток и предложил для оживления чувств во время предполагаемого стра́стного поцелуя зажимать Наташе во рту котлету. Через день она с восторгом поблагодарила мудреца за совет. Второй претензией молодой было то, от чего, честно говоря, сам Володя никак не мог отучить Валеру, а именно от распития всяческих напитков на кухне. Он убеждал его вспомнить, что квартира у него всё-таки двухкомнатная, а живут они с Наташей вдвоём, так что ещё остаются места́, где, как однажды остроумно заметил баснописец Крылов, «отыщется сердцу уголок» Валеру же упорно манили кухо́нные запахи, хотя Кулемзин и подозревал, что причина здесь была несколько иная, а именно та, что рядом с кухней находилась дверь туалета, куда было так удобно бегать блевать.

– Питьё пива на кухне, – убеждал он товарища, – отвратительно попахивает эпохой застоя!

И Иван, и даже Хаим –
все любили кушать всласть,
и на кухне вспоминали,
как ругали эту власть!

Но художник был твёрд в своих предпочтениях. Всё это привело к тому, что на третьем месяце совместной жизни супруги перестали вступать в разговоры, и лишь обменивались лучезарными змеиными взглядами. «Да что б ты сдох!», ежедневно желала любимому Наташа. Но Валера крепился из последних сил: он ещё мог примириться с тем, что эта вздорная женщина – его исторически сложившаяся жена. Но вдова? Да никогда!

Володе было жалко Муравлёва. Он помнил, какой это был весёлый человек до женитьбы, и знал, что тот иногда, когда бывает дома один, просматривает видеозапись свадьбы в обратном направлении. И каждый раз скупая мужская слеза скатывалась по его щеке, когда он видел, как, смешно семеня ногами задом, выходит из загса свободным человеком!

Глава 146. ДВЕНАДЦАТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«– Володя, – нервно начал сетовать Нуртай. – Мать моя партия, ты почему не сбросил последнего джокера *за простую*? Ведь можно же было без перебора сыграть? Да и я бы свои взял…

– Никак нельзя, – убеждённо ответил Альбионыч. – Понимаешь ли, в чём дело, старик: не окупается! В исторической перспективе не окупается…»

«– Интересно, Володя, сколько у тебя джокеров? – пробурчал охранник.

– Могу твёрдо сказать только одно, – отозвался Кулемзин. – У меня их количество, достаточное для выполнения задачи…»

«– Йодистый *иблис*! – грязно выругался Талгат. – Хотел же рискнуть! И рискнул…

– Не огорчайся, старичок, – успокоил его писатель. – Риск риску рознь. И вообще, риск есть буквально во всём, даже при торговле, казалось бы, таким вполне невинным товаром, как презервативы. Продашь некачественный, а потом прибежит разгневанный мужик разбираться: почему его соседка-старушка с животом ходит? Яйчики-бабайчики, как страшно жить…»

«Кулемзин никогда не ругал пришедшие карты, у него не было даже такого понятия, как *плохая карта*. Ведь в крайнем случае можно было сыграть свой пас и получить законные пять очков. Он не замечал плохих карт, как не замечают, к примеру, что у лучшего форварда твоей любимой команды кривые ноги, ведь болельщику это до лампочки, он следит лишь за финтами и ударами нападающего»

«– Алхамдулиллахи раббил, субханаха ва бала, – обалдело проговорил Талгат слова неизвестной ему ранее арабской молитвы – в ответ на пришедший роббер. Но, видя, что его слова не находят отклика в окружающих, тут же перевёл её на более привычный русский:

– … … … … … … …Ёперный мулла!

– Ты имеешь в виду, илаха иллаллаху мухамаддан? Или что ещё более правильнее, мухамаддан расулуллахи?

– Ага, – признался прапорщик»

«Дворовые дети орали, как командир гаубичной батареи, пытающийся перекричать собственные залпы»

«– Да, Володя, в незавидном ты положении оказался, – откровенно радовался педагог.

– В незавидном? – с недоумением переспросил Альбионыч. – Лично я не завидую только *залетевшим* женщинам, которые как-то не планировали рожать от кого попало…»

Вновь печальным будет стих
про подружку Раю:
родила опять троих –
от кого не знаю!

«– Ну ты, Нуртай, прямо какой-то последний из мудикан…»

«– Серёжа, ну как ты мог вместо покера пойти старшего джокера? – мягко укорил товарища Володя.

– Мать честнáя, да я подумал, что это более бесперспективно, – доходчиво объ- яснил охранник»

«– Вот *иблис*! – воскликнул писатель. – Как же я не учуял его раньше?!

– Кого? – поинтересовался любопытный Серёжа.

– Да керосин!

– Какой керосин? – всполошился охранник и завертел головой, пытаясь на всякий случай отыскать в зоне видимости огнетушитель.

– Да ведь только минуту назад я думал, что дело пахнет керосином. И вот ведь – не учуял! Прошляпил! Пропустил!»

Керосином пахнет дело!
Что же я такой несмелый?

Глава 147. О ЖЕНЩИНАХ КАК ТАКОВЫХ

История Валеры была не стара и не нова. К сожалению, в жизни часто случается, что проходит время, и человек словно пробуждается: мужчина смотрит на когда-то свою женщину и понимает, что чувство, которое он питал ней, вдруг умерло. Месяцы и годы, прожитые вместе, превратились в горку серого пепла, а взаимная любовь, этот слишком редкий и драгоценный дар, вдруг исчезает. Так перегорает лампочка: ровный приятный свет, но через секунду – тьма!

– Святой Малевич, и зачем я вообще женился? – заломил руки Муравлёв.

– Не жалей, старик, – серьёзно ответил Володя. – Брак просто необходим, ведь он – самое лучшее основание для развода.

Все замолчали, поражённые очевидной мудростью сказанного. От горестных воспоминаний живописец схватил вчерашнюю покерную *раскладку*, перевернул её и начал упоённо рисовать на листке какие-то морковки, картошки и свёколки. Через двадцать минут творчества его отпустило.

– Про женщин ведь только говорят, что они умны своими чувствами, что они тонко чувствуют, что их эмоции – глубоки и изящны, – продолжил лекцию писатель. – Но так говорят они сами. И ещё мужчины так начинают думать, потому что мужчинам легче поверить в невообразимое, когда дело касается женщин. Мужчинам просто хочется думать, что женщины именно таковы – для того, чтобы им поклоняться. На самом же деле, это чистый обман зрения и вообще самообман – вера в прекрасную мечту. Потому что в большинстве своём женщины – это совершенно холодные, эгоистичные и бездушные существа. И под красивой внешностью (особенно под красивой!) чаще всего просто скрывается даже не коварство или какое-то интересное для художника качество, а тупое физиологическое равнодушие. Женщина может сколько угодно притворяться и делать вид, но факт есть факт. А мужчины просто хотят обманываться и строить воздушные за́мки. Конечно, я не имею в виду исключения. Яйчики-бабайчики, исключения бывают, причём, самые блестящие. Вот только их очень мало, и на всех, конечно, не хватает…

Чуть женился – сразу в дамки,
чтоб почувствовать уют,
я ж живу в воздушном за́мке,
где мне пиво не дают!

– *Дедушка*, ведь бывает же людям счастье! – бормотал Валера. – Одного жена бросила, у другого попала под машину, третий рыдает из-за скоротечной чахотки супруги… А к моей любимой хоть бы грипп какой пристал! Так ведь нет – здорова, как гусеничный трактор, и никакой хрен её не берёт!

– Не расстраивайся, Валера, – утешал приятеля Володя. – Когда я был несколько моложе, глупее и тоже на что-то надеялся, я придумал для себя утешительную басню: жизнь Рафаэля Джованниевича Санти также сгубила одна прекрасная баба – Форнарина, она же подзаборная шлюха Маргерита Себастьяновна Лути, которая одна на свете казалась ему *мадонной.* Тщетный ход чувств и вечное проклятие русского мужика – лёжа на курве, уговаривать себя, что спишь с богородицей!

Эти слова народного мудреца, конечно, возникли не на пустом месте. Альбионыч на протяжении всей жизни изучал психологию женщин и, наконец, понял, что у них есть какая-то своя вера, что-то вроде религии, где они, как Ассоль, вместо пришествия Христа верят в пришествие капитана Грея, или принца на белом коне, и всегда думают, поскольку они какие-то особенные, что он приплывёт или прискачет именно к ним. А они будут просто сидеть и ждать, и всё само собой случится – без их

усилий. И тогда настанет самый счастливый миг жизни, и старенький Феликс Авраамович Мендельсон подагрическими руками прямо в отцеябловском загсе будет играть свой красивый марш на орга́не специально для них. Но пора было бы уже и привыкнуть, что к современным Ассоль капитан Грей чаще всего приплывает на дырявом корыте разбитой мечты.

Как же было не влюбиться,
ждя кораблик сто часов!
Грей приплыл же на эсминце,
и без алых парусов…

– Придирается всё время, – между тем продолжал жаловаться художник. – А скажу слово – обижается…

– Старик, ты просто не учёл, что умный мужчина старается не давать женщине поводов для обид. Но главное, что ты ещё не учёл – это то, что умной женщине для того, чтобы обидеться, никакие поводы и не нужны!

– Да она ругается постоянно, – вздохнул страдалец, – говорит, что я оказался не идеальным мужем.

– Не переживай, – успокоил его Кулемзин, – идеальных мужей вообще не бывает, за исключением того случая, когда мужчина женат на своей вдове.

– И ещё спорит всё время!

– А ты? – поинтересовался писатель.

– И я с ней, – горько признался Муравлёв.

– Вот это зря, – огорчил живописца бывалый. – С женщиной спорить, что порося стричь – шерсти нет, а визгу много!

– Мать честна́я, у вас почему жизнь не ладится? – решил подключаться к исследованию охранник. – Может быть, потому, что ты всё время ей врёшь.

– А как же? – жадно поинтересовался художник.

– А жене нужно всегда говорить правду, и только с три короба…

– Разведусь, – тоскливо простонал живописец. – Вот прямо сейчас пойду и разведусь!

– Смотри, старик, не торопись, – отсоветовал ему Володя. – А то как бы после развода тебе не пришлось через месяц давать примерно такое объявление: «Одинокий мужчина ищет любви, ласки, понимания и чего-нибудь пожрать…»

Ох ты, мать моя честна́я,
как беду мне заглушить?
Разведусь с тобой, родная, –
буду с водкою дружить!

– Святой Малевич, настоящую бы женщину найти, – пригорюнился художник.

– Напрасно ты так, Валера, – посетовал Кулемзин. – Настоящих как раз и надо бояться. Вспомни, что должен сделать в жизни настоящий мужчина. Вспомнил? А теперь подумай: если женщины всё делают по-своему, так настоящая, как ты выражаешься, женщина должна спилить дерево, разрушить дом и вырастить дочь!

Муравлёва даже стало потряхивать от таких перспектив.

– И, кстати, по поводу равноправия полов, – добавил писатель. – Лично я считаю, что жена имеет право делать всё, что ей захочется. Лишь бы это было вкусно!

И всё-таки сегодня у Валеры было не так всё плохо, ведь он именно сейчас практически счастлив: сидит с друзьями, которые его понимают, пьёт пиво, говорит

на разные темы. Правда, жена даже не знает, жив ли он! Он вытер набежавшую слезинку и решил немного реабилитировать любимую.

– А вообще она у меня ангел, – неуверенно предположил он.

– Это-то и печально, – заметил Кулемзин.

– Почему?

– Валера, у меня была бурная семейная жизни, – объяснил Володя, – поэтому я и знаю кое-что, чего не знаешь ты. Если жена – ангел, значит, она пришла по твою душу…

Полтавцев молча выслушал страшные истории друзей, но потом решил, что молчать больше не в силах и произнес:

– А вот мне лично институт брака отвратителен в принципе!

Глава 148. ТРИНАДЦАТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«– Нуртай, это не в честь тебя 77-я сура корана названа? – весело спросил Кулемзин.

Педагог приосанился: не часто ему доводилось слышать такие приятные слова. Но он на всякий случай осведомился:

– А как?

– «Посылаемые», – охотно ответил знаток атеизма»

«Психология игрока в *русскую кочергу* темна, как ночь в Аравийской пустыне, и неустойчива, как поставленный остриём на палец нож»

«– Серёжа, а для чего же ты объявлял мизер? – завопил Нуртай, оскорблённый в своих самых хреновых чувствах. – Мать моя партия, ты же обещал!

– Impossibilium nulla obligation est, – веско ответил охранник и тут же перевёл обалдевшему педагогу:

– Невозможное не может быть предметом обязательства.

Затем подумал секунду и добавил:

– Латынь, мать её ети!»

«– Пас, йоговское суфле! – горько произнес блефовавший прапорщик.

Иблис, пасущийся у него за плечом, тут же толкнул Нуртая в бок.

– Что-то не верю я в твои пасы, – заявил педагог.

– Неверие, старик, это, как остроумно заметил Высоцкий, «наследие мрачных времён», – отозвался Кулемзин. – Из-за него в своё время страдали даже умнейшие люди. Вспомни, например, старушку Коробочку Гоголя. Так что не искушай Сукусудьбу, а живи по принципу «Доверие – признак…

– …дурачины»! – радостно закончил Полтавцев»

«Дворовые дети старательно изображали кинопробы к фильму «Сумасшедший день в аду»

«– Как же лучше сыграть? – вслух рассуждал Полтавцев. – А то ведь и так не так, и так не эдак.

– А ты, старик, слышал такую поговорку: «Лестницу сверху метут»? Вот и подумай…

– А-а-а! – обрадовался Афанасьич. – Ну, это же совсем другое дело!

И он звучно шлёпнул на покерный столик козырного туза, который был тут же забран батыршинским джокером»

«– Интересно, что ты хотел сказать этим ходом? – растерянно закусил губу педагог.

– Да вообще-то всё просто, Нуртай, – ответил писатель. – У каждого действия есть определённая цель.

– Ну вот сейчас же нет! – упорствовал саксаулец.

– Отвечу лучше стихами, – неожиданно предложил знатный поэт. И не стал разбрасываться обещаниями:

– Я где-то, кажется, почти,
хотя и еле-еле,
в каком-то смысле на пути,
возможно, к некой цели!»

«Впрочем, объяснить Афанасьичу, в чём же заключалась его ошибка, было примерно тем же, что пытаться объяснить теорему Пифагора в выпускном классе школы олигофренов»

«Ударил! – горько закачался Сережа. – Мать честнáя, ударил!

– Что случилось? – посочувствовал прапорщик.

– В грязь лицом ударил!

– Разве это причина для паники? – иронично поинтересовался Курманбаев.

– А если бы я сначала туза тебе отдал, а джокера оставил напоследок? – горько спросил Полтавцев, пытаясь «проанализировать» причину провала.

– Арбуз ли упадёт на нож или нож на арбуз, – ответил Володя, – в любом случае арбузу кранты!»

Глава 149. ПОХМЕЛЬНЫЙ ИСХОД

А как же художник всё-таки попал в Бермудский Учпучмак? Ай-я-яй, дорогой автор, как же ты, прыгая мыслью по кочкам романа, забыл рассказать о начале этого страшного дня? Впрочем, тебя извиняет только то, что ты искренне переживаешь о Суке-судьбе своего героя, как в своё время делал талантливый французский писатель Гюстав Ашильевич Флобер в отношении своей героини мадам Бовари. Итак, утром в жизни Валеры Муравлёва произошла ещё одна семейная сцена, и сейчас, вспоминая это безобразие, он пытался восстановить в памяти всю цепочку событий, приведших его в Бермудский Учпучмак. Хорошо помнил он только то, что накануне перед сном долго и задумчиво смотрел в окно, и Млечный Путь, или как остроумно называют его хохлы, Чумацкий Шлях, виделся ему беспечно разлитым белым таджикским портвейном «Точики сафед», которое лилось рекой в Отцеябловске в семидесятые годы прошлого века.

Жизнь с привычной клоунадой
не всегда была тугой,
ведь портвейн нам был усладой,
а не сахар с курагой!

Проснувшись, он зашёл на кухню, где обнаружил, что восемь котлет, остававшихся в холодильнике со вчерашнего дня, неожиданно исчезли. В связи с этим он припомнил, что как раз ночью несколько раз просыпался от страшных чавкающих звуков, слышимых из кухни. Они очень походили на те, когда оскорблённые язычники раздирали на части первых христиан.

– Святой Малевич, где котлеты? – севшим от горя голосом поинтересовался он у жены. Наташа, как всегда, стояла у зеркала, настолько приблизив лицо к своему изображению, будто хотела его поцеловать, но на самом же деле аккуратно подводила карандашом тонко выщипанные брови. Вместо того, чтобы начать оправдываться по поводу исчезнувших за ночь продуктов питания, супруга завела привычную пес-

ню: если мужик не в состоянии достойно зарабатывать, чтобы она могла купить себе крем «Орифлэйм» за 80 долларов, то он не имеет права создавать семью, что ей надоело, как последней нищей, считать тиыны[121] от зарплаты до зарплаты. К несчастью, Валера не сдержался, а начал отделываться нейтральными замечаниями, что распалило любимую ещё больше. Саксаульский модильяни грустно смотрел на её попку, туго обтянутую каким-то шёлком, и испытывал противоречивые чувства – от острого сексуального желания до желания дать любимой хорошего пинка.

[121] Саксаульские копейки – прим. автора

Мысль имею я плохую,
горячее уголька:
я готов убить родную,
не дающую пивка!

Настроение у Валеры было хуже некуда: он вспомнил, как ещё вчера любимая с намёком рассказала ему о новой косметической линии, в которой главенствующую роль играл «потрясающий крем с живительными липосомами» От слова *липосомы* у художника начались явные позывы к рвоте. Муравлёв вспомнил, как Наташа очень обидно сказала ему сегодня за завтраком:

– Ну что ты за человек? Как шляться где-нибудь – бреешься! А как дома сидишь – то небритый, как шимпанзе.

И, подумав, добавила:

– Когда же ты каждый день бриться начнёшь?

Тут художник вспомнил, как после первого года семейной жизни Наташа начала по-взрослому качать права.

– Я отдала тебе свои лучшие годы жизни, – заламывала она руки во время ссор. «Неужели будут ещё и худшие?», с тоской думал саксаульский рубенс. Потом обиженный супруг вспомнил, как вчера подруга жизни опять попросила у него денег на какой-то не то макияж, не то маникюр.

– А ты попробуй быть красивой без денег, – ответил ей художник. – Возьми естественную красоту у природы. Сядь на диету, начни бегать по утрам, не говори плохих, злых слов…

На это любимая тут же наговорила ему много плохих, злых слов, так что денег пришлось дать. От этих воспоминаний позывы к рвоте усилились.

– Где котлеты? – спросил он ещё раз, усилив голос.

– Какой же ты зануда! – неожиданно обвинила его супруга. От злости её довольно хорошенькая мордочка пошла красными пятнами и тут же потеряла изрядную долю привлекательности.

Ах, как это наболело:
знает всякий Дон Кихот,
что молотит не по делу
каждый первый женский рот!

– Это я-то зануда? – удивился художник.

– Ты, ты, – со страстью подтвердила любимая.

– А ты… а ты… вышла замуж за зануду, так что сама виновата!

– Я вышла замуж за зануду? Ладно, хорошо, я вышла замуж за зануду! А ты тогда на ком женился?

– А я женился на истеричке!

– Я истеричка?! – истерично завопила Наташа, и Валера понял, что придётся сдать немного назад.

– Ну, ладно, не истеричка, я пошутил…

– Ах, ты пошутил? Нет, мой дорогой, сейчас ты поймёшь, что женился именно на истеричке! Сейчас ты это почувствуешь на своей шкуре!

Жить без ласки и любви?
Зачем такая c'est la vie?

Тут Наташа поняла, что немного переборщила (речь в данном случае идёт совсем не о борще!), и решила немного исправить ситуацию.

– Валерочка, давай помиримся. Ну, скажи мне что-нибудь тёплое, – попросила она.

«Да гори ты синим пламенем!», мелькнуло в похмельной голове страдальца, но он поднапряг последнюю извилину и выдавил только одно слово:

– Духовка.

– Как это? – поинтересовалась молодая.

– Ну, в смысле, такая же тёплая и душевная, – неловко объяснил художник и пожалел, что рядом нет друга Володи, который всегда находил нужное слово в любой ситуации. От горя, что он так неудачно женился, а также с похмелья живописцу стали приходить в больную голову какие-то странные мысли и мечты. Сейчас ему, например, страстно захотелось бросить всё к чёртовой матери и уехать на ПМЖ – почему-то в Австрию. Правда, потом он вспомнил, что живущие там граждане поголовно говорят на немецком языке, которого он никогда не знал, и закручинился.

Глава 150. ПОХМЕЛЬНЫЙ ИСХОД (окончание)

Между тем любимая, не дождавшись тёплого слова, рассказала художнику о том, что он ей не помогает, что в комнате у него бардак, что она не может везти на себе всю семью, что она не железная, – в общем, весь тот стандартный набор фраз, внедрённый в сознание русских женщин как компьютерный вирус, срабатывающий в день свадьбы и стирающий все остальные программы. Он хотел было открыть рот и ответить ей что-нибудь в этом роде: «Вот смотри, что ты делаешь! Ты специально сама себя заводишь и провоцируешь скандал, который и тебя и меня разрушает, а живущие на тебе существа-паразиты питаются этой энергией!», но понял, что не сумеет произнести слово *провоцируешь*. Преодолевая отвращение к самому себе, Муравлёв смотрел в зеркало и думал, как бы ему половчее заретушировать следы вчерашних борений с собственным организмом имеющимися в его распоряжении наташиными косметическими средствами. Через пять минут тупого созерцания он плеснул в рожу холодной водой и стал натягивать кроссовки.

– Наташа, знаешь, каким должен быть твой рост, чтобы он соответствовал твоему весу? – начал он смелый разговор. – Вот тут Кулемзин посчитал: три с половиной метра! Святой Малевич, и я ему верю…

– Слушай, придурок, – откликнулась любимая, – иди и передай этому придурку, что он придурок.

Художнику только этого и надо было. Не мешкая, он всунулся в растоптанные ботинки, не выбрасываемые много лет и приберегаемые для поездок на кладбище, положил в полиэтиленовый пакетик складной подрамник, телескопическую колонковую кисточку и тюбик с берлинской лазурью, после чего поспешно захлопнул за собой дверь. Так творческую личность выгнали из дома. Но перед этим историческим

событием художнику рассказали, кто он такой: сегодня утром он узнал, что относится к категории людей, которым не следует заводить семью, с горечью услышал, что настоящий мужчина, к числу которых он, видимо, не принадлежал, не имеет права зарабатывать столько, сколько он, заставляя молодую привлекательную женщину биться в тисках нужды. После чего ему была сказана сакраментальная народная фраза, указывающая, где точно находится бог, а где порог. Куда было податься бедному, но гордому художнику? Конечно, к друзьям, которые поймут и простят, а если будут в хорошем настроении с утра, так, может быть, ещё и нальют немного пивка на опохмелку.

Ох и рожа, что за рожа,
словно всё наоборот!
Только друг беде поможет:
и поймёт, и в рот нальёт…

Сказать, что душа его была смятена, значило бы покривить ею, потому что больше всего на свете ему хотелось сейчас посидеть на заветной скамеечке в Бермудском Учпучмаке, выпить бутылочку свежего пивка и рассказать, как много кушает его жена Наташа. Он знал, что Володя не откажет ему в такой малости, да ещё и объяснит, в чём смысл жизни как холостого, так и женатого человека. Он хорошо помнил слова своего друга о том, что сам он, Володя, женится только на той женщине, которая объяснит ему, зачем вообще надо жениться. На прощание оглядев означенный супругой «бардак», который он считал всего лишь художественным беспорядком, Валера молча покинул отчий дом и поспешил к другу Кулемзину, где надеялся найти понимание и немного пива на опохмелку. Ноги саксаульского поленова сами понесли его к дому № 17 по улице имени Жубанова.

История с печалью говорит
о том, как умирали фараоны,
как вместе с ними в сумрак пирамид
живыми замуровывались жёны!
Ведь если к нам вернуться бы могли
каким-то чудом эти вот законы, –
с какой тогда бы страстью берегли
и как бы нас любили наши жены!

По лицу Муравлёва было видно, что если бы он носил фуражку, то сейчас непременно повернул бы её козырьком назад, как это делали в старину британские морские офицеры, отправляясь выполнять приказ, который им активно не нравился. Наташа ещё долго что-то кричала ему вслед, но душа живописца была уже далеко. Между тем любимая, проводив любимого, занялась своим ежедневным утренним делом – макияжем, или как называл его пересмешник Кулемзин, восстановлением лица по черепу.

Глава 151. ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«– Йодистый нашатырь, да когда ты уже проигрывать перестанешь? – с досадой спросил Серёжу Талгат.

– Да я в десятке лучших! – гордо ответил сторож, не учитывая того, что сегодняшних игроков было всего четверо»

«– Ну что, дети мои, пожалуй, пора вам устроить 18 брюмера[122]!»

[122] От фр. brumaire – второй месяц французского республиканского календаря, действовавшего в 1793-1805 годах. 18 брюмера VIII года Республики (9 ноября 1799 года) был произведён государственный переворот, поставивший у власти Наполеона Бонапарта – прим. ист. редактора

«– Сейчас я возьму свою *пятёрочку*! – радостно взвизгнул Афанасьич.

– Старик, – рассудительно обратился к нему писатель, – ну ты подумай, что если ты возьмёшь свои пять взяток, то мне останется только три, остальные же, как известно, заказали пас.

– Ну и что? – снизил накал радости Полтавцев.

– Яйчики-бабайчики! А то, что я заказал тоже пять. Поэтому с меня, кроме посмертной маски, нельзя снять ничего!»

«– Твоя ошибка, Талгат, в том, что ты без нужды используешь принцип *бритвы Оккама*, – сказал Володя, и, видя, что эти слова ничего не говорят собравшимся, пояснил:

– А звучит он так: *Не умножай сущностей сверх необходимого.*

Но, увидев, что простые человеческие слова не доходят до покеристов, решил воздействовать на них силой поэтического слова:

Есть для решенья вариантов сотни,
но привыкай ты сложностей бежать –
коль нет необходимости сегодня,
ты сущее не вздумай умножать.
Анализу подвергни жизни звенья,
разбей на части закавыки дней –
чем проще вдруг проявится решенье,
надёжней оно будет и верней…

– Нет такого слова – закавыки, – решил вставить своё лыко в поэтическую строку педагог.

– В русском – есть, – спедалировал определение писатель»

«– Да ты просто маньяк какой-то, – проворчал Мусаич. – Так и ищешь славы Герострата!

– Сам ты Гера-срак! – возразил Серёжа. – Мать честна́я, да у нас человек, как учил великий Кулемзин, славен только трудом на ниве покера, и ни о чём друго́м не помышляет…

У Нуртая отпала челюсть, и он сразу же стал похож на одного из американских президентов, неожиданно сражённых *паркинсоном*»

«Дворовые дети были все как один лауреатами всемирных юниорских соревнований по бегу и пылеподниманию»

«– Да, отстал ты что-то, Талгат, – озаботился писатель.

– Йоговские гвозди, да я подожду немного – и в путь! – какой-то твёрдой песенной строкой пообещал военный музыкант.

– Ты прямо как Троцкий в Мексике, – провёл историческую параллель Володя. – Тот тоже ждал-ждал и – дождался…

– D’accord[123], – поглядев на военного, промолвил охранник»

[123] Согласен – фр.

«– Четыре! – заносчиво выкрикнул Курманбаев. Володя внимательно поглядел на зарвавшегося, и промолвил странную, на взгляд Нуртая, фразу:

– Даже если у тебя ничего не получится, помни о том, что пожар послужил украшением Москвы.

– Мать моя партия, намекаешь, что сгорел? – потрясённо заблажил педагог»

«– Серёжа, будешь заказывать? – палец Володи навис над *раскладкой*.

– Сейчас, сейчас, – забормотал охранник, потом решился и торжественно произнес:

– Три!

Володя знал, что через секунду объявит мизéр, и поэтому вопросительно посмотрел на потенциального пролетальца. Охранник же решил, что писатель после выпитого пива стал немного глуховат, и для верности продемонстрировал ему три растопыренных корявых пальца»

Хоть игра идёт в дыму,
чистый воздух херя,
покер учит нас тому,
что не всё потеря…

«– Вот ты, Володя, говоришь, что умный, так почему же недобрал одну взятку? – ехидно осведомился Нуртай.

– Это же так просто, – ответил гуру. – Неужели кому-то здесь неясно, что на всех уровнях реальность движется через диалектический процесс противоположностей от тезиса к антитезису и далее к синтезу, в котором и выявляются новые качества?

– Вот именно, – подтвердил Афанасьич»

Глава 152. МИНИМУМ ЖЕНСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ

Талгат выслушал трагическую историю Валеры и вспомнил, как он сам делал предложение Аиде. «Милая, как я тебя люблю, будь моей женой», сказал он тогда и даже встал на колени. «Я согласна», с крепким акцентом ответила любимая. «И вообще, встань сейчас же с колен! Ишь, протирает наши брюки…»

– Яйчики-бабайчики, беда с вами, женатыми, – произнёс Володя. – Придётся дать вам дельный совет.

Талгат и Валера придвинулись поближе и навострили четыре уха.

– Вот, смотрите: если вы дéлите с кем-то свои деньги, то от этого только теряете. Правильно? – начал свою арифметическую задачку философ. – А если дéлите любовь – то, наоборот, только выигрываете…

Приятели энергично закивали головами.

– А потому идеальный вариант таков, – подвёл итог Володя, – разделяй свою любовь с теми, у кого есть деньги!

– Царица лесная, а мне что делать? – сделал страшные глаза Полтавцев. – Я вот заметил, что у меня в последнее время с Зулей не очень-то и получается. Поспрашивал – никто не знает, говорят, старый стал. А потом в газете прочитал: оказывается, у меня болезнь редкая – нарушение хотенции. Хотя, с другой стороны, думаю, что я для своей Зули – настоящий секс-символ.

После этого признания Афанасьич увидел явное недоверие в глазах товарищей и поспешно уточнил:

– Она мне в минуты *приятности* так и говорит: «Серёжа, ты секс, мол, только можешь символизировать!» Убей, не пойму, что она такое имеет в виду…

– И ещё одно, други мои, – вновь завладел вниманием писатель. – Вам, как я думаю, необходимо знать тот минимум женских выражений, который они употреб-

ляют практически каждый день, ведь умным мужчинам давно известно, что то, что они говорят, и то, что подразумевают, далеко не одно и то же!

Меня послушай, друг мой кореш:
ты говорил, что знаешь жизнь,
но женщину не переспоришь,
хоть добровольно в гроб ложись!

– Эт' точно, – согласился охранник, доставая из засаленного кармана заветную книжечку «Для му.мы.» – Запишу-ка и я на всякий случай!

– Запиши, сынок. Итак:

Да = Нет!
Нет = Да!
Может быть = Нет!
Я виновата = Ты ещё пожалеешь.
Нам нужно = Я хочу!
Делай что хочешь = Позже ты за это поплатишься!
Наша кухня так удобна = Я хочу новый дом!
Какие старые занавески = И ковры, и мебель, и обои!
Ты меня любишь? = Купи мне что-нибудь дорогое!

Но, так как Володя рассказал это всё довольно быстро, сторож успел записать только последний перевод с женского на человеческий: «Как скажет про любовь, так купи ей быстрее бутылочку пива, чтобы отстала»

– Вот так вот? – потрясённо спросил художник. – Святой Малевич, знал бы, никогда не женился!

– Вообще-то раньше надо было думать, – пожурил приятеля писатель. – Слышал такую поговорку?

Взялся за гуж,
не говори, что не муж!

– А ещё она иногда, когда делает причёску, на голову себе что-то из какого-то баллончика брызгает! – вновь пожаловался несчастный супруг.

– Не переживай – наоборот, это хорошо: так твоя Наташа своих тараканов травит…

– То-то я смотрю: как побрызгает, собой в зеркало полюбуется – и сразу у неё настроение лучше! А вообще она у меня порядочная, – неожиданно вяло начал оправдывать супругу живописец.

– Валера, запомни, а ты, Серёжа, запиши, – тут же отозвался писатель, – порядочная женщина – эта та, которая обходится нам на порядок выше. А самые порядочные – на два порядка!

Полтавцев не знал, что означает *на порядок*, но почувствовал в этих словах некую магическую силу, и обрадовался, что не успел спрятать в котомку заветную книжечку «Для му.мы.» Он вспомнил слова Володи и торопливо накаракулировал: «Все порядочные женщины обходятся этажом выше» Потом подумал немного и решительно добавил: «Мать честнáя!» Перечитав написанное, он остался доволен, хотя и чувствовал, что у Володи было что-то другое, но своё неожиданно понравилось больше – почувствовалось в этой фразе что-то своё, личное, выстраданное, чего явно не было у Кулемзина.

Знают даже югославы,
как от страсти воздыхать:
если женщина по нраву,
им готовы всё отдать!

– Так что, Валера, – неожиданно сделал заключение темы писатель, – запомни: если вы с Наташей вдруг когда-то соберётесь разводиться, в суде на вопрос о причине развода так и говори: не сошлись, мол, диагнозами!

– Да женщины, они вообще все такие, – неожиданно обобщил художник. – Вот возьми мою – не хочет работать, и всё тут! Да ещё спорит всё время, как умная!

– Согласен, – ответил писатель. – Такая, как твоя Наташа, и коня на скаку остановит, и в горящую избу войдёт. В общем, чего только не сделает, лишь бы не стирать, не убирать и не готовить!

И вот здесь автор неожиданно вынужден прервать главу, чтобы сообщить читателю пренеприятнейшее известие: Курманбаев, увидев незнакомого человека, озирающегося по сторонам, неожиданно перемахнул за периметр Бермудского Учпучмака, заставив завидовать пугливых саксаульских сайгаков, и, выяснив, что мужчина ищет дом № 22, вызвался проводить его лично, по пути объясняя сложную советскую (б) систему распределения номеров во втором микрорайоне. Игроки загрустили – они знали, что такой поход, да ещё вкупе с лекцией, займет как минимум минут пятнадцать.

Глава 153. МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ О КРУШЕНИИ ВЕРЫ

Прошло уже минут десять, а Нуртай, ушедший показывать дом таинственному незнакомцу, всё не возвращался.

– Йодистый крендель, этого педагога только за смертью посылать, – пробурчал прапорщик. – Володя, хоть бы ты что-нибудь рассказал…

Знатный рассказчик не стал чиниться и тут же приступил к рассказу, который он озаглавил (см. название главы).

«Раз в месяц по графику встречались на небесах святой Пётр и Люцифер, – для того, чтобы поделить прибывшие с очередной оказией души.

– Кто ты? – однажды спросил симпатичного старичка Пётр.

– Карл Маркс, – разглаживая бороду, ответил старичок.

– Слышал, слышал, – обрадовался святой. – Ты – атеист, следовательно, твоё место в аду!

Через месяц, к великому изумлению Петра, Люцифер впервые в истории небес опоздал на встречу, а когда прибыл, был в ужасном состоянии – один рог обломан, морда бледная, хвост полусожжён.

– Ты что, старик, панком заделался? – изумился Пётр.

– Да разве ж я по своей воле, – чуть не плакал чертяка. – Это всё твой Маркс! Он начал с того, что заявил, что в аду слишком жарко, затем, что здесь недостаточно воздуха, что это место вообще вредное для здоровья трудящихся грешников, а после начал распространять свои вредные идеи среди населения ада. Короче говоря, после нескольких забастовок и митингов я вынужден был разрешить кондиционеры и лечебный массаж, и, кроме того, в перерывах между вечными муками поставил термостаты, чтобы держать под контролем систему отопления!

Люцифер смахнул соплю и плачущим голосом попросил:

– Слушай, братан, может, в следующем месяце подержишь его у себя? Сделай это, Петруша! Помни, что мы целую вечность были друзьями…

Святой Пётр, конечно, с трудом представлял себе Маркса среди ангелов и святых, но ради старой дружбы согласился. А через месяц Люцифер поинтересовался:

– Ну как, Петя? Что там наш ленинец?

– Замечательно, старик! Этот твой Маркс такой великолепный парень! Мы с этой культурнейшей душой весь месяц вели такие классные беседы.

– Правда? – изумился сатана. – А что по этому поводу думает сам *дедушка*?

– Успокойся, дружище, – ответил святой Пётр. – Видишь ли, мне стало казаться, что никакого *дедушки* на самом деле нет…»

Раз захочешь – так поверишь
даже в жаркий снежный ком:
существует бог у тех лишь,
кто с ним лично не знаком!

Глава 154. ПЯТНАДЦАТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«– Помоги, – одними губами прошептал охранник. Володя активизировал в своём котле мудрости марсианский центр локальной передачи *сълоъ* и закинул охраннику прямо в так называемые мозги: «Как говорил некий Гарри Джонович Трумэн, тот, кто имеет союзников, уже не вполне независим» Полтавцев тут же стал ошарашено оглядываться и мотать головой, словно пытаясь отогнать наваждение»

«– Мать честнáя, да лучше синица в руках, чем в каком-нибудь другом месте, – туманно объяснил Серёжа»

«– Какую-то ты, Нуртай, псевдофилософскую базу подводишь, – рассудительно заметил Афанасьич. Педагог поперхнулся, начиная усиленно соображать, как бы подостойнее ответить этому недоумку, но не нашёлся, что сказать, и подёргал за хвост *иблиса.* Нечистый тоже молчал, изумлённо приоткрыв пасть.

– Знаешь, Серёжа, ты так мудрёно загнул, что просто яйчики-бабайчики какие-то, – с завистью произнёс писатель. – Мне кажется, что потребуется не меньше, чем трое грузчиков, чтобы донести твою мысль до окружающих…»

«– Оглянитесь кругом, мои маленькие друзья, – пригласил Володя. – Представьте, что вы сейчас находитесь не в Бермудском Учпучмаке, а в Венсенском лесу, а, значит, по законам жанра должны подписать капитуляцию!»

«Володя открыл пришедшие карты, тут же оценил их по своему мужскому достоинству и таинственно замурлыкал:

– В морге городском играет
духовой оркестр,
и на мраморных лежанках
нет свободных мест…»

«Дворовые дети бегали вокруг покерного столика восьмёрками, похожими на *Р-орбиты* ДНК»

«– Мать моя партия, Серёжа, ты чего не ходишь? – нервно спросил педагог.

– Да думаю, – насмешил всех охранник. – Интенсивно думаю. Чувствую грусть ответственности!»

«Посмотрев на пришедший роббер, Афанасьич немедленно сунул палец в ухо, поковырялся в нём, извлек оттуда комочек тёмной серы, задумчиво понюхал его, вытер палец о пиджачок, и только после этого важно произнес:

– Четыре! Играем по мизéрам…

Слово *мизер*, в общем-то достаточно невинное, так поразило военного, словно только что под его ногами лопнула земля, и из трещины выглянула Калима с сумкой, полной запотевших холодненьких *тянь-шанчиков.* Не понравилось предложение и Кулемзину.

– Чингада[124]! – пробормотал он»

[124] Откуда только автор берёт такие пошлости? Мне, например, даже противно перево-дить это грубое мексиканское ругательство – прим. переводчика

«Увидев пришедший роббер, Полтавцев очень удивился и приподнял свои кустистые брежневские брови, похожие на пучки ботвы, пробивающейся из старой, идущей за бесценок моркови.

– Что, карты хорошие пришли? – заметив движение бровей, псевдорадостно воскликнул педагог. – Поздравляю!

Голос Мусаича при этом был фальшивым, как ресницы фотомодели, и скользким, как арбузная косточка»

«Полтавцев, увидев, как его младший джокер скрылся под старшим джокером Нуртая, подпрыгнул и дёрнул рукой как мушкетёр, ищущий приключений на свой кусок окорока.

– Ты чего? – с опаской отодвинулся от гальванизированного военный.

– Да ужас наступил, – признался охранник. – Перед лицом неведомого…»

Мысль свою в роман вплетаю,
проглотив валокордин:
«Карта разная бывает,
а итог – всегда один!»

Глава 155. НО ТЕМА НЕ ОТПУСКАЛА

Педагога, явно увлёкшегося просветительством, всё не было. Но разговор на наболевшую тему не прекращался, так как острая тема не отпускала.

– Женщины вообще очень коварный народ, – поделился собственным пережитым писатель. – Помню, однажды вечером ко мне зашла одна малознакомая подруга и пожаловалась, что ушибла ногу. Я, конечно, как законченный альтруист, начал эту ногу осматривать – на предмет оказания первой помощи. И что же я вижу? Никаких ушибов нет и в помине! Но было уже поздно…

– Святой Малевич, женщинам верить нельзя, – проскрипел художник.

– Ну почему же? Конечно, можно, – улыбнулся писатель. – Пусть себе верят… Знаешь, Валера, была в древности такая история. Пришёл как-то один древнегреческий пацан к своему учителю Сократу Софронисковичу с погонялом Афинский и спросил у него совета по поводу женитьбы. И знаешь, что ему ответил философ? Всюду всё одинаково!

После долгих лет холостяцкой жизни Володя стал считать себя экспертом по женской части, и на вопрос о том, на какие категории делятся представительницы прекрасного пола («Видимо, канадского паркета!», добавлял знаток), всегда отвечал: «Женщины делятся на два вида: на тех, с кем хорошо, но без которых ещё лучше, и на тех, с кем плохо, но без которых ещё хуже» Кстати, в изложении полтавцевской знаменитой книжечки «Для му.мы.» эта фраза конвертировалась в такую: «С кем плохо, с тем и лучше, а с кем хорошо, с тем ещё хуже» Володя, прочтя её, понял, что у сторожа получилось гораздо правильнее, чем у него.

Понимаем эти вещи,
проговаривая бред:
«Как же плохо нам без женщин,
у которых пива нет!»

Вскоре Серёжа с горечью заметил, что на него никто не обращает внимания. Володя сидел посередине женатиков, что-то тихо втолковывая им из опыта личной семейной жизни. Были слышны только отрывки странных слов, которых Полтавцев раньше никогда не знал: «феминизм», «симулякр», «деконструкция сексистской парадигмы» и нечто уж совсем страшное: «фаллическая подоплёка реальности» Тогда он выразительно поглядел на оттопырившийся володин карман и незамысловато предложил:

– Сейчас бы чаю с булочкой,
да на печку с дурочкой!

Кулемзин вздохнул и вытащил из кармана купюру. Дальнейшее его не удивило: охранник понёсся мимо дворовых детей, как электричка мимо нищего.

– Так что же такое любовь? – с надрывом вскричал потрясённый откровениями матёрого человечища Муравлёв. По мнению Альбионыча, это прозвучало посильнее, чем знаменитое пилатовское «Что есть истина?»

– Любовь, сынок, – грустно ответил ему матёрый, – это когда не спрашивают, куда деваются деньги.

Писатель многое повидал в жизни, и знал немало женщин, но все они почему-то доставляли ему не слишком много удовольствия, зато бездну огорчений.

– Женщины – забавные существа, – говорил он сейчас тоном пожившего человека, – ведь никогда не знаешь, что от них ожидать в следующую минуту, и, самое удивительное, что они зачастую сами этого не знают. И вообще они меняют настроение чаще, чем ящерица хвост. Спроси́те себя, почему развод является таким мучительным процессом? Ведь он, то есть развод, это вам не экспромт. Ему, как правило, нужно бывает посвятить многие годы брака.

При этом он выразительно поглядел на саксаульского да винчи.

– Яйчики-бабайчики, да всё потому, что амуры при этом выдёргивают свои стрелы обратно!

Весь вид художника сейчас просто-таки иллюстрировал эту мысль: Валера сидел, как раненый, и почёсывался именно в тех местах, откуда эти стрелы скоро предстояло изъять.

Я доверился амуру,
только вышел косячок,
ведь амур мне стрельнул сдуру
вместо сердца – между ног!

– О чём говорит нам история? – между тем продолжил тему Володя. – История говорит нам о том, что все бе́ды в жизни – от женщин! Битлов, например, кто развалил? Какая-то японская баба! А «Modern Talking»? Тоже баба прикончила! А экспедицию Седова на Северный полюс? Тоже догадался – взял с собой жену, дурень! Уж про Самсона Дановича и Далилу Соревковну вспоминать не будем – остался безголовым этот ветхозаветный придурок, потому что с бабой связался!

Нет, конечно, с бабой слаще
забывать свои грешки:

вспоминай, мужик, почаще
про Самсона без башки!

– В семейной жизни надо знать несколько правил, – поучал бывалый. – Ты бы, Валера, записал, что ли.

Художник с готовностью вытащил из полиэтиленового пакетика складной подрамник, телескопическую колонковую кисточку и тюбик с берлинской лазурью, после чего затаил дыхание. Наш внимательный читатель, конечно же, помнит, что все вышеоначенные предметы саксаульский рубенс унёс из дома ещё в главе 150.

– Итак, правило первое. Если женщина работает – это её заслуга. Если мужчина работает – это его первейшая обязанность.

– Так оно и есть! – воскликнул Муравлёв. От страшных воспоминаний художник застыл, превратившись во фрагмент ландшафта.

– Правило второе. Если мужчина не работает, то он тряпка. Если женщина не работает, она истощена домашней работой и не получает за неё ни капли благодарности…

Валера, сидевший бледный, как картошка, опять горько закивал головой, что-то приборматывая про святого Казимира Севериновича.

– И третье. Самое трудное для холостяка – это раздеть женщину, а для женатого – одеть её.

– Пиши, пиши, Валера, – подтвердил охранник. – Мать честнáя, правду Володя говорит. Это истина на последней станции! – Для достоверности Серёжа хлюпнул носом, как промокшей калошей.

Глава 156. НО ТЕМА НЕ ОТПУСКАЛА (окончание)

Живописец с горя тут же нарисовал маленький портрет любимой, в пароксизме страсти исполняющей семейный танец *живота*, и подарил его проходящему мимо бомжу Танкисту со словами:

– Наше вам с кисточкой!

Обалдевший от счастья бомж оценил фактуру, просипел что-то невнятное, как будто ему в громкоговоритель попала морская вода, и решил назвать полотно «Мечта дрочилы», после чего понёс полотно похвастаться своему другу Одиссею.

Вместо водки – чарка дуста,
и сухарь взамен котлет:
как же манит нас искусство,
если в доме выпить нет!

Володя успел кинуть взгляд на только что сваянное произведение, и решил откликнуться незлобивой критикой:

– Старик, когда же ты всерьёз займёшься художественной мазнёй? Я ведь сколько картин тебе уже предлагал сваять, помнишь? Это и «Сталин и Ворошилов на прогулке в мавзолее Ленина», и «Иван Грозный делает контрольный выстрел своему сыну», и даже предлагал заняться скульптурой, например, отлить в бронзе изваяние «Пытающий втиснуться интеллигент» как дополнение ко всем известной работе Мухиной «Рабочий и Колхозница»

– Да-да, Валера, – поддержал гуру Курманбаев. – Мать моя партия, я тебе тоже одну тему подскажу: «Президент Назарбаксов проводит политинформацию на полевом стане для комбайнеров в Актюбинской области перед уборкой урожая 2000 года»

Прапорщик, уже было успокоившийся, тут же метнулся к учпучмакским кустам. Но Муравлёв всё ещё находился во власти переживаний по поводу невнятных отношений с любимой.

– Святой Малевич, да вы не знаете, как часто она меня нервирует, а иногда даже доводит до истерического состояния, – истерически пожаловался он.

– Так это же хорошо, Валера, – успокоил его Альбионыч.

– Что же здесь хорошего? – с горечью осведомился художник.

– А то, что товарищ с менее тренированной психикой давно бы уже завернул ласты от инфаркта. А ты вот в состоянии даже выпить лишнюю бутылочку пивка…

Мы ж не пьём одеколоны,
удовольствие ища,
но инфаркт приносят жёны –
вместо нужного борща!

– Ты вот на своей сколько женат? – поинтересовался у вернувшегося прапорщика Валера.

– Да уже пять лет! – горько признался военный. – Йодистый навоз, пилит, как бензопила та!

– А я всего два года, – неожиданно обрадовался художник. – Моя ещё пока ничего – как лобзик!

Семейный страдалец сглотнул приподнесённое, и понял, что действительно погорячился: жена как-то стала отступать на второй план, и вскоре совсем размылась, как свежая акварель на летнем слепом дождике.

– Но, яйчики-бабайчики, если вникнуть в симптомокомплекс этого нездорового явления несколько глубже, – продолжил Кулемзин, – то мы увидим, что, помимо внешних данных поработительницы, можно обнаружить ещё одно обстоятельство, на мой взгляд, играющее решающую роль в ваших отношениях.

– Неужели ещё одно? – вздохнул Валера. – Как будто старых мало!

– Ведь когда двое любят друг друга, сто́ит ли им быть всё время вместе? Может быть, это похоже на плен или на отношения заложника и террориста?

– Так я поэтому сегодня и ушёл, – обрадовался правильности поступка художник.

Выслушав горький рассказ живописца, охранник поднял палец, призывая к вниманию, и нравоучительно сказал:

– А я всегда говорил: бабы до добра не доводят!

«А ведь и правда», осенило Муравлёва. Он поднялся со скамеечки и, проникновенно глядя в глаза провидцу, долго тряс ему руку.

– Мать честна́я, а, может, она просто дура? – также смело предположил Серёжа.

Художник задумался. Было видно, что эта простая мысль ни разу не приходила ему в голову.

– Кстати, Валера, а ведь от меня тоже когда-то жена ушла, – признался охранник. – По-моему, её звали Нина.

– И как ты это пережил? – живо заинтересовался Валера.

– Да успокоился где-то через неделю. А сначала думал, что от радости совсем с ума сойду!

Прапорщик завистливо поглядел на Полтавцева, который между тем завёл свою привычную песню:

– Володя, вот ты умный. Я давно у тебя хотел спросить, что такое любовь?

– Сложно всё это, старик. Но, чтобы тебе было понятно, отвечу просто и коротко: любовь – это когда разум печально смотрит на всю эту лабуду, пару раз пытается что-то сказать, но потом тяжко вздыхает, пожимает плечами и удаляется.

Сразу вам, друзья, признáюсь честно,
мысль свою понять вас подтолкну,
что любовь не всякая полезна –
самая хорошая к пивку!

– Вы не смотрите, что я такой толстый, – между тем продолжал разговор Володя. – Я ведь всю жизнь на диете сижу. Главное в ней – это не есть определенные вещи!

«При чём здесь диета?», замучено подумал художник.

«Сейчас узнаешь», так же мысленно ответил ему писатель.

«Не есть неопределённые вещи», записал охранник в знаменитую книжечку «Для му.мы.»

– Мать честнáя, а какие? – уточнил он и приготовился к конспектированию.

– Первое дело – исключить из рациона мясо, эту мерзкую красную субстанцию, изготовленную из трупов убитых животных, затем хлеб – гадкое скользкое вещество, выпеченное из кислого теста, и, наконец, картошку – тоже большýю гадость, да ещё с запахом и вкусом крахмала. Но есть самое страшное, что следует забыть навсегда. Это касается особенно тебя, Валера.

Художник напрягся и попытался изобразить внимание.

– Оно не только даёт нам лишний вес, но и убивает нас в течение всей жизни. Надеюсь, вы поняли, о чём это я?

Игроки заворожённо замотали головами: нет, мол, не дано. Володя страшно выкатил глаза и свистящим шепотом закончил:

– Это свадебный торт!

Жизнь моя так захолустна:
каждый день – плохой сюжет!
Мне на свадьбе очень грустно:
торт дают, а выпить – нет!

– Вообще-то ещё до того, как вы женились, – поднял палец Альбионыч, – ты, Валера, должен был выяснить, кто из вас *жаворонок*, а кто *сова.*

– Святой Малевич, зачем это?

– Так ведь в этом-то и заключён главный-преглавный секрет счастливой семейной жизни! Вот, представь, что твоя Наташа – жаворонок, а ты сова. Тогда она не будет видеть, каким ты приходишь домой, а ты не будешь видеть, какой она просыпается утром!

Полтавцев лихорадочно застрочил в заветной книжечке «Для му.мы.»: «Главное в семейной жизни – это узнать, из какой птичьей скотины твоя жена!»

– Но есть и второй секрет семейного счастья, – закончил обзор матримониальных отношений писатель, – но, яйчики-бабайчики, как только я его узнаю, так тотчас снова женюсь! Кстати, когда ты, Валера, даст *дедушка*, всё-таки разведёшься, я обязательно напишу ещё одну маленькую книжечку и озаглавлю её так:

История о том, как гражданин Республики Саксаулия Валерий Муравлёв чуть не стал причиной женского счастья

И вот тут автор с удивлением узнал, что эту главу закончил отнюдь не Кулемзин, а новый валерин друг Серёжа, который неожиданно попросил:

– Ты бы с меня автопортрет нарисовал, что ли!

– Обязательно, – пообещал художник. – Но только во втором томе «Русской кочерги»…

Володя ещё раз поглядел на осунувшегося Валеру и подумал о том, что ни в одну революцию не полегло столько народа, как в сексуальную.

Как же всё историкам обрыдло,
кто бы из писателей то знал:
занимался Ленин счастьем быдла,
а Дзержинский с Надей отдыхал!

Глава 157. ШЕСТНАДЦАТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Чтобы отвлечься от неприятных мыслей про разгром, который сулил ему Володя, Нуртай с теплотой вспомнил изображённое на стене вестибюля родного еврейского колледжа в доперестроечный период панно, изображающее счастливое детство – красные флаги и не менее красные галстуки, весёлые пионеры с горнами и барабанами, а также строгая учительница, чем-то похожая на самогó Нуртая, с книгой в руках, бодро ведущая детвору в счастливое завтра (б). Символы прошедшей эпохи, разумеется, безнадёжно устарели, но директор колледжа Беник Мойшевич посчитал, что если уж на что-то тратить деньги, то лучше потратить их на отпуск в Израиль, к любимой тете Фире»

«– Знаешь, в чём твоя ошибка, Талгат? Ты думал сделать одно, а течение космической реки, называющейся Карма, в которой барахтается всё человечество, потащило тебя в другое русло, – постарался проанализировать роббер Альбионыч.

– Йодистый Менделеев, да какое русло! – воскликнул военный. – Просто этот *иблисов* друг Нуртай снова подглядел мои карты!»

«– Мать честнáя, ну ты чикатила, – поразился Полтавцев. Педагог скромно потупился, как бы давая понять, что да, чикатила, что ж теперь поделаешь.

– Нуртай, зачем ты это сделал? – укоризненно спросил музыкант.

– Видишь ли, старик, я…

– Курманбаев, а ты когда-нибудь слышал, что в русском языке есть другие забавные местоимения, кроме *я*? – сурово произнёс знатный филолог»

«– Серёжа, с такими ходами выиграть сложно, – осторожно предупредил товарища Володя.

– Ничего, – бодрился охранник. – Как говорил Мальчиш-какойтобальчиш: если ночью будет стоять, то и днём мы продержимся!»

Летят самолеты:
– Привет Мальчишу!
Идут пионеры:
– Салют Мальчишу!
Идут наркоманы:
– Ништяк Мальчишу!

«Бегая по периметру Бермудского Учпучмака, дворовые дети визжали как дельфин, на котором повисли шестеро утопающих»

«Молодец Володя!», удовлетворённо подумал Афанасьич. «Дал мне выиграть ничью!»

«Паскудные потуги Мусаича наконец-то дали свои плоды – он выиграл. Увы, во все времена человеческой истории хватало своих понтиев пилатов и безвинных жертв.

– Яйчики-бабайчики, посмотрите на этого так называемого человека! – сурово показал пальцем на педагога Володя. – Этот так называемый человек может служить наглядной иллюстрацией того, сколь легко, при отсутствии электрического нравственного стержня и аморфности убеждений, перешагнуть черту, отделяющую «безобидное» кидалово товарищей по партии, а в данном случае, по партии в покер, от прямого вмешательства в тёмные делишки Суки-судьбы.

И всё-таки для Альбионыча это был не проигрыш, а всего лишь почётное поражение: он проиграл, сохранив войска, знамёна и пушки. Пригорюнившись, сидел и сторож, но потом встрепенулся и горько пропел:

– Балалаечка играет,
балалаечка поёт.
Балалайке сделать ножки,
и плясать она пойдёт…»

«– Мать моя партия, какой-то ты, Серёжа, неграмотный, – попенял охраннику Курманбаев.

– Грубый ты, Нуртай, – попенял в свою очередь Володя. – Серёжа не неграмотный, просто он – лицо, использующее альтернативную грамматику.

От улыбки лицо Полтавцева тут же сделалось, как говорят на Востоке, *луноликим*.

– И тупой к тому же, – тихо добавил педагог.

– И не тупой, – ещё раз исправил его Кулемзин, – а лицо с индивидуальной скоростью восприятия знаний…»

«– Йоговская чалма, которую партию доигрываем, – горько промолвил Батыршин, – а чувство глубокого удовлетворения так и не наступило!»

Глава 158. О ЖЁНАХ И МУЖЬЯХ

– А у меня вот нет жены, – признался охранник. – Есть какая-то Зуля, а жены никакой нет.

– Не переживай, старик, – поддержал товарища Володя. – В этом ты, даже не зная того, сравнялся с такими гражданами, как Христос, Махавира, Лао-Цзы и Кулемзин!

Услышав столь знатные имена, охранник чуть приосанился. Писатель, увидев заинтересованность отдельных товарищей в этом вопросе, решил дать им короткую лекцию о семейных взаимоотношениях некоторых исторических персонажей.

– Почему, например, Христос был неженатым? – спросил он слушателей, после чего сам же и ответил:

– Да потому, что в попытке узнать секрет так называемого *царства дедушкиного*, он как-то упустил секрет счастливой семейной жизни, а потом, после тридцати, когда уже вроде бы было и пора, вмешался родной папа, пославший своего единственного родственника на крест. Кстати, некий весьма умный человек по имени Сократ Софронискович как раз таки женился, но в конце концов признался в том, что страдал всю жизнь. А вот некий Абуль-Касим Мухаммад ибн Абдуллах ибн Абд аль-Муталлиб Шейба ибн Хашим Амр ибн Абд Манаф аль-Мугира ибн Кусай ибн Килаб ибн Мурра ибн Кааб ибн Луайя ибн Галиб ибн Фихр ибн Малик ибн ан-Надр ибн Кинана ибн Хузайма ибн Мудрик ибн Амир ибн Ильяс ибн Мудар ибн Низар ибн Мадд

ибн Аднан ибн Адад ибн Мукаввим ибн Нахур ибн Тайрах ибн Иаруб ибн Яшджуб ибн Набит ибн Исмаил ибн Ибрахим ибн Азар ибн Тарих ибн Нахур ибн Саруг ибн Шалих ибн Ирфхашад ибн Сам ибн Нух ибн Ламк ибн Мату Шалах ибн Ахну Идрис ибн Иард ибн Махлил ибн Кайнан ибн Ианиш ибн Шис ибн Адам, более известный в народе как Мухаммед, которого во многих странах почитают как пророка, немного перебрал, женившись сразу на девяти женщинах, а потом объяснил, что они будут сражаться за его внимание между собой, и потому оставят его в покое. Наивный парень! Яйчики-бабайчики, видимо, он был плохим математиком и логиком, потому что после нескольких лет такого ада вписал в коран разрешение мусульманам жениться всего на четырёх жёнах. И это, несомненно, был иезуитский ход, потому что с точки зрения разъярённых и дерущихся между собой женщин что девять, что четыре – всё едино! Так что, Валера, радуйся, что тебе досталась всего одна…

Не жениться нет предлога –
у меня же не отсох:
тут одной жены-то много,
а не то что четырёх!

– Кстати, – немного отвлёкся лектор, – то, что женщин на нашем Востоке в грош не ставят, и к их советам не прислушиваются, – чушь полнейшая! Для сравнения вспомните хотя бы уже навязшую в зубах Шахерезадницу, с похмелья воспетую некими братьями – Римским и Корсаковым. Ушлая тётка тысячу и одну ночь (то есть примерно три года!) морочила голову недалёкому падишаху с садистскими наклонностями. И он слушал её, развесив ослиные уши так старательно, что всё время забывал казнить, а потом вообще плюнул, сдался и сочетался с народной сказительницей законным браком. Видимо, так она уболтала его, что это был единственный способ заткнуть ей рот, чтобы наконец-то спокойно выспаться за всё это время!

«Вот бы мне такую», немного помечтал Серёжа, «а то я с детства какой-то не до конца развитый, хотя и сказки люблю…»

– Или возьмём Будду Шодхаддановича Гаутаму, – вернулся к теме лекции Альбионыч. – Он ведь тоже однажды женился, но, будучи не совсем дураком, быстро сбежал. Говорят даже, что у него была жена-красавица, некая Яшодхара Суппабуддовна Колия, но он всё равно убежал от неё. А вернулся домой только через двенадцать лет, став просветлённым, то есть настоящим буддой. Яйчики-бабайчики, подумайте, смог бы мужик стать просветлённым, прожив рядом с женой 12 лет?!

Я тогда лишь буддой буду,
коль найду подругу-будду!

– Но всех переплюнул, – закончил лекцию Володя, – ещё один забавный персонаж – Кришна Васудевович Ядав, который женился одновременно на 16.000 женщинах. Кто замечал его, куда он ушёл, где бывал? Помнится, он иногда сидел прямо среди жён и медитировал, но им-то хватало только самих себя! Именно поэтому я всегда говорю, что семейная жизнь не имеет никакого отношения к любви. Ведь любовь – она такая многогранная: вроде бы горька на вкус, но мы к ней тянемся, нам от неё приятно, хотя иногда бывает плохо…

«Смотри-ка», удивился Полтавцев, «прямо как про водку!»

Читаем мы в мужском уставе,
хотя и тяжело понять:

«Чем выше женщину мы ставим,
тем неудобней ей стоять!»

– Да, – задумчиво протянул Афанасьич. – Об этом ещё Шекспир говорил…

Все изумлённо уставились на охранника.

– Да нет, – начал оправдываться он, – я это не знаю, это мне Володя рассказывал.

– И что же говорил Шекспир по этому поводу? – иронично поинтересовался педагог.

– «О, женщины!» говорил, – ответил охранник. – Мать честнáя, классно сказано, правда?

– Вот ведь, брат, какие дела, – поделился пережитым художник.

– Будьте-нате! – отозвался Серёжа.

– Да это уж как водится, – поддержал разговор и прапорщик.

Володя не первый раз подивился исключительной способности русского языка передавать безграничную гамму чувств и переживаний человека вот такими бессмысленными фразами. Ведь каждая реплика диалога, взятая по отдельности, была начисто лишена какой-либо информативности, но в совокупности собеседники прекрасно понимали друг друга, совершенно не нуждаясь в уточняющих комментариях, которые были даже вредны, а порой только искажали первоначальный смысл, заложенный где-то в недрах похмельного организма.

До других доходит туго,
а до нас, как в сне дурном:
понимаем мы друг друга,
потому что вместе пьём!

Глава 159. ПЯТАЯ ПАРТИЯ

Автор, ау! Пора бы и отвлечься от своей любимой женской темы! Пора вспомнить, что твоё произведение – о лучшей стороне жизни наших героев, то есть о Великой Покерной Игре. Тем более что уже пятая партия была в самом разгаре. Роббер сменял роббер, вначале быстро, когда сдавалось карт понемногу, а потом медленнее, когда карты уже с трудом можно было разместить в руках.

Корявые руки Полтавцева никак не могли приспособиться, чтобы схватить, например, десять карт одним захватом, и одновременно видеть их все. Как правило, одна, а то и две карты непременно падали у него то на покерный столик (и по закону подлости Нуртая) обязательно открывались *лицом*, а не рубашкой, то вообще на траву под ногами. Курманбаев в такие моменты считал себя обязанным бескорыстно помочь соседу по дому, поэтому с удовольствием нырял под покерный столик, тщательно изучал упавшую карту и, перевернув её *рубашкой* вверх, торжественно вручал пострадавшему. Надо ли говорить, что итогом такого доброхотства почти всегда были пролёты охранника на взятку, а то и на две! Нуртай между тем волновался: везение шло сегодня не волной, как обычно, а полосами: то проявляясь, как чья-то волосатая задница на фотографии из Крыма, то утихая, как боль застарелого геморроя. Правда, чтобы сбить противников с толку, педагог не переставал улыбаться, как заправский Гуинплен[125].

[125] Герой романа Виктóра Жозефовича Гюго «Человек, который смеётся» – прим. лит. редактора

Не понос, так золотуха,
не анод, так гад-катод:
есть и пруха, и непруха –
как банальный нéчет-чёт!

Опытный Володя, замечавший все эти нюансы, ждал, пока придёт карта, с которой можно совершить маленький государственный переворот местного значения. И карта пришла! Из одиннадцати карт у него сейчас оказались аж четыре козыря и два джокера – старший и младший. У Нуртая карта была значительно слабее, и он на всякий случай тут же начал скулить и *выплакивать* удачу, словно решил разжалобить прокурора перед решающей речью.

– Мать моя партия, – неожиданно возвестил он игроков, – вот, помню, как ещё во втором классе я страшно заболел дифтеритом!

Охранник открыл рот и сочувственно посмотрел на детского страдальца. Внимание его рассеялось, моторика пальцев сбилась, и он показал Курманбаеву всё, что у него находилось в руке. Для Нуртая это было важно тем, что он делал ходы как раз из-под Сергея, то есть, зная, например, что если у охранника есть покер, то лучше первым же ходом выбросить свой джокер, забирая чью-то заказанную взятку, чтобы потом проснувшийся Полтавцев важно не надул щёки и не проговорил страшную фразу: «По джокерам!» Сейчас же он увидел в руке сторожа козырного туза, которым тот и не преминул сходить, наивно полагая, что туз – это карта непобиваемая. Нуртай тут же сбросил свою козырную двойку, а Володя, дождавшись, пока прапорщик заберёт серёжиного туза своим младшим джокером, тут же забрал всю взятку своим джокером – но старшим.

У богов и у богинь
есть свои кощеи:
покер – это та же жизнь,
только пострашнее!

Но, как уже успел заметить наш внимательный читатель, не было практически ни одной партии, которая бы длилась от начала до конца. Вот и сейчас она была вынуждена прерваться очередным появлением Танкиста и Одиссея. Бомжеватые друзья, не спрашивая разрешения, встали возле покерного столика и дружно затянули:

– Пейте, пойте, друзья, веселитесь!
Вспоминайте кента своего!
Жил когда-то в Свердловске Стеценко,
а теперь расстреляли его…

Володя выплатил саксаульским карузам честно заработанный гонорар, после чего послал за пивком покладистого охранника, бормоча при этом что-то вроде:

– Ну что ж, помянем бедолагу Стеценко…

Но – к игре! К барьеру! К выстрелу! Дождавшись возвращения скорохода, все дружно выпили. Решив, что весьма удачно споил коллектив, и увидев, что игроки один за одним побивали друг друга картами всё большего достоинства, Полтавцев небрежно забрал важную взятку своим старшим джокером, и от важности ещё больше надулся, как шины «Michelin» в рекламном ролике. В результате такого демарша и Талгат, и Нуртай потеряли по заказанной взятке. От такой наглости прапорщик на несколько секунд забыл таблицу умножения, поперхнулся глотком и кхекнул прямо на штаны педагога. Тот же схватил сигарету и нервно прикурил её:

– Мать моя партия, зачем ты это сделал, Серёжа?!

– Историческая целесообразность, – важно ответил охранник. Придраться было не к чему. Батыршин после проигрыша напоминал озверевшего после литра самогона пещерного медведя. Он тряс головой, как собака, которой вода попала в уши. Вид у него был, словно у Робинзона Крузо, провожающего взглядом свою последнюю надежду – советское океанологическое судно «Академик Келдыш», после чего отшвырнул окурок, и тут же торопливо прикурил снова, как будто долго терпел. Между тем паровоз игры почти дошёл до последней станции: оставалась всего несколько робберов.

О, как же нам осточертело
всегда играть наоборот:
конец венчает наше дело,
пока начало не придёт…

Глава 160. ПЯТАЯ ПАРТИЯ (продолжение)

– Не распускай слюни, Серёжа. Правда, я не видел тебя в те моменты, когда ты сохраняешь самообладание, но вижу, каков ты сейчас…

Охранник не ответил, а только развёл руками: мол, сам виноват, братка. При этом правая рука его чуть ли не под нос Нуртаю вновь подсунула оставшиеся карты, как бы настойчиво приглашая педагога ещё раз повнимательнее ознакомиться с силами противника на предстоящий этап сражения. Между тем, Кулемзин продолжал успокаивать опечаленного охранника. Он знал, что *прямые* слова утешения не утешают практически никогда, поэтому доверился своему экспромту:

– Яйчики-бабайчики, любое событие очень быстро становится воспоминанием, тенью на стене, тенью тени. А у тени нет ни запаха, ни вкуса, лишь силуэт.

Полтавцев засуетился: рывком подтащил к себе котомку, быстро вынул из неё книжечку «Для му.мы.» и затаил дыхание, внимая очередной мудрости писателя, который продолжал вещание:

– Правильность силуэта – вот что главное. Правильность силуэта может убедить даже в том, что ты своими глазами видел то, чего не видел никогда!

После этих слов Володя тяжело вздохнул – он увидел, как сторож неестественно вывернул глаз и покосился на свою тень, падающую к подножию покерного столика, видимо, в попытке уловить правильность своего силуэта. Потом Афанасьич очнулся, вспомнил фразу, которую только что произнёс гуру и, мусоля во рту химический двуцветный карандаш, красным грифелем тщательно записал особо запомнившееся: «Тени не тени, а силуэт – это правильно!»

Всяк верит в правильный исход,
кто хоть однажды плавал,
но тень отбрасывает тот,
в ком есть не бог, а дьявол!

Удивительно, но и в следующем роббере Кулемзину снова пришли относительно хорошие карты, с которыми, используя природные марсианские способности, вполне можно было взять четыре-пять взяток, попутно посадив пару игроков. Внешне он был спокоен, и только молниевый проблеск в его правом глазу выдавал то, о чём автор только что поведал читателю. Глядя на сидевшего с каменным выражением лица Кулемзина, Нуртай пытался отгадать, в следы какого пищеварительного процесса он вляпался на этот раз. Но – надо было делать заявку.

– Четыре, – проговорил он с усилием, как будто надувал баскетбольный мяч.

Между тем, в Серёже проснулся азарт, а все азартные существа, как известно из романа Достоевского «Игрок», глухи к голосу разума. Они делают ошибки, как живут, – просто, безалаберно и глупо. К тому же скоростью мышления сторож тоже отличался от остальных игроков – как счёты от компьютера. И только трубач светился, как начищенная бляха дембеля – у него на этот момент жизни было всё хорошо: пара-тройка бутылочек «Тянь-Шаня», двигаясь по организму, уже лениво омывала его военный мозг, на руках было пять козырей, среди которых наблюдались и дама, и король, и туз, рядом не было ворчливой жены Аиды и вертлявых детей, от которых у него иногда кружилась голова. В общем, жизнь была замечательной, а, вернее, была бы, если бы не один прискорбный факт: все вышеозначенные бородатые и не очень карточные персонажи были пиковой масти, а козырем поверх колоды лежала тройка треф.

Когда рахат-лукумами
заели мы арак[126],
то думали, что думаем,
но виделось не так!

[126] Известный на востоке алкогольный напиток. В отличие от водки, которая, как и арак, является плодом дистилляции, в основе арака не пшеница, как это принято, например, в России, а совсем уж экзотика – кобылье молоко, рис, финики и даже сок пальмы! – прим. автора

Едва только Салихдзянович узнал о своей оплошности, он тут же обрёл вид человека, который по ошибке вместо фанты хватанул стакан чистого спирта.

– Йена саксаульская! – возвестил он горестным голосом по-русски, а остальную часть спича произнёс по-татарски, видимо, чтобы не смущать барабанные перепонки Курманбаева отдельными выражениями. Впрочем, для педагога его тирада осталась без внимания, – как недельная торговля самогоном на дому после взятки участковому. Зато ошибка несчастного музыканта очень дорого обошлась Полтавцеву: заказав три взятки, он рассчитывал хотя бы на перебор, но остальные, видя, что военный ошибся, поторопились взять своё, и в приступе садизма размахивали картами, как ятаганами. Увидев, что остался *без двух*, а, значит, потерял 45 очков вместо того, чтобы приобрести 90, Серёжа застыл с открытым ртом, как будто увидал бредущий по Европе призрак коммунизма. «Мать честна́я, ну, погодите ужо», мысленно произнёс он страшное родовое проклятие Полтавцевых, и на следующем роббере, не глядя на карты, заказал пас, хотя и понимал в картах не больше, чем известное домашнее животное в цитрусовых.

Такую нарочитую невнимательность заметил лишь Кулемзин, так как остальные праздновали свои маленькие *пирровы* победы, оживлённо переговариваясь и прихлёбывая из бутылочек. И сторож сделал это! Карта ему, как нарочно, пришла очень хорошая, но игроки, думая, что если он заказал пас, то она у него плохая, делали свои ходы исключительно под свои ну́жды. А вот этого покер не прощает! Его искусство чем-то сродни снукеру, где в приоритете не забивание очередного шара, а выход на следующий – для продолжения серии. Например, Володя настолько хорошо разбирался в этой замечательной игре, что даже сравнивал снукер с поэзией:

Я вам скажу не по науке,
а то, что сердцем сам постиг:

хороший стих – он тот же снукер,
хороший снукер – тот же стих!

Глава 161. ПЯТАЯ ПАРТИЯ (окончание)

– *Иблис*, опять *шпала*! – раздосадовано воскликнул невезучий Талгат. – В чём же дело?

– Это очень просто, – тут же объяснил Володя. – Непреодолимая трудность заключается в том, что твоя умственная деятельность заторможена ощущением неизбежного краха. Ведь глупо предполагать, что блестящий ум легко справится с кризисной ситуацией, если его захлестнули чувства…

Талгат вздохнул соглашаясь.

– Ну, а чтобы тебя окончательно утешить, добавлю: в природе нет ничего абсурдного, хотя…

– Ото ж, – подтвердил Серёжа

Скажу я вам без смеха
рецепт один простой:
нам кризис не помеха,
коль стол наш не пустой!

Но игрокам пришлось на несколько минут оторваться от своего увлекательного дела.

– Простите, товарищи, – раздался посторонний голос слева, – не купите ли вы у меня вот это?

Гражданин неопрятной внешности держал в руках штангенциркуль и пару ножовочных полотен.

– Я отдам дешевле, чем в магазине, – голосом пионера торжественно пообещал пришелец. – Это очень нужные в хозяйстве вещи – ими можно мерить и пилить!

– Себе померяй и отпили, – посоветовал ему Салихдзяныч, что вызвало приступ здорового веселья у Полтавцева.

Предлагают гадости поэту,
чтоб ему, родному, угодить:
никому не нужные предметы
остаётся только что купить…

«Ах ты ж, яйчики-бабайчики!», вслед за своим героем вдруг воскликнул автор, неожиданно заглянув в *план* своего романа. Ведь первая часть под названием «Утро» уже должна была закончиться давным-давно, а он об этом, увлёкшись судьбами своих героев, как-то об этом позабыл! Но впереди читателя ждала часть вторая, а за ней и третья, которые были просто-таки насыщены новыми приключениями и подвигами, как наволочка Велимира Хлебникова – стихами. Ведь автору ещё надо отправить всю *хевру* в гости к Полтавцеву, накормить друзей мантами от Нуртая, познакомить читателя с проводницей Ирой и батыршинским другом Кайратом, подробно рассказать о серёжиной Суке-судьбе и семейной жизни бравого прапорщика, и о многом-многом ещё! А для этого надо просто не лениться – ни тебе, читатель, ни, тем более, мне, автору, хотя безделье для меня – устоявшийся образ жизни. Вот строками о нём я и закончу эту первую часть:

Пора приняться за безделье!
Ну, например, вон с той строки.

Я вышиваю канителью
свои холщёвые стихи.
Моё безделье мне по нраву,
хотя цена ему – гроши,
ведь я бездельник не по праву,
а по велению души.
Нещадно тягостное бремя,
но кто же сдюжит, кроме нас?
Безделью требуется время,
а ни какой-нибудь там час.
За час возможно только выпить –
ни спеть ладóм, ни закусить,
или окно на кухне выбить,
а нет – так в зале застеклить.
Учись бездельничать умело,
здесь абы как – великий грех.
Безделье – это тоже дело,
Причём, труднейшее из всех!

Конец первой части

Часть 2.
День

Глава 162. НАЧАЛЬНАЯ БОДЯГА

Как быстро идёт время, как ошарашивающее быстро оно уходит! И самое печальное в том, что ход его с каждым годом ускоряется, хотя титан Альберт Германович Эйнштейн обещал нам в своём исследовании о теории относительности совсем другой эффект. Если раньше ты не замечал, как исчезает день или неделя, то теперь точно так же не успеваешь считать проносящиеся сквозь тебя годы. Ты, конечно, бодришься, ещё без опаски смотришься в зеркало, и иногда даже находишь в собственном отображении нечто утешительное, но если раньше твои прелести просто бросались в глаза, и ты не знал, на чём остановиться, то теперь их приходится изрядно поискать. И что в результате такого поиска? Заросшие кудлатые брови, морщины везде, где только они могут возникнуть, нос, какой-то увядший и поникший, как у боксёра со стажем, уши, ставшие от возраста скукоженными и усушенными, губы, никак не желающие сводиться даже в подобие улыбки.

Когда-то в глазах встречных девушек ты видел если не восторг, то хоть какое-то к себе отношение – недовольство или интерес, любопытство или насмешку, то сейчас они просто не видят тебя в упор. Даже о девичьей улыбкее ты можешь лишь мечтать, как о чём-то несбыточном, а если и смотрят на тебя с загадочным любопытством, то лишь начальник – прикидывая, а не созрел ли ты для увольнения или хотя бы для выговора, достаточно ли ты мудр, чтобы пренебречь собственным мнением, пожертвовать так дорогим тебе достоинством, достаточно ли уже предан, чтобы он без риска подсидки мог накинуть тебе пару тысчонок к зарплате, или помянуть добрым словом в приказе, или просто похлопать по плечу при опальном сотруднике, для которого подобные начальственные ласки есть предмет сладостных вожделений.

Вся Вселенная увечна –
всяк здесь низок и высок:
время думает, что вечно,
человек – что он есть бог…

Читатель, вероятно, уже придумал себе, что именно такие мысли проносились в головах наших героев-сопокерников – мысли, что и говорить, не слишком весёлые. Но нет! Так для чего же автор развёл всё это словесное болото? Неужели только для того, чтобы сделать читателю невесело, чтобы дать понять ему представление о бренности существования? Конечно, нет. Автор, как вы уже успели заметить, человек весёлый и отзывчивый, а вся эта бодяга была разведена только с одной целью – надо же было хоть чем-то начать вторую часть нашего честного повествования.

Глава 163. ЖАРА

Занесённая соседними китайскими ветрами жара обрушилась на город, как беспощадный враг. В результате провокационных действий столь бесноватого светила столбик термометра скакнул сразу на десяток градусов вверх, и зной мгновенно прокалил землю до глубины пока несуществующего в Отцеябловске метрополитена, пол-ные женщины в металлических трамваях утомлённо обмахивались газетками, а в автобусах, где из-за тесноты обмахиваться было нельзя, поочерёдно падали в обморок, о чём с удовольствием писал внезапно пожелтевший бывший орган горкома партии (б) «Вечерний Отцеябловск» Пьющие на жгучем солнце алкаши выпадали в осадок после первого стакана, устилая телами газоны на остановках наземного транспорта. Люди покупали ядовитую пепси-колу, лишь ещё больше распаляющую жажду, и мечтали о недоступном ныне социалистическом квасе по три копейки за маленькую кружку, и по пять за большую. К тому же, солнце сияло так нахально и беззастенчиво, словно забыло, что свет его изливается на южное полушарие, где и без того стоял разгар лета. Жара была такая, что, казалось, воочию слышался спор непримиримых физиков – шведа Цельсия и немца Фаренгейта. «Что вы волнуетесь?», тихо говорил Андерс Нильсович Цельсий, «ведь я показываю всего37,7˚ – по мне!» «Враньё!», горячился Габриэль Даниэлевич Фаренгейт, «сейчас уже ровно 100˚ – по мне!» И именно немцу хотелось верить больше…

От солнца не поможет крем,
оно – сама беда,
но не страшна жара лишь тем,
кто умер навсегда!

Деревья, как худые люди со старого советского плаката «Поможем голодающим Поволжья!», тянули иссохшие ветви к равнодушному небу в мольбе о дождике. Правда, время от времени налетал тихий ленивый ветерок, и тогда деревья, тряхнув ветками, как красотка из рекламы шампуня встряхивает сверкающими волосами, неохотно сбрасывали жёлтые и оранжевые листья, и они кружились в воздухе диковинными тяжелыми бабочками.

Продолжалась жизнь и на улице Жубанова, которую неугомонный и весёлый Кулемзин давно предлагал переименовать в проезд имени 26-ти банкирских коммерсантов. Автомобили иностранного производства охлаждали свои салоны кондиционерами и разлагали ядовитые выхлопы угольной пылью и серебряными нитями катализаторов. Выкидыши отечественного автопрома мариновали в потной жаре своих пассажиров и нещадно травили прохожих окисью углерода. Сизый дымок клубился в жарком августовском мареве, бензиновая гарь разъедала гладкий чёрный асфальт. Громоздкие автобусы добавляли в атмосферу чёрные дизельные выбросы, как бы подводя черту под модными велеречивыми разговорами о важности охраны окружающей среды.

Отцеябловск был городом неожиданным, как обратная сторона Луны, и в то же время реальным, как Вавилон. Город, сотворённый в саксаульской пустыне из железа и ноздреватого бетона, среди которых щедрая рука неведомого творца раскидала чудесные яблоневые сады и множество других деревьев и кустов, видимо, желая как-то приукрасить суровую действительность жизни, в которую этот творец навеки погрузил его, красивого… И всё же по сути своей город казался античеловеческим, как и любое искусственное творение, в котором были вынуждены находиться люди. Для того чтобы продолжить своё существование, он непременно должен был питаться этими крошечными человечками, этими букашками, сотнями перемалывая их стальными челюстями, и выплёвывая лишь жалкие шкурки, как шелуху растения подсолнечника.

Не поможет нам аптека
и другое волшебство:
город давит человека,
как под прессом, гнёт его!

И всё же жизнь, несмотря на все недочёты природы, как и было замечено чуть выше, продолжалась, а вместе с ней и наша прекрасная игра, и наше увлекательное повествование.

Глава 164. СЕКТАНТЫ

В игре был небольшой перерыв – после окончания очередной партии, и наши герои дружно прихлёбывали из прохладных бутылочек, даря измученным жарой организмам победительное успокоение.

– Во имя любви к богу! – раздалось из-за поворота.

– Яйчики-бабайчики, это ещё что за мракобесная экспансия в наше культурное пространство? – культурно поинтересовался писатель, увидев каких-то сектантов.

– Чего это он? – опасливо спросил на ухо Талгата охранник, не поняв ни единого слова.

Военный секунду подумал и так же тихо перевёл:

– Что за херня, спрашивает.

– А-а-а, – глубокомысленно заметил экс-текстильщик.

– Опять пришли, – поморщился Володя. Он очень не любил сектантов, особенно вот таких, назойливых и наглых, пристающих к прохожим на улицах, как дешёвые шлюхи на Бродвее. При этом он вспомнил, что в его прошлой советской (б) жизни ему пришлось трижды разговаривать с советскими попáми – малообразованными и неубедительными, так и не смогшими внятно доказать ему существование *дедушкино*. Особенно смешным получился разговор с батюшкой из Грусть-Каменодырского прихода, который, находясь на важной *дедушкиной* службе, явно поддал и во время разговора непрестанно икал. При этом глаза его блудливо бегали.

– Ты, святой патер, прямо сегодня того… – пожурил его будущий писатель. – Часом, никакую вдовушку из прихода… не того?

– Хуже, – икая, ответил поп.

– Хуже? – поразился Кулемзин. – Неужто вдовца?!

Народ немного посмеялся такому предположению.

Множество разного народа прошло перед глазами сопокерников за сегодняшний день, но вот таких они пока не видели. Дело в том, что с началом нового миллениума по городам и весям стали ходить группы проповедников: были среди них и те, кто называли себя христианами, были и различного рода сектанты – адвентисты седь-

мого дня, баптисты, кришнаиты и прочая шушера, единственной целью которых было заполучить бессмертную душу охмурённого ими гражданина, а заодно и земные блага, коими он обладал – квартирой и деньгами, если таковые имелись. Иногда такие бродячие группы случайно встречались друг с другом, но убеждением при этом не занимались, а исключительно мордобоем – за умы и кошельки верующих. Эрудит Кулемзин знал, что такое переманивание сторонников называлось мерзким словом *прозелитизм*.

Володя хорошо понимал, зачем так стараются эти странные люди. Чем больше паствы, тем лучше финансирование – эта первейшая заповедь была просто-таки начертана на всех сектантских скрижалях. Поэтому неудивительно, что, завидев каждого встречного-поперечного, святые люди начинали свою кропотливую работу, убеждая, запугивая и сообщая о будущих дивидендах в царстве *дедушкином.*

Не стесняясь явной чуши,
мозг долбя, как долото,
собираем молча души,
соревнуясь – больше кто?

На этот раз к игрокам подошли какие-то сектанты. У подошедших не было ни лоска их американских собратьев, ни одержимости российских юродивых. По виду они скорее смахивали на старых рокеров, правда, периодически заставляющих себя ходить в парикмахерскую. О многом говорили и синяки под глазами, и слишком какие-то мутные взоры. Их оказалась целая шайка, хотя среди них сразу выделялись лидеры – мужчина и женщина. Их легко можно было узнать по горящим неземным светом глазам и книжечкам, которые они втюхивали доверчивым саксаульцам. Один из сектантов встал почему-то поодаль, как бездомная собачонка возле мангала, которая не знает наверняка, что́ получит: мясную несъедобную жилку или пинок под зад. «На шухер пацан поставлен», сразу определил опытный Кулемзин.

– Ну, здравствуйте, нежданчики! – вежливо поздоровался Альбионыч, хотя и не любил эту приставучую братию, тем более что это была далеко не первая встреча писателя с наглым *дедушкиным* племенем. Он вспомнил, как однажды в его дверь позвонил юноша бледный со взором горящим и сообщил Кулемзину, что собирает пожертвования на святой бассейн, где и будет пытаться повторить библейское чудо водохождения, на что Володя тут же весело предложил: «Какие проблемы? С удовольствием налью вам пару вёдер воды…»

По воде Христос шатался –
чтоб поверили в него!
Только зря он так старался –
(хоть и очень он старался)
не пришёл тогда никто…

Педагог, как человек, воспитанный на традициях пролетарского коллективизма, хотел было пригласить незваных гостей присесть, но сообразил, что вдруг пришельцы попросят его поделиться пивом, а по тем же ненужным сейчас традициям придётся это делать, и прикусил язык. «Правильно, мать твоя партия», погладил его по плечу персональный *иблис*, «самим мало…» Полтавцев слабо разбирался в религиозных вопросах, специальной терминологии для одурманивания людей не знал вовсе, и вообще полагал, что духовная пища – это та, которую готовят в духовке. Поэтому, увидев сектантов, сторож на всякий случай перекрестился, очевидно, разглядев в слугах *дедушкиных* пусть небольших, но начальников. Представление началось

с раздачи каких-то календариков. Духовный лидер сектантов, посылая их на очередной промысел, объяснял это тем, что сначала человека надо расположить к себе, вручив ему небольшой подарок, а уж нужен ли этот подарок ему, дело десятое.

Пусть путями плутовскими,
но душой вовсю криви, –
продавай христово имя,
только не продешеви!

– Если *дедушка* и есть, – весело говорил в своё время Володя, – то он не какой-то особенный правдолюбец или справедливец. Он просто-напросто главный бухгалтер: сидит себе на облачке и следит за балансом нашей жизни. Пошлёт человеку радость и сразу же обложит его подоходным налогом – неприятностью. А в конце жизни заглянет в отчётные ведомости, подсчитает количество грехов значительных и незначительных, и даёт команду – того в рай, того в ад. Одно только удивительно, как вообще в рай кто-то попадает, когда в библии сказано, что нет человека без греха. Кстати, в последнее время этот главбух стал халтурить: беду своей волей ниспошлёт, а радость в довесок послать забудет!

Оправданья не найду
воле бесконечной:
даст нам радость и беду
дедушка навечно!

Глава 165. СЕКТАНТЫ (продолжение)

Один из богомольцев тут же устроился рядом с игроками и принялся читать так называемый *акáфист*, который, как помнил Альбионыч, был ничем иным, как благодарственным пением, посвящённым тому или иному святому. На лице сектанта нашла пристанище небольшая бородка клинышком. Такие уже давно были не в моде, потому что неизбежно вызывали представление о владельце, как о человеке с оппортунистическими взглядами. Подумал об этом же и Нуртай, который сразу же вспомнил, что в революционных фильмах владельцы таких бородок постоянно предавали дело рабочего класса. «Ишь, как взглядом стрижёт, как парикмахер ножницами», отметил Володя. «Как бы лысым домой не уйти…»

– Пресвятая дева Мария, вечная наша защитница и предстательница, – завыл самозваный *дедушкин* посланник. При последнем слове *предстательница* в голове Володи сразу же мелькнул нетленный образ предстательной железы, а также некоторые другие *дедушко*хульные мысли: «Что такое дева? Это женщина, у которой в принципе не может быть детей. Но ведь у упомянутой Марии был один симпатичный младенец, коему папой небесным была уготована такая злая Сука-судьба…»

– …заступница наша милостивая, – между тем продолжал настойчивый, – во всех скорбях утешительница, в горестях нас не покидающая, всегда внемлешь ты молениям нашим…

«Прям как Кулемзин», мелькнуло и у Серёжи.

«Ну, это уж совсем чепуха!», расстроился писатель. «Сколько раз, доверившись этим словам, матери, отправляя солдат на войну, молили именно эту девушку о сохранении жизни своих чад, и что-то практически никогда она не делала ничего для их возвращения…»

– …ниспошли нам щедроты твои, приснодева…

«Приснодева», вспомнил Володя, «это самая-самая чистая дева. Видимо, в небесной бюрократической канцелярии существуют несколько категорий дев. А что, вполне может быть! Ведь говорят же: царь царей…»

– … к стопам твоим припадаю, стеная под бременем грехов своих.

Не в статье иль репортаже
будет *дед* нам дело шить, –
но ака́фист всем расскажет,
как на небе надо жить!

Здесь Володе захотелось отогнать от столика охмурял, но потом он подумал, что, наверное, они тщательно готовились к выступлению, и сейчас ещё не до конца раскрыли свой творческий потенциал. Поэтому писатель решил немного погодить с изгнанием, чем, кстати, существенно отличился от некоего Христа, который не терпел торговцев в храме ни одной лишней минуты! После чтеца акафиста начала представление проповедница, которая, не говоря ни слова, и как бы выполняя завет своего старшего товарища, тут же вручила всем сопокерникам по календарику, а после, не дав опомниться, начала исступлённый трындёж о том, что летит к нам, дескать, седьмой ангел (писатель тут же явственно представил его в футбольной майке с цифрой 7 на спине) двадцать пятой огненной иерархии для того, чтобы переписать и затем покарать алчных и прелюбодейных.

– Переписывайте, – разрешил Володя. – Здесь все такие…

– Мать честна́я, нет-нет, – заволновался Полтавцев. – Меня не пишите: я только редко, когда с Зулей…

Володя, раз уж пришла такая халява, взглянул на календарик. С цветной картонки грустно улыбалась богоматерь, умиляющаяся трогательному *богочеловечку*, который по-котёночьи ластился, прижимаясь к её щеке. Между тем второй проповедник в каком-то балахоне, видимо, призванном узаконить его духовный сан, увидел, что доверчивый сторож тоже с интересом разглядывает загадочные картинки, и, встав возле него, начав завывать, скорее всего, поставив себе целью пресечение зловредного гедонизма человечества.

– Бог любит тебя, – втолковывал Афанасьичу проповедник.

– А все остальные, – тихо проворчал Кулемзин, – считают, что ты мудак.

Другие сектанты в сторонке недружелюбно пялились на говоривших, как бы понимая, что разговор не выгорит ни в плане материальном, ни в плане приобщения ещё одной души в их вонючее лоно. Лица их казались неживыми, страшными и чересчур встревоженными, усугубляя и без того драматический момент жизни.

– Именем Христа заклинаю, – неожиданно заорала проповедница и понесла дальше такую чушь, что даже автор, закалённый в своём ремесле, не может воспроизвести эту ахинею. «Бедный парень», в который раз подумал Володя, вспомнив упомянутого библейского персонажа. «Сколько лет прошло с его печальной гибели, а люди всё не успокаиваются, делая из этого, в общем-то, рядового события, шоу с привлечением новых глупых адептов. Вот и третье тысячелетие на дворе, а в христианских делах по-прежнему царит некрасивый раскол, и нет в них ничего от того, что завещал знаменитый *дедушкин* сын, то есть доброты, милосердия и всепрощения. Напротив, церквей, проповедующих идиотам именем Христа, великое множество, и они продолжают плодиться» В это время на помощь проповеднице пришёл ещё один сектант – это было очень похоже на футбольную замену игроков.

Моё дело пауково –
в вашу заглянуть суму:

именем Христа святого
ваши деньги отниму!

Вера творит с людьми чудеса. Это знают даже дети. Слепые прозревают и становятся снайперами, хромые встают на ноги и бьют чечётку, бесноватые затихают и впадают в спячку – успевай только *утку* менять! Таких уникальных случаев в архиве самой захудалой церквушки найдётся не один и не два. А сколько передаётся народной молвой из уст в уста! Жаль вот только, что их никак нельзя проверить, а то бы наверняка они, как архимедов рычаг, перевернули бы наше представление об окружающем мире. Слышал об этих историях и Серёжа, и потому никак не мог понять, почему его не слишком истинная вера дала такую неприятную осечку. Конечно, из-за своей природной скромности он не мог назвать себя выдающимся картёжником, хотя, по сути, это так и было. Но тогда по логике *дедушка*, как называет его Володя, должен был помогать именно ему, а не этим неверящим в *него* людям. Почему же он не помогал? Странно как-то всё это…

– Закуришь? – предложил проповеднику Талгат.

Сектант дико глянул на нехристя, немного сбился с темпа, но быстро оправился и продолжил начатое проповедницей:

– У меня для вас есть подарок куда лучший, чем сигарета. Его дали в своё время мне, и теперь я хочу поделиться им с вами. Это – истинная вера, которую ниспослал нам великий бог. Его нельзя увидеть, к нему нельзя прикоснуться, но он всегда с нами, он всё видит, он совсем рядом!

Последние слова псевдопастырь произнёс так настойчиво и громко, что Афанасьич испугался и тут же заозирался по сторонам, пытаясь разглядеть силуэт таинственного наблюдателя. В этот момент, словно в подтверждение последних слов, с веточки над головой охранника что-то капнуло.

Те, кто верят, те-то знают,
что не врёт наивный поп:
бог за нами наблюдает
в огроменный телескоп!

Глава 166. ПРИЯТНОГО ОТДЫХА, ДОРОГИЕ ХРИСТИАНЕ!

Володя с молодости хорошо изучил этот предмет, и знал, что, по христианству, человек живёт на земле всего один раз, и после земной смерти попадает навечно или в рай или в ад. Идея прихода рано или поздно в какие-то бесконечные по времени стационарные состояния (рай, ад) равносильна идее полной смерти. Ведь что такое жизнь? Это постоянная смена состояний, это то, что имеет начало и конец. Чем же человек занимается в раю? Якобы получает удовольствие от чего-то, предположим, от близости *дедушки* и от *дедушкиной* любви. Но это происходит не день, не год, не тысячелетие, а *вечно*. Бесконечно одно и то же – получаешь удовольствие от чего-то. Никаких страданий, никаких переживаний, страхов, борьбы, переходов в другие миры, ничего! Одно и то же, вечно! Нет смены состояний, нет смерти в этом мире, нет никакой принципиальной динамики. Вечный застой. Но разве это жизнь? Это болото. Спроси́те себя: какова цель и смысл жизни в раю? То-то: жизнь в раю бесцельна и бессмысленна. То же самое и в аду: бесконечные по времени мучения. Какой в них смысл? Зачем христианскому *дедушке* вечный ад и вечные мучения? Неужели для того, чтобы подчеркнуть маразматичность своего крайне преклонного возраста и садизм своей страшной натуры?

Вообще идея христианского ада поражает своей глупостью. С одной стороны, хриистиане чётко разделяют тело человека и его душу, и утверждают, что душа человека, в отличие от его тела, нематериальна. И тут же рассказывают сказки о том, что в аду грешников черти поджаривают на сковородке (материальной сковородке? нематериальной сковородке?), варят в кипящем котле, в геенне огненной и т.п. Глупо до неприличия! Ведь человек, умирая, расстаётся с физическим телом, остаётся только душа, а если она не материальна, то как же она может испытывать страдания от каких-либо *физических* процессов типа поджаривания?!

Я с тоской костями хрустну:
где ж хвалёный тут уют?!
Мне в раю ужасно грустно –
здесь же пива не дают!

Совершенно очевидно, что все нелепые описания жизни в христианском аду рассчитаны на людей с примитивным воображением, и имеют одну-единственную цель – запугать обывателя, живущего на земле. Да и зачем человеку стремиться в христианский рай? Ведь человек в этом раю уже однажды был, а еврейский *дедушка* его оттуда выгнал, причём, выгнал несправедливо и безжалостно. Значит, может выгнать опять – ни за что ни про что. Яблоко какое-нибудь не то съешь у него, и всё – добренький *дедушка* выгонит тебя в шею! Думаю, что если бы рай и ад были бы вре́менными пристанищами человека, то в этом мог бы быть какой-то смысл. В случае же *бесконечных* по времени ада и рая смысл этот теряется напрочь. В заключение напомню отдельно для мужиков: в христианском раю все попавшие туда – без глаз, рук и ног, а с глазами, руками и ногами – только импотенты, педерасты и скопцы. Не верите? Поинтересуйтесь у ближайшего «батюшки»! Интересно, что он вам втюхает на эту *предъяву*?

Дорогие христиане! Приятного вам отдыха в вашем христианском раю!

Не приснится и в кошмарах,
чем грехи я замолю,
мне ведь лучше на Канарах,
чем в каком-нибудь раю!

Глава 167. СЕКТАНТЫ (продолжение продолжения)

Здесь писатель к месту вспомнил две греческие церкви (католическую и православную), две армянские, две сирийские, эфиопскую, коптскую (египетскую), болгарскую, русскую православную церковь и её зарубежную сестру, вселенскую (!) Константинопольскую, римскую католическую, протестантов, свидетелей Иеговы, адвентистов седьмого дня, баптистов, мормонов и т.д.. и т.п. И это не считая бесчисленных религиозных христианских сект. Чего же так расплодились они, нужны ли? Ещё как нужны! Ведь *все* церкви независимы и исключительны, и *все* имеют свой пай в райских кущах и получают значительные доходы в земной валюте.

Церкви нам нужны для сборов
наших денежек любых,
чтоб отдать без разговоров
каждый доллар, словно псих!

Кулемзин всегда радовался своему атеизму – тому, что в отличие от этих глуповатых людей оставил за собой право решать всё в жизни самому – когда праздно-

вать, а когда работать, когда жить и даже когда умирать – не полагаясь на так называемую *дедушкину* волю.

Между тем, проповедник разошёлся не на шутку. В отличие от Володи, он верил, что каждому воздастся не по каким-то земным заслугам, а именно по глупой вере его, и краешком души осознавал, что *там*, за порогом, не будет ничего страшного, что сто́ит только его перешагнуть, как откроется нечто невиданное и услышится нечто неслыханное, и всё это будет прекрасно, да что там говорить – гораздо прекраснее, чем здесь, где всё так неопределенно и зыбко. А вот там уж тебе всё объяснят и покажут, и все встретятся и наконец поговорят так, как всегда хотелось и почему-то никогда не получалось здесь, внизу. И все будут веселы и добры друг к другу, и никто никуда не будет спешить, и не возникнет никаких вопросов, на которые нет и не может быть ответов, и страха, что всё это кончится, тоже не станет. *Там* всё простится, всё поймётся и никогда не кончится, потому что в запасе – вечность. И, может быть, даже не одна вечность, а несколько, как у американцев, когда они осуждают наиболее кровавых своих преступников на два или три пожизненных заключения!

При этом балахонистый проповедник настойчиво совал в руку писателя какую-то книжечку. Володя взял её и, увидев, что озаглавлена брошюрка несколько странно – «Иисус – единственный путь к освобождению», тут же отдал её обратно.

– Яйчики-бабайчики, почему же единственный? – спросил он носителя истины. – А Будда разве не путь? Разве Лао-цзы не путь? А Заратустра – вот где путь из путей! Или разве Моисей не путь? Или Мухаммед? Есть бесконечное количество путей к *дедушке*. Зачем же обеднять его только одним путём?!

Зомби не понял ни слова, но чётко осознал, что здесь ему не обломится – адепта из этого странного волосатого человека явно не получалось.

Ум линейкой не измерить –
это, правда, тяжело:
проще мне в говно поверить,
чем в такое вот фуфло!

Но пришельцы не сдавались: они собрались в небольшой кружок вокруг игроков и занялись своим привычным делом, которое ещё незабвенный народом Остап Бендер называл «охмуряют ксёндзы».

– Что вы хотели? – строго обратился к подпольному кружку Нуртай.

Это была коронная фраза, придуманная в партийных (б) и советских (б) *органах* ещё во времена застоя. Никто этой фразы не замечал, потому что все к ней привыкли, но тем не менее она была крайне многозначительной, потому что по ней можно изучать всю историю советского государства и его политической системы. Приходил, например, человек в учреждение с каким-то пустяковым вопросом, а его сразу с порога спрашивали: «Что вы хотели?» Не «Что вы хотите?», а именно так – в прошедшем времени. И сразу становилось понятно, что бедный человечишко если и хотел чего-то прежде, то как только он попал в соответствующее учреждение, тут же немел от ужаса и почтения к власти, тут же все его желания естественным образом немедленно улетучивались. Он только мог вспомнить с помощью грозного чиновника о своей нелепой нуждишке и робко её изложить. Подразумевалось, что это он раньше чего-то хотел, а теперь мог только уповать на милость начальства и его благорасположение. «Что вы хотели?» – это не просто фраза. Это памятник тоталитарной системе.

Удивительно, но сектанты не пришли в отчаяние, а сразу же, видимо, для того, чтобы отсечь дальнейшие вопросы, запели. Володя прислушался и узнал старый баптистский гимн «Бог с тобой, доколе свидимся» Охмурялы старательно выводили:

На твоей груди успокоюсь я,
успокоится сердце моё,
и когда придёт тот последний час,
знаю: встретишь с любовью меня…

Глава 168. СЕКТАНТЫ (ещё одно продолжение продолжения)

Видя, что на этот раз у них что-то не получается, сопокерников окружили ещё несколько проповедников – числом три.

– Сатана не дремлет, – проникновенно начал вещать первый сектант, – и только мы можем дать тебе спасение. Сатана неуязвим, но мы научим тебя бороться с ним.

– Мне с *иблисом* бороться нечего, – твёрдо ответил Володя. – Это пусть попы́ борются, им приходы и синоды зарплату платят за то, что они конкретно наезжают на так называемого врага человечества, поют ему какие-нибудь гадости и кропят ему под нос так называемую святую воду.

Второй сектант совал в руки игроков какие-то открытки, намекая при этом, что недорого.

– Святая порнуха? – поинтересовался Кулемзин. – Или картинки в поддержку детей Антаркиды?

– Веруете ли вы в бога единого и сущего? – строго допытывался третий.

– Яйчики-бабайчики, конечно, верю, – не раздумывая ответил писатель. – Вот сижу же Я перед вами, смотрю на всё это безобразие и думаю: на хрена вам всё это надо, товарищи, когда есть Я?

Проповедники изумлённо переглянулись и наконец замолчали, видимо, поражённые тем, как это они до сих пор не разглядели в сидевшем перед ними толстяке живого всевышнего.

– Так, глубоконеуважаемые, – поднялся со скамеечки Володя. – Тот последний час, о чём вы так проникновенно сообщили urbis et orbis[127], уже наступил. Смысл вашего охмурёжа, по-моему, как раз и состоит в том, чтобы семена ваших сомнительных песнопений падали в неокрепшие души будущих прихожан. Так почему бы вам не охмурять друг друга, ведь именно ваши души словно созданы для подобной чуши?

[127] Городу и миру – лат.

Сектанты задумались.

– Тяжело с вашим братом-проповедником, – начал отшивать пришельцев Володя. – Сплошной геморрой. Один верует лбом о стену, другой святой водой из ведра брызжет, третий левитировать пытается. Не слыхали, кстати? На днях один проповедник из корейской церкви святого Муна, видимо, сильно очень хотел полетать – после причащения ударной дозой кагора. Долетел до лоджии, а там – с пятого этажа! Может, веры ему не хватило, а, может, святости…

– Да, дела, – поддержал его немного осмелевший после володиных слов сторож. – Не каждая ворона долетит до середины свалки…

– Мы – твои братья, – не слушая никого, пытался втолковать Альбионычу сектант.

– Не думаю, – холодно ответил писатель, – что мой папа, человек, кстати, не вам чета, так часто изменял моей маме. А ну, брысь!

– Верите ли вы в бога? – повторно пропел первый сектант. Его слащавая физиономия и бутафорская улыбка смотрелись вразрез с задуманным, как-то отталкивающе.

– А ты, сынок? – поинтересовался Володя.

– Безусловно, – тут же ответил охмуряла. – Господь – духовный наставник наш и учитель.

– А ты библию-то читал? – снова пристал марсианин.

– Конечно, – поспешно кивнул головой пришелец.

– И как там насчет любви к ближнему?

– Что вы имеете в виду? – растерялся проповедник.

– Не усматривается ли там противоречия между провозглашёнными духовными ценностями и их реальным воплощением вашей… ну, скажем, организацией?

–Да, мать честнáя! – ещё сильнее осмелел Серёжа. – Любишь нас – пиво поставь!

Знаем мы в припадке битвы,
бьёт когда по нервам драйв:
пиво лучше, чем молитва, –
потому что больше кайф!

Глава 169. СЕКТАНТЫ (неокончательное окончание)

Одно из существ было щуплое, с острыми кузнечиковыми коленками, обтянутыми синей джинсовой тканью. Жидкие русые волосёнки, сползая по щекам, постепенно переходили в почти прозрачную бородку.

– Сатана! – внезапно известил он окружающих.

«*Иблис*, что ли?», подумал Полтавцев.

«Кто-то шефа зовёт», мелькнула мысль и у педагога.

– Сатана говорит вашими устами! – продолжал кликушествовать жидкобородый. – Очнитесь, одумайтесь, ибо близок день откровения, когда 144.000…

– Под психа косишь? – доброжелательно перебил его писатель, и сопокерники так никогда и не узнали, кто были эти таинственные тысячи явно нехороших существ и что они хотели сделать плохого с неверными. Так как фраза Кулемзина, не смотря на добродушный тон, гуманизмом не отличалась, бородатенький сжался, как-то потух и отступил в тень своего лохоразводческого коллектива. Но дело его не умерло. Эстафету приняла дама неопределённого возраста и видом провинциальной торговки средней руки.

– Только уверовавшие в господа живого, пришедшего, и саму мать его земную, – спасутся! – уверенно объявила она как по писаному. И тут же начала угрожать:

– Но на муки, пламя, мор и разорение обрекают себя те, кто…

Володя отметил, что голос у неё был довольно приятный, хорошо поставленный, – так раньше говорили учительницы младших классов и комсомольские активистки.

– …потому что уже написано число зверя и гонимы праведные, – продолжала пугать пришелица. – Но, осеняя благодатью отверженного, никто не избегнет того, что предначертал апостол! Смиритесь! Изыди, исцелённый, не посягая на святость и укоренение праведных…

– Йоговские гвозди, Володя, что это за хрень? – изумился Батыршин, не понявший ни слова. Хотя, надо признаться, что после утренней пивной реанимации наш герой мог бы стать немного поумнее.

– Странный ты, Талгат, – укоризненно ответил писатель. – Прямо в вопросе сам же и даёшь ответ!

– Действительно, бред какой-то, – вступил в разговор педагог, и тут же решил блеснуть знанием классики:

– Охмуряют, мать моя партия! Прямо как ксёндзы Козлевича!

Никакой марихуаны –
лишь простое волшебство:
охмурили ксёндзы пана
и забрали дом его!

– Слушайте, сектанты, – попытался восстановить *статус кво* писатель, – нас ждёт покер…

– Мы не сектанты, – обиделась дама. – Мы великое святое братство. Мы верующие в воплощение Христа…

– Ну, а мы-то при чём? – удивился Володя. – Верьте себе на психическое здоровье, а нам пора уже пиво пить.

– Покайтесь! – вдруг заорал бородатенький, решив, что пора поддержать подругу. – Ибо не спасутся неправедные, и живые в язвах позавидуют мертвецам!

Он погрозил пальцем несговорчивым и неожиданно предложил:

– Отриньте всё мирское, тлен и грязь! Оденьте белые одежды…

«Так они же слишком *маркие*», хотел было возразить Серёжа, но его опередил Курманбаев.

– Милицию что ли вызвать? – неожиданно предложил он.

Глава 170. СЕКТАНТЫ (окончание)

Добавил свою пилюлю и другой обрабатываемый – по виду военный.

– В Отар бы вас, йодистый туркмен! – крикнул он. – Каракуртов танками гонять!

Володе во время службы в Красной армии (б) однажды пришлось побывать на знаменитом на весь СССР (б) танкодроме Отáр, который, в отличие от двух таких же *дыр*, упоминавшихся в известной армейской прибаутке[128], находился как раз на территории Саксаулии.

[128] На свете есть три дыры:
Отар, Кушка и Мары! – прим. воен. редактора

Он хорошо помнил, что в центре танкодрома стоял ржавый корпус САУ-2[129] времён Великой Отечественной войны, борта которой проржавели до сквозных дыр. Двигатель отсутствовал вообще, а катков осталось ровно половина.

[129] Самоходная артиллерийская установка – прим. воен. редактора

– Любишь кататься – и катись отсюда, – завершил свой монолог прапорщик народной мудростью. Сектант тяжело вздохнул и пошёл прочь. «Вот как действует на таких народная мудрость», подумал Кулемзин. «Ведь настоящая народная мудрость – это просто-таки живительный источник, к которому необходимо время от времени припадать настоящему художнику. А в том, что в этой строчке речь идёт о настоящем художнике, я никогда не сомневался…» Сектанты вслед за вожаком быстренько

собрались, ловко отняли уже розданные календарики и стали удаляться – навстречу новым идиотам.

– Православные и левославные! – закричал вслед убогим писатель. – К борьбе за дело отца и сына и святаго духа – будьте готовы! Аминь!

Славя крест и *дедушку* славя,
проклиная безверия срам,
волны медные православия
тяжко катятся по головам…

Сектанты уже удалились на приличное расстояние, но всё ещё слышалось издалека их бессмысленное пение:

«Если зришь богатых златом и землёй,
думай о небесном царстве, что с тобой.
О благословенье, данное Христом,
не купить за деньги твой небесный дом…»

Альбионыч прослушал прощальную песнь сектантов и остался доволен – тем, что вербовали его глупые баптисты, а не какие-нибудь истинные (или как говорит современная молодежь, *продвинутые*) православные. Ведь тем на церковных службах приходится выслушивать подобные песнопения не на понятном языке, а на церковнославянском – не поддающемся быстрому разуму. Кулемзин знал множество таких опусов, называемых в церковных хорах *кондаком*. Например:

«Душе моя, душе моя, восстании, что спиши?
Конец приближается, и имаши смутитися;
восстани убо, да пощадят тя Христос Бог,
везде сый и вся исполняй…»

Каково?! Особенно *сый*! Что за зверь такой?

Глава 171. АНЕКДОТ И БЫЛЬ

Посмотрев вслед сектантам, Володя вспомнил короткий анекдот, который тут же не преминул рассказать сопокерникам.

«Приходит как-то Иисус к своим ученикам, смотрит: те пьянствуют.

– Яйчики-бабайчики, откуда же у вас деньги на вино, пацаны? – интересуется сын *дедушкин*.

– Да Иуда какую-то сделку провернул»

– Мать честнáя, а дальше? – нетерпеливо заёрзал Полтавцев.

– Всё! С тех пор так и повелось…

– Мать моя партия, ерунда какая-то, – фыркнул Курманбаев, – никакой идеологической подоплёки, никаких выводов в свете решений…

– Стоп, стоп, – воскликнул писатель, – не будем торопить события, тем более, что они наступят уже через мгновение!

Что-то сыплется в песочных
часиках – за воротник:
только время знает точно,
что же будет через миг…

– Вот ты, Володя, напрасно не веришь в бога, – осуждающе произнес Афанасьич. – Знаешь, какие чудеса он делает…

– Знаю-знаю, – засмеялся писатель. – Одному такому я сам был свидетелем. Помните, когда я приехал в этот дворик (тогда он ещё не был Бермудским Учпучмаком) четыре года назад? Произошёл тогда удивительный случай: чей-то котёнок залез на дерево, и не может спуститься. Орёт как собака, и никак! Помню, позвонил я пожарным – разумеется, они не приехали. Позвонил эмчеэсникам – тот же результат. Тогда Анна Петровна из второй квартиры говорит: я сейчас в церковь иду, заодно и за котёночка помолюсь. Сказано – сделано. Пришла, задрала голову под потолок и просит, чтобы боженька котёнку помог. А там как раз реставраторы-богомазы работали. Услышали молитву, взяли лестницу, пришли и сняли котёнка…

– Царица лесная, вот он, промысел божий! – поднял вверх палец охранник.

– Вот такие чудеса! – весело заключил Володя.

Я рассказывать всем буду
(уберут редактора́?),
как явил господь мне чудо,
дав бутылочку с утра!

После ухода сектантов Кулемзин неожиданно вспомнил строчки давно забытого советского поэта Николая Карпова:

Народ в религию уходит,
когда на власть надежды нет…

Он (не Карпов, а Кулемзин) полагал, что если современные православные попы́ освящают джипы *браткам*, а банкирскому жулью – новые помещения, то только за одно это церковь надо было просто запретить. Возразите, если найдёте аргументы.

– Кстати, знаете ли вы, – спросил писатель, – как в Мексике давно уже поступили со *всеми* сектами? Там приняли закон, что любая секта, своя или импортная, без разницы, не имеет права иметь на территории страны *никакой собственности*. Аренда – пожалуйста, регистрируйся и арендуй помещение, плати деньги и охмуряй народ на всю катушку. А собственность – ни в коем случае! Поэтому залётные проповедники сейчас обходят Мексику стороной, ибо что толку охмурять, если навара от этого всё равно не получишь? Яйчики-бабайчики, мудро!

Глава 172. О ФОМИАНЦАХ

Затем, когда сектанты удалились, а Серёжа принёс очередные *тянь-шанчики*, Володя по случаю рассказал им забавную историю об одной секте, которая то ли запала ему в память из жизни, то ли придумалась в воспалённом воображении народного саксаульского писателя.

– Дело было, по-моему, в Смехобурге, – начал рассказ Кулемзин. – Завелась там в городе необычная религиозная секта – не верующих ни во что. Сами сектанты называли друг друга *фомианцами*, то есть последователями апостола Фомы Неверующего. Священным текстом для них являлось сочинение неизвестного автора (из скромности не хочу называть его великую фамилию), гласящее о том, что

Первый апрель –
никому не верь!

И в любое число –
не верь всем назло!

В их молельном доме в па́рных углах, как некогда в советских комитетах бедноты (б) висели изображения Маркса и Энгельса, находились два портрета: на почётном месте, наряду с условным портретом святого Фомы, был и портрет театрального режиссёра Станиславского, прославившегося на весь мир своим постоянным восклицанием «Не верю!»

– Мать честна́я, не верю! – прошептал поражённый охранник.

– Вот-вот, – отозвался писатель, приняв последнюю реплику за проявление слабоумной эхолалии[130], и продолжил:

[130] Психическое расстройство, при котором больной, не понимая смысла сказанного, механически повторяет его – прим. мед. редактора

– В секту эту принимали тех граждан, которые не верили ни одному сообщению средств массовой информации, никому из политиков, а на выборах голосовали против всех. Фомианцы эти никогда не устраивались на работу, потому что не верили, что им будут платить зарплату. Они не ставили в своих квартирах железных дверей, потому что не верили, что это спасёт их от грабителей. Еду они покупали только в тех магазинах, где были контрольные весы, да и то относились к их показаниям с заведомым недоверием. Правда, они не расстраивались, когда просыпа́ли соль или разбивали зеркало, и не сворачивали в сторону, если дорогу им перебегала чёрная кошка, потому что среди прочего они не верили в дурные приметы. Никогда эти странные люди не одалживали денег знакомым – не верили, что кто-то им вернёт долг, и никогда ни у кого не брали в долг – не верили, что вернут его сами. Но самое любопытное было в том, что эти необычные сектанты, прямо как мы, вовсю пили и курили, потому что не верили, что это вредно!

– Царица лесная, какие хорошие люди! – отозвался сторож. – Я бы к ним немножко записался…

Нас, неверящих, когорта,
нет нам лучше, не́жли *да*:
мы не верим в бога-чёрта,
а вот в покер – завсегда!

Глава 173. ПИВО И РЕЛИГИЯ

– Да я вам даже больше скажу, – неожиданно заявил Володя. – Пиво вообще лучше всякой религии!

– Ёкарный пропан, это ты уже хватил, – засомневался Фома Батыршин. – Как же без этого?

– Да очень просто, – объяснил Кулемзин. – Вот только восемь доказательств по этому поводу. Специально для тебя буду их нумеровать.

1. Никто никого не убивал за то, что тот не пьёт пиво.
2. Употребление пива не накладывает обет безбрачия.
3. Никогда употребление *разных* сортов пива не послужило причиной войны.
4. Никто не заставляет силой пить пиво детей, которые сами не в состоянии решить, пить ли им пиво.
5. Даже сменив марку употребляемого пива, вы не предадите никого.

6. Никого никогда не пытали, не сжигали на костре и не побивали камнями за то, что он пьёт не то пиво.

7. Ты легко можешь доказать, что действительно пьёшь пиво.

8. Если ты полностью связал свою жизнь с употреблением пива, общество трезвости поможет тебе вернуться к нормальной жизни.

– Был бы здесь немец Иммануил Иоганнович Кант, он бы обязательно придумал ещё парочку доказательств – въедливый был старик! – закончил свой спич писатель.

– А я тоже знаю одно, – заявил потрясённый сторож. – Прямо сейчас ты дашь мне немного денежек, и я пойду всё это *воплощать*!

– Браво, перипатетик! – воскликнул писатель и вынул купюру.

– Сам ты эпилептик! – обиделся Афанасьич.

Пришлось писателю загладить вину ещё одной купюрой. Не объяснять же было Серёже, что перипатетиками ещё в I веке до нашей эры назывались ученики и последователи философской школы Аристотеля Никомаховича Стагирита.

Чтобы избежать вопросов,
я отвечу как он жил:
Аристотель был философ –
и пивко, как я, любил…

Глава 174. БОЙ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

В такую жару Володе внезапно вспомнились волны Чёрного моря, где он был последний раз чуть ли не сорок лет назад. Он помнил, как волны радостно выпадали на берег и жадно лизали его, растворяясь в песке, словно радовались, что вернулись к родному берегу – долго-долго бежали через всё море, чтобы здесь, у родной земли, умереть. Да, жара стояла невыносимая. Полтавцев, быстро сбегавший в магазинчик Калимы, вернулся оттуда припотевший. Он долго крепился и, наконец, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Батыршин тоже долго крепился, но потом всё же решил сделать ему замечание:

– Сегодня ты, йена вьетнамская, пуговицу расстегнул, завтра родину продашь, а послезавтра так и вообще через правое плечо повернёшься!

Афанасьич испуганно одёрнул рубашечку и снова застегнул пуговичку. Между тем игра, начатая нашими сопокерниками ещё в первой части этого тома, продолжалась. Во время игры Володя внимательно поглядывал на руки своих противников: он давно заметил, что выражение лица может ох как обмануть, а вот руки – нет. Лицо может ввести в заблуждение, а руки – никогда. Наверное, поэтому умные азиаты придумали вертеть в руках чётки – для отвлечения *гяуров*. Руки всегда выдают и волнение, и несогласие, и озабоченность – надо только уметь читать их невольные движения. Когда, например, к прапорщику приходила хорошая карта, он тут же начинал шевелить пальцами правой руки, как бы разминая сигарету перед перекуром. Охранник же, наоборот, начинал яростно чесать голову, и это было понятно: ведь хорошие карты – это одно, а вот правильное применение их – совсем другое. Руки Нуртая при наличии *грандов* и козырей начинали вздрагивать, и он тут же принимался то дёргать несуществующий ус, чтобы успокоить нервные отростки, то потирать свой женский рыхлый подбородок, а то и вовсе постукивать по покерному столику, как бы призывая своего персонального *иблиса* к повышенному вниманию.

Говорил игрок, завися
от того, кто в нём – в нутре:

«Помоги ты мне, *иблисе*,
в нашей победить игре!»

В самом начале игры Кулемзину вдруг повезло – видимо, курманбаевский *иблис* на секунду отвлёкся, чтобы слетать и сделать пакость в другом месте. Писателю уже на роббере в три карты пришли сразу два младших джокера вкупе с козырным королём.

– По джокерам! По козырям! И ещё раз по козырям! – сделал он мгновенные три хода, посадив всех участников карнавала. После такого паскудного, с точки зрения педагога, хода Володи Нуртай попытался изобразить из себя копию «Мадонны с младенцем» испанского художника Бартоломео Эстебановича Мурильо, то есть сделать так, чтобы присутствующие ясно увидели прелестное лицо в рассеянном свете, падающем откуда-то сверху, грустные бархатистые глаза, обращённые к младенцу, а также изящные руки, молитвенно сложенные у груди. Но сопокерники, к его разочарованию, художественным воображением не обладали, и, немного поворчав, равнодушно продолжили игру. Следующим роббером была сдача в четыре карты.

– Четыре! – залихватски объявил Полтавцев, победно посмотрев на игроков.

– Ты поаккуратнее только, – предупредил его заботливый прапорщик.

– Мать честнáя, да мы с сопливого возраста аккуратные, – ещё раз похвастал тяжёлым детством охранник. Надо ли говорить, что никаких четырёх взяток он, конечно, не взял, как не взял и трёх, а взял всего две взятки, что и привело к записи в его персональной *раскладке* минуса 45 очков. После этого передать выражение его лица было так же сложно, как объяснить на пальцах для глухонемого содержание картины Шишкина «Русский лес»

Мысль увижу, словно в лупу,
как ответ на знак прямой:
«Я в игре не просто глупый –
страшно наглухонемой!»

– Это тот самый случай, когда я категорически не согласен с Ильичом I, – признался гуру.

– Мать моя партия, ты Ленина не трогай, – тут же возмутился педагог.

– Да я его не трогаю, я просто вспоминаю ленинскую лабуду насчёт меньше, да лучше. С такими картами, которые у тебя сейчас были, Серёжа, впору воскликнуть: «Не лучше меньше да лучше, а лучше лучше да больше!»

Пусть простят меня святоши,
но скажу я вам вот так:
«Лучше меньше, но побольше,
лучше больше, чем никак!»

Глава 175. БОЙ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ (продолжение)

Нуртай растерянно улыбнулся и стал медленно краснеть – так в своё время улыбались и застенчиво краснели советские (б) продавцы, которых ловили на обсчёте бдительные покупатели.

– Мать честнáя, куда же все взятки подевались? – недоумённо воскликнул Полтавцев. – Прямо какая-то чёрная дыра в действительности!

Володя завистливо прищурился:

– Браво, ландскнехт! Гениально! Покупаю! – и, не дожидаясь, пока охранник обидится на неведомого ему *ландскнехта*, достал деньги на пиво. – Скидываемся?

Услышав призыв скидываться, Нуртай улыбнулся трогательно, как бедная сиротка, попросившая *денежку* у незнакомого дяденьки. После этого демарша Альбионыч решил наказать жадного и, сделав вид, что замешкался, как бы невзначай уронил на покерный столик козырного туза. Педагог явственно обрадовался, глотая примитивную наживку, как жадная алтайская рыбешка *сорожка*. Между тем, покосившись на купюру, свои кривоватые конечности вскинул охранник, после чего схватил её и понёсся в магазинчик Калимы, словно эфиопский марафонец Абебе Бикила на олимпиаде 1960 году в Риме. Так же стремительно он вернулся и обратно, таща котомку с пивом, что до него делал только ишак Ходжи Насреддина. Правда, это усилие привело к тому, что Серёжа побледнел, как хамелеон на Северном полюсе. Несколько минут игрокам было не до игры. Все дружно прихлёбывали, завидуя Талгату, который пивные пробочки, как и привык с молодости, снимал кромкой обручального кольца. Курманбаев своё кольцо не надевал – как он говорил, «на всякий случай», а Володя не носил принципиально сразу по двум причинам: во-первых, не был женат, и, во-вторых, не было кольца, чтобы жениться наверняка.

Эх, жизнёха холостая –
не жениться мне никак,
и друзья мои все знают:
без кольца я – холостяк!

Но игра вскоре продолжилась, а, значит, есть продолжение и у нашего правдивого повествования!

– Ну ты ходишь, *иблис* тебя задери! – возмутился Афанасьич по поводу очередной пакости педагога. – Прямо зла не хватает!

– Это хорошо, что не хватает, сынок, – вступил в разговор писатель. – Злость – это вообще не путь воина. Знаешь, как учат каратистов?

– Как? – загорелся охранник.

– Только два пути ведут к постижению – это спокойствие и чёткое ви́дение цели.

Перед Полтавцевым засияли радужные вершины победы.

– Да я больше не буду так, – по-детсадовски пообещал Нуртай, но, видя недоверие коллектива, ещё и поклялся:

– Мать моя партия, клянусь, искуплю вину кровью своих товарищей!

Несколько секунд все сидели молча, обдумывая очередной роббер, а он был большим – в двенадцать карт, ибо пришло время средней *тёмной*. После заказа Альбионыч сделал первый ход.

– Это что? Покер? – с ужасом вымолвил Курманбаев, как человек, забывший перед входом в собачий питомник на всякий случай вколоть себе противостолбнячную сыворотку. После того, как из рук Мусаича практически необъяснимо исчез младший джокер, он почувствовал себя несчастным советским (б) ребёнком, у которого на первомайской демонстрации неожиданно лопнул единственный, а потому и самый лучший на свете красный шарик.

Было в жизни всё иначе:
вдруг отец разлил арак,
но ребёнок горько плачет,
словно потерял пятак…

– А я вас вот так! – неожиданно прокричал охранник и пошёл с козырного туза. Это был смелый шаг, но он неожиданно принёс удачу, так как ни у кого не нашлось, чем перебить строптивого *гранда.* Занервничав, Володя тут же принялся насвистывать неизвестного Антонио Джованниевича Вивальди, а именно Третью сонату для лютни и скрипки, подумав при этом, что лютня в ней звучит намного благороднее и естественнее классического клавесина, даже если переложение делал сам Иоганн Иоганнович Бах. Потом он рассудил, что для таких персонажей, как Полтавцев, любой Вивальди – неизвестный, и рассмеялся. Так как размышлений его не слышал никто, сопокерники поглядели на него с удивлением, а Курманбаев так даже обрадовался, что, мол, наконец-то оно и произошло – внезапное помешательство строптивого писателя.

– Рукоплещу твоей отваге, сынок, – похвалил Полтавцева писатель. – Это будет даже покруче поведения некоего Галилео Винченцоевича Галилея, когда инквизиция в лице Урбана VIII, выбивая из него признания в *дедушко*противной ереси, угрожала применить к нему некоторые стоматологические приспособления, а именно бормашину, пульпоэкстрактор и роторасширитель образца 1975 года Саратовского завода среднего машиностроения.

– Это какой Урбан-то? – заинтересовался охранник. – Не тот ли, которого ещё в кардинальстве звали Маффео Антониоевич Барберини?

Педагог от удивления открыл рот и забыл объявить запланированный мизéр.

– Кстати, Серёжа, – решил довести тему до конца Володя, – этот самый Урбан не так уж и усердствовал в отношении старика Галилея. Скорее, наоборот: с 1611 года был его другом и покровителем, и даже держал за него *мазу* перед кардиналом Франческо Лудовиковичем Гонзага, да и на других инквизиторских *сходняках* тоже, а в году примерно 1620-м даже посылал ему стихотворное посвящение – целую поэму под названием «Adulatio perniciosa[131]» Да, помнится, и Роберто Марчеллович Беллармино, тогдашний кардинал от науки, неплохо относился к своему строптивому оппоненту. Это уж под конец жизни Галилей чем-то так сильно достал папу, что у того кончилось всякое терпение…

[131] «Губительная лесть» – лат.

Жил учёный близоруко,
словно зенки залепил:
Галилей любил науку,
правда, пива он не пил!

Глава 176. БОЙ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ (окончание)

Этих подробностей Афанасьич не знал, но решил в своём незнании не признаваться, и, чтобы как-то оправдать задержку в развитии, а, следовательно, и задержку в заявке, поспешил принять свою самую непринуждённую из доступных ему поз, то есть закинуть ногу на ногу. Правда, проделал это он слишком ретиво, так что правая нога его долбанула по колену Нуртая, а левая вообще поскользнулась на пробочке «Жигулёвского», брошенной им же самим, так что *крутящий момент* буквально кинул его влево. Хорошо, что там сидел Володя, который своим весом и принял удар на себя, впрочем, даже не почувствовав этого.

– Серёжа, не вертись, – попенял он малахольному. – Ты заказывать будешь?

Педагог с ненавистью поглядывал на неугомонного соседа, потирая раненую коленку, после чего сделал просительное выражение лица и для верности выпучил глаза.

– Ты чего это глаза такие сделал? – поинтересовался Володя. – Привет от гражданина Базедова?

– Посчитай, пожалуйста, – слезливо попросил педагог перед последней *тёмной.*

Володя тут же сделал необходимые прикидки и с удовольствием сообщил:

– Тебе, чтобы сейчас выиграть, нужно взять семь взяток!

– Семь?! – воскликнул чуть не плачущий Курманбаев. Правда, всем было ясно, что это была, как остроумно выражаются французы, sa derriere carte[132].

Полтавцев прищурился и тихо обратился к Володе:

– Sa carte a perdu, et ce la passé le jeu[133].

– Naturel[134], – ответил Кулемзин.

[132] Отчаянная, последняя попытка – фр.
[133] Его карта бита, и это уже не шутка – фр.
[134] Естественно – фр.

– Принцип неопределённости Вернера Августовича Гейзенберга? – улыбнувшись, уже по-русски спросил Володя.

– Его, фрица проклятого, – так же по-русски честно ответил охранник.

После проигрыша Нуртай сидел нахохлившийся, как Золотой Гребешок, у которого наглый залётный страус отобрал любимый курятник. И только писатель был спокоен, как всегда.

– Серёжа, запиши, это важно: «Выигравшим почти всегда оказывается тот, кто не даёт невежеству победить себя»

Но пока сторож доставал знаменитый блокнотик «Для му.мы.», пока искал чистую страницу, пока слюнявил химический карандаш, какие-то слова успели позабыться, а какие-то вообще превратились в другие. В результате этого мысль Кулемзина оформилась в полтавцевском изложении в такую: «Невежливо побеждать, если хочешь выиграть у себя!»

Ведь борьба всегда лоскутна,
хоть порою и строга.
Победить себя так трудно!
Лучше подлого врага…

Наконец, оформив трудную мысль, Афанасьич увидел подходящего к скамеечке пса Борю, и тут же опасливо отодвинулся на край. Он почувствовал себя неуютно, потому что со школьной скамьи запомнил незатейливый рассказ из «Родной речи» Рассказ, автора которого он, естественно, запамятовал, назывался «Булька»[135], и содержание его крепко врезалось в память будущего текстильщика. Он помнил, что там такая же вот собачонка вцепилась медведю в ухо и никто – ни хозяин леса, ни хозяин собаки – не мог оторвать её от добычи. Кроме того, Полтавцев где-то читал, а может, слышал от Володи, с какой силой представители этой породы сжимают челюсти. Однако Боря вёл себя вполне миролюбиво, а поглаженный писательской рукой, и вовсе размяк, улегшись возле игроков.

– Эх ты, Цербер Тифонович, – рассеянно произнёс Альбионыч.

[135] Этот рассказ написал Лев Николаевич Толстой. Даже не представляю себе человека ни в России, ни в Саксаулии, который бы мог не знать столь примечательного факта ещё со школы! – прим. лит. редактора

Глава 177. ЧТЕНИЕ A CAPELLA

В это время увлекательный процесс игры пришлось ненадолго прервать – к сопокерникам приблизился уже изрядно подшофе бомж Одиссей. Видимо, принял он немало, и ему было очень весело. Правда, на колоратурное сопрано у него сил уже не хватало, так что Оюшминальд (б) ограничился лишь устным художественным чтением. Сегодня в его исполнении для игроков Сукой-судьбой были предназначены басни дедушки Крылова, правда, в несколько переиначенном виде. Очень надеясь на бутылочку пивка, бомж с упоением читал «Стрекозу и Муравья»:

– Проститутка Стрекоза
прокуражила всё лето,
зу́сман долбит, гро́шей нету –
стала крыть её шиза.
Быстро время миновало,
а бывало, что давала
и на лавке, и в кустах,
и за бабки, и за так!

Серёжа, открыв рот, слушал печальную историю. Одиссей тем временем вытянул вперёд руку, как заправский артист, и продолжал:

– Стрекозе грозит хана,
к Муравью ползёт она:
«Не оставь меня, кум милый!
Я же блядь, а не громила,
так что, мать твою ети,
обогрей и приюти…»

Дальше шёл ещё более печальный диалог правильного кулака Муравья и несчастного насекомого. А завершалась эта страшная история в исполнении бомжа так:

– «А, так ты…»
«Я для души
и тебе бы подмахнула!»
«Подмахнула? Ну, загнула:
вот кайло – иди маши!»

Получив заслуженный гонорар в одну бутылкоединицу пива, бывший Антоныч, совершенно счастливый отправился навстречу своему незавидному будущему. А вот в Володе высокохудожественный рассказ навеял кое-какие воспоминания.

– А хотите, – предложил он высокому собранию, – ещё один перевод этой басни – с крыловского на кулемзинский? А то, я вижу, скоро дождь собирается, так что всё равно надо куда-то деваться…

Педагог поморщился, художник поощрительно зааплодировал, и только прапорщик Батыршин продолжал сидеть с индифферентным видом, так как ему было всё равно, лишь бы пиво не кончалось. «Ёкарный баснописец», думал он, «всё ему неймётся…» Между тем писатель принял артистическую позу, немногим отличающуюся от позы недавнего чтеца-декламатора, и приступил к своей версии басни, передранной дедушкой Крыловым у некоего Эзопа, весьма художественно изображённого на картине известного испанского художника Диего Хуановича Веласкеса.

Глава 178. СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ. 2.0

В июльский день кошмарно жаркий,
забыв об отдыхе давно,
разя бензином и соляркой,
пёр Муравей домой бревно.
Вдруг на поляне возле ивы
он обалдел, подняв глаза –
там беззаботно и лениво
в тени дремала Стрекоза.
Уже сентябрь сменяет лето,
дождь через день стучит в окно.
Добыв себе фуфайку где-то,
прёт Муравей домой бревно.
А на пароме через реку,
в тени зонта, прикрыв глаза,
в киношку или дискотеку
плывёт неспешно Стрекоза.
Зима проклятая лютует,
тулуп не греет ни хрена,
но Муравей не протестует –
влачит по снегу два бревна.
Встал отдохнуть. Вздохнулось тяжко.
И вдруг увидел: в соболях,
лихие три коня в упряжке,
мчат Стрекозу в своих санях.
«Куда летишь, скажи, подруга,
не зная сути бытия?»
«Для проведения досуга
на званый ужин еду я.
Приятно выпить рюмку чая
в кругу талантливых людей,
люблю, бомонда дух вкушая,
зреть зарождение идей…»

♠ ♠ ♠

Взвалив на плечи брёвна снова,
ей Муравей ответил так:
«Увидишь если там Крылова,
скажи ему, что он мудак!..»

– А вообще-то стрекоза, так бездарно развенчанная дедушкой Крыловым, – по окончании стиха добавил Альбионыч, – насекомое совсем неплохое. Кстати, у неё есть чему поучиться даже человеку. Например, стрекоза обладает стереоскопическим зрением, то есть видит всё и сразу…

Глава 179. ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ

Так что роббер под *тёмную* Володе сдать не удалось – педагог вдруг сорвался с места, запутался в серёжиных ботинках, упал, но тут же вскочил, как русская народная забава ванька-встанька, и побежал к основанию Бермудского Учпучмака – в

северном направлении. Нуртай бросился навстречу тому, что пока неведомо читателю, как *луч света* Катерина – в Волгу.

– Соседушка! – крайне немузыкально закричал он, объясняя читателю, что же произошло. Увидев бывшего соседа, Нуртай тут же, как противогаз, натянул на лицо приветливую улыбку. И было в ней томленье радостного нетерпеливого ожидания, и восторг от встречи, и вообще от того, что вот, мол, день был такой серый и скучный, а теперь станет радостным и цветным. От счастья он вскинул руки, да так и побежал навстречу приятному свиданию. В эту минуту он был похож на выходящего из окопа бойца, сдающегося на милость фашистского гада. Соскочил педагог со своего места, словно до этого сидел голым задом на еже и терпел, а побежал с протянутой ладошкой, словно каратист в атаке *дайбацу*. Володе стало ясно, что такой тяжёлый неуклюжий прыжок обязательно станет беременным предстоящими объятиями, поцелуями, неслыханным братанием и слиянием в экстазе вечной дружбы. Через мгновение так оно и случилось.

– Ну вот, опять фермата[136]! – музыкально выругался писатель.

[136] От ит. fermata – остановка. В нотном письме – знак, увеличивающий на неопределённое время длительность ноты или паузы – прим. муз. редактора

Батыршин, услышав знакомое слово и осознав, что произнёс его гуру, тут же посмотрел на него с уважением.

– Иван Иваныч! – кричал Курманбаев по дороге, останавливая персонажа, неспешно бредущего по занесённому листьями тротуару. Нуртай сейчас как бы олицетворял Комитет по встрече почётных гостей из одного человека. Персонаж остановился, подслеповато прищурился, а потом, узнав спринтера, тоже заорал:

– Нуртай Мусаич! Ну как же, как же!

И чтобы подчеркнуть радость встречи, ещё раз спедалировал:

– Ну как же, как же!

Правда, кричал он невнимательно, слушая, как трещат его рёбра под мягкими и женскими ручками обрадовавшегося.

Влажное рукопожатие педагога, быстрое и прохладное, было пугающе-неожиданным, как прикосновение летучей мыши в темноте. В руках Иван Иваныч держал потрёпанный портфель, который можно теперь увидеть только в фильмах про совслужащих-бюрократов (б) периода культа личности. Ручка портфеля была тоже помосфильмовски традиционно перетянута синей изолентой. Из бестолковых восклицаний, доносившихся до осиротевших игроков, вынужденных прервать игру, всем стало ясно, что Курманбаев встретил своего бывшего соседа, когда-то жившего прямо под ним – в квартире № 27, а теперь по каким-то коммунальным делам забредшим на старое место проживания, чтобы взять незначительно-необходимую справку из КСК. Сосед Нуртая, человек, близкий к пенсионному возрасту, но пока не пенсионер, в советскую бытность (б) занимался тем, что читал курс научного коммунизма (б) в СаксГУ, и это наложило неизгладимый отпечаток даже на внешность: лицо его было костлявым, как у всех без исключения научных коммунистов, а маленькие бесцветные глазки до сих пор нет-нет да и вспыхивали бесноватым светом марксовых идей.

В мерзкой буржуазной вони
счастья мне не обрести –
Карла Маркса буду помнить,
как родную мать ети!

Здесь надо отметить, что Володя, воспользовавшийся неожиданной заминкой в игре, быстренько сходил домой на lunch, который, как и все писательские приёмы пищи, был чрезвычайно скромным: тушёные в сметанном соусе грибы шиитаке с полинезийскими пряностями, суфле из омаров и ананасный мусс a la russe. Впрочем, длилось пиршество не более двух минут, так как Альбионычу хотелось воочию полюбоваться на встречу старых приятелей.

– Мать моя партия! Иван Иваныч! Как дела? – радостно поприветствовал незнакомца Нуртай.

О, идиотский вопрос! Сколько раз каждый из нас слышал или задавал его! «Как дела? Отлично, просто отлично: жена ушла, машину разбил, собака сдохла, с работы выперли… О, рад за тебя, старина! Ты позванивай… Ага, конечно, обязательно! Да-да, не пропадай… Надо бы встретиться, посидеть… Значит, говоришь, всё отлично? Да, всё сказочно хорошо, впору повеситься… Ну, бывай!» Вспомнили?

«Вот и срослась яблонька с вишней», печально подумал Кулемзин. «На радость старому маразматику Мичурину…»

– Иван Иваныч! Сколько лет! Сколько зим! Ах! Ах! Куд-кудах! – закудахтал педагог, увидев соседа. Правда, обилие восклицательных знаков в его речи означало вовсе не экспансивность по поводу незапланированной встречи, а свидетельствовало всего лишь о лживой натуре Нуртая. Короче, педагог из случайного свидания с бывшим соседом устроил настоящее шоу. Чтобы показать свою жизненную заинтересованность, он громко ахал, по-бабьи всплёскивая ручками, округлял глаза, словом, реагировал так, как это могут делать только люди абсолютно безразличные.

Только нужные потребы –
для бродяг и королей:
век не видеться ни с кем бы, –
будут денежки целей!

– Картина Бориса Дориановича Валеджо «Поцелуй вампира», – с омерзением проговорил вовремя вернувшийся Володя.

Глава 180. ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ (продолжение)

– А ведь это незапланированное свидание может продлиться весьма долго, – озабоченно протянул Кулемзин. – Какие есть идеи?

– Ёперный фальцет, может, пока без него сыграем? – предложил Батыршин.

– Мать честнáя, может, за пивком сходить? – предложил Полтавцев.

– Может, я вам лекцию по творчеству позднего Сандро Марианович Боттичелли прочитаю? – предложил Муравлёв.

Володя внимательно обдумал все три предложения и обернулся к сторожу:

– Серёжа! Помнишь старую истину: в жизни всегда есть место шопингу?

– Да я в магазин с нашим удовольствием, – отозвался охранник. – И без всякого вашего жопинга!

Тем временем бывшие соседи долго, как Мичурин грушу, трясли друг другу руки. Курманбаев взял Ивана Иваныча под руку, и они стали неспешно прогуливаться по тротуару, как добрый старый профессор со своим учеником где-нибудь на газонах Оксфорда. Рассказывал педагог новости долго и неинтересно, как фронтовик, направленный по разнарядке райкома партии (б) для воспитания патриотического духа молодёжи. Затем Нуртай прижался к пришельцу плечом и что-то зашептал на ушко – со стороны казалось, что старенький папаша уговаривает беспутного сынка пе-

рестать пить и курить, а великовозрастный сынок, со стаканом водки в руке, как раз хочет выпить и устроить дебош, чтобы в очередной раз покрыть позором семью.

– Кто это? – тревожно вопросил Серёжа.

– Знакомый, наверное, – дипломатично предложил Володя.

– Я его не знаю, – какой-то голливудской фразой продолжил разговор сторож. Володя тут же вспомнил, как некая Мария Магдалина в исполнении Ивонн Эллиман в рок-опере его юности «Jesus Christ Superstar»[137] точно этими же словами говорила о главном персонаже произведения: I don't know him![138], повторяя их неоднократно, но как-то бесполезно, хотя всё это было, признаться, очень красиво.

[137] «Иисус Христос суперзвезда» – рок-опера англичан Эндрю Уильямовича Уэббера и Тима Майлзовича Райса 1970 года – прим. муз. редактора
[138] Я не знаю его – англ.

– Ничего удивительного, – ответил Кулемзин.– Особенно если учесть, что большинство населения нашего *шарика* вообще не знакомо друг с другом.

Признаёмся, но с испугом,
как в желании худом:
незнакомы мы друг с другом,
хоть и рядышком живём…

Беседа старых знакомых затянулась на добрых полчаса, и только в силу этого временнóго отрезка автор рассказывает об этом случае – а была бы *рабочая* пятиминутка, так просто бы перешёл на следующую страницу! Может быть, говорили бывшие соседи о старых временах, в которых довелось жить, о приятелях, с которыми довелось выпивать на кухне? Нет – потому что не было у них ни совместных приятелей, ни, тем более, совместных времён, а было просто совместное одноподъездное сосуществование. Может быть, вспоминали они об одной и той же красивой девушке, ради которой чуть не подрались много лет назад? Но и такой девушки не было у них никогда – даже порознь. Хотя в те времена, подумал писатель, все девушки были красивыми, одно слово их могло и осчастливить, и уничтожить, и каждая из них держала в руках твою судьбу, твоё будущее, твои победы или поражения на вечные времена. Но даже уничтоженный, отвергнутый и осмеянный, ты мог искренно наслаждаться своим горем, потому что знал наверняка – впереди безбрежный простор лет и запросто всё можно исправить и переиначить по-своему

А сейчас – что делать? – сейчас ты болезненно чувствуешь локтями стéны бетонного коридора, в котором живёшь, по которому снуёшь каждый день взад-вперёд, и понимаешь, насколько ограничен круг людей, с которыми общаешься, отношения с ними выверены и определены на годы вперёд, что исключает неожиданности, и ты постепенно перестаёшь даже ожидать их и, более того, начинаешь их опасаться. Появление в твоей жизни нового человека почти невероятно, да ты и сам делаешь всё для того, чтобы этого не случилось, ведь попросту не хватает духа для сближения с новым человеком – он утомляет, раздражает, отнимает время – да-да, это страшнее всего – он отнимает время, которое, как ты сам знаешь, всё равно не использовать никак иначе!

Но ничуть не комплексуя
(нас ведь правда большинство!),
проживаем жизнь пустую,
чтоб не помнить ничего…

Разговаривая с соседом, Мусаич посылал в сторону игроков томно-призывные взгляды, как бы намекая на то, что он отлучился недолго и вот-вот придёт, а уж вы дожидайтесь. При виде этой картины у Володи тотчас возникло желание плюнуть ему в рожу и размазать подвернувшейся под руку оглоблей.

Глава 181. ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ (окончание)

Минимум с полчаса бывшие соседи предавались беспорядочным воспоминаниям – в основном, о том, чего никогда не было в их совместной биографии, на ходу придумывая случаи типа «Мать моя партия, а помните, как на 1 Мая вы угостили меня рюмочкой бенедиктина?» или «А вы помните, как мы *вместе* отшили одного пьяницу, который зашёл в наш подъезд справить естественную нужду?» Бывший сосед уже откровенно скучал, а Нуртай, как заведённый, разливался соловьём, стараясь поведать бедняге все новости Бермудского Учпучмака за последние пять лет. Было видно, что наш педагог явно относится к той породе людей, для которых лучшей в мире музыкой являются звуки собственного голоса. Но пришла печальная пора прощаться бывшим соседям… нет-нет, уже лучшим и близким друзьям, в чём они запальчиво и уверили друг друга, на всякий случай обменявшись фальшивыми номерами телефонов, чтобы больше не встретиться никогда.

– Ну, я пошёл, – еле сдерживая радость, объявил гость микрорайона. Едва услышав эти слова бывшего соседа, педагог кинулся ему на грудь, будто всё это происходило на вокзале или в аэропорту, будто Иван Иваныч уезжал если не навсегда, то надолго. И путь его ждал крайне опасный, и неизвестно было, выживет ли он и вернётся ли вообще.

Жили словно бы по схеме –
счастья без и без худа:
расставались лишь на время!
Оказалось, навсегда…

Наконец прощание состоялось – долгое, словно педагог и бывший сосед отправлялись в разные стороны, на покорение Южного и Северного полюсов нашего сплющенного от горя шарика. Уходя, бывший сосед склонял голову к плечу и потрясывал головой, как только что вышедший из воды пловец. Володя, наблюдавший за садистской картиной его встречи с Нуртаем, подумал о том, что бедолага, по-видимому, просто вытряхивает словесный мусор педагога из своих измученных ушей. Курманбаев ещё раз проводил взглядом спину уходящего соседа и, смахнув слезу, сказал:

– Славные у меня земляки. И славна наша Саксаулия. И краше её нет в мире…

Талгата подкинуло, и через секунду его мощный военный блёв раздавался из-за ближайшего куста. Проводив собеседника, педагог сел на скамеечку и только сейчас ощутил напряжение лицевых мышц: поспешно надетая искусственная улыбка не желала отлепляться.

– Что, сынок, – глядя на него, спросил Володя, – мармеладка в рот влетела?

Педагог оскорбился, но именно это вернуло ему речь. Убедившись в том, что он может говорить, Мусаич ещё долго не мог успокоиться, пламенно расхваливая только что ушедшего соседа, как цыган старого больного хромого коня. При этом он подробно рассказал биографию Ивана Ивановича, а также его жизнеописание в доме № 16, включая причину отъезда, и под конец для чего-то соврал:

– Велел вам всем кланяться!

«Сопли бы делать из этих людей –
не было б в мире гаже соплей!»,

подумал Володя, с брезгливым интересом рассматривая педагога.

Глава 182. НЕРАССКАЗАННЫЙ АНЕКДОТ

А что же наши остальные герои? Что делали они – в эти полчаса, которые безвозвратно канули в пучину встречи бывших соседей? Неужели прошло это время непродуктивно и скучно, в пустом сидении на скамеечке, прихлёбывании пивка и поплёвывании себе под ноги? Конечно, нет. Чтобы не скучал коллектив, писатель решил рассказать им какую-нибудь интересную историю, коих знал во множестве. Вначале он решил поведать собравшимся вот такой анекдот, однажды приснившийся ему после неумеренного употребления «Тянь-Шаня»:

«Похороны: вырыта могила, рыдают родственники и сочувствующие им сослуживцы, покойник весь в чёрном неплохо устроился в гробу, безутешная вдова аккуратно бьётся лицом о землю. Гробовщики берут крышку, молоток, вытаскивают изо рта заранее приготовленные гвозди и собираются наконец-то заколотить гроб. И тут один из них замечает, что из кармашка выходного пиджака покойного торчит купюра в сто долларов. Воспользовавшись тем, что убитые горем на него не обращают никакого внимания, он быстренько выхватывает купюру и прячет её за голенищем сапога. И тут – о, ужас! Покойник цепко хватает его за руку и говорит человеческим голосом:

– Яйчики-бабайчики! Контрольное захоронение!»

Для вас останусь я слезою,
и будет грусть при вас моя:
прости-прощай, село родное,
прости-прощай, мои друзья!

– Подожди, подожди, – озаботился сторож, видя, что анекдот как-то слишком быстро закончился. – Так он что, украсть деньги так и не успел?

Народ ещё раз немного посмеялся.

Глава 183. О ПЛАНАХ И СУКЕ-СУДЬБЕ

Перед последней *тёмной* Серёжа любил строить «планы». Ещё до сдачи он доходчиво объяснял, что ему для выигрыша нужно взять свои четыре взятки, но так, чтобы Володя при этом недобрал одну, Талгат перебрал *хоть сколько*, а Нуртай вообще пролетел. Полтавцев не знал, что его знаменитый тёзка Сергей Иванович Ожегов в своём «Толковом словаре русского языка» указывал, что «План – это заранее намеченная *система* деятельности, предусматривающая порядок, последовательность и сроки выполнения работ», где ключевым для Кулемзина было выделенное слово, ибо *система* и карточная игра относятся друг к друг, как град в виде твёрдой воды и град Петров. Не знал Афанасьич и того, что в той же замечательной книге, через 258 страниц, можно было найти определение слова *судьба*, или, как называл её наш главный герой – Сука-судьба: «Стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, *ход* жизненных событий», где ключевым для нашего героя-исследователя уже было слово *ход*, то есть нечто в идеале предсказуемое и даже решаемое.

И сильны мы, и упрямы,
побеждая всех на раз,
но не можем предсказать мы,
как судьба вильнёт от нас…

Володя, как и любой марсианин, знал, что Сука-судьба сильнее какого угодно плана и способна внести коррективы в любые людские задумки. И в то же время результат её вмешательства не всегда бывает отрицательным. Иной раз мы сходим с ума от радости, так как наступившая реальность превзошла наши самые смелые ожидания, но почему-то чаще приписываем это исключительно собственным удачливости, уму и проворству. При противоположных же коллизиях, испытав горечь от крушения даже скромных замыслов, мы тут же грешим на Суку-судьбу, кляня её последними словами, и напрочь забываем о допущенных нами же ошибках. Словом, человек в силу присущего ему эгоизма частенько не способен правильно оценить и различить, где он сам преуспел, а где, по правде[139], в его жизнь вмешалась Сука-судьба. Но, что самое интересное, как бы нам плохо ни было, где-то в глубине души всё равно сохраняются крупицы веры в неё, ибо если кончается вера в *везуху*, то жизнь теряет всякий смысл. Наверное, поэтому Сергей Иванович в четвёртом варианте толкования судьбы написал: «4. Будущее, то, что случится, произойдёт (книжн.)» Здесь Володя ключевым словом посчитал скромное примечание *книжное.* Своего же будущего, пожалуй, не знает никто!

[139] Смешное слово! – прим. автора

Нам расскажут психиатры
и посветят вдаль лучом,
как, совсем не зная завтра,
мы сегодня отживём…

Да что там будущее – если мы не только исторического прошлого не знаем, и всё стремимся его как-то передалать, а даже настоящего своего не видим в упор!

Глава 184. РАЗГУЛ СТИХИИ

По небу летел едва видимый маленький самолётик, совершенно беззвучный от расстояния. Ему было всё равно, жарко или нет на планете – там, где он летел, было холодно, и пассажиры его спасались от этого холода только толстыми стенками воздушного судна. На земле же стоял, как уже было сказано, конец августа. Конечно, это понятие – ещё не осень, и календарь не даёт сомневаться, что до зимы далеко. Конец лета – это время тяжёлых депрессий у слабонервных и томительного ожидания перемен даже у тех, кому нечего желать. В это время где угодно можно услышать фразу: «Да уж скорее бы зима…» Позади первая половина года, до сомнительного новогоднего праздника ещё далеко, а так хочется, чтобы что-нибудь произошло. Ну, хотя бы дом, что стоит напротив, провалился сквозь землю. Тогда можно было бы подойти к краю огромной дыры и посмотреть: остался кто-нибудь в живых или нет…

Теплей ли нам от факта,
что был учтён превратно
такой побочный фактор,
как солнечные пятна?!

– Яйчики-бабайчики, сейчас бы в морг, – неожиданно предложил Кулемзин.

Салихдзяныч поперхнулся, облил штаны пивом, и тут же затрясся от могучих ударов в спину, производимых сердобольным охранником.

– Зачем? – наконец просипел он.

– А там сейчас спокойно и прохладно, – просто объяснил писатель. Причина была признана уважительной.

– Представляете, что сейчас делают подлецы чукчи? – продолжил искушать Альбионыч, вытирая могучую шею *тельца.* – Сидят себе, счастливчики, и приятно коченеют от холода в своём большом холодильнике проживания!

Между тем солнечный день сиял невыносимой красотой и полнотой жизни, которая безмолвствует, погружённая в созерцание самой себя. Тянуло в какие-то неведомые сказочные луга. Окружающий Бермудский Учпучмак мир вяз в расплавленном омуте атмосферного давления. Был самый разгар дня, и было в этом слове *разгар* что-то от паровозной топки, в которой со страшным шумом пылали несколько экскаваторных ковшов донбасского уголька. Солнце палило так нещадно, что Володя представил себе бронзового Ленина, в ладони которого сейчас можно было кипятить воду. Тысячесвечовка, висящая над игроками, решительно не хотела перегорать. В открытые окна второго микрорайона с корсарскими криками вламывались комары и начинали устраивать банкет на пока ещё живых телах саксаульцев, издавая при этом настырное зудение, которое в их понимании, вероятно, являлось праздничными тостами. Духота вовсю грозила сосудистыми заболеваниями. Володя подумал, что жара становится просто *невыносимой*, как пиво, которое нельзя забрать из магазина без оплаты. От холода ещё можно как-то спастись, например, надеть побольше тёплых вещей, а вот с жарой бороться куда сложней – ведь дальше кожи не разденешься! Игроки прели на жаре, как нога в сапоге, а покерный столик раскалился так, что на нём можно было выпекать мацу.

– Боженька, дождик нам дай, – начал нескладную молитву охранник. Глупый, не знал он, что в этих кем-то дурацки придуманных словах про дождь нет ни слова. Сопокерники дышали тяжело, как Ихтиандр, по недогляду потерявший одну из парных жабр. Лучше всех было Курманбаеву, который, заранее прослушав утренний прогноз погоды, прихватил с собой из дома детскую панамку, которую давным-давно *увёл* в пионерлагере у девочки Мадины. Девочка ему очень нравилась, и потому поступок свой он извинял пошлыми словами из советской открытки: «На долгую память»

Их мы холим и голу́бим,
как слоны своих слоних,
и по-детски милых любим,
пиво пья совсем без них!

Педагог надел панамку и стал похож на грибок детской песочницы. Остальные игроки заёрзали, пытаясь телодвижениями занять такие позиции на скамеечке, чтобы максимально уйти в тень карагачей. Писатель неодобрительно поглядел на распалившееся в излишнем рвении солнце, в конце августа сдуру решившее шпарить по какой-то африканской программе.

– Эх, в зоопарк бы сейчас, – мечтательно произнёс он.

– Ага, там ещё пиво на входе продают, – вспомнил былое охранник.

– Да пиво-то как раз тут ни при чём, – направил разговор в русло Альбионыч. – Погулять бы сейчас среди милых зверушек, отдохнуть душой и отогреться рассудком. По крайней мере, там всё на виду, честно и открыто: здесь парнокопытные…

– А здесь – непарно! – радостно подхватил неуспокоившийся Полтавцев.

– Вот именно. Тут – травоядные, тут – листочкоощипывающие, а вот тут, – он выразительно поглядел на Нуртая, – натуральные хищники…

– Волки́ позорные, – подтвердил Афанасьич.

– Как всё-таки хорошо, – глядя на облачка́ и солнышко, произнёс писатель, – что мне удалось выиграть в эту лотерею, именуемую жизнью. Представляете, не было меня, не было, а потом вдруг раз – и вытащил я счастливый билет в этой бездонной дезоксирибонуклеиновой лотерее. Один билет из триллионов…

Серёжа, который во время писательского спича вытащил знаменитую книжечку «Для му.мы.», услышав страшное слово, тут же засунул её обратно в котомку, справедливо подумав при этом, что если он будет учить его непрерывно несколько лет, то всё равно не выучит никогда.

Между тем дождик, о котором так долго говорили саксаульские синоптики, наконец-то начался – сначала робко, потом чуть-чуть сильнее. Альбионыч подставил ладонь под первые капли, лизнул её и, решительно сгребая в кучу карты, задумчиво произнёс:

– Если солнце село в воду,
жди хорошую погоду…

потом, осознав, что цитата прозвучала, кажется, несколько не к месту, добавил:

– Если солнце село в тучу,
ожидай большую бучу…

– Как бы дождь не пошел, – озаботился охранник. – Вот смотрите на Борю! Мне бабушка Федора из деревни Семижопино говорила, что это верная примета: если собака свернулась калачиком – это к дождю!

– А если вытянула лапы вдоль тела, – добавил Володя, – значит, сдохла!

Володя переживал и дождь, и снег легко, хотя и знал, что многим такая погода была не по душе. У части нашего народонаселения при этом ныли суставы, голова раскалывалась на несколько непропорциональных частей, и они начинали проклинать тот день, когда проклятый иностранец Блёз Этьенович Паскаль изобрёл своё низкое атмосферное давление. «Дождик – вообще приятная штука», подумал Альбионыч. «Особенно когда сидишь в своём доме, в уютном халате и шлёпанцах, у камина, с фужером глинтвейна в руке, а рядом с твоим креслом лежит, скажем, парочка мраморных догов, и тут же торчит дворецкий, готовый выполнить любое твоё желание. Хотя бы по части того же глинтвейна…»

И буча не заставила себя ждать – разгул стихии начался: небо затягивалось серым, а потом, как написано в одной грустной книжке о сыне *дедушкином*, разверзлись хляби небесные, и сквозь плотно-горячий, осязаемый даже на ощупь воздух, зарядил мелкий и нудный, как литературный пасквиль, дождик. Земля, давно измучившаяся от жажды, приняла воду с благоговением. Она жадно вбирала её в себя, не давая образовываться ручейкам и лужам, и когда, наконец, насытилась, заструилась, зазмеилась навстречу Индийскому океану.

Но не бражку и кефиры,
и не с водкою стакан, –
принимает во́ды мира
(даже воду из сортира!)
планетарный океан…

Глава 185. РАЗГУЛ СТИХИИ (окончание)

Над головами продолжали ласково гудеть крупные саксаульские комарики.

– Рабы своих забот, – вздохнул писатель.

Грозовая туча, отёчная, как щёки алкоголика с похмелья, наползала с запада, занавесив полнеба. Словно огромная баба на сносях, она тяжело ворочала необъятным животом, вот-вот готовая разродиться ливнем. Верная примета сторожа не подвела: вначале, как и положено катаклизму, сверкнула молния, а за ней неожиданно бабахнул и гром, да так, что напряжённым нервам игроков показалось, будто за спиной *иблис* шарахнул из пушки. Володя, услышав небесное грохотание, поглядел вверх, ничего там не разглядел, и подумал о том, что с чего бы вдруг *дедушке* низвергать на ни в чём не повинный Бермудский Учпучмак свои молнии? Конечно, в одной забавной книжке без картинок такой прецедент в истории уже был отмечен, когда именно небесным огнём были уничтожены странные города со смешными названиями Содом и Гоморра. Однако там и масштабы были другие, да и повод неслабый имелся. А мы-то чем провинились?

– Cumulus congestus, – глянув на небо, вновь забормотал Полтавцев. И, заметив обалдевающий взгляд педагога, добавил:

– Не веришь, у Володи спроси…

– Кучевые мощные, – легко перевёл с латыни писатель. – Подтверждаю!

Природа походила на театральную декорацию: первые капли начали барабанить по крышам домов и по ним же стекали на грешную саксаульскую землю. Они тут же пропитались на лету пятидесятидневным зноем и вначале были подобны горячему душу, но уже через минуту температура падающей влаги понизилась до приемлемой. По дорожкам заторопились беспечные жильцы, не слушавшие прогноз погоды и потому не захватившие в магазинный поход зонтики. Они деловито прыгали через лужи, словно именно сегодня наконец-то решили сдать юношеские нормативы ГТО. Впрочем, один из них явно выбивался из общего ряда спортсменов, так как нёсся через те же лужи, но с занятыми руками – в одной смелый покупатель, как Отелло, сжимал горло водочной бутылки, другая судорожно прижимала к мокрой майке баночку кильки. Его промокающие коричневые ботинки по части комфорта сейчас откровенно проигрывали кирзовым сапогам.

Не нарушим мы каноны,
презирая забугор:
водка, килька, полбатона –
продуктовый наш набор!

Тёмные тучи надвинулись, как своды шахты, молнии заскакали по асфальту, как кони маршала Будённого, неугомонный дождик всё сильнее застучал крепкими пальцами по крышам домов.

– Вот *иблис*! – выругался сторож. – Я же вчера вечером прогноз слышал, и никакого дождя не обещали. Проклятые синопсисы!

– Зря ты горячишься, сынок, – успокоил его Володя. – Синоптики, они, как и сапёры, ошибаются всего один раз. Правда, каждый день…

– А я поддерживаю своего друга Сергея, – торжественно заявил Курманбаев. – С этим надо что-то делать, надо куда-то писать – и вообще! Мать моя партия, знал бы я, что эти так называемые работники ошибаются, так на всякий случай с Нового бы года ходил с зонтиком!

Дождь усиливался медленно, словно *дедушка* на старости лет овладел дефицитной ныне профессией сантехника и сейчас неторопливо двигал по часовой стре́л-

ке огромный небесный вентиль. Затем гроза, наконец, ровно зашумела над городом, прочно связав нитями струй серость туч и асфальта. Дождевые струи лились, не переставая, и сверкали, как ёлочная мишура. Тягучий прохладный ливень охлаждал землю с монотонностью квартального отчета о проделанной работе.

О чём вы плачете сегодня, небеса?
От ваших слёз так на душе тоскливо,
и капли медленно стирают смысл с лица,
и век на корточки присел неторопливо.
И рай не рай, коль плачут небеса,
и ад не ад, коль на земле постыло.
Одни живут с усмешкой подлеца,
другие верят в доброго кумира…

Скоро вниз от магазинчика Калимы игриво побежал пружинистый, мускулистый ручеёк, посверкивая радужными от бензиновых разводов бликами, шурша на ходу, как пшено. Предусмотрительные прохожие, каждое утро по неистребимой советской (б) привычке слушавшие *погоду*, мгновенно прикрылись от дождя перепончатыми зонтиками, словно бы сделанными из крыльев каких-то древних летучих ящеров. Глядя на них, Володя внезапно понял, почему они вымерли – на зонты пошли! Из магазинчика выскочила припозднившаяся Жанна Пантелеевна, попавшая под стихию только потому, что все остальные соседки с утра говорили ей, что дождь сегодня *передавали*, а она, по причине врождённой стервозности, это истово опровергала. Одной рукой Ж. П. напялила себе на голову полиэтиленовый пакет, а другой прижимала к бесформенной груди сразу три молочных пакета. Через мгновение она проскакала мимо игроков, повергнув их в ужас своим видом: глаза её сквозь полиэтилен смотрели тускло, рот открывался совершенно по-рыбьи, и была она похожа сейчас на кадры из некачественного советского боевика про пытки пойманного бандитами милиционера. «Как же она дышит-то?», изумлённо подумал Володя.

Кто кричит, что дождик – гадость,
тот козёл – тупой и злой:
дождь идёт всегда на радость
тем, кто любит ливень в зной…

Глава 186. ПРИГЛАШЕНИЕ НА ПРАЗДНИК

Надо сказать, что у нашего главного марсианского героя было своё отношение к дождю – он почитал его несколько больше, чем другие осадки, и даже не считал за осадки вообще. «Что такое осадки?», говорил он. «Это то, что осаживается на землю в результате каких-то неясных химических опытов *дедушки*, который в силу своего застарелого маразма совершенно не понимает, что́ в данный момент желает видеть человечество, и, тем самым, навязывает свою отвратительную волю» Почитая воду вообще, Кулемзин считал природу дождя чем-то особенным – и не потому, что эта влага лилась с неба, а потому, что в этих невесомых каплях – в каждой из них – отражалась вся видимая часть Вселенной, а невидимую он видел сам – в своих марсианских снах. Он любил писать об этом не впрямую, а так, как это делают большие поэты – связывая дождь со своей Сукой-судьбой. И чтобы у читателя не возникло и тени сомнения в словах автора, ему только и остаётся, что оставить для неблагодарных потомков вот этот небольшой экзерсис:

Порой живёшь – как не живёшь,
не отличая дня от ночи.
По стёклам капель многоточьем
струится дождевая ложь,
и лени стылая тоска,
и лести вязкая тревога…
Сны истекают понемногу
сыпучим зóлотом песка.
А за стенáми – смутный мрак,
и лестниц бесконечных всходы,
и *некто*, ряженый во фрак,
считает сроки и исходы.
И путник, от дорог уставший,
неразличим за пеленой, –
как ангел, без вести пропавший,
как воин, без вести живой…

Однако к тому времени дождь разгулялся не на шутку – тяжёлые капли, как диверсанты, прорывались сквозь плотную листву и бомбили покерный столик со всем его содержимым – колоду карт, покерную *раскладку*, володин паркер и пивные бутылочки. Особо ловкие капли норовили попасть именно внутрь бутылочки, словно поставили себе задачу разбавить прекрасный напиток. Альбионыч поглядел на сгустившиеся тучи и подумал, что небесная канцелярия, кажется, в очередной раз *лоханулась*. После дождя на подступах к магазинчику Калимы образовалась лужа. Она была такая огромная, что в ней можно было утопиться всем населением страны. Неожиданно, словно призывая к вниманию, Полтавцев поднял указательный палец, почему-то красноватый, как будто он постоянно мыл руки каким-то едким раствором – такие пальцы бывают у врачей, которым частенько приходится ковыряться во всяких человеческих отверстиях.

– Давай все ко мне! – ухарски выкрикнул сторож. – Царица лесная, даю вам торжественный обед по случаю!

Все опешили.

– К тебе? – изумился Курманбаев. – И кормить будешь?

– А то, – храбро ответил Серёжа.

Я доволен: много ем,
запивая водкой!
Покормлю гостей же тем,
что не влезло в глотку…

– А что по этому поводу пишут в уставах? – поинтересовался писатель у прапорщика.

Талгат покопался в голове и четко выдал:

– «Смена первого поста для принятия пищи»! Короче, йоговский обед!

– А я за, – после слов военного решил сомнения Кулемзин. – Если я, например, вовремя не поем, во мне тут же просыпается четвёртое измерение. А это, знаете ли, чревато!

– Нет, нет, Володя, – горячо забормотал приглашалец, – я не дам тебе стать каким-то черепатым. Пошли!

– Вдумайтесь, други мои! – завладев общим вниманием, воскликнул Альбионыч. – Вдумайтесь: ведь глагол *быть* – это одна из производных глагола *есть*. И, значит, даже великое гамлетовское *быть или не быть* – всего лишь производное от

есть или не есть! Так выберем же вслед за безумным датчанином – есть! Жрать, лопать и хавать! Now[141]!

[141] Сейчас, немедленно – англ.

Верх в этом нелёгком решении взяла его писательская натура, почувствовавшая, что именно там, на четвёртом этаже дома № 16, можно неплохо поживиться в плане набора новых неожиданных впечатлений – для новой книги. И натура не ошиблась! Был и ещё один фактор: если читатель не забыл, как раз перед началом дождя сторож успел сходить в магазинчик Калимы и принести оттуда живительную влагу для исстрадавшихся от жары организмов, так что *где* пить её, было делом неважным, главное – было бы что! Правда, он помнил, что на обед у него была солянка – умопомрачительное блюдо с запахом, бьющим в цель за сотню метров: тяжело, как подводные лодки, лежали на дне большой пиалы половинки почек, в белых лужицах сметаны призывно сверкали чёрные маслины, щедрой лужайкой плавал мелко нарезанный укроп. В общем, на уровне была *готовка*!

Писатель посмотрел на начинающийся дождик и заявил, что его понятию о реальности чужды такие экзерсисы, которые вытворяет внешняя среда, потом известил сопокерников словами: «Подъём, герои Гвадалахары!», после чего все стали собираться в недалекий поход.

Под пивко тихо жмурится,
когда есть чем заесть, –
на хрена мне на улицу,
когда дома всё есть!

Правда, приглашалец немного отстал от потенциальных гостей и начал долго шариться в пыльных и заблёванных кустах, пока к нему не подошёл прапорщик.

– Ты чего не идёшь? – спросил военный.

– Да мне сосед говорил, что где-то здесь стакан на веточку повесил.

– Может, пошутил сосед? – предположил Батыршин.

– Да ты что? – изумился охранник. – Разве такими вещами шутят?!

Через лужи Володя не перепрыгивал, а шёл прямо по ним, словно был Христом, словно бы этот мир был создан специально для него, и он мог свободно ходить по воде *аки посуху*. Перешагивая через очередную лужу, Володя наклонился к ней и внимательно посмотрел в отражение. Оно показалось ему замечательным. За гуру поспешили и остальные. Спешно направляющиеся к подъезду игроки сейчас странным образом очень реалистично напоминали героев известной в XVIII веке картины русского художника-передвижника Владимира Маковского «Дети, бегущие от грозы»

Не ферзи́, а просто пешки
без копеек и рубля,
нарисованы мы в спешке
на картине бытия…

Когда компания уже подошла к искомому подъезду, вдруг выяснилось, что педагог пропал. Правда, вскоре разведка в лице сторожа донесла, что Нуртай в очередной раз что-то втолковывает дворовым детям, при этом страшно размахивая руками – видимо, для большей доходчивости. Но, надо отдать ему должное, уже через каких-то 15 минут Курманбаев примкнул к родному коллективу, так как только в коллективе чувствовал, что живёт не зря.

– Нуртай, зачем тебе всё это нужно? – полюбопытствовал писатель.

– Да ты ничего не понимаешь, Володя, – загорячился педагог. – Это же в плане морального и идейного воспитания! – После чего решил порадовать коллектив:

– По улице шагает весёлое звено!
Никто из нас не знает, куда идёт оно!

Прапорщик, уже было шагнувший в провал подъезда, в очередной раз побежал к кустам, где незамедлительно вернул природе её небольшую, но уже изгаженную внутренними процессами, часть.

Глава 187. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ (подъезд)

Жил Афанасьич в доме № 16, соседствовавшим с № 17, где проживали Кулемзин и Батыршин. Но разница между этими домами была огромной: дом № 17 уже подробно был описан автором где-то в начале, и если он был кирпичным, то полтавцевский дом № 16 был, как говорили в эпоху развитого социализма (б), крупнопанельным. Многие, наверное, ещё помнят этих железобетонных монстров советской эпохи (б), в которых летом стояла невыносимая жара, а зимой – не менее страшный холод. Эти микрорайоновские четырёхэтажки представляли собой как бы вершину творчества советских (б) архитекторов в разделе «Унылая бетонная геометрия» Но, несмотря на свою железобетонность, стены этих чудовищ почему-то хорошо пропускали любые звуки, и соседи всегда точно знали, когда за стеной включают телевизор, когда смывают какашки в туалете, а когда папа с мамой озабочиваются по ночам производством новых братиков и сестричек для маленького Алимжанчика.

Но – всё по порядку. Сопокерники и примкнувший к ним художник, быстро собрав коллективные пожитки в безразмерную серёжину котомку, бросились к искомому подъезду, о котором автор и скажет пару необходимых слов. Над подъездом висела насквозь проржавевшая жестяная табличка, на которой всё же угадывалась следующая надпись:

Подъезд № 1.
Кв. 5-16.

Алгоритм этих цифр и чисел показался Володе крайне странным: если подъезд был первым, то почему нумерация квартир начиналась с цифры 5? «Может, первые четыре квартиры», подумал он, «в этом доме засекречены и помещаются в подвале или, как любят выражаться работники ЖЭКов, техэтаже?!» Венчал странные цифры козырёк, покрашенный рыжей краской, кое-как местами залатанный на скорую руку уже прихваченной ржавчиной жестью. Любого входящего сюда сразу настораживало то, что вместо стёкол в двери были вставлены фанерки, вырезанные, судя по фактуре, из овощных ящиков, вместо ручки зияла дыра, будто однажды в неё ломился пьяный Джеки Чарлзович Чан и, не найдя ручку, просто пробил себе путь к успеху. Нерадужная картина открывалась и внутри подъезда: он был тёмным, как неграмотный китайский крестьянин времён культурной революции, и здесь неистребимо пованивало продуктами жизнедеятельности существ, по ошибке называющих себя людьми. Запах можно было смело идентифицировать как производное из серии «Засорившийся клозет» Судя по некоторым видимым признакам, а именно по резкому аммиачному духу, пустынность подъезда не оставалась незамеченной теми, кто изнемог в поисках ближайшего туалета.

На свете нет преступней акции,
чем засорение канализации!

Хотя принюхавшись, писатель идентифицировал его как тот особенный кошачий запах, какой издают в тропических странах эвкалипты в жару. Володя в который раз подумал о том, что стремление нагадить в любом плохо освещённом замкнутом пространстве – видовая особенность человека разумного. Весь потолок был усеян какими-то чёрными пятнами, словно подъезд подвергался дьявольскому обстрелу из арбалетов, посылающих стрелы, измазанные на концах смолой, вертикально вверх. Правда, все знали, что это не так – всё было гораздо проще: здесь тешились шаловливые саксаульские ребята, юные непотревоженные мозги которых это занятие просто забавляло, заставляя приятно думать о своей безнаказанности. Володя подумал, что точно такое же чувство толкает современных молодых людей к обрезанию телефонных трубок, вспарыванию сидений в автобусах, битью окон в них же, а также снятию глушителей с мопедов. Всё вместе создавало впечатление, что город захватили не то володины друзья марсиане, по недосмотру встречающих их землян накурившиеся анашой, не то мощная десантная группировка враждебной державы. «В таких подъездах по утрам находят трупы», мелькнуло в писательской голове.

Наше прошлое стоглаво –
им дух памяти согрет:
коммунальные забавы
в нас сидят по многу лет…

Если бы писатель когда-нибудь сменил род деятельности и стал, к примеру, врачом-инфекционистом, то непременно бы наложил запрет на проживание в таких подъездах.

Глава 188. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ (подъезд-2)

Тускловатая лампочка в подъезде, видимо, в целях сохранности была измазана желтоватой краской. В её неясном свете лица путников казались масками потомственных гепатитчиков.

– В средние века вообще легко решали проблему освещения, – произнёс Володя после того, как чуть не расшиб лоб в потёмках. – Тогда просто жгли ведьм. И светло, и весело!

Зайдя в подъезд, Володя отметил, что лифт, как всегда, не работал, тем более что в таких четырехэтажных домах, каким являлся дом № 16, он не был предусмотрен проектом вовсе. Давно некрашеные стенки подъезда с завидным постоянством украшало слово из трех букв. «О, непостижимость русской каббалы мистической математики», подумал Кулемзин, «математики совершенно неевклидовой, состоящей из одних только иксов, игреков и ещё одной никому не известной буквы…» Он хорошо понимал, что только наш родимый ум русского гения Лобачевского, с младенчества занятый обдумыванием этих таинственных знаков на каждой свободной плоскости нашего мира, смог породить совершенно новое представление о пространстве.

В устремлениях растленных,
как в сознании больном,
знак таинственных вселенных
мы на стенку нанесём!

Стены подъезда были выкрашены в традиционный поносно-зелёный цвет, потолки топорщились чешуйками облупившейся штукатурки. Остальное пространство по молодёжной моде нынешнего времени было исчерчено разными цветами. Увидев граффити, Альбионыч напомнил Валере про его рассказы о том, что свою карьеру саксаульского живописца он начинал как раз со стен разных подъездов, куда в процессе жизни заносила его Сука-судьба. Присмотревшись к пещерным рисункам, Муравлёв понял, что он значительно талантливее этих неизвестных художников. Кроме граффити, на стенах подъезда были начертаны краткие и не очень лаконичные ругательства, и писатель с содроганием подумал о гигантских количествах творческой энергии и стремления самовыразиться, попусту растворяющихся в мировом пространстве, расходуемых на такие вот надписи, на битьё стекол и расписывание стен общественных туалетов. Он был уверен, что такие поступки совершаются помимо сознания: кто-то, не зная, чем себя занять, сочиняет стихи, а кто-то вырезает на садовой скамейке своё имя, вкладывая в это дело не меньше энергии, чем какой-нибудь Муравлёв в написание шедевра «Товарищ Назарбаксов изучает новые купюры Саксаульского банка» И всё же сознавать, что человечество ещё очень недалеко ушло от пещер и землянок, было немного обидно. Пока же гости во главе с хозяином неторопливо поднимались на четвёртый этаж, на котором, как и выяснилось через некоторое время, жил Полтавцев.

– Мать честнáя, хорошо, что дом четырёхэтажный, – радовался на ходу Серёжа, повторяя невысказанную в начале этой главы мысль писателя. – Не хватало ещё вам в лифтý застрять!

Чтобы избежать болезней,
чтоб не дать себя глисту,
пешкодралом ведь полезней
вверх идти – не на *лифту*!

На площадке второго этажа ходоки на несколько секунд задержались, чтобы прочесть очередное граффити какого-то юного диссидента, написанное прямо на стене синим маркером: «Премьер-министр – лох!» Правда, ниже, уже красным цветом, был выполнен ответ: «Сам ты лох!» Порадовал и третий этаж: здесь почти во всю ширь стенки пламенела надпись, сделанная красящим баллончиком: «Рэп – отпад!» И здесь, тоже чуть ниже, и тоже во всю ширь творчества, уже другим почерком было изображено ответное послание: «Рэп – говно!» «Плюрализм, однако!», удивился Альбионыч. Потолок на этом этаже, также испещрённый чёрными пятнышками, был весь в мышиных хвостиках сгоревших спичек.

Поднявшись на четвёртый этаж, пришельцы увидели дверь, которая мало чем отличалась от входной подъездной, с тем лишь отличием, что на ней чьими-то кривыми руками были прибиты пластиковые цифры 3 и 0, причём тройка, пробитая гвоздём посередине, со временем утратила способность к прямовисению и повернулась на 180°, окончательно приняв вид 24-й греческой буквы омеги – ω, весьма похожая на так нелюбимую покеристами *жопу.* Сейчас несчастная тройка выглядела как серп без молота.

Дверь серёжиной квартиры была покрашена в тот особенный неприятный коричневый цвет, в который было принято красить двери во всей России, а значит, и в Саксаулии тоже, и, пожалуй, больше нигде в мире. Добавим, что она была обита металлическими скобками и напоминала крепостные ворота перед набегом татар. Кнопка звонка, оторванная от стены, висела на двух тонких проволочках.

Полтавцев деловито поковырялся в замке, издавая инфернальный скрежет, после чего замок глухо щёлкнул, словно затвор. Хозяин сильно толкнул дверь плечом, и

с видом интеллигента XIX века отошёл в сторону: мол, проходите, гости дорогие. Неспешно вошли все, кроме Курманбаева, который вначале отошёл в сторону и пропустил всех игроков в подозрительную квартиру, включая хозяина, видимо, из опасения получить топор в спину.

Не всегда себе позволишь,
что котёл опустошат,
ведь гостям всегда рад тот лишь,
кто финансово богат!

Глава 189. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ (прихожая)

– Проходите в *сени,* – пригласил гостей охранник тем приглашением, коим всегда пользовалась его семижопинская бабушка.

Сделав первый шаг в квартиру Сергея, Кулемзин вдруг понял, почему блатные называют дверь *скрипухой*. Пахло в квартире чем-то мерзким и сладковатым, и гость, уговорив себя, что здесь до революции находился склад гнилых арбузов, шагнул в нутро. Дома хозяин аккуратно переобулся, сняв чуни, которые тут же включились в работу по озонированию воздуха, и, поменяв их на шлёпанцы без задников, которые Володя называл *ни шагу назад!* – порождение неизвестного саксаульского сапожника. Совершив это действие, Полтавцев заодно явил миру свои рваные носки, видимо, воспринимаемые им как символ честности и бескорыстия существования.

– Богу богово,
а у тебя как у убогого! –

приветливо заметил писатель и зашарил рукой в поисках выключателя. Хорошо, что он его так и не обнаружил, а хозяин, резко подскочив поближе, щёлкнул им сам. Взору гостей открылось диковинное электротехническое изделие: выключатель был открытым – прямо из стены торчали несколько разноцветных проводков, которые иногда по прихоти неугомонных Алессандро Филипповича Вольты и Андрэ Жановича Ампера начинали искрить.

– Серёжа, ты бы починил эту штуковину, – предложил Кулемзин.

– Да нет, я уже привык, – беззаботно ответил сторож.

– Смотри, а то дождёшься: перебинтуют, как Тутанхамона!

Если бы тёзка нашего автора Алексей Максимович Горький когда-нибудь увидел квартиру Полтавцева, он наверняка бы устыдился своего замысла и никогда бы не написал такую бездарную вещь, как «На дне» Ещё не зайдя в комнату, пришельцы почувствовали забытый советский (б) запах – настойчиво пахло помойным ведром, простоявшим две недели без выноски. Это запах настолько сразил писательские рецепторы, что Кулемзин невольно схватился за аляповатую дверную ручку, какие обычно приделывали к фанерным дверям в колхозных гостиницах.

В подсознании подкорок,
в пониманье возрастном
запах родины нам до́рог,
потому что так знако́м…

В длинной и узкой, как труба крематория, прихожей царил полумрак. Это тёмное пространство, которое хозяин называл *колидор*, было отмечено замусоленными отставшими обоями. За ними, наверняка помнившими XX съезд партии (б), развен-

чавший культ личности Пахана, деликатно возились тараканы, доедая остатки мучного клейстера. *Колидор* был также отмечен лампочкой-сороковкой под пыльным светильником из крашеного стекла, какие выпускались в стране победившего социализма (б) ещё в 70-е годы. Под ногами была обнаружена тряпичная дорожка, первоначальный цвет которой не смогли определить бы даже в криминалистической лаборатории, а на стене – картина в засиженной мухами рамке. Валера, обнаружив что-то родное, тут же приблизился к картине поближе – для её идентификации, но идентифицировать так и смог – картина с равным успехом могла оказаться и «Незнакомкой» Крамского, и «Медведями в сосновом бору» Шишкина. Тогда он решил обратиться к эксперту в лице хозяина, и Полтавцев тут же объяснил, что много лет назад выдрал из журнала «Огонёк» цветную вставку, на которой была изображена репродукция «Данаи» Рембрандта, которой он, входя в жилище, любовался до тех пор, пока мухи не сделали своё чёрное дело. Кулемзин же просто удивился вслух, что на стенке, не считая прояснённой хозяином репродукции, не было даже завалящей гравюры Утамаро[142] с красотками в чайных домиках.

[142] Китагава Утамаро Ториямович – японский художник школы укиё-э. Прожил всего 53 года, а жаль – прим. автора

– Как-то этот Утарака мне по жизни не попался, – объяснил охранник.

После чего Володя начал неспешное путешествие по жилищу, как куперовский Следопыт, исследующий путь к логовищу зверя вместе со своим краснорожим другом Чингачгуком. Давно не крашенный дощатый пол скрипел при ходьбе, как лодка Харона Эребовича.

Напишу я в этой книжке
то, что знает только жид:
«Коль попал в чужой домишко,
посмотри, где что лежит…»

На всём лежала фиолетовая печать предельной суровости быта.

Глава 190. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ («главная комната»)

Увидев жилище Сергея, у Володи не нашлось сил назвать его уютным словом *квартира*, на ум так и приходила какая-то безликая *жилплощадь*. Первое, что сразу бросалось в глаза, это то, что квартира была как похищенная фашистами Янтарная комната – под многолетним слоем пыли, к которой, кстати, автор ещё вскоре вернётся. При тусклом свете загоревшейся сорокаваттки под потолком осветились антресоли, названия которых Полтавцев не знал, а звал их просто *верхняя кладовка*. Здесь тоже было на что посмотреть: на антресолях хранились обязательные в таких случаях банки-склянки, сломанные часы и старый утюг, навсегда умолкший радиоприёмник, репродуктор которого охрип после всенародного плача, когда помер Сталин, старая обувь, остатки мотков электрических проводов разного сечения, рыболовные принадлежности, пачка стирального порошка «Обычный», баночка сухой горчицы с маркировкой Самаркандского мыловаренного завода и многое другое.

Кулемзин с интересом поглядел на плотно утрамбованную стену вещей, составленную из тюков, как будто из кирпичей, и свежо подумал о том, что пробить в ней брешь мог бы только какой-нибудь Алексей Стаханов за несколько смен напряжённого шахтёрского труда.

Сапоги, ножи, матрацы
и тому подобный хлам!
Но не можем мы расстаться
с тем, что дорого так нам…

Затем всё от того же запаха его бросило вперёд, и он наконец оказался, как выражался хозяин, в «главной комнате» При первом взгляде на неё складывалось впечатление, что отсюда в страшной спешке срочно выехали все обитатели, бросив и разломав всё, что могло приглянуться будущим хозяевам.

– Яйчики-бабайчики, Серёжа, а почему ты не выдаёшь своим гостям респиратор «Лепесток»? – на грани обморока поинтересовался Володя. Хозяин сделал вид, что глуховат ещё с детства.

По какой-то странной ассоциации «главная комната» тут же вызвала воспоминание о никогда ранее не виденных Кулемзиным тифозных бараках. Обои в комнате, наверное, были, но не везде, потому что на потрескавшейся штукатурке угадывался полустёртый рисунок, когда-то нанесённый по трафарету прямо на побелку, – какие-то крупные бледные цветы и веточки с набухшими почками. В комнате обитал первозданный хаос, и Кулемзин, кинув только мимолётный взгляд, решил, что даже Лукас Кранах-старший вряд ли бы придумал что-либо лучшее, ибо увиденное больше всего походило на карьер по добыче щебня в день большой песчаной бури. При более внимательном рассмотрении ему показалось, что «главная комната» скорее напоминала помещение после разгрома его махновцами в поисках золотых зубов большевиков. Удивительно, но пол в серёжиной квартире когда-то был паркетным, правда, виделось это только при внимательном отношении к обследованию жилья.

– Хороший у тебя пол, Серёжа, – похвалил Володя.

– Так мужской же, – гордо ответил домовладелец.

– Да я про твой деревянный, – поправил его писатель. – На таком паркете удобно и чечётку танцевать, и людей резать. Протёр тряпочку – и никаких следов! Так что милицейский эксперт может тут же отправлять пить пивко…

Правда, сегодня паркет выглядел, будто на нём только вчера разворачивался бульдозер. На всём, а особенно на полу, лежал толстый слой пыли, напоминающий майский тополиный пух. «Если в носках, которые долго не стирали, походить по комнате, которую долго не убирали», почему вспомнилась Володе старая холостяцкая истина, «то носки станут теплее, а комната – чище…» Кстати, в правом углу вскоре обнаружились и носки Сергея, которые стояли, схватившись иностранной буквой L. Носки дурно пахли горным козлом, а также продуктами полтавцевской потной жизнедеятельности. Талгат принюхался и сразу вспомнил родную казарму и просыхающие до утра портянки, намотанные на сапоги.

Может быть, мне от тоски
постирать свои носки –
не спеша и мастерски?

Рядом с носками нашёл последнее пристанище допотопный советский (б) кассетный магнитофон III класса «Весна» Здесь же, на полу, пригрелся рулончик разрозненных обоев, оставшихся от несделанных ремонтов, поверх которых криво стоял древний фотоувеличитель «Нева» на деревянной подставке, заляпанной кислотными пятнами от проявителя-закрепителя. В левом от входа углу стояли гигантские рыбацкие сапоги, в каждый из которых без усилий можно было засунуть по дворовому ребятёнку. Здесь же валялась прямоугольная фанерка, похожая на те, коими горячие кавказские шашлычники реанимируют подёрнутые пеплом угли. В углу среди проче-

го хлама примостился ночной горшок – неудачная копия китайской лепной работы империи Цин. Короче, при первом взгляде на сергеево жилище на память писателя, прочитавшего за свою жизнь не одну тысячу детективов, сразу пришло слово *кильдюм*, которым остроумные блатные называли притон. Знакомые силуэты мебели в полумраке казались чужими и таинственными. Но, как оказалось, главное было впереди.

Здесь не смог бы жить и Каин –
запретил ему бы врач,
но не видит лишь хозяин,
что в его квартире – срач!

Пыль по углам и паутина спрессовались здесь до такой степени, что мухи бродили по ним без малейшей опаски за свою жизнь. Казалось, что по углам уже кое-где пробивается несмелая травка. Впечатление усиливало и то, что из угла, который был ближе всего к окну, доносился явственный грибной запах. «Ложные опята», принюхавшись, решил Володя. Понравились ему и плинтусы: плесень на них была какого-то странного белесоватого цвета, и Альбионыч решил, что это *бус* – мучная пыль, которая за многие годы оседает на стенах и балках мельниц, и потом, в голодные годы, её сметают и пекут липкий и чёрный хлеб. Немного оглядевшись, он заметил, что квартира сторожа имела какую-то странную климатологическую прихоть: хотя она и выходила всеми двумя окнами на одну сторону, в комнате явственно ощущался некоторый ветерок, который теребил забытую на столе газету, катал по полу нечаянные крошки и равнодушно обтекал «мебель» и прочие неинтересные в своей тяжёлой неподвижности предметы, включая хозяина.

На балконе, в туалете
и на кухне, что пустяк,
но везде гуляет ветер
под названием сквозняк!

Увлёкшись разглядыванием необыкновенного интерьера, Кулемзин не заметил, как его одежда, подсыхая, начала шуршать, словно старая газета «Труд» в ограниченном пространстве деревенского туалета.

Глава 191. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ («главная комната»-2)

Вся мебель в печальном помещении напоминала пришедший в негодность театральный реквизит, валяющийся в кладовой театра имени Франца Германовича Кафки, руководил которым режиссёр-скупердяй, не разрешающий выкидывать ни один развалившийся под пьяными актёрами стул из уже отыгранных спектаклей.

Посередине комнаты, как во французской *студии*, стоял однозвёздочный диван системы *топчан*, возле которого, как солдаты на посту, застыли высокие валенки, казалось, перенесшиеся в наш роман из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова, а именно из главы XI, которые, как помнят читатели, стояли в углу и воздуха не озонировали. Но, конечно, не это было самым примечательным в данном предмете гарнитура, а то, что одна его ножка была заменена протезом из трёх кирпичей. Вторая же примечательность дивана заключалась в том, что он был как бы обшит колючей шерстью. Что это было – свалявшаяся от времени пыль или замысел диванного дизайнера – сейчас было уже не выяснить. Чтобы завершить тему дивана, осталось только добавить, что поверх него лежало старое порыжелое одеяло, пошитое, судя

по виду, из такой редкости, как рыбий мех. В ногах рядом с ним подстреленной чайкой замерла не менее старая простыня с какими-то сомнительными пятнами и расплывшимся фиолетовым оттиском «Общежитие № 2 ОХБК»

Почему сейчас банкроты?
Почему вся жизнь как срам?
Ведь тащили мы с работы,
что лежало плохо там!

Остаётся только добавить, что над диваном висел пыльный и трогательный коврик с оленями. Запашок в странной квартире был тоже странным, как будто незадолго до прихода гостей кто-то намеренно *попучил* воздух двуокисью углерода. Прямо над изголовьем спального места в стене торчал одинокий гвоздь. Володя подумал о том, что философически настроенному наблюдателю этот гвоздь представлял богатую пищу для глубоких размышлений о жизни, пространстве и еврейском вопросе. Рядом с диваном стоял ещё один предмет-инвалид – это была так же трёхногая табуретка, которая вызвала в памяти эрудита Кулемзина цитату неизвестного учёного: «То, что сделано одним человеком, всегда может быть сломано другим» Остальные предметы быта были в том же аварийном состоянии. Например, чёрно-белый телевизор «Енисей-2» с выпуклым, словно бы беременным экраном, болел той же болезнью, что и остальная мебель – у него тоже отсутствовали ноги, и он стоял на двух овощных ящиках. Особенностью телевизора было то, что он давно не показывал то, что хотел Полтавцев, а сам выбирал передачу, и в процессе демонстрации просто переключался с одного канала на другой. А прославился этот самопоказывающий аппарат огромными полупроводниками, а также кинескопом, по утверждению Кулемзина, срубленном без единого гвоздя.

– Мать честна́я, молодцы наши учёные, – глядя на телевизор, неожиданно похвалил неизвестных людей Афанасьич. – Изобрели всё-таки электричество, а то бы так и смотрели телевизор при свечках!

Кроме телевизора, был в комнате ещё один слабоэлектрический прибор, а именно старый телефон ТА-68 времён социалистической интеграции (б) с дисковым номеронаборником, причём, не надо было быть специалистом-телефонистом, чтобы расшифровать его марку: телефонный аппарат 1968 года выпуска. Удивительным было и то, что Серёжа, квартировавший в берлоге один, рядом с диваном для чего-то держал и кровать. На неё тоже можно было смотреть как в музее: чего только стоили никелированные шарики и наспех наброшенное старое одеяло из пёстрых лоскутков. От всех предметов веяло чем-то таборно-эвакуационным.

Бытие своё обгадя,
укрупняя злой объём,
существуем как на складе,
что по жизни создаём…

По стеночкам, как «эти глаза напротив», стояли два стула из разных гарнитуров. Какое-то деревянное сооружение, в котором с трудом можно было опознать бывший плательный шкаф, обладал одной дверцей, в пароксизме страсти зажавшей старую газету. Серёжа уловил вопросительные взгляды игроков и коротко пояснил:

– Шкафонер.

Сквозь настежь открытую дверцу «шкафонера» виднелись костюмчик немаркого цвета времён развитого социализма (б), лежалые штаны, подаренные серёжиной подругой Зулей 22 года назад, растянутый штопаный свитер и тяжёлый, от долгого

висения какой-то устойчивый плащ из горячо любимой советским народом ткани *болонья.* На полу, возле шкафа, нашла последний приют старая советская пивная кружка, из которой опасно торчали две алюминиевые вилки кариесными зубцами вверх. Здесь же, на трёхногой тумбочке, примостился старинный будильник советских (б) времён системы «Бухенвальдский набат» Рядом со «шкафонером», держась к нему как-то боком, пристроилось трюмо – по виду бывший трельяж. На мысль об этом наводили какие-то железяки по бокам от центральной части – видимо, именно к ним когда-то прикреплялись ещё два боковых зеркала. Кто и когда их отломал, было загадкой даже для хозяина квартиры.

Посмотрись-ка ты в трюмо:
боже мой, какое чмо!
А в трельяже (вид трюма́)
сразу три таких же чма!

На противоположной стене висел коврик с лебедями – утеха деревенских эстетов, словно сошедший с кадра из комедии «Операция Ы» «Интересная квартирка», подумал писатель. «Как в сказке про Буратино, только хуже пахнет…»

Глава 192. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ («главная комната»-3)

В дальнем от окна углу лежали какие-то металлические штукенции, по виду напоминающие четвертованную раскладушку. «Всякий обладает правом на некоторую независимость», философски подумал Володя, «и в том числе правом на обладание частями раскладушки…» «Прощай, мой табор, пою в последний раз!», всплыло в набитой ненужными подробностями памяти писателя. Тут же висело огромное кривоватое зеркало, в котором можно было увидеть себя во весь рост и попытаться срочно исправить недостатки, допущенные природой и родителями. Правда, зеркалом этим пользоваться было невозможно, так же, как и любоваться картиной в прихожей, – по причине его невероятной засиженности мухами, и когда Серёжа пытался бриться возле него, то делал это, как правило, вслепую.

В стекло смотрю я слишком гордо –
опять какая-то фигня:
мне чью-то отражает морду,
и что вдруг вижу? Это я!

Рядом с зеркалом висела деревянная рамка, которые до этого Володя видел только в кино – там под грязным стеклом хранились чёрно-белые фотографии каких-то людей.

– Родня, – заметив взгляд писателя, коротко пояснил хозяин.

– Всех помнишь? – поинтересовался Кулемзин.

– Мать честна́я, никого, – посетовал Серёжа. – От старого хозяина досталось!

На противоположной окну стене примостился какой-то косенький светильничек без лампочки, малоуспешно имитирующий антикварную старину. На обоях там и тут виднелись жирные пятна, словно хозяин забавлялся тем, что бросался в стенку селёдкой или плевался не до конца пережёванным салом. Особенно художественно на обоях выделялось коричневое пятно, похожее по форме на Апеннинский полуостров с Сицилией. Рядом с пятном висела радиоточка, которая за 31 назарбакс в месяц будила Серёжу по утрам. Володя, иногда навещая товарища, подозревал, что эта радиоточка ни что иное, как небольшая машина времени, потому что из её недр, кроме

гимна Саксаулии, иногда доводилось слышать и песни советских композиторов (б), которые в стране не передавались уже десять лет – со времени обретения собственного суверенитета. Вместо электророзетки на восточной стене квартиры зияла живописная дыра, на западной же стене, а, точнее, на кривоватом гвозде-*десятке*, висел халат неопределённого цвета, видимо, от лучших мировых производителей, а, может быть, даже и *от кутюр*.

Мысль для вас я подытожу
рассужденьем козырным:
мы живём всегда, как можем,
а хотелось – как хотим!

В уголке была прислонена старая гитара с поломанным грифом, но с сохранившейся этикеткой, из которой явствовало, что изготовлен инструмент был Отцеябловским деревообрабатывающим комбинатом № 2 ещё в 1978 году. На этикетке читалась и сохранившаяся цена: 7 руб. 50 коп.

Привлекало зрителей этого анатомического театра и увиденное у северной стены квартиры. Пустые бутылки числом не менее дивизиона, выстроенные в каре, плечом к плечу стояли у балконной двери, исключая всякую возможность выбраться на *дедушкин* свет. Сама стена была щедро заляпана чем-то вроде тёртой свёклы с майонезом, чесноком и орехами. В целом этот печальный ареал квартиры выглядел так, как если бы по нему проехал, отступая с боями, продовольственный обоз армии вероятного противника. В углу, дальнем от окна, стояло нечто вроде морского рундука с окованными железом краями, вызывающее в памяти картину классика московской живописи передвижника Василия Перова «Приезд гувернантки в купеческий дом» «Прямо затерянный мир какой-то», литературно подумал Володя.

– Яйчики-бабайчики, – потрясённо выдохнул он, – квартиру ты обставил неплохо, но совершенству, как известно, предела нет!

Лампочка под потолком гудела, словно в ней носилась большая муха. В углу тихо перебирал какие-то ненужные вещи *квартирный*, видимый только специальному марсианскому зрению писателя. Игроки и художник старательно, лишь бы не встретиться весёлыми взглядами, озирались по сторонам, как экстрасенсы, разглядывающие только им явленные *сущности*.

И не понять нам в буднях нудных:
нельзя на веру принимать
и опыт, сын ошибок трудных,
и жизнь, ошибок этих мать!

– Ампир во время чумы, – потрясённо прошептал марсианин. «Да, роскошь растлевает», подумал он, с трудом осознавая увиденное, «но моему другу это не грозит…»

– Серёжа, как же ты можешь так жить? – с тихим ужасом спросил писатель. – Ведь у тебя нет даже камина!

Он обалдело повертел головой и подумал о том, что при некотором писательском воображении данное жилище вполне могло сойти за Букингемский дворец.

Глава 193. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ («главная комната»-4)

С трудом переступая через чужие вещи, как на вокзале, гости приблизились к окну, где Володя тут же открыл форточку. Оказалось, что а) форточка была прибита

сапожными гвоздями, б) была забрана щелястой фанерой и в) тут же отскочила от мощного писательского рывка. Володя прислонил форточку к ржавой батарее и посмотрел на обесчещенное окно. На потемневшем от горя лице хозяина отразилась сложная гамма чувств – началась она со *чтотынаделал*, а закончилась *хренсней-форточкой*.

– С тебя семь гвоздиков, – мстительно произнёс хозяин, радуясь тому, что неожиданно потратиться не придётся.

– Замётано, – ответил гость и тут же выложил из кармана сапожные гво́здики. А ведь автор ещё в главе 68 первой части романа заставил его взять эти необходимые для жизни предметики из кладовочки – по́мните? Так что и в будущем, пожалуйста, относитесь к автору нашего романа с почтением и вниманием.

Часть стены возле окна была чёрной, палёной, и обои вокруг пятна́ вывернулись угольными лепестками. Писатель подумал, что, наверное, здесь когда-то по неведомой причине произошло самовозгорание какой-нибудь занавески. Впрочем, гарью не пахло, значит, это было довольно давно. Не менее интересным оказался и подоконник, на котором стоял желтоватый кактус, который не поливался, вероятно, уже несколько лет, и только могучей волей к жизни и мексиканскими корнями всё ещё держался за своё скудное существование.

– Гимнокалициум балдианум, – заметив взгляд писателя, с гордостью пояснил хозяин. – По-русски – кактуз! – педалируя последнюю букву, завершил флористическую лекцию Серёжа. Володя пожал плечами и не стал спорить, хотя ясно видел, что никакой это не балдианум, а обычный турбиникартус лофофороидес.

У меня высокий статус –
знает лишь япона мать:
я выращиваю кактус,
чтобы самогонку гнать!

Кактус появился здесь совсем недавно – после просмотра хозяином телефильма «Семнадцать мгновений весны» Серёже показалось очень интересной идея цветка-пароля на подоконнике, и он теперь, как только у него дома кто-то появлялся, немедленно выставлял свой балдианум так, чтобы его было хорошо видно с тротуара. Правда, для чего он это делает, Полтавцев не смог бы объяснить даже самому себе.

«Халупа трущобного типа», подводя итог увиденному, идентифицировал жилище Володя. Но, оказалось, что видел он ещё далеко не всё. Рядом с кактусом на подоконнике лежала высохшая оса, уставшая биться за свободу в запылённое окно. В стеклянной банке из-под майонеза «Саксаульский провансаль» умирали окурки примы. Почему-то здесь же, на подоконнике, стоял второй телефонный аппарат квартировладельца. Поглядев на него, писатель сразу же понял его происхождение: когда-то давным-давно завхоз одного из ЖЭКов нашёл его в чулане, вытряхнул из внутренностей высохших паучков, достал из трубки почившую мышку и, чтобы не выбрасывать на помойку, подарил аппарат Полтавцеву.

Внимательный читатель уже задал себе вопрос: почему же автор так подробно описывает, казалось бы, такую незначительную штуку, как подоконник. И именно ему автор, который, как и его герой Кулемзин, сам писатель, ответит так: этот подоконник совмещал в своих функциях, кроме прочего, и личную библиотеку Полтавцева. Володя никогда не проходил мимо книг, поэтому заинтересованно пробежался глазами по всей библиотеке – в три книги. «Чуть меньше, чем в мифической библиотеке Ивана Грозного», подумалось ему. Дело в том, что литературу сторож любил, хотя Пушкина не читал никогда, Есенина за приятную внешность полагал за киноактёра, а Мандельштама за выдающуюся фамилию считал президентом Израиля.

Увидев интерес писателя к макулатуре, прапорщик тут же принял умный вид и начал читать первую попавшуюся книжку. Книжкой оказался советский (б) учебник «Физика» Пёрышкина – за 6 класс. Когда Серёжа не мог уснуть, он брал эту книгу, и через пару минут она больно била его по носу, но он этого уже не чувствовал. Талгат открыл на странице, где школьникам рассказывалось о явлении магнетизма, и неожиданно почувствовал себя дурно. Он тут же захлопнул книжку, хотя и успел оценить её вымученными словами:

– Йоговский гипноз, как интересно!

Этим заявлением военный, как ему казалось, сразу достигал нескольких целей: во-первых, показал себя умным, во-вторых, любознательным, и, в-третьих, дал понять, что ничто научное ему не чуждо. Правда, его умственных экспериментов никто, кроме автора нашего правдивого повествования, так не заметил.

Коли нету мелочишки,
чтоб вселенную узнать,
можно ведь любую книжку
на бутылку поменять!

Нуртая чрезвычайно заинтересовала потрёпанная «История Ярославского шинного завода», Володя же вытащил для ознакомления совсем тонкую книжку без обложки, но с титульной страницей.

– Горький, «Песня о Буревестнике», – прочёл он её название.

– Читал? – строго спросил Нуртай, привычно, словно играя в карты, заглядывая через плечо Володи.

– Нет, – ответил гуру. – Писатели вообще не должны читать друг друга, даже полные тёзки по фамилии и политическим убеждениям!

– Почему? – удивился педагог.

– Ну, во-первых, я уверен, что и Горький никогда не читал меня, так что счёт 1:1 в мою пользу, а, во-вторых, писатели должны читать только сны, линии на ладошках у женщин и самих женщин…

О чём нам скажут некролóги?
Что всё на свете – барахло?
А книги нам понять помогут,
что всё прошло. Увы, прошло!

«В такую квартиру вообще никого пускать нельзя», выходя из «главной комнаты», подумал Володя, «кроме, пожалуй, Альфреда Джозефовича Хичкока – пусть бы поучился, какие декорации нужно делать к своим фильмам ужасов»

Глава 194. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ (Песня о Жирике)

Здесь автор должен признаться, что он всё-таки заставил соврать своего героя – Кулемзин, конечно, читал этот патетический стих Горького ещё в школе, и даже помнил, что учил его наизусть, чтобы получить свою законную пятёрку за четверть, а вот не так давно, поражённый телевизионными выступлениями российского политика Владимира Жириновского, даже написал некую пародию на «Буревестника» Исключительно для восстановления исторической парадигмы, а также для твоего общеполитического развития, мой внимательный и долготерпеливый читатель, и приводится здесь это замечательное произведение:

Песня о Жирике

Вдоль стены трибуны Думы спикер зубы собирает.
Между спикером и Думой дерзко вьётся Жириновский,
чёрной молнии подобный.
То стуча по микрофону, то стакан в руке сжимая,
он кричит, и Дума слышит ярость в этом жутком кличе.
В этом вопле – жажда бури! Силу гнева, пламя страсти
и уверенность шальную слышит Дума в этом крике.
Депутаты без оглядки стонут, мечутся по залу,
на любую грязь готовы, чтоб не ведал избиратель.
И министры тоже стонут, – им, министрам, недоступно
наслажденье тихой сапой: гром с трибуны их пугает.
Жалкий спикер робко прячет тело жирное под креслом.
Только лютый Жириновский измывается надменно
над седой от страха Думой!
Всё мрачней и ниже брови ощеряет он в гримасы,
и, дрожа, как лист кленовый, рвутся к двери депутаты.
Гром грохочет. В пене гнева Жирик давится слюною,
он обхватывает грозно два стола объятьем крепким
и бросает их с размаху в дикой злобе на трибуну,
разбивая в пыль и брызги все напитки и стаканы,
крошит стулья, с криком мечет, чёрной молнии подобный,
кулаком пронзает крышки, рвёт на клочья их обивку.
Вот он носится, как демон, – гордый, чёрный демон страха, –
и смеётся, и рыдает! Он над трýсами смеётся, он от ярости рыдает!
В гневе грома, – грозный демон, – он давно усталость чует,
но уверен: не посмеют дать отпор его персоне!
Жирик воет... Зло пророчит... Синим пламенем пылает
строй рядов бурлящей Думы. Спикер ловит искры горстью
и в своём стакане гасит. Точно огненные змеи,
вьются в зале, исчезая, отраженья всех законов.
Буря! Всё сметает буря! Только буйный Жириновский
шустро скачет между пеплом над ревущей чашей Думы,
и кричит, что было силы:
– Нет пророка у России!..

Глава 195. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ (кухня)

– Неплохо бы пожрать, – неожиданно просто предложил Володя. – Ты, Серёжа, кстати, намекал на какой-то сюрприз…

Нуртай тут же скривил тонкие губки: ему всегда было некомфортно от просторечных выражений – они, как ему казалось, оскорбляли его тонкую душу эстета.

– Не понимаю, – томно произнёс он.

– Жратва – это еда, – объяснил эрудит. – Под едой я подразумеваю питательные вещества, потреблённые или поглощённые организмом и предназначенные для его роста (в том числе и умственного), а также функционирования и поддержания жизненных процессов. Понятно?

– Конечно, понятно, – кивнул головой Полтавцев и презрительно поглядел на педагога.

Остальным предложение понравилось, и они весёлым *цугом* двинулись на кухню. Перед дверью Кулемзин неожиданно остановился, чем невольно прекратил движение всей группы, и высказал следующее сомнение:

– На двери твоей кухни, Серёжа, по-моему, не хватает таблички.
– Какой? *Добро пожаловать*?
– Нет, *Sans repas*[143].

[143] ***Питание не предусмотрено – фр.***

Ступив на загаженную кухню и кинув взгляд на стоящий стол, писатель, как обычно, не смог обойтись без мгновенно посетившей его мысли: «Как частенько пишут в милицейских протоколах с места происшествия, *посередине комнаты находится стол с остатками пищи…*»

Общий вид кухни выглядел, как баррикады Парижской коммуны 1871 года. Первое, что встретилось на пути гостям, был некий запах, который мог бы встретиться в спальне пьяного грузина, обожравшегося *лобио* из невымоченной фасоли и страдавшего на этой почве метеоризмом. Затем гостям встретился пузатый облупленный «Саратов» – холодильник, один из первых, произведённых в Советском Союзе (б), который был поразительно похож на проржавевшую капсулу машины времени, какую писатель видел в детстве на иллюстрации к знаменитому роману Герберта Джозефовича Уэллса. Основной примечательностью этого агрегата была абсолютная неподъёмность, так как 90 процентов веса занимал мотор, расположенный в нижней части – когда «Саратов» нужно было перенести, в деле участвовали не меньше четырёх носильщиков – верхнюю часть нёс один, а нижнюю сразу трое. В верхнем углу холодильника Афанасьич лет двадцать назад прилепил переводную картинку, на которой в начале своей жизни был изображён истребитель И-16, или *ишачок*, как называли его военные лётчики. Правда, сейчас от истребителя остались только разноцветные ошмётки в форме облачка, словно после прямого попадания снаряда какого-нибудь *мессершмидта.* Не мог автор не упомянуть про это диковинное изделие советского среднего машиностроения – только потому, что каждый из гостей поочерёдно ударился боком об его округлый край, и только хозяин, как сомнамбула, привычно обогнул механизм.

Холодильник встретил хозяина радостным урчанием. Серёжа погладил четвероногого друга по дверце и, в целях экономии, выдернул вилку из розетки. Через секунду стал ясен мотив этого незапланированного поступка, когда Володя с разрешения Афанасьича на минутку приоткрыл агрегат. Поверхностный осмотр показал, что в холодильнике нет ничего, кроме парочки издохших от голода тараканов, которым Кулемзин по старой и глупой христианской традиции пожелал некоего *царствия небесного*, как будто на небе у *дедушки* не хватало своих тараканов в бородатой голове. Правда, он не заметил, что на внутренней стенке советского рефрижератора сидела парочка умирающих с голода микробов.

Жизнь тогда нам благодатна,
когда можно что поесть:
холодильный агрегат нам
предлагает, что в нём есть!

На кухне также присутствовали: *шкапчик* с разнокалиберной посудой, эмалированная мойка в потёках ржавчины и скособоченная газовая плита, от которой явственно несло то ли дохлой мышкой внутри, то ли бытовым пропаном снаружи. В раковине скопилась грязная посуда – судя по разносортице, составленная как минимум из семи разных сервизов. Под тарелками вольно располагались высохшие картофельные очистки. Натюрморт дополняла изящно скрученная колбасная шкурка, прилипшая к крану и свисающая, как *завлекалочка* школьницы семидесятых годов. На плите

сиротился чугунок с неясным содержимым, рядом с ним почему-то стояли две тарелочки с какой-то размазнёй. В первой было что-то вроде манной каши, комья которой при ближайшем рассмотрении выглядели, словно застывшие плевки верблюда-дромедара. По второй же тарелочке так же было размазано что-то похожее на засохшее детское… м-м-м… ну, скажем, питание.

– Горох, – сурово пояснил хозяин. – Последние десять лет я ем горох, – развернул он пояснение. – И ничего! Посмотрите на меня!

Володя внимательно посмотрел на него и даже для верности обошёл его кругом, дабы не пропустить какой-нибудь важной информации. После осмотра он решил, что горох ничего хорошего с Полтавцевым не сделал. В принципе, это было неудивительно, ведь хозяин ел не так много – на 50 назарбаксов в сутки. Иными словами, это было всего на 20 процентов дешевле, чем содержание подследственных в питерском изоляторе «Кресты» – в пересчёте на российские *деревянные*.

«Неплохо», решил Володя, «вполне достаточно для примитивного существования, не отягощённого буржуазными предрассудками…»

Пью настойку на спирту я,
но позиция тверда:
по карману зачастую
лишь дешёвая еда!

И всё же кое-что в «Саратове» было, просто хитрый хозяин спрятал самое ценное, то есть завтрашний обед, в морозильник. Под толстым слоем изморози лежало то, что если бы это выдали в советской (б) тюрьме, например, в тех же «Крестах», именовалось бы следующим образом: *блондинка*, *хряпа* и *могила*, то есть пшённая каша, несъедобное овощное рагу и рыбный суп. Последнее, надо сказать, было схвачено особо метко, потому что, погружая ложку в миску, заключённые вынимали оттуда одни рыбьи скелеты. Но для лучших друзей-сопокерников у хозяина было приготовлено кое-что получше!

Глава 196. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ (кухня-2)

Даже на кухне было довольно темно, и по просьбе Володи, патологически боявшегося столь инфернальных мест, хозяин, чтобы подчеркнуть своё уважительное отношение к пришельцам, решил включить свет: громко треснул выключатель, хотя в этот момент, как подумал Альбионыч, он был включателем – и вспыхнула одинокая сорокаваттная лампочка под заросшим мохнатой пылью абажуром, тускло высветив убогую обстановку этого логова и пыльную паутину по углам. Кулемзин пригляделся к абажуру и понял, что вместо него к шнуру была привинчена плотная бумага, со временем пожелтевшая от слабого накала лампочки. Оценив сомнительный подвиг хозяина, он тут же предложил:

– К твоему интерьеру, Серёжа, больше бы подошло цельнодеревянное осветительное устройство.

– Эт’ как? Эт’ чё?

– Да лучина же, яйчики-бабайчики, – пояснил изобретатель.

Хоть женат на герцогине
(с детства славился умом!),
проживаю при лучине,
как при Пушкине каком!

Далее хозяин проявил второе уважение – ещё круче первого. Он отлучился на минутку, долго стучал дверцей *шкафонера*, и наконец появился на кухне при полном параде. На его шее в честь прихода друзей появился галстук *необязательного* цвета – такие обычно повязывают безымянным покойникам, когда хоронят их за казённый счёт.

– Серёжа, ты чего так вырядился? – удивился Володя. – У тебя сегодня что, фотосессия для журнала «Пахотные работы в условиях Нечерноземья»?

– Про цесию ничего не знаю, – признался хозяин, – но просю к столу.

Он сделал широкий жест рукой, как бы приглашая гостей, и при этом задел Нуртая по физиономии.

– Ёперный фуршет, а куда просишь-то? – прямо поинтересовался старший прапорщик.

– Да вот же, – удивился слепоте пришельцев Полтавцев. – За стол.

Здесь гости поняли, что комфорт в квартире всё же наличествовал, хотя и в остаточных формах. Например, сидеть пришлось всё же не на полу. Собственно говоря, ту конструкцию, которую хозяин опрометчиво назвал столом, именовать именно так следовало бы с крайней осторожностью. На полу стояли два корявых бревна, на торцах которых неведомо по какому принципу держалась столешница из грубо отёсанных досок, скреплённая снизу двумя жердинами крест-накрест. Столешница по краям была искрошена, как будто её со злости глодали какие-то голодные вампиры, так и не дождавшиеся свежей кровушки. Например, Исааку Исааковичу Ньютону, придумавшему закон всемирного тяготения, трудно было бы представить, почему она не падает, ведь ножки изделия старались изо всех сил опровергнуть научный вздор о параллельных прямых. Правда, вещи в доме этого умного закона не знали и, казалось, откровенно им пренебрегали. Стол, который когда-то наверняка был новым и даже красивым, теперь выглядел так, словно на нём несколько лет кололи дрова для печки-буржуйки. Несмотря на монументальность, он выглядел жалким – как завтрак мусорщика.

Рубанки, вилки, ложки, клещи
и кости хряка к холодцам –
нас окружают наши вещи,
что до́роги как память нам…

На когда-то полированной поверхности стола ясно отпечатались несколько различных диаметров кругов: поменьше – от стаканов, и побольше – явно от какого-то казённого советского (б) графина, которые любили в свое время ставить на столы в залы заседаний для нервных выступающих. Впрочем, через секунду писательский взгляд отыскал и сам графин – мутный, пожелтевший, с пушистым рыжим осадком на дне. Писатель при этом испытал острый приступ ностальгического отвращения. В углу стоял небольшой мешок и явственно смердел.

– Картошка, – заметив вопросительный взгляд, кратко пояснил хозяин. – Сорт «Московский Лорх»

– Стратегические запасы? – поинтересовался Володя. – Как у белки?

Но самое интересное было то, что в параллельном первому углу стоял ещё один точно такой же мешок, тщательно завязанный на верёвочку и изредка шевелившийся. На заинтересованный вопрос писателя, что же в нём, хозяин лишь махнул рукой:

– Да так… одно…

Окно и подоконник в серёжиной кухне были абсолютными двойниками окна и подоконника «главной комнаты», с той лишь разницей, что окно было ещё более мут-

ным, так как собирало на себя не только пыль, но и кухóнные миазмы от газовой плиты, а подоконник не служил здесь библиотекой. На нём сиротливо стояли порционный горшочек с оббитыми краями, солонка без соли, перечница без перца и горчичница без горчицы. Хозяин давно собирался наполнить эти необходимые в быту предметики, но не знал, где в Отцеябловске продаются специи. Здесь же лежал и усохший, как Ленин, труп бутерброда.

Перец, соль, горчица, хрен –
и желудок убиен!

Оглядев подоконник, Кулемзин не поленился заглянуть и за него, то есть в окно. Картина его успокоила: ливень не то чтобы выдохся, а как бы взял более спокойный и размеренный темп, как марафонец, перед которым впереди ещё большáя трудная дистанция. Частые капли стучали по жестяному карнизу окна, и этот дробный печальный звук будил в душе писателя что-то тревожное и далёкое от ежедневных обязанностей по воспитанию личного состава. Серые тучи, казалось, скребли распухшими животами по крышам. Их стружки угрюмо капали на подоконник. На карнизе, радуясь лету и дождю, жизнерадостно чирикали воробьи, пьяные от влажного тепла.

Капли падают к нам почтой,
по земле ложась в тушé:
дождь смывает грязь и всё, что
накопилось на душе…

Глава 197. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ (кухня-3)

Была на кухне и обязательная пепельница, в которой вместо вчерашних окурков почему-то лежала засохшая *жопка* колбасы (б), а о том, что это когда-то была именно колбаса, можно было догадаться только по свинячьей завязочке на конце. Так же, как на подоконнике в «главной комнате», здесь тоже произрастало неведомое растение. Обнаружилась оно в металлической баночке из-под импортной ветчины, неизвестно как попавшей в странную квартиру. В баночке вместо положенного туда производителями продукта оказалась совершенно высохшая земля, из которой и проглядывалось экзотическое на вид растеньице, тоже высохшее и внешним видом не дающее надежды на предполагаемое цветение.

– Что это? – поинтересовался прапорщик.

– Зелёные насаждения, – охотно проинформировал военного квартиросъёмщик. – Ибакана называется…

– Йоговская петрушка, правда? – изумился Талгат и, наклонившись, понюхал флору. Она отчётливо пахла то ли сухой кинзой, то ли сухим сельдереем.

Володя тоже внимательно пригляделся к неизвестному растению и, пробормотав что-то вроде *«троякопёрые* листья…», наконец просветил присутствующих:

– Это вех обыкновенный. Правда, у него, как у матёрого преступника, есть ещё множество кликух. Итак, вех, он же вяха, он же болиголов, он же водяная бешеница, он же мутник, он же гориголова, он же кошачья петрушка, он же собачий дягиль, он же свиная вошь! А если по-научному, то это conium maculatum, или цикута вироза – ядовитое растение из семейства зонтичных. Короче, яйчики-бабайчики, травка-отравка. Кстати, именно отвар из этой травки выпил некий философ Сократ Софронискович, после чего тут же усоп!

Не колеблясь ни минуты,
солнцем ласковым согрет,
заглотнул Сократ цикуты –
и оставил нам привет!

Здесь же, на подоконнике лежал разворотом неизвестно как сохранившийся советский (б) журнал «Техника вождения автомобиля» за 1957 год, из которого Володя с удивлением узнал, что «Беззаветное служение Родине, народу, преданность Коммунистической партии, Советскому правительству, коммунистическое отношение к труду, к социалистической собственности, дисциплинированность, выдержанность, настойчивость в преодолении трудностей – вот отличительные черты советского шофёра!», и немало подивился столь суровому моральному кодексу рыцарей *баранки.* Рядом с журналом лежал старый окурок, а рядом с ним на подоконнике нашла последний приют заржавевшая чеснокодавилка, которая свидетельствовала о том, что в данном ареале обитания ручной труд всё же был частично вытеснен механизированным. Кроме журнала, писатель с приятным удивлением обнаружил на подоконнике ещё одно печатное слово – это был «Атлас автомобильных дорог СССР (б)», который неведомо как попал в странную квартиру. Он механически перелистал затёртые странички, и отметил, что рисунки дорог, обозначенных почему-то красным цветом, были похожи на кардиограммы инфарктника.

Пусть завидуют соседи,
пусть завидует страна:
мы по карте нашей едем,
словно посланные на…

Присутствовали на кухне и необходимые в таких помещениях запахи. Во-первых, как-то особенно натужно пахло из казанка, где по прихоти хозяина был сварен не какой-нибудь восточный плов, а вполне русский компот, походивший на подкрашенную марганцовкой водопроводную воду. На плите, на маленьком огоньке, кипела, чуть подрагивая крышечкой, небольшая ёмкость. Ещё в советские (б) времена, бывая у своего дядьки Жоры в Душанбе, Альбионыч видел такие в местных магазинчиках с чудным ценником: «Набор. Каструл, каструла, каструлчик. 10 руб. 50 коп.», словно под видом необходимой человеку посуды продавался комплект неведомых зверушек. Но особенный запах добавляла во Вселенную стоящая на плите сковородка, к которой приварился кусочек явно вчерашней яичницы-болтуньи. «Кому ты что разболтала, болтунья?», подумал Володя. «Молча таращишься ты со сковородки жёлтыми зенками, но ничего никому рассказать не можешь. Немая болтунья цвета измены – как моя болящая душа…»

– Да вы садитеся, – пригласил радушный хозяин, копаясь в заветной глубине тумбочки, сиротливо прижавшейся к холодильнику. На фасаде тумбочки был прикноплен листок в клеточку («Явно из блокнотика «Для му.мы.», решил Володя), на котором серёжиным почерком было написано: «На чёрный день» Глядя на убранство кухни, хотелось верить, что этот день для хозяина уже давно наступил.

Знают все кому не лень:
чёрный день – наш каждый день!

– Откушай-ка, батюшка, Володя свет Альбионыч, – персонально выделил писателя хозяин, которого уважал несколько больше других гостей. – Отведай, что *дедушка* послал, со мной переслал.

При этом он неумело перекрестился на левый угол, художественно забранный паутиной, приборматывая про царицу лесную. Чуть ниже паучка висели образá – числом три: первым был доставшийся от бабки Федоры из деревни Семижопино Николай Чудотворец, вторым – недавно приобретённый Иисус с погонялом Спаситель – почему-то раскосый и оттого похожий на саксаульца, а третьей была чем-то испачканная икона так называемой божьей матери с эротическим названием «Утоли моя печали» Встык с ними (как ранее к печально известной троице Маркс-Энгельс-Ленин приставляли ещё и Сталина) присоседился портрет маршала Будённого, вырезанный из журнала «Огонёк» за 1950 год.

Гости между тем рассаживались как могли: прапорщик и педагог присели на затейливую деревянную лавку, которая из-за своей кривизны как бы огибала стол, и наверняка вызвала бы дикий восторг и фурор на лондонском аукционе «Сотбис» Художник примостился на каком-то пеньке, который, казалось, вырос прямо из щелястого пола. Правда, пенёк, чтобы его не сочли за дикую флору, был покрашен экономической зелёной краской – такой же, как впоследствии выяснилось, что и пол ванной комнаты. Володя прицелился и рывком сел на пошатнувшийся с печальным вскриком стул, не зная о том, что стул этот только и ждёт случая, чтобы рассы́паться, о чём он и намекнул писателю, сделав некое волнообразное движение из арсенала восточного танца живота.

Процесс приближенья к столу
сродни ожиданию пытки,
сродни продеванию нитки
в задёргавшуюся иглу…

Глава 198. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ (кухня-4)

– Будешь, Володя? – сурово поинтересовался Серёжа.

– Буду, – кратко ответил писатель, с детства помнивший, что именно краткость, по мнению некоего Чехова, является сестрой таланта. Он не стал отнекиваться, что, дескать, сыт с утра, что ещё не время, и прочую чушь, которую в таких случаях произносят люди – или слишком стеснительные, или слишком глупые, тем более что ни к одной такой категории Володя не относился. Он понял, что это не тот случай, когда надо напоказ выставлять свою нравственность, идиотскую свою гордыню и что-то там ещё совсем придурочное.

– И я, я тоже буду, – подал тонкий голос педагог.

– Товарищу поэту
подайте винегрету! –

после усадки скромно попросил Кулемзин.

– А нету! – неожиданно в рифму ответил квартиросъёмщик, чем вызвал у гостей бурные продолжительные аплодисменты.

– Тогда товарищу поэту – одну! Нет, две! Нет, три котлеты! – не угомонился саксаульский пушкин.

– А курочку можно? – застеснялся нежного слова хозяин.

– Можно, – свеликодушничал поэт, но его не услышали, так как в воздухе раздался днепрогэсовский гул огромной мухи, неизвестно как попавшей в славную компанию людей. Правда, тут же, не хуже чем у знаменитого фокусника Дэвида Хаймановича Копперфилда, в руке хозяина появилась самодельная мухобойка – деревянная палка с прикрученной проволокой резиновой подошвой от старого башмака. Серёжа

ловко взмахнул приспособлением – и поверженный труп врага в лице огромной синей мухи упал к ногам победителя. После чего пир начался, но об этом – отдельная глава.

Хозяин пива наварил,
собрал гостей двенадцать рыл…

Между тем, припевая что-то вроде «там-тара-рам!», угощалец со словами «Ну что, пацаны, заморим червячка?» достал из тумбочки приготовленное к употреблению животное.

– Яйчики-бабайчики, ты что, Серёжа, спрыгнул с режима бытовой экономии? – увидев курицу, спросил писатель.

– Мать честна́я, козырный харч! – представил хозяин собравшимся блюдо.

– Под такую курицу, старичок, на Востоке принято подавать крупный бухарский изюм, – предположил образованный гость. Хозяин тут же развёл руками, как бы говоря, что нет изюма, не предусмотрел, виноват, ваше благородие. Курманбаев увидел животное и тут же приобрёл вид таджикского беженца, который вынужденно сохранял христианский пост уже десятый день. Увидев харч, Володя вновь поинтересовался:

– Так у тебя что, сегодня в меню нет посинтхана[144]?

[144] Традиционный корейский суп из собаки – прим. корейск. редактора

Затем он пригляделся к *предложенному* внимательнее и попытался его идентифицировать:

– Цыплёнок-табака или брат его цыплёнок-косяка?

Гости же, глядя на предложенного хозяином *червячка*, также устроили небольшой консилиум по его идентификации. По уверениям Полтавцева, это была толстая увесистая курица – одна из лучших, которых он видел в своей жизни, Батыршину показалось, что на столе оказался не достигший половой зрелости тетерев, причём, при произнесении этого слова его затошнило, Курманбаев, у которого при виде курицы тут же началось такое слюноотделение, которому бы позавидовали подопытные собаки самого́ академика Павлова, осторожно предположил, что это вообще тушка австралийского кролика. И только Валера, окинув животное цепким взглядом художника, тут же узнал в нём нью-гемпширского леггорна. Правда, как такая птица попала на полтавцевскую кухню, он объяснить не смог.

– О, бессмысленное расточительство богатого разгула! – увидев полудохлую курицу, воскликнул Володя. – О, извращенная изысканность удовольствия!

Мы живём, себя ломая,
восклицая: «Та-та мать!»,
и едим, не разбирая,
что в желудок нам совать!

В это время Афанасьич рассказал историю о том, как покупал эту курицу.

– Чуть не избили, – жаловался он. – А что я сказал-то? Дайте, говорю, мне курицу, такую же красивую, как вы, только помоложе…

Гости натужно посмеялись.

– Только извиняйте, салфетки у меня кончились, – виновато произнёс квартировладелец, по причине застенчивости не озвучив ещё одну мысль: «…в девяностом году…» Правда, салфетки были не последним упущением хозяина – Нуртай недо-

вольно заметил, что количество вилок не соответствует количеству поданных к столу ножей. Володя же отметил, что ни вилок, ни ножей не было вообще, а из всех приборов радушный хозяин предлагал исконно русские – грязные руки.

– Да, Серёжа, слабовато у тебя с кулинарными фантазиями, – попенял ответственному квартиросъёмщику Кулемзин, но тот, не слыша, как и положено настоящему хозяину, сел за стол последним, после чего строго поискал что-то взглядом в *красном углу,* сложил ладонь щепотью и поднял её ко лбу. Наткнувшись же на голые стены, он вздохнул и одним быстрым движением начертал в районе живота какой-то каббалистический знак, который, по всей видимости, должен был означать крёстное знамение. Потом, вспомнив что-то важное, хлопнул себя по лбу.

– Косточки на стол не бросайте, – сурово приказал хозяин и подвинул каждому осьмушку жёлтого газетного листа. – Мы же культурные люди как-никак…

«Скорее никак, чем как», привычно подумал Володя. Пир начался с того, что Нуртай высказал осторожную претензию, почему курица всего одна. Но все сделали вид, что его не услышали, думая, что этим отобьют аппетит у педагога. Но не тут-то было!

– Хороший аппетит бывает только у людей с чистой совестью, – произнёс Альбионыч. Нуртай, услышав философское послание, тут же вцепился в кусок курицы и стал жадно рвать его пятидесятилетними зубами.

– А жадность при еде, – добавил Кулемзин, – только с нечистой!

Курманбаев тут же подавился, но де́ла не бросил. Природа явно брала своё. Володя тоже аккуратно положил в рот кусочек *грудки* и завершил послание потомкам:

– Отличное пищеварение – первейший признак душевного здоровья…

– Вот жрёте вы мою курицу, – вдруг заговорил хозяин, – а потом вдруг тоска накатит. Подумаете, что это душа болит. А это ведь моя курица в вас болеть будет…

Педагог поперхнулся, и Серёжа с наслаждением стал дубасить его по впалой спине.

Ты сожрёшь и носорога,
если дать – вот это шок!
Я не жадный, просто много
есть в гостях нехорошо!

Рассевшись, гости стали свидетелями ещё одной неприятной новости: как скакуны на ипподроме, по полу носились тараканы всех размеров и мастей – от маленьких угольно-чёрных до огромных рыжих, с толстыми, как медная проволока, усами. Причина таких экстремальных забегов была прозаична: тараканы, никогда не видавшие такого глобального нашествия гостей, испуганно спешили к спасительным плинтусам.

– Замучили, проклятые! – пожаловался Афанасьич, показывая на тараканов корявым пролетарским перстом.

– Ты, старик, не расстраивайся, – пожалел его Володя. – Вот я, например, их не вижу. Может, это вовсе не тараканы, а какой-нибудь плод воздействия суррогатного алкоголя на твой престарелый мозг?

Серёжа благодарно посмотрел на жалельца. Надо заметить, что к тараканам писатель испытывал антипатию с детства. Наглое усатое племя плодилось на территории нашего отечества столь же успешно, словно рептилии в триасовых болотах. И сколько ни пытался СССР (б) всей силой своего идеологического оружия вывести этих наглых тварей с социалистических просторов, их становилось с каждым годом всё больше. И этому были тоже весьма прозаические причины: в столовых, что по-

прежнему находились не в частных руках, как на гнилом Западе, а в общественных, до тараканов никому не было дела – бегают и пусть себе бегают. В своих же квартирах советские (б) люди, конечно, были поактивнее и травили насекомых кто как умел: одни смесью буры и муки, сдобренной капелькой мёда, другие устраивали ловушки из использованных треугольных пакетов для молока, третьи и вовсе отличались садизмом, подключая на ночь к розетке самодельные деревянные кораблики с вложенными в них не только кусочками сала, но и оголёнными электропроводами.

Ведь известно всем землянам
от морей и до тайги:
тараканы не друзья нам,
а заклятые враги!

– Да надоели, – отозвался квартиросъёмщик и, прицелившись, мгновенно раздавил одно не особо юркое насекомое.

– Не скажи, Серёжа, – поправил его знатный зоолог. – Здесь и ты виноват – слишком нетерпеливый. Любой живой организм, даже таракан – это очень сложная система и, чтобы с ним работать, надо долго и тщательно его изучать. Чтобы понять, что и как происходит в его организме, нужно хорошо знать химию, физику, биологию, а иногда даже и математику! Более того, есть такая специальная наука, зоопсихология называется, она изучает особенности поведения животных, и её тоже надо хорошо знать, иначе ты не сможешь с ними ладить и хорошо понимать их повадки. Неплохо бы также знать и основы генетики.

Афанасьич, слушая учёную тираду, пригорюнился, а затем поднял с пола полуразмазанный трупик и осторожно завернул его в оторванный от газетки клочок бумажки. «Вот изучу что-нибудь на днях, какую-нибудь зооматематику, и похороню по-человечески…», решил он.

Вам лапши я не навешу,
а, скорей, наоборот:
ведь от братьев наших меньших
только горе к нам придёт!
Хороши не все зверушки,
что наполнили леса:
вдруг полюбим мы не хрюшку,
а какого-то скунса́?

Успокаивало наших гостей только то, что визит, как мечталось, будет недолговременным: пожрём – и свалим! Поэтому на происки местной фауны были решено внимания не обращать.

Глава 199. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ (кухня-5)

– Пора *пожирать* плоды! – весело воскликнул писатель, давая сигнал к действию. И то – на часах уже была половина третьего, а с утра в желудках наших героев, кроме нескольких бутылочек «Тянь-Шаня», не было ничего. Здесь Серёжа вспомнил бабушкины заветы и произнёс:

– Кушайте, гости дорогие, кушайте! А если совсем совести нет, то приходите и завтра…

При этих словах педагог подавился, кашлянул, и кусочек курицы, не успевший провалиться в желудок, выскочил с артиллерийским треском, попав прапорщику в лоб. Охранник не заметил происшествия, а достал из волшебной тумбочки буханку хлеба и стал нарезáть её по-крестьянски, держа кирпичик на груди и ножом к себе. Разобрав хлебные куски, сопокерники, а теперь и соедоки, принялись за трапезу. Володя не спеша эвакуировал кусочек животного в свой бессмертный организм, после чего тут же незаметно выплюнул в носовой платок. Вскоре и другие выяснили, что в леггорне то и дело попадались охотничьи дробины, неприятно скрипевшие на зубах, и это вызвало недоумение и раздражение у всех, кроме военного, который в этих дробинах нашёл подтверждение своей странной версии о тетереве.

Потом Володя недоумённо извлёк из куриного кусочка косточку, которую, по его разумению, туда положили по ошибке – от другого животного. Оглядев косточку пристальным взглядом живописца, Муравлёв понял, что немного ошибся – это был не нью-гемпширский леггорн, а он же, но скрещённый с московской хохлаткой.

За количество спасибо,
хоть и качество в ноле:
всё равно нам – мясо, рыба,
лишь бы больше на столе!

Нуртай, только что жаловавшийся на отчаянные боли и спазмы в желудке, сев за стол, вдруг стал невероятно прожорливым.

– Мать моя партия, хорошая курица, молодая, – ритмично двигая челюстями, нахваливал он. Правда, Володя больше склонялся к мнению, что животное всё же подохло самостоятельно – от глубокой старости. Так, как педагог ел, не дай *дедушка* было увидеть беременной женщине на восьмом месяце её трудового подвига. Казалось, что рука невидимого кукловода, изнутри распялив на пальцах лицо педагога, выкручивает ему губы, сворачивает на сторону нос, страшно подёргивает кадык и сводит щёки к подбородку. Курманбаев работал как *шредер*, уничтожая всё, что попадалось ему в рот, без разбора. Саксаульцы, вступив в капитализм, недавно узнали значение этого диковинного иностранного слова как уничтожителя бумаг, хотя раньше уничтожали бумагу гораздо проще: брали газету «Саксаульская правда», складывали каждый её лист в 16 раз, а потом аккуратно разорванные кусочки вывешивали на гвоздик в туалете – для бытовых нужд. Правда, эта техническая новинка к нашему рассказу о трапезе не имеет никакого отношения.

Эх, эти бы газеты
да сразу бы в клозеты!

Короче, ел педагог, как жил и играл. С завидной ловкостью выхватив с тарелки большую куриную ногу, он, практически не кусая, заталкивал её в рот большими кусками и лязгал челюстями, как изголодавшийся бродячий пёс. Хозяин с тоской наблюдал, как в жадной нуртаевской пасти исчезают лучшие куски животного, потом всё же не выдержал и пробормотал:

– Мать честнáя, ну ты проглодит!

Володя, слушая неумного, вдруг поймал себя на мысли, что с Полтавцевым ему просто и нескучно – как с домашним животным.

– Весёлый ты парень, Серёжа, – похвалил писатель. – Прямо как спирт!

Видя, как на столе кусочков становится всё меньше, а хозяин вяло дожёвывает куриную *жопку*, Альбионыч не выдержал и обратился к ответственному квартиросъёмщику:

– Старичок, я понимаю, что у тебя серьёзные пожизненные неприятности, только не сто́ит думать о них во время еды.

– Почему? – меланхолично спросил охранник, вместе с *жопкой* как раз пережёвывающий очередную неприятность по поводу внутренних разногласий со своим *alter ego*. Он недавно узнал значение этого мудрёного понятия от Володи, и понял, что дальше жизнь без него не будет складываться никогда.

– Да потому, что аппетит лучше не станет, а неприятностей не убавится!

Знает только асимпто́та[145],
отчего болит живот:
alter ego – это что-то,
что внутри у нас живёт!

[145] Асимптота – прямая, обладающая разными непонятными свойствами – прим. коллегии редакторов романа «Русская кочерга»

Володя посмотрел на жующую братию и вдруг забеспокоился: не завелись ли у них в каких-нибудь жизненно важных центрах специальные микробы, вызывающие гастрономические заболевания? Он решил немного разбавить чавкающее молчание сопокерников:

– А знаете ли вы, мои маленькие друзья, что я только что сочинил самый короткий стих в мире, и сподвигла меня на него именно твоя Синяя птица, Серёжа?

– Нет, не знаю, – честно признался хозяин.

– Тогда слушайте:

ЕДИНСТВЕННОЕ УТИЛИТАРНОЕ
ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ КУРИЦЫ (это название)

Сесть –
и съесть!

Хозяину стих почему-то не понравился. «Думается, что тема всё-таки не раскрыта до конца», хотел сказать он, но промолчал, наблюдая за пиршеством. При этом Полтавцев нежно поглаживая свою котомку, хранящую в своём чреве ещё несколько бутылочек «Тянь-Шаня» Глядя на котомку, Талгат неожиданно вспомнил большой патриотический плакат в школе прапорщиков: «Пища обеспечивает победу в войне» с чьей-то лихой припиской от руки: «…только как противник сюда доберётся, чтобы съесть её и отравиться?!» В затылке, ближе к основанию черепа, неприятно покалывало, как будто там проснулся жук-древоточец и принялся вгрызаться своими острыми жвалами в кость. Причём, музыкант точно знал, что это был знак обезвоживания организма, но корнем этого слова в данном случае была не вода, а водка.

Пусть врага найдёт кондрашка,
чтобы знала его мать:
мы врага накормим так, что
не с кем будет воевать!

Глава 200. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ (кухня-6)

После уничтожения животного все немного посидели молча, как лягушки в холодильнике шеф-повара французского ресторана «Максим» Только теперь Володя

в полной мере оценил серёжино извинение насчёт салфеток.

– Интересно, а куда попадают куры после смерти? – глядя на кучу отполированных нуртаевскими зубами косточек, поинтересовался хозяин.

– Что было раньше, Серёжа, не буду врать – не знаю, – ответил Володя. – А вот в последние годы, я слышал, у кур принято вместо слов «отдать богу душу» говорить *отдать ножки Бушу.*

– Мать моя партия, горчинка лёгкая у птицы, – рыгнув, промолвил педагог. – Не находишь, Володя?

– Да после тебя и самой-то птицы не найдёшь…

Действительно, мясных кусочков не осталось ни одного, но зато на газетке образовалась целая кучка куриных косточек, и педагог почувствовал, что будет не в силах расстаться с гостеприимной квартирой, пока не устранит это досадное упущение. Нуртай споро взялся за дело, перемалывая зубами останки зверя. В комнате на несколько минут воцарился противный хруст, словно взвод солдат сапогами мял капусту для квашения. Затем Курманбаев перемолол последнюю косточку и многозначительно изрек:

– А вообще-то мясо есть вредно.

– И почему же? – удивился Володя. – Я вот лично знаю, что *дедушка* создал нас всеядными. Иначе для чего бы в нашем конструкторе были и зубы, и желудок, и кишечник, и даже, извините, жопа? Или ты полагаешь, что всё это он сделал по ошибке?

– Нет, – тут же попятился педагог. – Я имею в виду, что его есть необязательно.

– Яйчики-бабайчики, почему? – повторно удивился Кулемзин. – Вот подумай сам: если *дедушка* сделал нас такими, как мы есть, а человек вдруг отказывается использовать имеющееся у него в организме добро, то, согласись, это свидетельствует не в его пользу. Он как бы косвенно упрекает *дедушку* в том, что тот допустил серьёзную ошибку и на стадии проектирования, и при сборке.

При всём своём энтузиазме,
впадая в религии мрак,
наш *дедушка* в полном маразме
опять что-то сделал не так…

Курманбаев почувствовал, что окончательно запутался, и весело предложил:

– В путь, друзья! Нас ждут неведомые дали!

Хорошо, что прапорщику до хозяйского туалета был всего шаг. На кухне витал крепкий мужской дух, смешанный с запахом чего-то, напоминающего *аромат* одного из сортов голландского сыра с плесенью, который могут есть только наиболее закалённые в советскую пору (б) индивидуумы. Полтавцев после курочки окончательно пришёл в себя, а сейчас раскачивался на деревянном табурете конструкции неизвестного мастера, отчаянно скрипевшем под ним, как ветхий парусник под напором штормовых волн. Перед изумлёнными гостями то и дело через дырку в носке мелькало что-то жёлтое и противное с тёмным, чрезмерно отросшим ногтем. На тощей ноге хозяина в такт движениям открывалась толстая верёвка вены.

Глава 201. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ (кухня-7)

Альбионыч посчитал затянувшуюся тишину неприличной и решил поинтересоваться у хозяина:

– Старик, ну а как же духовная пища?

– Мать честна́я, да я бы с удовольствием, – огорчённо ответил Афанасьич, – только у меня духовка не работает!

Здесь хозяин неожиданно вспомнил, как говорила его бабушка в родной деревне Семижопино:

– Спасибо, гости дорогие за то, что всё сожрали как есть!

– Ну, спасибо в кровать не положишь, – заметил Кулемзин. Правда, развиться этому занимательному диалогу не позволил прапорщик. Жук-древоточец в военном затылке уже не скрёб, а сверлил и бурил, доставая до мозгов.

– Ты это… того… налил бы уже, – страдальчески произнёс военный.

– Да вот же у нас – пиво есть, – засуетился хозяин, доставая из котомки весёлые бутылочки. Писатель поморщился.

– Когда пиво пьют на кухне, – назидательно сказал он, – это смердит эпохой застоя, а я лично уже давно раскрепостился.

Я всегда буха́ю стоя
с тем, с кем пил в года застоя!

– За епоху! – услыхав знакомое слово, предложил тост хозяин. Не смотря на слова писателя, все выпили пивка и почтительно замолчали, давая усвоиться материалу. Только что случившееся чрезвычайно напоминало знаменитую картину астраханца Бориса Кустодиева «Чаепитие в Мытищах»

– Эх, хорошо пошла! – наконец выразил общее мнение Серёжа.

– Да, как сплетня по деревне, – поддержал друга писатель-метафорист.

– Пиво, я вам скажу, – вдруг проснулся художник, – бывает разное.

Произнеся своё откровение, он открыл было рот снова, но понял, что мысль кончилась, и про пиво, кроме того, что оно жидкое, он сказать больше ничего не может.

– К такой бы птице да *хванчкару*, – мечтательно произнёс Володя.

– Нету никакой херчкары, – сурово произнес хозяин. – Есть немного самогона – с Дня танкиста осталось. И ещё бутылка какой-то калины на маньяке́.

– Может, всё-таки малины на коньяке? – улыбнулся писатель.

– А херчкары нету, – решительно повторил Афанасьич.

– О, хванчкара, – не согласился с предложенным самогоном гость. – Это подлинный дар небес! Красное полусладкое, оно делается из винограда сортов «муджуретули» среднепозднего периода созревания, «саперави» только позднего созревания и «александроули», когда от начала распускания почек до полного созревания ягод проходит ровно 168 дней! О, этот гармоничный вкус с бархатистым оттенком! О, выразительность сортового букета! О, этот благородный тёмно-рубиновый цвет!

Вот проклятая судьбина
без грузинских без валют:
пьют грузины свои вина,
ну, а русским не нальют!

– Йодистый брудершафт, ну ты, Володя, и поэт, – просто отозвался на изыски военный. – А мы люди простые, можем и самогончика хлопнуть.

Глава 202. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ (кухня-8)

Отсутствовал Полтавцев недолго: проверив заначку, он пришёл к неутешительному выводу, что самогона в ней нет, а потом и вспомнил, что неделей раньше к

нему приходила в гости подруга Зуля, с которой заначка была прикончена. Вернулся он с виноватым видом.

– Серёжа, а ведь нашему другу совсем худо, – показал Альбионыч на прапорщика. – Не поверю, чтобы в твоём прекрасном *хаусе* не найдётся чего-нибудь покрепче – для его здоровья…

Скажу я вам по совести,
разматывая нить:
ненужные подробности
мешают просто жить…

Полтавцев очень обрадовался, что его берлогу назвали так красиво – по-иностранному, и тут же поспешил в свою «главную комнату» Вернулся он через несколько секунд. Глаза его блестели как красноярский вермикулит – минерал, как известно, блестящий и красивый. В руке сторожа просматривался довольно симпатичный одеколонный флакон с какой-то синеватой жидкостью.

– Средство для ращения волос «Цит», – просиял Серёжа. – Производство ГДР, 1975 год. Сто́ит копейки, а градусов больше, чем в вине.

После чего торжественно вручил флакончик прапорщику. И действительно, в правом нижнем углу этикетки имелась надпись: «Alk 25º» «Совсем от рук отбились эти гражданские», неодобрительно подумал военный, повертел флакончик туда-сюда и со вздохом отставил его в сторону.

– Срок годности истёк, – с сожалением сказал он, после чего предложил хозяину ещё раз развязать свою волшебную котомку.

– А нету, – весело сообщил Афанасьич и выразительно посмотрел на писателя.

– Мать моя партия, интуитивно чувствую, – произнёс Нуртай в тему, – что пора взять пивка, – и также выразительно посмотрел на Володю.

– Ну что ж, – ответил финансирующий мероприятие, – думаю, что наш бюджет не лишит нас такого удовольствия.

Он вздохнул, вытащил очередную купюру и протянул её почему-то не Полтавцеву, а именно Курманбаеву.

– Твоя очередь, старик!

Ты, товарищ мой, не кисни –
дуй смелее в авангард:
больше пива – больше жизни,
больше смелости для карт!

Педагог поперхнулся, вспомнил, как никогда не высовываться его учили ещё в комсомоле, оскорблённо поджал губки, но халява перевесила. Кряхтя и спотыкаясь на чём-то неопознанном, он побрёл к выходу. Кулемзин же, чтобы ожидание не стало тягостным, решил рассказать одну из историй, коих знал во множестве. Когда, образно говоря, пыль за Нуртаем развеялась, Володя приступил к рассказу под названием

Глава 203. О ЛЕНИНЕ И РАШИДОВЕ

Дело было в Узбекистане во времена советские (б), аккурат под очередную годовщину Великого Советского Десятого Месяца. Идёт по главной площади Ташкента, мимо правительственных трибун, демонстрация трудящихся, которая показывает свои достижения главному на тот момент узбеку – первому секретарю ЦК компартии (б) республики Шарафу Рашидовичу Рашидову. А между демонстрирующими – теат-

рализованное представление на всякие исторические темы, ближе к тематике означенного праздника. Надо сказать, что такие представления устраивались буквально во всех советских республиках (б) – как под копирку.

И вот идёт по площади грузовик с откинутыми бортами – для лучшего обзора постановки, а на нём разыгрывается жанровая сценка «Ленин в Разливе» И ведь художественно так разыгрывается: прямо в кузове грузовика сооружён стоящий на свежескошенной траве знаменитый ленинский шалаш из пенопласта, закрывающий кабину водителя, из того же пенопласта сделан пенёк, на котором сидит Ленин и что-то быстро пишет, видимо, свои «Апрельские тезисы» Здесь надо сказать, что актёра из Ташкентского драматического театра имени Горького подобрали здорово, а загримировали ещё лучше, так что на стареньком грузовичке трясся по площади имени Ленина вылитый Ильич I. И так руководителю республики понравилась эта сценка, и так ему показалось, что перед ним живой вождь революции, что он показал на Ленина пальцем, как бы выделяя его (есть такой жест на Востоке), после чего одобрительно зааплодировал.

И тут Ленин перестал быть Лениным, а стал тем, кем и был до этого времени, то есть зачуханным провинциальным актёром, которого вдруг выделил из толпы сам Вождь. Со стороны это смотрелось очень красиво: Ленин вдруг бросил революционную писанину, вскочил и, поклонившись глубоким восточным поклоном, внятно произнёс:

– Рахмат, ота[146]!

[146] Спасибо, отец – узб.

К нам прилипла вроде ила
эта мерзкая бурда:
лизоблюдство в кровь проникло –
и осталось навсегда!

Глава 204. О ЛЕНИНЕ И ИШТОЯНЕ

Историй таких Володя знал во множестве. Одну из них ему рассказали в Ленинакане, где он в составе журналистской бригады «Саксаульской правды» побывал после печально известного армянского землетрясения 1988 года. В этом небольшом армянском городке до сих пор вспоминали историю, когда местная футбольная команда «Арарат» в 1973 году стала чемпионом СССР, выиграв в решающем матче у киевского «Динамо» со счетом 2:1. Если кто помнит, оба гола с армянской стороны забил Левон Иштоян[147].

[147] А ещё вспомните фильм «Мимино». Там Рубик Хачикян (Фрунзик Мкртчян) говорит Валико Мизандари (Вахтанг Кикабидзе): «Слушай, что ты хочешь? Если женщина каждый день артистов видит, академиков видит, космонавтов видит, Иштояна видит! Может вот так потрогать. Ты кто такой для неё?» – прим. автора

После этого группа болельщиков в Ленинакане, откуда и был родом Иштоян, пошла в горисполком с просьбой поставить на главной площади памятник Иштояну. Это в 1973 году! Разумеется, покрутив пальцем у виска, чиновники кое-как отправили всех обратно. Но на следующее утро на спине самого главного памятника, на самой главной площади (напоминаю – Ленинакан!), краской всё же был выведен номер 8, под которым играл Иштоян. Но самое забавное в истории случилось ровно через 15

лет – в 1988 году: Левон Иштоян наконец-то эмигрировал в США и открыл в Лос-Анджелесе футбольную школу. Догадалась, под каким названием? «Арарат»!

Говорю, благоговея,
хоть я сам не эмигрант:
«Наши люди поумнее,
чем не наши… Это факт!»

– Мать честна́я, вот это да! – с восторгом откликнулся охранник. – Молодец этот Ништякан! Как он своих обул! Может, ты ещё знаешь какую-нибудь историю?

Глава 205. О ЛЕНИНЕ И СОЛДАТЕ

– Конечно, – не стал чиниться писатель. – Расскажу вам ещё одну байку, которую мне поведали во время службы в армии в небольшом российском городке Азове – это в Ростовской области. На центральной площади Азова, как и было принято в те времена, естественно, находился, райком партии (б). Но вот посередине площади, на удивление жителям и приезжим, возвышался не памятник Ленину, а некий скульптурный триптих, изображавший революционных бойцов: один каменный человек вздымал знамя, другой стрелял, видимо, по врагам революции из *максима*, а третий, раненый и перевязанный, из последних сил бросал гранату. Памятник соорудили в 1967 году, к пятидесятилетию событий 1917 года, и с тех самых пор местные острословы начали поговаривать о том, что слишком далеко его от райкома партии поставили. «Почему?», удивлялись непосвящённые. «Да солдат гранату не докинет…», объясняли остряки.

Сижу тоскливо сам на сам я в тишине,
не помогают мне услуги медицин:
ведь памятники Ленину стоят по всей стране,
а памятник Кулемзину хотя бы был один!

Глава 206. ЛЕНИН И АЛАДДИН

– И, чтобы окончательно завершить ленинскую тему, пока Курманбаев отсутствует, напоследок ещё и сказка, – пообещал Володя.

– Царица лесная, сказка – это хорошо! – воскликнул Полтавцев. – Вот, помню, столько мне их порассказывала бабушка Федора из деревни Семижопино…

– Итак, слушайте, арабскую народную сказку. В некотором султанате, в некотором эмирате жил-был Аладдин. Нашёл он как-то на свалке старую лампу и решил её почистить. Только начал тереть, как из лампы вылез джинн и давай желания исполнять! Ну, Аладдин, понятное дело, дворец заказал, на принцессе женился, ковёр-самолет 600-й и все дела. Короче, с этого времени все проблемы Аладдину до лампочки: чуть что – потрёт лампу, и джинну условия диктует.

И вот как-то раз умотал он в круиз, а жену-принцессу дома оставил. А в это время идёт по улице человек и кричит: «Меняю старые лампы на новые!» Обрадовалась глупая жена и сменяла лампу Аладдина на лампочку Ильича. И сколько потом Аладдин эту лампочку не тёр, Ильич оттуда не вылазил и желания его не исполнял. Вот так технический прогресс победил отсталые азиатские суеверия!

Мы сейчас покеросиним,
душу грешную губя,

суеверия отринем –
будем верить лишь в себя!

«Гляди, какой опытный фабулист этот Кулемзин», удивился Полтавцев. «И всё-то у него так складно получается, всё интересно, что прямо-таки возникает неодолимое желание самому заделаться приличным писателем!»

Глава 207. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ (санузел)

Пока слушатели переваривали поучительные истории, писатель в целях изучения быта своего героя решил навестить ещё одну комнатку, до этого им не обследованную, а именно странный советский тандем ванна + сортир. По причудливой фантазии саксаульских архитекторов 70-х годов именно он находился за стенкой кухни, соединённой с ней кривоватым окошком, заботливо украшенном занавесочкой в мелкий розовый горошек. Володя обогнул гостей и толкнул дверь в *заведение*. Правда, оказалось, что комнатка была уже занята – юркий хозяин проскочил в неё так, что никто ничего не заметил. Хорошо, что дел у него оказалось немного, и вскоре из *заведения* донеслись страшные звуки сливного бачка, возвращающие гостей в коммунальное детство. «Какой-то ДнепроГЭС местного значения», подумал исторически подкованный писатель.

Чем нас кормят в пищеблоке,
не расчухаешь уже –
коммунальные потоки
смоют то, что на душе!

Если подобное помещение в володиной квартире смело можно было назвать ванной комнатой, то к аналогичному помещению квартиры серёжиной подходило только определение *санузел.* Первое, что поразило гостя, был сорванный кран, кое-как заткнутый тряпочкой и надёжно перевязанный бечёвкой, сквозь которую всё-таки простроивалась горячая вода, именно горячая, потому что фанерная рамка мутного зеркала прямо над краном набухла и растрескалась. Решив помыть руки, Кулемзин осторожно потрогал смеситель-долгожитель, который после прикосновения судорожно выплюнул первую порцию желтоватой воды, потом приноровился и, наконец, позволил течь воде чуть оформившейся струёй. Словно в ответ на это вмешательство в физические законы Вселенной, в недрах панельного монстра недовольно завыли спрятанные где-то трубы. В жестяную раковину с противным звуком падали капли, и на этом месте желтело невыводимое ржавое пятно.

Обрадовало писателя и ещё одно приспособление для цивилизованной жизни, у других называемое ванной. Здешняя ванна была старая и какая-то раздолбанная, с нехорошими ржавыми потёками, правда, уже основательно подзасохшими. Было видно, что никто не пользовался этим изобретением человечества уже давно, может быть, даже со времени *выскочки* Архимеда Фидиевича Сиракузского. Альбионыч подумал, что именно здесь, где-нибудь на стеночке над ванной, была бы вполне уместна следующая табличка:

**Прежде чем получить платное
удовольствие помыться,
подумай, сто́ит ли лишать себя
бесплатного удовольствия чесаться?**

Над ванной, словно декорация к фильму о коммунальных квартирах тридцатых годов, висело старое цинковое корыто. В довершение картины не хватало только старенького советского (б) велосипеда «Орлёнок».

Словно общие сортиры,
словно общая беда,
коммунальные квартиры
живы в памяти всегда…

В маленьком, словно игрушечном, туалетике Кулемзин почувствовал себя не грациознее борова на брюквенном поле. Только здесь он наконец-то узнал, что означает крылатое выражение *туалет типа сортир* из знаменитой гайдаевской комедии. К этой части санузла у хозяина было особое отношение, обусловленное тем, что свою первую книгу, а именно «Букварь», он скурил именно в сортире.

Превратим мы наш сортир
в уголок борьбы за мир!
Пусть от страха срут в штаны
поджигатели войны!

На потёртом коврике висела старенькая шестиструнная гитара с обшарпанной декой, неясного цвета грифом и немного позеленевшими медными струнами. Пошарив взглядом по стенкам, писатель, прежде всего, обнаружил одну штукенцию, которая поразила его больше, чем вся квартира: на художественно оформленном бисером шнурке с потолка свисал прозрачный пакет, в котором писатель с удивлением увидел свой подарок хозяину трёхлетней давности. Именно тогда, навестив Серёжу с ответным визитом, и увидев в деревянном ящичке, который был прибит слева от унитаза, резаную газетную бумагу, писатель не поленился и, вернувшись домой, принёс подарок – рулон французской туалетной бумаги, при раскрывании которого по помещению распространялся запах луговых васильков. Полтавцев был так поражён этим, что решил не пользоваться подарком по прямому назначению, а хранить его, как он тогда выразился, «до самой смертушки» И слово своё, как выяснилось, сдержал. К подарку материальному явно не хватало приложения духовного. Для того чтобы комплект был полным, писатель попросил у сторожа листок бумаги и ручку. Афанасьич без колебаний вырвал листок из знаменитой книжечки «Для му.мы.» Володя подумал пару секунд и набросал на листке:

Храни товарец, старикашка,
и будет цель твоя близка:
порадуй задницу бумажкой
с благоуханьем василька!

Здесь надо заметить, что «пара секунд» вовсе не фигура речи, как подумалось читателю, а чистая правда – такие катренчики наш герой писал довольно легко.

Получив ещё один ценный подарок, хозяин дома стал переполняться энтузиазмом. Если бы Сергей знал слово *диссертация* и умел писать по-русски, возможно, лет через триста из-под его пера вышла бы замечательная монография «Совмещённый санузел как способ разрешения проблем, возникающих вследствие абстинентного синдрома» Но слов таких хозяин не знал, и поэтому мы с позволения читателей продолжим свою экскурсию по замечательному помещению. А чем же пользовался тогда, извините за интимные подробности, хозяин, когда ему было необходимо привести в порядок свою задницу после активного процесса дефекации? Да газетками

же! Всё теми же газетками, нарезанными на неровные квадратики, в которых любопытный читатель всегда находил для себя массу полезной информации – правда, в чрезвычайно усечённом виде. Кулемзин, впервые заметив подобное безобразие, тут же попенял Афанасьичу, рассказав ему, что активная часть квадратиков покрыта чёрными печатными знаками, которые наносятся на бумагу при помощи свинцово-цинковой смеси, оба ингредиента которой относятся к так называемым *тяжёлым* металлам. Кстати, отметил он и тот факт, что на первом месте в СССР (б) по раковым заболеваниям стоял именно рак последнего сантиметра прямой кишки, вызываемый подтиранием этого сантиметра газетными бумажками!

Даже под ревтрибуналом
я отнюдь не предпочту
металлическим металлом –
да по нежному *очку*!

Глава 208. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ (санузел-2)

Володя дёрнул за ручку, и с удовлетворением отметил, что нынешний унитаз во всех деталях своего рёва подражает унитазу довоенному. Коробка таинственной комнаты была выложена кафельной мозаикой, видимо, когда-то цветной. Володя вспомнил, что такие шедевры дизайна практиковались ещё в советское время (б) – так любили облицовывать загородные автобусные остановки и общественные сортиры. Кафель был какого-то странного цвета – вроде бы зеленоватого, а присмотришься – вроде бы и розового. Причём, положен он был в каком-то безобразном порядке, противоречащем всем принципам забавной эстетики Иммануила Иоганновича Канта. К тому же и рисунок на плитке был замутнённым, словно машина, наносящая краску, производила сплошной брак.

– Мать честна́я, да это некондиция, – начал оправдываться квартиросъёмщик, заметив взгляд внимательного гостя. – По дешёвке взял с завода, списанную. Маде ин Хина!

Потом просветлел лицом и тепло добавил:

– А ло́жил я сам!

Потом Альбионыч заметил, что кафель над сортирным очком был весь облеплен цветными рекламными наклейками, а на внутренней стороне двери (видимо, для интеллектуального обзора) красовался голливудский герой Рэмбо – с опухшей от анаболиков грозной рожей. Уголок между ванной и унитазом выглядел так, словно хозяин задался целью вырастить какую-то особо ценную зелёную плесень на продажу, да вот беда: никто не берёт, так не пропадать же добру. Здесь же, как отстрелянные гильзы, стояли штук семь пустых бутылок из-под различных алкогольных напитков. Чуть выше резаных газетных квадратиков, на полотенцесушилке, висела старенькая футболка, усеянная мелкими дырочками, будто хозяин, доверив ей свое тело, неожиданно попал под обстрел дробью. Под потолком на длинном, мохнатом от копоти шнуре висела маленькая лампочка в железном наморднике, гудевшая, словно в ней носилась большая муха, вырванный из гнезда выключатель болтался на двух проводках, рискуя провести в темноте террористический акт в отношении если не хозяина, то уж гостей точно. Дверь же провисла по закону притяжения.

Мы жрём и жрём, но нам всё мало,
доволен только унитаз!
Со страстью жрём мы что попало –
и печень рада! Не за нас…

«Да, хоромы-то явно не Бартоломео Карлович Растрелли проектировал!», подумал писатель.

– Эх ты, Серёжа, – попенял он хозяину. – Яйчики-бабайчики, чувствуется, что ни разу в жизни ты не задумался над тем, что сортир – это лицо твоей квартиры!

♠ ♠ ♠

«Ах, *иблис*!», именно в этом месте воскликнул автор. «Уже середина книги, а я только-только вспомнил: ведь не удосужился в начале её написать посвящение, которое придумывал долгими мучительными вечерами. Придётся восстановить status quo. Итак…»

Всем фламинго
планеты Земля
посвящает эту
книгу автор…

Глава 209. И ВНОВЬ ГОЛОС РОДИН

Но занимательную экскурсию пришлось неожиданно прекратить – в квартире раздался если не гром, то что-то страшное и очень громкое. Сначала это булькало и как бы отхаркивалось, потом немного посвистело и пошипело, а потом неожиданно звучно заговорило женским голосом, как в сказке про Шехерезадницу.

– Не пугайтесь, это радиоточка, – объяснил хозяин. – Мать честнáя, да она сама когда хочет, тогда и говорит.

Делать было нечего, потому что все с нетерпением ждали Курманбаева, ушедшего за пивом, и, чтобы время прошло быстрее и веселее, решили приобщиться к великой саксаульской новостной культуре.

Если пива выпил даже,
и оно вовнутрь пошло,
нам по радио расскажут,
что ещё произошло…

Неведомая ведущая, ещё раз отхаркавшись, начала свою занятную программу:

– Говорит радио «Азия Минус»! Передаём последние известия нашей страны и из-за рубежа. Вначале отечественные новости:

«С нового учебного года в школах Республики Саксаулия продолжится эксперимент министерства образования. Здесь по-прежнему не будет классных досок, ведь на каждой парте установлен дисплей. Правда, в министерстве сетуют, что никак не удаётся отучить учеников, уходящих на перемену, стирать тряпочкой мел с экрана»

«Министерство обороны Республики Саксаулия предлагает всем юношам, не поступившим в вузы, отдохнуть в течение двух лет в престижных гостиницах «Army Grand Hotel» по системе «Все выключено +» Предлагаются номера, в которых размещены 120 двухъярусных кроватей с тумбочками и табуретками. Каждому отдыхающему – сапоги и портянки бесплатно!»

«Садоводам на заметку»

– Тише-тише, – тут же зашикал на него прапорщик, – йоговский реквизит, дай послушать!

Несколько лет назад новая жена заставила его взять клочок земли от военного ведомства, и с тех пор пресловутые шесть соток превратились в каторгу для всей семьи, тем более, что работать Талгат не любил, в чём добился полного взаимопонимания только со стороны Володи.

«Садоводам на заметку. Всего триста граммов обогащённого плутония, закопанного на вашем участке, навсегда избавят вас от вредных грызунов, муравьёв и других вредителей…»

– Плутоний, плутоний… – забормотал Салихдзяныч. – Где ж его взять?

«Новости спорта», продолжил нежный голосок. Тут уже на всех зашикал Полтавцев, считавший себя большим специалистом по футболу.

«Для повышения уровня отечественного футбола и ответственности футболистов за качество своей игры отныне на майках игроков под фамилиями предлагается писать номера́ их мобильных телефонов, чтобы после игры каждый зритель мог позвонить спортсмену и сказать всё, что он о нём думает. Например, номер телефона игрока известной саксаульской команды «Кайрат» Кадырбека Алиева…»

Серёжа лихорадочно вырвал ручку из кармана володиной рубашки и стал нервно пачкать ладошку.

Не нужны нам репортажи
ни про рубль, ни про юань,
а футбол всегда нам важен,
словно пиво он – «Тянь-Шань»!

«Новости науки. Саксаульские учёные изобрели новую таблетку, от которой у человека начисто пропадает чувство голода. Таблетка изготавливается из специальных трав с добавлением мясного ингредиента. Весит такая таблетка полтора килограмма»

«Бьют тревогу саксаульские учёные, ведь вслед за куриным гриппом они уже обнаружили тараканий насморк, крысиный артрит и комариный геморрой. Сейчас учёные разрабатывают лекарственные препараты, которые смогут остановить предполагаемые эпидемии»

«Вниманию любителей интернета. В Сакснете появился так называемый «корейский вирус», который попадает к вам на электронную почту и съедает *собаку*»

Будем женщин мы покруче,
ведь условности сняты́,
а вязать же нас научат
наши бравые менты!

«И наш музыкальный номер – он для всех тех, кто страдает геморроем. Звучит песня Ирины Аллегровой «Свечка, свечечка, свеча, разгони мою печаль…»

Глава 210. И ВНОВЬ ГОЛОС РОДИН (окончание)

«А теперь новости из-за рубежа. Вчера узбекские хакеры впервые попытались войти в мировую Сеть и взломать чей-нибудь сервер. Десятерых из одиннадцати входивших убило сразу, ведь 220 вольт – это вам не шутки!»

«Новости российского шоу-бизнеса. Известный певец Филипп Киркоров заявил о своём окончательном уходе с эстрады. Последний, прощальный концерт заслуженного артиста России состоится на днях в Кремлёвском Дворце съездов. Следующие прощальные концерты анонсированы в Санкт-Петербурге, Киеве, Кишинёве, Риге, Вильнюсе, Ташкенте, Бишкеке, Ашхабаде, Отцеябловске и других городах. Певец пожаловался нашему корреспонденту на очень напряжённый график прощальных концертов, расписанный до 2017 года»

«Новости астрологии. С интересным предложением выступил известный российский астролог Павел Жло́ба. Он предложил ввести тринадцатый зодиакальный знак – Лох. Астролог объяснил, что знак будет очень удобным, потому что в этом случае гороскопы на каждый день будут одинаковыми»

«Криминальные новости из-за рубежа. Как сообщает Главное управление по борьбе с экономическими преступлениями, эстонская мафия до сих пор контролирует 30 % акций АО «МММ»

Много разных индивидов
блещут нам своим умом:
голубковых леонидов
и в Прибалтике найдём!

«Новости литературы. Известный американский физиолог доктор Пол Робертович Брэгг после оглушительного успеха своей книги «Чудо голодания» приступил к работе над новыми фундаментальными трудами – трилогии «Радость плоскостопия», «Восторг педикулёза» и «Счастье слабоумия»

«И в заключение для гурманов – новости зарубежной кулинарии. Корреспондент «Радио Азия-Минус» сообщает из Токио, что в японской национальной кухне появилось новое блюдо под названием «СССР (б)» Не удивительно, ведь это – одна шестая часть *суши*»

«А теперь реклама! Самым популярным среди детей дошкольного и младшего школьного возраста наркотическим средством признана «Растишка» от «Данон». При более чем доступной цене оно обладает мощным галлюциногенным действием: у детей возникают ощущения, что они растут, летают, начинают лучше учиться, становятся сильнее и другие забавные ненавязчивые глюки»

«Покупайте новый лекарственный препарат «Иван Сусанин»! Он выводит шлаки из организма каждый раз новым путём»

«Новый «Ко́мет» с запахом жасмина! Отчищает даже трупные пятна!»

«Компания «Олвейз» выпустила новые прокладки для наиболее активных женщин. Теперь с экстрактом крапивы!»

Не увидеть больше лиц мне,
хоть я с детства и не сноб:
мне прокладки будут сниться,
даже если лягу в гроб!

Глава 211. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ (перед игрой)

Между тем, педагог, посланный в известное место, почему-то всё ещё отсутствовал. Разгадка этого явления, по уверениям Володи, знавшего Курманбаева не первый год, была проста: скорее всего, он вновь встретил кого-то из давно не виденных знакомых, а так как новостей накопилось много, то надо было обсудить их со всей присущей Мусаичу обстоятельностью. Но в этот раз писатель ошибся: педагог,

оправдывая свою высокую профессию, на этот раз морочил голову дворовым детям, доказывая им, что бегать так быстро вредно не только для их неокрепших организмов, но и для остальных, так как они поднимают много пыли, которой вынуждены дышать все окрестные саксаульцы. Дворовые дети были существами воспитанными и наученными родителями почитать старших, поэтому, сдерживая руки и ноги, слушали эти никому не нужные разглагольствования. При этом Нуртай, явно осознавая тщетность подобных проповедей, косил жуликоватыми глазами, становясь похожим на шпиона сопредельной державы. А так как проповеди эти затянулись на неопределённое время, игроки, совершив в гостях у Полтавцева гастрономический подвиг, решили сыграть *партейку* прямо здесь, в поднебесье.

– Яйчики-бабайчики, вы слышите треск? – поднял палец Кулемзин. Все напряжённо прислушались, а Серёжа даже приставил ладонь к уху, как делал его дедушка в деревне Семижопино, когда бабушка Федора звала его выполнять супружеский долг.

– Не слышите, – с горечью констатировал писатель. – А ведь это горят мосты за нашими спинами!

Никогда не угадаем,
кто нам дал великий шанс:
мы живём, мосты сжигая,
а мосты сжигают нас…

Сторож тут же оглянулся, но вместо горящих мостов увидел лишь грязное окно кухни. «Ничего не понимаю», признался он сам себе, «какие мосты?! И, вообще, как без зеркала можно что-то увидеть у себя за спиной?!»

– Прежде чем приступить к игре, предлагаю всем присутствующим на память о нашем таинственном союзе сделать татуировки, – весело предложил Володя.

Охранник изумлённо вылупил на него глаза. Писатель в ответ коротко взглянул на сторожа и, видя, что изумление затягивается, проговорил:

– Старичок, что же ты уставился на меня, как Windows на новое устройство?

– Царица лесная, какие татуировки? – наконец выдавил хозяин.

– Во всю грудь, – объяснил Кулемзин. – Карточные масти вот в таком порядке: Крести, Пики, Бубны, Черви.

– Ёкарный покер, а почему именно в таком? – поинтересовался прапорщик, который что-то не припоминал, чтобы именно о таком порядке писалось в Уставе караульной службы.

– Да потому что это – зашифрованное послание нашим потомкам, ведь первые буквы мастей будут означать вот что:

Когда Покерюсь – Бываю Человеком!

Сопокерники расселись где придётся, а место Нуртая временно занял художник. В *русскую кочергу* он играть не умел, но причастность к происходящему надо было как-то выразить, и тогда Муравлёв обратился к хозяину *салуна*:

– Серёжа, я вот заметил, что ты часто ходишь нелогично. Ты того… этого… давай как-то…

– Мать честна́я, да зачем эта логика нужна? – возмутился Афанасьич. – Никакого, понимаешь, практического применения!

– Да она же мозги развивает, – попытался втолковать ему Талгат.

– Чем? – напористо интересовался охранник. – Приведи какой-нибудь пример.

Талгат потерянно заозирался и наткнулся на спокойный взгляд Володи.

– Скажи ему! – отчаянно пробормотал он.

– Серёжа, слушай невнимательно, – начал философ.

– Почему это невнимательно?

– Потому что если ты будешь слушать меня внимательно, у тебя может развиться и без того гипертрофированный комплекс неполноценности.

– Ладно, – согласился Полтавцев.

– Пример. Деталь, которая не может сломаться, отличается от детали, которая может сломаться, тем, что деталь, которая не может сломаться, невозможно будет починить, если она всё-таки сломается…

– Вот теперь всё понятно, – воскликнул Полтавцев, которому очень понравилось красивое слово *гиперифированный.*

Знаешь, логика чужда
тем, кто усмехнётся:
нам логично лишь тогда,
если пиво льётся!

– И последнее, Серёжа. Любая деталь, как ты, наверное, догадываешься (здесь охранник напыжился от важности), это овеществлённая высшая математика, ведь любой узел и сочленение есть конгломерат научной мысли инженера, то есть математика технического и практического.

«Йодистая поэзия, совсем с ума съехал», тепло подумал прапорщик.

– Да при чём тут высшая математика? – взвился охранник. – Как будто она в жизни помогает!

– Не скажи, сынок, – покачал головой писатель. – Мне вот однажды помогла именно высшая математика. Уронил я как-то раз в сортирное очко свои ключи. Что делать? И вот, чтобы достать их, вспомнил я высшую математику и сделал из шашлычной палочки *интеграл* – вот такой –

$$\int$$

и благополучно достал ключи.

– Вот это да! – потрясённо произнес Полтавцев. – Я ведь тоже однажды ронял, так всё руками, руками…

Игра продолжилась, но время от времени Серёжа всё ещё приборматывал:

– Ну надо же… а я всё руками, всё руками…

Глава 212. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ (party на хате)

Вскоре из квартиры сторожа донеслись звуки жестокой сечи: сопокерники рубились не на жизнь, а на *жопу* и *шпалу*. В кухне плавал густой табачный туман, о котором русская поговорка сообщала, что на него якобы можно было вешать русский же топор. Звуки шлёпающих по столешнице карт становились всё звонче, голоса играющих хрипели, как кони под пьяными гусарами, неясные тени побед и поражений плясали на стенах без признаков обоев, пот скатывался с разгорячённых организмов и собирался в маленькие лужи под ногами. Володя играл по аналогии с парусным кораблём: как правило, первым к цели приходит не тот, кто прёт напролом, а тот, кто движется зигзагами, прилаживаясь к ветру. Это была старая тактика, которой он так и

не смог научить своих неофитов. Неофиты отталкивались не от идеи *всей игры* в её развитии, а только от настоящего момента, то есть от тех карт, которые они зажимали в данную секунду в потных ладонях. Сдав по первой – маленькой – *тёмной,* прапорщик начал игру. С первых же робберов определился лидер – им, как ни странно, оказался Полтавцев. Пёрло ему фантастически, словно Сука-судьба, пересмотрев его персональное дело, решила наконец-то оборотиться к сторожу своей привлекательной стороной.

– Ёкарный валет, ну ты даёшь! Ну ты даёшь! – обалдело повторял военный.

– Да я же планирую! – счастливо щерился хозяин.

– Яйчики-бабайчики, что ты можешь планировать, сынок? – горько усмехнулся Володя. – Планировать человек может единственное – это времена года, когда после зимы придёт весна, затем лето и так далее. Притом практически безошибочно – неделя-другая задержки не в счёт, а во вселенском масштабе такая погрешность практически равна нулю. Но в остальном лучше и не пытаться составлять какие-либо планы. А всяческие гадатели, вещуны и астрологи, предсказывающие будущее, большей частью шарлатаны. И лишь некоторые из них – либо особо одарённые, либо просто везунчики – попадают в точку, да и то случайно, тем самым подтверждая теорию относительности моего друга Альберта Германовича Э.

Не поможет нам бравада,
коли в тыкве кавардак:
наши планы ждёт засада
под названием Косяк!

Здесь философ начал понимать, что, как ни странно, без педагога игра начинает терять свою остроту – не хватало той подловатой нуртаевской изюминки, против которой приятно было мобилизовывать все ресурсы. Не хватало куража, и Альбиоыч решил нагнать его искусственно – он точно знал, как заставить свой пульс в течение каких-то пяти минут разогнать от 80 до 200 ударов в минуту. Для этого надо было просто дословно вспомнить *назаретовскую* «Free Wheeler[148]» из концерта 1973 года «Loud'n'Proud[149]»

[148] Свободная коренная (лошадь из тройки) – прим. зоол. редактора
[149] «Громкий и гордый» – англ.

Проведя необходимую комбинаторику, писатель всё же добился своего: и кураж пришёл, и карта сменилась, и Афанасьич стал отставать, хотя по наивности и считал это вре́менной неудачей. К середине партии ситуация неожиданно сложилась комическая: последней картой на одиннадцати у Володи был старший джокер, а взятка оставалась всего одна, при том что именно по одной заявке было и у Талгата, и у Серёжи. Альбиоыч, тщательно прицелившись, пропустил полтавцевский ход и сдал охраннику своего джокера *за простую*. Батыршин задохнулся от возмущения и стал горячо допытываться у писателя:

– Ёперный цитрус, нет, ты мне скажи, почему ты именно меня прокатил, а не Серёжу?

При этом на глазах его появились почти что неподдельные слёзы.

– Эх, старичок, – прямо объяснил писатель, – да кто же волка спрашивает, почему он ту овцу задрал, а не эту? Чья очередь *по жизни* подошла, того и дерут!

Правда, было видно, что объяснение вовсе не удовлетворило требовательного военного. Но он тут же забыл об обиде, потому что Володя снова повторил тот же ма-

нёвр, только на этот раз поменяв местами *фигурантов*, на что проигравший роббер сторож отреагировал по-курманбаевски, то есть стал жаловаться на здоровье.

– Что-то живот прихватило, – проговорил он, держась обеими руками за брюхо, которое, как известно всякому русскому, к учению не того. – Как бы гастрон какой-нибудь не подцепить. Наверное, пить надо меньше…

– Наивный ты, старик, – ответил ему Кулемзин. – Разве дело в питье или, конкретно, в пиве? Чтоб ты знал, гастрит или, куда приятнее, язву желудка вызывает маленькая пакостная бактерия по названию *helicobacter pylori*, а вовсе не стрессы, связанные с беспечной жизнью, как думают многие[150].

[150] Как ни странно, но автор прав. За обнаружение и изучение этой бактерии двое австралийских учёных – Барри Джеймсович Маршалл и Джон Робинович Уоррен – в конце прошло-го века даже получили Нобелевскую премию – прим. науч. редактора

– Мать честнáя, какой я тебе старик? – возмутился Афанасьич. – Я просто дряхлый пожилой человек!

Коли жрёшь одну заразу
с грязной вдрызг сковороды,
заработаешь ты язву
из-за пакостной еды!

Глава 213. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ (party на хате-2)

– Серёжа, ты просто не знал одной старой формулы, – улыбнулся Володя. – Запомни её, и играть станет легче: «Бдительность конгруэнтна мнительности»

Охранник почувствовал, что потеряет мысль прежде, чем достанет заветную книжечку «Для му.мы.», и потому старательно записал на пустой сигаретной пачке: «Бздительность толерантна сомнительности», после чего неожиданно почувствовал, что жить стало лучше, жить стало веселей.

– А не дерябнуть ли по малой? – радостно предложил он.

– Конечно, дерябнем, – успокоил писатель. – Дай только партию доиграть.

«Царица лесная, беда какая», подумал Полтавцев. «Не зря ещё моя бабушка из деревни Семижопино замечала, что вокруг меня что-то случается, а понять нельзя…» Между тем игра продолжалась. Увидев в своем роббере сразу три джокера, сторож тут же впал в детство, характерное для мужика любого возраста, владеющего эксклюзивом: мол, ни за какие шиши не покажу, что у меня в кулачке! Но переиграть сейчас Володю было не легче, чем поймать электрического угря голыми руками, ведь у него в противовес серёжиным *грандам*, был и покер, и два старших козыря, поэтому на заявку охранника в три взятки он немедленно отреагировал своими двумя. «По-моему, всё же пора», подумал он, «расставить все чугунные точки над подгибающимися тростинками чуждой нам буквы *i*»

Кулемзин хорошо знал правило, установленное ещё Марком Марковичем Аврелием, тем самым, о котором так красиво в «Двенадцати стульях» спрашивали Ильф и Петров: «Марк Аврелий не еврей ли?» Правило это, которого он неукоснительно придерживался не только в своей работе, но и в приватной жизни, гласило: «Начинать выступление надо с сильного аргумента» После чего, начав игру, тут же скомандовал *по джокерам!*, и страдальцу пришлось расстаться с одним из трёх *грандов*. Затем Кулемзин хитроумно пошёл с козырной двойки, и оставшиеся игроки были вынуждены покрывать её козырями всё большего достоинства, после чего Серёжа забрал свою первую взятку, потеряв ещё одного джокера. Короче, дело кончилось тем,

что именно он не добрал одной взятки и попал в крайне неприятное положение, о чём писатель и известил собравшихся:

– *Жопа*, Серёжа.

– Как жопа? Мать честнáя, какая жопа? – запричитал страдалец.

– Неглубокая, – разъяснил ему Володя, – но вонючая…

После посещенья тира,
оприходовав вино,
попадаем мы в сортиры,
а хотели ведь в кино!

– Вот сердце остановится, и умру, – жалобно произнёс Сережа, и, видимо, чтобы усилить эффект сообщения, добавил:

– Как Володечка Высоцкий…

– Да скажи спасибо, что тебя не постигла судьба Ипатия[151], – неслышно пробурчал Володя.

[151] Ипатий – глава школы неоплатоников, казнённый римлянами. Давно дело было – прим. ист. редактора

Художник, сидевший ближе всех к сторожу, проникся к новому другу сочувствием, хотя и не понимал в игре ничего, и приобнял его за плечи. Почувствовав поддержку, экс-текстильщик прикрыл глаза и теперь страдал молча, пытаясь настроиться на *интуитивную волну*, как учил его Володя. «Настройся», говорил гуру, «на эту самую волну – и сделай шаг навстречу мечте!» Что означали эти таинственные слова, Полтавцев не знал, но попытку не оставил. Ведь что такое интуиция? Трудно сказать. Как ни объясняй, всё равно ничего понять нельзя. Есть такое чувство – и всё! В умных книгах об этом явлении пишется примерно так: интуиция – это способность постижения истины без доказательства. Пришла тебе в голову какая-нибудь хрень, думаешь, что такого просто не может быть, а внутренний голос, этот беззвучный предвестник интуиции, капает и капает на мозги: ничего подобного, всё, о чем ты сейчас размышляешь, должно случиться, или, что ещё хуже, уже случилось. И чем бы ты ни занимался, куда бы ни шёл, а интуиция поворачивает тебя совсем в другую сторону – туда, где, по идее, тебе и делать-то нечего!

Плавно жизнь текла и дивно,
но теперь в неё я вник –
чувствую интуитивно:
интуиции – кирдык!

Примерно по такому сценарию разворачивалась вторая часть драмы под названием покерная партия.

Глава 214. ВИЗИТ К ПОЛТАВЦЕВУ (party на хате-3)

Каждый читатель, наверное, знает то, что порой вертится в голове какая-нибудь мысль, а вот поймать её никак не удается: мелькнёт только хвостик – и снова пропадёт. Вот и сейчас Полтавцев зажмурился до боли в висках, но, как ни старался, перехватить беглянку не смог. Карты сторожу пришли все какие-то разные: были здесь короли и дамы, двойки и тройки, да ещё разных мастей, не говоря о паре козы-

рей. Серёжа решительно не понимал, что с ними делать, и потому решил довериться интуиции, о которой автор только что рассказал в предыдущей главе.

– Четыре! – произнёс он, после чего страшно испугался, ведь роббер состоял всего из семи карт. Но не только наш бравый охранник был озабочен пришедшими картами. Разглядывая приваливший ему роббер, Талгат тоже пытливо прищурился на карты, будто советский шпион Макс Отто фон Штирлиц на бокал с тёмным немецким пивом «Dunkel» Морщился от вида своих карт и Володя, словно ему вместо любимого «Тянь-Шаня» поднесли стакан неразбавленного одеколона «Красная Москва»

– Не знаю, не знаю, – засомневался гуру. – Ой, что-то будет…

– Йодистый букет, зуб даю, выиграю,– поклялся Талгат.

– А я челюсть, – не отстал от него охранник.

– Ну, тогда мне придётся пожертвовать всем скелетом, – подвёл итог аукциона писатель. – Победа всё-таки будет за мной!

Говорила бабка деду,
угрожая утюгом:
«Одержу сейчас победу
над тобой, – как над врагом!»

Но, как хорошо известно из эйнштейновской «Теории единого поля», в тихих омутах водятся исключительно *иблисы* и их земные приятели. Надо ли говорить, что именно эта короткая схватка была нелепой и трагичной – пролетели все: Кулемзин и Батыршин на одну взятку, а Афанасьич аж на три!

– Яйчики-бабайчики, жизнь дала трещину, – пробормотал Володя. – Денег осталось всего два чемодана.

– Так что ж мы сидим?! – принял это высказывание за чистую монету охранник. – Давай быстрей – я сейчас сгоняю!

– Так Нуртай же скоро вернётся – принесёт, – напомнил Кулемзин, пр этом зачем-то щёлкнув указательным пальцем по кадыку.

– Да это мне глубоко по тулумбасу[152]! – воскликнул Сережа. – Лишними не будут!

[152] Не могу перевести! А ведь я знаю более пятидесяти языков! – прим. главы гильдии переводчиков

Между тем игра продолжалась: был сдан следующий роббер, и мучения, описанные ранее, постепенно принимали перманентный характер. Талгат при виде пришедших карт, как всегда, потихоньку матерился. Поскольку родной татарский не обладал необходимой разрушающей мощью, он использовал великий и могучий. Впрочем, ради справедливости заметим, что к нему прибегали в подобных ситуациях на всём постсоветском пространстве, и это не считалось непатриотичным. Начиная постепенно открывать свои карты, дёрнулся и охранник, потом дёрнулся ещё, и потом ещё раз. «Отягощенная алкоголизмом родителей наследственность, отсутствие нормального воспитания, дефекты психики, возможные черепно-мозговые травмы…», продиагностировал внимательный Володя.

– Ну и карта… Прямо никак… – бормотал при этом Афанасьич.

Володя не спеша открыл пришедший роббер и вдруг завопил:

– От-чатагом[153]!

[153] Хорошо, что эту книгу никогда не станут читать таджикские дети – прим. главы гильдии переводчиков

Но, тем не менее, ходить было надо. «Ферзь, конечно, фигура дорогая», глядя на старшего джокера, подумал Володя, «но это только лишь фигура…» Он легко вытащил карту из зажатой ладони и произнес:

– За *простую*!

Этот ход, тем более, первый, вызвал лёгкую панику в стане врага. Полтавцев, видимо, решивший, что *за простую!* означает то, что всем надо сбрасывать крупную карту за простую, выбросил джокера с той же нелепой в данном случае присказкой, так что одуревшему от счастья военному ничего не оставалось, как взять всё это богатство простой пиковой двойкой.

– Мать честна́я, Володя, ну кто же так ходит? – заволновался сторож. – Ты что, совсем смысл жизни потерял?

– Я человек мирный и неконфликтный, – кротко ответил Альбионыч, – но не до такой же степени…

Этот короткий спич был ответом на талгатовский ход козырным тузом, на которого сверху, как длань пастыря на лысину прихожанина, был положен младший джокер писателя.

– Шутишь… – недоверчиво покосился на Володю охранник.

– Шучу-шучу, – успокоил его Кулемзин. – Правда, Серёжа, как сказал однажды неизвестный, но явно талантливый поэт,

В каждой шутке
есть доля Мишутки…

– Какой Мишутка? – начал озираться сторож.

– Ну, не знаю, – объяснил Володя. – Может, Горбачёв, может, Лермонтов, а, может, не к ночи будь помянут, и Калинин!

После этого исторического демарша охранник совершенно охренел и, чтобы не сойти с ума окончательно, решил, что всё это ему послышалось, после чего заиграл легко и бездумно, как плотник гвозди забивал. Но и финал игры, называемый *вторая тёмная*, был совершенно непредсказуемым, как редкий летний туман в сибирском лесу.

– Карта какая-то дурацкая, совершенно играть нечем, – расстроился квартировладелец.

– Запомни, сынок, – поправил его Володя, – первую заповедь покериста: «Воюй тем, что есть!»

– Царица лесная, так нет же ничего, – горячился охранник.

– Ну как же нет? – удивился гуру. – У тебя на руках аж двенадцать карт, смело объявляй пас и старайся не взять ни одной взятки. В итоге ты выигрываешь законные 10 очков, а кто-то из нас перебирает, то есть не берёт свои 50 или даже 90. Это ли не игра?!

Охранник не понял ничего, но всё-таки заказал пас, после чего перебрал на довольно хороших картах четыре взятки и получил к концу раскладки аж 8 очков дополнительно к своим 33-м!

Вместо ясности – туманы,
вместо це́пи – просто нить:
мало нам придумать планы –
надо их ведь воплотить!

Глава 215. СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ, или ПУШКИНУ И НЕ СНИЛОСЬ!

От карт уже рябило в глазах, и Альбионыч понял, что надо сделать хоть какой-то небольшой перерыв в игре. Он заметил, как Серёжа отчаянно зевал, прапорщик отчего-то поглядывал на часы, а Валера сидел с индифферентным видом и пялился на старую газету «Ленинские зори» за 1971 год, пытаясь разглядеть в жёлтых пятнах от пива и леща снимок собкора ТАСС, на котором изначально был изображён ещё молодой тогда аргентинский генерал Алехандро Агустинович Ленуссе, захвативший власть в стране путём военного переворота. Очередная партия к тому времени как раз закончилась – победой бравого трубача, и он сыто улыбался, представляя, как расскажет об этом… но рассказать было некому.

– Помнишь, Серёжа, Сергеича? – внезапно спросил писатель.

– Это какого? – солидно поинтересовался хозяин. – Я Сергеичей много знаю: Тургенева, например, или Михалкова, опять же Аксакова, не говоря уже о Василии Сергеиче Бронепупенко – я с ним на ОХБК в одном цеху работал.

– Бронепупенко – это сильно, – согласился писатель. – Но был ещё один Сергеич – сказки всё писал. Пушкин его фамилия.

– Слыхал, слыхал, – ещё более солидно подтвердил Полтавцев и хитро прищурился:

– Да ты никак сказку его хочешь рассказать?

– Что-то вроде этого. Только его сказки ты мог ещё в школе слышать. А мог и не слышать…

– Да что же я, вашего Пушкина не знаю, что ли? – обиделся охранник. – Вот, например:

Выпьем с горя!
Где же горе?

– Знаешь, знаешь, – успокоил его Кулемзин.

– Ну, давай, – разрешил Афанасьич.

Присутствующие навострили уши. Володя откашлялся и начал:

– Жил у моря один старый перец,
он рыбалкой всю жизнь промышлял, –
в ремесле этом был он умелец.
И однажды он рыбку поймал!
Не простую селёдку, а цацу
с золотой диадемой во лбу.
Эта рыбка провякала старцу:
«Отпусти меня, перец, ко дну!
Я желанья твои все исполню,
если кинешь меня в окиян,
отпусти меня, старче, на волю –
будешь сыт перманентно и пьян!»
Дед глухой был на правое ухо,
через это он суть не просёк –
не накормишь рыбёшкой старуху,
и – уплыл в окиян карасёк!
Дальше дождь приключился и слякоть,
не зада́лась рыбалка в тот день –
будет бабка голодная плакать,

и погонит пеньком за плетень.
Чтоб утешить сварливую бабу,
стал он вешать лапшу про улов:
«Мол, карась мне попался неслабый –
золотой от хвоста до зубов!
Только мелкий и дюже слезливый –
начал ныть, что икры полон дом,
не увижу ни дочку, ни сына,
не вскормлю их своим молоком.
Растревожил, разбил моё сердце,
нервы, душу на жалость пробил,
называл уважительно перцем…
Не стерпел – и домой отпустил!»
Бабка вся зеленеет от злости:
«Ах ты, старый козёл! Ну, дебил!
Забодай ревматизм твои кости!
Ты зачем карася отпустил?!
Накануне по телеку диктор
говорил, что карась тот крутой –
дескать, может, как клавкин муж Виктор
всё достать и доставить домой!
У меня ж нет машины стиральной,
телевизор не кажет совсем,
дому нужен ремонт капитальный
и оклейка обоями стен.
А прикид у меня? Курам на смех!
Стыдно в гости к соседке пойти!
В общем так, перекусывай наспех
и, как хошь, карася мне найди!»
Дед на кухне нашёл корку хлеба,
поелозил по ней чесноком,
закусил и, хоть хмурилось небо,
двинул к морю обратно пешком.
Прихватил акваланг для дыханья,
прицепил на конец поплавок,
пробурчал: «Вот же, блин, наказанье!»
и нырнул под волну поперёк!
И столкнулся (на счастье иль горе)
носом к носу он с тем карасём,
что гулял и резвился на воле,
запивая *агар* коньяком.
Дед попал на хмельное застолье
и про бабкины нужды забыл,
замахнул граммов триста и боле
и совсем на проблемы забил!
Танцевал, обнимался с русалкой,
карасю признавался в любви!
На крыльце поджидала со скалкой
бабка перца до самой зари,
а увидев явленье супруга,
так и села крестцом на порог –
налегая мышцóй на подпругу,
дед добра целый короб волок!
Баба нынче в мехах, бриллиантах,

кофе пьёт, обливая постель, –
Клавка, зависть за пазуху спрятав,
сериалы глядит вместе с ней.
Ну а дед сыт и пьян перманентно,
по привычке рыбачит с утра,
и русалку за хвост незаметно
волочит до густого куста, –
там, укрывшись от взоров нескромных,
выпивает с ней свой брудершафт,
а потом от лепёшек коровьих
отмывает ей хвост, грудь и шарф.
Так свезло старику на рыбалке,
что попался карась золотой,
что он спит под кустом на русалке,
и старуха довольна судьбой!
Только рано расслабился перец –
бабку жаба грызёт один хрен:
«Мол, карась, всех сокровищ владелец,
нужен ей – старику на замен…»
От такой беспредельной предъявы
впал в неистовство рыбий пахан –
перекрыл поступленье халявы
и уплыл далеко в окиян!

♠ ♠ ♠

Вот мораль ненасытным старухам:
не ищите добра от добра,
а не то вам случится проруха
иль другая кака лабуда!..

Глава 216. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

А что же наш скромный педагог, пропустивший эту замечательную историю из-за кулемзинской тирании? Человекаясь[154] на ходу, он брёл в магазинчик Калимы, чувствуя, как что-то изменилось вокруг, но не улавливающий этого изменения. Чтобы не потерять дух, в такт шагам Курманбаев повторял заветные строки, которые написал много лет назад – как раз к очередной годовщине случая, о котором сейчас рассказывал оставшимся писатель (см. главу 204 «О Ленине и солдате»):

[154] *Люди чертыхаются, а поклонники иблиса именно человекаются – прим. автора*

«Непреложен наш завет, нетленен,
и в кругу одной большой семьи
с нами Сталин, с нами вечно Ленин,
и вообще всё то, чем мы сильны!
И руку подаю я людям всем с волненьем:
они и мне трудом возвышенным несут
и новых сил прилив, и пафос вдохновенья,
и пониманье дня, и новой жизни суть!»

– Мать моя партия, вот именно: и новой жизни суть! – воскликнул Нуртай уже перед прилавком. Закупив заветное пивко, он вновь очутился на улице и вдруг по-

нял, что же именно изменилось: кончился дождь. Солнце потеряло всякую интеллигентность и по-прежнему мордовало землян в полный рост. После дождя оно выжаривало влагу из земли и влажного асфальта, и чувствовалось, что через полчаса над Бермудским Учпучмаком повиснет парна́я духота. Мусаич было поспешил в серёжину квартиру, чтобы с порога объявить новость присутствующим, но тут произошло нечто странное: к нему приблизился целый выводок цыганок с кучей пёстрых детишек. Окружив педагога, они наперебой предлагали ему узнать свою незавидную судьбу, которую он и без того уже хорошо знал от пророка Кулемзина.

Повезло ему в том, что денег в кармане не осталось ни назарбакса, так что цыганки, введя Курманбаева в получасовой транс, удалились продолжать своё зарабатывательное дело, кстати, не взяв у него ни одной бутылочки, видимо, по причине того, что боялись после употребления такого напитка потерять свои экстрасенсорные возможности. А ведь именно в это время наши герои, исключая, конечно, временно зомбированного, и сыграли злополучную партию. По прошествии времени Нуртай всё-таки вышел из получасового транса и поспешил в квартиру № 30, где наконец и объявил новость об окончании природного явления.

«Невезуха, отвяжись!»
в воздухе летает:
дождь закончен – значит, жизнь
вновь нам засияет!

Все засобирались на улицу, но потом вспомнили, что на каждого осталось ещё по одной бутылочке «Тянь-Шаня» Кроме того, что дождь кончился, обнаружилась ещё одна новость, на этот раз неприятная: у хозяина почему-то не было тары для питья, кроме какого-то красно-синего бокальчика с отбитой ручкой и полустёртой надписью «Воронежская таможня», хотя в такой избушке, как у Серёжи, наличие вообще какой-либо тары для благородных напитков воспринималось анахронизмом. Вместо, например, гранёного молотовского стакана Кулемзину привиделся какой-то деревянный ковшик конца XVI века с резной надписью по кругу: «Что на мя зришь, человече? Пей!»

– Вольному воля, – Володя развёл руками, накренился с табуретки, как перегруженный рыбной мелочью альбатрос, и предложил тост:

– Яйчики-бабайчики, за Рабле!

– Это чего ещё такое? – отставил в сторону воронежский бокальчик охранник.

– Это, Серёжа, наш друг. Он научил нас закусывать. И, вообще, сынок, раблезианство не есть состояние брюха. Раблезианство, сударь мой, есть состояние духа, свободы и раскрепощённости. Да, да, мои маленькие друзья, великий Франсуа Девиньеевич писал не о брюхе, а о духе! Дух свободы, вот что главное! Нежелание и невозможность некоторых индивидуумов жить по стандарту, подчиняясь уложениям, указам, кодексам… вот из этого и вырастают личности. За Рабле!

– Да-а-а, – почесал затылок Афанасьич. – Мать честна́я, за такого пацана и выпить можно. Ты, Володя, как-нибудь пригласи его, познакомимся…

Смотрим в унитаз, как в окна,
вспоминая, кто как ест –
рассказал Рабле, дружок наш,
как питаться без диет!

Затем Кулемзин подошёл к окну, с трудом пробился взором сквозь его стеклянную муть и увидел, что дождь действительно прошёл. Своим опытным марсианс-

ким чутьём он отметил, что в атмосфере Бермудского Учпучмака содержание кислорода, видимо, за счёт озона повысилось на 3,62 процента[155], к тому же ветерок утих, и лужи стали гладкими, как начищенный в казарме пол. Августовское солнце, рыхлое и жёлтое, как топлёное масло, вновь било в глаза. И тут писатель заметил свою подружку Несси, которая в этот момент припала к зеркальной поверхности лужицы своими нежными губками и аккуратно лакала этот замерший, притихший, загнанный в водную ловушку табунчик дождинок.

[155] Очередное издевательство над наукой и здравым смыслом! – прим. науч. редактора

Легко поднялись с насиженных мест и остальные, чувствуя в похмельных организмах ещё большее чувство голода, чем до предложенного Афанасьичем леггорна. Отсутствие женщин сделало участников встречи в верхах (напомним, что дело происходило на четвёртом этаже) более раскованными, так как присутствующим здесь мужчинам даже не пришло в голову помыть посуду и убрать так называемый *срач.* «Да, такой жизни позавидовать крайне сложно: максимальное содержание минусов при минимальном содержании плюсов», подумал Альбионыч, но вслух сказал совсем другое:

– Ну вот, Серёжа, и произошло главное событие в твоей жизни. Яйчики-бабайчики, теперь и ты на своей лестничной площадке сможешь прибить мемориальную табличку:

Здесь Кулемзин был,
ел и остался жив!

– Ну, как тебе, Володя, у меня – понравилось? – с гордостью поинтересовался охранник.

– Очень мило, – ошеломлённо ответил писатель. – Прямо какой-то музей этнографии народов СССР (б)!

Глава 217. ВСЕЛЕННАЯ И ВРЕМЯ

После посещения полтавцевской квартиры на память Володе пришли неизвестно в каком веке читанные и по какому поводу написанные стихи некоего князя Вяземского:

Здесь чудо – барские палаты
с гербом, где вписан знатный род:
вблизи на курьих ножках хаты
и с огурцами огород…

, причем, было непонятно, что навеяло ему таинственное жилище – гербы или всё же огурцы. После чего мысли философа неожиданно обрели другое направление. Такое с Володей бывало не раз, особенно после четвёртой-пятой бутылочки «Тянь-Шаня – земное как-то отступало, а марсианское, соответственно, наступало, хотя и сильно переплеталось с земным. Вот и сейчас неожиданно пришли мысли о времени, как о лёгкой *неизъяснимой субстанции духа*, хотя, будучи расчленёнными, все эти слова совершенно не имели смысла. Вначале Альбионыч вспомнил классику: «…И всё же существуют четыре измерения, три из которых мы называем пространственными, а четвёртое – временны́м»[156]

[156] Герберт Джозефович Уэллс «Машина времени» (пер. К. Морозова), М., «Мир», 1976

«Классика, конечно, чтить надо, но…», просто подумал он. Далее мысли оказались более сложными, и хорошо, что их не слышал семенивший рядом с писателем Полтавцев. А думал Володя вот о чём. Время всё же не есть четвёртое измерение, и кому, как не марсианину Кулемзину, было это знать лучше других. Четвёртое измерение, по его мнению, было исключительно математической абстракцией для разрешения некоторых теоретических противоречий. Правильнее было бы воспринимать время как среду, как гиперпространство[157], в которое был погружён наш объективный мир.

[157] Хотя и этот термин уже изрядно дискредитирован неуёмными и глуповатыми фантастами – прим. автора

Все мы когда-то пытались представить себе бесконечность Вселенной, с трудом сберегая своё воистину серое вещество от перегрева. Мы наивно задавали себе вопрос, а не *конечна* ли она, но тут приходила мысль, а в чём же тогда эта Вселенная покоится, в какой чаше, превосходящей её по размеру, и здесь опять происходил вывих мозгов. Правда, теоретики, утверждающие конечность Вселенной, не утруждают себя такими заботами, как размышления – они просто говорят, что она таки есть, и рисуют на доске непонятные формулы. Кулемзин же утверждал, что Время и есть истинное вместилище Вселенной (с этого момента автор слово Время будет писáть с большой буквы!). Можно, конечно, назвать Время *тонким миром*, но этот термин, как и многие другие, тоже опарафинен всякими мистиками, хотя по смыслу он к этой идее, пожалуй, ближе всего.

Время обладает своей физикой и своей математикой, ведь теоретиками общепризнано, что существуют кванты Времени. Правда, приборами они не обнаруживаются, потому что в отличие от физических квантов, абсолютно статичны, меж тем как прочий материальный мир с его средствами наблюдения относительно динамичен. Но при всём этом Время управляется законами, которые никак нельзя назвать объективными в традиционном значении. А почему? А потому, что у Времени есть *психологический* аспект. Неким труднообъяснимым образом Время связано с высшей нервной деятельностью. Можно, конечно, подумать, что всякие инфузории-туфельки или амёбы, у которых не бывает высшей нервной структуры, существуют отдельно от Времени. Никоим образом! *Ничто и нигде не существует вне Времени, кроме самогó Времени.* На самом деле, это оно измеряет нас, а не мы его своими *ролексами*, будильниками «Заря» или клепсидрами. У самогó Времени – иные измерения. Все объекты материального мира пребывают во Времени, но лишь до носителей разума, каким и являлся герой нашего повествования, оно снисходит, чтобы эффектно с ними взаимодействовать.

Но всё это, считал Володя, всего лишь физика и механика, которые позволяют обнаружить только факт существования Времени как объективного процесса. Собственно понимание сущности начинается лишь тогда, когда в дело вступает *психодинамика*. Время шуток не понимает и насмешек не прощает, потому что Время подчиняется не законам, а ритуалам!

Но философы не знают,
под хвостом что у слона!
Время быстро протекает,
правда, скорость неяснá…

Кстати, интуитивно это понимали масоны, и потому конструировали свои собственные церемонии в расчёте обрести власть над непосвящёнными, йоги придавали

большое значение жестам и позам, научившись впечатляющим телесным фокусам. Но к тайнам Времени они так и не подобрались, да и не особо стремились. Лучше всего мысль о том, что Время подчиняется ритуалам, иллюстрирует вопрос: «Может ли всемогущий *дедушка* создать такой камень, который сам же не поднимет?» Ответ: «Может, потому что он не всемогущ…» Проще говоря, Время не внимает звукам, которые мы издаём, и телодвижениям, которые мы производим, но зато на них отзывается гравитационная структура пространства, к которой Время как раз чрезвычайно чувствительно. И если мы научимся это использовать (для чего и нужны ритуалы: звук, свет, жесты), то Время на самом деле станет святее пахана римского и в своём фанатизме даст фору самому отпетому религиозному фундаменталисту.

Надо понять, мысленно заключил Альбионыч, что Время не прощает ошибок, но… разрешает некоторые милые шалости. Хотя у Володи всегда возникало впечатление, что те степени свободы, которые *позволяет* нам Время, являются всего лишь следствиями каких-то пока неведомых нам ритуалов.

– Мать честнáя, ты о чём думаешь? – сердито попенял писателю Полтавцев, семенящий за ним и, сбиваясь с ноги, постоянно наступающий писателю на пятки.

– Больше не буду, – пообещал Кулемзин и, надо заметить, слово своё сдержал, так как наш читатель до конца этого тома не найдёт больше ни одного рассуждения на эту странную для нормальных людей тему.

Нам всё время не хватало,
что давали небеса:
Время нас закольцевало,
но колечком из овса!

Глава 218. И ВНОВЬ БЕРМУДСКИЙ УЧПУЧМАК

Бермудский Учпучмак, нисколько не снизив своей температуры за время обеда, дохнул игрокам в лица душным жаром, заставив ещё больше обвиснуть грязно-зелёными вялыми лоскутками листья посаженных здесь карагачей. Горячее солнце, точно хлоркой, выбелило всё небо. От проклятого светила, которому, по утверждениям ученых, мы якобы были обязаны жизнью, в голове будто закипала густая овсяная каша. Осоловевшие от прямых солнечных лучей голуби сонно разгуливали по пыльному тротуару, так и норовя угодить под ноги человекам. Редкие невысохшие капли на теневых участках Бермудского Учпучмака сверкали, как алмазы.

Подойдя к заветным скамеечкам, перед тем, как присесть, писатель заботливо протёр их чистым носовым платком, игнорируя заботливого Серёжу, который вызвался помочь в этом нелёгком деле, используя свой платок, собственноручно вырезанный им ножницами из старой нестиранной портянки, и заботливо обшитой по краям крестиком его подругой Зулей. Наведя чистоту, Альбионыч сел и тут же расстегнул рубашку на необъятном животе, после чего стал похож на попá из оперы Мусоргского «Хованщина», которому после спектакля запретили переодеваться и разгримировываться.

– Фас! То есть фу! – раздался неприятно-визгливый окрик появившейся вместе с собакой Ж. П. Этим окриком она надеялась навести порядок: дело в том, что Боря заметил пса с соседского двора, с кем иногда переговаривался, обсуждая сложное международное положение родной страны Саксаулии. Завидев приятеля по бетонному столбику, Боря устремился к нему, натянув поводок и радостно хлеща во все стороны обрубком хвоста. При этом он вывалил увесистый розовый язык и моментально стал похож на весёлого удавленника. Ж. П. привычно дёрнула поводок, подняв Борю на задние лапы, развернула и потащила дальше, уверенная в том, что она лучше зна-

ет, что нужно её псу. Боря покорно вздохнул и, бросив на барбоса печальный прощальный взгляд, перестал валять дурака, затрусив по территории Бермудского Учпучмака в надежде найти следы пребывания друга в ближайших кустах.

Псы живут чуть-чуть иначе –
не такой у них формат,
ведь кусты для всех собачек –
то же, что для нас почтамт!

После того, как сопокерники расселись по местам, Володя задумчиво посмотрел на червячков, вылезших погреть свои бескостные тельца на солнышко, и незаметно переключился мыслями на червей могильных, – видимо, погода располагала именно к этому. Он думал о том, что, с точки зрения рациональной науки, именно эти черви должны быть самыми умными существами на земле, ведь они сожрали за многие тысячи лет столько всяких мозгов, что должны были принести весьма достойное потомство, а не прозябать в земле. Но не принесли… А почему? Да потому что вокруг халявной пищи было много. Вот если бы отнять у них эту пищу, да заставить вылезти на поверхность земли, да еду поискать, побегать, так они за тысячу лет тогда бы и поумнели. А так еда сама к ним идёт, вот они и обленились – лежат себе в земле и ждут очередного умного покойника!

На могилке полотно
с водкой расстелили!
Червячку же всё равно:
жрать придурка или…

Солнце, словно чувствуя возможность компенсации за нерастраченные во время дождя силы, припекало на всю так называемую катушку, и игроки тут же начали потеть, как связка свежих кровяных колбасок на деревенской кухне. Перед игрой Нуртай персонально радушно улыбнулся всем присутствующим, как бы настраивая соперников на игру лёгкую и забавную. Он хорошо умел лицедействовать, управляя своей мимикой, но всё же не настолько хорошо, чтобы обмануть Кулемзина, ещё в юности прочитавшего и изучившего заморскую книжку с грифом «Для служебного пользования» неизвестного ксерокопированного автора под названием «Психофизиологические основы личного контакта» Из неё Володя знал, что даже опытный в лицедействе человек способен контролировать непроизвольные реакции лишь частично. Тренированный наблюдатель всегда зафиксирует разницу между мимикой правой половины лица, которая управляется левым, *рациональным* полушарием мозга, и контролируется вполне прилично, и мимикой левой половины лица, которая плохо поддается контролю, потому что управляется правым полушарием, *эмоциональным*, – именно с подачи этого полушария все переживания чётко отражаются на физиономии слева, и не утаить их, как пресловутое шило в серёжиной котомке.

Игра началась и вскоре набрала необходимый темп, изредка прерываемый бредовыми ходами Афанасьича, служившими как бы противовесами логически выверенным ходам писателя.

– Странный ты какой-то, Серёжа, – попенял охраннику Курманбаев.

– Я не странный, – объяснил Полтавцев. – Просто после знакомства с Володей я понял, что весь окружающий нас мир нереален, и потому не признаю́ этого субдоминантного начала.

– И потому? – поднял палец Кулемзин.

– И потому, – подхватил мысль тянулец к знаниям, – я сейчас считаю, что наша жизнь – это движение из состояния относительной нереальности к состоянию абсолютной нереальности. Кстати, Нуртай, рот закрой…

– Мать моя партия, а откуда ты… а как ты? – заклинило педагога. Володя почувствовал, что пришло время придти на помощь лучшему ученику.

– Видишь ли, Нуртай, Серёжа хотел сказать о том, что жизнь представляет собой сложный виток временнóй спирали, из которого нам никогда не вырваться, сколько бы усилий мы для этого ни прилагали, или же попросту пренебрегая двойственностью сознания любого разумного существа, в котором сочетается как природная первооснова, так и возносящая его ввысь искра наивысшего вдохновения, которая, будучи…

После чего зашевелил пальцами, призывая на помощь логику.

– Вот именно, – подтвердил охранник и ещё раз предложил:

– Ты рот-то закрой…

Вам скажу без предисловий –
будет мысль моя мудра:
«Тот не любит философий,
кто киряет аж с утра!»

После философских высказываний Полтавцева, от которых заклинило не только педагога, но и военного музыканта, и даже не принимавшего участия в игре художника, Альбионыч понял, что в только что начавшейся игре необходим логический перерыв, и решил рассказать присутствующим ещё одну байку, коих, как уже не раз отмечал автор, знал во множестве. Он открыл бутылочку «Тянь-Шаня», сделал внушительный глоток и приступил к рассказу. Писателю при этом вторил радостный щебет невидимых в ветвях беззаботных пичуг, мудро напоминая, что жить нужно только настоящим мгновением, не ломая напрасно голову о завтрашнем и с трудом припоминая вчерашнее. Чтобы как-то успокоить разволновавшегося Курманбаева, писатель решил рассказать короткую сказку под вот таким названием.

Глава 219. СКАЗКА О ЗАПОВЕДЯХ

Однажды *дедушка* после создания мира пришёл на Землю, чтобы вручить какому-нибудь народу свои десять заповедей. Первым ему встретился индус.

– Заповеди? – переспросил он. – А что это такое? Ты мог бы привести пример?

– Например, не убий, – ответил *дедушка*.

– Но это же очень трудно, – возразил индус. – Жизнь трудна и полна опасностей, и бывают такие моменты, что если не убьёшь ты, то обязательно прихлопнут тебя, да ещё и семью прихватят. Нет, нам это не подойдёт!

Следующим реципиентом *дедушки* стал мусульманин, которому он в качестве примера привёл заповедь «Не прелюбодействуй»

– Но это же очень трудно, – возразил мусульманин. – Ведь тогда жизнь правоверного вообще потеряет всякую прелесть. Мне, например, нужно как минимум четыре жены. Я думаю, мы как-нибудь обойдёмся без твоих заповедей.

Тогда расстроенный *дедушка* подошёл к Моисею и предложил ему одну из заповедей.

– А сколько их всего? – поинтересовался Моисей.

– Десять.

– А почём?

– Бесплатно, – ответил *дедушка.*

– Ёкарный бабай, тогда беру все, – сказал Мойша.

Расскажу об этом внуку:
протирая тусклый нимб,
дал нам *дедушка* науку,
как прожить! Но только с ним…

Глава 220. И ВНОВЬ БЕРМУДСКИЙ УЧПУЧМАК (окончание)

– Мать честнáя, вот как бывает, оказывается, – изумился сторож.

– Бывает и покруче, – согласился с ним Кулемзин. – Лежишь иногда себе на кроватке, потягиваешь «Тянь-Шань», смотришь телевизор, а тут звонок: «Ты дочку из садика забрал? Продукты купил? Завтра мама приезжает, не забыл? Чего же ты молчишь, Петя?» Яйчики-бабайчики, а ты не Петя никакой, а Володя! И на душе просто какой-то аргентинский праздник – скажем, день Христофора Домениковича Колумба, который аргентинцы отмечают 12 октября!

Володя погладил неизвестно откуда взявшего серого котёнка в белых носочках, а прапорщик, не найдя в котомке угощения, дал понюхать малышу свою пивную пробочку, после чего котёнок стал непрерывно чихать. В это время раздался звучный шлепок. Все вздрогнули и посмотрели на источник внепланового шума. Оказалось, что Полтавцев подвергся атаке прилетевшей из далёких краёв комарихи, но, пытаясь её погубить, промазал, после чего его щека стала наливаться свекольным цветом. Комариха только рассмеялась и тихо спланировала на карагач, где, видимо, и решила начать новую древесную жизнь. Афанасьич зачарованно проводил взглядом насекомое и тихо прошептал древнее заклинание, которому научила его бабушка Федора из деревни Семижопино:

– 30 мошек, пустота,
8 кошек, 3 хвоста,
шиш на мыло, кукуруза,
не садись, комар, на пузо!

Услышав страшное заклинание, комариха было запаниковала, но потом успокоилась и, стремительно усевшись на нуртаевскую щёку, без промедления всадила свой хоботок в небритую плоть. Правда, пиршество продолжалось недолго, так как кровь педагога оказалась горькой и противной. Игра как-то застопорилась, и виной тому была вновь навалившаяся на игроков жара, которая заполнила всё пространство Бермудского Учпучмака, как бассейн из детской арифметической задачки. Не помогали скрасить существование и редкие облака, похожие на мультфильмовских барашков. Барашки в солнечном луче вспыхивали белым, чем наводили на идиотскую мысль о рекламе стирального порошка. Правда, когда очередное облачко закрывало солнце, пейзаж мгновенно тускнел, теряя свою яркость, но сохраняя выразительность. Солнце же было неугомонно в своём стремлении превратить эту разношёрстную людскую компанию в варёных ракообразных, и надо признать, это удавалось ему вполне.

Бросив карты, сопокерники и их гость художник потихоньку наслаждались пивом, изредка бросая друг другу незамысловатые реплики. Стало скучно, и все жаждали чего-то, что может оживить уже практически зажаренный день. И это что-то пришло. Прямо перед участниками фуршета неожиданно разыгралась дуэль, трогательно напоминавшая фарс. Прочихавшись, котёнок в носочках, заметив голубя, вспомнил о своих звериных инстинктах и принялся пугать птицу. Он деловито выг-

нул спину, попытался распушить хвост и зашипел, доверчиво таращась на голубя изумлёнными детскими гла́зками. Матёрый вальяжный голубь заинтересованно наблюдал за этими приготовлениями, потом раздулся, втянул голову в плечи и сделал шаг в сторону хищника. Котёнок тут же как бы сдулся, опал и немедленно удрал в кусты от страшного зверя, воинственно пискнув на прощание.

Делать было решительно нечего, и Володя, чтобы как-то скрасить жаркое существование, решил развлечь компанию коротким анекдотом.

– Собрались как-то трое *новых русских* и от нечего делать решили сыграть в русскую рулетку. Первый взял пистолет, вставил патрон, выстрел – мозги на стене. Второй поднял с пола пистолет, вставил патрон, выстрел – ещё один труп. Третий тоже нажимает на курок, но в последний момент ему приходит в голову забавная мысль: «Яйчики-бабайчики, а разве можно пистолетом Макарова играть в русскую рулетку?»

Я стреляю очень редко –
в основном, по четвергам.
Ох ты, русская рулетка!
Это вам не кочерга…

Здесь неожиданно выяснилось, что педагог, до этого бывший ходоком за пивом, кулемзинские денежки решил скропить, и вместо того, чтобы купить всем по три бутылочки «Тянь-Шаня», купил всего по одной. Дополнительную ходку вызвался совершить бравый военный, после чего и отбыл в краткосрочную командировку. Нуртай же неожиданно пересел на его место, поближе к Володе, положил писателю руку на плечо и, проникновенно глядя в глаза, произнес:

– Молния сверкнула и исчезла!
Вова, ты её судьбу не повтори:
светом правды зажигайся честно,
оставляя в сердце добрый след зари!

«Хорошо!», подумал Кулемзин. «Как хорошо! Как же всё-таки замечательно, что этого говнюка не слышит Талгат, и что после дождя хотя бы несколько минут кустики будут в относительной чистоте!»

Глава 221. НАЧАЛО НОВОЙ КНИГИ

Но не даром, ох, не даром вспомнил автор о литературных пристрастиях нашего героя. Давно уже крутилась в его голове идея о том, что раз он пишет о писателе, то логично было бы уже взять да заставить его чего-нибудь написать. И это случилось. Володя всегда говорил о себе, что он уже в том возрасте, когда идеалы сдают в утиль. «Странное дело», думал он, «вроде бы я уже в том возрасте, когда к людям приходит мудрость, и в то же время чувствую, что ещё слишком многого не знаю, слеп и глух, как крот, попавший в чужую нору, скроенную из незнакомого ему материала, и поэтому надо рыть дальше, глубже, активнее…»

Уже в зрелом возрасте Кулемзин пришёл к поразительному открытию: миром правят не деньги, не капитал, как думает большинство, а некие посторонние идеи, скользящие *по касательной* к жизни, подобно невидимым и могучим подводным течениям. И именно они, эти идеи, о которых автор не вправе рассказать более подробно, и подвигли его, как и нашего героя, к написанию «Русской кочерги» Наш герой знал, что ни с каким приятелем и, тем более, с женой нельзя поговорить о том,

что мучает тебя на протяжении жизни. Друг позовёт пить пиво, а жена обязательно перебьёт. А ведь как надо иногда поделиться радостью и печалью, раздумьями, которые годами тревожат душу, или посетовать на несправедливость жизни. В книгах же всё это можно делать долго и бесконечно, и только тогда все мысли, которые до этого лежали на душе мёртвым грузом, выйдут наружу и заживут своей жизнью, как семена, попавшие не в клетку к попугаю, а в благодатную почву.

Надо сказать, что идея романа созрела как-то сразу. Поиграв с новыми приятелями несколько месяцев, Кулемзин неожиданно понял, что искать героев не надо. Они сидели перед ним ежедневно – в совершенно очищенном, пригодном к употреблению виде. «Ни тебе контрасты усиливать, ни ненужное отбрасывать, ни лексику индивидуализировать», благодарно подумал писатель. «Бери их, хватай, лелей и записывай, и благодари Суку-судьбу за подарок…»

Я, на зависть всей отчизне,
как наивный дядя Ной,
всяк сюжет беру из жизни –
странной, страшной и смешной!

Семя стремительно развивающегося сюжета уже сидело в безумной почве его воображения, рука уже нащупывала привычную крестовину марионетки для будущих *буратин*, и, как он ни отмахивался, уже не мог не думать о тех, с кем невзначай свела его Сука-судьба, подарив редкую для человека пишущего возможность создать главную книгу жизни. Как-то сразу определился и псевдоним для будущего произведения. И это произошло не из-за природной скромности автора, о коей мы уже не раз сообщали на страницах нашего правдивого повествования, а исключительно лишь потому, что создавая образ одного из героев, а, точнее, педагога Курманбаева, у Володи сжимались… нет-нет, не сердечные сумки с патронами, а кулаки. «Горький», неожиданно всплыло в подсознании горькое слово, а затем плавно перешло и в сознание автора. «Да-да, именно Горький! Вл. Горький…», ещё раз попробовал мастер на зуб новый[158] псевдоним – и он ему понравился!

Втянувшись в процесс создания своего полотна, Володя касался клавиатуры и, как писали в сентиментальных романах XVIII века, «странное чувство тут же овладевало им» Он чувствовал, что его покидает ощущение того, что именно он пишет эту книгу жизни и ведёт на ниточках своих кукол-героев. Пропадает вдруг магия совпадений и чудесное ощущение нитей, которые он перебирал пальцами, прядя свое повествование. Он ощущал себя не автором своего романа, не хозяином своего переносного театрика, а всего лишь одним из её второстепенных персонажей, который вдруг осознал ничтожность своих усилий и смехотворность ненужных притязаний.

[158] Изучая творчество Кулемзина, редколлегия романа «Русская кочерга» обнаружила в различных ранних произведениях несколько псевдонимов автора – это и Антон Кричалов-Чихов, и Некто Вермутов, и Дормидонт Постепенный, и даже Евграф Потёмкин – прим. редколлегии

Бредут толпою персонажи
на долгий, но неправый суд:
их ждут допросов пассатижи
и очных ставок жуть и суть…

После этого писатель чуть не впал в отчаяние: разрастающееся сочинение пронизывало его дни и ночи, и, наоборот, налетающие друг на дружку события дней и

ночей то и дело резко встряхивали «Русскую кочергу» В принципе, его никто не заставлял тащиться вслед за реальными событиями, напротив, он был всегда за то, чтобы уходить подальше от них, полагаться на чистое воображение или, как говорят бравые матросы, *забирать мористее.* С другой стороны, он всё чаще ловил на себе вопросительные взгляды основных персонажей. «Похоже», думал автор, «что они всерьёз полагают меня участником описываемых событий, а моё воображение считают существенным фактором в их развитии…»

Как однажды сказал уже упоминаемый в предисловии к этой книге М. Бахтин (усилиями коего «Русская кочерга» и приобрела подзаголовок *мениппея*), роман – это открытая форма, и он не поддаётся завершению. Кулемзин аплодировал этому заявлению двумя земными и дюжиной минус один своих марсианских ладоней: ему было даже трудно представить роман, написанный *по плану завершения*.

Чтоб понравиться соседке,
каждый день её смешу:
я по плану пятилетки
два романа в день пишу!

Альбионыч старался писать свою книгу не понаслышке, а пользуясь своим печальным жизненным опытом плюс суммой знаний, полученных в этой не менее печальной жизни. Он считал, что литература не должна быть точным отражением реальности, иначе зачем она нужна вообще? Если, яйчики-бабайчики, в книге всё, как в жизни, то зачем её читать? Можно просто посмотреть в окно и увидеть всё то же самое. Пóмните, как нас учили в школе? Отражение типического в типических обстоятельствах, то есть реализм. А кому он нужен, этот реализм? Его и в телевизоре каждый день навалом!

Глава 222. НАЧАЛО НОВОЙ КНИГИ (окончание)

Создавая свой роман, Володя считал, что читающее человечество склонно к неадекватному прочтению любого литературного произведения. «Оно (читающее человечество)», думал он, «создаёт свой миф произведения, тождественный мифам своего ущербного сознания» И это было так, ведь сам феномен классики, как считал наш герой, есть ни что иное, как торжество неадекватного прочтения. Ни одно произведение не используется столь беззастенчиво для обслуживания мифов, как названное классическим, ни одно произведение не отчуждено столь разительно от самогó себя, как возведение в сан классического. Кулемзин же, будучи живым саксаульским классиком, не мог писать ничто иное, как именно классику. «Усаживаясь за стол культуры», говорил он в разговорах с почитателями, «людская благоглупость, именуемая мифологическим сознанием, первым делом пожирает лучшие куски. Просто яйчики-бабайчики какие-то!»

Никто до этой книги никогда
не совершал подобного труда!

То, что писать необходимо, Кулемзин решил сразу, но – как? И, наконец, после долгих раздумий решение пришло: для того, чтобы читателю было действительно интересна его писанина, писать «Русскую кочергу» он будет легко, весело, радостно, оптимистично, естественно, человечно, полнокровно, живительно, горячо, свежо, страстно, неистово, самобытно, вдохновенно, ликованно, стремительно, неукротимо, темпераментно, эффектно, рельефно, деятельно, богато, смачно, обильно, широко,

разнообразно, фольклорно, многословно, безудержно, благодатно, безмерно, необъятно, неугомонно, динамично, наглядно, многолико, звучно, оглушительно, пиршественно, перчёно, цветасто, пёстро, ярко, осязательно, насыщенно, неслыханно, хаотично, беспорядочно, буйно, дерзко, площадно, разгромно, обличительно, смело, гневно, непристойно, забористо, оскорбительно, цинично, бесцеремонно, безумно, остро, драчливо, агрессивно, воинственно, зубодробительно, опьянённо, неправдоподобно, экстравагантно, шутовски, издевательски, карикатурно, зубоскально, обличительно, насмешливо, гротескно, утрировано, предельно, иронично, пародийно, разоблачительно, анекдотично, бурлескно, фарсово, балаганно, буффонадно, озорно, забавно, контрастно, чувственно, физиологично, импровизированно, назидательно и ещё как-нибудь, как того потребует именно эта минута писания. А иногда пробовать писать исковеркано, искорёжено и размозжённо – как сама жизнь, искромсанная и измочаленная «великими идеями»

Он мечтал о том дне, когда в его гениальном романе будет поставлена последняя точка, и он с полным правом сможет подумать что-то вроде того, что мир, в котором создана такая песня, несмотря на все свои прегрешения, имеет право на счастье. И будет счастлив – по воле автора!

Разложив на дробь интриги
в плутовстве и колдовстве,
завершу свои я книги,
ставя точку в голове!

После этого он вспомнил, что симферопольское издательство «Реноме» уже давно ждёт его «Русскую кочергу», и решил на всякий случай написать аннотацию к книге. И, на второй всякий случай, решил сделать его на очень смешном хохлятском языке. Он сел за компьютер и бойко застрочил: «Книга, яку ви тримаєте в руках, – немов рідкісний запашний букет, зібраний з прекрасних, свіжих, благородних квітів. Ліричні думки і вірші, уривки з поем, рубаї привернуть увагу читача своєю неповторністю і вишуканістю, глибиною думки, досконалістю форми й художньою афористичністю, щоб назавжди зберегти в душі вдячну та тремтливу радість захоплення[159]»

[159] Книга, которую вы держите в руках, – словно редкий душистый букет, собранный из прекрасных, свежих, благородных цветов. Лиричные мысли и стихи, отрывки из поэм, рубаи привлекут внимание читателя своей неповторимостью и изысканностью, глубиной мысли, совершенством формы и художественной афористичностью, чтобы навсегда сохранить в душе благодарную и трепетную радость восхищения – укр.

«А что», с удовольствием подумал он, «по-русски лучше не скажешь…»

– Мать честнáя, зачем тебе это всё надо? – поинтересовался любопытный охранник, когда узнал, что и его великое имя будет высокой нотой звучать в «Русской кочерге»

– Зачем? – задумался Володя. – Ну, во-первых, человек начинает писать книгу по двум причинам. Причина первая: он просто хочет поговорить с людьми о проблемах, которые кажутся ему важными, интересными, осмысленными, достойными глубокого обсуждения. Причина вторая: он хочет поговорить о себе. И, в-третьих, великое множество писак марают бумагу, чтобы заработать деньги. Так что же движет человеком, когда он берётся за перо? По-моему, это довольно-таки подсознательная материя, и говорить на эту тему так же смешно, как подглядывать в замочную скважину в коммуналке не за молодой соседкой, а за пожилым соседом.

Полтавцев не понял ни слова, но именно поэтому зауважал писателя ещё больше. К тому же Кулемзин объявил, что именно он, Серёжа, будет прототипом главного героя книги, и хотя это было немного страшно, но всё-таки почётно.

– Ты быстрее пиши, – попросил он. – Может, потом и кино по твоей книжке снимут.

– Вряд ли, – отозвался писатель. – Моя проза полна ощущений и потоков сознания, а это очень трудно поддается экранизации!

И в белилах, и в чернилах
отражаюсь – вот он я!
Передать экран не в силах
то, что в книге у меня…

Он хотел, чтобы по прочтении каждый читатель романа понял, что «Русская кочерга» – это сумасшедший дом внутри каждого из нас – весёлый и страшный, ироничный и не очень.

Глава 223. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТРУДА

А теперь пусть читатель на минутку мысленно перенесётся во вчерашний день. Перенеслись? Итак… Володя уселся за компьютер и неожиданно подумал: «С тех пор, как бессмысленность моего образа жизни стала для меня очевидной, я понял, что не могу продолжать своё существование, не исполнив того, что предстало передо мной сначала издалека в тумане, а затем всё ближе и настойчивей» Мысль показалась ему интересной, и он стал думать её дальше: «И если я упоминаю о моих прежних занятиях журналистикой или детской поэзией, то лишь для того, чтобы подчеркнуть, что с прошлым покончено. Прошлое (и в этом, быть может, состояло его единственное оправдание) было ни чем иным, как бессознательным приготовлением к труду, ради которого и сломалась прежняя жизнь…» На этом мысль не оборвалась, а несколько прервалась, так как голова судорожно перебирала накопленные за жизнь файлы, ища в них достойное определение будущего труда. И – нашла!

– Я вправе назвать сей труд моим magisterium magnum[160]? – уже вслух спросил себя Кулемзин. – И я полагаю, что не зря изъясняюсь столь выспренним языком и употребляю этот алхимический термин…

– Почему это ещё? – иронично осведомился володин муз Вася Курочкин, который, как известно нашему памятливому читателю, был всегда рядом с героем.

– Да потому, что мне ещё предстоит особого рода подвиг – наподобие тех, к которым готовились, изнуряя себя пóтом и укрепляясь молитвой, посреди перегонных аппаратов[161], плавильных печей и реторт, – ответил писатель. – Как видишь, у меня нет никаких реторт, зато есть верная подруга Клава, по голове которой я буду долбить каждый день, пока наконец не закончу свой magnum!

[160] Великий труд, великое учение – лат. Алхимический термин средних веков – прим. ист. редактора
[161] Не путать с самогонным аппаратом! – прим. автора

– А верный друг холодильник? – ехидно подсказал Вася.

– Яйчики-бабайчики, и то правда, – согласился Альбионыч, и пошёл доставать из полярного чрева бутылочку «Тянь-Шаня». Сделав несколько первых живительных глотков, наш герой принялся анализировать свои занятия дальше:

– Обыкновенно я начинаю свою работу с того, что пишу, не заботясь о стиле, как *дедушка* на душу положит, и стараюсь лишь следовать ходу своих мыслей, хотя, по правде говоря, неизвестно, что от чего зависит. Некоторые представляют себе писательское дело так, что сперва в голове рождается что-то такое (сюжет или, чего хуже, «замысел»!), а потом он садится за стол, но я-то знаю, что никакого сюжета у меня в голове нет, а просто я надеюсь, что процесс писáния разбудит мысль…

Надо мною тучи низко,
от меня до молний близко,
но не страшно – хорошо!
Никого собой не грея,
брёл впотьмах по «Кочерге» я,
недописанной ещё…

Глава 224. О БЕССМЫСЛЕННОСТИ СМЫСЛА

Володя вывел на первой странице эпиграф из своего приятеля Виктóра Жозефовича Гюго, после чего вдруг почувствовал себя неуютно. Эпиграф как-то вынуждал к продолжению. Тогда он, как писали в плохих романах XIX века, вперил свой взор в пространство, и понемногу во тьме его марсианского мозга проступило его собственное изображение – так смотрит из омута сквозь толщу воды призрачно-белый лик утопленника. Наверное, тогда и родилась идея не романа, не автобиографического повествования, но *мениппеи*. Здесь надо было не только сгрести в кучу весь щебень воспоминаний и начать опись старого хлама жизни, здесь важно было осознание того, что он должен был совершить то, что никогда и никем, быть может, ещё не предпринималось.

Пишущий историю своей жизни через человеческую историю вообще обыкновенно старается не думать, что было потóм. Ему кажется, что подлинность минувшего от этого пострадает. Нашему же герою предстояло прошагать заново весь свой путь, но уже не вслепую. Он знал, куда ведёт его этот путь, весь он был известен заранее, словно перед ним лежала географическая карта его жизни, в которой был виден каждый изгиб дороги и каждый поворот, видны были зéмли, через которые пролегал этот путь. Он должен был продумать все упущенные возможности.

Сам с собою в диалоге,
вспоминая жизни дни,
подвожу свои итоги
на страницах этой кни…

И хотя Кулемзин не собирался возвращаться к так называемой литературе, и ещё менее предназначал своё сочинение для читателей, мысль о том, что он создаёт *парадигму* человеческой жизни, автобиографию человечества на примере собственной жизни, маячила на горизонте сознания. Главное здесь было даже не понять, в чём состоял смысл его жизни, а понять, что это значит вообще – смысл жизни. Может быть, главное – это обозреть хаотическое прошлое! Не значило ли это обнаружить в нём скрытую логику (хотя он знал, что история – самая нелогичная вещь на свете), тайную принудительность, о которой мы не догадываемся, пока живём? план, которому мы следуем, но о котором нам ничего не известно?

Другими словами, писатель наш взял на себя недостижимое обязательство – внести смысл в свою собственную жизнь и, может быть, на этом её и закончить. Со стороны это напоминало процедуру обмывания и одевания покойника перед тем, как

уложить его в удобный деревянный пенал для использованных авторучек жизни. Может статься, что и живём-то мы в конце концов ради того, чтобы отдать себе отчёт в прожитой жизни, увидеть её во всём стыде и позоре, – и тогда, быть может, честное разбирательство покажет, что она была всё-таки не такой постыдной, дрянной и никчёмной.

Володя, обдумав эту мысль, понял, что это работа на долгие месяцы, если не на годы. Он не собирался приукрашивать своё прошлое, но должен был тщательно припомнить обстоятельства своего детства и детства страны, которая ещё недавно называлась СССР (б), прежде чем взяться за свою юность и юность этой же страны, прежде чем перейти к дальнейшему, проследить во всех подробностях, как рождалось, и металось, и пыталось бороться, и тускнело его le Moi haïsable[162], как называл это французский математик и философ Блез Этьенович Паскаль, занимавшийся размышлениями между учёными открытиями.

[162] Ненавистное Я – фр.

Это была долгая работа, но, как уже сказано, с одним чрезвычайно выигрышным условием: пишущий знал, что будет дальше, чем всё кончится, и мог перелистать жизнь свою и страны от начала до конца или, по своему хотению, с конца до начала. И это знание давало ему в руки изумительный инструмент прозрения. «Яйчики-бабайчики», подумал марсианин, «не есть ли это высший закон земного творчества?»

Мысли в строки пеленая,
обознача нить вершин,
чем всё кончится, я знаю,
ведь конец у всех один…

Глава 225. О МАЛЕНЬКОЙ НЕПРИЯТНОСТИ, СЛУЧИВШЕЙСЯ С ПИСАТЕЛЕМ КУЛЕМЗИНЫМ ВО ВРЕМЯ РАБОТЫ НАД НОВЫМ РОМАНОМ

лллллллоожжжлллд?дыэжылвд,
рддлджж,оолд\\\[й
ну, наконец-то волосинку убрал с клавиатуры…

Не нужна мирская слава
слову хуже типуна:
помогает мысли *клава* –
если чистая она!

Глава 226. РАБ ЛИТЕРАТУРЫ

Наш герой уселся за клавиатуру и через несколько фраз почувствовал, как тотчас дало о себе знать проклятье литературного языка. Глаголы рассказывали, прилагательные описывали, существительные со всей присущей им прямотой называли. Вторая трудность была в том, что при работе ему приходилось поневоле раздваиваться на повествователя и литературный персонаж, но ни тот ни другой, как он чувствовал, уже не были им как личностью. Он описывал воображаемого себя, следуя правилам игры, которая, как и всякая игра, помещала его в условное пространство – в мир, называемый *словесностью*.

Начав работать над «Русской кочергой», Кулемзин понял простую и обескураживающую истину: сама грамматика *безличного* повествования превратила его в «автора», чья объективность была всё тем же старым, банальным, давным-давно разоблачённым трюком. Персонаж, о котором он наивно думал, что это и есть он, был подобен фантому, который вышел из зеркала, чтобы, склонившись над его плечом, диктовать ему свои привычки, свои условия – якобы правду жизни. Какая там правда – это были правила литературы! Затем замысел постепенно зажил своей жизнью. Он шевелился в ворохе бумаг, как рыба, которая запуталась в прибрежных зарослях, но зато теперь он стал представляться уже не целью, а средством. Как никогда раньше, Володя почувствовал коварное очарование своего ремесла, которое притворяется чем угодно, но на самом же деле существует только ради самого себя. Чег'товски пг'иятно, как остроумно замечал некий Ленин, было чувствовать себя рабом литературы!

Как при сталинском режиме,
как при виде шомполов,
словно раб в древнейшем Риме,
я таскаю мысли слов!

Пришло и понимание самого́ парадокса литературы, который, по мнению Володи, заключался в том, что чем больше мы стараемся приблизиться к жизни, тем глубже вязнем в тенетах письма. В этом и состояло всё коварство повествовательного процесса. Значительно потом, по прошествии нескольких лет писа́ния своих замечательных хронотопов, Володя заметил, что иногда возвращается уже к знакомым местам, и потому связь лиц и происшествий была не очень-то и хронологической. Она как бы подчинялась другому закону, вроде того как товары в магазине разложены отнюдь не по датам их изготовления. Он даже немного погордился тем, что сделал некоторое открытие, обнаружив среди завалов памяти область, уже достаточно упорядоченную, но всё ещё неподвластную деспотизму времени. Вскоре, однако (само слово *вскоре* словно говорило о том, что время взяло реванш), хронологический принцип восторжествовал: начиная с детских лет, он постепенно обрёл непрерывность своей жизни и плёлся дальше в своих воспоминаниях, держась за канат времени.

Глава 227. СКАЗКИ О ЛЕНИНЕ

Но не только хронотопами думал занять внимание своих читателей Кулемзин. «Не всем нравится возвращаться к истории своей глупости», думал он, «поэтому многие предпочитают думать об этом в ироническом ключе» Тогда же он решил разбавлять роман весёлыми историями, а иногда даже и сказками. Вот и сегодня (но читатель помнит, что вчера) из-под его шкодливого пера вышли сразу четыре короткие сказки об Ильиче I. Итак…

1

Ленин очень не любил мещан и всячески с ними боролся. Идёт, бывало, по улице, видит на окне горшок с геранью, хвать – и как шмякнет его об стену! А землю не выкидывал. Крестьянам отдавал…

2

Однажды товарищ Ленин и товарищ Троцкий решали, как поздравить членов Политбюро с днём международной солидольности мудящихся 1 Мая.

– Надо подарить каждому члену Политбюро по золотому молоту, – предложил товарищ Троцкий.

– Архиблестящая идея, батенька! – с восторгом отозвался Ильич I. – А Надежде Константиновне мы подарим золотой серп!

– А товарищу Сталину мы подарим золотой ледоруб – пусть лазает по своим горам, – засмеялся товарищ Троцкий.

«Ах, как плохо не знать историю нашей партии», подумал товарищ Ленин и крепко сжал кепку…

3

Ленин был весёлым человеком, потому что первый подписанный им после революции документ назывался «Декрет о земле», благодаря которому крестьяне землю так никогда и не увидели. Но крестьяне тоже были весёлыми людьми, и Ленин тоже её до сих пор не видит…

4

Однажды у российского пролетариата помер Ильич. Схоронил Ильича пролетариат, поплакал, помянул. Возвращается домой, глядь – а тот живее всех живых!

Я пишу, но есть опаска
вспомнить тех, кто не грешил:
Ленин – это тоже сказка
обо всех, кто раньше жил!

Глава 228. ЭССЕ О НЕСВАРЕНИИ ДУШИ

Но, увлёкшись титаническим трудом своим, Кулемзин, конечно, не оставил и процесс ваяния стихов, к коим чувствовал особое душевное благорасположение. В стихах его слова́ всегда возникали как бы из тишины, но этой тишины не разрушая, а затем в эту тишину и уходили. Так до него писали Пастернак и Мандельштам – они лепили в стихах всё, что под руку попадётся, и это тоже было не очень правильно, потому что нельзя же ежесекундно напрягаться, как будто перед тобой не лист бумаги, а наковальня, ища смыслы в пустых разговорах и пустых взглядах вокруг. Хотя – бывают ли пустые взгляды у поэтов?

Настоящий поэт всегда неистовый болтун, алкоголик слова, пытающийся вложить смысл в какого-нибудь муравья, ползущего по своим неотложным делам. Причём, ему недостаточно сказать: вот ползёт муравей – так мог бы сказать Толстой, прямо и просто, но в этой простоте не было бы угадывания тайны существа вещей, и называл бы он этого муравья по *его* имени, не плодя ложных сущностей, не блуждая по миражным пространствам изобретённых «реальностей», а вот поэт, засранец, так уже не может, и не только потому, что таланта до хрена, а потому что он – мутант общечеловеческой культуры, которому и Алигьери Алигьериевич Данте не указ, и Франческо Пьетрович Петрарка ничто, а вот он – как раз гений, и именно его муравей – гениален.

Стиль писания ужасен,
коль поэту не до сна,
смысл поэзии неясен,
рифма ж вовсе неясна!

А если ещё учесть, что наш поэт знаток музыки, да тоже не простой классической – от Иоганна Иоганновича Баха до Альфреда Гариевича Шнитке, а всё с вывертами, добавляя в свою энциклопедически загаженную цивилизацией душу сотни

мелодий от *битлов* до каких-нибудь «Deep Forest», да тьму джазовых тем и импровизаций, да необъятный модернизм и постмодернизм, да тьму стилей от «матери блюза» старухи Ма Стюартовны Рэйни до фри-джазиста Арчи Роновича Шеппа, от корнетиста Кинга Натановича Оливера до рэггиста Терри Чарлзовича Риндалла, да тьму песен Высоцкого и его славной К°, автоматически западающей в память, да тысячи просмотренных за жизнь фильмов от братьев Васильевых до Квентина Тониевича Тарантино, – то есть сотни имён всяческого фигуративa и конфигуративa, концепций, инсталляций, объектов, перфоманса, поп-арта, панк- и постпанк-арта et cetera[163], да неисчислимые и непроходимые для нормального (то есть для непоэта) человека тексты – философские, культурологические, семиотические, да мысли и бредни практических и теоретических мистиков Востока и Запада…

[163] И так далее – лат.

А если подумать о том, что всякое услышанное и увиденное отражается в душе поэта, тогда, может быть, вы поймёте, что же творится в его безразмерной копилке души, больше похожей к годам на помойную яму жизни, и всё же именно оттуда и выходят на свет *дедушкин* то, чем гордятся все до одного на нашем шарике поэты – *свои стихи*!

Мечусь стрижом от слова к слову,
глядя на Слово свысока,
грызёт предвиденье былого,
как неудачника – тоска.
Когда-то был и я героем,
из боя выйдя без потерь.
И Слово, в общем-то, живое,
да только жив ли я теперь?
Как много лишнего в поэте,
ведь мнилось мне: универсал.
Но, может, Слово мне ответит,
зачем его я написал?

И тут же, рядом, всякая дешёвка старается пристроиться, занять свой квадратный метр твоей безразмерной души, какая-нибудь попса и кич, от которых ну никак не отмахнёшься – они сами лезут в тебя, как навязчивый вирус гриппа, заполняют тебя, шумят в тебе, но и тут своя *от кутюр* и свой ширпотреб, и тут куча своих социокультурных смысликов, да, кстати, и сама культура видимости, человекообложки, вытесняющая даже человекоактёра, то есть хотя бы какого-то *человека говорящего*; и вот всё это валовым продуктом входит в кишки, лишённые упорядоченного аппарата упорядочивания, сортировки, сепарации, лишённые многовековово-отточенного инструментария, единых, а не множественных критериев оценки!

То есть мы должны либо просто валить всё в кучу, на дно, либо *на ходу* отбирать и укладывать по штабелям, приводя в некий новый ценностный порядок, а тем временем, обгоняя наши усилия, всё тяжелее напор культурного хаоса (культурного хаоса! вдумайся в этот парадокс, читатель, – это как мёртвые души!), всё сильнее гул всмятку утрамбовываемой, трещащей по швам Психеи, и в этом компосте совсем исчезает ясная иерархия смыслов и ценностей, они просто стискивают друг друга, и начинается *несварение души*.

Какой уж тут серьёз! Со старой культурой мы разделались ещё Арчибальдом Уолтеровичем Джойсом и Игорем Стравинским, уже с тех пор не разберёшь, где кон-

чается высокая культура и начинается *низовая*, где кончается полиция и начинается Беня Крик, а потом идёт и вовсе форменное раздвоение личности, когда всё нажитое этическое подсказывает, что смысл захваливаемого фильма «Броненосец Потёмкин» на самом-то деле лжив и примитивен так, что хочется назвать его «Бронетёмкин Поносец», а эстетическое – напротив – что таких кадров и такого монтажа днём с огнём не сыщешь.

Глава 229. ЭССЕ О НЕСВАРЕНИИ ДУШИ (окончание)

Мы все больны несварением души, и не знаешь уже, нужно ли в просвещении быть с веком наравне, или на самом деле хре́на лысого мне в этом «веке», какая мне нужда быть с кем-то там наравне, когда я сам по себе, ведь не только он, но и никто никогда ничей не был современник, а всё прочее – литература. Вот вопрос, но кто ответит? Везделезущая церковь? Представляете, прихожу я в неё и говорю: «Помимо грехов, нуждающихся в покаянном плаче, в моей душевно-головной ёмкости – ещё сто тонн всякой-разной культуры и контркультуры. Что это – цветы добра или злонравия достойные плоды? Разбираться скопом или поимённо? Если это зло – может быть, это зло неизбежное, нечто вроде вашей же, церковной, *лжи во спасение*, и тогда я уж его как-нибудь контрабандой протащу с собой в царствие *дедушкино*, а вы закроете глаза, верно? а я молчком пристрою в уголке свою private property[164] – или всё-таки нельзя? Или всё же тут есть какие-то тонкие корреляции, между церковным и культурным, и они уловимы только на *личный* вкус и ощупь, и надо самому́ учиться, на то и свобода? А? Или ещё как-нибудь?» И что, вы думаете, отвечает церковь с её коллективным многовековым бессознательным? Да она либо вообще ничего не отвечает, либо только ножками качает, либо – «отсекай *самость* и читай только отцов», то есть приходится слушать старую песню о том, что ты не рассуждай, за тебя уже есть кому на небе подумать, а просто верь, и в этой-то бездумности, в глупости этой непреходящей ты нам мил будешь, нам бы поболе дураков нерассуждающих, а рассуждающих да сомневающихся в рай не пустим!

[164] ***Частная собственность – англ.***

Ключник Пётр доволен эхом,
что в небесный бьёт сарай:
не пускает в рай лишь тех он,
кто не верит в этот рай!

И всё это – как непререкаемо говорится! Ведь это только в добрые старые *докатастрофные* времена типичный, дюжинный батюшка был потомственный, *духовного сословия*, он в своём звании так же честно зарабатывал кусок хлеба, как честный человек купеческого или иного звания-сословия, выполнял все требы, какие были потребны, на что и был *рукоположен*, и этим по совести служил *дедушке*, а ежели желал чего-то большего – пожалуйте в Оптину Пу́стынь к отцу Амвросию, уж он вам устроит духовный Освенцим! Такой и не помышлял о том, что поставлен рассудить, спасался ли Пушкин своими стихами – или только молитвами митрополита Филарета о нём, как не так давно высказался в газете «Правда» (!) один церковный неофит из бывших поэтов (не хочу поганить роман его именем!).

Вот они-то, бывшие детские поэты, детские художники (вспомним Адольфа Алоизовича Шикльгрубера!), артисты (вспомним Екатерину Васильеву!), а также люди непрофильных, но творческих амбиций валят сейчас вало́м в священники, или со-

стоят при священниках *в ближнем круге* и выступают где могут. Эти не согласны быть дюжинными, у них так не получилось, в искусстве-то, вот была мука творчества! и тут им показали выход: отсечь это всё как *самость*, наступить на горло греху – и своему, и чужому! и это и есть на самом деле самое высшее творчество, художество всех художеств!

Как цепь выстраивая в звенья,
в угоду Сашке Пушкарю,
творит творец своё творенье
и думает: «Что я творю?!»

Притом же этот запрет на вольную мысль и творчество, выходящее за пределы церковного агитпропа, совершается и в са́мом деле творческим путём, только материалом уже не слово, краска или плёнка, а живые души паствы, из которых и лепишь что хочешь – и как же славно, округло-то как выходит! Как тут, говоря вслух: «Аз, недостойный иерей…», про себя не подумать: «Я, в достоинстве иерея…»? Тут-то и станови́ться непререкаемым – только от такой удачной творческой самореализации! И востребованным быть на все сто! А если получится, то лучше на все сто пятнадцать процентов…

Вот только если бы гнилая интеллигенция вроде Вл. Горького, или Васи Курочкина, или того же Кулемзина палки в колёса не втыкала, да ещё всякие сменившие окраску евреи… Вот им и забабахаем по чану «непогрешимостью соборного разума церкви», какового мы одни и есть *аутентичные репрезентаторы*, – чтобы одна дурная (читай: умная!) овца не портила всё стадо из быдла!

Глава 230. ЧЕМПИОНАТ ПО ПИВУ

Понедельник уже клонился к своей середине, а Володя был недоволен, потому что каждый день он старался знаменовать чем-то новым, что приходило в его шалую голову. Сейчас Альбионыч немного поднапрягся и неожиданно выдал сопокерникам:

– Яйчики-бабайчики, провести бы чемпионат Отцеябловска по пиву!

– Да это же неинтересно, – скривился педагог. – Сиди себе да пиво дуй!

– Это если организация плохая, – возразил хороший организатор.

– А если хорошая? – заинтересовался охранник.

– А если хорошая, то можно устроить настоящий праздник. Я, например, так и вижу праздничную афишу:

Торжественное открытие пива
и парад участников!
Разминка пивом!
Обливание холодным пивом
и закаливание воли!
Упражнения с воблой!
Сдувание друг на друга пивной пены!
Отстрел раков с их последующей варкой!
Вынос победителя на пьедестал почёта!

– И это только спортивная часть программы, – загорелся идеей Володя. – А ведь можно провести ещё и культурную – и не только для мужиков, хотя они, конечно, основные участники забега… то есть запива. Я бы в культурной части провёл такие мероприятия:

Дискуссия с трезвенниками
в клубе «Ты меня уважаешь?»
Женский день на чемпионате –
поголовная завивка волос пивом!
Детский день на чемпионате –
баловство пивком!
Дружеское побоище с гостями из Баварии!
Опознание участников по фотографиям!
Встреча с собой и сдача стеклопосуды!

– Йодистое пиво, какая хорошая идея, – загорелся и военный, толкнув плечом художника. Тот толкнул плечом Афанасьича, а тот, в свою очередь, педагога. Курманбаев уже было вознамерился толкнуть плечом писателя, но тот ловко увернулся, и Нуртай упал на травку, как свежескошенный сноп. Пока его поднимали и отряхивали, кулемзинская идея насчёт чемпионата по пиву как-то изжила себя…

Утренней покойной ранью
скажем хором дружно: «Эх,
проведём соревнованье:
кто напьётся раньше всех?»

– Ну, за «Тянь-Шань», вошедший в наше сердце! – поэтично произнёс тост Володя, заканчивая тему.

– И за «Жигулёвское», вышедшее через одно место! – добавил сторож.

Глава 231. СОБРАНИЕ КСК

Игроки вздрогнули, так как были увлечены игрой, и, конечно, не заметили, что к ним подкралась Ж. П. и гаркнула во всё своё бабское горло:

– Володя, Талгат, Нуртай, Сергей и неизвестный человек! А вы чего сидите, как будто вас это совершенно не касается? Опять пьянствуете?

– Обижаешь, Жанна Пантелеевна, – обиделся сторож, – мать честнáя, у нас не пьянка, а месячник высокой культуры выпивки!

Старшая по дому нависла над сопокерниками так близко, что те поневоле удостоились чести разглядеть её получше. Верхние зубы Ж. П. запачкались в губной помаде, отчего она напоминала насытившегося и по этой причине вполне добродушного вампира. Возможно, она выглядела бы ещё довольно молодо, если бы не была обладательницей лица цвета перестоявшего пива. Плохо выглядела Ж. П. ещё и потому, что считала себя самой умной не только в доме № 16, но и во всём втором микрорайоне, правда, больше никто из окружающих этого мнения почему-то не придерживался, что чрезвычайно расстраивало Жанну Пантелеевну, и из-за чего она стремительно теряла былую красоту. Добавляло негатива и портило нервы и то, что самоназначенка была убеждена в том факте, что Володя нигде не работает, но на что-то всё-таки безбедно существует, и остро сожалела, что прошли те времена, когда тунеядцев преследовали по закону, и что сейчас, в обществе победившей демократии, даже задавать такие вопросы стало просто неприличным.

Не возьмёшь с таких вот подать, –
кто не знает слова честь:
не хотят совсем работать
те, кто норовят поесть!

Боря обрадовался Володе как своему, тут же гавкнул гулким басом и, прежде чем хозяйка успела опомниться, со всего маху ткнул писателя в грудь своими мослами, оставив на его щёгольской рубашке два длинных смазанных отпечатка – наподобие тех, что видел мистер Холмс, когда выслеживал собаку Баскервилей в окрестностях Меррипит-хауса, на берегу мрачной Гримпенской трясины.

– В намордниках надо таких чертей водить! – увидев отпечатки, проворчал Талгат, но Ж. П. не преминула воспользоваться своим правом старшей по дому:

– Тебе самому намордник надо! Боря никого в жизни не тронет, он умный – в отличие от тебя!

– Ну ты кинолог-авангардист! – покачал головой Володя. Сам он знал о воспитании собак лишь то, что показали ему в старых советских фильмах типа «Ко мне, Мухтар!» Потом он незлобиво обозвал Борю безрогой скотиной и пошёл домой поменять спецодежду покериста.

– Володя, хочешь, я постираю? – донёсся до него голос незамужней старшей по дому, которая всё ещё не оставляла надежд охомутать приличного на вид, хотя и толстого жильца. Впрочем, злился на собаку Альбионыч недолго – он искренне сочувствовал Боре с чисто мужской точки зрения: ему никогда в жизни не приходилось справлять нужду, будучи привязанным за шею, но писатель подозревал, что это не самое приятное занятие в жизни.

В это время внимание осиротевших игроков переключилось на Танкиста, который, переварив уже несколько бутылочек пива, подаренных Кулемзиным за исполнение тюремных шлягеров, вновь подошёл к коллективу, чтобы порадовать его свежей песней. Рядом с ним неизменно находился партнёр по бродяжьему бизнесу – Одиссей.

– Два друга –
Москва и Калуга!

– поэтически прокомментировал появление известных бомжей Полтавцев.

– Очень выпить хочется, – скромно признался Танкист, будто говорил не о всепоглощающей страсти, поломавшей всю его непутёвую жизнь, а о мелкой привычке вроде ковыряния спичкой в зубах. Клошары остановились от покерного столика на расстоянии, позволяющем не осязать их *амбре*, и приступили к исполнению:

– Марья Петровна идёт за селёдочкой,
около рынка живёт.
А над Москвою серебряной лодочкой
новенький спутник плывёт.
Марье Петровне жалко целкового,
три ему дать али пять?
А над Москвою-то спутник, как шёлковый,
новенький мчится опять…

Получив заслуженный гонорар, они отправились на мусорку – время подходило к шести часам вечера, а к семи второй раз за день приезжала казённая машина Отцеябловского хозкомбината, сноровисто переворачивающая мусорные баки со всем их ценным содержимым. Надо было не только проверить, что хорошего навалили туда жители микрорайона, но и постараться опередить Глав-Буха с Галлюцинацией – своих врагов и соперников по старательному промыслу.

Было ясно, что доиграть партию всё равно не получится, так как пространство Бермудского Учпучмака стало постепенно заполняться жильцами близлежащих до-

мов. Кулемзин вспомнил, что ещё утром, выходя из подъезда, прочитал объявление о собрании КСК, кое намечалось на вечер. Он никогда не любил и избегал подобных многолюдных и шумных сборищ, в которых человек всегда терял собственное *я* и становился частью огромного организма, живущего по своим отдельным законам, по особым законам *управляемого*: все бегут – и ты беги, все смеются – и ты гогочи, все орут – и ты пошире разевай пасть. И вроде бы принципы демократии здесь соблюдались, ведь каждый мог высказаться о том, что наболело, но итог был всегда один: что придумал председатель КСК, то он в жизнь и воплотит – прямо как ЦК КПСС (б)!

Глава 232. СОБРАНИЕ КСК (продолжение)

Что же это был за КСК такой, и с чем его предстояло есть нашим героям? Здесь надо пояснить, что в СССР (б) такие организации назывались вполне по-советски – ЖЭК, то есть жилищно-эксплуатационная контора, и это было маленькое ведомство, которое ведало твоей жизнью по части места проживания. В ЖЭКи приходили только тогда, когда у тебя что-то случалось: или прорвало трубу, или образовалась наледь перед подъездом, или дворник плохо махал своей метёлкой – в общем, тогда, когда человеку индивидуальному что-то надо было от государства, которое обязано было обслуживать его бесплатно.

И не нужно много барства –
лишь обиду приглушить:
нам поможет государство
в собственной квартире жить!

С приходом в Саксаулию капитализма всё, конечно, изменилось: тотчас же все услуги стали платными, а старые ЖЭКи переименовали в гордое название КСК, то есть Кондоминиум Собственников Квартир. Первого слова в этой сложной аббревиатуре не понимал никто, хотя эрудит Кулемзин сразу же разглядел в нём два латинских хвостика: *con* (вместе) и *dominium* (владение), то есть совместное владение. Его большой друг Полтавцев был не таким грамотным, поэтому перевёл слово ещё быстрее: гондон-минимум. Причём, что характерно, легко объяснил своей подруге Зуле, что же оно означает.

Новое начальство в лице председателя КСК сразу смекнуло, что такой кондоминиум есть ни что иное, как золотая жила для человека умного. С тех пор саксаульцы, проживающие в домах №№ 16 и 17, стали платить значительно больше. Судя по квитанциям, которые предоставлял им ушлый председатель, из кранов жильцов круглосуточно тёк боржоми, мусор стал вывозиться исключительно на лексусах, домофоны в подъездах находились в круглогодичном роуминге, а снег зимой чистила не дворничиха Надя, а сам Верховный Коммунальный Начальник. Надеясь, что в этом положении что-то может измениться, жильцы и собрались сегодня на запланированный раунд переговоров с председателем. В основном это были пожилые люди, умственно задержавшиеся где-то в семидесятых годах не так давно отзвучавшего века.

Перестройка, перековка,
а карман опять пустой,
и по-прежнему жировка[165]
к нам приходит золотой!

[165] Документ, по которому производился расчёт и оплата за пользование коммунальными услугами – старосоветск. (б)

Солнце забралось на самую верхотуру неба и поливало оттуда зноем всё вокруг, словно как раз над этим местом образовалась озоновая дыра. Вяло текущая, как шизофрения, жизнь Бермудского Учпучмака вдруг стала наполняться смыслом. Вскоре жильцов собралось столько, что их хватило бы на демографическую таблицу небольшой кхмерской деревни. Бермудский Учпучмак кишел народом, как муравейник в период резкого и внепланового увеличения популяции. «Какой сложный социум», подумал Володя. «А народу-то набежало – гранате некуда упасть…»

В это время все жители, собравшие по приглашению КСК на пятачке, одновременно заговорили, причём, так громко, как если бы пришли на собрание Саксаульского общества глухих. Издалека это напоминало излишне беспокойное семейство маслят. Лица жильцов были искажены муками быта. На заре перестройки у этих милых старичков было два основных занятия: упиваться сериалами из жизни латиноамериканских кретинов, да ещё участвовать в *потешных* митингах отошедших в прошлое коммунистов (б), на которых можно было немного потрясать худыми и никому не опасными кулачками.

Мы ничуть не приукрасим:
быт пенсионеров сер –
поорать хотя б сейчас им,
коль не дали в СССР!

Сегодня многие, чтобы скоротать время, обсуждали последнюю новость: кто-то слышал по телевизору, что старые люди, если будут до конца жизни честными и не грешить, то после смерти попадут в СССР (б). В это время подошедшая к соседкам тётя Надя принесла ещё одно известие: на подъéздных дверях появились новые ксерокопированные листочки с очередным извещением от коммунальщиков. Пришлось обсудить и это:

Уважаемые жильцы!
Завтра с 8.00 до 20.00 у вас будет
прекрасная возможность
не мыть посуду. Не надо,
не благодарите!

Глава 233. СОБРАНИЕ КСК (окончание)

Между тем Володя, надев свежую рубашку цвета марсианского рассвета, вернулся к коллективу. Ж. П. к тому времени отстегнула Борю с поводка, чтобы ничто не отвлекало её от предстоящего события. Пёс немедленно устремился к писателю, но на этот раз повёл себя скромнее, остановившись рядом. Володя погладил замеревшего от счастья Борю и подумал о том, что животные просто честнее нас, людей. Они не умеют притворяться, не умеют выдумывать красивые слова, за которыми на самом деле ничего нет, и возводить умение играть этими словами в ранг наивысшей добродетели. «Всё у них, бессловесных», думал писатель, «в простом и чистом виде – и любовь, и голод, и ненависть, и верность. Верность, не признающая никаких доводов, не верящая даже в смерть, и не имеющая цены – просто потому, что нельзя оценить то, что никогда не продаётся…»

Говорят нам зодиаки,
что всегда полны идей:

все собаки, все собаки
всё же лучше нас, людей!

Все ждали председателя, понемногу обсуждая насущные проблемы.

– А я вот слышала, что свёкла подорожает, – таинственно провозгласила Анна Петровна. – Ты как, Володя, думаешь?

– Я думаю, – тут же ответил эксперт, – что слухи насчёт сплетен оказались просто трёпом.

– Вон оно как! – удивились соседки. – А что по поводу японского индекса Никкей?

– А вот с этим сложней, – объяснил Кулемзин. – Яйчики-бабайчики, растёт, подлец, на глазах! Я бы на вашем месте сегодня же сделал запасы редиски.

– А я, девушки, – вздохнула баба Лида, – «Любовь амазонки» смотрю. Вот это кино! Там такая любовь! Очень жизненный фильм!

Баба Лида особенно ждала сегодняшнюю серию – в ней подонок Родригес наконец-то должен был узнать, что главная героиня с эротическим для русского уха именем Кончита от него беременна. «Девушки» тихо вздохнули и завели бесконечный разговор о своих любимых сериалах. И только предусмотрительная Анна Петровна было немедленно бросилась на ближайший базарчик в поисках дешёвой редиски, но в этот момент появился председатель КСК. Собрание загудело, как разбуженный улей. Серёжа оглядел гудящую толпу жаждущих разъяснений у председателя и важно прокомментировал:

– Мать честнáя, консилий!

С появлением председателя КСК в толпе начался новый этап митинговщины. С застойных времён Володя не мог терпеть этих бессмысленных *толковищ*. Вот и теперь, только завидев собирающуюся массу саксаульцев, он сразу же вспомнил самый первый стих псалтири: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей»[166]

[166] Псалтирь, 1 псалом Давида, стих 1 – прим. богословск. редактора

По всему, народное возмущение приобретало массовидный характер, причём, причины возмущения никто не знал, но возмущаться, собравшись толпой, было както принято. Каждый говорил о наболевшем, не слушая и перебивая других. Одни говорили, что мы живём плохо, другие доказывали, что живём мы хуже, чем думаем, а третьи с пеной у рта уверяли, что сегодня ещё неплохо, но вот что будет завтра, когда на самом деле дела идут всё хуже и хуже. Жильцы собравшихся домов, преимущественно женского пола, стояли друг напротив друга в картинных позах – уперев кулаки в бока, как артисты в знаменитой опере «Сорочинская ярмарка», изредка брызжа слюной во все стороны.

Не соврём и прямо скажем –
это завещал Басё:
как живём, не знает даже
дедушка, что знает всё!

Председатель поначалу держал оборону как мог, то есть попросту отмалчивался. Наконец всё разъяснилось: вороватый председатель КСК, у которого уже второй год протухала недостроенной дача, объявил, что под рубрикой «Разное» сегодня стоит только один вопрос: сдача денег на ремонт кровли двух домов – № 16 и № 17. Он заранее знал, что вместо квалифицированных десяти строителей наберёт для вы-

полнения этой плёвой работы бригаду из пары-тройки безработных таджиков-мигрантов, и заплатит им раз в десять меньше, чем отразит это в накладных и ведомостях. Услышав повестку дня, толпа сразу же поредела на две трети – в сдаче кровных назарбаксов перестали быть заинтересованы жители первых двух этажей. Те же, кто жил на третьем этаже, начали орать за себя и за уже отсутствующих – о том, что они вовсе не намерены отдуваться за весь дом. На этом повестка оказалась исчерпанной.

Собрание КСК давно уже закончилось, но народ, воспитанный *коллективной* советской (б) системой, по старой традиции не расходился. Страсти постепенно поутихли, и теперь вместо озлобленных криков слышались какие-то глупые шутки и даже смешки, а из того угла Бермудского Учпучмака, где и проходило крикливое сборище, слышался только ровный банный гул.

Как же мы неприхотливы
в нашем жизненном дыму:
всё решаем коллективом,
что потребно одному!

Кулемзину пришло в голову, что это было страшно похоже на русские поминки в той стадии, когда по обычаю под воздействием обильных возлияний повод встречи вспоминался всё реже, вытесняемый из громких разговоров темами насущными и перспективными.

И в этом не было какого-то неуважения к покойному или к его родным и близким – просто так уж устроен русский человек. Да и не русский тоже – саксаульцы за долгие годы близкого географического родства с русскими охотно переняли у последних все глупые привычки и пристрастия, включая винопитие, водкопотребление и беломорокурение. Почему-то никто не расходился, все чего-то ждали, по провинциальной привычке стремясь отсмотреть события до самого конца, из боязни упустить что-то крайне существенное и важное. После собрания старушки также не стали расходиться, а, напротив, сплотились.

– Ну что, девчата, споём, – предложила баба Лида. Предложение тут же нашло отклик – соседки расправили казавшиеся вялыми плечи и разом пропели сразу несколько песен советской (б) поры. Володя вынул из карманчика небольшой блокнотик и тут же записал:

И вот она – песня заветная:
про то, как в дороге ямщик
замёрз, электричка последняя
сбежала и лютик поник…

После приступа народного творчества соседки переместились на любимую скамеечку и принялись за привычное дело – неутомимо перемывать косточки и другие части тел всем без исключения проходящим мимо них. Например, жёлчная тетя Шура из дома № 16 поглядела на толстого Володю, направляющегося к привычному месту, и с неожиданной злостью сообщила товаркам:

– Сталина на них нету! Он бы живо отправил всех этих толстых куды надоть!

Глава 234. ЯВЛЕНИЕ ИРЫ

И вот уже сели наши сопокерники за любимый столик, и вот уже Кулемзин достал заветную покерную *раскладку* и карты, и вот уже возле ног его примостилась любимая кошечка Несси, но тут прапорщик открыл рот и с выражением радостного

изумления уставился куда-то ему за спину. Володя повернул голову и увидел, что именно послужило причиной такого душевного волнения. Оказалось, что не что, а именно кто, так как появившаяся возле подъезда фигура была живой и, мало того, женской. Это была володина соседка Ира с третьего этажа, работающая проводницей на Саксаульской железной дороге. Вот и сегодня она благополучно вернулась из рейса, и сейчас здоровалась с соседками-пенсионерками. «Какой цыплёнок!», подумал прапорщик. «Где цыплёнок?», встрепенулась Несси. И, действительно, Ира была девушкой впечатляющей, напоминая метательниц диска, которыми когда-то славился Советский Союз (б).

Здесь надо пояснить, что военный музыкант, искренне полагавший себя неотразимым мачо, не раз – в отсутствие супруги – осторожно подкатывался к Ире на предмет лёгкого и тяжёлого флирта с возможными приятными последствиями, применяя отточенные за годы службы навыки *бабсклея.* Но у проводницы давно был сердечный друг – в том же поезде, и тоже проводник, так что свиданий у неё хватало – под весёлый и ритмичный перестук колёсных пар о рельсы, которые в своей непреклонной металличности пожирали многие тысячи километров пути.

С пóтом, как в погоне кони,
растрясаем лишний жир:
мы с милком в одном вагоне,
чтоб не видел бригадир!

С первого взгляда было видно, что разного женского богатства у железнодорожницы было хоть отбавляй. Впервые увидевший её Володя ещё несколькими годами раньше удивился, как это не трескается на её крýпе ткань *джерси* и почему не отлетают пуговицы на блузке, с трудом сдерживающие вымя с четвёртого на пятый размер. Яркое цветное платье из ситца так тесно облегало её могучее тело, что напоминало плотно набитую сосисочную кожуру, готовую вот-вот лопнуть в кастрюльке с кипятком. Правда, контраст с рвущимися на сексуальную свободу частями тела представляло лицо соседки – строгое и холодное. Писатель, помнится, даже немного оробел под таким взглядом, чему впоследствии сам же и удивился.

Я опять пою соловьём:
ночь пришла, темнотой маня –
белый танец под юбкой её,
рок-н-ролл в штанах у меня!

Шагов с десяти от Иры нельзя было оторвать глаз, а вот с трёх уже можно: рот оказался слишком широким, глаза слишком голубыми, косметика чересчур яркой, тонкие дуги бровей тоже вышли довольно нелепыми по кривизне и размаху, а ресницы и вовсе были покрыты таким густым слоем туши, что напоминали миниатюрную чугунную ограду. Тушью проводница пользовалась исключительно фирмы «Л’Ореаль», потому что именно эта фирма была особенно убедительна, когда в своей рекламе утверждала, что все прекрасные женщины, и в том числе фигуристая Ира была её достойна! Лицо володиной соседки было мягким и полным, в котором каждая черта, казалась, куда-то закруглялась, словно она оплывала. Ей пошла бы бледность, но бледных в Саксаулии в силу некоторых климатических условий было крайне мало. На губах железнодорожной дивы наблюдалась такая обжигающе красная помада, цвет которой можно было встретить разве что на огнетушителях да пожарных машинах. Неплохо смотрелись и большие хлебобулочные щёки, похожие на ма-

ленькие подушки-*думки*. Под глазами, на щеках и лбу, словно минное поле на штабной карте, рассыпались веснушки.

Поэтому не удивительно, что при столь заманчивой фактуре знойной проводницы бравый прапорщик сразу оценил и её незаурядные внешние данные, и тот лёгкий налёт шлюшничества, который ещё не позволяет зачислить женщину в это весёлое племя, но вполне достаточен, чтобы в душе мужчины что-то томно заныло.

– Разум увечен похотью, – продиагностировал Володя. – Мечта поэта Мастурбаки!

– Что ты сказал? – не слыша товарища, пробормотал трубач, кося глаза так, что они просто-таки попирали основные физические законы оптики и рефракции.

– Да ты прямо нимфоман какой-то! – проследив за взглядом Талгата, без всякого осуждения сказал Альбионыч, ведь он и сам, в свободное от игры время дни напролёт пялился из окна на проходивших мимо нимф. А вот у Серёжи Полтавцева тугие ляжки мадемуазель Ирины вызвали в голове совершенно другие ассоциации: «Мать честнáя! Вот бы такие ножки – да моей тумбочке! Век бы стояла…» Затем он перевёл свой взор повыше и подумал уже по-итальянски: «А буфера-то!»

Молвил, глядя я на Иру
с соблазнительных сторон:
«Знайте, братцы, правит миром
пиво и тестостерон!»

– Хорошие лёгкие, – заметил Салихдзяныч, жадно поглядев на бюст Ирины. – Ей бы в церковном хоре петь, первым басом.

– Нет, старик, в церковный хор её не возьмут. Тут до искушения недалеко!

По виду прапорщика было видно, что искушение к нему уже пришло, а, может быть, даже и явилось.

– Тебе какой стан больше нравится? – спросил Володя, проследив за взглядом прапорщика. – Нотный или прокатный?

Салихдзяныч молча облизнулся.

– Либидозное томление? – поинтересовался писатель и тут же произнёс экспромт на заданную тему:

– Ввязаться в связь – бесстыдство и порок:
внебрачный секс нам с детства был противен.
Не лучше ли вступить нам в диалог?
Он может оказаться конструктивен!

Впрочем, он вполне понимал Батыршина, вынужденного жить сразу по нескольким жизненным уставам. Хотя все мы устроены по дедушке Зигмунду Якобовичу Фрейду, то есть сплошное либидо вперемешку с суперэго, жжение в заветном месте плюс внутренний *мент*: туда не сметь, этого не хотеть, шаг влево, шаг вправо будет расцениваться и т.п. Как и всё в этой стране, это были молот и наковальня, или, если хотите, два жернова жизни. Хотя секс, думалось на эту тему Кулемзину, это самая завышенная величина на шкале человеческих ценностей. Один голый человек лежит на другом человеке, оба пыхтят, потеют, стонут и причиняют друг другу массу неудобств: трение, жар, немного смазки. Есть в этом что-то от грубой механики: поршень гуляет в цилиндре – туда-сюда, туда-сюда, чух-чух, чух-чух, наш паровоз, вперёд лети, в роддоме остановка… короче, эксперименты по части избывания неизбывной тоски! А ведь есть же, есть и другие источники наслаждения – от доброй про-

бежки свежим прохладным утром до ледяной рюмочки под молочную свиняку, не говоря уже о наслаждении игрой, риском, преодолением и трудной победой.

По ночам проводим рейды,
волю давши рычагам:
любим девушек по Фрейду,
а они нас – по деньга́м!

Даже на расстоянии было слышно, как шёлк платья, обтягивающий могучие телеса проводницы, хрустел и трещал, как флаг над Белым домом[167].

[167] Так и не удалось выяснить, какой именно Белый дом имел в виду автор. А жаль! – прим. полит. редактора

Володя проследил за преисполненным порока взглядом неистового прапорщика и тихо прошептал ему на ухо:

– Талгат, это не твоего ума тело!

Писатель ещё раз с интересом взглянул на бюст железнодорожницы и неожиданно вспомнил строки Некрасова из поэмы «Мороз, Красный нос»:

Идёт эта баба к обедне
пред всею семьёй впереди:
сидит, как на стуле, двухлетний
ребёнок у ней на груди…

– Эх, сейчас бы в город-герой Париж, – неожиданно скакнула в сторону кулемзинская мысль, – да немного морально поразлагаться!

Наконец проводницу заметил и Муравлёв, до этого сидевший к мизансцене спиной. Он так же, как и трубач, открыл рот, мысленно сравнил пришелицу со своей Наташей и пересохшими губами спросил Кулемзина, заинтересованно анализировавшего происходящее:

– А как бы с ней познакомиться?

– Да просто, – ответил Володя, – подойди и скажи: так, мол, и так, я художник Муравлёв-Водкин, не был, не привлекался, средних лет, а ты кто? И, пока она не очухалась, прочти ей какой-нибудь стих – женщины, хоть в поэзии и не шарят, но её, красивую, любят.

– Так я же ни одного не знаю, – признался Валера.

– Тогда записывай:

«Не ведаю, чего бы ты хотела,
но я всё время думаю о том,
как наших два красивых сильных тела
соединить одним тугим болтом!»

– А про болт – что, вот так сразу?

– Яйчики-бабайчики, а чего стесняться? Пусть знает, что ты не только в натюрмортах, но и в механике силён!

На побывку едет молодой маньяк!
Разбегайтесь, девки – у него столбняк!

В это время веснушчатая проводница как раз закончила обсуждать со старушками все накопившиеся за неделю её отсутствия новости, и обернулась, словно почувствовала на себе чей-то взгляд. Талгат всё ещё старательно пялил на неё глаза, что, конечно же, не могло не тронуть её отзывчивую женскую душу, нежней которой, как утверждал в своих сомнительных произведениях старый схоласт Зигмунд Якобович Фрейд, могут быть только женские руки.

– Да пошёл ты! – досадливо пробормотала она и скрылась в подъезде, нервно поправляя вылезшую бретельку, дававшую столько пищи для порочных фантазий прапорщика, оставив лишь едва уловимый лёгкий аромат надежды. Печальным взором, нацеленным ниже ватерлинии, проводил её бравый трубач. Кроме прочих чувств, была в военном взгляде и надежда, но напрасная, ибо только автор этого романа точно знал, что до конца первого тома ни Батыршин, ни Муравлёв, ни даже читатели Иру так больше и не увидят. И потому не отказывает себе в удовольствии немного поморализировать – но своим устоявшимся, то есть поэтическим путём:

Один мечтает быть пилотом,
другой художником – хоть плачь! –
а третий круглым идиотом
за каждой юбкой мчится вскачь…

Глава 235. КОСМОС И МЫ

– Володя, расскажи нам что-нибудь про космос, – неожиданно попросил охранник.

– Про космос? Пожалуйста. Ты слышал, что созвездие Большая Медведица скоро переименуют в Большой Медведь?

– Зачем это ещё?

– Да просто раньше телескопы были не такие мощные, не всё можно было разглядеть!

Все засмеялись, а Афанасьич задумался. Прошло несколько минут, пока он не вымолвил:

– Не понимаю, в чём здесь прикол!

– Да в том, что сейчас вместо телескопа – телевизор.

– А-а-а-а! Мать честнáя, так бы сразу и сказал!

Все опять засмеялись.

– Володя, вот ты марсианин, – утвердительно продолжил разговор охранник. Кулемзин утвердительно качнул невидимым землянам *чркалом*.

– Ты, наверное, знаешь, что такое космос, – продолжал опрос неугомонный тянулец к знаниям.

– Конечно, – не стал разочаровывать его писатель. – Космос, Серёжа, это удивительно скучное место, на 99 процентов состоящее из пустоты.

– Царица лесная, как же так? – удивился Полтавцев. – А телá?

– Вот представь себе большую, тёмную, пыльную комнату без окон и дверей, – предложил лектор. – И где-то там высоко, под потолком, которого не видно, горят несколько тусклых лампочек от карманных фонариков, а батарейки уже почти сели, и тусклые огоньки вот-вот погаснут…

Полтавцев слушал марсианина чуть дыша, открыв рот, как голодающий на известном плакате Моора.

– А в этой же комнатке, – продолжал Володя, – какой-то гад бросил на пол парочку скудных пригоршней позапрошлогоднего риса, щепоть гречки да несколько

сморщенных фасолин. А если на фасолину ещё и случайно наступить, то она рассыплется на сотни крошечных осколков, которые разлетятся в разные стороны.

– И это космос? – горько вопросил охранник, потрясённый бытовой картиной мироздания.

Володя кивнул головой.

– Правда, единственное, что в какой-то мере может вселять оптимизм, так это мысль о том, что комната всё время увеличивается в размерах. Так что если ты домовладелец, то можешь постоянно увеличивать плату, взимаемую за жильё. А что, если сам снимаешь эту комнату? Вот то-то и оно!

Все потрясённо молчали, представив нехитрую картину мироустройства.

– Бóльшая же часть материи рассеяна по космосу в виде пыли, – усугублял писатель. – Вспомни, Талгат, об этом, когда в очередной раз соберёшься устроить Аиде разнос за пыль под диваном. Порой же эта пыль (не та, что под диваном, а та, что в космосе!) собирается в ком, чтобы потом, через миллионы лет превратиться в звезду или, на худой конец, в планету. И что странно, в остальном мире пыли от этого меньше не становится…

– Ёперный веник, эт’ точно! – крякнул прапорщик.

– И это при том, что в космосе постоянно работают такие широко разрекламированные пылесосы, как *чёрные дыры*, – посетовал писатель. – И вот глядя на это безобразие, начинаешь понимать, почему же до сих пор не появился тот, кто всё это создал. Яйчики-бабайчики, впрочем, кто бы из нас на месте *дедушки* не побоялся получить такие рекламации с требованием возмещения морального ущерба?!

Сколько ж в небе плавает предметов –
это ж просто чья-то та-та мать!
Нахреначил *дедушка* объектов –
нам их до сих пор не разобрать!

– А эта? – спросил Серёжа. – Тунгусская балда?

– Астероид, – объяснил Володя. – Это, пожалуй, самая большая нелепица из всего, что есть в космосе. Кому, спрашивается, и зачем нужны эти бесформенные каменные обломки, летящие из никуда в ещё более неопределенное никуда? Случается, конечно, порой, что астероид состоит из редких металлов, но кто его будет разрабатывать? И как найти такую, как правильно выразился мой юный друг, балду? А если где-то и найдётся зубастая компания по добыче полезных ископаемых, то за пару лет от космического путешественника останется всё та же космическая пыль, которой и без того на наших просторах навалом.

– Мать честнáя, так они ещё на землю норовят падать, – возмутился охранник.

– И такое бывает, – признался Кулемзин. – Причём, с самых давних времён.

– И, значит, что?

– И, значит, пора идти за пивом!

Так окончился этот высокоучёный разговор, как, впрочем, заканчивался и любой, когда речь заходила о столь благородном напитке. А Серёжа в это время помчался в магазинчик Калимы, как лошадь имени Пржевальского.

Глава 236. И ВНОВЬ ПОКЕР

Да что же это за бесконечные истории, которые автор просто-таки заставляет рассказывать нашего главного героя! Ведь за этими байками, хотя и весьма интересными, неизбежно можно упустить что-то главное, о чём читателю хотелось бы прочесть в романе. А чего, кстати, хотелось бы читателю? Да кто его знает –читатель-то

разный: один сказки любит, а другому триллер подавай, один на детективах воспитан, а другой без Олдоса Леонардовича Хаксли уснуть не может. Да-да, разные, а бедный автор один, и сидит он отдувается, чтобы угодить всем без исключения. А ну как кому-то не понравится его стиль, или слог, или вот эти короткие стишки про кишки, – тогда что? А ничего. Не нравится – бросай эту и бери другую книжку! Но – прочь лирику, пора вновь ступить потной лапой повествования на изумрудную травку Бермудского Учпучмака, да окунуть мордами своих героев в безбрежное море покера, красиво названное *русской кочергой*.

Ну вот, пока автор занимался анализом и самокопанием, игра, оказывается, уже началась, и прошло целых семь робберов, и уже Полтавцев завёл свою ежедневную песню.

– Мать честна́я, вроде и карты у всех одинаковые, – рассуждал сторож. – А вот почему у тебя всегда игра получается, а у меня нет?

– Да не переживай, старик, – успокоил его Володя. – У хирургов тоже так: у одного палаты полупустые, а другой только на морг работает.

Сравнение с хирургом Полтавцеву неожиданно понравилось, он приосанился и, взяв со столика ручку, начал вертеть её в руке как ланцет.

– Так что всё дело в профессионализме, – продолжил писатель. – Это аксиома. Но не надо забывать и того, что все слова относительно так называемого везения распространяются на каждый отдельный случай, а не на всю статистику. Отдельно взятый Случай может быть провальным, но статистика всё ставит на место…

Ситуация пусть гаже,
чем в мазуте утонуть, –
нам статистика укажет
верный к выигрышу путь!

Подобные разговоры ни о чём были на руку только одному игроку – они отвлекали внимание от иблисовских проделок Курманбаева. Вот и сейчас Нуртай, пытаясь разглядеть карты, пришедшие к Талгату, напоминал карлика, сидящего в кинозале за спинами рослых зрителей: и влево наклонялся, и вправо, и привставал, пытаясь увидеть, над чем это смеются остальные.

– Ну что же ты, парень? – укоризненно произнёс Кулемзин.

Педагог с готовностью потупился. Правда, вслед за этим пришло время смутиться и Серёже: он, заговорившись, совершенно потерял нить игры и сделал настолько нелепый ход, что мог бы занять первое место в Саксаульском конкурсе нелепых ходов. После того, как по его родословной прошлись все по очереди сопокерники, он с тоской вспомнил своё босоногое детство, когда бабушка Федора из деревни Семижопино ругала его за потоптанную картофельную ботву, потрясая зажатыми в руке вожжами.

– Ты того… больше так не делай, – в конце коллективных нравоучений добавил свою лепту и художник, которому надоело сидеть без дела.

– Да ты мне, извиняюсь за афоризм, – вскипел охранник, – всю плешь проел!

– Серёжа, не расстраивайся, – попытался успокоить соседа Нуртай. – Мать моя партия, ведь наша игра – это серьёзная и кропотливая работа. Да, к сожалению, она пока не принесла ощутимых результатов, но это вре́менная уступка обстоятельствам. Вот что писал по этому поводу Владимир Ильич ещё в 1907 году…

Прапорщик долго крепился, но при упоминании имени вождя мирового пролетариата не выдержал и помчался к кустам.

Я киплю в аду, как в супе,
восклицая, как в бреду:
«Имя Ленина мне – жупел[168],
сам Ильич – как чёрт в аду!»

[168] Жупел – в церковнославянском языке горящая сера. Первое упоминание этого страшного слова в библейской книге Бытие, 19:24 – прим. богосл. редактора

– Володя, не будешь ли ты так любезен известить меня, сколько очков осталось мне до пятисот? – дождавшись возвращения страдальца, поинтересовался педагог.

– Яйчики-бабайчики, Нуртай, – укоризненно заметил писатель, – ты так нашего друга Батыршина совсем с ума сведёшь. Хотя дальше уже некуда… Ладно, любезно извещаю: 90.

– Ну, тогда пять! – решился на подвиг Нуртай.

– Кстати, не о тебе ли столь остроумно выразился некий Иов из одной забавной книжки без картинок: «И сказал: «доселе дойдёшь и не перейдёшь, и здесь предел надменным волнам твоим»[169]?

[169] Книга Иова, 38:11 – прим. богосл. редактора

– Посмотрим, – буркнул педагог и сделал первый ход.

На удивление, повезло именно Курманбаеву, и Володя потерял одну взятку. Правда, эта невеликая потеря в 25 очков Альбионыча не расстроила и не смутила: удар пришёлся, как говорят на российских зонах, *вскользяк*. «Малость шкурку попортило», подумал писатель. «Теперь у *дедушки* по уценёнке пойдёт…» И это было неплохо – в смысле, что наш герой не расстроился. А плохо было то, что в его сознании начала доминировать лишь одна идея – отомстить. Честно говоря, идея была агрессивная, как чёрный бык испанской породы Bos Taurus Ibericus, выращенный специально для участия в корриде. Кулемзин видел, что идея ещё была и глупая, а также обречённая на провал, но не мог сказать об этом вслух, так как самым суровым наказанием по правилам великой игры было именно наказание за подсказку, которое равнялось фантастической сумме в 100 очков. В отличие от противников, знал он и то, что в игре обязательно наступает такой момент, когда методические удары Суки-судьбы начинаешь воспринимать как один затяжной удар, и надо просто сжать зубы и перетерпеть, пока эта пытка просто не прекратится.

Пули свищут, рикошетя,
нарушая строя речь!
Как терпеть мытарства эти?
Как мне тыкву уберечь?

Глава 237. И ВНОВЬ ПОКЕР (окончание)

– Пять! – между тем хвастливо заявил охранник, недостаточно внимательно рассмотрев пришедший роббер на десяти картах.

– А ты уверен? – растянул губы в аспидной улыбке педагог.

– Уверен, ибо убеждён, – достойно ответил Полтавцев, затем подумал секунду и добавил:

– И это питает мою убедительную позицию!

У Курманбаева открылся рот и не закрывался до конца роббера.

– Молодец, – похвалил Володя. – Это называется интервал свободы воли.

– Йодистая дама, как это? – прищурился прапорщик.

– Ну, это примерно как в суде со свидетелем, – углубил объяснения Кулемзин. – В голову к этому чёрту не залезешь, и сиди гадай[170]: может он что-то вспомнить, а что-то не вспомнить, может сказать, может промолчать. Короче, интервал свободы воли…

[170] «Сиди гадай» мой высокограмотный компьютер подчеркнул зелёной чёрточкой и при этом возмущённо заявил: «Два глагола в личной форме подряд без знаков препинания. Может, того-этого, сделать чего?!» – прим. автора

– Мать честнáя, понял! – радостно завопил Полтавцев. – Они же там в суде так и говорят: мол, интервал свободы воли не видать!

Кулемзин никогда не ругал пришедшие карты, у него не было даже такого понятия, как *плохая карта*, ведь в крайнем случае можно было сыграть свой пас и получить законные пять очков. Он не замечал плохих карт, как не замечают, к примеру, что у лучшего форварда твоей любимой команды кривые ноги, ведь болельщику это до лампочки, он следит лишь за финтами и ударами нападающего. Вот и сейчас следующая взятка тоже неожиданно пролетела мимо писателя, случайно попав в плохо пахнущие руки музыкального военного. Надо заметить, что Альбионыч, будучи альтруистом, частенько раздавал лишние взятки, но осторожно – как настоящий стратег: чтобы ни один из игроков не был обделён. Это было как в деревне с синичками: прикармливать, приучать с ладони клевать, а потом раз – и в клетку!

– Вот так всегда, – посетовал Володя. – Если с неба падает кирпич, то обязательно на мою голову, а если плывёт бутерброд с чёрной икрой, то можно не сомневаться, что мимо моего рта. Как говорят вечно голодные индийцы – *карма*!

Не хватило, может, шарма
дочитать судьбы роман –
обнищала что-то карма,
и дырявым стал карман!

Нуртай после очередного хода запыхтел, стал покачивать головой и демонстративно чесать в затылке, видимо, показывая, что не всё сложилось хорошо, и пора ждать неприятностей. Но гуру мало обращал внимания на эти ужимки, так как за последние годы как-то подрастерял доверие к педагогу, которого, надо признаться, у него не было и с самого начала.

– Если сравнивать тебя с картами, Нуртай, я бы назвал *однёрку*. Без масти…

– А какую бы карту ты назвал для себя? – заносчиво обиделся Курманбаев.

– Дракон, – ответил Кулемзин. – Просто дракон.

– Мать моя партия, но ведь такой карты нет в колоде! – завопил обиженный.

– Именно поэтому! Ведь таких, как я, на Земле тоже нет.

Услышав такие чудовищные обвинения в свой адрес, педагог тут же закаменел лицом, как перед фотографом.

– Как же так? – чуть не плача, риторически поинтересовался он.

– Не кидайте да не кидаемы будете, – поучительно произнёс Володя.

– Что-то слова знакомые, – озаботился Полтавцев и стал листать заветную книжечку «Для му.мы.». – Из библии?

— Молодец, угадал, – похвалил его писатель. – Из евангелия от Владимира.

Не переживай, старик, – успокоил он педагога. – У нас как в преферансе: не уверен – не делай ставку!

– Лучше бы ты, Серёжа, этого противного Кулемзина посадил, а не меня, – снова заканючил Нуртай.

– Чего это я Володю сажать буду? – буркнул охранник. – Он мне и так всё время помогает. И вообще, Нуртай, запомни: кто к нам с миром пришёл, тот от него и получит…

– «Только, мотри, Микита, бог он таё…», – погрозил пальцем Альбионыч.

– Чего это он? – поворотился за поддержкой к военному Полтавцев.

– Да это я так, классику вспомнил. У Толстого так один шибко положительный герой, некий дед Аким, своего сына Никиту наставлял. Только плохо он кончил, тот Никита, не послушал мудрого старичка…

– Ну, не знаю, – возразил охранник. – Я до сих пор нормально кончал. Народ не жаловался…

Педагог конфузливо прыснул в кулачок и зарделся.

– Пять! – сильно поднапрягшись, выдавил из себя заказ военный.

– Талгат, – тут же обратился к нему Володя. – Ты просто забыл старую, но верную истину.

Серёжа тут же насторожился и вытащил на свет *дедушкин* знаменитую записную книжечку «Для му.мы.» Володя дождался, пока он приготовит чистую страничку, и продиктовал: «Иллюзиями питаться приятно, но очень вредно!» Мысль была простой, но сторож, пока слюнявил во рту химический карандаш, успел кое-что позабыть, и в результате на страничке появилась вот такая запись: «Не знаю, что такое люлюзи, но есть их вредно!» Перечитав ещё раз, он понял, что именно эта мудрость полностью изменит его жизнь.

Не запьёшь такое чаем,
не заешь кулём икры:
мы в конце игры кончаем
от сознанья, что мудры!

Кулемзин решил усилить впечатление от афоризма ещё одним – только что придуманным:

– Помни, дружище, что очень трудно искать негра в тёмной комнате…

– …если он – кошка? – с надеждой спросил охранник.

– Нет, особенно если он беззубый!

Неожиданно игра вновь прервалась. Мимо игроков с каким-то особенным свистом прошмыгнула стайка разбитных баб – в серьгах, перстнях, цветастых платках и бесчисленных юбках. Видимо, это были те же цыгане, что совсем недавно повстречались педагогу. «Чья-то группа поддержки», подумал Володя. Авангардом шли цыганята с протянутыми вперёд ладошками-лодочками – для настырного истребования наличных. Нуртай заволновался, схватил пустую бутылочку из-под «Тянь-Шаня» и решительно протянул её цыганёнку.

– Сам сдавай, русская свинья! – тут же получил он в ответ. Нуртай заволновался ещё больше: мало того, что его назвали свиньёй, так ещё и русской…

Хорошо цыганкой быть –
цыганят вовсю плодить!
А цыганом вовсе лучше –
и на море, и на суше!
Но всех лучше цыганятам –
замусоленным ребятам!

Глава 238. ОБ АДАМЕ, ЕВЕ И СТРОГОМ *ДЕДУШКЕ*

Чтобы отвлечь педагога от печали, писатель решил разбавить жаркий денёк некой незатейливой историей, и для этого выбрал ту, что сейчас отображена в заголовке тремя строчками выше.

– Я считаю, – начал он, – что библейская история об Адаме и Еве – это первый документально зафиксированный документ о нарушении прав человека. Вот судите сами: сначала *дедушка* позволил своим чадам всё: и покой, и негу, и еду на свежем воздухе, – короче, всякую радость без опасностей и забот. Он только не позволил им *самим* пытаться отличить добро от зла и *самим* решать, что хорошо и что плохо.

– И что получилось? – неожиданно заинтересовался Валера.

– А получился полный тухес[171], как выражаются умные евреи. Они, эти первые на Земле персонажи, наконец-то задумались. «Я, Адам, уж, конечно, знаю на свой манер, что такое плохо. А вдруг эта женщина на свой манер подумает обо мне плохо – я же перед ней голый!» И Ева, дура, туда же: «Вдруг в чём-нибудь я не такая, и, кстати, тоже голая! Правда, неизвестно, хорошо это или плохо, но, с другой стороны, *дедушка* вроде бы не хвалит!» Стыдно Адаму перед Евой, стыдно Еве перед Адамом. А что это означает? Им бы *дедушку* бояться, как было велено – только он один знает, где добро, а где зло. Но стыдиться – это бояться не *дедушку*, а всего лишь людского мнения, не о божьем благословении заботиться, а всё о том же людском мнении…

[171] Задница – иврит

Слушая сказку, сопокерники печалились.

– А теперь внимание, – поднял палец писатель. – Не дать человеку выбора – значит, нарушить его права. Верно, яйчики-бабайчики?

Правда, думать всерьёз о такой чепухе, как создание и воспитание перволюдей, у Кулемзина долго не получилось, а вот о том же, но в ироническом ключе, – запросто. Так и родился у него однажды стих, который он назвал

Уголовное дело № 1

Листаю том смурного дела
и понимаю: мысль кисла,
ведь Ева яблоко не ела –
его Адаму отдала.
Листы кукожатся измяты,
что Змей негодный сотворил,
и дальше вовсе непонятно –
возможно, плод отравлен был?
Коль персонажи слепоноваты,
и рухнул первый в мире дом,
знать, точно Ева виновата,
ну а мужчина – ни при чём?
Тогда я версию построил,
копая дальше в глубину:
а если всё Адам устроил,
подставив верную жену?
Бьюсь над загадкой словно овен,
себя догадками ярю:
а, может, Змей во всём виновен,

разбив приличную семью?
Вот непонятные сюжетцы
я в этом томе раскопал:
так почему ж вдвоём отец их
за это строго наказал?
Но вот просвет среди сумбура
мелькнул, как в метрах ста микрон:
да просто был он самодуром –
и сдуру выгнал пару вон!
Как завершение сюжета:
отец-тиран и тля-семья!
С тех пор скитаются по свету
людишки, яблоки жуя…

– Володя, – прослушав стих, обратился к нему Нуртай, – какой же ты всё-таки талантливый! Я выделяю тебя среди других поэтов, а ты, когда это будет нужно, выдели меня. Посему у меня просьба: если у тебя когда-нибудь родится ещё один сын, назови его в мою честь!

– Хорошо, – легко согласился Кулемзин, – хотя согласись, что Сраный Пижон несколько необычное имя для ребёнка!

Глава 239. РАБОТА ДЛЯ СЕРЁЖИ

И задумался вдруг автор: вот уже и книга вроде к середине идёт, вот уже и яркий день показал свой светлый лик после дождичка, а читатель так и не узнал, как один из главных героев нашего сурового повествования, а именно Сергей Афанасьевич Полтавцев, стал сторожем в магазине.

А началось всё вот с чего. Когда СССР (б) рухнул, а с ним загнулась и вся лёгкая промышленность Отцеябловска в лице ОХБК[172], Серёжу, как и несколько сотен ему подобных, просто выперли с работы. И не по причине какого-то социального садизма, а потому, что самóй работы как таковой просто не осталось. После увольнения он дошёл до того, что стал умолять *дедушку* избавить его от перестройки и вернуть всё обратно, в счастливое социалистическое вчера, но, по всей видимости, всевышний был сильно занят в других местах, где его персональный *молитвометр* показывал бóльшую силу обращения, и предоставил экс-текстильщику выпутываться из своих проблем самостоятельно. И если до этого хлопчатобумажник (б) считал себя смиренным орудием в руках *дедушки* – чем-то наподобие лопаты или плуга, то теперь это ощущение стало быстро проходить. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: жизнь вокруг стремительно менялась, всё более становясь похожей на Содом и Гоморру, или, как выражался наш герой, на Садовый Геморрой. Проклятый *иблис*, не прикладывая особых усилий, небрежно разрушал то, что *дедушка* возводил веками, и всё труднее стало воспринимать себя рядовым меченосцем в шеренге бойцов, противостоящих напору Капиталистической Тьмы, до отказа набитой страшилищами, как в американских фильмах.

[172] Напомним читателю, что за этой аббревиатурой скрывается Отцеябловский хлопчатобумажный комбинат – прим. автора

В цеху родном точу себе детали я,
когда другие парятся в Анталии…

После потери работы он продержался ещё несколько месяцев, но потом твёрдо решил перейти на *безразовое* питание. Правда, оставались кое-какие деньги, подкопленные им в процессе нелёгкого труда, но, увы, и эти надежды оказались тщетными: деньги разбежались быстрее, чем вши, обсыпанные невкусным дустом. Тогда же он узнал, что во всём виновата какая-то Инфляция, которую Полтавцев представил себе страшной женщиной с косой, чем-то похожей на мультфильмовскую старуху Шапокляк.

Кстати, познакомившись с охранником, Володя прокомментировал эту ситуацию так:

– Будешь экономить на копейках – никогда не станешь миллионером.

Серёжа таращил глаза и честно ничего не понимал:

– Так это что, лучше всё дорогое? И денег тогда будет больше?!

Подобные экономические выверты никак не хотели укладываться в его угловатой голове. Инфляция сжирала деньги настолько стремительно, что человек не успевал к ним привыкнуть. Впору было писать примерно такие ежемесячные некрологи: «Сегодня, на 14-й день жизни, скончалась апрельская зарплата. Консилиум пришёл к выводу, что покойная скончалась от полного истощения. В течение своей короткой, но насыщенной жизни, зарплата изо всех сил пыталась накормить как можно большее количество голодающих, напоить страждущих, одеть замерзающих, полностью забыв о себе. Она таяла на глазах, вспоминают люди, близко знакомые с покойной, но не унывала и не замыкалась в себе. Она всегда отдавала часть себя по первому требованию, наивно доверяя просящим. В последние дни на неё нельзя было смотреть без слёз – так мало от неё осталось, поэтому она останется в нашей памяти маленькой скромной зарплатой, приносящей радость людям…»

Подскажите (я не знаю!),
что за жизнь у летуна:
почему зарплата тает –
не сосулька же она?!

Нет, Полтавцев, конечно, попытался найти себя в новом мире. От старой жизни у Афанасьича осталась только небольшая дачка и скудный клочок земли впридачу, на котором он и собирался разводить, как объяснял друзьям, «всякую еду» Начал бывший текстильщик с того, что написал в научный журнал письмо, которое начиналось словами: «Дорогая редакция! Я начинающий огородник. Мать честна́я, подскажите, какой сорт огурцов лучше всего идёт под водку?» Ждал ответа Полтавцев несколько месяцев, но почему-то не дождался. «Какие занятые люди эти журналисты», с уважением удивился он.

Потом стали заканчиваться вещи, которые, как он хорошо помнил, покупались *на века́.* Последние штаны, например, Афанасьич приобрёл лет пятнадцать назад, ещё при Советском Союзе (б). Он хорошо помнил это значимое событие, так как всегда производил его с женой (б). По́мнилось вначале длительное обсуждение приобретения, откладывание денег как моральная подготовка к такому важному событию, потом сам процесс, столь же долгий, основательный и настороженный, как покупка коровы, с обязательной готовностью к возможным подвохам, сомнениями в пригодности вещи и соответствия её качества запрашиваемой цене. Причём, покупался только один предмет – или штаны, или пиджак, но и старьё не выбрасывалось: в подвале разобрать, на дачу съездить, на кладбище родню навестить или ещё там чего.

Захватив бутыль горилки,
ей карман свой уплотня,

навещу родню в могилке
в лучшем, что есть у меня!

Володя, к тому времени уже познакомившийся со страдальцем, долго приглядывался к наряду охранника, чтобы как-то охарактеризовать его для будущего романа, и наконец нашёл гениальное сравнение: «Одет он был достаточно бедно, чтобы не испытывать удовольствия, разглядывая богатых людей…»

Потом начались какие-то одноразовые работы, заставляющие вспомнить его никогда не испытанное студенчество – разгрузка вагонов на станции Отцеябловск-II, ночные погрузки готовой продукции на Отцеябловском маргариновом заводе и Отцеябловском же дрожжевом заводе. Последние работы были хороши тем, что, кроме заработанных назарбаксов, позволяли в течение нескольких дней или есть хлеб с подворованными маргарином или майонезом, или втихую реализовывать добытые ночным промыслом дрожжи соседкам за полцены. Затем какое-то время хлопчатобумажник (б) работал на кладбище, куда приехал навестить свою тётю, но, разговорившись с работающими там *копачами*, решил остаться здесь ненадолго. В бригаду его взяли легко, потому что из личного состава в пять копачей трезвым был всегда один, и то строго по графику, остальные же вели нехитрые философские разговоры о вечном в са́мом конце кладбища, где покойников ещё не было, а были только нарытые мини-трактором «Беларусь» ямки для будущих вечных жильцов.

Так не станем же ханжами –
умирая, дребезжать, –
будем вместе мы с друзьями
не буха́ть, а тут лежать…

Кстати, тогда же он с удивлением узнал, что в честь этого трактора недавно назвали аж целую страну. Правда, это было его единственное географическое открытие за всю жизнь. Когда же он вылетел и с этого доходного места, кто-то надоумил его подать объявление в газету. Подавая бумажку в «Караван», Полтавцев вытащил из засаленного камуфляжа паспорт, ещё более потрёпанный и грязный, чем его владелец. Лицо на паспорте у Сергея было деревянное, как у всех, кто фотографируется для документов, галстук сбился набок, и даже на фотографии было видно, что пиджак не был глажен года два. В поисках работы он просмотрел множество объявлений, и однажды ему на глаза попалось даже такое: «Примем на работу расклейщиков объявлений для расклейки объявлений о приёме на работу расклейщиков объявлений»[173] Вскоре он наткнулся на ещё одно предложение, поразившее его воображение: в нём неизвестный проситель искал спонсора для публикации своей книги «Как я стал миллионером»

[173] Вот, кстати, ещё один замечательный пример рекурсии, о котором автор уже рассказывал в главе 121 первой части нашего повествования – прим. гл. редактора

Глава 240. КАК СОПОКЕРНИКИ ПОЛТАВЦЕВУ РАБОТУ ИСКАЛИ

Случилось это года за два до описываемых нами правдивых событий. Как-то ночью Серёже приснилось, что он наконец-то устроился на новую работу – каскадёром на киностудию «Саксаулфильм», и во сне уже приступил к тяжёлой работе – не щадя своего здоровья, дубль за дублем пил самогон за главного героя. После чего Афанасьич пришёл на игру чрезвычайно опечаленный, где и поведал друзьям о том, что потерял и без того вре́менную работу. До этого он трудился на почётной и не-

пыльной должности психа-аналитика в знаменитом Отцеябловском сумасшедшем доме, расположенном на улице имени неизвестного саксаульца Каблукова.

И сказала мне врачиха:
«Ты лечись и не мудри,
ведь легко работать психом:
что задумал – то твори!»

Тогда экс-текстильщик решил обратиться к своему другу Кулемзину.

– Понимаешь, я мясо от бедности уже не помню когда ел, – признался он. – Помню, в прошлом году только сварил как-то кусочек, завёрнутый в капусту.

– А это что за рецепт такой? – полюбопытствовал писатель.

– Царица лесная, да я стесняюсь слово *голубец* говорить! Ну как, Володя, может, поможешь на работу какую устроиться?

– Конечно, сынок. Давно пора тебе повидать свою страну лицом к лицу! Куда же тебя устроить, отрок Сергий?

– Да хоть куда, только не в министерство иностранных делов, – попросил безработный. – Я языков-то не очень…

– Понимаешь, Серёжа, устроить тебя на работу *хоть куда* очень сложно, – задумчиво проговорил Кулемзин.

– Почему это? – заносчиво поинтересовался Афанасьич. – Я всё умею!

– Яйчики-бабайчики, к сожалению, ты проходишь по штату *мкрс.*

– А это что за зверь? – уже менее уверенно спросил Полтавцев.

– Малоквалифицированная рабочая сила, что, впрочем, видно невооружённым пенсне глазом. Но ты не отчаивайся, – успокоил его Кулемзин. – У меня дома как раз есть свежий номер газеты «Работа для всех» Там мы тебе место и подыщем.

Пока писатель ходил за прессой, сопокерники как могли утешали страдальца.

– Здесь всё не так просто, – осторожно заметил безработный. – В смысле работы надо иметь рассуждение относительно специальности.

– Ну, вот и я! Не надо вставать! – известил о своём приходе писатель и зашуршал газеткой. Все затаили дыхание, разделяя горе товарища. Володя полистал газетку и немного похмыкал:

– Ерунду всё какую-то предлагают.

– И всё же? – сурово поинтересовался Нуртай.

– Ну вот, например: «Опытный водопроводчик устранит неполадку в вашей водопроводке» Или: «Салон ритуальных услуг. Оптовым покупателя скидка!»

– Йодистый гроб, как это? – подпрыгнул Батыршин

– Как-как? Про покупке трёх гробов – четвёртый бесплатно! – объяснил Альбионыч. – О, вот ещё интересное объявление: «В кинотеатре «Целинный» смотрите новый американский триллер «Техасская резня бензопилой» Для ветеранов труда СССР (б) – скидка 42 %!»

– Так это же не тот раздел! – воскликнул педагог и выхватил газетку. – Вот, Серёжа, слушай: «ТОО «Вселенская карма» примет на работу опытного фэншуйщика»

Согласно плану по фэншую,
собачек в день семь раз чешу я!

Страдалец энергично замотал головой.

– Мать честна́я, слово-то страшное какое, – пробормотал он. – Да к тому же я не совсем опытный в этом деле.

– Ёперный паркет, – поддержал друга трубач. – Опыт – дело наживное!

– Кстати, я же паркет ло́жить могу, – вдруг заволновался Полтавцев. – Может, дать объявление? Володя, поможешь сочинить?

– Да у меня уже всё готово, – скромно заметил гениальный экспроматор. – Записывай:

«Ло́жу паркет.
Нареканиев нет!»

– 100-процентное лечение облысения за два сеанса! – увлёкшись газеткой, читал объявление Талгат.

– Ну, это понятно, – отозвался Володя. – Париками торгуют…

– А почему за два сеанса? – прищурившись по-ленински, хитро спросил Нуртай и победно оглянулся – вот, мол, как.

– На первом – клеем лысину мажут, на втором – парик на место кладут.

В это время большая, чёрная в золоте бабочка спланировала прямо на локоть Кулемзина, несколько раз медленно повела крылышками вверх-вниз, затем тяжело поднялась и поплыла в неподвижном раскалённом воздухе. Писатель проводил её взглядом, и тут же под руководством муза Васи Курочкина сочинил экспромт:

«Глядим в упор, но как мы близоруки, –
не видим, как мелькают огоньки:
серебряная бабочка разлуки
и огненно-туманная – тоски.
Глядим мы, как безглазые невежды
друг друга понукают: «Отлови
сиреневую бабочку надежды,
оранжевую бабочку любви…»
Глядим мы в даль бесцельными очами,
не видя, как судьба, наш кукловод,
налаживает острыми лучами
бескрылых этих бабочек в полёт…»

Он запомнил экспромт, мысленно нажав в голове кнопочку safe[174], и принялся читать дальше:

– Или вот: «Овощехранилищу № 15 требуются мужчины без комплексов (караулить овощи)»

[174] Сохранить – англ.

– Мать честна́я, вот это мне подходит, – обрадовался Полтавцев. – А ещё есть что-нибудь?

– Да полно! Вот ещё хорошее объявление: «Отцеябловскому кладбищу требуется мерчендайзер»

– Это что за хрень? – вопросительно глянул на писателя временно безработный трудяга.

– Специалист по закопу, – объяснил Володя и снова взял дело, то есть газету, в свои руки. Вскоре он наткнулся на поразившее его объявление, в котором требовался гримёр на радио, но читать его вслух не стал, так как сообразил, что Полтавцева возьмут на эту работу только тогда, когда самого́ загримируют.

– Вот интересное объявление, – неожиданно закричал соискатель, тыкая в нос каждому из игроков газетный лист. – Смотрите: «Опытный врач-нарколог в любое время прервёт запой»

– Йодистая стопка! – заинтересовался военный трубадур. – Дай-ка я перепишу на всякий случай. А то вдруг мне очень скоро понадобятся его услуги…

– А ты знаешь, сколько он с тебя снимет? – тонко заулыбался Нуртай.

– А ведь он прав, Талгат, – неожиданно поддержал педагога Володя. – По-моему, куда дешевле будет продолжать запой!

Мы кефир и простоквашу
пить с похмелья не спешим:
не болезнь запои наши –
состояние души!

Прапорщик пригорюнился.

– Тогда на всякий случай запиши ещё одно объявление – на ту же тему: «Выведу из запоя. Если не получится, составлю компанию…»

– О, вот это мне подходит! – обрадовался трубач.

Глава 241. КАК СОПОКЕРНИКИ ПОЛТАВЦЕВУ РАБОТУ ИСКАЛИ (продолжение)

– А вот, правда, не из области наших поисков, но тоже интересно: «Девушка без образования ищёт работу по специальности»

Прапорщик на всякий случай переписал и это объявление.

– Может, пойдём другим путём? Вот ты, Серёжа, кем в детстве мечтал стать?

– Да, в общем-то, никем.

– А-а-а, ну тогда твоя мечта сбылась!

– Правда? – с сомнением попытался улыбнуться Полтавцев.

– Правда, правда. Давай-ка ещё поищем. Вот, например, хорошее объявление. А, впрочем, нет, это больше Валере подходит.

– Ну-ка, ну-ка, – засуетился художник. – Чего там для меня?

– «Отцеябловскому автодорожному предприятию № 11 требуется художник по асфальту»

Муравлёв несколько секунд смаковал объявление, тихо шевеля губами, но потом отрицательно завертел головой.

– Или вот, – продолжал Кулемзин. – «Городское трамвайное управление имени Клары Целкин и Розы Шлюхсембург приглашает на работу собеседников водителя трамвая»

– Хорошая работа, – уважительно похвалил Сережа. – Плохо только то, что у меня быстро слова кончаются…

– Или вот: «Требуется фигурист с опытом. График работы – скользящий»

– Не-е-е, скользящий не подходит, – открестился от престижной работы бывший хлопчатобумажник.

– А это: «Ночной клуб «Тарзан» приглашает на работу мойщиков стриптизёров»?

– Ёкарные бабки, вот если б стриптизёрш, – мечтательно протянул прапорщик. – Нет, Серёга, не ходи…

– К тому же, – ехидно заметил Курманбаев, – в ночные клубы берут людей посимпатичнее, чем ты.

«Да, я некрасивый», горько подумал Серёжа. «Зато у меня невообразимо богатый внутренний мир…»

Как понять мне мысль взрывную? –
впору зубы раскрошить:
«Мир внутри меня тоскует –
он снаружи хочет жить!»

– А вот ещё по кладбищенской теме! – удивился Володя. – Слушайте: «ТОО «Таблички на памятниках» приглашает менеджера по оптовым продажам»

– Да нет, – заволновался Полтавцев, – мне бы что-нибудь такое…

– Пожалуйста, – откликнулся великодушный писатель. – «Крупной фирме по продаже надувных зверей требуется водитель детского велосипеда» Или вот, тоже про шофёра: «ТОО «Закон» требуется водитель со своим водительским удостоверением»

– Царица лесная, да где ж его взять? – огорчился соискатель.

Глава 242. КАК СОПОКЕРНИКИ ПОЛТАВЦЕВУ РАБОТУ ИСКАЛИ (окончание)

– Старичок, вот работа как раз для тебя! – воскликнул писатель, просматривая рекламную газету.

– А? – встрепенулся охранник.

– Переводчиком будешь работать?

– Переводчиком? Нет, я языков не знаю, – потерял интерес к теме Афанасьич.

– А здесь языки и не нужны. Вот смотри, что написано: «Требуются переводчики трамвайных стре́лок» Или вот ещё неплохое объявление: «Требуется инженер по эксплуатации людей»

– Мать моя партия, какая хорошая должность, – одобрил Курманбаев, но, увидев, как радостно заулыбался его сосед, строго добавил: – Должность-то инженерная, значит, высшее образование нужно.

Сторож внимательно слушал список вакансий, словно пытался заучить его наизусть.

– Смотрите-ка, ещё про мерчендайзера! – вновь удивился Кулемзин.

– Ёкарный гробик, тоже на кладбище? – поинтересовался памятливый прапорщик.

– Нет на этот раз, – ответил писатель и огласил объявление: – «Магазину «Товары для здоровья» требуется мерчендайзер по причиндалам»

Затем Володя почесал затылок и добавил:

– Написали бы коротко – причиндайзер!

Я не ведаю стыда,
словно на матраце.
Где работать мне тогда?
Чем мне заниматься?

– Смотри-ка, Талгат, и для тебя есть объявление, – обрадовался писатель.

– И что там?

– Да вот: «Установим козырёк на вашу фуражку. Качество гарантируем!»

– Йодистый устав! Дай-ка, перепишу телефончик. Классно, а то совсем от жары во время полкового смотра свихнуться можно…

Затем коллективными усилиями были выбраны ещё несколько достойных вакансий – таких, как демонстратор пластических поз, тонировщик аквариумов, обсериватель спичек, лакировщик глобусов, электромеханик подземный и продавец жетонов для мобильных телефонов, но все они кандидатом в трудовое население были отвергнуты.

– Ты бы назвал хоть какой-нибудь критерий! – возмутился педагог, на что соискатель тут же ответил:

– Мать честна́я, да главное, чтобы был не хер-балай!

Шейпинг не помог и йога,
и тогда я осмелел:
гербалайфа жрал так много,
что немного похудел!

– Серёжа, или вот интересное объявление, не хочешь взглянуть?

Охранник взял газетный лист и с выражением прочитал:

– «Отцеябловский клуб поклонников женской красоты имени Степана Разина примет на работу толкового директора» Нет, не пойдёт. Директором не смогу, я печати ставить не умею.

Стенька Разин, Стенька Разин!
Твой поступок безобразен!
Разве ж можно Волгу-мать
телом женским загрязнять?

Друзья ещё долго выбирали вакансии и, наконец, нашли искомое.

– «Магазину «Пингвин и гагара» требуется охранник-сторож со своим объёмом работ», – торжественно зачитал Альбионыч.

– Классно! – обрадовался Серёжа. – А что это означает?

– Поработаешь – узнаешь, – пообещал военный. – Одно могу сказать: свои объёмы – это всегда хорошо!

– А почему охранник-сторож? Это что, два оклада будут давать?

– Вряд ли, – просветил его педагог. – Проклятые капиталисты из числа владельцев нынешних магазинов идут на всё, чтобы оставить прибавочную стоимость себе, а не отдать её в честные мозолистые руки пролетариата! И порукой тому мать моя партия!

На том и остановились. И уже через день новоявленный охранник с восторгом делился с друзьями первыми впечатлениями. Хотя Альбионыч и был рад за товарища, но досадовал, что тому так и не пригодилась песенка, которую он написал специально для серёжиных поисков. Её предлагалось петь на мотив известной песни из кинофильма «Служебный роман»:

Моей душе покоя нет –
весь день ищу работу,
я шлю запросы в интернет –
авось польстится кто-то.
Работать неохота,
но денег нет чего-то –
весь мир готов я обойти,
чтобы найти работу,
чтобы найти работу
с восьми и строго до пяти…

Глава 243. РАБОТНИК НЕВИДИМОГО ФРОНТА

В каждого нормального человека в той или иной мере природой заложен потенциал разведчика – он хранится где-то в генной памяти, что вполне объяснимо, если вспомнить наших очень далёких предков. Лохматые и сутулые гомо сапиенсы, ещё не умея разговаривать и держать в руках палку, были превосходными следопытами, успешно осваивающими планету Земля, иначе людская цивилизация просто бы не выжила. С годами многообразие жизни привело к разделению труда, и официальное поголовье разведчиков существенно сократилось, что вполне закономерно: кто-то стал землепашцем, кто-то скотоводом, иные – наиболее хитрые и ленивые – выбились в когорту вожаков. Однако разведческий дух сохранился в глубинах подсознания человека независимо от его экономического и социального положения. Не верите? А разве землепашец – не разведчик по сути своей? Он ищет новые плодородные наделы, сочетая знания теоретические с эмпирическими, воруя зёрна новых сортов злаков в чужих амбарах. А разве скотовод – не разведчик? Он использует те же методы для поиска высокопроизводительного быка, скажем, на ферме соседа, под которого либо за деньги, либо обманным путём подкладывает свою бурёнку (не под соседа, а под быка, разумеется). А разве не разведчик тот политик, который вербует сторонников в стане конкурента, дабы выведать намерения соперника, заполучить на него *компру* и вынудить сойти с дистанции предвыборного марафона?

Соответствуя моменту,
чтоб не стать совсем худей,
не шпионы мы – агенты
жизни собственной своей!

И вот что интересно: в раннем детстве наши следопытские задатки проявляются практически одинаково, все мы с почти идентичным рвением исследуем манную кашу, ночной горшок или внутреннее устройство пожарной машинки. Но, по мере проникновения в тайны мироздания, взрослея и разочаровываясь, большинство людей утрачивают тягу к непознанному, погружаясь в море равнодушия и всеобщего похренизма. И только тот, кто сохранил в себе жажду борьбы в совокупности с младенческим интересом к неведомому, кое-чего добивается в жизни, и на смертном одре с чистой совестью заявляет самому себе: «Я жил!»

К чему бы такой философский изыск, спросит любопытный читатель. Да к оправданию же неисчезнувшего стремления у Серёжи Полтавцева быть если не разведчиком, то работником невидимого фронта по выявлению несунов – как магазинных работников, так и случайных воришек. «Никого не упущу!», думалось нашему герою, когда он впервые заступил на свой нелёгкий пост. Особенно обрадовался новый охранник, когда узнал, что на его документы будет прилеплена цветная фотография, потому что это была первая цветная фотография в его жизни. Несказанно удивились и работники фотосалона, ибо расход цветной кодаковской фотобумаги перекрывал все мыслимые и немыслимые возможности его бесцветной личности.

Фото нас увековечит
не больным и не кривым:
каждый серый человечек
получается цветным!
И, начав с невинной фальши,
серым так живёт и дальше!

На новой работе Полтавцеву вначале дали какой-то листок – оказалось, что для автобиографии. Промучившись с черновиком с полчаса, Полтавцев не выдержал и пришёл к Володе.

– Слушай, старик, – обратился он к всемирному знатоку, – а место рождения указывать? Всё-таки у меня деревня Семижопино – ещё подумают чего!

– Конечно, указывай, – ответил Кулемзин. – Про деревню можешь не писать, ты только тщательно детализируй, чтобы тебя лучше узнало новое начальство. Поэтому не только укажи *место* рождения, но рядом ещё и нарисуй его!

Перед заступлением на свой первый в жизни пост новый охранник разыскал на антресолях старые солдатские штаны, хранившиеся, очевидно, со времён русско-японской войны, там же присмотрел вылинявший френч с парой дыр, оставленных полковой гаубицей, и синюю вохровскую[175] фуражку образца 1946 года с надорванным козырьком. Кроме этого, для такой ответственной работы ему понадобились тулуп и валенки, – видимо, для того, чтобы он во время тоскливых зимних дежурств ни на минуту не забывал о печальной Суке-судьбе несчастного клёна из классического есенинского стихотворения. Завершил своё облачение он, нацепив тёмные очки, на которые в пригородном Каскелене был наклеен ярлычок «Жываншы» Затем тщательно пришил суровой ниткой на рукав чёрный шеврон «Секьюрити», который Сергей посчитал чем-то вроде красной ленточки на лбу у японских камикадзе. «Со мной можно идти в разведку!» – было выведено у него на лбу крупными фосфоресцирующими буквами. Остальная одежда, казалось, была специально спроектирована для уничтожения человеческого достоинства: тулуп из недавно освежёванного бурого медведя – для зимних морозов, и пудовый драп с ватином, совершенно неуместный жарким летом, с мерзким воротником, тесными плечами и коровьим загривком. Остаётся только добавить, что пиджачок сей шёл Серёже невероятно.

[175] ВОХР – военизированная охрана в СССР (б) – прим. ист. редактора

Ему грезились ночные засады с обязательным задержанием преступников. По вечерам он примеривал изготовленную его подругой Зулей шапочку-*двуглазку*, от чего его лицо становилось больше похожим на человеческое. Перед первым рабочим днём Афанасьич был бледен нехорошей предынфарктной бледностью, и всё перебирал дрожащими пальцами пуговки своего нелепого френча. После этого он всё-таки решил показаться друзьям и вызвонил их на пятачок перед подъездом.

Знает даже и невежда:
трудно моду нам сносить:
красит нас не столь одежда,
сколь умение носить!

Внимательно оглядев Полтавцева, Альбионыч вдруг понял, что где-то ему уже приходилось видеть такую одежду, и, после недолго раздумья, вспомнил, что да, видел, причём, на картине Репина «Бурлаки на Волге» «Ужасные штаны», глядя на сторожа, подумал он. «Правда, без них он будет полностью деморализован…» Но вслух сказал другое:

– Ну и видок у тебя! А, впрочем, совершенство всё равно недостижимо.

– Мать честнáя, да это просто недостаток кармы, – оправдывался Полтавцев.

И, действительно, по словам придумщика писателя, Серёжа выглядел сейчас, как первый секретарь ПОНТа – Партии Обделенных и Нищих Тружеников.

Талгат же посмотрел на полтавцевские опорки и вспомнил лозунг, уже лет 20 висевший в родной казарме и ежегодно обновляющийся силами вновь призванных молодых художников и маляров: «Чистые сапоги – лицо образцового солдата!»

Когда все высказали свои мнения и ушли, новый работник достал из кармашка и прикрепил на грудь октябрятский значок с юным и ничего не подозревающим о своей персональной Суке-судьбе Володей Ульяновым, который впоследствии в приступе боагодушия подарил своему соседу Курманбаеву.

В самодурстве, в балагурстве,
и на ордене в звезде,
Ленин с нами на дежурстве,
и в постели, и везде!

Подойдя к фирме задолго до открытия и дожидаясь заветного часа, Афанасьич в возбуждении бродил возле здания, впритык к которому находился какой-то новый супермаркет, и долго любовался сквозь стекло яркими кружевными женскими тряпочками, очаровательными в своей бессмысленности. «Заработаю – и Зуле такие куплю!», роились в его угловатой голове блаженные мысли.

Немного спустя, когда работа у нового сторожа неожиданно заладилась, педагог ехидно поинтересовался:

– Серёжа, а тебе ночью сторожить не страшно?

– Конечно, страшно, – признался охранник, – очень страшно. Пока не усну…

Кстати, практически тот же вопрос задал Полтавцеву и Муравлёв, когда узнал подробности этой трагической истории.

– Страшно на службе? – участливо поинтересовался он.

– Ещё как! – честно ответил Серёжа. – Первое время так вообще спать не мог!

Потом поглядел на сочувствующего и неожиданно предложил:

– Слушай, Валера, а ты мне художественную вывеску сделать не можешь?

– Мог-г-гу, – неуверенно ответил живописец, поскольку его очень смутило слово *художественную*. – А какую?

– Да простую, – успокоил его работник незримого фронта. И написал на рекламной газетке:

Охраняется охраной!

Мясо, овощи и фрукты,
курагу, лузгу, нугу –
охраняю я продукты!
Правда, есть их не могу…

Услышав об этой просьбе, Курманбаев тут же попенял и сторожу, и художнику за их недальновидную политическую близорукость и предложил свой вариант – но уже не вульгарной вывески, а идеологически выдержанного полновесного плаката:

И не надо бояться человека с ружьём! В. И. Ленин

Глава 244. МАНТЫ

Обидевшись не столько на цыган, сколько на товарищей, которые не спасли его от поругания, Нуртай с раздражением бросил карты и отправился домой – подзарядиться энергией, но не от рекламного зайчика «Энерджайзера», а от томика Лени-

на. Тем более, что пару минут назад он слышал взволнованный окрик своей жены с балкона, которая, согласно их семейному коду (чтобы никто не догадался), прокричала ему о том, что пора идти выполнять упражнение № 14-бис. Означало это то, что обед уже был готов, и чтобы он не вздумал никого тащить с собой. Как и каждый служилый человек, вызванный к начальству, Курманбаев шёл, чётко печатая шаг, всем видом своим показывая готовность отчитываться и радовать жену усердием и исполнительностью. Зайдя в квартиру, он сразу же отправился в спальню, и там наугад вытащил из книжного шкафа том 30 со статьёй Ильича I, как называл его Кулемзин, «О брошюре Юниуса» Первые же строки поразили его в самое сердце: «Нельзя объяснить «измены», не поставив её в связь с оппортунизмом…»

– Вот именно, вот именно, – горячо забормотал он. – Мать моя партия, золотые слова! Как же всё-таки верно ленинское учение! Думаю, что и оппортунисты Бермудского Учпучмака когда-нибудь получат по заслугам!

Он достал платочек, вытер слезу счастья, и продолжил воодушевляющее сознание чтение: «Величайшим недостатком всего революционного марксизма является отсутствие сплочённой нелегальной организации, систематически ведущей свою линию и воспитывающей массы в духе новых задач: такая организация должна была бы занимать определённую позицию и по отношению к оппортунизму, и по отношению к каутскианству»

– Думаю, что Ильич, когда писал это, – продолжал бормотать педагог, – имел в виду и кулемзинизм тоже. Как же хорошо сказано: «отсутствие сплочённой нелегальной организации» Придётся мне одному быть членом такой организации! Но я справлюсь, я обязательно справлюсь…

– Нуртай, наконец-то ты пришёл, – раздался из кухни голос жены. – Пойдём есть манты!

Курманбаев решительно захлопнул томик Ленина, протёр его об штаны и поставил на место.

С мало-мало-малолетства
и до светлого конца
изучаю я наследство
мавзолейного жильца…

Манты в семье Мусаича обычно делались не из мяса, а из джусая – травы, вкусом похожей на лук, политый одеколоном, что, к изумлению попробовавших его европейцев, давало лёгкий чесночный привкус. Если бы здесь из воздуха вдруг соткался Володя, то он сразу бы объяснил супругам, что латинское название джусая звучит гораздо красивее саксаульского, а именно allium odorum, и что в нём много аскорбиновой кислоты, в разумных дозах полезной для организма. С горя Нуртай проглотил штук сорок мант, так как были они маленькими и какими-то на вид бедными.

– Ну, я пошёл, – поднялся он, почувствовав, как горе постепенно отступает, а желание поиграть как раз таки наступает.

– Возьми ребятам, – предложила жена и положила манты на картонную одноразовую тарелочку. Вскоре эта тарелочка появилась на покерном столике.

– Приятного аппетита! – преувеличенно радушно, а оттого и фальшиво, произнёс одну из самых бессмысленных в русском языке фраз Нуртай и протянул каждому по манте.

– А что, бывает ещё неприятный аппетит? – проворчал Володя, не любивший всё бессмысленное. – Если он неприятный, то это уже блевотина!

Педагог не растерялся и тут же добавил:

– А также здоровья и счастья в личной жизни!

Прапорщик тут же выплюнул сгоряча схваченный кусок и побежал к кустам. Игроки подозрительно смотрели на три комочка из сероватого теста, сквозь которое проглядывало что-то тёмно-зелёное. Вскоре выяснилось, что от мант отказались все, а вот Афанасьич не побрезговал. Он осторожно взял одну штуку, попробовал и поморщился.

– Царица лесная, гадость-то какая-то, – пробормотал он.

Демократическая власть
нам не даёт покушать всласть!

– Ты, Серёжа, наоборот, радуйся, – предложил ему писатель. – Ты же эту гадость первый раз пробуешь?

– Первый. И что?

– А то, что надо загадать какое-то желание. Яйчики-бабайчики, так, во всяком случае, утверждают наиболее передовые домохозяйки, знакомые с учением астролога Павла Жло́бы.

Полтавцеву идея неожиданно понравилась, и он тут же прикрыл глаза, выискивая в глубинах своего слабого сознания какие-то несбыточные желания, после чего с отвращением проглотил манту. Ещё несколько секунд посидев в молчании, он спросил:

– Мать честна́я, ну что, уже можно открывать?

– Можно, – разрешил Володя. – Давай, ты уже на золотом троне во дворце!

Серёжа недоверчиво приоткрыл глаза и чуть не заплакал:

– И где же всё?

Я чего-то не въезжаю,
в ступор, транс и грогги впал:
сбыча мечт у всех бывает,
только я опять попал…

Надо ли говорить, что оставшиеся две манты охранник доедать не стал, а благородно пожертвовал их вначале Боре, потом Несси, но и они, понюхав еду, предпочли умереть с голода, но не есть предложенное.

– Может, ещё мант принести? – со страхом предложил Нуртай, после чего зажмурился: а вдруг согласятся? Прозвучало это так же фальшиво, как у Кролика в старом советском мультфильме, который спрашивал Винни-Пуха и Пятачка: «Что, уже ухо́дите?» Так закончилась эта краткая кулинарная эпопея.

Но Сука-судьба оказалась благосклонной к Афанасьичу: чтобы он окончательно не сошёл с ума, она послала ему черепашку, которая уверенно залезла под покерный столик. Тут же забыв горе, охранник схватил черепашку и задрав ей условный хвост, уверенно произнёс:

– Девочка!

– Так ты уверен, что именно девочка? – ехидно поинтересовался Нуртай.

– А черепаха – всегда женского рода, – подтвердил охранник. Все засмеялись, а Курманбаев, в очередной раз оставшись в дураках, затаил горе. Серёжа подтолкнул черепашку в сторону магазинчика Калимы, пожелал ей приятного путешествии по просторам Саксаулии и ностальгически вспомнил, как однажды в детстве завёл себе такую же, но она неизвестно каким путём сбежала от него аж с четвёртого этажа, видимо, посчитав сумасшедшим, так как он с утра до вечера наглаживал ей панцирь, как шёрстку кошечке.

Тихо молвил старикашка,
испытав с оргазмом драйв:
«Я поглажу черепашку,
чтоб доставить зверю кайф!»

Глава 245. ПИВО КОНЧИЛОСЬ

Тут обнаружилось, что пиво, которого вроде было много, всё же закончилось. Полтавцев торопливо схватил свою котомку и, косолапя, побежал в магазин.

– Верной дорогой бежите, товарищ! – успел вдогонку ему крикнуть педагог, после чего присел на покерную скамеечку и тихо застонал, как специально раненый в задницу дезертир.

– Посмотри, что у меня там под коленкой, – умирающим голосом попросил он трубача. Батыршин нехотя наклонился и, ёрзая мешающим животиком по краю покерного столика, начал напряжённо всматриваться в неприятную плоть педагога. «Ёперный Нуртай!», думал он. «Как же ты меня достал!» Мусаич же тем временем, закатив глаза, представлял себе, как его нога синеет и отмирает от укуса какого-нибудь тарантула или скорпиона, или что там есть ещё самое страшное, и остаток своих дней он будет влачить, прикованный к инвалидному креслу, если вообще останется в живых. Виде́ния эти приобретали всё более отчетливый характер, пока прапорщику наконец не удалось пристроить животик между скамеечкой и столиком. Тут-то он всё и опошлил, радостно заявив:

– Йодистый тарантул, да никто тебя не кусал! У тебя под коленкой колючка торчит!

– И вообще тебе, Нуртай, повезло, – вдруг заявил Володя.

– Почему? – пробуждающимся к жизни голосом спросил Курманбаев.

– Да если бы ты был женщиной, – объяснил Кулемзин, – ты бы сейчас уже бежал колготки менять!

Мужику хватило б водки,
чтоб почуять красоту,
бабам же нужны колготки,
чтоб наполнить пустоту!

– Смотрите! – воскликнул прапорщик и показал в сторону магазинчика. И, действительно, там было на что посмотреть. Серёжа, прижавшись носом к нечистому стеклу витрины, делал какие-то таинственные знаки, размахивая руками, как морской сигнальщик. Сразу же возникло ощущение, что общается он с внешним миром через аквариум, и диалог в этой позиции изначально невозможен. Володя, известный в Отцеябловске киноман, даже определил сходство данной ситуации со сценой между Ромео и Джульеттой из фильма австралийца База Уильямовича Лурмана. После того, как охранник сделал руки буквой Х и так застыл, все постепенно начали понимать, что же произошло. А произошло, судя по всему, нечто непередаваемо ужасное.

– Так, – с тухлой надеждой в голосе произнёс Альбионыч, – кажется, сбывается старая народная примета: мужчина с пустыми руками – пиво в магазине закончилось!

Не решаясь озвучить страшный приговор, сопокерники, не глядя друг на друга, подавленно молчали, словно получили известие о начале III мировой войны. Всё это чрезвычайно напоминало картину неизвестного художника «Молчащие и скорбящие» Но вот приковылял и охранник, который добил их страшным признанием.

– Представляете, пиво кончилось, – с раздражением известил Серёжа. – Да разве за это наши отцы проливали кровь наших дедов?!

Ему показалось, что из-за покерного столика на него горестно и недоумённо взирает сталинская *тройка*. В старину на Востоке принесшему дурную весть отрубали голову, и правильно, кстати, делали. Этакое антисуюнши[176]. А принесшему добрую весть, наоборот, прибивали лишнюю – гвоздями-*десяткой*.

[176] От сакс. суюнши – благая весть – прим. главы гильдии переводчиков

Ужасные слова свои сторож сопроводил какими-то хватательными движениями челюстей, словно ловил невидимых мух.

– Яйчики-бабайчики, хорошо, что сущее и мысль идентичны, – успокоил его философ, – ведь только они дают картину истины в реальности.

– А может, взять на базаре? – несмело предложил педагог, тут же испугавшись, как бы именно его не отправили в столь дальний поход. И, действительно, базарчик, где пробавлялись многие жители второго микрорайона, находился от покерного столика в 15-20 минутах ходьбы в одну сторону.

– Я другой такой страны не знаю,
где так пива можно не купить… –

пробормотал писатель страшный в своём смысле экспромт. Все сидели молча, пригорюнившись.

– Талгат, а ты что скажешь? – обратился к опечаленному военному Володя. – Ты же здесь уже сто лет живёшь.

Батыршин важно поднял палец и изрек:

– Энергоёмкость данного процесса (я имею в виду ходьбу на базар) неадекватна конечному результату.

– Мать моя партия, а что адекватно? – поинтересовался Курманбаев.

– А здесь, за углом, в 22-м доме ещё один магазин на днях открылся.

Говорили мне в санчасти,
как пристало добрякам:
«Много пива – это счастье,
мало пива – горе нам!»

На этот раз сходить за «Тянь-Шанем» вызвался писатель. И это, конечно, было ошибкой, потому что идти к 22-му дому пришлось мимо помойки, в документах соответствующих городских служб названной значительно и красиво МУБОН – место утилизации бытовых отходов населения. Проходить мимо неё было просто невозможно: в «воздухе» рядом с мусоркой висел кислый запах испарений, до того густой, что, казалось, плюнь – и плевок так и не долетит до земли, исчерпав кинетическую энергию. Но так считали далеко не все: например, находившиеся здесь бомжи под председательством Танкиста, грамотно разбившись на команды, обследовали одновременно все шесть мусорных баков, с наслаждением вдыхая неземные в прямом смысле слова ароматы. Володя подумал, что подобного духа не встречал даже в армейской казарме – после марш-броска с полной выкладкой и последующего ужина из кислой капусты. По кучам мусора суетливо бродили ворóны, что-то бормотавшие на малоизвестном балканском диалекте. Володя негромко произнёс короткое марсианское слово *хъръчччш*, и вороны вдруг снялись с места, начав кружить возле лакомых бачков.

– Яйчики-бабайчики, Хичкока на вас нет[177], – пробормотал марсианин.

[177] Автор, видимо, имеет в виду фильм Альфреда Джозефовича Хичкока «Птицы» – прим. кинoредактора

По помойке тихо бродит
страшной жизни квартирант,
и, представьте, ведь находит
и бухло, и провиант!

Работа бомжей спорилась, потому что, как и многие процессы в стране, которая недавно была советской, сопровождалась задорной песней – в исполнении всё того же Танкиста. Володя, отойдя на безопасное для своего носа расстояние, немного послушал этот тюремный шлягер:

«Я вам спою, как два мента-урода
меня лишили счастья и свободы,
сковали руки белые в оковы,
и вот на нарах чалюся я снова!»

После чего, ударив ногой по мусорному бачку, видимо, для того, чтобы найти соответствующий ритм, певец приступил к припеву:

«Эх, неволя-мама, за решёткой птица
бьётся раненым крылом
да в стекло стучится!»

По лицу Володи поползла слеза. «Вот она, коварная сила искусства!», подумал он. Дослушав песню до конца, писатель вручил не только исполнителю, но и всем его товарищам бомжам по 200 назарбаксов:

– Ну, господа урки, расход по мастям!

Алики кивнули и отправились далее по своим скорбным надобностям.

Глава 246. ЯВЛЕНИЕ КОРОВЫ

В этот торжественный момент игроков вспугнул звук резко зазвучавшего автомобильного гудка, и из-за магазинчика Калимы показался старенький *жигулёнок* с прицепленной к нему молочной бочкой, с советских (б) времён называемых в народе *коровой.* У бочки немедленно выстроилась довольно приличная очередь. Это было похоже на фокус: вот только что здесь не было никого, а теперь же откуда-то, как спецназовцы из засады, повыскакивали люди, только не с автоматами, а с бидончиками и трёхлитровыми банками. Самое смешное, что молоко продавала и Калима, правда, привозное стоило, ну, скажем, на три копейки дешевле. Короче, разница была столь незначительной, что было очевидно: даже если купить всю партию, на бюджете семьи разница в цене не отразится. Однако народ стоял длинной очередью и был весьма оживлён. Из задних рядов тут же начали выкрикивать что-то возбуждённое. В общем, с приездом *коровы* жизнь закипела по-новому. И не было в этом чего-то предосудительного, потому что вся прошедшая жизнь этих людей была сера и тускла, как оловянная пуговица.

Если надо молока,
мы подоим и быка!

Володя никогда не понимал, что же заставляет этих людей так унижаться из-за сэкономленных копеек. Нет, конечно, не бедность: все были одеты более-менее прилично, у всех наблюдались относительно сытые лица – по крайней мере, нищих в этой толпе видно не было. «Яйчики-бабайчики, наверное, просто социальная привычка», подумал Володя. «Стоя́т себе от скуки, стоя́т потому, что стояние в очереди – образ жизни. Уродливый, страшный, но, кажется, уже окончательно сформировавшийся» В наше время всеобщего дорогого изобилия нужно долго и старательно искать место, где есть очередь. Но наша женщина будет искать это место и, найдя, тут же станет в эту унылую кишку. И будет стоять в ней час или два с озлобленным понурым видом, а потом придёт домой, озверевшая от усталости, издёрганная, и будет кричать на мужа и давать подзатыльники детям, которые уже и так отупели от этих подзатыльников на загаженных кухнях.

Жизнь советскую мы хаем
речью из ужасных фраз,
но никак не отступает
СССР в душе у нас…

Впрочем, закончилось это явление, как называют всякое действие в театральных кругах, очередной мыслью писателя. Так как Володя молока не покупал никогда, то именно сейчас подумал: «Пердливая жидкость какая-то!», ведь из всех молочных продуктов он предпочитал только молочного поросёнка.

Глава 247. ТОЛСТОЙ И КУЛЕМЗИН

– Вообще-то я давно понял, – поднял палец философ, – что так называемая цивилизация вообще не нужна человеку.

– Мать честна́я, как это? – не понял Полтавцев.

– Тебе, моему лучшему ученику, объясню, – ответил Кулемзин. – Не нужны все эти самолёты, автомобили, заводы, и не были бы нужны и дальше, если бы подлая природа, называемая невежественными людьми *дедушкой*, позаботилась бы о том, чтобы мы могли прожить на подножном корме.

– Ёперный погон, а армия? – хитро прищурился музыкальный прапорщик.

Володя такой глупый вопрос попросту игнорировал и продолжал:

– Даже подчиняясь необходимости растить хлеб, одеваться и развивать так называемую «духовную» жизнь, мы всё делаем *слишком.* Впрочем, не я родоначальник этого направления мысли – к такому же выводу когда-то пришёл и некий Толстой.

– Это который «Буратино» написал? – поразил собравшихся охранник

– Нет, это который написал «Филиппок», – пояснил Володя, и уточнил:

– Царь Зверей Николаич. Сейчас-то я понимаю, что это был вовсе не старческий маразм, когда он заявил, что человеку для жизни нужно всего-навсего полтора аршина земли[178]. Правда, самому́ ему нужно было как минимум одно издательство, чтобы тиражировать свои мысли миллионами.

Все немного деликатно помолчали.

[178] 0,7 метра – прим. науч. редактора

Мысль одна в башке созрела –
так, что впору крикнуть «…мать!»:
написать – ещё полдела,
дело – книжечку издать!

– Толстой, почти как я, – продолжил писатель, – тяготился собственной гениальностью, Ясной Поляной, отношениями с Софьей Андреевной и всем обществом в целом. А потому и ушёл в Оптину Пу́стынь, чтобы обрести полную свободу. Яйчики-бабайчики. а нам с вами уйти некуда! Разве что нырнуть в эту бутылочку «Тянь-Шаня», и не выныривать из неё, пока не захлебнёшься.

– Кризисные слова, – с претензией на научность заявил Муравлёв.

– Вовсе нет, – ответил Альбионыч. – Просто я достиг необходимой степени совершенства. А если говорить проще, то мне конец, потому что я больше ничего не хочу. И не говорите мне, что это плохо. Я достиг предельно возможной в нашем мире свободы…

Володя сделал крупный глоток и, видя, что все молчат, продолжил мысль:

– Только не жалуйтесь, пожалуйста, на мелочи жизни: работу, жену, нехватку материального и отсутствие перспектив. Мне это нытьё интеллигенции надоело. Я живу крупными категориями – этим и спасаюсь.

– И ничего не беспокоит? – со странным блеском в глазах спросил Нуртай.

– Почему же ничего? Не только беспокоит, но даже угнетает – отсутствие *свободы воли*, например. Кто-то в этой стране пытается решить мою жизнь за меня – какие-то дурацкие парламенты, мажилисы, президент, правительство. Как они пожелают, так якобы всё у меня и пойдет – вот в чём беда! По́мните Афганистан? Нас загнали туда спасать коммунизм, а на кой хрен он был там нужен, если его не сумели построить в собственной стране? Десяток людей управляют Сукой-судьбой и ещё утверждают, что действуют во имя нашего блага…

– Мать моя партия, а Толстой-то при чём? – занервничал Мусаич.

– Ты всё прослушал, – мягко укорил его Володя. – Я же говорю: он, почти как я, тяготился собственной гениальностью!

Не ферзи, но и не пешки,
обладаем мы умом,
а с Толстым похожи тем, что
оба пишем обо всём!

Глава 248. СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА

«А ведь, действительно, при чём здесь Толстой! Жил он *иблис* знает когда, и к сегодняшнему дню не имеет вообще никакого отношения», подумал писатель, и, чтобы сгладить впечатление от бесполезного разговора, решил окунуть сопокерников в действительность, рассказав им вполне современную сказку.

– Знаете, откуда в компьютерной мышке взялся шарик? – спросил он. И, так как никто не откликнулся, начал рассказ:

– Жили-были дед да баба. И говорит старик старухе:

– Старая, давай Колобок слепим, и пусть он смастерит первый в нашем краю компьютер! Пора бы уже начинать жить в ногу со временем.

Согласилась бабка, слепила Колобок и поручила ему собрать компьютер. Вот катится Колобок по лесу, встречает волка и спрашивает у него:

– Слушай, волчара позорный, хочешь системным блоком стать? Будешь сидеть себе, а люди будут кормить тебя – дисками, дискетами, программами всякими…

Понравилось это волку, согласился он и стал системным блоком. Катится Колобок дальше, встречает лису и говорит ей:

– Слушай, сволочь рыжая, хочешь быть монитором? Каждый день будешь глядеть на людей, подглядывать, а они ничего и не заподозрят.

Согласилась лиса и стала монитором. Катится Колобок дальше, встречает ёжика и предлагает ему:

– Слушай, кактус недоделанный, хочешь стать клавиатурой? Люди ежедневно будут тебе спинку почёсывать, а ты лежать будешь, ничего не делать.

Согласился и ёжик. И встретил наконец Колобок мышку. А мышка была не простая, а волшебная. Поймал он её и спрашивает:

– Хочешь, говно серое, быть не простой мышкой, а компьютерной?

– А что это такое?

– Каждый день люди будут тебя за шкирку брать и таскать по коврику туда-сюда, да ещё и по башке сто раз на дню щёлкать!

– Да пошел ты в задницу, Колобок! – сказала мышка.

Вот с тех пор у каждой компьютерной мышки в заднице свой колобок…

– Вона как у них, – печально отозвался на сказку Афанасьич, а все остальные промолчали, думая горькую думу о чём-то своём.

Глава 249. СПЕЦИАЛИСТ ВВВ

Но игру вскоре пришлось прервать, правда, ненадолго. К писателю подошла девушка, которую прапорщик тут же стал есть глазами. Это была курьер одной из рекламных фирм, где Кулемзин заказывал себе визитки – примерно раз в квартал. Ему нравилось, что данные визиток постоянно изменялись, как бы символизируя непостоянство и времени, и пространства. Он быстренько рассчитался с девушкой, после чего она пошла к горизонту, провожаемая голодным взглядом военного.

– Мать моя партия, и что это такое? – вызывающе спросил педагог, у которого визиток не было никогда.

– Да вот новые себе сделал, – пояснил Володя и показал карточку, на которой было написано следующее:

Некто Кулемзин
специалист ВВВ

Эту странную и красивую аббревиатуру писатель расшифровывал так: Возможности Внечувственного Восприятия, но говорить об этом сопокерникам не стал, предложив им самим догадаться об увиденном.

Талгат долго думал, шевеля губами, и потом произнёс:

– Великий Вольт Владимир.

– Зачёт, – объявил Кулемзин. – А ты, Серёжа?

– У меня сложнее, – признался сторож, – вот: Врачеватель Восточных Заборов.

– Каких заборов? Где ты здесь букву *з* нашёл? – воскликнул Салихдзяныч.

– Мать честнáя, ну а что же, по-твоему, воздуховодов, что ли?

Гуру поперхнулся, а потом в полном восторге от услышанного, тайком от всех приписал Полтавцеву 100 очков в *раскладку.* Курманбаев же демонстративно отвернулся, своим видом показывая, что его не интересуют подобные глупости, хотя и видно было, что ему тоже хотелось высказать свою версию.

На вид – как жертва геноцида,
завсегдатай одних аптек,
но по визитке сразу видно,
что ты – серьёзный человек!

Внёс свою творческую лепту в угадайческий процесс и саксаульский пиросмани. Причём, подошёл к делу он как настоящий художник, то есть сначала нарисовал веточкой в пыли под ногами три буквы В, а потом, тыкая в каждую из них всё той же веточкой, расшифровал:

– Веласкес Вблизи Вертолёта!

Афанасьич вскинул голову, долго смотрел на художника, пока тот не опустил голову, а потом всё-таки спросил, не смущаясь присутствием в расшифровке какого-то вертолёта:

– А Виласкер твой кто?

– Да был один такой муравлёвский брат, – объяснил Володя, – только жил чуть раньше – в XVII веке, хотя и надо признать, что родился он в последний год века XVI-го. А звали его Диего Хуанович. Кстати, одну из его картин я видел в Мадриде – в музее Прадо. И название её, как ни странно, соответствует нашему сегодняшнему дню – «Пьяницы» Правда, пьяниц там изображено чуть больше, чем у нас – восемь человек!

– Глупости всё это, – скривил губки педагог. – Давайте лучше играть дальше.

– Ёкарный Веласкес, а как зовут её? – проснулся музыкант.

– Кого? – удивился писатель.

– Ну, эту, которая карточки принесла.

– Не знаю, – пожал плечами Альбионыч.

– А телефончик есть? – вновь обнадёжился Батыршин.

– Тебе, сынок, могу дать только контактный: 03! Ответят – попроси соединить с моргом…

При малейшем даже чихе
или локоть зашибя,
позвони, дружок, врачихе –
может, вылечит тебя!

Глава 250. ЯВЛЕНИЕ МЕНТОВ

Много народу прошло мимо наших игроков за день, и вот буквально на пару минут в поле их зрения появились ещё два персонажа, впрочем, чтобы тут же сгинуть в пучинах нашего правдивого повествования.

– Атас, пацаны, менты! – скосив глаза в сторону, вдруг тихо зашипел Серёжа. И, действительно, мимо восточной границы Бермудского Учпучмака лениво проходил милицейский патруль.

– Яйчики-бабайчики, саксаульская милиция, не при дворовых детях будет сказано, – улыбнулся Володя.

Это был патруль какого-то слишком усечённого состава – всего из двух персонажей, судя по погонам, рядового и лейтенанта, с суровыми лицами революционных матросов Балтфлота, каких любили изображать в советских (б) фильмах советские же режиссёры. Если описать их в одной фразе, то получится следующая картина: широкие узкоглазые лица, на которых чётко читалась хроническая лень. Увидев милиционеров, Нуртай на всякий случай приосанился, а затем вынул из кармана удостоверение личности, копию диплома об окончании Отцеябловской ВПШ[179] (б), а также целую книжечку квартирных платёжек за последние полгода. Все означенные документы, носимые им на всякий случай – подобный сегодняшнему, должны были наглядно объяснить проверяющим степень его гражданской лояльности. Потом Курманбаев сунул в освободившийся карман кусочек жвачки, которую жевал на протяжении последних трёх часов, и громко продекламировал:

[179] ***Высшая партийная школа – прим. полит. редактора***

– Просветлели наши лица
и исчезла тошнота:
пусть милиции боится
тот, чья совесть нечиста!

Получилось неожиданно громко. Милиционеры вздрогнули, сбили шаг, но не испугались, а приблизились на безопасное расстояние – сейчас их и наших героев разделяла только полуметровая металлическая оградка, повторяющая контур Бермудского Учпучмака.

Из-за того, что в стране не велись какие-либо боевые действия и военное положение так и не было введено по приказу верховного главнокомандующего товарища Назарбаксова, вооружение патруля было слабым: на поясном ремне младшего офицера висела не кобура с пистолетом, а всего лишь портативная рация, которая безостановочно шипела, словно внутри неё жарилась яичница. На боку форменной гимнастёрки рядового мента висел *меч джедая* производства Отцеябловского завода резинотехнических изделий, или резиновая дубинка ПР-73 (палка резиновая, 73 см). Так как патрульному никакого другого оружия для несения боевого дежурства выдано не было, он рассеянно мастурбировал тёплую дубинку, думая только о конце смены и паре кружек пивка. Мысли о пиве появились у него сразу же, как только он увидел странную компанию, явно играющую в карты на самодельном столике, уставленном пивными бутылочками.

Не катаюсь я на джипе –
потому мне все дерзят!
Я бы тоже с вами выпил,
но по службе мне нельзя!

На утреннем разводе патрулю, к сожалению, не дали вводную по поводу несанкционированной властями игры в карты, поэтому лейтенант, неодобрительно поглядывая на компанию, решительно нажал кнопочку вызова старой, ещё советской (б) рации РТП-2-ЧМ, которую никак не удавалось заменить на современные «Кенвуды» – по причине неважного финансирования.

– Тут люди в карты играют, – стукачески доложил старший патруля.

– Трых-пых-шмых-брых, – донеслось из динамика рации.

– На деньги играете? – перевёл милиционер и икнул, вспомнив, что ему уже два месяца как задерживают зарплату.

– Нет-нет, что вы, – заволновался педагог и даже показал любопытному копию диплома.

– Нет, не на деньги, – провещал тот в рацию.

– Бздых-мздых-тыдыдых! – прозвучало в ответ.

– Понял, – ответил лейтенант. – Разрешите продолжать патрулирование?

– Чих-стых-мых-жых! – разрешил радиоаппарат.

Патруль, тут же потеряв интерес к нашим героям, молча удалился.

– Вот ведь родина! – тут же сплюнул Кулемзин. – Ни на минуту не дает расслабиться!

Происшествие немного скрасило жизнь сопокерников, тем более, что Афанасьич, видимо, блуждая по ассоциативному ряду, тут же вспомнил, как однажды его ни за что загребли менты, и он в милиции наконец-то узнал, что, оказывается, по отпечаткам пальцев ищут совсем не пальцы.

Знают все естествоведы:
у людей такой есть грех –
(Гершель[180] нам про то поведал)
пальцы разные у всех!

[180] Действительно, дактилоскопия, или способ опознания человека по отпечаткам пальцев, была основана на идеях некоего англичанина Уильяма Джеймсовича Гершеля, выдвинувшего в 1877 году гипотезу о неизменности папиллярного рисунка ладонных поверхностей кожи человека. Эта гипотеза стала результатом долгих исследований автора, служившего полицейским чиновником в Индии – прим. науч. редактора

Вспомнил страшную историю и писатель – про непримиримую борьбу советских ментов с преступным элементом. А, впрочем, может, и придумал её сам – только что, как говорится, на ходу, хотя в это время не шёл, а сидел на скамеечке.

– Дело было в одной деревне неизвестного уезда, – начал рассказ Альбионыч.

– Мать честнáя, не в Семижопино, случайно? – заволновался Серёжа.

– Нет, – почесал голову Володя. – По-моему, это были Большие Бодуны. Так вот, двое преступников решили ограбить сельский магазин. Ну, преступниками их было можно назвать только с натяжкой, потому что это были обычные деревенские трактористы, не допившие, но хотевшие ещё. Хотя они и были уже изрядно *набравшись*, но всё же сообразили, что у сторожа сельпо есть ружьё, а оно стреляет.

– Святой Малевич, а как же тогда? – проникся горем пропитонов художник.

– А вот как: созрел в тыкве одного из собутыльников оригинальный план. Чтобы сторож не мешал изъятию спиртного, его было решено… напугать. Они хорошо знали, что сторож Михеич был человеком суеверным и весьма интересовался рассказами про всяких ведьмаков и леших, а также упырей и оборотней. Сказано – сделано! Один из начинающих воришек взял в сарае фосфоресцирующую краску, которой время от времени обмазывал огородное пугало, чтобы отбить охоту у ворóн склёвывать на нём пуговки, вымазался этой краской, нацепил на голову ночную рубаху своей жены-толстухи и пошёл изображать в таком виде то ли привидение, то ли покойника, которому надоело лежать в уютной могилке.

– Вот ведь, черти, что удумали! – с восторгом воскликнул охранник. – Ну и как, удалось выпить-то?

– Не торопись, Серёжа, всё самое страшное впереди. Увидев такую, с позволения сказать, собаку Баскервилей, сторож, естественно, страшно перетрусил и кинулся бежать в сельский участок милиции, хотя логичнее было бы, конечно, просить помощи у деревенского коновала-ветеринара.

Пил я самогон-первач
только для веселья!
Мне теперь поможет врач –
с дикого похмелья!

Увидев, что путь в магазин открыт, второй воришка принялся не спеша искать не только водку, но и заначенную продавщицей Люськой Полуглазовой кассу в 43 советских (б) рубля. В это время обмазанный краской не только стоял на стрёме, но и бродил кругами, изредка ухая, как это обычно делают в сказках вылезшие из земли покойники.

– Ёперная могилка, ну, давай-давай, что там дальше? – поторопил обстоятельного писателя прапорщик.

– А дальше было самое интересное. Сторож примчался в участок в самый разгар пьянки – участковый отмечал свой день рожденья с колхозным счетоводом и конюхом из соседнего села Малые Бодуны – своим кумом. Увидев, до какой степени напуган сторож, собутыльники сразу же поверили в страшную историю, но захотели лично поглядеть на вылезшего из могилы покойника, тем более что к тому времени уже приняли каждый не меньше чем по литру самогона. Так что втроём им было совсем не страшно, и поэтому они решили расправиться с нечистой силой.

Вначале участковый хотел застрелить покойника из табельного оружия, но тут кум напомнил ему, что с такими персонажами борются совсем другими способами. Он выломал молоденькую берёзку, вытащил из кармана перочинный ножик и обстругивал обломок, пока не сделал из верхушки подобие копья.

– Царица лесная, надо бы запомнить, – с восторгом отозвался Афанасьич.

– Увидев такие приготовления, тракторист, в конце карьеры ставший воришкой, стал орать, но это ему не помогло. Участковый с собутыльниками поймали его, дали хорошенько, а потом в бессознательном состоянии отнесли на кладбище, нашли накануне выкопанную для потенциального усопшего могилку и… закопали фосфоресцирующего, правда, для верности загнав в него берёзовый кол!

– Мать моя партия! – ужаснулся Курманбаев. – Так чем дело кончилось?

– Да всё хорошо, – оптимистически завершил рассказ Альбионыч. – Наутро алкогольно-мистический дурман рассеялся: во-первых, обнаружилась кража из магазина, и, во-вторых, пропажа человека. Но самое поразительное, что никто из участников этой советской (б) трагедии наутро так и не вспомнил подробности страшной ночи, видимо, слишком силён был самогон. Не найдя преступников, участковый, чтобы закрыть дело, наложил контрибуцию на сторожа, пригрозив, что если тот не покроет ущерб Люське Полуглазовой, закатать его на 101-й километр, хотя сам район происшествия был гораздо дальше. Пропавшего тоже не нашли, а потом решили, что тот утонул по пьяни в речке Поганке. Но больше всех пострадал сам сторож – после той истории он начисто завязал с пьянкой! «Не иначе, как нечистый постарался», говорили в деревне ещё несколько лет.

Ох ты, жизнь моя проклята –
без закуски-пескарей:
завязал я пить, ребята!
Лучше б сдохнуть поскорей…

Глава 251. МУЗА КАК МУХА

– Володя, а как ты вообще стал писателем? – спросил любопытный сторож.

– Знаешь, старик, такое решение ко мне пришло ещё в детстве, где-то в классе седьмом. Помню, яйчики-бабайчики, писали мы сочинение по Сергеичу. Ну, я и написал: «Дубровский распахнул дверцу кареты и сказал Маше: «Вы свободны» Но она ему ответила: «Нет, я другому отдана и буду век ему верна…» Сдал, значит, я сочинение, как вдруг вспомнил, что последняя строчка из совсем другой оперы. Это же Татьяна Ларина говорит (а иногда даже и поёт) Евгению Онегину. Сижу, с ужасом жду результата. Наконец получил тетрадь и раскрыл её трепетной рукой. Вместо ожидаемой пятёрки, естественно, четвёрка. И кровавая пометка нашей Ларисы Сергеевны: «Это же стихи! Их надо писать столбиком!» Вот с тех пор я и решил стать писателем. А потом поэтом.

– Мать честнáя, так стихи же ещё трудней писать, – авторитетно заявил Полтавцев.

– Конечно, – подтвердил Кулемзин. – Стихи сам не напишешь – здесь нужна муза, или, как у меня, муз – Вася Курочкин.

Вася немедленно слетел на поэтово плечо и немного подул Володе в ухо, заставив писателя почесать этот анатомический девайс.

Коль возьмусь за ручку снова,
чтоб умом не угасать,
муза мне поможет слово
срифмовать и записать!

– А что такое муза? – поинтересовался Афанасьич. – Слово какое-то неправильное – наверное, муха…

– Вообще-то ты прав. Ну, ладно, расскажу. Итак, редкий художник, и, тем более, редкий поэт обходится без музы. Принято мнение, что муза есть женщина, всепоглощающая страсть к которой вдохновляет поэта на творчество и созидание. Парадоксально: вот я сейчас сказал «всепоглощающая страсть», а это значит, что ни на что другое, кроме как на эту страсть, я не могу быть способен. А ведь плодами этой *всепоглощающей* страсти становятся глобальные, *всеохватывающие* произведения, выходящие далеко за пределы воплощения в искусстве отношений двух конкретных людей, и даже далеко за пределы воплощения отношений мужчины и женщины вообще. Да простит Серёжа мои повторы и корявства языка, но мне очень важно подчеркнуть вот такую мысль: «Идя от частного, сугубо личного, творческий человек приходит к общему, и, что очень важно, надличностному» И это замечательнейшая его способность.

Полтавцев быстро выхватил книжечку «Для му.мы.» и записал красным грифелем карандаша: «Идя от частного, сугубо личного, творческий человек приходит к общему, и, что очень важно, надличностному» Кулемзин, глянув через его плечо, долго не мог придти в себя от изумления. Вернул его к действительности неуверенный голос сторожа.

Чтобы мысли не прокисли,
с головы сними тюрбан,
и записывай все мысли,
что приходят в твой казан!

– Надличностному, царица лесная? – удивился Афанасьич. – Это как? Кто этажом выше живёт – над моей личностью?

– Почти, – опомнился писатель. – В миру распространено неглубокое и превратное представление о взаимоотношениях музы и поэта. Работает привычный стереотип «мама-сын»: взъерошенный и вдохновенный поэт, горбящийся за письменным столом над очередным шедевром, в благородном вдохновении кусая ногти, и приятная заботливая женщина с большой грудью за его спиной, с чашечкою кофе для милого наготове[181]. Так вот, в $^{9}/_{10}$ случаев этот стереотип до смешного неверен.

[181] Сразу оговорюсь, что я веду речь о поэте как архетипе, о музе как архетипе, и письменный стол с кипою шедевров является только частным случаем моего обобщения – суровое прим. автора

Хорошо, что Серёжа не успел спрятать книжечку «Для му.мы.» и быстро-быстро записал: «Знания всегда оборачиваются на катастрофу», потом прочёл написанное и продолжил учёный диалог.

– А я думаю, – весомо заявил утоливший любопытство сторож, – что трагедия, катастрофа и крах будет сейчас, если я не схожу в магазинчик за «Тянь-Шанем»!

Так весьма прозаично завершилось это неоконченное исследование на творческую тему.

Если можно пить от пуза,
не пускай себя в расход,
пиво же важнее музы –
от стихов ведь кайф не тот!

– Но самое любопытное, Серёжа, что так называемая муза посещает не только нас, поэтов, но иногда, глотнув лишнего, случайно попадает и к художникам.

Здесь все присутствующие, как игрушечные обезьянки с механическим заводом, повернули головы в сторону Муравлёва.

Стихом увлёкся как порнухой,
и в рифме страшно распалясь,
вдруг музу принял я за муху,
и музобойкой её – хрясь!

– Прекрасное ремесло – художничество красками, – продолжил Володя. – Что может быть лучше? Краски, они, кстати, на спирту, и вы можете убедиться в этом, лишь мельком взглянув на нос нашего товарища. Возможно, отдельных юношей и привлечёт именно это обстоятельство, как в своё время оно привлекло к работе Валеру. Главное же в работе художника – это обстановочка: тишина, покой! Сидишь себе в укромном уголке, над головой вьётся муза, в одной руке стакан с портвейном № 12, в другой – кисть, а перед тобой обнажённая натурщица. Ведь ремесло художника требует выдержки и терпения, зато если и то, и другое присутствуют, да плюс такая мелочь, как талант, то процветание гарантировано. Помните, как один способный испанец сказал: «По кисти художника должны стекать золотые слитки…»? Сальвадор Доменекович Дали его звали…

Умнее был я всех атлантов,
но мне сказал знакомый мент:
«Красотки любят не таланты,
а их валют-эквивалент!»

Глава 252. ЗАВЕЩАНИЕ

После столь необременительного обеда, каким попотчевал его Полтавцев, Володя вновь задумался о бренности бытия, и, в частности, о короткости нашей жизни. Например, чтобы осуществить всё им задуманное, требовалось как минимум 167 лет, а Сука-судьба наверняка отпустит ему положенные 80. Ну, положим, лет пять он сможет прибавить себе за некурение, лет пять – за непитьё крепкого спиртного, лет пять – за ежедневное обливание, и ещё лет пять – за счёт внутренних марсианских резервов. Всё равно получается какая-то жалкая сотня! Мысль ему понравилась, и он решил закрепить её по-своему, по-писательски, то есть превратить в хокку. И вот что из этого получилось:

На коже планеты
есть маленькая пóра,
которая ждёт меня…

«Надо бы на всякий случай написать завещание», неожиданно подумал он, «тем более что написанного в архив и неопубликованного скопилась огромная куча, а как человечество будет жить без таких мудрых мыслей после моей бесславной кончины?!»

Да, умру я! И что ж такого?
Хоть сейчас из нагана в лоб!
Может быть, гробовщик толковый
смастерит мне хороший гроб.
А на что мне хороший гроб-то?
Зарывайте меня хоть как!
Жалкий след мой будет затоптан
башмаками других бродяг.
И останется всё, как было –
на земле, не для всех родной,
будет также светить светило
на заплёванный шар земной...

– Вася, – позвал он своего персонального муза, – давай ко мне.

Курочкин немедленно проявился в воздухе и тут же уселся на его левое плечо.

– Ну, чего тебе? Опять сочинять? – недовольно промолвил он. Причина его недовольства была в том, что, работая у Володи, он ещё тайком подрабатывал у пары-тройки средних саксаульских писателей – непритязательных по части художественных требований.

– Яйчики-бабайчики, придётся, – ответил Альбионыч. – Хочу, понимаешь, опубликовать в романе «Русская кочерга» своё завещание для потомков.

Завещаю всем потомкам
полуполную котомку!

– А я здесь при чём? – начал открещиваться Вася. – Завещание – вещь сугубо материальная, а я только по творческой части могу. И вообще, зачем оно тебе?

– Понимаешь, старик, – объяснил писатель, – мы живём в такой стране, где бумага по-прежнему имеет мистическую силу. И потому я убеждён, что если я сейчас оставлю завещание, то так называемые потомки, коих у меня один, будут подчиняться этой бумажке, как революционные матросы ленинскому декрету о мире.

– Сложно у вас, людей, – почесал затылок муз.

– Ещё как, – вздохнул Кулемзин. – В общем, я решил так: завещание напишу сам, а вот художественно украсить его стихом поможешь мне ты.

– Договорились, – обрадовался Курочкин: уж стишок строк на восемь он продиктует патрону легко и необременительно для халтуры.

– Так что ты давай пока лети, – приказал писатель, – и подумай. А когда позову, чтоб было всё готово!

– Есть! – по-прапорщицки ответил муз и растворился в обозримой Вселенной.

Чтобы в тыкве перегруза
не случилось у глухих,
нам поможет муз и муза
сочинить прелестный стих!

Володя открыл новый word’овский файл и стал наполнять его важным содержанием, в так называемой душе надеясь, что всё же кто-то когда-то его прочтёт.

Глава 253. ЗАВЕЩАНИЕ (продолжение)

Полустёршиеся даты
на гранитном изголовье
да чугунная оградка –
в лучшем случае, заметь, –
да слабеющая память,
раньше бывшая любовью –
это вот, в конечном счете,
всё, что будешь ты иметь…

«Не печальтесь о моей смерти. Я умер красиво, и только моя страна, где мне было суждено проживать жизнь, должна оставаться в печали: она потеряла огромные возможности, потому что я был её перспективой, её большой надеждой на понимание себя в мире, ведь у меня единственного нашлось сознание пойти против традиционной ортодоксальной мысли этой страны. Вместе со мной страна потеряла уникальную возможность стать современной, такой же современной, каким был я, – не отягощённой пережитками прошлого, не верящей в прошлое.

Спасибо тебе, Сука-судьба, за всё, что было со мной. Страшно подумать, что я мог остановиться на малом, оставшись стригущим купоны *заурядом*. Пусть и дальше будет в ваших жизнях, как было в моей, и тяжёлое, и страшное, и передряги, и страдания – только пусть не будет в ней мелкости. Пусть никогда вы не унизитесь до драки за благополучие, за успех, до дрожи за свою шкуру в серьёзном деле – это я вам тоже завещаю.

Прощаю вас всех, засранцы! И никогда не говорите обо мне *был*. Я всегда есть и буду – в так называемой народной памяти, хотя мне, честно говоря, эта память по большому барабану – как и моим друзьям Ошо, Леонардо Пьеровичу да Винчи и Курту Куртовичу Воннегуту. О них помнят только потому, что они удачно выбились из общего серого ряда, в коем до сих пор стоя́т 99 процентов пассажиров нашего шарика под названием Земля, хаотично передвигающегося в пространстве.

Люди часто умирают,
только я в ту мудрость вник,
ведь великих вспоминаю,
потому что сам велик!

Прощай, бог. Единственный бог, не имеющий никакого отношения к надоевшему *дедушке*, а тот бог, который жил внутри меня и умер вместе со мной. Надеюсь, что ты никогда не вернёшься к живым, так же, как и я.

Потомки мои, живите на полную катушку: волочитесь за каждой юбкой, пейте водку, коли захочется, не думая о том, что это вредно, жгите жизнь с обоих концов! Конечно, если вы – люди разумные, и сами сможете определить свои возможности и поставить ограничения. Помните, что жизнь – полное дерьмо! А тем, кто будет спорить, приведу неоспоримое: жизнь – полное дерьмо хотя бы потому, что так быстро кончается. Но – дерьмо весьма вкусное, так что ешьте его полными поварёшками! И пейте больше пива: чем больше вы его выпьете, тем больше прольётся его в костёр, разведённый под моей персональной сковородкой в аду моим другом *иблисом*!

Видишь пред собою гроб?
Значит, ты своё отъ…б!

Дом № 17 во втором микрорайоне города Отцеябловска, старенький трёхэтажный уродец, где я и жил и творил, наверняка когда-нибудь снесут. Так вот я завещаю поставить на этом месте в память обо мне часовню! Хотя нет: не такой уж я был крутой и праведный святой, поэтому будет достаточно не часовни, а *минутни*. А на ней напишите просто:

КУЛЕМЗИН
поэт
XX – XXI

Я думаю, никому не будет интересно узнать, что родился я в апреле, а умру в сентябре.

На могильном камне – даты
как осколок бытия:
от восхода до заката
сколько длилась жизнь моя?

С точки зрения небесной канцелярии я всегда был большим грешником, но не боялся этого, рассчитывая на поблажки на том свете вследствие застарелого маразма *дедушки.*

Глава 254. ЗАВЕЩАНИЕ (окончание)

Теперь об отпевании и поминках. Отпевание обязательно. Это можно делать не самостоятельно (голоса́ у вас, я подозреваю, после счастливого погребения будут ещё те), так что смело ставьте диски с репертуаром «The Beatles», «Led Zeppelin», «Deep Purple», «Uriah Heep», «Nazareth», «AC/DC» и прочей братии, которая мне родней родной братии. Поминать же меня будете на 22-й и 53-й день. На так называемых поминках, или, вернее сказать, *вспоминалках*, наказываю перед посадкой за праздничный стол обязательно сопоставить наличие присутствующих с количеством еды и питья – для того, чтобы эта скромная трапеза могла трансформироваться в разудалое гульбище с непредсказуемыми последствиями вроде пьяных разборок на лестничных площадках, хорового исполнения народных и псевдонародных песен типа «Ой, мороз, мороз» и «Yesterday», а также активным ёрзаньем потных голых женских попок по неошкуренной столешнице праздничного стола. И никаких пошлых ломтей хлеба на не менее пошлой рюмке вина с обязательным глупым добавлением: «Покойник очень любил» Против фотографии на поминках не возражаю – пусть это будет увеличенное изображение с задней обложки I тома «Русской кочерги», но только не в чёрной рамке, а в зелёной или даже голубой! А если уж кому-то всё-таки будет не терпеться сказать обо мне какие-нибудь глупые обязательные слова, то пусть это будут такие:

И пусть земля ему будет небом…

Сыну моему Владимиру поощрять гулявших, громко заявляя при этом: «Ещё круче, пацаны! Вова-старший любил веселье и дебош! Он любил Суку-судьбу во всех её проявлениях, радовался ей и дарил радость другим!» Совершать все эти безобразия необходимо громко, неприлично и весело, так как знайте, маленькие говнюки, что нам с *дедушкой* сверху будет видно всё. И, главное, чокайтесь как можно громче – чтобы я порадовался вашему сегодняшнему незабвению моей скромной земной персоны.

Коль денег нет, вам завещаю я:
зарыв меня, не будьте мышью –
погромче чокайтесь, мои друзья,
так, чтобы я тот звон услышал!

И, наконец, о месте последнего так называемого упокоения. Главное здесь – не беспокойте меня слишком *потом*, поэтому гроб покрепче, гвозди подлиннее, ямку поглубже, оградку повыше. И пару экскаваторов для горстки земли! И всё это только для того, чтобы сбылась моя надежда не вернуться к вам никогда. Наказываю: камень на могиле быть должен – покойный был писателем, всю жизнь работал со словом, и хочет, чтобы и после смерти о нём было что-то написано. Во-первых, на камне должен быть изображён знак – это не крест и не, упаси *дедушка*, звезда. Просто нарисуйте вверху знак *пасифик* – вот такой:

А ниже на камне напишите одно слово, причём вот так:

Б
У
К
В
А

Кто не знает, тому и не надо. А кто поймёт, тот прочтёт: Бывший в Употреблении Кулемзин Владимир Альбионович»

Жизнь промелькнула как каприз,
не будет новой – это точно!
Меж дат моих – большой дефис,
а так хотелось многоточья...»

Вася Курочкин проявился где-то через полчаса. Он проник в файл, внимательно ознакомился с содержимым завещания и посетовал, что в нём не отражено имущественное положение покойного, а также раздача слонов.

– Написал? – сурово осведомился будущий покойник.

– Конечно, – свободно ответил муз и надиктовал нашему герою стихотворение, которым автор и хочет завершить эти нелёгкие для его сердца три главы:

Мне выпало счастье быть русским поэтом,
мне выпала честь прикасаться к победам,
мне выпало горе родиться в апреле –
в проклятом году, где о Сталине пели.

Мне выпало всё. И при этом я выпал,
как пьяный из фуры. В походе великом,
как валенок мёрзлый, валяюсь в кювете.
Добро на Руси ничего не имети…

Глава 255. ВОСЬМАЯ ПАРТИЯ

Почему мы так любим играть? Наверное, потому, что только в игре мы можем увидеть гармонию примирения, увидеть то, что кажется очевидно противоречивым не с поверхностной точки зрения, а из глубины сознания. Только в игре и только глубоко внутри враги становятся друзьями. Самый точный пример – игра в шахматы двух друзей. Они действительно друзья, но из-за того, что сели за шахматную доску, вынужденно притворяются врагами. На Востоке для этого есть понятие *лила*, то есть игра существования. Там верят в том, что *дедушка* разделил себя на двоих, потому что это единственный способ играть в прятки самому с собой. Это прекрасная игра – если вы понимаете, что это игра!

Кулемзин не считал игру пустой тратой времени, ведь за покерным столиком даже мельком брошенный взгляд, ничтожное подрагивание лицевых мускулов могли сказать о человеке очень многое. По самым незначительным деталям становилось понятно, какие карты у партнёра на руках и что он замыслил. Володя считал, что в карточной игре, как и боевом поединке, важно предугадать следующий ход человека, противостоящего тебе, и не только предугадать, но и достойно ответить ему. Именно карты научили его выигрывать в, казалось бы, абсолютно проигрышных жизненных ситуациях, научили блефовать, научили бесстрастному взгляду, когда в азартном блеске глаз невозможно прочесть ни одной мысли, в то время как мозг продолжал напряжённо работать.

Ежедневно зубы стиснув,
мы задерживаем смех:
карты – слепок наших жизней,
хоть и разные у всех…

Между тем солнце палило нещадно, и в полном безветрии эта, в общем-то, неплохая и нужная звезда, превращалась в орудие пытки наших сопокерников. Но если наивный читатель полагает, что именно жара могла бы остановить игроков и отправить их по домам, то он сильно ошибается. Ничто и никогда не могло остановить прекрасной игры, и даже начавшееся землетрясение наши герои вряд ли бы почувствовали. Но – к делу!

Перед началом партии Володя честно предупредил партнеров:

– Кровавыми слезами умоется тот, кто усомнится в моём миролюбии!

Началась партия, как всегда, невинно – с первых *коротких* робберов, но уже на них начались первые проблемы с взаимопониманием. Володя заметил, что всех его соперников мало волнуют эти робберы, и у них, видимо, складывается впечатление, что впереди ещё робберов двадцать, и всё само самой устаканится. Он же знал, что первые минуты боя решают очень многое, и по аналогии сравнивал их с футболом: если захватишь позиции в середине поля, тогда и игра пойдёт под твою диктовку. Но не тут-то было! Вначале Полтавцев на пустом месте изобразил глубокую задумчивость, отчего правая его бровь, густая как у ризеншнауцера, опустилась вниз, а левая непроизвольно поползла вверх, так что ему даже пришлось придерживать её корявым пальцем.

– Думаю, – произнёс он, чем вызвал весёлый смех товарищей. И, действительно, это невинное русское слово в его устах звучало всегда смешно.

– Готов поспорить, – словно не услышав обидный смех, провещал сторож, – что я сейчас выиграю!

– Серёжа, не надо спорить, – улыбнулся Володя. – Все и так знают, что ты прав во всём, даже когда утверждаешь, что Земля имеет форму чемодана!

Охранник крякнул, закрыл глаза и наощупь пошёл карту. Ему показалось, что сейчас его рукой водит Сука-судьба, и в чём-то оказался прав. Кулемзин ловко забрал взятку, на которую, честно говоря, не рассчитывал.

– Спас ты меня, сынок, – радостно воскликнул он.

– Конкретно? – засиял от счастья Афанасьич.

– Чисто спас, реально и типа конкретно, – подтвердил писатель на доступном сторожу языке. Неумытый юбилейный рубль полтавцевской рожи засиял ещё ярче.

– Я тебе этого никогда не прощу, – пафосно воскликнул Нуртай и сделал вид, что с отвращением разглядывает охранника.

– Нельзя так, Нуртай, – отозвался Серёжа. – Вот у Володи спроси, он знает, Христа тоже урыли, а он им все грехи простил!

Поспорить с этим богословским утверждением было трудно, и Альбионыч утвердительно кивнул головой.

Нам попы́ толкуют, зная:
эта истина – вода.
Нас всегда Христос прощает,
только *папу* – никогда!

– Странный ты, парень, – откликнулся на причитания педагога Володя. – Залез в мясорубку и надеялся выскочить оттуда мотыльком?

Нуртай привалился к плечу Полтавцева и сделал такой болезненно-утомлённый вид, что ругать его мог теперь только безжалостный палач, закалённый кровавыми десятилетиями своего нелёгкого труда, да и то со слезами на глазах из-под красной маски.

– Серёжа, скажи, зачем тебе была нужна эта взятка? – словно бы задыхаясь, спросил он.

– Лучше маленький таракан, чем большая рыбка, – загадочно ответил охранник, после чего задавать вопросы ему не стало никакого смысла.

– С голой пяткой – на автомат Калашникова? – прищурив глаз, иронично осведомился Володя. – Оригинально… Да, давно разбили фашистов, да вот только другие враги никак не переводятся!

Курманбаев, всё так же тяжело дыша, с неодобрением посмотрел на сторожа, но потом, вспомнив, что враги – все, стал так же смотреть и на остальных.

– Да не виноват я, – наконец начал оправдания Полтавцев.

– Серёжа, здесь дело в другом. В данном случае, – в экзистенциальности.

– В чём?!

– Как видишь, миссия практически не выполнима, потому что одно условие тут же исключает другое.

– Как это?

– Вот представь врача, к которому на дачу привозят тяжелораненого и говорят: «Спасай! Только лекарств у нас нет!» К тому же у врача на этот момент из всех хирургических инструментов ни скальпеля, ни медпинцета, ни зажима, ни даже захудалого иглодержателя, а одна только лопата – для проведения операций на грядках!

Полтавцев представил эту страшную картинку и даже зажмурился. «А при чём здесь карты и лопаты?», подумал он, но вслух спросить постеснялся.

Чтоб никто из нас не умер,
чтоб родни не слышать вой,
у хирурга свой инстру́мент,
у писателя же – свой!

– Но! – поднял указательный палец вверх Альбионыч. – Этот врач вдруг вовремя вспоминает, что, кроме означенных хирургических инструментов, у него есть один – главный! Это клятва Гиппократа!

«А это что за зверь такой?», мелькнуло в голове охранника.

– И случается чудо: вот уже и пациент спасён, и хирург пьёт чай на даче с подаренными благодарными родственниками конфетками, и все смеются!

– Так у нас-то всё кончилось плохо!

– А вот это и есть экзистенциальность жизни…

Ни надежды нет, ни кошта[182] –
всё идёт наоборот,
но мы твёрдо верим в то, что
экзистенциум спасёт!

Полтавцев открыл рот и застыл – до него стал доходить смысл страшного слова. «Какая красноречивая кататония![183]», подумал знаток иностранных слов.

[182] Расходы на содержание – устар.
[183] Шоковое состояние, характеризующееся полной неподвижностью – прим. мед. редактора

Выражаясь умным языком шахматистов, партия, похоже, стремительно переходила из дебюта в *миттельшпиль*. Не все читатели знают, что это красивое слово означает, что развитие сил и расстановка фигур на поле боя в основном закончены, и противники, «маневрируя в центре и на ферзевом фланге», как было написано в шахматном учебнике, «стремятся достичь преимущества»[184], каковое в шахматах бывает материальным и позиционным, а в *русской кочерге* – лишь позиционным. Дойдя в своих размышлениях до этого места, Володя понял, что ни на то, ни на другое преимущество рассчитывать не приходилось. За центром, где сидел Нуртай, приходилось приглядывать каждую секунду, а что касается флангов, то они у Кулемзина были оба ферзевые, но не его! Выход был только один – в неожиданной комбинации. Писатель небрежно кинул младшего джокера, единственную сильную карту в его нынешнем роббере, и произнес:

[184] «Шахматная теория для школьников», М., Детгиз, 1974. стр. 96

– По крестям!

Всё смешалось на покерном столике: от удивления у Серёжи отпала челюсть, и он послушно скинул крестового короля, Талгат – такую же даму, а вот Нуртай, не разобравшись в ситуации, перепугался замысленного коварства и, ничтоже сумняшеся[185], тут же забрал всю взятку вкупе своим покером, оставшись без поддержки для развития дальнейшего сюжета. На этом и строился коварный расчёт.

[185] Нисколько не сомневаясь – старорусск.

И, работой не мараясь,
против всяческих систем,
я, ничтоже сумлеваясь,
лучше выпью, чем поем!

– И на старуху бывает порнуха! – резюмировал ситуацию писатель только что придуманным афоризмом, впоследствии широко шагнувшем в народ.

Глава 256. ВОСЬМАЯ ПАРТИЯ (продолжение)

По́мните, когда заядлый рыбак возвращается домой с удачной рыбалки, то сто́ит закрыть ему глаза, как перед его мысленным взором на солнечной водяной ряби начинает прыгать и окунаться весёлый поплавок, окружённый многообещающими концентрическими кругами. То же и грибник – приляжет отдохнуть под разлапистой елью, а в глазах вереница крепеньких духовитых боровичков в коричневых шляпках и на тугих ножках, взявшись за руки. Опять же и дачник, что копал днём свою любимую картошку – не уснул ещё в своей городской квартире, а уже разбегаются перед ним из-под лопаты ровные гладкие клубни. Так и у Полтавцева, после первого успеха, перед глазами и даже где-то внутри головы, и, может быть, даже в мозгах, крутился весёлый хоровод покеров-джокеров, которых погоняла кнутом почему-то шестёрка пикей с рожей самого сторожа. Надо ли говорить, что именно эта вереница помешала его правильному ходу, в результате которого второй раз пролетел и Нуртай, и первый раз Батыршин. Оба дружно накинулись на несчастного глупого.

– Влетел, – пробормотал охранник.

– Эт’ точно, – подтвердил знаток фольклора. – Как говорят на зоне, старичок, влетел как голый фраер в петушатник!

– Да что же, от меня вообще пользы нет? – воскликнул Афанасьич.

– Ну почему же, Серёжа? – успокоил его марсианин. – Польза только тогда будет наверняка, если продать тебя в зоопарк.

Важна́ как в картах навигация,
что не постичь нам без систем:
один замыслил комбинацию –
в её итоге плохо всем!

Но – жизнь продолжается, а вместе с ней продолжается и игра. Да и разве можно остановить Землю в её вечном кружении вокруг Солнца, или полёт весенних бабочек-однодневок, или ежегодный нерест суматранских барбусов, ограниченных тонкими стенками аквариума? Разве можно, наконец, остановить мчащийся под откос бульдозер с пьяным Ваней-трактористом?! А ведь, оказывается, можно. Этим оказалась внешняя сила, именуемая Танкистом и Одиссеем. Впрочем, Володя сам был рад незапланированному перерыву к игре – слишком сказывалось и напряжение трудного дня, и подступающий к сознанию голод – после полтавцевского угощения. Одиссей уже встал в основную певческую позицию, а второй бомж лихо раскручивал бутылочку, чтобы в штопоре опростать её как можно скорее. Наконец Танкист дохлебал бутылочку и, видимо, надеясь на новую, торжественно произнес:

– Владимир Маяковский! «Стихи о советском паспорте»! Исполняется впервые – для вас!

Володя улыбнулся: ему уже приходилось слышать это бессмертное произведение из уст передового бомжа. Танкист откашлялся и произнес:

– Стрёмные ксивы мент облажал,
пасть лыбит на вытерки клёвые –
как хрен губами, клешнёй зажал
ксивёнку с английским лёвою!

«Браво!», мысленно похвалил читальца писатель. Стихи полились дальше:

– Пахан и шобла – это ж два братана!
Кому из них шестерить ты пошёл бы?
Мы говорим – шобла, подразумеваем пахана,
мы говорим – пахан, подразумеваем шоблу!

– Постойте! – вдруг завопил педагог. – Это же из другого произведения!

– А ты откуда знаешь? – тонко спросил его Кулемзин. Курманбаев стушевался и принялся что-то тихо бормотать о том, что так искажать советскую (б) классику могут лишь истинные враги рабочего класса (б) и колхозного крестьянства (б). Между тем писатель, вручив законный гонорар художественным чтецам, понял, что отдал последнее.

– А не добавить ли к экзистенциальному созерцанию этого чудесного напитка его эмпирическое содержание? – предложил Володя.

– Можно, – охотно поддержал его Афанасьич. – А я и схожу…

Доставку пива во время игры Кулемзин называл дозаправкой в воздухе.

– Итак, короткая анкета: не пополнить ли нам стратегические запасы жизненной энергии? – вопросил писатель и достал купюру. – Кто за? Против? Воздержавшихся нет? В путь!

Сторож побежал в магазин так быстро, словно у него в задницу был вставлен фитиль, а за ним вприпрыжку гнался сам *иблис* с зажигалкой в мохнатой лапе. Правда, прошло минут пять, а скорохода всё не было видно. Ну, откуда игроки могли знать, что Серёжа просто загляделся на бутылку нового шампанского, вернее, на её этикетку, где всяких якобы завоёванных напитком медалей было не меньше, чем на маршальском кителе Ильича II. Игроки терялись в догадках, потому что видели, что в магазин до него не заходил никто, следовательно, очереди, на которую можно было бы списать отсутствие ходока, быть не могло.

– И где же этот хренов капитан Немо, как говорила покойная Муму? – наконец произнёс знаток классической литературы.

Словно откликнувшись на этот страстный призыв, в проёме магазинной двери появилась сияющая морда охранника.

Нужно нам всего и много,
что по таре разлито –
долго-долго ждём итога.
Вот пришёл он. Ну и что?!

Глава 257. ВОСЬМАЯ ПАРТИЯ (продолжение продолжения)

Глотнув живительной влаги, сопокерники оживились. Например, по лицу охранника было видно, что карта на этот раз ему пришла просто отличная, и он сопел, причмокивал и ёрзал на скамеечке в предвкушении лёгкой победы. И здесь Курманбаев сделал ход конём, немузыкально заорав на весь Бермудский Учпучмак:

– Я на свадьбу тебя приглашу,
а на большее ты не рассчитывай!

Рука охранника дрогнула и, вместо покера с целью выбивания остальных неучтённых джокеров, он вытащил младшего джокера и небрежно произнёс:

– По джокерам!

Последствия были катастрофическими: Володя и Талгат скинули по джокеру – старшему и младшему, а Нуртай тут же собрал всех в одну взятку своим покером.

– Нет, ну это вообще свинство! – завопил дурным голосом охранник. – Ну, смотри, Нуртай, чаша моего терпения с твоей бочкой дёгтя наконец лопнула!

Но не таковы были коммунисты, чтобы ломаться нерушимым сознанием из-за какого-то нелепого крика. Курманбаев принял решение добить коллектив и сделал второй ход.

– Мизе́р, – еле слышно произнёс он, так застенчиво и стыдливо, словно до этого невинная девушка попросила сначала выключить свет, а потом приступать к са́мому страшному. Альбионыч понял, что надо спасать ситуацию. Он поднапружился и, с ходу махнув голенью, коротко выдохнул. Такая примочка в боевых искусствах называлась *мае-гери-каэге*, или маховый удар ногой. Правда, справедливости ради надо заметить, что такой искусный удар был нанесён все-таки виртуально, хотя голова Нуртая и дёрнулась как на веревочке. Видимо, эта верёвочка пришла в голову и прапорщику.

– Нуртай, ты чего ломаешься, как свинья на верёвочке? – задал он давно наболевший вопрос. Педагог заперхал, подавившись очередным глотком, и страшно обиделся. Ему, как истинно неправоверному коммунисту, было очень обидно, что в его присутствии помянули какую-то верёвочку!

В начале этого роббера Альбионыч мысленно поблагодарил природу за то, что волосы у него не имели склонности к ранней седине, а к концу его пришёл в себя и Мусаич.

– Вот ты, Володя, всё время говоришь, – пробормотал он, – что по *русской кочерге* эксперт. А ведь я глубже её знаю, потому что я аналитик!

– Насчёт глубже, Нуртай, верю. Ведь ты аналитик от слова *анал*!

Коли в тыкве есть магнитик,
что следит, чтоб чёрт не врал,
знает только аналитик,
почему он проиграл!

Курманбаев в очередной раз замкнулся. Было видно, что страдал он непоправимо, как ветеран, которого вышвырнули из очереди за дешёвой колбасой. Чтобы отвлечься от неприятных мыслей по поводу разгрома, который сулил ему Кулемзин, педагог с теплотой вспомнил изображённое на стене вестибюля родного еврейского колледжа в доперестроечный период панно, изображающее счастливое детство – красные флаги, весёлые пионеры с горнами и барабанами, а также строгая учительница, чем-то похожая на самого́ Нуртая, с книгой в руках, бодро ведущая детвору в счастливое завтра. Символы прошедшей эпохи, разумеется, безнадёжно устарели, но директор колледжа Беник Мойшевич посчитал, что если уж на что-то тратить деньги, то лучше потратить их на отпуск в Израиль, в любимой тете Фире.

– Серёжа, ты заявку делать будешь? – сурово сказал Талгат.

– Да вот думаю, – под общий смех произнёс охранник. – Четыре заказать или пять?

– Вообще-то цифра *четыре* очень коварна и опасна, – предупредил его Альбионыч.

– Почему? – насторожился Полтавцев.

– Да хотя бы потому, что идёт сразу за цифрой *три*. Ведь мы все привыкли считать до трёх, не обращая внимания на четвёрку, но именно она наносит самый предательский удар в спину, когда мы поворачиваемся лицом к единице, чтобы начать отсчёт сначала!

Сторож ничего не понял, но четвёрки убоялся и потому заказал пять взяток. Надо ли говорить, что в данном случае он пролетел на две взятки, хотя, не слушай коварного гуру, мог бы потерять всего лишь одну!

– Эх, *иблис* тебя раздери! – в досаде заорал Афанасьич. Несси подпрыгнула от такого чудовищного децибельного удара и стремительно понеслась к подъезду. Позже её хозяйка Анна Петровна рассказывала соседкам, что ненаглядная кошечка в тот вечер слегла с сильнейшим нервным расстройством.

И коту, и попугаю
всё до фени глубоко:
наши звери лучше знают,
как вести себя споко…

– Ничего не понимаю, – пробормотал охранник. – Ведь я же ясно видел, что у меня был старший джокер, а теперь его нет!

Володя выслушал жалобщика и посоветовал искать причины случившегося в собственном «сознании»

– Вряд ли ты, Серёжа, обладаешь какими-то сверхъестественными способностями типа ясновидения, – с уверенностью, присущей только *спецам*, объяснил знатный психоаналитик. – Возможно, твой «мозг» только зафиксировал некоторые факты, которые показались тебе желательными, и послал тебе предупредительный импульс, чтобы ты не воспользовался этим *надуманным*, а ты его не понял.

– Кого? – не понял охранник.

– Свой так называемый «мозг», – ещё раз прояснил ситуацию писатель.

– А чего же он так? – обиделся на свой неразумный орган Полтавцев.

– Ну, этот вопрос не ко мне! Думаю, что начало твоего конца заложила ещё твоя бабушка Федора из деревни Семижопино.

«Какого конца? Моего?!», мелькнуло в угасающем сознании страдальца. «Тогда это, скорее, не бабушка, а дедушка виноват!»

– Стратегия определяет тактику, – внезапно произнёс он и сильно испугался. Охранник даже оглянулся, чтобы посмотреть, кто это пробормотал над его ухом такие умные слова, и не увидел никого. «Помни́лось», с облегчением подумал он.

Знают все мои коллеги,
что я умный, как Ваал, –
я и тактик, и стратегик!
Отчего же проиграл?

Игра шла какая-то нервная и дёрганая. Володе это напомнило известное физическое явление – интерференцию: это когда волны складываются, где-то одна поглощает другую, где-то наоборот усиливает, так что не разберёшься, какая из них сильнее. А всё почему? Да потому что волны однородные или, как их называют умные физики, *когерентные*. А различие только в направлении и в мощности. И именно поэтому выигрывает всё время кто-то один, а не все сразу.

Здесь же налицо была какая-то двойная когерентность: ведь умным он был один, а выигрывали все по очереди! Хотя если обозревать всю игру целиком, то Альбионыч выигрывал уже третью партию подряд. И он знал причину этого, казалось

бы, нечаянного успеха. Просто последний час все игроки, кроме него, дружно были заняты увлекательным процессом втаптывания в грязь ближнего своего. А это, согласитесь, отвлекает! Более всего нападок, по традиции, испытал на себе педагог. Из-за этого он чувствовал сейчас себя жертвенным агнцем, испытывая естественный для коммунистов мазохизм – это было больно, но приятно. Вот и сейчас ему досталось на какие-то гипотетические орехи от сторожа.

– Да чтоб ты сдох! – в сердцах пожелал тот. Правда, Серёжа подозревал, что Нуртай и после смерти может его доставать, ведь он слышал от бабушки Федоры, что такие покойники самые вредные, и разгуливают по ночам, как по Бродвею. В душе его проснулся давно затаённый садизм, и мысли приняли совсем уж неожиданный оборот: «Осиновый кол вбить в могилу, а сверху посыпать маком. Мне бабушка говорила, что пока он будет маковки считать, петух-то и пропоёт…»

В гроб противника загоним,
а потом себе нальём –
поднатужимся, схороним
и закусим пирожком!

Глава 258. ВОСЬМАЯ ПАРТИЯ (ещё одно продолжение продолжения)

Жалко было только Талгата, который невольно попал под раздачу, когда сторож расправлялся с коварным врагом. Полтавцев после того, что случилось, стал посматривать на прапорщика как-то виновато и сочувственно, словно на мальчика, у которого эскимо упало с палочки на землю. Володя в задумчивости насвистывал старую и хорошую битловскую песню «Can't Buy Me Love»[186], анализируя только что увиденную ситуацию.

[186] «Любовь нельзя купить, но можно улучшить исходные позиции для торга» – перевод автора

Как же было дело? Обнаружив в пришедшем роббере сразу три джокера, Афанасьич, как пишут плохие романисты, потерял голову. «Сначала пройдусь по козырям», лихорадочно заскакали в его шалой голове мысли, «потом по бубям, у меня же есть бубновый король, потом одного джокера сброшу *за простую*[187]…»

[187] Вновь хотел бы сказать, что в данном случае никакой ошибки нет, и объяснить читателям столь явное нарушение основ русского языка. Дело в том, что игроки не всегда произносят полную версию этого магического заклинания, а звучит оно, тем не менее, так: за простую карту – прим. автора

– Пять! – наконец озвучил он свой заказ. Увлечённый возникшей бредовой идеей, охранник стал недоступен какой-либо информации извне. Он уже не слышал, что Кулемзин сам заказал пять взяток, да ещё при этом объявил мизéр, не слышал, как досадливо крякнул прапорщик, не видел, как радостно заблестели глаза у педагога, у которого на руках были одни двойки и тройки. И вот – итог!

– Эх, Серёжа, – досадливо произнёс военный трубач.

– Да я сам всё знаю, – запальчиво выкрикнул Полтавцев.

– Так уж и всё? – усомнился Володя. – Хорошо, тогда поведай коллективу, что сказал поэт Пушкин Александр Сергеич поэту Баратынскому Евгению Абрамычу, когда они нечаянно столкнулись на ежегодном летнем балу барона Луи-Якоб-Теодора ван Геккерна де Беверваарда 8 октября 1835 года?

– А что все поэты друг другу говорят? – не растерялся охранник. – Я, мол, получше пишу, не то что ты! Как будто ты не так другим писакам говоришь!

Альбионыч был сражён отточенной меткостью ответа.

Под приятные гашиши,
что вкусней, чем артишок,
мы, поэты, что ни пишем,
всё выходит хорошо!

Между тем партия продолжалась. Вот уже дело шло к средней *тёмной*, а лидер всё не определялся. «Пора!», принял бессмысленное решение Кулемзин. И сделал он его не совсем сам, но под воздействием внешнего фактора, а именно: один особо резвый муравьишка заполз Володе под рубашку, после чего тот, задрав свою экзотическую холстину, сначала почесал свой *глобус*, похожий на вылезшее из кадушки тесто, а потом аккуратно опустил животное на землю. Голова же в этот момент работала автономно от тела, что и послужило причиной принятия такого странного решения. Последствия его были ужасны: сам он недобрал взятку, Полтавцев перебрал тоже одну взятку, а выиграли роббер мусульмане.

– По-моему, неприятности, о которых так долго говорили большевики, свершились, – задумчиво поглядев на Нуртая, проговорил писатель. Курманбаев скромно потупил педагогические очи.

– И каждого копьём или стрелой
к земле родной приблизили татары,
укрыв навек то снегом, то травой… –

горько поведал собравшимся Володя, выразительно посмотрев при этом на татарского музыканта. Прапорщик заёрзал, но возразить на обвинение было нечего – чего уж там, было это проклятое иго, куда ж его денешь!

– Кажется, перебрал, – смущённо признался сторож перед тем, как бросить на столик последнюю карту – козырного туза.

– И чего ты его берёг? – поинтересовался Володя.

– Да на всякий случай, – странным, но привычным русским объяснением объяснил Серёжа.

– Случаи бывают разные, – отозвался военный музыкант. – Вот у нас на политзанятиях майор такой случай рассказывал. В одном монастыре сильно праведные монахи давали обет безбрачия. Но, *на всякий случай*, ничего себе не отреза́ли!

Володя сидел грустный, как московский бронзовый памятник Гоголю возле метро «Кропоткинская», и так же, как неживой писатель, смотрел на так и не изменившихся за столетие персонажей. В его голове зрел план мести.

Не знаю, чем он кончится, –
запутавшийся путь,
но так порою хочется
ножом… куда-нибудь!

Глава 259. СКАЗКА О ЕВИНОЙ ДОЧКЕ

– Володя, рассказал бы что-нибудь умное, – попросил Серёжа.

– Запросто, – не стал чиниться писатель. – Хочешь послушать о семиотической теории карнавала как инверсии двоичных противопоставлений?

– Чего? – вытянулось лицо любопытствующего. – А про баб ничего не знаешь?

– Знаю, и не про одну. Но расскажу, пожалуй, про вторую.

– В исторической плоскости? – уточнил охранник.

– Исключительно в ней, – согласился Кулемзин.

«Так вот, жила в древности одна Евина дочка. Про Адама с Евой все помнят, стало быть, объяснять не надо. *Дедушка* их за распутство из рая выгнал и отправил на землю – дескать, пока не заслу́жите, обратно не пущу. Стали они жить-поживать да добра наживать. Ну, сколько у них народу всего народилось, я не помню, но не только Каин с Авелем были, это точно. Стало быть, бабы тоже каким-то образом появились.

Дедушка, конечно, рассчитывал, что люди после того, как их из рая выставят, прекратят всякое аморальное поведение и культурно жить станут. Однако ничего не получилось: известно ведь, что ссыльные ещё пуще гуляют, пьют да дерутся. Но плодиться-размножаться тоже не забывали, хотя и не по закону *дедушкину*, а самым бардачным образом. В общем, все Евины дочки *спортились*, ещё замуж не выйдя, кроме одной, – той самой, про которую речь пойдёт. *Дедушка*-то как думал: что всё это от перенаселённости пошло́, и потому повелел людям по всей земле расселяться, а не торчать в Палестине или в каком-нибудь Ираке. Так и стал этот народ постепенно по свету разбредаться и селиться где попало. Ну, и в Советский Союз (б), конечно, тоже забрели!

Не дурак народ наш вроде,
но умеет рассмешить:
он всю жизнь по свету бродит –
ищет, где полегче жить!

Так что эта невинная Евина дочка попала в Сибирь – ну, скажем, на речку Порченую. Конечно, речка не так называлась, так ведь это же сказка, к тому же здесь вовсе никаких названий не было – дикое место, одно слово, потому что никто тут из людей не жил, а только одни звери. А вот Евина дочка сюда одна пришла. Привёл её сюда *дедушка* и говорит:

– Если проживёшь здесь безгрешно, мужиков не знаючи, три года, три месяца и три дня, то быть тебе в райских кущах навеки, да и род человеческий будет мной амнистирован!

Дедушка, как известно из выступлений попов, был милосердным, и решил он, что уж тут-то, в медвежьем углу, человечество себе прощение заслужит, – ведь до ближайшего мужика пять тысяч вёрст, и всё лесом! Сейчас-то ближе, конечно, а тогда так было. Так что *дедушка* был твёрдо уверен, что Евина дочка и себя в девичестве соблюдет, и весь род человеческий от его проклятия избавит. Интересно, что не пришло в голову старому маразматику, что народишко-то можно просто так простить, без всяких испытаний, – просто для того, чтобы потом в церквях его всемилостивейшим называли. Короче, оставил он её в лесу, а перед этим заставил расписаться в инструкции, чего можно, а чего нельзя, и со спокойной совестью отправился продолжать свою общественно-полезную работу по воспитанию нового человека.

В элитарном нынче клубе
наблатыкались жужжать,
но инструкции мы любим
непременно нарушать!

И вот прошло три года, три месяца и три дня. Призывает *дедушка* весь свой аппарат – замов, помощников и референтов, и ставит вопрос о снятии с человечества ранее наложенного взыскания и возвращения его в рай. Ну, понятно, всё готово, все визы проставлены, штампы прошлёпнуты, и только один архангел Гавриил не расписался. Вызывает его *дедушка* на ковёр и строго так спрашивает:

– В чём дело, товарищ Гаврила? Вы что, решили развести бюрократизм и затянуть решение вопроса?

А Гавриил и отвечает:

– По данным моего ведомства, эта самая Евина дочка себя не соблюла – у неё сейчас три сына имеется!

Разозлился *дедушка*:

– Что за брехня? Я сам проверял – по справкам: там ни одного мужика за это время не было!

А Гавриил так невозмутимо говорит:

– А вы, дорогой товарищ Саваоф, сами слетайте в тот район и разберитесь на месте. Если я не прав, снимайте меня с работы и отправляйте к *иблису* – сельское хозяйство в глубинке поднимать!

И полетел *дедушка* в сибирские леса. Видит, стоит избушка, а во дворе три ребятёнка играют. *Дедушка* сразу к ним.

– Как фамилия? – спрашивает.

Старший дитёнок отвечает:

– Медведев.

– А твоя? – спрашивает *дедушка* у среднего.

– Лосев, – отвечает.

А самый младший, годовалый, ещё и говорить не умеет.

– А это чей? – сердится *дедушка*.

– А вы, дорогой товарищ ревизор, у его папки спросите, вот он курицу из курятника тащит.

Посмотрел *дедушка* в ту сторону, а там из курятника лис как в лес шуранёт!

И тут Саваоф всё понял и заругался:

– Ты что же, мать твою Еву, такой бардак на вверенном тебе участке развела? Я, между прочим, тебе доверил светлое будущее всего человечества, а ты что творишь? Ты за инструкцию расписывалась?

– Извиняюсь, товарищ *дедушка*, – возражает Евина дочка, – вы мне что в инструкции написали? С мужиками не знаться – раз, любить животный мир – два, и преумножать его богатства – три. Вот я всё по инструкции и делала!»

«Вы какие-то другие!»,
обличает нас мулла,
«Родом из зоофилии,
а конкретно, – от козла!»

– Вот такая история, други мои, – закончил рассказ Кулемзин.

– Сам придумал? – спросил педагог.

– Чистая правда! – истово поклялся писатель. – Вот тебе истинная христова перекладина!

Глава 260. ВОСЬМАЯ ПАРТИЯ (неокончательное окончание)

Принято считать, что неуверенность связана с изъяном в психике, с каким-нибудь комплексом неполноценности. Принято считать также, что неуверенность – это

плохо: начинает ли человек новое дело или начинает жизнь, он просто-таки обязан быть уверен в себе. Кулемзин и не отрицал, что уверенным быть хорошо. Но он знал и другую причину неуверенности – работу ума, столкновение мыслей и едкость сомнений. Думающий человек, пока он думает, бывает неуверен, но думающий человек всегда думает. Неуверенность – это рабочее состояние мысли, но ведь мысль и должна находиться в рабочем состоянии. Кстати, логически продолжая, Альбионыч вывел и вторую формулу о том, что неуверенность – это признак ума. Дураки всегда и во всём уверены, глупость вообще самоуверенна. Истина же лежит на дне сомнений и неуверенности.

«На дне сомнений истину ищи»,
не сомневаясь, лопал я хрящи!

Сдали следующий роббер – по десять карт, и тут же возникла незапланированная заминка в виде большеминутного раздумья Полтавцева.

– Серёжа, ты заказывать будешь? – в который раз за день, нервничая, спросил Альбионыч. – По-моему, ты опять тормозишь! Гляди, как бы раньше срока тормозные колодки не сносил…

– Ну, рассуждая теоретически… – отозвался охранник.

– Старик, не надо, – перебил его прапорщик. – Ноль информации, как его не умножай, всё равно даст в итоге ноль!

– Браво, портупей-юнкер!

Володя на несколько секунд расслабился и глубоко задышал носом. Это был старый приём, который побеждал не только волнение, но и страх. Давно известно, что страх – понятие химическое, ведь это не более чем увеличение адреналина в крови, а адреналин уничтожается именно кислородом, поэтому, если приходит никому не нужное волнение, надо как можно глубже и чаще дышать. И вообще – не боятся только дураки. Правда, не раз в игре помогало простое умение играть, да и мудрость, приобретённая с годами, тоже никуда не девалась. Но, с вероятностью 91 % Альбионыч знал, что мудрость в иных случаях не помогает вовсе, а всё дело случается в том, какие карты пришли – хорошие или не очень.

Вот и педагог, увидев пришедшие карты, тут же попытался изобразить на своей физиономии выражение, которое принимает невинная маленькая девочка над трупиком безвременного скончавшегося любимого котёнка. Внимательно проанализировав физиономические опыты Нуртая, Володя тут же понял, что сейчас, выражаясь несколько подзабытым советско-блатным жаргоном, на котором одно время разговаривало полСССР (б), Мусаич *лепил горбатого*, или, выражаясь культурнее, *заправлял фуфель*, *мазал чернуху* и *гнал туфту*.

Крышей тухлою съезжая,
притворяясь центровым,
мы взаимопонимаем,
что *по фене* говорим!

Вот и сейчас, неожиданно для всего коллектива, писатель вначале выбил у игроков джокеры, а потом прошёлся по трефам, так как приберёг для последней взятки трефового туза. И он угадал! Серёжа, увидев такие комбинации, вначале подумал, что Володя обладает каким-то угадывающим аппаратиком. По полтавцевскому мнению, аппаратик этот располагался у писателя где-то в ухе, потому что он несколько раз видел, как Альбионыч, прежде чем сделать ход, коротко копался в ухе, а затем

выкладывал именно ту карту, которую или он, Серёжа, или кто-то другой, хотел сейчас пойти. Последствия были неважными – почти для всех сопокерников.

– А вы как хотели, дети мои? – удивился Кулемзин. – Я же ещё во время так называемой бесполезной учёбы предупреждал вас: где появляюсь я, там разгорается Сталинград!

Правда, всех посадить не удалось, да и не было такой задачи, – Батыршин успел-таки взять свою взятку. Просто Володя перед роббером увидел, что если тот взятку не доберёт, то не миновать ему почётного проигрыша в виде *жопы*! А это было чревато неизбежными ухмылками.

– Да ты специально Талгату помог, – с неудовольствием попенял Курманбаев.

– Что же делать, – пожал плечами писатель. – На всех не угодишь! Кстати, такие случаи облагодетельствования бывали в истории неоднократно. И чаще всего как раз в нашей истории. Вот, например, русский император Шурик II как-то решил купить у художника Александра Ива́нова его знаменитую картину «Явление Христа электорату» за 15000 рублей, да ещё и пожаловал ему орден святого Владимира – видно, так полотно понравилось! Жаль только, что случилось это через несколько часов после смерти живописца..

Муравлев, услышав страшную историю, всхлипнул и горько понурился – он чувствовал, что его Сука-судьба будет не лучше. Глядя на него, понурился и Полтавцев. «Хорошо, что я не художник», подумал он. «Эва у них как…»

Я говорю родным и сводным:
«Кончайте сами мясо жрать!
Художник должен быть голодным!
Но не совсем же умирать…»

Однако, автор, по случаю вдруг вспомнив друга компании, решил дать ему сказать несколько слов. Валера, чтобы своей горькой позицией не расстраивать честну́ю компанию, тут же рассказал случай из своей жизни, которым весьма рассмешил присутствующих:

– Просыпаюсь я однажды с дикого бодуна (а дело, заметьте, было годах в семидесятых), подхожу к столу похмелиться, и вдруг взгляд падает на какую-то газету, которой застелен стол. Первая мысль: «Откуда?», ведь сроду я ни одной газеты не выписывал. Вторая мысль ещё страшнее, ведь смотрю я на газетку и чувствую, что не могу понять ни одного слова. «Ну всё», думаю, «вот она и пришла – белая горячка!»

– О-о-о-о-о, – простонал прапорщик, – как я тебя понимаю!

– И я, я тоже понимаю, – прикинулся своим Курманбаев.

– «Спокойно», – говорю сам себе, отхожу к окну, отворачиваюсь, потом резко поворачиваюсь, снова кидаюсь к столу и – результат тот же! Потом дрожащей рукой переворачиваю газету и читаю название: «Социалистік Саксаулстан»!

Все дружно посмеялись над злоключениями пьяницы.

– Но знаете, что самое смешное в этой истории? – закончил Муравлёв. – Это то, что похмелье прошло само собой!

Доведённый до собеса,
но худой, как сухоцвет,
почитай наутро прессу –
и похмелья нет как нет!
(Вот какой бывает вред
от советских от газет!)

Глава 261. ВОСЬМАЯ ПАРТИЯ (ещё одно неокончательное окончание)

Володя был хорошо знако́м с тем таинственным состоянием, когда знания в тебя втекают неизвестно откуда, извне, и ты уверен, что эти знания – о будущем ли, о прошлом ли, о настоящем ли, но эти знания – верны. И всё, что ты сейчас легко и бездумно произносишь, обязательно сбудется, состоится, свершится. А может быть так, что именно вот этими своими словами, которые ты в данный момент произносишь, может быть, именно этими словами ты и создаёшь будущее, меняешь прошлое, вмешиваешься в настоящее! Красивая мысль – не правда ли? Но она, такая красивая внешне, не имеет никакого отношении к *русской кочерге*, потому что эта игра непознаваема, как сама Вселенная!

Вот и сейчас, когда Курманбаев – при весьма, надо заметить, приличных картах – заказал три взятки, то неожиданно пролетел аж на две, после чего Кулемзин с удовольствием списал ему в раскладке 45 очков. И не было здесь какой-то ошибки с его стороны, или чьего-то подлого умысла, а была карма, или, по крайней мере, то, что наши люди подразумевают под этим словом. А складывалась она весьма причудливо: в начале, получив роббер, Нуртай судорожно зажал карты, и при этом неброско засучил ножками, как перед *шмоном*, потом он восторженно смотрел на них, как влюблённый Саша Блок, простаивая часами под окнами оперной певицы Любови Дельмас, затем ему всё никак не удавалось заглянуть в прапорщицкие карты, и он, не в силах совладать с природой, вертелся, как *иблис* перед утренней *распевкой* муэдзина, после этого его немного отвлекла жанровая картинка с участием домашних животных.

На толстом суку́, склонившемся над покерном столиком, сидели сразу две кошки – уже знакомая читателям Несси и пришлая из соседнего двора Серафима, любимица тёти Шуры из дома № 16. Свесив хвосты, они ругались противными мявками, видимо, не желая видеть друг друга на одной вре́менной жилплощади. Первой не выдержала пришлая Серафима и стремительно понеслась в свой двор, а Несси тут же сменила регистр и стала мяукать совсем другим тоном – призывно и ласково. Все эти, казалось бы, отдалённые друг от друга события, неожиданно сошлись в одной точке – и педагог проиграл! Сейчас он по прихоти Суки-судьбы и её капризной подружки Кармы сидел с грустной всепрощающей улыбкой католической мадонны.

Твёрдо знают кришнаиты:
карму ты не береди!
Если карму разозлишь ты,
мёда от неё не жди!

– Расслабился ты, парень, – горько покачал головой Володя. – Как маразматик на унитазе…

Нуртай угрюмо промолчал. Запоздалая реакция на случившееся настолько его обессилела, что он, пригорюнившись и отрешась от окружающего, принялся рассеянно думать о том, что вот уже скоро конец лета, что времени около пяти вечера, но ещё светло, птички поют, коровы мычат, впрочем, какие коровы могут быть во втором микрорайоне, красивая девчонка переставляет по одному катету Бермудского Учпучмака стройные копытца, а хмельной мужичок, напротив, по катету второму еле переставляет свои ходули после седьмого похода к Калиме – короче, всем было хорошо до того момента, как с ним так несправедливо поступили его товарищи и даже где-то кореша. А вот про карму ему даже в голову ничего не пришло!

По мудрым законам природы –
когда седина в бороде –
невольно влечёт человека
сидеть на своей борозде.
Кто с Марса, давно это слышит,
а нам это вдвое ясней:
своя черепичная крыша
всех партий на свете родней!

«Ничего!», увидев свои новые карты в новом роббере, подумал Нуртай. «Ничего, я им ещё покажу!» При такой могучей мысли он вспыхнул, как девственник, которого одноклассники впервые привели в подвал смотреть крутую порнуху.

– Никто ничего не объявляет? – делано равнодушно спросил он и затаился в ожидании ответа, как голодный кот на пороге рыбного цеха. Но обмануть Володю в игре было практически невозможно – он понимал язык телодвижений, мимику жестов и поз, легко читал карточную *раскладку* по блеску глаз и дрожанию руки. В общем, у него были свои методы и навыки получения необходимой информации без искажений. Он имел дар управлять людьми, дар влияния. Но, как и каждый талант, эта способность чувствовать людей имела оборотную сторону. К своему возрасту Кулемзин превратился в странное существо, сотканное исключительно из органов осязания, чему немало поспособствовали его занятия покером. Он моментально чувствовал любую фальшь, любой обман, любой намек на пакость и подлость. Струны его души незамедлительно улавливали любые намерения противника. Он чувствовал всё, поэтому был одинок! Вот и сейчас деланное равнодушие Мусаича его не обмануло. И неважно было, какие карты пришли к остальным, ведь противостояние между антиподами было сейчас важнее само́й игры!

Надо ли говорить, что и на этот раз счастье было не на стороне иблисопоклонника. Пролетев второй раз подряд, Нуртай ахнул, а потом ещё и взвизгнул – это было очень похоже на музыкальный *мордент*[189].

[189] От ит. mordente – мелодическое украшение, образующееся путём быстрого исполнения после основного звука вспомогательного – прим. муз. редактора

Если бы Курманбаева сейчас описывал какой-нибудь американский романист-детективщик, то наверняка получилась бы следующая фраза: «Его морда опечалилась, как у койота, сожравшего падаль»

Происходит натурально
жизнь куском и целиком:
мы печальны изначально, –
потому что всё умрём!

Глава 262. ВОСЬМАЯ ПАРТИЯ (окончание)

– Ёкарный джокер, что ж ты так? – неожиданно пожалел страдальца военный. Педагог сидел молча, убитый неизбывным горем.

– Попробую-ка я ответить на твой нелёгкий вопрос, – поднял руку писатель. – Понимаешь, Талгат, все большие поражения начинаются с маленьких недоделок. А ведь это очень обидно. Там забыл, там недосмотрел, а в результате – обвал национальной валюты!

После этого он внимательно поглядел на Полтавцева и спросил его, прищурившись:

– Сечёшь нюанс?

– Не понимаю, – напрягся Серёжа.

– Секёшь, яйчики-бабайчики? – перевёл на микрорайоновский язык Альбионыч.

– А! – обрадовался охранник, услышав знакомые слова. – Вот так-то лучше. А то говорит по-непонятному…

И опасливо-тихо добавил:

– Деревня…

Володя протянул перманентному страннику купюру и напутствовал его по-отечески:

– Age quod agis[190].

Серёжа, не дослушав заветных слов, быстро помчался в магазин.

– Старик, не так быстро, – вдогонку ему прокричал Кулемзин и, чтобы дошло быстрее, добавил опять-таки на латыни:

– Arcus nimium tensue rumpitur[191].

[190] Делай свое дело – лат.
[191] Чересчур натянутая тетива может лопнуть – лат.

– Мать честнáя, да я завсегда, – на бегу откликнулся охранник, но не оборачиваясь, чтобы не упасть раньше времени.

Вернулся он через полминуты и сообщил новость: предприимчивая хозяйка закрыла магазин буквально на пять минут – на приёмку товара. Товары, видимо, были из той же серии, что и тушёнка, описанная автором в главе 86 первой части романа, и поэтому не нуждались в посторонних глазах. К тому же, Калиме надо было срочно придумать, написать и развесить новые ценники. Игрокам пришлось поневоле продолжить партию, хотя сейчас всем больше хотелось свежего пивка.

Карты к педагогу, как назло, опять пришли откровенно слабые, и Нуртай, видя, как загорелись глаза у прапорщика, решил побороться с ним другим путём. Он неожиданно приподнялся и, глядя в мутные зенки Талгата, чётко, как врач-кодировщик, продекламировал:

– Живёт во мне одна забота –
трудиться, сердца не тая.
Такая у меня работа!
Моя работа – песнь моя!

Военный трубач поперхнулся, бросил карты и стремглав помчался к кустам, откуда через мгновение раздались характерные звуки борьбы желудка с земным притяжением. Но педагогу этого показалось мало. Заметив, что охранник в ожидании товарища начал вытягивать из пачки сигаретку, Курманбаев тут же оказался рядом и, протянув руку к Афанасьичу, с выражением детсадовца на утреннике как-то нескладно продекламировал:

– Так работай, чтоб с накалом,
чтоб на много лет вперёд
наше дело излучало
только самый яркий свет!

Но яркий свет, видный даже под палящим отцеябловским солнцем, несколько мгновений излучала всего лишь зажжённая охранником спичка. И, только докурив сигаретку, Полтавцев как ни в чём не бывало обратился к педагогу:

– А? Это ты мне?

После чего он демонстративно высморкался в огромный многоцветный платок, похожий на флаг какого-то неизвестного государства.

Знает русский и уйгур:
лучший праздник – перекур!

Сопокерники напряжённо вглядывались в очертания магазинчика Калимы, но долгожданной таблички на двери, извещающей об его открытии, всё не было.

– Володя, давно ты своих стихов не читал, – робко попросил сторож.

– Стишки про кишки? – весело спросил знатный поэт.

– Нет, про жизнь, – мудро рассудил Серёжа.

– И главное, старик, помни, – вставил свои три копейки педагог, – о том, что

слово к слову – и родятся строки,
вот и стих звенит подобием волны.
Пусть же в нём пребудут жизни токи,
беспокойны, многоцветны и звучны!

– Беспокойные токи? – уточнил Кулемзин. – Ну что ж, как говорится, по заявкам радиослушателей! Слушайте все, и не говорите, что вы ван-гоги безухие:

Всё это временно, а, значит, постоянно:
тоска и боль, и ожидание тепла,
вечерних глаз пьянящие обманы,
и страстью опалённые тела,
и ласковость упругого загара,
и дерзость воспалённого ума.
А утром – горький запах перегара
и жизни страх. И липкий, как туман,
неловкий плач за пёстрой занавеской,
и новый день, как свет больничный, резкий,
дробящийся в глазах, как в зеркалах.
И снова – вечер. Кофе и вино.
В бродяжьем мире – стылый запах псины.
А мне твердят, что жить легко – грешно!
И в сон бредут, до хруста теша спины.
Всё это временно…

Талгат горестно обхватил свою голову как-то сверху, как бы иллюстрируя известное идиоматическое выражение *наложить на себя руки.* Глаза его широко раскрылись и держались так, не мигая, целую минуту, словно какой-то человек-невидимка ловко вставил туда прозрачные распорки. «Неужели его так расстроили мои гениальные строки?», с теплотой подумал великий поэт. Но нет, всё оказалось много банальнее: прапорщик, умудрённый горьким опытом общения с педагогом, понял, что тот сейчас попытается испортить впечатление от творчества Кулемзина. Так оно и случилось.

– Подожди, подожди, теперь моя очередь, – заволновался Нуртай. «А то ещё что-нибудь не то прочитает», подумал он, «разложит мимоходом коллектив…»

– Есть для нашего славного коллектива у меня вот такие проникновенные строки, – добавил он и с выражением пионера прочитал:

– Буква к букве, звуком налитое,
пусть родится слово, трепетность храня.
Малое оно или большое,
должен быть в нём свет высокого огня!

Надо ли говорить, что кусты позади покерного столика были тут же испоганены неукротимой жизненной энергией военного трубача – который уж раз!

Глава 263. ПЕСНИ ИЗ ГУЩИ НАРОДА

Вот ведь как захватывает людей научный разговор! Пока сопокерники спорили о весьма высоких материях, недалеко от границы Бермудского Учпучмака разворачивалась жанровая сценка в исполнении наших старых знакомых – бомжей Танкиста и Одиссея. Полный тёзка древнегреческого героя стоял на русских карачках, но позой своей напоминал Володе китайского мопса. «Вставай, малютка», подумал писатель, но вслух эту полную трагизма фразу так и не произнёс. Танкист же, не делая никаких попыток поднять товарища, явно готовился к выступлению: он прочищал гортань какими-то сложными хрипами – видимо, из музыкальных техник тувинских мастеров горлового пения, а также отряхивал одежду, чтобы больше соответствовать, как ему казалось, импровизированной сцене в виде пожухлой летней травки.

– Судя по моим подсчётам, строящимся на личных воспоминаниях, – улыбнулся Кулемзин, – мы этим друзьям сегодня уже бутылочек пивка по 7-8 отстегнули!

– Мать честнáя, математизация процесса, – подтвердил сторож. Батыршин с завистью поглядел на Серёжу, подумав о том, что надо бы почаще общаться с Володей *неформально*, тогда, может быть, и он скоро научится с лёгкостью говорить такие мудрёные слова.

Писатель неплохо относился к знакомым лицам без прописки, называя их то друзьями теплоцентральных крыс, то ветеранами слёта печёной картошки, а то и топ-менеджерами по сдаче стеклотары. Наконец Танкист, настроивший свои обертоны на звуковые колебания, соответствующие пению испанской толстухи Монсеррат Консепсьоновны Кабалье, приступил к исполнению:

– Яшка Свист, как вечер, – занят пальцами,
мнёт и гнёт их, ловкости уча,
чтоб не потерять квалификации,
навык и сноровку *щипача*!
Доведя до нужной их кондиции,
он, неизлечимый клептоман,
оглядевшись –
нет ли где милиции? –
начинает лезть к себе в карман.
Как зверьки, подвижные и юркие,
пальцы нырк в него – и Яшка рад!
Даже сам не чувствует под курткою,
как они в кармане шурудят.
Ищут что-то там, глазами лупают,
грязную подкладку шелуша,
и никак понять не могут, глупые,
что в кармане нету ни шиша!

Это замечательное произведение из *сидельческого* репертуара Альбионычу было не знакомо, и он посчитал, что Танкист, заработав бутылочку «Тянь-Шаня», может рассчитывать ещё и на бонус в виде ста граммов *беленькой*. Осчастливливать алика он послал Полтавцева, предварительно взяв с него клятву: а) не отхлёбывать по дороге, б) вручить подарок строго по адресу и в) вернуться живым.

– Клянусь не сдаваться врагу никакими частями! – выслушав наставления, поклялся охранник. Танкист, получив гонорар, тут же отдал пивко своему товарищу Одиссею, а сам бережно принял серёжин *двухсотовый*, наполненный ровно наполовину, после чего аккуратно выхлебал целебный напиток, вернул курьеру стакан и, видимо, от чувств, а не чтобы заработать ещё, стал тихонько напевать про пережитое:

– Проснёшься утром – город спит,
не спит тюрьма – она уже проснулась,
а сердце бедное так заболит,
как будто к сердцу пламя прикоснулось!

В это время вместе с городом из песни проснулся к жизни второй люмпен – Одиссей и, как будто не было получасового провала, расстелил вынутую из кармана бесплатную рекламную газетку, кои в наше время во множестве, как вражеские десанты, забрасывали в почтовые ящики доверчивых граждан неизвестные люди, после чего стал деловито резать на ней огрызок огурца и кусочек заветрившейся сомнительной колбаски, купленной в магазинчике Калимы, на мелкие части. От усердия он высунул язык и что-то приборматывал. Володя прислушался и узнал начальный катрен из «Евгения Онегина» своего друга Сергеича:

– Мой дядя, честный вор в законе,
когда зависнул на креста,
он оборзел, как бык в загоне,
хоть с виду был уже глиста…

Писатель улыбнулся: он узнал эти бессмертные строки, переведённые с пушкинского на *феню* неизвестным сидельцем. Особенно ему нравилось классическое письмо Татьяны к Евгению, или, по версии блатного автора, «Малява от Танюхи»:

Я тусанула Вам малёвку –
харэ уже соображать!
Теперь Вы можете воровку
за не хер делать облажать.
Но Вы мою судьбу-кантовку,
не парафиня, не говня, –
не оформшачите меня!
Сперва метлу я привязала –
поверьте, я бы, как манда,
не раскололась никогда,
когда бы я в натуре знала,
что редко, хоть в неделю раз,
на хазе буду мацать Вас…

Одиссей не спеша закусил нехитрой готовкой, поднялся с травы, и под ручку с товарищем заковылял навстречу своему несомненно светлому будущему. А будущее этих да и других героев зависит только от меня, то есть автора, так что цените, други мои, и не чихайте в мою сторону!

Глава 264. НЕКОТОРЫЕ НЕИЗВЕСТНЫЕ РАНЕЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ ПОЛТАВЦЕВА

Скоро, ах, как скоро читатель перевернёт последнюю страницу второй части нашего правдивого повествования, чтобы тут же начать читать часть третью! И вновь он проникнется симпатией к нашим героям, и вновь будет ждать искромётных девиаций[192] Серёжи Полтавцева, как подлинного героя нового саксаульского времени. Вот об этом герое несколько подробнее и решил рассказать автор.

[192] Девиация – любое поведенческое отклонение от установленной социокультурной нормы – лат.

Родился Серёнька в деревне Семижопино Семижопинского района неизвестного уезда, как говорят в народе, на кривого Касьяна, то есть 29 февраля, и очень этим гордился. По нашим дурацким лилипутским меркам ему было 52 года, а на самом деле стукнуло всего тринадцать!

Рада мама, рад отец –
стал придурком их малец!

Серёже не досталось такого печального детства, как Талгату, но зато как мечтал он о пастушьей доле! «Утром телят выгонять на солнышко, на травку, вечером пригонять их обратно…», представлял себе райскую жизнь будущий охранник. Он воображал себя этаким кудрявым Лелем с жалейкой, в расшитой рубахе до колен, с гребешком на поясе и лапоточках на ногах, а вокруг красны девки в сарафанах, и среди них одна – в венке из васильков! Он начал учиться щёлкать кнутом, как умел деревенский дурачок Михрютка, и даже сделал две реальные попытки: с первого раза, правда, больно обмотал себя кнутом, как колбасу шпагатом, зато второй раз оказался удачнее – обошлось без членовредительства, правда, с берёзы был сорван старый гнилой *безжильцовый* скворечник. О светлом детстве нашего героя надо добавить только то, что всю мудрость жизни он познал в вечерних разговорах со своей бабушкой Федорой. Дед же его Михей всю эту мудрость тут же старался выбить деревянной ложкой по лбу, потому как «малец бесперечь лазал в казанок с картохой цыпкатыми грабками»

Уже в школе выяснилось, что был мальчик Серёжа наивным и глуповатым, как юнкор «Пионерской правды» Например, будучи в нежном возрасте, который несколько затянулся, он думал, что большие деньги – это такие огромные пятаки, в полкило весом, которые и в карман-то не лезут. Кстати, другой наш герой, а именно Кулемзин, после этого рассказа охранника подумал, что, в общем-то, тот прав: если деньги способны оборвать тебе карман, то они и впрямь большие. Можно, конечно, карман и поболе пришить, но тут есть своя опасность: надо по одёжке выкройку рассчитать, не переборщить с этим, а то можно или без штанов остаться или попросту надорваться!

В нашей тихой деревеньке
не привыкли мы копить:
рвут штаны большие деньги –
надо срочно их пропить!

Если же говорить коротко, то из всей школьной программы Серёнька Полтавцев по прозвищу Незнайка запомнил только то, что жи и ши пишутся через *ж* и *ш*.

После школы он, чтобы как-то отсрочить армию, попал в ПТУ, готовившее для СССР (б) ударников сантехнического труда, но, проучившись несколько месяцев, был изгнан из училища за хроническую неуспеваемость. В армии молодой солдат Полтавцев не вылезал из нарядов на кухню, но однажды во время больших учений вместе с остальными воинами совершил три прыжка с парашютом, причём два из них – неудачно. «У нормального человека», как объяснил ему старшина Пилипчук, «череп состоит из 127 костей, а у тебя, рядовой Полтавцев, из одной, то есть собственно головы!»

И хотя в голове у него тонко посвистывала торричелева[193] пустота, он понял, что после армии кормить его никто не будет, и в ударном порядке устроился на уже известный нашему внимательному читателю Отцеябловский хлопчатобумажный комбинат, где, овладев некоторыми металлическими частями механизмов, неожиданно стал если не героем труда, то вполне справным работником – бригадиром ткацкой бригады из шести девчат, одной из которых была его нынешняя подруга Зуля (Зульфия? Зухра? Зурбият?).

[193] Названа по имени итальянского математика и физика Эванджелиста Бенедеттовича Торричелли – прим. автора

Уже позже, познакомившись с текстильщиком (б), а ныне сторожем, Кулемзин как-то поинтересовался:

– Сережа, так ты с Зулей в своей бригаде познакомился?

– Мать честнáя, да я на её сиськи купился. Такие, заразы, большие, прямо спать не мог. А потом, когда уже капитально познакомился в вечернюю смену в подсобке, оказалось, что они 46-го размера.

Пусть их лифчик и на вате,
пусть неполный черепок, –
любим мы девичьи стати,
а они – наш кошелёк!

– Яйчики-бабайчики! – завистливо усомнился писатель. – Да разве такая грудь бывает?

– Бывает-бывает, – подтвердил охранник. – Я сам кроссовком мерил!

После чего оглушительно заржал. Смеялся Полтавцев низко, басовито и утробно, напоминая звуками уханье придуманных Гербертом Джозефовичем Уэллсом марсиан из «Войны миров», когда они кушали добрых англичан. И, в то же время, шуток он не понимал ни принципиально, ни сознательно, а если сам пытался шутить, то, по выражению Альбионыча, «от напряжения перегорали пробки во всём микрорайоне» Вообще, слушая Серёжу, Володе иногда казалось, что экс-текстильщик раздобыл где-то книгу рассказов Михаила Зощенко, несколько раз одолел их, и теперь старательно подражает персонажам великого юмориста.

Да, вернёмся чуть назад, в пору рабочей юности нашего героя. Ходил в начале своей трудовой карьеры Сергей и на митинги, которые по наущению райкома партии (б) устраивались на ОХБК. Правда, после второго такого митинга в защиту страшненькой американской негритянки Анджелы Гербертовны Дэвис, на котором парторг попросил выступить тогда ещё молодого рабочего Полтавцева, его перестали туда приглашать. И вот почему. Серёжа выступил с проникновенной речью в защиту темнокожей американки, аж слюна брызгала, но сама речь его изобиловала примерно такими выражениями:

– Подкараулить этого Рейгана вонючего в тёмном подъезде – и по чавке, чтобы к Анджелке не подкатывался!

Не в квадрате даже – в кубе
мы несём на матах
негров! Их совсем не любим –
ни у нас, ни в Штатах!

Глава 265. НЕКОТОРЫЕ НЕИЗВЕСТНЫЕ РАНЕЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ ПОЛТАВЦЕВА (окончание)

Что ещё сказать о работе нашего героя? Только то, что он хронически опаздывал к началу смены, объясняя мастеру, что это хорошо, а то ведь мог и совсем прогулять! Но мастер, по заведённому в СССР (б) порядку, каждый раз требовал с него объяснительные записки. Работая над романом «Русская кочерга», автор незаконно проник в архив ОХБК, где за большу́ю взятку изъял несколько таких записок. Читая их, он много смеялся. Думаю, что посмеёшься сейчас и ты, читатель:

«Я опоздал на работу из-за здорового образа жизни! На работу я вышел пораньше, но из-за отсутствия у меня сигарет мне крепко дали в бубен. Я отправился в медпункт, но он был закрыт. Тогда я купил бутылку водки и принялся промывать рану. Поэтому от меня пахнет спиртом, у меня разбито лицо, а плохая речь и нарушенная координация движения – результат сотрясения мозга! Я не пил, честно»

И ещё одна:

«Я проснулся утром, пошёл чистить зубы и нечаянно выдавил весь тюбик с пастой. Пока засовывал пасту обратно, не заметил, как пролетело время. В будущем обещаю пользоваться зубным порошком»

Увидев свои старые объяснительные, сторож сильно удивился, но потом удивился ещё больше, узнав, что писал их неправильно, а ещё потом записал под диктовку Кулемзина парочку новых объяснительных – на всякий случай, так как и на новой работе тоже частенько опаздывал к началу суровой вахты. Вот что продиктовал ему наш писатель:

1. «Я не опоздал, а скорректировал свой сегодняшний рабочий день адекватно неадекватному вчерашнему и обратно пропорционально к нормируемому»

2. «Вчера, в понедельник, я не смог добраться до места службы по причине флуктуаций гравитационного поля Земли. Несмотря на все приложенные усилия, так и не смог привести себя в вертикальное положение»

Правда, вторую объяснительную Полтавцев решительно отверг, мотивируя это тем, что в ней говорится о понедельнике, а опоздать он может в любой другой день недели.

В понедельник и в субботу
обстоятельств жертвой пал:
опоздал я на работу
потому что, блин, проспал!

Весь облик сына Афанасия настолько контрастировал с окружающим его великолепием жизни, что мог бы служить наглядной иллюстрацией к рубрике «Два мира, две Суки-судьбы», которой в былые времена советские (б) газеты приколачивали к позорному столбу истории гнойные язвы капитализма. Правда, сам Серёжа об этом не думал – у него было предельно конкретное мышление, касающееся лишь того, что заботило его в данную секунду. Лицо его было таким же мятым и линялым, как и

одежда, и это обстоятельство ежедневно отражало зеркало. Стекло было кривоватым, амальгама его изрядно потёртой, но Серёжа не привык искать оправдания в объективных причинах. С детства он запомнил слова деда Михея про то, что неча на зеркало пенять, коли у тебя, Серёнька, рожа на всю жизнь крива!

Однажды Кулемзин попробовал описать своего нового друга в одной фразе, и вот что у него получилось: «Это был плохо одетый человек без печати лишней интеллигентности на лице» И это, конечно, было мягко сказано. Говоря честно, до встречи с Володей Полтавцев был клиническим идиотом, но в хорошем смысле слова, каким, например, был незабвенной памяти бравый солдат Швейк. Кстати, на примере Афанасьича писатель наконец-то сформулировал основные признаки русского дурака, о которых думал не один год. Приведём же для потомков эти странные рассуждения марсианина:

Шесть основных признаков того, что вы дурак

1. Вас никогда не просят сделать лицо попроще.
2. У вас в руке карты, а ни у кого их уже нет.
3. Все ласково зовут вас Серёнькой и угощают печеньицем.
4. Родители нашли вас в закуске.
5. У вас отрицательный IQ.
6. Вы съели историю болезни, чтобы пойти в армию.

До работы неохочи,
все живём в бедламе,
дураков мы любим очень,
ведь такие – сами!

Кстати, о болезнях. Болел Полтавцев – в общечеловеческом смысле – крайне редко, потому что даже микробы предпочитали обходить стороной такое малоинтересное для фундаментальной науки тело, а вот в смысле индивидуальном – почти каждый день. Это была старая русская болезнь, больше похожая на забаву: вначале нажраться, потом похмелиться, а потом нажраться ещё раз! И однажды наш герой допился практически до чёртиков – это было в декабре, когда он неожиданно получил так называемую тринадцатую зарплату, по ошибке выписанную ему таким же похмельным мастером. Приехавший врач скорой помощи, которую вызвала серёжина подружка Зуля, прописал ему весьма странный рецепт, причём, устный, каковой и попросил запомнить: «Немного поспать, а потом выпить натощак три литра огуречного рассола» Для того, чтобы немного скрасить скучное предновогоднее дежурство, врач решил немного поговорить с больным, и сделал правильно, так как в результате этой беседы вызвал к *интересному* больному ещё одного специалиста.

Новый доктор халата почему-то не носил, рецептов не выписывал, но обращался с текстильщиком, как барышник с кобылой: водил по груди ногтем, заставлял разевать рот, долго разглядывал его зубы, махал перед глазами блестящим молоточком с черной эбонитовой ручкой и им же стучал по коленям, заставляя их подпрыгивать, рисовал на бумаге домики и уродливых человечков, неожиданно кричал в ухо, подсовывал разноцветные фигурки из бумаги, просил спеть с ним детскую песенку про беленький снежок и Ваню-пастушка́, и вообще вёл себя несолидно, как, наверное, любой психиатр. Полтавцев же в результате обследования тоже пришёл к выводу, что ему по ошибке прислали настоящего психа, правда, не слишком буйного. В конце двухчасовой экзекуции врач дал Серёже талон на комплексное питание в сто-

ловой поликлиники ОХБК, справку не известно о чём, написанную на латыни, а также устный диагноз: «ВОКЖ»[194].

[194] Да половине страны можно поставить тот же диагноз: «Врождённое отвращение к жизни» – прим. мед. редактора

Ты пьянчужка, я пьянчужка –
ни один из нас не сэр:
все мы психи – потому что
родились в СССР!

В одной из глав этой второй части романа мы уже немного рассказали о том, как встретил наш герой перестройку и примкнувшие к ней трагические события: развал СССР (б), образование суверенной Саксаулии, и исчезнувшие вместе с этим кооперативные хлопчатобумажные связи с другими советскими республиками (б). Са́мой же трагической для Полтавцева стала новость о том, что продукция ОХБК, которому он отдал больше 25 лет жизни, стала вдруг никому не нужна: узбеки вновь принялись носить пёстроцыганские халаты с разводами, россияне тоже перешли на местную продукцию – вначале у них в моде оказалась одёжка из ткани, производимой ивановскими ткачихами, о которых в стране было сложено немало песен, а потом в страну и вовсе хлынул поток иностранных шмоток. Итогом стало то, что ОХБК просто закрыли, единовременно уволив почти тысячу человек. Был среди этой тысячи и Афанасьич. От безвыходного положения, вызванного перестройкой и окончанием госфинансирования, Серёжа, по старой русской привычке *избывать беду* решил запить, но скоро понял, что на это тоже нужны дополнительные средства

«А, может ударить́ся в бизнес?», подумал он. «А что! Все фирмы открывают, и я открою – буду большие деньги зарабатывать…» Дело оставалось за малым – придумать, на какие именно товары или услуги разводить доверчивых саксаульцев. И Серёжа придумал! «А буду-ка я продавать им деревянные лошадки – были такие в моём детстве, у бабушки Федоры в деревне Семижопино. Помню, сколько радости доставило мне тогда катание на такой лошадке…» Он утёр ностальгическую слезу и понял, что не всё в жизни потеряно. Правда, вскоре встал вопрос о том, где брать эти самые лошадки (ну, не самому же их стругать!), чтобы потом выгодно продавать. Через неделю поисков выяснилось, что ни в само́й Саксаулии, ни в так называемом *ближнем зарубежье* никто таких лошадок не производит, а, значит, вся затея накрылась медным тазом для производства крыжовникового варенья. И что удивительно, второй идеи, как легко срубить бабла, в мозгу Полтавцева так и не обнаружилось. «А ну его, этот бизнес», легко решил несостоявшийся предприниматель, «и так проживу…»

Размышляю, лёжа на кровати,
как вполне созревший феномен:
«Что-то бизнесменить мне не катит!
Может, я хреновый бизнесмен?»

Глава 266. О ЧУДЕ И ВЕЗЕНИИ, А ТАКЖЕ ДВИЖУЩИХ СИЛАХ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

– То, что сейчас выиграл Серёжа, это, конечно, не только везение, но и чудо, – улыбнулся Кулемзин. – И его победа вполне материальная – с точки зрения классической философии моего большого друга Жан-Жака Исааковича Руссо.

Полтавцев гордо приосанился, хотя и не был до конца согласен с писателем – он считал, что его выигрыш стал итогом большой и кропотливой работы ума.

– Но ведь мы исходим из того, что нет ничего вне материи, – уцепился за последние слова Курманбаев, обязательно желая продолжить научный спор. И Володя легко пошёл на него.

– Ты забыл, что марксистская «объективная реальность, данная нам в ощущениях», – ответил писатель, – лишь ничтожно малая частица материи, как раз и называемая *материальным миром.* За его пределами, то есть вне наших знаний об окружающем нас, ещё существует *энергия* материи, влияющая на всё, что происходит в нашем материальном мире.

– Мать честнáя, барабашки, что ли? – проявил знание предмета охранник.

– И они в том числе, – не стал спорить Володя. – Хотя, скорее, то, что я называю *дедушкой.* Так вот, энергия материи наряду с любой другой локальной энергией являются и причиной, и следствием *любого* действия, поступка, процесса, происходящего в материальном мире.

Но учёные не знают,
что в процессе их бесед
барабашки нам являют
чудеса, которых нет!

– Ловко, йодистая материя! – ничего не понимая, восхитился прапорщик.

– То есть локальная энергия – это то, что отличает живое от неживого…

– Мать моя партия, – пробормотал педагог.

– Поясняю, – меж тем продолжал гениальный схоласт. – Допустим, что энергия материи – это рок, или *дедушкина* воля, или известная всем нам Сука-судьба. Возьмём кусок льда и поместим его под солнечные лучи…

– Так растает же, – встревожился за судьбу субстанции Полтавцев.

– Именно, – подтвердил писатель. – Человек же или любое другое *живое* существо, оказавшись в неблагоприятных для него условиях, может избежать их – например, уничтожая вызвавшую их причину, переместившись куда-нибудь вне досягаемости воздействия или защитившись…

– …или каким-либо иным путем, – подтвердил мысль тянулец к знаниям.

Салихдзяныч уважительно поглядел на бывшего текстильщика, но ничего не сказал. Его бутылочка была давно пуста, и он с затаённой горечью ждал конца высокоучёного спора.

– Как-то банально всё это, – не зная, как опровергнуть новые для себя идеи, высказался наконец Нуртай.

– Ничуть, – возразил Кулемзин. – Итак, продолжу свою нечаянную лекцию. Способность живого существа *не быть безответным объектом воздействия* энергии материи определяется количеством присущей ему локальной энергии.

– Не могу не согласиться, – не стал оппонировать Афанасьич, а быстро достал заветную книжечку «Для му.мы.» и, послюнявив красный конец карандаша, быстро записал: «Не могу не согласиться с тем, что только что сказал мой друг Володя!»

– И из чего это следует? – между тем высокомерно поинтересовался марксистский материалист.

– Из обобщённого закона Кулемзина-Лавуазье, – не моргнув глазом, ответил знатный, но самодеятельный учёный.

После третьего стакана,
опростав большой флакон,

я на пару с Антуаном[195]
вдруг открыл один закон!

[195] Антуан Лоранович Лавуазье – французский естествоиспытатель, основатель современной химии – прим. научн. редактора

– Не перебивай ты! – вступился за лектора охранник. – Царица лесная, как интересно! Так что про локальную энергию?

Володя благодарно взглянул на соседа и продолжил:

– Если её много – человек практически независим ни от чего, то есть самодоста-точен. Посмотрите на меня, и вы поймёте значение этого слова. Равным же образом даже малые локальные энергии огромных масс людей могут вызвать изменения в материальном мире, во много раз усиливая или ослабляя воздействие энергии материи.

– Ёперный Лавуазье, а каким боком всё это к нам? – выдавил обер-трубач.

– Подхожу к главному, – не потерял нити рассказчик. – Моя концепция позволяет впервые дать определения таким расплывчатым понятиям, как *чудо* и *везение*. Первое – это резонанс обеих энергий, вызвавший явление, которые сами по себе ни та, ни другая энергия не могли вызвать в материальном мире. Например, появление меня в Бермудском Учпучмаке…

– Мать честнáя, это настоящее чудо! – истово перекрестился Афанасьич.

– Ну, а везение – это частный случай чуда, совпадения желания с его реализацией в тех условиях материального мира, при которых реализация этого желания малоосуществима. Поэтому и выходит, что локальная энергия ничего общего ни с волей, ни даже с умом не имеет. Все же знают – везёт дуракам и пьяницам!

Нахлебавшись самогона,
в облаке своих паров,
полетел алкаш с балкона,
но остался жив-здоров!

Увидев, что Курманбаев собирается открыть рот, Володя добавил:

– Но главное, теперь можно определить все движущие силы развития человеческого общества!

– Святой Малевич, ну это ты уж хватил! – усомнился Муравлёв.

– Яйчики-бабайчики, всего их четыре, – забивал гвоздь за гвоздём мудрости в общественное сознание философ. – Первая сила – это *герои*, то есть люди с очень мощной и условно положительной локальной энергией. Вторая – *злодеи*. Это же самое, но с условным знаком *минус*. Далее – массы людей, по отдельности не обладающие значительной локальной энергией, но в совокупности являющие собой значимую локально-энергетическую силу. А четвёртая сила – это не обладающие локальной энергией *слепые проводники* энергии материи, или попросту дураки и пьяницы!

Серёжа приосанился: ему было приятно, что в высокоучёном споре нашлось место и для его скромной персоны. Он вновь открыл книжечку и быстро накаракулировал: «Только что Кулемзин признал, что я – дважды четвёртая сила!»

– Каковы же практические выводы из вышесказанного? – продолжил писатель. – Возможно ли совершенствование материального мира, спросите вы?

– И спросим! – задорно подтвердил охранник. – Царица лесная, естественно, спросим!

– Необходимо ли оно? Разумеется, необходимо, ведь окружающее нас всё еще далеко от идеала, – при этих словах Кулемзин выразительно поглядел на Курманбае-

ва. – Но возможно ли? Да, отвечу я вам, мои маленькие друзья, возможно! Мы никогда не сможем постичь процессы и закономерности, лежащие за пределами так любимого Нуртаем материального мира!

– Йодистый процесс, точно! – отозвался военный. – Неисповедимы пути *дедушкины*…

– Но локальную энергию, присущую всем живым существам материального мира, мы можем и должны постигать, – завершил лекцию философ. – А постигая, усиливать, становясь всё более независимыми. Хотя полная независимость практически недостижима, и это горько. Короче говоря, свобода – это осознанное соответствие действий человека действию энергии материи.

И на грязных чертим дланях
знаки, что нас озарят:
мы свободны в тех желаньях,
что про пиво говорят!

– И это истина! – воскликнул охранник. – Денежки хоть и не из материи, а из бумаги, а всё равно на них дадут много пивка. Если ты, Володя, сейчас их мне немножко дашь, думаю, что это будет твоё самое осознанное действие!

После получения Полтавцев немедленно развил ту скорость, что набирал когда-то на Формуле-1 спортивный болид «Макларен» MP 4/4, то есть 100 км/час за 1,7 секунды! Так же скоро последовало и возвращение Полтавцева в родные покерные пенаты.

Глава 267. О ТОМ, КТО НАС ВСЁ-ТАКИ ОСТАВИЛ

– Серёжа, пожалей читателей! – взмолился Володя. – Чего время зря расплёскивать?

– Каких читателей? – обалдел охранник.

– Да тех, кто сейчас в руках первый том «Русской кочерги» держит!

– Какой кочерги? – ещё раз обалдел Афанасьич. – Ты того… не заговаривайся… Лучше бы вывел наш сплочённый коллектив…

При этих животворных словах педагог встрепенулся.

– …на уровень какого-нибудь схоластического спора о бытии. Или, по меньшей мере, трансцендентального обсуждения основ миропорядка. Вот, к примеру, человек. Откуда он взялся, и *камо грядеши*[196] сейчас?

[196] Куда идёшь? (или, по источнику, Quo vadis?) – фраза, сказанная по преданию апостолом Петром Иисусу Христу, когда апостол во время гонений императора Нерона на христиан, покидал Рим – прим. богослов. редактора

– Это можно, – легко согласился философ. – Яйчики-бабайчики, Серёжа, вот посуди сам, – прищёлкнул он пальцами, – что может быть печальнее для *дедушки*, чем изо дня в день безнадёжно исправлять несовершенную неудавшуюся тварь?

– Это ты о ком?

– О нас же, *иблис* побери, о человеках! Ведь ничто не помогало: ни награды, ни казни египетские, ни мудрые наставления, ни поучительные чудеса Христа! Не помогло изгнание из рая, не помог потоп, не помогли и скрижали, все десять заповедей на них, а также аж 105 моисеевых законов. Даже самые удавшиеся, самые верные и любимые из людей не могли удержаться от зла, даже их приходилось поправлять или карать. Даже царь Соломон Давидович Бесфамильный, казалось бы, самый любимый из любимых, и, в общем-то, неглупый, судя по библии, человек, – и тот предал из-за

бабы, вздумал, как неразумный дикарь, поклоняться идолу. Чему же тут удивляться, что *дедушка* просто устал и затосковал. Ему бы дальше творить, а он только и знает, что пытается переделать порядком надоевшее творение, как бы в насмешку названное *венцом творения.* И прихлопнуть бы всех этих человеков одним махом, уже не оставляя никаких шансов новым *ноям*, тем более, что уже известно, кого плодят эти праведные нои, – да жалко, жалко! И не просто *дедушке* жалко их, человеков, а успел он их и полюбить. И вот эта любовь – может быть, единственная, хотя и нечаянная радость пожилого творца, единственная награда за свой безуспешный труд.

Не глядевши в картотеку,
не умея сострадать,
настрогал бог человеков,
но забыл умишко дать!

«Может, просто уйти», думал *дедушка*, «оставить этот неудачный мир и где-нибудь в ином, неведомом хаосе сотворить новый, неведомый космос? Тем более одних галактик-то я понастрогал неисчислимые миллиарды – чего же вязаться не просто к одной из них, а к ничтожной планетке – пылинке пылинок моего бытия? Или нет, лучше так: Моего бытия, как любят писать в библии глупые интерпретаторы замыслов Моих…» Но, уходя, задумал *дедушка* напутствовать людей. Ну, нельзя без этого, чтобы оставить всё как есть, обязательно нужно сказать что-нибудь напоследок умное и значительное. А ну как человеки эти, оставшись без напутствия, без пригляда, так сказать, начнут уничтожать друг друга. Как будто с *дедушкой* в душе они не делали этого никогда…

Смысл напутствия старичок наш избрал таков. «Был Я, дескать, с вами, и помогал лучшим из вас[197] избавляться от врагов и от худших, для чего и дал вам закон, потому что надеялся с вашей же помощью выпестовать из вас человечество, подобное Мне и не порочащее Мой образ. Теперь мы расстаёмся, и отныне ваша Сука-судьба в ваших же собственных руках. Но без Моего суда и опеки вы сможете выжить лишь в том случае, если откажетесь убивать друг друга, если научитесь прощать даже врага. Трудно простить врага? Ёперная библия, тогда пойдите на крайность – полюбите его! Полюбите друг друга и врага, и вы спасётесь. Забудьте о том, кто из вас избранный, а кто званый, кто свой, кто чужой[198], кто русский, кто саксаулец, кто американец, – станьте единым телом, и вы спасётесь. Стать единым телом, конечно, нелегко: вас ведь *тьмы* и *тьмы*. Даже любя друг друга, нелегко стать единым телом, ибо, любя ближнего, вы ничего не знаете о дальнем…»

[197] Где критерий?! – прим. автора
[198] Это не о русском бильярде! – прим. автора

У попá клюкá стучала:
«Ты мне в церкви не груби!
Не люби кого попало,
а вот *дедушку* – люби!»

Почесал *дедушка* бороду и продолжил думать нелёгкую думу о своём народе неразумном: «Поэтому, прежде всего, полюбите Меня, и это, быть может, вас объединит. Любите Меня, думайте обо Мне и ждите Меня. Мы ещё встретимся в так называемом *царствии небесном*. До царствия же земного Мне больше нет никакого дела…» Подумал так *дедушка*, сел в свою золотую ракету и полетел в иные миры – ис-

кать новые игрушки для своего удовольствия. И нашёл он их там, и снова назвал Адам и Ева…

Глава 268. СКАЗКА О ДИПЛОМАТИИ

– Да, не дипломат ты, Володя, – укоризненно посмотрел на писателя педагог.

– Да я и не подписывался, – ответил Кулемзин.

– Это который дипломы выдаёт? – поинтересовался охранник..

– Нет, Серёжа. Попробую тебе разъяснить на примере одной сказочки.

– Давай, – обрадовался Афанасьич, – я всякие сказки страсть как люблю!

– Однажды вечером сидели на завалинке, – начал Альбионыч, – местные пьянчужки Иван да Сидор, и пили они самогон. «Смотри, Ваня», внезапно сказал Сидор, «видишь вон ту тётку на околице? Вылитая дева Мария!»

«Ну ты допился, Сидор», ответил Иван, «что будет делать дева Мария в нашем захолустье?»

«Спорим на пузырь!», предложил приятель.

«Спорим», согласился Иван. «А теперь я пойду и спрошу у неё сам…»

Подошёл пьянчужка к женщине, дыхнул на неё перегаром и чесноком и спрашивает: «Слышь, тётка, а ты что, вправду, что ли, дева Мария?»

«Допился, сволочь!», отвечает ему жена. «Сейчас так врежу тебе промеж рогов, что всю деревню на карачках пролетишь!»

«Ну как?», спросил его друг, когда он вернулся на завалинку.

«Она не сказала, что она дева Мария, но не сказала также, что она не дева Мария…»

Дипломатия, однако!

Изъясняясь только матом,
не кичась своим умом,
мы с тобой не дипломаты –
с дипломатами не пьём!

Полтавцев, уже было доставший свою знаменитую книжечку «Для му.мы.», чтобы записать интересный рассказ, в рассказе этом не понял ни хрена, но реноме любопытного к жизни было дороже, и он записал то, что запомнил: «Бухали два колхозника, и одному жена сказала, чтоб домой шёл. Сам он был алкаш, а жена его была дева Мария, которая в конце от всего отвертелась…» После чего подумал немного и приписал: «Надо бы рассказать эту поучительную историю Зуле!»

Глава 269, ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ В ЭТОЙ ЧАСТИ

Собираясь у себя дóма с немногочисленными друзьями и подругами, Кулемзин любил читать свои нетленные произведения, прихлёбывая при этом неизменный «Тянь-Шань». В эти минуты он ласково называл себя *бормотург* своих книг. Но это дóма, где и холодильник под рукой, и в каждой комнате по кондиционеру, и вообще прохладно и уютно. На улице же, а особенно в пространстве Бермудского Учпучмака, и без того раскалённого покерными сражениями, было совсем не так хорошо. Володя изнемогал от жары: ему казалось, что проклятое солнце (вот так – с маленькой буквы!) находится в каких-то сантиметрах от его толстого лица. Богатое тело пятидесятилетнего Альбионыча излучало тепловозный жар.

Противное светило вытапливало драгоценные флюиды из глубин его организма, и они тут же проявлялись у него на теле в виде потных капелек. Правда, пот прак-

тически тут же высыхал, так что над нашим героем клубился пар, как из какого-нибудь Везувия. Он казался себе куском ветчины, поджариваемым над углями национальных дров – саксаула.

Мне и «Русскую», и «Старку»
в зной представить нелегко!
Почему, когда мне жарко,
сразу чудится пивко?

Всем известен медицинский факт о том, что когда человеку жарко, ему как-то меньше хочется есть. Но не таков был наш марсианский герой! Хотя его могучий организм и плавился от жары, есть всё-таки хотелось – наверное, это были суровые последствия хлебосольного угощения сторожа. Володя прикрыл глаза, и тот же миг вместо с какими-то красными пятнышками в голове, как кадры на ленте диафильма, стали проплывать приятные картинки: лангустины в тесте, рыба булабэз в соусе с шафраном, морские гребешки по-бретонски и авокадо, фаршированное крабами. Затем было появился сладковато-горький чай *джу-хуа* из лепестков хризантемы, но в последнее мгновение диафильм решительно заменил его на бутылочку пива «Карслберг Пильц»

Кулемзин как бы увидел себя со стороны – достающий её из самой нижней и, следовательно, самой холодной части своего заморского холодильника. Эта часть работала не то чтобы как морозильник, но зато холодила стеклянные изделия значительно сильнее, чем делали верхние части агрегата. На такую бутылочку стоило посмотреть – хотя бы в предложенном сознанию диафильме! Когда Володя поставил её на стол, с ней сразу же начались удивительные преобразования – куда там было иконам с их плачущими конопляным маслом ликами! Вначале она прямо на глазах потемнела, окутываясь неким мистическим туманом, который уже через мгновение превратился в мелкие искрящиеся капельки. Писатель заглянул себе в глаза и увидел в них согласие и предвкушение блаженства. Окончательно очнулся от грёз он, услышав рядом собой голос Полтавцева.

– Мать честна́я, люблю выпить, – признавался, как на допросе, Сережа. – Прямо как этот… Денис.

– Ёкарное Бородино, это какой Денис? – насторожился прапорщик, который, как и любой военный, не любил халявщиков.

– Дионис, он же Бахус, он же Вакх, – перевёл на человеческий язык знаток старины Кулемзин. – Был такой у древних греков весёлый бог плодоносящих сил земли. Кстати, второе его имя Лиэй, то есть освободитель.

– А он что, Берлин брал? – «пошутил» сторож.

– Нет, не Берлин, и даже не Зимний, – продолжил писатель. – Считается, что он освобождает людей от мирских забот, снимает с них путы размеренного быта, а также рвёт оковы, коими пытаются опутать их враги. Кстати, зооморфное…

Тут писатель сделал паузу, чтобы охранник успел записать новое слово.

– Да, так вот… зооморфное прошлое этго персонажа отражено в его *оборотничестве* и представлениях о Дионисе-козле.

– Эт’ точно! – подтвердил охранник. – Как бахуснёшь или дионисне шь, сразу как козёл становишься!

Говорил мне Буратино:
«На хрена мне ваш гашиш?
Ох, напьюсь я как скотина –
может, утка, может, чиж!»

Володя считал, что первобытные обезьяны вовсе не превратились в людей, они и по сей день живут среди нас, удачно маскируя под одеждой хвосты и подрабатывая охранниками различных мастей. «Жизнь катится мимо, а мы, вместо того чтобы знакомиться с девушками, угощать их мороженым, дарить цветы и ловить их улыбки, занимаемся чёрт знает чем!», подумал Альбионыч. «А ведь как хочется по традиции завершить и эту, вторую, часть книги какими-нибудь хорошими стихами! А вот это надо сказать вслух»:

– Слова рифмую, буквы, слоги,
стихи кропая в тишине –
писать я мастер некрологи,
но кто такой напишет мне?!

– Я! Я! Я бы написал! – слишком оживлённо вскричал педагог, тут же повернув флюгер своего интереса в другую сторону:

– Правда, я не такой талантливый, как ты…

Прапорщик гыкнул и метнулся к кустам, где следующую минуту и высказывал зелёным насаждениям своё отношение к Курманбаеву.

– Я вам лучше стишок прочту, – предложил Володя и, не дожидаясь отказа, с удовольствием продекламировал:

– Колумб Америку открыл –
страну далёкую, чужую!
Дурак, он лучше бы открыл
на нашей улице пивную!
Коперник тоже всё трудился,
чтоб доказать Земли вращенье!
Дурак, он лучше бы напился,
тогда бы не было сомненья!

После прочтения талантливого стихотворения на всём пространстве Бермудского Учпучмака на какую-то наносекунду воцарилась тишина. На этот же весьма короткий период времени замолчали и дворовые дети.

– Что-то я ничего не понял, – наконец нарушил молчание охранник.

– Да тебе и не надо, – отозвался автор.

– Мать моя партия, и я не понял, – вытащил свою измазанную дёгтем ложку и педагог.

– Да ты ни хрена в поэзии не понимаешь, – просто объяснил непонятное Кулемзин. – Гиперболы, знаешь ли, и синекдохи как-то украшают сюжет…

И в это мгновение очнулся от пивной летаргии народный саксаульский художник Валерий Муравлёв-Водкин. Блеснув на солнце неведомо откуда взявшейся слезой, он вскричал:

– Расскажи лучше про «Чёрный квадрат»! Святой Малевич, я всегда тащусь от этих строк.

Писатель не стал чиниться, тем более что пора было заканчивать вторую часть романа.

– И снова о «Чёрном квадрате», – произнёс он. – Это название стиха. И суть:

Не слыша об Екклесиасте,
и увлечённой полной тьмой,
создал шедевр великий мастер,
сегодня признанный лишь мной.

И открывая рты несве́жи,
в шедевре видя суть греха,
толкуют неучи-невежи,
что, мол, мазня и чепуха.
Такому волю – сразу в урну
он, что не нужно, бы загнал,
но не дано увидеть дурням
всё то, что мастер написал.
Но только знают все поэты,
от слов плевела шелуша:
чтоб понимать «Квадраты» эти,
не нужен мозг, а лишь душа.
И я ничуть не балагурю,
когда твержу про этот клад:
«Милей мне не «Джоконда» в Лувре,
а казимировый «Квадрат»!»

Живописец уронил голову на руки, закрыл лицо и тихо зарыдал от счастья, вспоминая золотое детство.

– Красиво, царица лесная! – похвалил и охранник. – Это тебе не реалист Некрасов!

Педагог немедленно поперхнулся пивом.

В это время к покерному столику неслышно подошла до этого невидимая автору старушка.

– А автограф можете дать? – застенчиво спросила она.

– Конечно, – не чинясь, ответил поэт, – но только на коммерческой основе. Автографы – по бутылочке пивка, фотографии – по две, сожительство – по договорённости…

Глава 270. ПОСЛЕДНЯЯ В ЭТОЙ ЧАСТИ, или БАЛЛАДА О МУМУ

В лесах Среднерусской равнины
влачит свои воды река –
она, как могила, уныла
и, как океан, глубока.
Не мчатся по ней пароходы
и баржи по ней не летят,
но мутные, серые воды
ужасную тайну хранят…
Покоится в омуте глыба,
а к ней приспособлен шпагат –
увы, не для у́женья рыбы
был выдуман сей аппарат!
Собачка висит на удавке,
раздутая, как дирижабль, –
теченьем колышутся лапки.
Неужто её вам не жаль?!
Быть может, сбежавши из дому,
в томленьи любви роковой,
сама она бросилась в омут
без памяти – вниз головой?
Нет! Киллер, могучий детина,
немой, но здоровый, как бык,

закинул зверушку в пучину,
ей пе́тлю надев на кадык!
Взлетела она, как комета,
упала… Ей хочется плыть,
но даже закон Архимеда
бессилен судьбу изменить!
Не вынырнуть бедной собаке –
на горле тугая петля,
вцепилися чёрные раки
в распухшее брюхо ея!
Позор тебе, злобный Герасим,
что зверски замучил Муму!
Маньяк социально опасен
и должен быть брошен в тюрьму!
Он скрылся в родное селенье,
желая запутать следы.
Не станет ему населенье
давать по дороге еды!
Бежит он лесами, полями,
горит под ногами земля,
бежит он, побитый граблями
и вилами мирных селян.
Борцы за охрану животных
разыщут врага без труда,
и мучить собак беспородных
отучат его навсегда!
И даже его инвалидность
не станет помехой суду,
пускай искупает провинность –
копает в Сибири руду!
Народную скорбь не измерить,
дадут паровозы гудок,
пойдут пионеры на берег
и спустят на волны венок.
Рассвет загорается, рдея,
заря над планетой встаёт,
погибла Муму от злодея,
но песня о ней не умрёт!..

– Мать честна́я, ну ты прямо как Александр Петрович! – похвалил поэта Полтавцев.

– Какой Петрович? – обалдел Кулемзин.

– Да Пушкин же! – удивился его невежеству охранник.

Конец второй части

Часть 3.
Вечер

Глава 271, НАЧАЛЬНАЯ

Эх, Муму, бедное сгинувшее животное в конце второй части нашего правдивого повествования. Почему же автору захотелось вновь вернуться к твоей нелегкой Суке-судьбе? Да потому что он (автор), в поэтическом пылу совсем забыл о философской составляющей этой трагедии, о том, что в основе всякого поступка лежит Что-то, заставляющее нас, людей, совершать странные поступки. Поэтому он (автор) считает своим долгом оправдать поступок глухонемого дворника, чего не удосужились сделать ни автор прозаического произведения Тургенев, ни автор произведения поэтического Кулемзин. Итак, о философии происшествия.

Он жил без речи и вопросов –
ведь был Герасим наш немой.
Подозревал он, что философ,
но только вот не знал – какой.
И как-то раз, приняв горилки,
какую до того не пил,
он собачонку взял за шкирку,
и нежно в речке утопил.
Безмолвный рот перекривило
(ведь он и правда неречист),
но мысль Герасима пронзила:
«Я – убеждённый утопист!»

Глава 272. ПРОСТРАНСТВО ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

Самые дикие и сумасшедшие идеи неожиданно обретают убедительность и силу, будучи произнесёнными вслух. Слова наливаются вполне материальной тяжестью и, как булыжники, послушно укладываются в стены откровенно фантастических затей. Обыкновенное объяснение в любви создаёт чужие судьбы. Великие географические открытия начинались с того, что какой-то блаженный Фернан Родригуевич Магеллан произносил нечто несусветное. Но когда замолкал издевательский хохот, все начинали чувствовать, что произнесённые слова прямо на глазах обретают некую силу, вторгаются в сознание и становятся вполне осуществимой работой. Да что там географические открытия! А революции? А войны? А «Над всей Испанией безоблачное небо»? А «То, о чём долго говорили большевики, свершилось»? А бунты – кровавые и беспощадные? Мысль – это сила. Слово – это сила вдвойне. Особенно произнесённое вслух. Особенно произнесённое вслух неким Кулемзиным, которое тут же начало реять, подобно горьковскому буревестнику, над узкими просторами Бермудско-

го Учпучмака. Мысль родило слово, слово родило идею, идея родила игру. И так будет всегда…

В Отцеябловске начинался вечер. Володя представил, что где-нибудь в Нью-Йорке только-только продрали глаза смешные американцы, в Лондоне же время было к обеду, а вот в хитрой Москве народ в это время подумывал о том, как бы половчее закончить рабочий день и подсчитать заработанное за день. Стояли мягкие августовские сумерки. Невероятно жаркий день в конце концов вылился в такой же жаркий вечер, лишний раз подтверждая нелепость земных физических законов. Теперь, когда светило начинало прятаться, улицы как бы светились изнутри. Стены домов, впитавшие за день солнечный жар, теперь щедро миазмировали им, и, казалось, о кирпичную кладку можно было обжечься. Какое-то мгновение наши герои сидели недвижно и неслышно, очарованные этой красотой бытия. Точку очарованию положил педагог. Он по-ленински протянул руку к горизонту и выразительно прочел:

– День окончен. От него осталось
ощущенье счастья и труда,
по страницам я его листаю,
чтоб запомнить прочно, навсегда!..

День казался длинным и бесконечным, как БАМ. Вечерело. Город млел, как сыр на сковородке. Он плавился, потел и растекался огромной амёбой. Жара в полуторамиллионном городе – это кошмарный конгломерат парилки с газовой камерой. Каждый камень источал жар, каждый автомобиль – сизую вонь. Не лучше было и в квартирах: если открыть окна, становилось нечем дышать, а если закрыть, то ещё хуже.

Густые тени проглотили склонившееся к горизонту солнце, и над вторым микрорайоном повис красноватый ореол, с каждой минутой теряющий свою окраску. Небо также потеряло свой традиционно голубой цвет, на востоке оно уже стало серым, а ближе к западу смешалось с последними лучами уходящего солнца и стало похоже на недозрелый апельсин. Западная часть неба темнела на глазах, теряя оранжевые полутона, деревья сбросили с себя ауру канувших за горизонт солнечных лучей, и всё в окру́ге стало погружаться в наступающие сумерки.

Небосвод демонстрировал присутствующим при этом удивительном зрелище полную незыблемость законов природы: там уже сгущалось золото, а над ним разливалась какая-то волшебная прозелень, словно предназначенная для промывки планетного серебра. Стало тихо, настолько тихо, насколько это вообще было возможно в условиях промышленного города. И в этой тишине Кулемзину вдруг стало совсем тоскливо, мысли разбредались, как стадо бестолковых овец, и всё время норовили вернуться к холодильнику. Наверное, это происходило потому, что солнце, уже почти не видное, по-прежнему жарило во всю мощь своих небесных сил, словно стараясь сжечь игроков, как это сделал в своё время погребальный костёр с Махатмой Карамчандовичем Ганди ровно 55 лет назад – в первый год свободной Индии. Температура на улице была как под мышкой – 36,6^{o}. В странном мире покера время существовало по одному ему понятным законам – оно искривляло пространство Бермудского Учпучмака, удлиняло и укорачивало минуты, бесконечно множило сомнения, забирая уверенность, как песок воду.

О времени раздумья скудны –
не видно нам его корней.
Коро́ток путь любой секунды!
А, впрочем, вечность не длинней…

От времени мысли его перекинулись на пространство – то, в котором он существовал. Альбионыч в своей земной жизни около полувека прожил в Отцеябловске, и с привычкой старожила замечал, что город был будто бы залатан безобразными серыми заплатками панельных многоэтажек. Он не раз размышлял по поводу того, что *хрущобы* и современные новостройки являются воплощением модных в XX веке идей, что человек – это некий механизм, который, когда не работает, может храниться и в невзрачной коро́бке, лишь бы в ней были квадратные метры, горячая вода да тёплый сортир. На писателя эти серые коро́бки всегда навевали тоску. Он прислушался к голосу желудка и понял, что за корочку хлеба готов сейчас продать родину или, на худой конец, выдать главную военную тайну буржуинам. Но здесь у него не было родины, и тайны Володя тоже никакой не знал, поэтому осталось только набить брюхо самым тривиальным образом.

Глава 273. ПИТАНИЕ МЫСЛЕЙ

Да и то – вот уже вечер у порога, а просмотрите ещё раз предыдущие страницы: кроме замечательного полтавцевского леггорна и скудных нуртаевских мант, да нескольких бутылочек «Тянь-Шаня», так ничего и не ели за весь день наши герои. И так жалко их стало автору, что решил он их по-настоящему накормить – хотя бы раз в день. А сделать это можно было только у Кулемзина дома. И вовсе не потому, что имелся в его квартире большой холодильник, где хранились припасы, будто он решил из благотворительности накормить личный состав какого-нибудь Семижопинского военного округа, но и потому, что отличался этот герой книги радушием и гостеприимством, а, кроме того, и сам пожрать любил. Девизом писателя к этому случаю был такой:

Не родился ещё такой враг,
которому я добровольно
отдал бы свой ужин!

Кстати, холодильник у Володи был таким, каким их обычно показывают в американских фильмах, когда хотят задушить зрителя его собственной завистью.

– Знаете ли вы, мои маленькие друзья, что выходу из депрессии, коей вы все страдаете с детства, лучше всего способствует вовремя принятый ужин? Итак, предлагаю перекусить, – возвестил Кулемзин. – Чтобы быть в форме, человек должен быть прежде всего сытым и довольным жизнью. Яйчики-бабайчики, ведь голодный человек – человек злой. А к злым хорошая карта не идёт! Итак, антракт, или как сообщал в своих трудах товарищ Лев Давидович Бронштейн, более известный Курманбаеву как иудушка Троцкий, небольшой перерыв на харчемёт. Зрители шаркают ботами по фойе и выстраиваются в две длинные очереди: в буфет и туалет.

Наливай борща, стряпуха!
Ох, сейчас я поднажрусь!
Ведь когда набью я брюхо,
сразу счастлив становлюсь!

Володе вспомнилось одно из фирменных блюд советской кухни – так называемый *ужин холостяка.* Из серой картонной коробочки доставались такие же серые слипшиеся комочки, которые только при известной доле воображения можно было назвать пельменями. В готовом виде у них была дряблая полужидкая оболочка, разваливающаяся при первом же прикосновении к ним вилкой, мясо же было такое твёр-

дое, что варить его можно было сутками, как ту корову из «Похождений бравого солдата Швейка», которую мудрый Натан продал австро-венгерским солдатам под видом годовалого телёнка.

Быть других не может мнений:
главное для нас – еда,
но советские[199] пельмени
не забуду никогда!
Неказистая обложка,
но и этому был рад:
в них закладывали то, что
люди сроду не едят!

[199] Естественно, советские (б)! – прим. автора

Услышав волшебное слово *харчемёт*, все дружно и весело засобирались: Полтавцев приводил в порядок свою котомку, Курманбаев поднял с земли монетку, которую обронил сторож, Кулемзин собрал раскладку, карты и ручку, а Батыршин ещё раз сбегал в кусты – на предмет освобождения желудка для грядущего приёма пищи. Серёжа неожиданно звучно хлопнул себя по лбу, как он делал всегда, показывая, что вспомнил о чём-то страшно важном, и опрометью бросился домой. Вернулся сторож через минуту.

– Вот, – протянул он Володе какую-то железяку. – На улице нашёл, кажись, запчасть от газовой плиты. Тебе принёс. А то мало ли чего…

– Спасибо, – вежливо ответил писатель. – Ты всегда приходишь в мой дом с приятными известиями и милыми сувенирами.

Зайдя в писательскую хижину, которую хозяин называл исключительно филологически – Личное Место-Имение, Афанасьич тут же принялся интенсивно оглядываться, будто когда-то потерял здесь запонку. Всё ему было в диковинку, но больше всего то, что квартира была чистой. «Странно», странно подумал он. Прапорщик, который уже был здесь сегодня утром, не удивился ничему и сразу же отправился в туалет. Педагог шарил взором по пространству в поисках вещиц мелких – чтобы при случае положить что-нибудь в карман.

Итак, заведя гостей в квартиру, как Сусанин поляков в лес, Володя первым делом включил музыку. «Битлз» запели своими золотыми голосами, пытаясь убедить присутствующих, что всё на свете хорошо и неуклонно меняется к лучшему, а если что-то не так, то это лишь на время. Конечно, это было старое враньё, которому всегда хотелось верить, но сегодня оно как-то не утешало. Воздух вокруг сопокерников ритмично сотрясался в такт музыке, которая равномерно заполняла весь объём квартиры и неназойливо ломилась в ушные перепонки.

Для услады мегагерцем
можно слушать только жесть!
Ну, а «Beatles» любим сердцем,
потому что сердце есть!
Всё мы любим, и неважно,
что нам слушать у битлов –
«Yesterday» иль «Girl» опять же:
каждый *хит* – букет цветков!

Глава 274. ПИТАНИЕ МЫСЛЕЙ (окончание)

Квартира Кулемзина была до потолка наполнена скромным обаянием буржуазии. В углу тихо курилась палочка индийских благовоний.

– Мать честна́я, что это ты, – удивился Серёжа, – как в церкви, свечки жгёшь?

Из угла, принюхиваясь к благовониям, как на парашюте, спустился паучок.

– Здоро́во, Джон, – поприветствовал его Володя.

– Здоро́во, – ответил паучок и принялся тихонько напевать:

– Yesterday, all my troubles seemed so far away,
Now it looks as though they're here to stay,
Oh I believe in yesterday…[200]

[200] Битловская песня «Yesterday» из концерта «Help!» 1965 года – прим. муз. редактора

Ужин писатель решил начать с небольшой лекции, ибо справедливо рассудил, что кто, кроме него, объяснит этим тёмным людям, как надо правильно питаться, причём, не только набивать брюхо, но и насыщать весь мыслительный аппарат.

– Доказано, – безаппеляционно начал он, – чтобы лучше соображать, нужно обязательно завтракать, и не какой-нибудь бессмыслицей вроде модных нынче мюсли и прочих сладких хлопьев – после них работоспособность мозгов даже у школьников снижается до уровня 100-летних стариков. Нужны белки́, хлеб и салат.

Здесь надо заметить, что исследования, которые Альбионыч проводил над собой в течение последних тринадцати лет, показали, что самые подходящие белки́ для повышения интеллекта содержатся в фасоли. Далее в его списке следовали яйца и мясо, тоже стимулирующие выработку так называемых нейротрансмиттеров – веществ, способствующих передаче электрических импульсов по нашим скорбным извилинам. Хлеб же, как он знал с детства, богат витамином В, усиливающим активность отделов мозга, контролирующих обработку информации, в салатном листе было полно́ антиоксидантов, предотвращающих преждевременную смерть нейронов. За час-другой перед обедом было полезно выпить стакан йогурта – в нём есть аминокислота тирозин, необходимая для производства гормонов – допамина и норадреналина, которые помогают в борьбе со стрессами, обостряют память и внимание.

Чтоб стройным стать, как Аполлон,
и про тебя слагали оды, –
одно спасенье – рацион:
«Овсянка, сэр!» и корнеплоды…

– А вот печенье и тортики портят мозги, от них они словно ржавеют, – продолжил свою мысль хозяин. – Впрочем, можно и их как бы смазать так называемыми ненасыщенными жирными кислотами, которые содержатся в рыбе. Мозгам обязательно нужна смазка, – подчеркнул он, – ведь они сами на 60 процентов состоят из жира. И те, кто ест рыбу хотя бы раз в три дня, по сути, занимаются профилактикой слабоумия.

И не вздумай сомневаться,
поглядев на поваров:
рыбу ешь и трескай яйца –
будешь радостно здоров!

При этом хозяин выразительно посмотрел на всех гостей по очереди. Они же в свою очередь выразительно посмотрели на него – чего это, мол, было?

– Высшее предназначение пищи, други мои, – не отстал от гостей философ, – вовсе не в том, чтобы приносить лицу, её употребляющему, дополнительные почести.

– Да сожрать её просто – и всё! – откликнулся почётный гость.

– Её удел: рассеивая питательные соки, – продолжал философствовать Володя, – пропутешествовать по кишкам жральца в так называемое *отхожее место* – и не более. Подумайте сами, чем отличен в конце концов жребий картофельной очистки от жребия осетрины по-русски, тушённой в винном соусе? Ни за что не поверю, что эта вкусная рыбка, покинув благоуханную кишку какого-нибудь китайского императора, немедля вознеслась бы в *нефритовые* сферы…

А татарское рагу
приготовим мы врагу!

Посчитав свою просветительскую миссию законченной, Кулемзин ненадолго уединился в кухне, откуда скоро пошли умопомрачительные запахи, заставлявшие гостей напрягаться мозгами в самых безудержных фантазиях. Остаётся только добавить, что в володином холодильнике практически всегда наблюдалось изобилие.

Глава 275. О ПЛАКАТАХ СОВЕТСКОЙ ПОРЫ

На кухне у писателя висел плакат пятидесятых годов неизвестного художника Виктора Говоркова под красноречивым названием «НЕТ!» Читатели «Русской кочерги» наверняка помнят его по многочисленным российским сериалам, а тем, кто не помнит, автор напоминает, что изображён там решительный молодой человек с институтским *ромбиком*, видимо, молодой специалист, который физиологически особым образом протянутой вперёд руки решительно отказывается от предложенной ему чьим-то неизвестным рукавом рюмки водки.

Мысли с художественного произведения неожиданно скакнули в прошлое, и Володя вспомнил, как в одном сборнике советских времён видел потрясающей силы плакат начала 60-х годов, на котором была изображена молодая мамаша с распеленутым младенцем, коего, наклонившись, осматривал строгий врач с каким-то медицинским инструментом, словно собирался делать ему вскрытие. При этом мамаша счастливо улыбалась, ребёнок тоже радовался не по-детски, глупая улыбка освещала и лицо доктора, видимо, символизируя его гордость и счастье от обладания лучшим в мире бесплатным медицинским образованием. Но самым забавным в этом плакате были две вещи: трактор К-700[201] за окном и собственно призыв плаката:

[201] Эта модификация появилась именно тогда, в последние годы правления Н. С. Хрущёва. Подтверждаю – прим. сельхозредактора А. Т. Кулемзина

Больше в консультациях –
меньше на детских кладбищах!

Но по закону жанра в любой истории, даже самой короткой, должна быть триада, поэтому не удивительно, что и в этой короткой главе должен появиться третий плакат. И он появился – на стене, противоположной от той, где висел выразительный плакат «Нет!» Надо сказать, что это был своего рода раритет, а именно настоящий, хотя и пожелтевший от времени плакат по технике безопасности, которому без малого стукнуло лет тридцать. Созерцатель его видел ужасающую в своей выразительно-

сти картину: по конвейрной ленте ползли какие-то плоские детали, а из-под валика, двигающего ленту, торчала изуродованная, окровавленная рука. Суть этого высокохудожественного триллера объясняла надпись, которая, по мнению хозяина, имела несколько курьёзный смысл: «Не поправляй прокладок на ходу!» Володя, увидев его впервые, посчитал, что такой плакат мог бы стать неплохим украшением гинекологического кабинета. Теперь читатель, надеюсь, поймёт, почему Кулемзин, невзирая на старую интеллигентскую привычку принимать гостей на кухне, не стал делать этого.

Глава 276. УЖИН ОТ ГЕРОЯ

Но вот и случилось давно ожидаемое: писатель появился в зале, неся на подносе огромный, килограмма на три кусок мяса, благоухающий всеми специями мира. Сопокерники глядели на кусок заворожено, не в силах ничего сказать.

На обед тебе, боец, –
сало, борщ и холодец!

Хозяин поставил блюдо с мясом на перекрахмаленную скатерть, которая хрустела и гнулась, как фанера, и произнёс что-то непонятно-научное:

– Ну, вот вам и коагулированные белки́!

Наконец первым рот открылся у военного.

– Йоговская вилка, как ты это делаешь? – сглотнув слюну, произнёс Талгат.

– Просто, – ответил писатель. – Начиная от выбора на базаре и заканчивая вот таким торжественным выносом – всё довольно просто. А сложно только в середине процесса, то есть в духовке. Вначале натираешь мясо всеми приправами, которые только найдёшь до́ма – вот почему их у меня очень много, потом берёшь длинный, тонкий, острый нож и пронзаешь мясо в разных направлениях до середины куска, потом запихиваешь в разрезы мускатный орех, шарики перца, зубчики чеснока и травки, много травок – петрушку, кинзу и, конечно, короля трав – рейхан, который глупые люди на Западе называют мерзким словом базилик. Короче, побольше овощей и приправ!

Ешь морковку, лук и хрен –
будешь, как Софи Лорен!

– С течением жизни, – поглядев на голодных сопокерников, произнёс хозяин, – я не раз убеждался, что самый страшный наркотик – это еда. Без неё такая ломка!

У слушателей высших кулинарных курсов стадия неуправляемого слюноотделения к этому времени уже перешла в неконтролируемый рефлекс.

– Но главная тайна, други мои, – закончил лекцию Кулемзин, – заключается в том, чтобы определить момент, когда мясо необходимо вынуть из духовки – ни минутой раньше, ни минутой позже: вынешь раньше – оно покажется сыроватым, вынешь позже – сухим. Как вы думаете, это мясо можно назвать сухим?

– Нет, ты вынул его вовремя, – со стоном ответил Батрышин. – Но как узнать, что заветная минута наступила?

– Только опыт, Талгат, только опыт! Годы неустанных усилий – и ты тоже сможешь определять этот краткий миг торжества – по форме о́блака за окном, по лаю соседской собаки, по лёгкой поступи красивой девушки мимо твоей двери и, конечно, по запаху, цвету и вкусу того мяса, которое томится у тебя в духовке, по трепету твоих ноздрей!

Знает даже идиот,
что придурку брат:
мясо должен есть лишь тот,
кто умом богат!

Здесь хозяин заметил, что Полтавцев и его новый друг художник Муравлёв сидят, держась за руки, как Чук и Гек, видимо, в ожидании еды. К мясу писатель подал блюдо с крупно нарезанными астраханскими помидорами, которые светились так, будто в каждом из кусочков была спрятана маленькая электрическая лампочка. Они, разломанные пополам, сахарились на изломе Рядом на блюде горкой лежали кружочки лимона, которые надо было выжимать на благоухающее мясо, а также баночку хрена. Вилки сверкали, как хирургические инструменты, в пивных бокалах играло вечернее саксаульское солнце.

Рядом с основным блюдом присоседилось блюдо поменьше – с огурчиками. Да-да, настаивает автор, не с огурцами, а именно с огурчиками. Огурчики эти были отличные – маленькие, хрустящие, и стоило лезвию ножа впиться в овощ, как впереди лезвия уже начинали бежать трещинки. Огурчики напоминали спелые арбузы, а чёрные пупырышки легко обламывались под пальцами, не раня кожу. Ну и, конечно, обязательным дополнением к любому блюду Альбионыч считал тугие пучки сочной изумрудной зелени, покрытой выпуклыми водяными капельками, немилосердно-острую аджику, а также зеленоватый, с восхитительной кислинкой, грузинский соус *ткемали.* На отдельном блюдечке скромно примостился сыр отчётливо нездешней слезы с какими-то зеленоватыми прожилками.

А запах еды пропитал весь подъезд,
и чтобы нам быть всегда в форме,
отечество славлю, которое ест,
но трижды, которое кормит!

Сопокерники жрали еду глазами, глотая слюну, словно голодные беспризорники, попавшие в образцовую столовую школы-интерната для умственно отсталых подростков имени товарища Макаренко.

– Володя, а у тебя случайно сметанки не найдётся? – по-кошачьи облизнулся Нуртай. Кулемзин молча поставил на стол коробочку с искомым продуктом.

– Что? – вскричал педагог. – Мне? Сметану? В коробочке? Мать моя партия, а где же золочёный соусник с цветочками?

Писатель так же молча забрал коробочку и повторно открыл холодильник, который через мгновение вобрал в себя неистребуемое. Курманбаев закусил губу, с трудом сдерживая внутренние слёзы, но промолчал. Правда, молчание его длилось недолго, потому что нечистые уста педагога разверзлись в очередном безответственном вопросе:

– А зубочистки у тебя есть?

– Для сметаны? – уточнил Володя.

Все посмеялись над незадачливым требовательцем, и тот даже было вознамерился оскорблённо уйти домой, но жадность и страсть к халяве победили и на этот раз.

На халяву надо чаще
есть петрушку и укроп:
и побольше, и послаще,
и бесплатно было чтоб!

«Хорошо, что я сегодня не подал гостям рангпур», подумал хозяин, «а то наверняка бы услышал от Мусаича что-нибудь вроде просьбы подать для него специальную вилочку для рангпура…»

Глава 277. УЖИН ОТ ГЕРОЯ (продолжение)

Гости уже было приступили к трапезе, когда Серёжа вспомнил, что кушать без напитков, тем более, в гостях крайне неприлично, и начал возиться с открыванием пивка.

– А ты знаешь, Серёжа, – увидев этот процесс, спросил Альбионыч, – что французы запивают вином буквально всё: и салаты, и мясо, и рыбу?

– Да ну? – изумился незнайка. – Мать честнáя, вот повезло чертям нерусским!

– И, кстати, именно этим они отличаются от русских, – подтвердил эрудит, – которые запивают вином только водку.

Чтоб заесть свою кутью,
проглотивши ком,
водочку вином запью,
а потом – пивком!

«Вот я с самим Кулемзиным за одним столом сижу», тепло подумал Полтавцев, «так что демократия стучится в наши двери…» А педагог тут же воспользовался моментом – аккуратно, чтобы не разбить, постучал вилочкой по тарелочке и произнёс речь:

– Из наших рядов, родной и любимый, в который уж раз вышел Владимир Альбионыч Кулемзин. Являясь нашим одушевлённым авангардом, нашим двуруким и двуногим компасом, не считаясь ни со свободным временем, ни с объективной реальностью, данной нам в ощущениях, последовательный материалист Владимир Альбионыч, крупнейший мыслитель, он в то же время стал выдающимся организатором показательного процесса развития мирового сообщества в этой кухне. А покер, дорогие друзья, привнесённый в нашу жизнь Владимиром Альбионычем? Ведь это ещё один непереносимый удар для извергов всех мастей, окопавшихся, к сожалению, в уголках общественного сознания. Покеризм-кулемзинизм – вот оплот нашей надёжной гарантии! Владимир Альбионыч! Мать моя партия! От лица собравшихся позвольте принести вам клятву верности всех народов мира!

Сопокерники уже привыкли к такой чепухе, и поэтому не слишком обращали внимание на ненужные слова и обороты, а вот Валера Муравлёв, впервые слушавший речь саксаульского песталоцци, открыл рот и внимал не дыша, правда, с трудом улавливая даже не смысл, а то, на каком языке это произносится.

Надо ли говорить, что мясо со всеми специями не прожило на свете и пяти минут – оно таяло во рту, и Володя на миг пожалел, что девять лет назад вчистую завязал со всяким алкоголем, кроме, разумеется, пива. «А хорошо бы сейчас к этому мясу молодого терпкого *маджари*, от которого на глаза наплывает розовая дымка. А бренный мир после второй бутылочки становится ленив, заторможен и чрезвычайно приятен…»

Потом слушателям высших гастрономических курсов показалось странным, что им подали сначала второе блюдо, а потом первое, но странность эта забылась с первым же запахом принесённого.

Мы к жратве сейчас приступим,
позабывши об овсе:

запах – главное и в супе,
и в хорошей колбасе!

– Что это? – снова застонал музыкант.

– Хаш, – коротко ответил пи сатель.

– Мммммммм, – отхлебнув первую ложку, только и смог произнести Полтавцев, так и не произнеся знаменитой концовки «ать честнáя!» Почему же ложку, спросит наивный европейский читатель, неужели писатель опустился до того, чтобы накормить гостей простым супчиком? А вот и нет: хаш, если говорить упрощённо, был разогретым холодцом. По старинному армянскому рецепту Володя сначала сварил две говяжьи ноги – 8 часов, потом добавил в кастрюлю рубец, сваренный в другой кастрюльке, потом варил всё это до той поры, пока мясо не начинало отделяться от костей, потом отдельно приготовил чесночную заправку, для чего в ступке истолок сам чеснок с крупной солью, добивив туда половник бульона, мелко резаную редьку, перец чили и зелень, в роли которой сегодня выступала классическая кинза, которую глупые западные кулинары прозвали некрасивым словом кориандр. Охранник отведал первую порцию, затем попросил вторую, а через несколько секунд и третью.

– Суп-кондей
из семи мудей, –

похвалил он стряпню товарища. Володя улыбнулся. Теперь и ты, читатель, представляешь, какие рефлексы проснулись в истощённых пивом, игрой и серёжиной курицей организмах!

– Но главный секрет, други мои, в том, – напоследок поведал писатель, – что хаш должен быть очень наваристым – чтобы пальцы склеивались, если вы их нечаянно, как сейчас это делает наш друг Незнайка, сунете в тарелку!

Ты гостям оставь визитку –
и тогда ты молодец:
развари говяжью лытку,
чтобы вышел холодец!

Охранник ещё раз поглядел на значительно разорённый стол и, не выдержав, спросил:

– Так ты так и на *великий пост* питаешься?

Не увидишь ты в лампаде
то, что скрыто в полутьме,
ведь *великий* пост нам даден,
чтобы *малый* был в уме…

– Да что ты, конечно, нет, гораздо скромнее, – ответил Альбионыч. – Обычно мой *скоромный* стол выглядит примерно так: винегрет с кальмарами, да щучья икра в хрустальной вазочке, да хрустящий и сочный салат с груздями, да рыбьи молóки в винном уксусе, которые кладутся на хорошенько пожаренный на оливковом масле чёрный хлеб, да запечённые с яблоками баклажаны, да уха рыбацкая из судака и лосося, да тугие и пахучие голубцы с рисом и айвой, да рыбки жареной сортов пять, да золотистой горкой жареная картошечка с зеленью, да ещё запечённые с орехом и черносливом яблоки, цукаты и фрукты, не говоря уже о простом, как атом, форшмаке – непременно с зелёным яблоком!

Блюдо это – просто смак,
но без опохмелки:
хорошо, когда форшмак
не в башке, – в тарелке!

Серёжа, услышав про такое невероятное изобилие, тут же проникся и попросил ещё одну порцию хаша.

– Царица лесная, вот это да! – восхитился он. – Я бы тоже не против так во время поста питаться. А ты не боишься, что *дедушка* обидится и в рай тебя не заберёт?

– Яйчики-бабайчики, кстати, об этом сомнительном месте у меня есть неплохая байка. Рассказать? Ну, тогда слушайте…

Глава 278. СКАЗКА ДЛЯ ВЕРУЮЩИХ

Умер однажды один русский мужик и, разумеется, попал в ад. Стоит себе у стеночки и смотрит на вечные муки грешников, содрогаясь от вида всех этих котлов и сковородок, да ждёт своей очереди. И вдруг замечает в стене маленькую дверцу, а над ней вывеска:

Смотрит он, что черти работой увлечены и вроде внимания на него не обращают, подкрался к дверце и – шмыг туда. А там… действительно сидят мужики и спокойненько так пьют пиво, анекдоты травят, рыбку чистят. Спрашивает наш мужик робко:

– Слышь, мужики, а можно мне с вами немного посидеть?

– Конечно, – говорят мужики, – проходи, садись, бери рыбку, сейчас тебе пива принесут.

Освоился немного мужичок, осмелел и говорит:

– А это вообще-то ад?

– Конечно, ад!

– А как же там, – показывает он на дверь, – жарят, парят?!

– А, там-то? Так там ад для *верующих*…

Вроде так себя нацелишь,
что потом уже не рад:
рай возможен на Земле лишь!
Но нам выпал только ад…

Глава 279. УЖИН ОТ ГЕРОЯ (продолжение продолжения)

– Кухня, – поднял вверх палец Володя. – Именно она – одно из самых серьёзных проявлений человеческих отношений. Кухонь на земле сотни, потому и люди, вкушающие эти блюда, все разные. Представьте себе, какими бы были китайцы, если бы из века в век не ели свою кисло-сладкую бурду, приготовленную вообще непонятно из чего.

У самогó нашего героя был весьма перверсивный[202] вкус: он, гурман, вместо того, чтобы наслаждаться немереным количеством известных ему блюд, но будучи наследным марсианином, вконец обрусел, и больше всего любил на завтрак овсяную

или гречневую кашу с мелко порубленным яйцом и зажаренной луковкой. Кулемзин вообще считал, что кулинария – это ещё и область психологии, и даже антропологии. Например, будучи убеждённым интернационалистом, в гастрономическом отношении он вдруг обнаруживал в себе глубинные антисемитские корни: до тошноты не выносил фаршированной рыбы, тёртой морковки и свёклы, мясо с черносливом и остальные еврейские *кнейдлы*, в общем всё молотое, как бы до него кем-то уже пережёванное. Но русскую кухню всё же ценил больше всех остальных: во-первых, потому что календарно более всего вкушал именно её блюда, и, во-вторых, любил её с точки зрения истинно русского размаха, какой-то невероятной амплитуды российского имперского синтеза.

[202] ***От лат. perversus – извращённый***

И селёдку, и горбушу,
и кусочки милых шпрот:
мы по-русски любим кушать,
то есть всё, что лезет в рот!

Володя любил погружаться и в изобилие сыров. В крупных супермаркетах он брал их много, по небольшому кусочку – козий, овечий, коровий, мягкие рассольные, полумягкие, твёрдые, круглые лепёшечки разных размеров и цветов: белые, розовые, жёлтые, сиреневые, с присыпкой и без неё, с тонкой корочкой или покрытые специальной плесенью остро пахнущие брусочки, слезящиеся на разрезе. Сказка жизни!

На закуску Альбионыч предложил гостям попробовать корейку – эти аппетитные куски изготовлял на своей ферме и персонально доставлял на дом его старый приятель Анатолий Францевич, в советскую (б) пору работавший главным редактором журнала «Здравоохранение Саксаулии»

– Корейка? – удивился Полтавцев. – Это ещё что такое?

– Ну как тебе объяснить попонятнее, – задумался Володя. – Ну, скажем, так: корейка – это копчёная девушка из Кореи. Вкусная штука, я вам доложу!

– Никогда не пробовал, – честно признался Полтавцев. – Только местных. Была у меня одна такая в бригаде – Светка Пак.

«А у меня одна такая есть до сих пор», подумал почётный гость из старших прапорщиков..

«Их нравы», неодобрительно подумал Нуртай.

И дым копчёностей
нам сладок и приятен…

Глава 280. УЖИН ОТ ГЕРОЯ (окончание)

После этого Володя счёл нужным отдать товарищам рапорт о свершённом, причём решил сделать это в духе Курманбаева, спародировав его пламенные спичи:

– Сегодня в торжественной обстановке, окружённый народным признанием и глубочайшим уважением, великий вождь принял находившуюся с дружеским визитом в столовой пищу. В состав принятой внутрь делегации входили жареные куропатки на *крутонах,* мусс из ветчины, суп с блинчатыми *рулетиками*, а также примкнувший к ним крем из взбитой сметаны с бананами. Все вышеуказанные компоненты прекрасно усвоились организмом и принесли дорогому Владимиру Альбионычу новый заряд идейной силы, бодрости и нравственного здоровья!

В результате такого демарша настроение хозяина улучшилось настолько, что он решил поразить пришельцев экспромтом:

– В эпоху позорного волюнтаризма
народ наш под смертью ходил.
Внезапно вдруг светоч нуртаизма-курманбаизма
навеки его озарил!
Под солнцем его мы крепнем год от года,
устремлены всегда всем корпусом вперёд!
Нуртай Курманбаев подотчётные народы
к бессмертию уверенно ведёт!
С тех пор мы живём в свете этих решений,
счастливо и вечно живём,
и светит нам Нуртай в делах поколений,
ведóмый светлым путём!
Надежда народов, оплот бедняков, середняков и баев,
с капитализмом великий борец,
Нуртай наш Мусаич родной Курманбаев,
тебе – пламя наших сердец!

Пока Альбионыч шутливо распинался в своих сомнительных дифирамбах, Талгат, Серёжа и Валера в очередной раз ударили по пивку, что, конечно же, было в корне неправильно – после такого мощного обеда, плавно перешедшего в ужин. А вот хозяин поступил как раз наоборот: всю эту гастрономическую скромность он запил чаем с живой мятой, собранной, как он знал точно, на склонах неизвестно где расположенной горы Хермон[203].

[203] Подумаешь, бином Ньютона! На севере Израиля находится эта гора – прим. географ. редактора

После незапланированного питания Нуртай решил, что наиболее плодотворно воспользовался невольной передышкой от неустанных забот о благе своих товарищей, многое переосмыслил и пришёл к новым, не менее историческим, чем предыдущие, решениям. Затем, как следует покопавшись, он нашёл в себе мужество признать и заявить, что настало время кардинальных перемен и эпохи коренного перелома в общественном сознании, нашедшем надёжный оплот в его, Нуртая, голове.

– Ваша поддержка… в самые критические, можно сказать, переломные… всякие попытки заранее обречены на провал…я не побоюсь этого слова… мать моя партия… если можно так выразиться… достойный отпор… в умах и сердцах… устремлены взоры всего прогрессивного человечества…мы ещё тесней сомкнём…

Затем педагог перевёл дух и вполне содержательно добавил:

– А вообще, Володя, спасибо тебе большое от всех присутствующих товарищей. Я, да и они тоже, надеюсь, надолго запомнят нашу волнующую встречу. Помни и ты об этом!

«Запомню», подумал писатель, «надолго запомню! А тебе, прохвост, ещё и пришлю счёт…»

Лежишь бессонными ночами
и вспоминаешь со стыдом,
как пил вчера со сволочами
и приглашал мерзавцев в дом…

– А в следующий раз я угощу вас пловом, – вслух сказал хозяин.

– Подумаешь, плов, – фыркнул Полтавцев. – Мясо с рисом!

– Нет, старичок, не скажи, – огорчился Володя такой кулинарной бестолковости. – Всё гораздо сложнее. Сначала прокаливаешь масло, в это же время режешь лук-морковь-мясо, запускаешь всё это в кипящий жир, потом соль, *зиру*, барбарис, красный перец, можно для вкуса немного изюма или кураги. И только потом спускаешь в казан промытый рис, тихо так, *ненасильственно* льёшь воду, чтобы покрыла пальца на полтора, досаливаешь, убавляешь огонь, а ещё, ближе к концу, втыкаешь, как «Першинги» в цель, головки чеснока.

Как в брюхе не тесно,
на всё есть место!

Охранник лихорадочно покрывал каракулями странички знаменитого блокнотика «Для му.мы.»

– Или вот как готовят плов азербайджанцы (у них он называется *каурма*). Служил я как-то перед Вьетнамом в славном городе Баку, там и научился, – продолжил лекцию Володя. – Берётся совсем сухой рис и половина его делается двуцветным – окрашивается шафраном, а баранина тушится в гранатовом соусе с каштанами! М-м-м-м! А возьмите *ош* – так называют плов узбеки, который я вкушал неоднократно, будучи в командировках вблизи этой странной советской республики (б)…А ты говоришь – мясо с рисом!

Не нужны хурма и сласти,
ведь барашек – наш улов!
И тому открылось счастье,
кто вкушал узбекский плов…

После чего писатель смёл хлебные крошки на подоконник, куда тут же спикировали несколько воробьёв и жадно принялись за неожиданную *халяву*.

– Лопайте, птеродактили, – от души пожелал им филантроп.

Глава 281. ЗНАКОМСТВО С КВАРТИРНЫМ ДУХОМ

Между тем насытившийся Афанасьич решил поближе познакомиться с квартирой гостеприимного хозяина. Он вспомнил, как однажды Альбионыч говорил ему, что в его квартире живёт творческий дух, и теперь решил сам посмотреть, что же это за дух такой. Сторож представлял его в виде *квартирного* – такого же, что жил в его квартире, но только с книжкой в руках, и почему-то в очках.

Кстати, слово *дух* было здесь особенно уместным, и вот почему: что касается собственного жилища, Володя не собирался превращать его в кафкианское пространство, отмытое до стерильной чистоты, где уже не будет запахов еды и пива, нечаянно пролитых духов, женщин и, конечно, бесконечной бумажной прели. Напротив, здесь – в зависимости от времени суток – хорошо пахло то бергамотовым чаем с липовым мёдом, то кулебякой, начинённой мясом марсианских петушков, то витал в его главной рабочей комнате благородный запах китайской туши для каллиграфии, приятно сочетающийся с не менее благородным запахом китайской рисовой бумаги – для создания его бессмертных хокку, то иногда вплетались в устоявшийся хор запахов чьи-то случайные духи «Magie Noire[204]», а то и вовсе неожиданно пахло лавандой, причём, природу этого запаха не удавалось обнаружить никогда. Словом, было в

этой квартире всё, что нужно для творческого настроения и для самого́ творчества как такового.

[204] ***«Чёрная магия» – фр.***

Ах, какие у поэта
есть возможности, хотя
говорят, что я с приветом
и наивен, как дитя –
я из этой комнатёнки
в блочном доме, как с небес,
зорко вижу сквозь потёмки
исторический процесс!

Афанасьич, впервые попавший в квартиру Кулемзина, долго ходил по комнатам, горестно покачивая головой, потрясённый и униженный роскошью обстановки. Его жизнь показалась ему мелкой и ничтожной, когда он понял, что никогда даже близко не приблизится к такому комфорту, а ведь он, мать честна́я, трудился без продыху столько лет, света белого не видя! И, действительно, надо признать, что жилище писателя было квартирой барина, не привыкшего к лишениям и неудобствам. Скромный, но экстравагантный комфорт проступал в большом и малом. Именно в такой квартире и должен был жить человек, включивший в свой гардероб рубашку цвета марсианских подсолнухов. Здесь было чисто, как после субботника, и эта чистота располагала к смелой мысли о том, что туда можно было водить нерадивых жён – на экскурсии. Альбионыч справедливо считал, что если уж тонуть, то только в роскоши. Правда, к уборке квартиры и стирке душа́ у него не лежала. Не нами замечено: кто любит поварёшку и кухо́нный нож, тот не особенно жалует швабру и утюг. Кстати, швабра у него имелась – она пряталась за дверцей ванной комнаты, стыдливо отвернув к стенке наклеенную на полированную ручку этикетку: «Швабра 2Д1Т»[205]

[205] ***2 деревяшки, 1 тряпка – прим. автора***

Сторож в ухоженной писательской квартире выглядел как окурок на дворцовом паркете. Он, впервые попавший домой к марсианину, тут же начал осторожно вертеть головой, потрясённо ахая, всем видом своим показывая, что чувствовали крепостные крестьяне, входя в барские покои. Они пугливо озирались по сторонам, мяли в руках шапки и говорили *благодарствуйте, барин*, когда им выносили на жестяном подносе рюмку водки. Сейчас сторож чувствовал себя так же, только, к сожалению, без водки. Например, в кухне он обнаружил невиданный до того агрегат, белый и красивый, который скромно стоял на подоконнике и молчал.

– Мать честна́я! – заволновался Серёжа. – Это что?

– Микроволновая печь, – объяснил хозяин. – Кстати, могу уступить по дешёвке – вместе с запасом микроволновых дров…

Знают заяц и зайчиха:
чтобы не было беды,
микроволны будят лихо
в виде капелек воды!

– Если тебе так интересно, Серёжа, совсем не надо ломать шею. Можно просто подойти и посмотреть, – предложил хозяин. Кстати, кухню эту отличало и то, что

здесь наблюдалось полное отсутствие плебейских запашков, свойственных пролетарским квартирам.

Затем гость увидел книги. В квартире писателя они были везде: висели на стене в виде нескольких десятков книжных полок, занимали какую-то часть пространства на полу, они были в пачках и в стопках, подломившимися в основании грудами, а иные и просто валялись на ковриках. Всё это напоминало место сражения, усеянное брошенной при отступлении амуницией, хотя многочисленные пóлки создавали атмосферу уюта и уверенного благосостояния. Обнаружив на пóлках около 5000 книг, Полтавцев обрадовался, что, оказывается, читает не он один.

Надо сказать, что книги, особенно в молодые годы, заменяли Кулемзину всё. В своё время он изучил Индию по Редьярду Джоновичу Киплингу, корриду по Бласко Висентовичу Ибаньесу, джаз по Трумэну Гарсиевичу Капоте, приготовление коктейлей по Эрнесту Эдмонтовичу Хемингуэю, баллистику по Эриху Марии Петеровичу Ремарку, устройство авиадвигателей по Антуану Жан-Марковичу Экзюпери, устройство гарпуна по Генри Бенджаминовичу Мелвиллу, чёрную магию по Говарду Уилфридовичу Лавкрафту и сезонную миграцию гепардов по Джералду Лоуренсовичу Дарреллу.

– О, Володя, как у тебя много книжек! – издалека начал охранник. – Мне бы вот одно слово найти иностранное…

– Есть два варианта, Серёжа, – не стал отказывать писатель. – Первый: могу объяснить тебе сам. Второй: дам тебе заветную книжку, называется она «Русско-нерусский словарь», там и найдёшь искомое.

– Да мне не искомое, мне трансцендентальное нужно!

Писатель тут же поперхнулся, и сторожу пришлось долго дубасить его по широкой, как теннисный корт, спине, чтобы привести в надлежащее чувство. После чего Володя вытащил наугад одну из своих любимых книг на марсианском языке и протянул её Полтавцеву. Афанасьич несколько минут тупо вертел в руках загадочную книгу и, наконец, сдавленно поинтересовался:

– Зачем тебе это?

– В жизни не бывает бесполезных знаний, – пожал плечами Альбионыч.

– Володя, а вообще зачем тебе так много книжек? – почесав голову, поинтересовался охранник. – Их же все читать нужно, а то чего деньги зря переводить.

– Книжный голод – самый неутолимый, – строго ответил писатель. Афанасьич помотал головой: мол, не понял, и Кулемзину пришлось назвать ещё одну причину:

– Видишь ли, старик, мне нужно обязательно знать, о чём пишут другие, чтобы случайно не написать что-либо подобное.

– А если напишешь? – сурово вопросил Полтавцев.

– Тогда перед потомками неудобно будет.

– А перед предками? – не унимался любопытный.

– Тем более…

Вопрос закрылся как бы сам собой.

Увидев книгу, не грущу,
ведь сын я самоучки:
читая, я всегда ищу
родные закорючки!
Я вижу в этом странный толк
без характерных вспышек,
ведь так, как я пишу, никто
на свете не напишет!

Глава 282. ЗНАКОМСТВО С КВАРТИРНЫМ ДУХОМ (продолжение)

Особенное внимание охранник обратил на один красивый четырёхтомник, стоящий на полке как бы отдельно от всех – это был знаменитый «Толковый словарь живаго великорускаго языка» Даля 1860 года.

– Какие толстенькие книжки, – похвалил толстенькие книжки сторож. – Интересно, откуда он столько всего набрал?

На что Володя объяснил, что Владимир Иванович Даль, когда ему были нужны новые слова, приезжал в какую-нибудь забытую *дедушкой* деревню, разбивал на глазах мужиков пару бутылок водки, а потом целый день стоял и записывал впечатления простого русского народа.

Наряду с книгами целую пóлку занимали конверты со старыми виниловыми дисками, на которые у хозяина ушло целое состояние. Это была богатая коллекция: рядом с битлами соседились роллинги, «Uriah Heep» картонным боком прижимался к «Led Zeppelin», «Deep Purple» ласкал попку задорной девчонки (б) Сьюзи Кватро, а Саймон и Гарфункель в два голоса напрасно пытались перепеть одного Нодди Холдера из «Slade»

Крошка-сын к отцу пришёл,
и сказала кроха:
– «Alice Cooper» хорошо,
«Modern Talking» плохо!

– Царица лесная, сколько всего! – восхитился охранник. – А Кобзона нету?

– Кобзона нету, – разочаровал его хозяин. – Это рок.

– В каком смысле?

– Рок, – ещё раз объяснил Володя. – Хард-рок, панк-рок, симфо-рок, джаз-рок, рок-авангард и просто рок-н-ролл.

У сторожа от обилия незнакомых слов закружилась голова.

– И что ты только находишь в своём дурацком рок-н-ролле? – презрительно оттопырив нижнюю губку, спросил педагог.

– А зачем ты ешь? – не растерялся писатель.

– Да чтобы не сдохнуть! – встрял Полтавцев.

– Правильно, Серёжа. И я для этого же…

– А кюи Курмангазы в твоей коллекции присутствуют? – решил проявить музыкальную культуру и художник.

– Нет, – вежливо ответил хозяин, – зато есть полная коллекция кюев Ыкылыса Дукенулы, исполняемых на кобызе.

И, заметив недоумённый взгляд Муравлёвава, пояснил:

– Был в своё время такой знатный кобызист.

Затем внимание сторожа привлёк володин сейф – железный ящик, скромно прятавшийся между книжным шкафом и кирпичной стеной.

– Это зачем? – строго поинтересовался Полтавцев.

– Вдохновение черпаю, – просто ответил писатель. – А потом ты с ним за пивом ходишь…

Старинный диван-корабль с валиками подушек подпирал стену. Камин по причине лета скучал посередине западной стены, иногда тихонько позвякивая набором кочерёг, чтобы напомнить о себе. Кресло с высокой спинкой, обтянутое дорогой потёртой кожей, высилось подле коренастого дубового стола.

– Мать честнáя, это ж сколько убираться здесь надо, – озаботился пришелец.

– Не переживай, Серёжа, – услышал его бормотание хозяин. – Когда-нибудь я женюсь на *справной* работящей женщине, которая, кроме еженедельной генеральной уборки, будет ежедневно ходить за мной по квартире с веником и совком, подметая за мной творческий песок.

Напрягаю не подкорку,
а мозгов своих копну:
генеральную уборку
возложу я на жену!

Нуртай, приверженец социалистического метода разделения труда, услышав откровенное социальное безобразие, скривился, словно надкусил хлеб, густо намазанный горчицей, но забыв при этом положить в бутерброд колбасу. Затем внимание Афанасьича привлёк сатанинский прибор – компьютер, тем более, как было точно известно Сергею, *неосвящённый.* Сторож немедленно поинтересовался, сколько тот сто́ит. Здесь надо заметить, что Кулемзин приобрёл компьютер три года назад – в канун так называемого *миллениума*, подумав при этом, что если уж изображать личность, то надо изображать её идущей вровень с веком – несущимся *иблис* его знает куда. Узнав цену, Сергей ужаснулся:

– Зачем же тебе такая дорогая железяка?

Я на жизненном маршруте
вдруг узнал такой гамбит:
чем дороже мой компьютер,
тем в нём больше прячут бит!

– Когда-нибудь, скорее всего, в следующей жизни, ты это поймешь, старичок, – ответил писатель. – Ведь компьютер имеет одно неоспоримое преимущество перед мозгами: им чаще пользуются!

– А в твоём компьютере про *дедушку* что-нибудь сказано? – опасливо покосившись на загадочный аппарат, спросил Афанасьич.

– Нет, старик, с ним всё в порядке, – ответил хозяин. – Это только в Ватикане да в Московской патриархии компьютеры верующие. У них, я слышал, на рабочих столах даже *иконки* мироточат!

Чтобы навсегда закрыть эту электронную тему, осталось только добавить, что володиного монитора сторож почему-то испугался и шёпотом назвал его *телевизором*, а вот принтера, выплёвывающего листочки с текстом *из ничего*, он испугался ещё больше и подумал о нём так: «Искусственный разум, мать его ети!»

– Так ты этой штукой пишешь свои книжки? – придя в себя, поинтересовался охранник. Кулемзин молча кивнул.

– Хорошая работа, – похвалил Полтавцев. – В тепле и светле…

И здесь автор решил взять очередной тайм-аут, чтобы рассказать (не Серёже, ибо тот не ведает, что слышит, а читателям) краткую историю создания компьютера.

Глава 283. БИБЛИЯ ДЛЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ PC[206]

[1] В начале было Слово, и это слово было 2 байта, а больше ничего не было.
[2] И отделил *дедушка* единицу от нуля, и увидел, что это хорошо.
[3] И сказал *дедушка*: да будут файлы, и стало так.

[206] *От англ. personal computer – персональный компьютер*

[4] И сказал *дедушка*: да соберутся данные каждый на своё место, и создал дискеты, и винчестеры, и компакт-диски.

[5] И сказал *дедушка*: да будут компьютеры, чтобы было куда пихать дискеты, и винчестеры, и компакт-диски, и сотворил он компьютеры, и нарёк их хардом, и отделил хард от софта.

[6] И создал *дедушка* программы большие и малые, и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и заполняйте всю память.

[7] И сказал *дедушка*: создам Я программиста по образу и подобию Моему, и да владычествует он над компьютерами, и над программами, и над данными. И создал Он программиста и поселил его в своем ВЦ[207], чтобы работал в нём.

[8] И повёл *дедушка* программиста к дереву каталогов, и заповедал: из всякого каталога можешь запускать программы, только из каталога Windows не запускай, ибо must die[208].

[207] Вычислительный центр
[208] Должен умереть – англ.

[9] И сказал *дедушка*: нехорошо быть программисту одному. Взял Он у программиста кость, в коей не было мозга, и сотворил ему пользователя, и привел его к программисту, и нарек его юзером.

[10] И сидели программист и пользователь перед голым DOS'ом и не стыдились.

[11] Билл был хитрее всех зверей полевых, и сказал Билл юзеру: подлинно ли сказал *дедушка*: не запускайте никакого софта? И сказал юзер: всякий софт мы можем запускать, и лишь из каталога Windows не можем, ибо must die.

[12] И сказал Билл юзеру: давайте спорить о вкусе яблок с теми, кто их ел. В день, когда вы запустите Windows, будете как боги, ибо одним кликом мышки сотворите что угодно.

[13] И увидел юзер, что это хорошо и поставил винды на свой компьютер, и сказал программисту, что это хорошо, и тот тоже поставил.

[14] И отправился программист искать свежие драйверы, и воззвал тогда *дедушка* к программисту и сказал ему: где ты? Программист сказал: ищу свежие драйверы, ибо нет их под голым DOS'ом.

[15] И сказал *дедушка*: кто сказал тебе про драйверы? Уж не запускал ли ты винды? И сказал программист: юзер, которого Ты мне дал, пожелал отныне программы только под винды, и я их поставил.

[16] И сказал *дедушка* юзеру: что же ты наделал? И сказал юзер: Билл обольстил.

[17] И сказал *дедушка* Биллу: за то, что ты сделал, проклят ты перед всеми скотами и всеми зверями полевыми, и вражду положу между тобой и программистом, он будет ругать тебя, а ты будешь продавать ему винды отныне.

[18] И сказал *дедушка* юзеру: умножу скорбь твою и истощу кошелёк твой, и будешь ты отныне пользоваться кривыми программами, и не сможешь жить без программиста, и он будет господствовать над тобой.

[19] И сказал *дедушка* программисту: за то, что послушал ты юзера, прокляты компьютеры для тебя, глюки и вирусы произведут они тебе, со скорбью будешь вычищать их во дни работы своей, в поте лица своего будешь отлаживать код свой.

[20] И послал *дедушка* программиста и юзера из своего ВЦ, и поставил вечный пароль на входе.

[21] Аминь.

Опрокинув пару стопок
и оставшись этим рад,

тычет *дедушка* по кнопкам,
нас кидая в рай иль ад!

Глава 284. ЗНАКОМСТВО С КВАРТИРНЫМ ДУХОМ (продолжение продолжения)

На стене зала, над камином, висела прекрасно сохранившаяся голова бенгальского тигра, лично застреленного Володей на одном из сафари[209]. Ознакомившись с залом, сторож перешёл к спальне, где на её двери нашёл художественно выполненное объявление следующего содержания:

Сдаётся двуспальная кровать
с одним свободным местом!

[209] Стопроцентное враньё! Весь творческий коллектив нашего издательства бывал в гостях в квартире автора, когда мы обмывали сигнальный экземпляр «Русской кочерги», и что-то не видели там ни тигриной головы, ни вообще камина! Да и на сафари, которое, как известно, проводится в Африке, невозможно убить бенгальского, то есть индийского тигра! – прим. глав. редактора

– Ну и как, сдаёшь? – поинтересовался гость.

– Периодически, – ответил писатель. – С периодом переменной функции.

Полтавцев, испугавшись незнакомых слов, замер на пороге.

– Ты чего в дверях топчешься, как понятой? – пригласил его Володя. Свою спальню Володя ласково называл «Секс-убежище» и объяснял, что таковым оно и является – от секс-бомб. Практически всё пространство писательской спальной комнаты занимала огромная кровать, сразу наводящая на мысли о яростных классовых боях и радостных капитуляциях. Спать на ней можно было хоть вдоль, хоть поперёк, хоть вдвоём, хоть впятером, а то и целым трудовым коллективом. Это устройство так поразило воображение Полтавцева, что он долго разглядывал кровать, по-детски прикусив палец. Над кроватью, как и в других комнатах жилища, висели две таблички, своим расположением подтверждающие, что хозяин был знакóм с принципом параллельности Вселенной. На первой был начертан лозунг для оживления памяти Альбионыча – в соответствующие приятные моменты его жизни:

Сырые яйца и орехи
нужны нам для ночной потехи!

Вторая табличка была написана, очевидно, на марсианском языке, и поэтому смысл её навсегда ускользнул от сознания охранника:

Keep your distance![210]

[210] Держи дистанцию! – англ.

Чтобы закрыть тему володиной спальни, надо только добавить, что именно в этой комнате всегда соблюдалась полная тайна *вкладов*. На противоположных стенах здесь висели двое часов. Одни были неидущие, как у немецкого философа Иммануила Иоганновича Канта, которые свидетельствовали о том, что в этой квартире остановилось время. Напротив висели часы, стрéлки которых, в отличие от первых, двигались по циферблату с так полюбившимся коммунисту Горбачёву ускорением.

На что могли намекать эти часы, было даже страшно подумать: жизнь быстротечна – это ясно, но пока живёшь, кажется, что жизнь – игра в *русскую кочергу*, где каждый день сродни небрежно сданному робберу.

На Земле ничто не вечно
в свете старых теорем:
жизнь, как покер, быстротечна,
день, как роббер, мал совсем…

Рядом с часами висели несколько картин в рамках, при внимательном рассмотрении скрывающих в себе *иблис* знает что: на некоторых из них были намалёваны какие-то размытые пятна, какие можно увидеть разве что в бензиновой луже под автомобилем с прохудившимися запчастями, на других был тонкий намёк на какой-то смысл, но не более того.

– Народное творчество? – поинтересовался любопытный охранник. – Мать честна́я, неужто подлинники?

– Серёжа, не обольщайся, – пояснил хозяин. – Это вовсе не ранний Пабло Руисович Пикассо, это просто крайне поздний Валерий Николаевич Муравлёв – великий художник эпохи Вырождения.

– А он хороший художник? – с какой-то тайной мыслью поинтересовался Серёжа.

Валера, делавший очередной глото́к из бутылочки, тут же поперхнулся. Володя решил выручить товарища и объективно доложил:

– Хороший, хороший. Особенно умело он педалирует разложение цветов в композиционном хаосе, хотя и присутствует в его духовном мире демиурга некоторое смятение, которое и определяет экзистенциальные мотивы всего периода его незамысловатого творчества.

Потрясённый мнением критика, сторож молчал. Он впервые видел картины Муравлёва, поэтому долго глядел на них, а потом всё же попытался выяснить, почему на них небо красное, трава синяя, а ли́ца – вообще квадратные. Пришлось Альбионычу объяснить, что, как художник, Валера имеет на это право, потому что так видит. И тогда охранник задал вполне справедливый вопрос:

– А если у него такое зрение, то зачем он вообще пошёл в художники?

Мне смотреть на это тошно –
как на пепси с бодуна:
у художника всё сложно
и не ясно ни хрена!

– Нет, нет, ты не думай, красивые картинки! – поняв, что перегнул палку, похвалил гостя Серёжа. Взгляд Валеры тут же воспылал шизофреническим бешенством, присущим вообще многим художникам. И Володя понимал его – как художника сло́ва, его самого́ коробили такие выражения о прекрасном. Разве о картинах говорят *картинки*, разве о картинах говорят *красивые*? Картина и не должна быть красивой, она должна быть правдивой и чувственной. Разве «Толедо ночью» Эль Греко – это красиво? А завораживает так, что оторваться невозможно!

Чтобы избыть горе, саксаульский Врубель как бы в спиритическом состоянии добрался до Володиного холодильника и залпом опростал бутылочку ледяного пива. Хозяин дома промолчал.

Глава 285. ЗНАКОМСТВО С КВАРТИРНЫМ ДУХОМ (окончание)

Затем Афанасьич обнаружил на стене спальной комнаты ещё одну достопримечательность – здесь висела фигурная рамка с вписанным в неё следующим текстом:

Личные социалистические
обязательства В. Кулемзина
на последнюю четверть жизни

«Когда я состарюсь, я обязуюсь:

1. Не водить дружбу с молодёжью, не заручившись предварительно её желанием.
2. Не быть сварливым, угрюмым и подозрительным, не говорить, что в наше время всё было лучше.
3. Не критиковать современные нравы и обычаи, а также политиков, вóйны и т.п.
4. Не рассказывать одну и ту же историю по многу раз одним и тем же людям.
5. Не скупиться.
6. Не навязывать своё мнение. Давать советы только тем, кто в них заинтересован.
7. Не болтать помногу, в том числе и с самим собой.
8. Не хвастаться былой красотой, силой, умом и успехом у женщин.
9. Не прислушиваться к лести.
10. Не быть самоуверенным и самодовольным.
11. Не браться за выполнение этих соцобязательств из страха, что выполнить их не удастся…»

Хоть я жил не как святоша,
но не вышло не стареть:
обязуюсь быть хорошим
и достойно помереть!

«Надо бы себе такие же обязательства придумать», мелькнула в голове Полтавцева шалая мысль, но тут же исчезла, не оставив даже эха. Не обнаружив ни *квартирного*, ни его духа, сторож заскучал. Но скука тут же прошла, так как он заметил в простенке между диваном и рядом книжных полок некий предмет, в котором с удивлением узнал ещё один сейф. Хотя, и это, конечно, был тоже не сейф, а всего лишь железный ящик с немудрёным запором, доставшийся Кулемзину по случаю, когда один из его приятелей ещё в 90-е годы срочно ликвидировал свою фирму (чтобы *не сесть*!), раздавая имущество друзьям задаром. В одном, может быть, серёжины мысли приблизились к правильному, ведь по-английски слово *safe* означало именно сохранение, а, значит, железный ящик как-то подходил под это нехитрое определение.

– Для денег? – деловито спросил охранник.

– Для них, родимых, – ответил писатель.

– Мать честнáя, и много их там? – не унимался любопытный Афанасьич.

– Примерно на 134.287 бутылочек «Тянь-Шаня», – мгновенно вычислил саксаульский пифагор.

– Ого! Богатый ты, Вовка! – завистливо пробормотал охранник.

– Да это разве богатство? – удивился Альбионыч. – Вот есть такие люди – мультимиллиардеры!

– Это ещё кто такие? – заволновался Полтавцев, и тут же, без перехода, наивно предположил:

– А ты сам не такой?

– Нет, – просто ответил Кулемзин. – Для того чтобы называть себя мультимиллиардером, у меня не хватает немного денег.

– Сколько? – поинтересовался Серёжа.

– Да одного мультимиллиарда!

Я монеток не любитель,
мне б бумажки сохранить:
сейф – надёжный сохранитель
без чего мне не прожить…

В конце путешествия охранник посетил володину ванную комнату, где полюбовался на таблички, о которых автор уже рассказывал читателю в первой части нашего правдивого повествования – в главах 65 и 66. Сама ванна показалась ему такой чистой и ослепительно прекрасной, что Полтавцев решил, что купаться в ней – грех, а лучше сходить в баню, и был очень удивлён, что Кулемзин в баню не ходит. По этому поводу между ним и хозяином произошёл вот такой диалог:

– А чего ты в баню, Володя, не ходишь?

– Две причины, друг мой, – ответил писатель. – В женскую не пускают, а в мужскую – не интересно!

Немало поразил гостя и японский унитаз – с подогревом задницы, музыкальным центром, в который Альбионыч закачал несколько чукотских народных песен, и турбосливом отходов производства ароматизированной пеной. Напоследок Афанасьич поинтересовался, нет ли у этой комнаты специального названия, на что получил ответ, что да, есть, и называется сие *заведение* комнатой для релаксации сфинктера. Услышав страшное слово, Афанасьич поклялся себе больше никогда не заходить сюда до самой смерти.

Говорит удмурт удмурту,
чуть прищурив левый глаз:
«Раньше я ходил за юрту,
а теперь – на унитаз!»

Пока сторож осматривал унитазные владения, хозяин немного постоял у кухонного окна. Здесь было на что посмотреть, так как за стеклом разыгрывалась интересная мизансцена с участием его любимицы Несси и трёх галок, отчаянно сражающихся за большой кусок непонятно чего, но, судя по азарту противостояния, однозначно съедобного. Млекопитающее, конечно, было сильнее трёх птиц вместе взятых, поэтому хитрые летуньи не пытались сцепиться с Несси в открытую, – они просто не давали несчастному животному скрыться с заветным куском. Это противостояние силы и хитрости настолько понравилось философу, что он даже засмеялся. Как это всё было по-человечески! У людей ведь тоже сильнейший побеждает отнюдь не всегда, иногда слабый и умный тем или иным способом может *подвинуть* его на посту хозяина жизни. А вот слабый и глупый наверняка обречён. Правда, непонятно, как это до сих пор в людском обществе остаётся в живых столько особей, слабых и глупых одновременно!

Трудно чуть – уже и скис:
всё тогда – беда.

Глупый прыгает лишь вниз,
умный – вверх всегда!

Глава 286. О ДАО

«А что же делают остальные мои герои?», спрашивает автор, пока Афанасьич обозревает володины владения, пытаясь отыскать в них творческий дух. И сам же отвечает: «Они вновь слушали Володю, но не очередную байку, а его философские размышления, которые всегда приходили в голову писателя после особо сытной еды»

– Есть несчастные люди, которые живут в сравнении, – при этих словах хозяина гости дружно посмотрели друг на друга, – и есть счастливые, которые отбросили всякие сравнения, и принимают себя такими, какими их сделали родители. – При этих словах философ внимательно посмотрел в глубь своей так называемой души. – Яйчики-бабайчики, а ведь мало кто знает этот простой секрет счастья!

Гости пригорюнились – им очень хотелось овладеть неуловимым секретом, но они пока даже не понимали, о чём идёт речь. Можно было бы, конечно, остановить этот словесный блуд, который сам Кулемзин называл придуманным им словом *логорея*, но как?! Разве можно было останавливаться хозяина, который только что сделал серый летний день самым большим праздником в их жизни?

– Только когда человек отбрасывает своё прошлое – христианское, мусульманское, индусское, буддийское, когда он выводит себя из ограниченных условий, только тогда жизнь его становится прекрасным течением, и он начинает понимать, что океан мудрости не так далеко, как казался всё прошлое существование.

Хорошо, что весь этот бред не слышал сторож, иначе он обязательно бы достал заветную книжечку «Для му.мы.» и записал туда что-то вроде этого: «Океан не так далеко, как речка Поганка»

– Каждая река достигает его без карт, без путеводителей, самопроизвольно, естественно, – продолжил лекцию писатель. – Это и есть путь *дао.*

Как же в нас сознанья мало,
что вокруг – одна пыльца:
дао – путь и без начала,
и, конечно, без конца…

Слушатели философских курсов облегчённо вздохнули: теперь хотя бы примерно можно было понять, о чём пойдёт речь.

– Чтобы лучше понять, что такое дао, надо сделать это на примере такой известной всем вещи, как наш ум. Прежде всего, надо отбросить саму мысль, что он нужен вообще. Разумеется, нужен, но не настолько, насколько мы думаем. Всё дело в том, что наш ум – это практически стопроцентное *привнесённое*. Ум живёт уже в известном и перемещается внутри известного, он идёт по окружностям тех знаний, которые к тому времени скопились в голове, и эти круги означают повторяемость. Наш ум с колоссальным трудом входит в какую-либо связь с новым, непознанным, неизвестным.

В этом месте Володя поднял палец, и присутствующие слушатели поняли, что сейчас будет произнесено нечто важное. Как они ошибались – ведь самое важное уже было произнесено!

– И вот тогда мы вспоминаем о дао. Дао – это прыжок, это квантовый скачок в неизвестное, после чего из тривиального ума рождается *разум*[211]. Кстати, это же объясняет, почему на земле так мало истинно разумных людей. Почти у всех есть желание ими стать, не хватает только смелости. Но всегда было проще отрицать само же-

лание, чем прослыть трусом. Который раз говорю вам, други мои: человечество – один большой дурак, который просто боится идти *по пути дао*!

[211] Это слово, кстати, ещё одна иллюстрация того, насколько русский язык глубже примитивного английского. Reason, mind, intellect – все эти слова переводятся одинаково как ум и разум, хотя только из контекста, да и то с большим трудом, можно понять, что есть что. В русском же слова́ – соседи и даже братья. Посмотрите, как красиво – ум и раз-ум – прим. разумного автора

Как легко умом блеснуть:
путь даóса – лучший путь!

Время тянулось, как прилипшая к пальцам жвачка.

– Ну, а сейчас, гости дорогие, – воскликнул хозяин, – пора и честь знать! Я это к тому, что не пора ли нам на улицу, в заветное пространство нашего любимого Бермудского Учпучмака, за покерный столик – наш надёжный ялик в бушующем океане страстей?

– В океан – это запросто! – согласился Полтавцев. – Выпили, пожрали, чего же не поплавать?

– Ёкарный Учпучмак! – воскликнул и военный. – Как же я по тебе соскучился!

Глава 287. ТЕЛЕВИДЕНИЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Но заставить людей, только что нажравшихся до отвала, идти куда-то, да потом ещё сесть за дело было нелегко. Коротко посовещавшись, сопокерники попросили хозяина включить телевизор, чтобы принятое внутрь немного утрамбовалось в организмах. Писатель не стал чиниться и включил свой «Daewoo», который купил ещё в 1993 году по случаю одного из своих земных дней рождения. Каналов по нынешним временам здесь было немного – всего сорок, но и их вполне хватило, чтобы обозреть всю палитру современной жизни. Телевизор давно стал главным оплотом победившей обывательской культуры. Население, уставшее за годы советской власти (б) от обязательного среднего образования, немедленно принялось получать образование телевизионное.

Сразу на нескольких музыкальных каналах, которых в последнее время расплодилось, как блох в подвале НКВД (б), шли бесконечные и бездарные клипы с участием молодых людей, которые искренне считали себя певцами, потому что таковыми назвали их люди, проголосовавшие за них на многочисленных шоу типа «Фабрики звёзд» или «Псевдонародный артист» Вот и сейчас на экране судорожно вертелась какая-то новая мартышка из очередной *фабрики*, возомнившая себя той самой *рифмой*, и истошно орала, пытаясь децибелами восполнить отсутствие элементарного таланта:

– На земле есть любовь,
к нам она возвращается вновь!
Сквозь пелену зимы и лета
идёт она по свету!
И люди ждут её годами,
а звёзды светят небесами!
И ихний свет до нас доходит,
и за собой любовь приводит!

Особенно трогательно звучало несуществующее в русском языке слово *ихний*, и Володя подумал, что в этой песне для полного понятия явно не хватает ещё некоторых слов – таких, как *ло́жат* и *зво́нят*. Какая-то очередная бездарная фигура в кожаных штанах, которую такие же бездарные фанаты уже называли «звездой» и наперебой просили автограф, исполняла полнейшую чушь про кадиллак, мчащийся по шоссе, про улыбку водителя этого автомобиля и про что-то ещё, что прячется где-то в области диафрагмы, а иногда и глубже, и не дает покоя. Разевающего под столярное изделие рот певца окружали поклонники одного с ним умственного уровня: в пёстрых штанах так называемых кислотных оттенков, одетые в какие-то чёрные *тунгуски* с надписями и портретами своих знаменитых дегенератов, с серьгами в ушах, ноздрях и пупках. Микрофон «певец» прижимал к губам так крепко, словно это было мороженое, которое уже потекло от жары, и его надо было съесть очень быстро.

– Яйчики-бабайчики, типичный возбуждённый некрофил, – пробормотал Кулемзин. Широко расставив руки и ноги, словно изображая советский (б) знак качества, псевдопевец что-то пронзительно вопил в микрофон. Тем временем песня кончилась. Кожаный дождался окончания дебиловато-тинейджерских оваций и застыл в сломанной позе, словно ему врезали в солнечное сплетение и вместо кляпа сунули в рот микрофон.

– Маленькая страна, маленькая страна… –

разливалась псевдонародная певица Наташа Королёва, в миру Порывай.

– Песня о Лихтенштейне, – пояснил Володя.

Её сменила заметно постаревшая дочь Аллы Пугачёвой, которую мать со свойственным ей садизмом впихнула в мир российской сцены, лишив бедную девочку книг и просто ума. Голос её был жалок, и на ум писателю тотчас пришли строки:

Вокал Кристины не понять
и гонораром не измерить.
У ней особенная мать…
В Кристину можно только верить!

Кристину с неправильной прибалтийской фамилией[212] сменили накачанные парни из попсовой группы «Чай вдвоём», которые кривлялись на экране, словно хотели убедить зрителей поумнее в своей сексуальной ориентации. Кулемзин в который раз подумал, что этот коллектив имел бы бо́льшую популярность в русском народе, если бы назывался «Водка втроём» Следующая дёргающаяся певичка показывала всем желающим части своего тела, наиболее, по её мнению, удавшиеся природе. Правда, голосовых связок в этом списке Володя не заметил, а с удивлением разглядел в углу экрана имя выступающей, и подивился ещё раз – оказывается, певицу звали Акула. На певичке была модная в этом сезоне чёрная кожаная юбочка, но такая короткая, словно у продюсера не хватило денег на более длинную, и шить её пришлось из подвернувшейся по случаю конской уздечки.

[212] Да, это так: до замужества фамилия Орбакайте считается правильной, а вот после замужества она должна быть сменена на Орбакене – прим. прибалт. редактора

Словно вмиг расколоты корунды
под копытами завзятых болтунов,
возникают «звёзды» за секунды,
как на фабрике по выпечке блинов!

Недавно появившийся канал «Muzzone» порадовал писателя стареньким хитом «What Can I Do»[213] в исполнении Криса Уордовича Нормана из чудесной английской группы «Smokie» Кулемзин вспомнил, что название группы всегда переводил так, чтобы было понятно даже людям, не знающих никаких языков – «Минздрав предупреждает…» Переключившись на канал «Культура», сопокерники услышали классическую музыку.

[213] «Что я могу сделать» – англ.

– Царица лесная, по-моему, это Людвиг ван Иоганнович Бетховен, – решительно произнёс Полтавцев.

– Да, Девятая симфония, – уточнил писатель, покосившись на насторожившегося прапорщика.

– Только скерцо в третьей части надо давать почти *presto*, – указал на ошибку исполнителей сторож, – не скатываясь на *andante.* – После чего тоже покосился на военного.

– И, конечно же, в ре-миноре, – дополнил Альбионыч. «Йодистое скерцо!», подумал прапорщик, уважительно поглядев на знатоков. И, наконец, в заключение этого навязанного ничем не повинным слушателям концерта прозвучал псевдобессмертный шлягер «Белые розы» в исполнении группы детдомовских подростков.

«Нет, братцы», подумал Володя, «меня вашим Шатуновым не проймешь – я на «Deep Purple» вскормлен, на «Led Zeppelin» вспоен, и даже гастроли «Nazareth» в Отцеябловске пережил…»

– Дорогие дети! – послышался голос ведущей детского канала «Карусель» – Сегодня в программе «Красный, жёлтый, зелёный…» я расскажу вам о том, как индеец и китаец нашли утопленника!

В этот момент Володя поспешно передал пульт военному, а сам отправился в гости к родному туалету. И было зачем! Но – слово не прозе, а высокой поэзии:

Пицца с рыбой давешнего дня
подсадила в туалет меня!
Выйди из меня, выйди из меня,
пицца с рыбой давешнего дня!

Прапорщик, обрадованный пультом, как сирота новогодней игрушкой, тут же защёлкал им с наслаждением. На Первом канале ведущий со смешной саксаульской фамилией Кизяков вместе со своим бывшим преподавателем по институту развлекал телезрителей тем, что брал с помойки какие-то старые штуки и, как *дедушка* в своё время с Адамом, вдыхал в них вторую жизнь. В конце передачи он вежливо попрощался со зрителями:

– Это была программа «Очумелые ручки», а в следующий раз мы расскажем вам, как из обычной мясорубки можно вынуть палец!

Глава 288. ТЕЛЕВИДЕНИЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ (продолжение)

Путешествие по каналам продолжалось. Всё та же «Культура», закончив с классикой, в который раз показывала старинный фильм про мушкетёров, которые из года в год продолжали радоваться красавице и кубку, на канале «Fox» что-то старательно выдувал из саксофона негр преклонных годов цвета застаревшего кровоподтёка, американский «Дискавери» показывал очередную историческую бодягу об Африке: разговор шёл о костях и чьих-то скелетах, найденных при раскопках, и Володя

переключил канал после того, как через несколько минут понял, что разница между ним и человеком, жившим миллионы лет назад, заключалась лишь в умении пользоваться клавиатурой компьютера.

Надрываясь, как верблюд двугорбый,
делает рулет, сонет, макет, –
что бы человек не изобрёл бы,
всё себе он делает во вред!

«Евроспорт» показывал интенсивную борьбу между двумя китайскими теннисистами, которые бешено гоняли по маленькому столу, разделённому сеткой, цокающий шарик с синим клеймом. Слушать это, не говоря уже о том, чтобы смотреть, было невозможно, и Володя тут же переключился на другой канал и наткнулся на Ren TB. Здесь как раз начинался американский фильм, из титров которого он с удивлением узнал, что «Running Red»[214] переводится как «Русский киллер».

[214] «Бегущий красный» – англ.

На несколько секунд писатель задержался на новомодном канале, который его учредители высокопарно и глуповато назвали Телевизионным Дамским Клубом. Не удивительно, что уже через месяц на нём прочно обжились различные хироманты, астрологи и целители, дабы как можно больше занять умы подыхающих от безделья дамочек. Больше всего Альбионычу нравилось, как эти самые дамочки, не жалея денег, звонили в прямом эфире «целительницам» и жаловались на различные болезни, хотя у всех них болезнь была одна – смертельная скука. Целительницам очень нравилось внимание дебиловатой публики, и они начинали сеансы целительства, не боясь конкуренции. Исцеляли буквально от всего, но больше всего от того, что просто невозможно диагностировать – от порчи и сглаза, от печали и слёз. И главное, всё просто у них так: ручонками поводят, губками пошлёпают, три раза сплюнут (всю студию уже заплевали!) – и всё, иди себе навсегда здоровенький, сносу тебе не будет. Лет на триста гарантия!

Видимо, в подтверждение своего «великого дара» ТДК показал одну старушку из Самары – аналог болгарской Ванги. Удивительная старушка оказалась! Посмотрит она на человека и всё насквозь видит: тут у тебя сердце (а в ём порок), тут у тебя печень (а в ей цирроз), тут у тебя почки (а в их камни), тут вот где-то внизу мочевой пузырь (а в ём простатит). А вот здесь, повыше – желудок (а в ём язва), а уж на са́мом верху – мозг, и здесь дела совсем плохи – тут тебе и склеротические сосуды и даже весьма перспективное кровоизлияние. «Я бы таким старушкам памятники ставил», подумал Володя. «Как можно раньше…»

И от сглаза, и от веса,
от того, что кривоглаз, –
исцеляют экстрасенсы
от всего, что есть у нас!

Правда, на новом канале глянулась писателю одна молодая ведьмочка – толстенькая рыжая хохлушка *з-під Полтави*. Она рассказала, что приняла эстафету ещё от бабушки, тоже потомственной конотопской ведьмачихи. Кулемзину её метод лечения понравился – своими эффективностью, безвредностью и оптимизмом. Суть его бабушка внучке по секрету изложила, а та сейчас на этом большие деньги зарабатывала. Короче, формула лечения была крайне простой: *хай ліхо сном перебудэ*!

Мову[215] применив могуче,
словно для немых-глухих,
нас хохлы тому научат,
что мы знали и без них!

[215] Лучший в мире язык, и мало кто из живущих на Земле, к сожалению, способны оценить его в полной мере. Особенно это касается соседей незалежной – россиян – дословный перевод с укр.

«Вот это мне понятно», порадовался Альбионыч. «И близко, и доверие вызывает – вроде того, народного: «Утро вечера мудренее», «Я подумаю об этом завтра», «*Дедушка* даст день, даст и пищу» и даже «Все там будем» Просто, доходчиво, без затей и по-народному мудро.

– Гарна дівчина, – одобрил Володя. – І навіть розумна[216]…

[216] Приятная во всех отношения девушка. И, скорее всего, даже умная – укр.

Несколько каналов завела и суверенная Саксаулия, радуя телезрителей низким качеством своих передач. На одном из них шла незамысловатая игра «Миллион кімге буйырады?» – национальный саксаульский эквивалент «О, счастливчика» На другом Кулемзин наткнулся на удивительные городские новости.

– Как вы знаете, в городе Отцеябловске в прошлом году по инициативе саксаульских мажилисменов началась борьба за чистоту языка, – бодрым голосом провещала симпатичная ведущая. В это время её голос стал звучать уже на фоне странной картинки:

– И вот сегодня уже никто не удивляется таким вывескам, как «Парикма-***ская»!

Подивившись извивам мысли народных избранников, писатель, не смотря на протесты Курманбаева, переключил телевизор на другой канал. Вооружившись пультом управления, Володя носился с программы на программу, из столицы в столицу, не в силах остановиться ни на одной. Лукавые московские ведущие прикладывали бешеные усилия, чтобы убедить его в том, что нет ничего в мире страшнее союза с Белоруссией. Заросший по самые очки Николай Сванидзе что-то толковал о тирании, диктатуре и бесправии широких народных масс. Выбритый, лоснящийся, спотыкающийся на каждом слове Евгений Киселёв солидно, даже с некоторой монументальностью в голосе ругал президента за то, что он не прислушивается к его, Киселёва, советам. Ёрзая на стуле и подмигивая косенькими глазками, Татьяна Миткова ссылалась на зарубежные авторитеты по правам человека. Светлана Сорокина, настолько опечаленная, что казалось, будто она стоит у гроба близкого ей человека, сообщала о том, что кого-то опять арестовали в Минске – на сутки, а в Париже – аж на трое суток. Гроба в кадре было не видно, но то, что гроб в наличии имелся, не оставалось никаких сомнений – достаточно было посмотреть на убитое горем лицо бывшей красавицы.

Новостей хороших мало
нашим серым временам:
нас политика достала –
и досталась тоже нам!

Телевизорной политики с началом миллениума действительно стало много, и Володя, представляя необратимость этого процесса, с особой тревогой смотрел на эк-

ран. Казалось бы, по логике должно быть так: лишь пала большевистская диктатура, и мы тут же получаем объективную информацию о времени и о себе. Но, увы, ленинский принцип партийности продолжал торжествовать – правда, с обратным политическим знаком. Ну, в самом деле, почему мы должны узнавать последние известия в версиях искромечущего Гурнова или трепетного Флярковского? Писатель считал, что он имеет полное право за свои деньги просто получить информацию, изложенную по возможности телегеничным и обладающим чёткой артикуляцией диктором, а вот выводы он мог бы сделать и сам!

Да, раньше телевидение было со сжатыми зубами, сегодня же мы имеем зубоскалящее телевидение. Что лучше? Вот и приходится выслушивать последние известия из уст дикторши, которая непрестанно кривит эти самые уста в саркастической усмешке. Но её отношение к информации нас совершенно не интересует, как не интересует, например, что думает о жизни и политике кассир банка, куда мы носим свои деньги. Вот и сейчас по экрану важно шествовали оставшиеся большевики с транспарантом непременно красного цвета «Ленин всегда живой!» «Прямо Дункан Маклауд какой-то», подумал Володя. Над толпой проплывал мрачный булыжник зюгановской головы.

У народа к свету тяга –
от сумы и от тюрьмы,
но политика-бодяга
тормозит вовсю умы!

Правда, внимательно вглядевшись, можно было заметить, что красные знамёна всё-таки кое-где перемежаются с новым российским триколором.

– Ёперная дума, такой флаг у России странный, – неожиданно озаботился военный. – Пёстрый, как портянка после двух недель нóски.

– Да ничего странного, – объяснил Володя. – Белая полоса сверху символизирует, как мне кажется, главный национальный продукт русских – водку.

– А остальные?

– А синяя и красная – последствия её чрезмерного употребления!

Почему безобразным
смысл вложился такой:
между белым и красным
размещён *голубой*?!

Отметился перед нашими героями и канал НТВ, который показывал очередной марш протеста. Какие-то волосатые личности, явно хорошо поддатые, играли на гитарах и пели что-то громкое, а над ними развевался транспарант «Рок против СПИДа!» Володя несколько секунд соображал, что бы мог значить таинственный лозунг дня, и потом проворчал:

– Так можно провести и акцию «Диско против перхоти» или, скажем, «Рэп против варикозного расширения вен»

Глава 289. ТЕЛЕВИДЕНИЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ (окончание)

Между тем присутствующие заметили, что быстрая скáчка по каналам пошла на второй круг. На экране вновь появилась «Культура», где вовсю шла «Кармен» – опера о быте и нравах работниц Севильской табачной фабрики. По одному из саксаульских каналов демонстрировали старый советский (б) мультфильм про Чипполино,

героя чудесной сказки о социалистической революции среди овощей и фруктов. Переключившись на музыкальный канал, сопокерники обрадовались, что там звучит не музыка, а голос нового российского мессии Павла Жло́бы – астролога, серьёзно полагающего псевдонауку астрологию наукой. Таких прорицателей в последнее время развелось много – как тараканов в голове у Полтавцева, но Жлоба считался главным из них. Из его уст володины гости услышали следующее пророчество:

– Луна сегодня в оппозиции с Ураном, в тригоне с Плутоном и в конъюнкции с Юпитером. Значит, предпринимать сегодня ничего нельзя и даже опасно…

Володя усмехнулся и решил следовать собственному гороскопу, то есть не обуздывать повышенный потенциал воли и не размышлять об оккультной стороне жизни, а, тем более, о потустороннем.

Я включаю передачу,
сразу думая про *мать*:
звёзды мне сулят удачу,
но удачи – не видать!

По одному из саксаульских каналов шёл очередной боевик с культовым голливудским героем Стивеном Сигалом. Володя дал своим гостям посмотреть его ровно одну минуту – до фразы «Сейчас я вставлю винтовку тебе в задницу и вышибу твои дурацкие мозги!», подивился странной физиологии американцев и переключился, как выражается компьютер на иконках, *далее.* Почти все каналы не баловали зрителей, скажем, получасовым показом куска какого-нибудь фильма, а обязательно – минут через 15-20 – разбивали его рекламой. Вот и сейчас после музыкальной заставки закадровый голос бодро затараторил рекламный текст:

– Сначала весёлый Жевастик сжевал все шины, а потом и все машины! А потом его поймали таксисты и выбили монтировкой все зубы! Теперь его зовут весёлый Сосастик. Сосать не пересосать! Покупайте фруктовые конфеты «Сосун»!»

Глядя на неведомую зверушку Сосастика, писатель вспомнил поразившую его рекламу женских прокладок «Либресс»: запомнилась она тем, что диктор восторженно рассказывал, что именно эти прокладки отличаются от всех подобных тем, что якобы *дышат*. Писатель ещё тогда живо представил, чем приходится дышать несчастным тряпочкам, и его чуть не вырвало завтраком.

В это время на Первом канале началась программа «Смак» – передача для пенсионеров, обучающих их, как в условиях российской нищеты научиться готовить соус из авокадо.

– Сегодня мы научимся готовить омлет по-еврейски, – ласково уговаривал телезрителей бывший музыкант с кроличьими зубами, а ныне ведущий. – Этот рецепт начинается так: «Возьмите два яйца взаймы…»

«Да», печально подумал писатель, «если часами смотреть наше телевидение, то вечный сон не покажется вечным…»

Жизнь и так глухонема,
как вожди совдепа,–
я давно схожу с ума,
глядя в *ящик* слепо…

Щёлкая пультом уже по третьему кругу, Кулемзин вновь наткнулся на музыкальный канал.

– О! – обрадовался Серёжа, услышав знакомые звуки. – Я эту песню знаю. Про какого-то Стошу Говнозада!

– Ты что, совсем с ума съехал? – кротко поинтересовался Володя.

– Мать честна́я, правда! – заволновался охранник. – Её грузин этот поёт с девками сисястыми.

– Меладзе с группой «ВИА Гра»? – показал неожиданно хорошее знание предмета прапорщик.

– Ну! – подтвердил Полтавцев. – Вот, вот. Послушайте:

«Стоша Говнозад
тихо на пальцах.
Лети, моя душа,
не оставайся…»

Альбионыч был вынужден признать правоту сторожа. И, наконец, завершил обзор один из саксаульских каналов, на котором шёл фильм «Победа» на нерусском языке. Сопокерников очень увлекла забавная сценка, разыгравшаяся в ставке Гитлера. Вождь нации стремительно входит в бункер и вскидывает руку:

– Хайль!

Генералы приветствуют фюрера:

– Хайль Гитлер!

В саксаульском переводе это прозвучало так:

– Салам алейкум!

– Алейкум ассалам, Гитлер-мырза[217]!

[217] ***Господин – сакс.***

– Царица лесная, а это что? – полюбопытствовал сторож, показывая на какой-то плоский предмет, не сразу заметный в открытом отделении телевизорной тумбы, а как бы спрятанный от нескромных взоров приходящих сторожей.

– Видик, – просто ответил писатель. – Приходи ко мне, Серёжа, как-нибудь в гости, и я покажу тебе всю коллекцию своих любимых фильмов.

– А каких? – не унимался сторож

– Тебе названия? Пожалуйста: «Перцовка, 38», «А зомби здесь тихие», «Иван Васильевич меняет конфессию», «Они отжались за родину», «Трое в лодке, не стесняясь собаки», «Список Швондера», «Молчание (ягнят) – знак согласия (ягнят)»…

Накормив гостей, хозяин немного переоделся. Сейчас на Володе была рубашка цвета загоревшего на солнце лимона, как если бы в его желтизну влили напёрсток вишнёвки. Впрочем, кроме автора нашего честного повествования, этого всё равно никто не заметил. Но – не пора ли нашим героям на улицу, в жаркий климат Отцеябловска, ещё больше раскаляющийся от покерных схваток? Пора!

– Мы только с помощью ума и знанья
осуществим заветные желанья! –

пообещал сопокерникам Альбионыч, хотя и знал, что это неосуществимо.

Глава 290. ПРОДОЛЖЕНИЕ БАТАЛИЙ

Начав по инициативе Кулемзина жизнь с Великой Игрой, никто из неофитов ни сном, ни духом не представляли себе последующее существование как цепь взаимоисключающих обстоятельств, причин и следствий, высказываний и поступков, которые повлекли за собой необратимые последствия, и привели их к некоему исходу.

Ведь покер был не обычной карточной игрой. Он сразу, как работа в шахте, начинал отравлять кровь, разъедая живую ткань мозга, оборачиваясь своего рода кокаином – наркотиком, не выбирающих своих жертв и тем более опасным, что действовал не исподтишка, а совершенно открыто, как бы похваляясь: «Вот он я, и куда ты от меня теперь денешься!»

Словно под марихуаной
(правда, всё же по любви),
игроки и наркоманы
идентичны по крови…

Над головами игроков неподвижно застыли уставшие от жары карагачи.

– Вот гады эти синоптики, – неожиданно заявил Муравлёв, утирая обильный пот. – Обещали же вчера, что сегодня будет на пять градусов дешевле!

– Видимо, у погоды тоже своя инфляция, – улыбнулся Володя.

– Ну что, начнём? – спросил пионерским голосом Курманбаев, тем нарочито бодреньким голосом, каким говорят тюзовские *травести*, играющие примерных мальчиков из благополучных партийных семей.

– Погоди, Нуртай, – остановил его Альбионыч. – Серёжа, как ты думаешь, наша игра будет лучше протекать с пивом или без оного?

Полтавцев схватил купюру и помчался в магазин на второй космической скорости, сбивая с ног попавшихся на дороге дворовых детей. Через пару минут он уже выставлял бутылочки на покерный столик.

– Володя, вот сдача, – робко напомнил охранник.

– Оставь себе, – отмахнулся писатель.

Нуртай внимательно поглядел на него. «Мать моя партия, вот что делает с людьми буржуазный мир чистогана», подумал он при этом с классовым превосходством, а вслух сказал:

– Давай мне, я до вечера подержу…

Володя, словно не слыша педагога, вытащил новую колоду и надорвал коробочку. Раздался звук длинной автоматной очереди, который с треском разорвал относительную тишину спокойного Бермудского Учпучмака. А относительную только потому, что ей не давали устояться дворовые дети – сейчас они бегали и поднимали пыль, словно стадо ошалевших от болотного газа бизонов, и при этом орали как болельщики, оценившие тот момент, когда в ворота заезжего противника влетел заветный гол. Поэтому звук, который издал писатель, надрывая коробочку с новой колодой, хотя и напоминал ситуацию, когда нетерпеливый любовник разрывает на девице её нелепое платье *макси*, но вышел совершенно не слышным.

И, внедряясь в обиходы,
то мудра, а то хитра,
знает новая колода,
что *заладится* игра!

Сдав первый роббер, марсианин прищурился и сделал начальный ход:

– По крестям!

В стане противника возникла лёгкая паника, хотя все послушно сбросили старшие крести, а Серёжа от волнения выкинул и вовсе джокера *за простую*.

– Зачем тебе это? – изумлённо воскликнул педагог, косясь через плечо в карты Батыршина.

Кулемзин не ответил. Он не собирался, во всяком случае сегодня, открывать сопокерникам мудрость, почерпнутую им из старинной книги «36 китайских стратагем» А говорилось в ней вот что: «Удар, нанесённый наудачу, позволит выяснить истинное положение дел. Обдумай последствия этой пробы – и приступай к решительным действиям» Между тем Полтавцев уже начинал осознавать пагубность неожиданного хода.

– Мать честнáя, зачем ты так пошёл? – возмутился он. – Так же неизвестно кто победит!

– Серёжа, ты, как всегда, путаешь понятия, – мягко поправил его писатель, – а в данном случае – победу и выигрыш.

– А что, есть разница? – проворчал охранник.

– Конечно, – объяснил гуру. – Победа – это достижение желаемого результата, не более того. А вот выигрыш – это обязательно такое достижение *желаемого* результата, при котором затраты и потери всегда меньше, чем приобретённые преимущества.

– Как это? – удивился сторож, с трудом пробиваясь сквозь дебри подобных логических построений.

– Возьмём, например, твой любимый футбол. Вот чтó получают футболисты в результате победы над командой соперника? Деньги, славу, поздравления и женские чепчики. А затраты? Потерянное здоровье, полученные травмы, время, которое они провели на сборах и тренировках – вместо того, чтобы любить, дружить, заниматься своей семьёй, учиться, получать профессию. Понял?

На глазах охранника заблестела влага. Ему стало очень жаль этих славных парней, думающих и живущих исключительно ногами.

У спортсменов все пути тернисты –
нет здесь подоплёки правовой:
футболисты – те же покеристы,
только не играют головой[218]!

[218] Напрасно автор обвиняет в этом футболистов. Например, великий Эдсон Арантис ду Насименту, более известный во всём мире как Пеле, за свою карьеру забил более тысячи голов, а из них 27 – именно головой! – прим. спорт. редактора

Сам Володя в игре не любил глупого риска – он считал, что всякий риск прежде всего должен быть хорошо просчитан, и умение игры в покер заключалось как раз в том, чтобы в долю секунды оценить пришедшие карты и сделать правильный выбор. Всё остальное было, как выражался писатель, *матросовщиной*. Вот и сейчас, услышав, как охранник заказывает крупную игру в роббере из пяти карт, он просто расстроился, тем более, что к нему пришли неплохие карты – два крупных козыря и младший джокер, что гарантировало по меньшей мере две взятки.

– Четыре, – храбро объявил Серёжа.

– Yaychiki-babaychiki, I think it’s only seems to you, oldman[219], – горько улыбнулся Володя.

– Know exactly[220]! – твёрдо ответил герой.

[219] Я думаю, старичок, тебе это только кажется – англ.
[220] Знаю точно – англ.

– Кстати, ты помнишь, что сказал Миямото Мунисаевич Мусаси в своей «Книге пяти колец»? – спросил Кулемзин.

– Да призабыл что-то, – храбро ответил охранник.
– Напоминаю: «Незрелая стратегия – повод для печали»
– Царица лесная! – изумился Полтавцев. – Эх, раньше б знать!

Но у нас сознанье ломко,
чтобы с разумом совпасть:
знать бы, где лежит соломка,
там и надо бы упасть!

Глава 291. ПРОДОЛЖЕНИЕ БАТАЛИЙ (продолжение)

Серёжа глядел в свои карты и никак не мог решить, сколько взяток ему заказать. Роббер был непростым – в 11 карт, и решение никак не созревало в его угловатой тыкве. Если бы карты были заведомо сильными или, наоборот, слишком слабыми, тогда бы было всё понятно. А вот с такими, средними, что делать?! Он покраснел от натуги и немного припотел. Володя с интересом разглядывал страдальца и думал о том, что тот сейчас похож на *железо* 286-й серии, в которое вместо привычного DOS 6.0 засунули какой-нибудь Windows XP, и вдруг оказалось, что для *игрушек* совсем не осталось места. Наконец охранник созрел, но, к сожалению, и на этот раз для очередной глупости.

– Четыре на мизéре, – неожиданно объявил он. Игроки дружно посмеялись над незадачливым сопокерником. Дело в том, что мизéр или его отмена объявлялись после заказа – именно для того, чтобы нарушить планы других противников

«Рискнуть, что ли?», в результате этого смешного демарша подумал Батыршин.

«Не советую», ответно подумал Володя. «Хотя я сегодня плотно позавтракал, на всякий случай держись от меня подальше. А вот когда проголодаюсь…»

– Йена нерусская, а как я это узнаю? – вслух испугался прапорщик.
– Узнаешь. Когда почувствуешь клыки на своем горле.

Наши отношенья стали хуже –
буду я колоть тебя, как ёж:
ты вчера зажал шикарный ужин,
и теперь на завтрак сам пойдёшь!

Курманбаев и Полтавцев изумлённо смотрели на разговаривающих ни о чём игроков. И тут, глянув в *раскладку*, военный ужаснулся: до конца партии оставалось четыре роббера, включая последнюю *тёмную*, а он всё ещё находился в минусе. Талгат засуетился и заказал три взятки, хотя по-хорошему надо было всего две.

– Торопишься, сынок? – заметив его потуги, спросил Володя. – Боишься опоздать? Так ты не бойся: психушка работает круглосуточно, так что через пару роббеpов ты для неё как раз созреешь.

Роббер промелькнул робингудовской стрелой – также стремительно и беспощадно. Сцена была сродни финальной в бессмертном «Ревизоре» Салихдзяныч вылупился на марсианина так, как будто они играли не в *русскую кочергу*, а в преферанс, и как будто писатель при этом заказал семь пик при верных десяти. В это время, ухарски присвистнув, педагог в нарочитом купеческом жесте швырнул карту на столик, но она, неловко спланировав, перевернулась в свободно плавающем эфире и легла рубашкой кверху. Нуртай тут же сделал вид, что не заметил оплошности, и индифферентно стал глядеть вверх.

– Help yourself[221]! – вернул его на землю строгий окрик писателя.

[221] Помоги себе сам! – англ.

– Ой, извини, пожалуйста, – фальшиво запричитал педагог и перевернул карту. Это оказалась пресловутая дама червей, на которую так любят гадать глупые невесты, и иногда даже и замужние дамочки.

– Смотри, Нуртай, – заботливо предупредил Кулемзин, – как бы с такой игрой срок годности твоего личного организма не истёк именно сегодня!

Педагог побледнел и, выложив на столик покера, вместо того, чтобы сказать *по джокерам!* пролепетал *за простую*, *мать моя партия*.

– А то, яйчики-бабайчики, пытаешься подойти кое к кому вежливо, с открытой душой, – добивал Володя, – а он так и норовит в неё высморкаться, козёл.

После упоминания домашнего животного, похожего на маячившего за спиной педагога *иблиса*, Курманбаев вдруг как-то резко стал выглядеть скучно постным, словно попадья в первую брачную ночь.

Тени тайные спадают
на того, кто тыквой плох,
ведь игра предполагает,
что любой игрок не лох…

В это же время дневное светило решило напомнить о себе, ибо видело, что игроки, в порывах ложной занятости, совсем забыли о том, кто даёт жизнь не только Бермудскому Учпучмаку, но и всей Земле в целом. И хотя солнышко разошлось не по-детски, Володя обрадовался ему – он знал, что только под воздействием яркого дневного света у человека вырабатывается серотонин, или *вещество радости*. А радоваться было чему.

– Пять! – свободно заказал Кулемзин. Покер со старшим джокером и четыре крупных козыря позволяли сделать ему такое неординарное предположение. Труднее всего принять решение пришлось военному, ведь у него на руках были оставшиеся два джокера званием помладше и целых шесть козырей. И он рискнул:

– Тоже пять! И, кстати, ёкарный мизе́р!

– Отменяю! – тут же откликнулся писатель.

И тут случилось происшествие, на несколько минут остановившее игру. Залётный воробушек Ипполит Матвееич, радуясь последнему летнему теплу, присел на карагач как раз под игроками и тут же сделал своё привычное дело – на педагога. Дело попало на курманбаевскую плешинку – аккурат в серединку. Теперь казалось, что голова Нуртая неожиданно украсилась еврейской ритуальной шапочкой – кипой, или попросту ермолкой. Мусаич провёл рукой по голове, вскрикнул и стремительно побежал домой, на ходу грозя кулаком пернатому. Воробей же, как ни в чём не бывало, сорвался с веточки, досадуя только на то, что столько замечательного народа живёт в Отцеябловске, а скинуть драгоценную *каку* пришлось на такую вот малозначительную личность.

Всяк себя царём считает,
хоть по правде он – мудак:
нас повсюду обсерают,
но за дело! Это так…

Глава 292. ПРОДОЛЖЕНИЕ БАТАЛИЙ (окончание)

Между тем партия близилась к завершению. Начерно уже стали определяться лидеры и аутсайдеры. Кулемзину, например, для победы надо было всего лишь закрепить за собой пару незначительных робберов да взять последнюю *тёмную.* Но он не расслаблялся, так как знал, что против него сейчас сразу несколько факторов – это и намеренно пакостная игра педагога, и откровенно неумная охранника, и рассеянная по причине принятия напитков музыканта, и даже солнце, продолжающее издеваться над присутствующими, не говоря уже об *иблисе* за спиной Курманбаева, который корчил Володе рожи и мешал сосредоточиться. К тому же и карта шла не то что бы очень.

Мы играем на жаре,
что не безобидно:
столько *против* есть в игре,
что и *за* не видно!

Теория подтверждалась на глазах. Писатель раскрыл пришедший роббер и даже зажмурил глаза: не пришло ни одного козыря, ни одного джокера, и даже ни одного захудалого туза.

– Пас! – с чистым сердцем промолвил он, и через несколько секунд прибавил к своему счёту законно заработанные пять очков. В это же время Мусаич, которому, как нарочно, пришёл джокер, безжалостно посадил и Афанасьича, и Батыршина. Сделав пакость, Нуртай выдал одну из своих гадких улыбочек, словно ухмыльнулся похотливый гномик, подсматривающий за тем, как после напряжённого трудового дня принимает душ Белоснежка. Но всё меняется в этом изменчивом мире: только что был педагог на коне, а теперь вот валяется как раз под конём, и всё из-за того, что на этот раз хорошая карта пришла к сторожу. И он не замедлил воспользоваться положением. После своего маленького демарша Серёжа сидел с отрешённым видом, и если бы его сейчас квалифицировал наркоман со стажем, то сказал бы, что охранник *за колёсами спрятался.*

– Это нечестно, – надул тонкие губки обиженный.

– Принцесса бенгальская, как иногда думает, но никогда не говорит Серёжа Полтавцев, – проигнорировал обиду Володя. – Правда, при всём богатстве выбора другой альтернативы нет.

В своём порыве были мы прекрасны,
хотели лучше, вышло как всегда:
неточен план, усилия напрасны,
последствия ужасны, господа!

Курманбаеву оставалось надеяться только на чудо, но, как бывший коммунист, прослушавший не одну сотню часов политинформаций, Нуртай знал, что чудес не бывает. Альбионыч же подозревал, что это не совсем так. Диамат, конечно, полностью отрицает идеалистические евангельские чудеса: непорочное зачатие, хождение по воде или воскрешение из мёртвых, но с научной точки зрения чудом считается и наступление вполне материалистического события, вероятность которого очень мала: крупный выигрыш в рулетку или лотерею, рождение шестерых близнецов, благополучное падение трезвого человека с четырнадцатого этажа и т.п. Кстати, например, на месте битвы при Ватерлоо археологи нашли некий крестообразный предмет, и при изучении оказалось, что это две пули встретились в воздухе, и одна пронзила другую!

Но всё это была лирика, а суровая действительность властно и жёстко врывалась на жаркие просторы Бермудского Учпучмака. Игра завершалась крайне драматично.

– Серёжа, да что же ты из двух вариантов, мать моя партия, никогда правильного выбрать не можешь? – чуть не плача вскричал Нуртай.

– Эх, царица лесная, – почесал голову охранник. – Знать бы, где хрен, а где колбаса!

Правда, при этих словах раскаяния было видно, что Полтавцев сидит счастливый, словно блоха на лидере собачьего забега.

Исключения из правил –
это наш жестокий крест,
ведь суровый выбор правит
там, где кто-то друга ест!

День уже близился к завершению, и у Володи остался только последний, он же решительный бой – писатель очень устал от помощи *иблиса* педагогу, и вот теперь придумал, как исправить это досадное недоразумение. То, что Нуртаю явно помогал какой-то гражданин с рогами и хвостом, Володя в принципе не волновало – он был не против всяких там *иблисов*, и с детства помнил поучительную историю о том, как представитель сельского пролетариата кузнец Вакула превратил одного такого в удобное транспортное средство, совершив на нём скоростной беспосадочный перелёт по маршруту Диканька-Петербург, а также своевременно доставил потребителю ценный груз в объёме одной пары эксклюзивной женской обуви.

Им гостей пугают в храме,
только это – нулево,
ведь не знает чёрт с рогами:
метод есть и на него!
Этот метод – истиаза[222]!
Загнобим мы с ним заразу…

[222] Молитва для защиты от иблиса – араб.

Глава 293. ПОСРАМЛЕНИЕ ИБЛИСА

Как у всякого порядочного атеиста, у Володи на главной полке стояли и библия, и коран, откуда, собственно, он и черпал полными горстями свой атеизм. Поэтому ещё с вечера подготовился к встрече с *иблисом* – саксаульским братом Левиафана. Сейчас, увидев *рогатого*, Володя, поднапрягшись, проник под энергетическую оболочку *иблиса*, ухватился за его еле ощутимое тепловое излучение и быстро нейтрализовал несколько сторожевых астральных структур. Нуртай в недоумении покрутил головой и сделал неправильный ход. Видя, как Кулемзин списывает ему 45 очков, или две взятки, он сокрушённо подумал о том, что не мог, просто не мог так походить, и во всём по старой партийной привычке винил не себя, а ответственного за мероприятие, а именно – *иблиса*. Нечистый скромно отмалчивался. В его бесконечной весёлой жизни это был первый случай, когда он оказался бессилен против человека. Ведь он-то, в отличие от читателей этого правдивого повествования, не знал о марсианском происхождении писателя.

Но и Володя не догадывался о силе этого существа, быстро восстановившегося после нейтрализации астралов. Поэтому сейчас, вновь увидев кривляющуюся рожу у плеча Нуртая, русский богатырь Альбионыч немедленно произнёс *истиазу*, как

самое верное средство против шайтанов, – следующего содержания: «А’уззу биллахи мина ш-шайтани р-раджим, яйчики-бабайчики», что дословно означало вот что: «Прибегаю к аллаху за помощью против шайтана, побиваемого камнями» Затем он немного выждал, но увидев, что *истиаза* не помогла (да и когда молитва помогала человеку?), он использовал последнее средство. Хорошо зная главные книги невежественных людей – библию, коран и тору – он прекрасно в них ориентировался, и сейчас вспомнил, что помочь изгнать *иблиса* должны были последние суры Корана, такие, как например, Аль-Фалак и Ан-Нас.

Сура Аль-Фалак была 113-й сурой корана и переводилась как *Рассвет*. Правда, ничего рассветного в той бредятине, что он прочёл, глядя в рожу *иблису*, не было: «Бисмилляһир-Рахманир-Рахим Куль а‘узу биРаббиль-фаляк. Мин шарри ма халяк. Уа мин шарри гасикын иза уакаб. Уа мин шаррин-наффасати филь-‘укад. Уа мин шарри хасидин иза хасад» Рожа *иблиса* немного побледнела, и он стал хвататься за карман штанов Нуртая, видимо, черпая в заложенных там назарбаксах некую силу. Нуртай судорожно перехватил карты одной рукой, а другой инстинктивно зажал карман. Это и стало роковой ошибкой нечистой пары, потому что Володя прочёл последнюю, 114-ю суру корана Ан-Нас, название которой переводилось так же, как нашлёпка на автобусах, в которых возят вахтовиков, то есть *Люди.* Звучала она не менее каббалистически, чем прежняя: «Би-смил-Лааһир-Рахьмаани р-Рахьиим(и) къул а’уузу би-рабби н-наас(и) Малики н-наас(и) Илааһи н-нас(и) мин шарри л-васвааси л-ханнаас(и) ал-лазии ювасвису фии съудуури н-наас(и) мин альджиннати ва-н-наас(и)»

После этих страшных слов *иблис* стал совсем белым – и вдруг исчез! Надо ли говорить, что в результате этого блестящего демарша писателя игра Курманбаева разладилась окончательно, и он тут же стал жаловаться на незатихающий с детства рахит головного мозга.

Своей победой я так горд –
иблис исчез, как русский чёрт!

После проигрыша Курманбаев сидел очень стеснительный, как проститутка, которой после бурной и страстной ночи подвыпивший клиент вместо двухсот баксов вдруг предложил зарегистрироваться в загсе.

– Радуйся, радуйся, – горько произнёс он. – Выиграл, так что теперь – все остальные дураки? Мать моя партия, как же так?!

– Напрасно ты так, старик, – холодно заметил Володя. – Чего и надо бояться умному человеку, так это своих побед. Поражение ни к чему не обязывает, можно плюнуть на него и начать всё сначала. А вот победа неумолимо навязывает тебе роль победителя, а с победителя другой спрос – он как бы уже не принадлежит самому себе.

Он помолчал немного и добавил:

– Тебе не приходило в голову, что если бы Дон Кихот победил все на свете ветряные мельницы, то его бы давно забыли. А так, поверженный в прах и всеми осмеянный, жив курилка!

«Что-то сомневаюсь я», подумал Афанасьич, но промолчал.

От картинки этой в шоке
сам Сервантес – старый мот:
Дон Кихот играет в покер,
Санчо Панса пиво пьёт!

Глава 294. ЯВЛЕНИЕ КАЙРАТА

Игра, которой сопутствовали некие благородные и не очень напитки, была в самом разгаре, когда на горизонте появился ещё один персонаж нашего правдивого повествования. Впрочем, о том, что это именно персонаж «Русской кочерги», выяснилось только после того, как пришелец постарался лихо перемахнуть через невысокую оградку Бермудского Учпучмака, но не смог, упал, отряхнулся, нашёл взором на покерной скамеечке одного из наших героев, после чего закричал что-то невнятное. Впрочем, тот, к кому был обращён вопль восторга, обозначился через мгновение. Прапорщик вскочил и радостно кинулся навстречу пришельцу, после чего последовали традиционно бессмысленные восклицания и не менее традиционные похлопывания руками по выступающим частям тел, что, должно было символизировать несомненную радость от незапланированной встречи. При этом пришелец громко смеялся (видимо, от счастья обнаружения знакомого), причём, его смех больше походил на ржание обкурившегося анашой коня. Через минут пять исполнения этой незатейливой мизансцены встретившиеся подошли к столику. Были они похожи друг на друга настолько, что ни у кого не возникло тени сомнения в том, что пришедший – тоже прапорщик, тем более что явился он в форме и при соответствующих погонах.

Сколь б дальше я не жил,
я не рву на службе жил.
Лишь дурак там жилы рвёт,
а меня от службы – рвёт!

– Можно присесть? – робко попросился пришелец. Лёгкая хрипотца выдавала в нём или заядлого курильщика, или певца с сорванным голосом.

– Мы всех привечаем, – сурово ответил Полтавцев, – независимо от ранга и значения.

Талгатовский друг тут же отпрянул от скамеечки, как бы заподозрив, что его ранг недостаточен для такой солидной компании.

– Садись, садись, дружище, – успокоил его Альбионыч. – А ты, сынок, лучше за пивком сгоняй…

После этих приветливых слов пришелец пожал руку всем игрокам и художнику по очереди, придерживая им второй локоть рукой – по-видимому, он считал, что так здороваться радушнее.

– А вы кто? – по-простому поинтересовался он, видимо, как-то отделявший своего знакомого от незнакомых людей на скамеечке.

– Кто мы? – переспросил Кулемзин. – Из каких глубин космоса? И зачем мы явились на эту Землю, опутанную колючей проволокой границ?

– Чего? – изумился пришелец.

– Володя, не надо, – попросил прапорщик. – Ёперный генералиссимус, это мой армейский друг – Кайрат.

Впрочем, писатель уже *априори* проникся уважением к незнакомцу, который с первой же фразы поразил его столь непростым философским вопросом.

Странно видим параллели,
где закатный луч погас –
знать бы, кто мы есть на деле,
только нет ответа в нас…

Лицо гостя было круглое и широкое, как русская степь, был он коренаст, как пристяжной конь в тройке, но на ногах стоял не совсем твёрдо. «Видимо, немного принявши индивидуум», решил Кулемзин, но вслух свои догадки озвучивать не стал. На плотной рубашке, от которой явственно разило последствиями солнечной активности, висели так называемые орденские планки – числом две. Писатель присмотрелся к Кайрату и решил начать разговор с импровизации:

– Вам, товарищ, здрасте!
По какой вы части?
Вы по части пива?
Или так потливы?

– Да мы с одной части с Талгатом, – растерянно ответил военный-2. Игра както кончилась сама собой: все понимали, что встреча сослуживцев – это святое, и дали долго не видевшимся насладиться воспоминаниями. Вначале Талгат вспомнил свои первые дни службы, когда он и Кайрат несколько лучших в их жизни лет были курсантами военного музыкального училища имени знатного домбриста Курмангазы.

Друзей очерчивайте круг,
не раскрывайте всем объятья:
порой размах широкий рук
весьма удобен для распятья…

– Помнишь, всё время хотелось есть, – ностальгировал он, – а также спать, курить и отправлять естественные надобности. Кстати, это в нашем училище мы узнали, что, оказывается, мирное небо над нашей родной страной напрямую зависит от уборки туалета. А самое печальное воспоминание, – затуманился очами гость, – это когда выяснилось, что я ещё не успел ни разу нарушить присяги, а меня уже пару раз постигла суровая кара моих товарищей.

– Помню, помню, йодистая портянка, – заулыбался Салихдзяныч, – ты, когда был дежурным по кухне, сожрал кашу с тушёнкой для всего нашего отделения!

Затем друзья вспомнили ночные караулы, недосыпания, построения ранним утром и питание в курсантской столовой, где всё готовилось на прогорклом советском комбижире (б). При этом друзья отхлёбывали каждый из своей бутылочки, ведя при этом неспешный разговор, как Ленин и печник.

Пили, ели, не тужили
на одной из лётных баз –
молодыми мы блажили,
не забыли блажь сейчас…

Глава 295. ЯВЛЕНИЕ КАЙРАТА (продолжение)

Потом к гостю вернулось ощущение, что, кроме Батыршина, здесь есть кто-то ещё, после чего он повторно оглядел коллектив. Вначале пришелец чувствовал себя скованно и неуютно, словно нудист на общественном пляже, но постепенно привык, и, видя благорасположение этих странных людей, расслабился до того, что стал задавать вопросы. Первой жертвой его любопытства стал писатель, тем более, что они уже успели обменяться парой слов каждый.

– Кайрат, – представился Кайрат.

– Володя, – представился Володя.

– А кем вы работаете? – поинтересовался пришелец.

– Здесь все на ты, – предложил Кулемзин.

– Есть! – по-военному отреагировал гость. – А по отчеству?

– Альбионыч, яйчики-бабайчики.

– Как? Альбионыч? Еврей, что ли? – бесцеремонно поинтересовался гость.

– К сожалению, нет, – скромно ответил Володя. – Безнадёжно русский по менталитету…

Впрочем, чем был обусловлен такой интерес к володиному отчеству, наш читатель так никогда и не узнает, потому что больше вслух талгатовский друг за всё время общения с нашими героями его так и не употребил. Похоже было, что спрашивал он об отчестве исключительно для внутреннего употребления – как рыбий жир, навязываемый мамой малышу.

Володя посмотрел на суету вокруг его персоны и неожиданно подумал о том, что в следующей жизни, наверное, постарается работать где-нибудь в архиве, или в музее, или вообще в аквариуме – в общем, там, где тихо, спокойно и мало говорят. А, может, лучше самому́ стать рыбой или креветкой, а ещё лучше – мидией, чтобы спокойно лежать себе в своей ракушке. Или, чтобы красивее, хризантемой «Царица ночи» в каком-нибудь Отцеябловском ботаническом саду – всё равно ведь он уже привык не спать по ночам! В общем, должен же хоть как-то компенсироваться тот сумасшедший дом, в котором писатель пребывал вот уже второй полтинник лет земной жизни.

Как последняя скотина,
что удобно всем иметь,
доживаю половину,
а, быть может, только треть…

– Так кем ты работаешь?

– У меня нетрадиционная профориентация, – охотно объяснил Альбионыч. – Все вокруг читатели, а я вот – писатель, причём талантливый. А в свободное время, в основном, работаю над собой.

– Ну и как, получается? – не унимался собеседник.

– Получается-то получается, – объяснил писатель, – вот только зарплату не вовремя выплачивают.

– Прямо как у нас! – удивился военный-2.

– Вообще-то я поэт-тунеядец, – признался Володя. И, подумав, добавил:

– Вроде Бродского.

– Володя, а на какой главный вопрос ты ищешь ответ в своих книгах? – неожиданно поинтересовался художник. Его как-то покоробило, что на такие важные темы его товарищ говорит без его участия. Кулемзин как-то странно поглядел на Муравлёва и, вздохнув, произнес:

– Вопрос, конечно, глубоко интимный, но тебе, как старому другу, я отвечу: «Где же моя заначка?»

– Расскажи о себе, – задушевно попросил талгатовский друг.

– Да запросто, – не стал чиниться Володя. – Я галлюцинация этого мира, данная тебе в ощущениях.

– Мать честна́я! – поразился даже видавший виды Серёжа. – Ты же наш гурушмуру!

– Это внешнее, – поправил его Кулемзин. – А внутри – ошибка в скриптах системы мироздания, песчинка в шестерёнках веками отлаженного механизма порабощения сознания. Но, заметьте…

Писатель торжественно поднял палец.

– Песчинка, пытающаяся не стать частью этого механизма!

После этих слов охранник вскочил со скамеечки, как папа Сикст V, он же Феличе Феличиевич Перетти, после своего неожиданного избрания. Полтавцеву вдруг стало очень жалко большого и толстого писателя, который, как только что выяснилось, на самом деле считал себя песком. «Совсем горе от ума», пожалел он Альбионыча.

Ещё вначале, когда Кайрат только присоединился к их славному коллективу, писателю показалось, что он чем-то неуловимо похож на Талгата. Сказывались, наверное, как мусульманское прошлое, так и военное настоящее. Сейчас же, по прошествии некоторого времени, сходство это усилилось волшебным образом: оба друга раскраснелись и расстегнули рубашки, кроме того, алкоголь ещё больше сузил их и без того неширокие глаза, данные природой представителям данной расы. У Володи давно мелькала в голове мысль почему-то об индейцах, и, наконец, он понял, какая именно: сейчас саксаульские военные были похожи на героев «Всадника без головы» Генри Пойндекстера и Мориса Джералда, которые в знак дружбы, как это делали краснокожие, обменялись своей одеждой.

– Я что-то не пойму, – озаботился Кайрат. – Кто же ты всё-таки по профессии, Володя?

– А разве умение разбираться в людях и, смеясь, общаться с ними – не профессия? – ответил философ.

От такого невнятного для военного человека ответа глаза талгатовского друга стали настолько пустыми и бесцветными, что взывать к нему было, пожалуй, бесполезно. Прапорщик вдруг резко и непреклонно ушёл за ту черту, когда человек находится будто в скафандре: всё видишь, но ничего и никого не слышишь. Да и то: одно дело жить по уставу, где всё прописано – когда служить, когда есть, а когда сра… то есть отправлять естественные надобности, а этому странному человеку мало того, что зарплату не всегда выдают, так он ещё и в каких-то людях при этом разбирается.

У бичёвки и мужлана
при водчонке и вине
родилось два мальчугана
в этой странной несемье.
Подросли мои мальчишки,
стали нужными стране,
но писатель пишет книжки,
а философ – на стене!

Глава 296. ЯВЛЕНИЕ КАЙРАТА (окончание)

– Старик, радость встречи вкупе с алкогольной зависимостью не дали тебе расслышать, что я писатель, – ещё раз признался Кулемзин. – Стыдно, конечно, подрабатывать малопрестижным литературным трудом, так в этом виноват не я, а экономический кризис. А халтурить в таком деле – по пять-шесть книг в год – мне *западло* из-за уважения к обширной читательской аудитории.

– Так ты писатель? – в который раз удивился пришелец. – А в каком жанре работаешь?

– В жанре индивидуальной самоиронии, – свободно ответил Кулемзин.

– Вот как, любопытно. А не дашь ли что-нибудь почитать?

– Саморекламой не занимаюсь принципиально, – отрезал Альбионыч. – Слишком я до́рог будущим потомкам и потомкам их потомков. А, впрочем, там видно будет. Яйчики-бабайчики, ведь всё зависит от качества наших дальнейших отношений.

– А что ты, Володя, заканчивал?

– Да школу вождения.

– Так у тебя что, и права есть?

– При чём здесь права? В этой школе на вождей учили! Так я её и закончил – с красным дипломом. Поэтому здесь среди вас и сижу…

Нашему постсоветскому читателю хорошо известно, что самый короткий путь к взаимопониманию между мужчинами в любом коллективе пролегает через совместное приятное времяпрепровождение – есть такой ненаучный, но экспериментально не раз доказанный факт. Тут же все присутствующие убедились, что талгатовский друг всё понимает правильно, ибо он тут же достал толстенький портмоне, вынул оттуда достаточно крупную купюру и заскользил глазами по коллективу, ища бегуна на недлинные дистанции. «Мать честна́я, солидняк», решил Серёжа и проворно выхватил купюру из твёрдой военной руки, после чего требовательно посмотрел на коллектив. Все поняли его взгляд как приглашение высказываться в пользу своих приглянувшихся напитков.

– Миром правит любовь! – первым поднял указательный палец Володя. – Вот я, например, люблю пиво.

– А нам возьми маленькую! – хором отдали приказ прапорщики, и также хором продолжили:

– И сигарет!

– И, мать моя партия, коробо́чек не забудь, – деликатно напомнил Нуртай.

– Не забуду, как мать родную! – по-пионерски заверил Серёжа.

– Мне тоже пивка, – тонко улыбнулся педагог. – Два…

– И я не откажусь, – высказался примкнувший к коллективу художник.

– Дам я службу тебе, богатырь, – после заявок торжественно обратился Володя к Полтавцеву. – Живой водицы другам принесть!

Охранник, выслушав наказы, ломанулся в магазин, как конь из вспыхнувшего сарая. Альбионыч проводил его песенкой, которую он назвал так: «Непереведённая из-за сложности подлинная песенка Винни-Пуха»:

– Куда идём мы с Пятачком?
Конечно, в гастроном!
Зачем идём мы в гастроном?
Конечно, за вином!
А где мы будем пить вино?
Конечно, за углом!
А чем закусим мы потом?
Конечно, Пятачком!

– Володя, а сколько тебе лет? – поинтересовался новый знакомый.

– Точно не знаю, – ответил писатель. – Помню только, что седина в бороду ещё не сильно ударила, а вот *иблис* уже все рёбра истоптал!

Пришелец погрузился в вычисления.

– А вообще, основная моя профессия – это мыслитель, – доверительно сообщил Кулемзин. – Моя работа состоит в том, чтобы давать советы главам государств. Кстати, знаешь, почему мы так плохо живем?

Военный -2 энергично замотал головой.

– Да потому что, к сожалению, со мной весьма редко консультируется наш родной президент Саксаулии товарищ Назарбаксов, – грустно улыбнулся писатель и ещё тише добавил:

– А если признаться честно, так и вообще ни разу. А тебя, я вижу, он всё-таки отметил, – и показал пальцем на уже упомянутые планки. Кайрат гордо приосанился и не стал говорить новым знакомцам, что планки его были приравнены к двум медалям Саксаулии «За взятие» и «За возвращение в целости и сохранности» Особенно трудно было получить вторую медаль.

– А вот я слышал, что есть одна медаль, – осторожно поинтересовался Муравлёв. – Наверное, у тебя такой нет.

– Да у меня много. Название помнишь?

– А как же! – похвалился художник. – «Не допустим фашистского гада до ворот Ашхабада!»

Кайрат мысленно обозрел свой боевой иконостас и признался, что именно такой медали он ещё не заслужил.

Живём подчас в мифологеме,
что доблесть не учреждена:
оценит подвиг только время,
а так хотелось, чтоб страна…

Начавшаяся было беседа прервалась на самом интересном месте, и причиной этого стало появление из магазинчика охранника. Выяснилось, что сдачу с крупной купюры он не принёс, но зато пришёл с полной сумкой напитков, где, кроме пива, была ещё и маленькая *чекушка* подозрительной белой, и несколько бутылочек отвратительных сладких псевдолимонадов с заманчивыми иностранными названиями. Увидев их, впору было пропеть весёлую песенку нашего недавнего счастливого детства:

Пусть всегда будет «Пепси»,
пусть всегда будет «Кола»,
пусть всегда будет «Фанта»,
пусть всегда будет «Спрайт»!

Глава 297. СТРАННЫЕ ГРАЖДАНЕ

В это время к осчастливленному коллективу незаметно подкатились несколько странных граждан, так что перед покерным столиком внезапно образовалась некая *живая* очередь. Первым в очереди оказался невысокий человечек с объёмной клетчатой китайской сумкой. Второй же незнакомец словно сошёл с картинки из учебника истории за 6 класс, которая показывала, как одевались патриции Древнего Рима – был он в белом балахоне, но почему-то лысый, чего древние патриции себе позволить не могли. А вот третий был похож на второго, но не одеждой, а безумным взором, из чего Кулемзин заключил, что псевдоблизнецы как-то связаны с религиозными культами.

Первый пришелец быстро разочаровал покеристов: он оказался банальным коммивояжёром, бродящим с нехитрым товаром по Отцеябловску, а сумка его была набита, как скоро выяснилось, всяким дерьмом – якобы самозатачивающимися ножами, самоварящими кастрюлями, самозажигающимися зажигалками и прочими товарами первой необходимости для лохов. Коммивояжёр изо всех сил притворялся обаятельным деловым человеком – вероятно, в своё время он потратил немало сил, чтобы вызубрить модную книгу Дэйла Джеймсовича Карнеги о том, как и с кем надо себя вести наилучшим образом, чтобы наверняка облапошивать доверчивых саксаульских лохов. Правда, он не учёл того, что Карнеги писал свою книгу для американ-

цев, а на улице Жубанова такие фокусы явно не проходили. Быстро сообразив, что номер с впариванием ненужных вещей здесь не пройдёт, настырный *офеня* всё же вознамерился получить с этой странной компании хоть что-то халявное и попросил у сидевшего ближе всех к нему Полтавцева:

– У вас можно сотовый на минутку?

На что Афанасьич тут же запустил руку в котомку и торжественно вытащил оттуда некий гранёный предмет:

– Нет, парень, у меня только *двухсотовый*!

Это времени приметы –
и убоги, и смешны:
предлагают нам предметы,
но они нам не нужны!

После чего посмотрел на второго в очереди и тихонько прошептал на ухо Володе:

– Мать честнáя, по-моему, этот лысый – кришнагад какой-то. Ещё бог у них с такой смешной фамилией – Вшивый!

Сторож-религиовед не ошибся: это действительно был кришнаит. Кстати, игроки вскоре заметили и других адептов далёкой Индии, прячущихся за магазинчиком Калимы. Посланник кришнаитского коллектива ловко приблизился к игрокам и, вероятно, сразу вычислив сáмого слабого на голову, тут же вручил Серёже тоненькую книжечку. Счастливый охранник разулыбался и, не сходя с места, принялся изучать неведомый труд под названием «Сквозь чакры – в прану!» Хорошо, что книжка оказалась на русском языке, но плохо, что постичь её не удалось даже благодаря русскому. Вот что прочёл Серёжа, прежде чем закинуть книжку в кусты:

«Сута сказал: Услышав о том, что Джанамеджая посвящён для совершения змеиного жертвоприношения, туда пришёл мудрый риши Кришна-Двайпаяна, дед пандавов, которого родила на острове реки Ямуны дева Кали от Парашары, сына Шакти, который, едва родился, силою своей воли взрастил своё тело и изучил Веды с ведангами и сказаниями, и достиг великой славы, которого никто не мог превзойти ни в подвижничестве, ни в изучении Вед, ни в обетах, ни в постах, ни в потомстве, ни в жертвоприношении, который первым из знатоков Вед разделил единую Веду на четыре части и как брахман-мудрец знал прошлое и будущее»

Бредим тем и бредим этим,
лоб разбивши без труда, –
и по библии мы бредим,
и по ведам иногда…

Володя знал, что подобная бредятина есть в любой религии – над этим ещё в шестидесятых смеялись братья Стругацкие в своём гениальном «Понедельник начинается в субботу», где говорящее зеркало цитировало якобы «святые» Упанишады. Пóмните? Я есть я, но это не то я, что есть я, а то я, которое есть не я, или что-то в этом роде. Он вспомнил произведение, названное индийцами «Аватамсака-сутра» и одну коротенькую цитату из неё: «Говорят, на небесах Индры есть нитка жемчужин, расположенных таким образом, что если взглянешь на одну из них, то увидишь в ней отражения всех остальных. Точно так же всякая вещь в этом мире не просто сама эта вещь (похоже на «Упанишады»?), но она включает в себя всякую другую вещь и на самом деле является всем остальным…» Так что, при наличии некоего литературного

навыка и воображения любой легко сможет писать такие «священные» тексты, над которыми будут глубоко задумываться те или иные овцы пророков.

– Скажите, – обратился Володя к незнакомцу, – это не ваши ли товарищи, которые сейчас сидят в засаде за магазинчиком, иногда бродят по нашему славному Отцеябловску в странных одеждах не по сезону и распевают песенку про Кришну?

– Да, это мы, – гордо ответл адепт. – Мы познали бога Кришну, и мы знаем истину, и мы любим всё живое, и никому и ничему не причиняем вреда.

– Яйчики-бабайчики, а на что вы живёте? – вдруг спросил Кулемзин без всякого перехода от таинственного индийского бога к более земным вещам.

Кришнаит сбился с велеречивости, но, преодолев себя, всё же ответил:

– Нам много не надо, мы вегетарианцы. Мы не трогаем живого, ведь всё живое на земле – свято. Мы едим только овощи и фрукты.

Тот, кто репку ест и хрен,
будет вечен и нетлен!

– Но всё же? – настаивал писатель. – Это было бы аргументом ещё несколько лет назад, но сейчас овощи, а тем более фрукты стоят недёшево – иные так вообще доходят до цены хорошей баранины. Одни шашлыки чего стоят! Здесь вам ведь не Индия…

– Никаких шашлыков! – решительно отбоярился кришнаит, хотя при произнесении этого волшебного слова глаза его загорелись голодным блеском.

– А как же? – настаивал Кулемзин.

– Ну… в общем… вот… – замялся сектант.

– А как ты насчёт пива? – панибратски предложил писатель.

Глава 298. СТРАННЫЕ ГРАЖДАНЕ (окончание)

Адепт задумался, произведя какие-то сложные вычисления в голове, затем произнёс, задавая сам себе вопросы и тут же отвечая на них:

– Пиво – это что? Это вода и солод. Что такое солод? Это пророщенный и высушенный ячмень. Что такое ячмень? Это то, что можно есть вегетарианцам. Значит, всё вместе тоже можно, наверное. А что?

– Ничего, – ответил писатель. – Вот тебе, мил человек, бутылочка «Тянь-Шаня» – с просьбой познакомить эту бутылочку лично с товарищем Кришной – если ты, конечно, когда-нибудь с ним встретишься.

Взяв предложенную тару, адепт удалился. Вскоре до сопокерников донеслось нестройное пение с примитивным припевом «Харе Кришна! Харе Рама!»

«Кришна – бог наш! Славься! Ave!
Пойте с нами, дурачьё, –
харю Кришны мы прославим
вместе с *рамой* от неё!»

Видя, как лихо расправляются в этом коллективе с их братом, третий пришелец не стал долго объяснять, кто он, а решительно встал прямо перед покерным столиком, видимо, чтобы зрителям было хорошо видно, и неожиданно тонким голосом прокукарекал:

– Примешь ли ты изъявленья души?
Каждый из нас твой послушник и путник…

Выглядело всё это печально и забавно, правда, текст псалма показался Володе несколько слабоватым. После пения печальный не успокоился и популярно объяснил покеристам, что Церковь третьего пришествия – единственная в мире, чьи прихожане, в отличие от прочих заблудших граждан, имели надежду встретить восстановление на нашей грешной планете так называемого *царствия дедушкиного*, будучи в надлежащее время воскрешёнными в молодости и красоте.

Сия проповедь произвела на Кулемзина странное впечатление: у него началось явление *дежа вю*, и писатель силился вспомнить, когда же с ним уже происходило такое. И вспомнил. Работая несколько лет в главной газете страны «Саксаульская правда», и даже никогда не будучи коммунистом, ему всё равно приходилось присутствовать на партсобраниях. Так вот, те же ощущения он испытывал именно там. Тогда, десяток лет назад, партсекретарь редакции с таким же напором убеждал журналистов-скептиков в непременном торжестве светлого будущего, то есть коммунизма, хотя никто из присутствующих с ним не спорил. Володя на тех собраниях всегда засыпáл, его и теперь потянуло в сон – наверное, сказывался приобретённый за многие годы стойкий рефлекс. Правда, он вынужден был отметить, что квалификация *дедушкиного* докладчика ни в какое сравнение не шла с теми, кто мучил его на партсобраниях. Речь проповедника была гладкой и чистой, он не *экал*, не *нукал*, не кашлял, не хмыкал, не размахивал руками и не тряс перед глазами бумажками. Правда, несколько раз проповедник прерывал свою речь негромкими восклицаниями «Славься!», произносимыми почему-то на древнееврейском языке, то есть «Аллилуйя» Неожиданно сравнение стало опять очевидным: как коммунисты заканчивали свои шабаши обязательным исполнением партийного гимна «Интер-национал», так и сектант решил закрепить пройденный материал псалмом:

У двери твоей я стою
и в сердце грешное стучу,
зову я нежно, как во сне:
войти ли мне, войти ли мне?

– Кстати, серафим, – обратился к назойливому Володя. – Почему это ваша сомнительная организация называется Церковь третьего пришествия?

Лицо сектанта сделалось торжественным и печальным, а плечи даже немного расширились, и все поняли, что сейчас они услышат *нечто.*

– Потому что вторым на землю пришёл *сатана*. Он давно уже здесь, он правит миром!

Нос сектанта заработал как локатор, и движением трепещущих ноздрей с поразительной точностью указал на педагога, за спиной которого совсем недавно прятался *иблис.*

– Вот оно что, – пробормотал Кулемзин. Несмотря на свой закоренелый атеизм, спорить он не стал. Ему было совершенно ясно, что если на свете и существуют потусторонние силы, то верх держат сегодня отнюдь не золотокрылые херувимы.

«Сука-судьба!», подумал он. «И ведь не выгонишь так просто: ишь как старает-ся…» Но всё закончилось неожиданно очень просто.

– Не понимаю, – громко возмутился охранник. – Как это такую херню можно петь без выпивки? Царица лесная, вы что, извращенцы?

Сектант вздохнул и печально удалился.

Мы о вашей доле плачем,
у которых нет богов:

наша главная задача –
засерание мозгов!

Глава 299. *МАЛЕНЬКАЯ* КАК БОЛЬШАЯ

После проводов всех нежелательных элементов с территории Бермудского Учпучмака выяснилось, что пиво внезапно окончилось. Сходить вызвался почти что обязательный доброволец из народа – товарищ Полтавцев, перед этим став участником непритязательного короткого диалога:

– Вольдемар, может, за пивком сходить?

– Да уж не откажите в любезности, Серж!

Охранник, уже несколько перегруженный принятыми за день напитками, шёл в сторону магазинчика Калимы разновеликими шагами – как по шпалам. «На радость сирым и убогим», проводил его взглядом писатель, после чего добавил словами Столыпина:

– Яйчики-бабайчики, заботиться-то надо о народишке…

Народишко в ожидании пивка пригорюнился.

– Знаете ли вы, мои маленькие друзья, – решил занять паузу Кулемзин, – что если в слове *хлеб* сделать четыре ошибки, то получится *пиво*?

Игроки и гость ещё раз подивились извилистому уму гуру. Но пауза была недолгой – вскоре вдали появился какой-то квадратный силуэт ходока. Сережа нёс сумки тяжело, как *блины* от штанги Леонида Жаботинского, причём, шёл он, прихрамывая, – как Джордж Джонович Байрон, к тому же при этом *ненормативно* переступал ногами, словно цирковая лошадь перед самой пенсией. Под весом поклажи Полтавцев перекосился, как велосипед, потерявший свою главную спицу. Наконец сторож достиг покерного столика и встал как вкопанный – до него, помнится, так делал только конь Ильи Муромца, услышавший свист Соловья-разбойника.

– Мать моя партия, всё в порядке? – строго поинтересовался Курманбаев. Серёжа не мог ему ответить, потому что после забега на короткую дистанцию был в состоянии только разевать рот, как Киркоров под фонограмму.

– Торжественно вручаю тебе, – проговорил писатель, – почётный цветной значок «Ударнику выполнения заданий»! Но только это секрет…

С честью выполним заданье
по так нужной нам гульбе,
и продолжим возлиянье –
всем на радость и себе!

Правда, через минуту выяснилось, что пока Кулемзин озвучивал свои мысли по поводу пива и религии, в стане единомышленников созрел заговор: пользуясь моментом, пара военных нашептала сторожу пожелание принести, кроме пива, ещё и *маленькую* водки, тайком всучив ему ещё одну купюру. А когда тот пожелание исполнил, то бонусом, то есть совершенно бесплатно, презентовал прапорщикам свой знаменитый гранёный *двухсотовый*. Остальные же удовольствовались принесённым пивом: Володя с удовольствием восполнял нарушенный жарой кислотно-щелочной баланс «Тянь-Шанем», Афанасьич по-прежнему потягивал советского (б) качества «Жигулёвское», Валера Муравлёв в желаниях примкнул к другу Кулемзину, хотя и с жадностью поглядывал на доставленную *маленькую*, а вот Батыршин отдал свою бутылочку убойного «Маршала» в полноценные 8° педагогу. Так что следующие десять минут прошли под лозунгом известной рекламной дурилки «Не дай себе засохнуть!» Правда, «Маршал», в отличие от других бутылочек, оказался трудноотрываемым, и

Курманбаев, тихо ругаясь по-русски, вертел бутылку так и сяк, пытаясь подцепить пробку о край покерного столика.

Долго её мужики истязали:
били лопатой, зубами кусали,
к горлу подставили ржавую вилку –
и всё-таки вскрыли пивную бутылку!

Вскоре выяснилось, что *маленькая*, несмотря на ласковое название, повела себя как большая, то есть долбанула по военным мозгам как зенитная самоходная установка «Шилка»

– Yesterday, ёкарные битлы! – немузыкально заорал музыкальный трубач, проваливаясь в губительную пучину алкоголизма.

– Чего это он? – тревожно вопросил Серёжа. – Мать честнáя, это по-каковски?

– По-английски, – ответил Володя.

– А как переводится?

– Давеча, – свободно перевёл полиглот.

После исполнения иностранного слова Талгат вдруг на миг потерял сознание и долбанулся головой о ствол карагача, тут же придя в сознание снова.

Глава 300. И ВНОВЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ БОЙ

Как уже упоминалось где-то в начале нашего романа, полная партия в *русскую кочергу* длится 27 робберов. Есть среди них короткие – из одной-пяти карт, а есть длинные, в володиной раскладке обозначенные заштрихованным участком, – начиная с десяти. Поэтому у игрока всегда есть время преодолеть отчаяние, вызванное врéменным невезением, обдумать ситуацию и переломить ход поединка. И потому нередко в игре побеждает не тот, кто умнее, и не тот, кто сильнее. Побеждает тот, у кого больше выдержки, кто умеет взять себя в руки и ждать.

В этой игре Володя отличался от остальных так же, как деревенский плотник от Спивакова из «Виртуозов Москвы», если кому-нибудь пришло бы в голову посадить их рядом. И такое образное сравнение было обусловлено не повышенным чувством самодостоинства писателя, а всего лишь объективной оценкой большого количества уже сыгранных партий. Применяя те же правила игры, что и его сопокерники, он видел всю картину битвы не как отдельные мазки картины, а как всю картину в целом, даже если это был пресловутый и всеми охаянный «Чёрный квадрат» Казимира Севериновича Малевича.

Водку пьёшь иль рыбку удишь,
но попробуй на гарнир
зачерни квадрат – и будешь
ты велик, как Казимир!

Между тем *кумитэ*, как в восточных единоборствах называют боевую схватку, уже началась. Первые робберы были туда-сюда, поскольку-постольку и прочие шурум-бурум, то есть мало чем отличались от остальных начал партий. А вот дальше, к робберу седьмому-восьмому положение резко менялось. Игроки втягивались в процесс, и это не всегда давало положительный эффект, напротив, находясь во власти стереотипов и воспоминаний от прошедших битв, они делали те же ошибки, что и раньше, не анализируя игру в целом, а недоумевая по поводу неприятных частностей. Впрочем, стóит ли удивляться такому мелкому подходу к одной из частностей

жизни, когда именно такой подход имел место и к само́й жизни вообще? В это время Курманбаев, видимо, решивший немного исправить представление о себе (но предварительно взяв заказанные три взятки), великодушно скинул *за простую* последнюю карту – младшего джокера, в результате чего Володя тоже взял свою заказанную взятку – правда, всего одну.

– Видишь, как я спас тебе жизнь? – хвастливо заявил Нуртай.

– Ну, если ты намекаешь, что я обязан на тебе жениться, то лучше сразу меня добей, чтобы мы потом вместе не мучились долгие годы, – ответил писатель.

Педагог остался крайне недоволен тем, что его подвиг остался неоценённым.

– Мать моя партия, я думаю… – пафосно начал он.

– Как говорил мумифицированный вождь, «было бы величайшей ошибкой думать[223]», – процитировал Володя.

[223] В. И. Ленин, ПСС, т. 45, статья «О значении воинствующего материализма» – прим. полит редактора

После такого оскорбления Курманбаев замкнулся и четыре роббера подряд проигрывал даже Серёже. «Лучше бы он меня назвал мумифицированным», со слезами в душе думал он, «было бы не так обидно за его бесцельно прожитые годы!» Под словом *его* он, конечно, имел в виду не вождя, а самого́ охальника.

Ствол нацелив еле-еле,
выстрелить не дав труда,
мы живём без всякой цели,
попадая не туда!

– Серёжа, ходи! – раздражённо воскликнул прапорщик. – Йодистый катализ, тебе что, капельницу с тормозной жидкостью поставили?

– Сейчас, сейчас, сейчас, – страдальчески бормотал Полтавцев. – Сейчас, сейчас, сейчас…

«Заклинило беднягу», понял Володя и осторожно поинтересовался:

– Как ты, старичок?

– Мать честна́я, да ни дыхнуть, ни пёрнуть, – чистосердечно признался страдалец и достал из котомки заветную книжечку «Для му.мы.» Он открыл её на одной, только ему известной, странице и выразительно прочёл: – «Может, когда-нибудь и придёт просветление, но только либо в форме искусственной комы, либо при полном содействии сил космического разума человекообразным существам»

– Что это? – потрясённо спросил педагог.

– Да я не виноват, это мне Володя продиктовал!

Кулемзин был тоже потрясён: он совершенно точно помнил, что никогда не говорил охраннику подобной бредятины, а если и говорил, то совсем другое.

Опрокидываясь в яму
смысла, как в пустой бассейн,
понимаем лишь себя мы,
а других – их нихт ферштейн[224]!
Так космичен ли мой разум
или всё же одноразов?!

[224] Я не понимаю – нем. искаж.

Глава 301. И ВНОВЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ БОЙ (продолжение)

– Когда-нибудь, когда-нибудь, – проворчал писатель. – Серёжа, не имей такой привычки – откладывать что-то *на потом*!

Володя по себе знал, что это пресловутое *потом* практически никогда не наступает – оно постоянно отодвигается, как линия горизонта, а проблемы всё копятся и копятся, и однажды ты просто умираешь посреди этого бардака, и кому-то непременно приходится разгребать после тебя дерьмо. После этого психологического демарша сторож впал в повторный ступор.

– Серёжа, ты чего опять молчишь? – ещё раз призвал его к порядку Нуртай. Но охранника, весьма подкованного в юриспруденции, трудно было сбить с толку. Только вчера в каком-то американском фильме он узнал, что на любой вопрос отвечать можно только в присутствии своего адвоката, и теперь тщетно крутил головой в надежде отыскать оного. Присутствия такого на территории Бермудского Учпучмака, естественно, не наблюдалось, и, вздохнув, Афанасьич наконец заговорил:

– Да думка думаться приходила…

– Ну ты февраль[225], – не выдержал начитавшийся детективов Володя.

[225] ***Психически ненормальный человек – феня***

– Только и знаешь, что критиковать, – обиделся сторож. – Тоже мне, Белинский нашёлся!

После общих усилий Полтавцева, наконец, растолкали, и игра продолжилась, правда, прервавшись на минутку – только для того, чтобы педагог успел стереть с намечающейся лысинки ещё одну *каку*, которую ему на этот раз любезно предоставила усевшаяся на карагач ворона. Она прилетала сюда уже не раз, и сейчас косилась на этих неприятных людей, вспоминая те золотые дни, когда тут толпились разномастные дети с мороженым и конфетками, а у скамеечек можно было найти семечки и недоеденные булочки. Эти же люди время от времени швыряли под ноги лишь маленькие железные пробочки, которые птица терпеть не могла. «Яйчики-бабайчики, мать моя партия, ёперные перья, мать честнáя», горько думала ворона.

Человечек пиво пьёт, –
птичка пробочки клюёт!

Володя не был фаталистом – он считал, что будущее зависит не от мистического расположения звёзд, а от умения предугадывать ходы противника, навыков выстраивать встречные комбинации и способности добиваться перевеса в силах и превосходства в средствах. «По-моему, пришла пора объяснить *клиентам*, почём пуд соли», решил он, тем более, что пришедшие карты это позволяли. Решительно двинув в бой серьёзные силы в виде двух джокеров и четырёх козырей, он сделал то, что редко удаётся в этой прекрасной игре – *посадил* сразу троих соперников.

– А ведь это даже не цветочки, мои маленькие друзья, это – пыльца. А цветочки, не говоря уже о ягодках, будут чуть позже!

И всё-таки в игре Альбионыч старался выдерживать старый юридический принцип разумности и справедливости. На этой почве у него даже постепенно развился некий комплекс, который он, после недолгого раздумья, окрестил комплексом Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого вовремя не послали!»

– Да, – задумчиво протянул Полтавцев, – как говорил товарищ Сталин, мне Нуртай рассказывал, кадры мешают всё!

– Старческая болезнь недержания жизненного опыта? – поинтересовался писатель.

– Да оно как бы так, – солидно ответил сторож.

– Йодистый налёт, ты на него не ругайся, он и так *дедушкой* обиженный, – заступился за экс-текстильщика старший прапорщик. Гуру коротко глянул на заступника, правда, таким взглядом, которым, видимо, глядела бы тяжелая гаубица на недобитую танкетку. «А ведь, пожалуй, Талгат прав», подумал Альбионыч, «с такой игрой можно как-то совершенно случайно стать пациентом врачей узкой специализации» После выпитых бутылочек игроки стали дружно страдать гипергидрозом[226], и, чтобы не помереть от глобальной потери жидкости, решили поправить положение, на этот раз отправив в магазин военного. Второй же военный, решив не терять время даром, интимно приобнял нового друга Валеру за плечи и тихо спросил:

[226] Повышенное потоотделение – прим. мед. редактора

– Споём?

Муравлёв опасливо отодвинулся и помотал головой. Кайрат не расстроился, а тихо и душевно запел:

– Арак адамга симайды,
арак шульмеке сияды[227]…

[227] Водки столько умещается в человека, сколько не умещается в бутылку – сакс.

Валере песня не понравилась, но он решил, что невежливо лишать человека наслаждения творчеством.

– А вот эту знаешь?

Не с кем, не с кем эту ночку ночевать,
не с кем, не с кем разговарива-а-ать…

Кайрат опасливо отодвинулся и помотал головой:

– Нет, это для меня слишком сложная …

Глава 302. И ВНОВЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ БОЙ (окончание)

Запах лета в напряжённом мегаполисе с трудом пробивался сквозь бензиновые выхлопы легковых автомобилей и дизельный чад автобусов. Некоторые листья, изредка слетавшие на покерный столик, цветом своим были похожи на советские (б) сотенные купюры, то есть нежно-бежевые с переходом в желтизну. Володя прислушался к слабому шороху, производимому в траве какими-то залётными жучка́ми, и подумал о том, что вот и они тоже борются, но все мы, и люди, и вот эти жучки – все равны перед этой повторяемостью жизни. «Должно быть, жизнь», думал философ, «это что-то одно, единое для всех и неделимое, а каждому даётся лишь крошка от этого хлеба…» Ему самому́ казалось странным, что он думает о подобных вещах, которые были как бы привилегией бездельников, не умеющих и даже не способных жить, а потому отстоявших своё место в обществе, назвавшись мыслителями, философами, теологами или атеистами. Одним словом, как пишется в одной не очень умной книге, книжниками и фарисеями.

Раздумья его прервал приход Батыршина, после которого всем как-то повеселело. Правда, он скоро понял, что послать в магазин за пивом именно Талгата было

большой ошибкой, так как тот вместе с благородными напитками купил ещё и некую прозрачную жидкость в бутылочке 0,25 литра. «Может, это жидкость для снятия лака?», наивно подумал писатель, «и теперь супруга музыканта, вернувшись из санатория, будет очень довольна, и не будет орать на него и нас, как обычно…» Но, заметив пёструю этикетку, сообщавшую, что в бутылочке спрятана водка «Чапаев», расстроился: он понял, что игровой день, скорее всего, подошёл к концу.

Зачесалось в носоглотке,
не охваченной струёй:
вместо пива выпил водки –
стал немедленно свиньёй!

Валера тут же достал из широких штанин специальный складной стаканчик. Такие были очень популярны на рыбалке и охоте в далёкие социалистические (б) времена, а теперь являлись недостижимой мечтой многих слоёв населения – от сантехников-передвижников до просто бомжей.

– Ёкарная тара, – одобрил манипуляции художника Салихдзяныч. – Хороший гость тот, к приходу которого не нужно готовиться.

Но партию надо было доиграть, и все понимали это не хуже Кулемзина. После сданного по десять карт роббера задумались все, включая Афанасьича. «Я скажу: по мизе́рам, а они подумают, что я так не скажу, и всё будет хорошо…», мечталось охраннику. Впрочем, идея эта была дешёвой, как милицейский полуботинок. Правда, корректировку и в этот, и другие планы внёс Нуртай, который, уже проигрывая сам, потянул за собой в пропасть и Полтавцева, и Батыршина.

– Вот ты свинья! – возмутился откровенный военный. – Как ты так можешь?!

Володя почувствовал, что искреннее возмущение Талгата может затянуть представление, и предложил:

– Товарищ старший прапорщик, времени маловато. Яйчики-бабайчики, я предлагаю не жечь его заживо, а утопить по-быстрому – и всё!

Измельчали индивиды –
каждый гадким увлечён:
казней знаем сотни видов,
но придумаем ещё!

Но ритм игры уже разрушился, как древние фрески из кургана, попавшие на воздух. Серёжа, например, раскрыл корявыми пальцами роббер из двенадцати карт и отчаянно ступил на зыбкую болотную почву шизофренических версий, и даже Володя, которому пришла *неопределённая* карта, не стал внимательно вдумываться в содержимое роббера и заказал пас. Но педагог отметился и здесь, повторно, чего от него не ожидал никто, проведя ту же операцию, что и минуту назад.

– Глядя на твою игру, Нуртай, – прищурился Кулемзин, – так хочется сделать из тебя нечто, несовместимое с понятием человека!

Впрочем, Курманбаев не боялся, что его замучает совесть – она у него на этот счёт была весьма тренированной. Тем временем пришло время средней *тёмной* – роббер, как известно, важный и определяющий, как называли в СССР (б) четвёртый год пятилетки. Полтавцев внимательно вгляделся в пришедшие карты, словно надеялся отыскать там кусочек вожделенного селёдочного хвоста. «Пас», тихо прозвучало где-то в глубине сознания.

– Пас, – тут же отозвался Кулемзин и с удовлетворением увидел, как разочарованно скривились губки педагога. До этой минуты Володя и не ведал, что всплеск

мысли можно услышать, – тот тихий всплеск, когда в недвижных водах нашей души *случайное смыкается с давним* – с самыми отдалёнными друг от друга вещами. И дело здесь как раз не в услышанных словах, таких же пузыристых, как и другие, дело в том, что они оказались теми последними пузырями, которым – вместе с прежними, бесконечно многими, – случилось расшевелить вдруг застойную воду и понести её к берегу в ровной волне тихой догадки. Интуиция, одним словом…

«Боже, мокрая кроватка!
Неужели я, мудак?!»
И на ум пришла догадка:
«Что-то, братцы, здесь не так!»

Пытаясь хоть как-то спасти положение и завладеть вниманием аудитории, Володя решил немедленно рассказать одну из своих бесчисленных историй. Итак…

Глава 303. СКАЗКА О ЛЮБОМ ИЗ НАС

Жил-был один человек, весьма религиозный: он старательно соблюдал все правила, предписанные религией, и, само собой, надеялся, что попадёт за это в рай. И вот, наконец, так оно и случилось! Оказался этот человек в раю и велико возрадовался. Да и в самом деле, радоваться было чему – великолепная природа, красивые жилища, никакой преступности и даже маленькой агрессии. Всё, что ему теперь приходилось делать, – это существовать спокойно и благополучно.

Правда, несколько удивляли люди (б), окружавшие его. Он предполагал, что и в раю они обязаны были соблюдать множество непременных обрядов – тех, что соблюдал всю жизнь он сам. А они просто жили: не строились по пять раз в день на молитву, не пели псалмов и даже не ходили в церковь. Люди (б), живущие в раю, оказались весьма раскованными в личной жизни: они охотно предавались плотским радостям и, похоже, позволяли себе всё, что угодно. Или, уточняя, всё, что не мешало жить окружающим и не ущемляло их свободу. Люди (б) эти трудились и создавали своими руками всё то изобилие, что присутствовало в их загробной райской жизни, потому что никто свыше не снабжал их бесплатными благами.

Надо сказать, что наш герой воспринял такой образ жизни с большим трудом – он никак не мог поверить в то, что можно совершать запрещённые его религией поступки и не нести за это никакого наказания. Люди (б) рая оказались радушными – они охотно общались с этим человеком (б), приглашали его в гости, угощали его вкусной едой и хорошим вином. И поначалу он принимал эти приглашения весьма охотно, и даже пытался убедить себя в том, что ему это нравится. Он пил коньяк, загорал нагишом у какого-то небесного озера, занимался любовью с хорошенькими девушками (б), много путешествовал. Но при этом его ни на секунду не оставляло чувство вины. И дело здесь было даже не в *дедушке*, потому что всевышний не жил в раю, и никто из его обитателей не тревожил его имя без лишнего повода, да и с поводом тоже – это же не на земле, где стараться нужно, чтобы в рай попасть.

Итак, через некоторое время те стереотипы, что были вбиты в голову нашего героя за время земной жизни, взяли над ним верх. И он решил, что все люди (б), что его окружают, – неправильные, что они не могут быть правильными, потому что их образ жизни не соответствует предписанным для праведных людей (б) канонам, что они не счастливые, не весёлые и не добрые, а только притворяются таковыми.

Проживая конвульсивно,
часто думаешь: на кой?!

Люди лживы и противны!
Я как раз и сам такой…

Так он решил для себя главную проблему: в мире, где не существовало вражды, он нашёл для себя врага. И врагом этим стали все остальные люди (б). Естественно, сам этот человек (б) немедленно стал сам для себя образцом добродетели. Для того, чтобы логично обосновать своё отличие от прочих, этот человек (б) выбрал какую-то единую черту всех обитателей рая. К примеру, для всех них было обязательным принимать душ по утрам.

– Мерзавцы! – возмутился наш герой. – То, что они моются, свидетельствует о том, что они грязны, а из этого, в свою очередь, следует то, что они греховны. Я же чист и праведен, поэтому мыться больше не буду!

Он перестал мыться, и уже через две недели от него благоухало, как от старого козла. Вежливые люди (б) поначалу терпели в раю такое неприятное чудачество, но через некоторое время стали его сторониться.

– Ага! – завопил наш герой, – эти нелюди выдали себя: они притворялись хорошими, но теперь не хотят общаться со мной, святым праведником, и, стало быть, все они сволочи!

Просьбы помыться этот человек (б) отвергал с искренним негодованием.

– Я не моюсь, потому что у меня есть душа, – говорил он с нездоровым блеском в глазах. – А то, что вы принимаете водные процедуры, говорит о том, что вы – бездушные монстры!

Наконец слух о вонючем святом достиг и ушей *дедушки*. Явился он самолично посмотреть на упрямца, понюхал нашего героя и, не найдя никакого выхода, отправил его… обратно на Землю. И до сих пор бродит среди нас этот смердящий человек (б), святой (б), по-прежнему уверенный в своей правоте. А вы, мои маленькие друзья, никогда не встречали в нашем втором микрорайоне этого вонючего персонажа?

Если мозга нету в тыкве,
если не умней ты пня,
не равняйся на святых ты,
а равняйся на меня!

Глава 304. НА ЭТОМ ВСЁ И ЗАВЕРШИЛОСЬ

Но даже этот увлекательный рассказ так и не спас положение. Распив первую *маленькую*, военные стали что-то говорить друг другу на ушки, похлопывать по плечам себя и соседей. Ещё из школьной программы Володя помнил, что два человека, находящиеся в полуметре друг от друга, взаимно притягиваются с силой около 0,02 миллиграмма. Здесь же было ясно видно, что физика явно проигрывала *принявшим* прапорщикам. Если бы военные немного разбирались во вкусе употребляемой ими продукции, то им могло бы показаться, что в подозрительной бутылке находится спиртосодержащая жидкость с ярко выраженным привкусом токсина аманитина, который из всех живых организмов на земле продуцирует лишь невкусный гриб с нехорошим названием *бледная поганка.* Батыршин судорожно выпил предложенное, но закашлялся, заперхал и немедленно налился краской до цвета огнетушителя. Впрочем – старый боец! – справился, удержал в себе *добро*, не посрамив звания ветерана музыкальных войск славной Саксаулии. Через минуту стало окончательно ясно, что напиток *прижился*. Прапорщик закурил, и все увидели, что цвет лица его стал постепенно возвращаться к норме, то есть к алкогольно-свекольно-бурому.

И я пою, весь смысл губя,
и тихо хлопаю ушами:
«О поле, поле, кто тебя
усеял ровно алкашами?»

Кулемзин ловко устроился между прапорщиками, а серёжину котомку ногой задвинул под покерный столик, скрыв её от людских взоров. Военный гость допил свою бутылочку, немного поозирался, но, не найдя глазами котомки, произнёс:

– Господин Володя, не мог бы ты дать мне немного пивка?

– Могу, – просто ответил писатель. – Только, старик, прошу тебя, не называй меня *господин*. Это вызывает у меня комплекс превосходства!

– А я вот как-то был в командировке в Ферганской долине, – после обретения вожделенного добавил свою часть воспоминаний Кайрат. – Так вот там довелось попробовать местную водку. Мерзкая, доложу вам, штука – гораздо теплее, чем эта, да еще отдаёт ослиным волосом.

Все помолчали. «Яйчики-бабайчики, пора менять тему», решил писатель.

– Валера, ты, безусловно талантлив, друг мой, но всё же было бы лучше, если бы ты себе отрезал ухо – как Винсент Теодорович Ван Гог.

– Святой Малевич, зачем? – ошарашенно спросил художник.

– Ну, во-первых, это было бы явным признаком гениальности, которого пока не хватает в твоём пролетарском лице, а, во-вторых, его впоследствии можно было бы выгодно продать, выдав за подарок того же покойного Ван Жоры.

– Надо подумать, – напрягся в мысли Муравлёв, словно ему действительно было чем это делать.

– Так как же Ван Гог? – не отставал Володя. – И вообще импрессионисты?

– А что импрессионисты? – храбро вступил в спор Валера. – Ты наших не замай!

– Ну, что ты скажешь, например, об избыточности сумерек в их манере письма?

– А что тут говорить? – рубанул воздух рукой Серёжа. – Сионисты они и есть сионисты. Вся беда от них!

На него гляжу, рыдая,
без особенных затей:
я Ван Гога уважаю –
даже без его частей!

На этом высокохудожественный разговор закончился. Так же, кстати, как и «Тянь-Шань» за покерным столиком.

– А во что это вы всё время играете? – поинтересовался пришелец.

– В *русскую кочергу*, или, проще говоря, в одну из разновидностей покера, – объяснил Кулемзин.

– А для чего? – вновь полюбопытствовал тот. Тогда Володя решил дать небольшую – всего в один абзац – лекцию.

– Покер как таковой, хотя и содержит в себе множество разнообразных жизненных параметров, однако, объединяет их все мощным глубинным психологическим воздействием на организм человека. И суть его – в мобилизации внутренних резервов организма. Но главное даже не в этом. Яйчики-бабайчики, главное в том, что покер можно использовать и для лечения душевных болезней, и даже для формирования личности, у кого её, конечно, не хватает.

При этом Володя строго взглянул на Нуртая и продолжил:

– Личности, подчёркиваю, незаурядной, талантливой, – примерно такой, как у меня! Ведь наша игра очень результативно влияет на разблокирование тех участков мозга, которые активизируют потенциальные творческие возможности человека. То есть практически без затрат времени, труда и средств играющие в *русскую кочергу* наконец-то смогут стать похожими на настоящих людей, а не на тех, кем они были до исторической встречи со мной.

– Как странно, – зачарованно промолвил прапорщик-2. – Мы знакомы только два часа, а как будто три…

– Теория относительности времени, – тут же объяснил ему Полтавцев. – Сейчас ты как будто в чёрной дыре, а там всегда два часа за три канают!

– Кстати, об относительности, – продолжил разговор Володя. – Хочу вас спросить *относительно* того, как насчёт попить пивка ещё? И не хочешь ли ты, Серёжа, подойти *относительно* к пиву из магазина сюда? Вернее, *приносительно.*

Теория, что всё относительно, тут же блестяще подтвердилась практикой. Сторож понёсся в магазин, как летящий под откос фашистский поезд, и уже через пару минут вышел из него, отягощённый товаром. Приблизившись к присутствующим за покерным столиком, он от нечего делать посмотрел на них. Так его научил Кулемзин: мол, вот такое молчаливое разглядывание придаст тебе немного загадочности, а люди этого боятся. К этому времени, как помнит читатель, Полтавцев уже был знакóм с творчеством Валеры Муравлёва, и с лёгкостью угадал в этих фигурах персонажей одной ранней работы художника, которой его приятель Володя дал название: «Сёстры-русалки поджидают утопленника к праздничному столу» Кстати, писатель, увидев её впервые, сразу предложил продать картину какому-нибудь дорогому ресторану, дабы своей художественной проникновенностью она способствовала правильному пищеварению *новых саксаульских.*

Знаю письменно и устно:
счастлив каждому ломтю!
Помогает мне искусство
переваривать кутью!

Телефонный звонок, как это зачастую бывает в жизни, раздался как-то вдруг. Оказалось, что у военного-2 в складках одежды нашёлся мобильный телефон с длинной антенной, и, когда Кайрат начал отвечать на звонок, антенна стала качаться и задевать по носу Серёжу. Охранник такому развлечению очень обрадовался, и скоро, ухмыляясь, стал намеренно поворачиваться к талгатовскому другу то одним ухом, то другим. А, между тем, радоваться было нечему.

– Вот *иблис*! – зажав мембрану трубки рукой, прошептал гость. – Айжанка вычислила!

– Кто это? – тревожно поинтересовался художник, которому песен захотелось ещё.

– Да жена! – горько поведал Кайрат и открыл мембрану. – Забыл, забыл отключить! Поймала меня Айжанка, поймала всё-таки! Теперь придётся идти домой… Что, дорогая? Домой? Что-то плохо слышно! Алё, алё, алё! Как-как? Зачем же так?! Ладно, иду…

Он спрятал телефон и в отчаянье известил новых друзей:

– Надо идти! Она сказала, что если через полчаса не буду дома, она завтра к нашему командиру полковнику Ермекову пойдёт. А он – зверь!

И столько было в его голосе горечи печали, что Вселенная в этот момент сжалась аж на целых два парсека. Так наш роман обрёл нового героя – только для того, чтобы быстро его потерять.

– Ёкарные войска, точно – зверь, – подтвердил Батыршин.
Так коллектив лишился бойца.

Как же так неаккуратны
мы к своим фрнтовикам? –
ведь теряем безвозвратно
тех, кто стал так дóрог нам.
Утыкаясь в частоколы
(каждый третий – баламут),
разбрелись бойцы по сёлам –
ищут, где же им нальют!

Глава 305. ЮНАЯ САКСАУЛЬСКАЯ ПОРОСЛЬ

Между тем неожиданный всплеск активности на пространстве Бермудского Учпучмака сыграл положительную роль: коллективная крикливая аура подействовала на игроков, как холодный душ на Володю после обливания ледяной водой, и они, незаметно для себя, всё же начали следующую партию, и даже так увлеклись ею, что чуть не пропустили явление юной саксаульской поросли. Надо сказать, что метрах в двухстах от магазинчика Калимы, за бетонным забором располагалась средняя школа с никому не известным номером – так как игроки ни разу не заходили дальше самогó магазинчика. А вот обитателей школы видели практически каждый день – во время учёбы, разумеется. И вот сегодня, хотя во всей стране ещё соблюдались школьные каникулы, стайка старших школьниц, крепких, как позднелетние боровички, шли как раз мимо игроков, возвращаясь с каких-то летних зачётов по биологии, которые заключались в том, что каждый школьник должен был поучаствовать в посадке новых деревцев возле учебного заведения. Писатель посмотрел на них и вспомнил своих одноклассниц в том же нежном возрасте. «Не было у них таких тел», подумал он, «а были они какие-то рыхлые, крахмалистые. Оно и понятно, на картошке росли, макароны серые ели…»

При советском при режиме
ведь была другая жизнь:
наши девочки другими
и росли, и налились!

Школьницы были не в привычной форме, а, как выражался наш бравый прапорщик, в штатском, то есть кто в чём. Такие маечки, которые сейчас наблюдали наши игроки на проходящих старшеклассницах, Володя называл *незначительными* и утверждал, что носить их надо обязательно *на босу грудь*. Были они все голоногие, но, как всегда случается в больших компаниях, одна малолетка отличалась от других формой одежды: ноги её, не смотря на жару, были упакованы в ажурные чёрные колготки, которые в движении напоминали небольших питонов, выползающих из-под мини-юбки. Компания неторопливо шла мимо игроков, и нашим героям удалось краем уха зацепить кусочек столь важного разговора:

– Не, бля, Ксюха, ты дыбаешь? Я у этого чёрта голимого ещё спросила: «Сто пудов прём? Без базара?» А он мне: «Отвечаю!» Представляешь, какой облом!

– Вот жлоб! Ну ничё, мы с ним на дискаре побазарим, там этот козёл уже второй день копытами бьёт…

Рядом со школьницами шли не то чтобы юноши, а так, мальчики, на вид куда помладше юных акселераток – бледноватые, настороженные и прыщавые. «Лицо по-

коления», метафорой подумал писатель. Нуртай, увидев, что взоры игроков устремлены на старшеклассниц, незаметно скинул в колоду червовую тройку и наугад вытянул ещё одну карту. Ею оказался младший джокер.

– Чего это ты делаешь? – внезапно поинтересовался Серёжа, уловивший какое-то движение слева от себя. Курманбаев вздрогнул и немузыкально заорал:

– На заре, девчата, проводи́те
комсомольский боевой отряд.
Вы о нас, девчата, не грустите,
мы с победою придём назад!

Девчата искоса глянули на странного певца и ускорили шаг. Талгат, узрев рано повзрослевших школьниц, да ещё в таком виде, сразу же сделал стойку, забыв об основном в текущей жизни – пришедших картах. При виде круглых белых коленок юниц его сердце женатого человека застучало, как отбойный молоток, но он крепился изо всех сил, по мере своих слабых актёрских способностей изображая стойкого оловянного прапорщика. Военный трубач пялился на девушек, а Володя, следя за его жадным взором, думал: «Что это – моральная испорченность или неувядаемая молодость? А, может, мечта о более надёжном пристанище?»

Шестой десяток лет уже,
но если брошу взгляд
я на девчонок неглиже, –
готовы к бою *фаберже*,
как тридцать лет назад!

Молодые саксаулочки, на которых так жадно глазел военный музыкант, были сказочно стройными, как неживая, к сожалению, Венера в московском Нескучном саду. На дворе уже начинался вечер, а, значит, скоро должна была нагрянуть военная жена Аида с дочерьми. Володя, почувствовав непорядок во вверенных ему войсках, не преминул ввергнуть Салихдзяныча в пучину реальности:

– Товарищ камер-юнкер, кончайте-ка вы проявлять свой обывательский интерес к уровню падения современной молодёжной морали!

– Старший камер-юнкер, – механически поправил Батыршин и очнулся: – А?!

Девицы были как на подбор длинноногие, и Кулемзин подумал о том, что вот такое новое, голенастое поколение наверняка питается исключительно «Чаппи»

– Смотри, Талгат, у тебя уже глаза из ширинки лезут, – предупредил товарища писатель. Он проследил за жадным взглядом музыкального прапорщика и вздохнул:

– Старик, не связывайся с малолетками. Они – как журнал: красивая обложка, а откроешь – внутри статья, статья, статья…

Нет приятней и полезней
венерических болезней.
Я хочу, чтоб стар и мал
на себе их испытал!

– Кстати, о музыке, – Володя выразительно посмотрел на военного. – Недавно прочитал я в периодике любопытную информацию о последних научных открытиях в области генной инженерии.

– Йодистая биология, а я здесь при чём? – не отводя взгляда от юных коленок, спросил Батыршин.

– Да при том, что учёные со свойственной им очевидностью сумели доказать существование у значительной части мужчин гена наследственной неверности по отношению к партнёршам. Называется этот ген Д-4. Поэтому, Талгат, сильно не страдай. Твоё супержадное влечение к женской половине человечества объясняется вовсе не развратной разнузданностью, как думает Курманбаев, который тоже, кстати, следит за молодёжью похотливыми глазами педофила, то есть, я хотел сказать, педагога, а обыкновенными выкрутасами ДНК.

Прапорщик облегчённо вздохнул и выпрямил спину.

– Между прочим, – закончил политинформацию эрудит, – этот ген Д-4 свойственен наиболее высокоинтеллектуальным и творческим личностям, так что весьма непонятно, как он вообще к тебе попал…

Юбки у девочек стали короче,
тени поярче, румяна побросче.
Трескают чипсы и быстро растут:
знания так из-под маек и прут!

На счастье военного, школьницы остановились покурить, и игрокам представилось несколько мгновений разглядеть поколение next. Первыми бросались в глаза коленки – острые и геометрические, второй взгляд улавливал веки – почему-то пугающего густо-синего цвета, как у несвежих покойников типа Вия.

– Вот это да, – потрясённо мычал прапорщик, вытянув шею. – Вот это да! Надо же, как хорошо всё видно! Не то что зимой… Вот за что я зиму не люблю, так это за вид наших женщин – понаденут на себя, как луковицы, сто одёжек и ходят-перекатываются, как колобки. Где сиськи, где талия, где это место – ничего не разберёшь!

Военный возмущался бы ещё долго, если бы не Володя, по случаю вспомнив стишок как раз на эту тему. Не будем же томить читателя безвестностью и приведём его здесь полностью. А называется стишок столь же просто, как и весьма эротично, а именно:

Раздетые женщины

Женщины загадочны зимою,
шубой скрыт объём и стать девчат:
сверху полушалок с бахромою,
снизу только валенки торчат,
толстый свитер годен для ношенья,
кофты… плюс под ними лабуда…
Словом, пищу для воображенья
дамы представляют в холода.
Осень… Бродишь, листья разметая,
сжав рукой прохладную ладонь,
и вздыхаешь тихо, представляя
то, что скрыто курткой и плащом.
Пусть не тайна щёки, нос, колени,
возле уха влажный завиток,
в главном же ещё полно сомнений,
и не подведён пока итог!
По весне загадка исчезает
с быстротою тающего льда:
половодьем женщины снимают,

что зимой скрывали холода.
Улицы сияют блеском спелым
мест незагорелых белизной –
зимнее, задушенное тело
светит всюду сквозь фасон и крой.
Нет загадки, чем пупок проколот,
цветность стрингов, форма нежных грив,
и грозою первою расколот,
город ходит, челюсть отворив…

Альбионыч проследил за взглядом прапорщика и заметил, как тот по-прежнему пялится на ножки малолеток, после чего поморщился. Он был эстетом и всегда говорил, что от щиколоток до колен – это зрелище для настоящего гурмана, а вот от колен и выше – все эти прелести могут вызвать вожделение только у мясника.

Во вселенском грохоте
вдруг раздался глас:
«Не было бы похоти,
не было б и нас!»

– Ёперные окорочка, а, может, девочек подснимем? – неожиданно предложил Талгат. – А то скоро *моя* из санатория приезжает!

«Экое любвеобилие», подумал Кулемзин, а вслух произнёс другое:

– Товарищ старший прапорщик, попрошу не осквернять светлый мужской праздник присутствием женских юбок – даже чрезвычайно коротких!

«Яйчики-бабайчики, уж пусть лучше пьют», решил писатель.

Безопасный секс по-русски –
три бутылки без закуски…

Глава 306. УНИКАЛЬНАЯ ПРОФЕССИЯ

– У меня профессия уникальная, – неожиданно заявил о своей поэтической составляющей Кулемзин.

– Мать моя партия, чем же это? – скептически возразил педагог.

– Нуртай, думать же надо, – укорил его сторож. – Ведь и так понятно!

Курманбаев, которого в очередной раз унизили, замкнулся, но продолжал с интересом прислушиваться к разговору, чтобы в самый нужный момент всё-таки вставить свои умные три копейки.

– Да тем, – продолжил мысль Володя, – что на изготовление одной единицы моего продукта не надо вообще ничего! Примерно как масла для вечного двигателя…

– Как это? – обалдел прапорщик.

– А вот как. Возьмём, к примеру, художника. – Здесь все дружно посмотрели на Муравлёва. – Чтобы создать картину, нашему другу нужны холст, краски и (прости, русский язык!) какой-то мольберт. Ведь Валера не может сказать своим ценителям на выставке: мол, я задумал такую-то картину, а на ней будет изображено то-то и то-то. Почитателям его таланта обязательно нужно *увидеть* произведение, чтобы его оценить. Или, ближе к прозе жизни, хлебороб: чтобы у вас на столе оказалась одна единица его труда, например, *хала,* хлеборобу нужны зерно, пашня, тракторы, сеялки и веялки, а также свой тяжёлый труд. Я нге говорю уже о военных: им обязательно нужно немного повоевать, чтобы все увидели их удаль. Согласны?

Для похмельных для утроб
(это ведь по-русски!)
дарит хлеб нам хлебороб
в качестве закуски…

– А тебе, чтобы написать стишок, разве не нужны бумага и ручка? – наконец-то поинтересовался Мусаич, тонко и иронично улыбаясь в пространство.

– Конечно, нет, – ответил гениальный писатель. – Я согласен, что какой-нибудь поэт типа Роберта Уильямовича Бёрнса, для того, чтобы его стих дошёл до читателя, просто-таки обязан его вначале написать теми самыми ручкой и бумажкой, а потом и издать при помощи массы людей и с колоссальными трудозатратами. Яйчики-бабайчики, но я-то не таков! Я пишу стихи в голове, или, как говорят наиболее продвинутые психиатры, *про себя*. А прочесть их вслух не считаю за особенный труд. Вот и получается, что моя единица продукта не сто́ит человечеству не то что ни одного ньютона, но даже ни одного (прости, русский язык!) джоуля.

Все озадаченно притихли.

– Вот, например, сейчас, только что я наваял в своей гениальной голове стих, который не затруднюсь вам прочесть. А тебя, Мусаич, предупреждаю отдельно – это басня! Итак…

«Авроре» *дедушка* послал снаряд фугасный –
в Неву «Аврора» взгромоздясь,
им пострелять совсем уж было собралась,
да призадумалась.
Снаряд в стволе держала.
На ту беду толпа близёхонько бежала,
снарядный дух толпу остановил,
народ почуял власть, картавый их пленил.
Толпа со знаменем на цыпочках подходит,
верти́т башкой, с «Авроры» глаз не сводит,
и говорит с трибуны, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Какие палубы! Какой носок!
И, верно, ленинский быть должен голосок!
Когда при красоте такой
стрелять ты мастерица,
так ты была б у нас не пушка, а царица!
Дай залпик, не стыдись!»
От тех речей в стволе дыханье спёрло,
и на лукавые народные слова
«Аврора» каркнула во всё аврорье жёрло –
бух в Зимний!
С ним была Россия такова…

♠ ♠ ♠

Уж сколько раз твердили миру:
«Нельзя по Зимнему стрелять!» –
да всё не впрок!
В России есть всегда по Зимнему стрелок…

Слушатели сидели молча, потрясённые эпической силой произведения. Первым очухался педагог.

– Да ты эту басню уже давно написал, а прочитал только сейчас, – заявил он не подумавши. – Мать моя партия, и политически она какая-то вредная!

– Оставим политику в покое. Но ты видел процесс писания? – горько вопросил Кулемзин. – Ты сам видел мои мучительные потуги, когда я не мог найти рифму на слово *спёрло*? Ты бережно вытирал пот с моего натруженного суровой мыслью лба? Нет, этого не видел никто! И доказать сие не сможет тоже никто – даже в Международном уголовном суде в славном импортном городе Гааге!

Этого Нуртай выдержать уже не мог.

– Пойду-ка проветрюсь, – в раздражении молвил он и отправился куда-то за магазинчик Калимы, видимо, в то место, куда бомжи Танкист и Одиссей, по выражению Батыршина, «справляли естественную нужду»

Глава 307. ДВЕ МАЛЕНЬКИЕ ПОВЕСТИ

– Ёкарная беда, что-то Нуртай задерживается, – произнёс Талгат.

– Да, Володя, расскажи чего-нибудь, – предложил Сережа.

– Ну, разве что об изменении казуальных форм в старофранцузском языке через флексию *с*, – согласился Володя.

– Нет, про хлесию не надо, – испугался охранник. – Лучше что-то жизненное и смешное.

Писатель не стал чиниться:

– Как же, есть такая в пороховнице, да не одна. Слушайте, мои маленькие и любопытные друзья:

«Стоял как-то некий Иисус Христос перед огромным зеркалом и восхищался цветом своего лица и ясными глазами. По обычаям того времени он расчесал свои длинные, как у Кулемзина, волосы, смазал их чем-то блестящим и заплёл в косу. Затем он выщипал брови и расчесал свои белокурые усы, а также пижонскую бородку.

– Сын мой, – произнесла Мария, наблюдавшая эти привычные манипуляции, – ты такой красивый! Может, тебе следует жениться?

– Яйчики-бабайчики! Мне?! Жениться?! – вскричал Иисус. – Да пусть лучше меня пригвоздят к кресту!»

Без ссор и скандального палева,
сердцами спаявшись навек,
они жили долго и счастливо,
повесившись в прошлый четверг...

– Мать честнáя, а я ведь тоже одну историю знаю, – поведал охранник. – Вы только не бойтесь, а то она сильно страшная. Про одного мальчика, который хулиганил. – При этом он почему-то посмотрел на Талгата.

– Давай, рассказывай, – занервничал трубач.

– Ну, так вот. Хулиганил он, хулиганил, не слушался родителей. И вообще плохой был. И решил его *дедушка* наказать. В общем, ослеп мальчик. А потом он попал под поезд, и ему отрезало обе ноги. Вы думаете, на этом его страдания закончились? Нет! Потом его забрали в армию!

Проживая без нужды
на одном дыхании,
пожинаем мы плоды
недовоспитания!

Но слишком короткой выдалась эта глава, потому что неугомонный педагог наконец вернулся в славный коллектив.

Глава 308. КАК НАШИ МОЗГИ ПОПАДАЮТ В СОРТИР

Между тем невинное сначала употребление рисковало перерасти в серьёзную пьянку. Володя, с тревогой осознавая пагубность внепланового решения некоторых элементов коллектива нажраться, решил провести маленький ликбез на эту тему.

– Давно известно, что этиловый спирт, входящий в состав алкогольных напитков, – это наркотическое вещество, – начал свою поучительную лекцию Кулемзин. – Да, наркотическое, но только очень необычное – это *экскременты*, то есть какашки дрожжевых бактерий. А бактерии эти, как уже несколько веков известно учёным, являются большими сладкоежками, и если их запустить, например, в сосуд с виноградным соком, они тут же начинают сжирать там весь сахар.

Полтавцев поёжился:

– А чего же они так?

– А вот чего: именно потóм и начинается триллер – после такого пиршества, как и всякий живой организм, такие бактерии просто погибают в собственных испражнениях. Кстати, если такой напиток сразу разливают по бутылкам, то он называется *вино сухое ординарное*, а если отстаивают два года, а потом сцеживают бактерий, то оно превращается в *вино сухое марочное*. Из-за такой сомнительной крепости оно и стóит дороже, а также получает свои сомнительные награды – на иной бутылке медалей, что у твоего генсека!

Но не знали наши предки,
что спиртное – не вода:
на коньячной этикетке –
генеральская звезда!

– Что же получается дальше? – продолжил страшное исследование писатель. – А дальше триллер только разворачивается: от спирта сворачивается кровь, и если крупным сосудам алкогольные тромбы не страшны, то нашему носу куда как тяжелее – в нём множество мелких капилляров, и когда тромб закýпоривает их, нос алкоголика приобретает знакомый всем советским (б) людям фиолетовый цвет. А дальше ещё страшнее. Человеческий мозг состоит из 15 миллиардов нервных клеток – нейронов, и каждый из них питается от своего тончайшего капиллярчика. Естественно, что когда сосуд закупоривается, нейрон погибает. Поэтому, дорогие мои алкаши, знайте, что после каждой выпивки, и даже весьма умеренной, в вашей голове образуется *кладбище мёртвых нервных клеток*. Как и всё мёртвое, они гниют, и именно из-за этого у пьяницы утром болит голова.

Прапорщик схватился за голову и понял, что она начинает болеть. «Ёперный бодун», подумал он.

– Но организм человека – штука хитрая и мудрая, приученная *дедушкой* и эволюцией к самовыживанию. И вот, чтобы предотвратить отравление, организм накачивает в голову побольше жидкости, и она начинает сдавливать нашу неразумную тыкву, как клещи инквизитора. Наконец, жидкость растворяет погибшие клетки и позже (самым естественным путём) сливает ваших мертвецов в городскую канализацию. То есть пьяница натурально мочится собственными мозгами!

Курманбаев икнул, пукнул и задумался.

– Яйчики-бабайчики, а если пьёт целый народ, то он из творческого, мыслящего, целеустремленного превращается просто в рабочее стадо, у каждого члена ко-

торого только одна мысль – до обеда лопатой поковырять, а потом напиться и забыться. Знаете такую страну? И после этого вы ещё удивляетесь, что СССР (б) всё-таки исчез с карт навсегда!

Художник мысленно представил себе карту Советского Союза (б), но почему-то не цветную географическую, а чёрно-белую контурную.

Аргумент раздался веский:
«Всё как раз наоборот:
раньше пили по-советски,
а теперь – как мир весь пьёт!»

– И ещё одно. Знаете ли вы, что фужер шампанского или кружка пива вреднее стопки спирта? В шампанском яд замаскирован ягодным суслом, на который даже ребёнок может сразу не среагировать, хотя процесс всасывания у газированных напитков начинается уже во рту. Поэтому знайте, что если шампанское ударило в голову, – это начинают разрушаться ваши мозги!

Талгат подавленно посмотрел в небо, но ничего утешительного в нём не разглядел, и схватился за бутылочку «Маршала»

– Кстати, не лучше дело и с пивом, – заметив его движение, продолжил Альбионыч. – Из хмеля в пиво попадают гормоны, похожие на женский *прогестерон*, и у пьющих пиво мужчин постепенно меняется общий гормональный фон – растёт живот, потом грудь, затем развивается импотенция – да и зачем нужен мужской потенциал существу с женскими гормонами?!

После лекции установилось тягостное молчание, которое прервал музыкант:

– Йодистая зараза, предлагаю сделать вид, что мы никогда не слышали этой чепухи!

– Какой? – тут же спросил писатель.

– А никакой! – помог военному сторож. На этом лекция о здоровом образе жизни и окончилась.

Глава 309. О ТОМ, КАК В БЕРМУДСКОМ УЧПУЧМАКЕ АЛКОГОЛИКИ БЫЛИ ЕДИНОГЛАСНО ПРИЗНАНЫ ТОЖЕ ЛЮДЬМИ

– Мать честнáя, как будто алкоголики не люди! – прослушав лекцию, воскликнул Афанасьич.

– Согласен, – кротко ответил писатель. – Я вот тут подумал на досуге и решил предоставить в мажилис (прости, русский язык!) свой проект закона.

– Правильно-правильно! – заволновался и художник. – Святой Малевич, нас же много, а правов никаких!

– Я так и подумал, – подтвердил Кулемзин.

– Мать моя партия, а слушание в первом чтении? – сурово поинтересовался педагог.

– Конечно, – легко согласился Володя. – Итак, слушайте проект Закона

«О ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С АЛКОГОЛИКАМИ»

«§ 1. Под Алкоголиком следует понимать человека (б), который страдает от всего зла и несправедливости, творящихся в мире, которого никто не понимает, который, хотя и слаб, но прост, прям и открыт навстречу другим людям.

§ 2. Алкоголик может уважать и быть уважаемым до достижении соответствующей степени опьянения.

§ 3. Запрещается задержание Алкоголика и содержание его в медвытрезвителе в случае, если

а) Алкоголик практически трезв;

б) у Алкоголика имеется справка о том, что у него душа горит или у него есть сегодня повод.

§ 4. Задержание Алкоголика против его воли до утра разрешается лишь дружкам Алкоголика.

§ 5. Запрещается требовать у Алкоголика «А ну-ка, дыхни!» Подобные требования может предъявлять к Алкоголику лишь установленная законом (законная) жена, облачённая в надлежащий халат и бигуди.

§ 6. Алкоголик имеет право бесплатного проезда в городском общественном транспорте, если он удовлетворяет любым двум из следующих трёх признаков:

а) дышит перегаром на 3-5 метров;

б) не способен говорить, а только петь и ухаживать за пассажирками и кондукторшей;

в) способен предъявить окружающим свежие пятна рвотного происхождения на верхней одежде.

§ 7. Запрещается затыкать рот Алкоголику и мешать ему исполнять песни советских (б) композиторов-алкоголиков.

§ 8. Алкоголика, отдыхающего на лестничной площадке, запрещается кантовать, поливать, опрыскивать ароматизаторами и дезинфектантами.

§ 9. Спящего Алкоголика разрешается будить только поцелуем.

§ 10. После 23 часов запрещается обвинять Алкоголика в том, что на него потрачены лучшие годы, потому что уже поздно (во всех смыслах).

§ 11. Доходы, затраченные Алкоголиком для своей профессиональной деятельности, не подлежат изъятию без ведома Алкоголика. Такого рода денежные суммы не подлежат никакому налогообложению, а должны быть истрачены только по целевому назначению.

§ 12. Алкоголику не может быть отказано в приёме на работу на том лишь основании, что он припёрся в офис в нетрезвом состоянии.

§ 13. Отказ Алкоголику в краткосрочном утреннем кредите (в сумме 200-300 назарбаксов) приравнивается к умышленному доведению до состояния похмелья и наказывается статьёй Уголовного кодекса, в которой говорится о доведении до суицида с отягчающими последствиями.

§ 14. Отказ в спиртном, совершённый с особой жестокостью (выливание водки в раковину в присутствии Алкоголика) наказывается из последних сил.

§ 15. Запрещается использование Алкоголика в цирковых программах, даже если Алкоголик смешно падает и матерится.

§ 16. В течение недели со дня вступления в силу данного Закона Министерство по социальной защите людей Республики Саксаулия обязано разработать форменную одежду единого образца для Алкоголиков (желательно с добавлением люминесцентных красок).

§ 17. Министерство по социальной защите людей Республики Саксаулия также обязано выплачивать Алкоголику ежегодную компенсацию за имущество, вынесенное из дома.

§ 18. Областные акиматы обязаны увеличить количество парков, скверов и скамеечек в них, а также детских площадок с песочницами во дворах до следующей пропорции: 1 песочница на 3 Алкоголика.

§ 19. Правительство Республики Саксаулия обязано учредить День саксаульско-го Алкоголика и сделать его выходной неделей»

– Сильно! – одобрила компания.

– Надо бы это дело обмыть, – тут же предложил неутомимый Полтавцев. Предложение было принято в первом слушании единогласно, правда, при одном воздержавшемся – художнике Муравлёве.

Но признаться надо честно,
нарушая тишину:
алкоголик – он полезный,
деньги тратит на страну!
Я отчизну поздравляю,
что прорвётся сквозь бои,
ведь бюджет наш пополняют
алкоголики мои!

Но, так как Кулемзин был не только знатным саксаульским думателем о судьбах людей, но и великим поэтом, он решил, что после страшной темы алкоголизма надо облагородить скудное существование сопокерников высокой поэзией, для чего рассказать им не какой-нибудь захудалый банальный катрен, а целую поэму. Правда, настораживало его только то, что поэма называлась ни много ни мало как «Баллада о таинственном Политбюро», против чего мог выступить прокоммунистически настроенный педагог. Но, немного подумав, всё же решился на выступление: «Всё-таки нас пятеро против одного»

– А сейчас – время эпитона, – возвестил он.

– Мать честнáя, а это что за хрень? – ласково поинтересовался Серёжа и торопливо достал заветную книжечку «Для му.мы.»

– Ну ты, Сергей, не скромничай, ты это знаешь не хуже меня. Но другим я отвечу. Подозреваю, что такого слова нет даже в больших и толстых академических словарях, но мне, как крупнейшему писателю двух веков, оно хорошо известно – это небольшая эпическая поэма. Часа на два… Шучу-шучу, – заметив тревожный взгляд прапорщика, уточнил он.

Знают даже лягушата:
надо рифмою светлеть –
для того нужны стишата,
чтобы прозой не болеть!

– А я, кажется, догадался! – вдруг хлопнул себя по лбу сторож. – Эпитон это пропитон, только без водки!

Голова Полтавцева издала гулкий звук, как если бы разгневанная на прилетевших ниоткуда ос домохозяйка, собирающаяся варить варенье из антоновок, с досады ударила бы рукой по медному тазу. Кулемзин ещё раз подивился извивам серёжиной мысли и приступил к чтению своей эпохалки. Итак,

Глава 310. БАЛЛАДА О ТАИНСТВЕННОМ ПОЛИТБЮРО

I

Король велел найти гонца,
чтоб скор на ногу был,

чтоб крепче матери-отца
он партию любил.
Явился рыцарь тет-а-тет –
верхом и на коне,
на нём нарядный партбилет
и звёзды на броне.
«Тебе я золото дарю,
алмазы, серебро!
Ты только грамоту мою
свези в Политбюро!
Когда на грамоту падёт
казённая печать,
тотчас на помощь нам придёт
бесчисленная рать!
И вероломного врага,
что осадил наш град,
она поднимет на рога
из установок «Град»!
Ответил рыцарь: «Ей-же-ей,
готов я всякий час
исполнить партии своей
и лично твой приказ!
Увидишь сам, что заплачу
добром я за добро:
на дне морском я отыщу
твоё Политбюро!»

II

Проездил рыцарь двести лет,
объехал двести стран
и, наконец, привёз ответ,
усталый, как кочан.
Король встречает храбреца
с лицом светлей зари
и восклицает он с крыльца:
«Ну как там? Говори!»
«О, я проездил двести лет,
объехал двести стран,
привёз я партии привет,
ни клят, ни мят, ни дран.
Стоптал я ровно сорок пар
испанских сапогов,
и радиоактивный пар
оставил от врагов!
Сумел я расщепить мечом
у атома ядро –
раздался взрыв, большой, причём…
Но где ж Политбюро?
Я обращался к мудрецам,
что разумом востры,
а те в ответ: «Ищи-ка сам
свои Политбюры!»
Я отличился и в стрельбе,

и в классовой борьбе:
вот череп Троцкого тебе
с отверстием во лбе!
Блатной в меня вонзал перо,
боксёр ломал ребро,
но я, прищурившись хитро,
искал Политбюро!
Но я напрасно танцевал
фокстрот и болеро,
никто из них не указал
пути к Политбюро!
На дирижабле я летал
и маялся в метро,
куда угодно попадал,
но не в Политбюро!
Я одевался в крепдешин,
и в бархат, и в шевро –
был результат всегда один:
нема Политбюро!
Я опускался в кабаки,
заглядывал в бистро:
буржуи там и кулаки,
но нет Политбюро!
Я хохотал, как Арлекин,
и плакал, как Пьеро.
Куда ни кинь – повсюду клин,
а не Политбюро!
Я покорил Бардо Брижит
и Мэрилин Монро,
но в их объятьях не лежит
тропа в Политбюро!
Я всю добычу в казино
поставил на *зеро*,
но не нашёл там всё равно
пути к Политбюро!
И обыскал я не одно
помойное ведро,
но находил там только дно,
а не Политбюро!

III

Но наконец мой конь устал,
и кончилась земля,
и я тогда постоем встал
под стенами Кремля.
В воскресный день с сестрой моей
(откуда и взялась?)…
Я знал: народа и вождей
нерасторжима связь.
Мой конь от ужаса дрожит –
ведь там уж много дней
мертвец таинственный лежит,
что всех живых живей.

Вдруг распахнулся тёмный зал,
и выглянул мертвец:
«Прекрасно, батенька!», сказал,
«Явились, наконец!»
И взял он грамоту твою
рукой из синих жил
и резолюцию свою
немедля наложил.
Товарищ государь король,
вот номер, вот печать,
а вот (ты сам прочесть изволь)
решенье: «Расстрелять!»
С тех пор король окаменел,
и с грамотой в руках
обходит свой земной удел,
врагам внушая страх…

– Хорошие стихи, – похвалил Серёжа. – Они в мене прямо вызывают нещедрую мужскую слезу!

Глава 311. ПОЭТИЧЕСКАЯ ЛОГОРЕЯ

Володя прочитал своё *бессмертное* слишком громко и театрально, и проходящие мимо гражданки сильно постбальзаковского возраста, решив, что в Бермудском Учпучмаке началась пушкинская декада, наградили декламатора сухонькими аплодисментами – знаком всенародной любви. К старушкам неожиданно присоединился и охранник: он старался больше всех, производя лопатообразными ладонями оглушительные хлопки́, очень смахивающие на выстрелы китайского пистолета «Псевдо-Макаров» с изношенным глушителем, которые так любят для одноразовых *акций* русские киллеры. Чтец-декламатор посмотрел на аплодирующих старушек и Полтавцева, после чего стал ладонью осаждать всё нарастающий восторг, напоминая сейчас незабвенного дуче Бенито Алессандровича Муссолини, который, тихо пришёптывая «Piano, piano…[228]», так же осаживал толпу в Риме.

[228] ***Тише, тише – ит.***

Сопокерники сидели потрясённые: Батыршин думал о том, что не надо было ему идти учиться на дудочника, а лучше на поэта, и тогда вместо Кулемзина сидел бы он здесь сейчас, а с балкона на него с гордостью смотрела Аида прекрасными очами, Муравлёв уже слышал от писателя эту вещицу, поэтому восторги его были умеренными, Серёжа, понимая отдельные слова, но, не понимая общего смысла, думал о том, как было бы неплохо, чтобы Володя бросил рассказывать всякую чепуху, а лучше бы достал из кармана ещё 500 назарбаксов и отправил его в очередной раз за пивком. И только Курманбаев не знал, как реагировать на такую откровенную антисоветчину. Он что-то хотел сказать про долг писателя, про его ответственность перед поколениями за каждое написанное слово, и много ещё чего глуповатого. Правда, Альбионыч, по-марсиански услышав несказанное, всё же ответил ему – тоже молча, но, правда, афоризмом, который автор позволит себе выделить для потомков:

**Первейший долг писателя –
никогда не терять веры в человека.
Особенно если этот человек – ты сам!**

– Мать честна́я, классный стишок! – повторил похвальбу сторож. – Я тоже одного поэта читал, ещё в школе. Фамилия у него была такая смешная – как 10 пачек сигарет!

– Блок? – догадался Володя.

– Ага. Он ещё писал: пойду, мол, в аптеку, когда ему ночью фонарь поставили! Представляешь: с ним дерутся, а он стишок сочиняет! Настоящий поэт – как ты!

– Был такой стих, – улыбаясь, подтвердил собрат Блока.

– Кстати, а я ведь тоже один стишок знаю! – не успокоился охранник. Он сел поудобнее, сложил руки замочком, как оперные певицы перед началом сложной арии, и торжественно даже не продекламировал, а пропел голосом раннего Фёдора Шаляпина:

– Я медицинская сестра!
Моя игла всегда остра!
Зато потом у Нины
не будет скарлатины!

Причём, короткую песню свою Полтавцев исполнил, притопывая ногой и помогая себе руками. Володя же во время исполнения отвернулся, стараясь не набирать в лёгкие смесь перегара и чудовищной махры, изрыгаемые серёжиной пастью, от которой сразу подкатывала какая-то нехорошая тошнота. Хотя объективности ради сто́ит сказать, что песня сторожа слушателям не понравилась, ибо *дедушка* по старой садистской привычке однажды поступил с его музыкальными генами, как некогда Винсент Теодорович Ван Гог – с собственным ухом.

– Эту песенку я ещё со школы помню, – делился между тем *значительными* воспоминаниями Афанасьич несколько обалдевшим, как ему казалось, от восторга, лицам покерной национальности. Нуртаю показалось позорным отстать от охранника, и он тут же выдал своё стихотворение, которое сочинил ещё в институте для стенгазеты:

– Я полюбил кующий молот
и тяжкий взмах маховика,
и пот труда, и лёгкий голод
в часы последнего гудка!

«Эко их разнесло!», подумал писатель. «Прямо какая-то поэтическая логорея! Не хватало только, чтобы Талгат примкнул к этому весёлому цеху чтецов-декламаторов…» Но военный музыкант и не думал об этом, так как в сию секунду с тоской заметил явление своей любимой супруги с детьми. Гроза приближалась со скоростью её шагов.

Глава 312. ЯВЛЕНИЕ АИДЫ

Вот так, как уже, наверное, привык наш читатель, и эта партия была вынуждена если не прекратиться вообще, то на время приостановиться.

– Талгат, внимание, Береника[229]! – тихо воскликнул Володя, явно греша историческими параллелями.

[229] Последняя царевна Израиля – перед тем, как сын Веспасиана Тит разрушил главный еврейский храм – прим. ист. редактора

– Какая Вареника? – замотал головой охранник.

– Опять ты с этими вахлаками сидишь? – послышался визгливый голос с западной стороны Бермудского Учпучмака. Аида налетела на Батыршина точно так же, как десять тысяч лет назад пещерная женщина налетала на своего пещерного мужика, а, может, и на чужого, нацелившись ногтями и оскалив зубы – рвать и кусать. Она явно принадлежала к тому числу женщин, которые в разговоре с мужчиной обожают взвинчиваться *с нуля*. Сейчас же татарская супруга была похожа на развязную *менаду*, подобную тем, что растерзали несчастного певца Орфея Эагровича из рода Атлантов. Прапорщик застыл, словно ему на лбу кто-то невидимый надавил точку *кот-ди*. В древнекорейской медицине так назывался один из нервных узлов, работающий чем-то вроде выключателя: если на него правильно надавить, человек словно выключается, хотя всё видит и даже кое-что понимает. Например, Салихдзяныч сейчас понимал, что положение безнадёжно, ведь Аида застукала его на месте сразу трёх преступлений: во-первых, он играл в карты, что она запретила ему категорически, подозревая, что военный проигрывает *последние* деньги, во-вторых, играл с Кулемзиным, то есть с главным совратителем и врагом их семейной жизни, и, в-третьих, при этом ещё и пил спиртное! По семейному уголовному кодексу все три преступления приравнивались к одной измене и карались, как выражался еврейский тесть Яков Моисеевич, отрывом *бейцалов*.

Это что за произволы,
гнусный гад и живоглот?!
Ты играешь в карты, сволочь,
водку пьёшь, как бегемот!

Когда она увидела, что рядом с её мужем сидит личный враг Кулемзин, глаза у неё закрылись, и все ясно увидели, как краска уходит со щёк, хотя и до этого её лицо не блистало румянцем. Володе показалось, что в глазах Аиды появилось точно такое же выражение, какое появляется у тигрицы, выследившей стадо оленей, хотя, признаться, до того никогда не видел тигриц вживую. Талгат, увидев супругу, кинулся к ней навстречу, попытавшись сделать свой шаг похожим на человеческий. Ему казалось, что он идёт эластичной, упругой походкой петушка, который хочет произвести впечатление на понравившуюся ему курочку. Но он хорошо знал, что такой шаг, годами вырабатываемый на строевых занятиях, можно потерять всего лишь за неделю регулярных пьянок.

Я хотел чеканить шаг,
но пройдя полшага,
вдруг споткнулся, как дурак,
от того зигзага…

– Ёперный тромбон, Аида! – перепугался Талгат, подскочив. – Здравствуй, дорогая! Как съездила? Как дети? Что пишет мама Фира Срулевна? Что говорит папа Яков Моисеевич? Когда выходишь на работу? В холодильнике ничего нет!

Чтобы сгладить неловкость, прапорщик решил поцеловать жене руку, но тут же передумал. Суровая военная школа научила его не доверять кому попало. Он сообразил, что в момент поцелуя станет определённо беззащитным, так как любой из присутствующих может подбежать сзади и отвесить ему хорошего *пенделя*, тем более что он только выиграл партию, чем расстроил всех донельзя. От страха его несло, как в своё время Остапа Бендера, и он практически не соображал, что лепечет. «Малхей-хабала[230]», нежно думал татарин, глядя на супругу.

[230] ***Ангел-мучитель – ивр.***

Здесь он вдруг не к месту вспомнил, как первый раз, когда напившись по случаю отъезда жены с детьми в отпуск к родственникам, стал названивать в службу «Секс по телефону», который по какому-то странному совпадению оказался и последним разом. Такой секс ему не понравился. А дело было так. Из-за овладевшей его мании величия он представился телефонной девице генералом, и та стала немедленно его обрабатывать:

– О, мечта моего сердца, о, мой несгибаемый генерал! Как ты меня возбуждаешь! Вот я снимаю с себя лифчик и бросаю его на пол… Вот я снимаю с себя чулок и бросаю его в угол… Вот я снимаю второй чулок и бросаю его в угол… Вот я…

Впрочем, секс на этом и закончился, потому что прапорщик, представив такое безобразие, тут же заорал:

– Отставить! А ну-ка быстро всё собрала и аккуратно уложила в тумбочку! Смирна-а-а-а!

В нашем тухлом пантеоне
всяк *от этого* страдал:
любят секс по телефону
те, кто жизни не видал!

Талгат смотрел на открытый рот супруги и, ему казалось, что она изрыгает что- то очень нежное, но на неведомом ему языке.

– Сирелиз, инче пата хэль[231]? – спрашивала любимая.

Талгат немного подумал и ответил на том же птичьем наречии:

– Индз вираворэльен[232]…

[231] ***Дорогой, что с тобой? – арм.***
[232] ***Меня ранили – арм.***

– Чего? Это ж надо было так нажраться! – привёл его в себя наконец-то воочию услышанный родной голос.

– Слушай, как ты он там не скончался, – озаботился Сережа. – Может, помолиться? Володя, ты никакую подходящую молитву не знаешь?

Кулемзин тут же оценил ситуацию: несчастный и беззащитный пьяный прапорщик попадает в руки разъярённой супруги.

– Здесь только одно годится, – ответил он. – Это так называемый *молебный чин* «На освящение всякой вещи»

Но, так как, кроме названия, слов подобной белиберды он, конечно, не знал, то решил обратиться непосредственно к источнику повышенной опасности и отвлечь удар на себя.

– Ты чего такая сердитая, Аида? – приветливо обратился к жене военного писатель. – С метлы упала, что ли?

Глава 313. ЯВЛЕНИЕ АИДЫ (окончание)

– С утра нализался? – не слыша писателя, ядовито интересовалась Аида.

– Что ты, милая! Посмотри на часы – почти семнадцать, – по-военному точно ответил Талгат. – Саксаульские трудящиеся, можно сказать, уже досрочно дневной план завершают!

– Да, Аида, – вступил в разговор охранник. – Вижу я, не живёшь ты со своим народом в едином ритме, не чувствуешь пульта страны…

По всему видно было, что прапорщица успокоится не скоро, ибо у неё, скорее всего, было какое-то своё представление о драматургии семейного скандала. «Надо что-то предпринять», подумал писатель, и в это время заметил, что на голове пришелицы по случаю отпуска была надета так называемая театральная шляпка – чёрный грибок, украшенный чем-то вроде фазаньего пера. Володю, разумеется, никто не тянул за язык, но при виде такой красоты ему обязательно захотелось сказануть что-то приятное.

– Аида, у тебя очаровательная шляпка. Ты сама убила этого фазана или он свалился тебе на голову на охоте?

– Отстань! – вновь завизжала военная супруга. Дети испуганно жались к её ноге. Она, уже начав, не могла остановиться, пока не вспомнила всю татарскую родню мужа, потом переключилась на собравшихся, охарактеризовав и их, а после, к удивлению незнакомого ей Муравлёва, сообщила и ему всё, что она думает о художнике в этот прискорбный момент. Аида говорила на каком-то полуавтомате, включившим бессвязную родную речь, но не сумевшим вовремя её отключить. Казалось, что она говорит только для того, чтобы слышать звук собственного голоса. Каждая чёрточка её лица выражала упрямство и агрессию, словно татарская жена очень долго копила обиду, которая, наконец, выплеснулась наружу.

Маме плакалась девчонка,
больно падая с крыльца:
«Вышла замуж за подонка,
негодяя, подлеца!»

Кулемзин только сейчас осознал, что напрасно считал себя знатоком женской натуры, иначе бы он не стал пытаться остановить разбушевавшуюся прапорщицу такими словами:

– Аида, ты же взрослая женщина, а не понимаешь элементарных вещей. Пойми, яйчики-бабайчики, что бороться с пьянством, ограничивая доступ к спиртному, – это то же самое, что бороться с поносом, ограничивая доступ к сортиру!

Талгатова супруга на это только дёрнула плечиком, прожгла взглядом в каждом из сопокерников по дырке в голове и, наконец, удалилась. Володя подумал о том, что когда женщины вот так дёргают плечиком, в этом их, в принципе, вполне невинном жесте всегда проглядывает скорбь по поводу предстоящих событий, а о том, что события будут скорбными, им всегда откуда-то известно заранее.

Впрочем, все женщины ждут от мира только печали и, естественно, её дожидаются, что лишний раз убеждает их в собственной проницательности. И не понять им, бедным, что эдаким вот движением плечика они сами и создают печальные события, накликивают их на наши непутёвые головы, а потом всплескивают ладошками со смешанным чувством восторга перед собой и жалости к себе же, и восклицают что-то в том духе, что я, дескать, говорила, дескать, предупреждала, дескать, всё знала наперед. Грустно всё это понимать, и каждый день с этим сталкиваться грустно, мужики…

Глядя на взаимоотношения Талгата и Аиды, Валеры и Наташи, Серёжи и Зули, Альбионыч думал о том, что, наверное, вообще не бывает хороших мужей и хороших жён, а счастливая семья – это выдумка тех, кто завидует холостякам, и хочет, чтобы они тоже непременно влезли в это ярмо. Он поглядел вслед удаляющейся Аиде, деликатно высморкался и произнёс:

– Ещё отец всех врачей древний грек Гиппократ Гераклидович утверждал, что женщина становится злой от отсутствия любви, а вот мужчина злеет от голода или унижения.

Мы не можем их послать
в некие порталы:
чтобы женщин нам понять,
быть мужчиной мало…

Ещё не растаял в учпучмакской дымке широкий таз военной жены, а у гениального муза Васи Курочкина был уже готов экспромт, который он немедленно надиктовал немного растерянному Володе Кулемзину:

– Погиб поручик
от дамских ручек!

– Да-а-а, – задумчиво протянул сторож. – Прямо Пушкин вспоминается. Помните, как он говорил: редкая женщина доплывёт до середины Волги?

Афанасьич поглядел на уходящую в неизвестность прапорщицу и, подмигнув Батыршину, неожиданно предложил:

– А, может, ты по *бытовухе* как-нибудь с ней потолкуешь?

– Как это? – обнадёжился военный.

– Да кулаком по морде, – просто объяснил охранник, не знакомый с прекрасными стихами того же Сергеича к некоей Анне Петровне Керн, о которой ещё в школе Володя слышал, что она была с поэтом *малознакома*.

Володя печально посмотрел на обоих и дал свой поэтический комментарий происходящему:

– Она бы и в избах горящих
смотрелась, как в лучшем кино –
с улыбкой зовущей, бодрящей!
Да избы сгорели давно…

– А ведь мы ещё перед санаторием поругались, – словно извиняясь, пробормотал Талгат.

– Царица лесная, а что случилось? – решил поддержать товарища Полтавцев.

– Да послала Аида в магазин за хлебом, я пришёл, а там ни белого, ни чёрного.

– Ну, а ты что?

– Что-что… Пришлось взять две красного!

Через несколько минут супруга военного появилась на балконе, ещё раз презрительно оглядела преступный коллектив, сплюнула и ушла. Вслед за ней на балконе появился батыршинский тесть, которого бравый прапорщик боялся ещё больше, чем Аиду.

– Ой, а я ведь и не заметил, что он пришёл, – горько прошептал музыкант. Дело в том, что на время отсутствия дочери Яков Моисеевич *намеренно* уезжал из дома к своему другу по синагоге Мойше Ароновичу, где они вдвоём оргазмически предавались чтению книги, захватившей их воображение – Моисеевого пятикнижия, или *торы*. Тесть, как и его дочь, вгляделся в пространство Бермудского Учпучмака, но по причине преклонного возраста не увидел практически ничего, поэтому на всякий случай принюхался. Принюхиваться у Якова Моисеевича было чем – его классическому семитскому *шнобелю* мог бы позавидовать любой кавказец. Когда он стоял вот так,

принюхиваясь к жизни, со стороны казалось, что перед нами – типичный образец расхитителя социалистической собственности (б).

Те приметы проступают,
что знакомы, как бином:
нос еврейский распознает,
что и где, когда, почём?

– Нет, тут что-то не так! Я Аиду давно знаю – она просто так лаяться не станет, – решил бескомпромиссный сторож.

– Честно говоря, так и есть, – признался трубач, – перед тем, как ей уехать в санаторий, у нас с ней ещё один скандал произошёл. Представляешь, подошла ко мне и говорит: «Давай, муженёк дорогой, купим домашний кинотеатр» А я ей отвечаю: «Ты только о себе думаешь! Давай лучше купим домашнюю пивную!» Вот с этого всё и началось…

Глава 314. СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ЗНАМЕНОСЦА

К концу службы, до которой оставался всего лишь год, прапорщик Батыршин остался с коллекцией смешных юбилейных медалей, расшатанными нервами, четырьмя детьми и страстным желанием играть в *русскую кочергу*. И если ко всему прочему его жена Аида относилась довольно спокойно, то к последнему резко отрицательно, считая, как в своё время делали в парткомах (б), игру в карты разлагающим фактором, разрушающе действующим на семейные отношения. Хотя, надо признать, что Талгат, будучи семьянином всё-таки неплохим, заботился о жене и детях, и выражал эту заботу тем, что, кроме военного оркестра, где он служил трубачом, ещё подрабатывал в местном театре оперы и балета, а также сторожем на автостоянке рядом с домом. Последняя работа ему нравилась больше других: во-первых, не надо было растрачивать последние лёгкие, чтобы выдудеть, например, вступительную арию Герцога из оперы Джузеппе Карловича Верди «Риголетто», во-вторых, хотя бы на ночь остаться одному, без семьи, и задуматься, правильно ли он поступил, женившись повторно, и, в-третьих, среди безмолвно спящих чужих машин было так хорошо употребить соточку-другую *беленькой,* как бы заряжаясь спиртовой энергией для следующего дня, а, в-четвёртых, под покровом ночи, где-то ближе к утру он иногда вызванивал одну из своих *прежних* подружек, которых так и не смог забыть в семье.

C_2H_5OH –
напиток точно наш!

В минуты такого просветления у военного музыканта рождались необычные мысли: например, о том, что в оркестре партии труб хотя и были значительно беднее партий валторн, но этот недостаток полностью уравновешивался золотистым блеском именно труб, тогда как валторны выглядели несколько матовыми. И всё же семья занимала в его жизни определённое место.

Семейного союза узы
прочней Советского Союза?

Женился второй раз Талгат как-то незаметно для себя: увидел в оркестре приглянувшуюся ему скрипачку, узнал, что зовут её Аида, а папу Яков Моисеевич, потом выпил для храбрости, после чего назначил свидание (Аиде, а не папе), успешно

реализовал его, а потом вдруг очутился за свадебным столом. Незадолго до этого, правда, он с невестой побывал в Отцеябловском загсе, где молодая, смущённо улыбаясь, спросила его, не хочет ли он поменять свою некрасивую фамилию Батыршин на очень красивую Либерзон. На что прапорщик ответил, что против обмена не возражает, но меняться будет только на водку!

На само́й свадьбе Талгат несколько оконфузился. К восьмому тосту, которые он свято не пропускал ни одного, прапорщик неожиданно обратился к своему теперь уже законному тестю Якову Моисеевичу и пробормотал:

– Ну, а теперь, ёперный папа, пожелайте нам большого тухеса!

Еврейские родственники заржали, татарские промолчали, так как находились очень далеко от праздничного стола, а русские недоумённо переглянулись.

– Ну, во-первых, не ту́хеса, а на́хеса, – с достоинством ответил еврейский папа. – А, во-вторых, что вы таки уже смеётесь? Хороший тухес[233] – это тоже нахес[234]!

[233] Задница – ивр.
[234] Счастье – ивр.

Понравилось трубачу и то, что, в отличие от многих еврейских женщин, вышедших из СССР (б), Аида была не толстой, а с вполне приличной фигурой, так что с ней было не стыдно прогуляться в магазинчик Калимы – за воскресным пивком, а если настроение хорошее (у жены, разумеется), то и за *маленькой*.

А стан твой очень-очень гибок –
ну, прямо как система скидок!

На той же свадьбе он узнал, что его любимая с удовольствием курила, и на вопрос, зачем она это делает, ответила, что точно знает, что курение успокаивает. Правда, друг прапорщика Володя Кулемзин позже сообщил ему, что это правда, так как курение действительно успокаивает, но на пять-семь лет раньше некурящих. После свадьбы всё закрутилось значительно быстрее: появились дети и новые заботы. Кстати, до этого события к молодожёну подошла сравнительно молодая и протянула ему какую-то штучку, спросив при этом: «Знаешь, что означают эти две полоски?», на что военный музыкант ответил: «Конечно, знаю, это младший сержант!»

Женившись, бравый прапорщик, стараясь не потерять себя, некоторых привычек своих не оставил: во-первых, не упускал случая приложиться к стопарику, и, во-вторых, пощупать чью-нибудь смачную сиську. На этой почве случались и проколы: например, он однажды по ошибке отдал всю зарплату любовнице, а жене принёс шампанское и цветы, и долго помнил, как обе они были поражены, правда, одна из них счастлива, а другая страшно ругалась, но вот кто из них что делал, с бодуна не припомнилось.

Но час придёт – кондрашка хватит,
посмотрит: кудри в седине,
решит: теперь жены мне хватит!
А хватит ли теперь жене?

Больше всего Аиде в семейной жизни понравился разгул собственных фантазий по части запретов: от банального «не кури на балконе, а то все соседи видят!» до «сколько можно играть в покер со своими противными друзьями, да ещё на улице, на потеху всё тем же соседям!» В общем, всё шло неплохо, хотя случались и скандалы. Один из первых скандалов в молодой семье случился после того, как прапорщик,

пользуясь тайной военной русской наукой, основателем которой был ещё великий Суворов, попытался объяснить новоявленной супруге, почему он приходит домой пьяным со службы:

– Понимаешь, дорогая, это неправда, что я развожу пиво водкой, чтобы оно стало крепче. Наоборот, я развожу водку пивом, чтобы она не была такой крепкой!

Супруга такие доводы во внимание не приняла, и на утро музыкант долго пытался понять, откуда на его лбу появилась вмятина. «Наверное, вчера, когда *устал*», наконец понял он, «в карагач нечаянно тыквой въехал…»

Но жена приводит довод,
мол, зачем, такая жизнь:
пиво с водкой – это повод
для того чтоб развестись!

В семейной жизни странная парочка пользовалась двумя правилами, которые сама же и изобрела. Одно из них, татарское, было несколько странным, но, видимо, хорошо понимаемым супругами. Оно гласило: «Не лезь со своим уставом в чужой монастырь через колючую проволоку!» Второе же явно отдавало еврейским душком и было плодом рачительной хозяйки: «Не изобретай велосипед, если не сможешь его продать!» Причём, супруги Батыршины считали, что этого было вполне достаточно для всех случаев счастливой семейной жизни.

Еврейская женщина русской
отличный урок преподаст:
коня на скаку перекупит,
горящую избу продаст!

Глядя на Аиду, Володя частенько вспоминал историю распада знаменитых битлов, в которой роковую роль сыграла жена Джона Альфредовича Леннона японка Йоко Эйсукеовна Оно. И хотя никакой особенной дурой она себя не проявила и, не смотря ни на что, даже нравилась Володе и как музыкант, и как художник, но главный свой обличительный пафос он направлял именно в её сторону, потому что слишком хорошо знал, что только женщина способна развести в разные стороны мужчин, развеять их дружбу и товарищество, только женщина – и вовсе не тогда, когда вокруг неё возникает соперничество или она плетёт интригу, претендуя на исключительное право собственности на своего избранника, а просто потому, что оказывается *между*, как некий непроводящий элемент меж двух наэлектризованных полюсов.

Мужчина, будь предельно ловким:
не верь ни тёще, ни жене,
не реагируй на уловки –
и будешь счастлив ты вполне!

Пообщавшись несколько лет с женой прапорщика, писатель уже начал подумывать о том, чтобы на очередной день рождения подарить Талгату дверную табличку следующего содержания:

Осторожно, злая @!

Вот и сейчас, наоравшись вволю, старшая прапорщица с достоинством удалилась домой, захватив малолеток.

Глава 315. СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ЗНАМЕНОСЦА (окончание)

– Мать честнáя, ну у тебя и мадама, – посочувствовал татарину Полтавцев.

– Как всё надоело, – пожаловался осиротевший Салихдзяныч. – Каждый день одни придирки: то постель не убрал, то портянками воняет, то посуду не помыл, да и зарабатываю мало!

– А по морде? – сочувственно спросил прямой Серёжа.

– Не-е-е, руки, слава *дедушке*, ещё не распускает!

– Что-то не ладится у тебя, старик, с супругой, – посочувствовал и писатель. – Хочешь, поделюсь одним жизненным наблюдением?

– Давай! – жадно согласился военный.

– Слушай. Весь секрет счастливой семейной жизни в том, что последние и решающие слова в споре должны быть всегда за мужчиной. И эти слова – «Конечно, дорогая!»

Сторож лихорадочно покрывал каракулями новую страничку в записной книжечке «Для му.мы.»

Знает даже бомж про это,
от бухла и счастья нем:
есть в семье свои секреты,
не открытые никем!

– В странное время мы живём, Талгат, – продолжал сочувствовать Кулемзин, – поэтому не возмущайся и не пытайся протестовать. Мужчина чувствует себя человеком разве что только в странах *настоящего* Востока, к которым наша благословенная Саксаулия никак не относится. Но, думаю, что чума цивилизации, с женским, заметьте, лицом, скоро доберётся и туда, и тогда опять воцарится на земле, не к ночи будь помянут, матриархат. Помните, как говорил мой великий кореш Некрасов?

Жаль только, в пору эту прекрасную
жить не придётся ни мне, ни тебе…

– И слава *дедушке*: я, например, не горю желанием дожить до такого маразма!

– Вот это да! Алхамдулиллахи раббил, субханаха ва бала, – обалдело проговорил Талгат слова неизвестной ему ранее арабской молитвы. Но, видя, что его слова не находят отклика в окружающих, тут же перевёл её на более привычный русский:

– ….. … …… ……!

– «И горы долго хранили эхо его изысканной лексики», – подвёл черту инциденту Володя. – Может быть, ты имеешь в виду илаха иллаллаху мухамаддан? Или, что ещё более правильнее, мухамаддан расулуллахи?

– Ага, – признался трубач.

Затем охранник вспомнил ещё одну обиду на Аиду: как-то утром он встретил трубача совсем печального, и узнал, что супруга только что обозвала мужа старым козлом.

– Да плюнь ты, не расстраивайся, – утешил он тогда военного. – Мать честнáя, не такой уж ты и старый!

Правда, иногда, что бывало редко, особенно по утрам, немного отойдя за ночь, Аида подходила к Талгату и виновато говорила:

– Ну, хорошо, я не права! Но ты же можешь, по крайней мере, попросить у меня прощения?!

Начав семейную жизнь, Батыршин испытал ещё одно страшное разочарование: оказалось, что молодая жена совершенно не умеет готовить татарские блюда, и вместо привычных ему кулламы, казылыка и кабартмы, не говоря уже о пироге́ губадия, она готовит какие-то непонятные чолнт, эсык-флейш, а также специфические еврейские пельмени для папы с противным названием креплах! Пришлось забыть и вкус татарского сытного хлеба кыстыбый – вместо него по праздникам на столе теперь стояла традиционная маца. Поразило его и то, что крошки после употребления мацы не стирались со стола тряпочкой, а тщательно собирались весь год, и потом из них пекли еврейские оладьи мацелаткес. Узнал он, наконец, и значение давно знакомого еврейского слова *цимес* – им оказалось сладкое овощное рагу, основой которого была морковь, тушённая в большом количестве жира.

Всё, что мне жена сварила,
нужно тотчас съесть до дна,
а иначе в Чикатило
превращается она!

Справедливости ради надо заметить, что практически всю еду Салихдзяныч, мусульманин от рождения, называл русским словом *закуска,* а, у*потребив*, не гнушался даже салом, цинично игнорируя все предписания корана, а именно пятой суры Аль-Маида, или Трапеза. Правда, по праздникам Аида поднатуживалась, и по рецептам, доставшимся ей от мамы, пекла *бурекасы* – еврейские печёные пирожки с картошкой и творогом. Талгат молча давился незнакомым противным словом, мечтая о стопочке или, на худой конец, о бутылочке пивка. Добавлял переживаний и Яков Моисеевич. После похода в синагогу тесть садился и весь вечер вспоминал, как ещё в довоенном детстве, в Киеве, его бабушка Хая делала пасхальный куриный бульон с *кнейдлах* из мацы, а заедали всё это традиционными треугольниками *гоменташ* с маком, и как их русские соседи Вася с Катей очень любили всякие праздники, и даже в еврейский пурим нареза́лись в дымину, исполняя при этом исключительно русские народные песни типа «Ой, мороз, мороз»

Иногда во время игры Талгат внезапно останавливался, как бы замирая. Если бы сторонний наблюдатель проанализировал эту ситуацию, то он наверняка бы заметил, как в такие моменты на бравого прапорщика пристально смотрит с балкона его непримиримая с *русской кочергой* супруга. Володя тоже однажды заметил такой сеанс пристального женского зомбирования и попытался подвести под него научную базу:

– Не пугайся, старик, это всего лишь сверхвысокочастотное ионизированное излучение. Такие приборы раньше только в лабораториях КГБ (б) разрабатывали, не догадались, дураки, что всё решить можно куда проще! Эти пристальные взгляды как-то необъяснимо воздействуют на центральную нервную систему мужчин и вызывают заскоки в сознании, а иногда даже и полную стерилизацию нашей инстинктивной сферы.

Потом знаток немного подумал, и для того, чтобы полностью прояснить картину, добавил:

– Такие волны моделируются в частотах альфа-ритма мозга.

– Ёкарные волны, и что же делать? – жалобно осведомился военный.

– Не обращать внимания, – посоветовал Кулемзин. – И стараться перебивать альфа-ритмы своими бета-излучениями.

– А как это?

– Яйчики-бабайчики, да пива больше пить, в нём как раз такой беты полным-полно!

Странно, но шутливый совет писателя помог страдальцу. Когда он подносил к глóтке бутылочку, аидины альфа-ритмы, казалось бы, отражаются от стекла и уходят обратно – на балкон. Также с похмелья Талгат старался не встречаться взглядом с тестем Яковом Моисеевичем, который, как правило, долго молчал, но потом всё же говорил что-то вроде:

– И зачем ты ищешь *цурос*[235] на свою голову?

[235] ***Проблемы – идиш***

Ох, промазали амуры-с,
не попали внутрь меня:
вместо цимес – только цурос,
вместо счастья – западня…

Сразу после свадьбы папа Аиды начал осторожно интересоваться у татарского зятя, не умеет ли тот, кроме своей басурманской дудки, дудеть еще и в *шофáр*[236]. И узнав, что нет, очень расстроился, потому что этот музыкальный инструмент сопровождает евреев практически по всей их жизни, а в Новый год или Судный день так и вообще незаменим!

[236] ***Специальный рог для богослужений – ивр.***

И ещё несколько слов о новом для Талгата родственнике. Однажды Володя решил пошутить и научить прапорщика готовить *сосиски в тесте*, после чего продиктовал ему вот такой рецепт: отварить сосиски и дать их съесть тестю. Салихдзяныч, чтобы установить лучшие отношения, так и сделал, но Яков Моисеевич кушать сосиски отказался, а вместо этого сделал международный жест, покрутив пальцем у виска, после чего пробормотал что-то вроде «итлэхэ мишпохэ хот зих ир гесрохэ», что полиглот Кулемзин перевёл как эквивалент «в семье не без урода»

Порою в мозгах происходит затор,
но тут возникает идея:
иврит я бы выучил только за то,
что идиш гораздо сложнее!

Глава 316. ЖЕНЩИНЫ И ДЕНЬГИ

Мужчины относятся к деньгам по-разному: одни их любят, другие презирают, третьи к ним равнодушны. А вот женщины деньги ненавидят! Иначе чем иным можно объяснить тот факт, как яростно женщина избавляется от денег, как она их стремительно тратит, просто-таки швыряет направо и налево, не успокаиваясь до той минуты, пока в её кошельке не останется ни гроша? И только после этого женщина успокаивается и задумывается: где бы взять новые деньги? Но не радуйтесь, новые деньги нужны ей не для того, чтобы сохранить. Нет, новые деньги нужны ей лишь для того, чтобы с уже описанной ненавистью их растратить заново.

Когда мужчина отправляется покупать, скажем, ботинки, то он возвращается именно с ботинками, если они есть, или с деньгами, если ботинок нет. А женщина, отправившись за зубной щёткой, может вернуться с платьем, креслом и пылесосом, или вообще с чем угодно, хотя и зубная щётка в тот день в продаже имелась.

Женщина может быть математиком или астрономом, готовым подсчитать все звёзды на небе, но при этом она не в состоянии сосчитать деньги в своём кошельке. Женщина, как правило, трижды пересчитывает купюры, и каждый раз получает новую сумму. Покупка для женщины – не простой акт товарно-денежных отношений, а сложный психофизический феномен. Покупка – это способ релаксации, надёжный антидепрессант. Если у неё на душе неспокойно, нет лучшего средства, чем пройтись по магазинам. Правда, какая связь между душой и магазинами – этого мужчине не понять никогда, это может постичь только женщина. Подытоживая сказанное, по-писательски добавлю лишь одно: если бы мудрый Лев Толстой всю жизнь прожил не только с Софьей Андреевной, но и ещё с парочкой таких же, он бы непременно превратился бы в Салтыкова-Щедрина!

Хоть она всё объяснила,
тем его отправив *на*,
но понять мужик не в силах:
где же деньги?! Где жена?!

Глава 317. ЧТО ГОВОРИЛИ МУДРЕЦЫ

Ещё 2000 лет назад древний римлянин Квинт Максимович Тертуллиан поучал зелёную молодёжь: «Подруги легкомысленной болтовнёй смущают стыдливость наших жён, от суровости их отвлекают к лености, склоняют к праздному любопытству и распутству» Чем же лучше для Аиды Яковлевны был непутёвый Кулемзин, который, кроме того, что сам неизвестно что делал по жизни, так ещё и сбивал в свою волчью стаю непутёвых саксаульцев второго микрорайона? А вы говорите, подруги!

По вопросам супружеской жизни очень любили высказываться разные мудрецы. А так как большинство мудрецов – мужчины, то и взгляд их, соответственно, был мужской. Наверное, поэтому они сравнивали супружество с физическими недостатками и даже болезнями. Вот смотрите: «Брак – это лихорадка наоборот: начинается жаром, а кончается холодом», делится жизненным опытом Гиппократ Гераклидович из рода Асклепиев «В любви теряют рассудок, в браке замечают эту потерю», признаётся немецкий поэт Моисей Готлибович Сафир. «Счастливое супружество – только между слепой женой и глухим мужчиной», утверждает умный и несчастный француз Мишель Пьерович Монтень. Сколько же ему пришлось пережить, бедолаге, чтобы такое вообще пришло в голову! Но больше всех женщин обидел, конечно, китайский мудрец Конфуций Шулянхэевич из рода Кун. Знаете, что сказал этот узкоглазый дядька? «У обыкновенной женщины ума столько, сколько у курицы, а у необыкновенной – сколько у двух куриц»!

И подобных высказываний можно привести ещё сколько угодно – и не только каких-то заморских мудрецов, а наших доморощенных мужиков, от которых их друзья-собутыльники за стопочкой-другой и узнаю́т, что все жёны – кобры, швабры, мочалки, ну и конечно же, стервы.

Знаем из литературы:
часто мудрость – ерунда.
Мудрецы мудры для мудрых,
но для женщин – никогда!
Впал мужик давно в немилость –
не поможет и кровать! –
что бы в мире не случилось,
мужика им не понять!

Глава 318. И ВНОВЬ СОВЕТЫ БЫВАЛОГО

Деревья багровели и лимонились, хотя на некоторых всё чётче выделялась лиственная резьба свекольного колорита. К игрокам подошли дочери Талгата – чистенькие и розовенькие, как волнушки после дождя.

– Ёкарный бабай, купи шоколадку, – произнесли они фразу, которую до них произносили на разных языках несколько миллиардов детей со всего света. Батыршин молча сходил в магазин и принёс девочкам шоколадку «Алёнка», обложка которого с трудом напоминала известную картинку Васнецова 1881 года выпуска. Впервые эти шоколадки начали производить ещё при Сталине, и вот уже больше полувека несколько поколений сладкоежек любовались на убитую горем сестрицу Алёнушку, сидящую на берегу ручья и оплакивающую безвременную кончину своего братца-козла.

Между тем от детей разговор постепенно перешёл на жён, как бы продолжая тему, начатую ещё в первой части нашего правдивого повествования.

– Вообще, Валера, ты запомни, – поучал опытный в жизни Володя младшего товарища, – выяснить что-нибудь у женщины, если она этого не захочет, невозможно в любом возрасте.

– Мать честна́я, как это? – заинтересовался охранник, тут же достав засаленный блокнотик.

– А так, – пояснил писатель. – Девичья память у них плавно переходит в женские секреты, а те, в свою очередь, в старческий склероз!

Полтавцев открыл «Для му.мы.» и быстро набросал мысль, чтобы не забыть: «Память – это не секрет, а склероз!»

– Никогда больше не буду жениться! – горячо заверил собравшихся Муравлёв, для убедительности даже приложив руку к тому месту груди, где было его сердце.

– И правильно, – поддержал друга Володя. – Самому́ до смерти надоели эти свадьбы проклятые, оливье вечный, *горько!* из каждого угла. А кто-нибудь уже мордой в салате. И хорошо ещё, если не жених…

– И я тоже не буду жениться, – эхом заверил прапорщик. – Третий раз…

Все дружно посмеялись.

– Не успеешь войти, – пожаловался Талгат, – а она уже включит свою пилораму, и пошла, и пошла, и пошла…

Художник с сочувствием посмотрел на музыканта. Взгляд его был полон творческого понимания. Он тоже начал вспоминать свою любимую, между тем как военного заклинило. Он сидел, горестно раскачиваясь, и всё бормотал:

– …и пошла, и пошла…

Причём, произнося эту заевшую фразу, он почему-то вспоминал не Аиду, а проводницу Иру из соседнего подъезда.

Пока жена плескалась в ванне
(чтоб лучше с вечера уснуть),
муж по традиции недавней
решил к соседке заглянуть.
Звонок условный сиротливо
в пустой квартире прозвенел –
разочарованный мужчина
вернулся в комнату и сел.
Как раз из ванны в это время,
как шамаханская княжна,
забот домашних сбросив бремя,

вошла законная жена:
в манящем лёгкостью халате,
свежа, упруга, молода,
красива дьявольски и, кстати,
чиста, как горная вода.
Промолвил муж, вздыхая слабо
при виде собственной жены:
– Была бы ты чужою бабой,
тебе бы не было цены…

Альбионыч посмотрел на обоих страдальцев. И Талгат, и Валера сидели печальные, и он решил рассказать им поучительную историю, чтобы немного взбодрить.

– Решил один мужик жениться, – поведал он. – А было у него сразу трое возлюбленных, и дал он им по 5000 долларов, чтобы выяснить, как они будут ими распоряжаться. Первая накупила дорогой одежды и косметики, сходила в салон красоты и сказала: «Я очень люблю тебя и хочу, чтобы все знали, что у тебя самая красивая жена в городе» Вторая истратила все деньги на потенциального мужа, купив ему новый костюм, рубашки, инструменты для автомобиля, и сказала при этом: «Ты – самое главное для меня, поэтому я истратила на тебя все деньги…» Третья пустила деньги в оборот и заработала ещё 5000 долларов, а потом вернула всё мужчине и сказала: «Я сделала это, чтобы ты знал, как я умна и нерасточительна…» «Яйчики-бабайчики», подумал мужик и, наконец, женился. На той, у которой сиськи больше!

Для Полтавцева сегодняшний день был днём откровений – он строчил в блокнотике «Для му.мы.» не переставая. Последняя строка его была посвящена володиной истории: «Главное это сиськи, а не деньги!» Причём, в этой фразе он чувствовал горькую правду, потому что любил свою подругу Зулю именно за выдающийся бюст, так как ни денег, ни ума у неё не было.

Глава 319. И ВНОВЬ СОВЕТЫ БЫВАЛОГО (окончание)

– Серёжа, а чего ты на Зуле не женишься? – последовал вопрос в его сторону.

– Да я хотел, она мне сразу понравилась: и симпатичная, и сиськи большие. Вот только глупая очень!

– Да, старик, ты прав, – поддержал товарища писатель. – Тогда лучше не надо. Тебе такая баба нужна, чтобы ума на двоих хватило…

Света, Таня, Мила, Рая, –
всё равно, какой медок:
мне жена нужна такая,
чтоб плевал я в потолок!

Володя даже вначале гадал, сколько же лет подруге Полтавцева, пока сам сторож не развеял его сомнения:

– Да Зуля уже лет пять как ягодка опять.

Рядом с игроками прошёл какой-то незнакомый цыган, ведущий под уздцы явно краденую лошадь. Животное шло обречённо, словно понимало, что прежних хозяев уже не увидит никогда. Картина была странная, ибо и в само́м Отцеябловске, и во всей Саксаулии местные жители уже лет как семьдесят пересели с лошадок на автотранспорт. Володя поглядел вослед цыгану с его добычей и грустно произнёс:

– А знаете ли вы, мои маленькие друзья, что лошадь – это единственное животное, в которое можно забивать гвозди?

– А мне мою так жалко иногда бывает, – признался художник. – Вот жила она себе, жила без меня, и горя не знала, а потом раз – и замуж вышла! И я-то вроде бы парень хоть куда, а вот никак!

– Старик, – усмехнулся писатель, – ты иногда бываешь наивен, как пэтэушница с первым размером лифчика. Пойми, что порой так важно не просто побороть себя, а уложить на обе лопатки! И желательно на диван…

Художник вспомнил свой сиротский диван и загрустил ещё больше.

– Думаю, что у тебя врождённый комплекс Экзюпери, – диагностировал Володя.

– Кто это? – поразился неведомой фамилии охранник.

– Да был такой Антуан Мари Жан-Батист Роже Жан-Маркович. Кстати, плохо кончил.

– Так что с комплексом? – застенчиво спросил Полтавцев, тут же нацелив химический карандашик в знаменитый блокнотик «Для му.мы.»

– Запиши, сынок: «Мы всегда в ответе за тех, кого вовремя не послали!»

Покуда всех нас не накрыла
эмансипации волна,
пожалуй, врежу бабе в рыло,
чтоб место помнила она!

Тема была суровой, и курящие игроки решили развеяться табачком. Сторож запустил пальцы в валявшуюся на покерном столике мятую пачку «Памира» и, покопавшись, вытащил из неё кривоватую и отвратительную даже на вид сигарету. Сделанная чёрной краской надпись на её боку была смазана, так что сигарета сильно напоминала корявый берёзовый ствол. Табак сыпался с обоих концов, и охранник аккуратно закрутил бумагу с одной стороны жгутиком, а с другой оборвал и, утрамбовав оставшийся в сигарете табак головкой спички, осторожно вставил получившуюся конструкцию в губы. Особенно противным было и то, что спичечный коробок тоже был чёрным и замасленным. Трескучая, как охваченные пожаром торфяники, скверно набитая сигарета внезапно стала источать какую-то уж совсем миазматическую вонь. Вслед за ним закурил и военный трубач. Занервничав, он никак не мог успокоиться, и садил сигареты одну за другой, как какой-нибудь дорвавшийся до курева *урка*, отмотавший десять суток в *шизо.* При этом ему по-прежнему вспоминалась любимая, которая ругала его за вредную привычку, так как боялась рано овдоветь.

Володя неодобрительно поглядел на распалившееся в излишнем рвении солнце, в конце августа сдуру решившее шпарить по какой-то африканской программе. Ароматные клубы сизого табачного дыма кучковались под карагачами, делая весь- ма жалкую попытку смахивать на настоящие облака.

Говорит скоту скотина
(впрочем, что здесь говорить!):
«Мы – друзья не никотина,
а желания курить…»

– Сейчас что жалеть? – глядя на Муравлёва, в упор спросил Володя. – Ты, старик, просто забыл, а, скорее всего, и не знал никогда первой заповеди холостяка.

– Какой? – жадно произнёс художник.

– Значит, не знал никогда, – убедился писатель. – Серёжа, запиши: «Лучше молоко из холодильника, чем корова на кухне!»

На балконе в пьяном припадке бешено, словно его щекотали русалки, хохотал Глав-Бух. При этом он распахнул рот так широко, что тот стал похож на тёмную пещеру, окаймлённую жёлтыми и неровными сталактитами. Рядом с ним стояла Галлюцинация, уже с утра бывшая какой-то жёлтой с фиолетовыми прожилками, и выглядевшая так, как будто последние годы провела в инфекционной больнице, а выжила лишь потому, что *дедушка* забыл *прибрать* её. Кривлялся совершенно пьяный Глав-Бух как-то особенно деятельно, ибо, как Альберт Германович Эйнштейн на известной фотографии, показывал язык всему человечеству. Нечистый óрган был похож на язык удавленника из-за странного тёмно-синего цвета – точь-в-точь как у чау-чау. Дворовые дети скакали по периметру Бермудского Учпучмака со скоростью разогретых молекул. Жизнь, не смотря на отдельные недочёты, продолжалась.

Не могу постичь шараду,
и ответа не найти:
«Жизнь всегда идёт, как надо,
только с ней не по пути!»

– Володя, расскажи какую-нибудь историю, – попросил охранник и, на всякий случай, приготовил знаменитую книжечку «Для му.мы.»

– Легко, – ответил писатель. – Слушайте:

Глава 320. ИСТОРИЯ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Однажды Чжуан-цзы[237] приснилось, что он бабочка, после чего философ загрустил. Утром, увидев его, друзья спросили: «Что случилось?» И Чжуан-цзы ответил им: «Ночью мне приснилось, что я стал бабочкой» Рассмеялись друзья и попеняли ему: «Но ведь никто не расстраивается из-за снов. Ты проснулся, и сон исчез…»

И ответил им мудрец: «В том-то всё и дело. Если Чжуан-цзы может стать бабочкой во сне, то и бабочке может присниться, что она стала Чжуан-цзы»…

[237] Знаменитый китайский философ предположительно IV века до н. э. эпохи Сражающихся царств, входящий в число учёных Ста Школ. Кстати, перечислить эти школы до сих пор не может никто – прим. автора

Полтавцев лихорадочно каракулировал в книжечке: «Китаец Незнаюкакзовут совсем с ума сошёл: подумал, что он бабочка, а народ над ним смеялся. Во сне…»

Словно бытия частичку,
натянул я шлемофон –
и вознёсся, словно птичка!
Жаль, что это только сон…
Но не библия, не веды
и не тора в ветчине –
мне китаец тут поведал,
как прожить. Но не во сне…

Глава 321. ПИФАГОРОВЫ ШТАНЫ

Между тем невинная спервоначалу пьянка набирала обороты. Военный любовно посмотрел на грязный серёжин стакан, закрыл глаза и медленно начал втягивать в себя напиток, продляя наслаждение от процесса.

– Между прочим, – заметил Кулемзин, – пьёшь ты, Талгат, неправильно.

Прапорщик чуть не подавился глотком.

– Йодистое пиво, как это?

– Яйчики-бабайчики, так пить нельзя, – продолжил мысль эрудит. – Профессионалы так не пьют!

– А как пьют профессионалы? – с тонкой змеиной улыбкой поинтересовался педагог. – Может, подскажешь, как именно?

– Напрасно ты, Нуртай, лыбишься, – по-простонародному парировал Альбиоыч. – Знаешь ли ты, что величайший эллинский мистик некто Пифагор Мнесархович Самосский однажды сказал так: «Совершая возлияния, нельзя закрывать глаза, ибо недостойно стыдиться того, что прекрасно!»

– Мать моя партия, это он сам тебе сказал? – иронично спедалировал Курманбаев.

– Естественно, – подтвердил Володя. – Я, помнится, ещё тогда заметил ему, что именно эта фраза, а не драные пифагоровы штаны, сохранится в веках. Помню, он тогда как-то странно посмотрел на меня, потому что до открытия этих геометричес-ких штанов ему оставалось ещё четыре года!

– А что это за штаны такие? – полюбопытствовал тянущийся к знаниям охранник.

– О, это знает каждый закройщик. Берёшь геометрический Учпучмак и присобачиваешь к нему со всех сторон квадратики – по размеру Пифагора. А потом надеваешь – и бегом за пивом! Ты, Серёжа, на всякий случай запомни деликатесную формулу этой научной штуки:

Пифагоровы штаны
во все стороны равны!
Кто же вовсе безголов,
тот пусть ходит без штанов!

– Итак, други мои, – завершил лекцию марсианин, – живите согласно мудрому указанию моего друга Мнесархыча – смотри́те на прекрасное широко раскрытыми глазами! Например, на меня…

Глава 322. О КИНИКАХ

– Ты стал таким циником, Володя! – попенял педагог.

– Да я всегда им был, – признался писатель. – Знаешь ли ты, дитя Маркса, что циники отличаются от прочих людей тем, что называют вещи своими именами? Первыми на Земле начали врать церковники, за ними, убедившись в эффективности вранья, политики, а уж за ними потянулись и остальные: мол, не соврёшь – не проживёшь! Помнишь эту поганую поговорочку?

Курманбаев поджал гузку, и уже был не рад начавшемуся спору. Но Альбиоыча несло:

– А ведь киники, как сначала назывались циники, появились очень-очень давно – за 600 лет до того нуля, который мы привыкли называть *нашей эрой*. И были они, как бы тебе этого не хотелось, философами.

– А кто у них главшпан был, ну, в смысле вождь? – заинтересованно спросил Серёжа, лихорадочно теребя котомку в поисках блокнотика «Для му. мы.»

– Да некий Антисфен Горгиевич, кстати, ученик Сократа Софронискевича.

– А Сопроныч этот чей ученик был? – не унимался тянущийся к знаниям Афанасьич.

– Ничей, он сам по себе умным был – как я.

– Мать честна́я, а чего они делали-то?

– Да ничего особенного – жили, пили, ели, трепались меж собой обо всём, что в голову приходило – как наши саксаульские акыны, но, главное, – презирали условности и искусственности, потому и были свободными от обладания лишним и бесполезным, как, например, наш сопокерник Нуртай.

– А чего это у меня бесполезного? – болезненно отреагировал Мусаич.

– Яйчики-бабайчики, да 55 томов сочинений твоего патрона – проходимца Ульянова, например!

Здесь педагог понял, что понят не будет, и замкнулся в очередной раз.

– Какие интересные люди! – удивился Полтавцев и лихорадочно застрочил в блокнотике. Военный, до этого не принимавший участия в дискуссии, наклонился к охраннику и прочёл через плечо корявые строчки: «Не делай ни хрена, только ешь и спи, и будешь таким же умным, как Кулемзин и его друг Сопроныч!»

И пришло прозренье вдруг,
разгадав шараду:
каждый циник – это друг,
говорящий правду!

Глава 323. О ЗНАКАХ ПРЕПИНАНИЯ

Карты Нуртаю на этот раз пришли неважные, и он решил использовать старый, но верный приём, который до этого не давал осечек:

– Я другой такой страны не знаю,
где так вольно дышит человек! –

немузыкально заорал он – с расчётом на прапорщика, у которого, как он уже успел заметить, на руках оказался покер. Расчёт был правильным – трубач тут же сорвался с места и пару минут корчился в спазмах у кустов. Потом вернулся, взял карты, но видел их уже плохо, поэтому неожиданно пошёл с покера, заявив:

– *За простую*!

Володе давно не нравились подобные финты, и он решил научить Талгата, как противиться такому безобразию.

– Прежде чем блевать, – объяснил он Батыршину, – прислушайся, о чём поёт твой враг. Но не только! Главное здесь – правильно расставить знаки препинания. И тогда смысл песни может измениться на полностью обратный. Вот смотри:

Я – другой! Такой страны не знаю!
Где так вольно дышит человек?

– Вот-вот, – принял участие в разговоре Афанасьич. – Мать честна́я, я тоже эти препинаки не люблю: как трезвый, так всё видишь под ногами, а как, бывалоча, нажрёшься, так эти препинаки на каждом шагу – до дома не доберёшься!

– Поэтому, – продолжил писатель, – всегда вспоминай школьные уроки русского языка: мысленно начерти в воздухе волшебную фразу

Гасить нельзя жалеть!

и правильно поставь запятую. Яйчики-бабайчики, обязательно правильно!

На этом урок вынужденного русского языка закончился. А вскоре закончилась и очередная партия, которая плавно перешла в употребление.

Для духовного для роста
буду умным, как таджик,
хоть и знать его не просто –
этот русский праязык!

Глава 324. ПОЛТАВЦЕВСКАЯ БИТВА

«Если бы одни из нас умирали, а другие нет, умирать было бы крайне досадно», как-то заметил Жан Жанович де Лабрюйер. Володя к этому высказыванию умного француза, жившего во времена Людовика Людовиковича XIV и бывшего воспитателем внука принца Конде, всегда добавлял свою мысль, а заключалась она в том, что неизбежность смерти смягчается тем, что мы не знаем, когда она нас настигнет.

– В этой неопределённости, – говорил он, – есть нечто от бесконечности, и плюс то, что мы называем вечностью, – хотя русско-марсианский философ и понимал, что вряд ли философ французский согласился бы с этим постулатом. Ему, в его семнадцатом веке, казалось, вероятно, что вечность и бесконечность – понятия божественные, и потому разумом не охватываемые, а коль так, то надо принять сие как благодать *дедушкину* и радоваться, что не знаешь, когда умрёшь.

– Нам же, выросшим в двадцатом веке и получившим высшее материалистическое образование, понятия вечности и бесконечности были понятны и близки, и мы имеем с ними дело практически ежедневно и ничего данного *свыше*, *от дедушки* в них не видим.

– Мать честнáя, как это? – поинтересовался Сережа, который не понял из сказанного ни одного слова.

– Ну, например, привоз пива в магазин Калимы бесконечен. Согласен с этим постулатом?

Охранник обрадовано кивнул головой, хотя и постеснялся спросить, что такое постулат. «Наверное, колбаса такая на закуску, типа сервелат», решил он.

– А пока есть пиво, и мы вечны, – завершил мысль Володя.

С этим, конечно, можно было поспорить, но уж так замечательно притягательно была оформлена мысль, что спорить сразу расхотелось, а, наоборот, захотелось ещё пивка.

– Ну что, канем в вечность? – предложил учёный охранник.

Володя оценил предложение, без сожаления расставшись с купюрой.

Просто быть нам счастливым –
мы не будем немы:
«Пусть всегда будет пиво,
пусть всегда будем мы!»

Дальнейшая битва так и прошла под знаком Полтавцева – во-первых, он доставил на поле боя стратегическое сырьё, во-вторых, именно под это сырьё приятно протекала очередная партия, и, в-третьих, протекала она почему-то без всякого преимущества охранника. Например, покер для писателя был сейчас как пулемёт *максим*, за которым так хотелось, закрыв глаза, укрыться от вражеских пуль. Он даже представил его вживе – с ребристым кожухом, тупым рыльцем ствола, деревянными ручками, гашеткой, похожей на чайную ложку, и матерчатыми лентами с патронами.

«По-моему, пора бы этих ребят за нервные окончания подёргать», по-думал Володя. Но жалость к бедному умом сторожу иногда перевешивала желание выигрыша.

– Володя, подскажи! – зашипел сбоку охранник. – Скорее дай какую-нибудь наводку!

– Сразу видно, что ты мало сидел в этой жизни, – тихо отозвался писатель. – Сидел бы больше, знал бы *феню* лучше. Яйчики-бабайчики, разве можно говорить *на водку*? Надо наколку!

«Кстати, что-то давно я в фене не тренировался», подумал Володя. «Дай-ка попробую. Итак: не нагнать ли жути на пестрилок, чтоб соплями не булькали?» Подобные экзерсисы Кулемзин называл превентивной деморализацией противника. Вот уже четвёртый роббер подряд Володя с удивлением смотрел на экс-текстильщика. Не прошло и пяти минут, как тот сделал абсолютно ту же ошибку, и через несколько минут ещё точно такую же. Это было настолько нереально, что просто не лезло ни в какие ворота логических обоснований. «Увы», подумал писатель, «по-моему, он просто безнадёжней собаки Павлова. У тех за сутки вырабатывается хотя бы один условный рефлекс!» Серёжа сидел чуть не плача, но в душе гуру не было к нему ни жалости, ни даже элементарного сочувствия.

Знают наши дети даже
(у которых папа пил!),
что за глупость платит каждый,
кто не вовремя сглупил…

– Не повезло, – жалобно затянул свою ежедневную песню Полтавцев. Здесь Кулемзин всё же решил немного поддержать неудачника и успокоил его:

– Серёжа, не страдай, ведь это началось гораздо раньше. Первый раз не повезло ещё твоим родителям, пропустившим важный психологический момент для аборта. Второй раз не повезло уже тебе, когда ты встретил меня, безуспешно пытающегося научить тебя играть в покер. Ну и так далее – вплоть до сегодняшнего момента. Знаешь, почему у тебя сейчас ничего не получилось?

– Да просто не повезло, – вызывающе ответил охранник.

– Нет, старик. Просто ты нарушил основной закон менеджмента. А гласит он вот что: если хочешь управлять будущим, владей информацией. Ты же заметил, как перед роббером Талгат, будучи не в себе после нескольких бутылочек «Маршала», уронил карту, и все увидели, в том числе и ты, что это был старший джокер. И если у тебя на руках был покер, и тем более твой ход был первым, ты был просто обязан сказать *по джокерам*, и выбить его.

– И что?

– Во-первых, наш бравый трубач успел взять первую взятку, которую он, кстати, единственной и заказал. Во-вторых, я, уже обладая полученной информацией, скинул одного своего простого джокера, сказав при этом *по покерам* и, тем самым, выбив его у тебя, и, в третьих, Нуртай, увидев, что джокеров больше нет, смело пошёл своим козырным тузом. Вот потому-то ты и остался без одной взятки…

Что мешает тебе?
Расскажи нам,
бездарный танцор!
Неужели только,
как ты и предпролагал,
маленькая зарплата?

Глава 325. ПОЛТАВЦЕВСКАЯ БИТВА (продолжение)

Афанасьич горько вздохнул, отложил карты в сторону и принялся ковыряться в ушах, с наслаждением освобождая свои лопухи от комочков противной жёлтой серы. Ещё противнее эта картина становилась оттого, что из ушей торчали кустики седых волос, словно мох из расщелины скалы.

– Не огорчайся, старик, – попросил его Володя. – Всё это неприятно, но поправимо. И, кстати, по шкале жутких стрессогенных факторов Холмса-Рэя такой проигрыш всего в три раза превышает напряжение, вызванное необходимостью организовать празднование пролетарского праздника 1 Мая!

Педагог недовольно поморщился – он не любил, когда Альбионыч слишком вольно обращался с великими, но, увы, несколько подзабытыми в последнее время праздниками.

– Мать моя партия, странный ты какой-то, Володя, – вслух осудил он зарвавшегося. – Совершенно не учитываешь моих интересов.

– Ты знаешь, старик, наверное, у меня напрочь отсутствуют коллективистские установки. Я не колхозник (б), а, скорее, крестьянин-единоличник…

Полтавцев тем временем открыл свою заветную котомку и вынул оттуда кусок позеленевшей пиццы, до поры до времени припрятанный от товарищей, жадно откусил от неё кусок, при этом прихлебнув из бутылочки. На его лице тотчас возникло то же выражение, что было у Карабаса-Барабаса, когда он узнал, где находится заветная дверца. Кулемзин поморщился.

– Запивать пиццу пивом – это надо вообще ничего не понимать, – произнёс он. – Серёжа, разве ты не знаешь, что для пиццы специально существует кьянти – замечательное красное вино?!

– Царица лесная, да я и от «жигулёвского» буду пьянти, – резонно ответил охранник.

Дать тому бы коромыслом,
кто нам портит бытиё:
пиццу надо есть со смыслом –
с колбасой поверх неё!

Не смотря на проникающую в мозги жару, битва продолжалась – роббер следовал за роббером, ход за ходом, партия за партией. Вот Володя быстро оглядел пришедшие карты и тут же составил план, позволяющий максимально перекрыть, как выражаются армейские стратеги, *уровень гарантированного уничтожения.* И буквально через несколько минут понял, что нисколько не ошибся. Когда он режиссировал эту сцену, ему казалось, что Талгат окажется в безнадёжном положении – как цирковая собачка на арене в свете софитов, или как самолёт в ночном небе в перекрестье зенитных прожекторов. Но прапорщик, хотя и человек военный, был сугубо мирным в мирное время, да к тому же, видимо, очень плохо изучал зенитную практику в музыкальном прапорщицком училище. Он не подумал о том, что от одного луча самолёт ещё может уйти, но, попав в *сдвоенный* свет, будет просто обречён. Надо ли говорить, что вторым роковым лучом стал крайне глупый ход Полтавцева, который вместо традиционного *по джокерам!* страшно выкрикнул *по покерам!*

– Серёжа! – заорал Батыршин. – Йоговский гвоздик, ты вообще с головой дружишь?

– Конечно! Мы даже спим вместе!

– Старик, – решил вставить свои три копейки Курманбаев, – но ведь ты пропустил разумный компромисс, или, выражаясь по-горбачёвски, консенсус.

– Ты меня не путай, – дал суровую отповедь охранник. – Не знаю никакого сиськансиса. Буду играть мизе́р!

– Талгат, может, тебе просвистеть пьесу «Утешение» некоего Ференца Георг-Адамовича Листа? – предложил Володя.

– Чего свистеть, – хмуро отозвался Батыршин. – И так карт хороших нет…

«Ты какой-то шизофреник!»,
дурень умному свистит.
«Не свисти – не будет денег!»,
умный дурню говорит…

– Может, тебя интуиция подвела? – с радостной дрожью в голосе предположил Нуртай. При этом глаза у педагога были невинными, как у школьницы-третьеклассницы, случайно замешанной в уголовном деле с десятком серийных убийств. «Кокетничает, как Киркоров! Какое эпическое существо», подумал Володя, а вслух поддержал военного:

– Не слушай его. Это у педагогов интуиция, а у настоящих покеристов нюх должен быть, как у старого Рекса!

При этом он посмотрел на муки товарища и предложил:

– Старик, а, может, тебя просто ритуально зарезать? Представляешь, вытащить твою печень и передать её как уникальный экспонат во Всемирный Институт Цирроза, если, конечно, такой существует в данной Вселенной!

Заданный в лоб вопрос заставил музыканта измениться в лице: сейчас оно пошло пятнами и стало напоминать заснеженную площадку для выгула собак. Здесь пришло время удивиться второй раз: Афанасьич ещё раз открыл котомку и вытащил банку кильки в томате, которая, смирно лёжа в *хурджине*, до поры до времени запахов не издавала, и потому одорологически опознана не была. Заметив лежащую неподалёку любимую кошечку, Кулемзин со словами «Слишком жирно!» тут же отобрал у сторожа банку, открыл её и высыпал под ноги кильку, после чего Несси, заурчав, как всеядное чудовище, начала с хрустом перемалывать хищными челюстями изящные большеглазые головки рыбок, в скорби своей напоминающие головки уже оттанцевавших *своё* пятидесятилетних балерин, – только немного ржавых

Отучайтесь мыслить узко,
чтоб не вырвали яйцо:
килька – русская закуска,
хоть не русское словцо…

Между тем, события, как не раз отмечал автор нашего правдивого повествования, развивались стремительно, напоминая деление и размножение микроорганизмов. Увидев пришедший роббер, Полтавцев отложил карты в сторону и вполне квалифицированно перекрестился, правда, не в ту сторону, как это обычно делают большинство *заблудившихся* в истине, после чего сделал нелепый ход – пошёл с младшего джокера, выкрикнув *по козырям!*

– Яйчики-бабайчики, Серёжа, зачем ты так походил? – укоризненно спросил его писатель. Охранник тут же стал размахивать руками, как мельница при приближении Алонсо Кихано, более известного стараниями Мигеля Родриговича Сервантеса как Дон Кихот. Оправдания его были при этом, как ему казалось, очень убедительными:

– Посодействовать хотел!

– Чему? – горько вопросил Альбионыч. – Кому?

– Буду действовать как ликвидатор, – объявил Нуртай, дождался, пока Талгат не скинул козырного туза, после чего решил забрал взятку тоже джокером, но старшим.

– А ликвидационный óрган у тебя уже вырос? – поинтересовался Володя и, не дав опомниться, объяснил:

– А что, если я буду ликвидатором ликвидаторов? Смотри, не заликвидируйся совсем. Помни о том, что если ликвидатор ликвидаторов не самоликвидируется, то его ликвидируют в аварийно-ликвидном порядке!

– Мать моя партия! – потрясённо выдавил педагог.

– Нет таких крепостей, – радостно заметил Кулемзин, – которые не могли бы сдать большевики! – После чего забрал взятку покером.

Ситуация была простой, но только не для Афанасьича: охранник задрал голову и, шевеля губами, начал напряжённо всматриваться в небо, словно намеревался увидеть там огненные буквы, складывающиеся в слова вечной и непреходящей мудрости.

– Анализируя ситуацию по-шахматному, – заметил писатель, – сообщу, что Серёжа сейчас – блуждающий конь, за которым охотятся пешки чёрных. Но на его защите две фигуры: слон – это Талгат, и ферзь, чьи обязанности я скромно возьму на себя. По-моему, типичная позиция цугцванга[238]!

[238] Положение в шахматах, при котором вынужденно делается ход, ведущий к проигрышу – нем.

– А я? А я? – не выдержал Мусаич.

– А ты, как всегда, голый, или, применительно к данному случаю, битый король!

Сюрреалисссимо!

Не кончаются проколы
там, где миром правит гном,
ведь король, как прежде, голый, –
с тонким синим писюном!

Глава 326. ПОЛТАВЦЕВСКАЯ БИТВА (продолжение продолжения)

– Обратите внимание, мои маленькие друзья, – решил сбить с панталыку сопокерников писатель, которому на этот раз пришла неважная карта. – У каждого из вас на руках карты – у кого чёрные, у кого красные, и только нет ни зелёных, ни синих! А это несправедливо! Так ведь, Валера? – обратился он за содействием к художнику. Муравлёв поспешно глотнул и кивнул головой.

– Но, говоря не предвзято, цвет как таковой вообще не имеет никакого значения, кроме, пожалуй, его психологического давления на человека. А вот раньше…

– Володя, расскажи подробно, – попросил Афанасьич и приготовил засаленный блокнотик «Для му.мы.», потянувшись к знаниям.

Кулемзин не стал чиниться и продолжил:

– Чёрный цвет, как известно, символизирует власть над низшими энергиями, идущими из земли – например, нефть или уголь. Жёлтый цвет – власть небесная, или так называемая божественная. Помните, помазанника *дедушкина* венчали золотой короной во все времена и практически у всех народов?

– А коричневый? – мусоля химический карандаш, спросил охранник.

– Да, коричневый! Он, как известно художникам…

При этих словах Муравлёв внутренне подтянулся, а внешне приосанился.

– … а так же, как известно охранникам…

При этих словах Полтавцев внутренне приосанился, а внешне подтянулся.

– …получается при смешивании жёлтого с чёрным. Поэтому носящий коричневые одежды (Гитлер, Сталин, Мао, Чан Кайши, Пол Пот, Ким Ир Сен, Франко, Муссолини) демонстрирует своё овладение сразу двумя стихиями власти. Иными словами, коричневый цвет – это решение задачи квадратуры круга, как её понимали древние алхимики, то есть соединение земного и небесного.

– Мать честна́я! – удивился Афанасьич. – Теперь я понимаю, почему говно такого цвета!

Нуртай мельком взглянул на свои коричневые сандалики, о котором автор рассказал ещё в главе 75 первой части романа, и поспешно спрятал ноги под покерный столик.

Знают даже потаскушки
из весёлых *номеров*:
разноцветные игрушки
лучше серых дураков!

Игра продолжалась. Маленький покерный столик по-прежнему был светилом, вокруг которого по орбитам вращались игроки. Увидев пришедшие карты, прапорщик страшно обрадовался, – как сопляк, впервые дождавшийся девушку на углу у главпочтамта. «Ну что ж», совершенно беззлобно подумал Володя, «очень скоро придёт момент, когда и ты налетишь на мой нокаутирующий удар, брякнешься своей *пустоголовкой* на помост, и бесстрастный рефери откроет над твоим неподвижным телом бесполезный счёт…» Сторож, перебирая в руках карты, складывал их так и этак, прикидывая, с чего пойти, при этом приборматывая что-то вроде этого: «Я его так… А он меня так… А потом Володя пойдёт так… И я под щитом!»

– Мать моя партия, можешь на меня положиться, – видя мучения соседа, горячо заверил его педагог. Серёжа тут же успокоился, после чего сделал роковую ошибку, пропустив именно нуртаевскую взятку, потому что следующую, несмотря на обещание, Курманбаев тут же пригрёб тоже себе, перебрав при этом, но не дав добрать её охраннику. «Яйчики-бабайчики, какая редкая пропадлючесть», оценил заслуги педагога Альбионыч. Он поглядел на легковерного балбеса, после чего произнёс историческую фразу, которую читатель может найти только здесь, на страницах «Русской кочерги»:

– На Курманбаева смело может положиться только… могильная плита, да и то не уверен – надолго ли? Такой обдурит даже смерть!

– А ты застрелись, – дерзко предложил Мусаич.

– Если я когда-нибудь решусь застрелиться, то сделаю это в Лондоне, в музее некоего Ш.[239] Холсма на Бейкер-стрит, – проворчал Кулемзин.

[239] Видимо, Шота – прим. лит. редактора.

Володя отставил бутылочку и скрестил руки на могучей груди. Правда, удержаться в этой монументальной позе ему удалось не более десяти секунд. Руки мало того что норовили соскользнуть с необъятного живота, но и сразу же хватались за заветный сосуд. Игра, между тем, продолжалась. Вот Талгат выкинул старшего джокера и в запальчивости произнес:

– По старшим джокерам!

Все подивились такой наивности, а писатель еще и процитировал сам себя: «А что тут думать, сказал прапорщик, и нажал ядерную кнопку…»[240]

[240] Вл. Горький. «Русская кочерга», т. 2, ч. 2

Мысли игроков, в зависимости от пришедших карт, путались, как макароны в соусе. Всяк норовил не только сделать себе приятное, но и обидеть ближнего. И то – уж сколько раз твердил миру автор, что игра в *русскую кочергу* – полный слепок нашей нелёгкой жизни среди таких же псевдоиндивидуумов.

– Нуртай, оставь Серёжу в покое, – попросил Альбионыч. – Если в тебе так силён материнский инстинкт, возьми младенца из Дома подброшенных дебилов и воспитывай его в духе коммунизма!

Прапорщику тоже было сделано внушение, особенно после того, как он в очередной раз перепутал масть козыря.

– Что-то ты, старик, по-моему, витаешь в облаках, – попенял ему Володя. – Как Наташа Ростова перед первым балом.

Досталось и Полтавцеву, который, судя по ходам, вообще не соображал, какой игрой сейчас занимается – русской лаптой или американским футболом.

– Серёжа, во что ты играешь? – прямо спросил его писатель.

– Да хрен его ту Люсю знает! – с достоинством ответил охранник.

На рассвете вышла рать
во главе с болваном:
всё равно во что играть
нам как лудоманам[241]!

[241] От гр. ludo (играю) и mania (сами знаете что) – патологическая склонность к азартным играм – прим. гл. редактора

Увидев свои карты, Серёжа вцепился в них покрепче, как нищий в прохожего. Было видно, что охранник всё оттягивал момент, лихорадочно и бесполезно перебирая в «уме» варианты хода. Он был похож на осуждённого на смерть, лихорадочно причёсывающегося перед плахой, и по-собачьи заглядывающего в прорези колпака стоящего рядом палача – в надежде отыскать там человеческие глаза.

– Пропали вы, ребята, – весело сообщил писатель. – Кто хотя бы раз покерную колоду в руках подержал, кто в глаза джокеру поглядел, – тому назад дороги нет!

Эти страшные в своей справедливости слова заставили содрогнуться не только игроков, но и Борю, подошедшего, чтобы узнать, как дела у людей.

– Яйчики-бабайчики, неприятности надо встречать достойно, – вещал Кулемзин. – Вот я когда вижу, что дело плохо, встречаю этого персонажа радостно и легко, и, пока он не успел очухаться, интересуюсь: Кондратий, голубчик, может в другой раз зайдёте?

«*Иблис* акбар», запоздало подумал Нуртай. А как же запоздало, если в этом томе хвостатый помощник педагога больше не появится!

Глава 327. ПОЛТАВЦЕВСКАЯ БИТВА (ещё одно продолжение продолжения)

И тут Полтавцев решил сменить тактику. Он открыл книжечку «Для му.мы.», вычитал в ней недавно записанное «Лучше защита, чем нападение», и произнёс:

– Что-то плохо ты сыграл, Володя. Тебя просто как подменили!

– Вообще-то, Серёжа, судя по твоему внешнему виду, подменили явно тебя, причём, ещё в роддоме, – парировал писатель. – Правда, удачно, так как *неведома зверушка* и до сих пор живёт там – на заднем дворе!

– Мать моя партия, этот вопрос слишком серьёзный, чтобы в нём разбираться с кондачка, – вставил свои три копейки и педагог.

– Тебе ли, сынок, говорить это? – горько произнёс Альбионыч. – С твоим ли пропадлючьим хромосомным набором так называемой совести?

Нет ни совести, ни такта –
резюмирую де факто.
А последствия на шкуре
проявляются де юре!

В этом время случилась удивительная вещица: за ненужными спорами вышло так, что победа неожиданно досталась сторожу. И то – чего только не бывает в этом худшем из миров!

– Ура, мой выигрыш, мой, – как всегда, раньше времени заволновался Афанасьич.

– Не выигрыш, а победа, – поправил его Кулемзин.

– А ты видишь какую-то разницу? – надменно поинтересовался педагог.

– Не какую-то, а существенную, – уточнил философ. – Победа – это достижение желаемого результата, и не более того. А выигрыш – это такое достижение *желаемого* результата, при котором затраты и потери обязательно меньше, чем приобретённые преимущества.

«Ёперные мизеры!», подумал музыкант. «О чём это?!»

– Вот футболисты – по полю бегают, стараются гол забить, выиграть хотят. Так ты думаешь, если они победят, это будет чистый выигрыш?

– Конечно, – убеждённо вступил в спор художник, после чего получил удивлённый взгляд Альбионыча прямо в третий глаз.

– А вот и нет. Какие преимущества получат эти бегуны, если победят в игре? Деньги, славу, поздравления – и всё. А затраты? Потерянное здоровье, полученные травмы, время, которое они провели на тренировках и сборах, вместо того, чтобы любить, дружить, заниматься своей семьёй, учиться, получать нормальную профессию, наконец. Это я вам в самом первом приближении излагаю только то, что лежит на поверхности – просто чтобы вы поняли, чем победа отличается от выигрыша.

– Но я же всё равно выиграл, – уже немного вяло, скорее, по инерции продолжал спорить охранник.

– Нет, старик, ты закончил партию с бóльшим количеством очков, только и всего. Посчитай, сколько всего взяток суммарно ты заказал.

– Ну, 45.

– Вот. А я на круг их заказал всего 31. Теперь возьми свои 550 очков и раздели на 45. Что получилось? 12,2. Это и есть твой рейтинг по данной игре.

– А твой?

– А у меня всё гораздо лучше. Если мои 497 разделить на 31, то получится 16! Вот поэтому ты победил, а выиграл в итоге я!

Но напрасно заседают,
кто не в силах мысль родить:
побеждает тот, кто знает,
как в итоге победить!

– Ты, Серёжа, когда-нибудь видел фильм «Адвокат дьявола»? – неожиданно поинтересовался Володя. Сторож напряг мыслительный аппарат и покачал головой, а военный, который сидел рядом с ним, вдруг вспомнил, что последний фильм, который он видел, был «Чапаев», показанный в казарме.

– Так вот, в этом фильме, – продолжил писатель, – есть замечательный пассаж: один главный герой, он же *иблис*, говорит другому, преуспевающему адвокату, который до сих пор не проиграл ни одного дела и стремится выиграть очередной процесс во что бы то ни стало, даже принеся в жертву близких людей, только чтобы потом сохранить репутацию человека, у которого не бывает неудач: «Может быть, тебе пора проиграть?»

Афанасьич, поначалу внимательно прислушивающийся, всё же не выдержал длинной фразы и откровенно зевнул.

– Мать честна́я, и что? – спросил он.

– Ничего. Просто один из самых больших грехов, который описан в известной забавной книжке без картинок, – это тщеславие…

Твой поступок безобразен
в января и октябре:
бес тщеславия заразен,
и особенно – в игре!

Внезапно посмурнело, и все поняли, что наступает вечер, а, значит, скоро, уже скоро придётся расставаться на целую ночь. Полтавцев прицелился, тщательно отобрал карту для хода, и уже было собрался бросить её на покерный столик, как был остановлен властным жестом Кулемзина. Перед этим Володя тоже отобрал одну из карт и приготовил её для бросания, развернув рубашкой вверх.

– Думаешь, отгадаешь, с какой пойду? – усмехнулся охранник, который уже приготовил короля пикей.

– Не думаю, а знаю.

– Уверен?

– Яйчики-бабайчики, конечно, – ответил гениальный игрок. – Ходи.

Сторож ещё раз оглядел свой роббер и неожиданно пошёл с червовой дамы, победно поглядев на писателя. Володя молча положил поверх красной женщины своего червового туза и забрал взятку – ту самую единственную, которую и заказывал.

– Это нечестно! – завопил охранник II категории. – Я же хотел пикового короля пойти. Я же был уверен…

– И я был уверен, что ты ошибёшься! И, вообще, что такое уверенность? У тебя, Серёжа, это ничто. А у меня уверенность складывается из теоретического, технического, управленческого и человеческого компонентов. И, как видишь, я практически никогда не ошибаюсь. Хочешь по этому поводу небольшой стишок?

– На мормышку рыбка клюёт,
на доверие я клюю.
Так о чём же рыбка поёт
у погибели на краю?

– Ничего не понял, – признался сторож. – Мы же в карты играем, а не рыбу ловим!

– Попробую объяснить тебе проще. В основу моих утверждений положены три составляющие: теории сверхслабых полей и космогенного фактора в эволюции и, кроме того, некоторые прорывные открытия в психологии покера, в частности, воз-

действие в состоянии изменённого сознания, психология коллективных состояний и методики активизации рудиментарных нейронных связей. А в переводе на привычный тебе, старик, язык это звучит так – алхимия, астрология и шаманство!

– Царица лесная, так бы сразу и сказал, – закручинился охранник.

Глава 328. ПОЛТАВЦЕВСКАЯ БИТВА (окончание)

Середину новой партии, которая складывалась для него весьма неудачно, Кулемзин решил отметить оригинальным планом. Он был один-единственный, как сосна в степи, или, как пишут провинциальные авторы, «луна в ночи», и писатель не сомневался, что если этот план не выгорит, спасти его от проигрыша может только чудо. В чудеса Володя не верил, и поэтому сделал неожиданный ход – имея на руках червового короля, произнёс, пойдя при этом единственного младшего джокера:

– По червям!

Это было так неожиданно, что Нуртай, у которого, как всегда, был покер, не стал им забирать опрометчивого храброго клоуна. Остальные недоумённо переглянулись, но тоже скинули червей, причём Серёжа – туза. Следующим ходом Володя пошел червового короля, и все опять скинулись по младшей карте. Две взятки была заработаны!

Больше всего не повезло Батыршину, пролетевшему в этом роббере сразу на две взятки. Сейчас он сидел на краю покерной скамеечки, привалившись плечом к плечу художника, молча избывая своё горе.

– Мать моя партия, хочешь валидола? – озабоченно спросил его Нуртай и тут же захлопал по карманам в тщетной попытке найти никогда туда не положенное. Со стороны казалось, что он сопереживает совершенно искренне, но все понимали, что принимать беды окружающих как свои для Курманбаева немыслимо, а просто есть такая манера поведения, которая без дополнительных затрат позволяет располагать к себе других людей.

Горечь общемировая
предлагает паритет:
лицемерим, помогая,
ибо помощи-то нет!

– Да пошёл ты! – не обманулся и прапорщик, после чего применил единственное в этой ситуации правильное лекарство, то есть отхлебнул пивка.

– Забыл ты, Нуртай, забыл! – горько возвестил Володя. – Да и поздно тебе вспоминать, что первый шаг по кривой дорожке определяет и весь дальнейший путь!

Серёжа тут же ворохнулся, достал из необъятного *хурджина* огрызок карандаша и почему-то рекламную газетку, где и начал что-то быстро писать на полях. В эту минуту Полтавцев был похож на сгорбленного у шалаша Ильича I, ваяющего бессмертные «Апрельские тезисы» Автор уже не раз отмечал, что сторож быстро просёк, каким бесценным кладом при изучении жизни является Володя, и при каждом удобном случае старался записать те мудрые мысли, коих у Альбионыча было великое множество. Вот и сейчас, скрючившись, и от усердия высунув язык, он слюнил химический огрызок и старательно выводил: «Кривой шаг и есть весь дальнейший путь…» Потом он прочёл написанное, на секунду усомнился в правильности отображённого, но переспросить постеснялся, после чего решил, что и так неплохо, подумав при этом, что дай *дедушка* запомнить хотя бы это.

– Посмотрите на этого жалкого так называемого человека, – не успокоившись, обличительно ткнул пальцем в педагога Альбионыч. – Вот до чего может докатиться забывший про коммунистическую мораль ответработник еврейского колледжа!

– Да я помочь хотел, – неумело оправдывался Курманбаев, так до конца и не поняв, в чём его обвиняет коллектив.

– Слушай, зачем тебе это надо? – поинтересовался Володя. – По-моему, ты распыляешься. Раньше парторганизация такие поручения давала, а сейчас, по своей воле, чего лишние хлопоты себе искать?

– Да, Нуртай, пора бы тебе призадуматься, – добавил лишнюю ветку в общий костёр осуждения охранник.

Мат имея в арсенале,
не глупы и не умны,
мы злодея обругали,
а злодею – хоть бы хны!

– Метафизика злодейства есть понятие однородное, – задумчиво глядя на Курманбаева, продолжал спич Володя. – Злодей ли тот, кто совершает в правовом понятии проступок ради искоренения планетарного зла, а, Серёжа?

– Конечно! И планетарность эту принять непросто, – отозвался Полтавцев, – ведь мы, особи, сами по себе планетарны. И субъективизм в решении этой дилеммы позволяет сделать оценку лишь персонифицированную, а не юридическую…

Здесь Серёжа закашлялся, опомнился и извинительно произнес:

– Мать честнáя, чего это я? Володь, кажется, за пивком пора сходить!

Отправив скорохода в магазин, Кулемзин успокоился, зато начал закипать возмущённым разумом к тому времени уже немного отошедший военный.

– Ёкарный Нуртай, ну вот зачем ты так сходил? Ведь это был явно глупый ход даже для тебя!

Педагог, морально раздавленный, даже не сообразил, что именно это обвинение должно было достаться не ему, а Володе, но на полуавтомате признался:

– Да вот хотелось проверить…

– Проверить что? Есть ли жизнь на Марсе? Или не пора ли отдавать пифагоровы штаны в стирку? Зачем такие страсти, Мусаич?

– Да я предположил…

Здесь прапорщик вновь умолк, так как слишком быстро исчерпал запасы красноречия, а на смену ему пришёл писатель:

– Предполагать-то тоже надо с умом. Вот, смотри, некоему яблоку, у которого столько же мозгов, сколько у тебя, хочется иногда упасть не вниз, а куда-то вбок, и, согласно народной мудрости, недалеко откатиться от своей яблони. Или, что ещё страннее, упасть вверх, короче, не туда, куда положено. Ведь существует много соблазнов, а люди, как и яблоки, подвержены им не меньше. Но ведь есть ещё и закон всемирного тяготения, который, пока не родился новый Исаак Исаакович Ньютон, надо чтить, как основополагающий!

Услышав про Ньютона, педагог решил промолчать, дабы не быть обвинённым в других грехах, тянущихся за ним с XVII века.

– Ну вот, одержана ещё одна маленькая победа, – удовлетворённо произнёс Альбионыч. Курманбаев поморщился и сделал вид, что прикрывает усталые от игры глаза.

– Да, да, не побоюсь этого слова – моральная победа знойного типа мышления над кислым интеллигентским чистоплюйством! Яйчики-бабайчики, одним словом…

Презирая инциденты,
забывая Третий Рим,
мы с тобой интеллигенты –
матом редко говорим!

Глава 329. О СМЫСЛЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ

– Неумеренное питьё пива под карты, если хотите знать, – поведал Володя, – это второй по значению грех после поедания фруктов с древа познания. Можно, конечно, этим гордиться, но вот вопрос, позволит ли *дедушка* или Абсолют совершить нам его? Ведь и первый-то был совершён при беспринципном попустительстве так называемого *всеведающего* и *всемогущего*.

– Царица лесная, не дано нам постичь промысел *дедушкин*, – вздохнул Полтавцев.

– Поэтому честно сделаем вид, что нам всё известно заранее. Например, я могу совершенно точно сказать, что ровно через четыре минуты посредством великого скорохода Сергея у нас у каждого в руках окажется по бутылочке замечательного напитка. Это ли не чудо?!

Надо ли говорить, что чудо, как и предсказывал Альбионыч, случилось даже быстрее.

– Чтобы понять смысл земного существования, надо всегда помнить слова Гермеса Трисмегиста, – открыв бутылочку, продолжил Кулемзин.

– Это что ещё за Педерист? – полюбопытствовал охранник.

– Старичок, тебе этого знать не надо, – объяснил философ. – Так вот он всю жизнь повторял одну фразу: «То, что внизу, и наверху; то, что находится вверху, подобно находящемуся внизу – ради исполнения чуда единства»

«Мать моя партия, какая-то хрень собачья», непедагогично подумал Курманбаев, но промолчал.

Нет ответов на вопросы,
коли гости нетрезвы:
понимает их философ,
а они его, увы!

Здесь писателя отвлёк шум в ветвях. Подняв голову, Альбионыч заметил воробья, который уже приготовился совершить своё досадное дело. Он кышкнул на него, и воробей тут же сорвался с веточки, досадуя, что столько замечательного народа живёт в Отцеябловске, а скинуть драгоценную *каку* как-то не привелось.

– Итак, далее, – продолжил большой учёный, – всё ещё более просто. Трисмегист объясняет, что нужно отделить землю от огня, тонкое от грубого – осторожно и с большой ловкостью. Тогда огонь поднимется от земли к небу и снова опустится на землю, и получит силу всех вещей – как высших, так и низших. И этот огонь, как я понимаю этого *иблиса* Гермеса, и есть наш дух, сила духа, духовность! Вот в чём смысл! Мы в процессе жизни осуществляем лишь часть воздействия, мы воспроизводим фон, характерный для космического излучения, *якобы* упавшего на Землю, можно сказать, провоцируем Космос ответить подобным излучением. Вот что означает «поднимется от земли и опустится на землю»! Маги древности, вероятно, всё же умели заставить землю излучать, устанавливали управляемую взаимосвязь с Космосом.

Валера открыл рот и забыл закрыть его. «Святой Малевич!», подумал он. «Да этот Володя умнее, чем Ленин!»

– Яйчики-бабайчики, а теперь? Теперь же это могут только люди сло́ва: писатели, поэты, драматурги, сценаристы, но они слишком ленивы, как и раньше, чтобы пользоваться полученным из Космоса знанием, – горько закончил рассказ Володя.

– Да это-то как раз понятно, – резюмировал Сережа. – А вот как насчёт того, что пивко быстро кончилось?

И ехидно добавил:

– Из космоса-то твоего нам его не доставят!

У гостей унылы хари –
нет чайка и кофейка:
Космос знанием одарит –
вместо светлого пивка!

Глава 330. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ АИДЫ

А что же наша счастливая татарско-еврейская пара? Совсем в своих философских реминисценциях забыл о них автор, и нет ему за это прощения. Или есть – с условием, что уже буквально в следующей строке он вернётся к этой теме!

– *Иблис*, что же делать? – проводив взглядом любимую, застонал прапорщик.

– А что случилось?

– Ёкарный еврей, так через два дня у неё же день рождения! А у меня ещё подарка нет!

– Блин, вот и у моей тоже, – пожаловался Муравлёв, – каждый год, каждый год!

– Не беда, – утешил военного супруга Кулемзин. – Что-нибудь придумаем…

Прапорщик ещё раз застонал: он очень хорошо помнил такой же печальный день, но год назад, когда он пришёл поздравлять любимую, и между ним и Аидой произошёл конструктивный диалог:

– Дорогая, ты прекрасна, как эти цветы!

– А я думала, что я прекрасна, как золотое колечко!

– Нет, нет, ты прекрасна именно как эти цветы!

– Каждый год, каждый год, – всё никак не мог успокоиться живописец.

– Подарок-то подарком, – весомо промолвил охранник, – а вот открыточку на память надо обязательно. Царица лесная, я так всегда делаю.

– Почему? – индифферентно поинтересовался страдалец.

– Так бутылку выпьешь, закуску съешь, а открыточка-то и останется!

Мне, твоей родной княгине,
не потребен башмачок, –
ты в подарок принеси мне
и бутылку, и сырок!

– Йодистый праздник, да открытку я уже купил, – сообщил трубач. – Красивая такая, на ней люди идут с отбойными молотками, и написано «С днём труда!»

– На день рождения? – изумился педагог. – Мать моя партия, а почему не с днём рожденья?!

– Так не было, – легко признался военный.

– Да, ошибся ты, Талгат! – попенял ему писатель, – Примерно так же, как капитан Джеймс Джозефович Кук, когда говорил аборигенам: «Со мной каши не сваришь!» Ты смотри, а то ведь слова́ про этот труд Аида может принять за намёк: мол, мне всю жизнь пахать, как маме Карло, а ты по-прежнему буха́ть будешь!

– Да, нехорошо как-то, – признался прапорщик. – А что делать? Ну, «С днём труда!» я, положим, закрашу дочкиными фломастерами. А что же тогда написать в открытке? Ёперный банан, прямо не знаю, – с надеждой посмотрел он на писателя. Кулемзин на секунду задумался и произнёс:

– Записывай! Наждачные руки невыносимой тоски можно победить только счастливыми замираниями в предвкушении будущих встреч…

– О-о-о-о-о-о-о-о, – в восхищении застонал трубач, – да после таких слов я вообще до конца жизни ничего дома делать не буду!

Полтавцев, которому строки тоже понравились, решил их немедленно записать. «Авось, пригодится», подумал он, «будет день рождения у Зули, так я их тоже ей скажу!» Он достал заветную книжечку «Для му.мы.», послюнявил во рту карандаш и лихорадочно записал красной стороной, как делал всегда, когда заносил для памяти что-то очень важное: «Мои счастливые замирания в твоих наждачных руках!» Потом в его голове щёлкнул какой-то переключатель, и он решил добавить к записанному заодно и слова Талгата, но уже синим цветом: «Поэтому я никогда в жизни не буду работать!» После чего Афанасьич прочитал *своё* и очень обрадовался, что у него получилось лучше, а, главное, умнее, чем у Володи. Между тем Кулемзин глянул через его плечо и прочёл написанное.

Много их – как при поносе,
мыслей этих пропитых:
в память мысли мы заносим.
Но склероз погубит их!

– Молодец, Серёжа, соображаешь прямо как Исаак Исаакович Ньютон! – похвалил он товарища.

– А чего Ньютон? – обиделся охранник. – Как чуть что, так сразу и Ньютон, да? Как чуть что, так сразу Исаак Иваныч?

– Мать моя партия, – толкнул его в бок педагог. – Ты что, Ньютона не знаешь?

– Конечно, знаю, – не растерялся охранник. – Он ещё, как Мичурин, всё с яблоками возился, пока ему одно по башке не долбануло!

– Ну, правильно! – обрадовался музыкант.

– Мать честнáя, он потом ещё закон один открыл дурацкий.

– Что, и закон помнишь? – нарочито ласково поинтересовался Нуртай.

– Конечно, – ещё раз подтвердил свою учёность Полтавцев. – Яблоко к яблоне недалеко катится.

– Попробуем подойти к этой проблеме с другой стороны, – произнёс Альбионыч. – Вот ты, Талгат, как думаешь: что лучше подарить жене – один большой подарок или много маленьких?

– Конечно, много маленьких!

– Отлично, яйчики-бабайчики! Тогда подари ей кулёк семечек!

– Не шути так, – горько отозвался военный.

– Есть, Талгат, и ещё один вариант, – продолжал неугомонный Володя. – Подари ей аркан и огнетушитель.

– Зачем?!

– Ну, она же у тебя настоящая женщина. Поэтому аркан – для того, чтобы коней на скаку останавливать, а огнетушитель – чтобы в горящие избы входить! И, кстати, покупай-ка сразу два комплекта, а то женишься в третий раз – и снова будешь мучиться с подарком!

Глава 331. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ АИДЫ (окончание)

– Слушай, старик, – вновь обратился к страдальцу Володя. – Может, ты ей стихи прочитаешь, и скажешь, что сам написал?

– Да я не знаю ни одного, – с тоской признался военный.

– Так я тебе сейчас напишу.

Володя оторвал кусочек рекламной газетки и быстро набросал четверостишие.

– Вот, слушай:

Не брани меня, родная,
отвлекись от суеты!
Все и так *едят* друг друга,
а меня ещё и ты!

Надо ли говорить, что слово *едят* в оригинале было похожим, но другим. Тут знатный поэт заметил, что на кусочке газетки, который он оторвал для *нетленки*, разместилось как раз нужное для такого случая объявление.

– Слушай, Талгат: «Выбираете украшение для своей жены? Подари́те ей ювелирный набор из стронция-90. Пускай она светится от счастья!»

– Из стронция не надо, ей ещё детей поднимать, – отмахнулся Батыршин. – Что же делать? Что же делать? Серёжа, не знаешь, который час?

Охранник внимательно посмотрел на свои женские часы «Чайка» производства Первого Московского часового завода 1966 года и ответил:

– Ой, царица лесная, а ведь уже без пяти!

– Без пяти чего? – настырничал Талгат.

– А *иблис* его знает! У меня маленькая стрелка отломана. Раньше-то она тоже ходила, а я всё думал: зачем она, зачем, а потом взял и отломал. Правда, в тот момент я немного выпимши был…

– А тебе время зачем? – полюбопытствовал Курманбаев.

– Да вот думаю: когда Аида успокоится – через полчаса или только завтра?

– Старик, я ещё вот что придумал, – осенило Альбионыча, – а сделай-ка ты ей *парный* подарок!

– Это как?

– Да видел я недавно на нашем базарчике одну занятную вещицу: песочные часы с надписью «Уходящее время», а к ним подарочный молоточек с надписью «Подожди, не уходи!»

Просыпаются частицы –
наши быстрые года:
время, как песок, струится,
и уходит навсегда!

Прапорщик пошевелил губами, осмысливая предложение, но потом решительно от него отказался: мол, не поймёт, а если поймёт, то не так, а если поймёт именно так, то неизвестно что подумает.

– Слушай, Талгат, а не проще ли спросить у самой Аиды? – предложил Альбионыч. – Что она скажет, то и купишь.

– Йена монгольская, да ты что! У меня таких денег нет…

– Есть ещё один вариант, – неожиданно встрял охранник.

– Какой? – с надеждой встрепенулся музыкант.

– Пойди в зоопарк и купи там павлина. Мать честнáя, классный же будет подарок!

– Почему павлин-то?! – ошеломлённо забормотал прапорщик.

– Ну, не курицу же ей ощипывать в такой день! – объяснил Афанасьич и залился совершенно счастливым смехом ребёнка в цирке. Несколько минут прошли в тревожном молчании – груз ответственности за судьбу товарища давил хуже атмосферного.

– Ёкарные мозги, придумал! – наконец радостно завопил Салихдзяныч. Все вздрогнули и настороженно посмотрели на временно помешанного.

– Что, градус повышать будем? – осенило охранника.

– Да нет, Серёжа, – ответил счастливый музыкант. – Придумал, что ей на день рождения подарить! Я, наверное, просто новогоднюю ёлку разберу!

Не надо стильных кофеварок,
не нужен стильный тестомес, –
для каждой женщины подарок,
когда супруг под вечер трезв!

Логика товарища всем неожиданно понравилась, и предложение было одобрено большинством голосов, при одном на всякий случай воздержавшемся – Курманбаеве.

Глава 332. РАССКАЗ О РУССКОЙ ЛОГИКЕ

– Мы непобедимы, потому что во всём мире никто не может понять нашей логики, – убедительно сказал Володя. Нуртай по-ленински прищурился и, заложив пальцы за отворот рубашки, картаво произнёс:

– Мать моя па’тия, а п’имер можете п’ивести, батенька?

– Яйчики-бабайчики, да сколько угодно, – отозвался писатель. – Вот реальный случай, произошедший с одним моим хорошим знакомым. И, чтобы было лучше понятно, расскажу его от первого лица.

«Итак, едем мы как-то зимой в поезде Отцеябловск – Грусть-Каменодырск[242]. Едем весело и, что называется, культурно общаемся. Но, как и при всяком культурном общении, водка быстро заканчивается. В вагоне-ресторане тоже шаром покати (это ещё при Горбачёве было). И вдруг – станция, стоянка минут десять. Выкинули на спичках, кому бежать за продпайком. И выпало мне. Выпрыгиваю, как есть, в рубахе и тапочках и – к вокзальному кабаку. А он, сволочь, закрыт!

[242] Скорее всего, автор имеет в виду саксаульский город Усть-Каменогорск – прим. геогр. редактора

Обидно, конечно, возвращаться ни с чем – реакция какая-то нулевая получается. И вдруг – глядь! – мужичок подкрался незаметно, топчется рядышком: ботинки на босу ногу, пальтецо с проседью и пролысью.

– Тебе чего, – спрашивает, – водочки?

– Нет, – говорю, – газировки!

– Ну, давай деньги – приволоку. Сколько?

– На все! (А денег было бутылки на три).

– Бу сде! Но учти, я беру на рубль дороже! Водочка не палёная, проверенная. Так что всё будет окей!

– Да хоть на три! Но учти, не вернёшься – из-под земли тебя достанем и туда же, под землю, закопаем!

– Обижаешь, начальник…

Схватил этот шустряк деньги и умотал.

Я проснусь в чужом вагоне
и, на станции сойдя,
на далёком перегоне
выпью, словно дома я…

Стою переминаюсь, мёрзну потихоньку, а сам уже начинаю сомневаться. Пять минут до отправления, четыре, три… И вот отправление объявляют, поезд потихоньку трогается. Что делать – запрыгиваю на ходу и думаю: «Плакали наши денежки!» Да и не денежки жалко, а не хватившего на дорогу *настроения.* Да и что кинули, как фраера последнего – тоже обидно! Ан нет! Не кинули! Бежит мужичок, пыхтит – бутылки в охапку, все три боеголовки! Вообще-то это отдельная песня, как он все три бутылки передавал на убыстряющемся ходу – обе руки-то заняты! Но ни одной не разбил! Даже последнюю! Там платформа уже кончилась – мужичок с разбегу рухнул на какие-то кучи угля, снегом запорошенные. Вскочил, дальше за поездом рванул – мокрый, чёрный, грязный, теряя ботинки, задыхаясь. Впихнул последнюю бутылку и лишь тогда тормознул, отстал, да ещё и ручкой помахал, мол, счастливого пути.

– Вот какие люди бывают, Нуртай! Не мизантропы, как ты. Да, кстати, а теперь самое главное! Открываем мы в купе все три бутылки и… во всех трёх – вода! Сука-судьба! Яйчики-бабайчики! Тайники человеческой души! Зачем вернулся мужичок? Зачем бежал? Зачем шею ломал? Зачем?! Вот так-то»

Все несколько минут помолчали, потрясённые рассказанным.

Вместо бубен – пики, крести,
вместо трактора – соха!
Русский с логикой совместен?
Не смешите, ха-ха-ха…

Глава 333. БОМЖИ, ВОРОНА И ЛИСИЦА (памяти дедушки Крылова посвящается)

В этот момент Володя уже который раз за день ощутил, что постоянно рассказывает вместо смешного и весёлого, как и задумывалось ещё утром, какие-то страшные истории.

– Может, басню? – весело предложил он. Все с сомнением посмотрели на развлекальца, кроме Муравлёва, который уже не раз слышал в исполнении Кулемзина различные весёлые стихи.

– Святой Малевич, давай, – разрешил он за весь коллектив.

– Итак, – откашлялся Володя, – смотри название главы!

– Какой главы? – обалдел Полтавцев.

– Этой, – уточнил писатель, после чего приступил к декламации:

– Утро. Солнце с наглой мордой
освещает ёлок кроны.
Ну, а в небе синем гордо
реет драная Ворона.
Открывая клюв не в тему,

машет крыльями коряво –
у неё одна проблема:
где б похавать на халяву?
Три бомжа сидят, бухают,
водка плещется в стакане –
ясно: люди отдыхают.
На клочке бумажки узком
(что, наверно, из сортира)
ихняя лежат закуска –
небольшой кусочек сыра.
Этот сыр от партизанов
со времён войны остался,
и теперь на всю поляну
чем-то тухлым развонялся.
И от этой дикой вони
моментально дохнут мухи,
но плевать на то Вороне –
одурела с голодухи.
Сыр Ворону манит сильно,
все дела в момент забыты,
капает слюна обильно
от избытка аппетита.
Не стерпев от искушенья
и для понта каркнув что-то,
намечает сыр мишенью,
план атаки разработав.
И, сложив худые крылья,
вниз пикирует умело
на бомжей, что сыр забыли,
защитив бутылку телом.
Беззащитный тот кусочек
на лету она хватает
и, форсаж включив, в лесочек
реактивно улетает.
Прилетев в лесок дремучий,
на большую ель садится:
срочно надо подкрепиться
(голодняк совсем замучил),
но спокойно на природе
ей пожрать не удаётся!
Сквозь кусты лиса плетётся
(заблудилась в турпоходе)
и, учуяв запах сыра,
что давно по лесу ходит,
к ёлочке Лиса подходит
на своих корявых лапах.
Лыбу натянув до уха
(типа зубы в blend-a-med’e),
очень ладную для слуха
пробует начать беседу.
Ну, наверно, сразу ясно
всем базарам содержанье:
типа «Птичка, ты прекрасна!
Ты предмет для обожанья!»,

типа «Персик, а не птица,
без малейшего изъяна!
А убойное сопрано,
как у оперной певицы!»
В общем, ей в мозги напичкав
всяческой словесной грязи,
ждёт, когда же наша птичка
клюв от гордости раззявит.
Но пернатое созданье,
чуть следя за разговором,
гордое хранит молчанье,
на Лису кладя *с прибором*,
показав ей *fuck you* жестом,
сыр, давясь, она съедает
и в чащобу улетает,
оттолкнувшись мягким местом.
А Лиса, глотая сопли,
материт всех птиц на свете,
испуская злые вопли!
Хорошо, не слышат дети…

♠ ♠ ♠

В басне этой, между прочим,
доля шуточной морали.
В общем, если покороче:
«Лучше б утром *до́ма* жрали!»

После чтения состоялась краткая дискуссия о содержании.

– Ёкарный Крылов, ничего не понял, – известил окружающих Батыршин.

– Мать честна́я, а я всё понял, – гордо произнёс Полтавцев. – Ворона и Лисица, персонажи, конечно, *отвлечённые* (педагог в этот момент поперхнулся пивом), а вот бомжи-то наши – Володя про Танкиста с Одиссеем написал! Правильно?

– Мать моя партия, а я думаю, – завладел общим вниманием Нуртай, – что здесь наиболее полно вскрыты такие социальные язвы общества, как неспособность капиталистических правительств накормить рабочий класс, а также неспособность самих капиталистов договориться друг с другом.

Конец дискуссии об известном произведении дедушки Крылова положил, как всегда, сам автор.

– Глубокий смысл этой искромётной басни, – сказал он, – я вижу в том, что, лишь потеряв сыр, Ворона обрела долгожданную свободу слова. Яйчики-бабайчи-ки, одним словом!

Глава 334. СЕРЬЁЗНЫЕ НАПИТКИ

Но что-то увлёкся автор творчеством и описанием его, и совсем позабыл о своих героях, которые уже давно скучали на покерной скамеечке в ожидании того, ко-гда же он разрешит им… Вы думаете, заняться любимой игрой? Да нет же, – пьянкой! Ведь дело идёт уже к вечеру, да и от Батыршина скоропостижно ушёл его друг Кайрат, на которого тот возлагал главные надежды на основательную выпивку, и Муравлёв как-то уже воспрял духом и понемногу начал забывать утренний семейный скандал, и Полтавцев, точно выяснив, что Зуля сегодня не придёт к нему с ночёвкой,

тоже задумался о более серьёзных напитках, нежели «Жигулёвское», и даже Курманбаев, которому эти напитки были вовсе не нужны, не смог отказать себе в удовольствии выпить на халяву.

Пиво, водка, огуречек, –
вот и спился человечек!

– Голова что-то болит, – забросил пробный камень охранник. – Как от генетически модифицированного портвейна!

– Серёжа, об этом весьма хорошо написано в «Справочнике по психиатрии» под редакцией некоего академика А. В. Снежневского, – попытался увести разговор в сторону Кулемзин.

– А при чем здесь психиатрия? – обиделся охранник. – Мать честнáя, что я, псих, что ли, по-твоему?

– Нет, конечно. Ты несколько смешнее, – ответил писатель. – Цитирую по памяти: «Употребление алкоголя приводит к возникновению психозов. В клинической картине такого психоза преобладают явления двигательного возбуждения, яркие иллюзии и галлюцинаторные обманы. Наряду с этим отмечаются симптомы гиперстезии[243], извращается чувство времени и пространства, а также возможны деперсонализационные и дереализационные явления»

[243] Скорее всего, это слово происходит от гр. sthenos – сила – прим. автора.

Сторож, услыхав этот бред, очень обрадовался и тут же протянул грязную ладошку в сторону Володи:

– Давай бутылочку возьмём. Очень уж хочется симптомы этой гортензии испытать…

«Точно Эрих Мария Петер-Францевич Ремарк заметил», подумал Володя, «алкоголь сближает людей гораздо быстрее, чем интеллект…» Пока в его голове неспешно проплывали зрелые литературные мысли, вдалеке уже показался Афанасьич, который шёл из магазинчика Калимы покачиваясь, с трудом удерживаясь в позе человека, попытавшегося взять под мышку два арбуза. Поставив на покерный столик небольшую *батарейку* разномастных бутылочек, он принял позу ожидающего одобрения экзарха безголосого певца из древнеримского хора. Батыршин уже приступил к открытию своего «Маршала», а Полтавцев всё ещё продолжал стоять столбом, изображая непутёвую жену Лота, наказанную дедушкой за какую-то малую провинность.

Они друг с другом без поддержки
прожили столько лет:
она при муже – как консьержка,
и он при ней – валет.
И вот когда беда случилась,
не слушает жена –
она тогда оборотилась,
когда искушена.
У жизни не ища защиты,
наивный словно кот,
обвенчан с глупым сталактитом
забавный глупый Лот –
застыла соляным портретом,
и дурь всегда при ней.

♠♠♠

Я для того поведал это,
чтоб были все умней…

– Вольно! – отдал команду писатель. Сторож подчинился и камнем упал на скамеечку. В долю секунды выпив свою бутылочку, Талгат неожиданно икнул, как ослик из зоопарка.

– Что, яйчики-бабайчики, хорошо пошла? – поинтересовался Володя.

– А ты попробуй, такого даже члены Политбюро не пили, – предложил музыкант. Володя сделал маршальский глоток и тут же выплюнул его, подумав, что капитализм мог наступить лет 20-30 назад, если бы члены Политбюро (б) действительно пили пиво «Маршал» хотя бы один день, а на второй скоропостижно скончались, оставив советских (б) людей на произвол судьбы.

Когда прапорщик выпил вторую бутылочку, поминутно оглядываясь на балкон своей квартиры, голова его внезапно поникла, словно у бойца, сражённого где-нибудь под Каховкой.

Попойка происходила в таком головокружительном темпе, что вскоре стало теряться ощущение реальности. Сказывались, конечно, и бессонные ночи, и треволнения последних партий, и почти полное отсутствие закуски. Нельзя было сказать, что прапорщику, охраннику или художнику водка доставляла какую-то неземную радость, но она была как бы катализатором, неким ускорителем общения, и, главное, взаимопонимания, чего так не хватает нашим людям в суровый капиталистический век.

Не нужны ни ложки нам, ни вилки –
пьём назло советским ворчунам:
трудно нам общаться без бутылки,
а без закуси всегда привычно нам!

Затем Серёжа, чему все несказанно удивились, привёл весьма странную классификацию спиртных напитков, существовавших только в Советском Союзе (б). Приведёт её здесь и автор, ибо без этого будет ох как неполон рассказ об этом загадочном времени.

– Кто в музеях работал, *младенцовочкой* баловался, – рассказывал охранник. – У меня такой знакомый был, царствие ему *дедушкино.*

– А что это? – оживившись от страшного слова, поинтересовался художник.

– Мать честнáя, да спирт из-под музейных уродцев. А я лично ещё в молодости *три пшика* употреблял.

– А это что?

– В кружку пива трижды брызнуть дихлофосом, – с превосходством знания вещал Полтавцев. – А вот *Полину Ивановну* не уважал.

– Йодистый дихлофос, знакомая, что ли? – заинтересовался прапорщик. – Красивая?

– Да как сказать, – задумался рассказчик. – Пожалуй, что и страшная. Это же политура с водой. А вот *Александра III* пивать приходилось – это когда одеколон «Саша» пополам с «Тройным» одеколоном. А ещё *Веру Михайловну* с нашим удовольствием…

– Наверное, это валериана с мочевиной? – попробовал угадать Муравлёв.

– Нет, – просто ответил знаток. – Это вермут…

Самогона, а не грога –
вместо водок дорогих
пили страшно, пили много,
но остались все в живых!

После третьего стаканчика из некоторых слов тостующих вдруг стали стремительно выпадать гласные.

– За прсутвщх, – прозвучало из уст прапорщика.

– И отсутствщх здсь прсутствщх! – подтвердил охранник.

Глава 335. ОДИН ДЕНЬ В ИСТОРИИ ЗЕМЛИ

Пили много и долго, отпустив себе грехи тем, что сегодня пьют не они одни. Напомним читателю, что дело происходило 25 августа, а это в истории календаре-строения – один из самых отмечаемых дней на планете. Например, вся Бразилия упивалась сегодня по поводу празднования Дня солдата, а вот в Уругвае отмечали День независимости. Немало поглумилась над этим днём и русская православная церковь, присвоив себе именно 25 августа отмечания преподобных и мучеников, коих набрался целый взвод: здесь были (даю по алфавиту) Александр и Алексий, Варлаам и Виссарион, Гермоген и Димитрий, Евфимий и Илия, Капитон и Леонид, Маркелл и Николай, Памфил и Савва, Серапион и Феодор. Если бы наши герои выпили по глотку́ за каждого из этих персонажей, которые пробрались в историю церкви своими «подвигами», то наверняка второй том нашего романа просто бы не случился!

– По итогам назарбаксовского года пятилетки… выполняя наказ партии и народа… мы достигли, – бормотал с головой ушедший в бюрократическо-алкогольный транс Нуртай. – В результате низкой организации… социалистического соревнования… мать моя партия… все силы… большие надежды… выполним и перевыполним… догоним и перегоним…

Горько слушая бормотания нетрезвого педагога, Володя вспоминал, что этот день, как и для сопокерников, стал памятным для многих беспрерывно воюющих друг с другом народов: именно 25 августа, но в разные годы, например, римские войска разгромили племена алеманов у Страсбурга, отбросив их обратно за Рейн, а Лжедмитрий I с войском польских и украинских наёмников начал поход на Москву, у деревни Цорндорф 25-тысячная прусская армия Фридриха II встретилась с 40-тысячной русской армией, а в Брюсселе началось восстание против голландцев. Не знал об одном факте Курманбаев, иначе бы он обязательно выпил лишний глото́к за славную дату, связанную с его кумиром, ведь именно в этот день, но 116 лет назад некий Владимир Ульянов поступил в Казанский университет!

У Кулемзина же этот день ассоциировался совсем с другими событиями. Он помнил, что 25 августа 1950 года на экранах Японии появился гениальный фильм Акиро Исамуевича Куросава «Расёмон», а в 1968 году в этот день восемь диссидентов провели на Красной площади демонстрацию против введения советских войск в Чехословакию, и уже совсем недавно – десять лет назад в индийском городе Ассам, который все знают только как название чая, взбесившийся слон растоптал аж 44 человека!

Мы на память туговаты,
но пророчит нам мулла:
«Исторические даты –
только повод для бухла!»

Глава 336. СЕРЬЁЗНЫЕ НАПИТКИ (продолжение)

После исторических реминисценций выяснилась неприятная подробность: оказывается, Серёжа по просьбе Батыршина купил и припрятал в котомке маленькую бутылочку псевдомолдавского коньяка (если читатель захочет узнать, из чего и кем он был приготовлен, пусть ещё раз заглянет в главу 87 первой части нашего повествования). Каждому из *употребляющих* досталось ровно по четыре глотка́. Напиток неожиданно ударил по головам, да так, что Сергей перешёл из состояния нормального раздолбайства в буйные телодвижения, и был похож сейчас на обкурившегося до полной потери ориентации во времени и пространстве пингвина. С первого взгляда на его сутулую фигуру становилось ясно, что он не имеет никакого представления о том, где и с кем он сейчас находится. Слушая его вопли: «Мать честна́я, Зуля, пришла наконец! Выпьешь со мной виски «Highland Park» 1973 года?», становилось немного страшновато – со стороны всё это напоминало некое существо, дрейфующее по свету по воле ветра и волн в обход милицейских постов.

Володя вдруг почувствовал, что немедленно хочет оказаться на Северном полюсе в гостях у белых медведей, которые единственные, по его мнению, могли оценить поэтическую печаль. «А ведь все эти персонажи, в принципе, не такие плохие люди», тепло подумал он, глядя на игроков.

– Ребята, да я за вас…– приложил руку к сердцу писатель. – Яйчики-бабайчики, ведь кем бы я был без вашего содействия? Никем! Вы тот самый навоз, на котором вырос ослепительный цветок моего таланта! Даже через тысячи лет литературоведы будут вспоминать вас в связи с моим именем…

Самое странное, что на Кулемзина никто не обиделся. Спиртное, конечно, обнажает тёмные стороны души, но чрезмерные его дозы способны убить любые чувства, начиная от стыда и заканчивая элементарной осторожностью.

Были бы ажиотажи,
если б разглядели нимб, –
но не знают персонажи,
что в истории они!

У всех четверых рожи были одинаковые: прослеживались и отёчность мягких тканей, и тусклые глаза, и нездорово-серый цвет кожных покровов. Охранник бормотал что-то неясное, то ли *здравия желаю*, то ли *все там будем*, и, будто ключевую водицу, выпростал ещё один стаканчик. Выпитая залпом па́йка тут же ударила ему в голову и начала победное шествие по слабым мозгам, с каждой минутой отвоёвывая все бо́льшую и бо́льшую территорию. Уже всосавшаяся выпивка подняла его над землёй, и он медленно и легко поплыл, и это гидродинамическое состояние отделило его от толпы всех остальных населяющих наш нелепый земной шарик – на пару секунд.

– Алё, гараж! – вернул его к действительности нетрезвый голос военного. – Йодистый шнифт, ты где? Вертайся в коллектив! Может, тебе кефирчика купить? – глупо предложил он и засмеялся собственной «шутке»

– Царица лесная, я кефир люблю, – признался Полтавцев. – Вернее, думал, что люблю, пока водку не попробовал!

Сторож неожиданно приподнялся и стал раскачиваться на скамеечке, после чего из его широко открытого рта полилась старая детсадовская песенка, давно забытая в сложностях взрослой жизни:

– Вот носочки, мы их постираем!
Вот цветочки, мы их поливаем!

Причем, исполнял он её так артистично, что игроки поневоле стали улавливать и вспоминать давно забытые запахи детского сада, где были намешаны и молочный запах сонных детей, и тухлятинка корма для аквариумных рыбок, и приторный аромат противной манной каши, и аммиачный душок описанных матрацев.

А рядом – страшно далеки
от лирики такой –
несут отряды и полки
венозный алкоголь!

«Что бы там ни говорил Эрих Мария Петерович Ремарк», подумал Володя, «а я утверждаю обратное – у водки не может быть хорошего вкуса. Водочный вкус гадок per definitionem[244]» И автор вынужден полностью согласиться с мыслями своего героя. Он также считал, что хорошая водка есть, но у хорошей водки может и даже должен отсутствовать какой-либо вкус. Вот тогда наливай и пей – это и есть то, что доктор прописал: чистая отрава, как чистая рубашка перед смертью.

[244] ***По определению – лат.***

У каждого пьянства свой запах особый:
ликёр пахнет тайных фантазий свободой,
шампанское пахнет кокетством и флиртом,
разбитая морда – разбавленным спиртом,
развратом и страстностью пахнет коньяк,
взрывным позитивом – абсент натощак,
«Шато» отдаёт дорогим рестораном,
от вермута пахнет хихиканьем пьяным,
коктейлями пахнут дебош и кураж,
закваской хмельною воняет алкаш,
утратой способности двигаться – водка,
стремленьем по бабам пройтись – виски стопка,
джин пахнет желаньем нажраться красиво,
желаньем отлить отличаться пиво,
похмельем тяжёлым с утра – арманьяк…
И только лишь трезвость не пахнет никак!

Глава 337. СЕРЬЁЗНЫЕ НАПИТКИ (окончание)

Писатель чувствовал, что день был невероятно тяжёлым, и лишь внутренние резервы могучего марсианского организма позволяли пока ещё не просто держаться на ногах, но и соображать.

– Может, вам, пацаны, уже пора в лес прогуляться, – предложил он.

– З-з-зачем? – выдавил из себя военный.

– Яйчики-бабайчики, да навестить белочек – с ответным визитом!

Но, так как напитков было много, каждый счёл своим долгом рассказать о том, что он узнал о них в процессе многострадальной жизни, а что она была многострадальной, думаю, в этом внимательный читатель уже убедился.

– Ёперный тенор, коньячные спирты немного жестковаты, – тоном русского Джеймса Бонда заявил Батыршин.

– А спирт вообще прекрасно эмульгирует жиры, – согласился с ним Полтавцев. – Так что – водочки!

Педагог уже никак не реагировал на умные мысли охранника. Впрочем, давно замечено среди нашего народа, что халявное спиртное действует на организм гораздо сильнее, чем честно оплаченное.

– Да это потому, – продолжил одному ему ве́домую мысль Володя, – что алкоголь помогает от всех болезней, кроме алкоголизма. Но, кстати, и его течение алкоголь существенно облегчает!

Затем в его голове произошёл небольшой скачок, и писатель неожиданно переключился мыслями на пиво:

– То, что пить лучше пиво, а не воду, можно легко доказать математически – ведь у человека печень одна, а почек – две!

А где же наш друг художник? А здесь он – привалился спиной и затылком к карагачу и дрыхнет, как пожарный расчёт. Ведь Валера Муравлёв был простой русский человек. А что это значит? А значит это то, что, ежели он выпьет, то сразу, как человек, хочет закусить, а если закусить нечем, тогда ещё немного выпьет, и на еду уже глядеть не хочет, а только бы ему на подвиги идти. Ну, а нет возможности подвига – так поспать.

Тыквой с водки отъезжаем,
зная: это эликсир,
но во сне мы продолжаем
наливаться что есть сил!

Градация напитков продолжалась. Присутствующие довольно скоро выяснили, что коньяк располагает к молчанию и уходу в себя, вино и плохое пиво позволяют общаться на безлично-межличностном уровне и просто сообща радоваться жизни, но вот после стакана водки невозможно делается остановить душу, рвущуюся к са́мой невозможной и са́мой желанной из всех земных целей: перелиться от избытка из собственного вместилища во вместилище собеседника, не беря даже в толк того, что последнее уже под завязку занято такою же, но своею туго, под давлением, закачанной газообразной душой.

– Святой Малевич, а не усугубить ли чем-нибудь покрепче? – неожиданно проснувшись, предложил художник. Володя сурово поглядел на предлагальца и попытался было урезонить его народной мудростью:

– Кто спешит к бутылке,
тот спешит к могилке!

– Нет, правда, давайте возьмём ещё пузырек? – отчаянно воскликнул военный. – А то что же это за пьянка, йодистая гангрена, если на утро не стыдно?

– Мужчинам водка очень полезна, – объяснил Володя. – Особенно если её пьёт женщина…

– За ПЗД! – произнёс тост будущий младший лейтенант.

Володя знал этот старый прикол, который означал всего лишь *за присутствующих здесь дам!* и пояснил его остальным игрокам.

– Мать честна́я, а где здесь дамы? – встрепенулся Серёжа и тут же начал озираться по сторонам, рискуя в поисках прекрасного свернуть и без того кривоватую шею.

– Да прямо перед тобой, сынок! Не верти головой! – осадил его писатель. – Причём, целых четыре: червовая, бубновая, трефовая и пиковая!

Нам пьянство принесло немало бед.
Все пили: демосфены, пифагоры,
да что там говорить – сам Архимед,
и тот по пьянке требовал опоры!

Глава 338. О СУХОМ ЗАКОНЕ

Что-то писать о пьянстве вообще бессмысленно. О пьянстве нужно слушать музыку, курить сигареты и танцевать сальсу, о пьянстве нужно жужжать, икать и плакать. Пьянство – это ежедневный космос нашего народа. В этом повреждённом космосе пьянство ужимается пугливым человеческим умом до понятия состояния. Ну, в самом крайнем случае, до состояния общества. Сухой закон здесь традиционно воспринимается как явление природы – мистически настроенные люди усматривают в нём воздаяние за грехи. Но мы-то с вами знаем, что другого воздаяния, кроме потопа, не заслуживаем, и разговоры о Сухом законе в этом смысле смешны. Нельзя, кажется, представить явлений более противоположных по цели, масштабу и качеству. Потоп в решающей мере является законом, а вот Сухой закон величается законом, скорее всего, из-за повального народного равнодушия к точности. В данном случае, к точности названий.

Но не лучше и не хуже
тот, кто пьёт – всегда он труп!
Нам сухой закон не нужен,
потому что мокрый люб!

Сухой закон! Кто из советских (б) школьников не помнит картинки в «Истории» за 7 класс: телеги, нагруженные трупами, перерезанное горло рабочего, бесконечные очереди вдоль крупнозернистых фотографических улиц, вдребезги разбитые су́дьбы, неизбежная солдатчина фонарей! Мальчик в матроске выбегает на крыльцо и застаёт мироздание, немного омрачённое остывающим дядей. Дядя выпил невкусного, ядовитого клея и умер, и дело его не живёт. Робкие покупатели, робкие спекулянты, женщины стоимостью в стакан, полстакана, рюмку, глоток. Тмин и перец, кориандр и корица – языки раздражаются пряными семенами. А там, за красным штакетником, пыль на пернатых когтистых акациях, и на многоярусных бетонных полатях – это так называемые трудовые резервы.

О, эти дворы, эти адские ингаляции автомобильными выхлопами, рублёвое старичьё, оральные извращения! Доверительные детские игры вроде полупридушивания, закруживания, кривопалого щекотания, чтобы на миг, на минуту замутиться сорванцу, грянуть с размаху бледным личиком о неумолимую землю. А прохаживающийся между строк надзиратель делает родителю своевременное замечание, и родитель соглашается, хрюкает, вертит губами, сплёвывает на пол перламутровую каучуковую соплю, и она засыхает в луче горячего света, будто китайский дракон на шёлковом свитке.

Пролетели те годы, как туча насекомых. И искусанный, опухший, зачуханный, но, в общем, живой народ уже порой снисходительно вспоминает о невыносимом прошлом. Отчего же невыносимом? Вполне выносимом, как выяснилось. Автору довелось однажды видеть монумент, сооружённый в память о Сухом законе. Он представляет собой многофигурную композицию: первая фигура – коленопреклонённый мужчина в классической позе скорби, он плачет и слёзы стекают по бронзовой груди на каменный пьедестал; вторая фигура – женщина, олицетворяющая совесть и материнскую заботу, она стоит непоколебимо и задумчиво, в её руке бутыль зелёного

стекла, из которой бесконечной струёю искрящаяся на солнце жидкость ниспадает в третью фигуру – белоснежный унитаз. Остальные фигуры символизируют противоречивые чувства.

Уже по беглому описанию монумента вы, надеюсь, догадались, что речь идёт о фонтане. Всё верно. В народе за этим сооружением закрепилось даже романтическое название «Фонтан слёз», но, как водится, и это название не точное. Настоящий «Фонтан слёз», или Бахчисарайский фонтан, воспетый Сергеичем, находится в Крыму. А данный фонтан автор видел во сне. И уверяет вас, что никакого Крыма там вокруг не простиралось. Каждый желающий сейчас же может заснуть и тут же в этом убедиться.

Жизнь прошла – амбец и alles[245],
хоть от горя застрелись!
Мы в фонтане слёз купались,
что наплакали за жизнь…

[245] ***Всё – нем.***

Глава 339. ПЬЯНКА ПО МОЛОДОСТИ

Особенно по молодости Володе нравилось *кирять* с приятелями где-нибудь в магазинной подсобке у мясников, у которых всегда находилось чем-нибудь закусить примитивный советский (б) портвейн. Особенно он запомнил один мясной цех, где в те времена работал первый муж его двоюродной сестры Гали – смешной армянчик Вартан, хороший парень и большой кирюха. Пили они тогда под огромной схемой разделки коровьей туши, невыносимо похожей на карту Советского Союза (б). Володя с удивлением замечал, что дальневосточные пределы СССР (б) при ближайшем рассмотрении оказывались задними ляжками, окороками с филейными частями и последующими голяшками, а Украина, например, была вылитая грудинка с корейками. Прибалтика же вкупе с Белоруссией были самыми лакомыми кусочками – седловиной с её отменными вырезками. А вот разлюбезный Туркестан, куда входила и родная володина Саксаулия, выглядела не очень аппетитно – какой-то паши́ной и несъедобными брюшными полостями.

Похожесть на карту бывшей страны добавляли цветные пунктирные линеечки, которыми и были отмечены секторы разделки. Кстати, ещё тогда Володю между четвёртым и пятым стаканами посетила мысль о том, что именно по этим пунктирчикам когда-нибудь и разнесут нашего великого дракона!

О теме, заявленной в названии этой главы, можно вспоминать и говорить практически бесконечно, так как и автор, и его славный герой по причине молодости организма ещё не потеряли ни памяти, ни её остатков. Но пусть лучше она, эта глава, останется такой короткой…

Закалясь в одном горниле,
не считая баловством,
мы по молодости пили
так, как нынче уж не пьём!

Глава 340. НУРТАЙ КАК ЯВЛЕНИЕ

Перечитал сейчас автор свои последние главы и понял, что слишком углубился в алкогольную тему. В принципе, ничего бы страшного, ибо понятна она и близка

каждому живущему на пространстве бывшего Союза, но вот интересна ли будет читателю, это ещё вопрос. И решил он так: покуда книга уже идёт к завершению, на некоторое время оставить собуты… тьфу, сопокерников на заветной скамеечке и рассказать подробнее об одном персонаже романа. И то – о Кулемзине уже было сказано практически всё ещё в начале книги, и о семейной жизни Талгата Батыршина совсем недавно было поведано немало, и о Серёже Полтавцеве нашлось место во второй части, а вот о Нуртае Курманбаеве хотя и сказано было порядочно, но всё как-то в контексте происходящих событий, а не отдельно. Итак, о педагоге.

В детстве Нуртай был настолько хлипким, что во время флюорографии рентгеновские лучи сбивали его с ног. Но уже с этого нежного возраста Курманбаев жил по АЖП, что переводится с советского (б) на общечеловеческий как *активная жизненная позиция.* Может быть, именно детство наложило на него такой отпечаток, что даже сейчас внешне он походил на ребёнка, к которому преждевременно пришла старость: мягкие округлые щёки, не обретший мужской жёсткости подбородок и грузная оплывающая фигура с сильно наметившимся животиком. Лицо педагога было смесью отличника-активиста с первой парты и набравшегося горького жизненного опыта лагерного *суки.* Приглядевшись повнимательнее, а также узнав Курманбаева поближе, Володя определил это лицо ещё жёстче – паскудно-сановное мурло выходца из комсомольско-партийной конюшни.

Не бараны и не овцы,
дети Ленина-отца –
комсомольцы-добровольцы,
беспокойные сердца!

Несмотря на постоянные призывы говорить правду, люди очень часто лгут. Врут строгим отцам, ревнивым жёнам, требовательным детям, капризным любовницам, придирчивым начальникам, налоговым инспекторам, избирателям, партии и правительству, короче, врут почти всегда. Ложь может быть малозначительной и бескорыстной, этаким милым чудачеством, не сулящим никому вреда, а может быть широкомасштабной и гибельной для тысяч поверивших ей людей, может быть и профессиональной, включающей в себя, в зависимости от обстоятельств, сразу оба вышеназванных вида. Нуртай во вранье был именно профессионалом. Он и не мог сделаться другим, живя по навязанным законам самой широкой в мире страны (б). Не удивительно поэтому и то, что Курманбаев, привязав себя к партийному клану, стал типичным чистоплюем с постной физиономией, который заявлял, что не приемлет ложь в любом виде и под любым названием, что, однако, само по себе уже было главной ложью его жизни. Из-за постоянного вранья Нуртай всегда хотел казаться интеллигентнее, чем был, и даже на киносеансах вместо пресловутого *сапожник!* кричал: «Мастер индивидуального пошива обуви!»

Надо – чёрное забелишь,
надо – будешь жить, плюя:
ложь всегда легка для тех лишь,
кто не может без вранья!

Не удивительно, что этот не самый честный герой романа посвятил первую половину своей жизни тому, чтобы выдраться из самых глубин советской (б) политической системы, неукротимо карабкаясь наверх. В его анкете всё было в порядке для сильного старта: «саксаулец, отец – завкафедрой института, мать – рабочая» Было тут, правда, некоторое лукавство, потому что матушка этого персонажа работала тех-

ничкой в школе, что автоматически приравнивало её к рабочему классу. Он не торопился, планомерно проходя все положенные ему советским обществом этапы: октябрёнок, пионер, комсомолец, кандидат в члены КПСС (б), и, наконец, как апофеоз, член партии. К этому же времени относится и период его *стучания*. Вербовщик из КГБ (б) популярно объяснил ему, что он будет верным помощником КПСС (б), если будет… нет-нет, не *стучать*, а быть человеком с активной жизненной позицией!

Даже Маленького Мука
коммунист замучил, сука!

При этом Нуртай Мусаич окончил какой-то педагогический вуз и, кроме того, обязательную ВПШ – высшую партийную школу. Казалось бы, ещё немного – и он достигнет того, к чему так упорно стремился все эти годы, – получению высочайшего звания в этой стране – *номенклатурный работник*. Но тут в стране произошли поразившие его перемены, и первой из них было полное расформирование и торжественное выбрасывание на свалку истории КПСС (б)! Нет, конечно, она осталась в немного деформированном виде, после чего стала называться ПБС – партия большевиков Саксаулии, но все его члены остались по эту сторону *закона для всех*, то есть потеряли вожделенную кормушку, которая ранее была пропуском к закрытым партийным больницам, дефицитным товарам и спецраспределителям. Теперь он уже не мог позволить себе ездить на лучшие курорты СССР (б) и даже Болгарии, у него пропала возможность без многолетней очереди приобрести новую квартиру и автомобиль. Раньше за все эти блага приходилось платить, причём, весьма необременительно для совести, то есть *постукивая* во всем известную контору с неприличным названием на три буквы. И вот теперь из-за проклятой демократии, обрушившейся как зимние осадки на летнюю панамку, всё оказалось напрасно. А ведь ещё совсем недавно вершиной карьеры ему мнилось почётное сидение заслуженной советской задницей в местном Саксаульском политбюро!

Потом произошло ещё одно событие, уже, впрочем, ожидаемое, но от того не менее неприятное – развалился СССР (б), образовав вместо себя кучу суверенных республик, объединённых в какое-то непонятное СНГ.

Даже в «Русской кочерге»,
где всё так наглядно,
в СНГ лишь буква *г*
стала мне понятной!

Курманбаев был человеком завистливым, и эта зависть очень мешала ему жить. Больше всего он завидовал генеральным секретарям ЦК КПСС (б). «Как же так, я такой умный, а на этом святом месте – другой», печально думал будущий педагог. Ночами не спал он от такой лютой зависти, а ведь это было крайне вредно для здоровья, особенно для психического. К тому же, от зависти в истощённом организме заводились и другие нехорошие болезни. Зависть она ведь как действует? Она же гложет и сжигает заживо: иммунитет резко падает, кровяное давление резко под скакивает, да и потенция начинает как-то странно себя вести!

Поэтому самым большим крахом для Нуртая Курманбаева был крах коммунистической партии. Он смотрел на оставшуюся без партии страну и думал о том, как же эти люди смогут прожить без решающей и направляющей силы?! «Ведь партия концентрированно выражает интересы всех классов и слоёв нашего общества», думал он, «и она обогащает нас ежедневно, ежечасно, ежесекундно – пониманием задач и целей к переустройству мира. Так кто же сегодня будет обогащать нас? Ведь

гордо подняв великое знамя Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, она шагает впереди нас всех. Так кто же сейчас будет шагать впереди? Ведь партию с каждым из нас связывает живая пуповина Великого Учения, и партия непрерывно через неё питает нас своими задачами и функциями, прожектором освещая наш тернистый путь ко всеобщему счастью и равенству. Так кто же будет нас питать, кто будет нам освещать путь? Кто, наконец, будет проявлять свою мудрую заботу о всеобщем благе и счастье?!»

Как остаться на стремнине,
сохраняя свой скелет?
Как без партии прожить мне?!
Не пропить бы партбилет…

Глава 341. НУРТАЙ КАК ЯВЛЕНИЕ (окончание)

Любовь – сильнейшее чувство, когда-либо испытанное человеком за многие века цивилизации. Любовь, как известно из литературы и лично пережитого, бывает разная: страстная, взаимная, беззаветная, безответная, романтическая, платоническая, бескорыстная, а также за деньги. Впрочем, можно назвать ещё не один десяток других разновидностей этого великого чувства. Но среди множества любвей у нашего персонажа существовала ещё и особая любовь, игравшая огромную роль в его жизни. Это была высшая форма проявления человеческой любви – любовь к Коммунистической партии (б) Советского Союза (б). Это была любовь чистая, истинная и безоговорочная, требующая огромного самопожертвования и самоотдачи, и Нуртай самоотдавался ей и самопожертвовал всем остальным во имя, как говорили в XVIII веке, ея. Но, поняв, наконец, что старое не вернётся, в 1990 году, руководствуясь убеждениями и логикой общественно-политического развития, Курманбаев сменил красную книжечку члена КПСС (впрочем, не выбрасывая её совсем) на не менее красное удостоверение (правда, с изображенным на нём *могендовидом*) преподавателя информатики Отцеябловского еврейского колледжа.

Нуртай, как известно, был саксаульцем, но жадность, заложенная в него *иблисом*, была поистине русской. Например, он несколько лет копил резиночки, которыми бдительные кассиры оборачивают пачечки денег, а те, что рвались, тщательно связывал и копил дальше. Правде педагог предпочитал прятанье голову в песок мелочной лжи, уподобляясь хрестоматийному страусу, хотя и понимал, что всё остальное остаётся наверху, в том числе и задница – мишень для хорошего пинка.

Испокон веку идёт старая заповедь «Не гадь там, где ешь», но педагог был настолько грешен, что изменял этой заповеди, не задумываясь. По большому счёту он любил только себя, зато этой любви предавался самоотверженно и во всей полноте. Страсть к пакостям съедала его душу, как саксаульская саранча пожирает чеховские вишнёвые сады. Вот так и жил он, реагируя на «Правду», одну только «Правду» и ничего, кроме «Правды»!

Ох, и гнусная личина,
вызывающая смех:
пакостность – вот та причина,
чтобы стать получше всех…

Поступив на работу в еврейский колледж, Мусаич целую неделю тренировался улыбаться знаменитой на весь мир голливудской неискренней улыбкой. В результате улыбка всё-таки получилась не такой, как он хотел, а, скорее, как у последнего

американского президента Буша-младшего, когда он вешал лапшу на уши мировому сообществу, рассказывая о своей многотрудной борьбе за мир во всём мире, – лицо деревянное, отмороженное, глаза стеклянные, а зубы, как у Щелкунчика. Он легко вписался в чуждый любому саксаульцу еврейский коллектив, так как всю свою сознательную жизнь свято следовал принципу царя Соломона Давидовича, который гласил: целуй ту руку, которую не можешь укусить. А уж если можно будет кого цапнуть – рвал так, что мало не казалось!

Вначале Курманбаев был даже популярным среди жителей нескольких домов второго микрорайона – как человек учёный, потом его популярность упала до уровня местных старушек, которым он охотно втолковывал преимущества социалистического строя над наступившим капиталистическим, а затем и совсем упал, когда даже малограмотные старушки поняли, что за привычным трескучим трёпом не стоя́т реалии сегодняшнего дня. Нуртай очень удивлялся аполитичности микрорайоновских жителей: его задевало, что они стали реже обращаться к нему за советом, ведь он знал ответ на любой вопрос, потому что был вооружён Великим Учением, стараясь открыть им глаза ключом неувядающего знания.

– Правда на земле единственная – ленинская! – частенько любил повторять он, играя с новым для себя странным коллективом в покер – игру тоже странную, потому что она, в отличие от бега в мешках или лапты, не вырабатывала чувства коллективизма.

– Юродивый! – усмехался на его слова даже прапорщик – существо, как известно, никакое, потому что он даже не помнил, как звучала клятва советского (б) пионера.

– Что ты, старик, – поправлял военного главный недруг педагога Кулемзин. – Помнится, его настоящая фамилия была Ульянов!

Жили-были без изъянов,
как советовал нам Ной.
Ах, Володя, ах, Ульянов,
что же сделал ты с страной?

– Мать моя партия, да я рыцарь без страха и практически без упрёка, – с горячностью восклицал педагог при игре.

– Что-то ты мало похож на Бертрана[246], – сомневался при этих словах Володя.

[246] Сторож, прозванный Рыцарем-Несчастьем, герой пьесы А. Блока «Роза и крест» – прим. лит. редактора

– Вот именно, – поддакивал ему охранник. – Мать честна́я, да больше на сволоча какого-то!

Кстати, именно так Нуртая после года знакомства Кулемзин и охарактеризовал – метко и поэтически беспощадно:

Сволочь,
бестолочь
и мелочь!

Узнав об этой оскорбительной характеристике, Нуртай прикусил губу и долго-долго удивлённо смотрел на писателя. «Что же делать?», лихорадочно думал он. О, как не хватало ему сейчас заветной книги избранных мыслей В. И. Ленина – томика

алого цвета с золотым тиснением, с которым он всегда советовался в трудную минуту! А Кулемзин, не успокоившись, добил его простым вопросом:

– Я не думаю, конечно, что ты когда-нибудь читал «Униженных и оскорблённых» некоего Достоевского, но у него там один рижский немец допрашивал своего визави в пивной: «Почему вы на меня так *прилежно взирайт*?»

Да что там говорить, не любил Курманбаев Володю. Червячок в его заднице давно уже подмывал спросить у Альбионыча, где же он берёт деньги на все эти развлечения, хотя видимо не работает, а невидимо, то есть ночью, не печатает назарбаксы, иначе бдительные соседи уже бы доложили об этом *куда следует*.

Он не спрашивал писателя об этом по двум причинам: во-первых, побаивался задавать такие откровенные вопросы, а, во-вторых, ещё в прошлом году Кулемзин объяснил глуповатому Серёже, который также интересовался происхождением капиталов, что кто же в наше время задаёт подобные вопросы, потому что не спрашивать, откуда что взялось, – это негласная, но твёрдая *общественная* установка, и нарушать её неприлично – это значит проявить себя антисоциальным элементом, и даже чуть ли не презренным большевиком, ведь только последний маргинал может задавать такие глупые вопросы. После этого случая Полтавцев с удовольствием повторял новое для себя слово *антисоциальный.*

При всём при том,
при всём при том,
пускай бедны мы с вами,
богатство – штамп на золотом,
а золотой – мы сами!

Иногда по ночам у Нуртая внезапно просыпались мечты по сохе или (не дай *дедушка*!) по трактору, но утром, достав из холодильника что-нибудь вкусненькое, он жадно отхватывал кусок, и эти глупые мысли таяли сами собой. Отдавшись процессу еды, педагог от удовольствия прикрывал и без того узкие глазки, думая, что его время всё-таки когда-нибудь обязательно придёт!

Глава 342. И ВНОВЬ СЕРЬЁЗНЫЕ НАПИТКИ

И действительно, чего это писать о каком-то сухом законе, когда среди игроков закон как раз мокрый! Ну, не в смысле криминальном, мол, выпил и *замочил* кого- то, а в смысле бескорыстной любви к напиткам крепче кваса «Купеческий»

«Всё-таки судьба – большая сука», думал, глядя на сопокерников, Кулемзин. «Как бы мы ни брыкались, пытаясь остаться самими собой, она всё равно подминает нас и калечит, причёсывая под одну гребёнку. Ей зачем-то нужно, чтобы мы все были одинаковыми, и у неё всегда наготове стоит бульдозер, чтобы срыть любой бугорок, торчащий над общим уровнем сознания. Она нас топчет, а мы, идиоты, тешим себя иллюзиями, что становимся старше, мудрее, солиднее…»

Многие знакомые Володи выбивались из приятного процесса потребления пива, этим бессовестно нарушая главные законы эволюции – они увлекались водкой, коньяком, или, что ещё хуже, ромом и текилой, приготовленной из низкокачественных кактусов. Что можно было сказать о таких людях? Им можно было лишь посочувствовать! Ведь дело не в том, что ром или текила – это всего лишь разбавленный спирт разной степени очистки, действующий на организм прямолинейно и грубо, дело даже не в градусах или химическом составе. Просто разные напитки дают совершенно разные виды удовольствия. К примеру, длинноволосые прыщавые итальянцы всё время пьют своё мартини, ведь это способствует хорошему росту волос (в том

числе и на спине), но прыщи – неизбежный побочный эффект тако-го неумеренного потребления. «Так что пейте, итальянские мужики, мартини и боритесь с прыщами», как бы говорил им писатель, «может быть, именно в этом и состоит ваш modus vivendi[247] и ваша мера мученичества, естественным образом перетекающая в гордость собой. А я буду предпочитать всем напиткам любимый «Тянь-Шань»

[247] Образ жизни – лат.

Пусть трепещут экономы,
сохранивши пару крон:
в мире виски пьют и ромы,
мы же любим самогон!

Здесь оказалось, что педагог уже давно что-то втолковывает ему, а гуру, занятый собственными мыслями, оказывается, вовсю проявляет чёрствость к товарищу.

– Мать моя партия, да ты ничего не понимаешь, Володя, – горячо доказывал Курманбаев.

– Научи, научи, вовремя я тебя встретил, – парировал выпад писатель. – Недавно полтинник стуканул, что не говори, полтора возраста Христа, а всё дурак дураком живу…

«Слова какие-то дурацкие говорят», в это время думал сторож. «Лучше бы ещё денег на пиво дали…» Альбионыч молча вынул из кармашка купюру, протянул охраннику и стал дальше говорить какие-то дурацкие слова. Впрочем, сбéгал в магазинчик Калимы Полтавцев довольно споро, и вот уже, как и встарь, над родными просторами Бермудского Учпучмака раздалось русское народное пение, которое очень хорошо прижилось везде, где ступила нога русского мужика, и, в том числе и в Саксаулии. Серёжа замер, как бы настраиваясь, а потом, явно подражая кому-то, затянул противным тоненьким голоском:

– То не ветер ветку клонит,
не дубравушка шумит,
то моё сердечко стонет,
как осенний лист дрожит…

Прапорщик неожиданно всхлипнул и, дивясь происходящему, тем не менее затянул вместе со страдальцем:

– Извела меня кручина,
подколодная змея,
догорай, моя лучина,
догорю с тобой и я…

Володя понял, что пора вмешаться, иначе соплям этим не будет предела, и предложил проветриться. Правда, что он имел в виду, так никто и не узнал, потому что шаловливый ветерок, как пишут в плохих романах, вдруг донёс до игроков некий запах. Оглянувшись, все поняли, что совсем неподалёку пёс Ж. П. по имени Боря сделал своё чёрное дело. Сейчас он сидел, понуро уставившись на свои *каки*, будто чем-то огорчённый. Володя возмущённо поглядел на него и произнес:

– Вообще-то абсолютно всё человечество не одобряет, когда собаки раскладывают свои *подарки* у него под ногами. И именно в этом я с человечеством глубоко солидарен!

Автор нашего правдивого повествования уже как-то отмечал, что Альбионыч не пил крепкого спиртного более десяти лет, и вовсе не из-за того, что это почиталось за ещё одну черту современного делового человека, который просто так, среди рабочего дня, не завалит стаканчик текилы, ибо голова его, по утверждению одного из партийных лидеров прошлого, должна быть трезвой, сердце спокойным, а руки… впрочем, руки значения не имеют, лишь бы не тряслись. Дзержинский, придумавший эти самые сердца, руки и головы, мог спать спокойно. Володю, кстати, всегда поражала некая *анатомичность* этого афоризма, какое-то чрезмерное количество в нём членов и частей человеческого тела.

– Пьянству бой! – вспомнив председателя ВЧК, решительно заявил он.

– Ёперный «Тянь-Шань», какой там бой? – заблестел глазами прапорщик. – Сдаваться надо! – При этой нелёгкой фразе Талгат начал надувать щеки, топорщить несуществующие усы и издавать ртом неприличные звуки, напоминающие варварскую аранжировку Девятой симфонии Людвига Иоганновича Бетховена.

Вниманье! По последней сводке
до катастрофы ровно час.
И если вы хотите водки,
довольно пива есть у нас!

Дворовые дети выписывали замысловатые петли, как пьяные колхозники на деревенской свадьбе. Нуртай нервно покусывал губы, словно героиня латиноамериканской мыльной оперы. Прапорщик со сторожем сидели в обнимку, как разнояйцевые *сиамы*. Наконец, Серёжа заботливо поднёс захватанный гранёный грааль прямо ко рту трубача, и тот, зажмурившись, глотнул. Горячая отвратительная волна прошлась по горлу и желудку, и тут же попросилась обратно.

– Трамбуй её, Талгат, трамбуй! – отчаянно заверещал охранник. – Щас обможется!

И, действительно, *обмоглось*. Через секунду Батыршин просветлел и разумом, и чувствами, и сердцем, и даже почувствовал, что в голове, которая ещё недавно казалась отсутствующей, закопошились какие-то мысли. Кулемзин вспомнил, что знает этих людей уже четыре года, хорошо изучил их пристрастия и повадки, и, не сходя с места, тут же придумал *второй* закон Архимеда, до этого никак не дававшийся большинству учёных мира: «На тело, погружённое в 40-градусную жидкость, не действуют никакие законы!»

– Серёжа, а теперь твой тост, – предложил военный.

– Ну, дай нам *дедушка* чего хочется и закуски немножко, – тут же отозвался охранник. Володя завистливо крякнул – он до сих пор не мог подняться до вершин такой народной мудрости.

– Бутершнаф, царица лесная! – между тем провозгласил Полтавцев. Все попарно расцеловались, но почему-то никто не захотел поцеловать Нуртая, и он понял, что его в коллективе как-то недолюбливают.

Словно к мудрости вершинам
мы восходим иногда:
брудершафты не нужны нам,
ведь любовь – она всегда!
Нам вдвоём не одиноко –
знает в целом голова:
брудершафты пьёт лишь тот, кто
просто любит целова…

Глава 343. И ВНОВЬ СЕРЬЁЗНЫЕ НАПИТКИ (продолжение)

А что же наш Муравлёв? Неужели он оторвался от ставшего ему родным коллектива? Нет, конечно, нет!

– Да ты, Валера, не всё знаешь, – втолковывал художнику Полтавцев. – «Чёрный квадрат» этого Маляревича потому такой чёрный, что он ведь рисовал засекреченный объект!

– Как?! – поразился живописец. – Святой Малевич, а ты откуда знаешь?

– Прессу читать надо, – отмахнулся охранник. – Короче, это был нефтепровод в разрезе.

– Ага, – решил поймать его концептуалист, – а почему тогда он нарисовал его квадратным, а не круглым?

Но поймать Афанасьича было нелегко.

– Эх ты, а ещё живописец, – пристыдил он нового друга. – Ведь Маляревич был не фотограф, а художник – он так видел!

Потом Серёжа вспомнил один страшный день, когда он включил телевизор и вдруг понял, что звука нет. «Профилактика, кажись», подумал образованный текстильщик, обернулся к экрану и… ему стало совсем плохо. Прямо из телевизора на него молча смотрел какой-то мордастый мужик в очках, причём, смотрел нехорошим таким взглядом, не мигая, и руками делал что-то странное. Но самое страшное Полтавцев заметил потом – прямо перед рожей у мордастого стоял стакан с прозрачной жидкостью, очень похожей по виду на любимый полтавцевский напиток.

– Что же это такое, думаю? – рассказывал охранник. – Мать честнáя, да это же просто не может быть! Ну, не может из нашего советского (б) телевизора с раннего утра мужик молча смотреть, да ещё руками над стаканом помахивать. Ну всё, думаю, допился – *белочка* в голове прыгает. Вот ты, оказывается, какая, белая горячка. Сколько о тебе слышал, а ты вон какая!

– Да это, наверное, был Чумак, – предположил писатель. – И ещё был один друг его – Кашпировский такой, так тот банками с водой не ограничивался, а сразу целыми стадионами в транс вводил – чтоб легче деньги было из карманов тырить. Я ещё тогда придумал, что «Кашпировский – это Чумак XX века!»

Фунты стерлингов и пенсы
не заменят нам стакан:
вводят в транс нас экстрасенсы,
делая пустым карман!
Их ученье – полный мрак:
экстрасенс – не друг, а враг!

– Кстати, о неизведанном! Серёжа, а ты никогда не ходил в магазин по «Камасутре»?

– А как это? – заинтересовался любопытный ходок.

– Да есть там такая поза № 126: «Одна нога здесь, другая – там…»

– Понял, понял, – радостно завопил сторож и тут же отбыл в короткую командировку.

– Не спиться б, няня… – несколько переиначил сергеичевы строки писатель, но поняли его все, даже те, кто думал, что отчество Пушкина – Петрович.

– Ох, Уэллс, – неожиданно вздохнул Кулемзин.

– А это кто такой? – заинтересовался музыкант.

– Да был такой великобританский писатель, – объяснил Володя. – Он ещё «Войну миров» написал. Однажды, помнится, этот Уэллс заглянул на огонёк к само-

му́ Владимиру Ильичу в Кремль, и тот начал ему рассказывать, каким будет будущее России через 50 лет.

– А этот, из великой Британии, чего?

– Да чего? Не поверил! Кремлёвский вы, говорит, товарищ Ульянов, мечтатель. А Ленин покачал тогда головой и произнёс единственную прославившую его на весь мир фразу: «Ох, Уэллс, ох, Уэллс!»…

Помню, как ещё вначале,
в неизведанной стране,
мы «Войну миров» читали,
говорили: «Мир войне!»

Вернулся Полтавцев скоро и принёс, как и просил коллектив, *добавку*. Как Володя и предполагал, ничего хорошего это не принесло: пьянка разгоралась не на шутку, и уже с полчаса бедная карточная колода валялась в страшном беспорядке, а несчастная, литературно охаянная Сергеичем пиковая дама вообще была прижата водочным *мерзавчиком*. Мысли о ней постепенно переключились на самого́ Сергеича, что было, по меньшей мере, странно: вот Саксаулия, вот Отцеябловск, вот Бермудский Учпучмак – и где тут место Сергеичу? Разве только в мозгах нашего писателя!

– О чём задумался, Володя? – тронул приятеля за плечо Муравлёв.

– Да вот думаю, яйчики-бабайчики, почему всё-таки наш великий Пушкин в своём творчестве никогда не касался проблем своего времени.

Художник тут же обалдел от услышанного, но не растерялся, а заверил, что он тоже часто, особенно когда примет чуть лишнего, думает над этой животрепещущей темой.

– Почему, например, он никогда не писал на темы крепостничества? – между тем вопрошал Кулемзин. – Или экономики царского правительства? Или вообще геополитического положения России в мире? Почему он не создавал глубинных эпопей, как, скажем, «Война и мир» или «Мёртвые души», «Идиот» или какой-нибудь «Тихий Дон»? Ведь его «Евгений Онегин» по сути – это бытовой, лирический роман.

– Да, почему? – вдруг всерьёз заинтересовался Валера.

– Да потому что наш гений совершенно не заботился ни о светлом будущем рода людского, сволочного и неблагодарного, ни о всеобщем счастье человеческом. А создал он нацию – нашу, русскую нацию. И именно поэтому остался в истории Великим Поэтом.

– За Пушкина! – со слезой воскликнул живописец. – И за тебя!

– А те, кто заботятся о счастье всего человечества, – горько закончил размышления Володя, – не приносят его никому!

При побеге из санчасти
поступаю волево –
приношу я людям счастье:
«Нате, жрите все его!»

– Почему, чем больше выпьешь, тем больше выпить хочется? – заплетающимся языком поинтересовался охранник и вопросительно поглядел на Володю.

– Всё очень просто, – ответил писатель. – Когда под воздействием этанола у тебя растормаживается кора головного «мозга»…

Здесь все дружно поглядели на сторожа и засмеялись.

– … то значительную часть функций берёт на себя подкорка. И вот она-то тут же и превращает тебя в животное, следующее только основным рефлексам. А какой

рефлекс у советского (б) человека основной? Сам понимаешь! Но – не всё дело нашей психологии, иногда это просто бытовая химия. Помнишь такую формулу?

И солнце светит ярче,
и веселей пейзаж,
когда в желудок хлещет
C_2H_5OH!

– Да-да, Серёжа, – тонко поджал губки педагог. – Мать моя партия, надеюсь, ты в школе учился?

– Да что же я, эту формулу не знаю, что ли? – обиделся Афанасьич. – Это же мутиловый спирт! Царица лесная, знаете, как от него мутит…

Глава 344. И ВНОВЬ СЕРЬЁЗНЫЕ НАПИТКИ (продолжение продолжения)

Между тем коллектив постепенно распадался на маленькие коллективчики – со своими разговорами и проблемами. Впрочем, кому я это рассказываю! В одной стране живём…

– Да ты просто ничего не знаешь в жизни, – например, просвещал художника прапорщик.

– Ну почему же? – слабо защищался Валера.

– Вот скажи, что ты будешь делать при команде «Ядерная вспышка справа»? А-а-а, не знаешь!

– Святой Малевич, а разве надо что-то делать? – поинтересовался живописец.

– Йодистая бомба, конечно! Надо быстро повернуться направо и внимательно посмотреть – когда ещё такое увидишь!

– А почему ты так много пьёшь? – в свою очередь поинтересовался Муравлёв у Батыршина. Ему очень понравился этот весёлый военный трубач.

– Да вообще-то чтобы забыть…

– А что именно?

– Да я сейчас уже и не помню!

– А как ты думаешь, – не унимался художник, – тяжело потерять жену?

– Очень тяжело, – ответно вздохнул музыкант. – Я думаю, практически невозможно…

Я назло своей отчизне
позабуду про питьё –
за жену отдам полжизни,
чтоб полжизни – без неё!

– Может, коньячку немножко? – с тоской произнес Салихдзяныч.

– Да можно, – ответил саксаульский рембрандт. – Только жаба душит…

– Валера, – укоризненно покачал головой Кулемзин. – Яйчики-бабайчики, я же тебя учил выражаться интеллигентно.

– А тут по-другому не скажешь!

– А если так: «Земноводное препятствует доступу кислорода в организм»?

Здесь к разговору попытался примкнуть Афанасьич – он приобнял за плечи нового друга и начал что-то втолковывать ему, по привычке коверкая родную русскую речь. Но самым удивительным было то, что Муравлёв явно его понимал. Хотя

через минуту писателю показалось, что разговор их заходит в тупик, как и практически все разговоры по пьянке на просторах СССР (б).

– Валера, а тебе не кажется, – задумчиво обратился он к приятелю, – что картина «Иван Грозный убивает своего сына» – несколько вторична?

– Да я давно такое предполагал, – с жаром откликнулся художник. – А что такое вторично?

– Скорее всего, – продолжил мысль мыслитель, – что она – последняя из *пентиптиха*. По-моему, тебе надо исправить ошибку великого живописца, тем более что ты на днях жаловался: мол, наступил у тебя кризис тем!

– Точно, – подтвердил художник. – Руки тянутся к мольберту, а вот что писать – не знаю!

– Ну, тогда записывай названия будущих шедевров Третьяковки: «Иван Грозный обнаружил пропажу денег»; «Сын Ивана возвращается домой в состоянии наркотического опьянения»; «Сука, положь нож!» и «Допустимая самооборона»

Без экстези и гашиша
я урок вам преподам:
мы шедевры сами пишем,
а смотреть потом их – вам!

– Ноги поднимите, пожалуйста, – раздался голос из-за чьей-то спины. Игроки обернулись и увидели дворничиху Надю, добросовестно относящуюся к своим обязанностям. Труженица метлы ловко *обмела* пространство вокруг покерного столика, после чего с достоинством удалилась. Володя посмотрел ей вслед и заметил:

– А знаете ли вы, друзья мои, что у восьмидесяти процентов дворников от перенапряжения – грыжа?

Серёжа тут же уважительно поглядел на несчастную женщину, на которую, надо заметить, у него были кое-какие виды в связи с её стабильным, хотя и скудным, заработком.

– Может, немного выпьем? – неожиданно предложил Полтавцев. Предложение подкупало своей новизной и необычностью. Естественно, Володя отреагировал на него, как и подобает русскому мужчине средних марсианских лет.

– Единственное, что мне не нравится в твоём предложении, старик, так это слово *немного*, – произнёс он и вручил ходоку купюру. И это был не случайный поступок. Здесь надо отметить, что, попав в компанию пропитонов, Кулемзин поневоле оказался в роли пассивного пьяницы. Этот термин он придумал недавно – специально для себя, справедливо полагая, что если есть пассивные курильщики, вынужденные дышать чужим дымом, то почему бы не может быть пассивных пьяниц, завистливо наблюдающих за чужим счастьем?

Хорошо, чёрт возьми, быть Морга́ном, –
каждый день пробавляться стаканом,
и торжественно, с видом Сенеки,
до обеда подписывать чеки!

– Хотите немудрёную загадку? – предложил Володя.

– Да я могу разгадать и мудрёную, – хвастливо отозвался сторож.

– Давай, – разрешил прапорщик.

– Ну, слушайте:

Он крепче водки «Абсолют»!
Скажите, как его зовут?

– Буратино, мать честнáя! – радостно предположил Полтавцев.
– Нет, самогон, – грустно поведал писатель.

Глава 345. ВЕЧЕРНИЙ ГОЛОС РОДИН

После этой трагической отгадки собутыльники дружно вздрогнули – справа, в доме № 16 неугомонная Ангелина Ивановна вновь включила радио. В начале пришлось прослушать новости дня, из которых аборигены второго микрорайна, а также их гость узнали следующее:

«На прошедшей вчера вечером массовой демонстрации госслужащих саксаульские чиновники дружно выступили против доходов населения, так как из-за них размеры взяток стали до неприличия низкими. Демонстранты приняли резолюцию, в которой отмечалось, что если такое отношение народа к чиновникам будет продолжаться и впредь, то госслужащие просто не успеют направить народные деньги на свои нужды»

«Новости науки. После многолетних исследований саксаульские учёные наконец-то доказали, что, согласно теории Дарвина, зажигалки произошли от спичек»

«Учёные Министерства обороны Республики Саксаулия разработали лазерный прицел для стрельбы из пулемёта. Он представляет собой красную лампу, надетую на кухонный дуршлаг»

«Саксаульские учёные-синологи[248], много лет изучавшие своего южного соседа, выяснили, что на сегодняшний день самым развитым производством в Китае является производство китайцев»

[248] Китаеведы (от позднелат. Sina – Китай) – прим. главы гильдии переводчиков

«Саксаульские учёные установили, что Великая Китайская стена была построена не китайцами, а их соседями»

«Саксаульские учёные после многолетних исследований пришли к сенсационному выводу: в немецких порнофильмах нет смысла»

– А сейчас новости культуры, – бодрым голосом объявила ведущая радиостанции «Азия минус»:

«Исследователи творчества Корнея Чуковского обнаружили в бумагах знаменитого «Мойдодыра» и «Айболита» рукопись следующей книги – «Мойболит»

«Постановлением правительства Республики Саксаулия для увековечения памяти о первых годах капиталистического строительства на главной площади Отцеябловска решено установить мемориальный комплекс «Вечный Пистолет» Из ствола памятника будет идти Вечный Дымок»

– И в заключение выпуска – криминальные новости:

«По сообщениям МВД Саксаулии, в стране орудует банда жуликов, которая ездит по городам, находит доверчивых женщин и, под видом рекламы «Тайда», заставляет их неделю стирать чужие вещи»

Зашевелится вдруг вóлос
на седых уже кудрях,
ведь расскажет добрый голос
нам о страшных новостях…

– А теперь – концерт по заявкам!

Вначале «Радио-Ретро» передало любимую песенку Бори Моисеева:

Ленин всегда живой,
Ленин всегда с тобой,
Ленин в тебе и во мне…

Затем на этой же волне сопокерников заставили прослушать старенькую незатейливую песенку травмированного гомосексуалиста:

Представьте себе, представьте себе,
никак не ожидал он,
представьте себе, представьте себе,
такого вот конца!

Потом над родными просторами Бермудского Учпучмака заструился слабенький, как эфир, голос некоей Кристины Орбакайте, певшей о наболевшем:

Мир, в котором я живу,
называется мечтой…

– Яйчики-бабайчики, да кто бы в этом сомневался? – усмехнулся Володя. Между тем концерт по заявкам на Радио «Азия Минус» продолжился в прямом эфире. Срывающийся женский голосок пропищал с откровенным волнением:

– Меня зовут Зуля, мне очень нравится группа «Оттаван», ну вы её знаете, они ещё поют Track 1, Track 2 и другие. Ну, а мне поставьте Track 9 – я от него ваще тащусь!

Неугомонная Ангелина Ивановна, шевеля ручкой настройки, неожиданно поймала волну ещё одной когда-то социалистической (б) республики:

«Гово́рить «Радио Київ». Слухати групу «Rolling Stones», шо на рідної мове означати «Котіліся каменюки» Вони зараз віробляють пісню «This is a Woman», яка перекладиваеться як «О це дівчина!»

«Новости шоу-бизнеса. После долгих размышлений Билл Гейтс вежливо отклонил предложение Максима Галкина принять участие в игре «Кто хочет стать миллионером?»

Завершился концерт последней культурной новостью, связавшей Саксаулию и её соседку Россию:

«Вчера в Отцеябловске состоялись гастроли печально известного певца Шуры́. Ни одна террористическая организация пока не взяла на себя ответственность за этот акт!»

Наложивши в тыквы ваты
(хорошо, хоть не говно!),
нам поведают попсята
то, что знаем мы давно!

– И, в заключение, – бодро заключила ведущая, – как всегда, рекламный блок:

«Компания «Олвейз» выпустила новые прокладки для наиболее активных женщин. Теперь с экстрактом крапивы!»

«Стопроцентная гарантия снижения веса за один сеанс! Процедура бесплатная! Вы пла́тите только за перелёт на международную космическую станцию!»

«Покупайте «Domestos»! Он убивает всех известных микробов! А неизвестных берёт в плен для опытов!»

«Новая акция! Пришли нам десять пробочек от пива «Тянь-Шань», а в ответ мы пошлём тебя! На хрена нам сдался этот металлолом!»

«Охранная фирма «Крыша» предлагает предпринимателям свои услуги. Пока по-доброму, по-хорошему предлагает…»

Заканчивался же рекламный блок вот таким объявлением:

«Отцеябловская епархия с собственного склада отпускает православную литературу, свечи, иконы, грехи. Постоянно кающимся грешникам – гибкая система скидок!»

Получи-ка, грешник, смету,
но при этом ты учти:
нам покайся – и за это
нам же деньги заплати!

Глава 346. И ВНОВЬ СЕРЬЁЗНЫЕ НАПИТКИ (ещё одно продолжение продолжения)

Давно замечено, что под черноплодные напитки у советского (б) человека только две темы для разговора – алкоголь и бабы. Но, так как про баб наши герои уже наговорились и в первой, и во второй частях нашего правдивого повествования, то разговор плавно перешёл на алкоголь и его последствия.

– Алкоголь вообще полезен для здоровья, – подкинул тему для разговора Талгат. – Йоговская чалма, ну не могут же миллионы мужиков ошибаться!

– Эт’ точно! – поддержал его охранник.

– Здесь, конечно, можно поспорить, – встрял в разговор педагог, до этого молча употреблявший предмет разговора. – Только боюсь, что мы так и не придём к консенсусу…

Услышав такое страшное слово, Батыршин нервно закурил, после чего запархал, сбил дыхалку, судорожно глотнул пайку пива вперемешку с дымом и окончательно потерял способность вдыхать окружающий его воздух второго микрорайона.

Серёжа, увидев беду товарища, тут же принялся энергично лупить его по военнобетонной спине, а Нуртай решил помочь терапевтически.

– Ни у кого случайно нет в кармане кетотифена? – спросил он и, видя, что на его гуманный призыв нет отклика, добавил:

– Мать моя партия, или, на худой конец, эуфилина?

После чего развёл руками, как бы показывая, что он сделал всё что мог, и даже если бы хотел что-то ещё, то, конечно же, не сегодня.

Без закуски пить – дикарство,
а без тоста – просто ор:
не поможет нам лекарство,
если это – не кагор!

– Я про консенсус этот тоже ничего не знаю, – признался трубач, – но по части водки свою норму имею. Ёперная пробочка, правда, когда пью, никак не могу её вспомнить…

После этого признания Талгат глубоко затянулся в последний раз. Его сигарета дымилась уже у са́мого фильтра. Он с сожалением посмотрел на маленький окурок и щелчком отправил его в сторону ближайшей вороны. Володя с интересом наблюдал

за этими эволюциями. Сам он не курил никогда, считая весьма глупым, живя в загазованном городе, специально дышать ещё и дымом. Но у него, как у человека наблюдательного, была своя теория о том, что по манере гасить сигарету можно определить характер человека. Например, *бычки*, согнутые пополам, свидетельствуют о неуравновешенной, нервной натуре, пережившей какую-то драму в личной жизни. Такие спрессованные окурки говорят о низкой самооценке личности, либо об ущемлении его окружающими, либо о невозможности самореализации. А вот ровно и гладко погашенные сигареты указывают на чувство собственного достоинства, некоторый эгоизм в отношении к людям глуповатым и душевное одиночество. Если бы Кулемзин когда-нибудь закурил, то гасил бы эти никотиновые карандашики именно так.

Под напев спиртных мензурок,
отдаётся что в мозгу,
докурил я свой окурок,
не достался чтоб врагу!

Он ещё раз глянул на военного и поразился: тот был сейчас похож на а) оторвавшегося от капельницы тяжелобольного, всё-таки выползшего из палаты сказать последнее *прости* радостным родственникам, и б) на Батыршина, приходившего к нему утром. Впору было заказывать прапорщику какую-нибудь достойную эпитафию – на случай скоропостижного избавления от земных страданий. Словно подслушав мысли писателя, Полтавцев неожиданно заговорил на ту же тему:

– А мне на памятнике, царица лесная, напишите приличную какую-нибудь надпись – епифанию такую, как нецензурно выражается Володя:

Ну её на хрен,
такую жизнь!

Услышав предложение охранника, Муравлёв затуманился глазами. Он сам давно мечтал, чтобы на главном отцеябловском кладбище ему открыли большой белый памятник в виде мольберта и кисточки, а рядом, по углам поставили несколько мусорных бачков для сбора бутылок – ведь к месту такого поклонения день и ночь не будет зарастать народная тропа! Он смахнул набежавшую слезу и тихо обратился к другу:

– Володя, ну почему мы, гении, так любим выпить?

Сгорая, спирт похож на пионерку,
которая волнуется, когда
перед костром, сгорая со стыда,
завязывает галстук на примерку.
Сгорая, спирт напоминает речь
глухонемых, когда перед постелью
их разговор становится пастелью,
и кончится, когда придётся лечь.
Сгорая, спирт напоминает воду.
Сгорая, речь напоминает спирт.
Как вбитый гвоздь, её создатель спит,
заподлицо вколоченный в свободу!

Напитки заканчивались быстро, и охранник на приличном *автопилоте* сновал в магазинчик и обратно довольно часто. Можно было бы, конечно, за один раз принести сразу много, но сказывалась общая усталость организма и ответственность пе-

ред поколениями. Вот и сейчас, кроме пары *мерзавчиков* и полудюжины пивка, он принёс картонный пакет с апельсиновым соком – *на запивку*, как сам Серёжа называл этот сомнительный процесс. Володя тут же принялся рассматривать малопонятные надписи на пакете, откуда с изумлением узнал, что данный напиток произведён в эстонском городе Пыльтсамаа – из чего бы вы думали? На пакете был прямой ответ на этот вопрос: «Valmistatud looduslikest koostisosadest»[249]

[249] Произведено из натуральных ингредиентов – эст.

«Там и яблоки-то плохо родятся, север же», вспомнил писатель. «Почва каменистая, холод… Какие там могут быть апельсины? Похоже, что эстонцы совсем с ума посходили от своей независимости…» Возникало сразу два вопроса: откуда натуральные апельсиновые ингредиенты взялись в далёкой балтийской мини-стране, и как произведённый там продукт попал на пространство Бермудского Учпучмака? С сожалением можно констатировать, что оба ответа так и останутся загадкой не только для тебя, читатель, но даже для автора этого романа!

– Яйчики-бабайчики, всю свою жизнь я надеялся, – горько проронил Володя, – что вот сейчас сверну за угол, и вот она, настоящая жизнь. Но теперь у меня ощущение, что всё лучшее уже прошло. Словно ключ к счастью остался спрятанным где-то в прошлом…

Серёжа поспешно записывал святые для человечества слова, и на страничку книжечки «Для му.мы.» капали слезы. И это было неплохо, потому что они тут же размывали каракули, сделанные красным химическим карандашом: «Спрятал Вовка ключ, а он за углом. Вот так всё и прошло! Мать честнáя! А ведь всё ещё можно было исправить, если бы вовремя призадуматься, как правильно построить свою жизнь»

Карты дёргано тасуя,
отправляясь по пивкам,
за углом искал судьбу я,
а нашёл совсем не там!
Ведь в пыли судьба валялась,
а над ней страна смеялась…

Здесь надо заметить, что только один писатель в этот момент выглядел вполне прилично. Например, после второй порции водки, принятой после пива, художник Муравлёв-Апостол стал жёлтым, как вьетнамец, а лицо прапорщика Батыршина после восьмого «Маршала» и добавленного *мерзавчика* приобрело устрашающую расцветку, как у индейского вождя, который вопреки советам шамана твёрдо решил всё-таки встать на тропу войны и выкопать из земли свой томагавк. Сейчас обретённые друг для друга приятели сидели в обнимку, как раненые защитники Брестской крепости. Вскоре прапорщик, начиная терять разум, перепутал персоналии и, глядя на Валеру, начал уговаривать сослуживца Кайрата наплевать на присягу, для того, чтобы ещё немного послужить высшему армейскому чину – Бахусу Зевсовичу.

– Что-то я немного пьян, – признался Нуртай. Володя обрадовался:

– О, самокритика на местах!

Глава 347. И ВНОВЬ СЕРЬЁЗНЫЕ НАПИТКИ (и ещё одно продолжение продолжения)

Собутыльники то сплачивались в единый коллектив, то неведомая сила алкогольной дезориентации разъединяла их аморфные тела, но другая сила, а именно цен-

тростремительная, всё же влекла их к покерному столику, не давая распасться на непотребные составляющие, словно наши герои были привязаны друг к другу невидимыми веревочками. Сила этого притяжения влекла их то вправо, то влево. Борьба с законами природа отнимала последние силы. Сейчас наши герои напоминали небезызвестную картину Ильи Ефимовича Репина про угнетаемых бурлаков.

Не позабыв о долге
в стремленье возрастном,
как бурлаки на Волге,
всегда мы вместе пьём!

Когда друзья и враг уже распивали по восьмой бутылочке, к покерному столику неожиданно подошла какая-то женщина в белых одеждах и, присев рядышком с Полтавцевым, склонила ему голову на плечо. Все изумлённо вылупились на пришелицу, а Кулемзин предостерегающе прижал палец к губам:

– Тише, тише, это Природа. Она на Серёже отдыхает…

«Ещё несколько таких деньков», подумал писатель, «и как бы не пришлось доживать свой век в доме скорби…»

– А не сыграть ли нам партейку? – неожиданно предложил прапорщик, которому принятый *мерзавчик*, видимо, открыл какие-то неведомые шлюзы памяти. Предложение неожиданно нашло спрос, хотя Кулемзин и сильно сомневался в успехе начатого предприятия. И не зря!

Уже с первых робберов стало ясно, что пресловутый зелёный змий, о котором так охотно любят говорить врачи-наркологи, начал широкомасштабное наступление на игроков. Путались не только карты или масти, но и сама игра, прерываемая изредка возгласами типа «Конём ходи!» или «Свояка в угол!»

Между первой и второй
ты хотя бы рот закрой!
Между третьей и четвёртой
можно вдруг увидеть чёрта!

– Серёжа, я ведь тебе уже сто раз говорил: не нужно быть слишком умным, – произнёс очевидную глупость Володя. – Помнишь, я тебе рассказывал, что лишнее знание заставляет человека усложнять картину мира? Вот возьмём конкретно тебя. Если индивидуум, то есть ты…

Полтавцев тут же приосанился: не каждый день его называли таким красивым и непонятным словом.

– …так вот, если индивидуум знает, чем производная отличается от логарифма, ему чрезвычайно трудно делать правильные – а, главное, быстрые! – выводы, касающиеся реальной жизни. Ему хочется, как ты сам понимаешь, во всём дойти до са́мой сути, и он роет всё глубже и глубже.

Охраннику так понравилась нарисованная писателем картинка, что ему мгновенно представилось, как он, роя всё глубже, наконец-то натыкается на спрятанное сокровище в виде безусловного выигрыша. Он лихо подмигнул в пространство и воскликнул:

– Пять! Играем по мизе́рам!

– Старик, ты что, с ума сошёл? – после очередного хода прапорщика воскликнул Нуртай. – Как ты ходишь?

Здесь надо заметить, что военный алкаш, тьфу, трубач, уже набравший свои заветные три взятки, решил поэкспериментировать и, вместо того, чтобы сбросить старшего джокера *за простую*, неожиданно кинул его, при этом произнеся:

– По козырям!

– В принципе, схема корректная… – пробормотал Володя, затем дождался, пока остальные сопокерники сбросят самые крупные козыри, и потом уже забрал всё это хозяйство имеющимся у него покером, после чего, наконец, закончил мысль:

– …только сработана топорно!

На сторожа иногда что-то нападало, и тогда он каменно замирал, по-удавьи неподвижно глядя в одну точку. Сначала это удивляло, но потом Володя понял, что Афанасьич просто на время отключается, как выключается прожектор или лампа, – гаснет, и, должно быть, в голове его воцаряется полная тьма, – ну, может быть, только изредка разрежаемая случайными сполохами неуяснённых желаний и чувств.

– Серёжа, по-моему, к тебе пришла в гости мадам Деменция[250].

[250] Процесс превращения мозгов в овсяную кашу – прим. автора[251]
[251] Не могу согласиться с автором в столь вольной трактовке этого медицинского термина. Деменция – от лат. dementia – безумие, то есть приобретённое слабоумие (в противоположность врождённому, то есть олигофрении) – прим. науч. редактора

– Да ко мне никто, кроме Зули, не ходит, – обиделся охранник.

В этот момент всем стало ясно, что на сегодня игра, пожалуй, закончена. Талгат с трудом поднялся и, глядя в подпространство, продекламировал:

– Я не какой-нибудь вам хер,
ведь я советский офицер!

После чего рухнул на скамейку и опрокинул содержимое серёжиного *двухсотового* в свою широкую, как водопроводная труба, глотку.

– А есть ещё коктейль под названием «Не понял!», – пробормотал Володя.

– Ингредиенты? – сурово поинтересовался педагог. Охранник тут же достал заветную книжечку «Для му.мы.»

– Берёшь пустой стакан. Всё!

Полтавцев разочарованно закрыл блокнот и долго-долго укоризненно смотрел на знатока.

Вместо чая утром рано
выпил водки два стакана –
вот какой рассеянный
с улицы Бассейной!

Затем Серёжа обнял художника и проникновенно произнёс:

– Помнишь, как я тебя обидел у Вовки в гостях?

– Помню, – закручинился Валера.

– Так вот, ты не думай, что я ни в чём не разбираюсь. Просто настроение было такое, что хотелось обидеть кого-нибудь. А вообще мне твои фуфловые картинки напомнили раннего Анри Эмильевича Матисса!

Муравлёв открыл рот и не закрыл его до той поры, пока не разобрался в себе: вновь обидеться на слово *фуфловые* или обрадоваться за Матисса, ведь сам он считал себя эпигоном раннего Поля Кловисовича Гогена! Но именно это так и осталось тайной для автора нашего правдивого повествования. Да-да, не всё зависит от челове-

ка пишущего, иногда его герои такое откалывают, что начинаются сжигания уже готового продукта, как у Гоголя со вторым томом «Мёртвых душ», или у Вл. Горького с восьмым томом «Русской кочерги», который он нечаянно утопил в горной речке.

Уничтожив все сомненья,
как планету Х – болид,
поступлю с произведеньем,
как мне совесть повелит!

Глава 348. И ВНОВЬ СЕРЬЁЗНЫЕ НАПИТКИ (окончание)

Курманбаев наклонился к прапорщику и что-то жарко неслышно зашептал ему в ухо, отчего тут же стал похож на старого жандармского провокатора, пришедшего в участок стукануть на большевиков, подпольно выпускающих «Искру» К тому моменту нечистый желудок военного трубача наконец-то вспомнил о своих основных функциях, завершил обработку поступившей в него алкогольной гадости и выпустил какие-то сомнительные витаминчики в кровь. Правда, даже они, достигнув мозга, вызвали некоторые эффекты в виде вре́менного просветления, что и позволило ему осознать смысл вначале не доходивших до него нуртаевских слов. Слова́ были скользкими как обмылки, обмазанные вазелином. Шепча явно какую-то пакость, задуманную, чтобы досадить писателю, Нуртай, косясь на последнего, улыбался натужно, как Данила-мастер, из которого никак не мог выйти каменный цветок. Талгат же, наконец расслышав гнусное предложение сопокерника, вначале глубоко затянулся сигаретной палочкой, потом влил в себя ещё один стопарик, а же затем на выдохе коротко, в одно слово, рассказал о девушке трудной Суки-судьбы, но лёгкого поведения.

– Ну, зачем же ты так? – растерялся педагог. – Я же хотел как лучше!

Мы на го́ре всем нуртаям
мировой пожар сваяем!

Праздник, как и в любом месте СССР (б), постепенно переходил в песенную стадию. «Песенная стадия – это, кстати, не так плохо», подумал Альбионыч, «языки ещё шевелятся, а память воспроизводит текст. Вот когда уже ничего не воспроизводится – ни памятью, ни языком, тогда наступает следующая стадия, при которой возникает необходимость воспользоваться, как говорится в народе, удобствами»

– Наши шашки остры́,
Наши кони быстры,
и ведёт нас лихой командир!
Если выйдет приказ,
мы пополним припас,
покорим и Париж, и Памир!

– немузыкально кричал не получивший должной сатисфакции Курманбаев.

– Ну, а лапти смени
да косу наточи,
и умоется кровью весь мир!

– глядя ему в глаза, добавил Альбионыч.

Талгат дождался конца музыкального ора и сказал:

– Нуртай, ты как-то странно поёшь. Нас вот в армии знаешь как учили? Чтобы хорошо петь, нужно открывать рот на ширину приклада!

Но у наших игроков за песенной стадией обычно следовала стадия разговорная, темой которой было всё: женщины, политика, а также рабочие вопросы. В категорию рабочих вопросов неожиданно включалось буквально всё, что приходило в головы собутыльников под влиянием спиртных паров и продуктов их переработки тухлыми организмами.

– Интересно, пиво в магазине ещё не кончилось? – с напряжением спросил охранник, по привычке посмотрев на главного знатока.

– Думаю, что этот вопрос резко выходит за пределы моей компетенции, – ответил Володя.

Серёжа пригорюнился – слова эти были незнакомыми и такими страшными. Он стал догадываться, что пива сегодня больше не попробует.

– Может, по домам? – несмело предложил Валера.

– Да ни за какие деньги, – честно ответил Полтавцев.

Альбионыч тут же призадумался: а, действительно, за какую сумму русский мужик встанет из-за стола, на котором ещё что-то есть? Скорее всего, ни за какую. Пожалуй, и самогó Джона Уильямовича Рокфеллера он проникновенно попросит заглянуть завтра, с укоризной указав на раскинутую скатерть в виде заменяющей её газетки, испачканной по центру селёдочными пятнами. И миллиардер уйдёт с чувством вины, втянув голову в плечи, нервно мусоля в карманах свои миллиарды и размышляя о непонятной русской душе.

И алкаш промолвит важно,
не испытывая мук:
«Будем пить мы так, что страшно
буржуинам будет вдруг!»

Кулемзин посмотрел на чокнувшихся стаканчиками приятелей и осторожно спросил:

– Нормально без закуски-то?

– Нормально, – за всех ответил экс-текстильщик. – С закуской – это пьянка!

– Яйчики-бабайчики, да я вижу, твой характер портится к лучшему, – одобрительно заметил Кулемзин.

– Я вот не понимаю, – обратился к Володе сторож. – Почему все говорят, что трезвость – это норма жизни?

– Всё просто, старичок. Это для того, чтобы можно было понять: значит, алкоголизм – это повышенные обязательства!

– Ну, это вопрос спорный, – попытался было поспорить педагог, но тема слишком увлекла собутыльников.

– У меня вот какая мысель, – проблекотал Полтавцев, поднимая бутылочку. – Короче, хочу выпить, чтобы у людей было!

– Молодец, Серёжа, – похвалил его Кулемзин. – Толковая у тебя мысель!

А что же имел в виду сторож под словом *было*? Да всё то же! Ах, это страстное томление недопитости! Раскалённая бездна под высохшими небесами, тоска голодного по вырванному изо рта куску, иссякающая энергия ненасытных сердец, когда последние капельки спирта синими вспышками дотлевают на гаснущем костре обугленных внутренностей! Вот и Валера после выпитого обмяк и сейчас стал похож на безобидного ласкового дедушку-побирушку типа Махатмы Карамчандовича Ганди с его дурацкой *брахмачарией.* Хорошо, что он не произнёс этого слова вслух, так как просто его не знал, а то ведь последствия могли бы быть необратимыми!

Без усушки и утруски
любим кружку нацедить:
не индусы мы – по-русски
научились с детства пить!

– А откуда всё? – неожиданно поинтересовался Афанасьич. – Мать честнáя, просто не понимаю!

К счастью, Кулемзин понял его правильно, и тут же рассказал короткую сказку, чтобы в воспитании товарища не оставалось никаких пробелов. А называется она

Глава 349. МАЛЕНЬКАЯ СКАЗКА О СОТВОРЕНИИ МИРА

– Как появился наш мир, спрашиваешь ты. Яйчики-бабайчики, да очень просто: однажды *дедушка* пересолил суп. Рассердившись, он выплеснул его вместе с ложкой в ближайший мёртволетящий камень. Так образовался Океан. Второпях, пытаясь выловить ложку (кстати, вещь антикварная – подарок тети Сары), *дедушка* ошпарил руку. Так появился Мат и чуть позже – Мазь От Ожогов. Для охлаждения ситуации тут же были созданы Дождь и Ветер. А чтобы облегчить поиски, *дедушка* сотворил Свет. Тьма же возникла несколько раньше, как непредсказуемый побочный эффект при выращивании Чёрных Дыр. Ко всеобщей радости, ложка была успешно извлечена и водружена на своё законное место. А вылитый суп со временем протух и дал жизнь Первобактериям. Ну, а далее – всё по Чарлзу Робертовичу Дарвину!

– А Дарвин-то откуда это знал? – задал резонный вопрос охранник.

– Да из моих книг, в основном, – не тушуясь, ответил писатель.

Нет, нет не веды и не руны,
и не Галилея внук, –
только Дарвин знает умный,
отчего мы стали вдруг!

Глава 350. ПО ДОМАМ!

Вонь от серёжиной сигаретки была невыносимой и норовила навсегда отравить чистый в помыслах организм нашего главного героя.

– Что за сенокос ты куришь? – в сердцах воскликнул Альбионыч, отодвигаясь насколько возможно. – Такую вонь я помню только из армейского прошлого!

И, действительно, надо напомнить нашему любопытному читателю, что Кулемзин ещё в начале 70-х годов прошлого века служил в доблестной Красной Армии в городе Ростове-на-Дону, где и располагалась знаменитая на все вооружённые силы СССР (б) военная табачная фабрика «Звёздочка», которая выпускала одноимённые сигареты без фильтра по цене 5 копеек за пачку (!), устанавливая тем самым рекорд убыточности советского производства.

– Да что вы знаете о жизни? – по-бéндеровски спросил он. – Думаю, что вы ничего не знаете о жизни! А, между тем, жизнь для нас, мужчин, – это всего лишь эволюция от молодых жеребцов до старых козлов. И потому хрен на эту жизнь, други мои! Аминь.

И писатель лихо запрокинул горлышко пивной бутылочки к своему горлышку. Серёжа тоже приложился к своей бутылочке «Жигулёвского», но при этом пробормотал что-то вроде того, что при чём здесь какая-то революция-шмаволюция.

– Нет, старичок, – возразил ему писатель. – Не скажи так сейчас, и впредь тоже. Ты просто не можешь постичь своим gray substance[252], что именно эволюция спасла тебя от зоопарка!

[252] Серое вещество – англ. Что в данном случае имеет в виду автор, остаётся за гранью разумения редакции – прим. мед. редактора

– Как это?
– Думаю, тебе лучше не знать подробности…

Знает даже конституция,
кою также знаю я:
нас спасает эволюция
от закуски без питья!

– Закусить бы чем, – озабоченно произнёс педагог, с теплом вспоминая обеденные манты. – Может, у Калимы хоть арбузик прикупить?
– Не-е-е, я арбузы не люблю, – признался Афанасьич.
– Почему это?
– Да они ухи пачкают!
Затем мысли сторожа совершили гиперпространственный скачок в совершенно ином направлении. Он приобнял нового друга Валеру и пожаловался ему:
– Мать честнáя, везде жулики!
Когда Серёжа волновался, он поневоле увеличивал громкость своего звучания, при этом падежи и ударения его речи путались и обламывались, как ветки в бурю. Муравлёв заозирался, но жуликов не увидел. На всякий случай он внимательнее пригляделся к прапорщику, но тот сделал вид, что слова сторожа уж к нему-то никак не относятся.
– Да нет, здесь не смотри, – успокоил его Полтавцев. – Вот вчера был в аптеке, взял таблеток от головы, а на этикетке прочитал, что одна таблетка содержит 0,05 грамма натрия этаминала.
– Святой Малевич! Ну и что?
– Как что?! Ты что, не понял?! *Одна* таблетка содержит! А остальные девятнадцать?! А денежки-то пришлось отдать за всю пачку! Жулики! Только и знают, что *своим* честно продавать – по блату!
– Вот ты, Серёжа, говоришь *по блату*, – отозвался Кулемзин. – А знаешь, откуда вообще взялся этот блат? Нет? Тогда слушай:

Глава 351. КОРОТКИЙ РАССКАЗ О БЛАТЕ

Эта история чисто филологическая. После так называемой революции 1917 года у молодой советской (б) власти было очень много отобранного добра – у расстрелянных и репрессированных. Добро это свозили на склады и охраняли доблестные воины с горячей головой, чистым сердцем и холодными руками. И воровали они охраняемое добро по-чёрному, в основном, меняя его на водку.
И тогда товарищ Ленин предложил товарищу Дзержинскому: «Яйчики-бабайчики, а пусть экспроприированное добро охраняет батальон немецких товарищей-коммунистов. Они уж точно не пьют, и потому не воруют!»
И верно, как только охрану складов поручили немецким товарищам, воровство прекратилось. Немцам объяснили, что товары со склада могут брать только люди, имеющие разрешение – бумагу с печатью, выданную в ЧК (б). Разумеется, немецкие

коммунисты были не сильны в русском языке, и потому бумагу с печатью называли по-своему – das Blatt, то есть *листок*, *документ*. Каждому приходившему на склад за барахлом строгий немец преграждал дорогу винтовкой со штыком и грозно говорил: «Блат! Ёперная революция!»

И вот тогда очень быстро в рядах обывателей прошёл слушок, что товары со склада можно получить исключительно *по блату*. Вот так немецкая добросовестность подарила русскому языку новое слово, сделав его ещё более великим и могучим!

Как посмотришь результат ты,
то поймёшь, что взял ничью –
исключительно по блату
проживал ты жизнь свою!

Глава 352. ПО ДОМАМ! (продолжение)

Было видно, что пьянство совершенно выбило из присутствующих воспоминания о покере, направляя их мысли в иные неведомые русла.

– Знаешь, Талгат, – неожиданно обратился к прапорщику Валера. – У меня такая проблема: как выпью – на теле появляются какие-то синие пятна.

– Понимаю тебя, друг. У *моей* тоже характер ещё тот!

Глядя на бледное лицо художника, так и не набравшее цвéта после неумеренного возлияния, Володя ясно представлял себе Пьеро, отсидевшего пару лет в колонии строгого режима. В это время гиперпространственный скачок посетил и мысли военного трубача, что случалось крайне редко именно в таком нередком состоянии.

– Предлагаю присвоить нашему Отцеябловску звание города-героя! – неожиданно заорал он. Кулемзин аж крякнул, остальные же немного подавились пивком.

– Мать моя партия, а основание? – проперхавшись, строго поинтересовался педагог.

– Йокарный орден, да потому что в нём живут такие герои, как мы!

Предложение было принято единогласно.

Чтобы точно стать героем
и достойно жизнь вершить,
надо в городе-герое
жить, работать и любить!

Гиперпространственные скачки сознания продолжались.

– Володя, вот ты умный, скажи, а что такое вообще жизнь? – интимно наклонился к плечу писателя Курманбаев.

– Жизнь, старик, это просто иллюзия, данная нам в отсутствие пива!

– Думаю, неважно, откуда у человека деньги, – промолвил Нуртай, не сводивший жадного взора с кармашка знаменитой володиной рубашки. – Важно, чтобы они были, правда?

– Не всегда, – ответил писатель, – но мысль в целом правильная. Вот, например, у тебя они сейчас есть? А то Серёжа, как Сивка-Бурка, что-то застоялся без работы.

Охранник благодарно поглядел на Володю, как бы подтверждая, что, мол, да, за мной не заржавеет. Педагог стушевался и тут же перевёл разговор на международное положение. Володя же вытащил очередную купюру и отправил в поход сторожа, только после этого сообразив, как легко попался на удочку хитроумного педагога.

Чтобы более-менее прилично завершить происходящее безобразие, Кулемзин искал не то чтобы повод, а так – хотя бы какой-то знак Суки-судьбы. И знак ему был явлен. Мимо сопокерников прошла красивая женщина с причёской заведующей советским (б) детсадом. Видимо, вспомнив счастливое детство и деревянных лошадок, Талгат долго глядел ей вслед, пока его взгляд не был остановлен криком с балкона:

– Как много ты куришь!

– Ой, Аида! – испугался прапорщик.

– Ничего, старик, – весело успокоил товарища Володя. – Копчёное мясо дольше хранится.

Однако аккумуляторы веселья быстро подсели.

– Домой! Срочно домой! – не унималась супруга.

– А там что, пожар? – в последней надежде поинтересовался военный.

– Хуже, – объяснила любимая. – Приходи – сам увидишь!

– Йодистый Володя, может, ещё по пивку? – еле ворочая языком, пробормотал прапорщик.

– А, может, тебе ещё дать ключ от квартиры, где девки визжат?

Талгат, услышав такое заманчивое предложение, в силу врождённого любвеобилия тут же предложил *снять* гипотетических девочек, но Валера уговорил его не осквернять светлый мужской праздник присутствием посторонних юбок.

Я обычно, как напьюсь,
головой об стенку бьюсь –
то ли вредно мне спиртное,
то ли просто возрастное…

Вместе с пивом сторож принёс небольшой сверточек с масляными бочка́ми и, не томя игроков, развернул его. Перед взорами изумленных учпучмаковцев предстали четыре тощенькие кильки пряного посола.

– Это кому? – тут же задал умный вопрос Талгат.

– Нам, – просто ответил Полтавцев. – В принципе, я взял этих животных не для еды, а так, для натюрморта. Понравилась мне эта килька чем-то… Глазоньки такие грустные, Одри Джозефовну Хепбёрн напоминают… И вообще, должен же быть стиль: раз есть пиво, то должна быть и солёная рыбка!

Пива выпил, кильку съел –
сразу же помолодел!

Володя ещё раз удовлетворённо оглядел коллектив. Рядом с этими живыми трупами было как-то особенно приятно ощущать весь комфорт жизни, тем более, что он чувствовал, как в крови заметно повысилось количество гормона отчаяния. В такие минуты Альбионычу очень хотелось сбросить ненужную шелуху цивилизации, чтобы наружу выскочил первобытный человек, а все его предки обрели единство в своей множественности: и скифский лучник, на скаку пронзающий стрелой перса, и славянин-ант, собирающийся в поход на Византию, и русич, сражающийся с тевтонами, и казак, штурмующий на *чайках* турецкий Трапезунд, и польский шляхтич, схлестнувшийся в бешеной рубке со шведскими рейтарами, и русский казак-пластун, добывающий очередного *георгия* в разведывательном поиске. Но так уж устроен человек – долго предаваться горю не может. И это хорошо. Иначе ходили бы по земле одни безумцы, ведь всякие неприятности и беды – вечные спутники несчастного человечества.

В это время писатель заметил, как Муравлёв жадно проглотил одну из четырёх килек и сразу же потянулся за другой. Кулемзин ловко выдернул морское миничудище из рук саксаульского тициана.

– Валера, ты лучше не закусывай, – посоветовал он.

– Святой Малевич, почему?

– Да что бы скандалов лишних дома не было, – объяснил Кулемзин. – Твоя Наташа русская женщина, а русская женщина всегда относится с пониманием к тому, если муж приходит домой пьяным. Но…

Альбионыч поднял вверх палец.

– … никогда, если сытым! По её логике, напиться можно где угодно, а вот пожрать – только у бабы!..

Мы налево – баттерфляем,
предвкушая новый акт,
но измены вычисляют
наши бабы – это факт!

В это время Полтавцев ловко подвинул к живописцу свой *двухсотовый*.

– Ты как, будешь? – поинтересовался он.

– Если ты, Серёжа, думаешь, что задал ему вопрос, – заметил Володя, – то глубоко ошибаешься! Это, старик, не вопрос, а предложение, отказаться от которого не имеет права ни один здравомыслящий человек!

– Так ты выпьешь? – ещё раз уточнил Афанасьич.

– Я бы отказался, – ответил Валера, – да сил нет!

Валера лихо опрокинул напиток в пасть, занюхал плечом охранника, и тут гиперпространственный скачок наконец-то посетил и его.

– Святой Малевич! – воскликнул он в ажитации. – А давайте все на природу!

– На так называемый пленэр? – иронично уточнил Кулемзин.

– Ага! – радостно подтвердил Муравлёв. – Краски с собой возьмём, мольберт какой-нибудь, палитру…

– Лучше по два литра! – проснулся военный. – Закурить у кого-нибудь есть?

После чего вырвал изо рта охранника уже погасший *хабарик* и стал сосредоточенно дышать через него, пытаясь вызвать к жизни никотиновый огонь .

Ничего на свете лучше нету,
чем стрельнуть у друга сигарету.
Пусть бычками брезгают придурки, –
нам любые дóроги окурки!

Глава 353. ПО ДОМАМ! (окончание)

«Как бы не потеряться в сумерках истории!», видя, что коллектив уже практически выпал в алкогольный осадок, метафорически подумал писатель. Он прислушался к диалогам, звучащим за покерным столиком.

– Да что же я, твоих Римского с Корсаковым, не знаю, что ли? – возмущался Полтавцев, толкая в бок Валеру. – Это же они, подлецы, высокохудожественно изобразили полотно «Грачи залетели»!

Муравлёв, считая, что это странное предложение ему могло только почудиться, потихоньку ущипнул себя, как делал когда-то в детстве, за щёку. Это был верный признак: если вместо привычных кожных ощущений чувствовалась какая-то вата, то это означало, что пора линять из компании, иначе может случиться что-нибудь нехо-

рошее, такое, о чём наутро и вспоминать будет страшно. «Пусть пацаны одни дальше гудят», сказал он сам себе и попытался подняться. Но – не получилось!

– Валера, а как ты познакомился со своей женой? – желая завязать разговор, поинтересовался Серёжа.

– Да так, случайно… Винить некого…

– Храни тебя *дедушка*, – обрадовался сторож и перекрестил живописца корявыми пальцами.

– …в сухом прохладном месте, – тут же добавил Кулемзин. Но серёжин зуд говорливости не унимался, а только разгорался, подбрасывая всё новые темы для разговора.

– Мать честнáя, а ты на зиму самогон выращиваешь? – приобняв Муравлёва, пытал он его. Неожиданно к разговору примкнул очнувшийся от забвенья Талгат.

– Что-то всё чешется, – озабоченно поведал он про свою беду. – Аллегория, наверное!

– Ты чего маешься, Талгат? – спросил чуткий Володя, который, надо заметить, всегда воспринимал чужую беду как чужую.

– Да вот думаю, может быть, что-нибудь поделать от нечего выпить?

Разговор наш однотипен,
как дождливый перестук:
«Если нечего нам выпить,
не работать же, мой друг!»

– Вот ты, Валера, вспомни, – не отставал от художника Полтавцев. – Вспомнил?

– Святой Малевич, что именно?

– Ну, как в библии было написано: есть время разбрасывать камни, а есть время не разбрасывать!

Муравлёв задумался. Писатель же остро позавидовал серёжиной логике и даже подумал о том, что у сторожа мысль получилась более чёткой, нежели у старого еврея Соломона Давидовича с погонялом Екклесиаст[252]. Затем в тыкве Афанасьича что-то булькнуло, и он переключился на другую тему, как старый советский (б) телевизор с изношенным гетеродином.

[253] Книга Екклесиаста, 3:5 – прим. автора

– Вот выйду на пенсию, – мечтательно прищурился он, – и закончу свою вторую книгу!

– А ты что, тоже пишешь? – изумился писатель.

– Нет, я читаю…

Кулемзин посмотрел на него взглядом Медузы Горгоны, после чего получил вопрос в лоб:

– Царица лесная, ну что ты на меня смотришь, как Медуза Гангрена?

Не участвовал в разговоре только педагог – видимо, из-за опасения быть признанным в этой компании за фракционера и сепаратиста.

– А вам, ребята, сны эротические снятся? – опасливо оглянувшись, прошептал Афанасьич. Здесь Курманбаев смущенно потупился и ещё больше замкнулся, поэтому пришлось отвечать Володе.

– Раньше снились, – пояснил он. – В детстве.

– А сейчас?

– А сейчас – в основном порнуха всякая!

Днём гляжу на потаскуху
(на неё я не залез),
снится ночью мне порнуха:
новый съезд КПСС!

– Володя, а что ты будешь делать на пенсии? – неожиданно спросил охранник, видимо, пытаясь раскрыть какие-то неведомые временны́е каналы далёкого будущего. Но на этот нелёгкий для кого-нибудь другого вопрос у Альбионыча давно был ответ: по выходе на пенсию Кулемзин мечтал открыть или пирожковую с ласковым названием «Как у мамы», или бильярдную «Шаром покати», или покерный клуб «Ни дня без *жопы*», что он и озвучил в ответе.

– Или платный туалет, – загорелся идеей Муравлёв.

– Если туалет, то название красивое надо, – авторитетно заметил охранник. – А то ходить не будут…

– Да название-то уже есть, – отозвался писатель. – «Перпетуум мобиле», яйчики-бабайчики!

Стало тихо, как в детском садике после обеда. Всем было окончательно ясно, что замечательный день, проведённый в замечательной компании, подходит к концу. Пора было расходиться по домам.

– А завтра играть будем? – спросил Серёжа.

– Будет день – будет и пицца, – мудро ответил писатель.

Нас застигнет сон полночный,
вспучив Времени шагрень:
только Завтра знает точно,
что же будет в этот день…

Глава 354. РАСХОД ПО МАСТЯМ

Не хочется, ох как не хочется отпускать автору своих героев на заслуженный отдых, но надо! И не потому, что он так сроднился с ними, хотя и это немного есть, а просто потому, что завтра будет новый день, а вместе с ним и новый, второй том нашего правдивого повествования. Об этом подумал и Кулемзин, произнеся старую зэковскую команду:

– Расход по мастям!

Не все поняли это выражение, но карточное слово как-то успокаивало, от него веяло чем-то стабильным и хорошо пахнущим, как *тройной ухой* под рыбацкий костерок.

– Да, и не забудьте обвести сегодняшний день в своих не совсем грамотных автобиографиях обгрызенным красным карандашиком, – на прощание пожелал Володя. – Он был неплохим, этот день, и прошу запомнить его…

Собуты… тьфу, сопокерники быстро допили недопитое и стали собираться в походы по местам постоянного проживания. Но алкоголь, уже надёжно укрепившийся в их утомлённых *русской кочергой* организмах, не собирался сдаваться легко. Он кружил голову, больно бил по печени, засаживал короткие иголки в сердце, а также путал ноги, а иногда и руки, если нетрезвый путешествовал домой на четвереньках. Вот и Полтавцев, лихо поднявшийся с покерной скамеечки, тут же упал на мягкую траву, но не рассердился, а, напротив, обрадовался:

– Я свою меру знаю. Мать честна́я, упал – значит, хватит!

– Может, у тебя фрустрация[254], Серёжа? – поинтересовался учёный Альбионыч.

– Да это не просрация[255], Володя, это у меня когнитивный диссонанс[256] души!

[254] От лат. frustratio – тщетная надежда. Состояние подавленности и тревоги, возникающее у человека в результате крушения надежд и невозможности осуществления идей – прим. мед. редактора
[255] То же, но гораздо хуже – прим. автора.
[256] Ну, а это вообще труба! – прим. муз. редактора

– Ну что, завтра в это же время?

Володя улыбнулся и ответил загадочно:

– Да. Если время ещё будет существовать…

После этого Афанасьич кое-как поднялся, закрепил положение, подкрутив какую-то ручку в своём вестибулярном аппарате, и отправился к дому № 16. Шёл сторож покачиваясь, но при этом бережно прижимал к груди пустые пивные бутылочки, словно великомученик Тарцизиус бесценную дароносицу. Затем охранник резко обернулся – как человек, что-то внезапно вспомнивший, и радостно прокричал вслед оставшимся:

– Зацветает огурец –
тут и сказочке конец!

«Это ж надо, как возбудились реагенные зоны эпителия!», в ответ на песню подумал поэт. Полтавцев тем временем за какие-то полчаса осилил ступеньки всех четырёх этажей и наконец очутился в родной квартире. Из прихожей его сразу же занесло на кухню, где ноги, почувствовав, что уже можно расслабиться, подогнулись. Встав на колени, Серёжа уткнулся головой в чугунную батарею отопления. Она была холодная и бесчувственная, как Нуртай. Затем он подложил под голову шевелящийся мешок, о котором автор уже упоминал в главе 195 второй части нашего романа, и забылся тревожным сном.

Вслед за Афанасьичем домой отправился и Курманбаев.

– Оревуар, – жеманно попрощался он со всеми.

– А это чего такое? – с недоумением спросил Муравлёв.

– Это по-французски, – объяснил педагог. – Означает *до свидания.*

– Ну, тогда цианистый калий! – попрощался и Володя.

– А это что?!

– А это *прощай* на любом языке!

Жаль, что этой фразы не слышал Полтавцев, иначе он непременно бы занёс её на долгую память в заветную книжечку «Для му.мы.»

Отбыл педагог крайне поспешно, так как видел, что прапорщик на ногах уже не держится, и, следовательно, надо сваливать побыстрее, пока Володя не попросил помочь транспортировать военного на второй этаж. Правда, надо заметить, что, несмотря на эти паскудные мысли, на лице Нуртая всё же отобразились забота и искреннее участие. Для человека, две трети жизни отдавшего *аппаратной* работе, это было не такое уж сложное физиогномическое упражнение: вертикальная складка у переносицы, чуть присобранные вперёд губы, а также тревожный взгляд, как при исполнении «Интернационала», направленный точно в зрачки собеседника.

Почувствовав взгляд педагога, Батыршин приподнялся и, вытянув руку в его направлении, безмолвно показывал пальцем на *иблиса* за спиной Мусаича. Со стороны это было очень похоже на учителя биологии, объясняющего глуповатым школьникам: «Вот так, дети, происходит процесс размножения человека…» Расставаясь, Курманбаев ещё раз пожелал сопокерникам не расслабляться ночью, а всерьёз заду-

маться над случившимся за день, а также покончить с псевдопринципиальностью и ложно понимаемыми ценностями.

Время быстро идёт по маршруту,
бьют часы, отбивая года,
мы встречаемся лишь на минуту,
а прощаемся как навсегда…

– Да иди уже! – досадливо произнёс Кулемзин и подступил к лежащему музыканту, как к мешку с силосом. Нуртай смущённо замахал ручками, как старушка, которую неожиданно пригласили на дискотеку, и, уходя, на прощание продемонстрировал свою достаточно женскую *корму.* Володя смотрел ему вслед, как Тарас Бульба на непутёвого сына Андрия. Оставалось осуществить последнюю стадию прощания – доставку военного тела во вверенную ему часть.

Глава 355. РАСХОД ПО МАСТЯМ (окончание)

– Разрешите быть свободным… – внезапно промычал Талгат, после чего сделал неудачную попытку подняться.

– Разрешаю, – ответил писатель. – Можешь быть не просто свободным, а свободным как сопля в полете!

– Счас упаду! – тут же счастливо доложил музыкант, идиотски улыбаясь. Голова его очень смешно валилась то к одному плечу, то к другому.

– Приказываю… хр-р-р… мр-р-р-…бр-р-р… – неожиданно начал хрипеть он.

«Чего это он?», мысленно удивился Володя, не успевший ещё дойти до такого состояния. «Приказал что-то, что ли?» «По-моему, он приказал нам всем долго жить!», уверенно перевёл с прапорщицкого на русский его внутренний голос..

Альбионыч поднял Талгата и повёл осторожно, но настойчиво, прапорщик же брыкался, как фельдкурат Кац из «Похождений Швейка»

– Ну вы и нажрались, поручик, – попенял пьянице писатель. – Давай, маленький, ставь ножку, потом другую – и спать!

– Нет, – упирался военный. – Сначала я должен сходить на Красную площадь!

Здесь даже видавший виды Кулемзин обалдел:

– Какую площадь?!

– Мне, как коренному москвичу, – вещал Салихдзяныч, – просто стыдно, что я уже десять лет не был на Красной площади!

От желаний я дряхлею –
так и хочется рвануть:
не был, братцы, в мавзолее!
А хотелось бы взглянуть…

Кое-как доведя Батыршина до подъезда, Кулемзин остановился передохнуть. При этом трубач неожиданно поджал ноги, затем широко расставил их и упёрся каблуками туфель в наличники, как это делал его сказочный побратим Иванушка-дурачок при попытке Женщины-Яги[257] затолкать его в печь. Это было неожиданным препятствием для писателя, так как к вечеру он разбухал, как переспевший на грядке кабачок. Но вот наконец ему удалось освободить наличники от путающихся ног прапорщика, и он, помогая себе различными выражениями русского языка, кое-как затащил Талгата на второй этаж. Прислонив его к двери, он, как это делал в далёком детстве, нажал кнопку звонка и опрометью бросился вниз. Притаившись в тёмном

нутре подъезда, где-то через минуту Володя услышал глухой удар и понял, что нуль-транспортировка прошла успешно.

[257] ***Автор, будучи глубоко интеллигентным человеком, не может позволить себе называть даже сказочных персонажей вульгарным словом баба – прим. автора***

– Явился наконец, – раздался ядовитый голос прапорщицы.

«Услышав лай караульной собаки, часовой должен продублировать этот сигнал тревоги голосом», вспомнил Батыршин и сквозь наплывающую свинцовую темноту пробормотал:

– Спокойной службы, дорогая…

Пережидая семейную бурю, Альбионыч немного поговорил с внутренним голосом, очень похожим на голос его персонального муза Васи Курочкина. «Какой тяжёлый *четырёхсотый*!», посетовал Володя. «Как это?», отозвался внутренний голос. «Ну, помнишь, армейский жаргон? «Двухсотый» – это убитый, «трёхсотый» – раненый. А как же назвать бухого в хлам прапорщика? Только «четырёхсотый»!

Буйная головушка,
хмелю не проси!
Как бы не преставиться,
дедушка, спаси!

Между тем военный, которого пару раз пнула Аида, от этих незапланированных Сукой-судьбой толчков вдруг вспомнил своё музыкальное прошлое: схватив рабочую трубу, он выбрался на балкон, приложил её ко рту и дунул раз-другой, хотя никаких звуков, кроме хриплого сипения, ему извлечь не удалось. Прапорщик снова надул щёки, после чего стал поразительно похож на призрак гипсовых пионеров из туманной дымки счастливого советского (б) детства. Поняв тщетность музыкальных усилий, он бережно опустил трубу на прохладный бетон балкона и улёгся тут же – в поисках приятных снов. Аида молча поглядела на мужа, плюнула в него и не попала. Подошедший папа Яков Моисеевич тоже поглядел на зятя, пробормотал что-то вроде «Я же тебя предупреждал», плюнул и попал. Батыршин во сне был счастлив – день явно удался.

Володя, которого автор оставил притаившимся в чужом подъезде, наконец понял, что опасность миновала, и тоже отправился домой. Он уходил с пространства Бермудского Учпучмака как главврач, оставляющий тяжёлых больных на подслеповатых медсестёр, но надеясь, что к утру они приобретут облик, хотя бы отдалённо напоминающий человеческий.

Говорит гуру́ Кулемзин,
растолковывая сон:
«День готовил нам болезни!
Но закончился и он…»

Глава 356. ПАПКА ЖИЗНИ

А что же педагог? Неужели и он в своём походе домой претерпел такие же муки? Да, конечно же, нет. Бодрым шагом добравшись до своего четвёртого этажа, он открыл дверь, поцеловал встретившую его жену и прошёл на кухню. Быстро перекусив чем демократия послала, он уверенно двинулся к своей комнате – но не спать, как, наверное, показалось читателю, а с другой утилитарной целью. Но, прежде чем

приступить к своему ежевечернему занятию, Мусаич тщательно вымыл руки с мылом, правда, не своим, а жениным – в целях экономии. «Только чистыми руками!», проговорил он сам себе привычную формулу дзержинцев и вытер руки также полотенцем жены.

И только потом Нуртай по старой, заведённой ещё при Советах (б) привычке, достал из-под кровати некую папку и начал делать в ней записи. Папка, в отличие от своего соседа – бюстика Дзержинского – была не пыльной, так как участвовала в жизни Курманбаева практически ежедневно. В ней была вся жизнь педагога в новую послекоммунистическую эру – сюда ежедневно записывался компромат на сослуживцев и соседей («На всякий случай!»), мысли по поводу прочитанных трудов классиков марксизма-ленинизма и многое другое. Кстати, о бюстике, а то забудет автор сейчас сказать о нём, а мысль его упорхнёт в следующую главу – и поминай как звали! Это был небольшой, но довольно увесистый оловянный бюст Феликса Эдмундовича, нуртавского кумира № 2 – после Ильича I, кокетливо раскрашенный под старую бронзу. Педагог держал его под кроватью, а во время генеральных уборок на вопросы детей, кто это, отвечал, что это их предок Курманбай.

А теперь вновь к папке. Завелась эта папка совершенно не случайно, а в результате знакомства Курманбаева с Кулемзиным. Надо сказать, что Володя не понравился Нуртаю сразу, и, прежде всего, обилием каких-то идеологически невыдержанных фраз типа «СССР – страна очередей» Услышав подобное глумление над тем, что составляло основу его многотрудной при капитализме жизни, педагог решил записывать эти страшные мысли. «А вдруг вернутся наши», думал он в стиле Варфоломея Коробейникова, «вот тут-то моя папочка и пригодится!»

Буду жить по прежней схеме –
будет пусть мечта близка:
вдруг вернётся наше время
партсобраний и ЧК?

Правда, вид у папки был какой-то несолидный – обычные серые картонные корочки с белыми, немного грязноватыми от частого использования тесёмками. В таких папках ветераны, измождённые борьбой с бюрократизмом, собирают ответы из всевозможных инстанций вроде районного суда, жилкомхоза, от участкового милиционера, и вообще от всех инстанций, основной задачей которых при советской власти (б) было посылать, посылать и посылать всех жалобщиков куда подальше, чтобы не сразу разогнулись они от очередного удара, чтобы не сразу в себя пришли, чтобы некоторое время ещё теплилась в сутяжной душонке надежда на то, что ответ они получили благожелательный, что их квартирные, пенсионные, сантехнические и прочие проблемы уже решены, и остётся немного, совсем немного подождать. И только со временем такие жалобщики начинают понимать, начинает до них доходить, что их попросту послали в очередной раз – далеко и надолго!

Были в нуртаевской папке и колонки доходов-расходов. Найдя их глазами, педагог кстати вспомнил, что сегодня получил на халяву от Кулемзина 12 бутылочек «Тянь-Шаня», в столбик умножил эту цифру на 35 назарбаксов, и, получив прибыль аж в 420 назарбаксов, с удовлетворением константировал, что день прошёл не зря. Затем он аккуратно записал поступивший за день компромат на своего благодетеля. «Придут наши – попляшешь!», с тайной надеждой порадовался он.

Такая конторская работа нравилась ему всё больше: только с заветной папкой он мог поделиться наболевшим за прошедший день. Затем Курманбаев открыл раздел, посвящённый одному из самых страшных людей, которых он встречал в своей жизни, а именно Альбионычу, и, немного подумав, записал: «Сегодня пришло осо-

знание, что у Кулемзина есть второе дно. И, чует моё сердце, – не последнее!» Перечитав написанное, он порадовался открытию, и затем перешёл к разделу, в котором отображалась деятельность его семьи. «Жена дала мало мант на обед», с горечью поведал он папке жизни.

Для чего бы это, с недоумением спросит автора любопытный читатель. И автор объяснит ему, что Мусаич, будучи марксистским материалистом, знал, что когда-нибудь станет старым и немощным, а вот эти строчки тут и пригодятся – если, например, жена не принесёт ему пресловутый стакан воды. «В суд её, сволочь!», заранее радовался педагог своей будущей маленькой победе.

Ох, и жизнь моя отвратна
и вонюча, словно ил:
соберу я компромат на
всех, кто в жизни насолил!

Педагог с удовлетворением прочёл сегодняшние записи, немного подумал и добавил: «Старший прапорщик Батыршин пил весь день! А кто в трудную минуту будет Родину защищать?!», после этого с чувством хорошо выполненного долга стал готовиться ко сну. Затем он понял, что из-за страшных перипетий сегодняшнего дня заснуть сразу не удастся, и решил немного почитать. Библиотека Курманбаева была не в пример больше полтавцевской – на почётном месте, как бойцы, стояли в ряд следующие книги серии «Пламенные революционеры»: «Товарищ Артём» (повесть о Ф. Сергееве), «Товарищ Арсений» (повесть о М. Фрунзе), «Товарищ Кондратий» (повесть об апоплексическом ударе). Впритык к ним стоял любовно сохранённый фотоальбом «Служебно-розыскные собаки – лауреаты Сталинской премии 1949 года» Прочитав названия своих любимых книг, его почему-то затошнило, и Нуртай понял, что сегодня читать ему уже не хочется.

Глава 357. В РОДНОМ ГНЕЗДЕ

Уставшее солнце готовилось провалиться за дома́, но пока всё ещё било своими лучами по стеклам дома № 21, стоящего слева от Бермудского Учпучмака. Казалось, что там буквально во всех квартирах живут невнимательные холостяки, которые, попивая пивко на кухне, оставили свои включенные утюги в основной комнате, что и привело к тому пожару, который сейчас полыхал, доставляя эстетическое удовольствие любителям природы. В окнах верхних этажей отражалась алая кровь заката. Казалось, что темнота наполнялась вознёй серых жадных зверьков, барабанящих по упругому слою сбитой листвы розовыми безволосыми лапками. Пласты и колонны туманного воздуха ворочались над затихающим городом – как ноздреватые влажные камни, тут и там размытые или расколотые светом невидимых отсюда окон. Первый эшелон растрёпанных сизых туч уже двигался прямо над головами. Сутки, чтоб им ни дна ни покрышки, уверенно катились к концу.

Квартира тихо и радостно встретила Кулемзина припасённой тишиной. Вместе с ним в жилище проскользнула утомившаяся за день кошечка Несси, и писатель сразу же озаботился тем, что налил ей блюдечко прекрасного белого напитка. Еле слышно причмокивая, Несси жизнелюбиво умертвляла молоко, тут же перерабатывая его в кислую кошачью мочу. Первым делом Володя задёрнул шторы, потому что на начинающей темнеть улице имени знатного саксаульца Жубанова включились мощные дуговые лампы, даруя засыпа́ющему городу иллюзию солнечного дня, способствуя фотосинтезу и здоровому росту чахлой саксаульской растительности. Володя завалился на любимый *аэродром* и, прежде чем приступить к ежевечерней читке сразу

нескольких книг, какое-то время пролежал в *шаванасе*, дыша при этом по только ему известной марсианской системе, а также медитируя на потолок. При этом в его организме продолжались непрерывные бдения и келлервейгунген[258].

[258] Да это просто издевательство какое-то! Нет такого слова ни в одном из известных нашей гильдии языков! – прим. главы гильдии переводчиков

В голове как в центрифуге:
слово мне попалось – ах!
Но ни келлер, ни вейгунген
не нашёл я в словарях!

Затем наш герой вытащил закладки в сразу нескольких книгах. Первой ему попалась книга известного в своё время немецкого врача-невролога Макса Фридриховича Нонне «Сифилис и нервная система» издания 1902 года. Прочтя несколько страниц, он отложил книгу и поругал автора за излишний обскурантизм.

На второе ему досталась пресловутая библия, которую он тоже читал каждый день, но не в плане тотального глупого поклонения якобы гениальным строкам, а для того, чтобы найти как раз такую, над которой можно будет посмеяться перед сном. Сегодняшняя строка нашлась в Книге Песни Песней Соломона: «Нос твой – башня Ливанская, обращённая к Дамаску»[259] Он посмеялся и поругал неизвестного еврейского автора за излишнюю образность.

[259] Книга Песни Песней Соломона, 7:5 – прим. автора

«Нет», подумал писатель, «все эти глупости не для меня. Яйчики-бабайчики, почитаю-ка я своего старого друга» Альбионыч, конечно же, имел в виду некоего Иммануила Иоганновича Канта, а именно его книгу «Критика чистого разума», которую он изучал уже несколько лет. И вот почему. Ещё в начале изучения он понял вот какую штуку: человек может быть семидесяти семи пядей во лбу, притом специально заниматься философией времени и заслуженно считаться величайшим умом, и стоить в «Букинисте» диких денег за семь написанных с бодуна томов, а на самом деле толком так ничего и не понимать в своём предмете. Например, посмотри́те, что несёт этот старый схоласт? Володя взял кантовский томик и ещё раз внимательно прочёл: «Положение о том, что различные времена не могут существовать вместе, непосредственно содержится в созерцании времени и в представлении о нём…» И это умный человек! Какова же вообще цена философии, если *князь философов* городит такую чепуху?

Пережравши абрикосов,
сочинил дурацкий стих –
коль зовёшься ты философ,
будь чуть-чуть умней других!

Володя, будучи убеждённым марсианином, доподлинно знал, что всё совсем не так, и в «созерцании времени» содержится нечто другое, и грош тому цена, кто, созерцая время, только и видел что коробочку в прямой перспективе, как, например, Паоло Маркович Учелло видел пространство, и достоин ли Кант того, чтобы жители его родного Кёнигсберга по времени его прогулок сверяли часы. Это, конечно, было лучшим памятником философу, но ведь время *не сохранило* его. Не стало старого профессора – не стало сверки часов, и это также правильно и уныло, как его им же

придуманный категорический императив. А ведь всё именно наоборот – «различные времена» именно могут «существовать вместе», а могут и отдельно, и время живое и непредсказуемое, оно может расползаться, съезжаться и разъезжаться, и вообще вести себя так, как ему удобно. А всё почему? Да потому что время у всех разное.

Поняв, что интеллектуальной подзарядки перед сном он так и не получит, наш герой решил повернуть дело другим боком, а именно перекусить. Надо ли говорить, что запоздалый ужин, как и завтрак, как и обед, был чрезвычайно скромным! Вначале он приступил к горячей ароматной ухе, в янтарной прозрачности которой томился толстый ломоть красной рыбы кеты, хотя после варки кусок был уже не красным, а белым, с ярко выраженной структурой волокна. Надо заметить, что именно так называемую красную рыбу он любил больше других – и форель, и сёмгу, и нерку, и горбушу, не говоря уже о царе лососе. «Грех такую ушицу помимо водки потреблять», ностальгически подумал он, и это была суровая русская правда, так как именно водка лучше всего расщепляла и нейтрализовывала тяжёлые молекулы рыбьего жира, а также очищала рецепторы стенок желудка, повышая аппетит и тонус всего организма.

Хоть толкуют караибы[260],
что индейский лучше айт[261],
для меня кусочек рыбы,
как другому – порносайт!

[260] Группа индейских народов в Южной Америке – прим. этнограф. редактора
[261] Мусульманский праздник жертвоприношения – прим. сакс. редактора

После знатной ушицы Кулемзин немного побаловал себя скромным десертом: вначале венгерским варгабелешем, или творожной запеканкой с рисовой лапшой, потом крокетами со сливами, а завершил пирожным «Риго Янчи[262]», которому научила его ещё в далёкой молодости одна красивая молодая цыганка.

[262] Янчи Риго – известный цыган-скрипач, ради которого дочь одного американского мил-лионера оставила своего первого мужа, бельгийского герцога Шимэ – прим. автора

Затем он прилёг, долго ворочался, но так уснуть и не смог. Внезапно он понял, каким путём можно добиться улучшения жизни на данный исторический момент. «Почитать на ночь сказку – вот в чем тригонометрия!», решил писатель, но тут вспомнил, что сказок в его доме отродясь не водилось, кроме тех нескольких сотен, которые ему время от времени надиктовывал неутомимый муз Вася Курочкин – из цикла «Сказки III миллениума» Тогда он включил компьютер и разыскал в интернете сайт bayushki.ru. Тут же нашёлся и подходящий автор – некий Алексей Толстой. Альбионыч был закалён жизнью, но даже его привели в трепет цитаты из детской сказочки: «…туловище рассёк на части и скинул в реку…»; «…и давай рубить – только кровь брызжет…»; «…Баба-Яга язык просунула, а Иван Коровий сын ухватил её калёными щипцами за язык, а братья в это время давай бить её железными прутьями, да так и пробили шкуру до костей…»

Писатель поёжился, поняв, что в эту ночь ему уже не уснуть, и подумал о том, что всё-таки мы охренеть какой добрый народ. И сказки у нас добрые!

Дети с детства твёрдо знают,
что перо всегда хитро:
в наших сказках побеждает
исключительно добро!

Глава 358. ИСТИНЫ, ОТКРЫВАЮЩИЕСЯ НОЧЬЮ

Под потолками квартир, подчиняясь своенравному электрическому потоку, предваряя ночные забавы, вспыхивали лампочки Ильича I, словно по проводам, жужжащим от напряжения, в каждую семью забирался какой-то невидимый тайный враг. Ночью все люди похожи друг на друга – если они спят. Сон успокаивает их лица, выключает лампочки в глазах, переводит на слабое питание мозг. И не надо больше думать о курсе доллара, коварных друзьях и смысле своего ничтожного бытия, ведь завтра наступит новый день, и тогда всё станет ясно. Но кто не спит, тот материализует свою негативную энергию, ведь известно, что все главные преступления совершаются глубокой ночью, и даже поговаривают, что именно в это время суток, как правило, избавляются от трупов. Луна видит всё, но она умеет хранить чужие тайны! Спали саксаульцы, устав от дневной суеты, забывшись после душной возни привычных соитий, и видели сны, и никто не знал, что за них сейчас уже всё решила Сука-судьба. Да и зачем им это было знать?

Ночную тишину разбавлял приободряющий лай собаки в соседнем дворе да тихий скрип переговаривающихся карагачей. Из-за тучки выглядывала жёлтая луна, похожая на большую таблетку фурацилина. Звёзды празднично мерцали на чёрном бархате небосвода.

Я выйду в полночь и нелепым жестом
потрогаю чуть белые виски,
дивясь красотам и несовершенствам
судьбы, созвездий и пустой листвы…

Настала ночь – одно из самых любимых времени суток нашего героя, не считая утра, дня и вечера. «Was schpricht die tiefe Mittelnacht[263]?», как говорил небезызвестный уже читателю титан Фридрих Карлович Ницше.

[263] *«Что скажет глубокая полночь?» – нем.*

Кулемзин стоял перед кухонным окном и задумчиво смотрел на место только что отгремевшей дневной битвы. Чёрный квадрат окна, искусительный чёрный квадрат нашей жизни, бездонная дыра, куда уходит наша жизнь, в которой не разглядеть ни одного человека – величины столь малой для бездонной Вселенной.

Вокруг Бермудского Учпучмака чернели в ночи глухонемые кусты, тишина стояла, как в детском саду после обеда. Сам Великий Треугольник словно вымер, как будто здесь несколько минут назад бросили нейтронную бомбу. Всё было нетронутым: покерный столик и другой столик – старушечий, бессильно свисали бельевые верёвки, лишь люди пропали, а сюда сейчас не доносился даже шум проезжающего по улице Жубанова редкого ночного автотранспорта. Не осталось ничего живого на пространстве Бермудского Учпучмака, и только пялилась из травы глазками-пуговичками забытая талгатовскими дочками кукла Сауле – пресловутое изделие № 12.

На опустевшем покерном столике мирно покоился ворох разбитых иллюзий. Неслышно стоял притихший в знойной ночи бойкий магазинчик Калимы. Впрочем, как и многое в ночное время, это тоже было обманом – он, конечно же, по законам нового коммерческого времени был открыт, но не распахнут гостеприимно, как это было днём, а встречал редких гостей небольшой амбразурой, которую раньше можно было увидеть на плакатах «Они защищали Родину» Но если на плакатах было ясно видно, что в такую щель можно просунуть ну разве что ствол армейского пулемёта, то в амбразурку ночного магазинчика проходили только бутылка какого-нибудь

весёлого напитка да пачка сигарет. Володя смотрел на магазинчик и думал о том, сколько же томящихся душ спасли эти светящиеся притихшим светом прилавки, сколько пожаров в груди они погасили своим обманчивым неоном. О, амбразура мирной жизни, маленькая буратиновая дверца, приглашающая в мир веселья и радости!

Уж давно не видно солнца –
знать, пришёл ему конец:
через тусклое оконце
дарит радость продавец!

Некоторое время перед глазами нашего героя ещё вставали какие-то обрывки прошедшего дня, но постепенно границы зрения начали сужаться, а резкость восприятия мира падать, словно невидимый *дедушка*-фотограф плавно и неторопливо прикручивал диафрагму сегодняшнего бытия. Разум Володи постепенно окутывался сном, мысли скользили, словно сытые утки по водной глади, не оставляя за собой следа. И лишь одна из них гадким утёнком шевелилась где-то в дальнем уголке сознания, не позволяя окончательно забыться. Писатель созерцал через окно грустную лунную тропинку, проложенную через мрачное саксаульское небо, и слушал, как в нём начинают зарождаться новые идеи. Так счастливая роженица прислушивается в себе к толчкам новой жизни. Хотя, впрочем, до реализации новых идей было ещё далеко – как минимум шесть часов, когда новый рассвет начнёт новый день, и новые строки уже второго тома «Русской кочерги» запрыгают, корябая своими буковками твои внимательные очи, мой читатель.

В небе, равнодушно прощаясь, прятались за тучи мерцающие звёзды и другие блёклые тела невыразительной солнечной системы. И только какая-то нервная птаха мучилась бессонницей, выводя что-то вроде *цвирк-цвирк-пью-пью.* «Пей-пей», мысленно поощрил её Альбионыч. Верхний ветерок с трогательной заботой накинул покрывало облаков на старенькую луну. Половинка луны неподвижно стояла в небе, но стоило ненадолго закрыть глаза, как оказывалось, что она уже переползла на несколько сантиметров, – оставаясь при этом всё в той же координатной плоскости оконного переплёта. Луна жила и двигалась, но её движение не могло открыть ничего нового, потому что она катилась по раз и навсегда заведённому кругу, словно человеческая жизнь.

Володя смотрел на неё и думал о том, что люди стараются жить так, словно всё давно и окончательно известно, и уже не сто́ит ни о чём задумываться, а между тем несколько самых важных вопросов так и остаются открытыми, и всякий раз, как хочешь решить для себя какую-нибудь пустяковину, непременно на них натыкаешься. За окном была ночь, и всё иначе, чем днём.

О, Учпучмак! Бермудский край ночной!
О, существа, заснувшие надолго!
О, вспыхнувший над самой головой
мгновенный пламень звёздного осколка…

Перед сном, зная нелюбовь своего марсианского организма ко временному успокоению, Володя провёл короткую медитацию. «Задаю программу», звучало в его голове, «полное избавление от нуртаизма-иблисизма. Ликвидация нанесённых моему сознанию повреждений. Срок исполнения – шесть часов. Состояние во время исполнения программы – сон…»

Глава 359. СНЫ В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Вот и заканчивается трудный день, а вместе с ним и первый том нашего правдивого повествования. Спят сладким сном почти наши герои, а для тех, кто заснуть пока не может, автор специально приготовил вот такую весёлую колыбельную:

Спит убитая лисичка,
спит задушенная птичка,
обезглавленный хомяк,
посмотри-ка, как обмяк.
Утонув в зловонной жиже,
спят в аквариуме мыши,
а на высохшем полу
рыбки кучкой спят в углу.
Спят в пробирке эмбрионы,
спят в гробницах фараоны,
и в уютном мавзолее
Ленин спит, блаженно млея.
Сторож спит с ножом в спине,
спят пожарные в огне,
и, придавленный бревном,
спит строитель мёртвым сном.
Парашют с собой не взяв,
спит десантник на камнях,
ошибившись только раз,
спят сапёры в этот час.
Газ забыв закрыть, соседи
спят вповалку на паркете,
в паутине дремлют мушки…
Спи, а то прибью подушкой!
Баю-баюшки-баю,
не ложися на краю –
придёт серенький волчок
и укусит за бочок,
разгрызёт тебе он почки
на мельчайшие кусочки,
съест мозги, кишки, желудок,
ненасытнейший ублюдок,
перекусит позвоночник
мерзкий, гадкий полуночник,
будет долго он жевать,
а потом пойдет блевать!
Спи, малыш мой, баю-бай –
эту песню вспоминай…

Ну вот, теперь, кажется, все заснули. Помните, что мы оставили нашего друга Серёжу Полтавцева, прислонённого горячей хмельной головой к холодной батарее отопления, какие бывают только летом? А вот и нет, уже ненадолго проснулся он и в бессознательном состоянии добрался до своего знаменитого нераскладывающегося дивана. «А, может быть, именно я своей духовной красотой спасу мир?», неожиданно «подумал» он, после чего заснул сном младенца-дебила. Спал сторож зимой и летом под одним и тем же сиротским одеялком мышиного цвета. В неверном отблеске уличных фонарей всё это напоминало большой мешок картошки, упавший на бок.

Но вот перевернулся он на спину, и тут же захрапел, как газонокосилка на холостом ходу, причём, так мощно, что соседи сочли это повторением молдавского землетрясения 1972 года, после чего начали мучиться вопросом: выносить телевизоры и жён или подождать?

Отходил ко сну и сосед Полтавцева по лестничной клетке. Перед сном Курманбаев достал из заветного места сумочку из тонкой тиснёной кожи, отделанной бисером и перевязанной тесёмкой. Развязав тесьму, педагог перевернул на ладонь мешочек и вытряхнул из него какую-то тонкую красную книжечку. Это была его главная ценность в жизни – партийный билет за номером 12230997 с профилем Ильича I на обложке, фотографией самогó Нуртая внутри и отметками о членских взносах. Несколько секунд полюбовавшись дизайнерским, то есть чрезмерно гордым профилем вождя, он совершил обратную операцию, спрятал мешочек и приготовился ко сну.

Силой внутренних инерций
вместе с партией воскрес:
партбилет мне греет сердце,
мать моя КПСС!

Нуртай разделся и, юркнув в постель, натянул на голову *кюкюф*. Современный читатель, разумеется, не знает этого старого французского слова, которое означает всего лишь старомодный лечебный колпак, начинённый для приятного сна сухими травками и благовониями. Такой, если помните, можно было увидеть в старом советском (б) фильме «Вождь краснокожих» у старика-подагрика, который в своём доме застал грабителя Юрия Никулина.

– Ленинское учение непобедимо, потому что оно верно… – прошептал педагог и заснул счастливым сном евнуха, даже во сне спеша к своим богатеньким ученикам, которые, конечно, за время лета заждались его, измаялись и уж не знали, наверное, что и думать. Снилось ему и огромное здание ЦК КПСС (б) в Москве. Правда, прямо перед ним почему-то высились гигантские статуи Рабочего и Колхозницы – куда большей величины, чем их натуральные 28 метров. И в руках они, в отличие от себя же мухинских, держали не серп и молот, а колоду новеньких покерных карт, на обложке которой были написаны грозные слова «Ответный удар» «В ответ – на что?», во сне подумал Курманбаев и застонал, – как видно, под бременем своих грехов тяжких.

Неважно спал и прапорщик Батыршин. Да что там говорить, совсем плохо почивал, хотя, как и его друг Полтавцев, сумел во сне переползти с бетонного балкона на деревянный пол – под супружескую кровать. Снился ему ужасный сон о том, что утром с ужасного похмелья предстояло выполнять все действия, положенные по уставу вооружённых сил по команде «Пожар в караульном помещении», то есть рубить топором, тащить багром, посыпать песком и заливать водой. Но, как и часто бывает во снах, прежние действия вдруг стали неактуальными, потому что потолок в караульном помещении неожиданно открылся, обнажив чёрно-синюю, ужасную своей бесконечностью бездну, полную звёзд и каких-то странных пролетающих предметов. Вдруг и сам он, старший прапорщик Батыршин, полетел с такой неисчислимой скоростью, что даже во сне Талгат понял, что пора просыпаться, а то ведь и свихнуться недолго! Проснулся он ровно на 36 секунд, но и этого хватило, чтобы перебросить своё уставшее тело на супружеское ложе – под горячий бок его любимой супруги Аиды Яковлевны. Кровать нежно приняла военного, приютила, и он словно слился с ней в одно целое. В комнате стояла полная тишина, звуки с улицы доносились непрерывным низким гулом, который отчасти успокаивал. Ещё через несколько секунд ор-

газмоподобные храпы-всхлипы начали сотрясать жаркий ночной воздух, широко раздвигая представления о возможностях человека.

Сон – тяжёлой жизни слепок,
если ты сроднился с ней:
сон военного некрепок –
бдит он даже и во сне!

Глава 360. СНЫ В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ (окончание)

А что же Кулемзин? Надо заметить, что он не любил дневную жизнь, пронизанную маскирующими лица красками, фальшивыми запахами долгих женских духов и утренних мужских одеколонов, истерическими возгласами людей, пытающихся стать, как говорят глупые американцы, успешными. Днем всё ложь, и только ночью наступает время истины, время настоящих, а не поддельных, лиц, время не искажённых причёсками волос, время природных запахов, присущих телам, деревьям, траве, снегу. Ночь – это время снов, которые обнажают сущность спрятанного в нашем подсознании, и безжалостно вытаскивают наружу то, от чего человек пытается спрятаться и защититься днём.

Сон упал на него, как египетская пирамида, и под многотонной тяжестью, которая не позволяла двинуть рукой или ногой, он уснул, точно умер. Даже во сне ни говорить, ни думать не хотелось – казалось, наступила та самая бесконечность, что обозначается в математике пьяной в дупель и лежащей трупом восьмёркой. Скорость и время слились воедино, и тело казалось длиною в несколько тысяч световых лет. Одна часть его была на Земле, а другая… ну, может, на Орионе или в созвездии Стрельца, не говоря уже о родном Марсе. Это было восхитительное чувство: атомы и молекулы тела пронизывали векá и пространство, чёрные космические дыры были глазами, таящими мудрость тысячелетий, волосы шевелил солнечный ветер, а та субстанция, которую глупые люди называет душой, заполняла всю Вселенную. В отличие от остальных главных героев нашего романа, кошмары Володю не мучили, если не считать навязчивого сна, в котором он беспрестанно пил холодный «Тянь-Шань» и всё никак не мог напиться.

Как доволен я, что спящий –
в превосходстве мировом:
ведь во сне мне пиво слаще
даже больше, чем живьём!

Затем сон его переместился в какую-то мрачную комнату, в которой на гладких стенах в строгой симметрии висели несколько картин. Правда, приглядевшись, писатель понял, что это один и тот же сюжет какого-то неизвестного ему полотна, похоже, на библейский сюжет: Иисус, придавленный тяжестью римского креста, опустился одним коленом на мощёную мостовую, где из-под своего окровавленного локтя равнодушно взирал на человека, который замахнулся на него плетью. На тёмной лиловой раме картины тускло отливала медью табличка с короткой надписью:

ЭТО ЖИЗНЬ

Потом ему неожиданно приснилось продолжение сна своего антипода Курманбаева: стоит он опять-таки на ВДНХ (б) в Москве возле известной скульптуры

Мухиной «Рабочий и Колхозница». За серебристой вуалью сна могучая композиция выглядела весьма внушительно – Рабочий, взметнув молот, делал шаг в будущее, а Колхозница, видимо, идейно близкая к нему, поддерживала этот порыв своим серпом. «Почему же, почему не получилось задуманного марш-броска в светлый коммунизм?», подумал во сне писатель. «Может, не додумали чего вожди-атаманы, может, погорячились объявить счастье для всего человечества?» Затем он ненадолго проснулся и конец мысли додумывал уже в реальности: «Так и остался этот порыв одним-единственным, да и то не сделанным шагом. Не дошагали до светлого будущего персонажи советского (б) скульптора, а время-то шло, и наконец дошло до нас. Колхозница, надо понимать, сегодня превратилась в фермершу – какой ещё профессиональный рост мог быть с её социалистическим серпиком! А Рабочий со своими накачанными мускулами и молотом подался, скорее всего, в рэкетиры. Да и могли ли они дойти куда-нибудь, ведь сто́ит только представить, как оба железных мастодонта сделают из этой позиции второй шаг, как тут же повалятся друг на друга, запутавшись в собственных ногах и калеча друг друга устаревшими средствами производства…»

Тяжёлым сном непризнанного гения спал в эту ночь и Муравлёв. Он был благодарен Володе за вручённый ему стольник – именно сто назарбаксов стоил проезд из второго микрорайона к его дому на такси. Снился Валере чёрный квадрат – почти такой же, как у святого Малевича, но почему-то мраморный и за чугунной оградкой. И хотя на нём, как и на великом «Чёрном квадрате», ничего нельзя было прочесть, художник знал, знал, что́ там может быть написано. Остаток ночи он бредил, мечась по кровати, как заболевший ангиной ребенок.

Долго не могла заснуть в ту ночь и его жена Наташа. Она ворочалась, потом ненадолго вставала что-нибудь перекусить на кухне, думая горькую думу: «Нет, права всё же была мама! Не любит он меня: и смотрит без ласки, и нет ко мне никакого понимания, и вообще ему нужна не жена, а домработница» Она съела ещё кусочек колбаски граммов на триста и привычно подумала: «Как можно быть таким жестоким к человеку, ближе которого у тебя нет на свете?!», после чего опять заснула.

Каждый вроде адекватен,
каждый вроде бы толков,
почему ж тогда кровати
наши очень далеко?!

Крепко спал в эту ночь и ещё один антигерой нашего романа – это был Глав-Бух, который заснул в обнимку с открытой бутылочкой дешёвого саксаульского портвейна на груди. Крепко держа *родное* правой рукой, левой он умудрился натянуть на себя некое подобие простынки грязно-серого цвета. Через какое-то время в центре простынки из-за разлившегося напитка образовалось красное пятно, после чего старая ткань стала похожей на японский флаг, а видневшиеся под полотнищем очертания человеческого тела наводили на мысли об укрытом знаменем самурае. Спал он, к сожалению, не у себя во втором подъезде, а буквально через стенку от Володиного жилища – в квартире Галлюцинации, поэтому раньше Кулемзин и представить себе не мог, что один человек может легко заменить собой соборный орга́н. В самом деле, храп этот был не хаотичным, в нём прослеживалась какая-то мелодия, незатейливая и воинственная, как пляски пьяных циклопов. Храп Глав-Буха невольно заставлял вспоминать пресловутую иерихонскую трубу, убивавшую перегаром всё живое в радиусе малогабаритной квартиры.

Мирно почивал в эту ночь и подлец омуртай. Спал он на спине, укрывшись пледом, и сложив руки на груди, отчего был ужасающе похож на покойника. Его ли-

цо и без того было сухим, а во сне все черты заострялись, крючковатый нос казался ещё более громоздким, щёки западали, бледнела кожа, ресницы не вздрагивали, и грудь почти не вздымалась.

Зная тайные тропы в магистральные подземелья теплоцентралей, чертежи которых наивные саксаульские чиновники из Отцеябловского горэнерго хранили под грифом «Совершенно секретно», давно пробрались на привычную лёжку друзья-клошары Танкист и Одиссей. Им спалось особенно хорошо, потому что перед сном не удалось сосчитать, сколько же бутылочек пива и *соточек* беленькой им сегодня перепало от их благодетеля Кулемзина. Одиссей был немного пьянее своего товарища – по причине более скромной дневной закуски, и потому, видимо, перепутав Танкиста с благодарным слушателем *на воле*, перед сном исполнил ему песню:

– Нас отправляли простыми вагонами
в угол медвежий страны родной:
окна в решётках, и с блеском погонами
сопровождающий нас конвой…

Глава 361, ОЧЕНЬ КОРОТКАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ В ЭТОМ ТОМЕ

И всё-таки было что-то в уходящем дне незавершённое, была какая-то невысказанная мысль, которая посреди ночи и разбудила Альбионыча. «Мироздание и я», просто подумал Володя. Он схватил телефон, впотьмах набрал заветный номер и, услышав хриплое алёканье, произнёс в космос мембраны:

– Яйчики-бабайчики, Серёжа, вот мы и постарели на один день.

– Мать честна́я, да разве это повод меньше любить Вселенную? – ответил Полтавцев, не удивившись ночному звонку, и в свою очередь спросил:

– Вот ты, Володя, умный, скажи: в чём смысл жизни?

– Прекрасный вопрос, старичок, – ответил писатель. – Неужели ты хочешь поменять его на мой сомнительный ответ?

Сторож немного помолчал, а потом сказал предпоследнюю фразу в первом томе нашего правдивого повествования:

– Ничто так не похоже на идентичное, как то, что подобно тому же самому…

– Не могу не согласиться, – печально улыбнулся Кулемзин. – А как ты думаешь, Серёжа, что нас ждёт завтра?

На что в ответ получил фразу уже последнюю:

– Я думаю, что у нас ещё всё спе́реди…

Мой рассказ уже закончен,
пусть он вышел и не очень,
только знают все поэты
тихой ночи волшебство.
Для чего же повесть эту
рассказал, дурак, я свету?
Оттого лишь, что на свете
нет смешнее ничего…

Конец третьей части
Конец первого тома

2003-2016